

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степи европейской части СССР
в скифо-сарматское время

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

Б. А. РЫБАКОВА

Редколлегия

Академик **Б. А. РЫБАКОВ** (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

В. А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора)

П. И. ГАЙДУКОВ (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ● «НАУКА» ● МОСКВА 1989

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время

Ответственный редактор тома
доктор исторических наук
А. И. МЕЛЮКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ● «НАУКА» ● МОСКВА 1989

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

- * ПАЛЕОЛИТ СССР 1984
- МЕЗОЛИТ СССР
- НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
- * ЭНЕОЛИТ СССР 1983
- ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
- ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР 1987
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ 1985
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 1984
- СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
- СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО 1985
- ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
- * ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1987
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1981
- КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой помечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

В томе собраны археологические материалы, освещающие жизнь ранних кочевников и их ближайших соседей, населявших степи и лесостепи Восточной Европы в VIII в. до н. э.—III в. н. э. Основное внимание в книге уделено скифам и сарматам, сыгравшим наиболее значительную роль в истории народов нашей страны в раннем железном веке. На основании археологических и античных письменных источников даны характеристика быта, хозяйственной деятельности, общественного строя различных групп племен, представлено современное состояние проблем скифской и сарматской археологии, среди которых еще много дискуссионных.

Авторы тома:

М. П. АБРАМОВА
С. С. БЕССОНОВА
О. Д. ДАШЕВСКАЯ
В. В. ДВОРНИЧЕНКО
И. С. КАМЕНЕЦКИЙ
В. И. КОЗЕНКОВА
В. А. КОРЕНЯКО
Х. И. КРИС
Т. М. КУЗНЕЦОВА
В. И. МАРКОВИЧ
А. И. МЕЛЮКОВА
Т. В. МИРОШИНА
М. Г. МОШКОВА
В. Г. ПЕТРЕНКО
К. Ф. СМЕРНОВ

Введение

На смену бронзовому веку пришел век железный. «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. с. 163).

Хотя отдельные поделки из железа появились на большей части Европы еще во II тысячелетии до н. э., решительный переход к производству орудий труда и оружия из этого металла начинается лишь в конце IX — начале VIII в. до н. э. Однако вплоть до середины VII в. до н. э. железные изделия употреблялись наряду с бронзовыми, поэтому археологи часто считают VIII — первую половину VII в. до н. э. переходным периодом от бронзового века к железному. Поскольку понятие «железный век» применимо и к современности, в исторической периодизации выделяется ранний железный век, который охватывает время от начала широкого употребления железа до эпохи раннего средневековья, т. е. до IV в. н. э. включительно.

Наступление железного века совпало с переходом пастушеских, скотоводческо-земледельческих племен, обитавших в степях Евразии от Монголии на востоке до Дуная на западе, к кочевому и полукочевому скотоводческому хозяйству и соответственно к кочевому и полукочевому образу жизни. Указанный процесс начался еще в эпоху бронзы, но окончательная ломка старого жизненного уклада произошла лишь в VIII в. до н. э. Специалисты считают, что в большой степени этому способствовало не только внутреннее развитие населения степей, но и усыхание степи вследствие постепенного изменения климата.

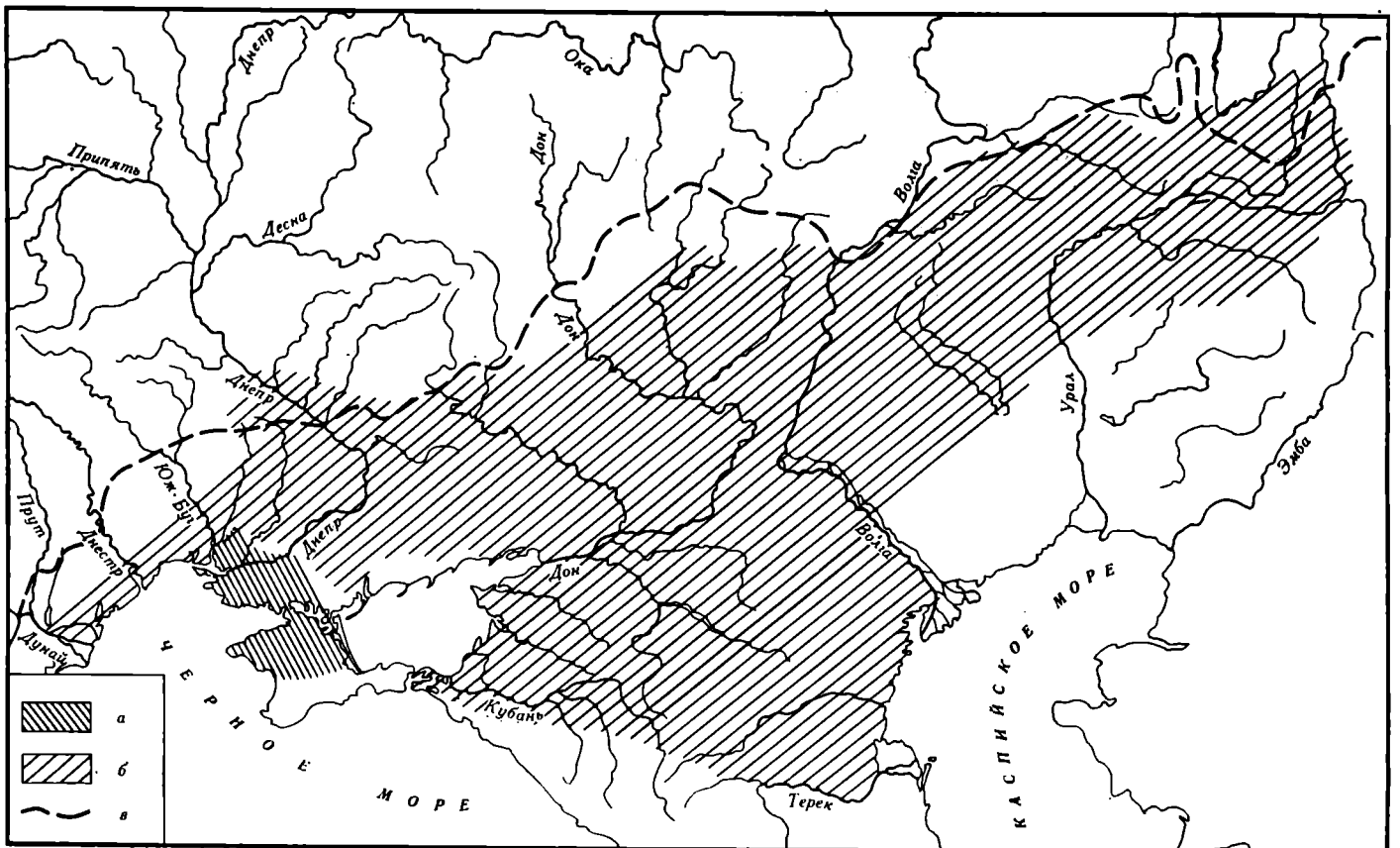
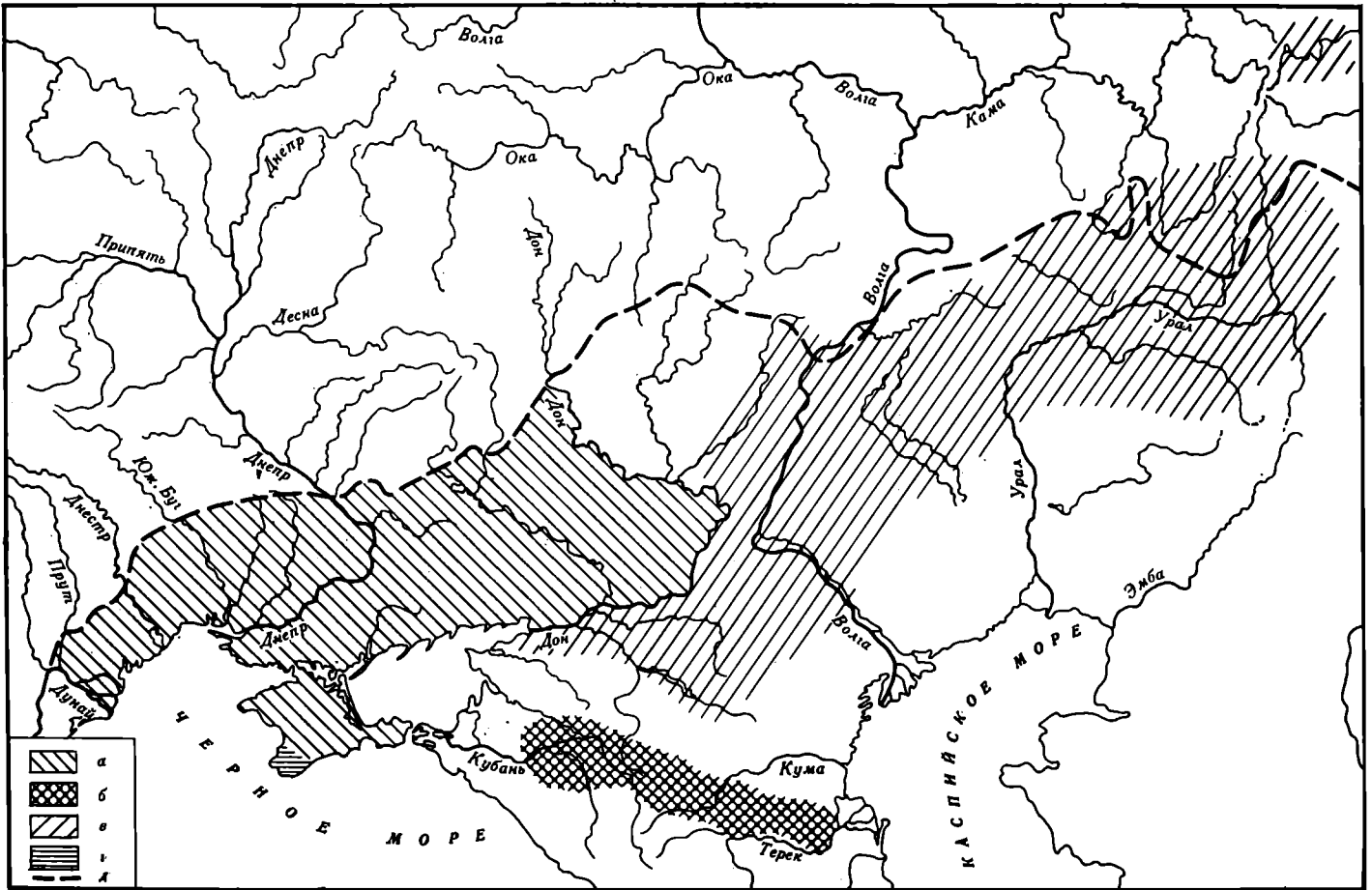
Переход к кочевому скотоводству стал возможен лишь после освоения лошади для верховой езды во второй половине II тысячелетия до н. э. Комплексное земледельческо-пастушеское хозяйство аридной зоны в силу ограниченных возможностей получения прибавочного продукта, а также в результате каких-то экологических сдвигов в начале I тысячелетия до н. э. не могло уже удовлетворить потребностей возрастающего населения. Поэтому на степных просторах единственным средством его существования становилось интенсивное кочевое скотоводство,

переход к которому следует рассматривать как явление прогрессивное. Он давал возможность максимально использовать природные ресурсы степей, что приводило к росту производительности труда, созданию благоприятных условий для получения прибавочного продукта, развитию обмена. Это в свою очередь способствовало углублению имущественной и социальной дифференциации внутри родо-племенных коллективов, появлению предпосылок образования ранних классовых обществ и государственности.

С переходом к кочевому скотоводству и образу жизни резко изменился облик степей. Исчезли многочисленные поселки, наземные и углубленные в землю жилища, в которых обитали пастушеские племена бронзового века. Жизнь теперь проходила в повозках, в постоянном движении людей вместе со стадами от одного пастбища к другому. Большая подвижность кочевых племен, постоянные поиски лучших пастбищ приводили к частым военным столкновениям кочевников. В этой ситуации образовывались более или менее крупные союзы племен, способные защитить себя, свои стада и пастбища. В эти союзы, помимо наиболее сильного и господствующего племени, входили подчиненные, находившиеся в разной степени зависимости от него. В качестве подчиненных могли включаться в союзы не только кочевые, но и соседние земледельческие племена, снабжавшие кочевников продуктами земледелия и местного производства.

Народы Евразии, находившиеся на стадии разложения первобытнообщинного строя, еще не выработали письменности, поэтому не оставили о себе никаких письменных свидетельств. Но из античной письменной традиции нам известны названия ряда племен и народов, обитавших в раннем железном веке в евразийских степях и прилегающей к ним лесостепи, а также отдельные сведения по географии, этнографии, истории некоторых из них. Наибольшее число сведений древние авторы сообщают о скифах и сарматах, живших в степях Восточной Европы. Первые из них вышли на арену мировой истории еще в 70-х годах VII в. до н. э., а вторые известны под именем «савроматы» с конца VI в. до

ВВЕДЕНИЕ

н. э., но стали основной действующей силой лишь в конце III — начале II в. до н. э. и особенно в I—IV вв. н. э. В связи с этим в исторической науке период между VII и III вв. до н. э. принято называть скифским, а с конца III в. до н. э. до IV в. н. э. — сарматским. Время, соответствующее началу железного века, обычно называют предскифским, или киммерийским, — по имени народа, господствовавшего в степях Северного Причерноморья до скифов.

Существует и другой взгляд на периодизацию культур Евразии раннего железного века, высказанный более 20 лет назад А. А. Иессеном, а в наши дни развитый М. П. Грязновым. Названные исследователи не выделяют предскифский период, а предлагают начинать скифскую эпоху с VIII в. до н. э., т. е. со времени распространения в степях Евразии ярко выраженных кочевнических археологических комплексов (Грязнов М. П., 1980). Однако для археологических памятников, оставленных собственно скифскими племенами, жившими в степях Северного Причерноморья, и их ближайшими соседями в лесостепи и на Северном Кавказе, такая периодизация не привилась. Причина заключается в том, что ведущие формы предметов скифской культуры сложились лишь в VII в. до н. э., а те, которые существовали ранее, составляют своеобразную группу вещей, характерных именно для предскифского периода.

Одинаковый уровень развития и образ жизни, этническое родство, тесные экономические и культурные контакты, как мирные, так и военные, между кочевыми народами, населявшими евразийские степи, способствовали созданию более или менее близких культур. Передовые формы вооружения и конской упряжи столь быстро распространялись в различных районах кочевого мира, что часто бывает трудно определить, где именно находился источник их возникновения. Более того, эти формы быстро усваивали и производили в своих мастерских оседлые племена, не ходившие в тесных экономических связях с кочевниками. Они проникли и к народам, подвергавшимся военным набегам кочевых орд. В ре-

зультате начиная с киммерийской эпохи формы вооружения и конского снаряжения, характерные для кочевников евразийских степей, широко употреблялись у оседлых земледельческих племен лесостепи Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Они проникли к народам Средней и отчасти Западной Европы, а также на Балканский полуостров — к фракийцам и иллирийцам.

В скифскую эпоху, кроме вооружения и конского убора, широко распространилось своеобразное искусство, получившее название «скифо-сибирский звериный стиль».

При общем единообразии культура каждой из групп кочевых племен имела свои достаточно ярко выраженные особенности, во многом зависевшие от исторического прошлого, местных условий, разных для каждой группы, внешних контактов и влияний.

Основное содержание тома составляет история формирования и развития материальной и духовной культуры двух наиболее значительных этнических общностей степей Восточной Европы — скифской и савромато-сарматской. В VII—III вв. до н. э. первая из них занимала степи Северного Причерноморья от Дуная до Дона, а вторая располагалась к востоку от Дона, в степях нижнего Поволжья и южного Приуралья (карта 1). В конце III—II в. до н. э. территория обитания скифов резко сократилась до размеров степного Крыма и низовий Днепра и Южного Буга, а сарматы заняли весь степной район Северного Причерноморья, проникали в лесостепь, на Кавказ, а также в Центральную Европу (карта 2). Такое положение сохранялось до IV в. н. э., когда нахлынувшие с востока гунны смели с лица земли жившие здесь племена.

Хотя южное Приуралье географически относится к азиатской части континента, историю населения этой области и его культуру нельзя оторвать от савромато-сарматских племен европейской части СССР. Поэтому археологические памятники южного Приуралья целесообразно рассматривать в данной публикации, а не в томе, посвященном археологическим культурам народов азиатских степей.

Включение в настоящий том характеристик культур оседлых земледельческо-скотоводческих племен лесостепи Восточной Европы и Кавказа объясняется тем, что эти племена находились в непосредственном взаимодействии с кочевым миром и восприняли от них многие элементы их культуры. Кроме того, в томе получили отражение археологические памятники предшественников скифов в Северном Причерноморье — киммерийцев и их ближайших соседей в лесостепи, а также предшественников савроматов

Карта 1. Арсалы скифских и сарматских степных культур в VII—III вв. до н. э.

a — скифские племена; *b* — скифские племена Северного Кавказа в VII—VI вв. до н. э.; *c* — сарматские племена; *d* — тавры; *e* — граница степи и лесостепи

Карта 2. Арсалы скифских и сарматских культур III в. до н. э.— III в. н. э.

a — скифы; *b* — сарматы; *c* — граница степи и лесостепи

Волго-Донского междуречья, т. е. культуры племен Восточной Европы начала эпохи железа — VIII—VII вв. до н. э. Из этих хронологических рамок несколько выпадает лишь кобанская культура предгорных и горных районов Кавказа, которая оформилась еще в эпоху поздней бронзы и непрерывно развивалась до сарматского времени, постоянно испытывая влияние кочевников. Она вошла в настоящий том целиком, поскольку период поздней бронзы в ней трудно отделить от следующего — предскифского, или киммерийского.

И скифы, и савромато-сарматы судя по дошедшим до нас остаткам их языка принадлежали к одной восточноиранской языковой группе, что наряду с данными античной письменной традиции позволяет говорить об их этническом родстве. Однако формирование тех и других племен происходило по-разному, разными были и условия, в которых происходили процессы их развития. Поэтому при описании археологических материалов в настоящем томе мы сочетали

хронологическое членение их с территориальным.

В написании тома принимали участие главным образом сотрудники Института археологии АН СССР. Лишь раздел о скифской религии написан С. С. Бессоновой — сотрудницей ИА АН УССР. Большинство таблиц составлено Т. М. Кузнецовой по материалам, представленным авторами разделов или отдельных параграфов тома. В тексте и таблицах авторы показали состояние полевых археологических исследований на начало 80-х годов нашего столетия и стремились отразить основные точки зрения, существующие в наши дни, на дискуссионные проблемы скифской и сарматской археологии. При этом были учтены все опубликованные материалы, а также то новое, что пока еще не получило полного отражения в печати. Мы приносим глубокую благодарность всем археологам Украины, Молдавии, Северного Кавказа, познакомившим нас с еще не вышедшими в свет исследованиями и материалами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Киммерийцы, скифы и их соседи в степи и лесостепи Восточной Европы

Глава первая

Предскифский (киммерийский) период
в степи и лесостепи Восточной Европы

Глава вторая

Скифы и нескифские племена
степи и лесостепи Восточной Европы
в VII— III вв. до н. э.

Глава третья

Поздние скифы
(III в. до н. э.— III в. н. э.)

Глава первая

Предскифский (киммерийский) период в степи и лесостепи Восточной Европы

Предскифский период в степях Северного Причерноморья

По данным античной письменной традиции киммерийцы были древнейшими обитателями северопричерноморских степей среди племен, имя которых известно. Этот воинственный народ, знакомый грекам со времен Гомера, неоднократно упоминаемый в ассирийских клинописных текстах, обитал в степной зоне Северного Причерноморья вплоть до начала VII в. до н. э., когда он был отчасти вытеснен, отчасти ассимилирован скифами. После этого события киммерийцы уже неизвестны здесь, но память об их пребывании в Северном Причерноморье надолго сохранилась в названиях местностей и поселений, особенно в восточном Крыму (Геродот, IV, 11, 12; Страбон, VII, 4, 3; XI, 2, 4, 5).

Несмотря на то, что киммерийская проблема давно привлекает внимание исследователей, в археологической науке все еще не сложилось единого мнения относительно того, какую именно археологическую культуру или отдельные памятники следует считать собственно киммерийскими. Положение осложняется тем, что киммерийцы, возможно, были не единственными обитателями степных просторов Северного Причерноморья. Ряд исследователей, основываясь на отрывочных данных письменных источников и принимая во внимание историческую ситуацию, связанную с ранней историей скифов, полагает, что по крайней мере в IX—VIII вв. до н. э. на этих землях уже появились какие-то скифские кочевые племена (Жебелев С. А., 1953, с. 254—255, и примеч. 4; Граков Б. Н., 1954, с. 11; Яценко И. В., 1959, с. 17). А это значит, что на одной и той же территории археологи могут ожидать наличие как киммерийских, так и древнейших скифских памятников. К такой мысли склоняются сторонники гипотезы раннего появления скифов на землях северного Понта, когда речь идет об археологических памятниках предскифского периода, соответствующего времени киммерийского господства. Существует и другая точка зрения, особенно решительно поддерживавшаяся и развивавшаяся А. И. Тереножкиным (1976), по которой киммерийцы в IX—VII вв. до н. э. были единственными обитателями степей от Дона до Дуная. Соответственно киммерийскими считаются и все археологические памятники этого региона, относящиеся к указанному периоду. Состояние археологических источников все еще таково, что решить этот дискуссионный вопрос сейчас не представляется возможным. Дело в том, что до сих пор мы располагаем лишь небольшим количеством археологических материалов, определенно принадлежащих к интересующей нас

поре. По местам первых ярких открытий памятники предскифского времени получили название камышевахско-черногоровских и типа Новочеркасского клада (Иессен А. А., 1953, с. 49—110). В течение последних 10—15 лет особенно много труда в изучение этих памятников вложили А. И. Тереножкин и А. М. Лесков (Тереножкин А. И., 1965, 1973, 1976; Лесков А. И., 1971, 1981). Расходясь в этнической интерпретации (А. И. Тереножкин считал те и другие киммерийскими, тогда как А. М. Лесков склонен связывать с киммерийцами только камышевахско-черногоровские памятники, а новочеркасские он относит к скифским) памятников предскифской поры, исследователи одинаково связывают их по происхождению с носителями срубной культуры, продвинувшимися из-за Волги в украинские степи еще в середине II тысячелетия до н. э. Соответственно, памятники белозерского типа поздней бронзы в степях Северного Причерноморья, непосредственно предшествовавшие предскифским, они рассматривают как поздний этап развития срубной культуры на этой территории. Есть, однако, и другие мнения относительно белозерских памятников. Так, Э. С. Шарафутдинова (1980, с. 75) и Н. Н. Чередниченко (1979, с. 7) предлагают считать их самостоятельной культурой, тогда как И. Т. Черняков (1975, с. 12—14) и И. Н. Шарафутдинова (1982) относят эти памятники к позднему этапу развития сабатиновской культуры, не связанной по происхождению со срубной. В. В. Отрощенко (1986, с. 116 сл.), признавая белозерские памятники сложившимися на основе срубных, вместе с тем допускает возможность существования самостоятельной белозерской культуры. Пока трудно отдать предпочтение одной из гипотез.

Генетические связи между белозерскими и предскифскими памятниками признают все исследователи. Эти связи хорошо прослеживаются в погребальном ритуале и керамике, некоторых видах оружия. Однако отмечается ряд новых черт, не имевших прототипов в срубной культуре. Массовые раскопки курганов в степях Украины, содержащих огромное количество погребений эпохи бронзы, позволили доказать несостоятельность гипотезы, выдвинутой в свое время М. И. Артамоновым и поддержанной многими археологами, о связи катакомбной культуры с историческими киммерийцами (Артамонов М. И., 1950, с. 43—47; 1973, с. 48, 49; Кругликова И. Т., 1952, с. 117; Попова Т. Б., 1955, с. 177; Смирнов А. П., 1966, с. 34—36). Дело в том, что памятники катакомбной культуры ни в одном из районов степного Причерноморья не выходят за пределы середины II тысячелетия до н. э. В это время их везде сменяют памятники срубной культуры (Тереножкин А. И., 1976, с. 186).

До недавних пор ученые не делали хронологических различий между камышевахско-черногоровскими и новочеркасскими памятниками, относя обе группы к VIII — первой половине VII в. до н. э. Но в последнее время памятники камышевахско-черногоровской группы считаются несколько более ранними, А. И. Тереножкин предлагает датировать их началом IX — серединой VIII в. до н. э., а новочеркасские памятники — второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н. э. (1976, с. 208). А. М. Лесков относит камышевахско-черногоровскую группу ко второй половине VIII — началу VII в. до н. э., а новочеркасскую — к концу VIII — началу последней четверти VII в. до н. э. (1981, с. 99, 100). На мой взгляд, обе предложенные хронологии не опираются пока на необходимую сумму фактов и поэтому не лишены натяжек, особенно абсолютная хронология памятников. В настоящее время можно считать установленным только то, что нижняя граница памятников, о которых идет речь, должна смыкаться с позднейшими памятниками белозерского этапа срубной культуры, а верхняя — со временем появления комплекса типично скифских вещей и скифской культуры. Достаточно твердо доказанной следует считать лишь датировку верхней границы в пределах середины VII в. до н. э., тогда как нижняя граница все еще нуждается в уточнении. Что касается деления на две группы, то теоретически вполне допустимое, оно применимо лишь для тех памятников, в которых содержатся предметы конского снаряжения или оружие, ибо именно они поддаются датировке, тогда как погребения с одними сосудами или безынвентарные отнести к той или другой группе затруднительно. Из-за малочисленности источников сейчас невозможно безоговорочно согласиться с гипотезой А. М. Лескова о киммерийской принадлежности памятников камышевахско-черногоровского типа и скифской — новочеркасской группы. Недавно вывод о принадлежности скифам черногоровско-камышевыхских комплексов оружия и конского убора, а киммерийцам — новочеркасских попыталась обосновать Н. Л. Членова (1984), настаивая на одновременности и датировке только VII в. до н. э. той и другой групп. Однако и ее доводы представляются не более убедительными, чем те, на которых основывается А. М. Лесков.

Памятники предскифской эпохи представлены в степях Северного Причерноморья преимущественно впускными погребениями в более ранних курганах эпохи бронзы. Курганные группы или отдельные курганы с основными погребениями этого времени встречаются очень редко. Например, группа из восьми небольших курганов предскифской поры известна у с. Суворово в Днестровско-Прутском междуречье (Черняков И. Т., 1977, с. 29—36), а отдельные курганы с основными киммерийскими погребениями — у хут. Широанка Снегиревского р-на Николаевской обл. (Тереножкин А. И., 1976, с. 68) и у с. Александровка Днепропетровской обл. (Ромашко В. А., 1978, с. 107; 1980, с. 76—78).

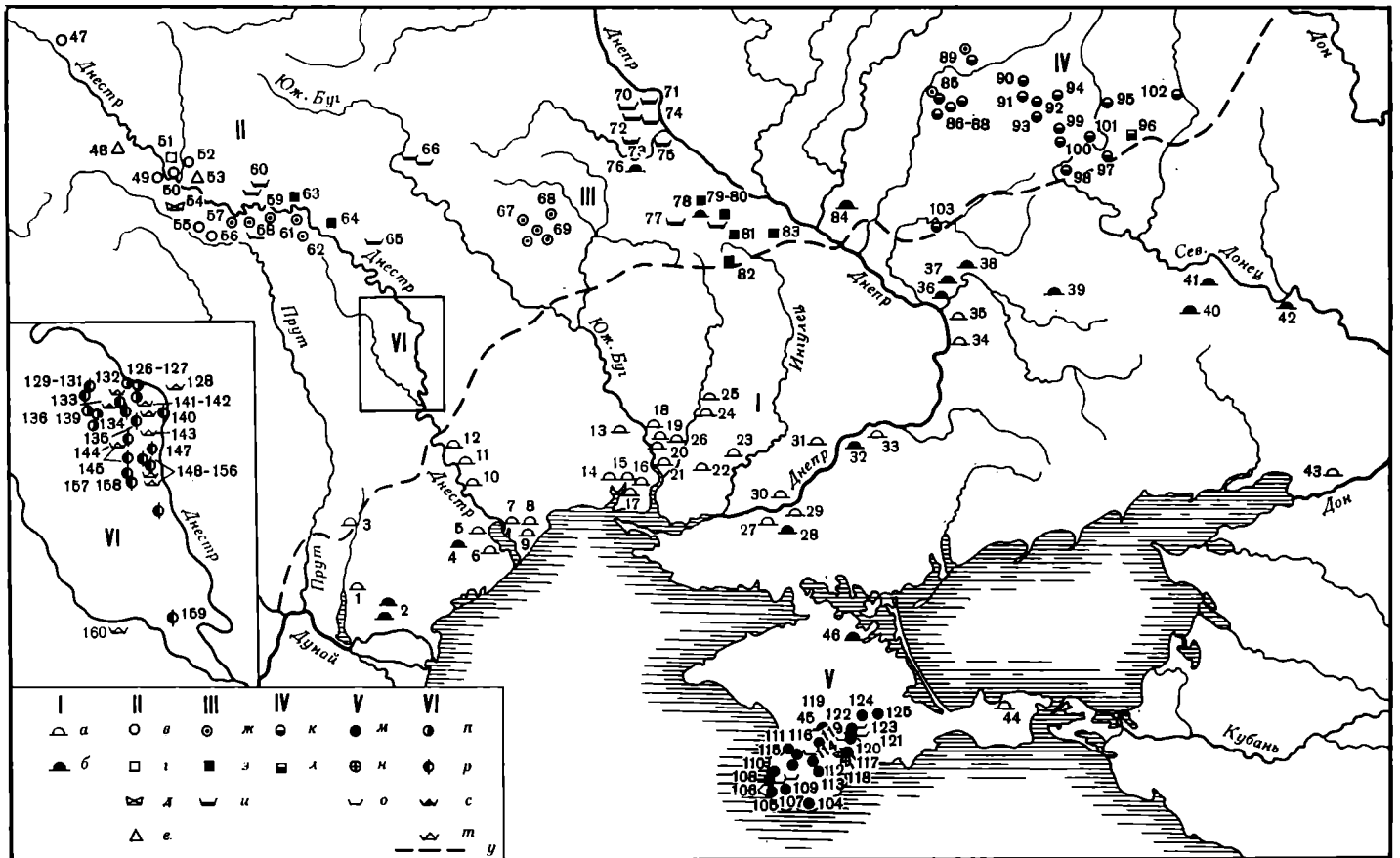
Кроме погребений, к изучаемой эпохе принадлежат клады бронзовых предметов и отдельные случайные находки оружия и конского снаряжения. Поселений нет, и этот факт хорошо согласуется с дан-

ными письменных источников о кочевом образе жизни киммерийцев и древнейших скифов.

В настоящее время в степях Северного Причерноморья известно около 50 погребений предскифской поры (Тереножкин А. И., 1976), но из них лишь немногим более 10 содержат вещи, поддающиеся достаточно точной датировке. Остальные сопровождаются только керамикой, среди которой чаще всего встречаются кубки или более крупные сосуды кубковидной формы. Отдельные погребения воинов, содержащие вещи, сходные с найденными в памятниках степного Северного Причерноморья, известны и за пределами этого региона — на территории украинской лесостепи (Бутенки, Носачево, Квитки), на правобережье нижнего Дона, на Северном Кавказе, а также в Балкано-Карпатском регионе (карта 3). Объясняется это явление большой подвижностью киммерийцев, связанной с кочевым образом жизни, с одной стороны, а с другой — их экономическими, этническими и культурными контактами с соседними и более отдаленными народами.

К числу киммерийских А. И. Тереножкин отнес и ряд памятников Волго-Донского междуречья, близких к северопричерноморским предскифской поры. Однако они составляют особую самостоятельную группу, предшествующую памятникам савроматов, которой будет посвящена отдельная глава во второй части настоящей книги.

Погребальные сооружения и обряд. Резкое преобладание впускных погребений над центральными могилами в курганах сближает памятники киммерийской эпохи с белозерскими, с одной стороны, и раннескифскими — с другой. С белозерскими связывается по происхождению большинство погребальных сооружений предскифского времени. Захоронения чаще всего производились в сравнительно небольших прямоугольных или овальных ямах, над которыми в насыпях курганов находят каменные наброски или вымостки. Широко употреблялось дерево для постройки несложных конструкций — примитивных срубов, обкладки стен между четырьмя столбами по углам, всевозможных настилов. В отдельных случаях зафиксированы ямы с уступами по всему периметру или с одной, двух сторон. На уступ обычно опиралось деревянное перекрытие. Своеобразным было устройство могилы в кургане 6 у с. Суворово (Черняков И. Т., 1977, с. 32). Уступ в ней образовывала каменная кладка вдоль всех четырех стен могильной ямы. Деревянное перекрытие опиралось на этот своеобразный уступ и столбы, стоявшие по углам (табл. 1, 1). Крупными размерами и необычным устройством выделяется могила 5 в кургане Высокая Могила у с. Балки на нижнем Днепре. Над могильной ямой была сделана каменная вымостка, а внутри нее — деревянный сруб в один венец, перекрытый бревенчатым накатом (табл. 1, 4). Сруб изнутри оштукатурен глиной, окрашенной красной краской, и украшен мелким рельефом в виде косых полос (Бидзиля В. И., Яковенко Э. В., 1974, с. 151, 152). Крупные размеры могильных ям имеют основные погребения в курганах 1 и 6 у с. Александровка (3,5×3,4×1,4 м; 4×3,8×1,4 м; 4,4×3,9×1,9 м). Перекрытие их составлял мощный накат из бревен, уложенных на горизонтально лежащие сляги, и слой тростника (табл. 1, 11). Могильные сооружения

Карта 3. Основные памятники предскифского периода в степи и лесостепи Восточной Европы и в предгорном Крыму

I — степная группа; II — голиградская группа фракийско-го гальштата; III — чернолесская культура; IV — бондари-хнинская культура; V — кизил-кобинская культура; VI — фракийский гальштат в молдавской лесостепи

I. а — погребения в курганах; б — погребения в курганах, поддающиеся датировке

1 — Огородное; 2 — Суворово; 3 — Кангаз; 4 — Березки; 5 — Семеновка; 6 — Пивденное; 7 — Маяки; 8 — Петро-долинское; 9 — Великодолинское; 10 — Суклея; 11 — Ти-располье; 12 — Парканы; 13 — Ковалевка; 14 — Яблоня; 15 — Мефодиевка; 16 — Ивановка; 17 — Благодатное; 18 — Новая Одесса; 19 — Калиновка; 20 — Каспаровка; 21 — Терновка; 22 — Широфанка; 23 — Висунок; 24 — Константи-новка; 25 — Отрадиос; 26 — Костычи; 27 — Любимовка; 28 — Малая Цимбалка; 29 — Софиевка; 30 — Львово; 31 — Золотая Балка; 32 — Балки; 33 — Днепропрудный; 34 — Вольногрупповка; 35 — Петрово-Свистуново; 36 — Спасское; 37 — Александровка; 38 — Соколово; 39 — Булаховка; 40 — Веселая Долина; 41 — Черногоровка; 42 — Камышеваха; 43 — Ростов-на-Дону; 44 — Зеленый Яр; 45 — Зольное; 46 — Целянное;

II. в — поселения; а — городища; д — могильник; е — клады
47 — Залиски; 48 — Грушка; 49 — Городница; 50 — Зале-щники; 51 — Лисичники; 52 — Голиграды; 53 — Михалков; 54 — Острица; 55 — Новая Жучка; 56 — Магала

III. ж — поселения; з — городища; и — погребения в кур-ганах
57 — Ленковцы; 58 — Днестровка; 59 — Комаров; 60 — Лука Врублевская; 61 — Цепоротово; 62 — Галица II; 63 — Рудковцы; 64 — Григоровка; 65 — Мервянцы; 66 — Тютки; 67 — Монастырище; 68 — Малая Маньковка; 69 — Умаля (в районе Умаля известно не менее 15 поселений); 70 — Бобрца; 71 — Гуляй-город; 72 — Берестяги; 73 — Силявка; 74 — Канев; 75 — Крещатик; 76 — Квитки; 77 — Тенетинка; 78 — Носачево; 79 — Лубенцы; 80 — Полудневка; 81 — Субботово; 82 — Черный лес; 83 — Московская Гора; 84 — Бутенки

IV. к — поселения; л — городища

85 — Хухра; 86 — Зубовка; 87 — Любовка; 88 — Луго-вое; 89 — Ницаха; 90 — Родной Край 1; 91 — Фоски III; 92 — Малая Даниловка; 93 — Куряж; 94 — Травянское 1; 95 — Шиповка; 96 — Веселое; 97 — Базалебка; 98 — Чер-касский Бешкин; 99 — Безлюдовка; 100 — Шмаровка; 101 — Кицевка; 102 — Шелаево; 103 — Бузовка (по материалам Ю. В. Буйнова)

V. м — поселения; н — святилище; о — могильники
104 — Гора Кошка; 105 — Балаклавское; 106 — Уч-Баш; 107 — Сахарная Головка; 108 — Инкерман; 109 — Черкес-Кермен; 110 — Ашлама-Дере; 111 — Заветное; 112 — Альма 1; 113 — Альма 2; 114 — Таш-Джарган; 115 — Балта-Чок-рак; 116 — Симферопольское; 117 — Кизил-Коба; 118 — Ени-Сала; 119 — Тау-Кипчак; 120 — Кош-Коба; 121 — Чу-юнча; 122 — Карлы-Кая; 123 — Джаналах; 124 — Нейзац; 125 — Белгородское

VI. п — поселения Шолданештской группы; р — поселения Сахарнянско-Солонченской группы; с — могильники Шол-данештской группы; т — могильники Сахарнянско-Солон-ченской группы

126, 127 — Алчедар; 128 — Большой Молокиш; 129 — 131 — Глянжены; 132—135 — Мигулены; 136—139 — Шолданеш-ты; 140 — Солончены; 141, 142 — Матеуцы; 143 — Черна; 144 — Цахнауцы; 145, 146 — Царевка; 147 — Стохная; 148—156 — Сахарна; 157, 158 — Чинишеуцы; 159 — Требу-жены; 160 — Селиште

Александровских курганов совершенно тождествен-ны тем, которые исследованы в курганах эпохи поздней бронзы у совхоза Степного на северной ок-раине Херсонской обл., на что обратил внимание В. А. Роматко (1980, с. 76—78).

В последние годы выявлены захоронения пред-скифской поры, совершенные в подбойных могилах (табл. 1, 5, 10). Такие могилы особенно хорошо из-вестны в нижнем Побужье (Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключищев В. П., 1984, с. 33—49).

Они похожи на могилы катакомбной культуры и рядовые скифские VI—IV вв. до н. э. Происхождение их пока окончательно не выяснено. Однако сейчас уже открыто несколько подобных могильных сооружений, относящихся к белозерскому этапу позднесрубной культуры (Ванчугов В. П., Субботин Л. В., 1980, с. 57). Поэтому можно предполагать, что и эта форма могил предскифского времени восходит к местному бронзовому веку. Такие же подбойные погребальные сооружения в предскифское время появились в Поволжье и Приуралье, т. е. на территории формирования савроматских племен (см. ниже).

Все исследованные в Северном Причерноморье подбойные могилы (а они есть, кроме нижнего Побужья, в бассейне нижнего Днестра, в степном Крыму и в нижнем Подунавье) похожи друг на друга. Они состоят из входной ямы-колодца и небольшой погребальной камеры, вырытой в одной из ее длинных стен. Вход в подбой иногда закрыт каменным или дощатым заслоном, а иногда досками и камнями (Луговое, курган 2; Тереножкин А. И., 1976, с. 49, рис. 20, 10).

Погребальный обряд не отличается постоянством. По традиции, сохранившейся с эпохи бронзы, продолжает применяться скорченное положение покойников на левом или правом боку. Так, из 44 достаточно хорошо сохранившихся погребений в курганах Северного Причерноморья, определенно относящихся к предскифской эпохе, почти половину (21 погребение) составляют скорченные погребения. Среди них преобладают ориентированные головой на восток с отклонением от этой оси на север или юг. Пять погребений имеют южную ориентировку, одно — юго-юго-западную и только два — западную. Вместе с тем в это же время получил достаточно широкое распространение обряд погребения покойника в вытянутом положении на спине или с наклоном на бок, хотя и известный в эпоху бронзы, но употреблявшийся тогда крайне редко. Из 23 вытянутых погребений 15 положены головой на запад, по три — на юго-запад и северо-запад, одно — на юго-восток и одно — на север. Таким образом, среди вытянутых погребений явно преобладала западная ориентировка, столь широко распространенная в Северном Причерноморье в скифскую эпоху. Сколь-нибудь четкую хронологическую границу между скорченными и вытянутыми захоронениями предскифского периода провести не удастся, хотя, видимо, количество вытянутых погребений возрастает к концу периода. Однако и среди наиболее поздних погребений имеются скорченные (например, погребение 2 в Высокой Могиле). В свою очередь вытянутые погребения встречаются и в памятниках, которые можно отнести к числу наиболее ранних (курган 4, погребение 1 Суворовского могильника, курган 40, погребение 5 у с. Софиевка; табл. 1, 3).

Не наблюдается сколько-нибудь строгих канонов по составу и расположению инвентаря в могилах. Лишь кубки или кубковидные сосуды чаще всего стоят у головы или лица покойного. Рядом с сосудом встречаются кости животных — остатки жертвенной пищи (обычно мелкого рогатого скота). На некоторых черепах обнаружены бронзовые венчики-диадемы (погребение 5 в Высокой Могиле, погребение в Черногоровском кургане).

Оружие в одних случаях находится там, где его носили при жизни, в других оно лежало вместе с остальным инвентарем в стороне от черепа или за спиной погребенного. В кургане 5 у с. Суворово все вещи (железный кинжал, точильный брусок, бронзовая лунница) были положены при входе в подбойную погребальную камеру перед остовом погребенного. В Зольном кургане часть инвентаря лежала на могильном перекрытии (колчаный набор стрел, уздечные принадлежности; Щепинский А. А., 1962, с. 58).

Оружие, конское снаряжение. Ограниченное количество находок предметов вооружения и конского снаряжения не позволяет выделить среди них ведущие и редкие формы. Можно предполагать лишь, что главным оружием дальнего боя у кочевников киммерийского периода, как и в скифское время, был лук со стрелами. О размерах и форме луков позволяют судить изображения на каменных стелах (табл. 1, 13; 2, 71). Само положение луков заткнутыми за пояс говорит об их небольших размерах, видимо, таких же, как и скифских. По устройству и форме они также были близки к скифским сложным лукам. Известна лишь одна находка остатков лука киммерийского времени. Она сделана в курганном погребении у с. Зиморье Ворошиловградской обл. Остатки принадлежат луку из двух продольных полос дерева, обмотанных тонкой растительной пленкой, по-видимому, берестой. Длина полос 0,93 м (табл. 2, 72; Дубовская О. Р., 1985). Среди колчаных наборов стрел выделяются две группы, одна из которых характерна для камышевахско-черногородовских памятников (табл. 2, 43—49, 54—57, 62—70), вторая — для новочеркасских (табл. 2, 51—53, 59—61). Наборы первой группы состоят из бронзовых и костяных наконечников. Отличительной особенностью бронзовых наконечников является короткая втулка иногда с поперечными рельефными поясками (табл. 2, 55, 57, 66). Костяные наконечники ромбовидные, квадратные и круглые в разрезе, имеют скрытую втулку (табл. 2, 43—49). По внешнему виду эти наконечники почти не отличаются от костяных наконечников срубной и андроновской культур.

В новочеркасской группе, кроме бронзовых и костяных, существовали еще и железные наконечники стрел, по форме подражающие бронзовым (табл. 2, 52, 53). Как те, так и другие имеют плоскую ромбовидную головку и длинную тонкую втулку. А. И. Тереножкин отметил, что наконечники стрел, характерные для каждой из групп, вместе не встречаются. К сожалению, малочисленность комплексов пока не позволяет считать это наблюдение доказанным. Кроме того, к началу VII в. до н. э. относится появление бронзовых наконечников стрел так называемого раннежаботинского типа, имеющих длинноромбическую головку и короткую втулку, иногда с шипом (Ілліньска В. А., 1973а, с. 13—26). Как установила В. А. Ильинская, новочеркасский тип стрел — явление изолированное и локальное, связанное с культурной группой ранних кочевников VIII в. до н. э. в степях Украины и Северного Кавказа. Наконечники стрел раннежаботинского типа получают дальнейшее развитие во второй половине VII — начале VI в. до н. э., распространены очень широко (там же). Они ведут свое происхождение от бронзовых наконечников стрел, известных в памят-

никах срубной и андроновской культур. В. Ю. Мурзин связывает появление стрел, имеющих длинно-ромбическую головку, с приходом скифов в северо-причерноморские степи (1984, с. 68, 69).

Для ношения стрел, вероятно, употреблялись колчаны или специальные карманы на горите — футляре для лука. Застежки таких карманов или колчанов имели форму ребристых полочек и делались из мягкого камня или кости (табл. 2, 74, 75). Близкие к ним застежки известны в карасукских и ранне-тагарских памятниках Южной Сибири и Центральной Азии. Встречаются они и на Северном Кавказе (Членова Н. Л., 1972, табл. 25, 27—30). В несколько измененном виде ребристые застежки из кости и бронзы употреблялись в раннескифское время.

Оружием ближнего боя в киммерийскую эпоху были мечи и кинжалы из бронзы, железа или имевшие бронзовую рукоять и железный клинок. В степях Северного Причерноморья находки их редки (Тереножкин А. И., 1976, с. 104—118). Всего известно два меча: бронзовый карасукского типа (случайная находка у с. Гербино) и железный (Зольный курган) и пять кинжалов (Суворово, Березки, погребения 2 и 5 в Высокой Могиле; курган 1, погребение 1 у с. Великая Александровка). Но аналогичные и близкие к ним изделия хорошо представлены на Северном Кавказе, в памятниках кобанской и прото-меотской культур (более 30 находок). Кроме того, они есть на территории ананьинской культуры (10 экз.) и в Средней Европе (8 экз.). Характерным признаком большинства мечей и кинжалов киммерийской поры (они отличаются друг от друга только размерами) являются грибовидное или валиковое навершие и перекрестье в виде опущенных вниз острых треугольников (табл. 2, 20, 21). А. И. Тереножкин предлагает считать эту форму оружия карасукской по происхождению, но получившей специфическое оформление и развитие в киммерийской среде Северного Причерноморья (Тереножкин А. И., 1973, с. 121—125). Однако существуют и другие точки зрения. Наиболее распространённой является гипотеза, выдвинутая в свое время Е. И. Крупновым, о северокавказском происхождении мечей и кинжалов, о которых идет речь (1960, с. 203 сл.). В пользу сторонников этой гипотезы (Козенкова В. И., 1975б, с. 99, 100) говорит количественное преобладание над другими районами находок именно на Северном Кавказе, увеличивающееся с каждым годом в памятниках кобанской культуры. По Н. Л. Членовой, исходные формы киммерийских кинжалов находятся на Ближнем Востоке и в Средиземноморье (1975, с. 79, 80). Бронзовый кинжал из погребения 5 Высокой Могилы и железный из погребения 1 кургана 1 у с. Великая Александровка на Ингульце не имеют навершия и перекрестья (табл. 2, 19, 22). Они как бы продолжают линию развития белозерских бронзовых ножей-кинжалов эпохи поздней бронзы.

Копья употреблялись степными кочевниками киммерийского времени, видимо, редко. В погребениях они ни разу не встречены. В Северном Причерноморье известны лишь два случайно найденных бронзовых наконечника, предположительно относящихся к киммерийской эпохе (Тереножкин А. И., 1976, с. 143, рис. 26, 11; с. 142, рис. 25, 10). Вместе с тем

все же можно думать, что киммерийцы степных областей Северного Причерноморья были знакомы и с железными наконечниками копий. Находки таких наконечников сделаны в нескольких воинских погребениях в соседних со степью районах, в которых были близкие к степным инвентари (Ковпаненко Г. Т., 1962, с. 66—70, рис. 2, 3; 1984, с. 49, рис. 9, 1, 2; Лапушнян В. Л., 1979, с. 16, рис. 2, 3). По форме пера и размерам они напоминают раннескифские. На некоторых из них в основании пера имеется пара небольших отверстий. Железный наконечник копья (табл. 2, 73) был найден Е. В. Яровым в поле кургана эпохи бронзы у с. Пуркары Молдавской ССР вместе с железными удилами и псалями, подражающими бронзовым новочеркасским.

Вместе с металлическим оружием в некоторых погребениях предскифской поры были встречены каменные цилиндрические молотки (табл. 2, 16), а в одном из погребений такой же молоток изготовлен из бронзы (в кургане у с. Калиновка в нижнем Побужье; Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., 1984, с. 42, рис. 3, 16). Аналогичные каменные молотки есть и на Северном Кавказе.

К числу предметов, характерных для воинских погребений кочевников предскифского времени, принадлежат каменные оселки (табл. 2, 12—14). От скифских их отличают крупные размеры и более тщательное изготовление из красивых пород камня.

Конское снаряжение. Формы бронзовых удил и сопутствующих им псалий являются определяющими при выделении черногоорско-камышевских и новочеркасских комплексов. Первым свойственны бронзовые удила со стремечковидными концами (табл. 2, 5) и стержневидные псалии с тремя отверстиями. Оформление отверстий может быть различным (табл. 2, 10, 11). Для псалий с муфтообразными выступами на местах отверстий характерны крупная шляпка на одном конце стержня и шляпка меньших размеров — на другом (табл. 2, 6). На псалиях с небольшими утолщениями на местах отверстий концы никак не выделены.

Для новочеркасского комплекса характерны также бронзовые удила, но с двуколычатыми концами и псалии с тремя петлями на стержне, маленькой шляпкой на одном конце и изогнутой лопастью — на другом (табл. 2, 3, 4). Представленные единичными находками в курганах степного Северного Причерноморья, оба комплекса лучше известны на Северном Кавказе в могильниках протомеотской и кобанской культур, а псалии с муфтообразными расширениями на местах отверстий и шляпками на концах — вкладах и по случайным находкам на территории Средней и Западной Европы. А. А. Иессен предполагал их западноевропейское происхождение (1953, с. 49, 50). По наблюдениям А. И. Тереножкина, ни в одном из памятников предскифской поры до сих пор не встречались вместе удила и псалии камышево-черногоорского типа с новочеркасскими. То обстоятельство, что комплексы первого типа были найдены в раннем из двух протомеотских могильников Прикубанья (Николаевском), а второго типа — в более позднем у хут. Кубанского, и послужило основанием для вывода о последовательности смены комплексов конского снаряжения. Нужно заметить, однако, что лишь дальнейшее накопление материалов

позволит сделать этот вывод убедительным или отвергнуть его.

Уникальные удила из погребения 5 Высокой Могины (табл. 2, 2), а также из Зольного кургана (табл. 2, 1), но те и другие можно рассматривать как своеобразные варианты двуколычатых удил новочеркасского типа. В поле кургана 1 у с. Пуркары Суворовского р-на Молдавской ССР Е. В. Яровым был найден небольшой клад железных вещей, в который входили две пары кованых железных удил с крупными кольцами на концах и четыре псаля с тремя петлями, а также две подвески к удилам. Все эти вещи представляют собой копии бронзовых предметов конской узды новочеркасского типа (табл. 2, 7—9).

Украшениями уздечек служили бронзовые бляхи с петлей на обороте (табл. 2, 30), небольшие лунницы (табл. 2, 26, 27), шлемовидные подвески (табл. 2, 23). Набор богато орнаментированных уздечных украшений из кости представлен в Зольном кургане (табл. 2, 24, 26, 34). Хотя аналогий этому набору неизвестно, характер орнаментации блях позволяет предполагать, что он был создан под сильным влиянием искусства древних фракийцев или народов Кавказа, поскольку у тех и других широко применялись мотивы орнамента, которые украшают бляхи из Зольного кургана. Видимо, к украшениям конской уздечки можно отнести бляхи из кости луновидной, круглой, овальной и восьмеркообразной форм из курганов у с. Луганское и хут. Веселая Долина (табл. 2, 38—42).

Керамика. Большинство сосудов предскифской эпохи найдено в могилах, не содержащих другого инвентаря. Но и в воинских погребениях с оружием и конским убором почти обязательно присутствует по одному сосуду. Чаще всего в тех и других погребениях встречаются небольшие кубки и крупные кубковидные сосуды с округлым туловом и более или менее высокой шейкой (табл. 3, 1—6, 8—12, 14—22). Формы и размеры их существенно варьируют, разнообразна и орнаментация. Одни из них мало чем отличаются от лощеных кубков предшествующей белозерской поры (из Суворовских курганов; табл. 3, 2, 11, 20), другие особенно близки к кубкам второй ступени чернолесской культуры и раннежаботинским на правобережье среднего Приднепровья (табл. 3, 5—6, 8, 12, 14, 21), третьи — к тем, которые характерны для одновременных памятников лесостепной Молдавии (табл. 3, 4, 10, 15), четвертые — к сосудам из северокавказских памятников (табл. 3, 3, 16, 17). Очевидно, степные кочевники предпочитали ставить в могилы парадную посуду, изготовленную соседями, той, которую делали сами. В нескольких погребениях были найдены большие лощеные корчаги, вероятно, фракийского производства (Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., 1984, рис. 3, 13). Простые лепные горшки, составляющие обиходную местную посуду, в погребениях кочевников попадали исключительно редко.

В ряде погребений киммерийской эпохи встречены плохо сохранившиеся остатки деревянных сосудов, украшенных или скрепленных бронзовыми или золотыми пластинками (табл. 2, 76, 77). О формах целых сосудов из дерева судить трудно. В погребении 1

кургана 1 у с. Великая Александровка найдена сравнительно хорошо сохранившаяся чашечка, как бы прошитая проволокой в нижней части и фигурными накладками по бортику (табл. 3, 13). В погребении 2 кургана 1 у с. Висунок Николаевской обл. найдены деревянное блюдо овальной формы, черпак и деревянная ложка (Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., 1984, с. 45, рис. 4, 5, 6). Из предметов обихода довольно обычную находку составляют только ножи. Преобладают среди них бронзовые, но встречаются и железные. Бронзовые ножи одного типа: небольшие, имеют короткий пластинчатый черешок, широкий клинок, горбатую спинку, прямое или слегка вогнутое лезвие и закругленное острие (табл. 2, 24). Из кургана у с. Калиновка под Николаевом происходит железный нож, во всем сходный с бронзовыми (Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., 1984, с. 42, рис. 3, 14). Железные ножи встречены еще в нескольких погребениях киммерийского времени, но все они плохой сохранности, поэтому об их форме судить трудно. А. И. Тереножкин полагает, что бронзовые ножи характерны для камышевахско-черногоровских комплексов, а железные — для новочеркасских. Однако железный нож из скорченного погребения в кургане у с. Калиновка, отнесенного А. И. Тереножкиным к черногоровскому времени, противоречит этому заключению. В Черногоровском кургане при женском захоронении (погребение 2) найдены бронзовое шило и игла. Других находок орудий труда ни в женских, ни в мужских погребениях не отмечено.

Украшения. Из немногочисленных украшений в могилах киммерийской эпохи наиболее выразительной является золотая массивная серьга или височная подвеска, происходящая из Высокой Могины (табл. 2, 80). Она имеет вид спирально закрученного стержня с гвоздевидной шляпкой. На шляпке орнамент — углубленные полосы, разделяющие ее на три доли. Край шляпки рубчатый. По две бронзовые массивные подвески, плакированные золотом, такой же формы, как описанные, были найдены в погребениях в курганах у с. Львово и у совхоза Целинное в Крыму (Корпусова В. И., Белозер В. П., 1980, с. 240, рис. 3, 1). Скорее всего височными подвесками или серьгами служили небольшие колечки, согнутые из бронзовой проволоки в полтора оборота (табл. 2, 81, 87), найденные в некоторых киммерийских могилах.

В отдельных погребениях встречены небольшие спиральные пронизи из бронзовой или золотой проволоки (табл. 2, 83—85, 89) и проволочные браслеты с несомкнутыми или с заходящими друг на друга концами (табл. 2, 78, 79). Как те, так и другие широко применялись в эпоху поздней бронзы. Происходят они, видимо, с запада.

Уникальными находками для киммерийского времени являются стеклянная и гешировая крестовидные подвески, а также голубая стеклянная бусина, найденные в погребениях у с. Суворово (Черняков И. Т., 1977, рис. 1, 2, 5, 8). Не имеет аналогий в других памятниках Северного Причерноморья ажурный наконечник пояса из кургана 5 у с. Суворово (Черняков И. Т., 1977, рис. 2, 1). Сходные с ним наконечники известны в памятниках ананьин-

ской культуры в Волго-Камье, а также вкладах бронзовых вещей фрако-киммерийского типа в Карпато-Дунайском районе (Халиков А. Х., 1962, с. 63, табл. XIV, 10, 14). Массивная золотая бляха из погребения 2 Высокой Могилы, видимо, служившая украшением пояса (табл. 2, 29), по стилю и характеру орнаментации ближе всего к золотым изделиям из Карпато-Балканского района.

Мужской головной убор иногда украшали бронзовые пепчики. Венчик из Высокой Могилы имел вид узкого обруча, охватывающего голову. К числу киммерийских А. И. Тереножкин относит и золотую ленту, сужающуюся к концам и украшенную пунсоным орнаментом из погребения в Ендже в Болгарии (А. И. Тереножкин, 1976, с. 16). Однако стиль орнамента на ленте не имеет параллелей среди находок предскифского периода в Северном Причерноморье и более всего напоминает орнамент на золотых и серебряных вещах эпохи бронзы и гальштатского периода, найденных на территории обитания фракийских племен.

В последние годы стали известны каменные стелы киммерийского времени, происходящие из Северного и северо-западного Причерноморья, а также Северного Кавказа (Членова Н. Л., 1975, с. 86—89, рис. 6; 1984; Тереножкин А. И., 1977, с. 12—14). А. И. Тереножкин делит киммерийские стелы на две группы, одну из которых образуют простые каменные столбики с изображениями в верхней части отдельных значков — ожерелья, кругов, клиновидных и других фигур. На других стелах, кроме значков, обозначены еще портупейные пояса и висящие на них предметы вооружения — кинжал или меч, лук в налучье и точильный брусок (табл. 1, 12, 13). Н. Л. Членова показала близость киммерийских стел с протомеотскими и ананьинскими и их связь с оленными камнями Центральной Азии, на которых отсутствуют изображения оленей (1975, с. 86—89; 1984, с. 17 сл.). Вполне разделяя эту мысль, А. И. Тереножкин предполагал, что стелы появились в Восточной Европе не позднее конца бронзового века вместе с другими предметами карасукского типа (мечи, принадлежности конской узда) и уже здесь прошли длительную эволюцию. Говоря о карасукских культурных элементах в киммерийских памятниках, исследователь высказывается в пользу вероятного проникновения на европейскую часть СССР в предскифский период более или менее значительных этнических групп из глубин Сибири или Центральной Азии. Замечу, однако, что стелы никак не связаны с вещами карасукского типа. Кроме того, вероятно, права Н. Л. Членова, отрицая длительную эволюцию стел в Восточной Европе и датируя все киммерийские стелы временем не ранее VII в. до н. э. (Членова Н. Л., 1984, с. 30—55).

Этническая принадлежность киммерийцев различными учеными определялась по-разному. Основываясь на интерпретации имен киммерийских царей, известных из письменных источников, среди которых лингвисты выделяют фракийские наряду с иранскими, а также на данных Страбона о связях киммерийцев с трерами, многие исследователи придерживались мнения о фракийской этнической принадлежности киммерийцев (Ростовцев М. И., 1918а; Блаватский В. Д., 1948, с. 9 сл.). Однако в послед-

нее время среди лингвистов и археологов находится все больше сторонников отнесения киммерийцев к числу древнейших иранцев. В частности, анализ археологического материала со всей очевидностью свидетельствует о том, что культура киммерийских племен в корне отлична от фракийской, хотя и не лишена отдельных заимствованных из нее элементов. Глубокие генетические связи со срубной культурой, наблюдаемые исследователями в погребальном обряде, керамике и ряде вещей, убеждают в отсутствии родства киммерийцев с фракийцами. В то же время они могут использоваться для подтверждения вывода о существовании древнеиранского этноса в степных районах Евразии с эпохи бронзы, к которому приходят лингвисты (Абаев В. И., 1974, с. 10, 11; Грантовский Э. А., 1970, с. 81). О. Н. Трубачев совершенно определенно высказался в пользу иранской принадлежности киммерийцев (1976, с. 39—63). Как известно, скифы принадлежали к той же этнической группе. Одинаковыми были эти два народа и по образу жизни, основным отраслям хозяйства и уровню экономического и социального развития. Скорее всего, именно этими обстоятельствами можно объяснить отсутствие заметных различий в культуре киммерийцев и древних скифов в VIII—VII вв. до н. э., обитавших в степи Северного Причерноморья. И. М. Дьяконов (1980), анализируя восточные источники, высказал предположение, что «киммерийцы» — это историческая фикция. Такого народа вообще не было, ими были скифы, а слово «киммерийцы» в восточных источниках означает: «подвижный отряд, вторгавшийся с севера». Однако гипотеза И. М. Дьяконова пока не получила признания.

Культуры предскифского периода в лесостепной зоне

В лесостепи от Карпат на западе до Дона на востоке, где жили оседлые земледельческо-скотоводческие племена, отличавшиеся от степняков-кочевников также и этнической принадлежностью, для позднего предскифского периода выделяются следующие культуры: фракийского гальштата, представленная двумя культурными комплексами — голиградским на территории Западной Украины и шолданештским на землях лесостепной Молдавии. В Молдавии же выделяется еще одна группа памятников предскифского периода, получившая название Сахарнянско-Солонченской (Мелюкова А. И., 1972, с. 66—70, рис. 7). В междуречье Днестра—Днепра и на Ворскле была распространена чернолесская культура, а далее на восток, вплоть до Дона, — бондарихинская, в предгорном Крыму — кизил-кобинская (см. карту 3). Каждая из упомянутых культур имеет свою подоснову, характеризуется присущими только ей одной особенностями, но в той или иной степени включает элементы соседних и более отдаленных культур. Объединяет их и ставит в один хронологический пласт с памятниками типа Камышевахи—Новочеркасского клада в степи присутствие вещей, свойственных степным комплексам.

Фракийский гальштат. Ареал этой культуры, вернее культурной общности, довольно широк, охва-

тывает земли современной Румынии, северо-восточной Венгрии, юго-восточной Словакии и небольшую часть юго-западных областей Советского Союза. Две группы памятников фракийского гальштата на территории нашей страны, хотя и имеют ряд общих черт, отличаются друг от друга деталями погребального обряда, но главным образом — керамическим комплексом (Мелюков А. И., 1958, с. 20—30, 55—75; Смирнова Г. И., 1976, с. 18—32). Появление на территории СССР памятников фракийского гальштата относится к самому началу I тысячелетия до н. э., и первая ступень в развитии этой культуры принадлежит еще эпохе бронзы. Существование же Голиградской группы ученые прослеживают до конца VII в. до н. э., а Шолданештской — вплоть до середины или второй половины VI в. до н. э.

Носителями культуры фракийского гальштата считаются северофракийские племена, формирование которых в Карпато-Дунайском районе относится к XII—X вв. до н. э.

Голиградская группа. К интересующему нас времени (началу раннего железного века), по определению Г. И. Смирновой, принадлежат памятники развитого и заключительного этапа фракийского гальштата. Эти ступени в Голиградской группе, как и вся последовательность ее развития, выявлены и хорошо обоснованы Г. И. Смирновой (1969, с. 7—33; 1978а, с. 68—72) на материалах из раскопок поселения у с. Магала в Черновицкой обл. К началу железного века относится верхний слой поселения, названный автором Магала IV и датированный IX — серединой VII в. до н. э. Заключительный этап развития голиградского комплекса в Прикарпатье, относящийся ко второй половине VII в. до н. э., в Магале не представлен, а выделяется по материалам могильника у с. Острица и поселения у с. Буда (Смирнова Г. И., 1973, с. 7—10). К сожалению, не все известные в настоящее время голиградские памятники поддаются датировке, поэтому пока трудно выделить среди них определенно относящиеся к началу раннего железа. Л. И. Крушельницкая к периоду развитого фракийского гальштата относит поселение в Залещиках. На некоторых поселениях отмечены находки как ранних, так и поздних форм керамики и вещей, но при этом поздние слои не выделяются (поселение в Бовштиве, существовавшее между концом культуры ноа и началом скифского периода; Крушельницкая Л. И., 1976, с. 35). К числу позднейших принадлежат городища, выявленные в Поднестровье (Лисичники, Нижнее Кривче и др.; Малеев Ю. М., 1978, с. 109—116) и в Карпатской котловине, на территории Закарпатской обл. УССР, такие, как Шелестовское, Ардановское и Малая Копаня (Смирнова Г. И., 1966, с. 397). Среди кладов и случайных находок к интересующей нас эпохе относятся клад или два клада золотых вещей, найденных у с. Михалково (Надасцек К., 1904), клад бронзовых вещей от конского снаряжения из с. Голиграды и некоторые другие менее значительные клады и случайные находки (Свешников I. K., 1964). Территория Голиградской группы памятников определяется независимо от их хронологического членения. Это Черновицкая, Ивано-Франковская области, приднестровские районы Тернопольской обл. и Закарпатская обл. УССР (см. карту 3). Г. И. Смирнова установила

близость памятников Голиградской группы к тем, которые венгерские и чешские ученые относят к культуре Гава, распространенной в северо-восточной Венгрии, юго-восточной Словакии и северо-западной Румынии в периоды ВД—НА и НВ. С движением племен этой культуры из верхнего Потисья на северо-восток связываются происхождение Голиградской группы памятников и все дальнейшее ее существование. Объединение тех и других памятников в один гавско-голиградский круг произведено Г. И. Смирновой на основании сходства по сумме признаков. Главными же причинами служат тождество керамики, техника ее изготовления, употребление одних и тех же форм и способов орнаментации. Такое сходство наблюдается не только на ранних памятниках, но и на тех, которые принадлежат к интересующему нас времени раннего железного века, к горизонту Магала IV (Смирнова Г. И., 1976, с. 30—32, рис. 3). Найденная в этом слое керамика аналогична керамике с поселений Самоторская гора II в Словакии и Медиаш на Трансильванском плато. Посуда из п. мятников этого периода рассматривается как следующая ступень развития более ранней. От нее она отличается не столько формами, сколько процентным соотношением отдельных видов. Увеличивается количество лощеной керамики, улучшается качество отделки поверхности, разнообразнее становятся формы, меняются профилировка некоторых сосудов и характер каннелированной орнаментации, очень богатой и разнообразной (табл. 4, 4—7, 9). На кухонной посуде, по-прежнему состоящей из горшков без выделенной шейки, исчезает отделка поверхности расчесами (табл. 4, 1—3). Появляются и некоторые новые виды посуды, например глубокие черпаки с низкой ленточной ручкой (табл. 4, 14). Среди мисок преобладающими становятся сосуды с загнутым внутрь венчиком, представленные разнообразными вариантами, различающимися формой края венчика и приемами орнаментации (табл. 4, 18—21). Наряду с удлиненными косыми каннелюрами, характерными для мисок предшествующего времени, здесь много сосудов, украшенных по краю короткими каннелюрами или насечками, а на внутренней поверхности их часто встречается углубленный линейный орнамент, нанесенный тупым концом орудия и имеющий вид треугольных гирлянд и концентрических кругов.

Керамика, относящаяся к заключительному периоду гавско-голиградского комплекса, отличается от посуды предыдущего этапа ухудшением качества отделки поверхности, особенно на керамике столового назначения. Лощение становится тусклым или сменяется простым заглаживанием. Формы же посуды мало меняются.

Известны два типа гавско-голиградских поселений — неукрепленные селища и городища. Те и другие занимают высокие участки местности над долинами рек. В Прикарпатье и Закарпатье городища возникли лишь на позднем этапе развития гавско-голиградского культурного комплекса (Смирнова Г. И., 1966, с. 402—407). В северо-западной Румынии появление оборонительных сооружений относят к раннему периоду гальштатской культуры.

На всех гавско-голиградских поселениях, где проводились раскопки, встречены углубленные в землю жилища и наземные каркасного типа дома

(табл. 4, 24). Оба типа построек известны как в ранних, так и в поздних памятниках. Для тех и других характерны также отопительные сооружения в виде ям с очагом или печью на дне, открытые очаги или купольные печи, расположенные на полу землянок и наземных жилищ.

Погребальные памятники пока слабо изучены. По грунтовой могильник в Острице на Буковине (Смирнова Г. И., 1973, с. 7—10), относящийся к позднему периоду, на котором исследованы погребения, сходные по обряду с ранними Голиградского могильника у с. Сопот (Крушельницкая Л. И., 1979), позволяет предполагать, что Голиградской группе в течение всего периода ее существования был свойствен обряд трупосождения с захоронениями в урнах в неглубоких ямах без каких-либо внешних признаков. Рядом с урной обычно располагались один или несколько сосудов. Вещи отсутствовали.

Металлические изделия, находимые на поселениях и вкладах голиградской группы, пожалуй, не имеют каких-либо специфических особенностей. Клад у с. Голиграды содержит предметы конского снаряжения так называемого фрако-киммерийского типа. Это псалии с тремя отверстиями, оформленными в виде трубочек, и небольшими шляпками на обоих концах, близкие к псалиям цимбальского типа в Северном Причерноморье, крестовидные и большие конические бляхи и восьмеркообразные тонкие бляхи, аналогичные часто встречающимся в предскифское время в других культурах Восточной Европы (табл. 4, 25—31).

Михалковский клад золотых вещей, найденный в 1878 и 1896 гг., общим весом около 7,5 кг не имеет равных во всем Карпато-Балканском районе. Он состоит из двух диадем, шейной гривны, пяти браслетов, 12 зооморфных и лучковых фибул, семи блях, свыше 2 тыс. бусин, пирамидальной подвески, двух наверший рукояток кинжалов, четырех чаш, мотка золотой проволоки и слитка золота (табл. 4, 32—44). Кроме золотых вещей, в кладе были еще янтарная и стеклянные бусины. Обломки сосуда, в котором находилась одна из двух частей клада, увязывают эту находку с памятниками Голиградской группы. Вещи клада особенно интересны по орнаментации, которая знакомит нас с раннефракийским искусством и одновременно отражает религиозные представления фракийских племен (Свешников И. К., 1968, с. 10—27). В определении даты клада нет единого мнения. Чаще всего его относят к VIII—VII вв. или только к VII в. до н. э., точнее к его середине (Свешников И. К., 1968, с. 10 и примеч. 1).

Из других кладов, относящихся к развитому и заключительному периодам гавско-голиградского культурного комплекса в Прикарпатье, следует отметить клад из Ниделиск Львовской обл., в котором находились первые для данной территории железные орудия труда — секира и маленький молоток. Кроме того, клад интересен тем, что в его состав входили вещи, характерные для высочкой и лужицкой культур (Sulimirski T., 1938). Вкладах бронзовых изделий из Закарпатья, относящихся к IX—VII вв. до н. э., таких, как Олешниковские, преобладали орудия труда (кельты, серпы) и оружие (мечи, наконечники копий) средневропейского и реже — семиградского типов (Пеняк С. И., Шабалин А. Д.,

1964, с. 193—200). Более всего они связаны с верхним Потисьем по ту же сторону Карпат, где бытовали средневропейские формы бронзовых вещей. К числу широко распространенных предметов конца эпохи бронзы — начала железного века относятся находки металлургических изделий в слое Магала IV (бронзовые иглолки и четырехгранные шилья, бронзовые булавки и долото). Кроме бронзовых, найдено несколько железных предметов — два ножа, кольцо и обломок оковки.

Судьба Голиградской группы культуры фракийского галыштата пока не достаточно ясна; с одной стороны, еще очень плохо изучены наиболее поздние памятники этой группы, а с другой — имеется много проблем в исследовании культуры Прикарпатья в следующий скифский период. Исходя из тех материалов, которыми сейчас располагает наука, можно предполагать, что уже в VII в. до н. э. началось движение на запад населения лесостепного правобережья Днепра, что привело к образованию на землях Голиградской группы особого Западноподольского варианта лесостепной культуры скифского времени. Видимо, часть голиградского населения отодвинулась к Карпатам и в Закарпатье — на те же земли верхнего Потисья, откуда оно пришло в Прикарпатье в начале I тысячелетия до н. э. Другая же часть была ассимилирована пришельцами, ибо следы культуры аборигенов прослеживаются в керамике и некоторых особенностях погребального обряда у населения Западноподольской группы скифского периода. Иначе сложилась судьба носителей голиградского культурного комплекса в Закарпатье. Здесь сильнее чувствуется генетическая связь с голиградским населением предшествующей поры и вместе с тем ясно видна зависимость от носителей западноподольского варианта культуры скифской эпохи. Исследователи полагают, что возникновение в Закарпатье куштановицкой культуры раннескифского времени произошло в результате передвижения на запад части западноподольского населения (Смирнова Г. И., Бернякович К. В., 1965, с. 97—100).

Шолданештская группа. В лесостепной Молдавии, как и в Прикарпатье, культура фракийского галыштата сменила культуру ноа в самом начале I тысячелетия до н. э. Первая ступень ее, датированная нами X—VIII вв. до н. э., относится к эпохе бронзы (памятники типа Кишинев—Лукашовка). Вторая ступень, представленная памятниками шолданештского типа или группы, принадлежит к началу раннего железного века и датируется в пределах второй половины VIII—VI вв. до н. э. Как те, так и другие памятники стали известны лишь с начала 50-х годов, но и до сих пор большинство из них мы знаем только по материалам разведок. Из памятников VIII—VI вв. до н. э. раскопкам подвергались поселение и могильник у с. Шолданешты и могильник у с. Селиште Оргеевского р-на (Мелюкова А. И., 1958, с. 55—70; Лапушнян В. Л., 1979). По разведкам известно еще несколько поселений, преимущественно в Резинском р-не, близости от памятников Сахарнянско-Солонченской группы (см. карту 3). Однако, возможно, к ним относится и часть поселений, которые числятся на археологической карте принадлежащими к Кишиневской, т. е. к ранней группе (Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романов-

ская М. А., 1974, с. 7—13, рис. 1). Без комплекса материалов, который обычно можно получить только в результате раскопок, легко ошибиться в определении принадлежности поселений к одной из двух групп.

Румынский исследователь А. Вульпе включает памятники шолданештского типа в культуру Басараби — одну из групп культур фракийского гальштата, занимавшую большую часть территории нынешней Румынии, часть Югославии и юго-восточную часть Венгрии (Vulpe A., 1965). Мы рассматриваем их как особый локальный вариант культуры Басараби, сложившийся на основе предшествующей культуры, представленной памятниками кишиневского типа и впитавшей пришлые элементы, характерные для культуры Басараби. При этом нельзя исключать возможность нового вторжения на территорию лесостепной Молдавии еще одной волны фракийских племен — носителей культуры Басараби (Мелюкова А. И., 1972, с. 57—72).

В отличие от гавско-голиградского культурного комплекса в Шолданештской группе неизвестны городища. Поселения располагались на пологих склонах оврагов или низких мысах поблизости от воды. Люди жили в наземных домах каркасно-глинобитной конструкции, землянки пока не встречены. Для хозяйственных целей использовались ямы, округлые или овальные в плане, различной глубины. Они располагались как поблизости от жилищ, так и внутри них. На простом земляном полу в домах размещались купольные печи с глинобитным подом. В одном из домов на поселении у с. Шолданешты была обнаружена каменная вымостка со следами обожженности, служившая или открытым очагом, или каким-то жертвенным местом.

Оба могильника шолданештского этапа, на которых производились раскопки, бескуржанные, погребения обычно не имеют никаких отметок на поверхности, лишь изредка над могилами бывают каменные вымостки. На могильнике в Шолданештах открыт древний крематорий в виде ямы подквадратной формы размером 5×4 кв. м, глубиной 0,85 м, по краю обложенной камнями. Стенки, дно и заполнение ямы были сильно прожжены. В заполнении найдены отдельные кальцинированные кости и мелкие обломки керамики. Обряд трупосожжения преобладал в обоих известных нам на территории Молдавии могильниках. Из девяти погребений в Шолданештах по обряду трупоположения совершено лишь одно детское захоронение. В могильнике у с. Селиште исследованы 32 трупосожжения, определенно относящихся к интересующей нас группе памятников, и 12 скорченных трупоположений, среди которых, возможно, присутствовали и погребения гальштатского времени. Однако ни в одном из этих погребений не было ни керамики, ни вещей, сходных с найденными в погребениях с трупосожжениями. Отмечены три типа захоронений остатков сожжений: урновые, безурновые и в глубоких ямах с намеренно обожженными стенками (Лапушнян В. А., 1979, с. 37—49; табл. 5, 34, 35). Последние есть лишь в Селиште. Судя по могильнику в Селиште безурновые погребения количественно преобладали над урновыми. Чаще всего встречаются одиночные погребения, наряду с которыми в обоих могильниках есть и коллектив-

ные (до пяти погребений в могильнике у с. Селиште — до трех в Шолданештах). Урнами служили сосуды разных форм и размеров, такие же, как обычно употреблявшиеся в быту и хорошо известные по находкам на поселениях (табл. 5, 2—5). Помимо урны, которая сверху закрывалась миской, поверх сосуда с кальцинированными костями клали чарку, в могилы ставили еще один, а иногда и несколько сосудов (табл. 5, 6—11, 13, 16—19). Встречаются погребения в урнах и без сопровождения сосудов. В урновых погребениях внутри урн с прахом или рядом с ними в некоторых случаях были найдены мелкие бронзовые украшения, железные фибулы, ножи. Из оружия имеются только железные наконечники копей, из предметов конского убора — железные удила. Недалеко от погребения 1 на могильнике у с. Шолданешты обнаружено звено бронзовых двуколычатых удил (табл. 5, 24).

Безурновые погребения совершались в неглубоких ямах, на дно которых сыпались кальцинированные кости. Изредка они бывают накрыты миской или сосудом иной формы. Иногда безурновые погребения сопровождалось сосудом или фрагментами керамики. Вещей в них не найдено.

Глубокие ямы с намеренно обожженными стенками (их всего три на могильнике у с. Селиште) содержали коллективные последовательно совершенные захоронения — как в урнах, так и безурновые в сопровождении керамики и отдельных вещей.

Детское трупоположение, открытое на могильнике у с. Шолданешты, совершено в небольшом каменном ящике примитивной конструкции. Скелет лежал в скорченном положении на левом боку черепом на восток. Это погребение близко к скорченным погребениям в каменных ящиках, которые характерны для Сахарнянско-Солонченской группы памятников. Относит погребение к гальштатскому могильнику позволяет каменная вымостка над могилой, такая же, как над одной из тех, которые содержали трупосожжения.

Керамика из памятников шолданештского типа имеет достаточно черт сходства с более ранней посудой культуры фракийского гальштата, представленной в Молдавии Кишиневской группой памятников. Однако она отличается от ранней менее тщательной отделкой поверхностей и присутствием ряда новых форм столовой посуды. Минимальные изменения наблюдаются в кухонной посуде, где по-прежнему преобладают горшки без выделенной шейки с ручками-упорами в верхней части тулова, без орнамента или с орнаментом в виде валика с пальцевыми защипами под венчиком, а иногда еще и на тулове (табл. 5, 4—6). С ранними связаны и формы больших сосудов типа виллановы, орнаментированные каннелюрами и сосковидными выступами, снабженные ручками-упорами в нижней части тулова (табл. 5, 3). В отличие от ранних они не имеют хорошего блестящего лощения на поверхности, хотя и сохраняют темный, почти черный ее цвет. Лощение же тусклое, а иногда вообще незаметное.

Среди столовой посуды, также отличающейся от ранней плохим лощением, наиболее распространены миски двух основных типов — с загнутым внутрь венчиком (табл. 5, 20, 21) и с широким, отогнутым наружу краем, украшенным вертикальными канне-

люрами, а иногда еще и резным или штампованным узором, затертым белой пастой, выполненным в стиле керамики культуры Басараби (табл. 5, 1, 9, 10). Косые вертикальные каннелюры и выступы разной формы часто украшают края мисок первого типа. В употребление вошли черпаки и кувшины с довольно высокой шейкой и округлым туловом, украшенные каннелюрами (табл. 5, 16—19), а также двуручные кубки (табл. 5, 13) как с каннелированным орнаментом, так и без орнамента. Менее распространенными были кубки без ручек, имевшие довольно высокое горло и сферическое тулово, украшенные каннелюрами и невысокими вертикальными налепами. В культуре Басараби, с которой связаны по происхождению эти и другие формы кубков и черпаков шолданештского комплекса, круглотелые кубки без ручек обычно бывают украшены нарядным резным и штампованным узором. В комплексах шолданештского типа такие кубки пока не встречены. Редкое употребление резной и штампованной орнаментации на керамике отличает шолданештские комплексы от обычных для культуры Басараби (Vulpe A., 1965).

Сопоставление шолданештской керамики с одновременной ей посудой из памятников Голиградской группы показывает, что сходными там и здесь были кухонные горшки, сосуды виллановского типа, миски с загнутым внутрь краем. Остальные формы посуды отличаются друг от друга, что свидетельствует о существовании различных источников формирования голиградского и шолданештского комплексов. На керамическом материале слабо ощущаются контакты между двумя группами. Лишь в голиградском могильнике у с. Острица была найдена миска с широким, отогнутым наружу краем, которую Г. И. Смирнова верно сопоставила с шолданештскими.

Железные наконечники копий происходят лишь из могильника у с. Селиште (табл. 5, 23). Наиболее близкие аналогии им есть в могильнике у с. Ферид-желе в Румынии, датированном А. Вульпе VII—V вв. до н. э. (Vulpe A., 1967, Pl. XX, 1, 2).

Конское снаряжение представлено находками части двукольчатых бронзовых удил восточноевропейского типа, неизвестных на западе, в частности среди изделий фрако-киммерийского круга (табл. 5, 24). Как установлено, удила этого типа на нашей территории наиболее характерны для позднейшей предскифской поры, но изредка продолжали употребляться в начале скифского времени, в конце VII в. до н. э.

Из могильника у с. Селиште происходят двое железных удил скифского типа, существовавших в Восточной Европе с VI в. до н. э. на протяжении всего скифского времени (табл. 5, 14, 26).

Железные ножи, чаще других предметов встречающиеся в погребениях обоих могильников, представлены двумя типами: один из них — ножи с горбатой спинкой и слабо выделенным черенком — относится к числу вещей, широко распространенных в раннем железном веке (Лапушнян В. Л., 1979, с. 110). Второй тип — один нож из могильника у с. Шолданешты — копия бронзовых ножей так называемого семиградского типа, хорошо известных на территории Карпато-Дунайского района (табл. 5, 25). В обоих могильниках найдены камен-

ные оселки с отверстием для подвешивания к поясу (табл. 5, 27).

Немногочисленные украшения — бронзовые бляшки (рис. 5, 12, 28, 29), пронизка, обломки пластинчатого железного браслета имеют широкий круг аналогий и могут быть сопоставлены с находками из разновременных культур как Восточной, так и Западной Европы. В противоположность им железные фибулы — две из Шолданештского могильника и две из могильника у с. Селиште — относятся к числу предметов, получивших достаточно широкое распространение в западных культурах и не характерных для Восточной Европы. Арковидные, однопружинные фибулы из Шолданештского могильника (табл. 5, 30) датируются в широких пределах VIII—VI вв. до н. э. Двупружинные фибулы с фигурно-вырезанным приемником из могильника у с. Селиште (табл. 5, 31, 32) обычно ограничиваются VII—VI вв. до н. э., но наиболее надежно датированные комплексы с такими фибулами относятся к VI в. до н. э. К концу указанного времени они выходят из употребления (Златковская Т. Д., Шелов Д. Б., 1971, с. 60, 61).

Рассматривая памятники Шолданештской группы в лесостепной Молдавии как локальный вариант культуры Басараби и следуя за периодизацией, предложенной А. Вульпе, можно считать, что поселение и могильник у с. Шолданешты принадлежат к первому периоду развития культурного комплекса Басараби, к концу VIII—VII вв. до н. э., тогда как могильник у с. Селиште — ко второму периоду, к VII—VI вв. до н. э.

Судьба культуры и, вероятно, ее носителей отличалась от таковой Голиградской группы. В последние годы в связи с открытием в Молдавии могильников VI—V вв. до н. э. стало очевидным, что культура, представленная памятниками шолданештского типа, легла в основу гетской культуры, лучше всего известной на обширной территории Карпато-Балканского района в IV—III вв. до н. э.

Сахарнянско-Солонченская группа памятников. На археологической карте Молдавской ССР значится около 30 памятников, поселений и могильников, относящихся к Сахарнянско-Солонченской группе (Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А., 1974, с. 9—32). Хотя раскопки их были начаты в первые послевоенные годы (Смирнов Г. Д., 1949, с. 93—97) и велись довольно интенсивно в 50-х годах (Мелюкова А. И., 1954, с. 59—64; 1958, с. 76—90; Смирнов Г. Д., 1955, с. 117 сл.; Мельниковская О. П., 1954, с. 69—74; Розенфельдт Р. Л., 1955, с. 121—126; Никитин А. Л., Левин В. И., 1965, с. 75—80), до сих пор имеется много пробелов в их изучении, недостаточно ясны их территория, хронология, генезис и дальнейшая судьба. По тем данным, которыми мы располагаем, получается, что памятники этой группы занимали очень небольшую территорию среднего Поднепровья, концентрировались на правом берегу, в основном в Резинском р-не, хотя они есть и на левом берегу Днестра, в Рыбницком р-не Молдавской ССР (см. карту 3). Первоначально поселения и могильники Сахарнянско-Солонченской группы датировались нами VII—VI вв. до н. э. (Мелюкова А. И., 1958, с. 87, 88). Позднее на основании работ хронологии раннего железного века как в

нашей стране, так и за рубежом появилась необходимость внести некоторые исправления в предложенные ранее даты в сторону их удреждения (Мелюкова А. И., 1972, с. 66—70; Смирнова Г. И., 1977а, с. 94—106). До недавних пор было принято датировать Сахарнянско-Солонченскую группу концом IX—VIII — началом VII в. до н. э. В 1985 г. Г. И. Смирнова предложила еще удреждать эту группу и помещать ее между концом X — первой половиной VIII в. до н. э. (Смирнова Н. И., 1985, с. 33—53). Аргументация, приведенная исследовательницей в пользу такой датировки, представляется достаточно серьезной, хотя и не бесспорной.

Все известные в настоящее время поселения не имеют укреплений, расположены на мысах или берегах оврагов поблизости от воды. Сколько-нибудь выразительных остатков жилищ пока не обнаружено. Однако на всех трех поселениях, подвергавшихся раскопам, встречено большое количество глиняной обмазки с отпечатками жердей и прутьев, что свидетельствует о существовании жилищ каркасно-глинобитной конструкции. Из сооружений, оставленных древним населением, известны только ямы разных форм и величины. Довольно часто ямы составляли комплексы из двух-трех или реже — четырех ячеек. Определить назначение каждой ямы невозможно. Некоторые из них явно были очажными, имели глинобитный пол, а иногда еще и остатки глинобитной крышки, которой, очевидно, прикрывалось устье ямы для того, чтобы дольше сохранять тепло внутри. По форме и конструкции такие ямы аналогичны очажным ямам на поселении голиградской группы у с. Магала (Смирнова Г. И., 1969, с. 19, рис. 8). Другие ямы, очевидно, были хозяйственными и употреблялись для хранения зерна и продуктов. Часть ям жители использовали в качестве мусорных, сыпая в них золу из очагов и всевозможные отходы — битую посуду, сломанные вещи, кости животных и т. д. Кроме ям, зола и мусор сыпались в кучи, образуя зольники.

На Сахарнянском поселении обнаружены пять «столов» или площадок, сооруженных из камней, обмазанных глиной. Вблизи них найдены костяные лопатки, скребки и резак, глиняные и костяные штампы для орнаментации посуды. Г. Д. Смирнов вполне резонно определил назначение этих «столов» как мест для просушки керамики перед обжигом (1949, с. 95).

По раскопкам известны три могильника — два у с. Сахарна и один у с. Алчедар Резинского р-на, и еще в трех местах случайно были открыты погребения в каменных ящиках, которые, видимо, также относятся к описываемой группе памятников.

Могильники состоят из очень небольших, едва заметных на поверхности курганных насыпей, сооруженных из камней (оба Сахарнянских могильника) или земляных (Алчедарский могильник). Каменные насыпи в основании иногда окружены каменным кольцом. Под одной насыпью обычно два или три погребения. Они располагались или на уровне древней поверхности, или в неглубоких ямах, закрытых сверху каменными закладками (табл. 6, 52, 54). Довольно часто встречаются каменные ящики примитивной конструкции, сооруженные из известняковых диких плит, поставленных на ребро и

накрытых сверху такими же плитами (Розенфельдт Р. Л., 1955, с. 123 сл.). Известны два вида погребального обряда — труположения и трупосожжения. Первый был наиболее распространен, второй встречен лишь в одном из Сахарнянских могильников и в одном каменном ящике Алчедарского могильника, причем в последнем случае трупосожжение находилось вместе с труположением (Никитин А. Л., Левин В. И., 1965, с. 78). Кроме того, в нескольких могилах обнаружены частично обожженные скелеты. При труположении покойников клали в скорченной позе на правом или левом боку, головой на юг, юго-восток, восток и реже — на север (табл. 6, 51—53). Трупосожжения совершались на стороне, остатки сожжений хоронили без урны, сыпая прах на дно могилы или каменного ящика. На одном погребальном месте, если это погребение на древней поверхности, в могиле или в каменном ящике встречались как одиночные, так и парные и групповые захоронения. В последнем случае погребения совершались не в одно время, а с каким-то перерывом. При повторном захоронении кости предыдущего покойника сдвигались в сторону.

Инвентарь, сопровождавший погребенных, небогат и довольно однообразен, одинаков как в труположениях, так и в трупосожжениях. В мужских погребениях обязательно был черпак с высокой ручкой, иногда еще один или два сосуда иных форм; часто встречались железные ножи, каменные оселки, иногда бронзовые бляшки, а в одной из могил первого Сахарнянского могильника найдены еще и железные удила с роговыми псаліями. Предметы вооружения ни разу не встречены.

В женских могилах находились круглотелые кубовидные сосуды, миски и другие виды керамики, кроме черпаков. Из вещей в женских могилах найдены бронзовые браслеты, височные кольца или серьги, бляшки и перстни. В двух сильно разрушенных погребениях первого Сахарнянского могильника обнаружены обломки железных фибул.

Керамика из памятников Сахарнянско-Солонченской группы существенным образом отличается от посуды, характерной для памятников Голиградской и Шолданештской групп фракийского гальштата, хотя отдельные ее формы находят близкие параллели среди них. Это относится прежде всего к кухонной довольно грубой посуде, среди которой, как и в культурах фракийского гальштата, преобладают горшки без выделенной или слабо намеченной шейки, имевшие ручки-упоры на тулове, без орнамента или с орнаментом в виде валика с пальцевыми защипами (табл. 6, 5, 8). Редкими находками на поселениях этой группы явились тюльпановидные сосуды, видимо, заимствованные у черноморских племен правобережной Украины.

Столовая посуда и большие сосуды, служившие, вероятно, для хранения продуктов, сделанные из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями, в большинстве своем не имеют аналогий среди керамики культуры фракийского гальштата. Отличия наблюдаются как в формах, так и в способах орнаментации поверхностей, лощеных или хорошо заглаженных. Среди крупных сосудов преобладают экземпляры, имеющие узкое горло с отогнутым наружу краем и шаровидное или грушевидное туло-

во, резко сужающееся ко дну (табл. 6, 2—4). Иногда тулово сосуда бывает как бы составлено из двух частей, разделенных невысоким валиком (табл. 6, 2). Поверхности сосудов обычно черные или темно-серые, очень хорошо лощеные, украшены богатым резным и штампованным узором, заполненным белой пастой.

Столовая посуда представлена мисками, преимущественно с загнутым внутрь, по-разному оформленным на разных сосудах краем (табл. 6, 10, 11), черпаками с глубокой чашечкой и ручкой со столбиком или отростком на перегибе (табл. 6, 12—15), круглотельными кубками с более или менее высокой и узкой шейкой (табл. 6, 7).

Вся посуда описанных видов, встреченная на поселениях, обычно хорошо лощеная, тогда как такие же сосуды из погребений имеют лишь заглаженные поверхности. Но те и другие орнаментированы геометрическим узором, выполненным резьбой, зубчатыми, кольчатыми, эсвидными и другими штампами. Такие штампы делали из глины или кости, и нам они известны по находкам на поселениях (табл. 6, 19—34). Кроме того, в узор иногда входили сосковидные или небольшие вертикальные валики-налепы, а также горизонтальные валики. На мисках иногда употреблялся каннелированный орнамент по краю, тогда они похожи на миски из памятников Шолданештской группы. На поселениях Солонченско-Сахарнянской группы изредка встречаются миски с широким отогнутым краем, украшенные вертикальными каннелюрами, также близкие к шолданештским (табл. 6, 18). Из погребений происходят два небольших сосуда с крышками, видимо, ритуального назначения (табл. 6, 6).

На поселениях, помимо посуды, найдено довольно большое количество разнообразных глиняных поделок: пряслица и катушки разных форм и размеров, маленькие пинтадеры (?), подвески, пуговицы. Пряслицы встречены и в женских погребениях.

Кроме бытовых глиняных изделий, с поселений происходят глиняные поделки, вероятно, культового назначения. Самыми интересными из них являются антропоморфные статуэтки (табл. 6, 47, 48), не имеющие аналогий, но, видимо, восходящие к древним традициям средиземноморского искусства. Более примитивны фигурки животных (табл. 6, 49).

С поселений и из погребений Сахарнянско-Солонченской группы известно немало изделий из рога и кости: наконечники стрел тех типов, которые встречаются в памятниках предскифского периода в степи и лесостепи Украины (табл. 6, 44—46), псалии с тремя продолговатыми отверстиями (табл. 6, 39, 40), составляющие специфическую принадлежность конского снаряжения предскифского периода, пуговица с двумя парными отверстиями — такая же, как хорошо известные в предскифских погребениях степного Северного Причерноморья. Металлические поделки с Сахарнянско-Солонченских поселений и из погребений имеют аналоги в памятниках позднего чернолесья и Черноговорской группы. К ним относятся бронзовые бляшки — полусферические с ушком на обороте (табл. 6, 42), прямоугольные с двумя выпуклинами в середине и восьмеркообразные (табл. 6, 41), бляшка с символическим солнечным знаком из кургана у с. Алчедар. Другие бронзовые вещи принадлежат к числу изделий среднеевропей-

ского круга. Это половина удила с наружным кольцом в виде перевернутого стремени (табл. 6, 38), аналогичные удилам, часто встречаемым в фрако-киммерийских комплексах (Gallus S., Horváth T., 1939, taf. XI, 5; XVIII), рубчатые браслеты в полтора оборота, близкие к тем, которые хорошо известны вкладах и погребениях средней Европы эпохи бронзы и раннего гальштата (табл. 6, 35, 36).

В погребениях и на поселениях Сахарнянско-Солонченской группы встречаются железные ножи очень плохой сохранности, которые свидетельствуют о знакомстве жителей с железными орудиями труда. Но особый интерес представляют железные удила с большими круглыми кольцами на наружных концах (табл. 6, 37), найденные вместе с роговыми псалиями, имеющими овальные отверстия, в одном из курганов Сахарнянского могильника. По форме и большим размерам колец эти удила резко отличаются от тех, которые широко употреблялись в Северном Причерноморье и во многих соседних с ним землях с VI в. до н. э. Аналогии им есть лишь в кургане у с. Мервинцы в юго-западной Подолии (Смирнова Г. И., 1977а, с. 96, рис. 2, 2), а за пределами нашей страны — в одном из погребений могильника Мезочат в восточной Венгрии (Patek E., 1974, S. 350, Taf. VII, 5) конца гальштата В — начала гальштата С, т. е. VIII — начала VII в. до н. э. Типологически железные удила, о которых идет речь, сходны с бронзовыми однокольчатыми удилами — предшественниками двухкольчатых на территории Евразии (Тереножкин А. И., 1977, с. 149; Лесков А. М., 1975, с. 68).

Население Сахарнянско-Солонченской группы, помимо бронзовых и железных изделий, довольно широко пользовалось орудиями труда из камня, особенно из кремня. На всех поселениях, где проводились раскопки, и на многих, известных лишь по подъемному материалу, найдены кремневые серпы, а на ряде сахарнянско-солонченских поселений — каменные сверленные топоры, не отличающиеся от топоров эпохи бронзы (Мелюкова А. И., 1954, с. 82, рис. 27, 12).

Вопросы о происхождении культуры, представленной памятниками типа Сахарна—Солончаны и ее носителей, об их судьбах в более позднее время, а также об отношении к культуре фракийского гальштата и ее носителям пока не решены. По поводу происхождения существуют две точки зрения, сходные лишь в том, что сахарнянско-солонченская культура не имела на территории Молдавии местных корней, а была пришлой. Согласно одной из них (Мелюков А. И., 1979), ее принесли племена южно-фракийского корня, продвинувшиеся на среднее Поднестровье с нижнего Подунавья, где они представлены поселениями типа Бабадаг (средний слой) в Добрудже и в устье Дуная, а также Инсула-Банулуй в районе Железных Ворот. Румынские исследователи помещают те и другие в X в. до н. э. и ведут от них происхождение ряда памятников румынской Молдовы, получивших в литературе название типа Стойканы-Козия и содержащих керамику, сходную с сахарнянско-солонченской (László A., 1976). Вторая точка зрения связывает происхождение населения сахарнянско-солонченской группы с передвижением на правобережье среднего Поднестровья племен

с территории правобережной лесостепной Украины (Ильинская В. А., 1975, с. 175—177). Здесь также принимается во внимание прежде всего сходство керамики из солонченок-сахарнянских памятников и тех, которые относятся к позднему чернолесью и особенно к раннежаботинской поре. Сходство многих форм столовой посуды и ее орнаментации из памятников Молдавии и правобережной Украины действительно велико. Однако, как будет показано ниже, эти сходные черты не имеют местного происхождения на территории, занятой племенами чернолесской культуры. Видимо, там и здесь они появились из одного источника, а на правобережье лесостепной Украины пришли от носителей культуры, представленной Сахарнянско-Солонченской группой памятников (Мелюкова А. И., 1979, с. 30—32; Смирнова Г. И., 1983, с. 60—72).

Относительно соотношения трех групп памятников начала раннего железного века в Молдавской ССР можно сказать следующее: ощутимых географических границ между ними не наблюдается, за исключением того, что группа Сахарна—Солончены локализуется пока лишь на узкой территории, прижимаясь к Днестру, хотя сходные с ней поселения в Румынии известны в Прутско-Сиретском междуречье (László A., 1972, p. 207). Вполне вероятно поэтому предположить, что наблюдающийся территориальный разрыв объясняется слабой изученностью районов между Прутом и Днестром и что в будущем эти памятники будут выявлены там, и тогда их ареал совпадает с ареалом Кишиневской и Шолданештской групп фракийского гальштата. Скорее всего, между тремя отмеченными группами существовали хронологические различия (Мелюкова А. И., 1972, с. 66—71). Наиболее ранней из них была Кишиневская группа, в конце ее развития появилось южнофракийское население, закрепившееся в небольшой части среднего Поднестровья, которое не позднее начала VII в. до н. э. было вытеснено населением шолданештского варианта культуры Басараби. Культура, представленная памятниками типа Сахарна-Солончены, не получила дальнейшего развития в молдавской лесостепи и не оказала сколько-нибудь значительного влияния на формирование гетской культуры Карпато-Днестровского района. Поскольку на поселениях лесостепной Молдавии не наблюдается пожарниц или каких-либо иных следов военных действий, можно предполагать, что ни появление носителей Сахарнянско-Солонченской группы, ни смена ее Шолданештской не вызвали серьезных потрясений, а происходили, видимо, достаточно мирным путем.

Чернолесская культура. Свое название культура получила по наименованию одного из городищ, обследованных в 1949 г. экспедицией ИА АН УССР под руководством А. И. Тереножкина в Черном лесу в верховьях р. Ингулец (Тереножкин О. И., 1952б, с. 117—135). Интенсивные разведки и раскопки памятников чернолесской культуры производились в 1950—1959 гг., когда было открыто большинство городищ и поселений, известных в настоящее время, и определилась основная территория культуры в целом (Тереножкин А. И., 1952а, с. 80—97; 1959, с. 3—12; Покровська Е. Ф., 1952, с. 43—54; Граков Б. Н., Тереножкин А. И., 1958, с. 154—178;

Покровская Е. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1959, с. 30—34). В 50-е же годы Е. Ф. Покровской среди материалов, хранящихся в ГКИМ и происходящих из раскопок А. А. Бобринского, было выявлено несколько погребальных комплексов, список которых пополнился благодаря пересмотру А. И. Тереножкиным материалов из других дореволюционных раскопок (Покровська Е. Ф., 1953б, с. 128—137; Тереножкин А. И., 1952а, с. 96—97).

Характеристика чернолесской культуры и история ее носителей впервые были даны в докторской диссертации А. И. Тереножкина, вышедшей в виде монографии в Киеве в 1961 г. После этой книги наиболее важные материалы были получены для уточнения ареала чернолесской культуры. Исследования Г. Т. Ковпаненко выявили поселения этой культуры в бассейне р. Ворсклы, а Д. Я. Телегина и археологов из Днепропетровского гос. университета — на р. Орели и в междуречье Орели и Самары (Ковпаненко Г. Т., 1967, с. 33—49; Беляев О. С., 1977, с. 44—47; 1981, с. 68—70; Ромашко В. А., 1978, с. 71—72). Г. Ю. Храбан нашел такие же поселения на Уманщине, где до этого были известны лишь памятники белогородовской культуры (1971, с. 81—87). Более определенной стала принадлежность к числу памятников западного варианта чернолесской культуры городищ и могильников Подолии, открытых в 50-е годы (Смирнова Г. И., 1977а, с. 101; 1982; 1983, с. 60—72; Крушельницкая Л. И., 1975, с. 28, 29; 1985, с. 105). В результате всех этих работ выяснено, что территория чернолесской культуры простирается по лесостепной полосе Восточной Европы между р. Збруч на западе и междуречьем Орели и Самары на востоке. Южная граница ее в основном совпадает с северной границей степи, а северная — с началом лесной зоны (см. карту 3). Центром первоначальной консолидации чернолесских племен считается южная часть днепровского Правобережья, главным образом бассейн р. Тясмин. На правом берегу этой реки, между городами Смела и Новогородище, расположено большинство чернолесских городищ, среди которых наиболее известными являются Субботовское, Лубенецкое, Калантаевское, Тясминское, Московское, Залевкинское.

А. И. Тереножкин до недавних пор рассматривал чернолесскую культуру как промежуточный этап между белогородовской культурой и собственно скифским периодом в истории оседлых земледельческих племен лесостепной Украины и датировал ее X — серединой VII в. до н. э. (1961, с. 183). Начало скифского периода выделялось в лесостепи в жаботинский этап, который исследователи относили ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. Памятники чернолесской культуры А. И. Тереножкин разделял на два хронологических периода или ступени. Первую ступень он датировал X—IX вв. до н. э., а вторую — VIII — первой половиной VII в. до н. э. Деление чернолесских памятников на две ступени сохраняется поныне, но абсолютную хронологию второй ступени А. И. Тереножкин в своих последних работах предложил изменить в сторону удрепления. Поводом для этого послужила передатировка жаботинского этапа, предложенная В. А. Ильинской в связи с изучением тясминских курганов (Ильинская В. А., 1975, с. 56—72; Теренож-

кин А. И., 1976, с. 204—205). Конец чернолесской культуры А. И. Тереножкин предлагает датировать серединой VIII в. до н. э., жаботинский этап распространяется на вторую половину VIII — весь VII в. до н. э. Таким образом, исследователи изменили свое представление о жаботинском этапе, распространив это понятие на культурные комплексы не только раннескифского, но и предскифского времен. Выделив раннежаботинские памятники VIII — первой половины VII в. до н. э., В. И. Ильинская считает их переходными от чернолесских к культуре скифского времени. При этом исследовательница подчеркивает плавный переход, осложненный лишь появлением некоторых новых элементов. Существенные изменения происходят в культуре чернолесских племен лишь с наступлением скифской эпохи, т. е. со второй половины VII в. до н. э. Учитывая это, полагаю, что ранний жаботинский этап, предшествующий скифскому, правильнее представлять как позднейший в развитии чернолесской культуры. Абсолютная и относительная хронология памятников предскифской поры в связи с этим не меняется.

Ранний период чернолесской культуры тесно примыкает к белогрудовской культуре и относится еще к позднему бронзовому веку, поэтому характеристика его будет дана в соответствующем томе «Археологии СССР». Отмечу лишь, что переселение части чернолесских племен с Правобережья на Левобережье среднего Приднепровья происходило не на второй ступени чернолесской культуры, как считалось до начала 70-х годов (Ковпаненко Г. Т., 1967, с. 47—49), а уже в раннее чернолесское время. Причем сейчас выяснено, что первые носители чернолесской культуры на Левобережье появились в бассейне р. Орели (Беляев О. С., 1977, с. 47; 1981, с. 69—70; Буйнов Ю. В., 1981, с. 16; Ромашко В. А., 1982, с. 54—57), а затем уже на Ворскле.

Подавляющее большинство известных ныне памятников чернолесской культуры принадлежит ко второй ступени ее развития и к тому периоду, который известен как ранний жаботинский этап. Именно эти два этапа в развитии культуры населения лесостепной зоны Восточной Европы представлены наиболее полно открытыми поселениями, городищами и погребальными памятниками. Строительство городищ происходило, правда, только на южной окраине лесостепи и преимущественно в бассейне Тясмина. Очевидно, это было вызвано частыми нападениями степняков-кочевников, киммерийцев и ранних скифов. Для других территорий городища не были столь обычным явлением. Так, на среднем Днестре известны лишь два городища чернолесской культуры — Григоровское и Рудковецкое, построенные, видимо, несколько позднее тясминских и относящиеся к раннежаботинской поре (Смирнова Г. И., 1983, с. 60—72). Чернолесские городища на Тясмине отличаются малыми размерами. Они сооружались главным образом на мысах коренного берега с глубокими оврагами по бокам. Основу каждого чернолесского городища составляло круглое укрепление диаметром 40—100 м. Вокруг такой площадки строился земляной вал с бревенчатой крепостной стеной и рвом. С напольной стороны часто возводились еще дополнительные укрепления, иногда довольно обширные. Наиболее мощными оборонительными сооружениями отли-

чается Чернолесское городище. Кроме круглого укрепления, оно обнесено тремя линиями валов и рвов (табл. 7, 48).

Григоровское городище, близкое по планировке к городищам бассейна Тясмина, имело валы, сооруженные из земли с большим количеством камней, а в некоторых местах сплошь состоявшие из камней, иногда значительной величины (табл. 7, 51).

Большинство круглых городищ использовалось как убежища во время опасности. Жилая часть располагалась в дополнительных укреплениях или примыкала к стенам городищ. На Лубенецком, Тясминском и Калантаевском городищах круглые укрепления использовались под поселения. Жилища располагались вокруг вала, а внутренняя площадка оставалась свободной от застройки.

Жилища чернолесской культуры изучены пока не достаточно. Для раннего этапа характерны большие землянки, прямоугольные или квадратные в плане площадью иногда более 60 кв. м (нижний слой Субботовского городища, Андрусовское поселение). Посреди землянок находились один или несколько очагов, а иногда и печи с глинобитным подом. Строительство углубленных в землю жилищ — землянок или полуземлянок продолжалось и на втором этапе чернолесской культуры. На Тясминском городище открыты остатки землянки малых размеров (3,6 × 3,3 м), имевшей деревянные конструкции — столбы по углам и в центре и обшивку стен. Жилище полуземляночного типа овальной формы (7,2 × 8,5 м) с двумя печами и тремя ямами исследовано на поздне-чернолесском поселении Днестровка-Лука (Смирнова Г. И., 1982, с. 39—50, рис. 5). В раннежаботинское время существовали как землянки, так и наземные дома. Остатки тех и других открыты на Жаботинском поселении и Григоровском городище. На Жаботинском поселении они имели стены каркасно-глинобитной конструкции. Известны на этих поселениях открытые очаги и глинобитные купольные печи. На поселении у с. Хухра на Ворскле выявлены слегка углубленные в материк дома, овальные в плане, длиной 6,7—12 м, шириной 3,5—4 м с остатками очагов на возвышении в центре дома. На Жаботинском поселении, кроме остатков жилищ, обнаружены два культовых сооружения (Покровская Е. Ф., 1962, с. 73—78; 1973, с. 173—174). В жертвенниках и их орнаментации получила отражение идеология земледельческих племен, связанная с культом солнца и идеей плодородия. Культовое наземное сооружение из нескольких камер с каменными площадками в центре и ямы-жертвенники исследованы на поселении у с. Непоротово на среднем Днестре (Крушельницкая Л. И., 1975, с. 28).

На всех чернолесских городищах открыты остатки хозяйственных построек и большое количество ям, также какого-то хозяйственного назначения. Имеются там и зольники, хотя и не так ясно выраженные, как на поселениях белогрудовской культуры.

Погребальные памятники, относящиеся ко второй ступени чернолесской культуры, представлены несколькими случайно открытыми погребениями. Среди них преобладают трупосожжения с захоронением праха в урнах, встречаются и труположения в скорченной позе. Как те, так и другие имеют место в курганах и бескурганных могильниках. Наиболее

выразительными погребальными памятниками чернолесской культуры являются курганы 185 на р. Тенетинке и 52 у с. Гуляй-Город. В первом из них открыто коллективное погребение на специальной площадке под курганной насыпью (Бобринский А. А., 1894, с. 91). Остатки трупосожжений взрослых и детей в одних случаях лежали в сосудах, в других — около них. Некоторые малые горшки были накрыты сверху большими. Из этого погребения происходят 20 сосудов и бронзовый браслет (Покровська Е. Ф., 19536, с. 128—130). В кургане 52 у с. Гуляй-Город в большой грунтовой могиле (до 7 м по сторонам, глубина 2,3 м), обложенной по стенам деревом, находилось коллективное погребение, в котором покойники лежали в два яруса. На дне четверо погребенных находились в специальных канавках. Они были ориентированы головами на запад. Три следующие захоронения положены на деревянный накат на глубине 1,4 м головами на север. В головах у каждого погребенного находились по два-три сосуда. Среди обломков керамики обнаружена бронзовая серьга спиралевидной формы (Покровська Е. Ф., 19536, с. 133—135, рис. 3, 5).

Отдельные курганные погребения, совершенные по обряду трупосожжения, открыты у с. Мотовиловка Фастовского р-на Киевской обл., у Полудневского городища, на трипольском поселении у с. Коломийщина, на могильнике зарубинецкой культуры у с. Кайлов около Киева и в некоторых других местах (Тереножкин А. И., 1961, с. 42—46). Среди них есть как одиночные, так и коллективные захоронения.

Более определенные и выработанные формы имеют погребальный обряд и обстановка, относящиеся к раннежаботинскому или позднему времени развития чернолесской культуры. Памятники этого периода впервые были выделены Е. Ф. Покровской, затем В. А. Ильинской в бассейне р. Тясмин (Покровская Е. Ф., 1953а, с. 130—132; Ильинская В. А., 1975), а в бассейне р. Рось — Г. Т. Ковпаненко (1981). Они есть и в Винницкой обл. на Южном Буге, а также на среднем Днестре, в районе г. Могилев-Подольский у с. Лука-Врублевецкая. Отдельные погребения известны и в других районах распространения чернолесской культуры — на Каневщине и в бассейне р. Ворсклы.

Предположительно выделяются локальные группы погребальных памятников позднейшего этапа чернолесской культуры. Так, для бассейна рек Тясмин и Рось характерны погребения в насыпях более ранних курганов или под насыпью на древнем горизонте. Отмечается преобладание обряда трупоположения, хотя из-за сильной потревоженности многих погребений неясной остаются поза трупоположений и их ориентировка. В захоронениях относительно хорошей сохранности встречены вытянутые скелеты черепом на запад, северо-запад или юго-запад. Реже встречаются другие ориентировки. Имеются случаи сожжения покойников в насыпи или на древнем горизонте и сожжения деревянных скелетов.

Не всегда можно определить количество погребений в одной могиле, но известны случаи одиночных, парных и групповых захоронений. В кургане 4 у с. Медвин обнаружена большая и глубокая

могила с дромосом (2,5×2,2×2,2 м), перекрытая накатом из деревянных (табл. 7, 53) колод.

Несколько иную картину дают погребальные памятники позднейшей предскифской поры на Южном Буге и среднем Днестре. На Южном Буге в курганном могильнике у с. Тютки под Винницей, где исследованы шесть курганов из девяти, составлявших группу, все погребения оказались основными, совершенными в неглубоких могилах (Заец И. И., 1979, с. 256—260). Только в одном из курганов обнаружено одиночное погребение, в остальных содержалось до восьми погребенных взрослых и детей (табл. 7, 56). Все погребения представляли собой трупоположения, но большинство покойников лежало в скорченной позе на правом или левом боку, головой на север или юг. Такой же обряд погребения зафиксирован на среднем Днестре в курганах у сел Лука-Врублевецкая (Шовкопляс І. Г., Максимов Е. В., 1952, с. 89—109) и Днестровка-Лука (Смирнова Г. И., 1982, с. 30—38). Отличие этих памятников заключается лишь в том, что скорченные погребения совершались не только в неглубоких могильных ямах, но и на древнем горизонте, на вымостке из камней. Из камней сооружали и курганные насыпи. Эти особенности сближают могильник с курганами Сахарнянско-Солонченской группы в Молдавии.

Погребальный инвентарь в большинстве курганов позднейшего этапа чернолесской культуры ограничивается керамикой. Кроме керамики, в могилах находят глиняные пряслица, железные ножи, мелкие бронзовые украшения. Лишь в некоторых погребениях встречены бронзовые удила с псаллиями или без них (табл. 7, 27, 28, 30). Здесь можно видеть влияние кочевников-киммерийцев из степи Северного Причерноморья. Однако в целом на погребальных памятниках предскифского времени правобережной украинской лесостепи степное воздействие мало заметно. Это не исключает появления в лесостепи погребений, сходных со степными по всей погребальной обстановке. К их числу принадлежит захоронение у с. Бутенки Кобелякского р-на Полтавской обл. (Ковпаненко Г. Т., 1962, с. 66—72). Оно было совершено по обряду трупосожжения, не свойственному киммерийцам, но содержало набор вещей, типичных для киммерийского воина-всадника. К той же категории памятников относится курган у с. Носачево Смелянского р-на Черкасской обл. (Ковпаненко Г. Т., 1966, с. 174—179), в котором, кроме оружия и предметов конского убора, обычных для памятников новочеркасского типа, найдены бронзовые ажурные пряжки (табл. 7, 47), неизвестные в других памятниках как лесостепной, так и степной зон Восточной Европы. Такие же пряжки изображены среди украшений коней на ассирийских рельефах времени Саргона II (722—705 гг. до н. э.) и Ашурбанипала (668—624 гг. до н. э.).

В 1979 г. на территории лесостепи у с. Квитки Корсунь-Шевченковского р-на обнаружено еще одно богатое воинское погребение позднейшего предскифского времени, входящее в круг погребений воинов-всадников типа Новочеркасского клада (Ковпаненко Г. Т., Гуцало П. Д., 1984, с. 39—58). По-видимому, прав А. И. Тереножкин, причисляя эти погребения воинов-всадников из лесостепи к числу памятников исторических киммерийцев.

Керамика первой ступени чернолесской культуры мало отличается от предшествующей ей белогрудовской посуды. Гораздо более заметные изменения происходят в керамике с наступлением второй ступени чернолесской культуры. Простые горшки, сохраняя традиционную тюльпановидную форму, имеют другие пропорции. Меняется орнамент. Теперь это валик, расчлененный пальцевыми защипами, или простые пальцевые защипы в нижней части шейки. Под венчиком появляются проколы (табл. 8, 5—7). Новой формой становятся горшки с выпуклым плечом и хорошо выделенной шейкой, близкие к степным (табл. 8, 14), а также сосуды без шейки с выпуклыми боками и ручками-упорами, явно подражающие фракийским.

Резко изменяется форма мисок. Теперь они имеют загнутый внутрь или прямой край, иногда орнаментированный косыми каннелюрами, насечками, ямками или невысокими рельефами (табл. 8, 15—20). На некоторых экземплярах встречается узор, выполненный мелкозубчатым или S-видным штампом, а также резьбой.

Узкогорлые кубки и более крупные кубковидные сосуды по форме мало отличаются от предшествующих, иной стала их орнаментация. Теперь они украшаются резным или штампованным узором, затертым белой пастой (табл. 8, 30, 31). Рельефная орнаментация, характерная для кубков первой ступени чернолесской культуры, здесь встречается редко. Черпаки, как и прежде, редки в памятниках второй ступени чернолесской культуры, но те, которые известны, или повторяют старые формы, или имеют более низкую чашечку и выступ на перегибе ручки. Последние по форме близки к тем, которые характерны для следующего — раннежаботинского этапа, но лишены богатой орнаментации (табл. 8, 21—24). Специфической формой второй ступени чернолесской культуры являются небольшие стаканообразные сосуды, так называемые пиксиды, украшенные на поверхности резным геометрическим орнаментом (табл. 8, 32—35). Резным и штампованным узором обычно по плечу украшаются теперь и многие большие корчаги и кубковидные сосуды, по форме не отличающиеся от раннечернолесских (рис. 8, 9, 10).

Почти все новые формы и особенно новые элементы и системы орнаментации, которые отличают керамику второй ступени чернолесской культуры от более ранней, ведут свое происхождение от сахарнянско-солонченской посуды среднего Поднепровья (Мелюкова А. И., 1979, с. 72—84; Смирнова Г. И., 1983, с. 60—72; 1980, с. 121—143). Еще более отчетливо влияние керамики этого круга выступает в раннежаботинский период (табл. 8, 18—20, 25—28, 36—41). Из областей распространения гальштатских культур, возможно, также с территории Молдавии в позднем чернолесье получили распространение большие корчаги типа виллановы, украшенные горизонтальными каннелюрами по шейке, с ручками-упорами на тулове (табл. 8, 2). На раннежаботинском этапе наблюдается пропикновение на территорию правобережной Украины лощеных сосудов с орнаментом, типичных для культуры Басараби, представленных в Молдавии в памятниках шолданештского типа (Мелюкова А. И., 1979, с. 80—82, рис. 28;

Смирнова Г. И., 1977а). Отдельные сосуды шолданештского типа продолжали встречаться в памятниках раннескифского времени, в VII—VI вв. до н. э. К ним относятся, например, черпаки с каннелюрами с Немировского городища, некоторые миски и черпаки с Трахтемировского городища, миска из кургана Глеваха и некоторые другие. Однако если сравнивать значение внешних влияний на керамику чернолесской культуры, то нельзя не заметить, что основную роль в появлении новых форм и особенно в орнаментации сосудов на второй ступени чернолесской культуры и в раннежаботинское время сыграла керамика типа Сахарна—Солончены. Влияние культуры Басараби было гораздо слабее и проявлялось только на раннежаботинском этапе. Воздействие Сахарнянско-Солонченской группы Молдавии сказалось сильнее всего в южных и юго-западных районах распространения чернолесской культуры, тогда как в северных ее областях (к северу от бассейна Роси) почти нет лощеной посуды, богато украшенной штампами и резьбой.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в целом комплексы керамики из чернолесско-жаботинских памятников достаточно своеобразны, не тождественны сахарнянско-солонченским. Различия особенно ярко выступают в кухонной посуде, восходящей там и здесь к разным традициям.

Набор вещей чернолесской культуры менее выразителен, чем керамика, но и в нем есть оригинальные изделия, характерные только для данной культуры. Прежде всего — это литые бронзовые браслеты с орнаментом в виде овальных или круглых выпуклостей, между которыми помещались различные рельефные узоры; бегущие спирали, поперечные пояски, ряд кружков и точек (табл. 7, 15—17). Все они относятся ко второй ступени чернолесской культуры и являются произведениями местных мастеров, хотя, вероятно, и заимствовавших характер орнаментации у своих западных соседей — фракийцев. Характерными для чернолесской культуры были височные кольца в виде небольшой спирали, скрученной из бронзовой проволоки, у которой наружный конец загнут в петлю (табл. 7, 42).

Остальные украшения и ряд других вещей из бронзы, известные по находкам на поселениях и особенно в кладах на территории чернолесской культуры, имеют более широкий ареал или хронологический диапазон, что, однако, не исключает их местного изготовления. К ним относятся спиральные бронзовые проволочные браслеты (табл. 7, 14), булавки с гвоздевидной или конической шляпкой и боковой петлей (Тереножкин А. И., 1961, рис. 101, 2). Обломки форм для отливки таких булавок найдены в верхнем слое Субботовского городища, относящемся ко второй ступени чернолесской культуры. В этот же период появились булавки с закрученной в петлю головкой, более характерные для раннескифского времени (табл. 7, 18). К числу предметов, распространенных не только в чернолесской культуре, но и в ряде соседних культур, принадлежат бронзовые восьмеркообразные бляшки, трубочки, свернутые из прямоугольных листочков бронзы, трапециевидные подвески и некоторые другие украшения (табл. 7, 33, 43—45).

Встречаются и явно импортные вещи, такие, как

ладьевидная фибула итальянского производства (Тереножкин А. И., 1961, рис. 112, 5) или браслет с закрученными в спираль концами (там же, рис. 112, 1), пронизка с тремя лопастями (там же, рис. 112, 4) трансильванского происхождения.

Из орудий труда специфически чернолесскими считаются бронзовые одноушковые кельты с елочным орнаментом (табл. 7, 1; Тереножкин А. И., 1961, с. 160, рис. 107). К позднечернолесскому времени относится железный кельт с одним ушком и шестигранным клинком — случайная находка у с. Зарубинцы (табл. 7, 26) и сходный с ними по форме, но бронзовый кельт из бывшего Переяславского уезда Полтавской губ. (Тереножкин А. И., 1961, рис. 87, 14, 88).

На второй ступени чернолесской культуры появляются и железные тесла с выступами под верхом (табл. 7, 2), а также железные ножи, по форме близкие к скифским (табл. 7, 10—12).

Находки металлических предметов вооружения в памятниках чернолесской культуры очень редки, а те, которые найдены в курганах или в виде случайных находок, ничем не отличаются от оружия кочевников из степей Северного Причерноморья. Известны два меча из железа с бронзовыми рукоятками (табл. 7, 9) и такой же кинжал, несколько железных и бронзовых наконечников копий (табл. 7, 3—7), бронзовые наконечники стрел новочеркасского типа (табл. 7, 23, 24),

Население чернолесской культуры использовало и конское снаряжение, характерное для ранних кочевников степей Восточной Европы, бронзовые удила с двукольчатыми наружными концами новочеркасского типа, а также свойственные для них псалии (табл. 7, 27—30) и лунницы (табл. 7, 31, 32). Однако чаще бронзовых в лесостепи применялись костяные и роговые псалии (табл. 7, 34—38). Некоторые из них копируют бронзовые (табл. 7, 38). Встречаются также украшения конской узда из кости-лунницы, круглые бляшки и пронизи с двумя или одним отверстием (табл. 7, 46). Кость и рог употреблялись и для других поделок. Но особенно широко применялись эти материалы для изготовления наконечников стрел на второй ступени чернолесской культуры. Многие из них повторяют формы, известные в степных памятниках (табл. 7, 20—22), но есть и довольно крупные с черенком, изготовленные из рога оленя (табл. 7, 19), которые отличаются от степных и, вероятно, имеют местное происхождение.

На Лубенецком и Московском городищах найдены два костяных гарпуна поворотного типа с одним шипом (табл. 7, 25). Кроме того, из рога оленя и различных трубчатых костей животных население чернолесской культуры изготавливало мотыги, муфты для орудий, шилья, проколки, лоцила и другие вещи. Достаточно широко, но главным образом на первой ступени развития чернолесской культуры, были распространены изделия из кремня и камня: кремневые вкладыши серпов, каменные проушные топоры и молоты. На второй ступени чернолесской культуры в Приднепровье и на Тясмине кремневые и каменные орудия труда почти совсем выходят из употребления, но на среднем Днестре, а также в северных районах чернолесской культуры они сохраняются вплоть до скифского времени.

Часто встречаются на чернолесских поселениях зернотерки из твердого кварцита. На Субботовском городище обнаружено место массового изготовления таких зернотерок.

В раннежаботинское время на территорию днепровского Правобережья проникают клепаные бронзовые ситулы кавказского производства (Ильинская В. А., 1975, с. 114, рис. 9, табл. 8, 13).

Чернолесская культура была той основой, на которой складывалась и развивалась далее культура правобережного и отчасти левобережного Приднепровья в скифский период. Сама же она прямо восходит к белогородовской, а эта последняя — к тшинецко-комаровской. Однако отмеченное выше сильное влияние фракийцев на второй ступени чернолесской культуры внесло существенные изменения в ее первоначальный облик. Некоторую роль в процессе развития чернолесской культуры сыграли и элементы, заимствованные от степных кочевников.

Вопрос об этнической принадлежности носителей чернолесской культуры решался А. И. Тереножкиным в пользу предков славян или праславян. Большинство исследователей разделяет эту точку зрения. Но существует мнение о фракийской принадлежности чернолесских племен (Березанская С. С., 1985, с. 14—15). Последнее, на мой взгляд, более уязвимо для критики, так как по своему генезису и общему облику чернолесская культура существенно отличается от определенно фракийских. Вместе с тем на основании всего сказанного по поводу сильного фракийского влияния, видимо, нельзя отрицать проникновения в правобережную лесостепь на второй ступени чернолесской культуры какой-то группы фракийского населения с территории Молдавии, ассимилированного вскоре местными племенами. Мнение М. И. Артамонова (1974), призывающее считать чернолесское население ассимилированным иранцами, в археологическом материале не находит подтверждения.

Бондарихинская культура. Своим названием культура получила по первому месту раскопок на поселении в урочище Бондариха на Северском Донце близ г. Изюм (Телегин Д. Я., 1956; Іллінська В. А., 1957а). Наиболее ранние памятники этой культуры относятся к концу II — началу I тысячелетия до н. э., наиболее поздние — к первой половине VII в. до н. э. Выделяются три периода существования бондарихинской культуры, из которых первые два — ранний (XII—XI и X—IX вв. до н. э.) — целиком относятся к эпохе бронзы и лишь поздний период принадлежит к началу железного века и датируется VIII — серединой VII в. до н. э. (Буйнов Ю. В., 1981). Два первых периода охарактеризованы в соответствующем томе настоящего издания. Здесь речь пойдет лишь о поздних памятниках.

Бондарихинская культура занимала всю лесостепь днепровского Левобережья и Подонья. Границы ее: на севере — р. Сейм, верховья Дона и Цпы; на юге — междуречье Орели и Самары, среднее течение Северского Донца и Дона; на востоке — р. Мокша; на западе — р. Сула и низовья р. Ворсклы. Однако поздние памятники известны лишь на Северском Донце, Суле и Ворскле (см. карту 3).

Для VIII — середины VII в. до н. э. характерны поселения и городища. Последние стали известны

лишь с 1976 г. Они расположены на южной окраине лесостепи, как и чернолесские городища на Правобережье. Очевидно, необходимость их сооружений вызвана участвовавшими вторжениями степняков-кочевников. Наиболее изученным является городище у с. Веселое на р. Великий Бурлук. Оно расположено на мысу, защищенном с напольной стороны земляным валом, усиленным деревянной изгородью и рвом. Размеры городища 160×85 м. Среди открытых поселений есть пойменные, занимающие пониженные участки первой надпойменной террасы, и мысовые (Ницаха, Хухра, Шмаровка, Родной Край и др.). Жилищами служили наземные дома и полуземлянки. Наземные дома прямоугольных очертаний, площадь их — 7×5 и 10×6 м. Полуземлянки углублены в материк на 0,5—0,7 м. Они также прямоугольные в плане, но отличаются большими размерами. На поселении Ницаха, например, полуземлянка имела площадь 114 кв. м (табл. 9, 23). Деревянная столбовая конструкция составляла основу как для наземных жилищ, так и полуземлянок. На ней крепились стены и двускатная крыша. В качестве отопительных сооружений служили открытые очаги, устроенные в небольших углублениях в полу жилищ или на глиняных площадках, и купольные печи.

На городище Веселое исследовано кухонное помещение с печью-каменной. На поселениях и городищах бондарихинской культуры встречаются зольники, в которых, кроме обломков керамики, костей животных и другого бытового мусора, найдены культурные предметы — миниатюрные сосуды, глиняные лепешки и хлебцы, зооморфные фигурки. Эти находки позволяют считать зольники не просто мусорными кучами, а сооружениями, связанными с отправлениями культа домашнего очага и огня.

Погребальные памятники позднего этапа бондарихинской культуры пока не обнаружены. Они известны лишь для среднего ее периода — X—IX вв. до н. э. (могильник у с. Тимченки; Буйнов Ю. В., 1977, с. 208—215). Можно лишь предполагать, что погребальные традиции и в поздний период развития культуры остались прежними. Покойников сжигали, а прах хоронили в неглубоких ямах прямо на дне или в урне с несколькими обломками намеренно разбитых горшков. Отдельные могилы имели внешние ориентиры в виде маленьких холмиков и вбитых рядом с ними или вкопанных в центр погребальной ямы деревянных столбиков.

К бондарихинской культуре исследователи относят и впускное погребение по обряду трупоположения в кургане 2 у с. Магдалиновка в бассейне р. Орели, а также погребение, обнаруженное на селище Оскол (Ильинская В. А., 1959, с. 80—84). В одном и другом случаях покойники были положены в скорченной позе на левом и правом боку, ориентировка различна. При первом из них находился типичный бондарихинский горшок, второе — безыскусное. Керамика является одним из характерных элементов культуры бондарихинских племен. Основные ее формы мало менялись с течением времени. Среди кухонной посуды преобладали горшки с низким и широким слабо профилированным горлом, с более или менее раздутым туловом и небольшим дном (табл. 9, 2, 3, 5—10). Наряду с ними бытовали тюльпановидные сосуды и банки двух типов (табл. 9, 4). Боль-

шинство бондарихинских горшков орнаментировано по шейке, плечикам или всему тулову. Чаще всего это тычковые вдавления плоской, круглой или заостренной палочкой (табл. 9, 2—7, 10), составляющие треугольники, обращенные вершинами вниз, горизонтальные, вертикальные, косые линии, зигзаги, елочки и т. д.

Столовая керамика, известная с поселений и городищ позднего периода бондарихинской культуры, представлена формами, заимствованными от соседей — у населения чернолесской культуры: миски, кубки, кружковидные черпаки, корчаги. На многие из них нанесен орнамент, сделанный зубчатыми или другими штампами, резьбой и затертый белой пастой (табл. 9, 1). Обломки таких сосудов позволяют синхронизировать поздние бондарихинские памятники с чернолесскими на втором этапе развития чернолесской культуры. Однако Г. Т. Ковпаненко, исследуя поселения Хухра и Ницаха, выявила, что культурный слой с бондарихинской керамикой стратиграфически предшествовал слоям с чернолесской посудой (1967, с. 15—21). Это послужило основанием для вывода о продвижении правобережного лесостепного населения на Ворсклу на втором этапе развития чернолесской культуры. Б. А. Шрамко (1972, с. 153—155) и вслед за ним Ю. В. Буйнов (1981) на основании материалов из поселений Любавка, Родной Край, Травянское I отрицают указанную Г. Т. Ковпаненко последовательность слоев и отмечают, что на этих памятниках фрагменты сосудов позднечернолесского облика не образывали стратиграфически обособленные комплексы, а встречались вместе с бондарихинскими. Данное явление они объясняют контактами, существовавшими между племенами бондарихинской и позднечернолесской культуры в бассейне Ворсклы. Переселение же чернолесцев на эту территорию, по их мнению, происходило позднее, на раннежаботинском этапе, в первой половине VII в. до н. э. Вместе с тем, основываясь на материалах поселений бассейна р. Орели, Шрамко и Буйнов считают возможным говорить о переселении в этот район части жителей правобережья среднего Поднепровья уже на первом этапе развития чернолесской культуры, т. е. в IX—VIII вв. до н. э.

Что касается вещей, то в бондарихинской культуре нет никаких предметов, свойственных только ей, хотя носители этой культуры раньше, чем многие другие народы Восточной Европы, научились самостоятельно добывать и обрабатывать железо. Железные шлаки, куски криц и болотная руда найдены на нескольких бондарихинских поселениях, относящихся еще к эпохе поздней бронзы, а на селище Лиманское озеро С. И. Татариничевым раскопан горн с кусками криц и каплями железа. О существовании местного бронзолитейного производства свидетельствуют находки на ряде поселений глиняных лячек (табл. 9, 13, 16).

Из вещевого комплекса бондарихинской культуры к позднему периоду относятся лишь немногие предметы: цилиндрический костяной молот с овальным отверстием для рукояти, бронзовая посоховидная булава, роговой и костяной стержневидные псалы с тремя отверстиями в одной плоскости (найжены на поселениях Родной Край, Шилово) — вещи, имеющие широкие аналогии среди материалов позд-

ней чернолесской и степной киммерийской культур. Свообразны костяные наконечники стрел (табл. 9, 18).

Относительно дальнейших судеб бондарихинской культуры и ее носителей существуют разные точки зрения. В. А. Ильинская считала, что бондарихинские племена с южных окраин левобережной лесостепи были вытеснены в VII в. до н. э. на Десну и Сейм пришлыми скифами. Именно они были создателями там юхновской культуры середины и второй половины I тысячелетия до н. э. (Ильинская В. А., 1961а, с. 26 сл.) Однако Б. А. Шрамко, который в своих ранних работах поддерживал гипотезу В. А. Ильинской, позднее изменил свое отношение к ней. Выявив на городищах Бельское, Люботинское, Басовское, археологические материалы, которые можно датировать еще позднейшим предскифским периодом, т. е. VIII — первой половиной VII в. до н. э., он таким образом удревнил время возникновения городищ Левобережья, что позволило ему «сомкнуть» бондарихинскую культуру с раннескифской. Основываясь на этом и принимая во внимание распространение той и другой на одной территории и одинаковые формы хозяйства, Б. А. Шрамко приходит к выводу о существовании генетической связи бондарихинского населения и основной массы левобережного населения скифской поры (1972, с. 159—161). К нему присоединяется Ю. В. Буйнов, отрицающий предположение о запустении всей территории левобережной лесостепи в VII в. до н. э. (1981, с. 17). Нет единого мнения и относительно этнической принадлежности бондарихинских племен. Одни исследователи считают их финно-уграми (В. А. Ильинская, С. С. Березанская), другие — балтами (М. И. Артамонов). Б. А. Рыбаков видит в них прабудинов — предков финно-угров (1971, с. 163).

Кизил-кобинская культура предгорного Крыма

На рубеже двух эпох — поздней поры бронзового века и начальной поры железного века — в предгорных районах Крыма появляются поселения с лощеной орнаментированной керамикой, которые получили название кизил-кобинских по месту первой находки у пещеры Кизил-Коба на отрогах Долгоруковской яйлы. Исследования их, начатые Г. А. Бонч-Осмоловским и С. И. Забным (Бонч-Осмоловский Г. А., 1926), были продолжены и значительно расширены в послевоенные годы Тавро-скифской экспедицией и музеями Крыма. Вблизи некоторых поселений открыты могильники и пещерные святилища, раскопанные полностью или частично. Они позволяют составить представление об образе жизни основателей поселений кизил-кобинской культуры, их хозяйственном укладе, взаимоотношениях с соседними племенами. Результаты исследований нашли отражение в отдельных публикациях памятников (Дашевская О. Д., 1951; 1958б; Тахтай А. К., 1947; Шульц П. Н., 1957; Щепинский А. А., 1957а, б; 1963) и двух монографий (Лесков А. М., 1965; Крис Х. И., 1981), из которых следует, что некоторые вопросы, касающиеся датировки и периодизации, а также этнической принад-

лежности племен кизил-кобинской культуры, остаются дискуссионными. Несмотря на существующие разногласия, мнение исследователей едино в том, что кизил-кобинская культура формируется на заключительном этапе бронзового века и продолжает существовать в начальную пору железного века. Это определило два качественно разных этапа в развитии кизил-кобинской культуры.

Основной материал для ее изучения получен из раскопок поселений (более десяти) и разведок (более полусотни) местонахождений кизил-кобинской керамики (см. карту 3). Поселения кизил-кобинской культуры возникали постепенно: некоторые из них — наиболее ранние — представляли собой естественные убежища, они существовали в эпоху поздней бронзы, о чем свидетельствует широкое распространение орудий из кости и камня (Уч-Баш, Балаклавское, Ашлама, Балта-Чокрак). Часть поселений возникла на рубеже двух эпох и содержит материалы раннего и позднего этапов (Кизил-Коба, Симферопольское). Остальные появились только в эпоху раннего железного века, и в них полностью отсутствуют черты, свойственные эпохе поздней бронзы, в частности кремневые и каменные орудия труда.

Для определения относительной хронологии поселений основными источниками послужили орнамент на сосудах, а в некоторых случаях — и формы сосудов, имеющие аналогии в соседних культурах эпохи поздней бронзы и раннего железа Северного Причерноморья. Она подтверждена была и единичными датированными находками из поселений кизил-кобинской культуры, которые определяют время основания кизил-кобинских поселений IX—VIII вв. до н. э. Рубеж между первым и вторым этапами датируется серединой VII в. до н. э. Поздний этап относится к VI—V вв. до н. э. (Крис Х. И., 1981, с. 10 сл.).

Культурный слой большинства поселений сильно нарушен запашкой, что было причиной крайне плохой сохранности сооружений: лишь в редких случаях можно было обнаружить остатки жилищ. Так, три жилища с углубленным в землю полом были открыты на поселении Уч-Баш. Форма их неправильно-прямоугольная, размеры 5×9 м. Основу стен составляли столбы и колья, переплетенные прутьями, снаружи и внутри стены обмазаны глиной с соломой и заглажены. По центральной продольной оси на полу жилища находились ямки от столбов, поддерживавших двускатную кровлю. Пол обмазан глиной. В центре жилища — два очага. В центре такого же жилища на поселении Ашлама у очага найдены диски из рыхлого глиняного теста и жаровня для выпечки лепешек диаметром около 1 м, а в ямке от столба, поддерживавшего кровлю, — миниатюрный сосудик. Вблизи жилища в яме совершенно было частичное захоронение коня, над которым установлен большой цилиндрический камень. Это остатки жертвоприношения, практиковавшегося при закладке жилища, известные не только в археологических, но и в этнографических источниках. В отличие от больших наземных домов Уч-Баша и Ашланы на площадке у пещеры Кизил-Коба открыты две полуземлянки малых размеров (не более 9 кв. м) с очагами. Кровля держалась на прочной конструкции в виде плетеного шалаша из толстых жердей.

На поселениях более позднего времени, слой которых сильно перепахан, обнаружены следы наземных жилищ в виде остатков глиняной обмазки стен на прутьяной основе (Симферопольское поселение).

Таким образом, большие, слегка углубленные наземные дома характерны для всего периода существования кизил-кобинской культуры, небольшие землянки — только для раннего периода.

Наиболее распространенными сооружениями на поселениях кизил-кобинской культуры являются хозяйственные ямы, расположенные внутри и за пределами жилищ. Размеры их различны. Наибольших размеров они достигают на поселениях позднего периода (максимальный диаметр 1,8 м, глубина около 3 м). Они снабжены крышками из известняка, напоминают зерновые ямы Нимфея и Неаполя скифского не только размерами, но и бочковидной формой. Такие ямы особенно характерны для поздних поселений, в то время как ямы грушевидной формы известны лишь на ранних поселениях, они и по размерам уступают бочковидным.

Помимо поселений, в плодородных долинах в засушливое время года, когда истощались пастбища, при откочевке стад на яйлу скотоводы устраивали временные стоянки на освещенных солнцем площадках у входа в пещеры. Там сохранился незначительный культурный слой с остатками кострищ и кизил-кобинской керамикой. В двух пещерах, сырых и темных, совсем непригодных для жилья — Ени-Сала и одной из кизил-кобинских, были открыты святилища. В них найдено большое количество лощеных орнаментированных сосудов, а в пещере Ени-Сала посреди зала с причудливыми сталактитами возвышался крупный сталагмит, увенчанный рога́тым черепом козла.

Могильники находятся вблизи поселений кизил-кобинской культуры. Различия в конструкции гробниц и ориентировке погребенных создают впечатление неустойчивого погребального обряда. Так, в могильнике Таш-Джарган в один ряд или гряду, ориентированную в направлении север — юг, расположены каменные ящики малых размеров и кромлехи диаметром около 5 м, сооруженные из крупных камней, установленных в траншее и забутованных мелким камнем; в центре кромлеха в неглубоких ямах под слоем камня — погребения. В могильнике Карлы-Кая неглубокие могилы (до 30 см) обложены грубыми обломками известняка. Могильник Уч-Баш представляет собой расположенные рядами гробницы из составных плит в прямоугольных оградах.

В каждой гробнице от одного до пяти погребений, ориентированных головой на юго-восток, юго-запад, юг, восток. Частично уцелевшие костяки и малые размеры гробниц говорят о скорченном положении погребенных. Инвентарь погребений крайне беден: в некоторых встречены украшения из бронзы (булавки, пронизи, бляшки) (табл. 10, 39, 42—44), бусы из камня и стекла, бронзовые наконечники стрел. Почти все погребенные сопровождаются одним-двумя кубками, аналогичными найденным на поселениях. Могильники предгорного Крыма, принадлежавшие основателям кизил-кобинских поселений, резко отличаются от монументальных крымских мегалитов горной и прибрежной частей полуострова, оставленных таврами, из которых происходит большое

число украшений и предметов вооружения (несмотря на их неоднократные ограбления).

Керамика представлена большим количеством типов и вариантов сосудов различной величины, пропорций, отделки поверхности и характера орнамента. Наиболее распространенной категорией являются горшки. Вытянутые пропорции характерны для сосудов крупных размеров, служивших для хранения запасов (табл. 10, 1—3). Большое число горшков — это лощеные сосуды с туловом биконической и грушевидной форм (табл. 10, 4—6, 18), производной формой от которых являются миски (табл. 10, 17, 22). Чарки и кубки повторяют формы сосудов крупных и средних размеров (табл. 10, 19—21, 24). Таким образом, весь комплекс кизил-кобинской керамики взаимосвязан по форме сосудов. Из комплекса выпадает только одна категория — сосуды реповидной формы, которые появляются на втором этапе развития кизил-кобинской культуры. Наиболее разнообразна по форме керамика поселения первого этапа (17 из 18 типов), на втором этапе существует только часть из них (7). Столь длительное употребление некоторых типов керамики свидетельствует о генетической связи первого и второго этапов кизил-кобинской культуры. В отличие от формы резко изменяется во времени орнаментация сосудов: для керамики из поселений первого этапа характерны рельефный и желобчатый орнаменты, расположенные в наиболее широкой части тулова. Это одинарные, двойные и тройные вертикальные и наклонные валики, овальные, полуовальные, дуговидные и сосцевидные и дисковидные налепы; желобчатый орнамент часто повторяет композиции рельефного орнамента (табл. 10, 1—9). Для керамики поселений второго этапа свойствен резной орнамент, образующий широкий пояс на тулове сосуда, сочетающийся с пояском из ямок в основании шейки сосуда (табл. 10, 18—24). Широкий пояс заполнен одним или двумя рядами заштрихованных треугольников со смыкающимися вершинами или вертикальными и зигзагообразными полосами, нанесенными зубчатым штампом и затертыми белой пастой. В отдельных случаях резной узор комбинируется с рельефными налепами, проявляя генетическую связь с орнаментикой керамики первого этапа, прослеженную и в длительном бытовании ряда форм сосудов.

Некоторые черты кизил-кобинской керамики аналогичны керамике синхронных культур Северного Причерноморья. Сходство с керамикой памятников предскифского времени лесостепного среднего Поднепровья проявилось в широком распространении лощеных высокогорлых сосудов типа виллаповы, украшенных каннелюрами и налепами; горшки с хорошо выраженным профилем имеют аналогии в керамике поселений нижнего Поднепровья эпохи поздней бронзы, как и другие формы, например сковородки с прямым бортиком. Крупные лощеные сосуды аналогичны синхронным памятникам Северного Кавказа — Моздокскому и Каменномостскому могильникам, керамике Змейского поселения, в котором, однако, простая кухонная керамика представлена тюльпановидными сосудами — формой, чуждой комплексу кизил-кобинской керамики. Отмеченными чертами ограничивается сходство кизил-ко-

бинской керамики с керамикой из синхронных памятников Северного Кавказа, среднего Поднестровья и нижнего Приднепровья. Это не позволяет говорить о тождестве сопоставляемых комплексов.

Предметы вооружения и конского снаряжения в памятниках кизил-кобинской культуры найдены в небольшом количестве: с поселения Уч-Баш происходят четыре костяных наконечника стрел со скрытой втулкой — два с листовидным пером и ромбическим сечением, два с пирамидальным пером и квадратным сечением (табл. 10, 34—37). По аналогии с экземплярами из черноморских городищ и из кургана Малая Цымбалка они могут быть датированы VIII—VII вв. до н. э. или IX—VIII в. до н. э. по новой хронологии А. И. Тереножкина (1976, с. 208).

Наиболее ранний комплекс бронзовых наконечников стрел происходит из поселения у пещеры Кизил-Коба (табл. 10, 29—33). Два из них — двухлопастные с ромбовидной головкой, остальные четыре — с листовидной. Весь набор относится к середине — второй половине VII в. до н. э. (Ильинская В. А., 1973 г., 13 сл.). Остальные немногочисленные находки бронзовых наконечников стрел из поселений и могильников кизил-кобинской культуры — двухлопастные и трехлопастные с короткой втулкой датируются VI—V вв. до н. э.

На поселении Уч-Баш найден обломок рогового трехдырчатого псаля (табл. 10, 40), аналогично псалю из верхнего слоя Субботовского городища, т. е. относящийся к тому же времени, что и наконечники стрел. Обломок другого трехдырчатого рогового псаля найден на Симферопольском поселении (табл. 10, 38). По аналогиям с находками из скифских комплексов он датируется VI в. до н. э.

Разностороннее и широкое применение кремня и камня является отличительной чертой кизил-кобинской культуры на первом этапе ее развития. На поселении Ашлама открыта кремневая мастерская, гдеряду с огромными нуклеусами, отщепами, крупными скребками найдены миниатюрные карандашевидные пуклеусы и миниатюрные ножевидные пластины, наряду с массивными концевыми скребками — двусторонне обработанные орудия со струйчатой ретушью и тонким линзовидным сечением. Характерной находкой являются кремневые треугольные ножи-серпы и кремневые вкладыши серпов (табл. 10, 27). Высокий уровень развития кремневой техники и большой ассортимент орудий из кремня характерны для поселений конца бронзового века, бедных металлом. Это выделяет кизил-кобинскую культуру из одновременных ей культур Северного Причерноморья. Памятники соседних территорий, синхронные кизил-кобинским, не дают такого ассортимента кремневых орудий.

На поселениях первого этапа часто встречаются массивные полированные проушные топоры, точильные камни, обломки зернотерок, куранты, орудия из кости, что также характерно для поселений, бедных металлом.

Изделия из бронзы на поселениях кизил-кобинской культуры почти не найдено, за исключением трех обломков бронзовых пластин на Балаклавском и восьмеркообразной бляшки на Инкерманском поселениях. Бедны бронзой и погребения.

Довольно редки в погребениях бусы из стекла.

В могильнике Чуюнча найдены три бусины веретенообразной формы из розового камня. Перечисленные находки из погребений, в которых основным сопровождающим инвентарем была керамика, являют резкий контраст таврским синхронным могильникам прибрежного и горного Крыма, которые, несмотря на их разграбления, начавшиеся еще в древности, содержали большое количество предметов вооружения и конского убора, а также многочисленные украшения из бронзы.

Расположение поселений и могильников кизил-кобинской культуры в предгорных районах Крыма, где природные условия были благоприятны для развития и земледелия, и скотоводства, определили земледельческо-скотоводческий характер хозяйства населения. В засушливое время года перекочевывали на сочные пастбища яйлы. Об оседлом образе жизни, свойственном земледельцам, говорят многочисленные поселения и остатки жилых и хозяйственных сооружений, в том числе зерновые ямы. Размеры ям резко увеличиваются на втором этапе кизил-кобинской культуры, когда земледелие становится более интенсивным благодаря применению железных орудий труда. Хотя последние не найдены, о наличии их говорят крышки зерновых ям из мергеля со следами обработки поверхности железным орудием. Следует отметить, что среди костного материала (крупного и мелкого рогатого скота) ни разу не встречены кости рыб даже в приморском Инкерманском поселении. Раковины мидий, найденные здесь в большом числе, свидетельствуют лишь о прибрежном промысле. Незначительный антропологический материал из предгорных могильников кизил-кобинской культуры крайне фрагментарен и недостаточен для заключения об этнической принадлежности ее носителей. Не позволяют этого сделать археологические и письменные источники.

До недавнего времени в литературе довольно часто можно было встретить идентификацию терминов «кизил-кобинский», «таврский», «киммерийский», а также мнение об автохтонности кизил-кобинской культуры. Значительный хронологический интервал между временем появления поселений указанной культуры и кеми-кобинской (III — начало II тысячелетия до н. э.), на основе которой, по мнению А. А. Щепинского (1966, с. 81), кизил-кобинская культура сформировалась, и различия в погребальном обряде не дают оснований для вывода об ее автохтонности. Вместе с тем пока невозможно определить, откуда именно кизил-кобинская культура и ее носители появились на территории предгорного Крыма. Точки зрения П. Н. Шульца (1959, с. 261, 262) о кавказских и фракийских компонентах в ее формировании и А. М. Лескова (1965, с. 146) о приходе создателей кизил-кобинской культуры с Кавказа не имеют достаточно твердых оснований, хотя и могут существовать в качестве предположений. Уязвимым представляется и мнение П. Н. Шульца (1959, с. 258, 259) о принадлежности кизил-кобинских поселений осевшим киммерийцам, поскольку киммерийские памятники, известные сейчас в степи Северного Причерноморья, в целом существенно отличаются от кизил-кобинских.

Предположительное мнение Г. А. Бонч-Осмоловского о принадлежности кизил-кобинских поселений

таврам, высказанное им в самом начале исследования этих памятников, долго оставалось традиционным, и до последнего времени некоторые исследователи склонны рассматривать кизил-кобинскую культуру как ранний этап таврской (Шульц П. Н., 1959, с. 230, 237; Лесков А. М., 1965; Щепинский А. А., 1966, с. 130, Колотухин В. А., 1985, с. 34—45). Однако из описания тавров у Геродота и исторической традиции, сохранившей упоминание о таврах-пиратах на протяжении нескольких столетий, следует, что район их обитания неразрывно связан с морем. Расположение кизил-кобинских поселений в предгорном районе, вдали от моря, не соответствует образу жизни тавров, а отсутствие костей рыб в прибрежном Инкерманском поселении лишь убеждает в том, что основатели кизил-кобинских поселений моря не знали. К этому следует прибавить, что определенно таврские памятники археологии в прибрежной части горного Крыма, подробная характеристика которых будет дана ниже, резко отличаются от кизил-кобинских.

* * *

Итак, в начале железного века на рассматриваемой территории сложились две культурно-хозяйственные области. Одна в лесостепи, где обитали оседлые земледельческие племена, и вторая в степи, где жили только кочевники-скотоводы, киммерийцы и, вероятно, древнейшие скифы. Группа оседлых племен — носителей кизил-кобинской культуры — существовала в VIII—VI вв. до н. э. в предгорном Крыму. Киммерийцы и древнейшие скифы, видимо, были родственны по происхождению и этнической принадлежности, относились по языку к восточноиранской языковой группе и имели сходные элементы культуры.

Сравнительная малочисленность погребений ранних кочевников предскифской поры, почти полное отсутствие курганных могильников этого времени при значительном размахе археологических исследований в последние 20 лет создают впечатление о малочисленности кочевого населения в степи Северного Причерноморья. Однако причина этого, видимо, кроется в чем-то другом, ибо в соседней лесостепи сильно чувствуется угроза кочевников с юга, что вряд ли совместимо со слабой заселенностью степи.

Резкая имущественная дифференциация, заметная по материалам погребений, говорит о выделении воинской аристократии как верхушки общества и о массе рядовых общинников, вероятно, отстраненных от руководства общественной жизнью. Однако рассказ Геродота о борьбе скифов с киммерийцами свидетельствует об отсутствии какой-либо централизованной власти у киммерийских племен и существовании у них нескольких вождей — царей. Объединения, возглавляемые киммерийцами, совершившие несколько успешных походов в Малую Азию, по-видимому, были созданы лишь ради внешней экспансии в ходе такой экспансии. Успешное окончание борьбы скифов с киммерийцами позволяет предполагать, что скифы превосходили своих врагов как в военном, так и в организационном отношении.

Археологические культуры в лесостепи Восточной Европы, а также кизил-кобинская культура в предгорном Крыму по происхождению резко отличались от кочевнической культуры. Памятники VIII—VII вв. до н. э. в лесостепи Днестровско-

Прутского междуречья принадлежали пришлым с запада и юго-запада фракийцам, проникновение которых на эту территорию началось еще в XI в. до н. э. В основе местными по происхождению были чернолесская культура в лесостепных областях Днедро-Днестровского междуречья, а также бондарихинская культура на левобережных притоках Днепра, на Северском Донце и в Посеймье. Вместе с тем отмечается проникновение населения чернолесской культуры на территорию племен бондарихинской культуры — на среднее течение Орели в IX в. до н. э., в Поворсклье — в VIII в. до н. э.

Этническая принадлежность племен, о которых шла речь, обитавших в лесостепи и в предгорном Крыму, пока окончательно не установлена.

По уровню экономического и социального развития оседлые земледельческие племена лесостепи, очевидно, были близки между собой. Развитие бронзолитейного дела в эпоху поздней бронзы способствовало успешному освоению железа для изготовления орудий труда и оружия в VIII в. до н. э. Вместе с тем происходит дальнейшее совершенствование бронзолитейного производства, предназначеного теперь главным образом для изготовления украшений. Следы такого производства особенно ярко представлены на городищах второй ступени чернолесской культуры. Что касается основной деятельности населения — земледелия, то можно предполагать, что уровень его развития был таким, как почти повсюду в Средней и Восточной Европе. Об этом, в частности, позволяет судить остеологический материал из раскопок поселений. В составе стада в лесостепи первое место принадлежит крупному рогатому скоту, что позволяет предполагать употребление волов в качестве основной тягловой силы для пахотных орудий в виде деревянного рала. Лошади использовались для верховой езды, о чем говорят костяные, роговые и бронзовые псалии, найденные на поселениях всех описанных лесостепных культур VIII—VII вв. до н. э. Система упряжи заимствована у кочевников, как и предметы вооружения — лук со стрелами, мечи и кинжалы. Необходимо заметить, однако, что у рядового населения лесостепи предметы вооружения и другие вещи, характерные для кочевников, в предскифскую эпоху не имели столь широкого распространения, как в скифский период.

Характер связей между населением степи и лесостепи Восточной Европы на основании одного археологического материала определить невозможно. Можно лишь предполагать, что это были не только военные акции кочевников, но и мирные связи, выгодные обеим сторонам. Именно так к кочевникам могла поступать парадная посуда от соседей из лесостепи. Взаимосвязи разного характера существовали и между одновременно жившими на разных территориях лесостепи оседлыми земледельческими племенами, а также с населением Центральной Европы и Северного Кавказа.

Как и кочевники степных просторов Северного Причерноморья, оседлые племена в начале железного века вступили в период разложения родового строя. Однако имущественная и социальная дифференциация в их среде на археологическом материале менее заметна, чем у кочевников Северного Причерноморья.

Глава вторая

Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII—III вв. до н. э.

Краткие сведения об истории скифов

Ранняя история скифов связана с военными походами в страны Передней Азии. Свидетельства об этом содержатся как в ассиро-вавилонских клинописных документах, так и у античных авторов и прежде всего у Геродота (наиболее подробно они рассмотрены в работах: Дьяконов И. М., 1956; 1968; Пиотровский Б. Б., 1959; Виноградов В. Б., 1972). Первое упоминание скифов (ишкуза или ашкуза клинописных документов) на Древнем Востоке относится к 70-м годам VII в. до н. э., когда скифы под предводительством Ишпака в качестве союзников Мидии и страны Манна выступают против Ассирии. С этого времени они действуют иногда вместе с киммерийцами, но чаще отдельно от них вплоть до начала VI в. до н. э.

При царе Партатуа (Протогии, по Геродоту), вероятно, наследнике Ишпака, убитого в ходе войны с Ассирией, Асархаддону удалось привлечь скифов на свою сторону и заключить с ними союз, которому они довольно долго были верны. Благодаря поддержке скифов ассирийцы удачно отражали атаки мидян и осаждали важные центры Маннейского царства. После Партатуа царем скифов стал его сын Мадий, при нем мощь скифов возросла. Судя по письменным источникам, скифы совершили особенно много различных удачных военных выступлений в Передней Азии. В 50-х годах VII в. до н. э. Мадий со своим войском был направлен ассирийским царем в Малую Азию, где вел успешную войну с киммерийцами и трерами. В 623—622 гг. до н. э. скифы спасли столицу Ассирии Ниневию от осады мидян. Как говорит Геродот (I, 103—105), Мадий разгромил мидийского царя Киаксара, когда тот осаждал Ниневию, и установил скифскую гегемонию в Азии. При Мадии же скифы прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли Египта, где фараон Псамметих I (умер в 610 г. до н. э.), «выйдя навстречу, дарами и просьбами убедил далее не продвигаться» (Геродот, I, 105). Несколько позднее скифы изменили ослабевшей Ассирии и перешли на сторону окрепшей вавилонско-мидийской коалиции. В 612 г. до н. э. они вместе с мидянами и вавилонянами овладели Ниневией. Победители захватили огромную добычу и множество пленных.

Господству скифов в Передней Азии положил конец мидийский царь Киаксар. Как пишет Геродот (I, 106), он заманил скифских предводителей на пир и там, напив, перебил. «Таким образом, — заключает Геродот, — мидяне спасли свое царство и овладели теми землями, которыми владели и прежде

де». Считается, что после вероломного истребления скифов Киаксаром основная их часть ушла в Северное Причерноморье. Оставшиеся добровольно подчинились мидянам, но вскоре между скифами и Киаксаром произошел конфликт и скифы ушли в Лидию. Вспыхнувшая в 590 г. между Лидией и Мидией война, окончившаяся в 585 г. до н. э. поражением Лидии, привела к тому, что по условию мирного договора скифы должны были уйти туда, откуда пришли, т. е. в Северное Причерноморье (Дьяконов И. М., 1968, с. 179).

Геродот довольно красочно и, как кажется, правильно описывает характер скифской гегемонии в Передней Азии: «Скифы владычествовали над Азией в течение 28 лет и все опустошали своим буйством и излишествами. Они взимали с каждого дань, но, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа» (Геродот, I, 106). Ужасы скифских вторжений получили отражение в книгах библейских пророков (книга пророка Иеремии, 5, 15—18). Археологическим подтверждением скифских походов в Передней Азии являются находки скифских стрел в Месопотамии, Сирии, Египте и Закавказье в памятниках VII — начала VI в. до н. э., особенно из оборонительных стен городов. Реже встречаются скифские акинаки. Скифами, в частности, была взята, разрушена и сожжена одна из северных крепостей Урарту — Тейшебаини, под Ереваном. Наконец скифских стрел здесь найдены застрявшими в глиняных стенах. Есть и другие следы скифской осады этой крепости (Пиотровский Б. Б., 1970). В центральном и западном Закавказье, кроме отдельных находок скифского оружия, известны погребения VII — VI вв. до н. э. с комплексами вещей скифской материальной культуры, видимо, принадлежащие скифским войнам, погибшим на чужбине (Погребова М. Н., 1984, с. 35—43). Скифскому царю или военачальнику считается принадлежащим богатое погребение VII в. до н. э. в Зивие (Иранский Курдистан).

Время скифской гегемонии в Передней Азии по-разному определяется исследователями. И. М. Дьяконов и его последователи относят ее приблизительно к 652—625 гг. до н. э. (Дьяконов И. М., 1956, с. 288, 289). Но более распространено в нашей науке мнение, определяющее этот период отрезком между 625 и 585 гг. (Пиотровский Б. Б., 1959, с. 236, 237; Белявский В. А., 1964, с. 93—97; Граков Б. Н., 1971а, с. 19, 20; Артамонов М. И., 1974, с. 56, 57), что более соответствует хронологической схеме Геродота. Сторонники ее считают, что отмеченные Геродотом 28 лет относятся ко времени между падением Ниневии в 612 г. и заключением мира между Мидией и Лидией в 585 г. до н. э.

Серьезные расхождения между исследователями

имеются и по ряду других вопросов, связанных с пребыванием скифов в Передней Азии. Наиболее важный из них — вопрос о том, существовало или нет достаточно стабильное скифское царство на территории Передней Азии, а если существовало, то где и каковы его границы. Сторонники существования царства (Дьяконов И. М., 1956, с. 272—281; Алиев И., 1960, с. 230; Пиотровский Б. Б., 1959, с. 245; Хазанов А. М., 1975, с. 219—222 и др.) помещают его в разных местах Закавказья, но чаще всего — в юго-восточном Закавказье, на территории Азербайджана. По мнению других ученых, определенной скифской территории в Передней Азии в VII—VI вв. до н. э. вообще не было (Граков Б. Н., 1954, с. 12; Виноградов В. Б., 1964, с. 27; Халилов Дж., 1971, с. 183—188). Б. Н. Граков и В. Б. Виноградов считают, что военные походы скифов в Переднюю Азию совершались время от времени и непосредственно из Северного Причерноморья. По мнению Халилова, скифы недолго находились в Азербайджане. В последние годы М. Н. Погребова проанализировала и картографировала весь скифский археологический материал из Закавказья и показала, что присутствие скифов во время переднеазиатских походов можно предполагать лишь в центральном и западном Закавказье. Именно здесь, по мнению М. Н. Погребовой, мог находиться форпост и в то же время непосредственный тыл скифов в Передней Азии. «Однако полагать здесь политическое объединение, возглавляемое скифами, оснований, как кажется, нет. Скорее всего это были отдельные племена, отнюдь не всегда действовавшие согласованно» (Погребова М. Н., 1984, с. 42).

Свои походы в страны Передней Азии скифы совершали через Кавказ. В те времена северные равнинные районы Предкавказья были как бы плацдармом, откуда военные отряды кочевников отправлялись далее на юг. Именно здесь археологи обнаружили курганы середины VII—VI вв. до н. э. с предполагаемыми погребениями скифских вождей и кошних дружинников (см. ниже).

Довольно длительное пребывание скифских военных отрядов (в Центральную Азию попадали только воины) в странах Передней Азии оказало сильное влияние на скифское общество и культуру. Скифские вожди научились ценить роскошь и стремились подражать восточным владыкам. Скифская материальная культура обогатилась переднеазиатскими элементами, а искусство впитало в себя многие переднеазиатские сюжеты и приемы их передачи.

Скифы, вернувшиеся из походов в Северное Причерноморье, как пишет Геродот, выдержали войну «не меньше мидийской» с потомками рабов, с которыми вступили в связь скифские женщины вследствие продолжительного отсутствия своих мужей (Геродот, IV, 3). В рассказанной древним историком легенде ученые видят намек на то, что скифам пришлось вновь покорять какие-то отпавшие от них племена. Это событие локализуется Геродотом в Крыму. К началу же VI в. до н. э. исследователи относят скифское давление на земледельческое население лесостепи, приведшее к установлению зависимости последних от кочевников.

В VI в. до н. э. скифы не совершали дальних походов. В это время устанавливаются торговые связи

с возникшими на берегу Северного Причерноморья греческими колониями. Отсутствие укреплений вокруг Ольвии и ее большая хора говорят о мирных взаимоотношениях греческих поселенцев со скифами.

К концу VI в. до н. э. (к 514 или 512 гг. до н. э.) относится самая героическая страница в истории скифов. Персидский царь Дарий Гистасп с огромным войском (по Геродоту, войско Дария состояло из 700 тыс. человек, по Ктесию — из 800 тыс.) пошел войной на скифов. Подробный рассказ об этой войне содержится в четвертой книге «Истории» Геродота (Геродот, IV, 1, 46, 83—87, 89, 92, 93, 97—98, 102, 118—143). Сражаться в открытом бою с хорошо организованной армией Дария скифы не решились. Избрав тактику партизанской войны, избегая решительного сражения, они заманили Дария в глубь своей страны. С большим трудом персам удалось выбраться из Скифии, где Дарию пришлось оставить свой обоз и ослабевших воинов. С тех пор в античном мире за скифами утвердилась слава непобедимых.

Кроме Геродота, сведения о походе Дария на скифов содержатся в труде Ктесия (фр. 13, 20—21) и Страбона (VII, 3, 14). Они существенно отличаются от геродотовских. Так, Ктесий утверждает, что Дарий после переправы через Истр продвинулся в глубь Скифии всего на 15 дней пути. Согласно Страбону, Дарий дошел только до «пустыни гетов», находившейся между Днестром и Прутом, и повернул назад, чтобы не погибнуть от жажды.

Современные историки, комментируя древних авторов, не все принимают на веру. В рассказе Геродота, наиболее подробном, содержится много неясных, противоречивых и часто фантастических сведений. Но именно его данные, несмотря на эпический характер повествования, позволяют восстановить реальные события, выделить основные этапы войны, оценить ее результаты, показать маршрут продвижения персидских войск (Рыбаков Б. А., 1979; Черненко Е. В., 1984а и указ. в них литературу).

Война с персами способствовала сплочению скифских племен, росту национального самосознания и, возможно, более четкому определению границ скифского царства (Яценко И. В., 1959, с. 111). По всей вероятности, именно после войны с Дарием окончательно сложилась та картина расселения скифских племен, которую застал Геродот, будучи в Ольвии около середины V в. до н. э. и получив сведения от скифских и греческих информаторов (подробнее об этом ниже).

С целью обезопасить себя от новых посягательств персов скифы вторглись во Фракию и дошли до Херсонеса Фракийского (Геродот, VI, 40). До недавних пор большинство исследователей относили этот поход к 496 г. до н. э. А. Фол (1975, с. 163) достаточно обоснованно считает, что это событие имело место гораздо раньше, непосредственно после похода Дария через Дунай, т. е. после окончания скифо-персидской войны. Тогда же скифы замыслили поход против Персии, но он не состоялся. Ю. Г. Виноградов (1980, с. 108) полагает, что вторжение скифов во Фракию, предпринятое после войны с Дарием, открывает полосу фрако-скифских конфликтов, чередовавшихся в V—IV вв. до н. э. с

мирными передышками. В V в. до н. э. таких конфликтов, видимо, было немало. Вместе с тем именно тогда же скифские и фракийские цари заключали династические браки, способствовавшие разрешению споров мирным путем.

Кроме столкновений с западными соседями, скифы в V в. до н. э. враждовали и с восточными соседями. Из Крыма они зимой переправлялись через Керченский пролив и беспокоили синдов (Геродот, IV, 28). Осложнились отношения скифов с греческими колониями, о чем говорит возведение оборонительных стен вокруг Ольвии. Помимо внешних событий скифской истории V в. до н. э., из сочинений Геродота известны два внутренних конфликта, связанных с именами Анахарсиса и Скила (Геродот, IV, 76—80) и отражающих борьбу политических группировок среди привилегированных слоев скифского общества.

IV в. до н. э. — время наивысшего экономического, политического, социального и культурного подъема Скифии. Такой вывод позволяет сделать письменные, но главным образом археологические источники — материалы из многочисленных скифских погребений, относящиеся именно к указанному времени.

Из сообщения Страбона следует, что в IV в. до н. э. царь Атей объединил под своей единоличной властью все племена Скифии от Дуная до Дона (Страбон, VII, 3, 18). Во время долгого правления этого царя происходят изменения как во внутренней жизни, так и во внешней политике Скифии. Отметим наиболее существенные моменты внешнеполитической истории царства в IV в. до н. э. Письменные источники совершенно определенно свидетельствуют о стремлении Атея расширить свои владения в западном направлении. Около середины IV в. до н. э. он достаточно прочно обосновался на правом берегу Дуная, захватив какую-то часть земли гетов на территории Добруджи. В ходе осуществления этой экспансии Атей воевал с трибаллами, о чем сообщает Полиен (VII, 44). В результате часть фракийцев была обложена тяжелыми повинностями, а скифы стали играть важную роль в политической ситуации на Балканах, сложившейся в IV в. до н. э. в связи с действиями Филиппа II Македонского.

Выражением могущества Атея на западных рубежах являются его переговоры «на равных» с Филиппом II Македонским, о которых подробно рассказывает римский историк Помпей Трог в передаче Юниана Юстина (IX, 2), письмо, направленное скифским царем жителям г. Византия (Клемент Александрийский, V, 5, 31), а также чеканка Атеем собственной монеты в одном из западнопонтийских городов (Анохин В. А., 1963, с. 3—15; 1973; Шелов Д. Б., 1965, с. 16—40). Но силы македонян и скифов оказались все же далеко не равными, и в 339 г. до н. э. в битве с войском Филиппа II Македонского царь Атей погиб в возрасте 90 лет. Филипп захватил в плен 20 тыс. женщин и детей и множество скота. 20 тыс. чистокровных лошадей были отправлены в Македонию. Об этом столкновении, кроме Помпея Трога, сообщают, хотя и более кратко, Ю. Франтин, Страбон и некоторые другие греческие и римские авторы. Из рассказа греческого са-

тирика II в. н. э. Лукиана из Самосат (Долговецкие, 10) мы узнаем, что битва между Атеем и Филиппом произошла у р. Истра (Дунай).

По-видимому, тогда, когда царь Атей сосредоточил свои действия за Дунаем, скифы потеряли какую-то часть своих владений на востоке страны. К середине IV в. до н. э. относится сообщение Псевдо-Скилака о сирматах на восточном побережье Меотиды (Азовского моря), т. е. на территории, считавшейся ранее скифской. Большинство современных исследователей видит в сирматах какую-то ветвь савроматов (Граков Б. Н., 1954, с. 21; Смирнов К. Ф., 1984, с. 37) Б. Н. Граков предполагал двоякое решение вопроса о причинах, побудивших скифов уступить хотя и небольшую, но все же принадлежавшую им территорию. Это могло произойти в результате пограничных столкновений и Атей предпочел уступить савроматам территорию или как нарушение традиционного союза скифов с сарматами (Граков Б. Н., 1954, с. 21). Из речи Демосфена (XXXIV, сказана около 328 г. до н. э.) известно, что при боспорском царе Перисаде (347—309 гг. до н. э.) происходила война боспорян со скифами, в результате которой греческий купец Формион не находил покупателей для привезенных им товаров. Это событие знаменует собой усилившееся при Атее давление скифов на греческие города Северного Причерноморья.

После поражения Атея геты перешли на левый берег Дуная и в их владении, видимо, оказалась гетская пустыня, т. е. территория между Прутом и Днестром. Однако скифы по-прежнему продолжали кочевать на этих землях, как свидетельствуют скифские погребения второй половины — конца IV в. до н. э., изученные в Днестровско-Прутском междуречье (Мелюкова А. И., 1979, Суничук Е. Ф., Фокеев М. М., 1984; Суничук Е. Ф., 1985), т. е. ослабления и тем более распада Скифского царства, как полагают некоторые исследователи (Анохин В. А., 1973, с. 40, 41), не последовало. О сохранении значительного военного потенциала скифов свидетельствует эпизод с Зопирионом. Этот паместник Александра во Фракии в 331 г. вторгся в Скифию и осадил Ольвию, но его войско потерпело сокрушительное поражение от скифов, а сам он был убит (Ю. Юстин, XII, 1.4).

В 309 г. до н. э. скифское войско (20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы) воевало на стороне боспорского царя Сатира в междоусобной войне с его братом Евмелом. Евмел взял верх, а сын Сатира Перисад бежал к союзному скифскому царю Агару (Диодор Сицилийский, XX, 22—26). Был ли Агар последником Атея во всем царстве, сохранявшем прежние размеры, или только царем крымских скифов, сказать трудно. Источники об этом молчат. Достоверно известно, что лишь в III в. до н. э. в связи с интенсивным движением с востока сарматских племен, гетов и кельтов с запада территория Скифии сильно сократилась и вплоть до III в. н. э. ограничивалась степным Крымом до Таврики и бассейнами нижнего Днестра и Буга. Этот позднейший период составляет особую страницу в истории скифов и поэтому будет освещен в специальной главе.

Краткий очерк истории изучения скифов

Изучение скифов началось в России в XVIII в. в связи с возникновением научного интереса к истории славян и Русского государства. Первые раскопки кургана, давшего интересный комплекс скифских вещей, были произведены в 1763 г. генералом А. П. Мельгуновым недалеко от нынешнего Кировограда. В 1830 г. был случайно открыт и впоследствии раскопан каменный склеп в кургане Куль-Оба близ Керчи с чрезвычайно богатым скифским и греческим инвентарем. Раскопки этого кургана, описанные их участником П. Дюбрюксом, привлекли внимание к скифским и античным древностям юга России. Но вплоть до второй половины XIX в. большинство открытий скифских памятников носило случайный характер. Работы проводились главным образом любителями-археологами на низком методическом уровне с целью найти вещи из драгоценных металлов. Кроме того, в этот период изучения скифских памятников и истории скифов было лишь побочной ветвью проблем, связанных с изучением античных городов Северного Причерноморья.

Общее развитие исторической науки во второй половине XIX в. способствовало привлечению внимания исследователей, историков-археологов и языковедов к скифской проблеме. Именно тогда производились раскопки ряда крупнейших скифских курганов на нижнем Днепре, таких, как всемирно известные памятники Чертомлык, Александропольский, Краснокутский и др. Огромная заслуга в их осуществлении принадлежит И. Е. Забелину (1820—1908 гг.).

Во второй половине XIX в. как в России, так и за рубежом появился ряд серьезных работ по географии и этнографии Скифии, а также посвященных вопросам происхождения и этнической принадлежности скифов. Но в них более или менее глубокому анализу подвергались лишь данные античной письменной традиции, тогда как археологические материалы во внимание не принимались. И. Е. Забелин был одним из первых русских историков, использовавших археологический материал для трактовки сведений Геродота о скифах.

В конце XIX — начале XX в. велись интенсивные раскопки курганов в среднем Приднепровье, в бывших Киевской и Полтавской губерниях. Особенно много памятников было исследовано и опубликовано графом А. А. Бобринским (1887—1904) и Д. Я. Самоквасовым (1908). Археологические материалы, полученные благодаря их деятельности, а также в результате раскопок курганов Н. Е. Бранденбургом (Галанина Л. К., 1977), Е. Зноско-Боровским и другими значительно, обогатили фонд скифских древностей.

С 90-х годов XIX столетия вплоть до 1917 г. в степи Северного Причерноморья и на Кубани производил раскопки многочисленных курганов Н. И. Веселовский, старший член Петербургской археологической комиссии. С его именем связано исследование таких замечательных скифских памятников, как курган у станицы Костромской и Ульского аула в Кубанской обл., Деев курган, Огуз

и знаменитая Солоха в нижнем Приднепровье. К сожалению, низкий уровень полевой методики, применяемой Н. И. Веселовским, отсутствие тщательной фиксации деталей погребальных сооружений и обряда, очень важные для общей характеристики скифской культуры, значительно снижают ценность его работ. Изданные Н. И. Веселовским «Отчеты» о раскопках содержат слишком краткие сведения об исследованных памятниках и не могут быть полноценным источником для обобщений. Тем не менее именно Н. И. Веселовским было добыто большинство сокровищ, составивших скифский золотой фонд Эрмитажа.

В предреволюционный период продолжались раскопки памятников скифского периода и в лесостепной зоне Северного Причерноморья. Здесь, кроме курганов, производились раскопки городищ (А. А. Спицын, В. А. Городцов), давшие богатый материал для изучения быта и хозяйства оседлых земледельцев VII—IV вв. до н. э. Успехи дореволюционных исследователей, как русских, так и зарубежных, в изучении истории и культуры скифов получили полное отражение в трудах М. И. Ростовцева, крупнейшего скифолога и антиковеда своего времени, сыгравших огромную роль в развитии науки о скифах. Особенную ценность до настоящего времени имеет его книга «Скифия и Боспор» (1925), в которой содержится обстоятельный разбор письменных и археологических источников о скифах. При этом впервые тщательно разработана их хронология, что позволило ученому выделить определенные хронологические пласты в истории и культуре скифов. Кроме того, М. И. Ростовцевым сделана попытка наметить локальные варианты скифской культуры. Не утратила своего значения и работа ученого, посвященная анализу скифского звериного стиля (Rostovtzeff M., 1929). Вместе с тем нельзя не отметить, что в исследованиях М. И. Ростовцева содержится ряд спорных и неприемлемых для нас положений, касающихся оценки роли скифов в истории местного населения лесостепи Восточной Европы и социального строя скифов.

С достижениями русской археологии конца XIX — начала XX в. ученых Запада познакомила обобщающая работа Э. Минна (Minns E., 1913), в которой не только описаны скифские курганы, но и высказаны соображения относительно ряда основных скифских проблем. Подробный обзор работ дореволюционных русских и зарубежных ученых в книге М. И. Ростовцева избавляет от необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться на их рассмотрении. Выше были наметены лишь основные вехи в истории науки о скифах. Но прежде чем перейти к советскому периоду, нужно подчеркнуть, что еще до Октябрьской революции ученые много сделали и по накоплению археологического материала, и по исследованию его в качестве полноценного исторического источника наряду со свидетельствами древних писателей. В результате уже тогда были поставлены основные проблемы в изучении скифов, такие как происхождение и этническая принадлежность, уровень социального и экономического развития, и ряд других, предложены неоднозначные решения их. Советские исследователи должны были подойти к этим проблемам с позиций исторического материа-

лизма, с учетом основных положений классиков марксизма-ленинизма в области развития человеческого общества.

Прежде всего большое внимание было уделено изучению общественного строя скифов. С. А. Семёнов-Зусер и В. И. Равдоникас (1932 г.) сделали первую попытку обосновать с марксистских позиций выдвинутое в свое время А. С. Лаппо-Данилевским (1887 г.), но не разработанное им положение о том, что скифы стояли на стадии разложения родового строя. Почти одновременно А. П. Смирнов (1935 г.) отметил, что скифское общество нельзя рассматривать статично, в пределах одной формации, на всем протяжении его существования. По его мнению, до V в. до н. э. в Скифии еще существовал родовой строй, а позднее — рабовладельческое государство. В дальнейшем мысль о постепенном развитии скифского общества была подкреплена и развита в трудах М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, Э. И. Соломоник, а в последние 20 лет — А. И. Тереножкиным и А. М. Хазановым. Однако до сих пор вопрос о социальной структуре скифского общества нельзя считать окончательно решенным. Более подробно о существующих ныне точках зрения будет сказано в специальной главе.

Изучение этнической принадлежности скифов и их происхождения, вопроса о том, что именно следует понимать под терминами «скифы» и «Скифия» у Геродота, а также под термином «скифская культура», долгое время находилось в тупике из-за тормозящего влияния на их разработку «учения» Н. Я. Марра о стадильности языка. Исследование этих проблем стало возможным только после 1950 г., когда были вскрыты несостоятельность и антимарксистский характер «учения о языке» Н. Я. Марра. Отказ от «марризма» открыл пути к подлинно научному исследованию основных проблем скифской истории. Стало очевидным, что скифы должны изучаться как племена, имевшие язык или языки, которые могут быть определены в рамках языковых групп, известных сравнительному языкознанию. Конференция ИИМК АН СССР 1952 г. по вопросам скифо-сарматской археологии подвела итог всему ранее сделанному в науке о скифах (Погребова Н. Н., 1954). Важным результатом конференции явился вывод о том, что скифы не могли быть непосредственными предками славян. На участие в славянском этногенезе могут претендовать лишь племена, жившие в скифское время на правом берегу среднего Приднепровья. Дальнейшее развитие получила на конференции точка зрения об иранской принадлежности скифского языка, к которой склонялись еще в XIX в. такие видные ученые, как Мюллерхофф (Müllenhoff K., 1866, 1867). Окончательное утверждение этой точки зрения — крупное достижение советских лингвистов. Большая заслуга здесь принадлежит В. И. Абаеву (1949, 1965, 1971).

На конференции 1952 г. выяснились два главных направления в решении основной проблемы скифской археологии — этнический состав Скифии. Одно из них (Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, 1954) вкратце сводится к тому, что собственно скифами нужно считать лишь племена степных областей Северного Причерноморья с царскими скифами во главе. Племена лесостепных областей среднего Придне-

провья и Прикубанья, которые по старой традиции, казалось, прочно входили в состав Скифии, исключались из скифского единства.

Второе направление (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская и П. Д. Либеров) заключается в том, что исследователи, признавая этнические и культурные отличия скифских степных племен от лесостепных, представляют Скифию лишь как крупное политическое образование, которое объединяло разноточные племена степи и лесостепи.

Отмеченные первой конференцией два направления в разработке проблемы этнического состава Скифии продолжают сохраняться по сей день. Это показала вторая конференция по вопросам скифо-сарматской археологии в 1967 г. (Петренко В. Г., 1971). Однако на ней А. И. Тереножкин подверг сомнению деление памятников степного и лесостепного Северного Причерноморья на две основные группы и отстаивал положение о существовании единой скифской культуры для разных по этнической принадлежности племен. В этой единой культуре, по мнению А. И. Тереножкина, выделяются лишь локальные варианты, которые и соответствуют племенным группировкам. Такой точке зрения А. И. Тереножкин оставался верен до конца жизни (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983).

Дискуссионной продолжает оставаться проблема этногенеза скифов. Письменные свидетельства не позволяют однозначно решать вопрос о том, откуда именно появились скифы в Северном Причерноморье. Три легенды-версии об их происхождении, переданные Геродотом, противоречивы и могут быть истолкованы по-разному. Археологические источники все еще недостаточны, да и менее показательны, чем письменные. М. И. Ростовцевым (1918а) была выдвинута гипотеза о приходе скифов-иранцев из Азии. Эту гипотезу особенно упорно отстаивал и развивал А. И. Тереножкин, который считал родиной скифов степные просторы Центральной Азии (1976, с. 183, 208). Его точка зрения в настоящее время имеет много сторонников, хотя она не менее уязвима, чем другая гипотеза, согласно которой скифы были потомками племен срубной культуры, продвигнувшихся из поволжско-приуральских степей в Северное Причерноморье несколькими волнами начиная с середины II тысячелетия до н. э., частично вытеснивших, а частично ассимилировавших местное киммерийское население. Эта гипотеза была предложена в свое время А. М. Тальгреном (Tallgren A. M., 1926), а затем развита М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым (Артамонов М. И., 1950; Граков Б. Н., 1971а). К такой гипотезе склоняются и советские антропологи. Г. Ф. Дебец (1971) первым показал, что черепа причерноморских скифов по всем показателям не отличаются от черепов носителей срубной культуры и в то же время они не имеют никакого сходства с черепами среднеазиатских саков. Эти данные, по мнению ученого, свидетельствуют против предположения о смене населения или значительной части его при переходе от срубной культуры к скифской в степях Причерноморья и появлении скифов из Азии. Т. С. Кондукторова (1972, с. 3—22), располагая гораздо большим антропологическим материалом, чем Г. Ф. Дебец, фактически подтвердила его выводы, показав, что скифы в антропологическом

отношении ближе всего к носителям срубной культуры и сходство с саками Хорезма у них отсутствует.

Разработке основных теоретических проблем истории Скифии и более частных вопросов науки о скифах советскими учеными во многом способствовал большой размах полевых раскопочных работ. В степных областях Северного Причерноморья, где в дореволюционный период производились раскопки лишь отдельных, так называемых царских курганов, исследованы многочисленные курганные могильники рядового населения Скифии. Особенно широкие археологические раскопки этих могильников осуществлены в последние 20 лет украинскими археологами в связи с работами в зонах строительства и сооружения оросительных систем в степном Причерноморье, в бассейне нижнего Днестра и Буга, а также в Днестровско-Дунайском междуречье. Кроме рядовых могильников, исследуются крупные курганы скифской аристократии обогащающие науку новыми важными материалами. Еще в 1954 г. А. И. Тереножкиным и Е. Ф. Покровской были открыты богатые погребения скифской аристократии в г. Мелитополе, находившиеся под частично снесенной насыпью (Тереножкин А. И., 1955, с. 23—34; Покровская Е. Ф., 1955). Но планомерные раскопки «царских» курганов производятся лишь с середины 60-х годов. Именно с этого времени начался новый этап в их изучении, к которому советские археологи подошли вооруженными прогрессивной полевой методикой. Особое место в истории этих исследований занимают раскопки курганов Гайманова Могила, Толстая Могила, Бердянский курган (Біділя В. І., 1971, с. 44—55; Мозолевський Б. М., 1979).

Кроме того, доследується ряд «царських» курганів, насипи яких були сняті дореволюційними археологами лише частково (такова тоді була методика раскопок), в результаті чого залишилися неоткритими значительные исторические ценности. Так, в 1959 г. под г. Ростовом произведено исследование кургана 8 в группе «Пять братьев», давшее неогрabenное погребение богатого воина в полном воинском снаряжении (Шилов В. П., 1961). В 1973 г. экспедиция под руководством А. М. Лескова произвела дополнительные раскопки Мордвиновского кургана недалеко от Каховки, благодаря чему выяснены планировка погребальных сооружений, конструкция курганной насыпи, состав погребального инвентаря и т. д. (Лесков О., 1974). Очень важные материалы были получены благодаря исследованию одного из самых крупных курганов Скифии — 20-метрового кургана Огуз (Болтрик Ю. В., 1971, 1982). С 1980 г. и по сей день продолжают раскопки останца кургана Чертомлык, которые позволят восстановить общий облик грандиозного надмогильного сооружения, а также дадут дополнительный материал для характеристики памятника в целом.

Исключительно большое значение до сих пор имеют многолетние раскопки Каменского городища на нижнем Днестре (Граков Б. Н., 1954), Елизаветовского городища и его могильника на нижнем Дону (Брашинский И. Б., Демченко А. И., 1969; Брашинский И. Б., Марченко К. К., 1978, 1980) давшие интересные данные для истории Скифии IV—III вв.

до н. э. Большие раскопочные работы производились в Крыму, где открыто и исследовано несколько курганных могильников V—IV вв. до н. э. (Яковенко Э. В., 1974; Ольховский В. С., 1984, 1985, 1986).

Много нового принесли работы советских археологов в лесостепных областях Северного Причерноморья. После Великой Отечественной войны были открыты и исследованы поселения и могильники предскифского и скифского времени на среднем Днестре, на территории Молдавской ССР (Г. Д. Смирнов, Г. П. Сергеев, А. И. Мелюкова, И. Т. Никулицэ; Мелюкова А. И., 1958; Никулицэ И. Т., 1977), изучались малоизвестные до тех пор памятники Побужья и Подолии (Артамонов М. И., 1947, 1949в, 1952; Смирнова Г. И., 1961, 1977, 1978, 1979, 1981; Ганіна О. Д., 1965, 1984). Широкий размах после 50-х годов получили работы на среднем Днестре, где основное внимание было обращено на раскопки не исследовавшихся до революции городищ и поселений (Фабриціус І. В., 1952; Покровська Е. Ф., 1951; Титенко Г. Т., 1956; Яковенко Е. В., 1968; Ковпаненко Г. Т., 1971, и др.). Тогда же возобновились раскопки погребальных памятников (Тереножкин А. И., 1954; Покровська Е. Ф., 1957; Петровська Е. Ф., 1968, 1970; Ковпаненко Г. Т., 1977; Ильинская В. А. и др., 1980). Открытие памятников предскифского периода белогрудовской и чернолеской культур (А. И. Тереножкин, С. С. Березанская) дало возможность А. И. Тереножкину (1961) проследить ту основу, на которой на правобережье среднего Поднепровья во второй половине VII в. до н. э. сложилась культура скифского времени. Новые принципиально важные материалы были получены при раскопках поселений и курганов скифского времени в бассейне рек Ворсклы, Сулы и Псла (В. А. Городцов, М. Я. Рудинский, Б. Н. Граков, И. И. Ляпушкин, В. А. Ильинская, Г. Т. Ковпаненко, Б. А. Шрамко). Они способствовали появлению ряда обобщающих работ, посвященных памятникам отдельных локальных групп лесостепи (Ильинская В. А., 1953, 1957, 1975, Ковпаненко Г. Т., 1967, 1981; Петренко В. Г., 1967).

Много интересного стало известно благодаря раскопкам поселений в лесостепной части Северского Донца и Посеймье (Либеров П. Д., 1962; Шрамко Б. А., 1962а; Алихова А. Е., 1962; Пузикова А. И., 1981). Начавшиеся в предреволюционные годы раскопки курганов скифского времени на среднем Дону (Спицын А. А., 1905; Макаренко И. Е., 1911) были широко развернуты после Великой Отечественной войны П. Д. Либеровым, а затем А. И. Пузиковой. Они обогатили науку комплексами первоклассных вещей скифского типа, а также расширили представления о погребальных сооружениях и обряде племен среднего Дона, имевшиеся в работах С. Н. Замiatина (1946) и В. А. Городцова (1947) (Либеров П. Д., 1965; Пузикова А. И., 1966)

В Прикубанье за советский период и особенно в течение последних 20 лет производились раскопки протомеотских могильников (Анфимов Н. В., 1961, 1971), меотских и синдских городищ, поселений и могильников, которые дали возможность проследить сложение, развитие и своеобразие черт культуры Прикубанья скифского времени. На Ставрополье

выявлены и исследованы интересные раннескифские курганы (В. Г. Петренко).

Необходимо отметить, однако, что в настоящее время наблюдается некоторая диспропорция в археологическом изучении памятников материальной культуры. Очень интенсивно ведутся исследования курганов, тогда как раскопки городищ и поселений, особенно в степной зоне Северного Причерноморья, носят лишь эпизодический характер.

Новые материалы, полученные за советский период, и обработка археологических данных, накопленных до революции, позволили советским исследователям более точно наметить локальные варианты культур скифского типа как в лесостепи, так и в степи Северного Причерноморья. Правда, не везде еще имеются равноценные материалы для подробных характеристик отдельных локальных групп, но особенности большинства из них наметились уже достаточно четко, что является крупным достижением советских археологов. Важность детального изучения локальных вариантов определяется теми задачами, которые ставит разработка проблемы этнического состава и этногеографии Скифии. Надо думать, что дальнейшие работы в этом направлении помогут приблизиться к ее решению.

Плодотворные исследования были проведены советскими учеными по хронологии скифских древностей. Если М. И. Ростовцев считал достоверно датируемыми памятники только античные вещи, то теперь не представляет труда выяснить время того или иного памятника по массовому материалу — керамике, оружию, украшениям и т. д. Создана общая хронологическая периодизация, что дает возможность рассматривать скифскую культуру в целом и ее отдельные элементы не статично, а в развитии.

Абсолютно не поднимавшийся до революции вопрос о хозяйстве скифов и племен лесостепи интенсивно разрабатывается советскими учеными. Выявлены и изучены остатки металлургического производства, скотоводство и земледелие и другие производства — деревообделочное, кожевенное, гончарное (Граков Б. Н., 1954; Шрамко Б. А., 1965, 1966, 1984а). Разработка вопросов, связанных с производством, стала возможной благодаря применению естественнонаучных методов и связи археологии со смежными науками.

В работах советских ученых, особенно в последнее десятилетие, получили освещение и различные аспекты духовной культуры, идеологии, религии и искусства скифов. Этому способствовало глубокое исследование памятников скифской материальной культуры (Артамонов М. И., 1971а; с. 24—35; Шкурко А. И., 1977; Раевский Д. С., 1977; Бессонова С. С., 1983).

Накопление антропологических материалов из скифских курганов позволило советским антропологам выявить особенности физического типа людей, живших в различных районах Скифии. Так, М. С. Великанова (1975) убедительно показала отличительные черты кочевых и осевших на землю скифов нижнего Поднестровья, Т. С. Кондукторова (1972) отметила особенности нижнеднепровских скифов, С. И. Крүц (1979, 1982) прослеживает сходство и различия поло-возрастного состава и физического

типа рядового и зажиточного населения степей Скифии. Наблюдения антропологов, сделанные в последние 20 лет, существенно дополняют наши представления о внешнем облике скифов, полученные по изображениям на предметах греческой торевтики и скульптурным портретам, воссозданным М. М. Герасимовым еще в 50-х годах по черепам из нескольких скифских погребений.

Что касается зарубежных ученых, интересующихся скифской проблематикой, то как в более ранние годы, так и с 20-х годов XX в. по сей день большинство из них продолжает обсуждать дискуссионные вопросы, связанные с изучением географических и этнографических свидетельств Геродота без учета археологических материалов. Наиболее солидной работой на эту тему является труд венгерского ученого И. Харматта (Harmatta J., 1941).

Из других публикаций зарубежных историков начала 20-х годов следует отметить работу М. Эберта (Ebert M., 1931), в которой рассмотрены известные к тому времени скифские археологические памятники и данные письменных источников о киммерийцах и скифах.

В некоторых трудах зарубежные ученые исследуют легенду 1 о происхождении скифов, переданную Геродотом, с целью определить смысл упавших с неба золотых предметов. Ж. Дюмезиль и Э. Бенвенист, привлекая обширный сравнительный материал, установили, что символика перечисленных Геродотом даров отражает традиционное для индоиранских народов трехчастное социальное членение общества на общинников, военную аристократию, жречество (Dumézil G., 1930, 1958, 1962; Benveniste E., 1938). Выводы этих исследователей получили дальнейшее развитие в трудах советских ученых (Грантовский Э. А., 1960; Хазанов А. М., 1975). Представляют интерес статьи Г. Коте (Kothe H., 1968, 1969), в которых рассматриваются взаимоотношения земледельческого населения Скифии и кочевников-завоевателей, а также определяется содержание понятия «скифы» у Геродота.

Из числа зарубежных исследователей второй половины XX в., использующих археологический материал, следует упомянуть И. Потраца (Potratz J. A. H., 1963). Не претендуя на оригинальность суждений, его книга содержит обстоятельную характеристику не только исторических, но и археологических данных о скифах и Скифии, хотя последние отражены далеко не полно.

Наиболее обстоятельным исследованием, основанным целиком на археологических материалах, главным образом на тех, которые появились в 50—70-е годы нашего столетия, является книга Р. Ролле (Rolle R., 1980). В ней имеются сведения о наиболее ярких памятниках степи и лесостепи Северного Причерноморья, а также о «царских» захоронениях, открытых в Сибири, Казахстане и Туве. Автор описывает материальную культуру, быт, религиозные представления и обычаи кочевников степей Евразии, показывая сходство и различия между западным и восточным регионами. Описания сопровождаются прекрасно выполненными иллюстрациями.

Научные разработки основных и менее значительных проблем скифской истории и археологии, а также относительно подробные характеристики скиф-

ских памятников содержатся в ряде монографий крупнейших советских скифологов, вышедших в течение последних 15 лет, а также во втором томе «Археологии Украинской ССР» (1971, 1986). В 1971 г. увидела свет книга Б. Н. Гракова «Скифы», в 1974 г. — книга М. И. Артамонова «Киммерийцы и скифы», в 1983 г. — монография В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина «Скифия VII—III вв. до н. э.». Читатели, интересующиеся скифами и их ближайшим окружением, найдут в этих исследованиях ответы на интересующие их вопросы и получат возможность самостоятельно присоединиться к тому или иному решению отмеченных выше дискуссионных проблем. Достаточно подробно с существующими ныне гипотезами по поводу наиболее важных вопросов науки о скифах знакомит специально проведенный журналом «Народы Азии и Африки» (1980. № 5, 6) «круглый стол» под названием «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии».

География и этногеография Скифии в трудах советских ученых

Как справедливо отметил Б. Н. Граков, в греческой литературе существовало два понимания Скифии — географическое и этнографическое, которые не всегда совпадали. Во втором случае название «скифы» присваивалось народам за пределами географической Скифии, которые жили рядом со скифами или вели близкий к ним образ жизни. В эпоху эллинизма название «скифы» давалось многим, главным образом кочевым, народам далеко за пределами Северного Причерноморья, вплоть до Средней Азии. Географическое же положение Скифии со времени знакомства греков со скифами ограничивалось в основном степной Украиной между Дунаем на западе и Доном на востоке. Правда, в VII—VI вв. до н. э., во время переднеазиатских походов и некоторое время после возвращения из них, скифы, очевидно, чувствовали себя хозяевами и в степях Предкавказья, как об этом позволяют судить сведения того времени и особенно ярко — археологический материал (см. главу шестую части III настоящей книги). Но греческие авторы V и IV вв. до н. э. — Геродот, Гиппократ, Псевдо-Скилак — уже не включают Кавказ в пределы Скифии.

Наиболее полные данные о Скифии V в. до н. э. содержатся в труде Геродота, посетившего греческий город Ольвию около середины указанного столетия и получившего информацию о скифах и их соседях от доверенного лица скифского царя некоего Тимна, а также использовавшего собственные наблюдения. Однако не все изложенное Геродотом можно назвать полноценным историческим источником. Некоторые данные очень кратки, другие противоречивы, третьи требуют серьезной проверки и сопоставления с другими источниками.

Не отличаются необходимой полнотой и содержат немало противоречий сведения Отца истории о географии и этногеографии скифских земель, изложенные в IV книге его «Истории». Следствием этого является то обстоятельство, что начиная с XVIII в. и до наших дней в науке не выработалось единого

мнения относительно местоположения на современной географической карте всех границ Скифии, а также рек, которые для Геродота служили основным ориентиром при определении территории расселения скифских и нескифских племен.

Если дореволюционные ученые при построении географической и этнографической картины Скифии по Геродоту исходили преимущественно из самого письменного источника и сопоставления его со сведениями других античных авторов, то в советское время на помощь исследователям пришел большой археологический материал. Однако, несмотря на это, в советской скифологии все еще существует много вариантов этнической карты Геродотовой Скифии, и пока трудно сказать, какой из них ближе к истине. В самом деле, если сравнить карты расселения собственно скифских и соседних с ними нескифских племен в работах Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, А. П. Смирнова, А. И. Тереножкина, а также специально посвященный Геродотовой Скифии труд Б. А. Рыбакова, то сразу же бросается в глаза противоречивость предложенных схем (карта 4). В настоящем издании нет возможности подробно останавливаться на всех имеющихся в наши дни взглядах на этногеографию Скифии. Всем, кто интересуется этим, следует обратиться к недавно вышедшей книге А. А. Нейхарт (1982), историографическому очерку и обширным комментариям к труду Геродота, изданным коллективом ленинградских историков (Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И., 1982). Здесь же я приведу наиболее распространенные в наши дни точки зрения советских ученых, не останавливаясь на подробной аргументации их.

Геродот представляет Скифию в виде квадрата, каждая сторона которого равна 20 дням пути, или 4 тыс. стадий. Южная граница проходила по побережью Черного моря от устьев Истра до киммерийского Боспора, западная — по р. Истру, восточная — по р. Танаис. Северная граница определялась Геродотом по расселению нескифских племен между Танаисом и Истром (IV, 101). Через страну текут реки, из которых Геродот называет восемь наиболее значительных: Истр с левыми притоками — реками Парата, Арар, Напарис, Ордесс и Тиарант; Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакарис, Геррос и Танаис. На современной карте легко распределяются далеко не все реки. Достаточно твердое соответствие находят следующие из них: Истр — это Дунай, но из его левых притоков современным определено соответствуют лишь Парата — Прут и, по всей вероятности, Тиарант — Сирет. По поводу остальных притоков существуют различные мнения. Однако большинство русских дореволюционных исследователей полагало, что Геродот имел в виду притоки, находившиеся к западу от Прута, современные реки Алуту или Олт, отождествляемую с Тиарантом, Сирет — с Араром, Яломицу — с Напарисом, Арджеш — с Ордессом (Брун Ф., 1880, с. 30). Советские ученые, как правило, упоминание Геродота о левых притоках Истра, кроме Параты, ставят под сомнение, и границей Скифии эпохи Геродота обычно считается нижний Дунай в месте его резкого поворота на юг в районе современного города Галаца. Что касается основных рек, протекающих по скифской земле, то установлено, что Тирас —

это современный Днестр, Борисфен — Днепр. О приурочении рек Пантикап, Гипакирис, Геррос до сих пор идут научные споры. Нет единого мнения и относительно идентификации Танаиса и Гипаниса. Б. А. Рыбаков подверг критике распространенное представление об отождествлении Гипаниса Геродота с Южным Бугом и предложил отождествлять с Гипанисом не одну реку, а сочетание рек Тикич, Синюха и низовий Буга (1979, с. 31—36). К. К. Шилик (1979, с. 454) считает Гипанисом Геродота не весь Южный Буг, а сочетание рек Южный Буг, Синиха и Гнилой Тикич. Б. А. Рыбаков возражает и против принятого многими учеными отождествления Танаиса с Доном. По его мнению, Танаис — это Северский Донец плюс нижнее течение Дона (от устья Донца до моря), Река Пантикап большинством исследователей отождествляется с современным Ингульцом, иногда с р. Конкой. Лишь Б. А. Рыбаков предлагает считать ее Ворсклой. Еще сложнее приурочить к современной местности реки Гипакирис и Геррос, так как их местоположение указано Геродотом наиболее противоречиво. Под Гипакирисом чаще всего имеют в виду то р. Калачак, то Каркиндский залив. По мнению Б. А. Рыбакова, Гипакирис — это сочетание р. Конки, гирл Днепра и р. Каланчак. Седьмую реку Скифии, названную Геродотом р. Геррос, определить еще труднее. Она отделяется от Борисфена в том месте, до которого он судоходен, а впадает в Гипанис. В то же время эта река впадает в море. Наиболее вероятным представляется, что Геродот здесь говорит о р. Молочной, впадающей в Азовское море.

Кроме восьми главных рек Скифии, Геродот называет еще Оар, Лик и Сиргис, впадающие в Меотиду — Азовское море. Б. А. Рыбаков предлагает отождествлять с ними небольшие современные речки — Корсак (Оар), Обиточную (Лик) и Чир — правый приток Дона (Сиргис), отличающийся большими размерами.

Из достопримечательностей Скифии Геродот упоминает горький источник — Эксампей, впадающий в Гипанис на расстоянии четырех дней плавания по нему до моря (IV, 52), настолько горький, что, несмотря на свою незначительную величину, он изменяет вкус воды в Гипанисе, с которым немногие реки могут сравниться по величине. Из многочисленных гипотез наиболее вероятной мне представляется та, которую недавно выдвинул К. К. Шилик (1979, с. 455), отождествивший Эксампей с р. Гнилой Еланец. Б. А. Рыбаков (1979, с. 37) видит в Эксампее также близко расположенную к устью р. Синюха небольшую речку Черный Ташлык, впадающую в Синюху со стороны Борисфена в 10—12 км от современного г. Первомайска.

Кроме рек, Геродот называет несколько раз большое лесное урочище Гилею (IV, 9, 18, 55, 76). До недавнего времени все исследователи единодушно считали, что речь идет о лесном массиве-плавнях на нижнем Днепре и в Олешковских песках. Б. А. Рыбаков предполагает, однако, что под термином Гилея Геродот имеет в виду не название определенного места, а нарицательное имя, обозначающее лес, рожд. В связи с этим, по мнению ученого, у Геродота идет речь о двух гилеях: одна находилась в низовьях Днепра и примыкала к Ахиллову Бугу, другая —

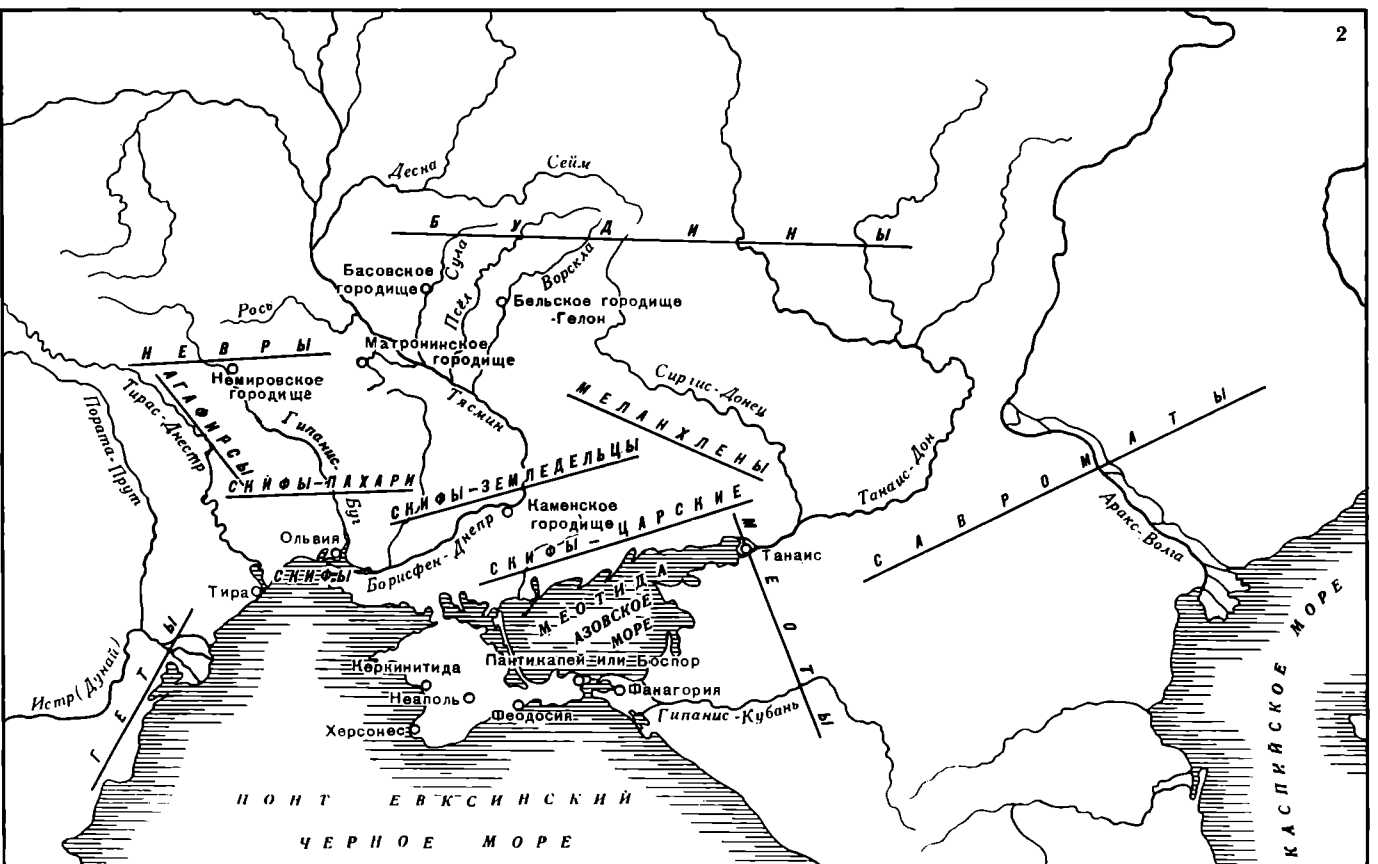
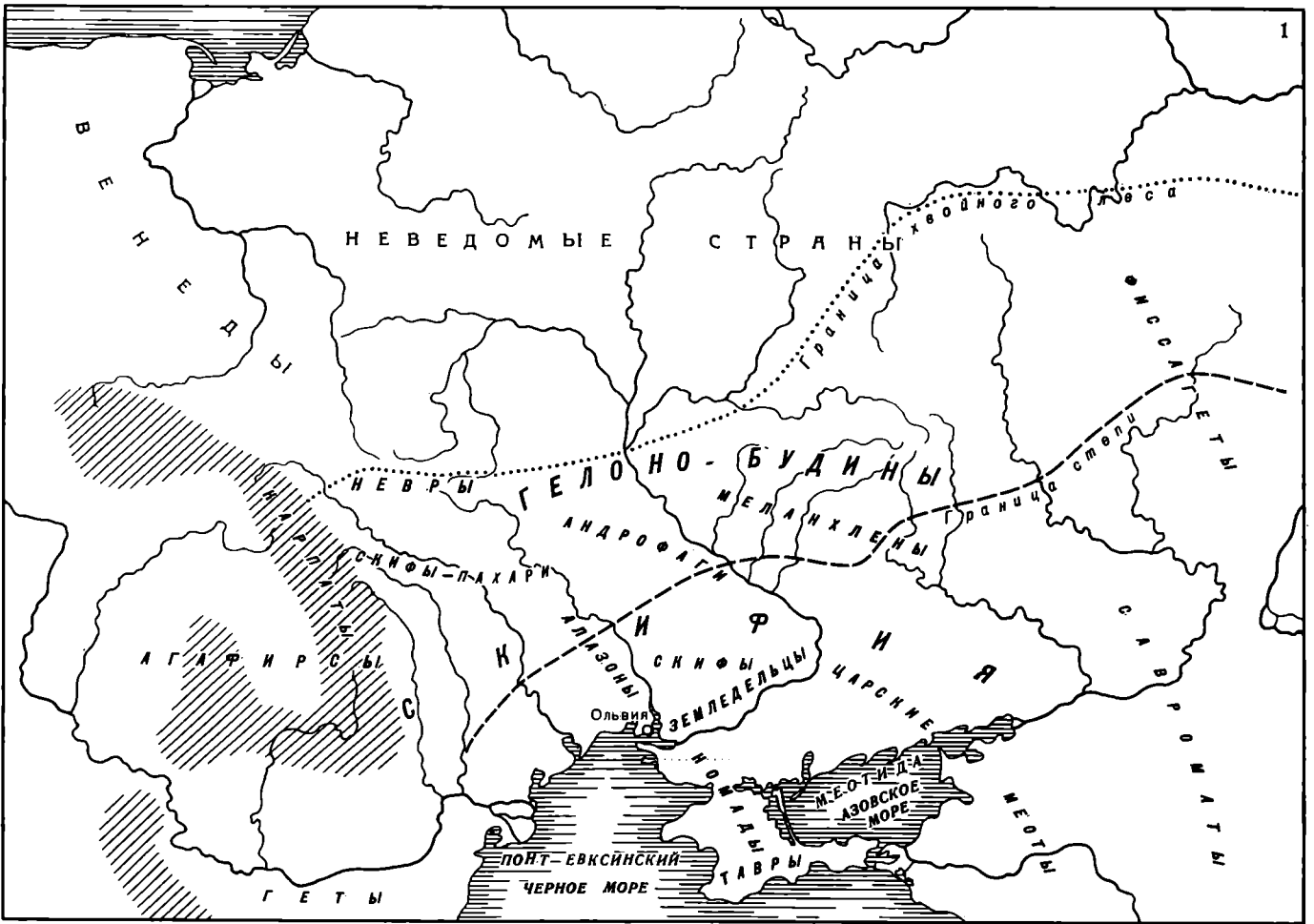
при впадении Ворсклы в Днепр, т. е. в среднем Поднепровье. А. А. Нейхарт отметила, что анализ текста Геродота не дает оснований для категорического вывода о существовании двух Гилей (1982, с. 160).

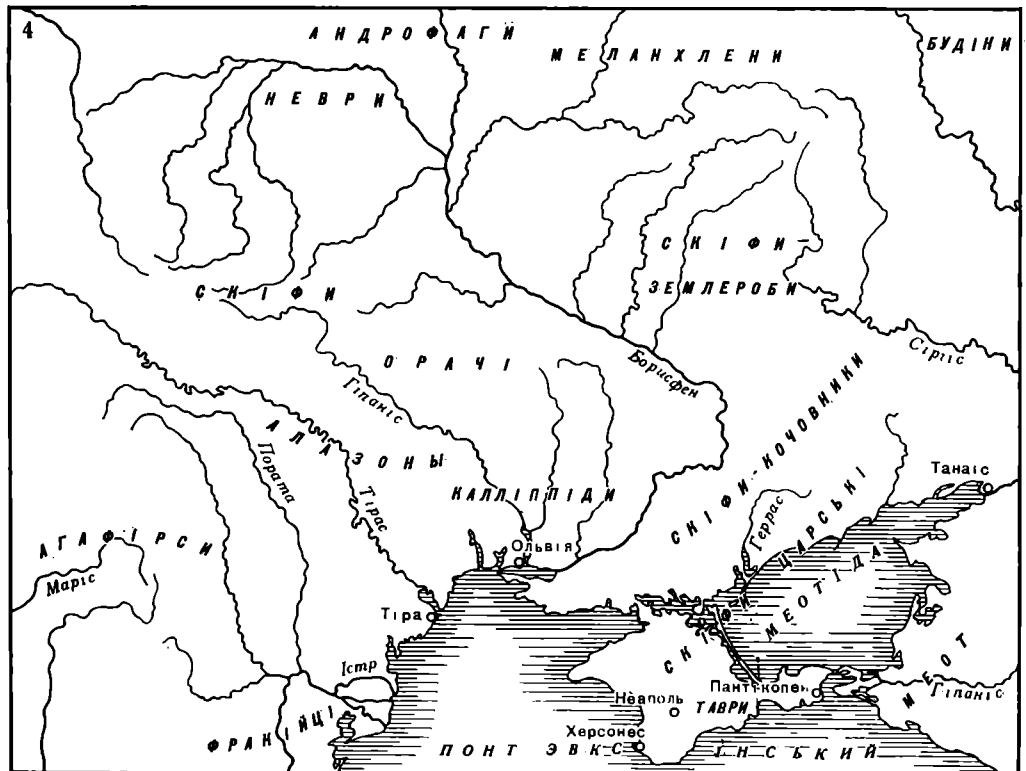
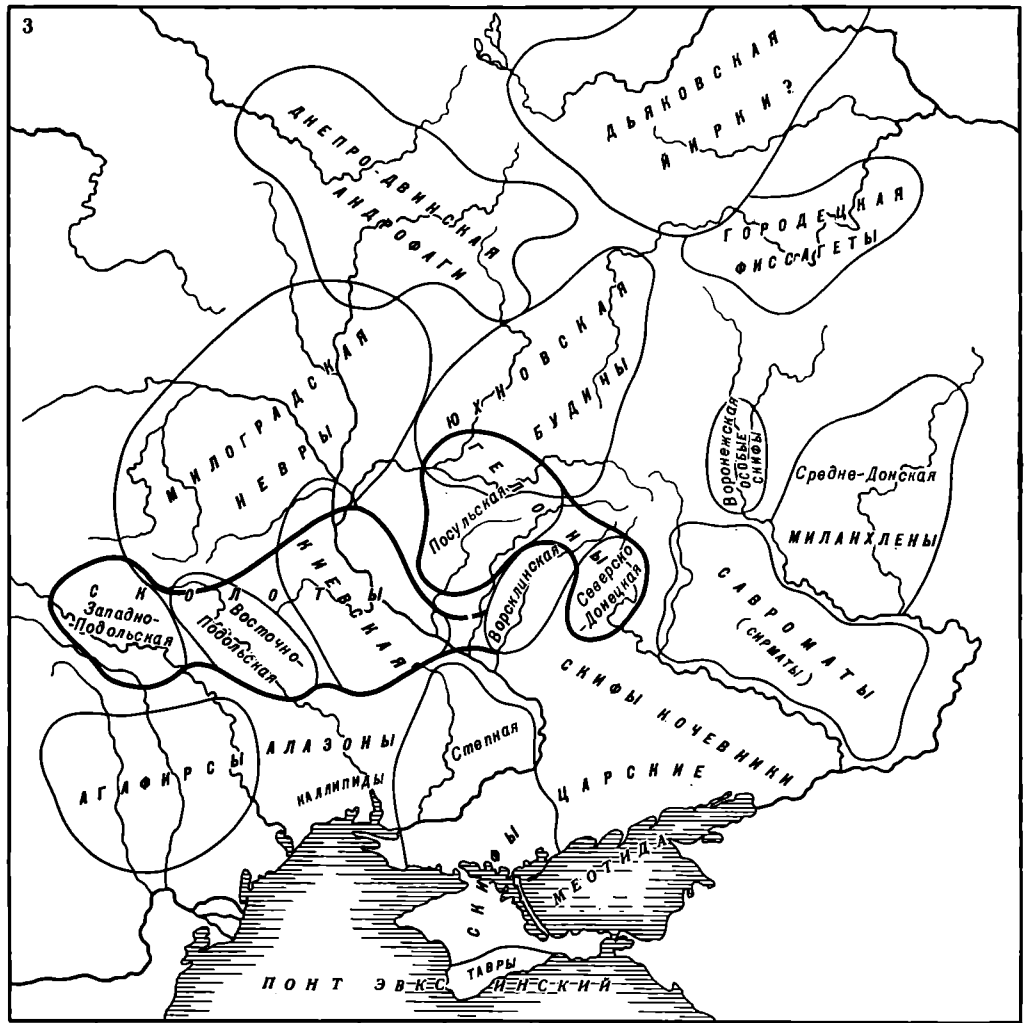
Очень много споров в научной литературе вызвало сообщение Геродота о скифском квадрате. Пожалуй, большинство ученых принимает на веру рассказ Геродота о том, что Скифия по очертаниям напоминала квадрат, и спорят лишь о том, в каких стадиях измерялась длина сторон, насколько правильны данные Геродота о его границах и как эти границы можно перенести на современную карту. В наши дни наиболее убежденным сторонником Геродота является Б. А. Рыбаков, который строит четырехугольник с длиной сторон 700 км исходя из того, что Геродот пользовался аттическим стадием, равным 177,6 м, а день пути в 20 стадий составляет 35,5 км. При этом в Скифию включаются Прут и Сирет, а также истоки Днестра, а на востоке — низовья Дона, что «превращает квадрат в опрокинутую трапецию, у которой южная приморская сторона по прямой содержит 540 км, а северная должна иметь около 1000 км» (Рыбаков Б. А., 1979, с. 22—23).

Другого направления придерживался Б. Н. Граков. Он специально подчеркнул, что «указанные Геродотом строго геометрическое построение страны и равенство всех ее границ не позволяют серьезно оперировать таким представлением» (1971а, с. 15). Не так давно И. А. Шишова, на мой взгляд, хорошо обосновала условный характер скифского четырехугольника Геродота и измерений «дней пути» и «дней плавания». Она объяснила также, что появление такой фигуры в труде Геродота связано со стремлением дать всей картине Скифии зримую законченность, записать свои впечатления так, чтобы рассказ мог заменить карту (1981, с. 20—22).

Скифию, по Геродоту, населяли кочевые и земледельческие племена. Описание племен идет в направлении с юга на север, при этом отправным пунктом служит Ольвия. Первыми названы каллипиды или эллино-скифы; над ними другое племя — ализоны (или алазоны). И те, и другие жили по-скифски, посеяли хлеб и употребляли в пищу также лук, чеснок, чечевицу и просо. Над алисонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи; еще выше — невры. Все эти племена обитали вдоль по течению Гипаниса, к западу от Борисфена (Геродот, IV, 17). Границы между каллипидами и алисонами Геродот нигде не указывает, зато по поводу ализонов в § 52 говорится, что вблизи их земли Тирас и Гипанис сближают свои излучины, а источник Эксампей находится в пределах (на границе) земель ализонов и скифов-пахарей на расстоянии четырех дней плавания от Ольвии по Гипанису.

К северу от Гилеи на протяжении 11 дней плавания по Борисфену жили скифы-георгои, которых ольвиополиты называли борисфенитами (Геродот, IV, 52). До недавнего времени термин «георгой» переводился как «земледельцы», и, таким образом, это племя считалось вторым оседлым земледельческим племенем в Скифии. В. П. Абаев предложил иное толкование термина «георгой», раскрыв его как ограниченную передачу скифского названия gauvarga

Карта 4. Распределение племен, названных Геродотом, на современной карте

1 — по М. И. Артамонову; 2 — по Б. П. Гракову; 3 — по Б. А. Рыбакову; 4 — по А. П. Терепожкину, В. А. Ильишской

(«разводящие или почитающие скот»), т. е. не скифы-земледельцы, а скифы-скотоводы (1981). Если это действительно так, то получает достаточно аргументированное объяснение непонятная ранее синонимичность в наименовании племен у Геродота «скифы-пахари» и «скифы-земледельцы».

В степи на восток от Борисфена до р. Герроса жили скифы-кочевники, дальше до Меотиды (Азовского моря) и р. Танаиса, а также в степном Крыму кочевали скифы царские, которые считали всех остальных своими рабами (Геродот, IV, 19—20).

Со всех сторон Скифию окружали уже не скифские племена. В горной части Таврии (Крыму) жили тавры, к югу от Дуная — геты. Непосредственными соседями скифов на северо-западе были агафирсы, на севере — невры, восточнее их — андрофаги, маллапхлены. За Танаисом жили савроматы, на север от них — будины, на земле которых обитали гелоны и находился г. Гелон. Геродот считает гелонов по происхождению эллинами, выселившимися из торговых городов и говоривших отчасти по-скифски, отчасти по-гречески; вокруг Меотиды (Азовского моря) — меоты (Геродот, IV, 108). Перечисляя скифские и соседние с ними племена, Отец истории говорит об их образе жизни, отмечает некоторые обычаи, подчеркивая при этом, что у ряда нескифских народов образ жизни, одежда или обычаи были скифские. Но, как уже сказано выше, точных границ между племенами Геродот почти не называет, а если и называет, то это реки или местности, идентификация которых с современными вызывает в науке споры.

Что дает археология для определения границ Скифии и расселения племен, перечисленных Геродотом?

Уже со времен М. И. Ростовцева и А. И. Спицына на юге Восточной Европы стали выделять локальные группы памятников скифского времени. Особенно четко они определились в лесостепи благодаря работам 40—50-х годов нашего столетия — И. В. Фабрициус, М. Я. Рудинского, Е. Ф. Покровской, В. А. Ильинской, А. И. Терепожкина, Б. А. Шрамко, П. Д. Либерова. В настоящее время уверенно можно говорить о существовании в лесостепи следующих групп памятников: Молдавской, между Днестром и Прутом, Западноподольской и Побужской, Днепровского Правобережья, Ворсклинской, Посульской, Северскодоонецкой, Сейминской и Среднедонской. При этом Молдавская группа памятников резко отличается от остальных, примыкая к памятникам фракийского населения Румынии. Близки между собой памятники правобережной лесостепной Украины (имеется в виду междуречье Днестра и Днестра) и Ворсклинская группа. Рядом специфических черт отличается от них Посульская и Северскодоонецкая, наиболее существенно — Среднедонская. Особая локальная группа скифской культуры VII — начала V в. до н. э. выделяется на Северном Кавказе. Ниже будет дана подробная характеристика каждой из этих локальных групп. Однако не все они одинаково хорошо изучены и это создает большие трудности, препятствуя сопоставлению археологических источников с письменными.

Что касается территории степи, то на ней достаточно четко выделяются лишь памятники нижнего Дона

и степного Крыма. Видимо, некоторые особенности имели и курганы Надпорожья. Однако они пока мало исследованы. Кроме того, нужно отметить, что различия в степных памятниках наблюдаются главным образом для послегеродотовского времени, т. е. для IV в. до н. э.

Существенным моментом, влияющим на распределение учеными племен Геродота на современной карте, является то, как исследователи понимают содержание термина «Скифия» у Геродота.

Широко распространено мнение, что Скифия — это прежде всего политическое образование, в которое входили как собственно скифские, т. е. иранские по языку, племена, так и нескифские по своей этнической принадлежности.

Иначе подходил к решению рассматриваемого вопроса Б. Н. Граков, который, анализируя текст Геродота, полагал, что Отец истории имел в виду страну, в которой все скифские племена, кочевые и оседлые, едины по происхождению, языку, религиозным верованиям и политически, т. е. Скифия, по мнению Б. Н. Гракова, — единое целое, этническое и политическое. Исходя из этого и принимая во внимание, что на основании данных археологии об этническом, а следовательно, и политическом единстве можно говорить лишь применительно к степной зоне Северного Причерноморья, исследователь ограничивал территорию Скифии именно пределами степи и на ней расселял все названные Геродотом скифские племена. На территории лесостепи и на Северном Кавказе, по мнению ученого, жили соседи скифов — носители скифообразной культуры VI—III вв. до н. э. (Граков Б. Н., 1971а, с. 14—18).⁴ Гипотезе Б. Н. Гракова противоречит отсутствие в степной части Северного Причерноморья сколько-нибудь заметных следов оседлой жизни в VI—V вв. до н. э.

М. И. Артамонов, который в большинстве работ рассматривал Скифию только как политическое образование, в последней книге (1974) изменил свое мнение и специально подчеркнул, что Скифия была населена только скифами, что по своим этническим признакам население г. указанных Геродотом границ представляло собой тесное единство. Признавая реальными размеры Геродотова четырехугольника, он включил в скифское этническое единство и лесостепное земледельческое население, считая его родственным по происхождению скифам-иранцам степной зоны. Однако это последнее заключение М. И. Артамонова находится в серьезном противоречии с археологическими фактами.

Иначе объясняет этническое единство А. М. Хазанов. Он полагает, что в скифское этническое единство могли входить не только действительно родственные племена, но и те, которые, будучи покорены скифами царскими, лишь считались таковыми по преданию, т. е. были связаны со скифами фиктивным родством (Хазанов А. М., 1975, с. 50 сл.). Автор, на мой взгляд, убедительно обосновал это положение. Если это действительно так, то тогда вопрос о местоположении оседлого земледельческого племени Скифии — скифов-пахарей — может быть решен в пользу лесостепи, т. е. исконно земледельческой территории, населенной племенами, отличавшимися от собственно скифов.

Переходя к изложению современных точек зре-

ния на расселение племен Скифии и их ближайших соседей в соответствии с данными археологии, замечу, что меньше всего споров вызывает вопрос о территориях, занятых каллипидами, скифами-кочевниками и царскими. Каллипидов все исследователи расселяют в окрестностях Ольвии, на обоих берегах нижнего Буга и к западу от Днепра.

Основываясь на указании Помпония Мелы, помещавшего каллипидов на правом берегу нижнего Буга до р. Асиак (современная р. Тилигул или Тилигульский лиман), принято считать Тилигул западной границей каллипидов, восточная граница их не уходила далее Херсона, северная не установлена. Б. А. Рыбаков расширяет пределы земли каллипидов на запад, считая, что западными прибрежными соседями каллипидов были тириты, жившие в устье Тираса (1979, с. 124).

До недавних пор каллипидам приписывались поселения нижнего Побужья VI—V вв. до н. э., имевшие греко-варварский облик материальной культуры (Штителман Ф. М., 1956, с. 27; Артамонов М. И., 1974, с. 115; Граков Б. Н., 1971а, с. 61; Рыбаков Б. А., 1979, с. 124). В настоящее время большинство исследователей отказалось от такого мнения и считает эти поселения основанными греками, хотя и включившими в свой состав выходцев из варварской среды (Доманский Я. В., Марченко К. К., 1975; Доманский Я. В., 1979, с. 85 сл.; Русяева А. С., Скржинская М. В., 1979, с. 32 сл.; Отрешко В. М., 1981, с. 38 сл.).

Изменилось мнение и относительно характера хозяйства каллипидов. Если раньше их считали оседлыми земледельцами, занимавшимися также скотоводством и рыболовством, то ныне распространено представление о каллипидах как о полукочевниках. В связи с этим намечается тенденция искать археологические памятники каллипидов лишь среди курганных некрополей. Так, А. С. Русяева и М. В. Скржинская предлагают связывать с каллипидами курганы V—III вв. до н. э., исследованные на территории от г. Николаева до Новой Одессы, хотя несколько ранее археологами было высказано мнение относительно принадлежности памятников этого района ализоном (Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., 1978, с. 149). В. М. Отрешко считает памятниками каллипидов и сходных с ними по образу жизни ализонов небольшие временные стоянки кочевников, известные в нижнем Побужье и далее на север вплоть до лесостепи. Вполне справедливым мне представляется замечание В. М. Отрешко: «Возможно, каллипиды потому и названы «эллинами-скифами», что подкочевывали в степные районы между лиманами, побережье которых было заселено греками» (1981, с. 40, карта на с. 28).

М. И. Артамонов (1949, с. 150) видел в каллипидах не особое племя, а выходцев из самых разных племен Скифии, как кочевых, так и оседлых. К. К. Марченко (1983, с. 67—78) поддерживает этот вывод и предлагает видеть в каллипидах варваров, обосновавшихся в греческих поселках нижнего Побужья. Однако мне представляется, что здесь допускается явное насилие над текстом Геродота, в котором каллипиды выступают как самостоятельный этнос.

Локализация ализонов (алазонов) зависит от ло-

кализации горького источника — Эскампея, которая до сих пор спорна, и от того, какое именно сближение Буга и Днестра принимается во внимание. Чаще всего землями ализонов считается северная окраина степи между Бугом и Днестром. По К. К. Шилику, южная граница должна была проходить в районе впадения р. Синюхи в Южный Буг или южнее, северная — в истоках Эскампея (р. Гнилой Еланец). Там же примерно берут начало истоки рек Мертвовода и Громаклеи — притоки Ингула, а также Черного Ташлыка.

Б. А. Рыбаков северную границу ализонов проводит по границе степи и лесостепи от г. Первомайска на Буге на запад через Балту к излому Днестра. В широтном протяжении он предполагает кочевание ализонов между Днестром и Ингулом или Ингульцом. Примерно так же размещал ализонов М. И. Артамонов. Б. А. Рыбаков считает западными соседями ализонов, кроме агафирсов, еще и тиритов (1979, с. 125). С этим положением трудно согласиться, так как Геродот называет тиритами греков, живших в устье Тире (Геродот, IV, 51). Они хорошо известны археологически, находятся по левому берегу Днестровского лимана, т. е. далеко от тех мест, где жили ализоны. А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская связывают с ализоном Молдавскую группу памятников в лесостепи междуречья Днестра и Прута, что явно находится в противоречии как с Геродотом, так и с археологическими материалами (Тереножкин О. И., Ілліньска В. А., 1971, с. 34). Молдавскую группу, скорее всего, следует исключать из пределов Геродотовой Скифии и считать принадлежавшей агафирсам, основные земли которых размещались в северо-западной Румынии по р. Марешу (Мелюкова А. И., 1954, с. 101, 102; Рыбаков Б. А., 1979, с. 125—126).

Археологические памятники в предполагаемом районе расселения ализонов пока не изучены, если не считать ализонскими курганы VI—V вв. до н. э. нижнего Побужья, которые, как говорилось выше, могли принадлежать каллипидам.

Скифы-пахари жили выше ализонов и к западу от Днепра. Это единственное безусловно оседлое земледельческое племя, которое большинство исследователей локализует в исконно земледельческом районе лесостепи между Южным Бугом и Днепром, там, где находятся поселения, городища и курганы Днепровской Правобережной и Побужской локальных групп (Либеров П. Д., 1951, с. 178 сл.; Тереножкин О. И., Ілліньска В. А., 1971, карта 3). М. И. Артамонов в ранних работах связывал со скифами-пахарями археологические памятники Буго-Днестровского междуречья, т. е. Западноподольскую группу памятников (1949а, с. 155). В последней своей книге он считал скифами-пахарями все оседлое земледельческое население лесостепи Восточной Европы от Днестра до Дона (Артамонов М. И., 1974, с. 94).

Б. Н. Граков предполагал, что скифы-пахари обитали где-то на северной окраине степи в Буго-Днестровском междуречье, и не связывал с ними какие-либо археологические памятники (1971а, с. 17).

Б. А. Рыбаков вслед за Л. Нидерле считает, что обозначения племен «скифы-аротеры» и «скифы-георгой» употреблены Геродотом по отношению к од-

пому и тому же народу, т. е. эти названия синонимы. Исходя из убеждения о существовании двух гилей, одна из которых находилась на р. Ворскле, а вторая — в низовьях Днепра, Б. А. Рыбаков размещает пахарей и земледельцев там, где археологам известны лесостепные (в междуречье Днепра — Днестра и Ворсклинская) группы археологических памятников (Рыбаков Б. А., 1979, с. 127—144).

Замечу, однако, поскольку Геродот дает разные представления о территориях скифов-аротеров и скифов-георгой, трудно предполагать, что это один и тот же народ, обозначенный двумя синонимами. Выявленная археологическая близость памятников правобережной лесостепной Украины и бассейна Ворсклы не может иметь решающего значения для локализации племен. Кроме того, помимо близких черт, между группами имеются и довольно существенные различия. Территориально наиболее вероятна локализация геродотовских пахарей в пределах Днепровской Правобережной и Побужской групп археологических памятников.

Что касается скифов-георгой, то, если строго следовать за Геродотом, их невозможно оторвать от нижнего Днепра. Наиболее близким к истине мне представляется размещение этого племени на обоих берегах нижнего Приднепровья. Отсутствие поселений VI—V вв. до н. э. в этих районах лишь подтверждает предположение В. И. Абаева о том, что георгой не земледельцы, а кочевники или полукочевники. Связать с георгой какие-либо группы курганов, исследованных в нижнем Поднепровье, пока не представляется возможным.

Ряд исследователей предлагает видеть область обитания скифов-земледельцев в посульско-донецкой лесостепи (Ильинская В. А., 1968, с. 174), что плохо согласуется с Геродотом.

Основным населением степи были скифы-номады и скифы царские. Спорность идентификации рек Пантикапа, Гипакириса и Герроса с современными реками привела к разногласиям во мнениях ученых относительно локализации этих племен и границы между ними. Ясно лишь, что область кочевников располагалась к востоку от Днепра, вероятно, до Северского Донца, тогда как скифы царские жили в северной части Приазовья и степном Крыму (Граков Б. Н., 1971а, с. 14 и карта; Тереножкін О. І., Іллінська В. А., 1971, с. 128, карта; Рыбаков Б. А., 1979, с. 115).

М. И. Артамонов помещал скифов-кочевников в степном Крыму (1949а, с. 142, 144; 1974, с. 70). На современном уровне наших знаний археологические памятники скифов-кочевников и скифов царских разделить невозможно. Вместе с тем нельзя не отметить, что археология свидетельствует о принадлежности к каким-то кочевым скифским племенам населения степных просторов не только к востоку от Днепра и в степном Крыму, но и к западу от Днепра вплоть до нижнего Дуная. Эта территория, по Геродоту, входила в пределы исконной, или старой, Скифии, однако никаких племен на ней он не называет. Нет ясных свидетельств о насельниках степей Днестро-Дунайского междуречья и у более поздних античных авторов. Правда, Помпоний Мела (II, 7), как уже говорилось выше, называет реку Асиак (Тилигул), а между ней и Тирасом помещает племя

асиаков, близкие упоминания асиаков содержатся у Клавдия Птолемея (III, 5, 6) и Плиния (Естественная история, IV, 82). Однако неизвестно, к какому именно времени относятся источники, использованные этими авторами. М. И. Ростовцев полагал, что в географической и этнографической картине, нарисованной Мелой, нет поздних источников и добавлений, но вряд ли можно относить упоминание об асиаках к геродотовскому времени, иначе Геродот должен был упомянуть и реку, и племя. Но даже если асиаки и населяли названные земли в эпоху, близкую к Геродоту, все равно мы ничего не знаем об этом племени и его отношении к населению Скифии VI—V вв. до н. э., поскольку этнографическая характеристика асиаков отсутствует.

Известные в настоящее время археологические памятники VI—V вв. до н. э., т. е. геродотовского времени, ясно показывают, что западная граница скифских кочевий в то время шла по нижнему Дунаю и низовьям Прута, там, где он течет по степи. Далее на юг и запад начинались земли гетов. Предложенное В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным расширение территории Геродотовой Скифии вплоть до Олта явно ошибочно, поскольку на ней нет скифских памятников, а известны лишь фракийские (Мелюкова А. И., 1969, с. 61 и сл.).

Нет у исследователей единого мнения относительно этнической принадлежности населения нижнего Дона (Танаиса), где, по Геродоту, проходила восточная граница Скифии. Выявленные здесь археологические памятники VI—III вв. до н. э. и прежде всего Елизаветовское городище и его могильник V—III вв. до н. э. одни археологи связывают с меотами (Каменецкий И. С., 1965а, с. 18; Граков Б. Н., 1971, с. 17), другие — с сарматами (Гайдукевич В. Ф., 1963, с. 297—298), третьи — со скифами (Артамонов М. И., 1949а, с. 29—30; Шилов В. П., 1962, с. 69; Брашинский И. Б., Марченко К. К., 1984), а четвертые предполагают смешанный скифо-меото-савроматский состав населения (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 265—267; Шелов Д. Б., 1970, с. 69—70).

То скифскими, то савроматскими считаются курганы воинов VI в. до н. э., известные ныне в окрестностях г. Ростова-на-Дону (Максименко В. Е., 1983). Наиболее убедительной мне представляется гипотеза о скифской принадлежности Нижнедонской группы археологических памятников, хотя нельзя не признать, что эта группа весьма своеобразна и содержит элементы, не свойственные скифским памятникам основной зоны степей Северного Причерноморья. Однако скорее всего это объясняется пограничным ее положением на стыке с савроматской и меотской территориями.

Не менее спорны и противоречивы мнения ученых относительно локализации соседних со Скифией племен, особенно таких, как будины и гелоны, андрофаги и меланхлены, и отождествления с ними археологических памятников.

Наиболее благополучно обстоит дело с размещением восточных соседей скифов — савроматов, которым отводятся волго-донские степи, занятые памятниками савроматской культуры VI—IV вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964а), а также невров — северных соседей скифов-пахарей. Последних в настоящее время большинство ученых вслед за О. Н. Мельни-

ковской (1967) помещает в области расположения милоградской культуры VI—III вв. до н. э. Начинаясь в верховьях Збруча и Случи, эта культура простирается в Северо-восточном направлении за Припять и Днепр, захватывая низовья Десны, Сожа и Березины. Только Б. Н. Граков в связи с предложенной им локализацией скифов-пахарей на северной окраине степи видел в неврах носителей локальных групп скифообразной культуры правобережной лесостепи от Днестра до Днепра (1971а, карта).

Восточными соседями невра по Геродоту были андрофаги — особое нескифское племя кочевников (IV, 100, 102). Они же ограничивали Скифию с севера, а на востоке граничили с меланхленами. Следуя не слишком ясному указанию Геродота, ученые отводили андрофагам очень разные территории и памятники, преимущественно к северо-востоку от Днепровских порогов. Так, Б. Н. Граков помещал андрофагов непосредственно в области порогов, считая, что им принадлежат кургачи Надпорожья, лучше всего представленные Кичкасским и Волошским могильниками. П. Д. Либеров видел в андрофагах обитателей нижнего течения рек Сулы, Псла и Ворсклы (1969, с. 15). В бассейне Сулы помещает указанное племя Б. А. Шрамко (1962а, с. 233), тогда как В. А. Ильинская (1970, с. 23—29) отводит эту территорию скифам-земледельцам. Б. А. Рыбаков, как и А. И. Тереножкин, полагает, что андрофаги жили севернее Припяти и им принадлежала одна из групп памятников так называемой штрихованной керамики (Тереножкин А. И., 1961, карта; Рыбаков Б. А., 1979, с. 97). М. И. Артамонов не связывал с андрофагами никакой определенной группы памятников, по его мнению, андрофаги и меланхлены входили в состав большого племени будинов и жили в среднем Поднепровье ниже р. Рось (1949а, с. 160).

Так же очень по-разному помещаются меланхлены. Ряд исследователей связывают с ними население южновской культуры, распространенной на верхней и средней Десне и по Сейму (Ілліньска В. А., Тереножкин О. І., 1971, с. 35). Однако это противоречит свидетельству Геродота о том, что меланхлены были северными соседями скифов царских, хотя и жили на 20 дней пути от Меотиды. Наиболее близкими к истине и одинаково возможными мне представляются точки зрения Б. А. Рыбакова, который отводит меланхленам область среднедонской культуры, исследованной П. Д. Либеровым (Рыбаков Б. А., 1979, с. 121), а также Б. Н. Гракова и Б. А. Шрамко, связывающих меланхленов с населением Северского Донца (Граков Б. Н., 1971а, с. 160; Шрамко Б. А., 1975а, с. 84).

Рядом с меланхленами на среднем Дону в районе расположения Воронежской группы курганов Б. А. Рыбаков помещает скифов-отщепенцев, отделившихся от скифов царских, о которых Геродот говорит в § 22. С таким положением исследователя трудно согласиться, поскольку Геродот помещает этих скифов «выше иирков, если отклониться к востоку». Иирков же обычно помещают за Волгой в области ананьинской культуры. Поэтому наиболее вероятным, на мой взгляд, является мнение ученых, располагавших этих скифов где-то к востоку от Уральских гор, в Оренбуржье или Казахстане. Что

касается археологических данных, то Воронежские курганы, пожалуй, больше других локальных групп лесостепи ближе всего к скифским кочевническим погребениям, хотя и имеют немало черт савроматской культуры.

Остро дискуссионным остается вопрос о размещении на современной карте в связи с данными археологии геродотовских будинов и гелонов, а также города Гелона. Свидетельства Геродота об этих народах противоречивы и неопределенны. Ясно лишь что они живут к северу от савроматов (IV, 108), и это дает повод исследователям связывать их с разными территориями от Днепра до верхнего или среднего Поволжья и с разными археологическими памятниками. В специальных статьях П. Д. Либерова, В. А. Ильинской, Б. А. Шрамко, посвященных гелано-будинской проблеме, подробно рассмотрены все существовавшие до недавнего времени точки зрения (Либеров П. Д., 1969, с. 5—26; Ілліньска В. А., 1970, с. 23—39; Шрамко Б. А., 1975а, с. 94—127). Из этих работ следует, что большинство советских археологов, касавшихся этой темы, придерживается локализации будинов на территории среднего Дона. Однако по-разному рассматривались ее границы. Так, В. А. Ильинская и К. Ф. Смирнов определяли земли будинов в пределах Воронежской и Харьковской областей; Б. Н. Граков связывал ее только со Среднедонской группой памятников. Более определенно эта точка зрения выражена в работах П. Д. Либерова, который отводит будинам вместе с гелонами территорию, занятую Среднедонской локальной группой памятников, существование которой он прослеживает на обоих берегах среднего Дона, включая его левые притоки — Воронеж, Битюг, Хопер и, возможно, Медведицу. При этом вся правобережная часть среднего Дона, в границах от р. Сосны на севере до Тихой Сосны на юге, была занята оседлыми земледельцами гелано-будинами, а левобережная часть — кочевниками-будинами. На Правобережье среднего Дона П. Д. Либеров предлагает искать г. Гелон, которым, по его мнению, может быть система из четырех городищ у д. Волошино Воронежской обл. Однако эти городища маловыразительны, а то, что они были объединены в одно целое, пока не доказано, поэтому гипотеза П. Д. Либерова не имеет сторонников.

Иначе предлагает рассматривать границы территории будинов Б. А. Шрамко. По его мнению, земли будинов и гелонов простирались на запад от среднего Дона, охватывая бассейн этой реки, верховья Оскола, всю Ворсклу и бассейн Псла. На севере они доходили до Сейма. От собственно скифов будинов и гелонов отделяли меланхлены, которые обитали на Северском Донце. При этом бассейн Ворсклы считается западной частью территории будинов, на которой они жили вместе с гелонами — переселенцами из правобережного среднего Поднепровья. С будинами Б. А. Шрамко связывает памятники всей остальной территории левобережья лесостепи, ибо, «в культуре этого населения очень много общего, хотя и имеются определенные локальные отличия» (1975а, с. 124). Город Гелон Б. А. Шрамко вслед за В. Щербачевским (Scherbakovsky V., 1930), М. И. Артамоновым (1949а) и Б. Н. Граковым (1971а) помещает на Ворскле, на месте Бельского городища,

полагая, что именно этот археологический памятник более всего соответствует описанию Гелона у Геродота.

Точку зрения Б. А. Шрамко подвергла критике В. А. Ильинская (1977, с. 73—93), одновременно признавшая большие заслуги автора в изучении Бельского городища. Не видит В. А. Ильинская и серьезных оснований для того, чтобы отождествлять Бельское городище с Гелоном. По ее мнению, гелоны — население, оставившее памятники среднего Дона типа Воронежских курганов. В отличие от П. Д. Либера В. А. Ильинская считает это население не местным по происхождению, а пришлым из нижнего Подонья. Будин же она склонна видеть в носителях ананьинской или дяковской культур. Город Гелон исследовательница не решает связывать ни с одним из известных ныне археологических памятников. В работе 1987 г. Шрамко считает гелонов выходцами с Кавказа.

Внимание гелонно-будинской проблеме уделил Б. А. Рыбаков. Построение исследователя отличается большой внутренней логикой. Подробно анализируя упоминания Геродота о будинах и гелонах, он рассматривает в связи с ними все известные сейчас археологические материалы. Однако источники таковы, что и точка зрения Б. А. Рыбакова не может претендовать на окончательное решение гелонно-будинской проблемы, она является еще одной из возможных гипотез. Исследователь предлагает считать будинами носителей юхновской культуры. Вместе с тем он присоединяется к мнению Б. А. Шрамко и других ученых, которые отождествляют г. Гелон с Бельским городищем, и именно данное положение служит важным ориентиром для локализации гелонов. Гелоны, по мнению Б. А. Рыбакова, это пришлые из Скифии племена, оставившие памятники скифской культуры Посульско-Донецкого типа на Левобережье. В первой половине VI в. до н. э. скифы или родственные им племена вторглись в зону обитания племен бондарихинской культуры,

частично ассимилировали их, а частично оттеснили в районы левобережного Полесья — на Сейм и Десну. Здесь в лесной зоне деснинского Полесья бондарихинское-протобудинское население создало юхновскую культуру. Таким образом, гелоны — это скифы по происхождению, которые завоевали все лесостепное Левобережье, занятое в предскифское время племенами бондарихинской культуры. Они подчинили себе и ассимилировали туземное не только протобудинское (бондарихинское) население, но и претогооргойское (чернолесское) на Ворскле. Б. А. Рыбаков полагает, что население, оставившее Ворсклинскую группу памятников, «наряду с будинами входило в тот племенной союз, где гегемонами были гелоны» (1979, с. 163).

Мне представляется, что в построении Б. А. Рыбакова имеется две существенные «натяжки». Во-первых, Ворсклинская группа памятников и в скифский период остается близкой к группе днепровского Правобережья. Памятники VI—IV вв. до н. э., известные на ее территории, не содержат никаких данных, подтверждающих мысль об ассимиляции чернолесского населения скифами-гелонами (Ковпаненко Г. Т., 1967). Что касается Посульско-Донецкой группы, то ее связь по происхождению с пришельцами из Скифии вполне возможна, хотя пока не доказана. Но если даже считать ее скифской, то она появилась на столетие позднее, чем имевшие здесь место ранее племена бондарихинской (протобудинской) культуры. Следовательно, о гелонах в стране будин вряд ли можно говорить сколько-нибудь определенно. Те остатки бондарихинского населения, которые продолжали жить на левобережье до прихода сюда родственного скифам населения, едва ли могли восприниматься информаторами Геродота как какая-то часть многолюдного племени будин.

Таким образом, археологам и историкам предстоит еще очень большая работа для того, чтобы решить остро дискуссионную проблему о расселении племен Скифии и их соседей.

Локальные группы скифской и скифообразной культур Восточной Европы

Скифская культура формировалась на протяжении второй половины VII в. до н. э. В середине указанного столетия вещи скифского облика встречены в некоторых позднейших комплексах предскифской поры вместе с вещами новочеркасского типа. Но лишь к концу VII в. до н. э. скифская культура выступает в окончательно сложившемся виде, вытесняет предшествующую и в дальнейшем постепенно развивается, обогащаясь новыми элементами в зависимости от различных контактов, а старые формы ее совершенствуются.

Вопрос о происхождении скифов и их культуры продолжает оставаться дискуссионным. А. И. Террепожкин считал, что скифская культура принесена в Причерноморье из глубин Азии в уже готовом виде и не обнаруживает в своем комплексе местных традиций, механически сменяя старую на юге европейской части СССР (1971, с. 22). По мне-

нию М. И. Артамонова (1968, 1974), скифская культура сложилась во время походов скифов в страны Передней Азии и широко распространилась в Причерноморье лишь после их возвращения. Однако в настоящее время становится все более и более очевидной генетическая связь с предшествующими формами черноговровского и новочеркасского типов раннескифских погребальных сооружений, черт обряда, а также многих элементов вещевого комплекса — керамики, предметов конского снаряжения, бронзовых наконечников стрел так называемого жаботинского типа, железных наконечников копий и акинаков (Лесков А. М., 1975; Шрамко Б. А., 1984в). Это не исключает заимствований и влияний, появления ряда пришлых извне элементов, таких, как звериный стиль и защитное вооружение, сформировавшихся под воздействием переднеазиатских форм, или железных боевых топоров,

воспринятых скифами у населения Кавказа. Не исключается приход некоторых категорий вещей и из Центральной Азии (зеркала). Поэтому в настоящее время представляется наиболее соответствующим истине то представление о происхождении скифской культуры, которое сформулировал Б. А. Шрамко: «Скифская культура сформировалась на юге Восточной Европы на базе культурно-экономических достижений предшествующей киммерийской эпохи при активном участии других нескифских племен, при важной роли населения лесостепи» (1983, с. 95). В период формирования и на ранней стадии своего развития она не была изолирована от одновременных культур других ираноязычных кочевников Евразии и имела с ними много общего.

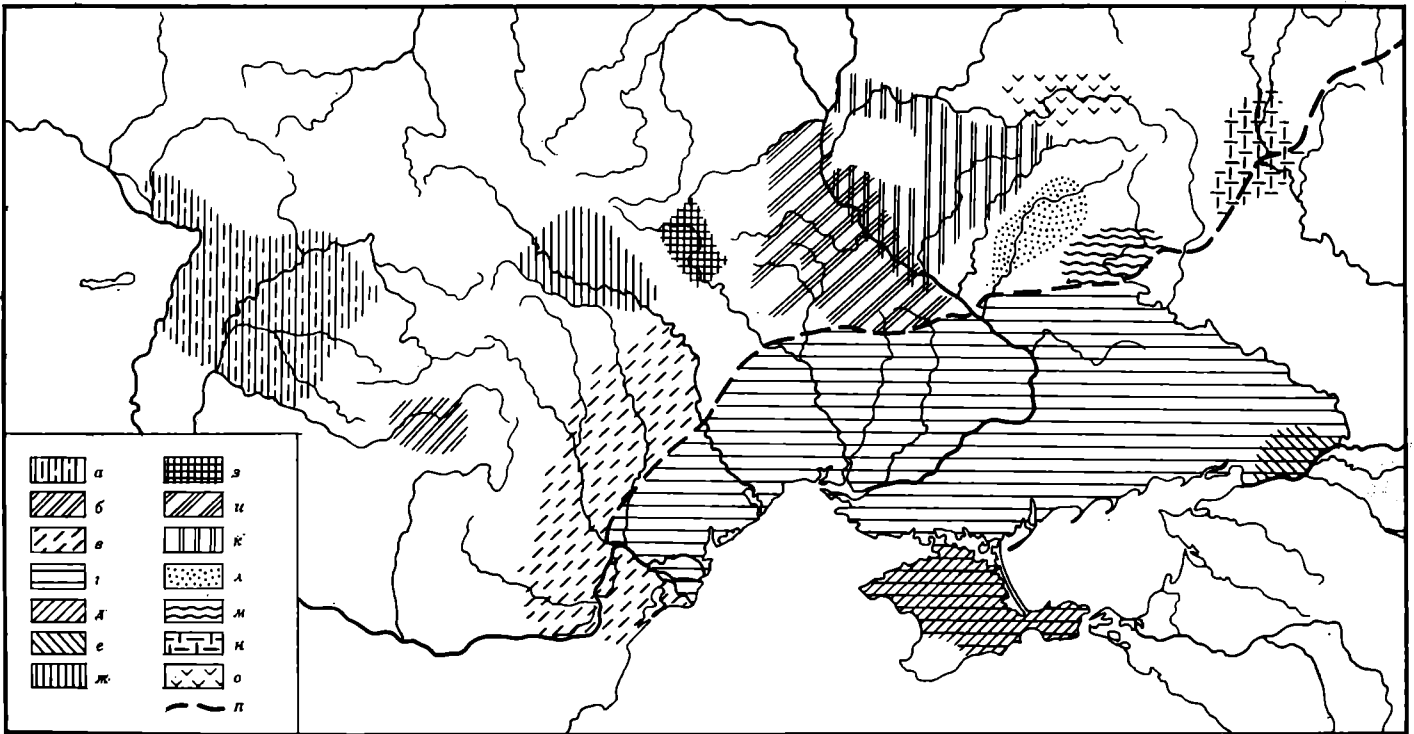
Собственно скифских памятников в степях Причерноморья VII в. до н. э. известно пока очень немного. Наиболее яркие комплексы этого периода представлены на Северном Кавказе. Элементы скифской культуры (отдельные черты погребального обряда, оружие, конское снаряжение, звериный стиль) уже во второй половине VII в. до н. э. начинают проникать на Правобережье среднего Приднепровья и Побужья, а также в бассейн Ворсклы, но достаточно широко распространяются там в VI в. до н. э. Тогда же они появляются и на большей части территории левобережной лесостепи — на Посулье, в бассейне Северского Донца, в Посеймье и на среднем Дону. По-видимому, проникновение скифских культурных элементов в среду земледельческого населения лесостепи было связано не только с влияниями, шедшими от степных кочевников, но и с появлением в лесостепи какой-то части степных племен. Однако выделить собственно скифские погребения на территории лесостепи не представляется возможным вплоть до IV в. до н. э. Лишь в это время на южной окраине правобережной лесостепи и в левобережной террасовой лесостепи появились типично скифские погребения в катакомбах степного типа, что явно свидетельствует о присутствии там населения степной зоны Северного Причерноморья.

Несмотря на то что скифское воздействие в VI—IV вв. до н. э. сильно затронуло оседлые земледельческие племена лесостепи Восточной Европы, в их культуре сохранилось много местных особенностей, отличающих ее от собственно скифской культуры степей. Поэтому невозможно принять вывод А. И. Тереножкина, упомянутый выше, о существовании в VII—III вв. до н. э. единой скифской культуры на всей территории степи и лесостепи Восточной Европы: следует выделить лесостепные земледельческие племена в самостоятельную культурную общность, включающую несколько локальных групп или вариантов. В связи с этим особенности археологических памятников собственно скифов в степи Северного Причерноморья и лесостепных племен, воспринявших элементы скифской культуры, будут показаны отдельно в соответствии с принятым в настоящее время делением на локальные варианты. Характеристика вещевого комплекса в памятниках как степи, так и лесостепи Восточной Европы дается в особой главе. Скифские археологические материалы с территории Северного Кавказа будут описаны в III части настоящего издания на фоне культур кавказских племен.

Коротко следует остановиться на принципах хронологии скифских памятников, которой придерживаются исследователи нашего времени.

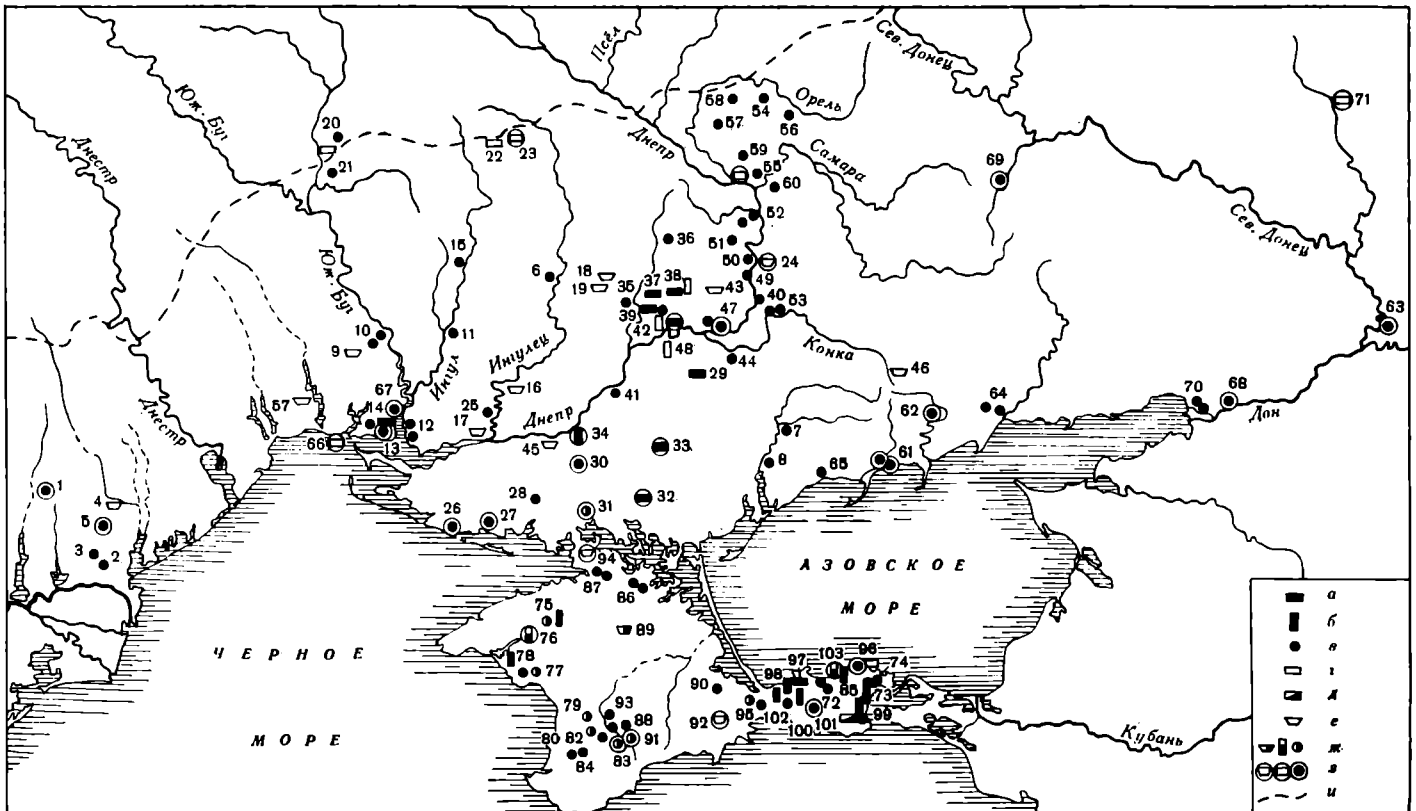
Еще А. А. Спицын (1918) разделил скифский период на три хронологических этапа — старшескифский, среднескифский и позднескифский. Такое деление сохраняется по сей день, уточняется лишь абсолютная хронология этапов и отдельных памятников внутри каждого из них. Старшескифский период, по А. А. Спицыну, в нашей литературе обычно называется раннескифским, датируется в пределах второй половины VII—VI в. до н. э., среднескифский занимает конец VI и V в. до н. э., позднескифский — IV — первую половину III в. до н. э. Кроме того, в позднейший скифский этап выделяются памятники III в. до н. э. — III в. н. э., исследованные на территории позднескифского царства.

Основными отправными точками при определении времени памятников являются импортные керамика и вещи, хронология которых хорошо разработана. Для раннескифского периода — это отдельные предметы ассирийского, урартского и малоазийского производства, а также родосско-ионийская керамика. Для средне- и позднескифского периодов — главным образом античная чернолаковая и расписная посуда аттического производства и особенно амфорная тара, поскольку именно она имеет наиболее короткий период обращения. По античной же керамике в основном определяется время позднейших скифских памятников. Но импортные сосуды и вещи встречаются далеко не в каждом памятнике, поэтому важное значение имеет разработка хронологии местных наиболее встречаемых вещей. Предпринятое еще в конце 20-х и в 30-х годах изучение местных комплексов (Рабинович Б. З., 1936) позволило исправить ошибки М. И. Ростовцева, исходившего только из импортных предметов и не учитывавшего развитие местных форм, в результате чего ряд памятников, содержащих достаточно яркие наборы раннескифских вещей, были отнесены им к позднему времени. Созданные советскими учеными типолого-хронологические классификации предметов вооружения, конского снаряжения, украшений, керамики и др., опирающиеся на датированные античные импортные древности, позволили выявить руководящие формы местных предметов для каждого из названных периодов (Рау Р., 1929; Манцевич А. П., 1941, с. 27—40; Иллінська В. А., 1961б, с. 36—60; Мелюкова А. И., 1964; Ильинская В. А., 1968, 1973а, б; Черненко Е. В., 1968; Петренко В. Г., 1978; Гаврилюк Н. О., 1980, с. 19—22). Однако в пределах указанных периодов местные вещи, как правило, не позволяют производить более дробное хронологическое членение памятников, поскольку они меньше подвержены изменениям, чем античная керамика. Хронология последней постоянно уточняется, в связи с этим происходит уточнение времени сооружения курганов, в которых она найдена. В настоящее время скифологи широко пользуются работами антиковедов, советских и зарубежных, касающимися хронологии античной чернолаковой и расписной керамики или клейменной амфорной тары. Особенно важны для этой цели своды Н. А. Онайко, посвященные античному импорту в степи и лесостепи Приднепровья, отражающие современные представ-

Карта 5. Локальные варианты скифской и скифообразной культур в Северном Причерноморье и средней Европе в VI—III вв. до н. э.
 а — Потисская, б — Трансильванская группа, в — Гето-фракийская, г — основная степная скифская, д — Крымская,

е — Пшжпедонская, ж — Западноподольская, з — Побужская
 и — Правобережная Среднеднепровская, к — Посулльская, л — Ворсклпская, м — Северодонецкая, н — Среднедонская, о — Сеймипская, п — северная граница степи

ления о хронологии греческой керамики и вещей VII—III вв. до н. э. (Онайко Н. А., 1966, 1970). Не менее ценными для датировки скифских древностей являются труды И. Б. Брапинского (1965, 1980), успешно разработавшего хронологию клейменных амфор, в том числе и из царских курганов, и некоторых других. В последние годы важную работу по уточнению датировок царских курганов нижнего Приднепровья в пределах IV—III вв. до н. э. производит А. Ю. Алексеев (1982, 1985).

Таким образом, советские исследователи внесли немалую лепту для определения времени изготовления вещей и совершения захоронений, в которых эти вещи были найдены. Однако предстоит еще большая работа для определения точных дат памятников.

Скифские памятники степи Северного Причерноморья

В степях Северного Причерноморья, включая степной Крым, достаточно определенно выделяются три локальных группы памятников или три локаль-

Карта 6. Скифские погребения VII—V вв. до н. э. (составлена В. С. Ольховским)

а — катакомба; *б* — каменный ящик; *в* — яма; *г* — деревянная гробница; *д* — сырцовая гробница; *е* — погребальное сооружение неясно; *ж* — погребения с темной керамикой; *з* — погребения VII—VI вв. до н. э.; *и* — северная граница степи

1 — Огородное; 2 — Шевченково; 3 — Червонный Яр; 4 — Арцыз; 5 — Холмское; 6 — Рахмановка; 7 — Новофилиповка; 8 — Константиновка (Запорожская обл.); 9 — хут. Анновка; 10 — Ковалевка; 11 — Константиновка (Николаевская обл.); 12 — Лупарево; 13 — Аджигол; 14 — Петуховка (Марицyno); 15 — Новорозановка; 16 — Нововасильевка; 17 — Рожновский (Херсонский) курган; 18 — курган Бабь; 19 — Раскопана Могила; 20 — Показовое; 21 — Ольшанка; 22 — Медерово; 23 — Мельгуновский (Литой) курган; 24 — хут. Грушевка; 25 — Тимофеевка (Лиманцы); 26 — Новоалексеевка; 27 — группа Широкое II; 28 — Новокиевка; 29 — курган Малая Цимбалка; 30 — Семеновка; 31 — Первоконстантиновка; 32 — Новоторошское; 33 — Нижние Серогозы; 34 — Любимовка; 35 — Шолохово; 36 — группа шахты 22; 37 — Чабанцова Могила; 38 — Завадские Могилы; 39 — Испановы Могилы; 40 — Приднепровка; 41 — Первомаевка; 42 — Никополь, Никопольское курганное поле; 43 — Острая или Томаковская Могила; 44 — Днепрорудное; 45 — Днепринь; 46 — Гусарка; 47 — Верхнегарасовка; 48 — Вел. Знаменка; 49 — Дубовый; 50 — Кичкас; 51 — Башмачка; 52 — Волошское; 53 — Новогригорьевка; 54 — Пролетарский; 55 — Подгородное; 56 — Перещепино; 57 — Владиславовка; 58 — Миновка; 59 — Верхняя Маевка; 60 — Александровка; 61 — Обиточное (Ногайск); 62 — Кремпевка; 63 — г. Константиновск-на-Дону; 64 — Жданов; 65 — Владимировка; 66 — Березань; 67 — Ольвия (Парутино); 68 — Ростов-на-Дону; 69 — Райское; 70 — Елизаветовский могильник; 71 — Криворожье; 72 — Астанино; 73 — мыс Ак-Бурун; 74 — Аджимушкай; 75 — Каштановка (Кара-Меркит); 76 — Березовка (Тавкель-Найман); 77 — Колоски; 78 — Приветное; 79 — Аркадьева (Такиль); 80 — бывш. имение Бобовича; 81 — Мирное (бывш. имение Пастака); 82 — Фруктовое (бывш. имение Талаевой); 83 — Белоглинка; 84 — Долинное (реки Альма — Кача); 85 — Арпынцево (Камыш-Бурун); 86 — Мартыновка; 87 — Тапковое; 88 — Симферополь (Бахчи-Эли); 89 — совхоз им. Калининна; 90 — Надежда; 91 — Марьино-Лозовое (Симферопольское водохранилище); 92 — Изюмовка; 93 — Золотой курган; 94 — Филатовка; 95 — Фронтное; 96 — Темир-гора; 97 — Семеновка (Акташский могильник); 98 — Рыбное; 99 — Нимфей; 100 — Ленино; 101 — Кирово; 102 — Ильичево; 103 — Золотое

ных варианта скифской культуры (карты 5—7): первая (мы ее называем основной степной) занимает большую часть северопричерноморской степи от Дуная до Приазовья, за исключением низовий Дона; вторую составляют памятники нижнего Дона, третью — памятники степного Крыма. Особенности каждой из групп хорошо заметны для послегеродотовской эпохи, а именно для IV—III вв. до н. э., хотя следует предполагать, что они должны были сформироваться в более раннее время. В каждой из групп между памятниками нет полного тождества. Так, в основной степной группе несколько своеобразны памятники Днестровско-Прутского междуречья и нижнего Побужья. В Крыму исследователи отмечают отличия между памятниками восточного, центрального и северо-западного Крыма.

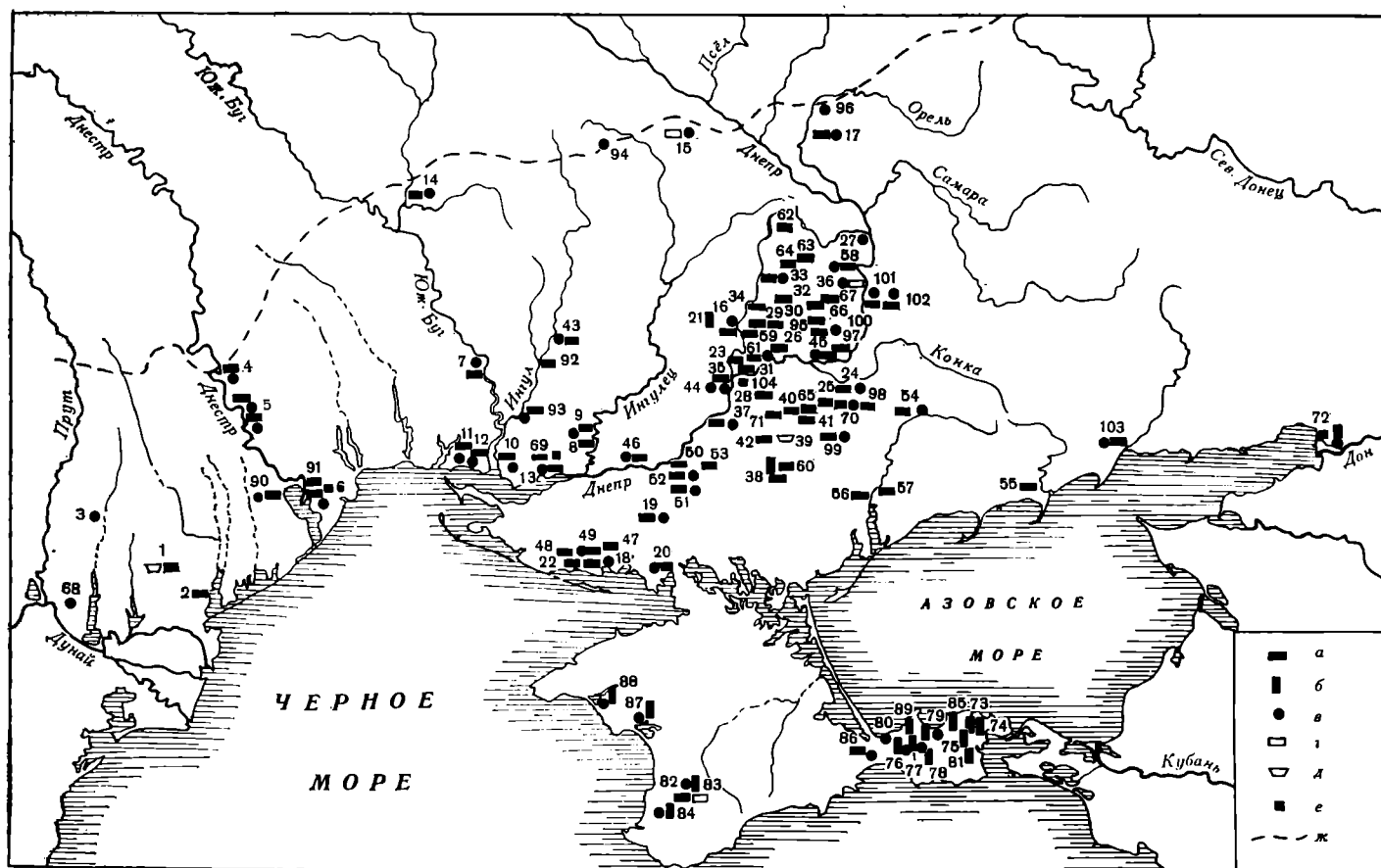
Основная степная группа

Поселения. В степях Северного Причерноморья, где в эпоху Геродота основное население составляли кочевники, скифских поселений VII—V вв. до н. э. пока не обнаружено. Только в конце V в. до н. э. в глубине нижнеднепровской степи скифами было основано первое хорошо укрепленное поселение, превратившееся в IV в. до н. э. в ремесленный, торговый и, видимо, политический центр Скифии (Граков Б. Н., 1954). Оно располагалось на левом берегу Днепра на землях г. Каменка и с. Знаменка Запорожской обл. Часть его в настоящее время покрыта водами Каховского моря. В IV в. до н. э. появилось и второе городище на нижнем Днепре — Белозерское под Херсоном. Одновременно с ними на берегах нижнего Днепра и его притоков в IV—III вв. до н. э. существовали небольшие неукрепленные селища скифов.

В IV в. до н. э. возникают скифское городище у с. Надлиманское и многочисленные поселения на левом берегу Днестровского лимана (Дзис-Райко Г. А., 1966; Мелькова А. И., 1975). Их появление в степи трактуется исследователями как показатель того, что в IV в. до н. э. в Скифии происходил процесс интенсивного оседания кочевников на землю, вызванный рядом причин и прежде всего — изменениями, которые произошли в социально-экономическом устройстве Скифского царства.

Каменское городище — самое большое из всех существовавших собственно скифских поселений (табл. 11, 19). Площадь его — около 12 кв. км. Почти со всех сторон оно защищено крутыми берегами Днепра, Конки и Белозерского лимана. Со стороны степи, на востоке и юго-западе, городище укреплено земляными валами и рвами. В юго-западной части была устроена цитадель — дополнительно укрепленная площадка размером около 30 га. Валы, отгораживающие ее, сверху дополняла стена из сырцового кирпича, а средняя часть площадки была обнесена мощной каменной стеной. Возможно, цитадель служила не только для укрытия во время опасности, но и местом постоянной жизни скифской аристократии.

На основной площадке городища обнаружены жилые постройки нескольких типов: овальные или четырехугольные в плане, окруженные с боков пристройками, близкими к четырехугольным, иногда со скругленными углами, состоявшими из двух-трех

Карта 7. Курганы и городища степной Скифии IV—III вв. до н. э. (составлена В. С. Ольховским)

а — катакомбы; б — каменный ящик; в — яма; г — деревянная гробница; д — погребальное сооружение неясно; е — городище; ж — северная граница степи

1 — Островное; 2 — Борисовка; 3 — Балабаны; 4 — Буторы; 5 — Тираспольщина (Чобручи, Парканы, Суклея, Терновка, Глинное, Плоское, Сербская Земля); 6 — Николаевка; 7 — Коваленка; 8 — Александровка; 9 — Баратовка; 10 — Лупарево; 11 — Петуховка (Марицыно); 12 — Аджигол (Солончаки); 13 — Белозерский могильник; 14 — Ольшанка; 15 — Самбросовка; 16 — Шолохово; 17 — Новоподкраж; 18 — урочище Морская кошара; 19 — Балтазаровка; 20 — Бабенково; 21 — Желтокаменка; 22 — Красное; 23 — Нагорное; 24 — Днепрорудное; 25 — урочище Носаки; 26 — Никопольское кургание поле; 27 — Волопское; 28 — Солоха, группа Солохи; 29 — Страшная Могила, группа Страшной Могила; 30 — группа Лисьей Могила; 31 — Кануловка; 32 — Кирово (Никопольский р-н); 33 — группа шахты 22; 34 — группа БОФ; 35 — Кут; 36 — Кичкас; 37 — Малая Лепетиха; 38 — Девв курган; 39 — Покровский курган; 40 — Чмырева Могила; 41 — курган Орел; 42 — курган Козел; 43 — Отрадное; 44 — Михайловка; 45 — Верхнетарасовка, Долинское; 46 — Львово; 47 — группа Острой Могила; 48 — группа Шевченко II—III; 49 — группы Широкие I—III; 50 — Любимовка; 51 — Архангельская слобода; 52 — Вольная Украина; 53 — I Мордвинский курган; 54 — Великий Токмак; 55 — Бердянский курган (Нововасильевка); 56 — Мелитопольский курган; 57 — Шульговка (Новониколаевка); 58 — Башмачка; 59 — Толстая Могила; 60 — курган Огуз; 61 — Чертомлык; 62 — Гермесова Главная Близица; 63 — Краснокутский курган; 64 — Александропольский курган; 65 — Большая Белозерка (Большая Цимбалка, Сахнова Могила); 66 — Томаковская I Близица; 67 — Слоновская Главная Близица; 68 — Плавни; 69 — Красное Подолье; 70 — Балки (Гайманова Могила, Гайманово поле, урочище Носаки); 71 — Гюневка; 72 — Елизаветовский могильник; 73 — Куль-Оба; 74 — курган Патиниотти; 75 — курган Кекуватского; 76 — Ильичево; 77 — Ленино; 78 — Кирово (Крымская обл.); 79 — Астанино; 80 — Бранное поле; 81 — Огоньки (группа «Три брата»); 82 — Мирное (бывш.

имение Пастака); 83 — Фруктовое (бывш. имение Таласовой); 84 — Долинное (реки Альма — Кача); 85 — Золотое; 86 — Фронтное; 87 — Колоски; 88 — Приветное; 89 — Актанский могильник (Семеновка); 90 — Семеновка; 91 — Надлиманское; 92 — Пески; 93 — Калиновка; 94 — Хировка (Богдановка); 95 — Владимировка (Днепропетровская обл.); 96 — Дмухайловка; 97 — Бельенкое; 98 — Шмальки (Казенная Могила); 99 — Чкалово; 100 — Выводово; 101 — Вольнянск; 102 — Вольногрушевское; 103 — Приморское (Двугорбая Могила); 104 — Каменское городище

помещений, расположенных в ряд (табл. 11, 18). Эти жилища были наземными и сооружались из бревен, вертикально врытых в землю. Внутри жилищ находились глинобитные очаги. Крыши двускатные, поддерживались столбами, шедшими вдоль длинной оси дома. Кроме наземных домов, существовали землянки — четырехугольные в плане и разделенные на несколько комнат. Перед землянками находились углубленные в землю дворики.

Характерной особенностью Каменского городища является обилие находок всевозможных остатков металлургического производства — железодельного и бронзолитейного, которые располагались вокруг каждого дома. Это позволило Б. Н. Гракову считать металлургию основным занятием патриархальных семей, живших на городище.

Каменское городище было тесно связано с населением степи, с одной стороны, и греческими городами Боспором и Ольвией — с другой. Изделия здешних металлургов расходились далеко за пределы городища и употреблялись как кочевниками, так и осевшим на землю населением степи. Около конца III или начала II в. до н. э. огромное Каменское горо-

дище прекратило свое существование. Но на площадке акрополя жизнь продолжалась до III в. н. э.

Открытые поселения IV—III вв. до н. э. известны на правом и левом берегах нижнего Днепра, у сел Б. Знаменка, Каменка, Водяное, Н. Рогачик, Быстрицкое, Капуловка, Нижне- и Верхне-Покровское, М. Гирлы и др. (Граков Б. Н. 1954, с. 154—165; Березовец Д. Т., Березаньска С. С., 1961, с. 40, 41). Они тянутся вдоль берегов рек и протоков на протяжении от 100—200 до 300—500 м, иногда встречаются на узких мысах первой надпойменной террасы. Культурный слой на них судя по раскопкам на поселениях у с. Нижний Рогачик довольно тонкий, слабо насыщенный культурными остатками, т. е. жизнь на поселениях была кратковременной. У с. Нижний Рогачик вскрыты две довольно большие ямы, заполненные золистым слоем с обломками керамики и костями животных. На поселении возле совхоза «Приднепровский» у с. Михайловка Херсонской обл. обнаружены три хозяйственные ямы, круглые в плане, расширяющиеся ко дну. В заполнении одной из них, помимо костей животных, фрагментов скифской керамики и амфор, найден целый скелет ребенка, в других двух — разрозненные человеческие кости среди костей животных и керамики (Лагодовская Е. Ф., Сымонович Э. А., 1973, с. 240—242). Объяснить это явление трудно.

Надлиманское городище отличается малыми размерами (длина его 110 м, ширина 60 м). Расположенное на высоком плато на берегу Карагольского залива Днестровского лимана, оно было укреплено лишь с напольной стороны, где хорошо прослеживаются ров и остатки вала или каменной стены. Жилища наземные, многокамерные, представлены тремя типами строений: 1) с глинобитными сырцовыми стенами на каменных основаниях; 2) с каменными стенами (табл. 11, 1); 3) жилища типа юрты. Внутренние стены жилищ первого типа, возможно, возводились из камышовой или плетневой основы и обмазывались толстым слоем глины (Дзис-Райко Г. А., 1966, с. 172). В планировке внутреннего пространства домов наблюдается некоторое сходство с жилищами Каменского городища, а именно в наличии небольших загоронок, видимо, хозяйственного назначения. Однако здесь эти загородки делались из каменных плоских плит, поставленных на ребро. В одном из помещений открыты остатки печи довольно сложной конструкции, состоявшей из топочной части и лежанки. Камень, использовавшийся в строительстве, — необработанный известняк, лишь в отдельных случаях применялись обработанные плиты. Относительно кровли жилищ пока нельзя сказать ничего определенного. Находки небольшого количества обломков античной черепицы позволяют предполагать, что по крайней мере некоторые дома имели черепичную кровлю.

Жилища типа юрты (их обнаружено шесть) — круглые в плане, немного углубленные в материк. Одно из них (наилучшей сохранности) имело диаметр 4,3 м. С юго-восточной стороны к нему примыкал тамбур — вход в виде ступеней высотой 0,2 м. В центре — яма для опорного столба и остатки очага из необработанных камней и обожженной глины. В двух других юртах частично сохранилась каменная обкладка заглубленной в материк части.

Поражает большое количество зерновых ям на городище (например, на площади около 400 кв. м обнаружено 40 ям), колоколовидных, грушевидных, с узкой высокой горловиной и сильно раздутым вместилищем, бочковидных (табл. 11, 2—5). Стенки многих ям покрыты глиняной обмазкой со следами растительных примесей, а устья некоторых из них обложены камнем; иные закрыты сверху необработанными каменными плитами или забиты глиняной пробкой. В одной из ям сохранился толстый слой шелухи проса. Столь большая насыщенность площади городища зерновыми ямами позволила Г. А. Дзис-Райко высказать предположение о товарном характере земледельческого производства на городище. А почти полное отсутствие таких ям на близлежащих одновременных с городищем поселениях, например у с. Николаевка, наводит на мысль, что в Надлиманское городище для продажи грекам свозили зерно и жители округи. На поселении у с. Николаевка (табл. 11, 7) исследована большая землянка из двух помещений, в одном из которых находилась печь, вырубленная в виде пещерки в стене жилища (табл. 11, 9). Интересна яма-погреб, в которой лежали девять амфор (табл. 11, 6; Мелюкова А. И., 1975).

Об оживленной торговле с греками свидетельствует значительное преобладание в культурном слое Надлиманского городища и поселения у с. Николаевка обломков амфорной тары над всей остальной керамикой (до 80%). Среди бытовой посуды как на городище, так и на поселениях нижнего Поднестровья, преобладала местная лепная, но вместе с ней употреблялась простая гончарная и чернолаковая античная керамика. На Надлиманском городище, кроме того, имеются находки нескольких античных терракот и одной истрийской монеты — колесика. На поселениях ни терракоты, ни монеты не найдены.

Надлиманское городище и скифские поселения на левобережье Днестровского лимана существовали в IV и начале III в. до н. э. Около середины III в. до н. э. жизнь на них прекратилась, хотя никаких следов разрушений или пожаров, вызванных вражескими нападениями, на памятниках, подвергавшихся раскопкам, нет. Очевидно, обитатели покидали поселки без особенной спешки, захватив с собой все необходимое в быту.

На западной окраине северопричерноморской степи, у с. Этулия, на берегу озера Кагул, открыто несколько стоябищ кочевых скифов, на которых были найдены скифская керамика и фрагменты амфор IV—III вв. до н. э. (Чеботаренко Г. Ф., Щербаква Т. А., 1974, с. 140—142).

Погребальные памятники. Погребальные памятники скифов в степях Северного Причерноморья и Приазовья представлены преимущественно курганными погребениями. Известны лишь четыре бескурганных могильника V и IV вв. до н. э. (у с. Михайловка на Херсонщине, на о-ве Дубовом в Припорожье и два у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана) и несколько одиночных бескурганных погребений.

На одном из могильников (у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана), кроме бескурганных захоронений, имелись и курганные (Мелюкова А. И., 1975). По погребальным сооружениям и

обряду бескурганные погребения мало отличались от курганных.

Известные в настоящее время степные скифские погребения распределяются по хронологии очень неравномерно. Подавляющее большинство их (более 2 500) относится к IV в. до н. э. и только около 120—к концу VII—V вв. до н. э., причем из них лишь немногим более 20 могут быть уверенно датированы концом VII—VI вв. до н. э. (Ольховский В. С., 1978; Мурзин В. Ю., 1984). Сейчас, когда в степях Украины постоянно ведутся массовые раскопки курганов, редкие случаи обнаружения раннескифских погребений нельзя считать простой случайностью. Скорее всего — это факт, который может быть объяснен исторической ситуацией, связанной с характером ведения кочевого хозяйства, с одной стороны, с походами скифов в Переднюю Азию, оттянувшими значительные силы кочевников на Восток, — с другой. Кроме того, не последнюю роль сыграло, очевидно, то обстоятельство, что какая-то часть скифского населения перед и по возвращении из походов обосновалась в предкавказских степях.

К рубежу VII—VI вв. до н. э. принадлежат такие известные памятники, как Криворожский курган на р. Калитве и Мельгуновский недалеко от Кировограда на границе степи и лесостепи, к сожалению, раскопанные недостаточно тщательно задолго до революции и описанные неполно (Придик Е. М., 1911; Мащевич А. П., 1958).

Погребения VII—VI вв. до н. э. не составляют групп, разбросаны по всей степи между Дунаем и Доном, чаще всего они впускные в курганы эпохи бронзы, хотя есть и основные (Мельгуновский и Криворожский курганы, курган у с. Семеновка).

Памятники конца VI—V вв. до н. э., как и более поздние — IV—III вв. до н. э., концентрируются в нижнем Поднепровье, но они известны также в низовьях Южного Буга, в Днестровско-Дунайском междуречье и в Приазовье (см. карту 6).

В начале V в. до н. э. число курганов с основными скифскими погребениями заметно возрастает, появляются целые группы скифских курганов с основными и впускными в них же погребениями скифских рядовых общинников (курганные могильники у сел Волопское, Кичкас в районе Днепровских порогов, под Ногайском и др.). В V в. до н. э. происходит заметное увеличение богатых погребений скифской знати. Одни из них, как и многие рядовые этого времени, были впускными в курганы бронзового века (курган 1 близ Херсона, Острая Томаковская Могила, курган Малая Цимбалка), другие представляют собой специально насыпанные курганы крупных размеров (Бабь, Раскопана Могила, Чабанцова Могила, Завадская Могила 1). Однако большинство известных в настоящее время крупных и богатых курганов, условно названных «царскими», сооруженных для погребения скифских царей и знати, датируются IV в. до н. э. Они сосредоточены на обоих берегах нижнего Днепра, но известны также в Приазовье под Бердянском (см. карту 7). Не составляя групп, царские скифские курганы окружены более мелкими, содержащими погребения дружинников и членов их семей.

К IV в. до н. э. относится и основная масса известных в настоящее время курганов с погребениями

рядовых скифских общинников — как кочевников, так и осевшего на землю населения. Часто такие могильники, состоящие из 10—15, а иногда и более (до 100) курганных насыпей — от едва заметных до 1,5—2 м высотой и диаметром 15—20 м, примыкают к курганам эпохи бронзы. В группах обычно выделяются один-два кургана значительной высоты, вокруг которых располагаются остальные насыпи. Наиболее известны и полнее исследованы курганные группы у г. Никополя (Граков Б. Н., 1962, с. 56—113), у с. Кут Днепропетровской обл. (Березовец Д. Т., 1960, с. 127—140), у сел Широкое и Шевченко Скадовского р-на Херсонской обл. (Буянтян Е. П., 1977; Черненко Е. В., 1977; Черненко Е. В., Буянтян Е. П., 1977); у сел Верхнетарасовка и Владимировка на юге Днепропетровщины (Чередниченко Н. Н., Болдин Я. И., 1977, с. 125—150; Буянтян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю., 1977, с. 59—124), Гайманово поле в Запорожской обл. (Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., 1977, с. 152—199).

Курганные насыпи над погребениями рядовых общинников VI—IV вв. до н. э. сооружались из чернозема, взятого поблизости. Как правило, их основание окружал более или менее глубокий ров, земля из которого шла на сооружение насыпи (табл. 12, 17). В местах, где имелись выходы камня, в нижнем Побужье, в районе днепровских порогов, в нижнем Поднепровье, часто можно встретить каменные кольца-кромлехи в основании насыпи (табл. 12, 18). Иногда камни встречаются и в самой насыпи.

Более сложным и трудоемким был процесс сооружения насыпей над погребениями скифских царей и знати. Размеры курганов, относимых к этой категории населения Скифии VI—IV вв. до н. э., колеблются в пределах от 3 до 21 м в высоту и от 30 до 350 м в диаметре.

В настоящее время в нижнем Поднепровье насчитывается около 30 таких курганов. По высоте они делятся на три или четыре группы (Мозолевский Б. М., 1979, с. 152, табл. 4). Наиболее крупные из них высотой от 14 до 21 м объединены Б. Н. Мозолевским в четвертую группу. Это курганы Александропольский (21 м), Чертомлык (19 м), Огуз (20 м), Большая Цимбалка (15 м), Козел (14 м). Большинство же принадлежит ко второй и третьей группам, включающим курганные насыпи высотой 5,7—7,5 и 8—11 м. К их числу относятся курганы: Мелитопольский (6 м), Толстая и Гайманова Могила (8,6 и 8 м). Всего три кургана, из числа условно называемых царскими, имели высоту от 3 до 4,5 м. Необходимо оговориться, что высота насыпей не всегда соответствует богатству погребенных под ними людей.

Большинство скифских царских курганов строилось в несколько приемов, причем для возведения насыпей использовались плитки дерна или специально изготовленные вальки. Иначе сооружалась насыпь Толстой Могила у г. Орджоникидзе. Здесь лишь в верхней части кургана прослеживались плитки дерна, вся остальная насыпь сделана из лессовидного грунта, привезенного за 5 км, с поймы р. Солонец.

В основании насыпи крупных курганов V в.

до н. э. (Бабь, курган близ Ногайска и у с. Владимировка) и IV в. до н. э., например в Толстой Могиле, вокруг центральной гробницы был выложен кромлех. Однако гораздо чаще, чем кромлехи, в царских курганах встречаются каменные крепиды, иногда из крупных каменных плит, представляющие собой более или менее высокую и широкую обкладку основания насыпи кургана.

Как рядовые, так и царские курганы окружал ров, который обычно располагался на некотором расстоянии от насыпи. Ширина и глубина рва в основном зависели от размеров кургана. Как правило, во рву имелись один или два разрыва.

На вершинах скифских курганов, содержащих погребения воинов, в ряде случаев воздвигались каменные изваяния, которые археологи находят обычно в поверженном состоянии в насыпи или во рву курганов. На древней поверхности под курганами, во рву, а иногда и в насыпи скифских курганов VI—IV вв. до н. э. обычно встречаются остатки тризны. В курганах рядового населения — это отдельные кости домашних животных, обломки амфорной тары и лепной керамики, лишь изредка среди остатков тризны там находят некоторые предметы конского снаряжения и наконечники стрел.

Этот же обряд тризны в курганах скифской аристократии IV в. до н. э., особенно в тех, которые принадлежали людям наивысшего ранга, представлен остатками грандиозного пиршества и различных подношений умершему. Так, под насыпью кургана Толстая Могила была обнаружена площадка размерами 20×6 м, сплошь устланная амфорным боем. На самом краю площадки выявлены 13 амфорных ножек, вкопанных в грунт. В раскопанной части рва находилось 11 больших скоплений амфорных черепков и костей животных, главным образом черепов. По определению В. И. Бибиковой, там были кости 35 коней, 14 кабанов и 2 оленей. Подсчет количества съеденного мяса этих животных позволил исследовательнице определить, что в царских похоронах должно было принимать участие не менее 1300 человек (Бибикова В. И., 1973, с. 67).

Кроме остатков поминального пира, в курганах высшей скифской знати на древней поверхности или в насыпи обычно находятся многочисленные вещи, относящиеся к жертвоприношениям и погребальному corteжу. Больше всего таких вещей в насыпи кургана Чертомлык, где найдено около 250 удил с псалями, а также многочисленные бронзовые и золотые уздечные украшения, остатки седла, 10 бронзовых наверший, много наконечников стрел.

Б. Н. Мозолевский подметил интересную черту: остатки конских повозок и навершия встречались в насыпи тех курганов, которые были сооружены над богатыми женскими погребениями, или в курганах с женскими и мужскими богатыми захоронениями (1979, с. 172, 173). Следует заметить вместе с тем, что остатки повозок чаще встречаются не в насыпях богатых курганов, а во входных ямах или коридорах погребальных сооружений высшей скифской знати IV в. до н. э. Там они представлены в разобранном виде и закрывают входы в погребальные камеры с захоронениями мужчин и женщин.

Как рядовые курганы, так и большие курганные

насыпи скифской знати могли воздвигаться над могилой с мужским или женским захоронением. Соответственно и впускными в курганы скифской знати могли быть мужские и женские погребения. Однако интересно, что нет ни одного кургана, в котором находилось бы только богатое женское погребение без впускного в тот же курган мужского, а иногда еще детского или подросткового. Курганы с одним основным мужским погребением известны, но достоверные случаи отсутствия впускных в них очень редки (Завадская Могила, Страшная Могила, Мордвиновский курган II). В большинстве случаев в связи с впускным погребением производилась досыпка насыпи кургана, более или менее значительная. Исследователи единодушно полагают, что курганы служили семейными усыпальницами. Это особенно хорошо видно на примере Толстой Могилы, где основным было погребение знатного мужчины-воина, а затем в тот же курган вскоре было впущено богатое женское погребение, видимо, его жены, сопровождавшееся захоронениями четырех слуг, рядом с которыми через некоторое время похоронили еще и ребенка.

Наиболее распространенной формой погребальных сооружений для VII—V вв. до н. э. были простые ямы, прямоугольные или близкие к овалу (табл. 12, 2, 8, 9). Среди учтенных В. С. Ольховским 92 памятников этого времени 64 представляют собой простые ямы (Ольховский В. С., 1978, с. 83). Наряду с ними зарегистрировано семь деревянных гробниц, восемь катакомб и одно погребение без сооружения на древней поверхности под насыпью кургана. Наибольшим разнообразием отличаются деревянные гробницы. В. С. Ольховский делит их на каркасные (бревна вкопаны вертикально), срубные (бревна лежат горизонтально вдоль стенок ям), срубно-каркасные. Деревянные гробницы встречались главным образом на древнем горизонте (например, Мельгуновский курган, Показовое, группа I, курганы 3 и 10), реже — в ямах (например, в кургане 1 Кичкаского могильника I). Деревянные гробницы всех трех типов довольно часто носят следы сожжения. В. С. Ольховский обратил внимание на то обстоятельство, что половина всех известных в степи деревянных гробниц расположена на северной окраине степи и имеет много сходного с лесостепными как в конструкции, так и в обряде сожжения. Исходя из этого исследователь высказал предположение, что по крайней мере некоторые степные гробницы оставлены представителями лесостепных племен, проникших в степь. Иначе подходят к решению вопроса о происхождении деревянных гробниц и обряда сожжения, встречающихся в скифских степных курганах, В. А. Ильишская, А. И. Тереножкин и В. Ю. Мурзин (Ільїшська В. А., 1970; Тереножкин А. И., 1971, с. 49; Мурзин В. Ю., 1984, с. 64). Они считают их исконно скифскими или вообще кочевническими степными, развившимися из гробниц степных племен срубной культуры. В настоящее время трудно решить, кто из исследователей ближе к истине.

Употребление дерева имело место и в простых ямах VII—V вв. до н. э., где довольно обычны деревянные перекрытия из бревен или плах. Поверх наката бывает слой камыша или камки. Изредка и в

могилах с деревянным накатом наблюдались следы сожжения.

Катакомбные погребальные сооружения появились у скифов не позднее VI в. до н. э., но к этому времени относятся только три катакомбные могилы, причем все они впускные в курганы бронзового века (у сел Нижние Серогозы и Новотроицкое на Херсонщине, в кургане 5 группы «Серко» под Никоподем). В V в. до н. э. количество таких могил несколько возрастает (известны пять случаев), а в IV—III вв. до н. э. они становятся господствующей формой скифских погребальных сооружений в большинстве областей степного Северного Причерноморья.

Б. Н. Граков впервые произвел типологическую классификацию катакомбных сооружений из скифских курганов Северного Причерноморья (1964), которую позднее развил и дополнил В. С. Ольховский (1977).

По В. С. Ольховскому, катакомбные сооружения, известные в степной Скифии в VI—III вв. до н. э., делятся на десять типов в зависимости от взаиморасположения длинных осей входных ям и камер, а также на пять вариантов, отражающих формы усложнения простейшей схемы катакомб каждого типа (Ольховский В. С., 1977, с. 109). Для VI в. до н. э. известны катакомбные могилы только I типа 1-го и 2-го вариантов, для которых характерно параллельное расположение входной ямы и катакомбы (табл. 12, 11, 12; обе обычно ориентированы с востока на запад). Вход в погребальное помещение находился в одной из длинных сторон входной ямы. Само помещение невелико и рассчитано на погребение одного человека с небольшим сопровождающим инвентарем. Вход из ямы в погребальное помещение закрывался заслоном из досок, жердей или камней (табл. 12, 10, 12, 15). Среди катакомбных погребальных сооружений V в. имеются не только простейшие, но и более усложненные варианты I типа, отличающиеся развитыми и обширными погребальными камерами, а иногда и двухкамерные (Бабь, Раскопана Могила), в них находились погребения знатных и богатых скифов. Наряду с ними в могильниках известны гробницы иных типов, но также простейших вариантов — такие, у которых катакомба располагалась с одной из узких сторон входной ямы и была как бы продолжением ее (тип II; табл. 12, 16), или перпендикулярно ко входу (тип III; табл. 12, 13), или под углом к нему (типы V, VI; табл. 12, 14). Все катакомбные погребальные сооружения, встречающиеся в могильниках рядовых скифов, имеют сравнительно небольшие размеры и глубину, чаще всего не превышающую 2—2,5 м.

Катакомбные сооружения в богатых царских курганах иногда столь грандиозны по размерам, сложны по устройству и глубокі (от 4 до 14 м), что трудно поверить в сооружение их людьми, работавшими только кирками и деревянными лопатами без всяких землеройных машин. Однако все они относятся к одним и тем же типам с рядовыми, составляя их более или менее усложненные варианты: одни имеют длинный коридор, соединяющий входную яму с погребальной камерой (табл. 13, 2, 4, 6, 8, 12, 14), а иногда и с несколькими камерами (впускное погребение Солохи, Верхний Рогачик), иногда в обшир-

ной входной яме сделано несколько коридоров, ведущих в камеры.

В Чертомлыке, Козле и двух Мордвиновских курганах одинаковые погребальные сооружения состояли из обширной входной ямы, с каждого угла которой располагалось по одной погребальной камере (табл. 13, 15).

Основная гробница в Солохе (табл. 13, 11), катакомба 1 в Мелитопольском кургане представляют собой лишь усложненные варианты I типа, а основное погребение в Толстой Могиле (табл. 13, 9) является развитым вариантом рядовых гробниц III типа.

Кроме могилы, предназначенной для главного захоронения, во многих царских курганах имеются еще дополнительные погребальные камеры или погребения лиц, сопровождавших главного покойника.

От всех прочих нижнеднепровских царских курганов отличается курган Огуз. Погребальное сооружение его построено из тесаного камня на манер боспорских склепов, хотя и находилось в глубокой яме (6,4 м). Все пространство между склепом и стенами ямы было забито камнями. С трех сторон из стен ямы вырыты три ниши — погребальные камеры для сопровождавших главного покойника лиц (табл. 13, 5). Вход из ямы в погребальное помещение в царских курганах нередко бывает закрыт колесами от погребальных повозок (Гайманова Могила, Толстая Могила и др.).

Катакомбные погребальные сооружения IV—III вв. до н. э. преобладают в курганах рядовых общинников нижнего Приднепровья, но вместе с ними, составляя то больший, то меньший процент, почти в каждом могильнике имеются простые ямы.

В нижнем Поднестровье и Днестровско-Дунайском междуречье в IV в. до н. э., как и в более раннее время, решительно преобладают простые ямы, хотя известны и катакомбы, главным образом I типа. Показателен в этом отношении не только Николаевский грунтовый могильник, принадлежавший оседлому населению (табл. 12, 5—7), но и кочевнические курганные могильники, известные на Тираспольщине и севернее, у с. Буторы Григориопольского р-на, а также на правобережье Днестровского лимана и в Подунавье (Мелюкова В. И., 1979; Субботин Л. В., Охотников С. Б., 1981; Суничук Е. Ф., Факеев М. М., 1984). Для могильных ям в курганах у с. Буторы характерны мощные деревянные перекрытия, тогда как для Николаевского могильника — ямы с перекрытиями из камней и каменными набросками поверх них.

Существенным представляется то обстоятельство, что в курганах, где имеются не только центральные, но и впускные погребения, встречаются катакомбные погребальные сооружения разных типов, а также сочетание катакомбных могил с простыми ямами. Соответственно, и в могильниках нет единообразия, хотя, как правило, один из типов погребальных сооружений преобладает над остальными (Граков Б. Н., 1962). Если рассматривать курганные группы как семейные или родовые кладбища, как это делают многие исследователи, то разнообразие погребальных сооружений в них, видимо, надо считать признаком того, что в семейную или родовую общину принимали людей из других общин.

Что касается погребальных обычаев, то они мало менялись с течением времени.

На протяжении всего скифского периода в VII—III вв. до н. э. труположение было единственным видом захоронения как рядовых, так и знатных скифов. Только в пяти деревянных гробницах VII—V вв. до н. э., подвергшихся сожжению, имело место сгорание останков покойного. Однако в этих случаях не было намеренного сожжения трупов, оно являлось следствием сожжения гробницы.

Вытянутое на спине положение погребенных преобладало в могильниках с самого начала скифского периода. Обычно поза свободная, но встречаются погребения с тесной сведенностью ног, с перекрещенными в голених или щиколотках ногами. В некоторых случаях отмечается положение кистей руки или рук на тазе. Ноги иногда ставились коленями вверх, а после сгнивания сухожилий или распадались в стороны, образуя фигуру в виде ромба, или падали набок. В редких случаях известны захоронения умерших в скорченной позе на левом или правом боку.

Как в VII—V, так и в IV—III вв. до н. э. в курганах Скифии чаще всего встречаются одиночные захоронения (80%, от известных В. С. Ольховскому к 1977 г.). Лишь 12% составляли парные и коллективные погребения (от двух до шести одновременно совершенных погребений в одном могильном сооружении), причем большинство таких погребений относится к IV—III вв. до н. э., и 8% — повторные захоронения. Последние известны в степном Северном Причерноморье только для IV—III вв. до н. э. В одну яму или катакомбу через определенный промежуток времени хоронили от двух до восьми человек. При этом скелеты предшествующих погребений смещены, кости их отодвинуты к стене, сложены в кучу или лишь частично потревожены; иногда следующие покойники клались поверх более ранних. При повторных захоронениях в катакомбах обычно рыли вторую входную яму. Повторные погребения встречаются как в рядовых, так и в богатых могилах, в курганных и бескурганных могильниках.

Покойников клали в могилы на подстилках из тростника, травы, коры разных деревьев, реже — из шерстяной ткани, шкур, войлока. Для этих же целей достаточно часто применялись деревянные настилы и решетчатые носилки. Лишь в ряде случаев зафиксированы захоронения в гробах и в деревянных саркофагах. Последние имели место лишь в самых богатых погребениях, таких, как Чертомлык (два погребения), Мелитопольский курган, Огуз, Толстая Могила. Под голову покойным иногда ставили деревянные подставки или клали подушки из травы.

Что касается ориентировки погребенных, то, по подсчетам В. С. Ольховского, в течение всего скифского периода преобладали западная и северо-западная ориентировки, прочие редки. Корреляция ориентировок с погребальными сооружениями показала, что в ямах покойников большей частью клали головой на запад и реже — на восток. Западная ориентировка преобладала в катакомбах I и II типов, тогда как в катакомбах III и V типов чаще всего встречается северная ориентировка.

В могилы рядовых членов скифского общества сле-

довал всегда очень небольшой комплекс предметов. Мужчин из среды кочевников как в VII—V, так и в IV—III вв. до н. э. обязательно сопровождало оружие. Колчан со стрелами или набор стрел без колчана обычно входил в их погребальный инвентарь. Часто, кроме стрел, в могилы клали по два или по одному копьё, гораздо реже — меч или кинжал, очень редко — защитный доспех-щит или панцирь с металлическим набором. Мужчины из среды осевшего населения не всегда отправлялись «на тот свет» в вооружении. Судя по могильнику у с. Николаевка лишь отдельные мужские погребения содержали колчаны со стрелами и другое оружие. Редко в рядовых мужских погребениях встречаются предметы конского снаряжения — железные удила и псалии или бронзовые бляхи, еще реже захоронение взнузданной лошади, которое помещалось во входной яме (погребение 1 в кургане 29 на землях совхоза «Балки» Васильевского р-на Запорожской обл., в кургане 10 у с. Владимировка на юге Днепропетровщины). Встречаются в могилах воинов отдельные украшения — непарные бронзовые серьги, бронзовые или железные браслеты.

В женских рядовых погребениях чаще всего находят свинцовые или глиняные пряслица, а также мелкие украшения. В отдельные женские погребения клали и предметы вооружения. Обычно это 3—10 стрел, но встречаются женские погребения с довольно полным набором наступательного оружия, в который, кроме стрел, входили пара копий, меч или кинжал, а иногда и пояс, покрытый бронзовыми чешуйками. По подсчетам Е. П. Бунятян, оружие находилось в 27—29% женских рядовых погребений IV—III вв. до н. э. (1981, с. 16).

Почти обязательно как в мужские, так и в женские погребения клали мясную пищу — бок с лопаткой овцы, реже — лошади или крупного рогатого скота. При этом мясо с воткнутым в него ножом помещалось на деревянном блюде или подносе в головах покойного. Лишь в Николаевском могильнике оно было в ногах.

В могильниках, расположенных поблизости от греческих городов, как в мужских, так и женских захоронениях, рядом с жертвенным мясом нередко находят амфору и чернолаковые сосуды для питья — канфар, килик или скифос. В глубинных районах степи находки амфор и греческой столовой посуды в могилах рядовых общинников встречаются гораздо реже. Местная лепная посуда в погребениях рядовых кочевников также не слишком обычна. В таких могильниках, как Никопольский и Кутский, небольшие лепные горшки были найдены только в детских погребениях. Однако в некоторых курганных группах (например, в районе Краснознаменской оросительной системы на юге Херсонщины или под Каховкой) лепные сосуды довольно часто сопровождали не только детские, но и взрослые мужские и женские захоронения (Лесков А. М., 1971, с. 5; Бунятян Е. П., 1977, с. 137).

Следует заметить, что в могильниках рядового населения Скифии всегда встречаются одно, два, а иногда и несколько относительно более богатых погребений мужчин и женщин, содержавших то небольшое количество золотых и серебряных украшений, то греческую металлическую посуду (чер-

пак для вина — киаф, серебряный килик или фиалу), скифский бронзовый котел или зеркало.

Видимо, какое-то особое положение занимали в обществе воины, погребенные под невысоким курганом (до 1 м), снабженные полным комплексом наступательного и защитного оружия. К их числу принадлежат погребения в кургане у с. Новорозановка Николаевской обл. (табл. 12, 4; Шапошникова О. Г., 1970), но наиболее примечательным является погребение у с. Красный Подол на Херсонщине. Под невысоким курганом, на вершине которого стояло антропоморфное изваяние скифа-воина, обнаружено мужское погребение, положенное на разостланный пластинчатый доспех, состоявший из рубахи с оплечьем, широкого защитного пояса и штанов, спускавшихся ниже колен, возможно, присутствовал и пластинчатый шлем. Воина сопровождал овальный щит с таким же пластинчатым набором и набедренник. В комплекс наступательного вооружения входили: стрелы, копьё, дротик, меч, топор, булава и более 80 пращевых камней. Кроме того, в могиле обнаружены бронзовый котел с костями барана, золотые бляшки, серебряный сосуд и несколько ножей (Полин С. В., 1980, с. 87).

Весьма близким к нему было и впускное погребение в курган киммерийского времени на Днепропетровщине (курган 6 у с. Александровка Новомосковского р-на высотой 0,7, диаметром около 30 м; табл. 12, 3; Ковалева И. Ф. и др., 1978, с. 12—14).

Вместе с тем в ряде могильников отмечается присутствие очень бедных и безынвентарных мужских и женских погребений. Можно сказать, таким образом, что в среде простых свободных скифов существовала заметная имущественная дифференциация. По подсчетам Е. П. Бунятян (1981), произведенным на основании 534 погребений из девяти могильников нижнего Приднепровья, выделяются пять социальных категорий рядового населения Скифии IV—III вв. до н. э.: 1) беднейшие общинники (6,4 % мужских и 7,8 % женских); 2) основная масса производителей (60 % мужских и 66 % женских); 3) богатая прослойка (20,2 % мужских и 15,5 % женских); 4) самая зажиточная часть (4,5 % мужских и 3,88 % женских); 5) нижняя прослойка скифской аристократии (0,92 % мужских и 0,96 % женских).

Не менее заметная дифференциация существовала, видимо, и внутри слоя богатых скифов, ибо среди курганов, относящихся к разряду принадлежавших скифской знати, нет одинаковых не только по величине курганных насыпей, формам и размерам погребальных сооружений, но и по наборам инвентарей, а также по всей погребальной обстановке. Ограбление большинства богатых скифских курганов не позволяет выявить все их разнообразие. Но достаточно отчетливо намечается деление курганов скифской знати на более и менее значительные по богатству и составу погребальных инвентарей. Это деление подтверждается наличием в одних из них, вероятно, наиболее богатых, конских захоронений в специально вырытых ямах и сопровождавших главного покойника лиц. В других богатых курганах такие насильственно умерщвленные люди и кони отсутствуют; меньшей пышностью отличаются и погребальные инвентари. Но вместе с тем известны случаи, когда конские или человеческие погребения,

сопровождавшие покойного, имели место в курганах, не отличавшихся особым богатством и разнообразием погребального инвентаря, т. е. по всем данным близкие к погребениям простых зажиточных скифов (курган 1 группы Страшной Могилы у г. Орджоникидзе). Следует заметить, что появление конских погребений в отдельных могилах поблизости от гробницы основного захоронения относится еще к V в. до н. э. (Завадская Могила, Мозолевский Б. Н., 1980, с. 86—110). Сопровождавшие человеческие погребения известны лишь для курганов IV в. до н. э. Существовало, что они встречены в богатых как мужских, так и в женских погребениях. Таблицы, составленные Б. Н. Мозолевским (1979, табл. 4,5), наглядно показывают распределение основных впускных и сопровождавших их погребений в курганах высшей скифской знати, так называемых царских, IV—III вв. до н. э. Из них явствует, что могилы с захоронениями коней чаще сопровождали мужские погребения, но встречались и при женских (Хомина Могила, Гайманова Могила, Солоха, Александрополь). Количество конских захоронений в специальных могилах колеблется от 1 до 11, но чаще 1—3, причем в одной могиле могло быть погребено по 1—3 или все лошади, сопровождавшие то или иное погребение. Как правило, лошадей хоронили в богатых уздечных, а иногда еще и в нагрудных уборах с украшениями из золота, серебра или бронзы. В ряде случаев, кроме остатков уздечек и нагрудных наборов, встречены еще остатки седел. Это позволяет говорить о том, что лошади, погребенные в специально вырытых ямах, были верховыми.

Рядом с конскими довольно часто помещались захоронения конюших. Так, в Толстой Могиле рядом с двумя конскими могилами находились три погребения конюших: одно принадлежало молодому человеку, почти мальчику, два других — взрослым людям. Только при одном из них найден набор вещей: золотая гривна, железный браслет и колчаный набор стрел с двумя ножами. В Чертомлыке было две могилы конюших, каждого из которых сопровождали колчан со стрелами и скребница. Одежда их была расшита простенькими золотыми бляшками.

Разными были количество лиц, сопровождавших знатных покойников, а также их имущественное и, видимо, социальное положение, поскольку одни из умерщвленных слуг имели достаточно большой набор личного имущества, среди которого находились предметы из золота и серебра, другие были безынвентарными или имели очень скромный набор вещей. В целом же количество слуг, положенных с одним знатным покойником, не превышало пяти. Все слуги в кургане Толстая Могила относятся к числу бедных инвентарем. В Чертомлыке же «оруженосец», положенный в одной могиле с «царским» мужским погребением, снабжен золотой гривной, серебряными браслетом и кольцом, боевым поясом с бронзовым покрытием, мечом, колчаном со стрелами и ножом. Остальные погребения слуг более бедные, хотя безынвентарных среди них не отмечено.

Одновременно с мужским «царским» погребением в этом кургане в специальной камере, вырытой из той же входной ямы, было совершено женское погребение с таким же богатым и разнообразным инвентарем, как и «царское» мужское. Это один из примеров

обычая, о котором писал Геродот, рассказывавший о «царских» похоронах, когда насильственной смерти подвергалась любимая жена или наложница «царя», последовавшая за ним в могилу. Убитые и следовавшие за своим повелителем в одну могилу женщины с богатым и разнообразным инвентарем встречены еще в нескольких царских скифских курганах (Чмырева Могила, Гайманова Могила). Однако в большинстве погребений ритуальных сосудов не было, но в головах «царицы» стояло несколько стеклянных чаш и серебряная миска.

Из-за ограбления большинства царских скифских курганов трудно установить поло-возрастной состав слуг, следовавших за своим господином. Однако в женских погребениях обычно встречаются сопровождавшие их женские же захоронения, хотя иногда вместе с ними присутствуют и мужские погребения, видимо, принадлежавшие телохранителям. В мужских — это обычно мужские захоронения с оружием или безынвентарные. Местоположение в могилах слуг, сопровождавших главное погребение, бывает разным. Вполне вероятно, что в какой-то степени оно отражало их положение при жизни по отношению к господину или госпоже, за которыми они следовали.

Стандарта в комплексах инвентарей, сопровождавших богатые погребения, не прослеживается. Вместе с тем наблюдаются некоторые общие черты, объединяющие многие богатые погребения, как мужские, так и женские. Прежде всего — это множество золотых бляшек (несколько сотен, иногда более 2 тыс.), которыми была расшита одежда погребенных, а также погребальные покрывала. В ряде случаев отмечена обшивка золотыми бляшками и обуви (женские погребения в Мелитопольском кургане, в Толстой Могиле). Достаточно обычными были и украшенные золотом головные уборы. Особенно хорошо они прослеживаются в женских погребениях (Толстая Могила, Чертомлык — четыре убора). В мужских и женских погребениях часто встречаются золотые широкие пластинчатые браслеты — количество их могло быть разным (от одного до пяти). В большинстве случаев браслеты находились на запястьях рук, но иногда и на предплечье. Так, например, пять браслетов украшали руки мужского погребения в кургане Солоха, два — руки «царя» из Чертомлыка. На руках «царицы» из Толстой Могилы было три браслета. Еще чаще, чем браслеты, встречаются золотые кольца. Во многих женских погребениях они находятся на каждом пальце обеих рук. Иногда на некоторых пальцах надето по два кольца. Так, в женском погребении в Толстой Могиле найдено 11 колец, а в погребении «царицы» из Чертомлыка — 10.

Очень характерны для скифских богатых мужских и женских погребений золотые гривны. Они есть в каждом неограбленном и в некоторых частично ограбленных погребениях. В тех и других могилах встречаются серебряные ритуальные кубки или сосуды иной формы, а также деревянные с золотыми обивками. Количество ритуальных сосудов могло быть различным, — от одного-двух до десяти (десять встре-

чено лишь в Чмыревой Могиле), причем, как правило, ритуальные сосуды находились в специальных тайниках, лишь иногда рядом с погребенным. Интересно, что в Толстой Могиле серебряные ритуальные сосуды — кубки, ритон и чаша — обнаружены рядом с детским погребением и были изготовлены в миниатюре специально для ребенка. В женском погребении ритуальных сосудов не было, но в головах «царицы» стояло несколько стеклянных чаш и серебряная миска.

Часто в курганах высшей скифской знати встречаются амфоры и хозяйственная утварь, особенно бронзовые котлы, в них было положено жертвенное мясо лошади, овцы или коровы. В ряде наиболее богатых курганов хозяйственная утварь, которую полагалось класть как в мужские, так и в женские захоронения, располагалась в специальной хозяйственной нише.

Погребения богатых воинов-мужчин сопровождались большими наборами наступательного вооружения: редко один, чаще несколько горитов с луком и стрелами или колчанов со стрелами, которые часто украшались золотыми обивками или бляхами, один или несколько мечей с рукоятками и ножнами, окантованными золотом, копья и дротики, а иногда еще и боевая секира. Что касается защитного вооружения, то обычны для всех богатых воинских погребений только чешуйчатые панцири, некоторые из них имели железный набор пластин, плакированных золотом. Далеко не всегда встречаются греческие бронзовые шлемы и еще реже — поножи. Положение предметов вооружения при погребенных бывает различным. Но обычно часть оружия находится там, где его носили при жизни, а другая — или в кладовых или в тайниках. Последнее особенно относится к предметам вооружения, украшенным золотом.

К числу предметов, характерных для погребений скифянок из высшей знати, следует отнести зеркала, ожерелья из золотых и стеклянных бус, золотые височные кольца и подвески, греческие веретена. Предметы вооружения в могилах знатных скифянок встречаются исключительно редко. Отметим находку меча в богатом женском погребении в кургане 22 у с. Вольная Украина (северная могила).

Помимо перечисленных, как в мужских, так и в женских могилах скифской знати IV в. до н. э. известны еще различные предметы из драгоценных металлов, железа, бронзы, кости, преимущественно греческого, а также местного, скифского, производства. Дать полный перечень находок не представляется возможным.

Нижнедонская группа памятников

Поселения. В настоящее время на территории описываемой группы открыто довольно много поселений главным образом V — III вв. до н. э., расположенных в дельте Дона (Шелов Д. Б., с. 53—55). Наиболее значительным из них является Елизаветовское городище — единственное большое и хорошо укрепленное поселение этого района. Как и на нижнем Днепре, возникновение поселений здесь связывается с оседанием на землю части кочевников.

Елизаветовское городище открыто в 1853 г.; тогда же П. М. Леонтьевым были произведены первые пе-

большие раскопки. Систематические и крупные работы на нем начались в 1966 г. под руководством И. Б. Брашинского, вскрывшего к 1980 г. более 5 тыс. кв. м. В настоящее время раскопки продолжаются под руководством К. К. Марченко. Городище расположено на главном острове современной дельты Дона примерно в 3 км от станицы Елизаветовской Азовского р-на Ростовской обл. В плане оно имеет форму, напоминающую разнобоковую трапецию (табл. 11, 16). Площадь его около 55 га. Северная наиболее длинная сторона городища протяженностью около 1 км примыкает к крутому обрыву, по гребню которого заметны остатки невысокого вала. С западной, южной и восточной сторон проходит линия обороны, состоящая из рвов и валов. Внутренняя линия обороны отходит от северного края и ограничивает площадь в 12 га. Въезд на городище находился на юге, в средней части оборонительной линии и был фланкирован с напольной стороны двумя насыпями высотой до 1,5 м.

Оборонительные сооружения были построены в середине IV в. до н. э., опоясав открытое поселение, возникшее на этом месте еще на рубеже VI — V вв. до н. э. (Марченко К. К., 1974б).

Внешняя линия обороны состояла из трех элементов: клинообразного рва шириной от 11 до 14 м, глубиной более 2,2 м, вала на внешней щеке рва и оборонительной стены на внутренней, включавших четыре турлучные ограды, перевязанные поперечинами и раскрепленные опорными столбами. Промежутки между оградой были засыпаны землей. Внутренняя линия обороны складывалась из рва шириной 8 м и двух валов, насыпанных по обе его стороны из материкового выкида.

Во второй половине IV в. до н. э. все оборонительные сооружения были скрыты и спивелированы и вскоре построены новые. Конфигурация их в основном повторяла раннюю схему. Но строительство оборонительных рубежей теперь велось на новом месте — все сооружения были сдвинуты в напольном направлении на 20—40 м. Внешняя линия обороны состояла теперь из рва шириной 8—11,5 м. Внутренняя его щека была укреплена каменной облицовкой. По обе стороны рва воздвигаются два сравнительно невысоких вала. Наиболее уязвимые участки укрепляются дополнительными сооружениями. Их остатки в виде следов каменной стены шириной 3 м зафиксированы с северной стороны внутреннего вала. Внутренняя линия обороны состояла из рва шириной 4 м и каменной стены, воздвигнутой у внутренней щеки рва и имевшей ширину около 2 м. За стеной, примыкая к ней, находился вал. Еще один вал был насыпан у внешней щеки рва. На гребне вала прослежены следы турлучных стен ограды. В таком виде городище существовало до первой трети III в. до н. э. Незначительно перестраивались лишь отдельные участки оборонительных сооружений «акрополя».

На территории «акрополя» открыты остатки более 20 строительных комплексов (Брашинский И. Б., Марченко К. К., 1978, с. 204—220; 1980, с. 211 сл.). Большая, периферийная, часть городища использовалась в хозяйственных или оборонительных целях. Все постройки принадлежат к земляночному типу (табл. 11, 10—15), их глубина 1,5—2,1 м. Среди них

преобладают прямоугольные в плане, имевшие турлучные стены и двускатные перекрытия. Известны также постройки с использованием камня при возведении стен. Часто дома имели два изолированных помещения и выделенные, очевидно, хозяйственные отсеки. Общим признаком всех строительных комплексов является отсутствие очагов или печей внутри помещений. Вероятно, обогрев их производился при помощи переносных глиняных жаровен, а приготовление пищи — на открытых очагах вне домов. Остатки жаровен и очаги на древней поверхности встречались постоянно. В полу помещений находились ямы-погребы. Одни постройки были только жилыми, другие — только хозяйственными, третьи помещения сочетали в себе части как жилого, так и хозяйственного назначения. Площадь домов колеблется от 32 до 76 кв. м. По сочетанию находок помещения 6 и 7 считаются принадлежавшими крупному торговцу греческими товарами.

Значительное преобладание амфорной тары среди найденной на городище керамики (амфор — 80,35%, лепной — 15,49%, кружаловой, античной — 4,5%) свидетельствует о господствующей роли торговли в экономике городища. Вместе с тем хорошо прослеживается существование промыслового рыболовства. В слоях городища найдено большое количество каменных рыболовных грузил, иглы-челноки для вязки сетей, чешуя и кости рыб — карповых (сазан), осетровых (осетр, белуга), немного щуки. Немалую роль играло скотоводство. Больше всего найдено костей крупного рогатого скота (48%), меньше — мелкого рогатого скота (26,88%) и еще меньше — лошадей (25,12%). Примечательно, что отсутствуют кости свиньи.

Охота играла подсобную роль. Найдены отдельные кости диких животных: кабана (16 особей), благородного оленя (10), лося (3), антилопы-сайги (4), лисицы (4), волка (4), зайца (4), а также птиц — уток, гусей, дроф, пеликана и совы.

О существовании земледелия говорят находки зерен пищевых злаков — проса, ячменя, полбы, а также орудий для их размола.

Находки готовых железных изделий и их заготовок, а также шлаков позволили исследователям считать, что на поселении изготавливали полный набор оружия и конской сбруи V — III вв. до н. э. — наконечники стрел, копьей, мечи, оборонительные доспехи, удила, псаши и др., а также разнообразные ножи, в том числе и для разделки рыбы, кованые гвозди, проколки и т. д.

Находки четырех обломков каменных форм для изготовления бронзовых украшений свидетельствуют о существовании на городище мастерской, предназначенной для выпуска такого рода изделий в скифском зверином стиле.

Небольшие по площади поселения (их известно около 15—20) выявлены сейчас в ряде мест дельты Дона в восточном Приазовье. Они одновременно Елизаветовскому городищу, датируются V — III вв. до н. э., но известны главным образом по подъемному материалу. Небольшие раскопки производились лишь на некоторых из них. Установлено, что в торговом отношении эти поселения полностью зависели от Елизаветовского городища, составляя район его торговой активности.

Изучение всего комплекса археологических источников позволило современным исследователям предполагать следующие основные функции Елизаветовского поселения: 1) центр крупной оптовой внешней и межплеменной торговли в дельте Дона в IV — начале III в. до н. э., 2) центральное поселение нижнего Подонья — северо-восточного Приазовья, 3) административный центр этого же района, сезонная и, возможно, постоянная резиденция родо-племенной верхушки, 4) убежище.

Елизаветовское городище с запада, юга и востока окружал курганный могильник. С востока на запад он простирался примерно на 6 км. На западе замыкался группой крупных курганов «Пять братьев», где в 1959 г. В. П. Шилов раскопал известное «царское» погребение (курган 8). Раскопки на могильнике начаты в 1853 г. П. М. Леонтьевым, но наиболее крупные исследования на нем в дореволюционные годы были произведены А. А. Миллером, а в советский период — В. П. Шиловым (1959, 1961) и И. Б. Брашинским (1973; Брашинский И. Б., Демченко А. И. 1969).

Всего к 1980 г. раскопано 302 кургана с 402 погребениями, из которых 393 скифских; из них надежно документировано 254 погребения. Наиболее ранние относятся к рубежу первой и второй четверти V в. до н. э., наиболее поздние — к началу III в. до н. э., основная масса — к IV в. до н. э. В 1966—1980 гг. открыта значительная группа курганов V в. до н. э.

Подвляющее большинство курганов составляют небольшие в настоящее время почти полностью сnivelированные в результате многовековых паводков и наводнений насыпи. Могильник сильно поврежден современным хозяйственным строительством (особенно в первой половине 60-х годов). В насыпях и на древнем горизонте находятся остатки гриз — кости животных, обломки амфор и лепных сосудов. Могилы отличались от известных в других районах необычно большой длиной — до 4,5 м, сравнительно малой шириной — около 1 м и небольшой глубиной — до 1 м (табл. 14, 3, 7). Единичны катакомбы первого типа. Могилы перекрывались камышом, реже — деревянными плахами. В некоторых случаях перекрытие слегка обожжено. Погребенных клали в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, голова преимущественно на запад с отклонениями.

Характерной особенностью могильника является местонахождение напутственной пищи и питья в ногах, а не в головах погребенных. Как правило, в погребении присутствуют амфора и лепная миска, а рядом с ними — кости животных. Обычен сосуд для питья, который помещался под устьем амфоры. Это мог быть килик, лепной одноручный кувшин — кубок или др.

Могильник в целом демонстрирует заметную социальную стратификацию общества. В нем имеются безынвентарные погребения людей, составлявших, очевидно, низший слой, погребения рядовых воинов, более богатые дружинные погребения и, наконец, курганы аристократии (Пятибратние курганы). Воинские погребения, как правило, содержат набор наступательного вооружения — колчан или горит со стрелами, копьё и меч-акинак. Видимо, к числу дружинных можно отнести мужские погребения, в

которых, кроме наступательного вооружения, находилось защитное — пластинчатые панцири, полса и щиты.

Курганы местной знати по богатству инвентаря похожи на царские курганы пизжнего Приднепровья. Среди них особенно выдающимся является курган 8 в группе «Пять братьев», имевший земляную насыпь высотой 9 м и диаметром 62 м. Под насыпью, чуть ниже древнего горизонта, находился каменный склеп с дромосом (табл. 15, 1). Для укрепления камней в толщу стен вмазаны бревна. Пол склепа был вымощен песчаниковыми плитами. Склеп перекрывал дубовый пакат, поверх которого был настлан слой камыша. Так же как в кургане Огуз на пизжнем Днепре, здесь ощущается сильное влияние боспорской погребальной архитектуры и строительной техники (Шилов В. П., 1961, с. 150—168). В склепе обнаружены два погребения. Одно из них ограблено, второе полностью сохранилось. Оно принадлежало воину, которого сопровождал столь богатый и разнообразный набор предметов, что его можно сравнить только с самыми богатыми комплексами из царских скифских курганов нижнего Приднепровья IV в. до н. э. Достаточно сказать, что здесь найдены золотые обивки меча и горита, аналогичные чертомлыцким, золотая гривна и перстни, несколько серебряных сосудов и бронзовый котел, множество золотых бляшек, пронизок и других вещей. В особой могиле был погребен верховой конь с удилами и бронзовыми бляшками на узде. Рядом с покойником положена уздечка с серебряными украшениями. По количеству колчалов (их девять), содержавших более 1000 накопечников стрел, это погребение превосходит все царские погребения пизжнего Приднепровья. Исследователи рассматривают его как принадлежавшее представителю родо-племенной знати, проживавшей на Елизаветовском городище, а в прошлом ведшей кочевой образ жизни.

Не менее богатым было, вероятно, и погребение воина в кургане (высота 6,4 м, диаметр 25,56 м), частично раскопанном И. И. Ушаковым в 1901 г. и доследованном В. П. Шиловым в 1960 г., входившем в обширный могильник Елизаветовского городища (Шилов В. П., 1966, с. 174—191). Женские погребения Елизаветовского могильника по набору инвентаря сходны с теми, которые известны и в других районах степи. И здесь выделяется целая группа погребений, в которых, кроме традиционного набора, присутствует еще оружие. По подсчетам Э. В. Яковенко процентное соотношение погребений вооруженных женщин в Елизаветовском могильнике было таким же, как в центральных районах Скифии по подсчетам Е. П. Бунятян (Яковенко Э. В., 1978, с. 64).

Как говорилось выше, до недавних пор исследователи по-разному определяли этническую принадлежность обитателей Елизаветовского городища. Появление за последнее десятилетие новой обширной и весьма важной информации о Елизаветовском поселении позволило И. Б. Брашинскому и К. К. Марченко достаточно убедительно обосновать вывод о значительной культурной и этнической гомогенности жителей Елизаветовского городища и их скифской принадлежности. Вместе с тем исследователи допускают возможность присутствия среди его насе-

ления небольшого числа представителей савроматов, меотов и даже греков (Брашинский И. Б., Марченко К. К., 1984). Это, а также постоянные контакты осевших на землю кочевых скифов с соседними савромато-сарматами и меотами определили своеобразие нижнедонского варианта культуры.

Другие погребения. Близость скифской и савроматской культур не позволяет современным исследователям уверенно отделить скифские погребения нижнего Подонья от савроматских на сопредельной территории. Кроме того, число известных в этом районе кочевнических погребений пока не велико. Видимо, все же скифскими, а не савроматскими, как думал К. Ф. Смирнов, а ныне считает В. Е. Максименко, следует признать погребения VI в. до н. э., исследованные на правом, западном, берегу нижнего Дона у г. Константиновска и на окраине г. Ростова (табл. 13, 1, 2; Кияшко В. Я., Кореняко В. А., 1976, с. 170 сл.; Брашинский И. Б., 1973, с. 54 сл.), тогда как погребения того же времени, исследованные в курганах на левом, восточном, берегу нижнего Дона у сел Койсуг, Новоалександровка, Высочино, вероятно, нужно считать савроматскими (Кореняко В. А., Максименко В. Е., 1978, с. 167 сл.; Кореняко В. А., Лукьяшко С. И., 1982, с. 149 сл.). Такое предположение позволяет сделать указание Геродота о восточной границе Скифии по Тапаису, хотя по погребальному обряду и комплексам инвентаря они мало отличаются друг от друга и от одновременных им кочевнических погребений основной территории степной Скифии (Мурзин В. Ю., 1984, с. 47 сл.).

Еще сложнее определить этническую принадлежность кочевнических погребений IV в. до н. э., поскольку в это время уже какие-то группы савромато-сарматов перешли Дон, овладели правым его берегом и побережьем Меотиды. Некрополь IV — III вв. до н. э. к западу от Тагапрога у Беглицкой косы определяется И. С. Каменецким как савроматский (1965а, с. 352—353). Однако использование для подкурганых погребений этого некрополя катакомбных могил I типа говорит, скорее, в пользу скифской, а не сарматской этнической принадлежности погребенных. К числу скифских IV — III вв. до н. э. исследователи относят и разграбленные погребения в курганах 3 и 4 под Ростовом (табл. 14, 5). Но твердые критерии для этого отсутствуют, как и для определения сарматской принадлежности некоторых захоронений IV — III вв. до н. э. в курганах между дельтой Дона и р. Обиточной (Граков Б. Н., 1953, с. 159). Требуются еще существенное накопление новых данных и детальное сопоставление их как со скифскими, так и с сарматскими материалами.

В заключение необходимо отметить, что область нижнего Дона и Приазовья была тем районом, где такое соседство и рано начавшееся передвижение разных этнических групп — скифов, савроматов и меотов должны были привести к значительному смешению населения и где поэтому трудно ожидать найти ту или иную культуру в чистом виде.

Крымская группа памятников

На большей части территории степного Крыма нет скифских городищ и поселений ранее III в. до н. э. Это свидетельствует о кочевом образе жизни обитав-

шего там населения. Лишь в восточном Крыму, на Керченском п-ове, наблюдаются признаки оседания части кочевников на землю уже в VI — V вв. до н. э. Однако наибольшее число поселений и здесь относится к IV — III вв. до н. э. И. Т. Кругликова выделяет их среди множества деревень Боспорской хоры на том основании, что массовый материал здесь составляют фрагменты амфор и лентных горшков (гончарная столовая посуда незначительна), а также по облику строительных остатков. Такие поселения подвергались раскопкам у сел Марьенка, Марфовка, Сазоновка, Слюсарово. На них выявлены остатки построек, расположенных на расстоянии 30—40 м одна от другой. Они глинобитные на каменных цоколях и с глинобитными очагами. Около построек находились дворники, вымощенные каменными плитами, иногда черепками. На поселении у с. Марфовка возле домов обнаружены небольшие зольники, в которых находились обломки керамики, кости животных, т. е. обычный бытовой мусор (Кругликова И. Т., 1975, с. 52—63 сл.). Э. В. Яковенко отмечает, что на настоящем уровне наших знаний пока трудно выявить принципиальные различия между местными и боспорскими деревнями, а поэтому предполагает смешанный греко-скифский состав их населения. Вместе с тем она склоняется к мысли, что Узунларский вал был своего рода границей между местными скифскими и греческими, точнее боспорскими, деревнями. К западу от вала располагались скифские поселения, к востоку — боспорские (Яковенко Э. В., 1985).

Поселения носят ярко выраженный сельскохозяйственный характер. Существенную роль в их экономической жизни играла торговля с боспорскими городами, о чем в первую очередь свидетельствует большое количество амфорных обломков в слоях поселений. Вино и масло в амфорах местные жители получали в обмен на продукты земледелия и скотоводства. Вместе с боспорскими поселениями скифские, очевидно, были поставщиками товарного хлеба в античные города Боспора.

Погребальные памятники степного Крыма изучены намного лучше поселений, хотя далеко не равномерно. В восточном Крыму лишь за последние 15 лет раскопано несколько курганных могильников (Яковенко Э. В., 1974) и два бескурганых, Фронтное I и у с. Золотое (Корпусова В. М., 1972; Корпусова В. М., Орлов Р. С., 1978; Масленников А. А., 1978), рядового населения, а в группе «Три брата» возле Керчи исследованы курганы скифской аристократии. Вместе с памятниками, открытыми до революции, представленными богатыми погребениями знатных скифов, в том числе и в некрополе греческих городов, такими, как курганы Куль-Оба, Патишоти, Баксинский, и другими, они позволяют создать достаточно полное представление о погребальных сооружениях и ритуале местного населения восточного Крыма в VII — III вв. до н. э. (Яковенко Э. В., 1974).

Слабее изучены могильники северного, северо-западного и центрального Крыма, хотя и здесь накоплен и обобщен значительный материал (Троицкая Т. Н., 1954; Дашевская О. Д., 1971, с. 151—154). Наиболее раннее скифское погребение середины VII в. до н. э. впускное, обнаружено в кургане эпохи бронзы на Темир-горе в восточном Крыму (Яковенко Э. В.,

1982, с. 259—267). К последней четверти VII в. до н. э. относится впускное погребение в курган бронзового века у с. Филатовка на Перекопском перешейке (Корпусова В. Н., 1980, с. 100 сл.). Погребения конца VII — VI вв. до н. э. (всего 14) известны главным образом в центральном Крыму, тогда как в северо-западном Крыму наиболее ранние скифские погребения датируются концом VI — началом V в. до н. э.

Курганный обряд захоронения господствовал на территории всего степного Крыма в течение всей скифской эпохи (VII — III вв. до н. э.). Как и в Причерноморье, курганные группы располагаются здесь по водораздельным гребням на возвышенности. Группы невелики, включают от пяти до 10 насыпей, среди которых нередко встречаются и курганы бронзового века. Рядовые курганы, как правило, невысокие, до 1—1,5 м. Курганы знати от 2 до 8 м и только Баксинский был высотой более 10 м. Курганы насыпались из земли, реже — из земли и камней. Известны крепиды, ограничивающие главным образом крупные насыпи снаружи, и кромлехи под насыпями невысоких курганов рядового населения. Примечательна крепиды Баксинского кургана, насыпь которого с севера была укреплена шестью концентрическими стенками из тесаного камня.

Из сводки В. С. Ольховского следует, что довольно большое количество скифских погребений было сделано в курганах эпохи бронзы (41,5%), 43,9% составляли основные погребения, 6,8% — впускные в скифские курганы и 5,8% — неясно.

К числу впускных в курганы эпохи бронзы относятся 11 из 14 известных ныне погребений VII — VI вв. до н. э., но они нередки и для более позднего времени.

Как и в степном Причерноморье, в Крыму на некоторых курганах скифов-воинов устанавливались каменные изваяния. Однако большинство каменных скульптур (а их известно более 10) найдено в различных местах степного Крыма случайно. Из кургана 1 группы «Три брата» под Керчью происходит уникальный надгробный рельеф, выполненный боспорскими мастерами (Бессонова С. С., Кирилин Д. С., 1977, с. 128—139).

Обычай совершать тризну при погребении умерших имел место и у населения степного Крыма. Но в целом в крымских степных курганах он был распространен меньше, чем в Причерноморье, и не отличался пышностью.

Все исследованные к настоящему времени погребения VII—VI вв. до н. э. совершены в простых земляных прямоугольных с закругленными углами ямах. Лишь яма в кургане на Темир-горе была круглой. Некоторые из них обложены рваным камнем (в кургане у с. Березовки конца VI в. до н. э. в северо-западном Крыму) или каменными плитами (впускная могила 2 в кургане 3 в бывшем имении Бобовича недалеко от Симферополя). Многие могилы были завалены камнем. Более разнообразны могилы в погребениях V и особенно IV—III вв. до н. э., хотя простые земляные ямы часто с каменным перекрытием и для этого времени на всей территории степного Крыма остаются преобладающими (табл. 14, 8, 13, 16—18). Вместе с тем в восточном Крыму значительное место занимают погребения в каменных ящиках и склепах (табл. 14, 11, 12, 15). По подсчетам

В. С. Ольховского, каменные гробницы V—III вв. до н. э. на Керченском полуострове составляют около 40%, в северо-западном Крыму — 30, в центральном — 16%. Катакомбные могилы известны только для IV—III вв. до н. э. и главным образом в центральном Крыму (табл. 14, 10), но и здесь доля их невелика — 28%. Правда, неглубокие и небольшие подбойные могилы есть в грунтовой некрополе Фроптовое I V—IV вв. до н. э.

В. С. Ольховский считает, что каменные гробницы получили распространение у скифов Крыма под влиянием погребального обряда кизил-кобищцев или тавров (1978, с. 14). Э. В. Яковенко (1985) возражает против этого, по ее мнению, главная причина — богатство камнем Керченского полуострова. Каменные ящики и склепы сложены из известняка, в плане прямоугольные. Склепы отличаются от ящиков наличием входа с восточной стороны. Те и другие сооружались то из рваного камня, то из отесанных плит. Такие сооружения имели место как в могильниках рядового населения (могильники у сел Ильичево, Астанино, Ленино, Зеленый Яр и др.), так и в погребениях знати V—III вв. до н. э. (Яковенко Э. В., 1970, с. 115 сл.; 1974). Из каменных плит, в частности, сложены и перекрыты каменными плитами, заваленными сверху камнями, большинство из 13 богатых скифских погребений V в. до н. э. в некрополе Нимфея. В могилах типа каменных ящиков совершались некоторые богатые погребения в керченских курганах IV в. до н. э. Так, во втором Трехбратнем кургане второй половины IV в. до н. э. гробница, вписанная в материк, представляла собой массивный ящик из прямоугольных тесаных плит с плоским перекрытием из трех плит (табл. 15, 5). Более сложной конструкцией каменных гробниц отличаются многие могилы IV в. до н. э. Среди них известны склепы с плоским и уступчатым перекрытием (первые — в Белогорском р-не; Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1967, с. 182).

Склепы с уступчатыми сводами — характерная форма погребальных сооружений как для богатых греческих погребений, так и для погребений эллинизированной скифской знати IV—III вв. до н. э. на Керченском полуострове. К числу таких гробниц относятся склепы в курганах Куль-Оба (табл. 15, 7), Патиниотти, Трехбратних (табл. 15, 6) и Баксинском.

В центральном Крыму известны большие грунтовые могилы IV—III вв. до н. э., стенки которых выложены камнем, иногда оштукатурены и перекрыты деревянным настилом (курган 1891 г. в бывшем имении Талаевой, табл. 15, 3; курган 2 1892 г. в бывшем имении Пастака).

Погребальный обряд скифов степного Крыма мало отличается от описанного в двух предыдущих разделах. В течение всего рассматриваемого периода было принято хоронить покойников в вытянутом состоянии головой главным образом на запад или реже на восток, иногда на юг. Лишь два погребения в кургане на Темир-горе (82 и 83) были совершены по обряду трупосожжения (Яковенко Э. В., 1972).

Одиночные погребения в могилах преобладали (66,2%). Наряду с ними известны парные, коллективные, повторные. Последние составляют одну из отличительных черт могильников восточного Крыма, являющихся показателем оседлости у скифского

населения этой части Крыма. В северо-западном Крыму многократные погребения в одну могилу появляются в IV в. до н. э. (Колоски, Ромашкино, Штормовое и др.), тогда как в центральном Крыму вплоть до середины III в. преобладали одиночные погребения.

Повторные захоронения в простых ямах, каменных ящиках и склепах фиксируются в восточном Крыму с V в. до н. э., но наиболее характерны они для IV—III вв. до н. э. Количество погребенных в одну могилу могло быть разным — от 2 до 25 умерших, при этом кости ранее погребенных, как и в могилах с повторными погребениями в степном Причерноморье, отодвигались к одной из стен или складывались в кучу возле вновь погребенного, иногда прямо на него. Пока нет в Крыму погребений знати, сопровождавшихся насильственно умерщвленными лицами. В большинстве погребений не отмечено никаких следов подстилок или остатков погребального ложа, гроба. Лишь для богатых захоронений эллинизированной скифской знати на Керченском полуострове применялись греческие деревянные (кипарисовые) саркофаги, которые представляли собой ящики на ножках или на колесиках и двускатной крышкой (Бессонова С. С., 1971). Стенки их украшались инкрустацией из кости, янтаря, резьбой, иногда были позолочены. Применение саркофагов началось со второй половины V в. до н. э. (скифские курганы в некрополе Нимфея). В одном из саркофагов в Нимфейском некрополе зафиксировано парное погребение мужчины и женщины (курган 1868 г., погребение А).

В Золотом кургане (центральный Крым) костяк лежал на покато́й земляной лежанке, приподнятой в изголовье и опущенной в ногах до уровня материка (табл. 15, 4). В могиле у с. Аркадьевка (бывш. Такил) обнаружены подстилка из морской травы и кусочки угля, в богатом погребении у с. Ильичево — подстилка из камыша. Остатки деревянного гроба зафиксированы в кургане у с. Чистополье (бывш. Верхний Кульчук).

Намного реже, чем в степном Причерноморье, в Крыму встречаются конские захоронения в курганах скифской знати, а те, которые известны, находятся на Керченском полуострове (всего девять случаев: в пяти курганах в некрополе Нимфея, в одном из курганов на мысе Ак-Бурун, в Баксинском кургане и в двух курганах группы «Три брата»). Все они, за исключением баксинского, находились в специально вырытых могилах. Количество коней, сопровождавших погребенного, колеблется от одного до восьми. В Баксинском кургане вокруг саркофага с погребением богатого скифа-воина лежали три конских скелета. Сохранились колеса от повозки, на которой саркофаг был ввезен в склеп. Нет в Крыму захоронений конюхов в отдельных погребальных сооружениях. Что касается погребальной обстановки, то в большинстве случаев она мало отличается от той, которая была характерна для скифских погребений степного Северного Причерноморья. И все же некоторые отличия нельзя не отметить. В целом в скифских погребениях Крыма реже встречаются остатки жертвенной пищи (по В. С. Ольховскому — в 26,4% погребений): кости коня, быка или барана. Соответственно и ножи, столь обычные в погребениях

степного Причерноморья, далеко не всегда бывают представлены в скифских погребениях Крыма. Жертвенная пища помещалась у головы погребенного, иногда у плеча или сбоку у ног. Она была положена или прямо на дно могилы, или на деревянное или глиняное блюдо, а в ряде богатых курганов — в бронзовые котлы (Куль-Оба и некоторые другие).

В ранних скифских погребениях VII—VI вв. до н. э. часто находится по одному лощеному кизил-кобинскому сосуду с резным орнаментом. Как правило, сосуды ставили у головы покойного. В них редко имеется какой-либо инвентарь — отдельные наконечники стрел или пряслица. Лишь в кургане 1 у с. Березовка (бывш. Тавкель-Найман) VI в. до н. э. вместе с лощеным кубком найдены 13 бронзовых и 1 кремневый наконечники стрел, акынак, два украшения из кости (Троицкая Т. Н., 1951, с. 90). Из всех раннескифских погребений Крыма наибольший интерес представляет основное погребение 81 в кургане на Темир-горе, где были найдены родосская ойнохоя середины VII в. до н. э., бронзовая застежка колчана в золотой оправе, костяные пронизи, пуговицы и, что особенно важно, костяные наконечник и пряжка в зверином стиле — одни из самых ранних предметов, выполненных в манере скифского искусства (Яковенко Э. В., 1976, с. 236—240). В курганах V — первой половины IV в. до н. э. лепная керамика встречается без сопровождения античной в центральном, северном и северо-западном Крыму, тогда как в восточном преобладают находки греческих амфор, чернолаковой и расписной античной посуды. Лишь в одном из погребений Фронтковского могильника найден лепной горшок с резным орнаментом.

Богатые скифские погребения в некрополе Нимфея дают бронзовую античную посуду, много наступательного и защитного оружия, расположенного в могиле при погребенном так же, как в погребениях степного Причерноморья. Много там и личных украшений из золота — гривны, ожерелья, серьги, перстни. Кроме того, имеются бронзовые зеркала, а также довольно многочисленные предметы конского убора, среди которых особое место принадлежит украшениям в зверином стиле.

Присутствием золотых вещей характеризуется впускное погребение 6 в кургане 1 у с. Ильичево. В этом частично разграбленном погребении V в. до н. э. найдены золотые обкладки колчана со сценой терзания, нашивная бляха в зверином стиле, гривна и крупный предмет неизвестного назначения в виде усеченного конуса (Лесков А. М., 1968, с. 158—165).

Могилы рядового населения восточного Крыма V — первой половины IV в. до н. э. из оружия содержат главным образом наконечники стрел, гораздо реже — мечи и копья. Из украшений — бронзовые серьги, браслеты, кольца, стеклянные бусы. В некоторых погребениях Фронтковского могильника есть зеркала. В центральном, северном и северо-западном Крыму только в кургане Кара-Меркит V в. до н. э. найдены бронзовые античные черпак и сито. В других курганах античной посуды нет. В том же кургане находились золотые оковки деревянного сосуда — единственного в погребениях Крыма V в. до н. э., довольно полный набор вооружения, состоявший из 280 бронзовых наконечников стрел, копья, меча и железного чешуйчатого панциря.

Кроме того, при погребенном были бронзовые бляшки в зверином стиле и две ворворки.

Обилием и разнообразием инвентаря характеризуется впускное погребение в Золотом кургане первой половины V в. до н. э. При погребенном найдены: лепной кувшин, точильный камень, нож, остатки деревянного лука и колчана со 130 стрелами, меч, железный чешуйчатый щит, серебряная бляха (от щита), боевой пояс и шлем. Кроме того, на шею погребенного была надета золотая гривна, а на груди лежала бронзовая львица, обтянутая золотым листом. В разных местах могилы находились бронзовые бляшки, золотые пуговицы и бронзовые ворворки (ОАК за 1890 г., с. 4—6; Граков Б. Н., 1971а, с. 73, табл. XXVIII).

В IV в. до н. э. в Крыму, особенно на Керченском полуострове, резко возрастает количество богатых погребений, а различия между богатыми и бедными инвентарем погребениями становятся еще более значительными. Как и в степном Причерноморье, в Крыму среди тех и других можно наметить разные уровни богатства или бедности. И все же если сравнивать наиболее богатые крымские погребения с нижнеднепровскими, то большинство из них по разнообразию и пышности инвентаря уступают нижнеднепровским. Пожалуй, только курган Куль-Оба, отчасти его двойник сильно разграбленный курган Патиниотти, первый из группы «Три брата» могут сравниться с наиболее богатыми курганами нижнего Приднепровья. В инвентаре много золотых вещей, в которых скифские элементы сочетаются с греческими (Кирилин Д. С., 1968, с. 178—188).

В центральном и северном Крыму неизвестны столь богатые погребения. Но к числу зажиточных можно отнести Талаевский курган и курган 1 в бывшем имении Пастака. В них погребены мужчины-воины с относительно полными наборами оружия, золотыми украшениями, греческими сосудами. Особенно следует отметить ритон из оленьего рога в серебряной оправе из Талаевского кургана (Манцевич А. П., 1957, с. 155—173).

Мужские погребения из среды рядовых скифов IV — первой половины III в. до н. э. содержали, как правило, лишь по несколько наконечников стрел, реже — еще один-два наконечника копий и еще реже — меч. Иногда встречались части чешуйчатых панцирей или щитов.

В женских могилах обычны бронзовые и серебряные мелкие украшения — серьги, перстни, а также ожерелья из стеклянных бус, пряслица. В восточном Крыму в женских могилах найдены бронзовые зеркала и браслеты, не встречающиеся в рядовых женских погребениях центрального Крыма.

Довольно частой находкой в рядовых мужских и женских погребениях IV — первой половины III в. до н. э., особенно в восточном Крыму, являются амфоры и чернолаковые сосуды для питья — килики и канфары. Однако наряду с ними встречаются и лепные сосуды, преимущественно типичные скифские горшки. В мужских и женских погребениях находят железные ножи, но главным образом там, где есть остатки жертвенной пищи. Существенной особенностью крымских скифских погребальных памятников является почти полное отсутствие женских погребений с оружием. Единственное такое погребение

обнаружено в Трехбратнем кургане (курган 2, погребение 3). Оно находилось в каменной гробнице рядом с погребением вооруженного мужчины. При скелете женщины найдены следующие предметы вооружения: колчаный набор, часть лука и наконечник копья (Бессонова С. С., 1973, с. 252).

Вероятно, прав В. С. Ольховский, считая, что население степного Крыма не было чисто скифским, а включало в свой состав аборигенов — носителей кизил-кобинской культуры. Начало тесных контактов скифов с кизилкобинцами относится к VI в. до н. э. В V в. до н. э. устанавливаются широкие и прочные связи между пришлым скифским населением и аборигенами. Скифы, обладая значительным военным превосходством, подчинили себе население предгорий и части побережья. В IV—III вв. до н. э. существовала значительная группа смешанного скифо-кизилкобинского населения. Этим В. С. Ольховский склонен объяснить своеобразие крымской группы памятников по сравнению с основной группой скифских памятников в степи Северного Причерноморья (1982, с. 61—80).

Лепная керамика. Наряду с описанными выше погребальными сооружениями и обрядом она составляет особенность степной скифской культуры. До недавних пор о раннескифской лепной посуде чаще всего судили по находкам из Ольвии и прилегающих к ней поселений, которые считались оставленными каллипидами. Теперь, когда установлена принадлежность поселений нижнего Побужья ольвийской хоре, видимо, следует отказаться от такого суждения. Это не исключает того, что скифы наряду с другими жителями поселений нижнего Побужья могли пользоваться известными там лепными сосудами, но и не позволяет выявить формы, которые можно было бы считать собственно скифскими.

Несмотря на малочисленность находок керамики из скифских степных памятников, для VII—V вв. до н. э. выделяются три локальные группы лепной посуды, соответствующие трем описанным группам погребальных памятников. Общими для всех трех локальных групп являются простые кухонные горшки, сделанные из грубой глины с примесью шамота, песка, дресвы (табл. 16, 2—17). Они происходят от керамики срубной культуры, хорошо известной в Северном Причерноморье в памятниках собатиновского, белозерского этапов, а также в курганных погребениях позднейшего предскифского периода. Кроме посуды местного происхождения, скифы северопричерноморских степей в VI—V вв. до н. э. пользовались керамикой, заимствованной у соседей. Так, в кургане конца VI в. у г. Днепрорудный вместе с горшком были найдены кувшин и миска на ножке (Мурзин В. Ю., 1984, рис. 18, 12, 14), имеющие близкие аналогии среди керамики лесостепного левобережья Днепра. В кургане у с. Первоконстантиновка также VI в. до н. э. на юге Херсонщины найден ложенный сосуд с орнаментом (Лесков А. М., 1981, рис. 20), явно заимствованный у населения кизилкобинской культуры предгорного Крыма.

Преобладание в погребениях VI и V вв. до н. э. ложенных сосудов с резным орнаментом, аналогичных кизилкобинским (кубки, чаши, крупные кубковидные сосуды с орнаментом из свисающих вниз треугольников и вертикально расположенных орнамен-

тальных полос; табл. 17, 1, 4, 5, 12, 13, отличает крымскую группу керамики, особенно характерную для центрального Крыма. В погребениях V в. в восточном Крыму кизил-кобинская керамика встречается лишь в одном из погребений грунтового могильника у с. Фронтовое (табл. 17, 2). Но о ее достаточно широком распространении там в VI—V вв. до н. э. свидетельствуют находки в ряде боспорских городов — в Нимфее, Мирмекии, Тиритаке.

Присутствие лощеной керамики кизил-кобинского типа в скифских курганах степного Крыма продолжается вплоть до конца V — начала IV в. до н. э. (табл. 17, 7).

Группа нижнедопской керамики VI—V вв. до н. э. совсем не содержит лощеной посуды кизил-кобинского типа. Но в ней, кроме кухонных горшков, известны лощеные сосуды иного облика. Так, из погребения начала VI в. до н. э. у г. Константиновска на правом берегу нижнего Дона происходит большой лощеный кувшин с орнаментом на тулове из косых параллельных пролощенных линий (табл. 17, 17). Исследователи правильно считают этот сосуд импортом из Предкавказья (Кияшко В. Я., Кореняко В. А., 1976, с. 173). Кухонный горшок отсюда же (табл. 17, 16) они почему-то сближают с савроматской посудой. На мой взгляд, он ничем не отличается от скифской степной керамики.

Среди посуды из погребений V в. до н. э. курганного могильника у станицы Елизаветовской на Дону, выделенной К. К. Марченко, кроме горшков, известны лощеные кувшины двух вариантов (кубки по К. К. Марченко, табл. 17, 19, 27), которым он находит аналогии среди керамики в памятниках VI—V вв. до н. э. на днепровском лесостепном левобережье; там же имеются аналогии кружкам в виде перевернутого конуса с ручкой (табл. 17, 23) и миске на поддоне (табл. 17, 22). Кроме того, встречаются конические миски, близкие к найденным в погребениях степного Северного Причерноморья, но они относятся к IV и IV—III вв. до н. э.

Лощеная керамика исчезает на нижнем Дону к рубежу V—IV вв. до н. э. К этому времени локальные различия в лепной керамике из скифских погребений стираются. В погребениях IV — первой половины III в. до н. э. на территории всей степной Скифии чаще всего встречаются довольно грубые кухонные горшки, представляющие собой дальнейшее развитие местных форм более раннего времени. По классификации, предложенной Б. Н. Граковым и дополненной Н. А. Гаврилюк, выделяются четыре типа горшков в зависимости от формы шейки, которая может быть дуговидной в разрезе, раструбом, почти цилиндрической с отогнутым наружу венчиком или прямой горловиной (табл. 16, 2—17). В зависимости от расположения наибольшего диаметра тулова и формы плеча в типах горшков имеются два или более вариантов (Граков Б. Н., 1954; Гаврилюк К. К., 1980, с. 17—30).

В каждом типе горшков очень значительно варьируют размеры — от маленьких горшочков-игрушек, находимых обычно в детских погребениях, до горшков высотой более 20 см, а иногда до 40 см. Доволь-

но обычной, особенно для горшков II типа, является орнаментация края венчика или шейки, а иногда и шейки, и венчика пальцевыми защипами, наколами или углублениями бочком круглой палочки. Лишь на горшке III типа, найденном в одном из курганов Каховского р-на Херсонской обл., имеется рельефный узор в виде сосковидных налепов на тулове и валика в основании шейки (табл. 16, 15). Гладкие рельефные валики в основании шейки известны еще на нескольких сосудах из нижнего Приднепровья. Н. А. Гаврилюк сравнивает эти горшки с найденными на левобережье среднего Приднепровья в курганах у сел Волковцы и Келеберда.

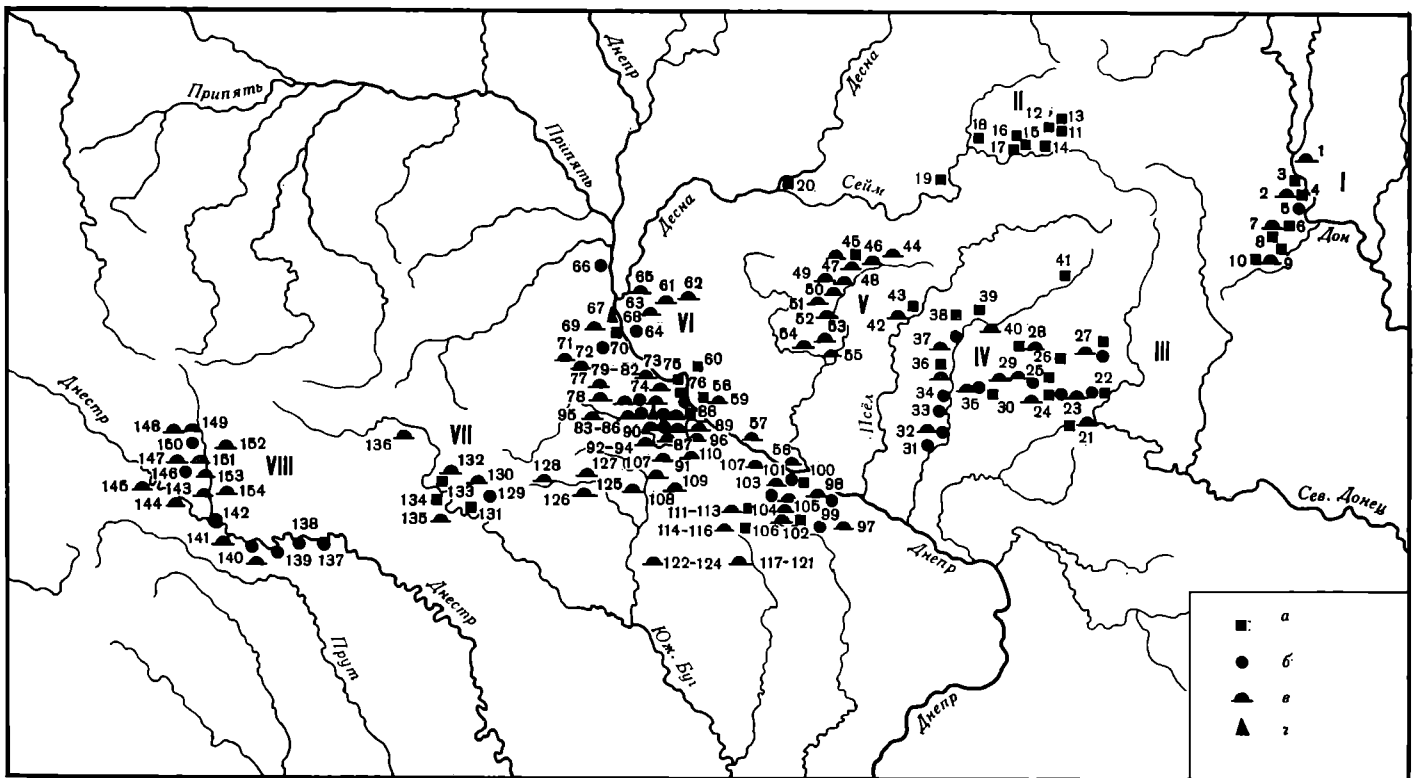
Редкой формой кухонной керамики являются горшки с широко открытым устьем, диаметр которого превышает диаметр тулова. Они встречены лишь в нескольких курганах нижнего Приднепровья и скорее всего заимствованы из лесостепного среднего Приднепровья.

Нечасто в могилах степной Скифии находили лепные миски. По Н. А. Гаврилюк, из курганов IV—III вв. до н. э. происходит 10 экземпляров. Одни из них имеют вид перевернутого конуса (табл. 16, 21), т. е. ту же форму, что и миски из Елизаветовских курганов V в. до н. э. Миски другого типа характеризуются загнутым внутрь венчиком (табл. 16, 18—20). По-видимому, эта форма мисок пришла из лесостепи, где она стала известна на второй ступени развития чернолесской культуры.

Более разнообразны наборы керамики, происходящие из скифских поселений, особенно на западной и восточной периферии Скифии, в IV—III вв. до н. э. Так, на поселениях левобережья нижнего Поднепровья, помимо распространенных типичных скифских горшков и мисок отмеченных форм, до 20% керамического комплекса составляет посуда, характерная для фракийских племен, в том числе для соседних гетов. Это кухонные горшки без выделенной или со слегка намеченной шейкой, имевшие заглаженную поверхность, снабженные ручками-упорами, украшенные различными рельефными налепами, а также довольно часто валиками с пальцевыми вдавлениями. Гето-фракийскими являются и миски с рельефным узором, нередко снабженные горизонтальными ручками. Поверхность мисок лощеная или заглаженная (Мелюкова А. И., 1975, рис. 20).

На нижнем Дону, на Елизаветовском городище V—III вв. до н. э., помимо типичной скифской керамики, имеются горшки с широким дном сарматского происхождения (табл. 17, 18) и широко открытые, преимущественно крупные сосуды с рельефным орнаментом и упорами, аналогичные меотским (табл. 17, 14). Кроме того, как на западной, так и на восточной окраине Скифии на поселениях, находившихся поблизости от греческих городов, встречаются лепные светильники и кухонные сосуды типа кастрюль, сделанные в подражание греческим.

На нижнем Дону и в Крыму в памятниках IV—III вв. до н. э. известны оригинальные лепные куврильницы (табл. 17, 24).

Карта 8. Основные памятники локальных групп скифообразной лесостепной культуры VII—III вв. до н. э.

I — Среднедонская; II — Сейминская; III — Северодонецкая; IV — Ворсклинская; V — Посульская; VI — Правобережная днепровская; VII — Побужская; VIII — Западноподольская

a — городища; б — селища; в — курганы; z — грунтовый могильник

I. 1 — Частые; 2 — Мاستюгино; 3 — Архангельское; 4 — Большое Сторожеево; 5 — Титчиха 1; 6 — Мостище; 7 — Русская Тростянка; 8 — Волошино; 9 — Дуровка; 10 — Кировское

II. 11 — Шуклинское; 12 — Нартовское; 13 — Переверзевское; 14 — Липинское; 15 — Кузина гора; 16 — Плаксинское; 17 — Александровское; 18 — Марицкое; 19 — Лавочное; 20 — Шебалиновское

III. 21 — Большая Гомольша; 22 — Водяное, Шмаровка; 23 — Островерховка; 24 — хут. Городище, Черемушны; 25 — Караван, Шелковая; 26 Люботинское; 27 — Циркуны, Большая Даниловка

IV. 28 — Полковая Никитовка; 29 — хутора Покровский и Настельный; 30 — Коломак; 31 — Пожарная Балка; 32 — Мачуха; 33 — Кучлиевка; 34 — Большие Будицы; 35 — Лихачевка; 36 — Бельское; 37 — Глишище, Чернетчина; 38 — Сосенка; 39 — Каменка; 40 — Кириковка; 41 — Борисовка

V. 42 — Броварки; 43 — Книшевка; 44 — Будки и Малые Будки; 45 — Басовское; 46 — Волковцы; 47 — Аксютинцы; 48 — Герасимовка; 49 — Поповка; 50 — Ромны; 51 — Ярмолинцы; 52 — Сурмачевка; 53 — Хитцы; 54 — Поставамки; 55 — Лубны; 56 — Веремеевка; 57 — Гладковщина; 58 — Лепляво; 59 — Круполь; 60 — Малый Каратуй; 61 — Любарцы; 62 — Старинская птицефабрика; 63 — Иванков; 64 — Козинцы; 65 — Сеньковка

VI. 66 — Казаровичи; 67 — Пирогово; 68 — Хотов; 69 — Глеваха; 70 — Малая Салтановка, хут. Скрипки; 71 — Малая Офирня; 72 — Марьяновка; 73 — Триполье; 74 — Щучинка; 75 — Трахтемиров; 76 — Григоровка; 77 — Кагарлык; 78 — Зеленки; 79 — Берестяги; 80 — Лазурцы; 81 — Пищальники; 82 — Синявка; 83 — Куриловка; 84 — Гриненцы; 85 — Бобрица; 86 — Селище; 87 — Пекари; 88 — Капел; 89 — Яблунь; 90 — Емчиха; 91 — Гамарня; 92 — Беркозовка; 93 — Таганча; 94 — Ивановка; 95 — Медвин; 96 — Мошны; 97 — Богдановка; 98 — Андрусовка; 99 — Янич; 100 — Мельники; 101 — Лубенцы; 102 — Плискачевское; 103 —

Гуляй-город; 104 — Жаботин; 105 — Прусы; 106 — Грушевка; 107 — Ташлык; 108 — Константиновка; 109 — Сме-ла; 110 — Теклино, курганы; 111 — Макеевка; 112 — Буда-Макеевская; 113 — Матусов; 114 — Пастырское; 115 — Оситняжка; 116 — Шарновское; 117 — Медерово; 118 — Мартоноша; 119 — Защита; 120 — Болтышка; 121 — Омельник; 122 — Капитановка; 123 — Турья; 124 — Журовка; 125 — Шпола; 126 — Васильков; 127 — Рыжановка; VII. 128 — Новоселки; 129 — Сорока; 130 — Ильинцы; 131 — Немировское; 132 — Мизяков; 133 — Якушинцы; 134 — Севериновское; 135 — Перпюрки; 136 — Куриловка VIII. 137 — Селище, урочище «Скрипки»; 138 — Лепковцы; 139 — Оселивка; 140 — Должинцы; 141 — Перебыковцы; 142 — Иване-Пусте; 143 — Бильче-Золотое; 144 — Городица; 145 — Братышов; 146 — Залесье; 147 — Городица; 148 — Раковат; 149 — Новоселка-Гримайловская; 150 — Сухостав; 151 — Ивахповцы; 152 — Серватинцы; 153 — Крагле; 154 — Сапогов

Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы

Как уже говорилось, в настоящее время в лесостепи Восточной Европы выделяется восемь локальных групп: к западу от Днепра — Правобережная Среднеднепровская (далее — Правобережная), Побужская и Западноподольская; к востоку от Днепра — Ворсклинская, Сейминская, Северодонецкая, Посульская и Среднедонская (карты 5, 8).

Все названные локальные группы охватывают большой массив оседлых земледельческо-скотоводческих племен, имевших много общего в характере поселений, системе оборонительных сооружений, домостроительстве, хозяйстве, верованиях. Особая близость прослеживается в культуре локальных групп к западу от Днепра и Ворсклинской, что объ-

ясняется единой основой, на которой они сформировались.

Близость культурных групп левобережья побудила В. А. Ильинскую объединить памятники Сулы, Псла и Северского Донца в единую Посульско-Донецкую группу и предположительно присоединить к ним в то время слабо исследованные памятники Посеймья (1971б, с. 28). Однако каждая из упомянутых групп имеет свои особенности, поэтому мы придерживаемся предложенного выше деления. Подкрепляет это положение и предпринятое недавно А. В. Щегленко (1983) исследование погребального обряда всей левобережной лесостепи в скифский период.

Правобережная среднеднепровская группа охватывает бассейны рек Тясмина, Роси и междуречье Роси и Ирпеня (см. карту 8). Скифский период на Правобережье начинается с середины VII в. до н. э. По мнению В. И. Ильинской, именно с этого времени в местной среде происходит резкое и коренное изменение погребального обряда и сопровождающего инвентаря (1975, с. 169). Напротив, Г. Т. Ковпаненко на материалах курганов Поросья, составляющих единую локальную группу с памятниками бассейна Тясмина, выявила постепенное развитие погребального обряда от предскифского периода к скифскому (1981, с. 134 сл.). К тому же мнению пришла в свое время и Е. Ф. Покровская (1953б), изучая памятники бассейна р. Тясмин.

Существенные перемены в жизни населения днепровского Правобережья произошли в начале VI в. до н. э. Вернувшиеся из переднеазиатских походов скифы, по-видимому, направляют свою экспансию в сторону лесостепи, что побудило местное население сплотиться для отражения опасности. В то время строится целая цепь городищ по южной границе лесостепи и по правому берегу Днепра. Это Пастырское, Макеевское, Будянское, Шарповское, Матронинское, Трахтемировское, Григоровское, Хотовское и ряд других городищ (Петренко В. Г., 1967, с. 9 сл.). В большинстве своем они невелики, в пределах 16—20 га, но в бассейне каждой крупной реки одно городище выделялось своими размерами и сложностью планировки: в бассейне Тясмина — Матронинское городище площадью 200 га (табл. 18, 7), в бассейне Роси — Трахтемировское площадью 500 га. Эти городища были политическими и религиозными центрами племенных объединений определенных районов. В V в. до н. э. ряд городищ прекращает существование (Макеевское, Трахтемировское), однако в бассейне Тясмина не позднее IV в. до н. э. возникает новое городище — Плискачевское.

По планировке городища делятся на две группы: мысовые, укрепления которых защищают участки, лишенные естественной защиты, и городища, оборонительные сооружения которых идут по всему периметру поселения и, кроме того, включают особо укрепленный участок — акрополь. В ряде случаев к основному городищу примыкают укрепленные предградья (табл. 18, 1). Система укреплений состояла из земляных валов, дополняемых в большинстве случаев деревянными стенами, и рвов (табл. 18, 9, 10; Моруженко А. А., 1969). Значительная часть населения жила в селищах, располагавшихся как вблизи городищ, так и на значительном расстоянии

от них, на пологих склонах, по берегам небольших речек и оврагов. Особенно много их зафиксировано в бассейне р. Рось. Однако неукрепленные поселения Правобережья очень слабо исследованы.

Жилища представлены округлыми и прямоугольными в плане наземными домами каркасно-столбовой конструкции и землянками — обычно округлой формы с деревянной облицовкой стен или без таковой (табл. 18, 14, 17). Печи в обоих типах построек имели овальную в плане форму, глиняный под и каркасно-глинобитный свод. Встречены и открытые очаги. Около печи часто выкапывали яму для ссыпания золы и кухонных отходов. Размеры жилищ варьируют от 3 до 7 м в поперечнике. Оба типа домов бытовали на протяжении всего скифского периода, однако в IV—III вв. до н. э., видимо, преобладали наземные жилища. Постройки большого размера (до нескольких сотен квадратных метров), вероятно, служили общественными зданиями. Значительная часть жизни населения, особенно летом, видимо, проходила на улице, о чем свидетельствует большое количество очагов и разного рода хозяйственных ям вне стен жилищ.

Для совершения религиозных церемоний, прежде всего связанных с культом солнца и магией плодородия, сооружались специальные помещения с жертвенниками. Традиция их возведения восходит к предскифскому периоду (Покровская Е. Ф., 1962, с. 73 сл.). На Трахтемировском городище глинобитный жертвенник, орнаментированный рельефными спиралями, находился в юго-восточной части строения, имевшего площадь 20 кв. м. На нем лежали родоский килик и лепной сосуд в виде птицы (Ковпаненко Г. Т., 1971, с. 117). На Пастырском и Матронинском городищах открыты одинаковые жертвенники в виде глиняных столбов с чашеобразными углублениями сверху, по которым прочерчено по семь концентрических бороздок. Докрасна обожженные, окруженные углями и золой, в которой находились необмолоченные стебли пшеницы, они свидетельствовали о неоднократности проводимых тут действий, связанных с земледельческим культом (Хвойко В. В., 1905). Фрагментированный глинобитный жертвенник обнаружен и на Большом Каневском городище (Богусевич Б. А., 1952).

Земледельческая магия плодородия включала также ряд иных обрядов, вещественные свидетельства которых сохранились среди материалов со всех поселений лесостепи в весьма близкой форме. Это антропоморфные и зооморфные статуэтки, вотивные модели лепешек и зерен, кульгово-магические знаки, главным образом на керамике, являющиеся астральными символами и символами земли и растительности и т. п. (Андриенко В. И., 1974, с. 89—96).

Погребальный ритуал скифского периода продолжает развитие местных форм обряда предшествующего времени; при этом интересно отметить сохранение отдельных черт обряда, свойственных еще чернолесской культуре. К ним относятся: захоронения как в курганах, так и в грунтовых могильниках, воспроизведение в погребальном сооружении жилой постройки с вертикальной облицовкой стен, закрепленной в канавках, сочетание труположений с трупосожжениями, в ряде случаев скорченное положение на боку.

Могильники располагались на высоких плато. Курганы в больших могильниках, состоящих из нескольких сотен насыпей, концентрировались группами. Многие могильники, на которых хоронили в скифское время, возникли еще в эпоху бронзы. На них продолжали хоронить в чернолесский и жаботинский периоды и далее от VII в. до н. э. до конца скифского периода (Тенетинковский, Гуляй-городский, Оситняжский, Берестняговский, Куриловский и др.). С VI в. до н. э. появляются малые курганные могильники — места погребений привилегированных родов или воинской верхушки (например, могильники в урочищах Униатово и Криворуково у с. Журовки). Захоронения в них, как правило, относятся к короткому промежутку времени в пределах столетия.

Рядовых членов общества хоронили не только под невысокими курганами, но и в грунтовых могильниках. Для VI в. до н. э. известны Масловский и Пироговский могильники (Петровська Е. О., 1970). Для V—III вв. до н. э. — Грищенецкий и между курганами Чернолесского могильника (Петренко В. Г., 1962).

Погребения совершались в ямах и на уровне погребенной почвы. При первом способе захоронения различаются прямоугольные, квадратные, реже — округлые небольшого размера ямы, вырытые в грунте или в насыпи более ранних курганов, обширные прямоугольные и квадратные ямы только с деревянным перекрытием или с деревянным сооружением внутри. В обоих последних случаях в ямах с одной из узких сторон часто устраивался наклонный спуск — дромос, который, так же как и яма, имел облицовку и перекрытие из дерева.

На уровне погребенной почвы обнаружены захоронения как без следов могильного сооружения, так и в деревянных гробницах, подобных ямным. Основной их конструкции были столбы по углам, в центре, а в ряде случаев — и по середине сторон у углов входа (табл. 19, 3, 5). Срубы встречаются значительно реже и преимущественно в определенных могильниках (Макеевский). Стены ям в большинстве случаев облицовывали деревянными плахами, досками или вертикально поставленными более мелкими по сравнению с угловыми бревнами. Концы их крепили в канавках, прорытых по периметру dna могилы. Встречены два вида перекрытий: накат из бревен или плах в один ряд (табл. 19, 13) или в два крест-накрест (табл. 19, 1) и двускатные кровли (Бобринский А. А., 1905б, с. 14). В ряде случаев над склепами зафиксированы шатровые сооружения (табл. 19, 7) диаметром 16—28 м (Ковпаненко Г. Т., 1984). Такие же шатровые сооружения устраивали и над склепом, построенным на уровне древнего горизонта (Бокий Н. М., 1974). Дно оставалось материковым или покрывалось деревом, а иногда подмазывалось глиной. В кургане 447 у с. Журовки отмечены оштукатуренный потолок и узорчатый карниз у стен.

Простые ямы или небольшие с перекрытием, а иногда и с обкладкой стен деревом применялись при захоронениях рядового населения на протяжении всего скифского периода. Наиболее характерны они для таких могильников, как Чернолесский, Тенетин-

ковский, Старосельецкий, Куриловский, Грищенецкий.

В склепах и обширных грунтовых ямах с накатом хоронили представителей аристократии. Эти типы погребальных сооружений, восходящие к предскифскому периоду, известны вплоть до IV—III в. до н. э. (табл. 19, 13), однако наибольшее количество их приходится на VI — начало V в. до н. э. Площадь склепов VI—V вв. до н. э. достигает 30 кв. м. Могилы IV—III вв. до н. э. имеют более простое устройство, и размеры их не превышают 12 кв. м. Наиболее хорошо сохранившиеся деревянные склепы VI в. до н. э. раскопаны у сел Глеваха (Тереножкин А. И., 1954), Малая Офирня (Петровська Е. О., 1968), Матусов (табл. 19, 2; Ильинская В. А. и др., 1980), а V и IV вв. до н. э. — у сел Журовка и Бобрица (Бобринский А. А., 1901, 1905).

В IV в. до н. э. в пограничных со степью областях появляются захоронения в катакомбах степного типа (табл. 19, 12). Значительный процент катакомбных могил (до 30) в узкой контактной зоне скорее всего объясняется мирным проникновением степного населения в IV—III вв. до н. э. в южные районы лесостепи.

В погребальном обряде преобладают трупоположения. Обычно покойников клали на дно могилы на какую-нибудь подстилку. В курганах VI и V вв. до н. э. отмечены гробовища, подстилка из коры и поперечные доски.

На протяжении всего скифского периода сохраняется и обряд трупосожжения. Количество трупосожжений заметно возрастает к концу этого периода в Поросской группе, при этом сжигали на стороне, а прах ссыпали в кучку на дно могилы. Трупосожжения с сыпанием праха в урны единичны (Яблонька, курганы 1, 4). В VI в. до н. э. широко применялся обряд сожжения шатрового деревянного погребального сооружения, при котором находившийся в склепе погребенный иногда сгорал полностью, но чаще был немного обожжен или не затронут горением (Ковпаненко Г. Т., 1984). В отдельных могильниках сожженными оказывалось 50% могил со склепами (Гуляй-городский могильник). В V в. до н. э. этот обряд еще сохраняется в полной мере, но с IV в. до н. э. приобретает уже символический характер: над могилкой разводится небольшой костер. Культ огня играл весьма значительную роль в погребальном ритуале. Из числа различных его проявлений следует отметить также разведение огня в могиле до погребения, посыпку пола холодным углем, золой, присутствие в могилах красной краски.

Среди трупоположений преобладают вытянутые на спине, но в течение всего скифского периода сохраняется и скорченное положение покойных. Ориентировки как могил, так и погребенных разнообразны. Можно отметить только преобладание северной ориентировки на северной окраине лесостепи и западной — в Поросской группе, а также общее увеличение западной и восточной ориентировок в могилах IV—III вв. до н. э. В могилах достаточно большой процент парных погребений, а в VII—VI вв. до н. э. встречаются и коллективные захоронения. Определенный процент последних — захоронения зависимых лиц, о чем свидетельствуют их положение в ногах главного покойника и отсутствие инвентаря

(табл. 19, 9). Социальная значимость погребенного определялась как размерами погребального сооружения и высотой кургана, так и полнотой набора, количеством и оформлением отдельных категорий предметов. Состав инвентаря женских и мужских могил имеет существенные различия. Мужские погребения содержат предметы вооружения, конской узды (табл. 19, 4, 9, 10), женские — украшения, пряслица, зеркала, каменные переносные алтарики — блюда и плиты. Однако встречаются женские могилы с оружием и конской уздой. Обязательной принадлежностью мужских и женских погребений были непутственная пища в горшках и сосуды для еды, а также, особенно с V в. до н. э., куски туш животных с воткнутым в них железным ножом.

Хотя положение уздечек в могилы известно с VII в. до н. э., обряд захоронения верхового коня появляется здесь, как и в степном Северном Причерноморье, только с V в. до н. э. и широкого распространения не получает. Коней (от одного до трех) клали в могилы представителей воинской верхушки (табл. 19, 5). С IV в. до н. э. появляются отдельные конские могилы, вырытые рядом с погребением воина (курган 487 у с. Капитановки). Количество уздечек, положенных в одну могилу, обычно невелико — одна-две. Однако в могилах высшей аристократии их бывает значительно больше. Так, в Репяховатой Могиле VI в. до н. э. обнаружено 16 уздечек, в кургане 400 у с. Журовки V в. до н. э. — 12; в IV—III вв. до н. э. количество уздечек в могилах уменьшается и не превышает четырех. К IV в. до н. э. погребальная обрядность обедняется, уменьшаются размеры погребальных сооружений, сокращается количество инвентаря, сопровождающего погребенного. В то же время именно в IV в. до н. э. появляются захоронения представителей высшего сословия, наполненные золотыми украшениями, бронзовой и серебряной посудой, находящими ближайшими аналогиями в царских курганах степной Скифии (курганы у с. Рыжановка, у местечка Шпола). Греческий импорт не сокращается, а, напротив, несколько возрастает в IV—III вв. до н. э., свидетельствуя о стабильности экономики Правобережья.

Формы вооружения и конской упряжи, золотые личные украшения, зеркала, нашивные бляшки, применявшиеся населением Правобережья, — общескифские. Своеобразие инвентаря более всего проявляется в керамике и рядовых украшениях. Судя по неогрabenным погребениям в могилу ставили набор сосудов, состоящий из горшка, миски и черпака, кубка или кружки в различных числовых соотношениях. Присутствуют три основные категории посуды: кухонная, тарная и столовая. Они встречаются как в культурных слоях поселений, так и в могилах. Различие состоит в соотношении категорий: на поселениях преобладает кухонная, а в погребениях — столовая посуда.

Истоки основных форм кухонной посуды восходят к керамике чернолесской культуры, где, кроме наиболее распространенного тюльпановидного горшка, встречаются как баночные, так и формы с отогнутым наружу венчиком, дуговидной шейкой и широким корпусом (Тереножкин А. И., 1961, с. 61—63, рис. 36, 37, 44). В жаботинский период увеличивается количество горшков баночной формы, которые

становятся преобладающими в раннескифское время (табл. 20, 17); обе формы спорадически встречаются до IV в. до н. э. (табл. 20, 36). Изменяется и орнаментация. Во второй половине VII в. до н. э. горшки украшаются нелепым валиком, расчлененным пальцевыми защипами по тулову и наколами под венчиком (табл. 20, 15). В VI в. до н. э. ведущим типом становится сосуд баночной формы с валиком под венчиком в сочетании с проколами и наколами, сделанными изнутри круглой палочкой (табл. 20, 17, 19). К V в. до н. э. сосуды баночной формы почти выходят из употребления. В V и IV—III вв. до н. э. большинство кухонной посуды имеет вид горшка с отогнутым наружу венчиком, суженным горлом, покатыми плечиками и яйцевидным туловом. Орнамент в виде пальцевых защипов или вдавлений наносился по краю отогнутого венчика, а иногда и по горлу (табл. 20, 28). Этот тип сосудов, плохо прослеживаемый в керамике VI в. до н. э., скорее всего связан с группой горшкообразной посуды чернолесского периода (Тереножкин А. И., 1961, с. 62 сл.).

В качестве тарной керамики употребляли главным образом корчаги, форма которых также восходит к чернолесской посуде. В VI в. до н. э. наибольшее распространение получают хорошо лощеные корчаги типа вилланова (табл. 20, 16). Наряду с ними употреблялись и более мелкие корчаги разных форм (табл. 20, 14). В V в. до н. э. корчаги изредка еще сохраняют сосковидные выступы и лощеную поверхность, однако качество лощения их ухудшается и четкость формы утрачивается (табл. 20, 38). В IV в. до н. э. они выходят из употребления.

Столовая посуда, как и тарная, изготавливалась из хорошо промешанной глины без видимых примесей. Поверхность ее обычно покрывали особым составом и лощили, в результате чего она становилась однотонной, чаще всего черной и блестящей.

К столовой посуде относятся черпаки, кубки, миски, кружки и другие мелкие сосуды редких форм. Наиболее часто встречающимся видом лощеной посуды в архаический период были черпаки (Ильинская В. А., 1975, с. 116; Ковпаненко Г. Т., 1981, с. 80). Выявляя эволюцию черпаков на протяжении VII — первой половины VI в. до н. э., В. А. Ильинская писала: «...от глубоких черпаков с густо и разнообразно заполненными поясами к более широким черпакам с густо заполненным орнаментальным полем и от них к черпакам мелким с радикальной орнаментацией, позднейшие из которых отличаются легкостью и простотой рисунка» (1975, с. 123). В середине VI в. до н. э. орнаментированные черпаки выходят из употребления. Наряду с ними в VII — начале VI в. до н. э. бытуют неорнаментированные черпаки различных пропорций с высокими ручками (табл. 20, 2, 4), которые во второй половине VI в. до н. э. сменяются черпаками с грушевидной формой тулова (табл. 20, 5). В V в. до н. э. эта категория посуды не представлена, а в IV в. до н. э. на смену ей появляются кружки с петельчатыми ручками (табл. 20, 33). Г. Т. Ковпаненко выделила три группы черпаков раннескифского времени и внутри этих групп провела распределение по типам, определив их ареалы (1981, с. 80—86). Появление нестандартных форм двоячных черпаков и двуручных

(табл. 20, 6, 7) она связывает с влиянием западных культур — лужицкой и высоцкой.

Кубки — некрупные сосуды с отогнутым наружу венчиком, дуговидной или цилиндрической шейкой и округлым туловом, оканчивающимся плоским или округлым днищем с ямкой в центре. Они бывают с орнаментом на тулове и без него. Среди первых Г. Т. Ковпаненко (1981, с. 86) выделила кубки с высокой шейкой и округлым туловом (табл. 20, 8, 9). Система орнаментации кубков в общем аналогична орнаментации черпаков. Кубки без орнамента разделены Г. Т. Ковпаненко на четыре типа. Среди них больше всего с высокой выделенной шейкой и округлым корпусом, а также с прямым коротким горлом и биконическим туловом (табл. 20, 10—12).

В составе лощеной столовой посуды, бытовавшей весь скифский период, наиболее полно представлены миски. Большинство их имеет полусферическое или коническое тулово и загнутый внутрь или реже — прямо поставленный край. Дно мисок бывает плоским, округлым, с вмятиной посередине или же с невысоким поддоном, изредка полым. Хотя на протяжении всего скифского периода встречаются все формы мисок, для раннего времени можно отметить преобладание мисок с полусферическим туловом, с округлым или плоским дном (табл. 20, 23, 24), а для позднего — с коническим туловом на четко выделенном поддоне (табл. 20, 31, 32). Изменяется и орнаментация. Разного рода выступы по краю, каннелюры, резные узоры, заполненные белой пастой, полностью исчезают к V в. до н. э., до конца скифского периода продолжает употребляться только орнаментация в виде наколов с образованием горошин на наружной стороне (табл. 20, 44).

Появившиеся на жаботинском этапе под влиянием культуры Басараби миски с широко отогнутым наружу орнаментированным венчиком и вазообразные формы (табл. 20, 21, 22) на высокой полой ножке (Ильинская В. А., 1975, с. 138 сл.; Мелюкова А. И., 1979, с. 10 сл.) были в употреблении только до середины VI в. до н. э.

В керамическом комплексе V в. до н. э. выявляется ряд новых форм столовой посуды — кувшины (табл. 20, 26, 27), вазообразные сосудики на высокой ножке (табл. 20, 39, 40), мелкие сосудики разных форм (табл. 20, 35, 41—43), происхождение которых еще не вполне выяснено.

Ввоз греческой керамики засвидетельствован на Правобережье с конца VII в. до н. э. (Онайко Н. А., 1966). Однако массовое поступление греческих ваз, а также вина и масла в амфорах начинается только со второй половины VI в. до н. э. С V в. до н. э. отмечен ввоз серой гончарной керамики, возможно, из Фракии (Петренко В. Г., 1967, с. 12—13). Одновременно с керамической посудой поступали и бронзовые чаши, черпалки, кубки, ситутлы и ойнохон. Вероятно, массовое поступление античной керамики послужило одной из причин упадка местного производства столовой посуды. В это же время в аристократической среде под влиянием скифов распространяется мода на деревянную посуду, украшенную золотыми накладками с изображениями в зверином стиле (Рябова В. О., 1984, с. 31 сл.).

С начала скифского периода на Правобережье складывается своеобразный комплекс украшений,

связанный своим происхождением как с местными формами предскифского периода, так и с украшениями позднего бронзового века соседних европейских культур (Петренко В. Г., 1978).

В культуре Правобережья на протяжении всего скифского периода достаточно отчетливо прослеживаются различия между памятниками, тяготеющими к бассейну р. Тясмин, и теми, которые расположены в бассейне р. Рось*. Своеобразие этих групп объясняется их различным территориальным положением. Тясминская группа находится на границе со степью, поэтому в ней отчетливо проявилось скифское влияние. Здесь скрещивались торговые пути, шедшие от побережья Черного моря по Ингулу, Ингульцу, и Южному Бугу. Посредничество местной аристократии в торговле обусловило ее обогащение, что способствовало и установлению мирных контактов со скифами. В Тясминской группе мы находим наиболее богатые погребения, в курганах этого района сосредоточено особенно большое количество греческого импорта. А в предскифское и раннескифское время здесь наиболее отчетливо прослеживается фракийское влияние. Разнообразные контакты с соседними племенами, по-видимому, явились причиной нестроты погребального обряда, прослеживаемого в данной группе. В Поросской группе влияние соседних культур ощущается значительно меньше. Здесь наблюдается последовательное развитие местных форм погребального обряда и инвентаря. В погребальном ритуале более устойчиво сохраняется обряд трупосожжения, в инвентаре больше бытуют лощеные формы посуды, меньше греческого импорта. В то же время на северных окраинах группы, особенно в районе Киевщины, чувствуются большая близость с Побужской группой и влияние подгорцевской культуры, выразившееся в распространении сходных типов украшений и керамики.

Побужская группа. Археологические памятники Побужья изучены в значительной степени фрагментарно. Отсутствие здесь погребений VII—V вв. до н. э. препятствует окончательному решению вопроса о правомерности выделения памятников Побужья в качестве самостоятельной локальной группы (Граков Б. И., Мелюкова А. И., 1954; Археология УССР, 1971, с. 94—97) или включения их в Западно-подольскую группу (Смирнова Г. И., 1961, с. 103). Основой сложения культуры скифского периода в Побужье была, как и на Правобережье, чернолеская культура, что определило значительную близость соседних локальных групп.

Наиболее ранним памятником рассматриваемого нами периода является Немировское городище, возвышающееся на берегу р. Мирки (левый приток Южного Буга) в VII в. до н. э. Площадь его 110 га, высота валов достигает 8 м (табл. 18, 4). В центре на правом высоком берегу располагается акрополь площадью 12,5 га (Моруженко А. А., 1975, с. 66—70). Исследование городища было начато С. С. Гамченко, затем продолжено А. А. Спициным (1911) и М. И. Артамо-

* Выделение памятников Киевщины в отдельную группу (Ильинская В. А., Терепожкин А. И., 1983, с. 276 сл.) представляется неоправданным, так как никаких локальных особенностей, кроме сравнительно частых случаев северной ориентировки погребенных, здесь не прослеживается.

новым (1949 а, в). Остатки жизнедеятельности обнаружены только на акрополе. Здесь расположены фрагментарно сохранившиеся наземные жилища с каменными и глинобитными очагами и землянки. Землянки имели вид круглых помещений. Стенки их вертикальные, диаметр от 4,5 до 7 м, заглублены в грунт до 1,5 м. Шатровообразные крыши опирались на толстые деревянные столбы, прослеженные в центре жилищ, где располагались и глинобитные очаги. Между жилищами обнаружены многочисленные зерновые ямы колоколовидной формы с маленьким верхним отверстием. На дне одной из них найдены обугленные зерна пшеницы (Артамонов М. И., 1952). Немировское городище, являвшееся, по-видимому, племенным центром, было и крупным торговым местом, регулярно посещаемым греческими купцами (Граков Б. Н., 1959), что подтверждается также сравнительно большим количеством находок фрагментов родосско-ионийской расписной керамики VII—VI вв. до н. э. и аттической чернофигурной и чернолаковой VI в. до н. э. (Онайко Н. А., 1966).

Следующий хронологический этап (вторая половина VI—V вв. до н. э.) на Побужье характеризует Севериновское городище (Смирнова Г. И., 1961). Оно расположено на высоком берегу р. Ров (правый приток Южного Буга) и с напольной стороны защищено валом высотой до 5 м и рвом. Разведочное обследование городища выявило часть округлой землянки диаметром около 9 м, углубленной в землю на 1,5 м, с глинобитным очагом.

Поселений V в. до н. э. в бассейне Южного Буга не обнаружено. Скорее всего это объясняется слабой исследованностью района.

Среди поселений позднескифского периода известны два городища у сел Периорки и Якушинцы (Артамонов М. И., 1949в), раскапывалось же только селище Сорока, расположенное на правом берегу р. Соб в Ильинецком р-не (Хавлюк П. И., 1979, с. 34 сл.), которое существовало долго — в IV—III и III—II вв. до н. э. Многочисленные фрагменты амфор и обломки чернолаковой посуды, найденные на нем, датируются в основном IV—III вв. до н. э. По находкам отдельных вещей (гвоздевидные булавки, фрагмент серьги с грибовидной шляпкой) можно предполагать наличие здесь и более раннего слоя, VI—V вв. до н. э. Три жилых помещения, обнаруженные на поселении, были наземными со слабо заглубленным полом. Они имели каркасно-плетневую конструкцию стен, обмазанных глиной. Размеры жилищ 130—150 кв. м.

Погребальные памятники Побужья известны только для IV—III вв. до н. э. Исследовались как погребения рядового населения у сел Периорки и Мизяков (Артамонов М. И., 1947; Лобай Б. И., 1977), так и курганы знати у сел Ильинцы, Париевка, Новоселицы (Бранденбург Н. Е., 1908; Bydlowsky A., 1904).

Рядовое население хоронили под насыпями небольших курганов высотой до 1,5 м, диаметром до 13 м, на уровне древнего горизонта или в неглубоких могильных ямах, изредка со столбовыми конструкциями в них (табл. 19, 16, 16а). Захоронения обычно одиночные, но встречаются и парные. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север в сопровождении незначительного количества инвентаря, который состоит из керамики, булавок, бус и

других мелких украшений. Из оружия изредка встречаются наконечники копий и стрел.

Курганы аристократии достигали высоты 8,5 м, а погребальные сооружения в них в виде деревянных склепов на столбах с дубовой крышей имели площадь до 32—39 кв. м. Погребения, как правило, парные. Обоих, мужчину и женщину, укладывали вытянуто на спине, головой на запад. Погребенных обычно сопровождали одно-два конских захоронения с набором сбруи. В состав инвентаря мужских захоронений входил набор наступательного оружия, состоящий из меча, копий, дротиков, колчана со стрелами, а наиболее богатые имели еще и защитные доспехи. В грабительском ходе кургана у с. Ильинцы была найдена золотая обивка горита с изображениями сцен из жизни Ахилла, такая же, как в богатейших погребениях степной Скифии: Чертомлыке, Мелитопольском и кургане 8 Елизаветовского могильника на Дону.

Украшения в мужских погребениях редки. Женские погребения, напротив, сопровождалась предметами украшения одежды и головного убора (в богатейших погребениях золотыми), зеркалами и керамикой. Последняя в большинстве представлена чернолаковыми греческими сосудами и амфорами (Bydlowsky A., 1904).

Распространенные в Побужье погребальные сооружения и обряд находят ближайшие аналогии в правобережной днепровской лесостепи; особенно близки последней обряды рядового населения, среди которых наряду с труположениями известны случаи трупосожжения с захоронением праха в урне и возжигание костра над могилой (Периорки). Тезис о слабом влиянии скифской культуры и случайном характере торговых связей Побужья с античными колониями Северного Причерноморья (Смирнова Г. И., 1961, с. 103) следует пересмотреть. Скифское влияние практически не чувствуется в рядовых памятниках, но аристократия подверглась ему не менее, чем среднеднепровская.

Керамику Побужской группы довольно трудно разделить четко по хронологическим периодам, так как в подавляющем большинстве она известна нам из слоев поселений, которые имеют сравнительно широкие хронологические рамки. В целом эта керамика близка среднеднепровской правобережной. Отличают ее на раннем этапе прежде всего качество обработки поверхности (применение лощения кухонной посуды и прекрасное черное лощение столовой и тарной) и резкое преобладание рельефного орнамента при весьма слабом употреблении резного на всех формах столовой посуды (табл. 21, 19, 21—23, 26). Преимущественно данной локальной группе свойственна котлообразная форма посуды, орнаментированной валиками в ранней и неорнаментированная в группе VI—V вв. до н. э. (табл. 21, 34, 35); только здесь найдены баночные сосуды с двумя петельчатыми ручками под краем (табл. 21, 28). Среди мисок значительный процент составляют экземпляры с широким отогнутым наружу венчиком, украшенным рельефным орнаментом (табл. 21, 23). На позднем этапе при большой близости горшковидных форм и мисок (табл. 21, 37—39, 41—43) отсутствует ряд форм, встречающихся на Правобережье (кувшины, мелкие сосуды, мисочки на высоких ножках). В ос-

новном это те типы посуды, которые имеют соответствия в керамике Левобережья.

Сходная картина наблюдается и в украшениях. В ранний период в Побужье встречаются в основном те же формы серег, браслетов и булавок, что и на правобережье Среднего Приднепровья, за исключением отдельных локальных форм, например, звездчатых булавок с прогнутой в виде пастушеского посоха верхней частью. С IV в. до н. э. Побужье, как и все лесостепные группы, включается в единую область распространения украшений степного скифского типа.

Западноподольская группа охватывает памятники бассейна среднего течения Днестра. Впервые она была охарактеризована как самостоятельная группа Т. Сулимирским (Sulimirski T., 1936). Он полагал, что в западной Подолии существовали две культуры — скифов завоевателей и местного населения — носителей культуры голиградского типа. А. И. Мелюкова (1958) на основании комплексного исследования поселений и погребений установила единство культуры Западноподольской группы в скифское время, сложившейся в результате смешения существовавшей здесь в предскифское время культуры Гава—Голиграды и продвинувшейся с востока чернолесской культуры. Г. И. Смирнова (1980) видит три слагающих компонента в культуре западной Подолии: гава-голиградский, чернолесский и скифский при определяющей роли последних двух.

Разведочные работы на среднем Днестре выявили очень плотную заселенность данного района в раннем железном веке (Мелюкова А. И., 1958, с. 32; Гуцал А. Ф., 1979, с. 66). Однако раскопки производились лишь на нескольких памятниках.

Поселения раннего скифского времени конца VII—VI вв. до н. э. раскопаны у сел Залесье и Иванэ-Пустэ Барышевского р-на Тернопольской обл. (Ганина О. Д., 1965, 1984). Ко второй хронологической группе середины VI — начала V в. до н. э. (по А. И. Мелюковой) относятся селища у сел Селище, Долиняны, Оселивка Черновицкой обл. (Мелюкова А. И., 1953; Смирнова Г. И., 19786; Никитина Г. Ф., 1979). Поселения располагались на склонах у небольших речек и оврагов. Судя по наиболее исследованному поселению у с. Долиняны жилые помещения образовывали вместе с находящимися вокруг них хозяйственными постройками и надворными печами единые хозяйственно-бытовые комплексы, отделенные друг от друга незастроенными участками (Смирнова Г. И., 1981, с. 60). Открытые на поселениях жилища представлены: а) наземными или слабо заглубленными в грунт каркасно-глинобитными постройками овальной или прямоугольной формы площадью 10—25 кв. м с глинобитными печами и открытыми очагами (табл. 18, 15); б) округлыми землянками площадью 15—20 кв. м., очаги которых бываю вынесены за пределы помещения. В восточной части поселения у с. Иванэ-Пустэ находился зольник диаметром 36 м, высотой 3 м. Начатые на нем раскопки выявили погребшую в пожаре постройку с гончарной печью и обломки массивных жаровен диаметром 60—80 см, в тесто которых были замешены зерна злаков и семена бобовых культур. Большое количество зерен хлебных злаков, проса, ячменя, пшеницы оказалось и рядом с жаровнями.

Среди керамического материала поселений у сел Залесье и Иванэ-Пустэ выявлено значительное количество привозной посуды. Греческий импорт на поселениях у с. Залесье представлен фрагментами расписных хиосских и сероглиняных лесбосских амфор, а также полихромных родосских и навкратийских киликов, датирующихся VII и VII—VI вв. до н. э. К VI в. до н. э. относится греческая керамика с поселения у с. Иванэ-Пустэ (Ганина О. Д., 1984, с. 68, 74, 77). Среди прочего материала много пряслиц, катушек, фигурок животных. Вещевой комплекс поселений, помимо единичных предметов вооружения (стрелы) и копской узды общескифских типов, содержит отдельные украшения и многочисленные булавки.

Орудия труда представлены бронзовыми и железными шильями, железными пожами, резцами, фрагментом серпа. Особенностью западноподольских поселений является употребление вплоть до VI в. до н. э. кремневых орудий-проколов, скребков, вкладышей для серпов и сверл, а также широкое применение в быту костяных и роговых изделий. В то же время находки льячек, слитков и обрезков бронзы, а также железных шлаков говорят о существовании местного бронзолитейного и железоделательного производств.

Погребальные памятники скифского времени были раскопаны во многих местах западной Подолии: у сел Братишов, Новоселка-Гримайловская, Серватинцы, Городница, Бильче-Золотое, Качановка, Ладычин и др. (Sulimirski T., 1936), а также у сел Ленковцы, Перебыковцы, Долиняны (Мелюкова А. И., 1958; Смирнова Г. И., 19776—1979).

Захоронения обычно совершались под курганами, насыпанными из земли и камней. Бескурганые погребения в каменных ящиках, обнаруженные у с. Раковат (Sulimirski T., 1936, с. 81), являются исключением. Специфической особенностью Западноподольской группы является применение камня в устройстве насыпи и конструкции могил (каменные оградки вокруг могил, камнем обставлялись стены и выкладывался пол) (табл. 19, 14, 15). В остальном конструкции погребальных сооружений в форме деревянных склепов подобны среднечерновицким (Смирнова Г. И., 19776, с. 126).

В обряде погребения скифского периода устойчиво сохраняется биритуализм, при этом труположения и трупосожжения встречаются в одной могиле. Трупосожжения совершались как на месте погребения, при этом сжигалось погребальное сооружение, так и на стороне с сыпавшим очищенного от костра праха на дно могилы; урновые захоронения редки (Шидловцы, Новоселка-Гримайловская). Вытянутые погребения головой на запад единичны, обычно встречаются скорченные захоронения, в которых преобладает северная ориентировка с отклонениями к западу и востоку.

Большинство известных к настоящему времени погребений относятся к VI в. до н. э., и лишь некоторые могут датироваться началом V в. до н. э.; погребения более позднего периода неизвестны. Набор погребального инвентаря западноподольских могил очень близок среднечерновицкому как по составу (керамика, оружие, копская узда, украшения, зеркала, каменные блюда, ножи), так и по формам.

Местное своеобразие в инвентаре сказывается в значительно более широком распространении топоров и редкой встречаемости мечей в погребениях западноподольских воинов, а также в присутствии отдельных вещей, заимствованных из фракийской узды, и почти полном отсутствии блях, выполненных в зверином стиле. Как в погребениях, так и на поселениях западной Подолии в ранних комплексах постоянно присутствует серая гончарная керамика. Вопреки мнению Т. Сулимирского, причислившего ее к кругу кельтских древностей III—II вв. до н. э., новые исследования позволили отнести серую керамику к северофракийской гончарной посуде VI—V вв. до н. э. (Smirnova G., 1965). Лепная керамика обнаруживает наибольшее сходство с побужской и среднеднепровской правобережной (табл. 21, 1, 2, 4—8, 13—16). Но в отличие от последней здесь почти не встречаются кубки и черпаки, орнаментированные резными и штампующими узорами. Черпаки обычно имеют гладкую лощеную поверхность и высокую ручку с отростком (табл. 21, 11, 12, 17, 18). В орнаментации здесь, как и в Побужье, преобладают канцелюры и выпуклины (табл. 21, 2, 4, 10). Свообразие керамики западной Подолии объясняется исследователями наличием фракийской основы и влиянием соседних культур.

Специфическими для данной группы являются костяные и бронзовые булавки, завершающиеся стилизованными головками грифонов, и местный вариант бронзовых гвоздевидных булавок с очень маленькой шляпкой и прямым или раздутым в верхней части стержнем, иногда украшенным парезками. Окраинное положение и наличие фракийской подосновы обусловили более заметные связи Западноподольской группы с культурами средней и Южной Европы — лужицкой и фракийской.

Ворсклинская группа сформировалась на основе культуры правобережного населения, продвинувшегося в бассейн р. Ворсклы на чернолесском этапе (Рудинский М. Я., 1928, с. 48; Ковпапенко Г. Т., 1967, с. 173). Продвижение это было достаточно итпесивным и, возможно, неоднородным. В раннескифское время бассейны среднего и верхнего течения Ворсклы и ее притоков, рек Коломак, Мерла, Ворсклица и Боромля, заселены уже достаточно плотно; из 66 известных поселений скифского времени не менее 30 возникли в VII—VI вв. до н. э. (Ковпапенко Г. Т., 1967, с. 50). Первые городища строились в тот же период. Наиболее значительные раскопки проводились на селищах VII—VI вв. до н. э. у сел Мачуха (Рудинский М. Я., 1949; Ковпапенко Г. Т., 1970), Пожарная Балка (Ляпушкин И. И., 1961, с. 99—126; Андриенко В. П., 1981) и на городищах VI—V вв. до н. э. у с. Лихачевка (Моруженко А. А., 1984), V—IV вв. до н. э. у пос. Коломак (Радзиевська В. Е., 1982) и VII—III вв. до н. э. у с. Бельск (Городицов В. А., 1911; Шрамко Б. А., 1975а, б; 1983). Все 16 известных ныне ворсклинских городищ расположены по правым высоким берегам Ворсклы и ее притоков, в большинстве случаев на естественно защищенных местах. Склоны плато, на которых находились городища, дополнительно эскарпировались; мысовые городища, помимо вала и рва, ограждавших их с напольной стороны, имели иногда еще дополнительные укрепления, а в ряде случаев вся

площадь охватывалась валами, как и на городищах, располагавшихся на плато (Моруженко А. А., 1975).

Исследование оборонительных устройств некоторых городищ Поворсклья привело А. А. Моруженко к выводу о близости их конструкции с оборонительными сооружениями Правобережья и о значительности применяемой фортификационной системы, представляющей серьезное препятствие в случае нападения. Уязвимым местом оказывались деревянные стены (табл. 18, 10), следы сгорания которых послужили в свое время поводом для утверждения о преднамеренном обжигании валов (Фабрициус И. В., 1949, с. 85—88). Следы пожаров, датируемых в большинстве случаев концом VI в. до н. э., обнаружены в валах нескольких городищ Поворсклья (Моруженко А. А., 1975).

При общей близости к правобережным особенностью ворсклинских поселений является наличие на каждом от 10 до 25 зольников, а в единичных случаях — свыше 50 и большое количество следов жертвоприношений в культурном слое и особенно на зольниках. Открыты глинобитные поделенные площадки округлой формы со скелетами или черепами животных и глиняными сосудами на них, жертвенные ямы — также с костяками или черепами животных, а иногда и людей и отдельные скопления костей животных (череп, ноги, часть бока), сложенных кучкой. Исследователи отмечают, что зольники встречались и на территории могильников или вблизи них; известны находки зольников в курганах, где они связаны с основными погребениями. В урочище Осцяги возле курганного могильника раскопан зольник с уложенными по кругу черепами и рогами быков (Щегленко А. В., 1983, с. 117).

Среди поселений Поворсклья особое место принадлежит Бельскому городищу, расположенному в междуречье рек Сухая Грунь и Ворскла (табл. 18, 3), — самому большому городищу Восточной Европы скифского времени. Общая площадь его 4020,6 га, протяженность укреплений 25 200 м, при этом высота валов достигает местами 7,5—9 м, а глубина рвов 5,5 м. Это была мощная крепость, укрепленная рвами, валами и деревянными стенами, включавшая три городища: Западное (72 га), Восточное (65,2 га), Куземипское (15,4 га) и не менее девяти больших заселенных участков.

Западное городище, как все поселения ворсклинского типа, покрыто зольниками, их здесь 53. Раскопки выявили на нем культурный комплекс, аналогичный правобережному, начиная с раннежаботинского периода.

Восточное городище, возникшее не позже рубежа VII—VI — начала VI в. до н. э., имеет ряд черт, отличающих его от Западного: иная конструкция оборонительных сооружений, отсутствие зольников, различия в формах и размерах жилищ. Если для Западного городища были характерны большие квадратные землянки площадью около 50 кв. м, заглубленные в грунт на 0,6—1 м, то для Восточного — наземные деревянные постройки площадью около 40 кв. м; землянки же (табл. 18, 16) небольшого размера (9—20 кв. м) встречаются здесь очень редко. Но главное отличие составляет керамика. Если на Западном городище она полностью аналогична правобережной (табл. 22, 1—26), то керамика Восточного

городища (табл. 22, 27—54) более близка посуде Северодонецкой группы (Шрамко Б. А., 1983). Особенность двух городищ, входивших в одну оборонительную систему, побудили Б. А. Шрамко выдвинуть гипотезу о существовании на Бельском городище двух этнокультурных групп, характерных для всего Левобережья. Исходя из этого он определяет Бельское городище как центр племенного объединения Левобережья — области расселения будинов и гелонов (Шрамко Б. А., 1975а, с. 119 сл.; 1983, с. 90—92).

В результате многолетних раскопок на Бельском городище было выявлено и его значение как крупного торгового и ремесленного центра. Здесь открыты остатки различных мастерских и производств (табл. 18, 18, 18а, 20, 20а). Кроме того, обнаружено большое святилище с жертвенниками и огромным количеством глиняных вотивных скульптурок, связанных с земледельческим культом плодородия.

Учитывая все приведенные факты, а также значительное сосредоточение населения на городище, количество которого могло достигать 40—50 тыс. человек, и предполагая достаточно высокий уровень развития социальных отношений, Б. А. Шрамко (1984б) пришел к выводу, что Бельское городище являлось поселением городского типа. Это и был город Гелон в земле будинов, описанный Геродотом. В такой гипотезе, несомненно, есть и уязвимые места (Ильинская В. А., 1977), но на данном уровне наших знаний она кажется наиболее правомочной.

Впервые в полном объеме погребальные памятники Поворскля были изучены Г. Т. Ковпаненко (1967). Курганы составляют как небольшие группы, так и весьма обширные могильники, расположенные вблизи поселений. Около Бельского городища в урочищах Скоробор и Осняги насчитывалось около 1000 курганов (Шрамко Б. А., 1976, с. 409), в Мачухинском могильнике — 160 насыпей (Ковпаненко Г. Т., 1970, с. 146). Большинство курганов сооружено над одним погребением. Впускных погребений немного, они совершались как в курганах эпохи бронзы, так и скифского времени.

Погребальные сооружения в курганах Поворскля представлены грунтовыми ямами, ямами, перекрытыми накатником из дубовых плах или колод в один-два ряда или склепами различного вида внутри них, такими, как конструкции на 7—14 столбах или со стенами, облицованными деревом, и крышей. Изредка склепы имеют дромос, также облицованный деревом. В ряде курганов в могилах были зафиксированы срубы. Характерной особенностью ворсклинских погребений является покрытие пола лубом, закрепленным с помощью деревянных брусьев, опущенных в поперечные капавки (табл. 23, 1, 1а, 2, 2а).

Подавляющее большинство умерших хоронили по обряду труположения на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на юго-восток или юго-запад, реже встречаются другие ориентировки. В VI в. до н. э. были погребения и в скорченном положении, чаще так положены впускные погребения. Этот обычай доживает эпизодически до IV в. до н. э.

Трупосожжения редки. В кургане Опишлянка остатки трупосожжения ссыпаны в урну и поставлены на дно могилы, в кургане 5 у с. Лихачевки обнаружены остатки сожжения, вероятно, шатровой

конструкции на уровне древнего горизонта. В результате длительного горения оказалась прожженной насыпь кургана. В могилу клали одного покойника, но отмечены случаи парных погребений мужчины и женщины и изредка погребений подчиненных лиц, положенных в погах основного захоронения в скорченном положении.

Состав инвентаря в значительной степени зависел от социальной значимости погребенных. Богатейшие воинские погребения VI в. до н. э. в курганах Опишлянка и Виттова Могила сопровождались предметами вооружения, среди которых в первом погребении встретились горит и колчан — во втором, богато украшенные золотыми бляшками, выполненные в зверином стиле. В горите было 174, в колчане — 238 бронзовых наконечников стрел. Кроме того, в каждую могилу было положено до 10 уздечек. В рядовых могилах предметы вооружения и конской упряжки встречены в незначительном количестве в мужских погребениях. Изредка встречаются погребения женщин с оружием (курган 1 группы Г у хут. Настельного). Обязательной принадлежностью всех могил является глиняная посуда. В могилах VI в. до н. э. в наборе могло быть до пяти сосудов. С V в. до н. э. количество посуды уменьшается. В IV в. до н. э. лепная посуда в богатых погребениях заменяется привозной греческой черполоковой и амфорами, ее дополняют бронзовые котлы и чаши, а также деревянная посуда.

В целом Ворсклинская группа по устройству поселений и жилищ, формам погребальных сооружений, вещевому комплексу, несомненно, близка к Правобережной. Наиболее отчетливо эта близость проявляется в раннескифское время. С V и особенно в IV—III вв. до н. э. происходит значительная нивелировка культуры Поворскля и соседних левобережных групп, что особенно заметно в керамике.

Сейминская группа. Памятники этой группы, которые исследователи относят к скифообразной лесостепной культуре (Ляпушкин И. И., 1950; Иллінська В. А., 1953), представлены пока только городищами. Значительные раскопки были проведены на городищах Кузила гора (Алихова А. Е., 1962), Переверзево I, Нартово и Марица (Пузикова А. И., 1975, 1978, 1981). Исследователями определено, что заселение Посеймья племенами скифообразной культуры произошло в VI в. до н. э. В V в. до н. э. племена юхновской культуры начинают вытеснять это население и к IV в. до н. э. полностью занимают бассейн Сейма. На городищах данное событие в ряде случаев отмечено слоем пожаров.

Все городища небольшие, земляные валы их имеют внутри деревянные конструкции, с внутренней стороны перед валами обнаружены деревянные стены, с наружной — рвы (табл. 18, 8). Городища были плотно заселены. Так, на наиболее полно исследованном городище Марица обнаружено 26 жилищ. Все жилища наземные, заглубленные в грунт на 20—40 см, имели в среднем размеры 10—20 кв. м. Стены домов — каркасно-глинобитные. В центре (табл. 18, 11) находился очаг, основание которого иногда заглублялось на 20—45 см. Рядом с жилищами располагались открытые очаги и хозяйственные ямы, многие из них зерновые (Пузикова А. И., 1981).

Керамика состоит из грубых лепных сосудов,

главным образом горшковидной формы, орнаментированных по венчику защипами и насечками в сочетании с проколами и наколами под пим, нелощеных мисок, мисок-плошек и значительного количества миниатюрных сосудов (табл. 24, 58—69). Наибольшую близость керамический комплекс Посеймья обнаруживает с лепной посудой Северского Донца, отличаясь большей грубостью фактуры и некоторым примитивизмом форм; здесь полностью отсутствуют кувшины, сравнительно редки миски.

Культурный слой городищ достаточно насыщен находками, характеризующими земледельческо-скотоводческий быт населения, развитие таких производств, как прядение и ткачество, косторезное, бронзолитейное. Интересно отметить значительное количество ранних форм гвоздевидных булавок, найденных на поселениях.

Погребальный обряд населения Посеймья неизвестен. Отдельные курганы в междуречье Сулы и Сейма у сел Обмачев и Борзна и могильник у с. Долинское, описанные В. А. Ильиной (1953, с. 124) к памятникам Посеймья, судя по характеру инвентаря скорее всего следует считать памятниками Посульской группы.

Северодонецкая группа. Занимает бассейн верхнего течения Северского Донца с притоками Кды, Мжа, Гомольша, Берестовая в пределах лесостепной зоны. Район этот в древности был очень плотно заселен. Здесь известны 13 курганных могильников, 18 городищ и более 70 селищ скифского периода (Шрамко Б. А. и др., 1977, с. 30 сл.). Около городищ обычно располагаются одно или несколько селищ и курганный могильник. Каждый такой комплекс, по мнению Б. А. Шрамко (1962а, с. 189), принадлежал одной патриархально-родовой общине. Наиболее полно в настоящее время раскопаны городища у хут. Городище, г. Люботин, у сел Каравап, Циркуны, Большая Гомольша и селища у сел Островецкая, Шмаровка, Мерефа. Известны три типа городищ: 1) мысовые, 2) окруженные одним валом и 3) состоящие из основного двора и нескольких предградий. Многие городища имеют мощные культурные слои, свидетельствующие о длительности обитания на них, по есть и городища-убежища (Яковлевское, у с. Водяное). Наиболее крупное (площадью 26 га со сложной системой укреплений, тройной линией валов и рвов) находится в центре группы у хут. Городище (табл. 18, 6; Либеров П. Д., 1962). Большинство городищ существовало с начала VI по III в. до н. э., тем же временем датируются и погребения в расположенных рядом могильниках. Как и в бассейне Ворсклы, поселения Северского Донца характеризуются наличием на них зольников, являвшихся местами ритуального ссыпания золы и отходов из домашнего очага. На селище у с. Островецкая их оказалось 60, расположенных пятью группами. Жилища находились вблизи зольников. Формы жилых построек различные: встречаются землянки (Люботинское городище) и наземные постройки овальной и круглой форм площадью до 48 кв. м с каркасно-глинобитными стенами, опорой которым служили неглубоко врытые столбы. Очаги открытые, основание их иногда заглублено. Очагов обычно два, один в жилище и второй — недалеко от наружной стены. Крыша дома могла быть конической, так как в центре

помещения в ряде случаев имелась столбовая яма (селища Шелковая и у с. Островецкая). Особый интерес представляет открытое на городище у с. Каравап культовое сооружение с зольником, огражденное серповидным валом. В центре его располагались три ямы и овальный тарелкообразный глинобитный жертвенник, поверхность которого была докрасна обожжена и покрыта слоем чистой золы, возможно, от сгоревшей соломы. К нему вела вымощенная песчаником дорожка. В расположенном рядом зольнике и слое было найдено много антропоморфных и зооморфных фигурок, миниатюрных сосудов, глиняных лепешек с примесью в тесте зерен и соломы, а главное — множество моделей зерен различных культурных растений: пшеницы, ячменя, ржи, гороха, жута, чумы, проса. По мнению Б. А. Шрамко (1957), обнаруженный им земледельческий культовый комплекс был связан с культом огня и домашнего или родового очага. Значительное количество отходов ремесленного производства, специальная печь для цементации железа, обнаруженные на Люботинском городище (табл. 18, 21, 21а), говорят о том, что городища были крупными производственными центрами по изготовлению большинства железных и бронзовых предметов, употреблявшихся в быту местного населения (Шрамко Б. А., 1966). Обращают на себя внимание весьма ограниченные находки изделий из кости и особенно предметов конского снаряжения.

Основную массу находок на поселениях составляют фрагменты лепных горшков различного размера. Достаточно большой процент греческой, в основном амфорной, керамики (Либеров П. Д., 1962, с. 47) говорит об интенсивных связях с северопричерноморскими колониями, начало которых относится к первой половине VI в. до н. э. Кроме посуды, в слоях поселений встречено довольно много керамических изделий — пряслиц, грузил, лепешек, бус, вотивных фигурок и т. п.

Курганные могильники весьма различны по размерам: встречаются небольшие группы по 10—20 курганов (у с. Циркуны, поселков Печенеги, Коротич) и огромные могильники по 500—700 насыпей (у г. Люботин, с. Большая Гомольша), отдельные насыпи в которых достигают семи-восьмиметровой высоты (табл. 23, 14). В настоящее время раскопано около 50 курганов, главным образом в двух могильниках у с. Большая Гомольша и у г. Люботин (Шрамко Б. А., 1983). Ограбление подавляющего большинства погребений не позволяет проследить развитие форм погребального ритуала. Однако в настоящее время установлено, что в Северодонецкой группе бытовали различные типы погребальных сооружений. При рядовых захоронениях устраивались четырехугольные ямы, перекрытые бревенчатым накатником, в курганах знати — деревянные склепы разного типа с дромосами (табл. 23, 12—15а; Шрамко Б. А., 1983, с. 56—60). В большинстве могил обнаружены одиночные погребения, положенные вытянуто на спине головой на юг или юго-юго-запад, иногда на запад (табл. 23, 16); в ряде случаев прослежена посыпка дна углями, золой и мелом.

Инвентарь погребений из-за ограбления немногочислен. Оружие представлено общескифскими типами бронзовых и железных наконечников стрел до

24 штук в наборе, изредка мечами и копьями. Украшения и предметы туалета состоят из гвоздевидных серег, стеклянных бус, перстней, браслетов, зеркал и бронзовых булавок типов, широко распространенных во всех лесостепных погребениях. Немногочисленная керамика из погребений обычно повторяет формы сосудов, найденных на поселениях, но в кургане 10 у Люботина оказались слабоощенная корчага (табл. 22, 58) и фрагмент сосуда с резным орнаментом. Такая керамика на поселениях Северского Донца неизвестна.

В керамическом комплексе представлены горшки с цилиндрическим, коническим или дуговидно изогнутым горлом, слабо отогнутым венчиком, яйцевидным туловом и небольшим поддоном. По краю венчика и под ним нанесен орнамент, состоящий из пальцевых зацепов и отпечатков пальца или косо вдавленной палочки; обычно он дополняется проколами или наколами под венчиком (табл. 22, 59, 60, 68). Орнаментация налепным валиком встречается крайне редко. Среди кухонной посуды известны также крупные сосуды с невыраженным горлом и широко раздутым туловом, служившие, по-видимому, для хранения зерна. С переработкой молока связаны многочисленные цецилки. Довольно большой процент керамики составляют миски, сделанные из хорошо промешанной глины, но обычно без лощения (табл. 22, 55). И, наконец, небольшую группу керамики представляют узкогорлые кувшины (табл. 22, 57, 65). К ним, по-видимому, относятся широкие ручки, украшенные в ряде случаев каннелюрами (табл. 22, 62). Эта форма керамики была характерна для всего Левобережья. Малых сосудов баночных и кубковидных форм на поселениях встречается немного (табл. 22, 56, 61, 63, 66).

Происхождение культуры скифского времени на Северском Донце, как и в Посулье, остается невыясненным окончательно. Попытка Б. А. Шрамко (1972) связать ее генезис с бопдарихинской культурой вызывает справедливые возражения (Ильинская В. А., 1977).

Посульская группа. Археологические раскопки курганов в Посулье и на Псле производились в основном в конце XIX — начале XX в. как археологами, так и местными помещиками. В. А. Ильинской (1968) удалось ввести в научный оборот только 120 из более чем 400 раскопанных курганов. В тех же районах, что и могильники, на Суле обнаружены восемь городищ и следы семи поселений скифского времени. Исследовалось только одно самое крупное городище у с. Басовка (Макаренко Н. Е., 1907; Ильинская В. А., 1965а) площадью 87 га, являвшееся, по-видимому, центром посульской племенной группировки. Оно состоит из трех мысовых городищ общей площадью 12 га, укрепленных по всему периметру, и обширного предградья протяженностью около 2 км, огражденного валом высотой до 3 м и рвом глубиной 2 м (табл. 18, 5). Раскопки на участке «Башта» показали, что возникновение жизни здесь относится к VI в. до н. э. Однако ранний слой небольшой. Басовское городище — памятник прежде всего V—III вв. до н. э. (Ильинская В. А., 1968, с. 186). Тем же временем датируется Кнышевское городище на р. Псел (Ильинская В. А., 1957б). Поселения архаического

времени как на Суле, так и на Псле пока не обнаружены.

С ранним слоем на Басовском городище связана землянка округлой формы диаметром около 9 м с небольшим очагом в центре (Ильинская В. А., 1952, с. 36). В последующие периоды жизни основным типом жилищ были квадратные в плане ориентированные по оси запад—восток наземные столбовые постройки с глинобитными полами площадью от 15 до 50 кв. м (табл. 18, 12). В некоторых из них отмечены внутренние перегородки из прутьев, обмазанных глиной. Печи имели глинобитный под и купольный свод на каркасной основе. Дома неоднократно перестраивались (Ильинская В. А., 1965а). Кроме того, обнаружены три круглых в плане помещения диаметром 3—4 м со слабо заглубленным полом, плетеными обмазанными глиной стенами и центральным столбом (табл. 18, 19). Отсутствие очагов в этих постройках ставит под сомнение использование их в качестве жилищ.

При раскопках найдено большое количество местной лепной керамики и вещи, обычные для всех земледельческо-скотоводческих культур лесостепи: шилья, проколки, серпы, зернотерки, терочки, глиняные пряслица. Интересной особенностью хозяйства жителей Басовского городища является относительно большой процент костных остатков диких животных, отражающий значительную роль охоты.

Несомненное своеобразие Посульской группе придают курганные могильники, сосредоточенные главным образом в двух местах бассейна р. Сулы: в районах городов Лубны и Ромны. У Ромен находятся наиболее обширные могильники (у сел Волковцы, Будки, Аксютинцы, Басовка, Герасимовка и др.), состоявшие некогда из 300—600 насыпей, среди которых было по одному-два грандиозных кургана высотой до 20 м и вокруг несколько 8—10-метровых. Курганы высотой до 20 м известны только среди царских скифских могил степи. Учитывая это обстоятельство, а также концентрацию на Посулье архаических могил (VI—V вв. до н. э.) и их насыщенность вещами воинского обихода при малочисленности архаических погребений в степи и неясности местоположения Герроса — архаического некрополя скифов, В. А. Ильинская обосновала выдвинутую Д. Я. Самоквасовым гипотезу о том, что скифский Геррос времени Геродота следует искать в Посулье, правда, не исключается и другая возможность — считать курганы Посулья воинскими дружинными некрополями земледельческо-скотоводческого населения левобережной лесостепи (Ильинская В. А., 1968).

Трудность разрешения этой проблемы дополняется тем, что курганы Посулья и Псла раскапывались выборочно, преимущественно самые крупные в группах. Это и определило в известной степени теорию о чисто воинском дружинном характере посульских могильников. Без объективного полевого изучения данного района на современном уровне вопрос об «историко-культурном феномене на северо-восточной окраине скифского мира» не может быть разрешен.

Итак, в Посулье, в противоположность другим группам мы имеем дело преимущественно с погребальным обрядом племенной верхушки. Все курганы

насыпаны из земли, по-видимому, не за один прием, так как в насыпи многих из них прослежены остатки тризн в виде углей, костей животных, фрагментов керамики. Совершение этого обряда производилось до полного создания кургана. Довольно часто тризна устраивалась и непосредственно на перекрытии могилы или на глинобитной площадке над ним, на которой разводился обширный костер; в остатках костров встречались сожженные кости животных.

Погребальные сооружения представлены тремя основными типами: 1) грунтовая яма, перекрытая бревенчатым накатом; 2) так называемые срубы в ямах, представляющие собой деревянную конструкцию с угловыми, а иногда и боковыми столбами, промежутки между которыми забраны горизонтально положенными бревнами или брусками (табл. 23, 3, 5), и 3) склепы также деревянной конструкции со столбами по углам, а иногда и посередине стен с канавкой по периметру дна, в которой укреплялась вертикальная обшивка стен. Склепы V—IV вв. до н. э., аналогичные по устройству, бывают выгнаны в насыпи более ранних курганов (табл. 23, 5а). В ряде могил отмечены уступы для спуска. Особенно сложно устройство могилы в кургане 2 урочища Стайкины Верх V в. до н. э. (табл. 23, 4).

Могильные ямы ориентированы по линии север—юг, а погребенные лежали вытянуто на спине, головой на юг, иные ориентировки встречены сравнительно редко. Для погребений у с. Поповка была характерна посыпка пола известью; в других могильниках она встречается реже, так же как угли, зола и красная краска; иногда дно могилы обмазывалось глиной и посыпалось известью и охрой.

Случаев трупосожжения в курганах VI в. до н. э. неизвестно, однако в могильнике у с. Поповка, большинство погребений которого относится к VI в. до н. э., почти над каждой могилой обнаружены следы огненного ритуала в виде кострища, разведенного на глиняной площадке над перекрытием; аналогичный обряд зафиксирован и в могильнике у с. Ярмолинцы. Начиная с V в. и в IV в. до н. э. применялся обряд сожжения погребального сооружения, при котором кости скелета оказывались обожженными.

Преобладающее большинство могил содержало захоронения мужчин-воинов, которые в 25% случаев сопровождались женскими захоронениями; одиночные женские погребения составляют примерно 10% от общего числа погребений, а один раз было открыто коллективное захоронение девяти человек в одной могиле (Махно Е. В., 1953).

Сопоставление погребального обряда Посулья и других групп лесостепи не приводит нас к выводу о его своеобразии, как это представлялось В. А. Ильинской. Сходные с посульскими деревянными погребальными сооружениями неоднократно встречены на Правобережье и в Поворсклье.

Богатые воинские погребения Посулья обычно содержат полный набор вооружения (табл. 23, 5), включающий меч, топор, колчан со стрелами, копья. У стены складывалось защитное вооружение и запасное оружие. Справа от погребенного у восточной стены клали конские уздечки в количестве от двух-трех до 20 в одной могиле и наверху. Украшения личного убора встречаются в мужских погребениях

только с V в. до н. э. Это гривны, части парадного головного убора, пронизи.

Женские погребения сопровождаются украшениями, бронзовыми зеркалами, каменными жертвенниками. Пагубную пищу клали в могилы как в виде части туши животного с железным ножом, так и в сосудах.

Керамика из погребений Посулья, хранящаяся в музеях, к сожалению, в значительной части депортирована. Однако сохранившие паспорта сосуды из погребений VI в. до н. э. очень важны, так как на поселениях столь ранняя посуда плохо известна. В. А. Ильинская пришла к выводу, что все типы керамики Посулья остаются неизменными с VI в. до н. э. до конца скифского периода, составляя своеобразный комплекс, восходящий к посуде позднесрубной культуры Северного Причерноморья. Исключение в этом комплексе, по мнению В. А. Ильинской, составляют лишь семь-восемь сосудов, близких к правобережным (Іллінська В. А., 1957а, в). Однако такой вывод не соответствует действительности. Если мы обратимся к комплексам посуды из курганов VI—V вв. до н. э., то увидим, что правобережные формы в них занимают значительный процент: из 39 сосудов из курганов VI в. до н. э. 11 составляют миски (табл. 24, 15, 16), корчаги (табл. 24, 6), чарки (табл. 24, 1—3) правобережных форм, а четыре представлены формами, подражающими правобережным. Среди остальных сосудов многие хотя и не характерны для Правобережья, но встречаются здесь (табл. 24, 4, 12, 17, 33—35 и др.). Кроме того, среди депортированных сосудов из курганов у сел Поповка и Аксютинцы имеются большие чернолощеные корчаги с выступами-упорами на тулове (табл. 24, 5) и чернолощеные миски, а из района г. Ромны происходит типичный для Правобережья черпак с резным и штампованным орнаментом. Ряд корчаговидных форм, мисок и сосудов типа кубков и биконических горшков, покрытых коричневым, серым и черным лощением, происходит из различных мест Посулья. Особенностью посульских погребений является положение в могилы большого количества мелких сосудов, возможно, чисто ритуального назначения.

Основная масса посуды из городищ, большая часть слоя которых датируется V—III вв. до н. э., представлена фрагментами и целыми формами горшков с высоким дном, округлым туловищем, невысокой шейкой и дуговидно отогнутым венчиком, край которого орнаментирован пальцевыми вдавлениями или насечками и сквозными проколами под ним (табл. 24, 20, 22). Эта категория керамики наиболее близка северодонецкой и сейминской. Столовую посуду Посулья, состоящую из мисок с прямым или отогнутым внутрь краем и узкогорлых кувшинов с ленточными ручками, украшенными продольными желобками, отличает тщательность обработки поверхности, которая покрывалась лощением (табл. 24, 18, 20). Реже встречаются горшочки с носиком-сливом, кружки, вазочки и миниатюрные сосудики. Небольшое количество фрагментов горшков с наклепным валиком и чернолощеные черпаки, найденные при раскопках Басовского городища, свидетельствуют о близости посуды раннего слоя с правобережной керамикой.

Не вполне верен и вывод В. А. Ильинской о не-

значительном месте украшений правобережно-ворсклинских типов (гвоздевидные серьги и булавки) в архаических комплексах Левобережья. Этих украшений на Посулье мало, но мало и женских могил. В тех же случаях, когда украшения имеются, они представлены в VI в. до н. э. исключительно правобережными формами (Герасимовка, Сурмачевка, Ярмолинцы и др.), как и в Северодонецкой группе и на Сейме. Таким образом, основные элементы культуры: характер поселений и жилищ, погребальные сооружения и обряд, керамика и формы украшений Посулья — находят целый ряд параллелей на Правобережье. Это не снимает вопроса о локальном своеобразии Посулья и других левобережных групп, но невозможно не отметить, что близость этих групп к правобережным наиболее отчетливо проявляется в VI в. до н. э. Особенности же каждой из групп более выразительно выступают в следующем, V в. до н. э. В то время в Посулье складывается действительно своеобразный комплекс керамики (табл. 24, 18—22, 26—29) и украшений (крупные гвоздевидные булавки и рубчатые браслеты, серьги в виде опрокинутого конуса и т. п.; Ильинская В. А., 1968, с. 171).

Своеобразие Посулья проявляется в широком употреблении кости для изготовления деталей конской узды и в разработке образов звериного стиля, украшающих преимущественно оружие и узду. Уже с VI в. до н. э. наблюдаются некоторые особенности в трактовке отдельных образов, отличающие их от найденных в других местах. В середине V в. до н. э. происходит оформление локальных вариантов скифского звериного стиля (в лесостепи это Правобережный, Левобережный и Среднедонской), причем искусство Левобережья этого периода, представленное в основном материалами из Посулья, характеризуется большой художественной замкнутостью и самобытностью (Шкурко А. И., 1976, с. 90 сл.).

Среднедонская группа памятников охватывает бассейн среднего Дона в его правобережной части, включающей бассейн р. Тихая Сосна, а в левобережной — междуречье Дона и Воронежа в его нижнем течении. Памятники по левому притоку Дона, р. Битюгу, плохо исследованы, но те, которые известны, позволяют предполагать наличие здесь населения с иной системой хозяйства (Либеров П. Д., 1965, с. 6, 7).

В настоящее время на указанной территории изучены два крупных могильника — Мاستюгинский и Частые курганы (Либеров П. Д., 1960а, 1961, 1965, где имеется полная сводка данных о раскопках и публикациях разного времени). Несколько курганов исследовано у сел Русская Тростянка и Дуровка (Пузикова А. И., 1962, 1966).

Кроме курганов, известны 18 городищ и около 20 селищ, из которых раскапывалось около 10. Городища сосредоточены в междуречье Дона и Тихой Сосны. Из 22 поселений этого района 18 составляют городища. Совершенно иная картина прослежена в междуречье Дона и Воронежа, где на 17 поселений приходится только одно городище (у с. Дальняя Чижовка). Преобладают мысовые городища небольшого размера площадью 1,5—8 га (табл. 18, 2), наиболее крупные достигают 15 га. С напольной стороны они ограждаются одним или двумя-тремя рядами валов и рвов. Ограждения по всему периметру встречаются

редко (Волошино I—II, Стрелецкое). Валы относительно небольшого размера, земляные, но в ряде случаев в основании вала встречаются остатки деревянных конструкций (Большое Сторожевое, Русская Тростянка). Жилища наземные (табл. 18, 13) и полуземлянки с каркасно-глинобитными и столбовыми конструкциями стен. Среди тех и других есть как небольшие по размерам (10—13 кв. м), так и крупные постройки размером до 170 кв. м с несколькими очагами (Архангельское городище). Кроме того, встречаются каркасно-глинобитные наземные длинные дома с углубленной центральной частью, в которой находятся три-четыре очага (поселение Титчиха I). Эта форма постройки не имеет аналогий среди лесостепных памятников скифского времени, а восходит к позднебронзовому периоду Подонья (Москаленко А. Н., Пряхин А. Д., 1969). Все обнаруженные очаги оказались открытого типа с глинобитным подом, иногда на каменном основании; основание очага или несколько возвышалось над полом или, напротив, было заглублено на 10—40 см. Находки на поселениях представлены главным образом глиняной посудой местного производства, импортная керамика немногочисленна. Встречены, кроме того, наконечники стрел IV—III вв. до н. э., фрагменты меча, пращевые камни, ворворки, бляха от конской узды, многочисленные бусы, подвески, перстни, бронзовое зеркало IV—III вв. до н. э., гемма III в. до н. э., железные ножи, топоры, шилья, проколки.

Знакомство населения с бронзолитейным и железоделательным производствами отражают находки бронзовых и железных шлаков, бракованных железных изделий, глиняные льячки, а многочисленные пряслица различных форм, иглы, проколки, кочедыки, отпечатки тканей свидетельствуют о развитии ткачества.

Культовые предметы на городищах представлены глиняными фигурками животных, каменной антропоморфной статуэткой и жертвенными «блюдами» диаметром около 100 см. Вблизи них найдены человеческие черепа, которые А. И. Пузикова (1969а, с. 79) связывает с человеческими жертвоприношениями.

Для погребального обряда Подонья (Либеров П. Д., 1965; Пузикова А. И., 1971) характерны захоронения под насыпями земляных курганов. Курганы располагались группами по 40—50 насыпей на возвышенных местах в 2—8 км от поселений. Большинство погребений основных, но известны и впускные в курганы эпохи бронзы. Погребения в насыпи и на уровне погребенной почвы сравнительно немногочисленны, но встречаются до IV—III вв. до н. э., в то же время на уровне погребенной почвы сооружаются и деревянные столбовые гробницы (табл. 23, 11) с шатровым перекрытием и изредка срубь.

Преобладающей формой могилы с рубежа VI—V вв. до н. э. является прямоугольная грунтовая яма, ориентированная северо-восток—юго-запад и северо-запад—юго-восток (Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка) и север—юг (Частые курганы), в которую иногда ведут спуски — дромосы (Мастюгино, Дуровка). Встречаются ямы, перекрытые деревянным накатом, стены которых в ряде случаев облицованы досками, и наряду с ними — сложные

деревянные конструкции на 4—17 столбах (табл. 23, 7, 7а, 8, 8а). Последние характерны для богатых погребений местной знати.

Преобладает обряд труположения. Погребенные кладутся вытянуто на спине, головой на северо-восток и юго-запад, остальные ориентировки встречаются значительно реже. Отмечены в основном одиночные погребения, но примерно в 35% случаев встречаются парные, а изредка и коллективные. Ложке покойника часто бывает выделено с помощью растительных подстилок, глиняных подмазок или деревянных помостов, иногда с деревянным ограждением в виде гроба. Каких-либо заметных изменений в обряде на протяжении VI—III вв. до н. э. не наблюдается.

В 10% случаев отмечен обряд трупосожжения (Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка), при котором сжигалось все погребальное сооружение, а остатки кострища иногда сбрасывались в яму (табл. 23, 9, 10). Погребения с трупосожжениями встречены лишь в курганах IV в. до н. э., однако исследователи считают, что они органично входят в культурный комплекс Подонья (Бапилов В. А., 1963).

Погребенных сопровождали папутственная мясная пища, в которой преобладали части туш лошади и крупного рогатого скота, и разнообразный инвентарь, включающий предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, посуду и орудия труда. В погребениях обнаружены довольно много золотых и серебряных оковок деревянных сосудов и металлическая посуда — бронзовые котлы, чаши, гидрия, серебряные ритоны и кубки. Особенностью среднедонских погребений является наличие в инвентаре разнообразных орудий труда. Украшения в отличие от других лесостепных групп, как вооружение и конская узда, имеют общескифские формы, булавки практически не встречаются. Свообразие вооружения здесь проявляется в значительном проценте железных накопечников стрел в колчаных наборах, широком употреблении дротиков и наличии большой группы крючков с зооморфными изображениями, употреблявшимися для застегивания пояса, ремней портупей, одежды, подвешивания оружия (Гуляев В. И., 1969). Следует отметить, что в погребениях из местной посуды ставили преимущественно кувшины (табл. 24, 39) и чашевидные сосуды с проколами (табл. 24, 54—57), из привозной — амфоры.

Кухонная керамика среднего Дона представлена в основном горшками, которые по форме тулова и отогнутости венчика делятся на пять типов. Керамика рубежа VI—V вв. до н. э. украшена налепным валиком с защипами или насечками, в следующий период преобладает орнаментация пальцевым или ногтевыми вдавлениями по краю; сквозные проколы, характерные для украшения посуды левобережной лесостепи, встречаются очень редко (табл. 24, 43, 44, 45, 47). Среди столовой посуды наиболее часты миски, в большинстве случаев покрытые лощением и лишённые орнаментации (табл. 24, 48, 50). Наряду с ними известны чашки-плошки (табл. 24, 50, 52). Характерной особенностью посуды среднедонского комплекса являются кувшины. Среди них преобладают узкогорлые, одноручные, покрытые светлым лощением, но встречаются и двуручные,

и без ручек (табл. 24, 39, 40). Орнаментировались на кувшинах только ручки. Особой разновидностью кувшинов являются вазообразные сосуды, украшенные налепными орнаментами (табл. 24, 38).

Только для данной группы памятников характерны некрупные чашечки на выделенных поддонах разной высоты, орнаментированные рельефными полосами и снабженные сквозными отверстиями на противоположных сторонах венчика, вероятно, для подвешивания (табл. 24, 53—55). На основе этой формы здесь возникают в III в. до н. э. подражания античным канфарам (табл. 24, 56, 57).

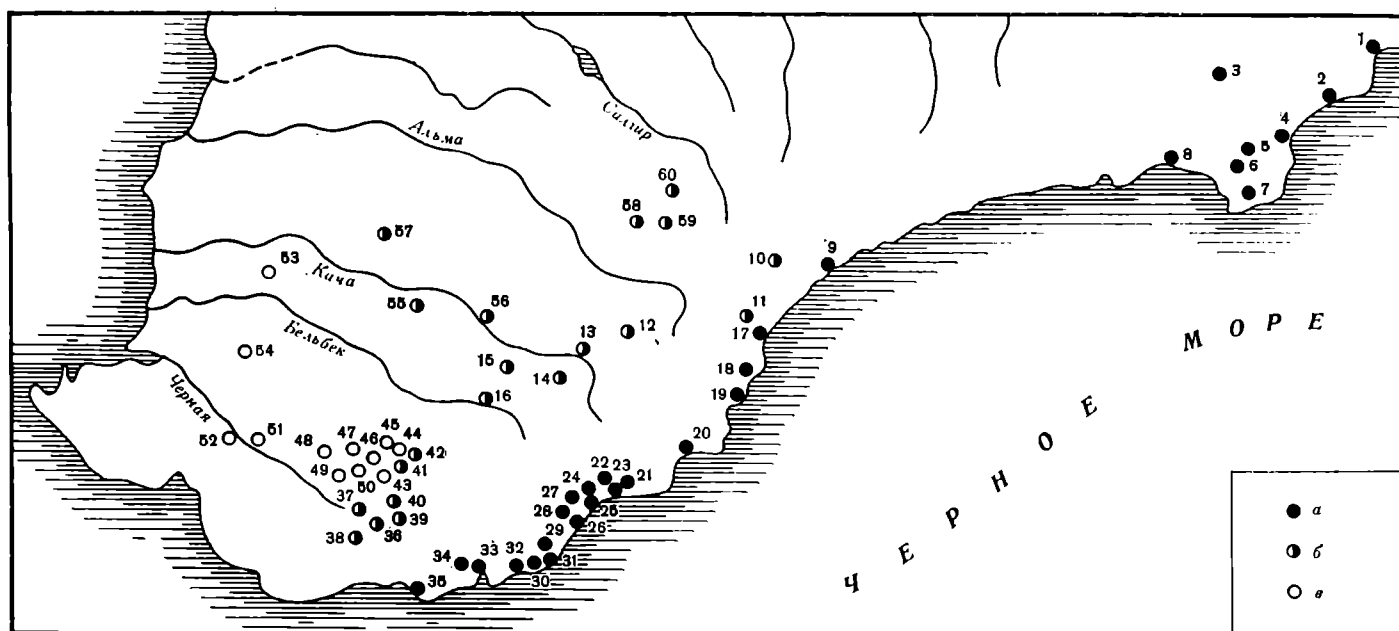
Положение Среднедонской группы обусловило тесные контакты ее населения с савроматами, племенами ананьинской и городецкой культур, что, в частности, отразилось на появлении отдельных форм ананьинских украшений, орнаментации керамики мотивами, свойственными савроматам, формировании своеобразного искусства звериного стиля (Шкурко А. И., 1976, с. 99—100).

Вопрос о происхождении населения, которому принадлежат памятники среднего Дона, остается пока открытым. П. Д. Либеров (1965) выдвигал гипотезу о местном происхождении культуры раннего железного века. Однако, не говоря уже о памятниках эпохи бронзы, даже немногочисленные комплексы VIII—VII вв. до н. э., открытые на территории среднего Дона, не могут быть связаны непрерывной линией развития с культурой, которую мы знаем здесь только с рубежа VI—V вв. до н. э. В. А. Ильинская считала, что происхождение носителей Среднедонской группы памятников объясняется миграцией скифского племени гелонов с нижнего Дона (1977, с. 90—92). Однако на известных сейчас материалах обосновать и эту гипотезу трудно.

Культура тавров

Вопрос о происхождении названия «тавры» остается пока не вполне ясным. М. И. Ростовцев считал, что это грецизация местного названия племени по принципу народной этимологии (созвучное греческому слову ταυρί — «быки»). В последнее время и топонимисты, и историки убедительно доказывают, что этноним «тавры», вероятнее всего, происходит от одноименного названия горной гряды. По Малоазийскому тавру античные авторы называли и другие горные хребты от Кавказа до Пиренеев, что в свою очередь позволяет предположить перенесение этого термина на прибрежную горную часть Крыма, названную Таврикой. Следовательно, не тавры дали название местности, а, наоборот, народ был назван по местности (Соломоник Е. И., 1976, с. 50).

Геродот так описывает юго-западное побережье Крымского полуострова, заселенное таврами до «Херсонеса Скалистого»: «От Истра уже начинается собственная (старая) Скифия, обращенная к полудню и к ветру ноту до города, называемого Керкинитидю; отсюда страну, прилегающую к этому же морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров до так называемого Скалистого полуострова; этот последний выступает в море, омывающее его с востока» (Геродот, IV, 99). Несмотря на столь четко указанные Геродотом границы обитания тавров, в

Карта 9. Таврские могильники VI—V вв. до н. э.

a — Южнобережная группа; *b* — Южнобайдарская; *v* — Северобайдарская группа

1, 2 — Планерское (бывш. Коктебель); 3 — Щebetовка (бывш. Отуз); 4 — Лагерное (бывш. Козы); 5—7 — Богатовка (бывш. Токлук); 8 — Судак; 9, 10, 17—19 — Алушта; 11 — Изобильное (бывш. Корбек); 12 — Шелковичное (бывш. Коуш); 13 — Лесниково (бывш. Стила); 14 — Счастлиное (бывш. Биюк); 15 — Зеленое (бывш. Татар-Осман); 16 — Соколиное (бывш. Кокозы); 20 — Гурзуф; 21—26 — Илта; 27, 28 — Чехово (бывш. Аутка); 29—31 — Гаспра; 32 — Кореиз; 33 — Симеиз; 34 — Голубой Залив (бывш. Лимены); 35 — Оползневое (бывш. Кексепиз); 36 — Подгорное (бывш. Календо); 37 — Орлиное (бывш. Байдары); 38 — Павловка (бывш. Сахтик); 39 — Родниковое (бывш. Скеля); 40 — Россопанка (бывш. Саватка); 41, 42 — Новобобровское (бывш. Бага); 43—48 — Передовое (бывш. Уркуста); 49, 50 — Широкое (бывш. Биюк-Мускомья); 51 — Чернореченское (бывш. Чоргунь); 52 — Хмельницкое; 53 — Крепкое (бывш. Черкес-Кермен); 54 — Верхпесадовое (бывш. Дуваикой); 55 — Тургеневка (бывш. Тиберти); 56 — Баштаповка (бывш. Пычки); 57 — Бахчисарай; 58 — Мраморное (бывш. Биюк-Янкой); 59 — Краснолесье (бывш. Тавель); 60 — Заречье (бывш. Шумхай)

настоящее время нет единой точки зрения на их территорию. Основные противоречия проявляются в том, как тот или иной исследователь определяет таврскую и кизил-кобинскую культуры. Последнюю, о чем мы говорили выше, некоторые ученые рассматривают как наиболее ранний этап таврской культуры и в связи с этим определяют северную границу расселения тавров предгорной частью Крыма.

В настоящем очерке тавры рассматриваются в качестве обитателей собственно горной и прибрежной части юго-западного Крыма, соответственно свидетельству Геродота (Крис Х. И., 1981, с. 34—42). Эта часть полуострова и по рельефу, и по природным условиям резко отличается от степи и предгорий; она была мало пригодна для обитания. Не случайно здесь нет ни стоянок каменного века, ни поселений эпохи бронзы, известных на остальной части Крыма. Тем не менее именно в прибрежной и горной частях юго-западного Крыма найдены многочисленные могильники из монументальных каменных гробниц,

которые с конца XVIII в. привлекали внимание путешественников П. С. Палласа и Дюбуа де Монпере, сравнивавших их с дольменами Кавказа и Бретани.

Исследование этих памятников во второй половине XIX в. носило эпизодический характер (Уваров, Кеншен, Чекалев, Филимонов), систематические же раскопки были начаты в 1906 г. П. И. Репниковым (1909, 1910, 1927, 1935), продолжены А. С. Семеновым-Зусером (1931, 1940) в 30-х годах. Так был получен основной, наиболее значительный и хорошо документированный материал. В послевоенные годы проведены фиксация сохранившихся могильников и раскопки на некоторых из них. Прежде всего поражает при таком обилии могильников (более 50) полное отсутствие поселений. По свидетельству Плиния, на побережье были порты тавров (Plin., IV, 86). Однако создание искусственного берега в наше время и строительство курортов изменили береговую линию, а строительство современных городов окончательно стерло с лица земли остатки таврских поселений на берегу (карта 9). Подтверждением свидетельства Плиния является расположение могильников на возвышенных плато выше береговой линии на 1,5—2 км у источников воды — основного места для поселений. Чаще всего могильники состоят из двух групп, в каждой более 50 гробниц. Расстояние между группами не превышает 400 м.

Крымские дольмены в отличие от кавказских опущены в землю и лишены отверстий в боковой стенке. Они состоят из четырех массивных вертикальных плит. В продольных плитах иногда имеются пазы для установки поперечных плит, концы продольных плит всегда выступают. Плиты покрытия особенно массивны, но толщине иногда превышают 0,5 м. Внутренние размеры каменных ящиков свидетельствуют о скорченном положении погребенных. Неоднократное использование гробниц и грабительские раскопки нарушили первоначальное положение погребенных. Но на основании остатков костяков устанавливается состав погребенных: каменные ящики представляли собой семейные гробницы, содержащие по нескольку захоронений. Антропологический

материал указывает на принадлежность погребенных к европеоидной расе с южпосредиземноморским уклоном (Крис Х. И., 1981, с. 55).

Конструктивные особенности, ориентировка гробниц и некоторые детали погребального обряда позволяют в горной части юго-западного Крыма выделить три территориальные группы могильников: южнобережную, южнобайдарскую и северобайдарскую (Крис Х. И., 1981, с. 34—43). В южнобережную группу входит более 20 могильников (между Судакком и Балаклавой). Гробницы расположены рядами, без оград, ориентированы в направлении запад—восток (табл. 25, 63). Паряду с труположением в некоторых гробницах этой группы наблюдаются следы трупосожжения и обряда очищения огнем и белым веществом.

В южнобайдарскую группу входят четыре могильника. Все они сильно разрушены; у большинства гробниц отсутствуют ограды. Аналогично южнобережной группе они расположены рядами. Исключение составляют четыре каменных ящика у деревни Скеля, особенностью которых являются примыкающие ограды (табл. 25, 62). В отличие от южнобережной ящики южнобайдарской группы ориентированы север—юг. В них отсутствуют следы трупосожжения.

Среди могильников южнобайдарской группы наибольший интерес представляет комплекс из семи каменных ящиков в урочище Мал-Муза (из них только один ограблен; табл. 25, 64). Несмотря на их многократное использование, они оказались не потревоженными грабителями и поэтому важны для выяснения особенностей обряда и вопроса о дате каменных ящиков горного Крыма; из них происходит самое значительное количество могильного инвентаря: предметы вооружения и конской узда, украшения. Керамика, как и в южнобережной группе, отсутствует, исключение составляет каменный ящик 6 из Мал-Муза, в котором найдены три сосуда (табл. 25, 18—20).

В северобайдарскую группу входят тоже четыре могильника. Каменные ящики расположены рядами или грядами; каждый ящик заключен в квадратную или прямоугольную оградку из необработанных камней, что составляет специфику этой группы могильников. Гряды ориентированы в направлении северо-запад—юго-восток, ящики — северо-восток—юго-запад (табл. 25, 65), в некоторых случаях устанавливалось положение погребенных головой на северо-восток. В отличие от южнобайдарских и аналогично южнобережным в северобайдарских могильниках встречены следы трупосожжения.

Различия в конструктивных особенностях гробниц и деталях обряда трех указанных групп могильников горного и прибрежного Крыма проявились значительно четче, чем различия в погребальном инвентаре, вероятнее всего, из-за разграбления гробниц кладоискателями. Категории находок одинаковы для всех трех групп: они представлены предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями (Крис Х. И., 1981, с. 44—51). Довольно редки находки кинжалов. Кинжалы скифского типа с антенным навершием и почковидным перекрестьем относятся к VI — первой половине V в. до н. э. (табл. 25, 1, 2). К этому же времени принадлежит большинство наконечников стрел (табл. 25, 7—17). Исключение

составляют лишь два железных листовидных наконечника, найденные в южнобережной группе могильников, которые относятся к VII в. до н. э. (табл. 25, 6). Отсутствие столь ранних находок в южнобайдарской и северобайдарской группах, возможно, позволяет говорить о постепенном освоении этих районов прибрежными племенами.

Предметы конского снаряжения — железные удила и псалии — являются довольно редкой находкой; они известны во всех группах могильников и синхронны основной массе предметов вооружения (табл. 25, 3—5).

Наиболее многочисленны украшения, значительное число которых происходит из неразграбленных ящиков Мал-Муза, хотя многократное их использование для повторных захоронений не позволяет определить комплекс находок каждого погребения (в одном из ящиков Мал-Муза найдены останки 68 погребенных). Это бронзовые украшения головного убора и нагрудные, браслеты, височные кольца, перстни, детали пышных фибул гальштатского типа, серьги, пронизи, очковидные спирали, булавки, восьмеркообразные бляшки, бусы (табл. 25, 21—30, 32—49, 50—61). Все они синхронны предметам вооружения. Отсутствие надежных закрытых комплексов погребений не позволяет выявить различия между набором предметов, сопровождавших женские, мужские и детские захоронения, которые находились почти в каждой гробнице. Однако относительно хорошо сохранившиеся, не потревоженные ограблениями каменные ящики Мал-Муза дают возможность говорить о том, что некоторые типы украшений в разной степени характерны для различных групп могильников. Так, например, широко распространенные в южнобережной и северобайдарской группах могильников бронзовые восьмеркообразные бляшки найдены только в одном из ящиков Мал-Муза (южнобайдарской группы).

Относительно хорошая сохранность этого комплекса позволяет рассмотреть принципиально важный вопрос для характеристики могильников горного Крыма: следует ли керамику относить к предметам сопровождающего инвентаря? В разграбленных ящиках в некоторых случаях находили обломки разновременной керамики (эллинистической, средневековой и даже современной), и если поздняя керамика не принималась в расчет при датировке погребений, то керамика эллинистического и римского времени некоторым исследователям служила основанием для нее (Лесков А. М., 1965). Каменные ящики Мал-Муза, кроме одного, не содержали керамики; это позволяет говорить о том, что керамика, как правило, не входила в сопровождающий инвентарь таврских могильников. Три сосуда малых размеров из грубой глины, найденные в одном из ящиков (табл. 25, 18—20), ни по форме, ни по характеру обработки поверхности не похожи на сосуды из могильников предгорного Крыма, в которых они являлись основным сопровождающим инвентарем. Этот факт приобретает особое значение при рассмотрении вопроса о единстве и различиях в погребальном обряде племен, населявших горный и предгорный Крым.

Черкес-Керменский могильник, расположенный на северной границе северобайдарской группы, особен-

по интересен сочетанием разнородных элементов. Одна из гряд этого могильника — гряда Е резко отличается от основной его части и конструкцией ящичков, и характером сопровождающего инвентаря. Она находит аналогии в могильниках предгорного Крыма, принадлежащих кизил-кобинской культуре.

Сравнение конструкции сооружений и сопровождающего инвентаря позволяет четко определить различия могильников прибрежного и горного районов, с одной стороны, и района предгорий, где расположены поселения кизил-кобинской культуры, — с другой. Хотя антропологический материал недостаточен для категорических заключений, он позволяет отметить значительно большее сходство между могильниками предгорий, чем между последними и могильниками горного Крыма. Таким образом, на основании различий могильников удастся выделить две группы населения в юго-западном Крыму во второй четверти I тысячелетия до н. э., одна из которых обитала в предгорьях и основала поселения кизил-кобинской культуры, а другая — на побережье и в горах, которую можно идентифицировать с историческими таврами.

Время их появления в прибрежном Крыму достоверно определяется не позднее VII в. до н. э. не только по инвентарю могильников южнобережной группы. Подтверждение этой дате мы находим и в письменных источниках. Описывая войну скифов с Дарием, Геродот сообщает: в ответ на обращение скифов к таврам, как и к другим соседним народам, отказавшись сопротивляться персидскому царю, тавры отказались выступить в составе скифского войска, аргументируя свой отказ тем, что «ни тогда ничем не обидели этот народ (персов. — Х. К.), ни теперь не станем первые его обижать; если враг ворвется и в нашу землю и первый обидит нас, то и мы не стерпим этого, но пока этого не увидим, мы останемся в нашей земле» (IV, 119). По этому упоминанию, восходящему ко времени скифских походов в Переднюю Азию в VII в. до н. э., можно говорить о существовании этнического термина «Тавры» уже в VII в. до н. э.

Сведения письменных источников о таврах значительно пополнены археологическими материалами, однако единственные достоверно связанные с таврами мегалитические памятники — могильники из каменных ящичков — датируются не позднее V в. до н. э. Поистине загадочным остается полное отсутствие археологических источников, которые датировались бы позднее V в. до н. э. В письменных же источниках термин «тавры» существует до эпохи средневековья. После рубежа н. э. появляются новые термины — «тавроскифы» и «скифотавры», которые отражают сложные этнические и культурно-исторические явления, происходившие на территории Крыма, однако в источнике IV в. до н. э. о войне боспорского царя Евмела с варварами (в том числе с таврами) мы находим прямое свидетельство о наличии этих племен в прибрежном Крыму при том, что археологических данных не имеется. Не исключено, что основание Херсонеса в V в. до н. э. сказалось на исторических судьбах прибрежных пиратских племен, не оставивших нам памятников позднее V в. до н. э. По свидетельству Плиния мы знаем о пиратских гаванях тавров на берегу, тавров упоминает Страбон, а у

Аммиана Марцеллина говорится о трех племенах тавров, что любопытно при сопоставлении с результатами изучения таврских могильников, позволивших наметить три территориальные группы, возможно, соответствовавшие трем племенам, упоминаемым Аммианом Марцеллипом. Эти свидетельства достаточно достоверны для вывода о том, что и в послегеродотово время юго-западный Крым и особенно его прибрежная часть остается областью обитания тавров.

Некоторые источники римского и средневекового времени называют одновременно тавров и тавроскифов. Так, по Плинию, скифы занимали степной Крым, тавры жили вдоль Южного берега, а между ними, в предгорном и горном Крыму, — скифотавры. Даже у Прокопия раздельно упоминаются тавры и тавроскифы.

Вопрос о происхождении тавров до сих пор не решен. Ф. Брун, М. Эберт, С. А. Жебелев рассматривали тавров как потомков киммерийцев (Брун Ф., 1868, с. 235—256; Ebert M., 1921; Жебелев С. А., 1953, с. 256). М. И. Артамонов высказал мнение о фракийском происхождении тавров (1953, с. 178, 179). П. Н. Шульц, находя сходство таврской культуры с синхронными на Северном Кавказе, отмечал и значительное влияние фракийцев (1959, с. 238, 272). А. М. Лесков высказал предположение о приходе тавров в Крым с территории Северного Кавказа (1965, с. 159). Оба последних исследователя, как мы видели, связывали с таврами и носителей кизил-кобинской культуры, воспринимая их как ранний этап развития таврских племен. Существует взгляд на тавров как на аборигенное население Крыма (Стржелецкий С. Ф., 1962; Щепинский А. А., 1957, 1977). Х. И. Крис допускает возможность появления тавров на берегах Понта из районов восточного Средиземноморья. При этом она исходит из принадлежности тавров к антропологическому типу восточно-средиземноморского варианта европеоидной расы и из сходства образа жизни тавров со средиземноморскими пиратами. Другие предположения она считает маловероятными. Отметим, однако, что из-за недостатка источников каждая из перечисленных гипотез пока не имеет достаточного количества серьезных оснований.

Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI—III вв. до н. э.

В отличие от всех остальных памятников раннего железного века Северного Причерноморья памятники Молдавии тождественны Карпато-Дунайским и Балкано-Дунайским, определенно принадлежавшим фракийским племенам. Лучше всего они известны на территории лесостепи, где присутствие племен фракийской этнической принадлежности устанавливается с XI в. до н. э. Для IV—III вв. до н. э. фракийские памятники зарегистрированы в степи на правом берегу нижнего Днестра и Днестровского лимана, а также в двух местах на левобережье нижнего Днестра (Мелюкова А. И., 1979).

Как было сказано выше, вплоть до середины VI в. до н. э. в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья продолжали обитать племена, оставившие памятники Шолданештской группы фракийского галльштата. Вторая половина VI—V вв. и начало IV в. до н. э. до сих пор очень слабо представлены археологическим материалом. Поселений VI—V вв. до н. э. в Днестровско-Прутском междуречье неизвестно. К концу VI — началу V в. до н. э. относится пока только единственное погребение, случайно открытое в с. Пыржолтены. Оно бескурганное, совершенно в яме с дерево-глинобитным перекрытием, над которым был разведен костер (табл. 26, 1). Сожжение покойного произведено на стороне. Урна с кальцинированными костями была накрыта миской. Погребение сопровождали: полный набор наступательного вооружения, в который входило 37 бронзовых наконечников стрел, железные меч-акинак и наконечник копья; предметы конского убора — железные удила с псалиями, бронзовая лунница и кольцо, железный культовый пож (табл. 27, 1—14). Может быть, к украшениям конской узда относятся обломки небольших изделий из кости в зверином стиле (Лапушнян В. Л., 1979, рис. 3—4). Кроме того, в могиле находился набор керамики, состоящий из четырех лепных и двух гончарных сосудов (табл. 27, 15—20). Если обряд погребения и керамика типично фракийские, то весь металлический инвентарь и украшения из кости относятся к числу вещей, характерных для скифской культуры. Видимо, контакты со скифами обитателей лесостепной Молдавии в конце VI — начале V в. до н. э. были более тесными, чем ранее. Скорее всего этому способствовало проникновение в молдавскую лесостепь какой-то части кочевников из степи в VI в. до н. э., о чем позволяет говорить впускное погребение скифского воина — в одном из курганов эпохи бронзы у с. Старые Куконешты. Оно совершено в катакомбе I типа по обряду, характерному для кочевников-скифов степного Северного Причерноморья (Дергачев В. А., 1979, с. 239—241).

Признаки сильного скифского воздействия наблюдаются и на материалах, полученных при раскопках могильника конца V — начала IV в. до н. э. у с. Данчены, недалеко от Кишинева. Здесь было исследовано более 40 погребений, большинство которых совершено по обряду трупосожжения (27). Значительное число трупоположений (15) исследователи склонны объяснять скифским влиянием (Лапушнян В. Л., 1979, с. 50—60).

Особенностью описываемого могильника, как и близкого к нему могильника у с. Слободзея в Прутско-Сиретском междуречье в Румынии (Buzdugan S., 1968), являются большие размеры могильных ям, предназначенных для захоронения остатков трупосожжения. В таких ямах могли помещаться как одиночные, так и коллективные погребения (от двух до четырех человек). В могильнике у с. Данчены преобладали безурновые погребения, тогда как в Слободзея — урновые. В Данченском могильнике открыты две могилы, сделанные по образцу скифских степных погребальных сооружений, представлявших собой подражания катакомбам I типа (табл. 26, 2; погребения 93 и 308). Погребения в могильнике оказались сильно разграбленными, но в ряде могил,

главным образом таких, которые содержали трупоположения, сохранились бронзовые и костяные наконечники стрел скифских типов V — начала IV в. до н. э. (табл. 27, 24—29), железные наконечники копий (табл. 27, 34), лепная и гончарная посуда (табл. 27, 21—23, 30, 43). Керамика имеет полные аналогии во фракийском мире и по своему происхождению связана с более ранней посудой культуры фракийского галльштата.

Несколько случайных находок железных акинаков VI—V вв. до н. э. в лесостепи Молдавии дополняют наши сведения о скифских элементах в культуре фракийских племен этой территории.

Существенным моментом для характеристики взаимодействий скифов с фракийцами в начале V в. до н. э. является то обстоятельство, что погребение скифского воина у с. Суручены было совершено поблизости от фракийского могильника у с. Данчены. Оно находилось в разрушенном кургане и представляло собой трупоположение, сопровождавшееся набором стрел и мечом-акинаком (табл. 27, 33; Сергеев Г. П., 1961, с. 18, рис. 3).

Очень небольшое число археологических памятников VI — начала V в. до н. э. не позволяет выяснить полную картину жизни в лесостепных районах Молдавии в тот период. Объясняется ли отсутствие поселений простым пробелом в наших знаниях или здесь имела место какая-то более существенная причина, покажет будущее. М. И. Артамонов высказал предположение, что во время похода Дария значительная часть населения покинула земли Днестровско-Прутского междуречья, переселившись на запад (1974, с. 56).

Для IV и III вв. до н. э. известны поселения (их 122), городища (около 40) и несколько могильников (Пликулицэ И. Т., 1977). Большое количество археологических памятников свидетельствует о значительной густоте заселения изучаемого района в указанный период. К сожалению, состояние источников не позволяет ответить на вопрос, имел ли здесь место естественный прирост населения или приход родственных племен из соседних областей Карпато-Дунайского района.

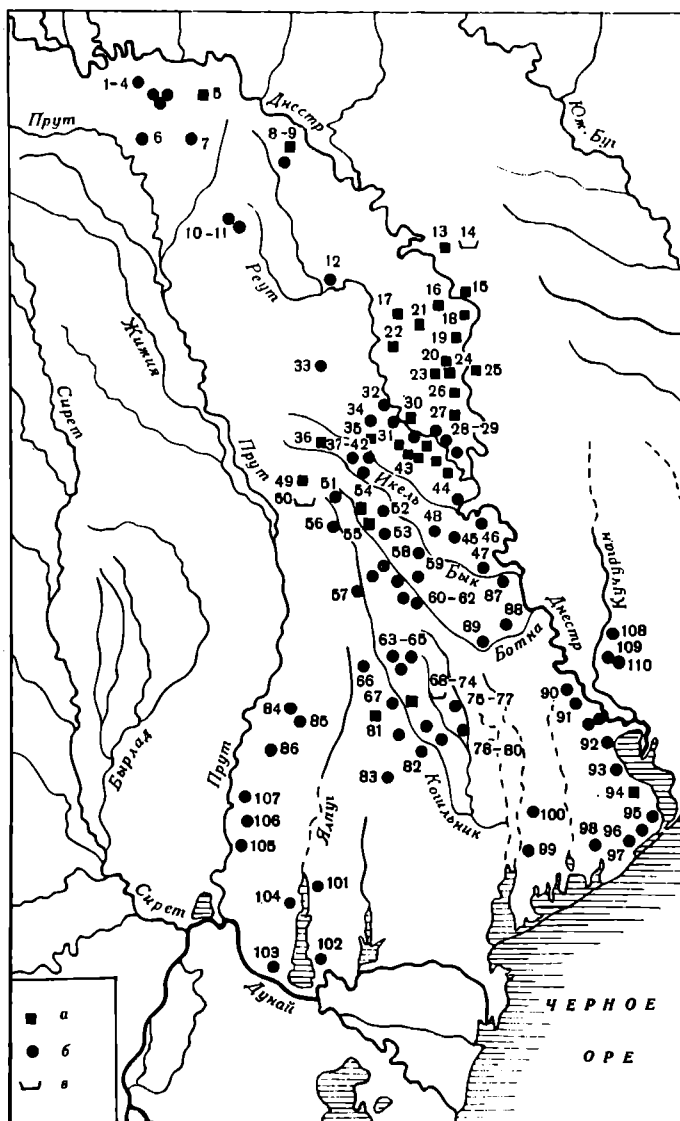
Городища строили на правом берегу Днестра и в Днестровско-Прутском междуречье, главным образом в центральных районах Молдавии (карта 10). В степной части нижнего Подпестровья известно лишь одно городище у с. Нивденное, расположенное на западном берегу Днестровского лимана, недалеко от Тыры. Одно городище известно и на левобережье среднего Днестра у с. Выхватинцы. Как правило, городища находятся в труднодоступных местах. По конфигурации и системе оборонительных сооружений они делятся на три вида: мысовые, кольцевые и подковообразные (табл. 26, 8, 9). Некоторые городища были защищены конструкцией, в основе которой находились деревянные стены (Бутучены, Матеуцы, Гыртоц-Маре), другие имели лишь земляные валы и рвы (Выхватинское), третьи — земляные валы с прослойкой из кольев, обмазанных глиной, и рвы (Большое Сахарнянское). На отдельных городищах фортификационные сооружения построены из камня. Отмечено наличие бастионов, сложенных из камней (Малое и Большое Сахарнянское) и эскарпирование недостаточно крутых склонов или берегов

рек. Городища различны по размерам. Наиболее крупным является Бутученское, его площадь около 20 га (табл. 26, 9), но есть и такие, площадь которых всего 0,6—1 га (Выхватинское, Гыртоп-Маре). Иногда городища располагались гнездами или находились в гуще открытых поселений. Нередко можно встретить парное расположение городищ, при этом одно имеет большие размеры, второе — малые (например, Большая и Малая Сахарна; Большая и Малая Городка и др.). Большинство городищ служило не только укрытием во время опасности, но и постоянным местом жительства населения; их характеризует довольно мощный культурный слой, насыщенный находками и различными жилыми и хозяйственными сооружениями. На крупных городищах, кроме постоянно обитаемой части, были еще и участки, предназначенные, вероятно, для загона скота (Бутученское). Малые городища являлись убежищами для населения ближайших поселков. Культурный слой на них беден и маловыразителен.

Открытые поселения располагались поблизости от воды в окружении плодородных, удобных для обработки земель. Они известны как на пологих склонах оврагов, по берегам небольших рек, так и на высоких плато. Площадь поселков, как и городищ, могла быть разной, но в основном 25—40 тыс. кв. м. Обычно селища располагались компактными группами по четыре-пять и до восьми в одном «гнезде». Реже встречаются одиночные.

На основании немногочисленных данных, полученных в результате раскопок на некоторых селищах, можно говорить об их внутренней планировке. Так, на селище Ханска-Кэпрерия жилые комплексы располагались группами по три-четыре постройки вместе, составляя один ряд вдоль склона. Расстояния между постройками не превышали 8 м, а между группами — 10—15 м. Очевидно, группы жилищ принадлежали родственным семьям, связанным к тому же хозяйственной, социальной и идеологической общностью (Никулицэ И. Т., 1977).

Жилища представлены тремя типами: 1) наземные, 2) со слегка углубленным в материк основанием, 3) полуземлянки. Однако все еще небольшие по площади раскопки на поселениях не позволяют определить, какой тип жилищ преобладал. Большинство наземных домов построено из глины на деревянном каркасе. Традиции постройки таких каркасно-глинобитных домов IV—III вв. до н. э. восходят к приемам строительства эпохи поздней бронзы — начала железного века. Некоторые каркасно-глинобитные дома обкладывали по основанию камнями. На городищах Бутучены и Пивденное известны наземные дома на каменном фундаменте с глинобитными стенами. На городище Пивденное, кроме того, обнаружены остатки домов, стены которых были сложены из сырцового кирпича на основании из рваного камня (Сальников А. Г., 1966, с. 180—182). Видимо, этот прием заимствован обитателями поселения у жителей соседнего античного г. Тира. Дома с углубленными в материк на 0,2—0,5 м стенами по конструктивным особенностям не отличаются от наземных. Площадь их различна. Встречаются большие жилища до 50—70 кв. м и такие, площадь которых колеблется в пределах 12—24 кв. м. Внутри жилищ обнаружены глинобитные очаги, а рядом с жилищами, иногда

Карта 10. Гетские памятники Днестровско-Прутского междуречья (по И. Т. Никулицэ)

a — городища; *b* — поселения; *в* — могильники
 1—4 — Крестоуцы II—V; 5 — Лишник; 6 — Маркауцы; 7 — Михалашены; 8, 9 — Рудь; 10, 11 — Клокушна IV, VII; 12 — Маркулешты; 13, 14 — Рапков; 15 — Катериновка; 16 — Куратуры; 17 — Глинжени; 18 — Матеуцы; 19, 20 — Стохала I, II; 21 — Парканы; 22 — Олишканы; 23, 24 — Сахарна; 25 — Выхватинцы; 26 — Гульбоака; 27 — Городище; 28, 29 — Требуженцы II, III; 30, 31 — Фурчени I, II; 32 — Скок; 33 — Будей; 34 — Бранешты; 35 — Исаково; 36 — Кодрянка; 37 — 42 — Иванча II — VIII; 43 — Бутучены; 44 — Гыртоп-Маре; 45 — Балабанешты; 46 — Калфа; 47 — Коржево; 48 — Балцаты; 49 — Городиште; 50 — Пыржолтены; 51 — Буда; 52, 53 — Городка I, II; 54, 55 — Городка Малая и Большая; 56 — Лозово; 57 — Браила; 58 — Бачой; 59 — Дурлешты; 60—62 — Ульма IV, V, VIII; 63—65 — Костешты I, III, V; 66 — Лопушна; 67 — Пожарены; 68—74 — Ханска; 75—77 — Горешты; 78—80 — Чигирлены; 81 — Малешты; 82 — Липовены; 83 — Фетица; 84, 85 — Бужор; 86 — Ларгуца; 87 — Манойлешты; 88 — Копанка; 89 — Каушаны; 90 — Тудорово; 91 — Паланка; 92 — Семповка; 93 — Коса; 94 — Пивденное; 95 — Затока; 96 — Сергеевка; 97 — Чебановка; 98 — Широкое; 99 — Заречное; 100 — Желтый Яр; 101, 104 — озеро Ялпуг; 102 — Измаил; 103 — Орловка; 105 — Зернешты; 106 — Кукоара; 107 — Готешты; 108 — 110 — Граденица III—V

и прямо в них известны хозяйственные ямы, а также небольшие постройки, видимо, хозяйственного назначения.

Полуземлянки, исследованные на поселениях в Ханске и Пивденном, имеют небольшие размеры. Они углублены в материк на 1,2—1,3 м и имели наземные глинобитные стены.

Основное содержание культурного слоя на городищах и поселениях составляют обломки керамики, среди которых преобладают принадлежащие местной лепной посуде, но немало фрагментов эллинистических амфор. Наряду с ними встречаются обломки античной простой и реже — чернолаковой посуды. На городище Большая Сахарна и на поселении Ханска-Лутэрия обнаружены железные шлаки, что говорит о наличии местного железоделательного производства, а также керамические шлаки — следы деятельности местных гончаров.

Могильники IV в. до н. э. известны главным образом на южной окраине молдавской лесостепи и один в степи. У с. Ханска Котовского р-на на небольшом расстоянии друг от друга открыты три могильника, принадлежавших жителям трех разных поселений. Все могильники грунтовые, без явных следов насыпей (Никулицэ И. Т., 1977). На могильнике Ханска-Лутэрия вскрыты 68 погребений. Лишь 11 из них были погребены по обряду труположения, остальные — трупосожжения. Все они совершены в неглубоких и небольших ямах, причем трупосожжения, как и в более раннее время, совершались на стороне, а кальцинированные кости в большинстве случаев помещались в урну. Как и в VIII—VI вв. до н. э., кости складывали в урну в определенном порядке: на дно урны — кости черепа, на них — остатки позвоночника и ребра, а выше — остатки костей рук и ног. В качестве урн использовали обычные бытовые сосуды. Урны сверху покрывали миской-крышкой, иногда другим горшком или камнем. В ряде погребений урны оставались ненакрытыми. Вокруг урны часто ставили один или два сосуда с жертвенной пищей. Изредка встречены мелкие украшения, главным образом бусы, и прислица. Только в одном погребении с трупосожжением найдена золотая серьга (табл. 27, 40), а в двух погребениях — бронзовые паконечники стрел скифского типа (табл. 27, 31, 32). Так же бедны находками погребения, известные в других местах молдавской лесостепи. Все они принадлежали рядовому населению, не имевшему дорогих вещей. О существовании закиточной прослойки среди местного фракийского населения в Днестровско-Прутском междуречье IV—III вв. до н. э. говорят случайные находки обломков двух золотых гривен у с. Лэргуцы, серебряных гривны и браслета в с. Матеуцы, выполненных в манере фракийского искусства (табл. 27, 41, 42, 44). Курганы фракийской аристократии IV—III вв. до н. э. хорошо известны в Добрудже и на правом берегу нижнего Дуная, где жили родственные описываемым фракийские племена.

На севере Молдавской ССР, у с. Косоуцы Сорокского р-на, исследован курган, в котором обнаружена могила IV в. до н. э. с двумя вставленными друг в друга деревянными сооружениями в виде срубов из вертикально вкопанных плах и бревен (табл. 26, 5; Манзура И. В., 1982, с. 122—129). Погребальное со-

оружие аналогично гробнице из кургана 2 у с. Перебыковцы в западной Подолии, хотя последнее датируется VI в. до н. э. (Смирнова Г. И., 1979, с. 41—51). Кому принадлежало погребение в кургане у с. Косоуцы, пока определить невозможно.

Особенность Молдавской группы памятников IV—III вв. до н. э., как и для более раннего времени, наиболее ярко проявляется в местной лепной керамике. Последняя существенно отличается от скифской и той, которая в IV—III вв. до н. э. была распространена на других территориях лесостепи Северного Причерноморья. Она представлена сосудами разных размеров в основном тех же форм, которые были характерны для конца VI—V вв. до н. э. Это горшки без шейки или со слабо выделенной шейкой, с почти вертикальными или слегка выпуклыми стенками, сужающимися к устью. Часто горшки имеют ручки-упоры и орнамент в виде валика с защипами, который иногда, как сеткой, оплетает весь сосуд; кроме того, отмечены крупные, сосковидные налепы или иной рельефный орнамент. Встречаются миски разных размеров и форм, которые также часто имеют ручки-упоры у края, и кувшины с невысокой ручкой. Характерной формой являются массивные корчаги с высоким горлом и грушевидным туловом. Они имеют рельефный орнамент и массивные ручки-упоры. Поверхность сосудов, как правило, заглажена, иногда со следами лощения. Из орудий на поселениях представлены железные серпы (табл. 27, 38, 39) такой же формы, как на многих других памятниках оседлого земледельческого населения раннего железного века, и каменные зернотерки. Среди остеологического материала на поселениях лесостепной Молдавии IV—III вв. до н. э. преобладают кости крупного рогатого скота, на втором месте — кости мелкого рогатого скота, на третьем — лошади; кости свиньи составляют всего 6%.

Фрагменты эллинистических амфор, простой и чернолаковой керамики, найденные на поселениях и городищах лесостепной Молдавии IV—III вв. до н. э., свидетельствуют о взаимодействии местного населения с греками и прежде всего — с греческим г. Тирой в устье Днестровского лимана. Особенно много античной посуды поступало в близлежащие районы к жителям поселений, расположенных на правом берегу нижнего Днестра и Днестровского лимана, связанных с этим городом более тесными узами. В меньшем количестве античная импортная посуда встречена на поселениях, удаленных от низовий Днестра, но она имеется на всех памятниках, вплоть до самых северных, таких, как городище Рудь.

Связи фракийского населения Молдавии с племенами правобережной лесостепной Украины, прослеживаемые для VIII — начала VI в. до н. э., для IV—III вв. не наблюдаются. Ничто не говорит и о сколько-нибудь тесных взаимоотношениях со степными скифскими племенами. Из скифских вещей IV—III вв. до н. э. в Молдавии найдены только паконечники стрел, но и они редки. Во всем сходные с памятниками Карпато-Дунайского района и севера Балканского полуострова памятники Молдавии IV—III вв. до н. э. принадлежали гетам — фракийским племенам, которые известны в этих местах по пись-

менным источникам. В более раннее время, в VI—V вв. до н. э., эти земли, вероятно, были подвластны агафирсам.

Скифообразные памятники в средней Европе

Распространение памятников скифообразной культуры не ограничивается западными пределами Советского Союза. На территории Карпатского района выделяются две основные локальные группы, где исследовано значительное количество могильников и отдельных погребений с наборами вещей скифского типа. Одна из указанных групп находится в Румынии и занимает главным образом бассейн р. Муреша, другая — в северо-восточной Венгрии, на Потисье. К последней примыкают памятники на территории юго-запада Словакии — так называемая Хотинская группа памятников. Эти группы в 20-х годах нашего столетия были выделены Н. Феттихом и вошли в работы М. И. Ростовцева как скифские памятники в средней Европе (Ростовцев М. И., 1925), появившиеся в результате скифской экспансии на запад.

К интерпретации и характеристике названных памятников обращались в довоенные годы многие зарубежные историки и археологи, такие, как П. Рейнеке, В. Пырван, Г. Чайлд, М. Ропка, Т. Сулимирский, и др. В послевоенные годы значительно увеличилось число исследованных в каждой группе могильников, в результате чего стала возможной более развернутая и полная характеристика групп и оставившего их населения.

Трансильванская группа памятников

Изучение ее связано с именем румынского ученого В. Пырвана (Pârvan V., 1926). В послевоенные годы раскопки и описания вновь открытых могильников и погребений часто в связи со старыми находками были сделаны И. Г. Кришаном, К. Дайковичем, Д. Поцеску, И. Ференци, И. Власа и др. Более полное отражение памятники Трансильванской группы получили в недавно вышедшей монографии В. Васильева, где имеется и полная библиография (Vasiliev V., 1980).

Судя по представленной автором сводке в настоящее время могильники и отдельные погребения скифского типа обнаружены в 93 пунктах Трансильвании. Всего насчитывается 225 погребений, при этом такие могильники, как Теюш, Блаж, Кристешты, Чумруд, и некоторые другие полностью раскопаны. В. Васильев установил, что все могильники грунтовые, не имеют курганных насыпей и состоят из сравнительно небольшого числа погребений (около 20).

Во всех могильниках, кроме исследованного у с. Бэица, который автор считает наиболее поздним, преобладают трупоположения. Трупосожжений только 14 из 225, при этом 7 встречены в упомянутом могильнике у с. Бэица. Такое положение резко отличается могильники скифского типа от местных гето-дакийских погребальных памятников, в которых обряд трупосожжения всегда был единственным или преобладал над трупоположениями.

Погребальные сооружения представляют собой небольшие и неглубокие могильные ямы (в среднем $2 \times 1,5 \times 0,3 - 1,5$ м) прямоугольной или овальной формы (табл. 28, 35—37), не имеют никаких деревянных или каменных конструкций, засыпаны землей, иногда с камнями. Довольно часто встречается посыпка дна могил красной краской, мелом, известью. Скелеты лежат вытянуто, ориентировка неустойчива, но чаще других встречается положение черепом на северо-запад. В головах покойных бывает положена жертвенная мясная пища. Мужские, женские и детские погребения сопровождаются одним-двумя сосудами местных форм. Обычно это крупная корчага, а также миска или черпак. Вся керамика характерна для фракийских племен VI—V вв. до н. э. (табл. 29, 1—17). В ряде могил, видимо, мужских, было положено оружие. Чаще всего встречаются наконечники стрел (они найдены в 60 пунктах), реже — боевые топоры и акинаки, еще реже — наконечники копий. В нескольких могилах с оружием найдены предметы конского снаряжения — удила и псалии, а также небольшое число украшений уздечек.

В могилах без оружия, видимо, женских, находят глиняные пряслица, украшения — стеклянные глазчатые бусы, бронзовые браслеты, серьги, очень редко — гривны, бронзовые зеркала. В ряде могил как с оружием, так и без оружия встречены бронзовые фибулы. Все известные в Трансильванской группе наконечники стрел (в основном бронзовые, но есть и костяные) относятся к скифским типам VI — начала V в. до н. э. (табл. 28, 1—12). Среди 36 акинаков имеются экземпляры, совершенно идентичные скифским, и оригинальные местные изделия, подражающие скифским, но существенно отличающиеся в деталях. К ним принадлежат кинжалы с очень короткими клинками (табл. 28, 14), однолезвийные короткие мечи (табл. 28, 13), длинный меч с орнаментом в зверипом стиле из Деболии-де-Жос (табл. 28, 16). Оригинален, видимо, вотивный бронзовый акинак в бронзовых ножнах из Фирминиша (табл. 28, 15, 18, 20).

Ближайшие параллели в скифских древностях, преимущественно в находках из курганов лесостепи, находят железные боевые топоры с длинным обухом (табл. 28, 19), тогда как двулезвийные железные секиры относятся к числу древностей фракийского круга (табл. 28, 25). К раннескифским типам принадлежат и редко встречающиеся в нескольких погребениях Трансильванской группы наконечники копий (табл. 28, 17). Все находки удил и псалий В. Васильев относит к древностям скифского типа, что неверно.

К числу скифских принадлежат лишь железные трехдырчатые псалии из погребения 9 у с. Кристешты и бронзовые — из погребения в Чипэу (табл. 28, 32). Как те, так и другие характерны для скифской архаики. Не имеют аналогий в скифских древностях удила и псалии с петлями в разных планах из погребения в Аюде (табл. 28, 21, 24) и удила с крупными кольцами в петлях — из того же могильника (табл. 28, 30). К числу гальштатских форм относятся бронзовые пронизи для перекрестных ремней и другие бронзовые украшения, которые, видимо, являются принадлежностью конского убора (табл. 28, 27—29, 31, 33, 38).

Скифскими по происхождению следует считать бронзовые крестовидные бляхи, по-видимому, относящиеся к колчанам (табл. 29, 21, 22): Близкие параллели в Скифии имеют лишь те из них, которые украшены в зверином стиле (табл. 29, 22). Наряду с ними есть гладкие и орнаментированные параллельными насечками, лишь по форме напоминающие скифские (табл. 29, 21). К числу скифских принадлежит большинство найденных на территории Трансильванской группы бронзовых зеркал (табл. 29, 18, 19). Но наряду с ними встречены два зеркала с геометрическим рельефным орнаментом на обратной стороне диска, не имеющих аналогий в скифском мире (табл. 29, 23). Скифскими можно считать и случайно найденные в двух местах бронзовые навершия (табл. 28, 39), хотя следует отметить, что наиболее близкие к ним по форме происходят с территории Венгрии, а не из Северного Причерноморья.

Что касается личных украшений, то браслеты и серьги с шишечками на концах, а также с обрубленными концами (табл. 29, 20) связаны с кругом фракийских или гальштатских древностей, которые в VI в. до н. э. проникают в лесостепные районы Северного Причерноморья. К типичным фракийским относятся фибулы нескольких типов VI в. до н. э. (табл. 29, 26, 29). Возможно, дериватом скифских украшений являются бронзовая витая гривна и серьги с грибовидными и коническими шляпками (табл. 29, 27, 28).

Из двух бляшек в зверином стиле одна (из погребения 10 в Бэйца) близка к типично скифским (табл. 29, 30), а вторая (случайная находка из Шейка-Мика) весьма оригинальна по стилистическим особенностям (табл. 29, 25).

Всесторонний анализ находок позволил В. Васильеву подтвердить высказанное ранее мнение о датировке Трансильванской группы памятников в пределах начала VI — первой половины V в. до н. э. Более поздних материалов скифоидного типа на этой территории пока нет.

В. Пырван впервые сопоставил так называемые скифские памятники бассейна р. Муреш с агафирсами Геродота. В настоящее время к такой точке зрения склоняется большинство как зарубежных, так и советских исследователей. Однако в определении территории, занятой этим народом, мнения ученых расходятся. Одни (к их числу принадлежит и В. Васильев) ограничивают земли агафирсов только пределами Трансильванской группы памятников, другие, например А. Вульпе, расширяют локализацию агафирсов, включая в их пределы территории по обе стороны Карпат. В современной Румынии к землям агафирсов А. Вульпе относит район восточных Карпат, занятый памятниками группы Бирсешты—Фериджеле, а на Украине — район памятников Куштановицкой группы (Vulpe A., 1967, p. 206). Однако А. Вульпе считает, что район восточных Карпат был периферийной областью агафирсов, где жили другие племена, лишь в VI — начале V в. до н. э. находившиеся под властью агафирсов.

Существует мнение об еще более значительной территории агафирсов, в которую включаются земли племен, оставивших памятники не только Куштановицкой, но и Западноподольской группы на правом берегу лесостепной Украины, а также памятники

VI — начала V в. в лесостепи Молдавской ССР и Румынской Молдове. Однако Трансильванская группа памятников существенным образом отличается от названных групп прежде всего обрядом, а также значительным числом вещей, сделанных на месте, хотя и по скифскому образцу. Вместе с тем упомянутые группы дают близкую к трансильванской керамику фракийского облика.

Существенные разногласия имеются по сей день среди ученых относительно этнической принадлежности и происхождения агафирсов. Все исследователи признают пришлый характер населения Трансильванской группы и его отличие от фракийцев — местного населения Карпато-Дунайского района. Отсутствие стабильных поселений и небольшое количество погребений в могильниках позволили В. Васильеву считать принятое население кочевниками и присоединиться к тем исследователям, которые видят в нем скифов. Вместе с тем, разбирая черты обряда и вещевой комплекс, В. Васильев пришел к выводу, что памятники Трансильванской группы ближе всего к лесостепным, особенно левобережным. А отсюда следует заключение о происхождении приплотого населения с территории лесостепной Скифии. Этот вывод уже подверг справедливой критике С. А. Скорый, который предполагает, что в создании этой группы должны были участвовать скифские кочевники из степи Северного Причерноморья наряду с обитателями лесостепных районов (1983, с. 90).

Наиболее близкой к истине мне представляется гипотеза, высказанная А. Вульпе, по которой агафирсы — это иранцы, народ, родственный скифам, но не скифы (Vulpe A., 1980, p. 220). Придя на территорию современной северо-западной Румынии в начале VI в. до н. э., он был ассимилирован местным фракийским населением и в первой половине V в. до н. э. окончательно растворился в местной среде.

Венгерская, или Потисская, группа памятников

Венгерская группа скифообразных памятников включает могильники, единичные погребения и случайные находки. Поселений пока не известно. Большинство памятников расположено в северо-восточной Венгрии между Тисой и Дунаем и в изгибе Дуная на правом его берегу, т. е. на Большой Венгерской низменности.

Первая сводка древностей скифского облика, главным образом случайных находок, была сделана Я. Хампелем в 1893 г., а более полная — П. Рейнеке в 1896—1897 гг. Позднее появились работы Мартона Лайоши и Гезы Надь, учитывающие и ставшие известными к тому времени могильники и отдельные погребения. Но наиболее значительными из исследований, вышедших до и в начале второй мировой войны, следует признать статьи Н. Феттиха (Fettich N., 1928, 1931) и М. Пардуца (Parducz M., 1940, 1943). Крупные раскопки могильников, получивших название «скифские», проводились в 30-х годах и особенно интенсивно — в конце 40-х и в 50-х годах нашего столетия. Наиболее полное отражение и осмысление получили материалы, сопоставляемые со скифскими древностями в работах А. Боттмана (Bot-

tián A., 1955) и особенно М. Пардуча (Parducz M., 1952, 1954, 1955, 1965а, б, 1973). Хотинская группа скифообразной культуры в южной Словакии, близкая к Потисской, известна по работам М. Душека (Dušek M., 1955, 1964, 1974).

В настоящее время на территории Венгрии исследованы более 20 могильников, значительное количество одиночных погребений и несколько курганов. Всего обнаружено около 1 400 погребений. В юго-западной Словакии изучен огромный Хотинский могильник. Венгерские археологи разделяют все открытые ныне памятники на три территориальные подгруппы, но различия между ними слабо заметны как по обряду, так и по инвентарю. Наиболее полно исследованные могильники, такие, как Сентеш-Векерзуг (151 погребение), Бекешчаба-Фениеш (77 погребений), Чаньтелек (28 погребений), дают погребения с труположениями и трупосожжениями. Способы захоронения в тех и других случаях неодинаковые. Среди труположений есть погребения в скорченном состоянии на правом и реже — на левом боку, вытянутые на спине и изредка сидячие (табл. 30, 39, 40). Ориентированы погребения по-разному, но преобладают западная и восточная ориентации покойников или с отклонениями к югу и северу. Трупосожжения, как правило, производились на стороне. Кальцинированные кости и зола сыпались в урны или погребались на дне ямы в рассыпанном состоянии (табл. 30, 38, 41, 42). В могильнике в Чаньтелек известны случаи частичного трупосожжения. Все погребения, как труположения, так и трупосожжения, падалились в сравнительно неглубоких ямах до 1 м глубиной без каких-либо деревянных или каменных конструкций.

Процентное соотношение тех и других погребений в могильниках различное. В Сентеш-Векерзуге преобладают вытянутые труположения. В остальных число погребений с труположениями и трупосожжениями примерно равно, но среди труположений в могильнике в Бекешчаба-Фениеш и Чаньтелек преобладают скорченные погребения, а в Таниосело вытянутые на спине погребения совсем отсутствуют (64 трупосожжения и 48 скорченных труположений).

Помимо могильников, для которых характерно сочетание двух обрядов погребения, известны могильники только с трупосожжениями (Parducz M., 1954, с. 55, рис. 18).

В могильнике в Сентеш-Векерзуг, кроме захоронений людей, найдены 14 конских погребений, расположенных главным образом на специально отведенной площади, на юго-восточном краю могильника. В трех из них находились парные погребения с остатками колесниц. Конские могилы известны также в Диошдьере и Мезьбек. В других могильниках конских захоронений не обнаружено, но в инвентаре погребенного изредка встречались конские удила с псалиями. В могильнике Сентеш-Векерзуг, по-видимому, можно говорить о существовании тризны. Остатками таковой, на мой взгляд, являются четыре «сосудных захоронения» (по терминологии М. Пардуча). Разбитые горшки лежали без ям, возле них не было кальцинированных костей и золы или каких-либо других следов погребений.

По наборам погребального инвентаря трупосожже-

ния и труположения в грунтовых могильниках не отличаются друг от друга. Однако если сравнивать между собой могильники, то наблюдаются некоторые различия в инвентаре погребений, хотя в целом типы вещей одинаковы. В могильнике Бекешчаба-Фениеш совсем нет оружия и орудий труда. Инвентарь, сопровождавший погребенных, чрезвычайно беден и однообразен: это керамика (от одного до девяти сосудов), ожерелья из пастовых бус, пропизки из кости, из раковин каури, бронзовые браслеты, височные бронзовые кольца и глиняные прислица. В одном погребении найдена железная дужка фибулы. Песколько более многочислен комплекс вещей в могильнике в Чаньтелек. Еще разнообразнее комплекс предметов из погребений в могильнике Сентеш-Векерзуг. Керамика (от одного до трех сосудов) часто встречается в могилах, содержащих вытянутые труположения и трупосожжения. При этом во многих случаях сосуды падалились над погребениями, в засыпи могильных ям. В могилах со скорченными труположениями керамики меньше, но все же и здесь она известна.

Почти во всех погребениях встречается разное количество бус, довольно обычны бронзовые браслеты. Те и другие украшения происходят как из женских, так и из мужских погребений. Реже, чем керамика и упомянутые украшения, вместе с погребенными клали другие вещи. Так, только в 31 могиле из 151 раскопанных обнаружены железные похи, всегда по одному в погребении. В 10 могилах найдены наконечники стрел (от одного до трех) и только в одном случае — 13. Еще реже встречаются кольца (в восьми погребениях) — почти всегда по одному и лишь один раз два. В трех могилах найдено по железному топору.

Если правильно было сделано определение пола погребенных, то ножи и наконечники стрел найдены не только в мужских, но изредка и в женских погребениях. Специфически женскими украшениями являются височные кольца или подвески, ни разу не найденные в мужских погребениях с труположениями и в могилах с трупосожжениями, вероятно, также женских.

Из других находок следует отметить обломки зерпотерок в некоторых могилах с вытянутыми труположениями, куски реальгара или серы в 16 преимущественно женских могилах с вытянутыми труположениями, но встречающиеся также в погребениях с трупосожжениями и при мужских скелетах.

Помимо перечисленных предметов, в некоторых могилах находятся другие вещи. В женских погребениях с трупосожжением встречены глиняные прислица, бронзовые кольца и спирали-подвески. В одной могиле (61) с трупосожжением и в погребении (125) с вытянутым женским костяком найдены бронзовые фибулы. В мужском захоронении были найдены железные удила (142). В могильнике Сентеш-Векерзуг лучше, чем в других памятниках этой группы, прослеживается по инвентарю некоторая имущественная дифференциация, поскольку здесь имеются погребения без вещей (их немного), погребения, сопровождавшиеся весьма скромным набором инвентаря, и относительно богатые (таких тоже немного).

Отличаются друг от друга по комплексу сопровождавших предметов и конские захоронения. В одних

встречаются только удила с псалями, в других, кроме удила и псалий, имеются бронзовые бляхи — украшения узды. В могилах, в которых были погребены пары лошадей, найдены остатки колесниц. Интересно, что колесницы положены в могилы или в сожженном или в поломанном виде.

В трех конских могилах, помимо удила с псалями, найдена керамика, в двух — по одному железному пожу. В некоторых случаях в могилах коней известны находки бус, раковин *Sirgaea* и обломков зернотерок, т. е. тех вещей, которые встречаются вместе с погребениями людей. Вместе со скелетами коней в двух могилах обнаружены скелеты собак.

Особое место среди рассматриваемой группы памятников в Потисье занимают четыре погребения, близких по обряду захоронений к описанным, но отличающихся богатством погребальных комплексов. Два найдены под курганными насыпями в Зольдхаломпунте (комитат Боршод; Fettich N., 1928) и в Дьёме (АЕ, 1905, р. 235), два представляют собой грунтовые погребения (Таниосентмартон и Матраселе). Три из них содержат остатки трупосожжений и только в кургане в Дьёме найдено погребение с труположением. Курган в Дьёме имел 8 м высоты. Погребение находилось в яме с четырехугольной деревянной камерой внутри и было ориентировано головой на северо-запад. Вместе с покойником положены обломки двух сосудов и украшения из серебра, золота и электра: височные кольца с конусами на концах, массивный золотой перетень, электровая булава и обломки бронзового зеркала или бронзовой пластины.

В погребении в Зольдхаломпунте найдены тонкая золотая пластина с изображением бегущего оленя с повернутой назад головой (табл. 30, 34), два обломка цепи из электра с фигурками львов на концах и золотые бляшки-пуговицы полусферической формы с ушком на обороте. Данные о кургане и погребении не сохранились.

В Таниосентмартон вместе с остатками трупосожжения отмечены электровая бляха с изображением галопирующего оленя (табл. 30, 35), золотое височное кольцо с конусом на конце (табл. 30, 33) и невыразительные обломки сосуда.

В Матраселе в погребении с трупосожжением найдены: бронзовая крестообразная бляха, украшенная в зверином стиле, 35 бронзовых трехгранных наконечников стрел, каменный оселок, две костяные пуговицы от конской узды (для перекрещивающихся ремней), небольшой обломок костяной поделки, вероятно, конец псаля в виде конского копыта, каменный оселок и обломки железного браслета.

Следует отметить еще одно погребение, несколько отличающееся от остальных по погребальному сооружению и деталям погребального обряда. Оно было обнаружено в Монай (Monaј АЕ, 1887, 61). В яме на глубине 1,70 м под слоем сгнившего дерева, очевидно, от перекрытия могильной ямы найдены кальцинированные человеческие кости, зола и угли. Среди остатков трупосожжения лежали 20 бронзовых наконечников стрел, сильно пострадавших от действия огня, и обломки сосуда. Наличие золы и угля, а также следы огня на стрелах свидетельствуют о том, что сожжение производилось на месте погребения.

Что касается форм керамики и вещей, то они в це-

лом сходны с найденными в Трансильванской группе. Большинство вещей так называемого скифского типа здесь так же, как и там, имеют особенности, которые позволяют считать их сделанными на месте (табл. 30, 1, 2, 4, 5, 13, 14, 16—18, 25, 31, 33). Оригиналы удила и псалии. В отличие от скифских псалии наглухо соединены с удилами (табл. 30, 36). М. Пардуц датирует описанную группу памятников VI—IV вв. до н. э. Нижняя дата определяется на основании скифских вещей и бронзовой гидрии из погребения в Артаде, верхняя — на основании присутствия во многих могилах гончарной керамики — черпаков, мисок, горшков, которые считаются кельтскими. Следует заметить, однако, что отнесение гончарной керамики из памятников Потисья к разряду кельтской неубедительно. Ныне доказано появление ее не позднее начала V в. до н. э., видимо, под южнофракийским воздействием (Smirnova G., 1965). Вещи скифского облика на Потисье датируются в пределах от середины VI до первой половины V в. до н. э. Более поздних находок пока нет. Анализируя погребальный обряд могильника Септеш-Векерзуг и привлекая данные из других могильников этой группы, М. Пардуц пришел к заключению, что пестрота погребальных обрядов объясняется неоднородным составом населения Потисья. Обычай хоронить покойников в вытянутом положении головой на запад или восток, а также трупосожжения и специальные погребения коней, очевидно, относящиеся к могилам воинов, хотя и расположенные отдельно, М. Пардуц считает принесенными скифами. Этот вывод делается на том основании, что для местного бронзового века подобные обычаи не были характерны и распространились только в скифскую эпоху. Погребения с сожжением считаются скифскими, поскольку именно в них было найдено большинство вещей, наиболее характерных для скифов. Скифы, по мнению М. Пардуца, принесли на территорию Потисья и обычай класть вместе с покойниками реальгир или серу. Скорченные погребения, по мнению М. Пардуца, а также А. Боттиана, представляют на Большой Венгерской низменности местные фракийские элементы. Вместе с тем Пардуц отмечает существование многих черт сходства в погребальном обряде и инвентаре с погребальными памятниками Боснии, принадлежавшими иллирийцам. На этом основании автор предполагает, что в местном населении Потисья преобладал иллирийский этнический элемент, наряду с которым имели место и фракийцы.

Отмечая близкую связь венгерских памятников с памятниками Трансильванской группы, М. Пардуц так же, как и его предшественники (Н. Феттих, М. И. Ростовцев, Т. Сулимирский и др.), считает, что скифы пришли на Большую Венгерскую низменность через северо-западную Румынию. Он обращает внимание на большую архаичность инвентаря трансильванских «скифских» погребений. Это обстоятельство М. Пардуц склонен объяснить тем, что продвижение скифов через Карпаты шло двумя волнами. Первая миграция происходила около 600 г., когда скифы осели на Трансильванском плато, вторая — около середины VI в. через этот район на территорию Венгрии. Первая волна характеризуется вытянутыми погребениями, ориентированными с запада на

восток, и серией скифских находок, относящихся к погребальной обстановке. Вторая — погребениями лошадей и, может быть, украшениями колчанов в форме креста (Parducz M., 1954, с. 73). Эта стройная концепция М. Пардуца лишена твердых оснований. Обряд трупосожжения никак нельзя считать скифским по происхождению, так как скифам он был чужд, а вытянутые трупоположения покойных с западной или восточной ориентировкой свойственны не только скифам. Вместе с тем весь комплекс данных свидетельствует, что возникновение Потисской группы памятников не обошлось без прихода на Большую Венгерскую низменность каких-то носителей скифообразной культуры, слившихся с местным населением. По мнению ряда ученых, Потисскую группу памятников следует связывать с сикинами Геродота (V, 9), которые, по преданию, считали своими предками мидян.

В других местах средней Европы нет групп памятников с комплексом элементов скифской культуры. Однако ареал находок предметов скифских типов очень широк. В бассейнах рек Савы и Дравы на территории иллирийцев встречаются отдельные вещи скифского облика VI — начала V в. до н. э., имеющие наибольшее сходство с найденными на Потисье. М. Пардуц считает, что именно оттуда они и приплыли к иллирийцам.

Скифское вооружение — лук со стрелами и акинаки — были распространены у фракийцев. В VI — первой половине V в. до н. э. они чаще встречались в Карпато-Дунайском районе, на территории Румынской Молдовы и Молдавской ССР. В IV в. до н. э. они более известны у фракийских племен Балкано-Дунайского района. В ряде мест Карпато-Балканского района найдены предметы, выполненные в манере скифского искусства звериного стиля. Однако чаще встречаются изделия, лишь подражающие скифскому звериному стилю, отвечающие вкусам и традициям фракийского искусства. Особенно ярко выражение это нашло в украшениях конских уборов IV в. до н. э., сделанных местными мастерами для лошадей фракийской знати (Мелюкова А. И., 1979).

На территории лужицкой культуры в Польше к 1972 г., по З. Буковскому, были известны 84 пункта с находками наконечников стрел второй половины VI—IV в. до н. э., нескольких акинаков, главным образом в западных районах, и гвоздевидных височных колец VI—V вв. до н. э., преимущественно в вос-

точных районах Польши. Наконечники стрел были найдены в единичных экземплярах в лужицких погребениях, на многих городищах со следами разрушений, в скальных убежищах и пещерах. В связи с этим исследователи предполагают, что появление оружия на территории Польши объясняется военным походом или походами скифов в конце VI — начале V в. до н. э., достигавших западных окраин лужицкой культуры. По мнению З. Буковского, это был скифский пабег, совершенный как продолжение второй волны скифского вторжения на территорию средней Европы. В результате этого образовались Кустановичская, Векерзугская (Потисская) и Хотинская группы, т. е. появились памятники, которые можно считать оставленными сикинами. Эта волна, по мнению исследователя, двигалась со стороны лесостепи среднего Приднепровья. Кочевники степи исключаются. Принадлежностью убитого или раненого предводителя скифского военного рейда З. Буковский считает и знаменитый клад золотых вещей, состоящий из украшений, оружия и несколько уздечных блях, найденный у с. Виташково (бывшее Феттерсфельде; Furtwängler A., 1883).

В восточной зоне лужицкой культуры отмечены находки отдельных наконечников стрел скифского типа VI—IV вв. до н. э. в некоторых могилах Тарнобжегской и Высоцкой групп, а также сделанные случайно. Бронзовые височные кольца и булавки, близкие к найденным в лесостепной Скифии, особенно многочисленны в междуречье Вислы и Сены. З. Буковский вполне справедливо считает лишь некоторые из них импортом с Востока, тогда как большинство должно быть определено как местные, подражающие импортным. Попадание украшений в восточную зону лужицкой культуры объясняется существованием торговых связей ее жителей с лесостепным населением по пути, который шел из района Киева через Полесье вплоть до Ютландии (Bukowski Z., 1977).

Стройная концепция З. Буковского, которая является как бы дальнейшим развитием и конкретизацией точки зрения, высказанной в свое время Т. Сулимирским, весьма уязвима для критики. Скифское вооружение, бывшее передовым для своего времени, могло попадать в отдаленные районы необязательно в результате набегов или каких-то военных вторжений скифов, но и в результате прямых и опосредствованных связей, как и украшения. Явное тому свидетельство — ареал скифских стрел, помимо средней Европы, охватывает западную территорию вплоть до французского побережья Атлантики.

Скифская материальная культура

Выше было сказано о различиях, которые существовали в культурах степных и лесостепных племен Северного Причерноморья, и об особенностях локальных вариантов в той и другой культуре.

Остановимся теперь на общих элементах, свойственных всем племенам, жившим на этой обширной

территории. К их числу принадлежат прежде всего оружие, конское снаряжение и звериный стиль, господствовавший в искусстве скифов и их ближайших соседей. Много общего, кроме того, наблюдается в личных украшениях, предметах туалета и других вещах.

Оружие, конское снаряжение, повозки, наворачия

Оружие. Самый распространенный вид наступательного вооружения представлял собой лук со стрелами. Скифские луки были сложными, сделанными из нескольких деревянных частей, деталей из рога, кости и, очевидно, сухожилий. В погребениях целые луки не сохранились. Единственный лук сравнительно неплохой сохранности происходит из кургана 2 группы «Три брата» под Керчью. Он состоял из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры (Бессонова С. С., 1973, с. 247, рис. 6). В нескольких курганах сохранились наконечники из кости или рога и пластины из распиленной трубчатой кости, видимо, от средней части луков. К концам луков Е. В. Черненко относит и скульптурные головки хищной птицы или бараптитцы, найденные в некоторых курганах VII—VI вв. до н. э. (1981, с. 15, рис. 5, 6). Довольно полное описание скифского сложного лука сохранилось у Аммиана Марцеллина: «В то же время как луки всех народов сгибаются из гнувшихся древков, луки скифские... вогнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, и середину их разделяет прямой и круглый брусок» (История, XII, 8, 10). Достаточно ясное представление о форме скифского лука можно составить по изображениям на предметах торевтики, а также по бронзовым моделям, найденным в ряде мест (табл. 34, 3; 31, 2, 3). Скифский лук имел форму, близкую к греческой букве Σ, и длину 0,6—0,7 м, но были луки длиной около 1 м. Форма и размеры скифского лука приспособлены для стрельбы с коня, однако такие же луки употреблялись и в пешем бою.

Стрелы соответствовали лукам и поэтому имели длину 60—70 см и небольшой бронзовый (реже железный) или костяной наконечник. Древки стрел с оперением на конце часто окрашивали в красный или красный с черным цвет. Сохранившиеся в погребениях древки гладкие, тщательно отшлифованные. Оканчиваются древки небольшим расширением с выемкой для тетивы. Для изготовления древков использовались разные породы дерева — береза, ясень, тополь, а также тростник. Известны случаи употребления составных древков, когда из дерева делали верхние и нижние их концы, а середину — из тростника (Яковенко Э. В., 1972, с. 263 сл.). Скифские луки, по-видимому, оставались неизменными в течение всего скифского периода. Постепенно совершенствовалась форма наконечников стрел, что приводило к увеличению дальности стрельбы из лука и росту пробивной силы стрелы (Мелькова А. И., 1964). В VII—VI вв. до н. э. употреблялись главным образом довольно массивные двулопастные наконечники стрел листовидной или ромбической формы без шипа или с острым шипом на выступающей втулке (табл. 31, 4). Наряду с ними существовали трехлопастные и трехгранные наконечники, имевшие выступающую втулку, иногда с шипом (табл. 31, 5—7). Появившиеся в то же время массивные трехлопастные наконечники с внутренней втулкой, головка которых имела треугольную или сводчатую форму, вытеснили двухлопастные в конце

VI — начале V в. до н. э. В колчаных наборах первой половины V в. до н. э. они господствовали (табл. 31, 8, 9). Вместе с ними употреблялись наконечники стрел с головкой такой же формы, но имевшие выступающую короткую втулку, а также трехгранные с внутренней и выступающей втулкой (табл. 31, 9, 3, κ).

Во второй половине V в. до н. э. меняются пропорции трехгранных и трехлопастных наконечников стрел. Они становятся уже в основании и более вытянутыми в длину. Концы лопастей или граней часто оформляются как острые шипы.

В IV—III вв. до н. э. сколько-нибудь заметных изменений форм не происходило, но более широкое распространение получили небольшие трехгранные наконечники с внутренней втулкой (табл. 31, 20—24).

Длительное использование бронзы для изготовления наконечников стрел было вызвано тем, что большие серии наконечников легче и быстрее отливать из бронзы, чем ковать из железа. Колчаные же наборы скифов состояли из 50—60 и более (до 200) стрел. Многие воины, особенно дружинники и знать, имели по несколько колчанов. Железные наконечники стрел появились одновременно с бронзовыми, но, находясь с бронзовыми в некоторых колчаных наборах VI в. до н. э., отсутствовали в большинстве колчаных наборов V и IV вв. до н. э. В IV—III вв. до н. э. они вновь появляются, но лишь на среднем Дону составляют комплексы, часто преобладавая над бронзовыми, или заполняют колчан целиком без сопровождения бронзовых (табл. 31, 25, 26).

Все найденные в Северном Причерноморье железные наконечники стрел втульчатые, имеют плоскую или трехлопастную головку, по форме повторяют бронзовые. Костяные наконечники стрел встречаются в небольшом количестве в некоторых колчаных наборах на протяжении всей скифской эпохи. Формы их мало меняются с течением времени. Они трехгранные, пирамидальной формы или пулевидные, круглые в сечении.

Для пошения лука и запаса стрел скифы использовали гориты и колчаны. Специфическими для скифов и их ближайших соседей были гориты — футляры для лука и стрел. Они хорошо известны по изображениям скифов на предметах северопричерноморской торевтики и на скифской монументальной скульптуре, а также по находкам в царских курганах IV в. до н. э. золотых и серебряных пластин, покрывавших целиком наружную поверхность футляра (Черненко Е. В., 1981, рис. 53, 54, 56, 58). То обстоятельство, что на всех изображениях скифов представлен именно горит, а не колчан, позволяет считать этот вид воинского снаряжения у скифов основным приспособлением для пошения лука и стрел. С течением времени форма горитов, видимо, существенно не менялась. Изменения происходили в системе и сюжетах украшений их наружной поверхности.

Горит имел форму продолговатого футляра, несколько сужающегося книзу (табл. 31, 27—30). В разрезе он мог быть овальным или круглым. Нижние края его слегка закруглены. В левой верхней части — прямоугольный выступ для защиты тетивы лука, помещенного в большое отделение горита. Сверху этого отделения — небольшой карман для

стрел. В одних случаях карман сверху закрывался прямоугольным клапаном, в центре нижнего края которого помещалась застежка. Застежки в виде продолговатой рифленой палочки или палочки с зауженными концами и выемкой в центре, сделанные из кости, рога, а иногда из бронзы или бронзы, обтянутой золотом, найдены во многих курганах, особенно VI—V вв. до н. э. (табл. 31, 10—16). В IV—III вв. до н. э., видимо, более широко были распространены гориты, у которых устье кармана для стрел не закрывалось клапаном. Такие гориты мы видим на большинстве изображений. Они изготавливались из дерева (топких досок) и покрывались кожей. Горит из кургана Опишлянка на Харьковщине сделан из бересты, покрытой коротким черным мехом. Для придания необходимой прочности вдоль боков и низа размещались железные стержни.

О существовании колчанов наряду с горитами определенно свидетельствуют находки в курганах 31 и 32 Бобрицкого могильника на Каневщине остатков кожаных мешочков с небольшим количеством наконечников стрел. Е. В. Черненко, однако, полагает, что в таких мешочках носили не стрелы с древками, а только запасные наконечники стрел.

Горит или лук с колчаном скифы всегда носили на левом боку прикрепленным к поясу, как мы видим это на изображениях.

Второй широко распространенный вид наступательного вооружения скифов и их соседей — копьё. Это оружие могло использоваться в ближнем конном и пешем бою и тогда применялось как колющее, но могло быть и метательным. Скифские копьё имели железные наконечники, железные подтоки, надевавшиеся на нижний конец древка. Длина большинства скифских копий от 1,70 до 2,20 м. Эволюция копий шла в том же направлении, что и стрел. Копью, вернее, его железному наконечнику, старались придать такую форму, которая бы наиболее эффективно поражала противника, имевшего щит и кожаные или металлеческие доспехи. Самая удачная форма наконечника копьё была выработана к IV в. до н. э. (табл. 31, 36, 37). В более раннее время, в VI—V вв. до н. э., применялись копьё с довольно тонкими и легкими наконечниками лавролистной формы (табл. 31, 32—35). В IV—III вв. до н. э. скифские копьё имели наконечники с длинным пером остроланной формы, ромбическим или овальным в разрезе (табл. 31, 36, 37).

В это же время в Скифии появились копьё, длина которых намного превышала отмеченную выше и равнялась 2,5—3,4 м. По определению Е. В. Черненко, такие копьё были «штурмовыми» пиками подобными тем, которые изображены в руках тяжеловооруженных сарматских воинов на стенах боспорских склепов. ими можно было сражаться конному воину с копыными противниками, достать пешего воина, вооруженного коротким копыем, оставаясь вне пределов его досягаемости. Если короткое копые воины держали в одной руке, то длинное брали обеими руками (Черненко Е. В., 1984б, с. 231—234).

Специально для метания служили дротики. Появившись еще в VI в. до н. э., они широко распространились в IV—III вв. до н. э. у степных племен, на среднем Дону и в меньшей степени — у населения среднего Приднепровья. Железные наконечники

дротиков отличались от наконечников копий тем, что имели короткое жаловидное перо на конце длинного стержня, являвшегося продолжением втулки (табл. 31, 38). Нижний конец древка, так же как у копий, оковывали железом. Длина дротика равнялась длине копыя. Использовались они главным образом копыными воинами.

Оружием ближнего боя копыных и пеших воинов были железные мечи и кинжалы. Этим видом вооружения пользовались главным образом дружинники и скифская знать. В погребениях рядовых воинов-общинников мечи и кинжалы встречаются гораздо реже, чем копыя, особенно в тех, которые датируются VII—V вв. до н. э. В IV—III вв. до н. э. количество рядовых погребений с мечами несколько возрастает. Наиболее ранние экземпляры определенно VII в. до н. э. происходят с территории Северного Кавказа. Именно там, очевидно, вырабатываются характерные для скифского периода мечи и кинжалы. Прототипами для них, по всей вероятности, служили биметаллические и железные кинжалы киммерийской эпохи (Лесков А. М., 1971, с. 75—91; Шрамко Е. А., 1984в, с. 22—33).

По форме мечи и кинжалы абсолютно одинаковы и отличаются друг от друга только размерами. Большинство скифских мечей довольно короткие. Их длина колеблется от 0,50 до 0,70 м. Реже встречаются мечи длиной до 1 м или несколько более. Кинжалы имели длину 30—40 см.

Меч использовался как колющее и рубящее оружие. Об этом мы можем судить по изображениям. Так, воспроизведенные на гребне из Солохи пенный и спенившийся скифы действуют мечом, как колющим оружием, а на серебряной пластине от горита из того же кургана один из скифов, участвующих в бою, действует мечом, как рубящим оружием. Рубящим оружием копыных воинов были длинные мечи (Скорый С. А., 1981, с. 19—25).

Короткие мечи, происходящие из курганов Северного Причерноморья, служили прежде всего колющим оружием. Именно с этой их функцией связана эволюция, наблюдаемая в форме клинка мечей от VI до III в. до н. э. В VI—V вв. до н. э. существовали мечи с клинками двух форм: 1) с почти параллельными лезвиями и 2) в виде треугольника с довольно широким основанием (табл. 32, 1, 4, 5). В IV—III вв. до н. э. клинки большинства мечей имели форму треугольника с узкими основанием, вытянутого к вершине — острию (табл. 32, 12—15). Мечи с такими клинками так же, как копыя с остроланной пером, наиболее эффективно наносили колющий удар. Они отличались от греческих или иллирийских мечей, имевших широкий односторонний клинок, приспособленный прежде всего для рубящего удара.

В IV—III вв. до н. э. у скифов появились, но не получили широкого распространения односторонние мечи (табл. 32, 16). Однако их клинок был также узким с острым концом, как и у двулезвийных мечей. Поэтому односторонние скифские мечи по своим функциям, по-видимому, ничем не отличались от двулезвийных.

Заметно изменялась с течением времени форма панерий и перекрестий мечей и кинжалов. В VI в. до н. э. преобладали брусковидные навершие, мас-

сивное сердцевидное, бабочковидное или почковидное перекрестья (табл. 32, 1, 3—5). В V в. до н. э. эти формы сохраняются, но наряду с ними появляются распространение мечи и кинжалы с антенным навершием (табл. 32, 7—9). Часто такое навершие, особенно в IV в. до н. э., оформлялось в зверином стиле, и тогда оно имело вид птичьих когтей с изображением пары глаз в основании (табл. 32, 15, 17).

В IV—III вв. до н. э. большинство мечей и кинжалов имело овальное навершие и узкое, легкое перекрестье в виде треугольника с выемкой в основании (табл. 32, 12—15, 17). Изредка встречаются мечи с трапециевидным перекрестьем.

Скифские воины носили мечи в деревянных ножнах, обтянутых кожей. У верхнего края ножен с одной стороны располагалась лопасть с отверстием для продевания ремня, посредством которого ножны прикреплялись к поясу у правого бока. Рукояти мечей и ножны, принадлежавшие богатым воинам-дружинникам, имели золотые обкладки с рельефными изображениями, главным образом в зверином стиле (табл. 32, 6, 11, 13, 13а, 17). Некоторые ножны с такими обкладками, как и парадные гориты, о которых шла речь выше, в IV в. до н. э. были изготовлены, вероятно, в мастерских Веспора (Опайко П. А., 1966, с. 159—175).

Из всех видов наступательного вооружения меньше всего использовались топоры-секиры. Они сравнительно редко встречаются в собственно скифских погребениях в степных областях Северного Причерноморья и известны преимущественно по находкам в курганах лесостепи и по изображениям на каменных изваяниях (Плліська В. А., 1961а, с. 27 сл.). Больше всего железных секир найдено в курганах Посульской группы VI в. до н. э. Отмечено несколько типов секир, отличающихся друг от друга по форме обуха и лезвия, но чаще других встречаются секиры с довольно длинным обушком и нешироким лезвием. Наряду с ними употреблялись секиры с коротким обушком и такие, которые по своей форме и массивности близки к рабочим топорам (табл. 32, 19—22).

Небольшим числом находок представлены клеветы — оружие в виде секиры с длинным киркообразным обушком. Среди них есть один бронзовый клевет, найденный на Таманском полуострове в погребении конца VII—VI в. до н. э. (Прушевская Е., 1917). Скифские боевые топоры имели довольно длинную деревянную рукоять. Такая секира изображена в руках одного из воинов на серебряной пластине от горита из кургана Солоха. На секиры с длинными рукоятями опираются три воина, изображенные на воронежском серебряном сосуде. Этот вид оружия употреблялся в ближнем бою пешими воинами. Очевидно, поэтому такие секиры чаще находят в курганах, расположенных на территории, занятой оседлым земледельческим населением.

Повседневный костюм скифов — двубортная куртка без воротника, подпоясанная поясом, башлык и штаны — использовался и в военное время. Рядовые воины-общинники, как правило, не имели специального доспеха. Единственным видом защитного вооружения у них были, очевидно, щиты, сделанные из дерева и кожи. В курганах такие щиты не сохранились, поэтому мы можем судить о них только по

изображениям. Некоторые щиты покрыты железными или костяными пластинами. Остатки щитов с таким покрытием известны в ряде курганов степи и лесостепи Северного Причерноморья.

Щиты, изображенные на куль-обском и воронежском сосудах, на пластине от горита из кургана Солоха и в руках пешего воина на гребне оттуда же, а также на чаше из Гаймановой Могины, имели овальную, прямоугольную или почти квадратную форму и разные размеры (Манцевич А. П., 1969, с. 22 сл.; Черпенко Е. В., 1968, с. 99—111).

Находки остатков щитов с металлическим покрытием позволяют говорить о том, что покрытие делалось из узких длинных пластин, соединенных с кожаной основой и между собой бронзовой или железной проволокой. По краю щиты обшивали кожаной полосой, образующей валик (табл. 33, 17). Щит в виде полумесяца, изображенный в руках спешившегося воина на солохинском гребне, скорее всего сплетен из веток или кожи (табл. 34, 6).

О существовании круглых щитов, покрытых сплошной железной пластиной, свидетельствует находка в Костромском кургане VI в. до н. э. на Северном Кавказе. В центре его укреплен эмблема — золотой олень. На щите с покрытием из железных пластин, найденном в кургане IV в. до н. э. у г. Орджоникидзе, укреплен массивная бронзовая рыба (табл. 33, 20). Как показывают изображения (табл. 34), щиты употреблялись как конными, так и пешими воинами в ближнем бою, предохраняя от ударов кошем, мечом или секирой.

Богатые воины-всадники, представители скифской аристократии, и богатые всадники из числа земледельческих племен лесостепи имели не только щиты, но и более основательное защитное вооружение. Самым распространенным видом его были панцири, покрытые металлическим пластинчатым набором (Черненко Е. В., 1968, с. 7—56). Наиболее ранние находки остатков панцирей относятся к VII в. до н. э. (курган 9 у хут. Красное Знамя на Северном Кавказе, курган 524 у с. Жаботин), но большинство их происходит из курганов IV—III вв. до н. э.

Основой панцирей с металлическим набором служила толстая кожа, а основным материалом для изготовления панцирных пластин — железо, реже — бронза и еще реже — кость. Встречаются также железные пластины, обтянутые тонким золотым листом. Панцирные пластины имеют продолговатую форму, нижний край их закруглен или заострен, а вдоль верхнего края сделаны отверстия для крепления (табл. 33, 13—15). К кожаной основе пластины прикреплялись кожаными ремешками так, что пластины находили друг на друга, а каждый ряд покрывал верхний край следующего. Такой способ крепления делал панцирь гибким, не стеснявшим движения воина и надежно защищавшим его от прямых ударов кошем или мечом. Большинство панцирей имело вид двубортной куртки с вертикальным разрезом на боку (табл. 33, 26). Части его скреплялись ремешками с ворворками на конце. Одни панцири имели наборное покрытие только на груди, другие покрывались металлическими пластинками целиком. Среди них были панцири с короткими и длинными рукавами, а также такие,

которые имели еще и оплечья (табл. 33, 24, 27, 28). Последние найдены в курганах с V в. до н. э., появились они, по-видимому, под греческим влиянием.

Значительно реже, чем наборные, встречаются панцири с одной или двумя металлическими крупными пластинами, находившимися в передней части доспеха. Бронзовая пластина-нагрудник происходит из кургана 493 у с. Ильинцы в Побужье (табл. 33, 16).

Большинство панцирей с металлическим набором, найденных в курганах Северного Причерноморья, было изготовлено скифскими мастерами-оружейниками. Однако по своему происхождению скифские панцири связаны с Передним Востоком. Скифы восприняли способ изготовления панцирей с металлическим пластинчатым набором во время своих азиатских походов от урартов, ассирийцев или мидийцев.

Необходимой принадлежностью костюма скифа-воина был пояс. На нем прикреплялись горит или лук с колчаном, меч, а иногда еще секира и оселок, необходимый для заточки оружия.

Как свидетельствуют изображения скифов на предметах торевтики, а также каменные стелы, передающие мужчин-воинов, чаще употреблялись простые кожаные пояса. Наряду с ними существовали кожаные пояса с металлическим набором из тонких узких железных или бронзовых пластин, нашивавшихся поперек основы с небольшим напуском одна на другую (табл. 33, 5, 28). В состав такого пояса входили более крупные пластины с отверстиями для ремней, на которых висело оружие. Пластины с отверстиями, расположенные на концах поясов, служили для шнурков, предназначенных для завязывания пояса. Некоторые пояса украшались бляшками в зверином стиле (из Мельгуновского кургана, Золотого у Симферополя, у сел Журовка, Берестняги и др.; табл. 33, 6). Ширина поясов с металлическим набором обычно не превышала 10 см, известны лишь несколько поясов шириной 15 см, сделанных из пластин разной величины и формы (табл. 33, 12). Они служили дополнением к короткому панцирю и защищали живот и поясницу. Для застегивания поясов применялись специальные крючки или пряжки (табл. 33, 4, 7, 8—11).

Пояса с металлическим набором появились в Скифии в середине VI в. до н. э., но большинство находок в курганах относится ко времени между серединой V и III в. до н. э. (Манцевич А. П., 1941, с. 9—30; Черненко Е. В., 1968, с. 57—73). Они изобретены скифами и были распространены не только у скифов, но и у лесостепных племен, а также меотов Прикубанья.

Металлические племена не являлись обязательными даже для самых богатых и знатных воинов. На это указывает, например, отсутствие шлема в одном из самых богатых курганов, каким является Чертомлык. Однако скифам данный вид вооружения был известен уже в VII в. до н. э. (Рабинович Б. З., 1941, с. 99—171; Черненко Е. В., 1968, с. 74—98). В VII—VI вв. до н. э. бытовали массивные литые шлемы горшковидной формы с выемкой спереди для верхней части лица и отверстиями для крепления нащечников. Поскольку большинство находок таких племен сделано в Прикубанье, местом изготовления

их считается Северный Кавказ (Рабинович Б. З., 1941, с. 105—111).

В V и особенно в IV—III вв. до н. э. скифы пользовались греческими племенами. Большинство их принадлежит к аттическому типу, но есть коринфские, халкидские и фракийские (табл. 33, 22, 23). Некоторые подвергались переделке скифскими мастерами. Например, у племен аттического типа из кургана Солоха и халкидского из Талаевского кургана были удалены нащечники и назатыльщики (табл. 33, 21).

В IV—III вв. до н. э. наряду с греческими употреблялись и местные племена с металлическим набором, сделанные по тому же принципу, что и панцири (табл. 33, 27).

Богатые воины носили и греческие металлические поножи для защиты ног. К концу 60-х годов были известны 34 пункта находок поножей в наиболее богатых скифских курганах в степи и лесостепи Восточной Европы (Галанина Л. К., 1965, с. 5 сл.; Черненко Е. В., 1968, с. 112 сл.). Они бронзовые, античного происхождения (табл. 33, 1, 2). Только три пары из найденных относятся к V в. до н. э., они происходят из скифских погребений в некрополе Нимфея и из кургана у с. Ромейковка. Остальные датируются IV—III вв. до н. э.

Существенно заметить, что в Греции поножи были одной из составных частей защитного вооружения гоплита. В Северном Причерноморье поножи входили в состав вооружения конных воинов. Для тех же целей, что и поножи, употреблялись наколенники, набранные из отдельных металлических пластин так же, как и панцири (Черненко Е. В., 1968, с. 118; 1981, рис. 95, табл. 33, 3). Этот вид защитного вооружения не имел широкого распространения и зафиксирован лишь в нескольких курганах Северного Причерноморья.

Все описанные виды наступательного и защитного вооружения были распространены не только в среде собственно скифских племен, у населения лесостепных областей и меотов нижнего Дона и Прикубанья, но и в греческих городах Северного Причерноморья. Население Ольвии и Пантикапея и других античных центров почти не пользовалось характерным для греков оружием. Найденные при раскопках греческих некрополей Северного Причерноморья наконечники стрел, копий, мечи принадлежат к скифским типам. Скифскими же являются изредка встречающиеся в тех же некрополях панцири с металлическим набором. От скифов или их лесостепных соседей восприняли в VI в. до н. э. защитное вооружение с металлическим набором фракийские племена Карпато-Дунайского и Балкано-Дунайского регионов. Однако там оно не имело столь широкого распространения, как в Скифии.

Конское снаряжение. Громадное значение лошади в военном быту скифов способствовало тому, что конскому снаряжению уделялось не меньше внимания, чем оружию. По сохранившимся в курганах остаткам можно составить достаточно полное представление о конской уздечке. Гораздо меньше данных имеется о других частях конской сбруи. В VII и первой половине VI в. до н. э. в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Прикубанье продолжали бытовать литые бронзовые удила, из-

вестные еще в киммерийскую эпоху. Правда, двукольчатые удила встречаются редко и только в памятниках правобережной лесостепи конца VII в. до н. э. (курганы 2 у сел. Жаботин и Мошны; Ильинская В. А., 1975, с. 109). Удила со стремечковидными кольцами на концах (табл. 35, 1, 2) продолжали довольно широко употребляться до середины VI в. до н. э. (курган 8 у с. Волковцы). Железные удила появились на Северном Кавказе в VII в. до н. э., а на остальной территории — в начале VI в. до н. э. и окончательно вытеснили бронзовые к концу столетия. Однако бронзовые и железные удила по принципу устройства не отличались друг от друга. Все они двусоставные: два звена подвижно соединялись в середине при помощи круглых петель. Те и другие не имели специальных колец на концах для скрепления с уздечными ремнями. Роль этих последних выполняли псалии. В VII—VI вв. до н. э. существовали удила, по форме подражающие литым бронзовым, со стремевидными, наглухо откованными петлями на концах (табл. 35, 3). Во второй половине VI в. до н. э. они были заменены железными удилами с загнутыми в петли концами (табл. 35, 5а). Такой тип просуществовал без значительных изменений до конца скифской эпохи. В IV—III вв. до н. э. на стержни удил у петлевидных концов нередко надевались кольца с четырьмя шипами (табл. 36, 12). Очевидно, это приспособление было предназначено для того, чтобы получить возможность легче управлять лошадью, особенно строптивой. Острые шипы, легко вонзающиеся в губы животного, заставляли его повиноваться воле всадника.

С бронзовыми удилами в конце VII в. до н. э. иногда употреблялись бронзовые псалии новочеркасского типа (табл. 35, 8). Но уже в то время появились железные трехпетельчатые псалии с прямым или загнутым стержнем (табл. 35, 6) и бронзовые такой же формы, иногда с головкой в зверином стиле на одном конце (Петренко В. Г., 1983, с. 46, рис. на с. 47). В VI в. до н. э., особенно в украинской лесостепи и на Посулье, были широко распространены трехдырчатые псалии из кости и рога, украшенные в зверином стиле (табл. 35, 7, 9).

Псалии из разных материалов, но имевшие три отверстия в стержне или три петли, привязывали к бронзовым или железным удилам через среднее отверстие или петлю. В этом же отверстии крепился средний отросток нащечного ремня уздечки, тогда как крайние отверстия или петли псалия служили для крепления двух боковых отростков нащечного ремня (Ильинская В. А., 1961, с. 38—60).

В начале V в. до н. э. псалии с тремя отверстиями были заменены псалиями с двумя отверстиями, помещенными в восьмеркообразных расширениях (табл. 35, 5б, в, 10, 12, 13, 18). Такие псалии просуществовали до конца скифской эпохи. Они крепились с удилами и ремнями узды иначе, чем псалии с тремя отверстиями: их не привязывали к удилам, а вставляли в концевые петли удил (табл. 35, 4, 13, 18, 23). Утолщения на месте отверстий, расположенные выше и ниже центральной части, удерживали псалии в петлях удил. Употребление двухдырчатых псалий привело к некоторым изменениям в строении уздечки. Нащечные ремни ого-

ловья раздваивались на конце и прикреплялись только к псалиям.

Для крепления повода в IV—III вв. до н. э. применялись пряжки. Они имеют вид кольца с треугольной рамкой. Кольцо продевали в петлю удил, а к рамке прикрепляли повод (табл. 36, 31—33). При едином принципе крепления двухдырчатых псалиев их форма, характер украшения и отделка концов отличались друг от друга. Основными были четыре типа псалиев: S-образной, С-образной, Г-образной форм и в виде прямого стержня с плоскими шипами на концах. Все четыре типа псалиев появились в начале V в. до н. э., но в V в. до н. э. преобладали S-образные и Г-образные, многие из них отливались из бронзы (табл. 35, 4, 12, 13, 18). В IV—III вв. до н. э. господствовали прямые железные псалии, наряду с ними встречались железные С-образные формы с небольшими шляпками на концах (табл. 36, 7, 8, 10).

Бронзовые псалии S- и С-образной форм в V в. до н. э. довольно часто имели концы, оформленные в зверином стиле (табл. 35, 4, 5б, в, 10, 12).

Конские уздечки делали из сыромятных ремней. Все они были украшены бляшками, особенно в местах их соединения, где это имело еще утилитарный смысл — укрепить узды. В курганах ремненные части уздечек, как правило, не сохраняются. Лишь в кургане у хут. Шумейко на Посулье были найдены остатки узды, которые позволяют говорить о том, что ременная узда, употреблявшаяся в Северном Причерноморье, была близка к алтайской (табл. 35, 5; Ильинская В. А., 1961, с. 38—60). Паходки в Пазырыкских курганах помогли создать ее точную реконструкцию (Грязнов М. П., 1950; Руденко С. И., 1953). Уздечка состояла из затылочного, палобного, наносного и подбородочного ремней, прикреплявшихся к нащечным ремням. Налобный ремень не всегда применялся скифами.

В VII—V вв. до н. э. для скрепления перекрестных ремней надевались бронзовые или костяные пронизки в виде кубиков или цилиндров с четырьмя круглыми отверстиями, через которые продевали ремни (табл. 35, 5, г, д, 24—25). Иногда для тех же целей служили бляшки с ушками на обороте (табл. 35, 21, 22). Многие пронизки имели на одной из сторон украшение в зверином стиле. В зверином стиле выполнено и большинство бляшек. В тот период ремни часто украшали бронзовыми обоймочками или небольшими бляшками, например узда из кургана 1 у с. Волковцы (Ильинская В. А., 1968, с. 114, рис. 29). В IV—III вв. до н. э. для закрепления перекрестных ремней узды применялись довольно крупные или более мелкие круглые бронзовые, золотые или серебряные бляхи с ушком на обороте (табл. 36, 4, 20—23, 27, 28).

Начиная с V в. до н. э. в состав уздечки обычно входили: одна фигурная, реже — пластинчатая бляха, которая употреблялась в качестве налобника или наносника, две парные плоские бляхи, служившие нащечниками. Те и другие обычно изготовлялись из бронзы, реже — из серебра или золота и, как правило, были выполнены в зверином стиле.

Фигурные наносники, надевавшиеся на среднюю часть наносного ремня, имели более или менее узкий, продолговатый, щиток, от верхнего конца

которого отходила вперед скульптурная головка животного или птицы, обращенная в фас (табл. 35, 20; 36, 2, 2А, 29). В месте основания головки пахнется круглое отверстие для поперечной ремня. В некоторых случаях отверстие заменяет поперечная петля. Самый ранний наносник такого типа происходит из кургана 383 у с. Грушевка конца VI — начала V в. до н. э.

В качестве нащечных блях с V в. до н. э. распространяются такие, которые имеют вид стилизованного птичьего крыла или изображают бедро хищника или копытного животного с парой ног в профиль (табл. 35, 14, 18, 19, 23).

Существенным дополнением к описанным наносникам и нащечникам на уздечках лошадей знатных скифов в IV в. до н. э. были не только круглые бляхи, но и выполненные в зверином стиле в виде солнечного колеса с четырьмя головками грифонов или коней (табл. 36, 13).

Появление больших массивных пластинчатых налобников из бронзы, закрывающих всю переднюю часть морды коня от лба до поздней, относится еще к распискифскому времени. Вероятно, прав Е. В. Черненко, полагая, что эти налобные пластины не столько имели орнаментальное значение, сколько были средством защиты боевого коня своеобразным конским доспехом. Своим происхождением они обязаны знакомству скифов с защитными доспехами боевых коней, применявшимися в ассирийской армии (1980, с. 162). Дальнейшее развитие защитные пластинчатые налобники получили в V в. до н. э. (табл. 35, 18, 19; Черненко Е. В., 1980, с. 165, рис. 10). Они несколько отличаются друг от друга и от налобников VI в. до н. э. по форме и орнаментации, но сохраняют большие размеры (36 и 43 см в длину) и выполнены в технике литья. На налобнике из Завадской Могилы 1 вместо петель имеются две пары прорезей для крепления налобника к ремням узды (табл. 35, 18).

Помимо налобников-доспехов, с V в. до н. э. существовали и пластинчатые налобники, видимо, чисто орнаментального назначения. Наиболее простым видом их являются вытянутые ромбовидные пластины из бронзы длиной 7—10 см с продольным ушком на обратной стороне (Ильинская В. А., 1968, с. 122). К первой половине V в. до н. э. относится золотой ромбовидный налобник из кургана 401 у с. Журовка, украшенный в зверином стиле (табл. 35, 11). Золотые пластинчатые налобники хорошо известны по находкам в ряде богатых курганов скифской знати IV—III вв. до н. э. (Мозолевский Б. М., 1979, с. 31, рис. 17, 20, 1).

В комплект украшений уздечек с пластинчатыми налобниками с изображением змееногой богини входили бляхи для перекрестных ремней, передающие женское лицо в фас, и более мелкие бляшки с розеткой (табл. 36, 18, 19, 31). Чисто греческие сюжеты и стилистические особенности позволяют считать эти комплекты конских украшений сделанными в одной из греческих мастерских Северного Причерноморья. Оригинальный золотой пластинчатый налобник с изображением сцены из скифской мифологии происходит из кургана 1 у с. Волковцы на Посулье (раскопки 1897 г.) IV в. до н. э. (Ильинская В. А., 1968, с. 124, рис. 34; Безсонова С. С.

1977, с. 13—14). Все описанные золотые пластины тонкие, изображения на них штампованные. Основой для налобников служило дерево.

По принципу устройства, способам крепления удил с псалнями уздечки скифов и их ближайших соседей — лесостепных племен, а также меотов не отличались от савроматских и уздечек, употреблявшихся народами Сибири и Средней Азии. Однако, как и в вооружении, скифы создали ряд местных форм псалней и уздечных наборов. Особенно заметны различия в металлическом наборе уздечки V—IV вв. до н. э. Налобники и нащечники, известные по находкам в курганах Северного Причерноморья, не имеют прямых аналогий в савроматских, сибирских и среднеазиатских комплексах.

Помимо уздечных, в IV в. до н. э. скифам были известны нагрудные украшения коней (табл. 36, 5, 17). Они встречаются в ряде степных курганов скифской знати, при конских погребениях (в курганах Мелитопольском, Голстой Могиле, Огузе, Солохе, Чертомлыке и др.; Ильинская В. А., 1973б, с. 50 сл.; Мозолевский Б. М., 1982, с. 200).

Очень мало данных в нашем распоряжении для суждения о седельной упряжке у скифов и их ближайших соседей. Судя по изображениям на Чертомлыцкой вазе и на костяной пластине из Куль-Обы седла у скифов были, по-видимому, подушечного типа, без твердой деревянной основы. Другие изображения передают еще более простой тип седла, именованного вид небольшого покрывала или подстилки с нагрудником и подиругой (на рукояти меча и золотой обкладке пожен из Чертомлыцкого кургана, на серебряном сосуде со сценой охоты из Солохи).

Однако есть некоторые основания для того, чтобы предполагать существование во второй половине IV — начале III в. до н. э. твердых седел с деревянной основой. В конских погребениях некоторых царских курганов были найдены тонкие золотые пластины седельного набора с мелкими дырочками по краям, которые могли набиваться только на твердую основу. Золотые пластинки — фигурные и четырехугольные — служили для обивки передней и задней луки седла. Такие же по форме, но серебряные пластины найдены при погребениях двух коней в кургане Желтокаменка (Мозолевский Б. М., 1982, с. 200).

Для крепления подиружжных ремней употреблялись железные, бронзовые, иногда серебряные пряжки и кольца (табл. 36, 33—35). Пряжки были такой же формы, как и те, которые употреблялись для крепления повода. Встречаются пряжки другого типа, также служившие для стягивания подиружжных ремней. Среди них особенно часты круглые литые бронзовые с выступом-пуговкой или с тремя выступами (табл. 36, 35).

Скифским всадникам не были известны металлические стремена, вероятно, они пользовались мягкими ремешками. Некоторые исследователи ошибочно трактуют в качестве стремени изображение свисающего ремня у стреноженного коня на чертомлыцкой амфоре. Такое допущение, отметила В. А. Ильинская, совершенно невозможно, ибо стремя не может находиться под передней ногой коня и составлять продолжение подируги (1973б, с. 60).

Повозки. Скифские повозки — неотъемлемая часть

быта кочевников — известны нам далеко не полно. Из описания Псевдо-Гиппократа, приведенного выше, следует, что скифские повозки могли быть четырех- и шестиколесными. Лишь в последние 10—15 лет благодаря археологическим раскопкам стали известны отдельные их детали. До этого времени такие находки были сделаны лишь в Краснокутском и Александропольском курганах. Специально занимавшаяся данным видом скифского снаряжения С. С. Бессонова собрала сведения о 12 остатках повозок из степных скифских курганов IV в. до н. э., в основном относящихся к числу наиболее богатых, принадлежавших скифской аристократии (1982, с. 102—117). В курганах повозки встречаются в разобранном или разломанном виде, что затрудняет восстановление их конструкции. Наиболее выразительные находки сделаны во входной яме 1 во впускном погребении Гаймановой Могилы. Это стенка повозки, скрепленная железными обоймами, к которой были прислонены четыре колеса, спяты с осей (Видзля В. Г., 1971, с. 46). Хотя известны еще несколько случаев паходок степок повозок, реконструировать кузов на основании сохранившихся остатков невозможно. Достаточно определенное представление сейчас можно составить лишь о колесах, их размерах и конструкции.

Большинство скифских повозок, видимо, было четырехколесными, так как чаще встречаются в курганах остатки именно четырех колес (Гайманова Могила, Краснокутский курган, Казенная Могила и др.). Находка шести колес в боковом погребении Александропольского кургана позволила С. С. Бессоновой предположить, что здесь находились остатки двух повозок — четырехколесной и двухколесной. Однако отсутствие сколько-нибудь убедительных данных о применении скифами двухколесных повозок не позволяет присоединиться к этому мнению. Вместе с тем приведенное выше свидетельство Псевдо-Гиппократа не исключает возможности существования шестиколесных телег.

Колеса всех скифских повозок многоспицевые, с ободом и ступицей. Диаметр их колеблется в пределах 0,80—1,20 м. Лишь одно из восьми найденных в Казенной Могиле колес имело диаметр около 0,60 м. Количество спиц 10—12, ступицы были боченковидными или цилиндрическими. Большинство известных в настоящее время колес сделаны из дерева без применения металла или с очень небольшими металлическими деталями. Так, в Толстой и Гаймановой Могилах ободы колес состояли из четырех дуг, скрепленных железными обоймами, а колеса из входной ямы Гаймановой Могилы имели железные оковки по краям ступицы.

Паряду с деревянными использовались колеса более сложной конструкции — с железными шинами, набитыми на деревянные ободья, и с железными оковками ступиц и наосьниками (табл. 37, 19). Кузова повозок с такими колесами имели большое количество металлических скрепляющих деталей. Наиболее значительный набор железных деталей от колес и кузовов двух повозок происходит из Краснокутского кургана (Мелюкова А. И., 1981, с. 18—36). Помимо Северного Причерноморья, остатки повозок с применением железных шин, оковок ступиц и наосьников были найдены в нескольких меот-

ских курганах IV—III вв. до н. э. в Прикубанье. У сарматов, как и на Алтае, существовали лишь сплошь деревянные повозки.

Скифские повозки с применением железных деталей могут быть сопоставлены с одновременными им фракийскими. Возможно, они имеют общее происхождение, хотя не исключено, что такие повозки делали для скифов в мастерских античных городов.

Общий вид фракийской четырехколесной повозки передан на рельефе V—IV вв. до н. э. из Шаплы-Дере. Это телега с относительно невысоким кузовом прямоугольной формы. Такой же кузов, видимо, изображен на рельефе из Трехбратнего кургана (табл. 37, 20; Бессонова С. С., 1982). Как на одном, так и на другом рельефах хорошо показаны решетчатые, а не сплошные борта повозки. В кургане 43 Гайманова поля были обнаружены отпечатки заднего борта телеги высотой 45 см, состоявшего из горизонтального бруса, на котором под углом были закреплены две планки. В пространстве между планками на горизонтальном бруске были закреплены деревянные прутья (?) толщиной 1,2 см. Остатки сплошного деревянного борта обнаружены в кургане 13 в группе БОФ. Очевидно, одни скифские телеги имели кузова с решетчатыми бортами, близкие к фракийским, другие — со сплошными бортами.

Погребальные повозки скифских царей и знати, видимо, имели какой-то полог и были украшены по углам навершиями. Об этом свидетельствуют находки множества нашивных блях, вероятно, некогда составлявших орнамент на пологе, и четырех или шести наверший в наиболее богатых скифских курганах, таких, как Чертомлык, Толстая и Гайманова Могила, Краснокутский курган, и др.

Во всех царских курганах, где найдены остатки повозок, обнаружены конские могилы. Однако в большинстве случаев в этих могилах погребены верховые, а не упряжные кони. С. С. Бессонова предполагает, что отсутствие в большинстве погребений упряжных коней объясняется обычаем приносить их в жертву во время погребального обряда. По мнению С. И. Руденко, упряжными животными у скифов были преимущественно волю. Думаю, что это касается обычных повозок, употреблявшихся в быту и сделанных из дерева. Повозки с металлическими деталями, на которых везли к месту погребения знатных лиц, скорее всего были предназначены для конской упряжки. Косвенным свидетельством этого могут быть находки остатков повозок со сходными металлическими конструкциями в ряде меотских курганов Прикубанья вместе со скелетами лошадей (Карагодеуашх, Елизаветинские 1914 и 1915 гг., Васюринский, Марьевский).

Запрягали в повозки как волов, так и лошадей при помощи ярма и дышла. Выразительные остатки дышла, окованного бронзовой пластиной с изображением богини Интар, происходят из кургана 1 у хут. Красное Знамя на Ставрополье (Петренко В. Г., 1980, с. 15—19). Дышловый тип упряжки в Евразии до конца римского времени оставался единственно известным не только для воловьей, но и для конной тягловой силы.

Навершия. Одну из достопримечательных категорий вещей скифской материальной культуры составляют металлические навершия, назначение ко-

торых до сих пор окончательно не установлено (подробно о существующих точках зрения см.: Глліньска В. А., 1963, с. 33—60). Условия находок их в погребениях весьма разнообразны. Павершия от одного-двух до десяти встречаются вместе с уздечными наборами, с остатками повозок и без них среди приношений погребальной тризны, а также в составах погребального инвентаря. Из этого следует, что павершия не составляли часть какого-то определенного предмета, применение их скорее всего было не обычным бытовым, а культовым и поэтому могло быть связано с различными церемониями (Глліньска В. А., 1963, с. 33—60). Всего в настоящее время известно более 140 экземпляров паверший. Появление их в скифском быту относится ко второй половине VII в. до н. э. Большинство раннескифских паверший происходит из памятников Северного Кавказа — Прикубанья и Ставрополя, откуда известны наиболее древние экземпляры VII — начала VI в. до н. э. Вторым районом, где в VI — начале V в. до н. э. были распространены павершия, является Посулье. На правобережье среднего Приднепровья и в степи в VII—V вв. до н. э. находки паверший немногочисленны. Павершия IV — начала III в. до н. э. происходят в основном из степных курганов скифской знати. В Прикубанье и на Посулье для этого времени их мало, а в правобережной лесостепи они и вовсе отсутствуют.

Раннескифские павершия VII — начала V в. до н. э. отличаются от более поздних по форме и орнаментации. Среди них преобладают экземпляры в виде полых круглых, овальных, грушевидных или биконических бубенцов с прорезями и металлическим шариком внутри. Втулки их более или менее высокие, круглые в сечении, расширяются к нижнему концу. Сверху большинство паверший украшено скульптурными изображениями головок животных в зверином стиле — быка, птицы, грифона (табл. 37, 2—3, 5, 7, 9, 11). Иногда на бубенце передана целая фигурка животного (табл. 37, 8). На тех бубенцах, где нет скульптурных изображений, имеется солярный знак. Преобладают литые бронзовые экземпляры, реже встречаются павершия, выполненные из железа. Последние вместо втулки для насада имели довольно длинный железный стержень-черешок (табл. 37, 4). На железные стержни насаживалась и значительная часть бронзовых паверший. Нижняя часть такого стержня, очевидно, вставлялась в древко. Судя по остаткам древка, сохранившимся в Старшей Могиле, длина жерди с павершием достигала приблизительно 1,75 м.

Существовали в раннескифское время и павершия без бубенца, украшенные головкой копья или плоской головой птицы (табл. 37, 6).

Павершия V—IV — начала III в. до н. э., происходящие из степных скифских курганов, редко имеют прорезной бубенец с металлическим шариком внутри. Наиболее выразительные образцы таких паверший происходят из Толстой Могилы (табл. 37, 10). Однако в отличие от более ранних их грушевидные бубенцы имеют не продольные или подтреугольные вырезы, а ажурный орнамент, в основе которого лежит пальметный рисунок. В основании бубенцов расположены ушки — петельки для привязывания колокольчиков, что характерно почти

для всех паверший из степных скифских курганов IV—III вв. до н. э.

Из нескольких степных курганов IV в. до н. э. происходят бронзовые павершия, у которых втулчатой формы бубенец со стрельчатыми прорезями является одновременно и втулкой с двумя петельками по сторонам. Украшены такие павершия фигуркой птицы с распростертыми или прижатыми крыльями (табл. 37, 12, 14). Однако в IV — начале III в. до н. э. преобладали плоские ажурные павершия на втулках, преимущественно овальных или прямоугольных в разрезе с подвижными колокольчиками. Украшения представляли изображениями фантастических животных: крылатых львиноголовых грифонов, дракона или грифона-гиппокампа, сильно стилизованного оленя и козла. На павершиях из Краснокутского кургана переданы сцены терзания хищника кошачьей породы грифом-гиппокампом (табл. 37, 15), а на павершии из Слоповской близницы — герой-человек, поражающий крылатое чудовище, которое душит молодого оленя (табл. 37, 1). На двух павершиях из Александропольского кургана изображена крылатая богиня (табл. 37, 17). Павершия с антропоморфным божеством Папаям найдено в урочище Лысая Гора под Днепропетровском (цв. фото 1).

Сюжеты и стиль позднескифских паверший существенно образом отличаются от раннескифских, хотя по происхождению позднескифские павершия, безусловно, связаны с раннескифскими. В отличие от многих произведений скифского искусства IV в. до н. э. на павершиях, пожалуй, менее всего сказалось античное влияние. Думается, что среди них нет изделий, вышедших из греческих мастерских. Ареал паверший не ограничивается упомянутыми областями. Для VI — начала V в. до н. э. известна локальная группа паверший в Карпатском районе, главным образом на территории Венгрии и меньше — Румынии (табл. 28, 39; 30, 18, 30). В отличие от описанных большинство их найдено не в погребениях, а случайно или в кладах вместе с удилами и псалями. В. А. Ильинская и специально детально изучивший их К. Бакаи вполне справедливо считают эту группу связанной по происхождению со скифскими павершиями (Бакаи К., 1971, р. 1—12). Совершенно очевидно, что павершия, найденные в Карпатском регионе, были изготовлены на месте, хотя и по скифскому образцу. К. Бакаи отрицает предположение об использовании скифских паверший в качестве украшений погребальных катафалков и считает их своеобразным музыкальным инструментом шаманов. В. А. Ильинская, говоря о семантике изображений на скифских павершиях конца VII — начала V в. до н. э., пришла к выводу, что она связана с культом солнца — верховного божества и идеей плодородия, как и на более ранних павершиях из Передней и Малой Азии и Кавказа. Следовательно, такой же культовый смысл, по В. А. Ильинской, заключали в себе сами павершия (Глліньска В. А., 1963, с. 55 сл.). Павершия из степных скифских курганов IV в. до н. э. отражают антропоморфизацию скифского пантеона, о чем говорит появление паверший с изображениями верховного бога Папая, крылатого женского божества, возможно, Аргимпасы, Геракла-Таргитая (Гра-

ков Б. П., 1950, с. 12; Артамонов М. П., 1961, с. 68). Иначе подошли к раскрытию смысла скифских напершней Е. В. Переводникова и Д. С. Раевский, которые связывают эти предметы с идеей мирового дерева — одной из широко распространенных в древности мифологических концепций, свойственной в том числе и скифам (Переводникова Е. В., Раевский Д. С., 1981, с. 46 сл.). В этой связи им представляется вполне правдоподобной мысль К. Бакал о связи напершней с ритуалами шаманского типа.

Скифское искусство звериного стиля

Звериный стиль, господствовавший в искусстве племен Евразии в скифскую эпоху, получил название «скифо-сибирского». У саков Средней Азии, кочевников Казахстана, Алтая и Тувы и у скифов Северного Причерноморья первые изделия, выполненные в этом стиле, появились в VII в. до н. э., у сарматов они стали известны в VI в. до н. э.

В предшествующих культурах юга СССР нет ничего, что можно было бы прямо связать со скифо-сибирским звериным стилем. Изображения животных, существовавшие в эпоху бронзы у таежных племен Приуралья и Западной Сибири, а также у населения северных предгорий Кавказа, стилистически настолько не похожи на те, которые характерны для скифской эпохи, что их невозможно считать основными прототипами скифо-сибирского искусства. Вместе с тем один из крупнейших знатоков скифо-сибирского звериного стиля Г. И. Боровка подоснову этого искусства все же усматривал в искусстве северных охотничьих племен лесной полосы (Borovka G., 1929). У степных племен эпохи бронзы изображения животных отсутствуют. Благодаря этому появление предметов, украшенных в зверином стиле, на обширной территории Евразии представляется внезапным, не подготовленным предшествующим развитием.

Однако общие элементы звериного стиля, наблюдаемые на всей территории его распространения, особенно ясно выступающие на раннем этапе, позволяют предполагать существование единого источника происхождения указанного стиля. Этот источник пока окончательно не определен, но многие исследователи склонны считать, что прародина скифо-сибирского звериного стиля находилась на Ближнем Востоке, в областях северного Ирана. Названная гипотеза, высказанная в свое время М. Н. Ростовцевым, разрабатывалась М. И. Артамоновым и Н. Л. Членовой. Большую роль сыграла находка «клада» в Зивие (в районе г. Саккыз в северо-западном Иране), состоявшего преимущественно из золотых предметов конца VII в. до н. э.

Анализируя художественные особенности изображений на предметах этого «клада», М. И. Артамонов отмечал: «Представленное здесь искусство, отличающееся от ассирийского, скорее всего было общим для всех народов северного Ирана, этнически и исторически тесно связанных не только между собой, но и с жителями степей Евразии, вследствие

чего оно и легло в основу искусства европейских скифов и азиатских саков» (1961б, с. 35).

По мнению Н. Л. Членовой, скифский и сибирский звериный стили связаны с древневосточным искусством Месопотамии и Ирана, с искусством Луристана и Митанни (печати типа Керкук), чем и объясняются их общие черты (1962; 1971, с. 208—217).

Существуют, однако, и другие точки зрения относительно происхождения скифо-сибирского звериного стиля. Обращая внимание на то, что вещи «клада» на Зивие, выполненные в стиле, близком к скифскому, как бы стоят особняком среди всех других находок на Ближнем Востоке, ряд исследователей полагает, что этот стиль не был свойствен народам северного Ирана. Они считают «клад» принадлежащим скифскому вождю или царю, погибшему во время похода в Переднюю Азию, а предметы, выполненные в манере скифского искусства, сделанными по заказу скифов. Территорией сложения скифо-сибирского стиля являются южные районы Евразии — от степей Украины до Средней Азии и южной Сибири, а ведущая роль в формировании его отводится скифам Причерноморья и сакским племенам Средней Азии. При этом не отрицается большая роль искусства Ближнего Востока. Некоторые из сторонников указанной гипотезы (С. С. Черников, 1965) полагают, что звериный стиль начал складываться в евразийских степях в более древние времена, чем появление на исторической сцене ранних кочевников. Однако первоначально он воплощался в нестойких материалах (дерево, кожа, войлок) и поэтому не дошел до нас. Во время походов в Переднюю Азию создавалась особенно благоприятная обстановка для дальнейшего развития и усложнения образов, характерных для этого стиля. «Стремясь по мере сил подняться до уровня древневосточных владык, кочевая знать использует древние и привычные изображения зверей в организации пышных ритуальных церемоний, в частности погребальных. Их начинают делать из золота и бронзы» (Черников С. С., 1965, с. 138). Именно на этом этапе переднеазиатские мастера внесли значительный вклад в развитие звериного стиля.

В последнее десятилетие все большее и большее признание получает гипотеза об отсутствии какого-то единого источника происхождения и формирования описываемого стиля. Так, М. П. Грязнов полагает, что его возникновение связано с единым процессом сложения и развития скифо-сибирских культур в степях от Дуная до Китая (1980, с. 57 сл.). А. М. Хазанов и А. И. Шкурко склоняются к мысли, что скифский звериный стиль — это новообразование, как и вся скифская культура и идеология кочевников, в обществе которых развивались процессы классообразования. Не отрицая и не умаляя роли переднеазиатского искусства в рождении скифского звериного стиля, эти исследователи считают его созданным скифами, как отражение новых потребностей скифского общества (1976, с. 43 сл.).

По-разному подходя к решению вопроса о происхождении скифо-сибирского стиля, исследователи одинаково оценивают экономическую и социальную среду, в которой возникло это искусство, и выявляют прямую связь его с культом военной доблести.

Звериный стиль был свойствен воинственным племенам Евразии, находившимся на стадии уже далеко зашедшего разложения родо-племенного строя. Именно воинская среда определяла формирование эстетических принципов скифского искусства, которые проявились не только в выборе сюжетов, но и в стиле изображений. Ведущая роль в создании оригинальных сюжетов и образов этого искусства принадлежала аристократии, связанной с войной. В зверином стиле украшали преимущественно оружие и предметы конского снаряжения, а также ритуальную посуду и костюм. Мотивы хищных животных и птиц или их частей — глаза, когти, лапы, раскрытая пасть — не только имели орнаментальное назначение, но носили еще и сакрально-магический характер. Они как бы усиливали боевые качества оружия и коня, придавали особую силу, смелость, меткость удара, быстроту воинам-всадникам. Предполагают, кроме того, что у скифов животные (при том различные), образы которых представлены в зверином стиле, могли находиться в связи с представлением о божественной благодати. При этом одни и те же животные служили для олицетворения различных божеств. Полисемантичность религиозной стороны звериного стиля могла выступать также в многозначности его функциональной нагрузки (Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1976, с. 46).

Искусство звериного стиля, органически связанное с вещами определенного назначения, отличается приспособленностью к формам этих вещей, умением размещать фигуры в пространстве, сочетанием живого реализма со своеобразной стилизацией образов.

На обширной территории распространения скифо-сибирского звериного стиля уже на начальном этапе его существования сложилось несколько групп или областей, отличавшихся друг от друга по ряду признаков. Скифские племена степной части Северного Причерноморья, Крыма, скифы и меоты Северного Кавказа и население лесостепных областей Украины были создателями одной из групп скифо-сибирского звериного стиля. Особенности, отличающие эту группу от остальных, выступают главным образом в употреблении некоторых местных мотивов и особых стилистических приемов, не свойственных другим областям, в сильном влиянии не только переднеазиатского, но и греческого искусства, распространявшемся через соседние города-колонии. Они прослеживаются как в ранний период существования звериного стиля, так и особенно в процессе его развития. О локальных вариантах внутри группы можно говорить для V—III вв. до н. э., когда заметно выступают некоторые своеобразные черты в искусстве племен правобережья и левобережья Среднего Приднепровья, среднего Дона, Кубани, степной части Северного Причерноморья (Шкурко А. М., 1976, 1977). Возникновение локальных вариантов в значительной степени было связано с различными преобладающими в том или ином районе центрами производства, а также с внешними влияниями. Так, на среднем Дону прослеживается воздействие савроматского звериного стиля, а в степи — греческого и фракийского искусства.

В истории искусства скифского звериного стиля наблюдается три основных этапа его развития:

1) вторая половина VII—VI в. до н. э.; 2) V в. до н. э. и 3) IV—III вв. до н. э. Эволюция идет в направлении от достаточно четких, лишь обобщенно трактованных, но реальных образов к их орнаментальной схематизации, тогда как основные мотивы мало меняются с течением времени.

Остановимся коротко на характеристике каждого из трех этапов развития скифского звериного стиля. Еще недавно считалось, что наиболее древние произведения скифского искусства этого стиля относятся ко времени Келермесского и Мельгуновского курганов, а также находок в Зивисе, т. е. к рубежу VII—VI вв. до н. э. В настоящее время достаточно хорошо выявлен более древний пласт изделий, относящийся к середине — второй половине VII в. до н. э. Он представлен в ряде мест Предкавказья (Петренко В. Г., 1983, с. 43 сл.; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., 1983, с. 49 сл., рис. 1), в погребении на Темир-Горе под Керчью (Яковенко Э. В., 1976б, с. 128 сл.), а также в нескольких погребениях на правобережье среднего Приднепровья (Ильинская В. А., 1975, табл. VII). Это преимущественно столбики для перекрестных ремней с изображением орлиной головы или одного клюва (табл. 35, 24, 25) и фантастического образа барано-птицы или грифо-барана — комбинации головы барана с клювом орла. Последний наиболее ясно выступает на головке из кости, исполненной в круглой скульптуре, найденной в погребении середины — второй половины VII в. до н. э. на Темир-Горе (табл. 38, б). На поверхности ее имеются дополнительные изображения — две фигурки лося и одна лошади. Сочетание образов лошади и лося с образом барано-птицы указывает на круг солярной символики, хорошо известной на многих предметах раннескифского искусства (Яковенко Э. В., 1976б, с. 129). Изображения орлиной головы или одного клюва, а также фантастического образа грифо-барана или барано-птицы были широко распространены в скифском искусстве конца VII—VI в. до н. э. Из курганов Посулья VI в. до н. э. происходит несколько бронзовых наверший, украшенных головками странных фантастических зверей, сочетающих черты грифона с длинными ушами и морду какого-то тупоносого зверя (табл. 37, 7).

В докелермесское время появился образ свернувшегося в кольцо хищника (табл. 38, 4, 5) и козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (табл. 39, 21). К предскифской эпохе относятся находки бронзовых псалиев с концами, оформленными в зверином стиле. На одном конце псалия из кургана у хут. Алексеевского изображено конское копыто (Иссен А. А., 1954, рис. 4), оба конца псалия из меотского погребения 39 у хут. Кубанского украшены грифоньими головами (Анфимов Н. В., 1971, с. 175, рис. 4). Изображения копыта травоядных особенно широко распространяются в лесостепи в конце VII—VI вв. до н. э. на костяных псалиях, на одном конце которых голова птицы, барана или коня, а на втором — копыто (табл. 39, 2, 9).

Наиболее яркие образцы звериного стиля, относящиеся к первому этапу, происходят из Мельгуновского и Келермесских курганов. Они выполнены в золоте и представлены изображениями газирующего оленя на выступах ножен мечей,

остальные части которых украшены в стиле переднеазиатского искусства. Такие же фигурки оленей или колчана из Келермесского кургана (см. ниже). Вертикальные края этой пластины снабжены бордюром из ряда одипаковых фигурок хищника, вероятно, пантеры. Этот же хищник в такой же позе представлен массивной золотой бляхой из Келермеса, служившей украшением щита. Лапы и хвост пантеры заняты воспроизведениями свернувшегося хищника. Известны также изображения стоящего и как бы присевшего на корточки хищного зверя кошачьей породы (табл. 39, 23). Из копытных животных наиболее распространенными в искусстве первого этапа были фигурки галопирующего оленя (табл. 38, 7; 39, 5), лося или лосихи. В одних случаях последние переданы в позе, близкой к галопирующему оленю, в других лось передан с повернутой назад головой (табл. 39, 4, 10).

Перечисленные образы хищных и копытных животных известны на всей территории распространения скифо-сибирского звериного стиля. Однако по стилистическим особенностям скифские изображения отличаются от одновременных им изделий Сибири и Средней Азии. Показ лося (лосихи) в VII—VI вв. до н. э. свойствен преимущественно искусству племен Северного Причерноморья. Может быть, этот образ был введен в круг мотивов скифского звериного стиля лесостепными племенами, хорошо знакомыми с таким животным местной фауны. Повидимому, не случайно самые ранние воспроизведения лосей происходят с территории лесостепного правобережья Днепра, из кургана 2 у с. Жаботина конца VII или рубежа VII—VI вв. до н. э. В лесостепи же получили особенно широкое распространение, правда, в V в. до н. э., бляхи в виде головы лося или лосихи (табл. 39, 38).

В передаче отдельных частей животных, встречающихся в Северном Причерноморье, не менее отчетливо, чем целых фигур, просматриваются местные черты. Для звериного стиля Сибири не были характерны обычные в искусстве племен Северного Причерноморья изображения головы лошади, барана, грифо-барана или копыта травоядных. Эти образцы относятся к самобытным произведениям скифского художественного творчества. Некоторые приемы стилизации зооморфных образов, восходящие к технике резьбы по дереву и кости, также отличают скифское искусство от сибирского.

Для скифского звериного стиля VII и VI вв. до н. э. характерны четкость и выразительность форм, позволяющие воспринимать не только образ в целом, но и отдельные его детали. В изображениях подчеркивались особенности того или иного вида животных — плечо и круп хищников и травоядных, рога оленей, козлов и баранов, клюв и глаза хищной птицы. Для этого чаще всего использовались резко ограниченные плоскости и гораздо реже — дополнительные изображения. Раннему искусству не свойственна «боязнь пустоты». Подчеркивание деталей и украшение отдельных частей тела животного дополнительными звериными мотивами получают развитие в конце VI — начале V в. до н. э. (табл. 38, 8, 18; 39, 38). В плечо или бедро хищника и травоядного как бы вписывается голова или целая

фигура другого зверя, а рога, когти, хвост превращаются в птичьи головки. Наиболее ярким примером является бронзовая бляха в виде свернувшейся пантеры из кургана Кулаковского в Крыму. На плече животного изображена фигура лежащего козла, а под ней — голова лося (Яковенко Э. В., 1976б, рис. 6). Лапы и хвост дополнены птичьими головками. Птичья головка помещена и на бедре. При сравнении этой бляхи с более ранними образцами того же мотива можно видеть еще одну особенность скифского искусства V в. до н. э.: фигура пантеры из кургана Кулаковского отличается удлинненностью пропорций и схематизмом.

Наблюдается еще ряд изменений в зверином стиле, происходивших в V в. до н. э. Исчезают головки в виде коня, барана и грифо-барана, но получают распространение бляхи в виде головы лося, кабана (табл. 38, 11, 21; 39, 30, 38, 55), а также в виде ноги или пары задних ног копытного животного или хищника, когтей, лап, уха. Некоторые изображения достаточно реалистичны, другие более стилизованы (табл. 38, 12, 19, 20; 39, 50, 54). Вместе с тем продолжает сохраняться скульптурная выразительность образа. Черты некоторой деградации отчетливо выступают на произведениях с другими мотивами. Из кургана Бабы и некоторых других на нижнем Днепре, например, происходят золотые бляшки с изображением оленя (табл. 38, 9, 10, 13). По общей схеме эти изображения близки к более ранним, но благодаря иной трактовке некоторых деталей образ лишен динамики, стремительности движения, присущих оленям на бляшках VI в. до н. э.

Отличается от ранних и передача в V в. до н. э. мотива орлиной головы. Элементы орнаментальной стилизации хорошо прослеживаются, например, на навершиях из кургана начала V в. до н. э. близ Ульского аула на Кубани, имеющих форму больших голов орла. Клюв птицы трактован в виде спирали, а глаз изображен в виде человеческого. По краю нанесены стилизованные птичьи головки (клюв и глаз). Свободное пространство в основании одного из наверший занято фигуркой горного козла (Артамонов М. И., 1966, табл. 58).

Становится обычным прием, когда в единый мотив сливаются отдельные элементы, характерные для одного или разных животных. Так, в основании наверший мечей, имеющих форму когтей хищной птицы, вписывались птичьи глаза (табл. 32, 9). На бронзовых бляхах из Защиты с изображением крылатого козла копыта этого животного заменены когтями птицы (табл. 39, 34). Из кургана Г у с. Журовка происходит бронзовая бляха, на которой лапа хищника служит как бы постаментом для полной фигуры лося (табл. 39, 35). На другой бляхе пантера стоит на постаменте, завершающемся когтями хищной птицы.

В V в. до н. э. в скифское искусство мощной струей вливаются античные мотивы. Этому способствуют не только тесный контакт местных племен с обитателями греческих городов Северного Причерноморья, но и то обстоятельство, что ряд произведений в скифском зверином стиле производился в мастерских этих городов. В Ольвии, например, уже в VI в. до н. э. изготавливались крестообразные

бляхи, орнаментированные головками орлов и грифонов или фигурками хищников, зеркала с барсом на ручке, бляхи в виде головы льва с раскрытой пастью и некоторые другие (табл. 39, 51).

Работая на скифских заказчиков, греческие мастера вносили некоторые элементы античного искусства в трактовку того или иного привычного для скифов образа. Это хорошо видно на примере бронзовых ажурных блях в виде головы грифона с большими звериными ушами, торчащим гребнем, хищно открытым клювом с вертикально торчащим языком (Капошина С. И., 1956, с. 184—186). Изображение гребня и уха в виде рубчатой пальметты указывает на связь образа с греческим орнаментальным мотивом. Под греческим влиянием в V в. до н. э. внедряется в скифский звериный стиль растительный орнамент. Показательна золотая бляшка, вероятно, обивка деревянного сосуда с изображением задней ноги копытного животного из кургана Бабы на нижнем Днепре. На ней чисто скифский мотив звериного стиля сочетается с греческой пальметкой. Сочетание пальметки в одном случае с изображением головы орла, а в другом — головы лося мы видим на бронзовых уздечных бляхах из кургана 401 у с. Журовка и 459 у с. Турья (табл. 39, 38, 49).

Заемствованным от греков считается мотив борьбы зверей, впервые появившийся в скифском искусстве в V в. до н. э. и распространившийся в IV в. до н. э. К V в. до н. э. относятся золотая бляха из кургана близ Ульского аула на Кубани, на которой изображен грифон, терзающий оленя, и золотая колчанная накладка из с. Ильичево (на ней — орел, змея и хищник, терзающие оленя; табл. 38, 8).

В V в. до н. э. начинают складываться местные особенности звериного стиля у населения среднего Дона, наиболее четко проявившиеся в IV—III вв. до н. э. Наряду с обычными для всего Северного Причерноморья зооморфными изображениями здесь встречаются изображения животных лесной фауны, прежде всего медведя, а также кабана, волка и оленя в трактовке, свойственной предметам звериного стиля савроматов и племен ананьинской культуры.

Сравнение зооморфных изображений из курганов среднего Дона с происходящими из савроматских памятников позволяет говорить о том, что искусство звериного стиля населения среднего Дона в своем генезисе и развитии было связано с савроматским (Смирнов К. Ф., 1964).

Черты схематизма и орнаментальной стилизации, появившиеся в V в. до н. э., постепенно развиваясь, приводят в IV в. до н. э. к серьезным изменениям в искусстве звериного стиля. Теряются четкость и скульптурная выразительность образов, изображения превращаются в линейно-плоскостную схему и смысл их улавливается с большим трудом, только при сопоставлении с более ранними произведениями.

В IV—III вв. до н. э. в греческих колониях Северного Причерноморья для местной аристократии изготавливалось большое количество вещей скифского типа, но с греческими мотивами украшений или скифскими сюжетами в греческой трактовке. Наиболее богатые скифские курганы — Куль-Оба, Солоха, Чертомлык, Мелитопольский, Толстая Могила и другие содержат большое количество изделий

такого рода. Многие из них отличаются высокими художественными качествами, свидетельствуя о переклассном мастерстве их творцов.

Внедрение в быт скифской аристократии изделий, сделанных греческими торевтами, привело к тому, что греческие элементы проникают в местное искусство сильнее, чем в V в. до н. э. Однако и в это время они стилистически перерабатываются, приспособляясь к местным сюжетам и формам. Несмотря на существенные изменения, скифский звериный стиль и в IV—III вв. до н. э. не теряет своей самобытности.

Наиболее яркие образцы скифского искусства последнего периода его существования представлены на предметах конского убора, происходящих из конских погребений в царских курганах нижнего Приднепровья. Для указанного района в IV—III вв. до н. э. особенно характерны наборы украшений уздечки из курганов Чертомлык, Чмырева Могила, Краснокутский. Из конской могилы, относящейся к центральному погребению кургана Солоха середины IV в. до н. э., происходят уздечные наборы, еще во многом близкие к образцам звериного стиля V в. до н. э., но уже с элементами схематизма и стилизации, характерными для более поздних произведений скифского искусства. Новые элементы стилизации зооморфных изображений более отчетливо выступают в украшениях узды лошадей, находившихся в могиле, расположенной рядом с боковым погребением этого кургана. Особенно показательны парные нащечные бляхи в виде ноги животного или пары задних ног (табл. 38, 40). Все они плоскостные. Поверхность одних разделена тисненым растительным орнаментом, на других орнамент нанесен гравировкой. Последние нащечники и по форме своей уже далеки от исходных изображений того же мотива в V в. до н. э.

В основании ног появился выступ, передающий голову птицы, тогда как бедро является как бы ее крылом. Впечатление крыла мастер подчеркнул тонкими гравированными линиями. Две лапы животного, по-видимому, хищника, имеют вид стилизованных птичьих головок. Дальнейшую разработку тот же мотив получил на нащечниках во второй половине IV в. до н. э. Золотые и серебряные нащечные бляхи, находившиеся в конских погребениях в кургане Чертомлык, и серебряные, найденные в некоторых других курганах, по форме уже лишь отдаленно напоминают ноги животного. Бедро имеет вид сидящей птицы с маленькой головкой и пушистым оперением, а лапы превратились в мотив бегущей волны, поверхность блях искусно разделана тонкой гравировкой. По стилю изображения птицы являются не скифскими, а греческими, приспособленными к украшению типичных скифских предметов (табл. 38, 39).

В курганах Чмырева Могила, Огуз и Краснокутский найдены нащечные бляхи, по форме также восходящие к изображению пары ног животного, но оформленные иначе, чем описанные выше. По стилистическим особенностям они примыкают к нащечникам, найденным во фракийских памятниках севера Балканского полуострова. Здесь со второй половины VI в. до н. э. существовали свои центры производства предметов звериного стиля. В основе

его лежали скифские образцы, но фракийские мастера внесли в скифский звериный стиль ряд своих элементов, которые особенно заметны на изделиях V—IV вв. до н. э. К ним относятся прежде всего обрамление блях и изображение деталей на них полосами из заштрихованных линий, выполненных тиснением или гравировкой, применение орнамента в виде спиралей и кружков. Что касается зооморфных образов, то здесь еще шире, чем в Скифии, использовались греческие мотивы — орлиноголовый и львиноголовый грифон в характерной для греков стилизации. Однако и во Фракии греческие мотивы применяются для украшения изделий, но форме связанных со скифским звериным стилем, — нащечников в виде пары задних ног, конских налобников и блях, украшавших узду. Стилизация зооморфных изображений на некоторых изделиях заходит столь далеко, что они превращаются в растительный орнамент (Вспедиков И., Герасимов Т., 1973).

Во второй половине IV в. до н. э. предметы, выполненные в зверином стиле из серебра и золота в мастерских северной Фракии, попадают в Северное Причерноморье наряду с произведениями чисто фракийского искусства. В результате в богатых погребениях нижнего Поднепровья найдена целая серия вещей или привезенных из Фракии или изготовленных на месте, но близких к оформленным фракийскими мастерами. Кроме названных нащечников, к ним принадлежат серебряные парные бляхи в виде свастики из Краснокутского кургана, на которых вокруг центрального выпуклого кружка расположено по четыре стилизованные лошадиные головки (табл. 36, 13). Близки к ним по форме серебряные бляхи из кургана Огуз, на которых конские головы изображены в более реалистической манере и даже в уздечках (Манцевич А. П., 1980).

К этой же серии следует относить нащечные серебряные бляхи с изображением гиппокампов (табл. 38, 28) на одной из них и сильно стилизованных ног — на другой из Краснокутского кургана (Мелюкова А. И., 1981, рис. 27).

До некоторой степени с изделиями фрако-скифского звериного стиля схожи конские налобники со скульптурными головками льва, львиноголового или орлиноголового грифона и плоским щитком в основании, найденные во многих царских курганах нижнего Приднепровья (табл. 36, 29). Одинаковые по форме и воспроизводимым образам скифские налобники, однако, отличаются от фракийских приемами стилизации, особенно манерой передачи образа на переднем щитке.

Степень фракийского вклада в скифское искусство звериного стиля пока окончательно не выяснена. Правда, приведенные выше примеры показывают, что по крайней мере во второй половине IV в. до н. э. скифское искусство испытало некоторое влияние фракийского. Однако изделия, близкие к фракийским, не имели широкого распространения в Северном Причерноморье: они встречаются только в курганах скифской аристократии на нижнем Днестре. Целые наборы таких блях происходят из курганов Хомина Могила (табл. 36, 1, 3; Мозолевский Б. П., 1975, с. 166—179) и Огуз (Манцевич А. П., 1980).

Говоря об особенностях скифского искусства зве-

риного стиля IV—III вв. до н. э., необходимо отметить, что в отличие от более раннего времени его связь с чисто военным бытом заметно уменьшается. Оно перестает быть доминирующим видом изобразительного искусства у воинской аристократии. В то время растет популярность антропоморфных образов и сюжетов. Распространение получают жанровые сцены, видимо, связанные с героическим эпосом. Рост социальной стратификации скифского общества и усиливающаяся эллинизация скифской аристократии привели к тому, что в IV—III вв. до н. э. звериный стиль перестал быть знаменем времени, уменьшилось значение его религиозных функций. Быстрое и полное исчезновение этого стиля происходит в III в. до н. э. Может быть, оно вызвано рядом политических потрясений в связи с движением сарматов, которые могли прервать традиции и в развитии скифского искусства.

Скифская каменная скульптура

Памятники скифской монументальной скульптуры открыты и впервые опубликованы в конце прошлого века (Ястребов В. Н., 1886), однако атрибуцию и интерпретацию они получили только в работе А. А. Миллера (19256). С тех пор новые находки скифских «каменных баб» неоднократно привлекали внимание многих исследователей. Обобщающие работы по скифским изваяниям связаны с именами П. Н. Шульца (1967, 1976), Е. А. Поповой (1976), Д. С. Раевского (1983; здесь же см. историю вопроса).

Изваяния устанавливались на вершинах курганов, как содержащих скифские захоронения, так иногда и на курганах с погребениями значительно более раннего времени. В тех случаях, когда под курганом оказывалось скифское захоронение, оно не всегда соответствовало времени установки изваяния и погребенный мог принадлежать к любой социальной прослойке общества. Большинство скульптур найдено перемещенными с их первоначального местоположения. Общее количество скифских изваяний невелико: в настоящее время в степях от Северного Кавказа до Добруджи их известно около 100. И только в поздний период отмечено по нескольку экземпляров в одном могильнике.

Скифские изваяния представляют собой изображения воинов с оружием. Они выполнены из монолитных каменных глыб или плит, которые отесывали, придавая им обобщенную форму человеческой фигуры. Последующей обработкой резцом в низком рельефе обозначались детали.

Изваяния делятся на шесть типов: 1) столб овального сечения со скругленной верхней частью, голова отделена с помощью гривны, которая проходит по нижнему краю лица (табл. 40, 5); 2) столб с выделенной головой, подчеркнутой изображением гривны, шея отсутствует, плечи прямые или покатые, подтянуты до уровня рта, подбородок опущен на грудь (табл. 40, 3); 3) столб на четырехугольном или овальном основании, голова выделена и отделена от туловища шей, иногда закрытой гривной, но подбородок при этом всегда выше уровня плеч (табл. 40, 4, 7); 4) на плоской плите случайной

формы высечено изображение частей человеческого тела (табл. 40, 16); 5) круглая скульптура с выделенными формами фигуры (табл. 40, 9, 18); 6) на стеле барельефное изображение человеческой фигуры с выделенными частями.

Три первых типа были основными в ранней скифской скульптуре. Они появляются в VII и существуют до IV в. до н. э. Четвертый тип редок. Пятый и шестой относятся только к V—IV вв. до н. э.; они возникли в районах, близких к греческим колониям, и отражают влияние греческого искусства.

Определяющим признаком при датировке изваяний является оружие. Однако во времени изменяются и формы изобразительных приемов, передающих лицо, руки, набор и расположение аксессуаров.

Только среди самой ранней скульптуры VI в. до н. э. встречены изваяния, на которых детали лица отсутствуют (табл. 40, 6). Большинство же изваяний VII—VI вв. до н. э. имеет лица с крупными миндалевидными глазами, прямыми, немного расширяющимся книзу носом, входящим до усов подковообразной формы с опущенными вниз, ровно подрезанными концами (табл. 40, 2—5). Руки, контуры которых переданы прямыми линиями, массивные, со слабо выделенными кистями, все пальцы изображены в одной плоскости или совсем не обозначены (табл. 40, 3, 4). Руки согнуты под прямым углом и сложены над поясом одна над другой или направлены друг к другу так, что пальцы сближаются. В большинстве случаев воин изображен в племени с нагайкой в руке, одетый в «кожаный» доспех с оплечьями и нагрудными бляхами, подпоясанный широким поясом, вооруженный мечом, боевым топором и луком в горите. Конечно, не на всех статуях представлен полный набор вооружения, однако сочетание трех-четырех перечисленных деталей обычно. Обязательными аксессуарами для статуй того времени были защитный пояс и массивная гривна, иногда витая. Ритон изображался редко (табл. 40, 5). Меч часто находится с правого бока перед топориком. Гориты раннего периода, по-видимому, отличались от поздних, так как на архаических изваяниях лук никогда не выступает наружу, а всегда закрыт фигурным клапаном, чаще всего имеющим завершение в виде крупной головы орла (табл. 40, 1, 4).

Изваяния VII—VI вв. до н. э. были распространены на широкой территории от Предкавказья до Дуная (Воровсколеская, Александровская, Ставропольский музей, Татарка, Бесскорбная, Красный Маньч, Эрделевка, Киевский музей, Ступина, Сибиоара), но больше всего их найдено на Северном Кавказе. Несколько изваяний VI—V вв. до н. э. наряду с каноническими изображениями раннего стиля по-новому передают черты лица, положение рук и т. д. (Сташишино, Кировоградский музей, Семеновка).

В некоторых случаях изваяния в стиле раннескифского искусства продолжали изготавливаться и в V в. до н. э. (Ольховчик). Однако приемы изображений V и IV вв. до н. э. оказываются разными (табл. 40, 8—18). На лице с V в. до н. э. высекаются круглые глаза, нос имеет вид петельки, рот прямой. Усы редки, зато в ряде случаев переданы лица с

бородой (Васильевка, Буторы). Так же как и в ранний период, редко обозначен половой признак. Изменяются форма и положение рук. Руки делаются более тонкими, пальцы растопырены. Правая согнута под острым углом и держит ритон, который становится обязательным аксессуаром. Левая рука под тупым углом опущена вниз к мечу. Последний теперь всегда располагается не на боку, а спереди, подвешенным справа налево. Обязательным делается изображение на левом боку горита с выступающим из него луком. Иногда поверх горита подвешена чаша (?). Гривна и пояс также обязательны, но формы их иные. Гривны обычно узкие, иногда многовитковые; пояса часто показаны в виде узких полос, а среди широких встречаются чешуйчатые бронированные.

В Предкавказье изваяния V—IV вв. известны только в Прикубанье, большинство же их происходят из районов нижнего Приднепровья и Крыма. Форма и аксессуары каменных изваяний изменяются во времени, никаких локальных особенностей проследить не удастся, напротив, можно говорить о стандартизации изваяний на широкой территории от Подунавья до Предкавказья.

Интересно отметить факт совпадения находок раннескифских изваяний с районами распространения наиболее выдающихся погребальных памятников на Кировоградщине, в Крыму, на Нижнем Днепре, на Донце, в Прикубанье и на Ставрополье. Вероятно, такое расположение скифской скульптуры отражает топографию скифских племенных объединений с местами ставок, где сосредоточивалась общественная жизнь, совершались захоронения, отправлялись культы, устанавливались статуи вождей-родоначальников. Количественное преобладание ранних изваяний в районе Предкавказья, а поздних на нижнем Днепре и в Крыму, вероятно, отражает обстановку в скифской степи, перемещение политического центра из Предкавказья в Причерноморье после возвращения скифов из переднеазиатских походов.

Вопрос о том, кого изображали скифские изваяния, неоднократно дискутировался в литературе. Высказывались мнения о том, что на них изображены: божество, апологичное греческому Арею (Мелюкова А. И., 1952); умерший царь с регалиями, пожалованными ему божеством в знак царской власти (Елагина Н. Г., 1959), обожествленный герой, мифический первопредок скифов Таргитай (Артамонов М. И., 1961); героизированный умерший (Граков Б. Н., 1971а); племенной вождь (Попова Е. А., 1976). По мнению П. Н. Шульца, со временем менялось смысловое содержание памятников — от образа героя-родоначальника до вождя, царя (1967, с. 233).

Наиболее полное исследование по интерпретации скифских изваяний с обстоятельным разбором «всех трех аспектов их семиотической природы: семантического (кто изображен), синтаксического (какими средствами) и прагматического (с какой целью)» — проведено Д. С. Раевским (1983, 1985). Он пришел к выводу, что скифские изваяния изображали Таргитая-Геракла, выступающего в скифской мифологии в качестве прародителя скифов и первого царя. Возводились они по случаю смерти царя,

являвшегося земным воплощением Таргитая, и были призваны устранить причиненное ею нарушение космической и социальной стабильности.

Украшения и булавки

Общий облик скифской одежды известен нам по многочисленным изображениям на предметах торевкики, происходящих из курганов скифской аристократии. Понять же своеобразие костюма отдельных областей Скифии помогает изучение украшений и булавок (Петренко В. Г., 1987). Украшениями служили гривны, ожерелья, серьги и височные подвески, браслеты, перстни и разного рода золотые бляшки, которые нашивали на одежду и обувь.

Булавки как характерная деталь костюма были распространены у населения лесостепей. В степной зоне они встречаются крайне редко и только один тип, как будет сказано ниже, получил распространение у пещерной группы степного населения в IV—III вв. до н. э. Булавки, хотя и служили для закалывания одежды и прически, одновременно являлись и украшением последних. Формы их различаются как в разные периоды бытования, так и по отдельным областям (табл. 41, 42). Они встречаются преимущественно в женских погребениях в районе черепа и на груди, в мужских только на груди. Булавки, лежащие у черепа, скрепляли ткань головного убора женщины, булавки на груди скрепляли верхнюю одежду типа плаща, поэтому здесь их иногда находят по две скрещенных. Одежду, скрепленную булавками, употребляли только жители лесостепи.

В VII — начале VI в. до н. э. в лесостепи были распространены булавки с конической шейкой, плоской или грибовидной шляпкой и раздутым в верхней части стержнем, а также с широкой округлой посоховидной головкой и с головкой в виде спирали (табл. 41, 5, 8, 9, 11). Серьги и браслеты имели форму простых или спиральных колец (табл. 41, 15, 16), гривны также имели форму кольца, свернутого из кованного прута, четырехгранного в сечении (табл. 41, 20). Украшений этого периода мало, поэтому проследить их ареал затруднительно.

В VI в. до н. э. украшения и булавки одинаковых типов с некоторыми вариациями распространились по всей лесостепи, при этом в выработке отдельных типов наблюдается стандартизация изделий. Для описываемого периода характерны бронзовые (в редчайших случаях золотые) гвоздевидные булавки песчолых типов, а также булавки со свернутой в петлю головкой (табл. 41, 1, 2, 6); серьги или височные подвески с S-видной или петлевидной изогнутой дужкой и округлым щитком в форме шляпки гриба (табл. 41, 14); стержневые браслеты с обрубленными концами, украшенные гравированным орнаментом (табл. 41, 22), а также с концами в виде конических пшечек и стилизованных змеиных головок (табл. 41, 23—27); гривны из круглого или квадратного в сечении стержня, перекрученного в пагретом состоянии, концы которого сворачивались в виде петель (табл. 41, 21); ожерелья, составленные из длинных нисок голубого и желтого рубленого бисера из египетского фаянса, бус из того же мате-

риала в виде конических розеток, боченковидных, рубчатых и иных форм; яптарных разделителей для бус и крупных и мелких яптарных бус различной формы, бус из хрусталя, халцедона, агата, крупных боченковидных гершировых и весьма еще немногочисленных сердоликовых и глазчатых стеклянных, а также из одноцветного стекла. Золотые бляшки этого периода в лесостепи немногочисленны и связаны главным образом с украшениями головного убора (Ильинская В. А., 1971а).

При общем единстве основных типов украшений и булавок в каждой из лесостепных групп можно отметить некоторую специфику. Так, для Западно-подольской группы характерны гвоздевидные булавки с очень маленькой шляпкой (табл. 41, 3). Кроме того, только здесь известны булавки, оканчивающиеся головкой грифона (табл. 41, 10, 12). В Северодонецкой группе встречены булавки с витым стержнем (табл. 41, 4). Серьги с грибовидным щитком численно преобладают в правобережных группах, только здесь обнаружены спиральные височные кольца (табл. 41, 15).

Украшения лесостепи VII—VI вв. до н. э. отражают в основном связи с культурами средней и Юго-Восточной Европы. Влияние греческой культуры еще невелико. Оно отмечено появлением в погребениях аристократии единичных золотых вещей: серег в виде полого калачика с высокой дужкой (Глинище; табл. 41, 18), браслетов и серег, выполненных в греко-варварском стиле (Емчиха; табл. 41, 19). Возможно, что и какая-то часть простых бронзовых украшений и булавок изготавливалась в греческих колониях, о чем свидетельствуют материалы Ягорлыцкого поселения и Ольвии (Островерхов А. С., 1981б, с. 29—31; Капошина С. И., 1956).

В погребениях степного Северного Причерноморья VII—VI вв. до н. э. найдено незначительное количество украшений. Это единичные экземпляры серег, имеющие вид простого проволочного колечка или калачика (табл. 42, 2, 3). Единственная известная нам гривна конца VI в. до н. э. (Острая Могила у с. Томаковка) сделана из прямоугольного в сечении золотого стержня, свернутого в кольцо (табл. 42, 15). Изделия греческих ювелиров представлены подвесками — луницами серповидной формы, орнаментированными зернью и эмалью (табл. 42, 1).

В V в. до н. э. в лесостепи наблюдаются обособление отдельных районов и тяготение их к различным производственным центрам. На Правобережье выходят из употребления булавки гвоздевидной формы, но широко распространяются посоховидные и в виде шпильки с прогнутой верхней частью (табл. 41, 29, 31), сокращается употребление и изменяется форма гвоздевидных серег. На Посулье и в Посеймье вырабатываются локальные варианты гвоздевидных булавок, массивных, с крупной шляпкой и длинным стержнем (табл. 41, 30, 32, 33), и серег с сильно вытянутым концом конусовидного щитка (табл. 41, 50). В это же время здесь распространяются массивные литые рубчатые ножные и ручные браслеты, оканчивающиеся стилизованной головкой животного (табл. 41, 35—37, 40) и без орнамента (табл. 41, 34).

В V в. до н. э. увеличивается импорт греческих

ювелирных изделий, которые представлены ожерельями из золотых рубчатых и гладких бус и пропизок, как и в VI в. до н. э. (табл. 41, 13), включающими иногда амулеты из полудрагоценных камней, оправленных в золото. Широкое употребление получают крупные бусы из сердолика, изредка еще встречаются из агата и хрусталя. Но особенно много в ожерельях уже стеклянных бус, крупных одноцветных и полихромных, среди которых можно выделить в качестве специфических для данного периода чуть сплюснутые крупные бусы с синими с белым глазками на ярко-желтой основе. В курганах знати появляются художественно оформленные золотые импортные перстни (табл. 41, 43, 45) и серьги в виде калачика, украшенного зернью и сканью (табл. 41, 53).

В степной Скифии в начале V в. до н. э. вырабатывается характерный тип золотых гривен в виде гладкого литого кольца, утоншающегося к концам (табл. 42, 14). Эта форма получила распространение в среде как скифской воинской аристократии, так и верхушки общества в лесостепи (табл. 41, 42).

IV в. до н. э. характеризуется унификацией всех видов украшений, особенно из богатых курганов, как в степной, так и в лесостепной Скифии. Украшения, употреблявшиеся представителями высшей знати в степи и в лесостепи, обычно выполнялись из золота в мастерских греческих городов Северного Причерноморья, преимущественно Боспора (Онайко Н. А., 1970).

Украшения мужчин из царских погребений обязательно включают массивную золотую гривну из витого стержня или гладкого, оканчивающегося литыми фигурками хищников или втулками со скульптурными изображениями и геометрическим и растительным орнаментом, выполненным в технике филигрании и зерни с эмалевыми вставками (табл. 42, 19—22). В кургане Толстая Могила найдена золотая пектораль с тремя ярусами изображений культового характера (Мозолевский Б. Н., 1979, с. 213—226). Браслеты в мужских погребениях нечасты, серьги и перстни встречаются обычно по одному экземпляру.

Украшения женщин из аристократической среды состояли из особого головного убора, расшитого золотыми пластинами и бляшками, к которому прикреплялись височные подвески (табл. 41, 60; 42, 23, 24), а в уши в этом случае продевались небольшие золотые серьги в виде простого колечка. Шею и грудь украшали золотая гривна (табл. 42, 16) и ожерелья из стеклянных или золотых бус, пропизок и подвесок (табл. 41, 82); на запястья надевались широкие золотые пластинчатые браслеты (табл. 42, 47), на пальцы — щитковые перстни (табл. 42, 53, 54, 56—59), подол и рукава одежды и обувь расшивались золотыми бляшками.

Бусы из полудрагоценных камней почти полностью выходят из употребления к IV в. до н. э. На смену им появляются многочисленные и разнообразные стеклянные из одноцветного и полихромного стекла. Золотые ожерелья составлялись из бус и трубчатых пропизок с прикрепленными в промежутках амфоровидными подвесками или сдвоенными кольцами; из звеньев в виде фигурных бляшек со сканью и припаянными к отдельным из

них полыми фигурками уточек, чередующихся со звеньями из сдвоенных полых окружностей (Деев, Красноперекосский курган), или из звеньев, состоящих из бляшек с тисненым изображением ефикиса с подвешенной к каждой амфоровидной подвеской (Верхний Рогачик, Мордвиловский курган), или из звеньев в виде отдельных женских головок, фигурных бляшек с розетками (Рыжановский, Матюгинские курганы).

Среди перстней преобладают вырезанные из одного листа, имеющие округлый щиток и заходящие друг за друга дужки (табл. 42, 54). Паряду с ними встречаются и литые перстни, щитки которых имеют гравированные и фигурные украшения (табл. 42, 53, 56, 57); реже находят перстни-печати с проволочной дужкой и скарабеоидом (табл. 41, 72), с различными изображениями жука-скарабея, женской фигуры, зайца, юноши верхом на голубе, грифона, оленя, Химеры и Геракла.

В тот же период в головном уборе женщины из среды скифов царских появляется особый тип булавок с многократно прогнутой головкой (табл. 42, 36, 37), иногда сверху еще украшенной полый фигуркой уточки (Петренко В. Г., 1975).

Состав украшений средней прослойки состоял из гладких проволочных одновитковых или многовитковых гривен, выполненных из золота, серебра или бронзы (табл. 42, 17), спиральных и пластинчатых браслетов (табл. 42, 41, 42, 47), щитковых перстней из серебра, бронзы и железа (табл. 42, 58), серег в виде кольца с различного рода подвесками из бус, медальонов, скульптурных фигурок и голов (табл. 41, 65, 67; 42, 26, 31, 35). Кроме того, встречаются золотые серьги в виде полого калачика с высокой дужкой, украшенные зернью и сканью (табл. 41, 58, 42, 29), в виде спирали с высокой дужкой (табл. 42, 28), полихромные и монохромные бусы и подвески.

В рядовых погребениях в составе украшений преобладают мелкие монохромные и реже — глазчатые полихромные бусы, из которых составляли ожерелья и браслеты; стержневые бронзовые и железные браслеты, проволочные серьги.

Несмотря на значительную унификацию форм украшений в различных группах скифской культуры IV—III вв. до н. э., следует отметить и специфику, сохраняющуюся в уборе отдельных областей. Так, в лесостепи и в этот период употребляются булавки, продолжающие развитие форм предшествующего периода (табл. 41, 54—57).

В различных областях появляются местные подражания греческим формам серег в виде калачика с высокой дужкой (табл. 42, 25, 27). На Правобережье на основе этой формы был создан особый тип литой бронзовой серьги с высокой дужкой и туловом в виде стилизованной фигурки уточки (табл. 41, 64). На Левобережье появляются местные подражания серьгам в виде опрокинутого конуса с высокой дужкой (табл. 41, 68).

В контактных зонах распространяются отдельные типы украшений или единичные формы, свойственные соседним народам. Так, в среде эллинизованного населения Крымской группы с V в. до н. э. употребляются спиральные серьги с концами, развернутыми в разных плоскостях (табл. 42, 34),

чаще с конусовидными окончаниями, а в среде знати, возможно, даже выполненные в материковой Греции. В зонах, граничащих с фракийским миром, появляются серьги в виде кольца с коническими шишечками на концах (табл. 42, 48), в виде опрокинутой пирамидки с подвеской и высокой массивной дужкой и лировидной формы (табл. 41, 59, 63). В это же время к скифам проникают браслеты латенской схемы в виде замкнутого стержня с различными выступами на наружной стороне (табл. 41, 73; 42, 49), а также рубчатые (табл. 42, 45).

Головные уборы

Наиболее редким и социально значимым головным украшением скифов были золотые диадемы. Встречаются они только в VI в. до н. э., когда преобладало восточное влияние на скифскую культуру. Длина диадем 66—67 см, носили их обычно на кожаном или металлическом головном уборе. Они сделаны в виде золотой ленты или рядов цепочек; украшены розетками, птичками, грифонами (табл. 43, 1).

Рядовое население носило на лбу кожаные повязки. На пекторали из Толстой Могилы в повязке изображен один из скифов, шьющих рубаху (табл. 44, 3; Мозолевский Б. М., 1979, с. 87, рис. 68). В кургане Вишневая Могила в погребении девочки на лбу была прослежена кожаная тесемка с бусиной и височными кольцами (Отрошенко В. В., 1976).

Скифские мужские и женские головные уборы VI—III вв. до н. э. имели разнообразную форму, реконструируемую по расположению золотых украшений на погребенных и по изображениям на различных предметах: башлыки, калафы, тиары, клобуки.

Известны скифские башлыки двух типов — с заостренной верхушкой, так называемый куль-обский тип, и мягкие. Первые (в них изображены три скифа на куль-обской вазе) имеют соединенные заднюю и боковые лопасти, доходят почти до плеч (табл. 31, 31). Вырез и низ лопастей обрамлял орнамент из точек, возможно, из бляшек. Сзади башлыки могли скалывать булавкой. Подобные уборы есть на синдских статуях, полуфигурах и терракотовых статуэтках (Мирошина Т. В., 1977, с. 84, рис. 6).

В мягких башлыках, перевязанных лентой вокруг головы, без боковых лопастей и со свисающей назад верхушкой представлены Скилур и Палак на рельефе II в. до н. э. из Неаполя Скифского (табл. 44, 2). Разновидность этого типа — сакский башлык с мягким свисающим назад верхом (Мирошина Т. В., 1977, с. 82, рис. 4).

Башлыки VI в. до н. э. украшены золотыми бляшками с оленями или козлами в позе летящего галона и каймой надо лбом из бляшек — строенных кружков. Восстановить их форму можно по первому или второму типу башлыков (табл. 43, 4). В IV—III вв. до н. э. судя по изображениям преобладали куль-обский тип. Сюжеты бляшек этого времени разнообразны и входят в круг обычных изделий греческой торевтики Северного Причерноморья.

В архаический период преобладали войлочные башлыки, на которые приклеивали бляшки без

дырочек. В IV—III вв. до н. э. больше было кожаных башлыков, на них пришивали сухожилиями бляшки с отверстиями по краям.

В VI в. до н. э. башлыки с золотыми бляшками являлись ритуальными женскими уборами аристократии, в IV—III вв. до н. э. они остаются нарядными головными уборами женщин среднего достатка. Башлыки без украшений носили представители рядового населения (Граков Б. П., 1962, с. 74, 75, 92).

Ритуальные женские головные уборы IV—III вв. до н. э. — это скифские калафы, тиары и конусовидные уборы (клобуки). У всех них есть общие элементы украшений — стленгида, полосы с середины убора и метопида (табл. 43, 2, 3, 10). Стленгида — золотая пластинка с обрезанным верхним углом или дугообразная, сужающаяся к концам. Полосы с середины убора — пластинки прямоугольной формы, составляющие несколько рядов. Метопида — золотая пластина, обрамленная снизу овалами, которую носили на лбу, пришитую на кожаный ремешок. К метопиде на висках на колечках или просто в отверстия прикреплялись височные подвески. Дополняли убор серьги (табл. 43, 5, 6, 8; 45, 17).

Скифский калаф — цилиндрический спереди головной убор, сбоку имел дугообразный край, подобно кокошнику, с мягким закрытым верхом и затылком (табл. 43, 5). Передняя часть была украшена рядами золотых пластинок длиной 35—40 см, высота убора — 9—16 см. Верхний ряд составляла стленгида, огибающая дугообразный край, ниже шли три—пять полосок с середины убора. Наверху спереди в некоторых калафах прикреплялись узкие золотые полосы со стойками и бутонами-подвесками (длина 25—34 см), а снизу нашивались узкие золотые пластинки с зерновидными подвесками (длина 40—50 см). На лбу всегда была метопида. Сзади на калаф набрасывали покрывало с золотыми бляшками (табл. 43, 5; 45, 17). Основа калафа кожаная, закреплялась она на деревянном обруче, охватывавшем голову (Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., 1977, с. 164; табл. 45, 24). Изображения калафа мы видим на предметах торевтики, на вершиях и рельефах (табл. 45, 18, 20).

Тиара — цилиндрический головной убор с плоским твердым верхом и лопастями, доходящими до плеч. Передняя часть тиары украшена сверху двумя рядами полосок с середины убора длиной 35—50 см, изогнутая стленгида обрамляет лицо. Верх тиары со всех сторон обшит узкими полосками со стойками и подвесками-бутонами, полосками с зерновидными подвесками или полосками без подвесок длиной 60 см. Высота тиары спереди 9—10 см, общая длина до плеч 25—28 см. Сверху на убор накидывали покрывало, иногда с золотыми бляшками (табл. 43, 6). Тиару обязательно дополняла метопида с височными подвесками (Мирошина Т. В., 1981, с. 55—58, 68). Возможно, часть тиар украшали ряды золотых бляшек. Изображения тиар встречаются на предметах торевтики и на вершиях, а также на вещах с соседних скифам территорий (Мирошина Т. В., 1981, с. 56, рис. 4).

Конусовидный убор (клобук) — шапка с заостренным верхом, боковыми и задней лопастями,

доходившими до плеч. Спереди убор украшали треугольная золотая пластина, ряды золотых бляшек, обычно более чем двух штампов, или бусы. Некоторые клобуки дополняли метопида с височными подвесками и покрывало (табл. 43, 8; 45, 18). В I Мордвиновском кургане верх клобука увенчивала конусообразная золотая втулка с фигуркой голубя на цветке (Лесков О., 1974, с. 51, рис. 41). Клобук изображен на пластине из Карагодеуашха (табл. 45, 18). Подобные, но мужские головные уборы известны у саков, хеттов и греков (Мирошина Т. В., 1981, с. 67).

В женских погребениях IV в. до н. э. известны два покрывала, доходящие до пояса, которые служили единственными головными уборами (с. Аксютинцы, курган 3 и с. Любимовка, курган 45). В таком длинном покрывале изображена богиня на ритоне из Мерджап (табл. 45, 22). Покрывала, дополняющие головные уборы, были двух типов — до плеч и до пояса*.

Сюжеты пластин головных уборов можно разделить на растительные, зооморфные, антропоморфные, смешанные и орнаментальные (Мирошина Т. В., 1981, с. 52, табл. 3; с. 62—66, рис. 9). В разных элементах уборов преобладали разные сюжеты: в стеленгидах — растительные, в пластинках с середины убора — зооморфные. Орнаментальные сюжеты отмечены только в метопидах. Некоторые типы изображений встречаются чаще других. Среди растительных распространен сюжет, где от центральной пальметки идут побеги аканфа с пальметками и цветами лотоса; среди зооморфных — геральдические сфинксы и грифон с поднятой передней лапой (табл. 43, 10).

Одни и те же типы пластин могли выполнять роль разных составных элементов в уборах различных типов. Вероятно, важен был определенный круг сюжетов, связанных с культом солнца, плодородия, а также выполнявших функции апотропеев.

Ритуальные мужские головные уборы V—III вв. до н. э. — конусовидные и шлемовидные. Конусовидный мужской убор похож на женский клобук. Это островерхий войлочный колпак с лопастями до плеч и заостренной верхушкой. В середине, у основания узкой части, убор был украшен золотым цилиндром — целым или из рядов пластинок. По краю убора надо лбом нашивали золотые бляшки, на лбу иногда носили метопиды (табл. 43, 9). К мужским клобукам можно отнести уборы, украшенные на передней части бляшками более чем двух типов. Иногда на верхушке клобука, как и у женских, укреплялась бляшка с втулкой (Куль-Оба). Мужские клобуки найдены в Куль-Обе, курганах Патиниотти, 5 у с. Аксютинцы, у с. Оситняжка и, может быть, в кургане 8 группы «Пять братьев» на Дону, в кургане 21 гробницы 9 у Нимфея. Датируются они V—IV вв. до н. э. Аналогией мужским клобукам является сакский остроконечный мужской убор с рельефов Персеполя.

* Существуют и другие реконструкции скифских женских головных уборов, с которыми, как нам кажется, трудно согласиться (Ключко Л. С., 1979, с. 24, рис. 3; с. 27, рис. 4; 1982а, с. 124, рис. 4; с. 127, рис. 6; с. 128, рис. 7, 8; Ключко Л. С., Гребенников Ю. С., 1982, с. 88, 89, рис. 56).

Шлемовидные головные уборы имели тулью, украшенную золотым полуяйцевидным колпаком, и широкие поля. Золотые колпаки от таких уборов найдены в кургане Ак-Бурун и у станицы Курджипской (табл. 45, 23). У них нижний диаметр равен высоте, вверху — отверстие с плоским кружком. Золотой колпак надевался на всю тулью шапки или только на самый верх.

Аналогией такому головному убору являются яйцевидная шапка, в которой изображен скиф на скарабее из Пеаноля Скифского (Шульц П. П., 1953, табл. XXXIII), а также головные уборы мидийцев и греческий пилос (Ghirshman R., 1964, fig. 227, 236, 237, 295).

Детские головные уборы по форме были похожи на женские (конусовидные и башлыки), но в отличие от них украшались бусами (табл. 43, 7; Ключко Л. С., 1982а, с. 128, рис. 7, 8). Возможно, метопиды надевали девочки впервые во время инициации, а после замужества носили их вместе с закрытыми головными уборами разных типов (Ключко Л. С., 1982б, с. 52).

Зеркала

Бронзовые зеркала в основном являются атрибутом женских погребений как в степи, так и в лесостепи Восточной Европы, но иногда они есть и в мужских. Однако пол погребенного чаще всего определяется по составу инвентаря. Изредка зеркала встречаются на поселениях как в степи, так и в лесостепи Восточной Европы. Зеркала, обнаруженные в скифских памятниках, довольно разнообразны. Они различаются по орнаментации и форме диска (наличие или отсутствие бортика), а также по форме и орнаментации ручки.

Наиболее ранними обнаруженными в памятниках первой половины VI в. до н. э. являются зеркала, имеющие круглый диск с бортиком и центральную ручку (табл. 45, 1, 2). Зеркала с ручкой-петелькой (табл. 45, 1) типологически восходят к зеркалам восточных районов Евразии (Ильинская В. А., 1968, с. 84, 85; Смирнов К. Ф., 1964а, с. 155). Зеркала, ручка которых состоит из двух столбиков, перекрытых бляшкой (табл. 45, 2), встречаются в единичных экземплярах в памятниках, расположенных на территории различных культур довольно обширного региона (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 155, 156; Виноградов В. Б., 1972, с. 136). Диски некоторых экземпляров иногда имеют какие-либо изображения: головка грифона (Аксютинцы, курган 8) или сложная композиция на зеркале из Келермесского кургана. Зеркала с ручками, состоящими из двух столбиков, перекрытых бляшкой, часто имеют изображения на бляшках: стоящие или лежащие животные, а также многолучевые розетки.

В скифских погребениях VI в. до н. э. обнаружены также зеркала, первоначально имевшие ручку, исходящую из центра диска, после утраты которой к краю диска была прикреплена новая. Форму ручек таких зеркал, как правило, восстановить не удается, так как они разрушены (с. Ленковцы, погребальное место; Захарейкова Могила, погребение 1; Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тер-

пожкин А. И., 1980, с. 59, 60; Мелюкова А. И., 1953, с. 64).

В памятниках V в. до н. э. зеркала с ручкой, исходящей из центра диска, пока не встречены на скифской территории, но для этого времени отмечаются находки подобных экземпляров, употреблявшихся и после поломки ручки (с. Журовка, курган 400 — найдено при погребенном мужчине; Петренко В. Г., 1967, с. 36).

Исследование Т. Б. Барцевой показало, что сырье, идущее на изготовление зеркал с ручкой-петелькой и ручкой, состоящей из двух столбиков, перекрытых бляшкой, связано с районами восточных месторождений. Однако различие в рецептуре изготовления этих двух типов зеркал позволяет говорить о разных производственных мастерских, действовавших в скифское время в восточных районах Евразийского континента (Барцева Т. Б., 1984, с. 67).

В памятниках на территории Скифии обнаружены также зеркала с боковыми «плоскими» ручками. Типологически они восходят к зеркалам «смешанной» группы (результаты слияния коринфских и аргивских форм и декорировок) и к зеркалам, получившим в специальной литературе название «пелопоннесских», так как впервые были обнаружены на Пелопоннесе, но распространенных, как показали дальнейшие исследования, по всей Греции, на ее островах и в Северном Причерноморье. Хронологические рамки их производства определяются исследователями VI—V вв. до н. э. (Билимович З. А., 1976, с. 39—42; табл. 45, 8, 10, 11). В скифских памятниках зеркала аналогичных форм встречаются с VI по IV—III вв. до н. э. Не исключено, что они могли производиться в различных центрах Северного Причерноморья, о чем свидетельствует и рецептурно-химическое разнообразие металла, из которого изготавливались подобные зеркала (Барцева Т. Б., 1984, с. 70). К сожалению, более точными данными по этому поводу археологическая наука пока не располагает.

Второй половиной VI в. до н. э. датируются зеркала с бронзовыми ручками, верх которых имеет вид овала, трапеции или фигурки лежащего оленя, а конец «украшен» фигуркой стоящего копытного хищника или головой барана (табл. 45, 3, 4, 9). В археологической литературе подобные зеркала получили название «ольвийских», так как большое количество их обнаружено в некрополе Ольвии. Исследование В. М. Скудновой показало, что они были распространены на значительной территории от Венгрии на западе до Урала на востоке (1962, с. 24). Это подтвердили и находки последнего времени (Членова П. Л., 1983, с. 51, 52; Фахрутдинов Р. Г., 1980, с. 291). Широкий ареал подобных зеркал показывает определенные связи между Ольвией, Скифией, населением Балкано-Дунайского района, Заволжья, Приуралья и Кавказа. Однако вопрос о количественном преобладании зеркал описываемого типа решается в пользу Ольвии, так как территория Ольвийского некрополя является пока единственным пунктом сосредоточения большого числа подобных зеркал. В памятниках, датированных V в. до н. э., они не встречаются.

К VI в. до н. э. относятся в основном зеркала,

имеющие комбинированную ручку, ствол которой изготовлен из железа, а украшения — из бронзы, но они встречаются и в комплексах V в. до н. э. (табл. 45, 12). Зеркала, ручки которых были изготовлены из различных материалов (железа, кости, дерева), появившиеся в Скифии уже в VI в. до н. э. (табл. 45, 5, 6; Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Терепожкин А. И., 1980, с. 48), бытуют и в дальнейшем (табл. 45, 13, 14). Основная их масса происходит из памятников IV—III вв. до н. э. (Мозолевский Б. Н., 1973, с. 203; Петренко В. Г., 1967, с. 35). Для этого времени прослеживается увеличение количества зеркал с диском во вторичном использовании (Кузнецова Т. М., 1982, с. 18), среди которых определяются диски аттической (Билимович З. А., 1973, с. 42—50), «пелопоннесской» и «смешанной» групп.

В IV—III вв. до н. э. появляются зеркала круглые, плоские, без ручек (табл. 45, 15, 16), которые широко распространяются в более позднее время.

Деревянная и металлическая посуда

В быту у кочевников, а от них и у земледельцев лесостепи, видимо, широко употреблялась деревянная посуда. Однако из-за плохой сохранности дерева до наших дней дошли немногие изделия такого рода. Преимущественно это частично сохранившиеся сосуды с золотыми накладками или одни золотые накладки на сосуды, находившиеся в инвентаре богатых скифских погребений. Имеется лишь небольшое количество находок остатков деревянной посуды без металлических накладок. Чаще всего встречаются обломки деревянных подносов или блюд, на которые клали жертвенное мясо при погребениях рядовых и знатных скифов. Обычно они овальные в плане с невысоким бортиком по краю; иногда с двух или с одной из узких сторон имеется небольшой выступ-ручка. На некоторых ручках сделано небольшое круглое отверстие (табл. 46, 10, 17).

В южной камере центрального погребения Солюхи рядом с котлом найден грубо вырезанный из куска дерева (березы?) ковш-черпак — овальный в плане с небольшой ручкой (табл. 46, 18). Из Мордвиновского кургана происходит сосуд с шаровидным туловом, сравнительно широким горлом и двумя ручками-упорами в верхней части тулова (табл. 46, 25). Деревянные сосуды с золотыми обкладками зафиксированы в курганах Предкавказья с VII в. до н. э., а в степи и лесостепи Северного Причерноморья — с V в. до н. э. Это преимущественно чаши, более или менее глубокие, полусферической или близкой формы, без ручек или с одной ручкой (табл. 46, 12—16). Размеры чаш различны — от 10 до 20 см в диаметре, от 4 до 10 см в высоту. Пластины покрывали сосуд не полностью, а только венчик, верхнюю часть корпуса и ручку, если таковая была. Венчик закрывался или целиком, или частично. Форма пластин разнообразна: прямоугольные, трапециевидные, сложной конфигурации с разными вырезами и завитками. Одни пластины гладкие, но большинство украшено рельефным узором, иногда

геометрическим, чаще в скифском зверином стиле. При этом на одном сосуде могло быть несколько разных или одинаковых пластин, оттиснутых с одной матрицы. Большинство пластин тонкие, хотя встречаются сделанные из толстого листа (Манцевич А. П., 1966; Рябова В., 1984). Пластины прикреплялись к сосуду мелкими золотыми, иногда серебряными гвоздиками. Для придания прочности рельефу, положенному на гладкую поверхность сосуда, применялась мастика. Сюжеты орнаментации пластин различны, но среди изображений в зверином стиле чаще других, пожалуй, встречается клас орла или грифона с глазом. Другой довольно распространенный сюжет — фигура оленя с ветвистыми рогами. На большинстве пластинок олень передан лежащим с подогнутыми ногами, но изредка встречается и стоящий в полный рост.

Деревянные сосуды, украшенные золотыми пластинками, ценились высоко. Трещины на них скрепляли золотыми, серебряными или бронзовыми нитями. Известны случаи и более серьезного ремонта. Так, например, треснувшее дно одной из чаш, найденных в Завадской Могиле у г. Орджоникидзе на Никопольщине, было отремонтировано с помощью большой овальной в плане накладки, прибитой к сосуду по краям серебряными гвоздиками (Мозолевский Б. Н., 1980).

А. П. Манцевич высказано мнение об изготовлении деревянной посуды с золотыми накладками на севере Балканского полуострова, в Македонии или Фракии. Однако отсутствие во фракийских древностях находок, подобных нашим, делает это мнение маловероятным. Одна золотая накладка на деревянный сосуд, правда, происходит из погребения в кургане у с. Гурбанешты в Румынии, но это погребение по обряду и составу инвентаря скорее всего является не фракийским, а скифским (Мелюкова А. И., 1979). Вероятно, вся деревянная посуда, бывшая в употреблении у скифов и их ближайших соседей, имела местные корни и изготавливалась местными, а также греческими ремесленниками, работавшими по скифским заказам. На это указывает стиль изображений на пластинах, украшавших сосуды. Ритуальное или бытовое назначение имели деревянные сосуды с золотыми накладками, судить не берусь.

Среди сосудов, сделанных из металла (бронзы, серебра и железа), скифских форм, т. е. не имеющих параллелей и прототипов в античном мире, первое место принадлежит крупным бронзовым котлам, предназначенным для варки мяса жертвенных животных (Геродот, IV, 61). Находки бронзовых котлов в Келермесских курганах позволяют говорить о том, что этот вид металлической посуды употреблялся скифами уже в ранний период их истории, с VII — начала VI в. до н. э. Большинство же котлов происходит из курганов скифской аристократии IV в. до н. э. Скифские котлы литые, все на более или менее высокой ножке. Корпус в плане имеет округлую или овальную форму, поперечный разрез большинства круглый, реже эллипсовидный, вдоль верхнего края размещаются две, четыре, шесть, иногда восемь вертикальных дуговидных ручек. Редко встречаются еще и боковые ручки. Ножка полая, цилиндрическая в верхней части у дна котла и расширенная книзу. Преобладают крупные эк-

земпляры котлов, высота которых превышала 60 см, а диаметр 80 см в средней части корпуса. Но вместе с тем известны и котлы небольших размеров. Толщина стенок колеблется от 4 до 7 мм. Ножка соединялась с корпусом разными способами: при помощи фигурных заклепок, отливкой ножки прямо на корпус. Котлы отливались в одноразовых глиняных формах. Корпус котла мог быть гладким, но часто встречается орнамент в виде рельефных зигзагообразных линий или рельефных полос, образующих ромбы. Котел из кургана Раскопана Могила V в. до н. э. украшен более сложным рельефным орнаментом, центральную полосу которого составлял узор в виде букраниев и пальметок, заимствованный из греческого искусства (табл. 46, 4). На корпусе одного из келермесских котлов, кроме двух рядов зигзагов, имеются еще изображения козлов. Ручки часто бывают орнаментированы тремя небольшими выступами. Однако все келермесские котлы, котел из Чертомлыка и некоторые другие имеют ручки в виде фигурки козла с длинным рогом, загнутым на спину (табл. 46, 3; Манцевич А. П., 1964); известны котлы с ручками в виде фигурки кабана. Ножка чаще всего без орнамента, но иногда на ней бывает один-два рельефных валика, гладких или витых, имитирующих веревочку. Интересно, что в отличие от многих составных элементов скифской материальной культуры формы и орнаментация бронзовых котлов с течением времени мало менялись. Составляя особую группу, скифские литые котлы имели ряд сходных черт с котлами сарматского и сибирского типов, распространенных в восточных областях евразийских степей.

Хотя котлы по своему происхождению связаны с кочевниками степей, остатки их производства в степи пока отсутствуют. По находкам литейного брака и обломков котлов на Немировском городище на южном Буге и на Люботинском городище в бассейне Северского Донца фиксируется производство котлов по скифскому образцу у земледельческого населения лесостепной Скифии (Петриченко О. М. и др., 1970).

Из нескольких курганов скифской аристократии в нижнем Приднепровье IV в. до н. э. происходят бронзовые «сковородки» с петельчатой ручкой, а в кургане 4 группы Страшная Могила у г. Орджоникидзе была найдена железная «сковорода» такой же формы (табл. 46, 11). Еще А. А. Спицын, описывая сковородку из курганов в Башмачке, высказал предположение, что она скорее всего служила светильником. Б. Н. Мозолевский на внутренней поверхности сковородки из хозяйственной ниши погребения 2 в Толстой Могиле обнаружил сильный пагар, и это утвердило его в правильности мнения А. А. Спицына о назначении бронзовых сосудов, имевших форму сковородки с петельчатой ручкой. Это были светильники местного производства.

В курганах скифской знати IV в. до н. э., особенно отличающихся богатством инвентаря, частой находкой являются металлические кубки, видимо, служившие культовыми сосудами. Об этом говорят изображения в руках некоторых скифских каменных изваяний, а также в руках богини на карагодеуашской пластине и некоторых других произведениях античных торевтов, сделанных для скифской знати

(на золотых бляшках из Чертомлыка, Куль-Обы и др.). Всего в настоящее время известно более 30 находок металлических кубков, большинство которых обнаружено в курганах скифской аристократии на нижнем Днепре, но отдельные находки их сделаны в Крыму, на Тамани, на нижнем и среднем Дону, в среднем Приднепровье, а также на Северном Кавказе. Чаще всего они серебряные, лишь знаменитый сосуд с изображением скифов из кургана Куль-Оба — золотой. При почти одинаковой для всех шаровидной форме тулова сосуда отличаются по размерам, высоте горла, форме венчика, наличию или отсутствию поддона. Кроме того, одни из них гладкие, другие имеют более или менее богатую орнаментацию на тулове.

Можно отметить три основных типа кубков: 1) с очень короткой, слабо выделенной широкой шейкой; 2) с более высокой шейкой, расширяющейся к отогнутому паружу венчику (табл. 46, 19, 20); 3) с довольно высокой шейкой, завершающейся раструбообразным или лекифообразным венчиком (табл. 46, 21, 24). Большинство сосудов принадлежит ко второму типу. Среди них имеются сосуды на поддоне, но большинство без поддона. По более подробной типологии В. А. Рябовой выделяются семь типов кубков (1986).

Орнаментированы сосуды по-разному, но чаще имеют узор, характерный для античного искусства, — рельефные, сходящиеся к горлу или ко дну лучи, плетенка, пальметки. Наиболее интересна сюжетная орнаментация на двух сосудах — из Куль-Обы и из кургана под Воронежем. На них переданы сцены из скифского героического эпоса или мифологии. Д. С. Раевский связывает эти сосуды с культом Геракла-Таргитая (1977). Изображения на сосудах донесли до нас внешний облик скифов, их одежду, обувь и оружие, которые не сохранились в курганах.

Еще М. И. Ростовцев высказал предположение о том, что по своему происхождению металлические круглотелые кубки связаны с глиняными сосудами с резным геометрическим узором раннескифской эпохи. Позднее к этому мнению присоединились все исследователи, описывавшие кубки (Ильинская В. А., 1968; Онайко Н. А., 1970; Рябова В. А., 1986). Действительно, металлические круглотелые сосуды, особенно те, которые мы отнесли ко второму типу, по форме чрезвычайно близки к глиняным, распространившимся в степи и лесостепи еще в предскифскую эпоху. Однако в степи Северного Причерноморья глиняные круглотелые кубки не дожили до скифского периода, т. е. до второй половины VII в. до н. э. Несколько дольше, до конца VI в. до н. э., они употреблялись населением лесостепи. Лишь в степном Крыму глиняные сосуды такого типа, правда, в сильно изменившемся виде, известны до IV в. до н. э. Серебряные же кубки, о которых идет речь, появились около середины IV в. до н. э. Хронологический разрыв между временем широкого распространения глиняных кубков, с одной стороны, и металлических — с другой, не позволяет считать окончательно решенным вопрос о происхождении металлических кубков. Что касается их производства, то вслед за М. И. Ростовцевым большинство исследователей считает возможным предполагать изготовление их в мастерских Боспора (Онайко Н. А.,

1970). Лишь А. П. Манцевич говорит о фракийском производстве круглотелых кубков, как и многих других произведений горевтики из скифских царских курганов (1949). Однако кубки, найденные во Фракии, на которые ссылается А. П. Манцевич для обоснования своего положения, существенно отличаются от скифских. Лишь из погребений в лесостепи (у сел Букрин и Бобрица) известны два металлических кубка действительно фракийского происхождения (Петренко В. Г., 1967, табл. 15, 14, 15). Вместе с тем А. И. Мелюкова считает возможным говорить о влиянии фракийских кубков на найденные в Скифии. Оно сказалось в появлении воронковидного венчика у кубков, объединенных в третий тип (Мелюкова А. И., 1979), а, возможно, также в появлении поддона. Н. А. Онайко и В. А. Рябова объясняют появление воронковидного венчика на скифских кубках заимствованием от греческих лекифов.

Местными по происхождению были и серебряные глубокие чаши с двумя ручками-упорами под венчиком. Они известны только из трех степных курганов IV в. до н. э.: из бокового погребения в Солохе, в Чмыревой и Гаймановой Могилах (табл. 46, 22, 23). На одном сосуде из Солохи изображена сцена охоты конных скифов на хищников, на гаймановской чаше — композиция из шести скифских воиновских фигур, передающая какие-то моменты из скифской мифологии, как и на упомянутых выше кубках. Рельефные фигурки скифов и аксессуары при них позолочены.

На многих каменных изваяниях скифов-воинов имеются изображения сосуда в форме рога, который воин держит в правой, а иногда в левой руке (табл. 40; Попова Е. А., 1976). Из такого же сосуда пьют побратимы на золотых бляшках из Куль-Обы, Чертомлыка и др. Рог изображен в руке скифа в сценах приобщения царя богиней на золотой пластине от головного убора из кургана Карагодеуаш. Все перечисленные изображения свидетельствуют о культовом, ритуальном характере сосудов в виде рога, ритона.

Большинство известных нам скифских ритонов сделано из благородных металлов, главным образом серебра, реже — золота и украшено орнаментом и сюжетами, связанными с религиозными и идеологическими функциями. Они найдены в самых богатых скифских курганах на нижнем Днепре, Северном Кавказе, а также на Северском Донце и среднем Дону. В отличие от названных выше форм эти сосуды нельзя считать типичными только для скифской культуры. Начиная с глубокой древности они были распространены очень широко. В эпоху железа сосуды, сделанные из металла, главным образом серебра, подражающие форме рога крупных животных, известны, кроме Скифии, в Иране, Фракии, Армении, Средней Азии, но отсутствуют в Греции. М. И. Максимова, посвятившая специальную статью исследованию серебряного ритона из Келермесского кургана — самого раннего из всех найденных скифских ритонов, отрицает происхождение металлических сосудов этой формы из какого-либо одного центра (1956). И. Маразов (1978), специально изучавший ритоны с территории Фракии и коснувшийся скифских ритонов, считает, что в

Скифий они появились под иранским влиянием. Действительно, в Скифии и из курганов их восточных соседей — меоты известны ритоны, явно происходящие из ахеменидского Ирана. Но они датируются V и IV вв. до н. э. (Семибратние, Уляпские курганы, Куль-Оба) и существенным образом отличаются от большинства ритонов, бытовавших в Северном Причерноморье с VI в. до н. э. Поэтому мне представляется более вероятной первая точка зрения о независимом от внешнего воздействия происхождении ритонов из скифских и соседних с ними памятников.

По форме найденные ритоны и их изображения М. И. Максимова делит на два типа. К первому относятся сосуды, которые характеризуются выгибом ствола почти под прямым углом, широким раструбом и сильным сужением на конце сливного отверстия (табл. 46, б). Для ритонов второго типа характерна плавная изогнутость ствола с постепенным сравнительно незначительным сужением в направлении к сливному отверстию. Наиболее распространенными были ритоны второго типа, хотя в последнее время возросло число находок ритонов первого типа (Дуровка, Гайманова Могила). Исходной формой серебряных скифских ритонов М. И. Максимова считает турий рог.

Некоторые серебряные ритоны как первого, так и второго типов имели золотые обкладки раструба и нижнего конца. Например, малый ритон из Гаймановой Могилы имел раструб с гладкой золотой обкладкой и напаянной на ее край плетеной золотой нитью. Острый конец его заканчивался золотым наконечником с головкой барана. Второй — большой ритон из этой же могилы был украшен по раструбу примыкающими друг к другу четырьмя золотыми пластинами, орнаментированными стилизованным растительным узором. К основной части ритона раструб прикреплялся при помощи поперечной гладкой золотой обоймы (Біздзія В. І., 1971, с. 50). Позолоченным был орнамент на раструбе ритона из Келермеса.

В кургане IV в. до н. э. бывшем имени Талаевой в Крыму найден ритон, сделанный из рога благородного оленя. Верх ритона был облицован пластиной листового серебра с рельефным изображением на нем чеканных пальмет и лотосов с завитками (Манцевич А. П., 1957, с. 155—172), типичным для античного искусства этой поры. Большинство скифских серебряных ритонов производилось в мастерских греческих городов Северного Причерноморья, некоторые (о них сказано выше) поступали из ахеменидского Ирана. Серебряный ритон из Келермеса М. И. Максимова (1956) считает произведением двух мастеров — скифа и грека-ионийца. Основа ритона, по ее мнению, была сделана скифским мастером, а орнамент — греком. Фракийским по происхождению является ритон из кургана у с. Мастюгино (Маразов И., 1978).

Хозяйство, быт, торговля

Сохранившаяся литературная традиция и рассмотренные выше археологические материалы показывают, что в VII — начале III в. до н. э. на

юге Восточной Европы жили различные по своему происхождению, этнической принадлежности и культуре племена, которые можно объединить в две историко-этнографические группы. Степные пространства Северного Причерноморья и Приазовья от нижнего Дона на востоке до нижнего Дуная на западе были заняты ираноязычными кочевниками-скифами. В VII—VI вв. они, видимо, обитали и в степях Предкавказья. Лесостепная территория была заселена оседлыми земледельцами, этническая принадлежность которых пока еще не достаточно ясна. Те и другие существовали и развивались в тесном взаимодействии друг с другом, при этом кочевники всегда составляли основную действующую силу.

В начальный период своей истории кочевые скифы, как и их предшественники киммерийцы, по всей вероятности, пахотились на той стадии развития кочевого хозяйства, которую в настоящее время принято определять как первую ступень кочевания (Марков Г. Е., 1976; Плетнева С. А., 1982). Это был период постоянной подвижности всего населения, стремившегося максимально расширить территорию для выпаса скота, завоевывать новые пастбища. В то время кочевники не имели постоянных зимников и летников, а также постоянно функционировавших кладбищ. Необходимые продукты питания и ремесленного труда они получали от соседей, главным образом военным путем, поскольку постоянно находились в состоянии войны-нашествия. Такую стадию кочевания, по мнению ученых, прошли все народы евразийских степей, перешедшие к кочевому образу жизни. Именно к этому периоду в жизни скифов относится красочное описание их быта в труде Псевдо-Гиппократа: «... называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие шестиколесные, они кругом закрыты войлоком и устроены, подобно домам, одни — с двумя, а другие — с тремя отделениями, они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две или по три пары безрогих волов. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку. Таков образ жизни и обычай скифов» (Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях. 25).

Сколь долго у скифов длилась эта первая ступень кочевания, сказать трудно. Вполне определенно можно думать, что она охватывала время скифо-киммерийской войны, т. е. VIII — начало VII в. до н. э. Уже в первой половине VII в. до н. э. скифы, вероятно, их наиболее передовая часть, достаточно прочно обосновались в степях Предкавказья и именно отсюда военные отряды, не обремененные семьями, отправляются в Переднюю Азию. Такое положение не соответствует первой ступени кочевания. Однако все происшедшее после возвращения скифов из далеких военных походов в страны древнего Востока и связанное со вторичным завоеванием степных просторов Северного Причерноморья в начале VI в. до н. э. говорит в пользу нахождения

скифов на той же первой ступени кочевания. В самом деле, до сих пор в степи известно немногим более 20 погребений конца VII — начала VI в. до н. э., причем они разбросаны по всей территории, не составляя компактных групп и находясь главным образом в более ранних курганах эпохи бронзы (Мурзин В. Ю., 1984). А это со всей очевидностью говорит о свободном, непрерывном кочевании без определенных стойбищ в зимнее и летнее время.

По мнению специалистов, переход ко второй стадии кочевания знаменуется ограничением территории кочевания и четким определением границ кочевков, появлением постоянных зимников и летников (Шлетнева С. А., 1982, с. 56). Сколько-нибудь точно определить дату такого перехода у скифов не представляется возможным. Но с достаточной уверенностью можно думать, что в период войны с Дарием и особенно после нее скифские кочевые племена уже находились на второй стадии кочевания. Судя по рассказу Геродота в конце VI в. до н. э. существовали достаточно четкие границы Скифского царства, а также между кочующими родами, племенами и их подразделениями. Это позволяет предполагать появление постоянных кочевых маршрутов с определенными стойбищами в летнее и зимнее время. Вероятно, рядом с ними возникают родовые кладбища, хотя все еще часто хоронят покойников в курганах эпохи бронзы. В этой связи следует напомнить, что для конца VI—V вв. до н. э. в степи известно более 100 скифских погребений, а на нижнем Днепре в районе Каменско-Никопольской переправы начинает образовываться кладбище скифских царей, наиболее известное для IV — начала III в. до н. э. (Мозолевский Б. Н., 1986). К концу VI в. до н. э. стабилизировались и отношения с земледельческими племенами лесостепи.

Войны на второй ступени кочевания уже не имели характера нашествия, в котором участвовало все кочевое население, а представляли собой набеги, совершавшиеся только вооруженными отрядами. Из рассказа Геродота следует, что только воины участвовали в отражении полчищ Дария, тогда как женщины и дети были специально отправлены в тыл.

Как мы видели выше, еще в VI в. до н. э. начался процесс оседания на землю части кочевников. Но в это время он касался лишь обитателей тех районов, которые находились поблизости от греческих городов-колоний, — в нижнем Побужье и нижнем Поднестровье, на Керченском полуострове. Вовлеченные в активную деятельность греческих колонистов, отдельные семьи кочевников как бы вливались в состав населения греческих городов и поселков, составляя в них меньшинство. Более определенное оседание кочевников, как сказано выше, происходит в V и особенно в IV в. до н. э. Однако в поселках кочевники проводили лишь часть года, тогда как другую часть находились в движении, оставляя на месте семьи, главным образом бедноту, у которых не было стада. Таким образом, кочевнический способ хозяйства и быта клонился к упадку. Но и в IV — начале III в. до н. э. кочевники по-прежнему составляли основную военную и политическую силу в Скифском царстве, достигшем в это время апогея своего развития. Последний период существования **большой** Скифии, видимо, можно отнести к началу

третьей ступени кочевания — началу потому, что в IV в. до н. э. еще не вся масса кочевников Скифии перешла к оседлости. Такой переход наблюдается лишь в позднейший период скифской истории, который относится к III в. до н. э. — III в. н. э. и будет освещен ниже.

Основным богатством кочевников в течение всей их истории являлся скот, который с самого начала кочевое скотоводство был частной, семейной собственностью (Марков Г. Е., 1976, с. 284). Мы совсем не знаем состава стад скифских кочевников VII—VI вв. до н. э. Лишь на основании этнографических материалов, относящихся к первой стадии кочевания, можно предполагать, что стада включали лошадей и мелкий рогатый скот, т. е. тех животных, которые легче остальных переносили постоянные перекочевки. Основное место в стаде, по-видимому, принадлежало овцам, поскольку овцеводство позволяло кочевникам наиболее эффективно использовать естественные пастбища. Кроме того, именно овцы давали шерсть и шкуру для изготовления одежды и обуви. Крупный рогатый скот кочевники на первой ступени, как правило, не разводили. Он стал широко использоваться лишь с ограничением радиуса перекочевков, т. е. на второй стадии кочевания. Лошади сохраняют основную роль в жизни скифских кочевников в течение всей их истории: они широко применялись в военном деле (по Геродоту, все скифы — конные стрелки), а также служили средством передвижения и использовались в пищу. Скифы должны были иметь большие табуны лошадей, иначе нельзя объяснить наличие обширных гекатомб в ранних курганах Предкавказья, а также употребление частей конских туш в качестве заупокойной пищи. В рационе питания скифских кочевников, судя по свидетельствам античных авторов, большое место занимали не только мясо, но и продукты, изготовленные из кобыльего молока — кумыс и сыр-иппака.

Остеологические материалы и изображения на предметах античной торевтики показывают, что скифам были известны различные породы лошадей. По определению В. И. Цалкина, в Скифии преобладала крупноголовая порода относительно низкорослых, но быстрых и выносливых степных лошадей, наряду с которой, вероятно, в табунах знати были и узкомордые, тонконогие лошади, близкие к ахалтекинским скакунам (1960, с. 38—47).

Крупный рогатый скот в V—IV вв. до н. э. скифы имели в таком количестве, которое позволяло им использовать его и как тягловую силу, и как мясную пищу. Среди коров, по наблюдениям В. И. Цалкина, преобладали комолые (1960, с. 12). Геродот отмечает, что скифы совсем не разводили свиней и не приносили их в жертву. Это вполне естественно, так как свиньи не могут прокормиться на подножном корму. Заготовка же кормов на зиму кочевниками не производилась. Интересно, что кости свиньи отсутствуют на многих поселениях кочевников, осевших на землю. Так, на Каменском городище кости крупного рогатого скота и лошадей составляли около 80% от всех найденных при раскопках, распределяясь почти поровну, 18% принадлежало костям мелкого рогатого скота, остальное — костям собаки и диких животных — оленя,

сайги, бобра. Кости свиней отсутствуют и на Елизаветовском городище.

Геродот (IV, 134) описал охоту на зайца, сцены охоты известны также на некоторых произведениях античной торевтики из скифских курганов. Однако малочисленность находок костей диких животных при раскопках скифских памятников показывает, что охота в скифском быту была скорее всего развлечением, а не способом добычи пищи.

Из Геродота известно, что в устьях Днепра ловили осетровую рыбу и добывали соль. Но отсутствие костей рыб на Каменском городище говорит о том, что кочевники-степняки рыбы не ели. Иначе поступали осевшие на землю скифы, жившие на берегу Днестровского лимана, богатого рыбой. Но особенно много остатков рыбной ловли найдено на Елизаветовском городище, где рыболовство занимало одно из ведущих мест в хозяйственной деятельности населения этого города.

Геродот называет скифов в числе народов, которые презирали ремесленный труд. Археологические материалы свидетельствуют о том, что до возникновения Каменского городища основная масса оружия и других металлических изделий производилась для скифов ремесленниками лесостепных поселений. Именно там находились в VI—V вв. до н. э. центры добычи и обработки железа и бронзы (Шрамко Б. А., 1971, с. 95). Видимо, были слабо развиты у кочевников и такие домашние промыслы, как изготовление керамики, костерезное и деревообрабатывающее производство. Показателен тот факт, что в раннескифских погребениях почти не встречается местная посуда. Вспомним, что керамика, найденная в курганах Предкавказья VII—VI вв. до н. э., сделана жителями поселений кобанской культуры, а в погребениях степного Крыма — кизил-кобинцами.

Лишь с появлением оседлости в степи происходит бурное развитие различных производств, в первую очередь металлургического. Интенсивно работают ремесленники-металлурги Каменского и Елизаветовского городищ, снабжая кочевое население своей округи всем необходимым в повседневной жизни: оружием, конским снаряжением, орудиями труда. Вполне обоснованно считается, что металлообработка и металлургия в Скифии выделились в самостоятельное ремесло, тогда как многие другие виды производственной деятельности продолжали оставаться в рамках домашних промыслов, хотя и достигли довольно высокого уровня развития.

О технике и технологии различных производств в Скифии мы можем судить по материалам Каменского и Елизаветовского городищ, но более всего — по обширным и глубоко изученным Б. А. Шрамко материалам с городищ и поселений лесостепи (1965). Разработки, произведенные Б. А. Шрамко совместно со специалистами в области обработки железа, позволяют представить железоделательное ремесло в лесостепи начиная с VI в. до н. э. и в степи в IV в. до н. э. (Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963; 1986; Шрамко Б. А., 1965). Химические и петрографические анализы остатков руды и шлаков из лесостепных городищ показывают, что местные мастера в качестве сырья для получения железа использовали главным образом бурый железняк. Добытую железную руду обогащали, отделяя от

пустой породы, обжигали в горнах шахтного или ямного типов.

Уже в раннескифское время кузнецы лесостепи широко применяли не только сравнительно мягкое кричное железо, но и различные сорта стали, в том числе и высокоуглеродистую. Сталь получали за счет первичного науглероживания в сырцудутном горне или в результате цементации.

Изготавливали различные изделия из железа при помощи ковки. Металлографические анализы ряда предметов вооружения показывают, что они обрабатывались при высоких температурах, которые можно было получить лишь в кузнечных горнах с мехами для дутья воздуха. Остатки таких горнов обнаружены на Бельском, Люботинском, Каменском городищах.

На ряде поселений и в некоторых курганах лесостепи, а также на Каменском городище найдены орудия труда кузнецов — молот, молотки, клещи, пружинные щипцы, кузнечные и ювелирные зубила, пробойники, пуансоны, напильник (табл. 47, 19—24, 26; Шрамко Б. А., 1969, с. 53—70). Располагая такими инструментами и металлом с различными свойствами, кузнецы Скифии ковали разнообразные виды орудий, оружия и другие вещи. Б. А. Шрамко привел серию металлографических анализов самых распространенных в быту орудий труда — ножей, которые показывают, что разные типы их изготавливались разными способами: одни — из простого железа, другие имели лезвие полосчатой структуры из мягкой, средней и твердой стали, третьи были цельностальными, четвертые имели стальное лезвие, наваренное кузнечным способом на стальную основу, пятые сделаны путем сварки железного обуха между стальными пластинами, шестые — многослойной сваркой железа и стали, седьмые имели лезвие из сварочного дамаска. Интересно, что наиболее сложными с точки зрения технологии оказались самые простые и широко распространенные в быту хозяйственные ножи с дугообразной спинкой и прямым лезвием; чаще всего встречающиеся в погребениях ножи с рукоятками из кости выкованы из простого кричного железа (табл. 47, 40, 41, 44). Применение различной кузнечной технологии отмечено Б. А. Шрамко и для других видов изделий из железа. Особенно разнообразны мечи, среди которых можно выделить по составу металлов шесть групп. Основное место занимают мечи из стали. Копья и дротики встречены железные, цельностальные и сделанные при помощи сварки. Боевые топоры ковали как из малоуглеродистой, так и высокоуглеродистой стали. Иногда на более мягкую основу топора наваривали стальную пластину.

Таким образом, совершенно очевидно, что начиная с VI в. до н. э. сначала на периферии скифского мира, в лесостепи, а с IV в. до н. э. — в степи кузнецы хорошо владели приемами обработки черных металлов. Однако кузнецы Каменского городища выполняли только простую однослойную сварку, тогда как в кузнечных мастерских лесостепи применялись значительно более сложные способы производства оружия и орудий труда.

Была развита и цветная металлообработка. Интересное наблюдение сделано Б. Н. Граковым на основании изучения материалов Каменского горо-

дища: «Одни и те же мастера выплавляли металл из руды, лили бронзовые предметы и ковали железо. Эти же мастера делали и детали из других материалов к металлическому изделию» (1954, с. 43). Более высокий уровень специализации отмечается в лесостепи. В частности, на Бельском городище мастерские бронзолитейщиков и кузнецов расположены отдельно, более разнообразен и набор специализированных орудий труда (Шрамко Б. А., 1973). Собственных источников сырья для получения цветных металлов в Скифии не было. Сырье получали из разных мест: с Северного Кавказа, Южного Урала, из Казахстана, а также из балканско-карпатских рудников. Однако в различных районах скифского мира количество металла, поступавшего из разных источников, не было одинаковым (Барцева Т. Б., 1981). На основании спектральных анализов Т. Б. Барцевой удалось показать существование в IV в. до н. э. самостоятельных металлообрабатывающих производств в степи, на Правобережье и Левобережье лесостепи. Причем на Левобережье хорошо выявляется своеобразие рецептурных составов бронз в течение всей скифской эпохи в бассейне Ворсклы, с одной стороны, и на Посулье — с другой.

Большинство бронзовых изделий изготовлено при помощи литья. Формы делали из глины или камня и лишь для массового производства наконечников стрел применялись и более прочные медные литейные формы. Бронзовые слитки плавил в тиглях и разливали в формы при помощи глиняных льячек. На Бельском городище найдена плавильная печь сравнительно хорошей сохранности, а возле одной из бронзолитейных мастерских на том же городище обнаружен обломок литейной формы для отливки крупной бляхи — украшения щита с изображением оленя (табл. 47, 2; Шрамко Б. А., 1983, с. 37). Местными ремесленниками-металлургами изготавливались при помощи штамповки или тиснения и некоторые виды украшений из золота и серебра (Шрамко Б. А., 1970).

Сравнительно высокого уровня развития достигли в скифскую эпоху и различные промыслы, не выходящие за рамки семейных патриархальных общин. Изучение остатков кожаных изделий из скифских курганов позволило Б. А. Шрамко прийти к выводу о существовании сложной и разнообразной техники изготовления изделий из кожи, особенно таких, как основа для металлических наборных панцирей, поясов, различных частей конских уздечек (Шрамко Б. А., 1984а, с. 142—153).

В VII—V вв. до н. э. оседлым населением лесостепи широко употреблялась кость для изготовления различных вещей, начиная от простых проколов до художественно оформленных блях и псалий для конской узда. Б. А. Шрамко насчитал 45 видов изделий из кости и установил, что техника обработки этого материала у лесостепных племен была весьма совершенной: применялись обезжиривание, распиловка, строгание, резание, сверление, шлифовка и полировка кости. В IV в. до н. э. кость используется гораздо скромнее — в виде дополнительного материала, особенно ремесленниками-металлургами.

Достаточно высокоразвитой была технология ткаче-

ства. Основным материалом служила овечья шерсть, но использовались также лен и конопля. Ткали на вертикальном ткацком станке, основа на который натягивалась при помощи грузиков. Известны ткани разного переплетения: от простого полотняного до парчового и гобеленного (Шрамко Б. А., 1965). Широко применялось плетение изделий из гибких и волокнистых материалов, при помощи которого изготавливали корзины, маты, шнуры, детали конской сбруи, различные циновки и др. Кроме того, на поселениях лесостепи из плетня делали основу стенок жилищ, печей, различных ограждений, употребляли его и при сооружении погребальных памятников. Например, ограды из плетня отмечены В. Г. Петренко при раскопках кургана 1 у хут. Красное Знамя на Ставрополье.

В строительстве жилищ и погребальных сооружений использовали дерево разных пород, чаще всего дуб, кроме того, березу, граб, липу, вербу и очень редко сосну. В ход шли целые стволы деревьев вместе с корой и без коры, а также толстые плахи, брусья, доски. При этом в одной постройке применяли все виды деревообработки.

Земледелие, составлявшее основу хозяйства оседлого населения, было пашенным, как и у большинства народов Европы в раннем железном веке. Деревянное рало без железного наральника, подобное тем, которые известны по нескольким находкам в торфяниках и по изображениям на пантикапейских монетах III—II вв. до н. э., являлось основным пахотным орудием. Иногда применяли железные ножи-чересла. Для дополнительной обработки земли и прополки служили мотыги из кости, рога или железа. Следы таких мотыг часто видны на стенках могильных сооружений.

Есть основания полагать, что система земледелия у скифов лесостепи была переложной. Судя по находкам обуглившихся зерен, отпечаткам их на керамике и глиняным моделям в лесостепи сеяли в основном пшеницу-двузернянку (полбу) и плечатый многорядный ячмень. В меньшем количестве возделывали мягкую и карликовую пшеницу, рожь, просо, ячмень голозерный. Изредка встречаются зерна гречихи и овса. Кроме зерновых культур, значительное распространение у земледельцев имели бобовые растения — горох, чечевица, нут, кормовые бобы. Находки на Бельском и Люботинском городищах обуглившихся семян яблонь свидетельствуют о наличии садоводства (Шрамко Б. А., Янушевич Э. В., 1985, с. 47—62).

Скифы, осевшие в Крыму, жившие поблизости от греческих городов и поселков, отдавали предпочтение мягкой пшенице, но остальные культуры у них были те же, что и в лесостепи. Э. В. Яковенко предполагает, что система земледелия у крымских скифов была организована по примеру высокоразвитого хозяйства боспорских греков. Последние использовали двупольную систему, оставляли землю под паром и чередовали хлебные злаки с бобовыми культурами (Яковенко Э. В., 1974, с. 123). Миндальная косточка, найденная в одном из скифских погребений у с. Ленино в северо-восточном Крыму, позволила Э. В. Яковенко высказать предположение о существовании плодовых деревьев у скифов, осевших на землях Керченского полуострова.

Основной тягловой силой при пахоте служили волю. На Бельском городище найдена культовая глиняная модель кривогибидного рала и ярма для бычьей упряжки, которая позволяет получить представление о настоящих предметах этого рода (табл. 34, 9—11).

Урожай убирали железными серпами двух типов. Наибольшее распространение имели так называемые столбиковые серпы, у которых черенок был продолжением лезвия, а конец черенка отогнут под прямым углом в виде столбика (табл. 47, 11, 13, 14). На столбик прочно насаживалась деревянная рукоять. Второй тип — это крюкастые серпы, у которых конец черенка загибался в виде крюка (табл. 47, 12). Редкими находками на поселениях являются железные косы, которые по форме похожи на столбиковые серпы, но отличаются более длинным и менее изогнутым лезвием.

Хранили зерно в специальных ямах-зернохранилищах и в больших глиняных сосудах. Для размола использовали каменные зернотерки и ступки с пестиком. На Бельском и Люботинском городищах, а также на нескольких поселениях Керченского полуострова найдены остатки больших глиняных жаровен, служивших для просушки зерна. На Бельском же городище обнаружена печь с глиняной решеткой, предназначенная для сушки фруктов.

Помимо земледелия, значительную роль в хозяйстве оседлых племен играло пастушеское скотоводство. В отличие от кочевников в стаде у этих племен преобладал крупный рогатый скот, который давал мясо, молоко, кожи, а также использовался как тягловая сила. Гораздо меньше было лошадей и мелкого рогатого скота — овец и коз. В отличие от кочевников оседлые племена разводили свиней: костные остатки этих животных составляют большой процент среди остеологического материала, происходящего с городищ и поселений лесостепи. Кроме костей перечисленных видов домашних животных, встречены еще кости собак, а также домашних птиц — гусей, уток и кур.

На Люботинском городище обнаружен хлев. Б. А. Шрамко предполагает, что хлевы строились для молодняка, особенно чувствительного к капризам погоды.

Охота и рыболовство у земледельцев, как и у кочевников, не имели сколько-нибудь существенного значения в хозяйстве: костей диких животных и рыб находят на поселениях лесостепи очень мало.

Торговля в экономике как собственно скифских племен, так и их соседей в лесостепи Восточной Европы имела большое значение. Основными торговыми партнерами тех и других были греки, преимущественно обитатели городов-колоний на берегу Северного Причерноморья. Данные об античных импортных изделиях VII—III вв. до н. э., найденных в Приднепровье и Побужье, на основании которых можно судить о размерах торговой деятельности обитавшего там населения, тщательно собраны и освещены Н. А. Онайко (1966, 1970). Достаточно полно представлен античный импорт Елизаветовского городища и могильника (Брашинский И. Б., 1980). По другим районам распространения скифской культуры специальных исследований античного импорта нет, но более или менее

подробные сведения о нем можно получить из опубликованных статей и монографий, а также из тома «Археология СССР», посвященного античным государствам Северного Причерноморья.

Наиболее ранние находки представлены керамикой родосско-ионийского круга второй четверти — конца VII и начала VI в. до н. э. Их немного, но они сделаны в разных районах скифского мира: в Крыму (Темир-гора, Филатовка), на Таманском полуострове (Цукур-лиман), на среднем Приднепровье (бывш. имение Болтышка, Жаботинское поселение, Трахтемировское и Пастырское городища на Правобережье, Бельское городище — на Левобережье), среднем Побужье (Немировское городище) и среднем Поднепровье (Иванэ-Пустэ). К началу VI в. до н. э. исследователи относят ряд золотых изделий восточногреческого и ионийского происхождения. К ним принадлежат, в частности, золотая пластина с изображением обезьяны и птиц, а также диадема из Мельгуновского кургана (Онайко Н. А., 1966, табл. XXII, 11), золотая чаша и зеркало из Келермеса (Максимова М. И., 1954, с. 280). Из Ионии происходит бронзовый кратер первой половины VI в. до н. э., найденный в кургане Мартоноша в Кировоградской обл. (Онайко Н. А., 1966, табл. XIV).

Находки родосско-ионийской керамики позволили исследователям датировать возникновение контактов местного населения с греками периодом, предшествовавшим появлению греческих городов на северном побережье Черного моря. Но и в первой половине VI в. до н. э. эти контакты носили лишь спорадический характер. Важно подчеркнуть вместе с тем, что уже в столь раннее время греческие товары, а вероятно, и купцы проникали в районы, отдаленные от Черноморского побережья. Об этом свидетельствует найденный на Немировском городище местный сосуд с процарапанной на поверхности застойной надписью, которую не мог сделать туземец (Граков Б. Н., 1959, с. 259—261).

Начало постоянных, регулярных связей скифов и их лесостепных соседей с греками датируется серединой VI в. до н. э., когда стабилизировалась жизнь в большинстве греческих городов Северного Причерноморья и в первую очередь таких, как Ольвия и Пантикапей, с которыми скифы были связаны теснее всего. С этого времени четко прослеживаются три категории античных товаров, поступавших к местному населению: вино, глиняная посуда, металлические изделия. Главной статьей греческого экспорта было вино, ввозившееся из разных городов материковой и островной Греции в амфорной таре. Глиняная посуда представлена чернолаковыми, чернофигурными, краснофигурными и простыми сосудами разных форм. Металлические предметы — это главным образом художественные изделия из бронзы, золота и серебра. Распределение импортных изделий в разных областях Скифии в разные периоды скифской истории далеко не одинаково. Для VI — середины V в. до н. э. греческий импорт всех видов поступал главным образом к земледельческим племенам в междуречье среднего Приднепровья и Побужья, а также к их соседям на левобережье среднего Приднепровья, что объясняется потребностями греческих городов в продуктах земледелия. Особенно много греческих изделий этого времени

обнаружено в бассейне Тясмина, в районе Канева — на Правобережье, а на Левобережье — в верховьях Сулы и Ворсклы (Онайко Н. А., 1966).

В степи импортные греческие изделия описываемого периода встречаются единицами и главным образом в районах, близких к греческим городам, — на нижнем Побужье, в северо-восточном Крыму, на нижнем Дону. Среди амфор преобладает продукция с о-ва Хиос, среди столовой посуды — чернолаковая и художественная керамика аттического производства. Металлические импортные изделия состоят из предметов, изготовленных в средиземноморских и североазиатских мастерских, причем в количественном отношении первые преобладали над вторыми. По сравнению с керамикой металлических предметов средиземноморского происхождения как в лесостепи, так и в степи найдено немного. Довольно разнообразными украшениями представлены лишь изделия греческого ювелирного искусства. Н. А. Онайко называет три типа золотых серег, ожерелья из золотых подвесок и бус, перстни и некоторые другие вещи из курганов местной знати на правобережье и левобережье среднего Приднепровья. Ряд изделий средиземноморских центров производства — бронзовые сосуды, зеркала, золотые украшения — конца VI—V вв. до н. э. происходит из нескольких погребений V в. до н. э., известных в степи Северного Причерноморья, а также из курганов скифской знати в некрополе Нимфея. Кроме курганных находок, следует отметить греческие архаические зеркала, случайно найденные близ Херсона и у хутора Анновка, имевшие фигурные ручки-подставки (Онайко Н. А., 1966, табл. XVIII, XIX, 5).

Особый интерес представляет находка 15 крупных бронзовых античных сосудов первой четверти V в. до н. э. вместе с остатками деревянного челна и скелетом мужчины, сделанная в торфянике близ с. Песчаное в пересохшем русле р. Супой — одного из левых притоков Днепра. Эта уникальная находка является свидетельством проникновения греческих купцов со своими товарами далеко на север по Днепру и его притокам в V в. до н. э. (Ганіна О. Д., 1970).

Уже в VI в. до н. э. мастерские в греческих городах Северного Причерноморья начали производить металлические изделия, специально предназначенные для сбыта варварам, вероятно, по скифским заказам. В каких именно городах выпускалась такая продукция, пока точно неизвестно, однако большинство исследователей полагает, что в VI—V вв. до н. э. товары для скифов и их соседей производили главным образом мастерские Ольвии. Так, считается установленным, что из ольвийских мастерских вышли многие бронзовые зеркала и крестовидные бляхи, найденные в скифских курганах VI — начала V в. до н. э. К изделиям ольвийского производства относятся золотые ножны мечей из Острой или Томаковской Могилы и из кургана у хут. Шумейко (Капошина С. И., 1956, с. 180). С. А. Островерхов не без основания полагает, что в Ольвии и на ее периферии существовала своя школа мастеров звериного стиля, которая в VI—V вв. до н. э. наладила широкий выпуск изделий из бронзы и драгоценных металлов для скифов главным образом правобережного среднего Приднепровья (Островерхов А. С., 1978а, 1984).

Под Ольвией на Ягорлыцком поселении недавно открыты остатки ремесел, связанных с литьем и обработкой цветных металлов. Это производство было ориентировано на скифский рынок и выпускало продукцию местных типов — наконечники стрел, гвоздевидные булавки, браслеты, ворворки, находки которых хорошо известны в памятниках среднего Приднепровья VI—V вв. до н. э. Там же найдены остатки мастерской по изготовлению стеклянных бус, действовавшей не позднее середины VI в. до н. э. Это важное открытие показывает, что наиболее распространенные у обитателей степи и лесостепи украшения были не только средиземноморского происхождения, как считалось ранее, но и производились в VI в. до н. э. греческими ремесленниками под Ольвией (Островерхов А. С., 1978б, с. 41—49; 1981а, с. 26—37).

Конец V—IV и начало III в. до н. э. характеризуется особенно сильным притоком греческих товаров в Скифию. В отличие от раннего периода наибольшее число импортных изделий поступало теперь к скифским кочевникам. Это объясняется значительным увеличением поставок хлеба из Скифии в античные города, прежде всего городá Боспора, которые стали основными поставщиками хлеба в материковую Грецию и города южного Понта. Кочевая аристократия, очевидно, взяла в свои руки торговую деятельность земледельцев, выступая посредником в этой торговле и извлекая из нее огромные прибыли.

По-прежнему в ассортименте импорта преобладали вино, а также, видимо, и масло в амфорах и глиняная посуда. Амфорной тары особенно много на поселениях и примыкающих к ним могильниках, расположенных поблизости от греческих городов-колоний Северного Причерноморья, жители которых занимались транзитной торговлей, приобретая полюбившиеся скифам напитки не только для собственных нужд, но и для продажи в более отдаленные районы Скифии.

Находки амфор не только в курганах знати, но и в погребениях рядовых общинников свидетельствуют о том, что вино в амфорах было доступно для приобретения и рядовому населению степи и Скифии. Что касается лесостепи, то там амфор найдено гораздо меньше, чем в степи. Однако амфорные обломки встречены на всех городищах и поселениях конца V — начала III в. до н. э. как правого, так и левого берегов среднего Приднепровья, на Северском Донце и среднем Дону. Менее обычны, чем в степи, но все же не очень редки целые амфоры и в погребальных памятниках, преимущественно в курганах местной аристократии (Онайко Н. А., 1970).

Данные, собранные исследователями об этой категории античного импорта, свидетельствуют о большом разнообразии центров производства продукции в амфорной таре, вывозивших ее для перепродажи местному населению. Особенно многочисленны находки амфор Гераклеи и с о-ва Фасос. Довольно большой процент принадлежит амфорам Синопы второй половины IV в. до н. э., а также неизвестных центров типов Солоха I и Солоха II главным образом первой половины IV в. до н. э. Кроме того, есть находки херсонесских клейменных и неклеяемых амфор и некоторых других центров.

По мнению исследователей, в отдаленные районы

лесостепи античные амфоры с вином и маслом доставлялись как по речным, так и по сухопутным магистралям. В настоящее время считается, что область среднего Дона входила в сферу экономических интересов Боспора и античный импорт туда поступал через Елизаветовское городище. На Северский Донец он мог идти с Боспора и из Ольвии, но также через Елизаветовское городище (Брашинский И. Б., 1980). К местным племенам среднего Приднепровья греческие товары, как и в более раннее время, попадали преимущественно из Ольвии, вероятно, при непосредственном участии кочевников. Одной из характерных черт импорта вина в Скифию И. Б. Брашинский считает крупные оптовые единовременные поступления, что хорошо прослеживается по клеймам, найденным на Елизаветовском и Каменском городищах. Такие данные говорят о «пульсирующем» характере греческой торговли.

Столовая античная посуда, находившая широкий сбыт в IV—III вв. до н. э. не только у верхушки скифского общества, но и у рядовых общинников, была главным образом аттического производства. Это чернолаковые килики, скифосы, котилы, небольшие чаши. Кроме того, довольно обычную находку в скифских погребениях степи представляют арибаллические лекифы с краснофигурной пальметкой или сетчатым узором. Крупногабаритные сосуды с краснофигурной росписью встречаются редко и только в самых богатых погребениях. Следует заметить, что скифы, видимо, очень ценили греческую чернолаковую посуду, о чем свидетельствуют следы починки, иногда неоднократной, обнаруженные на многих из них.

Менее широкий сбыт у местного населения имела простая античная посуда. Ее относительно много лишь на поселениях, расположенных близ греческих городов. В кочевнических курганах находки ее единичны, мало ее и в лесостепи. Среди известных форм преобладают сероглиняные кувшины и миски, изготовленные в причерноморских гончарных мастерских (Онайко Н. А., 1970, с. 18, 19).

В огромной коллекции импортных металлических изделий из скифских памятников IV — начала III в. до н. э. преобладают вещи, изготовленные в мастерских греческих городов Северного Причерноморья по скифским заказам. Это большинство золотых украшений и предметов торевтики, многие из которых представляют шедевры античного ювелирного искусства, передающие сцены из скифской мифологии или скифского фольклора, такие, как гребень из Солохи, пектораль из Толстой Могилы, серебряная с позолотой амфора из Чертомлыка, серебряные кубки из Солохи, Гаймановой Могилы, электровый кубок из Куль-Обы и другие стилистически близкие к ним вещи. Для удовлетворения потребностей скифской знати греческими мастерами были выработаны оригинальные формы обивок горитов, рукоятей и ножен мечей из золота и серебра, орнаментированные сюжетами, близкими и понятными скифам. В греческих же мастерских делали и большинство золотых бляшек, служивших для украшения одежды, погребальных покрывал и уздечек коней скифской аристократии. Качество их исполнения (даже бляшек с одним и тем же сюжетом) бывает различным. Одни и з них представляют собой настоящие произведения

искусства, другие выдают руку средних ремесленников. Точка зрения М. И. Ростовцева о пантикапейском изготовлении большинства предметов торевтики и ювелирного искусства из скифских курганов IV—III вв. до н. э., развивавшаяся в последние 20 лет Н. А. Онайко, все же не окончательно доказана, хотя и принята большинством исследователей. Ряд ученых полагает, что немалую роль в производстве ювелирных изделий и в IV—III вв. до н. э. продолжала играть Ольвия (Капопина С. И., 1956, с. 183; Островерхов А. С., 1984, с. 63). А. П. Манцевич настаивала на фракийском происхождении и изготовлении большинства шедевров торевтики из скифских курганов (1949, с. 196—220; 1962, с. 113—115). Эта точка зрения не имеет сторонников и подвергается критике (Мелюкова А. И., 1979, с. 204 сл.).

Из средиземноморских центров производства металлических изделий в Скифию поступали предметы защитного вооружения: племы и поножи, серебряные и бронзовые сосуды, изредка встречающиеся в богатых курганах, главным образом в степи Северного Причерноморья. Некоторые из серебряных сосудов высокохудожественны, сделаны первоклассными аттическими мастерами (килик и фиалы из Чмыревой Могилы, килик и кубок с изображением сцены из жизни гинекея, найденные в боковом погребении в кургане Солоха, и некоторые другие; Онайко Н. А., 1970).

Самую распространенную группу импортных изделий в материальной культуре скифов IV—III вв. до н. э. составляют стеклянные бусы, главным образом монохромные и полихромные, среди которых преобладали глазчатые, а также с внутренней позолотой. Они использовались скифами разного достатка для ожерелий, браслетов, иногда в сочетании с бусами и пронизками из камня, гагата и раковин. Центры производства бус пока не установлены. Е. М. Алексеева, однако, предполагает, что большинство стеклянных полихромных бус в IV—III вв. до н. э., как и в более раннее время, поступало в Северное Причерноморье из средиземноморских мастерских, широко расходясь среди кочевников степи и земледельцев лесостепи (1982, с. 46). Интересное наблюдение сделано И. Б. Брашинским, установившим, что наборы бус из ряда курганов среднего Дона совпадают с наборами из погребений Елизаветовского могильника. Это наблюдение подтверждает основанное на других материалах предположение о распространении на средний Дон античных товаров через Елизаветовское городище.

Хлеб, преимущественно пшеница, был самой важной, но не единственной статьей экспорта из Скифии. По свидетельству Полибия, Страбона и других античных авторов, из Северного Причерноморья в материковую и малоазийскую Грецию шел не только хлеб, но и мед, воск, хорошие сорта рыбы, шкуры и скот, а также рабы «хорошего качества». Страбон прямо называет рабов и шкуры кочевническими товарами. Эти свидетельства относятся к более позднему времени, чем описываемое нами, но они могут быть применены и к скифскому периоду. В каких размерах вывозились упомянутые товары, сказать трудно. Ясно лишь, что они не могли конкурировать с хлебом. Вероятно, значительной статьей дохода скифской аристократии, кроме хлеба, была торговля

рабами. Геродот сообщает про большой полон у скифов, измеряемый сотнями, который мог появиться вследствие многочисленных столкновений с соседями. Пополнялся этот полон и из среды подчиненных скифских племен. Как установил Б. Н. Граков, рабы с именами скифов и других причерноморских племен встречаются в античных надписях Греции со второй половины VI в. до н. э. С течением времени количество их возрастает вплоть до середины IV в. до н. э. Рабов из Северного Причерноморья греки использовали на разных работах, но особенно охотно — в качестве государственных рабов-стрелков, которых посылали и на войну. Известно, например, что в 428 г. митиленцы, готовясь отпасть от афинского союза, закупили на Понте скифских стрелков (Граков Б. Н., 1971а, с. 54).

Что касается скота и шкур, то кочевники, очевидно, в состоянии были полностью удовлетворить спрос на эти товары. По мнению Б. Н. Гракова, среди экспортируемых в Грецию шкур немалое место занимала пушнина, которую скифские купцы привозили в результате продажи ольвийских товаров фиссагетам и ииркам, жившим в местах, богатых пушшиной, где-то в Приуралье. Торговый путь из Ольвии до Южного Урала, по которому проходили скифские купцы, общавшиеся с местным населением при помощи семи переводчиков, описан Геродотом (IV, 24) и подтверждается находками зеркал ольвийского производства вплоть до г. Орска (Граков Б. М., 1947а, с. 23—37). Этот торговый путь существовал до IV в. до н. э.

Как сказано выше, рыболовство в большинстве районов Скифии не имело заметного развития, поэтому и экспорт рыбы не мог иметь сколько-нибудь значительные размеры. Вероятно, лишь из Елизаветовского городища на Боспор шла рыба, которая в изобилии водилась в дельте Дона.

Греко-варварская торговля, огромная по объему и очень интенсивная в IV в. до н. э., на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась по типу натуральным обменом. Находки античных монет, преимущественно бронзовых, зафиксированы только на Елизаветовском (10 экз.) и Каменском (около 20 экз.) городищах. Б. Н. Граков предполагает, что они использовались для обращения с заезжими греками и греков с местными мастерами и мелкими торговцами. В толщу варварского населения монеты не проникали. Их нет вкладах, а случаи находок в погребениях очень редки, да и использованы они как подвески в составе ожерелий, т. е. не исполняли функции денег. Вместе с тем широкий размах торгового обмена, особенно в IV в. до н. э., дает основание для предположения о существовании у скифов какого-то эквивалента, заменявшего деньги и использовавшегося в торговых сделках. Б. Н. Граков предполагал, что основным мериллом ценности у скифов служил скот, главным образом кони и быки. Его могли использовать прежде всего для оптового обмена, как внешнего, так и внутреннего. В качестве «разменной монеты» скифы, возможно, применяли стрелы с древками или только бронзовые их наконечники (Граков Б. Н., 1968, с. 101—115).

Кроме античных товаров, к скифам поступали товары из других центров производства. Для VII—V вв. до н. э. заметен импорт изделий передневосточ-

ного стиля из Закавказья, а для IV—III вв. до н. э. — из фракийских мастерских, особенно в виде украшений конского снаряжения для лошадей скифской аристократии (Мозолевский Б. Н., 1975, с. 166—179; Манцевич А. П., 1980, с. 267—293). Однако по сравнению с античными товарами весь другой импорт представляется мизерным, что говорит об отсутствии сколько-нибудь регулярных торговых связей как с Передней Азией, так и с Фракией.

Религиозные представления

Источниками для реконструкции скифской религии являются краткие свидетельства античных авторов, в том числе касающиеся скифской мифологии, данные погребального обряда, предметы культа, а также остатки культовых сооружений, произведения скифо-античного искусства. Лучше всего освещен в источниках период V—IV вв. до н. э.

Скифская религия относится к числу индоиранских. По уровню своего развития она принадлежала, как и большинство религий доклассовых обществ и обществ эпохи раннего государства, к политеистическим религиям: почиталось множество божеств, из которых одно признавалось главным. Наиболее ценные сведения о скифских божествах и обрядах сообщает Геродот (IV, 5—11, 36, 59—63, 67—73, 76 и т. д.). Скифскую религию времен Геродота можно характеризовать как племенную с тенденцией к созданию национально-государственной религии. Выделился обшескифский пантеон высших богов, возглавляемый триадой Табити — Папай — Апи. По словам Геродота, скифы более всего почитали Табити (Гестию). Это почитание огня как священной стихии, свойственное всем индоевропейским и в особенности индоиранским народам. Царь являлся сакральным главой общества, поэтому общественная роль культа царского очага как общего религиозного центра была очень велика. Клятва «царскими гестиями», т. е. божествами царского очага, считалась наиболее священной, и ее нарушение каралось смертью (Геродот, IV, 68). Некоторые исследователи видят изображение Табити в характерных для скифского искусства сценах «приобщения божеству» — сидящая богиня с зеркалом в руке и перед ней стоящий мужчина с ритонном (табл. 45, 18; Городцов В. А., 1926, с. 20, 21; Раевский Д. С., 1977, с. 95 сл.).

Папай (Зевс) считался супругом Апи (Геи) и прародителем скифов. Это божество скорее всего олицетворяло небо (Абаев В. И., 1949, с. 242; 1962, с. 449; Раевский Д. С., 1977, с. 46—48). В мифах ему были присущи космогонические функции верховного творца мира и людей. Изображение Папая можно видеть в известном навершии из урочища Лысая гора близ Днепропетровска (Артамонов М. И., 1961, с. 75; Граков Б. А., 1971а, с. 83). Фрагмент такого же навершия найден в насыпи разрушенного кургана у с. Марьянское Днепропетровской обл. в 1963 г.

Апи (Гею) исследователи единодушно признают олицетворением земли и воды (влажной земли) как одного из основных порождающих начал. Ее брачный союз с Папаем — союз неба и земли, представленный почти во всех индоевропейских космогониях. Божества земли можно видеть в изображениях так

называемых змееногих богинь, туловище которых заканчивается двумя змеями или вырастает из растительных побегов (табл. 34, 7).

Сложным является образ Аргимпасы (Афродиты Урании). Не исключена возможность местного северопричерноморского происхождения этого божества (Артамонов М. И., 1961, с. 63, 64), но черты восточного божества в ее культе несомненны (Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1889, с. 44; Ростовцев М. И., 1925, с. 107; Жебелев С. А., 1953, с. 53). Заимствование черт культа восточного божества произошло, очевидно, во время пребывания скифов в странах Передней Азии. Уже в VII в. до н. э. среди инвентаря скифских курганов на Северном Кавказе появляются изображения женского божества (Келермесский курган, курган у хут. Красное Знамя), иконография которого сложилась в Передней Азии под влиянием образов Иштар, Восточной Артемиды и аналогичных им божеств. Это божество было наиболее антропоморфным из всех скифских богинь. В скифском пантеоне Аргимпаса олицетворяла, по-видимому, функции плодородия, в основном человеческого и животного. Подобные божества имели обычно и военные функции. В IV в. до н. э. известны изображения этого божества в виде Владычицы зверей с протомами животных по бокам (Любимовка, Толстая Могила, Мастюгино, Александропольский курган; табл. 34, 8). Именно она скорее всего предстает и в упоминавшихся сценах «приобщения» как владычица умерших, великое божество жизни и смерти.

Гойтосир (Аполлон) — наименее ясное божество скифского пантеона. Некоторые исследователи считают его исходя из имени божеством ветра, бури и грозы (Абаев В. И., 1962, с. 450; 1965, с. 112; Алексеев А. Ю., 1980, с. 4). Большинство же реконструируют Гойтосира на основе сопоставления с культами иранского Митры и греческого Аполлона как солнечное космическое божество (Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1899, с. 44; Артамонов М. И., 1961, с. 78; Кузьмина Е. Е., 1977, с. 100). Можно предполагать такие функции божества, как охранитель скота, лучник, победитель чудовищ, волшебник. Возможно, именно Гойтосир изображен в сцене «волшебной охоты» на золотой ажурной пластине из кургана у с. Гюновка Запорожской обл.

Геродот не приводит скифского имени Геракла: очевидно, он близок по своим функциям греческому Гераклу. Подобные образы богов или героев — победителей чудовищ, устройств мира были очень популярны в мифологии и культах народов того времени. В скифских курганах довольно часто встречаются как античные изображения Геракла (бляшки с изображением его головы), так и варварские трактовки этого образа — герой, сражающийся с чудовищами (Граков Б. Н., 1950).

Сущность культа Арея — бога войны — особых сомнений не вызывает. По своему происхождению это, вероятно, одно из божеств природных стихий — божество воздушной сферы и связанных с ней атмосферных явлений, в основном грозы. Общественная роль указанного культа была очень велика, что связано с ролью войны и военного сословия в скифском обществе. Только Арею (его скифского имени Геродот также не приводит) сооружали «в каждом номе по округам» особые алтари из хвороста с укреп-

ленным наверху старинным железным мечом. Жертвоприношения отличались особой пышностью — жертвовали не только скот, но и пленников (Геродот, IV, 62). Святилища Арея, о которых сообщает Геродот, археологически не прослеживаются, но известны довольно многочисленные подтверждения культа оружия в погребениях — воткнутое с магической целью в дно или стенки оружие, чаще всего копьё и дротики (Бессонова С. С., 1984).

Кроме семи верховных божеств, почитавшихся всеми скифами, скифы царские поклонялись также Тагимасаду (Посейдону), вероятно, родоначальнику и покровителю рода или племени. Это было скорее всего божество плодоносящей водной стихии и покровитель коней. Некоторые исследователи полагают, что Тагимасадом мог быть бог-всадник, изображенный на культовых ритонах из синдо-меотских погребений в курганах Карагодеуашх и Мерджаны в Прикубанье (Артамонов М. И., 1961, с. 76—77; Блаватский В. Д., 1964, № 4, с. 28).

У скифов, подобно иным индоиранским народам, существовали жрецы как обособленная прослойка общества. Социальное положение некоторых их категорий было довольно высоко. Таковы, например, могущественные анареи или энареи — жрецы Афродиты-Аргимпасы (Псевдо-Гиппократ, 29; Геродот, IV, 67). Одна из важных общественных функций «предсказателей», как их называет Геродот, — изречение пророчеств и отыскание различного рода злоумышленников.

В общественном культе важную роль играли цари и высшая знать. Цари были хранителями священного золота — важнейших национальных реликвий, в честь которых ежегодно устраивались празднества (Геродот, IV, 7), знаменовавшие наступление нового жизненного цикла, обновление мира.

Захоронений жрецов археологически не прослеживается, что, конечно, не является доказательством их отсутствия у скифов. Из этнографии известно, например, что шаманов часто хоронили в обычной одежде, а предметы культа хоронили где-либо или вывешивали отдельно. У шаманов мог сохраниться и иной способ захоронения, например наземный или надземный, в отличие от общепринятого подкурганного (Дьяконова В. П., 1975). Не исключено, что жреческим являлось одно из погребений в Александропольском кургане, где в крепиде была устроена специальная каменная оградка, внутри которой находились различные предметы культового назначения, в том числе широко известные «навершия» с изображением женского крылатого божества (ДГС, I, с. 4). Магические предметы встречаются иногда в погребениях женщин, возможно, знахарок или ворожей (Тереножкин О. И., 1960, с. 145).

К культовым предметам можно отнести жертвенные бронзовые ножи, встречающиеся обычно попарно (Яценко И. В., 1959, с. 48; Петренко В. Г., 1967, с. 27; Ильинская В. А., 1968, с. 154—160), скипетры, навершия (Ильинская В. А., 1965; Переводчикова Е. А., Раевский Д. С., 1981). Сакрально-магическое значение нередко имели зеркала, некоторые виды сосудов, головные уборы, конская узда и детали повозок, очажные щипцы, каменные блюда.

Религиозные представления населения лесостепи отличались от верований скифов-степняков. На лесо-

степных городищах открыты культовые сооружения различных типов (Андриенко В. П., 1974, 1975): глиняные жертвенники, украшенные геометрическими орнаментами (бегущая волна, меандр), концентрическими линиями, обнаруженные на Жаботинском поселении (Покровская Е. Ф., 1962). На Матронинском и Пастырском (Яковенко Е. В., 1966) городищах открыты жертвенники в виде цилиндрического возвышения иногда с чашевидным углублением в центре, окруженным концентрическими кругами. Своеобразный жертвенник в виде тарелкообразной площадки овальной формы открыт на городище Караван. На всех жертвенниках — следы долгого горения огня, сажа, зола, сгоревшие растительные остатки. Некоторые из жертвенников помещались в домах — очевидно, небольших святилищах (Жаботин, Трахтемиров). В помещениях встречаются остатки жертвоприношения животных, культовой посуды, фрагменты цветной штукатурки.

Крупным религиозным центром левобережной лесостепи было, очевидно, Бельское городище. Здесь Б. А. Шрамко (1983) открыт культовый комплекс VI—V вв. до н. э., куда входили три цилиндрических жертвенника и три большие ямы. Найдено очень много глиняных votивных изделий: сосуды, светильники, лепешки, модели зерен, зооморфные и антропоморфные статуэтки, в том числе фаллическая статуэтка мужского божества и фигурки танцующих женщин в развевающихся платьях. Среди зооморфных можно различить фигурки быка, лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки, режее — лося, рыси, медведя, птицы, грифона (Шрамко Б. А., 1983; Андриенко В. П., 1975). Интересный культовый комплекс открыт также на Бельском городище в 1981 г. Модели лепешек и зерен, зооморфные статуэтки восходят, очевидно, к белогрудовской культуре, а антропоморфные — к чернолесской (Андриенко В. П., 1975, с. 13). Среди остатков жертвенных животных на лесостепных поселениях и городищах больше всего костей свиньи, затем собаки, мелкого рогатого скота, лошади, крупного рогатого скота. Votивные культовые предметы, аналогичные тем, что найдены на поселениях, изредка встречаются и в курганах.

Общественный строй

Как уже говорилось выше, вопрос о социальной структуре скифского общества продолжает оставаться дискуссионным, хотя в настоящее время уже никто из историков и археологов не разделяет широко распространенную в работах 30—40-х годов точку зрения, согласно которой у скифов вплоть до начала позднейшего этапа их истории господствовал родовой строй в его высшей стадии. В наши дни исследователи не сомневаются в том, что скифы в своем развитии достигли уровня классовообразования и государства. Но спор идет о том, когда именно это произошло и какую структуру скифское государство имело.

Из письменных источников очень трудно извлечь какие-либо сведения для характеристики скифского общества VII—VI вв. до н. э. В период борьбы с киммерийцами, т. е. на заре своей истории, скифское объединение было уже достаточно сильным и спло-

ченным, иначе оно не смогло бы победить киммерийцев. Судя по тем данным, которыми в настоящее время располагает наука, это скифское объединение было кочевым или преимущественно кочевым. А. М. Хазанов называет его «военно-иерархическим», потому что социальная стратификация зашла в нем уже довольно далеко и основная масса рядовых общинников была отстранена от руководства общественной жизнью. Трактовка социального строя скифов в период переднеазиатских походов в VII — начале VI в. до н. э. зависит от того, как ученые интерпретируют сами скифские походы и пребывание скифов в Передней Азии. Если следовать за сторонниками существования более или менее стабильного Скифского царства на территории Закавказья, то нужно признать правомочной гипотезу А. М. Хазанова о том, что именно в Передней Азии у скифов впервые возникло хотя и примитивное, но свое государство. Оно было основано на достаточно прочном подчинении местного земледельческого населения и располагало разнообразными источниками даней, платежей и контрибуций, покоившихся на примитивной, но действенной и довольно суровой эксплуатации зависимых земледельческо-городских обществ (Хазанов А. М., 1975, с. 224). Однако, как говорилось ранее, стабильное существование скифов на строго определенной территории в Передней Азии и прочное подчинение им местных племен вызывают серьезные возражения (Халилов Д., 1974; Погребова М. Н., 1984).

Если придерживаться мнения противников упомянутой точки зрения, то о скифском государстве в Передней Азии не может быть и речи. Очевидно, и в указанный период скифы находились на том же уровне общественного развития, что и во время войны с киммерийцами, получая солидные доходы лишь от сбора дани и грабежей побежденных. Вместе с тем, видимо, происходил дальнейший процесс стратификации скифского общества, заметный по росту богатства военной верхушки.

Предполагают, что из Передней Азии скифы вернулись сильно ослабленными. Однако, видимо, это не совсем так, поскольку они сразу же приступили к новым завоеваниям степей Северного Причерноморья, а затем оказали давление на оседлое земледельческое население лесостепи. В результате уже в течение VI в. до н. э. произошло организационное оформление союза кочевых и земледельческих племен с царскими скифами во главе.

Существование двух различных хозяйственных укладов способствовало развитию обмена между кочевниками и оседлым земледельческим населением, а следовательно, и росту товарности производства. Это в свою очередь вело к обогащению верхушки скифского общества и появлению обедневших общинников. К углублению имущественной и социальной дифференциации вели и торговые контакты с появившимися на берегах Черного моря в конце VII—VI вв. до н. э. греческими колониями. О значительном имущественном расслоении в Скифии в VI—V вв. до н. э. убедительно свидетельствует Псевдо-Гиппократ, который проводит резкую грань между богатыми и бедными. К последним относятся люди самого низкого происхождения, характеризующиеся тем, что они «не ездят верхом» (Псевдо-Гиппо-

крат. О воздухе..., с. 64). У Пиндара, греческого поэта первой половины V в. до н. э., сохранились известия о людях, вовсе лишенных жилья (Отрывки, фр. 105), а в схолиях к его рассказу говорится, что не имеющие повозки составляли у скифов разряд «бесчестных» или «презираемых» (Аристофан. Схолии к птицам, ст. 942). Геродот также рисует достаточно сложную иерархическую структуру в Скифии, наличие в ней различных социальных категорий. Из анализа легенд о происхождении скифов, переданных Геродотом, некоторые исследователи делают вывод о трехчастном социальном членении скифского общества — традиционном для индоиранских народов. Сторонники этой точки зрения выделяют три сословно-кастовые группы: военная аристократия, в том числе цари, жрецы и земледельцы-скотоводы (Грантовский Э. А., 1960; Раевский Д. С., 1977). Представление об имущественном расслоении в скифском обществе вполне согласуется с понятием знатности того или иного рода. Главенствующая роль в скифском союзе племен принадлежала правящему роду скифов царских, ведущему свое происхождение от божественного предка Зевса — Папая (Геродот, IV, 127). Геродот говорит о представителях пяти поколений этого рода. Последний из них — Иданфирс возглавлял скифское войско в войне против Дария.

Царская власть была наследственной и передавалась от отца младшему сыну. Однако в V в. до н. э. в Скифии еще существовали три группировки племен, каждая из которых имела своего вожда — царя. Иданфирс был лишь главным царем. Во время войны царь предводительствовал войском. И в мирное время он располагал постоянной военной силой. Так, Геродот сообщает, что у Скила были войско и копьеносцы, видимо, телохранители. В обязанности царя в мирное время входили функции верховного судьи и жреца. Из рассказа Геродота следует, что власть царей ограничивалась союзным советом и народным собранием, которое одновременно являлось и войском скифов. Это его качество особенно ярко выступает в сообщении Геродота о свержении скифами Скила и избрании царем его брата Октамасада (IV, 79, 80). Роль союзного совета показана Геродотом при описании войны скифов с Дарием (IV, 102, 120, 121, 124—125). Из его сообщения можно сделать вывод, что на союзном совете решались все основные вопросы ведения войны: обсуждались тактика борьбы с персидским войском, от лица скифов, а не главного царя были посланы вестники к союзникам, велись переговоры с греками-ионийцами о срыве переправы Дария (IV, 120, 136). Только один раз от своего лица Иданфирс как царь скифского народа отвечает персам (IV, 127).

А. М. Хазанов возражает против такой реконструкции организации управления в Скифском царстве. Он считает, что анализ рассказа Геродота о войне с Дарием не подтверждает наличия у скифов народного собрания и его важной роли в общественных делах. По его мнению, это был совет, в который входили три басилевса и другие представители скифской знати. Роль рядовых скифов-воинов как во время войны с Дарием, так и в эпизоде со Скилом представляется исследователю пассивной (Хазанов А. М., 1975, с. 236, 237).

Нам очень мало известно о семейных отношениях в Скифии VI—V вв. до н. э. Но данные, которые можно извлечь из скифского рассказа Геродота, позволяют предполагать, что в то время у скифов еще могла существовать патриархальная семья, но уже на стадии разложения (Шелов Д. Б., 1972, с. 68—70).

Геродот отмечает, что царские скифы считали все остальные племена Скифии своими рабами (IV, 20). Это свидетельство, конечно, нельзя понимать в прямом смысле. Но оно может быть истолковано как показатель подчиненного положения племен, входивших в Скифию, наиболее могущественному племени царских скифов. Б. Н. Граков убедительно доказал, что это подчинение выражалось «в праве царей господствующего племени выбирать себе слуг, получать корм и дань от земледельцев и перекочевывающей по территории орды кочевников, принимать посмертную царскую перекочевку, в повинности сооружать огромную курганную насыпь» (Граков Б. Н., 1950, с. 10). В VI—V вв. до н. э. такое подчинение, видимо, еще не носило характера регулярной эксплуатации, но главенствующее положение царских скифов в союзе обеспечивало возможность эксплуатации. Безусловно, в то время уже существовала и какая-то внутриплеменная эксплуатация скифской аристократией своих соплеменников. Глубокая имущественная дифференциация скифского общества не могла не сопровождаться развитием разных форм зависимости рядовых членов общества от богатейшей аристократии. Как было сказано выше, рабство не играло сколько-нибудь значительной роли в производственной деятельности скифов. В связи с этим в скотоводческих хозяйствах аристократии должна была существовать значительная категория зависимых лиц, которая обеспечивала своим трудом нормальное функционирование таких хозяйств — выпас скота, дойку, уход за молодняком и т. д. Эксплуатация их труда давала излишки прибавочного продукта, которые аристократия могла обменивать на предметы роскоши, привозные вино и керамику.

Рассмотренные стороны социально-экономической жизни скифского общества VI—V вв. до н. э. одни современные исследователи трактуют как самую последнюю ступень разложения первобытнообщинного строя, когда значительного развития уже достигли явления, характерные для перехода к классовому обществу и государству (Шелов Д. Б., 1972б, с. 77). По мнению других ученых, это было примитивное государственное образование, в котором политически господствовали кочевники, а преобладающей формой эксплуатации являлись даннические отношения. По А.³М. Хазанову — это Второе скифское царство в отличие от Первого более раннего (1975, с. 238). А. И. Тереножкин, полагая, что государство у скифов возникло еще в период переднеазиатских походов, считает его по своей сути рабовладельческим, поскольку «положение подвластного населения в древности всегда приравнивалось к рабству» (1977, с. 20).

Конец V — первая половина IV в. до н. э. — время качественного скачка в развитии скифского общества. По мнению Б. Н. Гракова, которое наиболее активно в настоящее время поддерживает и развивает Д. Б. Шелов, именно в это время происходит переход

от союза племен к первичному государству. По А. М. Хазанову — это следующая, третья ступень в развитии примитивного государства. Лишь А. И. Терепожкин не видит сколько-нибудь разительных перемен в общественном устройстве Скифии конца V—IV в. до н. э. по сравнению с более ранним периодом, хотя и признает, что это было время наивысшего расцвета экономики и культуры скифов (1977, с. 21, 22). Однако трудно согласиться с выводами исследователя: и письменные источники, и археологический материал ясно свидетельствуют об изменениях, происшедших в социальной структуре Скифии.

Из Страбона (VII, III, 18) следует, что царь Атей в описываемое время был единоличным правителем скифов. Ни о каких соправителях этого царя в трудах древних авторов не упоминается, а об Аtee как о сильном и деятельном владыке скифов, кроме Страбона, говорят Полиен, Фронтин, Клеарх Солийский (Шелов Д. Б., 1971, с. 56). Идеологическим отражением усиления царской власти при Аtee исследователи считают распространение в скифском искусстве IV в. до н. э. сюжетов на тему ее божественного происхождения (Граков Б. Н., 1950, с. 12; Раевский Д. С., 1977, с. 165—169). Видимо, с целью поднять свой престиж в качестве владыки скифов Атей чеканил монету, по типу изображений на ней близкую к монетам Филиппа Македонского (Анохин В. А., 1973, с. 41). Атей, таким образом, выступает как царь, с деятельностью которого можно связывать политическое объединение Скифии на территории от Дона до Дуная (Граков Б. Н., 1950, с. 9 сл.; 1971, с. 40 сл.). Существует, правда, и другое мнение, распространенное главным образом в западноевропейской литературе, по которому Атей был царем лишь небольшой части скифов, обосновавшихся в Добрудже. Однако эту точку зрения не разделяет большинство советских скифологов (см.: Шелов Д. Б., 1965, с. 19, примеч. 15; Каллистов Д. П., 1969, с. 127).

Во время правления Атея во внутренней жизни Скифии произошли важные изменения. Как было показано в предыдущей главе, впервые возник ее экономический, политический и административный центр (Каменское городище), усилился процесс оседания кочевников на землю. Благодаря внешней политике Атея, направленной на укрепление позиций в западном направлении, скифы достаточно прочно утвердились в нижнем Подунавье, на территории Добруджи, и стали играть существенную роль в событиях на Балканах. В этой связи наблюдается увеличение скифского населения, как оседлого, так и кочевого, в Днестро-Дунайском междуречье. Одновременно происходило дальнейшее усиление давления на оседлых земледельцев лесостепи и продвижение каких-то орд кочевников на север. Об этом достаточно определенно свидетельствует появление в лесостепи типично скифских могильников (например, Бориспольский под Киевом). Таким образом, в период царствования Атея, видимо, стала возможной регулярная эксплуатация подчиненных земледельческих племен, что способствовало появлению стабильного прибавочного продукта, производимого этими племенами в пользу господствующего племени царских скифов. Вместе с тем, по-видимому, возросла и эксплуатация рядовых общинников внутри племени-завоевателя. Как следствие увеличения стабиль-

ного прибавочного продукта и роста заинтересованности греческих купцов в приобретении у скифов хлеба и других продуктов в IV в. до н. э. значительно увеличился объем торговли скифов с греческими городами Северного Причерноморья, о чем подробнее говорилось выше. В результате изменений в политической и экономической жизни в Скифии происходит дальнейшее усиление и углубление имущественного и социального неравенства. Со всей очевидностью это прослеживается на археологическом материале. Как было показано выше, по погребальным памятникам IV в. до н. э. отчетливо заметно существование нескольких имущественных и соответственно социальных рангов как среди аристократии, так и среди рядовых общинников.

Б. Н. Граков, первым обративший внимание на изменения в общественном устройстве Скифии в эпоху правления Атея (конец V—IV в. до н. э.) и объяснивший их переходом к государственному образованию, трактовал это государство как рабовладельческое, основанное на эксплуатации, имевшей формы общинного рабства в духе рабства у античных народов Спарты или Фессалии (1950, с. 11). А. М. Хазанов, поддерживая точку зрения Б. Н. Гракова о переломном моменте в социальной истории скифов в период царствования Атея, считает, что «он знаменовал собой не рождение нового государства, а его кульминацию». «Скифское государство и в IV в. до н. э. оставалось раннеклассовым, но достигшим теперь своего зенита», — пишет А. М. Хазанов, а преобладающей формой эксплуатации были даннические отношения (1975, с. 244). В античной литературной традиции нет данных, которые касались бы положения в Скифии после гибели царя Атея в 339 г. Но скифские курганы последней четверти IV и начала III в. до н. э., свидетельствуют о том, что никаких существенных изменений во внутреннем устройстве Скифии в тот период не произошло. Новые тенденции появились лишь в конце III в. до н. э.

Что касается лесостепных оседлых земледельческих племен, то судя по археологическому материалу VII—IV вв. до н. э. по своему социальному развитию они вряд ли уступали кочевникам, а возможно, даже превосходили их. Они имели своих царей и свою военную аристократию, а имущественное расслоение в среде земледельцев, очевидно, было не менее выраженным, чем у кочевников. Существование городищ, а среди них таких, как Бельское или Немировское, которые являлись племенными центрами, свидетельствует о том, что оседлые земледельческие племена сохраняли свою организационную структуру и внутреннюю автономию по крайней мере до IV в. до н. э. Зависимость земледельцев от кочевников, вероятно, ограничивалась сбором дани и грабежами во время походов скифских военных отрядов на северных соседей. По А. М. Хазанову, население лесостепи в скифский период еще не достигло уровня классового разложения. Б. А. Шрамко, напротив, вполне обоснованно считает, что «в V—IV вв. до н. э. лесостепные племена находились уже на таком уровне социально-экономического развития, который позволяет говорить о глубоком разложении первобытнообщинного строя и формирования раннеклассового общества и примитивных государственных образований» (1983, с. 27).

Глава третья

Поздние скифы

(III в. до н. э.—III в. н. э.)

Заключительный этап истории скифов, охватывающий длительный период с конца III в. до н. э. по III—IV вв. н. э., связан с ограничением территории Скифского царства, ранее обширного, Крымом и берегами нижнего Днепра (карта 11).

Письменные источники освещают историю поздних скифов нижнего Приднепровья весьма слабо. Текст Страбона (VII, 4, 5) является достоверным письменным источником, определяющим границы их территории. Говоря о Крымском полуострове, Страбон сообщает: «Вся эта страна, а также, пожалуй, за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией». Подтверждением того, что позднескифское царство, помимо Крыма, включало в себя низовья Днепра и Буга, являются монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии (см. ниже). Археологически в этих районах скифы известны вплоть до конца указанного периода.

В Крыму, по данным Страбона (VII, 4, 7), находилась резиденция царя скифов Скилура и его сына Палака, здесь были царские крепости Палакий, Хаб и Неаполь. Эти же пункты (Хабеи-Хаб) и еще крепость Напит упоминаются в херсонесских надписях (Латышев В. В., 1916, № 352; Соломоник Э. И., 1961; 1964, с. 7—15, 92—97). Имя царя Скилура (II в. до н. э.) засвидетельствовано и греческой надписью в столице крымских скифов (всего там найдено девять надписей: Латышев В. В., 1916, № 668—673; Дашевская О. Д., 1960; Соломоник Э. И., 1962), его монетами (чеканка их в Ольвии указывает на зависимость города от скифов: Фролова Н. А., 1964) и рассказом Плутарха (ВДИ, 1947, № 4, 251).

Античные источники сообщают о войнах крымских скифов с Херсонесом в период с III в. до н. э. по I в. н. э. (Латышев В. В., 1916, № 343, 352, 369, 402; Полиен, VIII, 56, 1; Полибий, XXV, 2; Сил, XIV, 608).

Сарматы в начале II в. до н. э. представлены союзниками Херсонеса (легенда Полиена о сарматской царице Амаге; известие Полибия о сарматском царе Гатале). Враждебность сарматов по отношению к скифам во II в. до н. э. видна из текста Диодора Сицилийского (II, 43), повествующего (со значительными преувеличениями) о нашествии сарматов на территории к северу от Крыма и поголовном истреблении побежденных. В конце II в. до н. э. судя по Страбону и декрету в честь Диофанта сарматское племя роксоланов (ревксианов) под предводительством царя Тасия помогало скифскому царю Палаку в борьбе против Херсонеса.

Некоторые данные о взаимоотношениях скифов с Ольвией в середине I в. до н. э. содержит «Борисфенитская речь» Диона Хрисостома. В первой половине II в. н. э. Птолемей указывает координаты ряда городов, расположенных по Борисфену, из которых

исследователями предположительно локализируются Амадока на Камешском городище и Сароп — на Гавриловском (Погребова П. П., 1958, с. 105, 247).

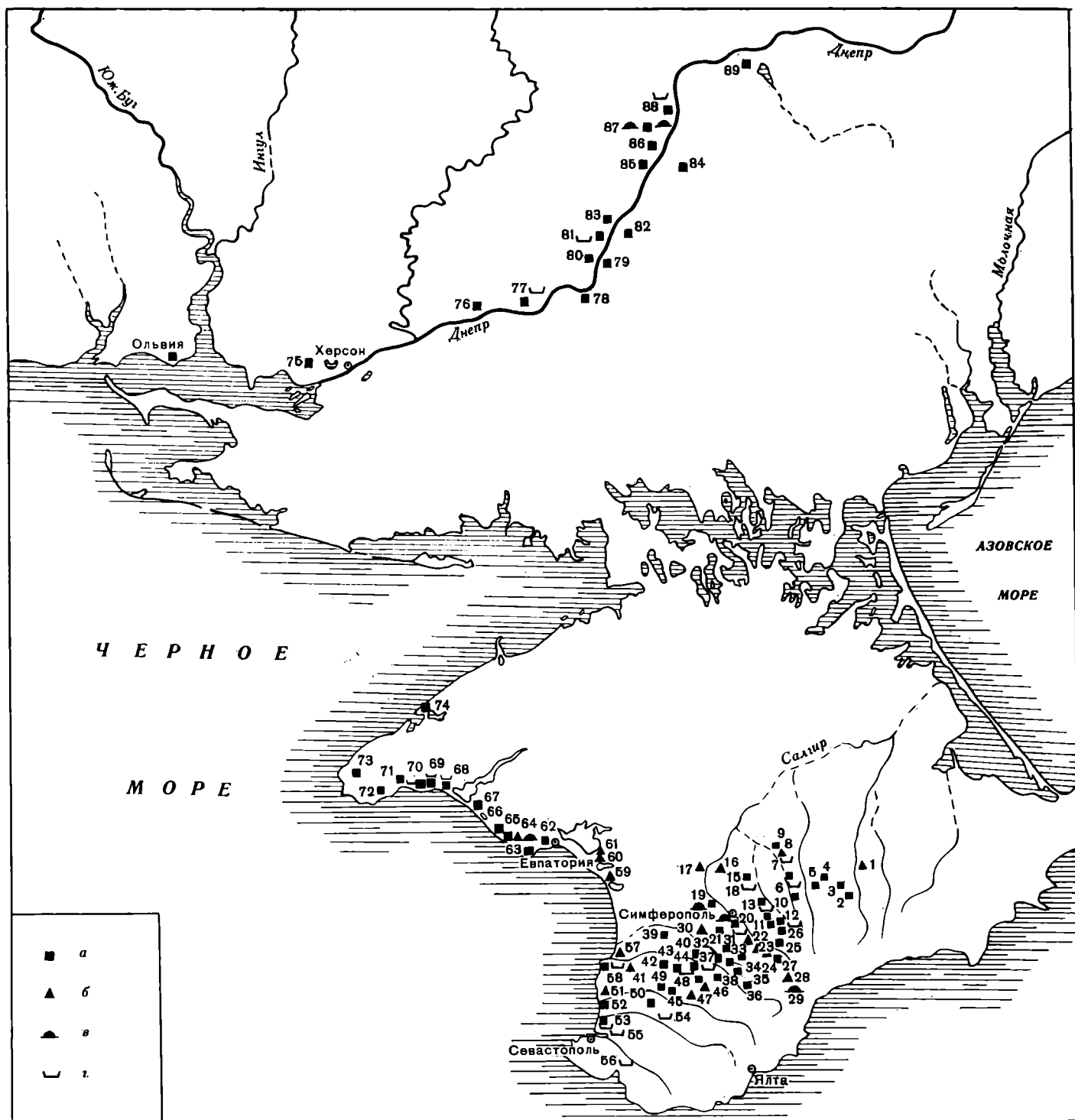
В боспорских надписях, последние из которых относятся к 193 г. н. э. (КВН, 1965, № 32, 33, 39, 40, 1237), отражена безуспешная для скифов борьба с Боспорским царством в I—II вв. н. э.

Скифское государство при Скилуре еще сохраняло значительную мощь. Во II в. до н. э. скифы подчинили Ольвию, вынудили Боспорское царство выплачивать дань, способны были вести ожесточенную борьбу за Херсонес и его владения.

Победа союзника Херсонеса — поптийского полководца Диофанта над скифами в конце II в. до н. э., видимо, не была решающей. Нет достаточных оснований полагать, что столицу Скифского царства захватил Диофант. Скифы быстро восстановили все свои владения в Крыму. Ольвия, в I в. до н. э. отделившаяся от Скифского государства, в I—II вв. н. э. вновь оказывается под властью скифских царей.

Дальнейшая борьба скифов с Херсонесом и Боспором идет с переменным успехом. В середине I в. н. э. скифы терпят поражение от боспорского царя Аспурга и попадают в зависимость от него (КВН, № 39). Однако немного позже, возможно, при санкции Боспора (Раевский Д. С., 1973, с. 116) скифы вновь наступают на Херсонес, вынуждая его искать защиты у Рима. Мнение А. Н. Зографа (1951, с. 138) о том, что скифским царем, осадившим в I в. н. э. Херсонес, был Фарзой, повторенное (со знаком вопроса) Б. Н. Граковым (1954, с. 31), считает неубедительным П. О. Карышковский (Карышковский П. И., 1962, с. 120). Т. Плавций Сильван в 60-х годах I в. н. э. наносит поражение скифам, но Херсонес вынужден подчиниться Риму. В I в. н. э. прекращают свое существование некоторые поселения северо-западного Крыма. Во II в. н. э. одним из пунктов размещения солдат XI Клавдиева легиона становится Альма-Кермен в юго-западном Крыму (Высотская Т. Н., 1972, с. 55). Около середины II в. н. э. скифы теряют господство над Ольвией. В течение II в. н. э. идут войны скифов с Боспором. Новые победы над скифами одерживают последовательно Савромат I, Котий II и, наконец, в 193 г. н. э. Савромат II (КВН, № 32, 33, 1008).

Однако интенсивная жизнь на многих скифских поселениях Крыма, в том числе и в главном городе, продолжалась почти до середины III в. н. э., когда Скифское государство подверглось сокрушительному готскому нашествию (Дашевская О. Д., 1954, с. 15). Под натиском готов часть скифов отступила в труднодоступные горные районы юго-западного Крыма и основала здесь новые поселения. Последний удар поздним скифам был нанесен в IV в. н. э. гуннами,

Карта 11. Позднескифские памятники Крыма и нижнего Приднепровья

а — городище; б — селище; в — курган; г — грунтовой могильник

1 — Ак-Кая (Белая Скала); 2 — Чардаклы; 3 — Тайган; 4 — Новоклепово; 5 — Аргин; 6 — Нейзац (Красногорское); 7 — Зуйское Верхнее; 8, 9 — Зуйские; 10 — Соловьевка; 11 — Городцы; 12 — Толбан; 13 — Хап-Эли; 14 — Дружное; 15 — Брусилово; 16 — Калиновка; 17 — Сарабуз; 18 — Дмитрово; 19 — Кермен-Кыр (Красное), Фруктовое; 20 — Неаполь; 21 — Залесье; 22 — Лозовое; 23 — Тахта-Джама; 24 — Пионерское; 25 — Джалман; 26 — Золотое Ярмо; 27 — Доброе (Мамут-Султан); 28 — Кизил-Коба (Красная Пещера); 29 — Тавель; 30 — Терек-Эли; 31 — Таш-Джарган; 32 — Змеиное; 33 — Развилка; 34 — Красная Горка (Саблы); 35 — Долгий Бугор (Саблы); 36 — Бешуй; 37 — Скалистое II и III; 38 — Карагач; 39 — Булганак; 40 —

Почтовое; 41 — Вилино; 42 — Заячье; 43 — Гора Чабовского; 44 — Альма-Кермен, Заветное; 45, 46 — Балта-Чокрак I и II; 47 — Староселье; 48, 49 — Топчи-Кой I и II; 50 — Краснозоринское; 51, 52 — Усть-Качинские; 53 — Усть-Бельбекское, Бельбек I, II и IV; 54 — Бельбек II; 55 — Инкерман; 56 — Черноречье; 57 — Песчаное (Альма-Тамак); 58 — Усть-Альминское; 59 — Кизил-Яр; 60, 61 — Кара-Тобе I и II; 62 — Керкинитиды; 63 — Чайка; 64 — Тереклы-Конрат; 65 — Береговое; 66 — Айрчи; 67 — Южно-Донузлавское; 68 — Беляус; 69 — Кульчук; 70 — Лаурное; 71 — Терпанчи; 72 — Джан-Баба (Марьино); 73 — Караджи; 74 — Калос-Лимен (Прекрасная Гавань, Черноморское); 75 — Белозерка; 76 — Понятовка; 77 — Николаевка; 78 — Любимовка; 79 — Капры; 80 — Старошведское; 81 — Красный Маяк; 82 — Горностаевка; 83 — Консуловка; 84 — Большая Легица; 85 — Саблуковка; 86 — Гановка; 87 — Гавриловка; 88 — Золотая Балка; 89 — Знаменка

после чего скифы перестали существовать как этническое целое.

Обе основные зоны оседлости в позднескифском царстве — Крым и нижнее Приднепровье — оказались территориально разобщенными. Хотя культурное единство этих двух областей, согласующееся с краниологическими данными (Кондукторова Т. С., 1972, с. 37—54), несомненно, они образуют два локальных варианта позднескифской культуры, обусловленных большей отдаленностью нижнеднепровских поселений от греческих городов и вместе с тем более тесными контактами их с соседними варварскими племенами.

Поздние скифы в Крыму

На рубеже III—II вв. до н. э. после сокращения территории Скифского государства Крым становится его центром. Здесь наиболее ярко проявляются особенности позднескифской культуры.

Начало археологическому изучению позднескифских памятников Крыма положил И. П. Блаرامберг в 1827 г., когда он случайно нашел на городище Керменчик, расположенном на окраине Симферополя, каменные рельефы и греческие надписи и произвел здесь небольшие раскопки (Бларамберг И. П., 1889). Он считал Керменчик греческой колонией родосцев, существовавшей под покровительством Скилура. В то же время он отождествил это городище, несомненно, являвшееся столицей позднескифского царства, с Неаполем, упомянутым в письменных источниках (см. ниже) как одна из трех царских крепостей. Эта локализация (неаргументированная) была впоследствии возрождена П. Н. Шульцем и стала общераспространенной (Шульц П. Н., 1946, с. 47 и 51; 1957, с. 62, 63; Артамонов М. И., 1948, с. 59; Высотская Т. Н., 1979, с. 19). Однако на ее несостоятельность указывалось уже давно (Кулаковский Ю. А., 1899, с. 12; Ростовцев М. И., 1918а, с. 158; Эрнст Н. Л., 1927, с. 24; Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 533, 534; Дашевская О. Д., 1954, с. 6, 7), затем она оспаривалась в специальных статьях (Дашевская О. Д., 1958а; Раевский Д. С., 1976).

В дореволюционное время раскопки велись эпизодически почти исключительно на этом городище, преимущественно на его некрополе; был раскопан также ряд позднескифских погребений в курганах Крыма (Dubois de Montrégeux F., 1843, p. 387; Уваров А. С., 1854; Ящуржинский Х. П., 1889; Веселовский Н. И., 1891). Проведя разведочные работы на двух других городищах центрального Крыма (Красном и Соловьевке), А. И. Маркевич впервые определил их и Керменчик как скифские и поставил вопрос о взаимосвязи между ними (1889, с. 114, 115; 1928).

Тезис о существовании в Крыму «неапольской» (т. е. позднескифской) культуры, исторически связанной с царством Скилура, выдвинул Н. Л. Эрнст, который в 1926 и 1927 гг. провел охранные раскопки на Керменчике-Неаполе. Он положил начало планомерному обследованию (с небольшими раскопками) скифских поселений центрального Крыма и картографированию их (Эрнст Н. Л., 1927). Более полная карта позднескифских памятников Крыма была составлена П. Н. Шульцем (1957), под руководством которого с 1945 по 1960 г. работала Тавро-скифская

экспедиция. В настоящее время в Крыму насчитывается свыше 80 позднескифских поселений, около 60 курганных погребений и 30 грунтовых могильников (Троицкая Т. Н., 1951, 1954; Дашевская О. Д., 1954; Шульц П. Н., 1966). Наиболее яркие результаты дали раскопки городища Неаполя с мавзолеем скифской знати и его некрополя (Карасев А. Н., 1950, 1954; Шульц П. Н., 1953, 1957; Бабенчиков В. П., 1957; Погребова Н. Н., 1961; Раевский Д. С., 1971а, б; Высотская Т. Н., 1979; Сымонович Э. А., 1983). М. М. Герасимов (1955) восстановил облик скифского царя, погребенного в мавзолее Неаполя (табл. 48, 2).

В последние годы раскопки здесь возобновились (Махнева О. А., 1981), но большая часть территории городища, составляющая 20 га, еще не исследована. Дата основания городища определяется исследователями по-разному: конец IV в. до н. э. (Высотская Т. Н., 1979, с. 190); III в. до н. э. (Дашевская О. Д., 1958а, с. 249; Граков Б. Н., 1971а, с. 34); рубеж III—II вв. до н. э. (Шульц П. Н., 1953, с. 7; Зеест И. Б., 1954, с. 70); II в. до н. э. (Блаватский В. Д., 1954, с. 28).

Среди многочисленных остальных поселений центрального Крыма раскопкам (небольшим) подвергались только Красное (Домбровский О. И., 1957; Дашевская О. Д., 1957), Доброе (Шульц П. Н., 1947; Колтухов С. Г., 1981), Кизил-Коба (Домбровский О. И., Щепинский А. А., 1962), Булганак (Храпунов И. Н., 1987). Могильники почти не исследовались, за исключением некоторых единичных погребений (Высотская Т. Н., Махнева О. А., 1983).

В юго-западном Крыму многолетние раскопки проведены на городищах Альма-Кермен и Усть-Альминском, а также на их некрополях (Богданова Н. А., 1963; Высотская Т. Н., 1972). В значительной мере исследован ряд позднейших могильников: Чернореченский, Инкерманский, Скалистенские, Бельбекские (Бабенчиков В. П., 1963; Веймарн Е. В., 1963; Богданова Н. А., Гущина И. И., 1967, 1974; Высотская Т. Н., 1972).

За последние два с половиной десятилетия существенно продвинулось изучение греко-скифских городищ северо-западного Крыма (среди них Чайка и Беляус с некрополями; Яценко И. В., 1970, 1983; Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю., 1983). Раскопкам подвергались также городища Южно-Донузлавское, Кульчукское с некрополем и Тарпанчи (Дашевская О. Д., 1972, 1978; Дашевская О. Д., Голенцов А. С., 1982; Щеглов А. Н., 1978), а с 1980 г. возобновились работы в Керкиптитиде, где имеются верхние скифские слои.

Многочисленные поселения и могильники открыты начиная с 1950-х годов в степной части восточного Крыма, где имелось и скифское население (Гайдукевич В. Ф., 1959, с. 277; Кругликова И. Т., 1963, с. 68, 69; Арсеньева Т. М., 1970, с. 149). Однако эта территория с III в. до н. э. входила в Боспорское царство и поэтому нами не рассматривается.

В Крыму различаются три района распространения позднескифской культуры: центральный, северо-западный и юго-западный. Специфика этих районов объясняется различными географическим, связанными с ними политическими и социально-экономическими условиями их жизни. Для позднескифской культуры Крыма в целом мы выделяем три

хронологических периода: конец III—II в. до н. э., I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э. Однако полностью они представлены лишь в центральном Крыму, в частности в Неаполе, слои которого и берутся за основу периодизации. В северо-западном Крыму скифские слои прослеживаются с середины II в. до н. э. и отсутствуют памятники третьего периода, а юго-западный Крым был освоен скифами лишь во второй период и здесь наиболее выражены позднейшие памятники третьего периода.

Массовое оседание скифов на землю в конце III в. до н. э. происходило именно в предгорном центральном Крыму, где географические условия способствовали безопасности населения и где имелись плодородные речные долины. В равнинном северо-западном Крыму поселения скифов возникли позже, на местах захваченных ими греческих земледельческих усадеб хоры Херсонеса. Гористый же юго-западный Крым до окончания скифо-херсонесских войн не был заселен. На рубеже II—I вв. до н. э. там возникли городища Усть-Альминское, Альма-Кермен и Краснозоринокское. Более интенсивное освоение юго-западного Крыма происходит во II в. н. э., когда хлебородная равнина северо-западного побережья была покинута скифами, а соображения безопасности ввиду натиска сарматов вновь приобрели важнейшее значение.

Поселения. Большинство позднескифских городищ и селищ в Крыму расположено на второй и третьей грядах Крымских гор. На скалистом выступе второй гряды, на левом берегу р. Салгир, лежит центральное и крупнейшее городище — Керменчик-Неаполь. Плотное заселено было скифами междуречье верховий Салгира и Альмы. Наиболее значительное городище третьей гряды — Красное (Кермен-Кыр). В северокрымских степях не обнаружено ни одного поселения. В западном Крыму, около устья р. Альмы, на левом ее берегу, находится Усть-Альминское городище — второе по величине после Неаполя, а на правом — крупнейшее селище Песчаное (Альма-Тамак). Далее к северу поселения начинаются через 30 км и тянутся по берегу моря цепочкой с интервалами от 3 до 15 км до мыса Тарханкут. Все они основаны во II в. до н. э. на месте греческих усадеб и, как правило, невелики по размерам. Наиболее крупным является Чайкинское. Возможно, более значительным было городище в Евпатории, построенное скифами на развалинах захваченного ими греческого города Керкинитиды. На северном побережье Тарханкутского полуострова позднескифский слой известен только на городище в Черноморском, где первоначально располагался греческий город Калос-Лимен.

Естественно укрепленные селища имеются в центральном и юго-западном Крыму. Открытые селища располагались в долинах рек или на морском побережье, иногда — на незначительных возвышенностях. Особняком стоит пещерное поселение Кизил-Коба. Городища, укрепленные каменными стенами, составляют большинство поселений. Помимо Неаполя (20 га), еще четыре городища имели большие размеры: Усть-Альминское (6 га), Залесье (5 га), Красное (4 га) и Булганак (6 га). Площадь остальных составляла в среднем около 1 га. Среди них были убежища с незначительным культурным слоем. Нередко к городищу примыкает селище.

По планировке оборонительных сооружений различаются три типа городищ. К первому относятся городища на треугольных мысах с крутыми склонами, защищенные с напольной стороны одной стеной (Усть-Альминское, Альма-Кермен, Соловьевка, Зуйское и др.) или двумя — внешней и внутренней, отделявшей акрополь (Красное, Булганак, Змеиное, Новокленово и, возможно, Керменчик-Неаполь, имевший еще и боковую стену вдоль склона; табл. 49, 1, 2). Второй тип — городища на высоких плато, со всех сторон окруженные стенами: с одной линией стен (в центральном Крыму — Джалман и др., в юго-западном — почти все убежища без жилых построек с примыкающими селищами, на которых жили); с одной линией стен и с акрополями (Доброе, Аргинское); с двойной линией обороны (Залесье, Там-Джарган).

Третий тип составляют небольшие прибрежные городища северо-западного Крыма, возникшие на местах греческих поселений на низком или немного возвышающемся берегу моря. Они со всех сторон окружены стенами или валами, иногда присыпанными к греческим стенам.

Скифские оборонительные стены, раскопанные или прослеженные на городищах, построены из рваного камня на глиняном растворе. Основные элементы кладки — облицовочные панцири из крупного камня (известняка) и забутовка из мелкого камня и глины. Иногда в систему фортификации входили квадратные (Неаполь, Булганак, Тарпанчи) или круглые (Бруслово) башни. Изредка вдоль стен выкапывались рвы. Стандарта в оборонительных сооружениях не было.

Наиболее мощной является стена Неаполя, испытавшая ряд достроек (пять поясов). Общая толщина стены вместе с протейхизмой составляла 12,5 м. Верхние ряды были сложены из сырцовых кирпичей. По реконструкции А. Н. Карасева высота нижнего, каменного, яруса достигала 5 м, а сырцового — 4 м, общая высота — 9 м. На Красном толщина стены, защищавшей акрополь, была 9 м. На других поселениях толщина оборонительных стен составляла от 2,5 до 5 м.

Иногда каменные стены возводили на земляных валах, в некоторых случаях облицованных камнем. Такие сооружения выявлены на городищах Красном, Булганаке, Джалмане, Усть-Альминском, Южно-Донузлавском и Беляусе. Как правило, там имелись глубокие рвы, также с каменной облицовкой. Уникальным инженерным сооружением скифов является каменный мост через ров, с тоннелем, открытый на Беляусе в 1985 г.

Позднескифские стены из рваного камня не уступали по прочности стенам античных городов. При хорошей подгонке и промазке камней они представляли собой мощную преграду для неприятеля.

Общественные здания открыты только при раскопках скифской столицы. Их архитектура свидетельствует о знакомстве скифов с античной строительной техникой.

Примером может служить большое парадное сооружение с двумя портиками (табл. 50, 1), построенное в III в. до н. э. напротив главных (южных) ворот Неаполя и оформлявшее въезд в город (Карасев А. Н., 1951, с. 167—169; 1953, с. 82). Цоколь портиков был облицован положенными насухо рустованными квад-

рами. Прямоугольные столбы завершались известняковыми дорическими капителями. Вероятно, в портиках стояли статуи, бронзовые и мраморные. Судя по найденному там же мраморному постаменту с греческой надписью, при въезде в город стояла конная статуя царя Скилура.

Для позднескифских общественных сооружений особенно характерен мегарон — тип здания, состоящего из большого зала и сеней. Четыре таких здания (табл. 50, 3—6) раскопаны в Неаполе (Шульц П. Н., 1971а, с. 135, 136, рис. 2). Особо выделяется большое, очевидно, культовое здание А в северной части городища (табл. 50, 6). Оно существовало со II—I вв. до н. э. по II—III вв. н. э. Большой зал его имел размеры 13×7 м. В центре находился круглый глинобитный очаг, окруженный столбами. Крыша была черепичной, стены оштукатурены и украшены декоративной росписью, выполненной во фресковой технике. Роспись главного зала полностью реконструирована (Яценко И. В., 1960). Фрески датируются первой половиной II в. н. э. Они исполнены греческим художником в канонах боспорских декоративных росписей и имеют вместе с тем черты, широко распространенные в росписях зданий европейских римских провинций. Фресковая роспись общественного здания, открытая в скифской столице, чрезвычайно важна для представления о декоре зданий Северного Причерноморья вообще. Здание А с фресковой росписью античного типа во II в. н. э. было использовано скифами как святилище. В нем обнаружено около 200 граффити, процарапанных острием по сухой штукатурке, поверх росписи, очень низко от пола (табл. 51, 31). Граффити, судя по сюжету (сочетание изображений людей и лошадей с тамгообразными знаками), имели культовое, магическое значение (Дашевская О. Д., 1962).

В Неаполе открыто еще несколько культовых зданий. Интересно пригородное здание Е (табл. 50, 5) I в. до н. э. — I в. н. э. с прямоугольным жертвенником в центре, окруженным четырьмя столбами, поддерживавшими кровлю со свето-дымовым отверстием; в здании обнаружены антропоморфные примитивные глиняные статуэтки, а также яма, наполненная костями барана (Маликов В. М., 1961; Шульц П. Н., 1969, с. 120 сл.). Культовыми местами на поселениях поздних скифов Крыма иногда служили подобные ямки, в которые клали жертвенное мясо (барана) и сосуд.

В двух пещерах в отвесной скале Ак-Кая близ Белогорска высечено множество тамгообразных знаков. Пещеры могли быть местными святилищами (Соломошник Э. И., 1959, № 57, 58). Попутно отметим, что накопилось много данных о применении тамгообразных знаков поздними скифами (Соломошник Э. И., 1959; Драчук В. С., 1975). Наличие у крымских скифов ряда сложных знаков, совпадающих со знаками на памятниках сарматской культуры, свидетельствует о заимствовании.

Для жилой архитектуры крымских скифов типичны каменные строения — чаще всего небольшие одноэтажные здания, состоящие из одного или нескольких помещений (табл. 50, 2, 7—14), прямоугольные, но обычно с отклонениями (некоторая трапецевидность плана, кривизна стен, закругленность углов). Жилые здания строились из рваного грубо обколо-

того камня на глиняном растворе, иногда верхние части стен выкладывались из сырцового кирпича. Некоторые здания частично углублены в землю (или скалу). Полы были глиняные и часто с зольными прослойками (для утепления и гидроизоляции). Дома имели глинобитные или камышовые крыши, изредка — из античной черепицы. Кровля поддерживалась деревянными столбами. Изнутри стены обмазывались глиной, а в самых богатых домах облицовывались цветной штукатуркой. Дома отапливались глиняными или каменными очагами. Встречаются вмазанные в пол глиняные жаровни для выпечки лепешек. Паиболее богатое трехкомнатное здание II в. до н. э. (табл. 50, 8) открыто в южной части городища Неаполь (Карасев А. Н., 1953, с. 79—82). Общие размеры его в плане 20,40×6,50 м. Каменный цоколь сложен в основном из необработанного камня. С внешней стороны в кладку введены массивные обтесанные блоки, на верхней плоскости которых сделаны неглубокие прямоугольные вырубki для вертикальных балок деревянного каркаса здания. На цоколе были возведены стены из сырцовых кирпичей. Крыша была черепичная, пол земляной. В двух жилых комнатах, западной и средней, сохранились незначительные остатки овальных очагов из мелкого камня. Восточная комната была парадной. Ее сырцовые стены покрыты цветной штукатуркой, не уступающей по качеству античной, преимущественно красной, а также желтой, белой, зеленой, синей, черной и расписной (Шульц П. Н., 1957, с. 70, 74, рис. 5). Мотивы орнамента последней заимствованы из стеновой росписи зданий античных городов Северного Причерноморья.

Свои особенности имеют каменные дома II в. до н. э. — I в. н. э. в северо-западном Крыму. Все они построены на греческом культурном слое. Дома чаще всего многокомнатные, иногда двухэтажные. Нижний ряд часто возводился в виде двух панцирей из плоских поставленных на ребро больших камней с забутовкой из мелкого камня, а последующие ряды — из камня средней величины на глиняном растворе. В хозяйственных помещениях по углам сделаны секторные или прямоугольные загородки из каменных плит.

Особенно хорошо представленные на городище Чайка (Карасев А. Н., 1963, 1965; Яценко И. В., 1970, 1983) жилые кварталы отличаются тем, что жилищно-хозяйственные комплексы, состоящие из трех-четырех помещений, пристроены к оборонительной стене. Непосредственно к ней примыкает одно из помещений каждого комплекса. Комплексы отделены друг от друга поперечными по отношению к оборонительной стенами. Полы чаще всего находились ниже уровня улицы, и в дома приходилось спускаться по каменным лесенкам из двух-трех ступенек. Жилые комнаты имели глинобитные полы, а кладовые и подсобные помещения — каменные вымостки. Прослеживаются перестройки скифских помещений: уровень дневной поверхности постепенно поднимается, происходит значительная перепланировка. Некоторые помещения превращаются в подвальные, их дверные проемы закладываются камнем.

Для Южно-Дондузлавского городища в более позднее время чрезвычайно характерно использование

ранних жилищ путем пристройки новых стен к еще сохранившимся старым (Дашевская О. Д., 1967). То же наблюдается и на Беляусе, причем сначала, во II в. до н. э., скифы просто используют для жилья помещения греческих усадеб (в том числе и башни), затем производят перепланировку этих помещений, а позже, с I в. до н. э., застраивают внутренний двор усадьбы, превращенный ими сначала в огромный зольник.

Для строительства позднейших каменных домов Неаполя (II—III вв. н. э.) вторично использовался тесаный камень более ранних построек в кладке стен из рваного камня (Карасев А. Н., 1953). Это чаще всего однокомнатные полуподвальные, а также двухкомнатные здания.

Юрты бытовали на позднескифских поселениях Крыма с III в. до н. э. по I в. н. э. Две юрты III в. до н. э. раскопаны в Неаполе. Их диаметр 2,20—2,30 м. Глинобитный пол был окаймлен поставленными на ребро плоскими камнями, а спаружи — сырцовыми кирпичами (Карасев А. Н., 1950, с. 182, рис. 5).

Юрта Кара-Тобе I в. н. э. диаметром 3,60 м имела подобное же устройство. За ее ограждением прослежены два ряда наклонных углублений для местов, что позволяет предполагать двойное перекрытие (Шульц П. Н., 1944, с. 274, 275). К тому же времени относится юрта на селище, примыкающем к Южно-Дондузлавскому городищу (Дашевская О. Д., 1967, с. 69, рис. 20). Каркас ее состоял из прутьев, обмазанных глиной. Этот примитивный тип жилища является, видимо, пережитком кочевого образа жизни. Юрта воспроизведена в нишах неапольского склепа 9 (см. ниже) и в росписи боспорского склепа Анфестерия (Ростовцев М. И., 1913—1914, табл. LI).

Землянки для крымских скифов не характерны. Несколько таких жилищ встречено в Неаполе и одно — на Беляусе.

На всех поселениях, которые подвергались раскопкам, обнаружены хозяйственные ямы обычного в Северном Причерноморье типа — грушевидной формы. Глубина их 1,50—3,50 м, диаметр дна 1,30—2,50 м. Если над материком ямы прорезали культурный слой, то в этой части они обкладывались камнем. Устье закладывали каменной крышкой. Ямы устраивали в хозяйственных помещениях или во дворах.

Колоссальный комплекс ям Неаполя (свыше 200) относится ко II—III вв. н. э. Концентрация этих ям у городской стены показывает, что хранилище здесь было общественным.

Зола и очажные отбросы иногда ссыпались в опустевшие зерновые ямы (Дашевская О. Д., 1972). Для Неаполя это не характерно. Обычно очажные и мусорные отбросы концентрировались в зольниках, достигавших высоты до 5 м. На некоторых поселениях было по несколько зольников, которые устраивали и за стенами городищ. Вероятно, сыпание золы в определенное место вызывалось не только хозяйственными нуждами, но и культом очага и огня (Шульц П. Н., 1971, с. 136).

На двух скифских поселениях известны гончарные печи, двухкамерные, с опорным столбом в центре топочной камеры. Печь I в. до н. э. на Восточном селище Тарпанчи имела диаметр 2,80×3,40 м, стенки ее облицованы сырцовым кирпичом (Щеглов А. П., 1963, с. 74). В ней обжигалась лепная посуда. Две

меньшего размера печи I в. н. э. на городище Красном были сложены из саманных кирпичей (Домбровский О. И., 1957). Продукция этих печей неизвестна. Не исключено, что они могли принадлежать греческим ремесленникам. Поскольку позднескифская керамика вся изготовлена без круга, то нет оснований говорить о развитии у скифов гончарства как ремесла.

На городище Альма-Кермен раскопана стеклоделательная мастерская II—III вв. н. э. с тремя печами (Высотская Т. Н., 1972, с. 46—54). В них производилась римская стеклянная посуда, широко распространенная в Северном Причерноморье. По мнению Т. Н. Высотской, существование мастерской связано с пребыванием на поселении римских легионеров.

Погребальные сооружения и обряд. В начале позднескифского времени, во второй половине III—II вв. до н. э., погребения, как и прежде, в основном совершались в курганах; затем наряду с курганами начинают распространяться бескурганные могилы, которые со II в. н. э. полностью преобладают.

Особое место занимает мавзолей скифского Неаполя (Шульц П. Н., 1953; Погребова Н. Н., 1961). Мавзолеем одновременно служил усыпальницей знати и привратной башней. Площадь его (по внешнему обводу) 3,65×8,10 м (табл. 52, 1). Скифские строительные приемы сочетаются в нем с заимствованиями из греческой архитектуры. К последним относятся применение тесаного камня, местами рустованного, частичная облицовка стен кладкой «кордон на ребро, плита на образок». Скифской особенностью, кроме нерегулярности кладки, являются введение рваного камня в кладку из тесаного камня, обилие глиняного раствора, наличие Г-образных угловых камней. В мавзолее хоронили с конца II в. до н. э. по I в. н. э. Среди 39 погребений (72 человека), уложенных в несколько ярусов, здесь выделяются погребения мужчины-воина в гробнице из тесаных плит конца II или начала I в. до н. э. (могила Скилура или Палака?) и женщины в богато украшенном деревянном саркофаге I в. до н. э.

Большинство погребений совершалось в сосновых гробах — прямоугольных ящиках, сбитых железными гвоздями. Некоторые гробы были на ножках; два имели плоскую крышку с боковыми скатами. 20 гробов содержали одиночные захоронения и 17 — от двух до пяти человек. Ориентировка двух наиболее богатых погребений западная, среди остальных преобладают западная и восточная (поровну), реже встречается северная. У некоторых покойников скрещены ноги; одна или обе руки иногда согнуты в локте и положены на пояс.

При покойнике в каменной гробнице было 825 золотых предметов (из 1327 найденных в мавзолее). Справа от умершего лежал меч, в ногах — второй меч, шлем, три копы и дротик. Колчан находился слева. В других погребениях оружия мало: три меча, несколько стрел, секира. Предметы конского убора оказались лишь в одном гробу. Сосуды ставились в головах или в ногах. Орудия труда представлены ножами и пряслицами. Зеркала в ряде случаев были преднамеренно разбиты. У мужчин и детей встречались золотые нагубники и наглазники. Среди многочисленных украшений — бусы, броши, браслеты, золотые бляшки и пронизи, нашитые на одеж-

ду. За исключением богатых золотых украшений и некоторых уникальных предметов, инвентарь погребений мавзолей находит параллели в позднескифских рядовых погребениях.

Царя сопровождали четыре коня и собака, положенные в центре мавзолея, а также слуга-кошух. Напутственная пища (мясо барана, коровы, свиньи, птицы, зайца, ежа и рыбы) помещались, как правило, в изголовье вне гроба. В одной миске обнаружена яичная скорлупа. В трех погребениях встречены кремневые отщепы, вероятно, имевшие обрядовое значение.

Курганные погребения поздних скифов раскопаны преимущественно в центральном и юго-западном Крыму, в меньшем числе — в северо-западном и восточном.

На почти 50 раскопанных могил приходится примерно 1 тыс. погребенных. Такое соотношение объясняется обрядом многократных захоронений, на которые падает 80% всех погребений. Число впускных курганных могил больше числа основных, но в последних значительно преобладает количество погребенных.

Наиболее распространенный тип могил — простая грунтовая яма. Продолжают существовать различные каменные гробницы, впускные в материк или в насыпь. Некоторые каменные гробницы были перекрыты деревом. Две могилы в Тавельских курганах имели дромосы.

В курганах известны один подбой (в бывшем имении Крыма близ Симферополя) и семь земляных склепов: один (основной) у бывшего с. Чотты, один впускной в Неаполе и пять впускных в кургане Кермен-Кыр. Планировка склепов Т-образная. Камеры овальные, входные колодцы забиты камнями.

Ориентировка костяков неустойчивая. Наряду с западной во II—I вв. до н. э. в курганах Крыма, как и в мавзолее, встречается восточная ориентировка, широко распространенная в это время в Северном Причерноморье. В I в. н. э. появляются северная и южная ориентировки.

Известны четыре подкурганные гробницы с особенно большим количеством погребенных: 173 в кургане 2 Черкеса (под Симферополем) и около 100 в каждом из двух Тавельских курганов и в кургане 1 Пастака 1895 г. В остальных «коллективных» курганных погребениях было по нескольку костяков. Семейные усыпальницы располагались, как правило, рядом с городищами. Повторные захоронения совершались в течение длительного периода, иногда более столетия. Рашие костяки сдвигали в сторону вместе с их инвентарем. Обычай многократных захоронений в одной гробнице мы видим и в бескурганных могилах Крыма.

Небогатый инвентарь многократных курганных погребений свидетельствует о том, что они принадлежали рядовому населению. Для инвентаря позднескифских курганных погребений по сравнению с IV—III вв. до н. э. характерно резкое сокращение вооружения, а затем и полное его исчезновение в большинстве могил. Конского убора практически нет. Керамика сопровождала почти каждое погребение. Пряслица встречаются обычно при женских костяках. В большинстве погребений клали железные ножи и осылки. Как и в мавзолее, наблюдается обряд поло-

жения в могилу разбитых зеркал. Среди украшений наиболее многочисленны бронзовые браслеты, а также различные бусы. Скелет лошади был найден только в «кургане 1949 г.» Неаполя в отдельной могиле. О напутственной пище в поздних курганных погребениях свидетельствуют кости барана, быка, свиньи.

Бескурганные могилы у скифов впервые появились в восточном Крыму уже в V в. до н. э., а в северо-западном — в III в. до н. э., когда курганный обряд, безусловно, господствовал. Со II—I вв. до н. э. бескурганные могилы распространяются и ко II в. н. э. полностью вытесняют курганные. Вероятно, отказ от курганного обряда был продиктован необходимостью разместить максимальное количество могил на ограниченной площади некрополя вблизи поселений, а также широким распространением обычая совершать повторные захоронения, при которых курган неудобен.

Бескурганные погребения рассматриваются по территориальным группам: центральный, северо-западный и юго-западный Крым.

Центральный Крым. Лучшее всего изучен обширный некрополь Неаполя (Сымонович Э. А., 1983). Здесь раскопано свыше 200 могил. В восточной части некрополя, на верхней террасе склона к Салгиру, рядом с городищем расположены цепочкой в два ряда большие склепы, вырубленные в скале, некоторые с росписью. На средней террасе — земляные склепы. Здесь же находится «курган 1949 г.» с коллективными погребениями. На нижней террасе обнаружены большой земляной склеп с росписью (табл. 52, 2; Дашевская О. Д., 1951) и подбойная могила III в. н. э. В 500 м к юго-юго-востоку от городища на средней террасе оказались погребения в небольших земляных склепах и подбойных могилах со сравнительно бедным инвентарем (Бабенчиков В. П., 1949; Сымонович Э. А., 1983).

В западной части некрополя, вдоль обоих склонов Петровской балки, вверху располагались в несколько ярусов большие склепы, вырубленные в скале, а внизу — земляные склепы и подбойные могилы.

Вырубленные в скале склепы, которых раскопано свыше 20, имеют Т-образную планировку и состоят из продолговатой входной ямы и большой низкой камеры (в среднем $5 \times 3 \times 1$ м), в плане имеющей форму неправильного четырехугольника или квадрата. В стенках камер пиши. Потолок плоский. Как и в земляных склепах, вход в камеру закрывался плитой, а входная яма заваливалась камнями. Исключительный интерес представляет роспись стен неапольских склепов (см. ниже).

Земляные склепы, которых раскопано свыше 50, датируются концом II в. до н. э. — началом I в. н. э. Они состоят из продолговатой входной ямы и овальной или подпрямоугольной камеры, примыкающих друг к другу Т-образно или реже — по одной оси (табл. 52, 4). В двух склепах на дне оказались специальные углубления для одного или трех покойников. Размеры камер в среднем $2,5 \times 1,5$ м. Ориентировка камеры относительно колодца зависит от расположения могилы на склоне.

Подбойные могилы (их свыше 80), относящиеся главным образом к концу I в. до н. э. — началу III в. н. э. (Раевский Д. С., 1971б), состоят из при-

моугольной или круглой в плане входной ямы площадью в среднем 1×2 м, глубиной 1,5—3 м и вырытого вдоль длинной ее стороны на уровне ее пола подбоя шириной и высотой в среднем 0,50 м (табл. 52, 5). Две могилы имели по два подбоя. Подбой закладывался плитами, а яма забивалась крупными камнями и землей (Бабенчиков В. П., 1949, с. 111—113). Простые грунтовые ямы редки.

В склепах погребения почти всегда многократные (от 3 до 30 человек), иногда в несколько ярусов. В подбойных могилах чаще всего встречаются одиночные захоронения, реже — от двух до четырех. Несмотря на некоторое преобладание подбоев, в Неаполе обряд захоронения в склепах можно считать более распространенным, так как в них покоилось свыше 80% погребенных. Три погребения (одно в склепе и два подбойных) совершены в колодах. Других гробов не прослежено. В некоторых склепах и подбоях покойники были завернуты в войлок. Ориентировка погребений различная: во II—I вв. до н. э. преобладает на запад, юг и юго-запад (Раевский Д. С., 1971а, с. 147—149), в I—III вв. н. э. — на восток, юго-восток и северо-восток. Иногда одна рука, чаще обе лежали на животе, ноги скрещены. Магическое значение, видимо, имело помещение в склепы убитых собак — загробных сторожей. Символами культа огня в обряде погребения были угольки, реальгар, кусочки кремня.

Сосуды (краснолаковые кувшины, миски, реже — лепные сосуды) обычно ставили в изголовье с жертвенной пищей (мясом лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, собаки) и железным ножом. В наиболее ранних погребениях жертвенная пища находилась на дне могилы без сосуда.

Оружие (копья, стрелы, короткие мечи) встречается редко. Довольно обычны орудия труда (пряслица, иглы, шилья). Предметы конского убора единичны. В самых богатых погребениях найдены золотые наглазники. С середины I в. н. э. наблюдается усиление сарматских элементов в обряде и инвентаре (Раевский Д. С., 1971а, с. 149). Между большими скальными склепами в специальных вырубках располагались два конских захоронения.

В центральном Крыму ближайшую аналогию неапольским представляют скальные склепы Красногорского могильника (Нейзаца). Но несколько земляных склепов, также сходных с неапольскими, известно в могильниках у сел Димитрово, Соловьевка, Дружное и Зуя (Высотская Т. Н., Махнева О. А., 1983). Обряд погребения и инвентарь аналогичны неапольскому.

Северо-западный Крым. Из позднескифских могильников здесь раскапывались только Беляусский и в незначительном объеме Кульчукский. На Беляусе (Дашевская О. Д., 1976; Дашевская О. Д., Михлиб Б. Ю., 1983) исследовано 170 позднескифских могил. Среди них 60 земляных склепов II в. до н. э. — I в. н. э. Наиболее ранние (их три) — двухкамерные с широкими овальными входным колодцем и камерами или такой же ориентировки однокамерные (их два); остальные имели Т-образную планировку (табл. 52, 3). Вход в камеру закрывался плитами, а колодец забивался камнями. У большинства склепов были продолговатый глубокий (до 2,50 м) колодец со ступеньками и большая (2,20—2,50 × 1,60—

2 м) овальная камера. Найдены и маленькие детские земляные склепы.

Во всех камерах — многократные захоронения (от 3 до 30). В нескольких склепах погребенные лежали в гробах, сбитых бронзовыми или железными гвоздями. Преобладает восточная с отклонением к юго-востоку ориентировка; встречается (иногда в той же могиле) западная. Как и в некрополе Неаполя, нередко положение одной или обеих рук на животе и скрещенные ноги. И здесь встречены кусочки кремня, гранита, реальгара, охры, связанные с символизацией огня; та же напутственная пища, чаще всего — в краснолаковой миске с ножом. Инвентарь, как и обряд, в общих чертах сходен с неапольским. Характерны более ранние формы античной посуды, а также наличие сапожковых и ладьевидных лепных светильников. Иногда в могилу ставили только дно лепного сосуда. Встречены серебряный и бронзовый наглазники.

Подбойных могил раскопано 93 (Дашевская О. Д., 1984), из них 86 — детские, преимущественно одиночные. Дата их — от начала II в. до н. э. по I в. н. э. Кроме того, здесь было 16 детских погребений в грунтовых ямах. Одна из ямных могил содержала только захоронение ног коня. Топографически ямы и подбой не выделяются, располагаясь между склепами. Для погребенных характерна восточная и юго-восточная ориентировка. Погребения взрослых в подбоях явно беднее погребений в склепах. По обряду и инвентарю этнические различия между теми и другими не прослеживаются, скорее здесь различия социальные, что свидетельствует против распространенной версии о сарматском происхождении подбойных могил.

Четыре греческих каменных склепа Беляусского некрополя были в I в. н. э. вторично использованы для позднескифских погребений.

В Кульчукском некрополе раскопан курган с четырьмя кенотафами по краям в виде колодцев, забитых камнями, и четырьмя впускными погребениями II—I вв. до н. э. (Дашевская О. Д., Голенцов А. С., 1982).

Юго-западный Крым. Могильники расположены обычно на склонах холмов и возвышенностей. Некоторые из них (Усть-Альминский, Заветнинский, Бельбек I) связаны с городищами; поселения же, к которым относилось большинство некрополей, по-видимому, разрушены. Всего раскопано около 600 могил (Высотская Т. Н., 1972; Гушина И. И., 1974). Наиболее ранние могилы содержатся в Усть-Альминском, где преобладают склепы, и Заветнинском могильниках, в целом относящихся к I в. до н. э. — III в. н. э. Ко II—III вв. н. э. относятся Бельбек I и II, Скалистое II и III. Чернореченский могильник датируется II—IV вв. н. э., Инкерманский — III—IV вв. н. э. Каждый могильник дает несколько типов погребальных сооружений (кроме Скалистого II, где обнаружены только подбойные могилы).

Земляные склепы встречаются не во всех могильниках, количество их в среднем около 5%. Обычна Т-образная планировка с продолговатой входной ямой и овальной, круглой или прямоугольной камерой. В редких случаях (Усть-Альминский могильник) погребальная камера расположена по одной длинной оси с входной ямой. Вход, как и повсюду в Крыму,

закрывали каменной плитой, а входную яму плотно забивали камнями. В III—IV вв. н. э. наряду с прямоугольными, почти квадратными в плане (Чернореченский могильник) появляются глубокие трапециевидные камеры с длинными (до 4,50 м) входными ямами (Инкерман). Склепы содержали от 1 до 16 костяков. Большинство склепов ограблено в древности.

Подбойные могилы в некрополях юго-западного Крыма составляют 33,5% от общего числа могил. Они есть во всех некрополях, за исключением Бельбека I. Могильник Скалистое II состоит только из подбойных могил. В Скалистом III им принадлежит 59%, в Инкерманском — 52. Подбой пахотились с различных сторон от входной ямы. Входная яма обычно прямоугольная, длина ее 1,80—2 м, ширина — до 1,80 м; длина подбоя 1,80—2,60 м, ширина — 0,80—1,50 м, высота — 0,70—1,10 м. Особенно глубоки подбойные могилы Инкерманского некрополя. Камера обычно углублена на 0,15—0,20 м относительно входной ямы и отделена от нее камешными плитами. В Усть-Альминском некрополе входные ямы плотно забиты крупными камнями (как и в Неаполе, Беляусе). Встречаются могилы с двумя подбоями (табл. 52, 7).

Грунтовые ямы (табл. 52, 9) в Заветнинском могильнике составляют 60%, в Усть-Альминском — 55. Длина могил 2—2,20 м, ширина — 0,5—1 м, глубина — от 0,40 до 1,80 м. Форма чаще всего прямоугольная, иногда суженная к ногам. Могилы ориентированы на северо-запад — юго-восток или северо-восток — юго-запад. В Скалистом III раскопано 16 могил, засыпанных землей и перекрытых плитами. Иногда плиты опирались на столбы. В могильниках Бельбек II, Усть-Альминском, Заветнинском и Инкерманском обнаружены могилы с заплечиками (табл. 52, 8).

Плиточные могилы (табл. 52, 6), отсутствующие в других районах, встречаются в большинстве могильников юго-западного Крыма, кроме Чернореченского и Инкерманского. В Бельбеке I их большинство. Плиточные могилы Бельбека I представляют собой яму шириной 0,45—0,75 м, иногда немного суженную к ногам. Длинные стороны ям (реже и короткие) обложены плитами; такими же плитами перекрывали могилы сверху.

Обычно погребенных клали в могилу без гроба. Исключение представляет Усть-Альминский некрополь, где в каждой могиле встречаются следы дерева и железные гвозди. С притоком сарматов и возрастающей сарматизацией населения Крыма все чаще встречаются погребения в колодах (Скалистое II — два раза, Скалистое III — три, Усть-Альминский — три, Заветнинский — 16 раз, Чернореченский — 14). Наблюдаются подстилки из кошмы, подсыпки из мела и угля. В Бельбеке и Чернореченском засвидетельствованы единичные деформированные черепа, что также связывается с сарматами. Ориентация погребенных разнообразна, преобладает юго-восточная (свойственная и Беляусу) и юго-западная. В Чернореченском могильнике большинство погребенных лежало головой на северо-восток, а в Инкерманском — на восток (Бабенчиков В. П., 1962; Веймарн Е. В., 1963).

В юго-западном Крыму для покойников обычно

вытянутое положение на спине, руки и ноги — вдоль туловища. В отличие от Неаполя и Беляуса редко одна или обе руки согнуты и положены на живот, а ноги скрещены. Встречаются отдельные случаи скорченных на боку погребений (Заветнинский и Чернореченский могильники).

Почти в каждой могиле в головах (как в могильниках Неаполя и Беляуса) или в ногах погребенного ставили краснолаковую (реже — лепшую) миску с мясом и железным пожом. Здесь же стоял краснолаковый (реже — лепшой) кувшинчик с водой или вином. Состав остального инвентаря в могильниках в общем тот же, что в центральном и северо-западном Крыму, но характер вещей отражает более позднее время. Для Инкерманского могильника характерно обилие оружия, главным образом мечей, и сарматские вещи (зеркала-подвески, маленькие дырчатые курительницы). Особенностью Усть-Альминского и Чернореченского могильников является погребение копей в отдельных ямах (как в Неаполе) или рядом с погребением человека. В Усть-Альминском некрополе в нескольких случаях близ могилы с человеческим погребением была положена часть туши козы. В том же некрополе вместе с конем встречены обломки железных псалмов, кольца от удила.

С греческим погребальным обрядом связываются погребения детей в амфорах (Скалистое III, Заветнинский).

Обряд трупосожжения, неизвестный в центральном и северо-западном Крыму, зафиксирован в двух могильниках юго-западного Крыма: в Бельбеке I (четыре случая) и в Чернореченском (33). В Бельбеке I погребения совершены без могильной ямы и урны. В Чернореченском некрополе урнами служили красноглиняные амфоры (крышками были краснолаковые чаши) или лепные сосуды.

Помимо погребений в некрополях, в Крыму иногда совершались погребения и на городищах. Прежде всего — это погребения младенцев в сосудах (больших лепных горшках и амфорах) и грунтовых ямах. Они известны начиная с I в. до н. э. на Южно-Донузлавском городище, Беляусе и Альма-Кермене. В Неаполе все они датируются III в. н. э. Обряд захоронения детей в сосудах, очевидно, был завезен в Северное Причерноморье греками, у которых он встречается начиная с архаического периода.

Единичные погребения в опустевших зерновых ямах известны на Беляусе и в Неаполе скифском (Эрнст Н. Л., 1927, с. 26; Карасев А. Н., 1953, с. 71). Как правило, они безынвентарные и отражают неуважительное отношение к умершим. В нескольких зернохранилищах Неаполя обнаружены человеческие черепа или части скелета. В Неаполе встречено погребение человека в зерновой яме в сидячем положении с конем и с инвентарем II—III вв. н. э. (Карасев А. Н., 1951, с. 166, 167).

Два погребения сарматских воинов II—III вв. н. э. в грунтовых ямах раскопаны на Усть-Альминском городище и в Неаполе (Карасев А. Н., 1951, с. 170—172; Шульц П. Н., 1957, с. 76, рис. 8, 16а). Первое сопровождалось железным мечом и фибулой (Высотская Т. Н., 1972), во втором, совершенном на окраине города, интересно конское снаряжение (железные удила, налобник, нащечники, попона с 38 бронзовыми бляхами, обтянутыми золотой фольгой); поблизо-

сти оказались четыре конских погребения (Карасев А. Н., 1953, с. 83, 84). П. Н. Шульц связывает появление сарматских (аланских) погребений в Неаполе с победой Савромата II над скифами в конце II в. н. э. (1957, с. 76).

В некрополях крымских скифов, по-видимому, каждая могила сверху имела небольшой земляной холм или была обозначена деревянным столбом. В Усть-Альминском некрополе на каждой могиле лежала кучка из нескольких камней или стоял вертикально плоский камень высотой до 0,70 м. В Заветниинском могильнике шесть стел с различными изображениями обнаружены в районе могильника, причем одна из них — *in situ*.

Среди надгробных изваяний у поздних скифов Крыма различаются каменные бабы, антропоморфные столы и надгробные рельефы. Каменные бабы для позднескифского времени не характерны. Они представлены лишь стелой 3 в Заветниинском могильнике (табл. 53, 1), датирующейся не ранее I в. до н. э. (Богданова Н. А., 1965, с. 333, 334). На фоне отесанной плиты высоким рельефом изображена мужская фигура в кафтане и штанах, с копьем и ритонном.

Антропоморфных стел известно 10. Они относятся к первым векам нашей эры. Это фигуры с оружием и другими атрибутами, без ног (табл. 53, 2, 3; Богданова Н. А., 1961, с. 349, 350, рис. 1, 1; 2, 1; 1965, с. 335, рис. 2; Дашевская О. Д., 1978, рис. 1, 2) или стелы с примитивными фигурами (Богданова Н. А., 1961, с. 351, рис. 1, 2; 2, 2). Кроме того, известны три примитивных изваяния с сарматскими знаками (табл. 53, 4, 8; Дашевская О. Д., 1957, с. 116, рис. 46, 7; Шульц П. Н., 1957, с. 85, рис. 14; 1967, рис. 1, 4; Богданова Н. А., 1965, с. 336, рис. 3, 2; Драчук В. С., 1975, с. 1021, табл. XXXI, 4). К числу антропоморфных надгробий надо отнести и изображение человеческого лица с высунутым, как у Горгоны, языком на обороте рельефа с всадником из Фоти-Сала (Соломоник Э. И., 1958, с. 313, 314, рис. 4).

Надгробные рельефы чаще всего изображают всадников, иногда в сочетании с другими фигурами. Античное влияние видно в структуре стел и наличии греческих надписей. Известно 10 рельефов. Среди них:

1. Рельефы с изображением одного всадника. К ним относится рельеф из Неаполя конца II в. до н. э., обычно отождествляемый с даром Палаком (Шульц П. Н., 1946, с. 44 сл., рис. 19, 20). Плита по своей структуре сходна с надгробиями: в нижней части имеется шип, вставлявшийся в каменную базу.

2. Рельефы с изображением двух или нескольких фигур. Таковы чайкинский рельеф со сценой адорации (табл. 53, 6; Попова Е. А., 1974), два южно-донузлавских надгробия I в. н. э. (табл. 53, 7): на одном из них — всадник с копьем, охотящийся с собакой на оленя, и две женские фигуры (Шульц П. Н., 1966); на втором — две женские фигуры (Дашевская О. Д., 1967, с. 213, 214). Надгробие с примитивным изображением двух всадников (табл. 53, 10) II—III вв. н. э. найдено близ Бахчисарая в урочище Рамазан-Сала, где предполагается могильник (Чорсф М. Я., Шульц П. Н., 1972).

3. Двухъярусные и трехъярусные рельефы. На двухъярусном рельефе из кургана у с. Марьино Черноморского р-на в верхнем ярусе изображены

всадник с копьем и луком и стоящая перед ним женщина в длинной одежде, с ритонном, в нижнем ярусе — бегущий олень и собака (табл. 53, 12). На стеле вырезаны три греческие надписи; читаются эпиграфия Иамаха сына Сомаха и подпись мастера (Намама?). Э. И. Соломоник датирует надписи II—III вв. н. э. П. Н. Шульц отмечает здесь влияние боспорских надгробий (стела Агафа из Фапагории). Двухъярусное надгробие было случайно найдено на городище Неаполь (табл. 53, 9; Ростовцев М. И., 1913—1914, табл. XXV, 1; Шульц П. Н., 1963, с. 9). В верхнем ярусе изображены бегущий воин в шлеме со щитом и копьем и фигурка поверженного противника, а в нижнем — всадник. На городище Красном (Кермен-Кыр) найдена вместе с базой стела с трехъярусным рельефом II в. н. э. (табл. 53, 11; Дашевская О. Д., 1957, с. 116, рис. 46, 2).

Оружие. В позднескифский период лук и стрелы продолжали оставаться обычным оружием воина. Распространены были железные стрелы, втульчатые и черешковые (табл. 54, 16—19), чаще всего — с узкой длинной головкой. Реже встречаются крупные паконечники с широкой головкой и длинным черешком. Бронзовые стрелы почти совсем исчезают. По находкам в мавзолее Неаполя реконструируется прямоугольный кожаный колчан, украшенный бляшками. Также обычны копья (табл. 54, 4, 5), что засвидетельствовано находками железных наконечников и изображениями на антропоморфных стелах, надгробных, рельефах и граффити. Наиболее характерна остролистая форма пера, редко встречается лавролистная и как исключение — ромбическая (Беляусский могильник). Известны железные дротики (табл. 54, 6).

Мечи были различных типов. Исключение представляют два наиболее ранних меча из мавзолей Неаполя: один — средиземноморского типа (табл. 54, 11), другой — широкий, с почти параллельными лезвиями и брусковидным навершием, обложенным серебром. В I в. до н. э.—I в. н. э. у скифов бытуют короткие мечи с кольцевым навершием, прямым перекрестием и широким, суженным книзу клинком (Неаполь, Беляус, Заветное; табл. 54, 12), характерные для сарматского оружия (Хазанов А. М., 1971). В I—III вв. н. э. распространяются (главным образом в юго-западном Крыму) узкие кинжалы и длинные сарматские мечи; они, очевидно, имели деревянные навершия, которые не сохранились (табл. 54, 13, 14).

Боевые топоры очень редки, они известны всего в пяти экземплярах (табл. 54, 10).

Защитное вооружение было достоянием знати и представлено единичными экземплярами. Это железный шлем с серебряными и бронзовыми накладками из царской гробницы мавзолей Неаполя (табл. 54, 9; Погребова Н. Н., 1961, с. 120). Там же встречен кожаный панцирь с парой железных позолоченных пластин (табл. 54, 8; Черненко Е. В., 1968, с. 17, 18, рис. 5, 8). Там же и в некоторых других погребениях мавзолей (конец II—I в. до н. э.) обнаружены продолговатые железные пластинки от панцирных поясов (табл. 54, 15; Погребова Н. Н., 1961, с. 124). Подобный же пояс — у всадника, изображенного на пояском крюке из Неаполя (табл. 55, 9; Веселовский Н. И., 1891). Пара бронзовых поножей (табл. 54,

7) найдена в «кургане 1949 г.» Неапольского могильника (Черненко Е. В., 1968, с. 116, 117, рис. 61).

Железный умбон от щита найден на Южно-Донузлавском городище в слое I в. н. э. (табл. 54, 3).

Если Н. Н. Погребова и Е. В. Черненко на основании находок из мавзолея считают, что металлом покрывался не весь пояс, а только его передняя часть, то у всадника, изображенного на вышеупомянутом крюке, можно усмотреть пояс, сплошь покрытый чешуйками.

Конское снаряжение. Железные удила позднескифского времени (табл. 54, 1) восходят к типам, распространенным в IV—III вв. до н. э. Железные псалии, известные из мавзолея Неаполя (конец II—I в. до н. э.; Погребова Н. Н., 1961, рис. 11, 1), также повторяют более ранние типы: они С-образные, с двумя отверстиями для ремней. Редкими, видимо, были роговые псалии конусовидной формы с двумя отверстиями, найденные на Южно-Донузлавском городище и на Беляусе (I в. н. э.; табл. 54, 2). В Неаполе найдена литейная форма для ажурного треугольного налобника сарматского типа.

Лепная керамика. У скифов даже в поздний период гончарный круг не получил распространения. Встречающееся в научной литературе мнение о значительном развитии гончарного ремесла у крымских скифов, о производстве ими посуды на сбыт (Шульц П. Н., 1947, с. 18; 1953, с. 7; Елагина Н. Г., 1953, с. 7; Троицкая Т. Н., 1954, с. 142) не основано на фактах и давно уже вызвало возражения (Дашевская О. Д., 1958в, с. 248, 249). В быту крымских скифов лепная посуда домашнего производства преобладала над привозной, гончарной, если не считать амфор, которые служили тарой.

Лепная позднескифская посуда характеризуется серой или черной глиной с примесью дресвы, шамота или толченой ракушки. Поверхность сосудов чаще всего серая, иногда черная, коричневая, желтая или красная. Сосуды из Неаполя, за исключением части горшков, почти все лощеные. На других поселениях простая (нелощеная) керамика встречается намного чаще.

Наиболее употребляемой посудой в течение всего позднескифского времени были горшки. Они представлены различными типами. В III—II вв. до н. э. обычны горшки больших и средних размеров с плавно или резко отогнутым венчиком, раздутым в средней части туловом и суженной нижней частью (табл. 56, 2). Они имеют корни в более ранней скифской степной керамике, представленной на Каменском городище и соседних с ним памятниках (Граков Б. Н., 1954, табл. III, 1; IV, 4), и бытуют в Крыму (особенно в северо-западном) вплоть до I в. н. э. (табл. 56, 14—16). На таких горшках иногда встречается орнамент в виде пальцевых (ногтевых) вдавлений по венчику. В Неаполе подобная орнаментация редка и не прослеживается позже II в. до н. э. (Дашевская О. Д., 1958в, с. 250), тогда как в северо-западном Крыму она обычна и наблюдается на керамике из верхних слоев поселений (Зарайська Н. П., 1973, с. 77).

Большие горшки со слабо отогнутым венчиком, короткой шейкой, яйцевидным туловом и очень узким дном (табл. 56, 1) встречаются в единичных экземплярах уже в III—II вв. до н. э., но наиболее

характерны они для II—III вв. н. э. (центральный Крым). В Неаполе известен случай, когда такой горшок (высотой 65 см) стоял в углублении около печи. Именно такие сосуды использовались там для погребений младенцев. На горшках этого типа, а также на некоторых других встречаются дуговидные налепы (табл. 56, 35, 36). У поздних скифов бытовали также средние и небольшие горшки с широким устьем и дном и шаровидным или почти биконическим туловом (табл. 56, 20, 32), особенно характерные для юго-западного Крыма. Изредка встречаются горшки баночной формы. Известны также отдельные экземпляры кувшинообразных горшков, некоторые из них — с палепами (табл. 56, 3, 34).

Следующее место по количеству занимают миски. Среди них преобладают полусферические с прямым или загнутым внутрь краем (табл. 56, 7, 8, 17, 40). Встречаются миски, плавно суженные кверху, довольно глубокие, с расширенным внутрь торцом или слегка отогнутым наружу краем (табл. 56, 5, 21). Во II—III вв. н. э. у мисок иногда наблюдается утолщенный с внутренней стороны край (табл. 56, 39). Для перечисленных форм характерно лощение. Лощеными обычно бывают миски копической формы. На мисках начиная с III—II вв. до н. э. изредка встречаются ручки-упоры, зубцевидные палепы у края (табл. 56, 8, 17). Редок ногтевой орнамент (табл. 56, 9). Дуговидные налепы, украшенные защипами (табл. 56, 19), свойственны мискам северо-западного Крыма I в. до н. э. — I в. н. э. и, вероятно, связаны с фракийским влиянием.

У поздних скифов были распространены также горшки с ручками различных форм, иногда напоминающие кружки. Для III—II вв. до н. э. более характерны сосуды с округлым туловом, выделенной шейкой и слегка приподнятой над краем ручкой (табл. 56, 10, 11). В последующее время формы их более разнообразны. Во II—III вв. н. э. ручки этих сосудов зачастую прикреплялись верхним концом к шейке или к плечу и иногда — к тулову (табл. 56, 25, 26, 45, 46). Типичны ручки прямоугольного или квадратного сечения.

Изредка встречаются ковни — сосуды с туловом миски и с ручкой (табл. 56, 22, 23).

Лепные кувшины в быту поздних скифов, видимо, не играли значительной роли, поэтому не были выработаны какие-то определенные характерные формы; как правило, эти сосуды индивидуальны. Встречаются узкогорлые и широкогорлые, иногда с массивными квадратными ручками (табл. 56, 27, 47—49). На первом этапе позднескифской культуры кувшинов почти нет. Некоторое распространение их во II—III вв. н. э. можно объяснить сарматским влиянием. Изредка встречаются (в северо-западном Крыму) двуручные кувшины с профилированными ручками, подражающие греческим амфорам. Известно несколько лепных амфорисков.

В течение всего позднескифского времени в Крыму бытуют мисочки на ножке (табл. 56, 12, 13, 29, 51), широко распространенные в Северном и Западном Причерноморье. Некоторые из них имели относительно крупное полусферическое или коническое тулово и невысокую ножку, другие — маленькое коническое тулово и различной высоты ножку. Последние могли употребляться и как светильники.

Помимо местной лепной посуды, поздние скифы пользовались привозной античной керамикой, а также (реже) стеклянными сосудами, импортными и местного изготовления.

Для хранения вина, зерна и других продуктов поздние скифы использовали как лепные котлы, так и греческие пифосы (херсонесские, синопские). Для этих же целей применялись и амфоры, в которых привозили греческое вино и масло.

Среди *бытовой утвари* на поселениях обычны каменные корыта или кормушки для скота — квадратные, прямоугольные и круглые.

Предметы туалета представлены прежде всего зеркалами из бронзы, пинцетами (табл. 55, 1, 2, 4). Очень редко встречаются деревянные гребни (табл. 55, 3), ложечки, а также бронзовые шкатулки. С последними связаны бронзовые ключи, оформленные в виде герм. К игральным предметам относятся астрагалы, найденные как на поселениях, так и в детских погребениях. В Неаполе обнаружен бронзовый астрагал. Вероятно, для игры служили и округло оббитые черепки различных размеров.

Одежда поздних скифов известна по изображениям в живописи неапольского склепа 9 и на каменных рельефах (табл. 53, 1, 6, 7, 9, 11, 12). Мужчины носили рубахи, кафтаны, штаны, мягкие сапоги, остроконечные шапки, женщины — длинные платья. Судя по находкам в погребениях, рукава и подол одежды часто расшивали бусами, а наиболее богатые — золотыми и бронзовыми бляшками. Бусы и подвески носили на шее (женщины и дети). Преобладали различные стеклянные бусы, а также из горного хрусталя, сердолика и гагата, янтаря, халцедона и египетского фаянса. Бусы и подвески являлись предметом импорта главным образом из Египта и Сирии.

К мужской одежде принадлежали пояса из кожи и бронзовых колец, иногда сдвоенных, иногда снабженных крюками (табл. 55, 10—12). Кожаные концы пояса часто заключались в бронзовые обоймы (табл. 55, 5). В качестве застежек пояса для II—I вв. до н. э. характерны крупные продолговатые поясные крюки, железные и бронзовые (табл. 55, 9), а также пряжки с неподвижным язычком (табл. 55, 6—8). Позже распространяются пряжки с подвижным язычком, прямоугольные и круглые, иногда со щитками (табл. 55, 13, 14).

Застежками и в то же время украшениями одежды служили фибулы (табл. 55, 15—21), в основном бронзовые, реже — железные и как исключение — из драгоценных металлов (Сымонович Э. А., 1964; Амброс А. К., 1966; Михлин Б. Ю., 1980; Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю., 1983). Для II—I вв. до н. э. известны фибулы раннелатенской и среднелатенской схемы, фибулы-броши с круглым выпуклым щитком (табл. 55, 18) и т. д. Появляются отдельные фибулы зарубинецкого типа (табл. 55, 15). В I—III вв. н. э. распространяются фибулы с подвижным приемником (табл. 55, 16), шарнирные (табл. 55, 19—21), последние — иногда с эмалью. Наиболее поздними являются обнаруженные только в Инкерманском могильнике Т-образные и двупластинчатые фибулы.

Простейшие серьги имели вид несомкнутых колечек с заостренными концами; иногда такая основа снабжалась привеской. В III—II вв. до н. э. богатые женщины носили серьги греческого типа, золотые и

серебряные, в виде конусов с изображением львиных голов (табл. 55, 36). В I в. н. э. преобладали проволочные серьги с обмотанной петлей (табл. 55, 38). В позднейший период (III в. н. э.) встречаются крупные серьги с сердоликовыми вставками (табл. 55, 41).

В качестве шейных украшений изредка использовались бронзовые гривны. Браслеты же были обычны, их носили мужчины, женщины, дети на руках, реже — на ногах. Со II—I вв. до н. э. известны бронзовые браслеты с обмотанными концами (табл. 55, 28), с шишечками на концах (табл. 55, 25), с утолщенными или утонченными концами (табл. 55, 22, 24), иногда — многовитковые. Тогда же появляются браслеты с головками животных на концах, а затем вплоть до III в. н. э. характерными становятся круглопроволочные и пластинчатые браслеты с концами в виде змеиных головок (табл. 55, 26, 27). Таким же образом иногда оформлялись и перстни (табл. 55, 35). Бытовали перстни со спиральным (табл. 55, 34) или гладким щитком, на котором вырезалось изображение, а также бронзовые и золотые спиральные или со спиральными концами (табл. 55, 31, 32), со стеклянными или с сердоликовыми вставками (табл. 55, 33). Единичные стеклянные перстни известны только из позднейших могильников.

Культовые предметы. Во II—III вв. н. э. были распространены очажные подставки с головами баранов (табл. 51, 1), связанные с культом очага и огня.

Встречаются жертвенники в виде лепных сосудов без дна. Несомненно культовыми сосудами являлись курильницы (табл. 51, 11—17), иногда украшенные соляными знаками. Для II—I вв. до н. э. характерны курильницы с шаровидным туловом на высоком поддоне; в I в. до н. э.—I в. н. э. бытуют курильницы в виде дырчатых горшочков (Дашевская О. Д., 1980). Исключением является мисочка с перегородкой (табл. 51, 14).

Ритуальное назначение как обереги имели различные подвески-амулеты, встречающиеся чаще всего в детских погребениях. Таковы колокольчики, «ведерки», раковины, астрагалы (табл. 51, 20—30), подвески и пронизи из египетского фаянса (табл. 51, 18, 19).

С соляным и астральным культом, кроме курильниц, связаны кольца с тройными шишечками (Богданова Н. А., 1980, с. 18), украшения в виде колесиков (табл. 51, 2, 3), лунницы и т. д. Интересно изображение «скифской богини», стоящей в центре бронзового кольца с собакой у ног, из Усть-Альминского некрополя (табл. 51, 10; Высотская Т. Н., 1979, с. 162, рис. 77). Находимые на скифских городищах статуэтки античной работы, изображающие греческих богов — Деметру, Афродиту, Гермеса, бронзовые фигурки Диоскуров из Неаполя Скифского (Шульц П. Н., 1968) считаем правильнее связывать с греческим населением или объяснять приобретением у греков без религиозных целей, чем приписывать скифам греческие культы (Высотская Т. Н., 1969, с. 163).

Искусство. Позднейший этап развития скифского искусства связан с городской жизнью, усилением государственной власти, влиянием соседних античных городов. Однако памятники позднескифского искусства имеют особый характер.

Наиболее интересны стенные росписи неапольских склепов I—III вв. н. э., выполненные без грунтовки минеральными красками. (Шульц П. Н., 1947, с. 25—28; Блаватский В. Д., 1947, с. 111—113; Иванова А. П., 1953, с. 115—117; Бабенчиков В. П., 1957, с. 103—118; Домбровский О. И., 1961; Попова Е. А., 1984а; 1984б). Живопись открыта в пяти скальных склепах (1, 2, 4, 8, 9) и в земляном склепе 1949 г.

Склеп 9, датируемый I в. н. э., расписан художником-профессионалом. Здесь живопись сочетается с рельефом и подчинена общей композиции. Роспись выполнена красной и желтой охрой и сажей. На задней стене склепа, справа от «шахматного ковра», помещена композиция: скиф, играющий на лире, всадник с копьем и сцена охоты с собаками на кабана (табл. 50, 15). По предположению П. Н. Шульца, поддержанному В. Д. Блаватским, отделка склепа воспроизводит внутреннее убранство скифского дома. Иную трактовку декора склепа 9 дает Е. А. Попова. Она признает изображения жилищ только в контурах и орнаментации ниш со стилизованными коньками наверху, а остальные сюжеты считает сакральными, подчиненными, как и склеп в целом, идее космоса.

В склепе 2 рисунки выполнены силуэтом, красной охрой. На одном из них изображен лучник. Изображения скачущего коня и двух танцовщиц не связаны общей композицией. Ниши этого склепа, как и других, окаймлены то треугольниками, то язычками вроде стрелок, иногда с волютами на углах. В склепе 1 усматривают изображение змееногой богини (Высотская Т. Н., 1979, с. 183, рис. 76). Живопись в склепе 8, выполненная сажей и красной охрой, отличается геометризацией фигур — двух танцующих людей, человека, держащего под уздцы коня, и др. Туловища показаны в виде двух треугольников, у одной фигуры — квадрата. По стилю эти росписи напоминают изображения в керченских склепах сабазиастов (Ростовцев М. И., 1913—1914, с. 401—404, табл. XLIX).

Выше упоминалось культовое здание А, на стенах которого был открыт уникальный комплекс скифских рисунков-граффити (табл. 51, 31). Они выполнены разными людьми, явно не профессиональными художниками, и имеют нарочито условный, схематичный характер. Среди изображений животных преобладают лошади и их головы. Есть изображения всадника и пеших воинов. Последние переданы в виде двух треугольников, соединенных вершинами. Такой прием изображения людей и животных встречается в живописи склепов Неаполя и в орнаментации курильницы из Белиусского могильника (табл. 51, 11).

О надгробных изваяниях, являющихся интересными памятниками скифской монументальной скульптуры, говорилось выше. Скифскому искусству никогда не было чуждо изображение человека.

Широкую известность получил найденный в Неаполе еще в 1827 г. мраморный горельеф (сохранился лишь слепок с него) с изображением старика и юноши (Шульц П. Н., 1946). Отождествление персонажей на рельефе со Скилуrom и Палаком, предложенное еще И. П. Благрамбергом (1889) и доказываемое П. Н. Шульцем, встретило серьезные возражения, как и датировка памятника концом II в. до н. э. Выдвинуты аргументы в пользу того, что здесь изо-

бражены дакийские воины и что наиболее верная дата — начало II в. н. э. (Ельницкий Л. А., 1963; Каришковский П. И., 1973, с. 30, 31). Но и старая точка зрения продолжает сохранять последователей (Соломонок Э. И., 1977, с. 61—63; Высотская Т. Н., 1979, с. 180 сл.).

Оригинален деревянный саркофаг царицы (?) I в. до н. э. из мавзолея Неаполя скифского (Шульц П. Н., 1953). В орнаментации саркофага сочетаются элементы искусства эллинистического Востока и Боспора. Вероятно, он был сделан боспорским мастером по заказу знатных скифов.

В числе скифских памятников прикладного искусства назовем бронзовый поясной крюк с изображением скачущего всадника (табл. 55, 9; Веселовский Н. И., 1891), две пряжки конца II в. до н. э. из мавзолея Неаполя скифского с изображением животных (табл. 55, 8), павершие в виде трезубца со стилизованными бараньими головками (табл. 51, 4) оттуда же (Шульц П. Н., 1953, табл. XIV, 1; Погребова Н. П., 1961, рис. 28, 9), а также вышеупомянутые бараньи головы на очажных подставках.

Монеты. Собственно скифскими и в то же время ольвийскими монетами являются монеты царя Скилура, чеканенные в Ольвии (II в. до н. э.). В настоящее время известны три типа этих монет с именем царя и названием города. Редкость и малочисленность их объясняются кратковременностью подчинения Ольвии скифскому царю Скилуру, единственным свидетельством чего являются данные монеты (Фролова Н. А., 1964). Новый период подчинения Ольвии скифским царям во второй половине I в. н. э. отражают ольвийские монеты царей Фарзоня и Иненсимея, также немногочисленные (Зограф А. П., 1951, с. 137, 138; Раевский Д. С., 1973, с. 115 сл.). Однако территория находок этих монет говорит о том, что названные цари правили не крымскими скифами, а племенами, жившими к северо-западу от Ольвии (Сальников А. Г., 1960, с. 90—95; Каришковский П. И., 1962, с. 120, 121).

Находки монет на скифских поселениях Крыма и в погребениях крайне редки, что свидетельствует о преобладании натурального обмена над денежной торговлей. Своей чеканки на территории крымского позднескифского государства не было. Среди найденных (преимущественно в Неаполе) монет — херсонесские I в. до н. э. — III в. н. э., одна тирская II в. до н. э., немного пантикапейских II в. до н. э. — II в. н. э. и нафлагонских I в. до н. э., а также римские императорские монеты I—III вв. н. э., причем известны два клада, зарытых в III в. н. э. (Харко Л. П., 1961). Иногда монеты просверливались и использовались в качестве подвесок (Симонович Э. А., Голенко К. В., 1960).

Эпиграфические находки. За все годы раскопок в Неаполе найдено девять лапидарных надписей на греческом языке (Латышев В. В., 1916, № 668—673; Соломонок Э. И., 1958, 1962; Дашевская О. Д., 1960; Раевский Д. С., 1973). Наиболее значительна надпись на постаменте от конной (?) статуи Скилура с именем этого царя — сына царя (имя не сохранилось), свидетельствующая о наследственном характере царской власти. На фрагменте одной из надписей середины I в. н. э. читается имя Ходарза, которому, по убедительному восстановлению Д. С. Расв-

ского, предшествовал титул царя, с чем не согласны В. В. Латышев и Э. И. Соломоник.

Остальные надписи, высеченные на постаментах статуй, содержали посвящения от имени живших в скифской столице греков различным греческим богам. Среди этих памятников выделяются четыре благодарственные надписи Посидея, родосца по происхождению, II в. до н. э. В одной из надписей Посидей упоминает о своей победе над пиратствующими сатархеями — племенем, локализуемым одним исследователями в северо-восточном Крыму (Соломоник Э. И., 1962, с. 39; Десятчиков Ю. М., 1973а, с. 133—138), другими — в северо-западном (Щеглов А. П., 1966, с. 146—157; 1978, с. 133).

Выше упоминались два позднескифских надгробных рельефа первых веков нашей эры с надписями из Голубинки (Фоти-Сала) и Марьица. Эти эпитафии показывают, что скифы в редких случаях, желая запечатлеть на стеле имя умершего, пользовались для этого греческой письменностью.

В числе эпиграфических находок следует назвать и обнаруженную в Неаполе серебряную тарелочку александрийского происхождения, на дне которой пунктиром выбита надпись боспорской царицы Гипеирии (середина I в. н. э.). Возможно, этот предмет попал в Неаполь в качестве дара боспорцев (Яценко И. В., 1962).

Хозяйство. Значительную роль в хозяйстве поздних скифов Крыма играло земледелие. Сеяли пшеницу, ячмень, просо.

Поскольку ни одного железного лемеха не обнаружено, можно полагать, что плуг был деревянным. Железные мотыги (табл. 57, 1, 2), применявшиеся, очевидно, для обработки огородов, и серпы пайдепы на городищах Южно-Донузлавском и Альма-Кермен (Высотская Т. П., 1961, с. 78, рис. 3, 4). Для размола зерна служили часто встречающиеся на поселениях седловидные зернотерки из песчаника, прямоугольные и круглые жернова-толкатчи из вулканической брекчи (табл. 57, 7), подражающие греческим, известняковые ступы (57, 8).

Имеются данные о занятиях скифов виноградарством и виноделием. В Неаполе найдены угли от виноградной лозы, на Тарпанчи — зерна винограда. Для срезания винограда скифы пользовались крипыми ножами, подобными греческим (табл. 57, 12). Один такой нож найден на Южно-Донузлавском городище, два — на Альма-Кермене. Давильни для винограда иногда высекали в скале. Применялись и переносные тарапаны. В первую очередь с виноделением, хотя и не только с ним, связаны греческие пифосы, употреблявшиеся скифами.

Большое развитие получило скотоводство. По костным остаткам из Неаполя первое место принадлежит лошади, которая не только служила для езды, но и употреблялась на мясо (Цалкин В. И., 1954). По данным других городищ, в стаде преобладал мелкий рогатый скот, крупный был почти наравне с лошадью (Высотская Т. П., 1972, с. 173). Свиноводство было развито слабо. В небольшом количестве имелись ослы. Держали также собак. Помимо остеологических данных, встречены их изображения (как и лошадей) на надгробных рельефах и в живописи неапольского склепа 9.

Охотничий промысел не имел существенного эко-

номического значения в хозяйстве крымских скифов, хотя фауна Крыма в те времена была довольно богата. В памятниках искусства найдены отражения охота с собаками на оленя (южно-Донузлавский рельеф) и кабана (неапольский склеп 9).

Рыболовство засвидетельствовано в приморских поселениях северо-западного Крыма находками рыбьих костей, рыболовных бронзовых крючков и грузил из двустольных ручек светлоглиняных амфор.

Существенную роль в хозяйстве играли различные домашние ремесла. О занятиях крымских скифов прядением и ткачеством можно судить по найденным повсеместно глиняным пряслицам и грузилам (табл. 57, 13, 15, 16). В Усть-Альминском могильнике обнаружены деревянные веретена (Высоцька Т. М., Лобода I. I., 1984). Для шитья одежды и обуви употреблялись бронзовые иглы, костяные проколки (табл. 57, 5, 6), железные шилья и ножницы (табл. 57, 4, 10). Для обработки кожи служили заостренные ребра животных и, возможно, костяные распилы (табл. 57, 3). Признаком бронзолитейного производства являются остатки бронзового шлака, найденные в Неаполе глиняные льячки, тигель, форма для отливки налбюпка (Высотская Т. П., 1979, с. 120—122, рис. 5). Железные шлаки и изделия (орудия, оружие, ключи, гвозди) указывают на местное железоплавильное и кузнечное дело. Особенно распространены были железные ножи с деревянными рукоятями (табл. 57, 9). Повсеместно встречены точильные камни из песчаника в виде больших плит, крупной морской гальки или оселков с отверстием для подвешивания (табл. 57, 14).

Обработка дерева и кости представлена различными ремесленными изделиями, но многие из них не могли сохраниться. В связи с развитием каменного домостроительства можно предполагать у поздних скифов ремесла каменщиков, плотников. Орудия, которыми вырубали в скальном или глинистом материале подвалы, ямы, склепы, пока не найдены.

Важную роль в экономике поздних скифов играла торговля с греческими городами, носившая в основном характер натурального обмена. Скифы экспортировали продукты сельского хозяйства. Ближайшим центром, снабжавшим скифов Крыма вином, маслом, посудой, предметами роскоши и прочими товарами, был Херсонес. Он выполнял и посредническую роль. В транзитной торговле посредником была, очевидно, в период подчинения и Ольвия. Позже усиливается торговое значение Боспора. Основой для определения торговых связей являются амфоры, составляющие не менее 70% всех керамических находок.

На ручках эллинистических амфор из раскопок Неаполя зафиксировано 186 клейм. Они распределяются по центрам производства следующим образом: Родос — 127, Херсонес — 24, Книд — 16, Кос — 9, Синопа — 3, неизвестные центры — 7. Поскольку Родос клеймил обе ручки амфоры и количество клейменных амфор по отношению к неклеяемым было там в 5 раз больше, чем в других центрах (Брашнинский И. Б., 1976), то в приведенном перечне для Родоса должна быть принята цифра 12,7, что отодвигает его на третье место.

Состав амфор остальных скифских поселений цент-

рального Крыма, по имеющимся в настоящее время данным, повторяет состав амфор Неаполя. Это говорит в пользу возможности существования централизованной внешней торговли в Скифском государстве.

Наряду с заморскими товарами из Херсонеса к скифам завозились херсонесское вино и херсонесская черепица, а также местная посуда.

В конце I в. до н. э. — I в. н. э. преобладает южно-понтский импорт — синопские неклеимые амфоры, светлоглиняные и коричневоглиняные (Михлин Б. Ю., 1974а). Следующее место занимают различные красноглиняные амфоры, одним из центров производства которых являлся Херсонес. Во II—III вв. н. э. Неаполь продолжает торговлю с Херсонесом и усиливает торговлю с Боспором. Наряду с узкогорлыми появляются большие широкогорлые боспорские амфоры с массивными ручками и реберчатыми стенками.

Амфоры с городищ юго-западного Крыма, где жизнь продолжалась до рубежа III—IV вв. н. э., представлены теми же основными типами, что и в Неаполе, с той разницей, что там в связи с посредничеством Херсонеса в торговле преобладали херсонесские и южнопонтские амфоры (Кадеев В. И., 1970, с. 154 сл.), тогда как контакты с Боспором отражены слабее.

Античная посуда (табл. 58), постоянно употреблявшаяся крымскими скифами, частично могла производиться проживавшими среди скифов греческими ремесленниками, но основная ее масса поступала в результате внешней торговли.

В слоях на поселениях и в погребениях III—II вв. до н. э. встречаются единичные поздние аттические чернолаковые сосуды (табл. 58, 5—8), делосского и пергамского производства мегарские чаши (табл. 58, 9), херсонесские расписные кувшины (табл. 58, 1), веретенообразные флаконы (табл. 58, 10, 11). В Неаполе найден фрагмент родосского расписного лагиноса (Махнева О. А., 1967). На поселениях изредка встречается простая гончарная и кухонная греческая посуда.

В следующий период (I в. до н. э. — I в. н. э.) в быту крымских скифов античная посуда распространяется шире, составляя в целом около 35% всей посуды (не считая амфор). Обычно простая гончарная керамика (кувшины, миски, сковороды), тонкостенная без лака (небольшие горшочки и кувшинчики). Появляется сероглиняная привозная посуда, покрытая серым или черным ангобом, а зачастую жидким черным лаком. К последней относятся сосуды-фильтры с ситом в горле и носиком, найденные на Южно-Донузлавском городище (Дашевская О. Д., 1972, рис. 26, 2). Интересен встреченный здесь пергамский канфар I в. н. э., покрытый зеленовато-коричневой поливой, с рельефным орнаментом из овов, желудей и дубовых листьев (Голенцов А. С., 1971).

На скифских поселениях Крыма в этот период, как и в могильниках, обычно краснотаковая керамика. К наиболее ранней относятся пергамские канфары, кубки с орнаментом в технике «барботино» (табл. 58, 16) и другая рельефная керамика, различные кувшины с белой росписью, миски конусовидные с изогнутыми ручками, иногда с кругом из штампованных насечек (табл. 58, 20) или клеймами в виде

ступни малоазийского происхождения, италийские мисочки с густым темно-красным лаком. В могильнике Неаполя найден рельефный кидский двуручный кувшин с изображениями Эрота и Гермеса (табл. 58, 17; Ваулина М. И., 1959). Повсеместно встречаются различные краснолаковые кувшины, миски, среди которых преобладают полусферические (табл. 58, 22), покрытые лаком внутри, а снаружи — только в верхней части. Наряду с веретенообразными балзамариями появляются бутылкообразные (табл. 58, 25, 26). Значителен херсонесский импорт.

Краснотаковая керамика II—III вв. н. э. представлена в Неаполе, на поселениях и в могильниках юго-западного Крыма (табл. 58, 31, 33—42). Это разнообразны кувшины, миски, высокие бокаловидные чаши, различные блюда (в том числе овальные). Часть керамики происходит из Малой Азии и попала к скифам через посредничество Херсонеса. Наряду с нею скифы приобретали и херсонесскую краснолаковую посуду. Дата позднейшей краснотаковой керамики Неаполя не выходит за пределы III в. н. э. (овальные блюда), что указывает на прекращение жизни в столице крымских скифов не позже этого времени.

Большую редкость у поздних скифов представляют металлические сосуды, все они импортные. Таковы упомянутая александрийская серебряная тарелка с надписью боспорской царицы Гипеирии I в. н. э., серебряная подвесная чаша из мавзолея Неаполя, италийская бронзовая ойнохоа из Чернореченского могильника и др.

Позднескифская культура развивалась в условиях уже сложившегося государства, которое иногда считают рабовладельческим (Артамопов М. И., 1947, 1948, с. 69 сл.), хотя для этого нет ни письменных (Граков Б. Н., 1954, с. 30), ни археологических данных, как уже достаточно ясно по раскопкам могильников. После утраты скифами значительной степной территории, пригодной для кочевого скотоводства, экономической базой их государства стало главным образом земледелие. Спецификой этого позднего этапа являются оседлый с городскими чертами образ жизни, значительное расширение торговли с античными центрами, влияние греческой, а затем римской и сарматской культур.

Вместе с притоком населения из Приднепровья в Крым проникали кельтские и фракийские элементы. В то же время в Крыму появляются нижнеднепровские типы керамики (особенно в северо-западном Крыму). Влияние римлян сказалось в обряде погребения (случаи трупосожжения в могильниках Бельбек I и Чернореченском), в находках на городищах и инвентаре могильников.

Еще более сильным было влияние сарматов, особенно проявившееся на периферийных поселениях. Проникновение сарматов в Крым прослеживается тремя этапами — с III в. до н. э. по II в. н. э. Если вначале отношения были враждебными, то уже декрет в честь Диофанта (конец II в. до н. э.) говорит о союзничестве скифов и сарматов. Усилившаяся сарматизация местного населения свидетельствует в пользу мирных отношений с сарматами. Однако сарматские элементы в обряде погребения поздних скифов не следует преувеличивать. Так, падо иск-

лючить из признаков сарматизации распространение подбойных могил, скрещенные ноги и согнутые руки погребенных. Более надежными признаками остаются деформация черепов, наличие колод, некоторые формы оружия (мечей) и украшений, характерные сарматские зеркала. У сарматов были заимствованы скифами тамгообразные знаки. В целом же позднескифская культура имела свой, особый характер.

Поздние скифы в нижнем Приднепровье

Нижнее Приднепровье занимало в Малой Скифии периферийное положение. Позднескифские памятники, выделяющиеся как локальный вариант позднескифской культуры (Шульц Н. П., 1974), расположены по обоим берегам низовьев Днепра, от его устья до г. Никополя (см. карту 11).

Впервые описанием нижнеднепровских поселений занялось в 60-х годах прошлого века Одесское общество истории и древностей (Чирков А. П., 1867). Археологические исследования здесь начал в 1895 г. и продолжил в 1909 г. В. И. Гошкевич, который нанес на карту большинство известных в настоящее время городищ, опубликовал их описание и планы и провел небольшие раскопки на Николаевском (бывш. Козацком) городище (Гошкевич В. И., 1913). Там же вел раскопки и немецкий археолог М. Эберт. Он раскопал также 16 могил в Николаевском некрополе (Ebert M., 1913). На Белозерском городище копал Г. Л. Скадовский (1897).

А. П. Чирков и В. И. Гошкевич считали нижнеднепровские городища ольвийскими факториями. Г. Л. Скадовский, а также М. И. Ростовцев (Rostovtzeff M., 1922, p. 65) предполагали, что их население было наполовину греческим. М. Эберт усматривал проникновение германцев в среду варварского местного населения. И. В. Фабрициус допускал здесь наличие римских военных поселений (1929, с. 13).

Изучение нижнеднепровских городищ расширилось в советское время, когда стал вести систематические работы Херсонский музей. С 1938 г. Б. Н. Граков приступил к раскопкам Каменского городища, на акрополе которого имеется позднескифский культурный слой. Большие исследования развернулись в 50-х годах в связи со строительством Каховской ГЭС и затоплением значительной территории. Открыты были ранее неизвестные поселения (у сел Знаменка, Гавриловка, Лепетиха, Горностаевка, Берислав, Дудчаны, Львово и др.), проведены многолетние раскопки на городищах Знаменском (Каменском акрополе), Гавриловском (Погребова Н. Н., 1958), Любимовском (Дмитров Л. Д. и др., 1961), Золотая Балка с некрополем (Вязьмитина М. Л., 1962, 1972). Затем значительные раскопки могильников Николаевского и Красный Маяк (быв. Бизюков монастырь) провел Э. А. Сымонович (1969, с. 74—80, 1971).

В противоположность первым исследователям нижнеднепровских городищ М. И. Артамонов и Б. Н. Граков указывали на принадлежность этих памятников местному скифскому населению (Артамонов М. И., 1948; Граков Б. Н., 1954). Б. Н. Граков пришел к выводу о непрерывности культурной традиции между населением Каменского городища (ко-

нец V—III в. до н. э.) и малых городищ нижнего Днепра (II в. до н. э.—III в. н. э.). Обобщающей работой о поздних скифах нижнего Приднепровья явилась диссертация Н. Г. Елагинной, которая датирует прекращение жизни на самых поздних поселениях IV в. н. э. (1953, 1958). Сводные главы с учетом более новых открытий даны в коллективных трудах «Археология УРСР», т. 2 (1971) и «Археология УССР», т. 2 (1986).

Поселения. В настоящее время на нижнем Днепре известны 16 позднескифских городищ и 5 могильников, из них 11 городищ по правому берегу и 5 — по левому. Самым северным является Знаменское (акрополь Каменского городища), наиболее крупное и, возможно, имевшее особое значение. Поселения эти расположены на высоких местах берега, с одной или двух сторон защищены оврагами. Основная площадь городищ 1,5—3,5 га. В некоторых случаях (выделяющееся своими размерами — 27 га — Знаменское, а также Николаевское, Консуловское) эта площадь представляла собой акрополь, вокруг которого затем сооружалось внешнее укрепление, в результате чего общая площадь поселений достигала 7—12 га. Гавриловское и Саблуковское городища имели по три линии обороны. На Николаевском и Гавриловском выявлены квадратные башни, примыкавшие к стенам и фланкировавшие ворота.

Планировка оборонительных сооружений зависела от рельефа местности. Как акрополь, так и внешнее укрепление защищалось каменной стеной (последнее иногда валом) и рвом. Стены имели два панциря из крупного рваного камня на глиняном растворе и забутовку из мелкого камня. Толщина стен акрополей составляла от 2 до 4,5 м. Внешние укрепления имели менее мощные стены толщиной 1—1,5 м. На Знаменском городище поверх внешнего вала была воздвигнута сырцовая стена.

При застройке поселений применялся принцип прямоугольной планировки; прослеживаются кварталы, разделенные улицами (Вязьмитина М. Л., 1971, с. 217).

Общественные здания на поселениях, вероятно, были, но ввиду плохой сохранности о них следует говорить лишь предположительно. Таковы, возможно, крупное здание III—II вв. до н. э. на акрополе Знаменского городища, крытое синопской черепицей (Погребова Н. Н., 1958, с. 121), а также здание 17 с каменными базами от деревянных столбов на Золотой Балке (Вязьмитина М. Л., 1962, с. 69, 70; 1971, с. 218, 219). Здание 10, каменно-глиняное, квадратное в плане, площадью 36 кв. м, имело большой жертвенник — округлую глиняную площадку с солярным знаком в виде креста с четырьмя овалами в его углах (Вязьмитина М. Л., 1962, с. 93, 94, 213, рис. 86, 7).

Для большинства поселений II—I вв. до н. э. характерны глинобитные жилища, иногда на каменной основе. Верхние части их стен состоят из глинобитной массы с мелкими рваными камнями. Бытовали и каркасные дома. С рубежа нашей эры (а на Знаменском городище — с самого начала) распространяется каменная архитектура.

Каменные жилища построены без фундамента из рваного (редко — грубо подтесанного) камня на глиняном или земляном растворе. Стены обычно

двухпанцирные с забутовкой из мелкого камня. Все жилища прямоугольные, однокамерные или многокамерные (табл. 49, 3—6). Последние, насчитывающие до восьми помещений, чаще всего вытянуты по одной линии вдоль общей длинной стены, но иногда образуют комплексы (усадебь) с более сложной планировкой. Известны также здания с «сенями», типа мегарон (Золотая Балка). Исключение составляют оштукатуренные изнутри стены, а также кладка в «елочку». Полы были земляными или глинобитными, изредка встречаются вымостки из небольших плит. Перекрытия, вероятно, были глиняными на деревянной основе.

В зданиях в углу и вдоль стен, а также с внешней стороны у входа устраивались хозяйственные загородки из поставленных на ребро или (реже) уложенных плашмя каменных плит. Очаги в помещениях представлены следующими типами: глинобитные площадки посреди помещений; глиняные жаровни, вмазанные в каменное основание; каменные печи; очаги, обложенные камнями. Некоторые помещения в жилых комплексах имели хозяйственное назначение. В них встречаются ямы грушевидной формы глубиной до 3 м, служившие для хранения зерна и других продуктов. Ямы делали и вне помещений.

Для поселений характерно наличие зольников, расположенных обычно на окраинах. В ряде случаев в основе зольных холмов выявлены мусорные ямы, также заполненные золой, битой керамикой и др.

Погребальные памятники и обряд захоронения. В нижнем Приднепровье известно несколько курганных позднескифских погребений. Рядом со Знаменским городищем раскопан курган, содержавший основное погребение II в. до н. э. в катакомбе II типа, с камерой, ориентированной северо-запад—юго-восток; два покойника лежали головами на северо-запад (ко входу). Инвентарь, оставшийся после ограбления, — амфора, лепная посуда, бронзовая стрела и позднелатенская фибула (Граков Б. Н., 1954, с. 201—202). Около Белозерского городища в курганной группе раскопано несколько впускных могил первых веков нашей эры с восточной ориентировкой покойников; инвентарь — краснолаковая и лепная керамика, зеркала, фибулы, пряжки (Вязьмитина М. И. 1971, с. 225).

Особняком стоит богатое погребение (разграбленное) конца II в. до н. э. в валу Знаменского городища. Интересно наличие в нем золотых лицевых пластин (табл. 51, 34—36), остальной инвентарь — мегарская чаша, лепная мисочка корчеватовского типа, веретенообразный флакон, сапожковый светильник (табл. 59, 3, 4, 31, 32), золотые пронизи, бусы (Погрובה Н. Н., 1956).

На нижнем Днепре раскопкам подвергались три позднескифских бескурганых могильника: Золотобалковский, Николаевский (быв. Козацкий) и Красный Маяк (быв. Бизюков монастырь). Есть сведения еще о двух могильниках — у сел Львово и Широкая Балка.

Некрополь Золотой Балки является наиболее ранним из бескурганых могильников (конец I в. до н. э. — начало II в. н. э.) и наиболее исследованным (Вязьмитина М. И., 1972). Вскрыто 86 могил. Среди них 61 земляной склеп, 5 подбойных, 14 грунтовых ям и 3 каменных ящика.

В Николаевском могильнике исследовано 206 могил I—III вв. н. э., среди них 137 земляных склепов, 31 подбойная могила и 38 грунтовых ям.

Красномаяцкий могильник. На территории бывшего Бизюкова монастыря известны два позднескифских могильника. Первый, к северу от городища, был случайно открыт монахами, которые раскопали 136 могил и передали часть вещей в Херсонский музей (Граков Б. Н., 1954, с. 154; Щукин М. Б., 1970, с. 61). Сведений о характере погребальных сооружений и обряде не сохранилось. В 1975 г. обнаружен еще один могильник, на котором Э. А. Симоновичем в 1976 и 1977 гг. была вскрыта 41 могила I—III вв. н. э. (Симонович Э. А., Гей О. А., 1978). Среди них 35 земляных склепов, 3 подбойные могилы и 3 грунтовые ямы. Кроме того, обнаружено 1 разрушенное безурновое трупосожжение с небогатым инвентарем.

Итак, на всех трех исследованных позднескифских некрополях нижнего Приднепровья представлены одни и те же типы погребальных сооружений: земляные склепы, подбойные могилы и грунтовые ямы. Количественно везде преобладают захоронения в земляных склепах.

Земляные склепы почти все имеют Т-образную планировку (табл. 52, 11, 12). Входные ямы их — овальной либо прямоугольной с закругленными углами формы, длиной от 0,75, до 3 м. Выделяются варианты с овальной размерами до 2,50 × 3 м и с круглой в плане камерой, причем первый преобладает. Как правило, входные ямы ориентированы меридионально или с юго-запада на северо-восток, а камеры примыкали с севера или северо-востока. Четыре склепа Николаевского могильника имели входную яму, ориентированную широтно, и камеру, расположенную с востока, меридионально. Для земляных склепов Красного Маяка характерны неправильные формы, диспропорция между размерами входной ямы и камеры. В Николаевском могильнике встречены еще небольшие детские склепы, длина камеры которых равна ширине входной ямы, и два склепа с входной ямой и камерой, продолжающими длинные оси друг друга. Вход в камеру закладывался камнем. Ориентировка покойников в основном северо-западная, реже — юго-восточная, единична северная.

Захоронения в земляных склепах одиночные, парные и многократные (до восьми человек). В Золотой Балке одиночных нет. Здесь и в Николаевке, как правило, покойники были положены по отношению ко входу перпендикулярно. В Красном Маяке покойники иногда лежат головой (14 случаев) или ногами (2 случая) ко входу.

Подбойные могилы состояли из овальной входной ямы длиной от 0,80 до 2,80 м и шириной от 0,50 до 1,10 м и подпрямоугольной или овальной камеры (подбоя) почти таких же размеров. Глубина достигала 1—2,30 м от современной поверхности. Камера отделялась от входной ямы ступенькой (табл. 52, 10). В некоторых случаях вход в камеру заложен камнями. Входные ямы и камеры подбоев в Золотой Балке были ориентированы меридионально (камеры — преимущественно с запада), а в Николаевке чаще всего с юго-запада на северо-восток, в Красном Маяке — с юго-востока на северо-запад.

Часто считают подбойные могилы более поздними,

чем земляные склепы и ямы. Однако Золотобалковский могильник дает поздние погребения как раз в земляных склепах (могилы 8 и 25). Многие подбойные могилы безыскусны и не поддаются датировке. Сложившаяся тенденция, согласно которой подбойные могилы связываются с сарматским этносом, требует пересмотра (Дашевская О. Д., 1984).

Могилы в виде грунтовых ям имели овальную или прямоугольную в плане форму (табл. 52, 13). Длина их 1,5—2,5 м, ширина 0,50—1 м, глубина 1—2 м. На поверхности грунтовые ямы в отличие от склепов и подбоев ничем не отмечены. Такие могилы были предназначены для одиночных погребений, лишь в одном случае (Золотая Балка) зафиксировано парное.

В Золотой Балке обнаружены три разрушенных каменных ящика, трапециевидных в плане. Человеческих костей в них не оказалось. Найдены лишь кости лошади, предметы конской упряжи, керамика. Дата — I в. н. э. (Вязьмитина М. И., 1972, с. 99).

Ориентировка погребений не была единой. В земляных склепах преобладала западная и северо-западная, а в подбоях и грунтовых ямах — северная и южная (с отклонениями). Поза погребенных — положение на спине как с вытянутыми конечностями, так зачастую с одной или обеими руками, сложеными на животе, и со скрещенными ногами — является в своих вариантах общей для всех видов могил в трех некрополях. Обычай класть покойника на плоские камни отмечен во многих погребениях Золотобалковского и Николаевского могильников. Иногда встречаются остатки деревянного настила, коры, кошмы, режее — гробов. Довольно характерна подмазка дна могил зеленоватой глиной.

Погребальный инвентарь в нижнеднепровских могильниках менее обилен, чем в крымских, но представлен в основном теми же категориями вещей. И здесь наибольшее их количество сосредоточено в земляных склепах, а в других могилах сопровождающие предметы были единичны или чаще совсем отсутствовали.

Сосуды ставили в головах или в ногах покойника. Для Золотой Балки наличие в могилах посуды присуще, как правило, женским погребениям (Вязьмитина М. И., 1972, с. 114, 115). Из орудий труда обычны ножи, точильные камни, пряслица, режее в могилу клали иглы, шилья, иногда встречаются замки и ключи.

Фибулы находились на плечах и груди скелета как в мужских, так и в женских погребениях. Железные и бронзовые пряжки обычны на поясе у мужчин. В мужском погребении III в. н. э. Николаевского могильника встречен костяной гребень. В некоторых погребениях отмечены железные или бронзовые ручные браслеты, а в наиболее ранних — ножные, серьги (у мужчин по одной), кольца, перстни. Бусы, весьма многочисленны, характерны для женских погребений, они встречались как в ожерельях, так и в окаймлении рукавов и подола; возле головы найдены бронзовые зеркала, а также кусочки красной краски (румяна).

Оружие представлено лишь в некоторых мужских погребениях, главным образом в Золотобалковском могильнике. Это мечи, кишжалы, копья, малочисленные стрелы. Деревянные луки не сохранились. Стрелы железные черешковые, трехлопастные (табл. 54,

23, 24). Копья имели перо остролистной формы (табл. 54, 25), длина наконечников — от 23 до 60 см. Из пяти найденных мечей большинство — длинные (до 95 см) двухлезвийные с прямым перекрестьем и иногда суженной кверху рукоятью (табл. 54, 21). Отличается от всех меч латенского типа длиной 65 см с бронзовым плоским навершием без перекрестья, с пологими плечиками и закругленным концом клинка (табл. 54, 22). Встречен железный кишжал с остатками деревянных ножен.

Конское снаряжение представлено единичными экземплярами. Таковы железные удила с железными исалиями северокавказского происхождения, найденные в Золотобалковском могильнике, датируемые рубежом нашей эры (табл. 54, 20; Вязьмитина М. И., 1972, с. 99—103, 124, рис. 45, 60, 7). К более ранним прототипам восходят железные восьмеркообразные исалии.

С покойниками клали и предметы, имевшие магический смысл: кольца с выступами, различные подвески и амулеты, причем детским погребениям наиболее присущи просверленные зубы животных и раковины. В некоторых могилах встречаются куски мела и угля. В земляных склепах зафиксированы остатки жертвенной пищи (кости лошади или коровы) иногда на блюдах, иногда поверх ног покойника. В Золотой Балке у входа в камеру отмечены остатки жертвоприношений, связанных с тризной, в виде частей конских скелетов или целого скелета овцы, а также целый скелет коня над одной из могил (Вязьмитина М. И., 1972, с. 110—112). В Николаевке и Золотой Балке в нескольких могилах обнаружены панцири черепах. Изредка встречаются кости собак (сторожей?). От тризны, видимо, остались и обломки амфор у входа в некоторые могилы.

На Золотобалковском могильнике были и специальные жертвенные ямы, бочковидные и цилиндрические, глубиной и диаметром до 2 м. Они содержали кости животных, обломки амфор, лепных и гончарных сосудов.

На этом же некрополе зафиксированы группы камней, вымостки и стелы, которыми могилы (земляные склепы) были отмечены на поверхности. В отличие от Крыма здесь нет стел с изображениями, а известны только плоские необработанные плиты высотой от 0,50 до 0,90 м (Вязьмитина М. И., 1972, с. 105—106, рис. 51).

Антропологические исследования, проведенные Т. С. Кондукторовой (1972), показали скифскую принадлежность населения, оставившего данные могильники.

Лепная керамика. Местная посуда (табл. 59, 1—27) характеризуется глиной, обычно черной в изломе, с серой или желтоватой поверхностью, с применением примесей песка, шамота, известковых частиц, иногда кварца и слюды. Часть столовой посуды имела лощеную поверхность.

Как и у крымских скифов, наиболее распространенной формой посуды были разного рода горшки. Для хранения продуктов служили большие горшки высотой до 0,50 м, простые и лощеные (табл. 59, 1, 5, 10, 21). Они имеют более или менее отогнутый венчик, биконическое или овальное тулово и узкое дно. Часто по венчику проходил орнамент из пальцевых вдавлений, иногда по плечикам — валик с

вдавляниями или вертикальные ребра и шишечки. Лощенные горшки обычно имели рельефный или углубленный орнамент в виде различных дужек, спиралей, иногда в сочетании с шишечками. Интересно валенное изображение рук на сосуде с Гавриловского городища (Погребова Н. Н., 1958, рис. 31, 8).

Простые кухонные горшки, продолжающие скифские керамические традиции, имели по преимуществу расширенное в верхней части тулово и узкое дно. Бытовали и формы с покатыми плечиками. Около 50% горшков орнаментировано пальцевыми вдавлениями по краю. Изредка орнамент наносился по плечикам (Погребова Н. Н., 1958, с. 132—134). Известны фрагменты горшков с ручками-упорами, аналогичных фракийской посуде. Памного реже, чем в Крыму, встречаются небольшие горшки с ручками, напоминающие кружки, главным образом лощеные, а также ковши (табл. 59, 18, 23, 24).

Миски являлись обычной столовой посудой. Более ранние из них, полусферические с загнутым внутрь краем, простые и со сглаженной поверхностью, встречены в небольшом количестве, как и простые конусообразные миски на полом цилиндрического поддоне, чаще всего лощеные, возможно, в некоторых случаях служившие крышками (Погребова Н. Н., 1958, с. 137, 138; Вязьмитина М. И., 1972, с. 126, 127, рис. 61). К ним близки плоски на высоком поддоне, использовавшиеся как светильники (табл. 59, 16, 20). Большое распространение на нижнеднепровских городищах получили остросереберные конические лощеные миски зарубинецкого типа (табл. 59, 13). Интересны небольшие глубокие мисочки с вертикальными ручками (одной или двумя), прикрепленными нижним концом ко дну, западного происхождения (Погребова Н. Н., 1958, с. 140, рис. 16, 9, 10). Фрагментами представлены на поселениях большие плоские блюда или сковородки, иногда с вдавлениями по краю.

Кувшины (табл. 59, 26, 27) преобладали лощеные с плоскими или квадратами в сечении или желобчатыми ручками, иногда с зооморфными (Вязьмитина М. И., 1962, рис. 67, 3). В формах кувшинов наблюдается как сарматское, так и греческое влияние (Вязьмитина М. И., 1971, с. 229).

Помимо упомянутых плошек на поддоне, бытовали лепные сапожковые светильники (табл. 59, 4). Единственный лепной двухрожковый светильник, подражающий античным, встречен в Золотой Балке (Вязьмитина М. И., 1962, с. 143, рис. 46, 3).

Стеклянные сосуды на поселениях представлены единичными фрагментами. В Золотобалковском могильнике найдена полусферическая стеклянная чаша, а в Николаевском — цилиндрический кубок с овальными фасетками IV в. н. э. (Вязьмитина М. И., 1971, с. 236).

К предметам туалета относятся небольшие дисквидные бронзовые зеркала с деревянной ручкой, зеркала-подвески (табл. 55, 43, 44). Костяной многочастный гребень с железными заклепками найден в погребении III в. н. э. Николаевского могильника (Сымопович Э. А., 1969, с. 79, рис. 38, 7). Из этого же могильника происходит бронзовый ключ в виде гермы (Вязьмитина М. И., 1971, с. 234, рис. 75, 3), возможно, относящийся к туалетной шкатулке.

Одежду женщины обычно украшали бусами. Во-

рот, рукава, подол обшивали мелкими голубыми или бесцветными с внутренней позолотой стеклянными бусинами. Из бусин делали браслеты для рук и ног. Ожерелья составлялись из разнообразных бус, главным образом стеклянных (в том числе и непрозрачных глазчатых), а также из янтаря, гагата, сердолика, реже — халцедона и горного хрусталя. Ожерелья носили и дети (Вязьмитина М. И., 1972, с. 136—142, 171). Нашивные бляшки очень редки.

Мужчины носили кожаные пояса чаще всего с прямоугольными железными (табл. 55, 45, 47, 48), а иногда и с бронзовыми пряжками. Во II—III вв. н. э. появляются овальные пряжки с круглым щитком (табл. 55, 49; Вязьмитина М. И., 1971, с. 234, 235; 1972, с. 133—135, рис. 66). Встречаются бронзовые поясные кольца (табл. 55, 46), костяные пуговицы. Единичны треугольные наконечники пояса (Погребова Н. Н., 1958, с. 161, рис. 10, 8).

Фибулы, бронзовые и железные, носили в качестве застёжек, украшавших одежду, мужчины, женщины и дети. Самые ранние фибулы — бронзовые среднелатенской схемы. Наиболее распространены были бронзовые позднелатенской схемы, так называемые воинские, рубежа I в. н. э. (табл. 55, 50, 51) и железные лучковые подвязные I—II вв. н. э. (табл. 55, 52). Встречены фибулы типа «авдисса». К более поздним (II—IV вв. н. э.) относятся арбалетные и двуластинчатые фибулы (табл. 55, 54, 55; Вязьмитина М. И., 1971, с. 234). Две фибулы-броши, шарнирные, с круглым щитком, II в. н. э. обнаружены в могильнике Красный Маяк (табл. 55, 53).

Серьги простейшего типа, служившие и височными кольцами, представляли собой колечки из бронзовой проволоки с заходящими заостренными концами (табл. 55, 58). Иногда на них нанизывали бусины или надевали проволочный стержень с подвеской. Обычны также кольцевидные серьги из витой проволоки с петлей, около которой прикреплялся спиральный щиток, и крючком на другом конце (табл. 55, 61). В двух могилах Золотой Балки рубежа нашей эры найдены пары сложных золотых серег, сделанных из прикрепленных к колечку полых полушарий и шариков, украшенных зернью (табл. 55, 62, 63). Аналогичные серьги известны из Заветнинского могильника в Крыму (табл. 55, 40). Мужчины носили по одной серьге.

Браслеты в отличие от Крыма являлись редким украшением и делались чаще всего из железной, реже из бронзовой проволоки (табл. 55, 56, 57). В Николаевском могильнике встречен бронзовый браслет с конскими головками на концах (Вязьмитина М. И., 1971, с. 236). Кольца и перстни, бронзовые и железные, малочисленны. Имеются перстни со стеклянными вставками (табл. 55, 59) и геммами.

Культовые предметы. Очажные подставки с головами коней или баранов, найденные на поселениях нижнего Приднепровья, носят более ярко выраженный культовый характер, чем подобные предметы из Крыма. Особенно интересны целые подставки, украшенные зигзагами (табл. 51, 32), кружками (соларными символами), фрагменты с изображением всадника и стоящей фигуры — из Золотой Балки (Погребова Н. Н., 1958, с. 229—232; Вязьмитина М. И., 1962, с. 208—213).

Курильницы разнообразны, и ни один тип нельзя считать преобладающим для данного региона. Все они, за исключением двух курильниц Одесского музея (табл. 51, 38; Дашевская О. Д., 1980, рис. 4, 1, 3), найдены в Золотой Балке, на городище и в пекрополе. Это подвесная курильница с яйцевидным туловом, с двумя круглыми отверстиями в стенках, вдавленным орнаментом в виде елочка с одной стороны и тамгообразным знаком — с другой; мисочка с перегородкой; цилиндрическая курильница с горизонтальными ребрами и отверстиями в стенках; низкий открытый дырчатый горшочек (табл. 51, 39—42). Жертвенными считаются четырехгранные или конусовидные суженные книзу сосудики с различным палепным или вдавленным орнаментом (Вязьмитина М. Г., 1962, с. 214; 1971, с. 237).

К культовым предметам относятся глиняные женские фигурки, найденные в Золотой Балке (табл. 51, 50; Вязьмитина М. Г., 1962, рис. 86, 11, 13), а также маленькие орнаментированные глиняные лепешки (табл. 51, 43), бронзовые пишковатые кольца (табл. 51, 37), различные подвески-амулеты: бронзовые в виде колокольчиков, ведерок (в том числе двойных), просверленные зубы животных, астрагалы, раковины, камешки и др. (табл. 51, 44—49).

Предметы искусства. Среди упомянутых выше культовых предметов памятниками скифской глиняной скульптуры являются женские фигурки и очажные подставки. Греческие терракотовые статуэтки единичны: мальчик с гусем, Эрот на козле (I в. н. э.) найдены в Золотой Балке. На том же городище обнаружена мраморная голова Геракла, которая определена как римская копия эллинистического оригинала (Вязьмитина М. Г., 1962, с. 199—202, рис. 83, 84).

Хозяйство. Основу хозяйства жителей нижнеднепровских поселений составляли земледелие и скотоводство. Поэтому на городищах встречаются зернопотерки, терочки, прямоугольные жернова-толкачи эллинистического типа (табл. 57, 18), круглые жернова, ступы. На Любимовском городище обнаружены железный серп. Найдены зерна пшеницы, ячменя, проса. Зерно хранили в глубоких ямах, а также в больших лепных сосудах.

Судя по остеологическим данным, в стаде преобладал мелкий и крупный рогатый скот, затем следовали лошадь и свинья. В Золотой Балке найдены кости верблюда. Среди домашних животных была и собака. На поселениях обнаружены кости животных, на которых охотились, — благородного оленя, дикого кабана, бобра, лося, зайца, лисицы и др.

Существенную роль играло рыболовство. Часто встречаются камешные грузила от сетей, реже — бронзовые крючки от удочек (табл. 57, 20). Рыбьи кости и чешуя, а также раковины речных моллюсков — постоянные находки в культурных слоях.

Ремесленное производство не было развито. И строительное дело, и изготовление различных необходимых предметов имели домашний характер. Местную посуду делали без гончарного круга. Свидетельствами прядения и ткачества являются глиняные (лепные и из стенок сосудов) и свищовые пряслица, пирамидальные и конусовидные слабого обжига и каменные грузила (табл. 57, 23—25, 28, 29). Для шитья одежды использовались костяные, железные

и бронзовые иглы, железные четырехгранные шилья (табл. 57, 20). Заостренные вдоль края ребра животных, вероятно, служили для обработки шкур.

Распространенными железными орудиями являлись ножи с прямой или горбатой спинкой и деревянной, реже — костяной рукоятью (табл. 57, 27). Известны небольшие железные топоры. О местном производстве железных изделий свидетельствуют незначительные находки шлака. На городищах Золотая Балка и Знаменском найдены глиняные литейные льячки (табл. 57, 17). Из прочих орудий типичны точильные плитки и оселки (табл. 57, 18), каменные и глиняные (из ручек и стенок амфор) ложила и растиральники (Погребова Н. Н., 1958, с. 160).

Торговля. Амфоры, встречающиеся в нижних слоях городищ, относятся ко II—I вв. до н. э. и происходят из различных средиземноморских и южнопричерноморских центров — Родоса, Коса, меньше — из Синопы, что указывает направление торговых связей этого периода. В конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. на Знаменском городище преобладающими становятся поздние синопские амфоры с конусообразной ножкой, а на других поселениях — светлоглиняные с двустольными ручками и желудеобразной ножкой, с одностольными ручками — также южнополютийского происхождения. В небольшом количестве на поселениях встречаются обломки светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками I—II вв. н. э. и амфор красной глины с псевдодвустольными и овальными в сечении ручками. Небольшая светлоглиняная узкогорлая амфора III в. н. э. найдена в Николаевском могильнике. В поздних слоях некоторых поселений (III в. н. э.) обнаружены фрагменты амфор с желобчатой поверхностью (Вязьмитина М. Г., 1971, с. 231—232).

Античная посуда, попадавшая на нижнеднепровские поселения путем импорта, наряду с амфорами служит важным показателем торговых связей. На Знаменском городище сравнительно хорошо представлены мегарские чаши (табл. 59, 32; Погребова Н. Н., 1958, рис. 9, 7, 8, 21), единичные на других поселениях. Позднеллинистическая краснолаковая керамика немногочисленна; это канфары, кубки, полусферические чаши, блюда и пр. (табл. 59, 28, 30).

На рубеже нашей эры на поселениях распространяется краснолаковая керамика малоазийского, средиземноморского, а также северопричерноморского (Боспор, Херсонес) происхождения: чаши, тарелки, блюда, кружки, флаконы (табл. 59, 34—39). Интересен цилиндрический кубок на низком поддоне с вертикальной ручкой из могильника Золотая Балка (табл. 59, 40). Встречается также итальянская керамика. Красноглиняные сосуды без лака, видимо, ольвийского производства — полусферические миски с загнутым краем, кувшины с профилированным венчиком и округлым туловом — многочисленны на поселениях, кроме Знаменского, где представлены единичными обломками кувшинов (Вязьмитина М. Г., 1971, с. 133).

Сероглиняная гончарная керамика встречается довольно часто: кувшины (иногда с желобчатым горлом), миски полусферические с различно профилированным краем. Упикален желобчатый канфар из Золотобалковского могильника (табл. 59, 29).

На Знамепском и Гавриловском городищах встречена сероглиняная керамика, лощеная или ангобированная, с лощеным и резным орнаментом в виде волнистых или зигзагообразных линий. Происхождение ее связывается с Ольвией, где в свою очередь производство такой керамики испытало гетское влияние (Погребова Н. Н., 1958, с. 151, 152, 221—223, рис. 9, 10; 34, 13; 45, 1—7, 47, 6—11). На этих же и других поселениях, а также в Николаевском могильнике найдена лощеная сероглиняная керамика черняховского типа — кувшины с валиками, островерхие миски III—IV вв. н. э.

Монеты на поселениях встречаются редко. Это главным образом серебряные денарии римских императоров II в. н. э. (Кропоткин В. В., 1961, с. 57, 83, 84).

Рассматривая археологические памятники поздних скифов нижнего Приднепровья по тем же категориям и в той же последовательности, что и материалы скифов Крыма, мы можем видеть многочисленные параллели почти во всех аспектах культуры. Однако исторические и географические условия, в которых развивалось скифское общество нижнего Приднепровья, представлявшего собой некогда территорию исконной Скифии, а затем — окраину позднескифского царства, явились причиной и определенных отличий от Крыма. Культура обитателей нижнеднепровских малых городищ унаследовала традиции предшествующего времени (Граков Б. Н., Мелюкова А. И., 1954, с. 75, 76; Граков Б. Н., 1954, с. 151—154, 172—174).

Процесс интенсивного оседания кочевников, охвативший всю Скифию, происходил в нижнем Приднепровье под натиском сарматов, лишивших скифов обширных пастбищных земель. Вероятно, расположение большинства поселений именно на правом берегу Днепра связано было со стремлением отгородиться от сарматов водным рубежом (Елагина Н. Г., 1958, с. 56).

На территорию нижнего Приднепровья в силу ее географического положения, помимо сарматских, проникали фракийские, зарубицецкие, а затем черняховские элементы, которые намного меньше ощущаются в Крыму.

Влияние античной культуры в нижнем Приднепровье по сравнению с Крымом сказалось слабее. Здесь не было столь непосредственного контакта с греческими городами, как в Крыму. Торговля как в эллинистическое, так и в римское время носила характер натурального обмена (Елагина Н. Г., 1958, с. 48; Кропоткин В. В., 1967, с. 26).

Ольвия, периодически подчинявшаяся власти поздних скифов (см. выше), являлась посредником в торговле поселений нижнего Приднепровья с центрами Средиземноморья (Кос, Родос), Малой Азии и др. Кроме того, скифы приобретали (особенно в послегетский период) и ряд товаров ольвийского производства, в частности краснолаковую, простую и сероглиняную посуду (Погребова Н. Н., 1958, с. 240), металлические изделия, жернова (Елагина Н. Г., 1958, с. 48). О заинтересованности скифов в торговом посредничестве Ольвии сообщает Дион Хрисостом, говоря о восстановлении Ольвии после гетского разгрома в середине I в. до н. э. Вторжение гетов должно было в какой-то мере коснуться и окраины царства (Граков Б. Н., 1954, с. 30). Однако после своего восстановления в I в. н. э. Ольвия вновь подчиняется скифам.

На поселениях северной группы (к ним примыкает Любимовское, находящееся южнее, но на левом берегу) жизнь прекращается в конце I — начале II в. н. э. (возможно, в результате новой сарматской волны), а затем в III в. н. э. эта территория заселяется племенами черняховской культуры (Елагина Н. Г., 1958, с. 65; Щукин М. Б., 1970, с. 61). Поселения же, расположенные ближе к устью Днепра (Николаевское, Красномаяцкое), продолжают свое существование вплоть до III—IV вв. н. э. В это время в низовьях Буга и Ингульца возникают новые поселения, преимущественно неукрепленные, с каменными жилищами, сходные по культуре с поздними нижнеднепровскими. Возможно, это было связано с оттеснением жителей с берегов нижнего Днепра готами к юго-западу (Елагина Н. Г., 1953, с. 19). Начавшийся процесс ассимиляции поздних скифов черняховскими племенами (Симонович Э. А., 1971, с. 63 сл.) был прерван гуннским нашествием в конце IV в. н. э.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предшественники савроматов, савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Заволжье, южном Приуралье и Северном Причерноморье

Глава четвертая
Предшественники савроматов
в Волго-Донском междуречье, Заволжье
и южном Приуралье

Глава пятая
Савроматы и сарматы
в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье
и Северном Причерноморье

Глава четвертая

Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье

Предсавроматские памятники в Волго-Донском междуречье и Заволжье занимают тот же промежуток времени, что и памятники предскифского, киммерийского периода в Северном Причерноморье. Нижнюю временную границу их образует конец срубной культуры (IX или начало VIII в. до н. э.), верхним хронологическим рубежом является время, когда фиксируются памятники сформировавшейся савроматской культуры (конец VII—VI в. до н. э.). Как и в степях Северного Причерноморья, здесь для описываемого времени уже не наблюдаются следы оседлой жизни. Археологические памятники представлены только небольшим числом погребений и случайными находками. Относительная скудость археологического источника, характеризующего предсавроматский период в степях междуречья Волги и Дона, в Заволжье и особенно южном Приуралье, явилась, видимо, следствием перехода к новому способу производства, когда сказывались отсутствие на первых порах постоянных путей перекочетов (Шлетнева С. А., 1967, с. 102, 181, 182), трудность освоения открытых степных пространств с очень ограниченными в интересующих нас районах водными ресурсами. Постоянных или временных поселений здесь до сих пор не обнаружено, а предположения об их существовании (Смирнов К. Ф., 1966, с. 32) при разведках пока что не подтверждаются. Косвенным свидетельством подвижности населения являются его активные внешние связи. Будучи одной из культур так называемого киммерийского круга, кочевническая культура населения предсавроматского горизонта является культурой, типичной для восточноевропейских степей этого периода. Отличий от северопричерноморских памятников, за исключением большей бедности и меньшего количества погребений (что может объясняться большими трудностями освоения сухих степей), практически нет.

Памятники предсавроматского периода известны с дореволюционного времени (раскопки А. А. Спицына 1895 г.), но в течение долгого периода количество их оставалось незначительным. Усилиями археологов П. Д. Рау, А. А. Иессена, И. В. Сидичина и других до начала 1950-х годов было обнаружено несколько погребений VIII—VII вв. до н. э. Лишь с начала 50-х годов в результате исследований Сталинградской экспедиции (И. В. Сидичин, К. Ф. Смирнов, В. П. Шилов) и более поздних крупных, главным образом новостроечных, экспедиций добыт многочисленный материал.

Крупнейшим и практически первым исследователем памятников предсавроматского периода в степях к востоку от Дона был К. Ф. Смирнов. Его работы сыграли существенную роль в определении материальной культуры и, что особенно важно, характера погребального обряда VIII — первой полови-

ны VII в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961а, 1964). Следует, правда, отметить, что отнесение некоторых погребений к предсавроматским сделано без достаточных оснований, что в общем не обезцеливает всей работы по выявлению и анализу погребальных памятников этой эпохи. Исследователь поставил и сделал первую попытку решить вопрос о роли племен эпохи бронзы, населявших во второй половине II тысячелетия до н. э. степи Поволжья и Приуралья, в формировании культуры савроматов. Проклеждение памятников предсавроматского горизонта и савроматских, по его мнению, теснейшим образом связано со срубной культурой и ее взаимодействием с андроновской.

Гипотеза об освоении степной зоны Поволжья, развитии кочевничества и в связи с этим — исчезновении оседлости уже в эпоху бронзы на протяжении длительного времени развивается В. П. Шиловым (Шилов В. П., 1964, 1970, 1982). В сочетании с данными о переходных погребениях, проанализированными К. Ф. Смирновым, устанавливается общий характер развития степных племен Восточной Европы. По всей видимости, В. П. Шилов прав, утверждая, что в силу специфических природных условий степного Поволжья переход к кочевничеству осуществлялся здесь несколько раньше и быстрее, чем в Причерноморье.

В. И. Мамонтов (1980, с. 175—194) рассматривает большую группу погребений, относимых к переходному периоду или, по терминологии автора, к позднему этапу срубной культуры в нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье. При этом из числа переходных он исключает погребения, в инвентаре которых имеются вещи, характерные для наиболее поздних памятников этого периода — группы Новочеркасского клада (лощенная керамика и др.). Основная же масса могил переходного времени, по мнению В. И. Мамонтова, принадлежит прямым потомкам племен срубной культуры, что особенно заметно на материалах погребального ритуала и керамики.

В исследованиях В. А. Коренько (1979, с. 15—19, 23—25) в основном поддерживается концепция К. Ф. Смирнова, но делается большой упор на саморазвитие погребальной обрядности на территории нижнего Дона и нижней Волги от конца эпохи бронзы до VI в. до н. э. Движущим фактором такого саморазвития могли быть социальные изменения: выделение и обособление родо-племенной верхушки вызывали появление новых элементов обрядности, распространявшихся затем на более широкие категории населения и видоизменявшихся в процессе этого распространения.

Позднее, учитывая сложность атрибуции переходным временем безынварных погребений и многочисленные ошибки различных исследователей,

В. А. Кореньяко пришел к выводу о единственном пути объективного исследования погребального обряда переходного этапа: необходимо изучение совокупности лишь тех погребений, которые в инвентаре содержат предметы, определенно датированные временем перехода от бронзы к железу (Кореньяко В. А., 1985, с. 54—61). Касаясь памятников, связанных К. Ф. Смирновым с происхождением приуральского (самаро-уральского) варианта савроматской культуры в степях южного Приуралья и северного Казахстана, исследователь заключал, что в этих районах, за редчайшими исключениями, нет пока памятников, соответствующих памятникам киммерийского типа Причерноморья и Поволжья, а есть лишь одновременные им памятники культуры конца эпохи бронзы (Кореньяко В. А., 1982б, с. 44, 49).

Большая роль в разработке всей суммы вопросов, связанных с культурами киммерийского круга, в том числе и предсавроматской, принадлежит А. И. Тереножкину (1976). Исследователь включил в состав киммерийского культурного комплекса все памятники от низовой Дуная до Заволжья, непосредственно предшествовавшие скифским и савроматским. В связи с этим выводы А. И. Тереножкина, касающиеся деления памятников на ранние черноморовские и более поздние — новочеркасские, хронологии памятников и этнической принадлежности их носителей, отмеченные в первой главе настоящей книги, в полной мере относятся и к теме данного очерка. Так же как и для Северного Причерноморья, на имеющих сейчас материалах с территории Волго-Донского междуречья и Заволжья не подтверждается мнение А. И. Тереножкина о том, что скорченные погребения свойственны лишь черноморовской ступени, а вытянутые — новочеркасской: и тот, и другой способы положения погребенных бытуют здесь на протяжении всего предсавроматского периода. Противоречат предсавроматские памятники и выводу исследователя об отсутствии прямых генетических связей между ними и савроматской культурой, а также об отсутствии воздействия на формирование культуры кочевников крупнейших производственных центров той поры, таких, как Северный Кавказ или Центральная Европа.

А. М. Лесков в своем исследовании памятников конца эпохи бронзы Северного Причерноморья (1975, с. 37, 38) ввел нижнедонские материалы VIII—VII вв. до н. э. в круг споров о киммерийской культуре и происхождении скифов (см. выше).

В настоящее время известны многочисленные факты, которые не объясняются ни концепцией А. М. Лескова, ни построениями А. И. Тереножкина. Вещи черноморовско-камышевахского круга, например, встречены не только в Северном Причерноморье, но и в Поволжье (Мамонтов В. И., 1980, с. 184, 187, рис. 5) и Предкавказье (Восточный Маныч; Кореньяко В. А., 1982а, с. 65—67). Вместе с тем имеются типы вещей (прежде всего керамики), устойчиво производившиеся в течение всего переходного времени, т. е. их нельзя разделить на две хронологические группы. В начале этой эпохи совершались погребения с труположениями не только скорченными, но и вытянутыми, а в конце переходного времени продолжал бытовать ритуал придания умершим скорченной позы. Иными словами, пока на данном уров-

не изученности материалы переходного времени представляются скорее целостным комплексом с большим внутренним разнообразием в типологии инвентаря и в обрядности захоронений. Вероятно, этот комплекс не был статичным, шло определенное развитие; новые черты, появившиеся на грани позднесрубной и переходной эпох, становились преобладающими, вытесняли старые, традиционные элементы.

В исследовании переходных памятников остается много нерешенных проблем. Если более или менее ясна генетическая связь их с местными степными культурами эпохи поздней бронзы, то механизм формирования собственно савроматской культуры, представляющей перед нами в VI в. как специфический комплекс скифского или раннекочевнического типа, неясен. Эта проблема связана с большим и важным вопросом о становлении в VII—VI вв. до н. э. евразийских культур скифского типа, на который пока нет точного и исчерпывающего ответа.

В дальнейшем исходя из достигнутого к настоящему времени уровня знаний мы анализируем памятники переходного времени в основных чертах как целостную совокупность археологических фактов.

Система погребальной обрядности переходного времени в волго-донских степях выступает в виде нескольких разновидностей погребений. Во-первых, это основные подкурганные погребения, совершенные в обширных подпрямоугольных или подквадратных ямах с внутримогильными деревянными конструкциями (табл. 60, 17). Скелеты погребенных фиксировались в положении на спине, вытянуто. Ориентировка широтная. Инвентарь представлен керамикой, костяными наконечниками стрел и др. Такого рода погребения известны пока только в Нижнем Поволжье: курган в местности «Родничок» в Саратове (Горизонтов И. П., 1908, с. 10—13), погребение F кургана 1 у станции Лебяжьей (раскопки А. А. Спицына 1895 г., см.: Смирнов К. Ф., 1964а, с. 26, рис. 2, 2, а — з), погребение под курганом 2 у с. Гуселки (раскопки А. А. Спицына 1895 г., см.: Смирнов К. Ф., 1964а, с. 26, рис. 2, 8). В низовьях Дона они пока не обнаружены. Остальные известные сейчас погребения переходной эпохи вписаны в более древние курганы.

Большинство основных погребальных сооружений представляет собой довольно узкие подпрямоугольные или овальные ямы (в тех случаях, когда их очертания прослежены), в которых погребенные помещались вытянуто на спине, головой в основном на запад, реже — на восток (табл. 60, 16, 17). В таких же ямах или в ямах, вписанных в курганные насыпи, форма которых не прослеживается, встречаются погребения на боку и с завалом на грудь, в вытянутом или слабо скорченном положении. Ориентировка преимущественно западная. Поза скелетов в этих захоронениях промежуточная между традиционной скорченной, типичной для позднего бронзового века, и новым обрядом, окончательно побеждающим в савроматское время (табл. 60, 12—14, 18). Кроме того, известны погребения еще одной разновидности, в которых полностью сохраняются ритуалы предшествующей эпохи. Это небольшие широкие ямы, скелеты в них лежат на боку скорченно (нередко степень скорченности очень сильная), в основном черепа на восток (табл. 60, 3, 4, 6, 8, 9).

В период перехода от бронзы к железу, как и на сопредельной территории азово-черноморских степей, в междуречье и Заповьяке появляются погребения в могилах с обособленными камерами-подбоями (табл. 60, 1, 10, 15, возможно, 18). В большинстве таких могил лежат скорченные скелеты, ориентированные черепами преимущественно на восток (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 27, 28, рис. 3, 4; Сипицын И. В., Эрдишев У. Д., 1979, с. 52, 53, рис. 9, 1, 2; Коренько В. А., 1982а, с. 65—67, рис. 1, 1, 2, 5—8; Дворниченко В. В., 1984, с. 62, рис. 1, 2, 5—7). На южном Дону прослежено одно катакомбное погребение, в котором скелет располагался вытянуто пичком, черепом на запад. В Мариновке погребенный был положен на спину с одной вытянутой и второй согнутой ногой (Игнатов В. П., Колесников В. П., Мамонтов В. И., 1979, с. 175).

Вне всякого сомнения, сохранение таких особенностей ритуала, как скорченность при положении в основном на левом боку, головой на восток, реже — на север, составляет наследие срубной культуры. Положение с различными элементами скорченности (вытянуто и слабо скорчено на бок, с завалом на грудь вытянуто и скорчено, коленями вверх на спине, в шагающей позе и т. д.), которые достаточно широко представлены в погребальном обряде этого времени на степной восточноевропейской территории, по всей видимости, отражают сложный процесс выработки основного похоронного ритуала, ставшего господствующим окончательно уже в савроматское время, — вытянутого положения на спине, головой на запад. Этот же процесс нашел выражение и в разнообразии форм могильных сооружений.

Следует отметить также, что сильно скорченных погребений предсавроматского горизонта относительно немногочисленны, характерное положение рук погребенных (одна вытянута параллельно корпусу, другая согнута — табл. 60, 1, 2; обе вытянуты перед корпусом — табл. 60, 4, 8, 9) встречается наиболее часто в этот период так же, как и среди предскифских погребений. Элементы ритуала, свойственные предшествующим срубно-андроновским погребениям, получившим распространение и в савроматское время, такие, как применение краски, мела, извести, серы, угля, встречаются и в переходный период, хотя и редко; отмечено также в ряде случаев применение различного рода подстилок (см., например: Дворниченко В. В., 1982, с. 59—60; Коренько В. А., 1982а, с. 67).

Инвентарь погребений в целом довольно разнообразен, хотя погребения, как правило, бедны по набору сопровождающих вещей и существенной дифференциации на этих материалах не прослеживается.

Керамика является единственной массовой категорией находок, встречающихся в погребальных комплексах степного населения в предсавроматскую эпоху. Формы ее достаточно разнообразны. Как показал К. Ф. Смирнов, лепная керамика переходного времени делится на две основные группы, различающиеся по способу обработки поверхности (нелощеная, лощеная) и, видимо, характеру употребления (кухонная, столовая). Спецификой данного периода является достаточно широкое распространение лощеной столовой посуды, разнообразных форм при сохранении устойчиво традиционных пескольных

основных типов нелощеной кухонной посуды. К. Ф. Смирнов выделил три основных типа последней: 1) баночные сосуды с широким устьем, прямым или слегка наклонным внутрь бортиком (табл. 61, 10) или слабо отогнутым венчиком (табл. 61, 14); 2) сосуды с вытянутым туловом, суживающимся к дну, крутыми плечами, коротким, обычно отогнутым венчиком, ширина устья больше ширины дна (табл. 61, 15, 19); 3) сосуды с низким почти шаровидным туловом, четко выраженными плечиками, довольно узким горлом, прямым или отогнутым венчиком и дном с закраиной, устье обычно равно ширине дна (табл. 61, 12, 16). Среди первых двух встречаются образцы с носиком-сливом (табл. 61, 10, 14, 15), что, по мнению К. Ф. Смирнова, свидетельствует об архаичности формы, правда, в свете современных представлений недостаточно еще обоснованному. В дальнейшем сосуды с носиком-сливом изготавливаются вплоть до V в. до н. э. Вообще же К. Ф. Смирнов утверждал, с чем согласно подавляющее большинство современных исследователей, что все эти три типа керамики предсавроматского горизонта имеют убедительные прототипы в керамике срубной культуры. Возможно также, что в переходное время появился и четвертый тип лепных нелощеных сосудов, для которых характерны грушевидная форма тулова, короткий отогнутый венчик и широко выделенное днище (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 112). Орнаментация на всех сосудах перечисленных типов небогата: косые насечки или пальцевые вдавления по венчику или под горлом, иногда крупные вдавления (табл. 61, 10, 15), редко — нарезной орнамент по тулову (табл. 61, 16), она находит аналогии в предшествующей культуре той же территории.

Лощеная посуда, чаще черного или серого цвета, — явление новое, особенно в районах к востоку от Дона. Ее происхождение не удастся связать с лощеной керамикой из раннесрубных и андроновских памятников. Среди нее имеются узкогорлые сосуды с приземистым и широким эллипсоидным туловом и узким плоским дном. Два таких сосуда украшены сложным тонким резным узором (табл. 61, 3, 8). Один украшен в верхней части тулова налетом (табл. 61, 13), имеются экземпляры такой же формы, но без орнамента (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 108, рис. 60, 1, 2; Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1974, рис. 22, 6; Кошлов В. П., 1981, с. 105). Сосуд из погребения в кургане у хут. Солонный имеет грушевидную форму, цилиндрическое горло, сильно расширенное тулово, декорированное узкими длинными косыми налетами (табл. 61, 1). Несколько сосудов близки к последнему, но у них более округлое, почти шаровидное тулово, орнамент на одном в виде налетов-пипеток, на другом — следы отбитой ручки по краю венчика и в верхней трети тулова (табл. 61, 17, 18). Похожи на описанные и два сосуда из погребения 1 кургана 3 Ильевского могильника (табл. 61, 2). Шаровидность тулова при коротком цилиндрическом горле с плавно отогнутым краем венчика особенно отчетлива в экземплярах из погребения 1 кургана 92 у с. Маркель (табл. 61, 5) и из погребения 5 кургана 7 у с. Красная Деревня оз. Эльтон. При такой же форме тулова встречены экземпляры без выраженного горла (табл. 61, 11). Близки между собой по стилю орнаментации (пояс

геометрического резного орнамента) сосуды из погребения 6 кургана 3 у с. Красная Поляна (табл. 61, 4) и из погребения 2 кургана 19 Архаринского могильника, хотя они несколько различны по форме. Известны два крупных сосуда разных форм с ручками (табл. 61, 2). Оригинален изящный сосуд из Алитуба (табл. 61, 6) с высоким цилиндрическим горлом, резным и каннелированным орнаментом.

В погребениях предсавроматского горизонта появляется группа небольших и более крупных чарок и кувшинов-кубков, иногда орнаментированных геометрическим нарезным узором и каннелюрами (табл. 61, 9, 21—25).

В свое время К. Ф. Смирнов уже отмечал, что лощеная посуда связана скорее всего с широко распространенной с конца эпохи бронзы лощеной посудой в лесостепной, отчасти степной полосе Северного Причерноморья, в Крыму, дельте Дона (1964а, с. 108). Но больше всего сходства лощеные сосуды обнаруживают с прикубанскими и в целом с северокавказскими (Шарафутдинова Э. С., 1973, с. 20, 22). Это в первую очередь относится к чаркам и кувшинам-кубкам, которые аналогичны известным находкам в Николаевском и Моздокском могильниках, Змейском поселении и других памятниках. Влияние сказывалось и в близких районах правого берега Дона, тесно связанных с Левобережьем (например, табл. 61, 7; Савченко Е. И., Прохорова Т. А., 1980, с. 127; Максименко В. Е., 1983, с. 23, рис. 6, 2). Кроме того, судя по некоторым данным, на керамическое производство в районе прикаспийского Заволжья влияло и восточное, в частности карасукское, производство. Для некоторых экземпляров редких форм и орнаментации можно говорить о прямом импорте (табл. 61, 1, 3, 5, 6, 8, 9, 22).

Комплекс вещей, характеризующий предсавроматский период междуречья и Заволжья, не имеет существенных отличий от комплекса предскифского периода Причерноморья (в Приуралье же пока встречены лишь единичные вещи). Представительна серия ножей. Лишь один бронзовый нож с параллельными лезвиями (табл. 62, 6) ведет свое происхождение от местных изделий эпохи поздней бронзы (Коренько В. А., Максименко В. Е., 1978, с. 168, 171—175, рис. 5, 2), все остальные относятся к числу однолезвийных и не имеют местных прототипов. Среди них есть длинлезвийные и коротколезвийные, иногда с загнутым вверх концом лезвия, часто с горбатой спинкой, с длинными или короткими пластинчатыми черенками (рис. 62, 10, 13—22, 24). Они связаны по происхождению с ножами из Закавказья и Центральной Европы. Часть ножей с кольцом на рукояти (4 экз.; табл. 62, 7, 9, 11, 12) и один коленчатый нож из-под Уральска (табл. 62, 8) ведут свое происхождение от сибирских карасукских ножей (Членова Н. Л., 1973, с. 195—202). Небольшие железные ножи с горбатой спинкой (табл. 62, 23) встречаются гораздо реже (Смирнов К. Ф., 1964, с. 30; Узянов А. А., 1976, с. 146) и повторяют форму таких же бронзовых.

Каменные оселки для заточки ножей этого периода отличаются, как отмечено А. П. Тереножкиным (1976, с. 146), особой тщательностью выделки: часто они сделаны из хороших пород камня и, помимо утилитарного назначения, могли служить украшением

костюма кочевника (табл. 62, 5). Такие оселки встречаются в междуречье и Заволжье неоднократно (например: Мамонов В. И., 1980, с. 184, рис. 5, 6; Дворниченко В. В., 1982, рис. 2, 7; Лукашов А. В., 1984, с. 160, рис. 2). Дважды найдены терочные плитки (табл. 62, 1; Мамонов В. И., 1980, рис. 5, 3; Дворниченко В. В., 1982, рис. 2, 7). Каменные топоры-молоты, как и каменные молотки, возможно, служившие оружием, получают достаточно широкое распространение в предскифских памятниках окружающих степь территорий (табл. 62, 2, 3). Встречены они и в степи, в том числе в междуречье (Кияшко В. Я., Максименко В. Е., 1968, с. 77, 79; Мошкова М. Г., Максименко В. Е., 1974, с. 32, рис. XX1, 2). Довольно частой находкой являются кресальные кремни (Коренько В. А., 1982а, рис. 2, 3, 4).

Предметы вооружения, найденные в закрытых комплексах, немногочисленны. В погребении у хут. Верхне-Подпольный (Кияшко В. Я., Максименко В. Е., 1968, с. 77—79) были обнаружены каменный топор, бронзовый двухлопастной и железный накопечник стрел; один бронзовый двухлопастной наконечник стрелы найден в тазовой кости погребенного у с. Новая Белогорка (Смирнов К. Ф., 1961б, с. 111, рис. 12). В отличие от савроматской культуры наконечников стрел в могилах переходного времени очень мало. Это характерно для предскифского периода бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники (табл. 62, 25) или костяные трех-, четырехгранные со скрытой втулкой (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 26, 32). В погребении F кургана 1 у станицы Лебяжьей вместе с костяными накопечниками стрел (табл. 62, 31—34) обнаружены орнаментированные геометрическим узором костяные пластина и трубочка (рис. 62, 4, 35), которые К. Ф. Смирнов считает частями колчана (1964а, с. 26, рис. 2, 2а, б).

Среди находок имеется железный кинжал с бронзовой стержневидной, круглой в разрезе рукоятью с грибовидным навершием и прямым перекрестьем (Максимов Е. К., 1962, с. 288, рис. 5). Случайно найденным обломком представлен биметаллический кинжал с полый рукоятью, брусковидным навершием и балочковидным перекрестьем (Смирнов К. Ф., 1961б, с. 101, рис. 1, 4), близкий к наиболее ранним образцам таких кинжалов. К переходному времени К. Ф. Смирнов относит акипак из Марычевки. Его рукоять орнаментирована кольцами в духе северокавказских биметаллических кинжалов (там же, рис. 1, 10).

Судя по тому что в лесостепной восточной Башкирии найдены несколько экземпляров бронзовых кинжалов карасукского типа и один биметаллический (Членова Н. Л., 1976, с. 50—54), можно предполагать, что такие же вещи активно прощкали и к кочевникам.

Накопечники коний в районах междуречья и Заволжья широкого распространения, видимо, не получили. Экземпляр из Пижнекурморской (табл. 62, 49) относится к апашицкому типу.

Принадлежности конской упряжки, так же как орудия труда и оружие, являются предметами, в которых проявляется специфика переходной эпохи. На Дону, в междуречье и Заволжье большинство их обнаружено случайно. Это различные варианты удила (стре-

мевидные, одно- и двукольчатые) и трехдырчатые псаалии черногородовского типа с отверстиями в местах утолщений, а также трехпестельчатые псаалии с изогнутой лопастью (Смирнов К. Ф., 1961б, с. 76—80, рис. 43, 1—4). Уздечные наборы в комплексах происходят лишь из погребений 13 кургана 10 группы I у хут. Балабина в низовьях Сала (табл. 62, 46, 47), 7 кургана 10 группы II у с. Красная Деревня на Эльтоне (табл. 62, 50—57) и из кургана 16 у хут. Жирноклеевского близ слободы Карповка. Балабинские удила отличаются своеобразной формой наружных колец, близких к трапеции со скругленными углами, эльтонские — с круглым кольцом. В обоих случаях присутствуют псаалии различных вариантов камышевахско-черногородовского типа (табл. 62, 46, 50, 52). Костяные псаалии из Жирноклеевского кургана того же типа; один из них повторяет к тому же форму эльтонских и нижнекурмоярских (табл. 62, 48) бронзовых псаалиев (подобный ему костяной псаалий найден у станции Соленовской — Тереножкин А. И., 1976, с. 59, рис. 24, 16). Костяные уздечные бляхи жирноклеевского и эльтонского наборов чрезвычайно близки между собой (круглые, сдвоенные, фигурные — табл. 62, 53—55), лишь фигурная бляха из Эльтона более изящна (табл. 62, 55). Большинство их находит аналогии на широкой территории (Смирнов К. Ф., 1961а, с. 69—71, рис. 13, 3—11) вплоть до Аржана (Грязнов М. П., 1980, рис. 24, 2—7). Кроме того, в эльтонском комплексе найдена костяная застежка (табл. 62, 56) такого типа, который имеет не менее широкий ареал (Тереножкин А. И., 1976, с. 162—165; Грязнов М. П., 1980, рис. 12, 2—4). Две бронзовые застежки от узды обнаружены во впускном погребении кургана 4 у с. Ягодного (Мерперт Н. Я., 1954, с. 51—53, рис. 5, 2, 3).

Более или менее уверенно к предсавроматским можно отнести котел бештаугорского типа, найденный на дюнах с. Лапас (Филипченко В. А., 1962, с. 278, рис. 1, 3). В быту кочевников получила распространение и деревянная посуда, правда, на интересующей нас территории встречены в ряде случаев лишь ее остатки в виде тлена или бронзовых оковок сосудов (табл. 62, 40, 41; Узянов А. А., 1976, с. 146; Мамонтов В. И., 1980, с. 175).

К редким находкам орудий труда в могилах относится пряслице (табл. 62, 38; Кореняко В. А., 1982а).

Немногочисленны находки мелких украшений, не обладающие особой выразительностью и своеобразием. Они изготовлялись из бронзы, очень редко — из золота и кости. Это восьмеркообразные бляшки (табл. 62, 39, 57; раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой, 1972 г.; Лукашов А. В., 1984, с. 159, рис. 6), бляшки полусферической формы с петлей на обороте (табл. 62, 58, 59) (Мамонтов В. И., 1971, с. 158; раскопки Р. Ф. Ворошиной, 1974 г.; Кореняко В. А.,

Максименко В. Е., 1978, с. 167). В нескольких случаях известны бронзовые серьги, зажимы от головной ленты (табл. 62, 43), височные кольца (табл. 62, 36, 37), бронзовые и золотые обоймочки и круглые бляхи — остатки головных украшений черногородовского типа (табл. 62, 42, 44, 45). Еще реже находят в погребениях костяные украшения (табл. 62, 35), ребристые и гладкие с вогнутыми боками пронизки.

Особым видом памятников, наиболее ярко подчеркивающим специфику предсавроматской и вообще киммерийской эпохи в евразийских степях, являются памятники монументального искусства — стелы. Одна из них найдена на кургане под Оренбургом (Попов С. А., 1964, с. 261, рис. 1, 7, 8).

Материалы переходного периода в междуречье Дона и Волги, в Заволжье и тем более в южном Приуралье все еще немногочисленны и позволяют высказывать мнение об оставившем их обществе лишь в виде гипотез.

Хозяйство протосавроматских племен представляло собой скотоводческий комплекс; преобладали кочевнические методы животноводства. Памятники материальной культуры, прежде всего предметы вооружения, орудия труда и принадлежности конской узды, полностью находятся в общем русле культурной динамики переходного этапа. Степное население ищет формы материальной культуры и способы хозяйствования, оптимально отвечающие требованиям кочевого скотоводства, кочевнического образа жизни и замены бронзы железом. В данном смысле памятники протосавроматов — явление, типичное для данной эпохи.

Об общественном устройстве предков савроматов нам практически ничего не известно. Определенная социальная дифференциация устанавливается лишь по погребальным обрядам; по инвентарю погребений не заметно существенного имущественного неравенства. Этим протосавроматские комплексы отличаются от могил северопричерноморских киммерийцев. В данной связи можно вспомнить о том, что социальная организация савроматов, по данным письменных источников, была более отсталой по сравнению со скифской.

В памятниках переходного периода на Дону и в Поволжье проявляются связи местного населения с соседними этносами, прежде всего с населением северопричерноморских степей и Северного Кавказа. Особенно это заметно на предметах материальной культуры (изделия из металла, лощеная керамика), среди которых весьма мало вещей, свойственных только данному региону. Памятники переходного периода волго-донских степей — органическая часть археологического комплекса южнорусских степей, предшествующего появлению евразийских раннекочевнических культур скифского типа.

Глава пятая

Савроматы и сарматы

в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье

Краткий очерк истории савромато-сарматских племен

Восточными соседями скифов, согласно античной литературной традиции, были кочевые племена, близкие скифам по образу жизни и известные грекам под именем савроматов, а затем сарматов. «По ту сторону Танаиса нет более Скифии; первая из тамошних областей принадлежит савроматам, которые занимают пространство в 15 дней пути, начиная от угла Меотидского озера по направлению к северу. Вся эта страна лишена диких и садовых деревьев», — читаем мы в «Истории» Геродота (IV, 21).

Соотношение географических представлений Геродота или его туземных информаторов с современной картой всегда являлось одной из наиболее трудных и противоречивых сторон в интерпретации его сочинений.

Проблема расселения савроматов непосредственно связана с идентификацией Танаиса — одной из восьми судоходных рек Скифии, отделяющей ее от савроматов. В отечественной историографии большинство исследователей (Ф. Г. Мищенко, М. И. Ростовцев, Б. Н. Граков, К. Ф. Смирнов, А. П. Смирнов, Д. Б. Шелов и др.) отождествляют Танаис с Доном, на левобережье которого начинались земли савроматов. Но существует и иная точка зрения, согласно которой Танаис — это Северский Донец (Артамонов М. И., 1949а, с. 157, 158) или нижнее течение Дона до впадения Северского Донца и сам Донец (Рыбаков Б. А., 1979, с. 50, 107, 173; Максименко В. Е., 1983, с. 13).

В вопросах, связанных с географической локализацией, основанной на древних письменных источниках, данные археологии могут выступать иногда в качестве объективного критерия проверки. Поэтому в настоящее время более реальной кажется общепринятая идентификация Танаиса с Доном, так как до IV в. до н. э. на правом берегу Дона пока не известно ни одного достоверно савроматского комплекса. Исключение составляет случайная находка каменного жертвенника на ножках у хут. Краснодарского. Однако придельтовые районы Дона, несомненно, были зоной смешения двух, а возможно, и трех этнических массивов — скифов, савроматов и мсотов. Посему каменный алтарь не может служить бесспорным доказательством первоначального расселения савроматов на правом берегу Дона.

Согласно легенде, излагаемой Геродотом, савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками, которые после сражения при Фермодонте (современная р. Терме в Капподокии, впадающая в Черное море) были пленены эллинами и на трех кораблях переправлялись через Черное море. Во время

плавания амазонки перебили всех мужчин и, не умея обращаться с парусами и веслами, долго носились по волнам. Наконец, они пристали к Кремнам, которые находились в земле свободных скифов на озере Меотида (IV, 110). После войны скифов с приплывшими амазонками скифские юноши вступили с ними в брак и с частью своего имущества перешли в стан амазонок. Но амазонки попросили своих мужей переселиться из скифской страны за р. Танаис, объяснив эту просьбу тем, что лишили юношей их отцов, причинили великое зло стране, а потому их страшит мысль об обитании в этих местах. «Юноши согласились на это. Они переправились через Танаис, а затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там» (IV, 115, 116). Приводимые сведения Геродота содержат две версии о территории расселения савроматов — на 15 и на 3 дня пути к северу от Меотиды. Более реальной и принимаемой большинством исследователей представляется первая версия. Она дается в контексте описания географических представлений самого Геродота, где он очерчивает владения скифов и их границы и где направление пути дано достаточно конкретно — на север от угла Меотиды. Вторая версия связана с легендой о происхождении савроматов. Геродот начинает ее словами: «О савроматах рассказывают следующее» (IV, 110), в которых, как представляется, уже содержится определенная доля критического отношения ко всему, что последует далее. Недаром исследователи трудов Геродота обращали внимание на величайшую авторскую добросовестность, которая позволила ему в одной из книг «Истории» написать: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII, 152).

Первая версия о расселении савроматов согласуется и с археологической ситуацией, поскольку в степях междуречья Дона—Волги и Заволжья выделяется единая археологическая культура, отождествляемая всеми исследователями с савроматами. Можно, правда, предположить, что в первом случае (15 дней пути) имеется в виду вся территория савроматов, а во втором (3 дня пути) — какая-то конкретная локализация, например племенной центр. При таком толковании обоих текстов противоречий между ними нет.

Однако в легенде, передаваемой Геродотом, содержится очень много любопытных сведений о савроматах и в первую очередь — об особом положении савроматских женщин. Они ездят верхом, стреляют из лука, бросают дротики, вместе с мужьями выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую с мужчинами одежду. Женским работам они не обучены. Геродот добавляет, что ни одна девушка не

выходит замуж, пока не убьет врага. Такой образ жизни савроматские женщины ведут истари (IV, 116, 117). Об этом обычае повествует и Псевдо-Гиппократ (О воздухе, водах и местностях, 24). Надо думать, что в легендах отразилась какая-то живая реальность, отличающая общественное положение савроматских женщин от скифских, что и подчеркивается Геродотом и Псевдо-Гиппократом. Подтверждением этому следует, очевидно, рассматривать и рассказ Полиена о сарматской царице Амаге (Военные хитрости, VIII, 56).

Существовавшие в V в. до н. э. достаточно миролюбивые взаимоотношения скифов и савроматов не отличались особой стабильностью. Если у Геродота савроматы живут за Танаисом, то у Псевдо-Гиппократа, почти современника Геродота, одно из сообщений можно трактовать как свидетельство перехода их на правый берег Танаиса и расселения «в Европе... вокруг озера Меотиды» (О воздухе..., 24). Но при этом еще Псевдо-Скилак, автор второй половины IV в. до н. э., помещает савроматов в Азии, к востоку от Танаиса.

Видимо, на рубеже V—IV вв. до н. э. неустойчивое равновесие было окончательно нарушено. Набеги, а возможно, иногда и мирное проникновение савроматов в скифские земли становятся все более продолжительными и все более дальними, а часть савроматов поселяется в Европе. Судя по античной традиции, с IV в. до н. э. низовья Дона, а возможно, и часть северного берега Меотиды принадлежат уже савроматам. В низовьях междуречья Дона и Северского Донца появляются савроматские памятники третьей четверти IV в. до н. э. (Шолоховские и Сладковские курганы — Смирнов К. Ф., 1982, с. 125). Имеются следы инфильтрации сарматов в IV в. до н. э. и на правобережье Северского Донца (курган у с. Никифорово — Смирнов К. Ф., 1984, с. 26).

Все эти события, изменившие политическую ситуацию на пограничных рубежах скифских и савроматских владений, явились, по-видимому, отзвуком очень далеких перемещений восточных кочевников южного Приуралья, северо-восточного Прикаспия и Заволжья. Последние в свою очередь могли быть связаны с походами Александра Македонского, всколыхнувшими всю Среднюю Азию и нарушившими традиционные торгово-экономические отношения между кочевниками и соседним с ними оседлым населением. Именно восточные кочевники привели в движение, а возможно, и влились частично в кочевую среду населения междуречья Дона—Волги, низовьев Дона, что и нашло отражение в произведениях греческих авторов IV—II вв. до н. э. На их страницах появляются новые этнонимы — «сирматы» и «сарматы», которые в некоторых контекстах противопоставляются савроматам. Так, упоминавшийся уже Псевдо-Скилак помещает сирматов на северном побережье Меотиды к западу от Танаиса, а савроматов — к востоку, т. е. за Танаисом. Старший современник Псевдо-Скилака — Евдокс из Книды расселяет сирматов вблизи Танаиса. Тот факт, что у авторов IV — начала III в. до н. э. почти одновременно появляются наименования «сирматы», «сарматы» и «Сарматия» (Евдокс, Псевдо-Скилак, Гераклид Понтийский, Теофраст), дает определенные основания для их отождествления. Об этом писал еще

М. И. Ростовцев, предполагая, что различно записанное греками наименование относится к одной группировке племен (1925, с. 25). Последние годы указанное мнение поддерживает Д. А. Мачинский. Он считает, что авторы IV—II вв. до н. э. отличали сирматов-сарматов от «жеповладеемых» савроматов, в то время как с конца II в. до н. э. и позднее все три названия стали употребляться как синонимы (Мачинский Д. А., 1971, с. 48, 49).

В своем последнем труде «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии» К. Ф. Смирнов выступил с новой концепцией. По его мнению, савроматы жили в «Европе» по крайней мере уже в V в. до н. э., занимая определенные районы северного Приазовья и правобережья Дона. Он соглашался с предположением В. Е. Максименко о том, что кочевники этих районов (правобережье Дона.— М. М.) уже в скифское время могли составлять западную часть савроматского объединения под названием сирматов (Смирнов К. Ф., 1984, с. 20). При этом этноним «сирматы» К. Ф. Смирнов отождествляет с савроматами, с затем с сарматами.

Сам же В. Е. Максименко с одинаковой долей вероятности рассматривает сирматов или как одно из прежних савроматских племен, усилившееся в IV в. до н. э., или как появление новой родственной савроматам группы кочевников из Заволжья (1983, с. 18). Но все построения В. Е. Максименко об изначальном обитании савроматов на правом берегу Дона, помимо всего прочего, исходят также из позиции автора об идентификации Танаиса не с Доном, а с Северским Донцом.

Итак, с момента массового переселения кочевников южного Приуралья в Заволжье и далее на запад, происшедшего не позднее конца IV в. до н. э., задонские сарматы начинают тревожить скифов, проникая небольшими отрядами в глубь территории междуречья Дона—Днепра. Очень красочно события подобного рода описывает в одном из своих произведений Лукиан Самосатский — знаменитый сатирик II в. н. э. Он подчеркивает неожиданность и непредвиденность нападения савроматов, которые всех скифов обратили в бегство, многих храбрецов убили, других увели живыми, угнали добычу и разграбили палатки (Токсарид или Дружба, 39). Археологическим свидетельством происходивших изменений могут служить единичные сарматские воинские захоронения конца IV—III и III—II вв. до н. э., известные на левобережье Днепра (Костенко В. И., 1981, с. 8). Одно такое захоронение обнаружено даже на правом его берегу к юго-западу от Никополя у с. Ушкалка (Смирнов К. Ф., 1971, с. 195). Скифия, ослабленная после смерти Атея в 339 г. и вступившая с III в. до н. э. в полосу затяжного экономического кризиса, не могла противостоять натиску сарматов. В конце концов постоянные набеги и спорадические перемещения отдельных сарматских племен из района низовьев Дона и северо-восточных берегов Меотиды закончились мощной массовой миграцией, после которой степи Северного Причерноморья между Доном и Днепром превратились в территорию, подвластную сарматам, где пролегли маршруты их кочевий. По-видимому, именно с этим событием связано очень важное сообщение Диодора Сицилийского (80—29 гг. до н. э.) — создателя знаменитой «Истори-

ческой библиотеки», в основу которой легли труды авторов II в. до н. э., главным образом Полибия и Посидония: «... много лет спустя, сделавшись сильнее, (сарматы.— М. М.) опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор, II, 43). Несомненно, что с этого момента можно говорить о смене политического господства в степях Северного Причерноморья — место скифов заняли сарматы.

Однако среди современных исследователей нет единого мнения в определении точного времени, к которому следовало бы отнести сообщение Диодора. Хронологический диапазон в разногласии по этому вопросу колеблется в пределах от начала IV в. до н. э. до рубежа III—II — начала II в. до н. э.

Согласно имеющимся археологическим и письменным источникам, первая мощная волна сарматских орд остановилась у берегов Днепра. В качестве одного из аргументов, подтверждающих это, следует рассматривать возникновение на рубеже III—II вв. до н. э. укрепленных скифских городищ на нижнем Днепре. Однако отдельные небольшие группировки могли переправиться через Днепр и дойти до степей Ольвии. В декрете в честь Протогена (вторая половина III в. или рубеж III—II вв. до н. э.) среди варваров, часто осаждавших Ольвию, кроме галатов и скифов, которые кочевали к западу от нее, упомянуты и другие племена иранского происхождения. Это фиссаматы, савдараты и особо враждебные саяи с их царем Сайтафарном. От последнего Ольвия откупалась данью в виде «даров» и «подарков» гостеприимства. Кочевья их находились «по ту сторону», т. е. к востоку от Буга. Однако до сих пор остается неясным, кого все же следует понимать под названием «саяи» (обычно переводится как «господствующие», «царские») — скифов или сарматов.

В советской литературе до недавнего времени практически общепризнанным было мнение об отождествлении саяев и их царя Сайтафарна со скифскими племенами (Граков Б. Н., 1954, с. 24; 1971а, с. 31; Блаватский В. Д., 1975). Сейчас многие исследователи склонны видеть в них одну из сарматских группировок (Мачинский Д. А., 1971, с. 47, 48, 51; Карышковский П. О., 1971, с. 44, 45; Смирнов К. Ф., 1976б, с. 405, 406).

После завоевания Скифии и ухода основной части ее населения в степи Крыма сарматы становятся могущественной политической силой в степях Северного Причерноморья, с которой вынуждены были считаться все окружающие племенные группировки и государства. Так, Полибий (II в. до н. э.), сообщая об образовании в 179 г. до н. э. на берегах Понта большого союза малоазийских государств, среди европейских властителей называет сарматского царя Гатала (Полибий, XXV, 2, 12). Согласно его сведениям, европейские сарматы междуручья Дона—Днепра являлись союзниками Херсонеса в их борьбе с крымскими скифами. О военных столкновениях скифов и сарматов повествует и знаменитая легенда об Амаге, жене сарматского царя, которую херсонесцы, теснимые скифами, призвали на помощь (Полибий). Содержащиеся в этой легенде сведения большинство исследователей относит к концу III — началу II в. до н. э. (Граков Б. Н., 1971а, с. 31). Однако

враждебные отношения могли очень быстро смениться мирными и союзническими контактами. Такая же нестабильность существовала и в отношениях сарматов с Римом и греческими городами Северного Причерноморья. Подвижные и воинственные, сильные и многочисленные сарматские племена, расселившиеся в степях Северного Причерноморья, начинают тревожить Рим и одновременно привлекать к себе все больший интерес со стороны римских политических деятелей, географов и историков. На официальной карте римского государства, составленной сподвижником Августа Агриппой (середина I в. до н. э.), среди 24 областей римского мира в качестве IX области названа Сарматия, западная граница которой проходила по Днепру (Ростовцев М. И., 1925, с. 43, 44). Почти в это же время в исторической и географической литературе укореняется деление на Европейскую и Азиатскую Сарматии, граница между которыми проходила по Меотиде и Танаису.

В «Географии» Страбона (65 г. до н. э.— 25 г. н. э.) впервые появляются наименования отдельных сарматских племенных объединений: языги, роксоланы, аорсы, сираки. Сираки и аорсы помещаются к востоку от Дона на территории Азиатской Сарматии. Роксоланы локализируются за Днепром (Борисфеном), т. е. в междуручье Дона—Днепра, а языги на западе, поблизости от бастарнов (VII, II, 4; VII, III, 17; XI, II, 1; XI, V, 8 и т. д.). На карте к «Германии» Тацита (около 55—120 гг. н. э.) языги размещаются в Подунавье, к югу от бастарнов.

Большинство исследователей видит в картине расселения племен, начертанной Страбоном, отражение реально существовавшей ситуации. Споры идут лишь о времени, к которому следует приурочить эту реальность.

Сейчас достаточно аргументированным можно признать две точки зрения — Д. А. Мачинского и П. И. Карышковского. Первый считает, что этнокарта Страбона восточноевропейских степей и западной части лесостепи отражает реальное размещение племен не ранее последней трети II в. до н. э., а возможно, и середины I в. до н. э. Она суммирует этногеографические представления греков и римлян, сложившиеся в результате бурных событий, происходивших на северо-восточных границах античного мира в конце II — середине I в. до н. э. Отдельные элементы ее могут восходить к данным и ранее, и позднее этой даты. Но в целом представления Страбона об этногеографии Восточной Европы резко отличаются от представлений греческих авторов IV — начала II в. до н. э. (Мачинский Д. А., 1971, с. 122—124). П. И. Карышковский предполагает, что этнокарта Страбона отражает реалии рубежа III—II вв. до н. э. и что именно к этому времени следует относить обитание вблизи Ольвии западносарматских племен — языгов, ургов и царских сарматов. Последних он идентифицирует с саями, упомянутыми в ольвийском декрете в честь Протогена (Карышковский П. И., 1973, с. 88—93). Однако обе версии даты этнокарты Страбона остаются пока спорными. В свое время один из лучших знатоков и комментаторов произведений древних авторов М. И. Ростовцев, анализируя источники Страбона, разбирал возможности обеих дат и не мог отдать предпочтение ни одной из них.

Дальнейшая политическая история и европейских, и азиатских сарматов, как можно представить ее по письменным источникам, полна войнами, набегами и походами. Продолжаются и волны достаточно массовых переселений сарматов. Языги, которые, согласно Страбону, жили между Днестром и Дунаем (VII, III, 17) не позднее середины I в. до н. э., пролились районы, населенные бастартами и даками, и заняли равнины между Дунаем и Тисой. Обитая там, они долгое время продолжали беспокоить Рим (Плиний Секунд. Естественная история, IV, 80, 81).

Очевидно, в конце I в. до н. э. или на рубеже эр роксоланы переправились на правый берег Днестра. Начиная с 50-х годов н. э. они уже известны в Подунавье, откуда все время совершают набеги на римскую провинцию Мезию. Тит Илавий Сильван, наместник этой провинции (56—66 гг. н. э.), усмиряет всплески, начавшиеся среди сарматов, о чем сообщает надпись на его надгробной плите. Он же в качестве заложников берет сыновей царей роксоланов. Из «Историй» Тацита мы узнаем, что в 69 г. н. э. (правление римского императора Сальвия Отона) роксоланы несколько раз подряд вторгались в Мезию (I, 79). О том, насколько сильны были позиции сарматов на восточных рубежах Римской империи, можно судить по интереснейшему сообщению того же Тацита. Он пишет, что «котины и осы не германцы... и ... что они мирятся с уплатой податей. Часть податей на них, как на иноплеменников, налагают сарматы, часть — квады...» (О происхождении германцев и местоположении Германии, 43). Судя по карте Тацита к «Германии», осы и котины обитали к северу от придунайских языгов и сарматов. Все эти сведения дают основание думать, что языги и роксоланы были крупными союзами племен, в их состав могли входить более мелкие сарматские объединения, названия которых нам не известны. Во всяком случае, Птолемей (III, 5, 7, 8) делит племена Европейской Сарматии на «многочисленные» и «менее значительные». Именно к первым он и относит языгов и роксоланов.

В Азиатской Сарматии такими же многочисленными племенами или народами были сираки и аорсы, принимавшие самое живое участие в междоусобных войнах и смутах Боспора и активно вмешивавшиеся в его взаимоотношения с Римом и понтийскими государствами, выступая при этом то на одной, то на другой стороне.

С приближением сарматов к городам-колониям Северного Причерноморья и границам Римской империи осведомленность о них античных авторов несоизмеримо возрастает. Однако сведения эти остаются весьма противоречивыми и все менее информативными по мере удаления на восток от Рима. Так, очень сбивчивы данные, касающиеся племени иксибатов-язаматов, обитавших где-то на восточном берегу Азовского моря.

Первое упоминание о них мы находим у Гекатея (V в. до н. э.), который помещает их по соседству с Спидикой, но не высказывает никакого суждения об отнесении их к савроматам или меотам. О них же говорит Псевдо-Скимп (II в. до н. э.): «На Танаисе, который служит границей Азии, первыми живут сарматы, занимая пространство в 200 стадий. За ними, по словам Деметрия (III в. до н. э.), следует меотий-

ское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов». К меотам относит язаматов и Полиен. Однако и Полиен, и Мела (I в. н. э.) приписывают этому племени, как и савроматам, равноправное или преимущественное положение женщин в политической и военной жизни (Ростовцев М. И., 1925, с. 110). Отсутствие единого мнения у античных авторов породило различные точки зрения на этническую принадлежность язаматов и у современных исследователей. Большинство считает это племя савромато-сарматским (Виноградов В. Б., 1963, с. 114, 145; Смирнов К. Ф., 1971, с. 17, 18; Максименко В. Е., 1983, с. 16). Один из крупнейших иранистов конца прошлого века К. Мюлленгоф и вслед за ним Е. Минз (Minns E., 1913, с. 120) видели в названии сарматского племени языгов, известного в Подунавье и по всему европейскому берегу Меотиды, более позднюю форму тех же язаматов-яксаматов. К этому мнению полностью присоединился и К. Ф. Смирнов (1971, с. 15).

Активным и убежденным сторонником отнесения язаматов к меотскому миру племен является И. С. Каменецкий (1971). Недостаточная археологическая изученность западной степной части междуречья Дона и Кубани, как и прибрежных районов Приазовья, не дает пока возможности возобладать ни одному из этих мнений.

Более единодушны древние историки и географы в отнесении к сарматам сираков и аорсов — двух крупнейших объединений кочевников. Начиная со Страбона, наиболее вероятным источником которого был Перипл Артемидора Эфесского (конец II в. до н. э. — Ростовцев М. И. 1925, с. 56), и кончая Птолемеем (II в. н. э.), они всегда включаются в состав сарматских племен. Что касается их расселения, то Страбон помещает сираков и аорсов в Азиатской Сарматии между Азовским и Каспийским морями вплоть до Кавказских гор. Аорсы, по его сведениям, живут по Танаису, т. е. Дону, а сираки — по Ахардею (Страбон, XI, 1, 2, 5, 8), который большинство исследователей идентифицирует с Манычем или его левым притоком Егорлыком (Смирнов К. Ф., 1950а, с. 105; Виноградов В. Б., 1963, с. 142; 1965, с. 108; Шилов В. П., 1983а, с. 43), другие же видят в Ахардее Кубань (Ростовцев М. И., 1918б, с. 128; Каменецкий И. С., 1965б, с. 5, 10—12; Гаглойти Ю. С., 1968, с. 24). В интерпретации сведений Страбона о территории обитания сираков среди ученых также нет согласия. К. Ф. Смирнов расселяет сираков на территории северокавказских равнин от Кубани до Маныча-Ахардея, в долине которого и был, по его мнению, центр собственно сиракских племен (1950а, с. 106). В. П. Шилов говорит о приазовских степях и глубинных районах предкавказских степей (1983а, с. 42, 43). В. Б. Виноградов отводит сиракам бассейн Маныча и всю территорию центрального и северо-восточного Предкавказья (1963, с. 142). Д. А. Мачинский считает, что нет никаких оснований для локализации сираков на всей территории центрального и в особенности северо-восточного Предкавказья, и расселяет их в степных и равнинных областях к северу от Кубани (1974, с. 128). Аорсы достаточно единодушно помещаются исследователями в придоисских районах к востоку от Маныча. И, наконец, «верхние аорсы», называемые только

Страбоном, занимали, очевидно, земли западного Прикаспия, «от течения Кумы на северо-восток и все нижнее Поволжье по обоим берегам Волги» (Мачинский Д. А., 1974, с. 129; Шилов В. П., 1983а, с. 36, карта). Размещение племен, нарисованное Страбоном, в общих чертах сохранялось, по-видимому, до третьей четверти I в. до н. э. (Мачинский Д. А., 1974, с. 129). Но уже в середине I в. н. э. кочевья аорсов находились не только к востоку от Дона, но и много западнее, в междуречье Дона—Днепра, откуда ушли на запад роксоланы, очевидно, вытесненные аорсами. Это мнение, которое представляется достаточно обоснованным, было высказано Д. А. Мачинским на основании анализа трудов Тацита, Помпония Мелы и Птолемея (Мачинский Д. А., 1974, с. 129—131). Плинию Старшему аорсы известны у дельты Дуная (Естественная история, IV, 80). В. П. Шилов, привлекая те же письменные свидетельства, что и Д. А. Мачинский, а также археологические материалы, считает возможным говорить о продвижении в I в. н. э. некоторых аорских племен на запад вплоть до Дуная (Шилов В. П., 1983а, с. 191).

О том, что племена сираков и аорсов представляли собой крупную политическую силу, можно судить и по сообщению Страбона, который рассказывает: «Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором (середина I в. до н. э.— М. М.), выставил 20 000 всадников, царь аорсов Спадин — даже 200 000, а верхние аорсы еще больше ...» (XI, 5, 8). Даже с учетом явного преувеличения численности войск сираков и аорсов приводимые цифры говорят о величине и мощи этих сарматских группировок.

В 49 г. н. э., во время борьбы Митридата и Котиса за боспорский престол, сираки выступают на стороне Митридата, аорсы — на стороне Котиса, поддерживаемого Римом. В этой войне Митридат терпит полное поражение. Объединенные войска римлян, боспорцев и аорсов уничтожили столицу сираков Успу (Тацит, *Анналы*, XII, 16, 17), которая располагалась, по-видимому, неподалеку от восточного побережья Меотиды — Азовского моря (Шилов В. П., 1983а, с. 42). Но, несмотря на эту победу, во второй половине I в. н. э. имя аорсов исчезает со страниц письменных источников, прекращаются и сообщения о войнах между отдельными сарматскими племенами. Однако вряд ли можно говорить об окончательном падении могущества сираков и аорсов сразу после 49 г. н. э. И археологический материал, и письменные источники свидетельствуют, скорее, в пользу того, что в южной части степей междуречья Дона и Волги и в Предкавказье до конца I в. н. э. по-прежнему обитали сираки и аорсы.

Не позднее третьей четверти I в. н. э. в Подонье, а затем и в степях Северного Причерноморья появляется новое крупное кочевое объединение — аланы, которые покорили или поглотили все остальные сарматские племена. Впервые этноним «аланы» зафиксирован в 50—60-е годы н. э. в произведениях Сенеки и Лукана. Первый помещает их в низовьях Дуная, второй — в степях Предкавказья. В 70-х годах их называют Валерий Флакк, Плиний Секунд и Иосиф Флавий. Но наиболее достоверное сообщение об аланах, обитавших «по Танаису и у Меотиды», дает последний при описании опустоши-

тельного набега алан в Закавказье в 72 г. н. э. (Иосиф Флавий, VII, 7, 4).

Правда, К. Мюлленгоф считал, что упоминание алан римскими и греческими писателями с середины I в. н. э. вовсе не означает, что они стали известны только с этого времени. Просто с этого момента были уточнены сведения о них и именем алан стала называться та часть сарматов (савроматов), которая осталась на востоке (т. е. за Танаисом.— М. М.) после миграции на запад языгов и роксоланов (Müllenhoff K., 1866 (1867), S. 103).

Предложенная точка зрения разделяется и некоторыми советскими языковедами-иранистами. В частности, В. Абаев пишет, что первые вторжения алан на Кавказ следует отнести к более раннему времени (чем I в. н. э.— М. М.), от которого до нас случайно не дошло никаких исторических свидетельств (Абаев В., 1949, с. 76). Недаром китайские хроники уже в I в. н. э. сообщают, что владение Янцзя переименовано в Аланью.

В течение нескольких столетий (вторая половина I—IV в. н. э.) имя алан, которое, как сообщает Аммиан Марцеллин, приняли все евразийские помады «за свои обычаи, дикий образ жизни и одиозное вооружение» (*История*, XXXI, 2, 17), не сходит со страниц произведений античных писателей.

Однако среди современных исследователей при интерпретации аланского этноса также существуют разногласия (см. ниже).

Судя по сведениям письменных источников и археологическому материалу (удивительное единообразие позднесарматской культуры), вероятно, в конце I — начале II в. н. э. аланы создали крупное объединение, которое постепенно включило в себя большинство сарматских племен. Хотя основная территория алан оставалась за Танаисом и в Предкавказье, своими постоянными набегами, участием во всех войнах и распрях окружающих их государственных образований, наконец, непрерывающимися походами на восточные римские провинции и в Закавказье они внушали ужас всему оседлому населению. Не зря Амвросий (автор середины IV в. н. э.) называет алан племенем диким и неукротимым (О разрушении города Иерусалима, 5,1), а Секст Аврелий Виктор (вторая половина IV в. н. э.) говорит о гуннах и аланах «... которые хуже всякой другой беды» (Сокращение, XLVII, 3).

Памятников позднесарматской культуры, особенно второй половины III—IV в. н. э., в Северном Причерноморье очень немного. Одной из причин такой ситуации явилось, конечно, готское нашествие. По были, видимо, причины и внутреннего порядка, поскольку число сарматских памятников в северопричерноморских степях уменьшается еще задолго до готов.

Судя по археологическим данным, основные места сарматских кочевий располагались в конце II — начале III в. н. э. в междуречье Дона—Волги и в северо-западном Причерноморье. Однако и там после середины III в. н. э. число сарматских памятников резко сократилось. Все это интересно и неясно еще и потому, что по письменным источникам сармато-аланы удерживаются в Северном Причерноморье вплоть до появления гуннов.

Окончательное падение господства аланов проис-

ходит в конце IV в. н. э. Огнем и мечом проходят по их территории гунны. Этот подвижный и неукротимый народ, пишет Аммиан Марцеллин, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до алапов, прежних массагетов (История, XXXI, 2, 12). И далее «... И вот гунны, пройдя через земли алапов, которые граничили с грекунгами и обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Кулаковский Ю. А., 1899а, с. 243).

Часть алапов в составе гуннской орды дошла до берегов Гибралтара, часть влилась в образовавшиеся в Северном Причерноморье и Подолии новые этнические объединения раннего средневековья. Во всяком случае, с нашествием гуннов история самостоятельных объединений ираноязычных кочевников закончилась.

История изучения савромато-сарматских племен

Интерес к истории савроматских и сарматских племен, населявших евразийские степи в раннем железном веке, появляется в среде русской ученой интеллигенции еще в XVIII в. Пишутся первые «Истории российские...» (Татищев В. Н., 1768; Щербатов М. А., 1780; Ломоносов М. В., 1902, и др.), в которых высказываются две полярные точки зрения: одни историки считают сарматов древними предшественниками славянских народов (Щербатов М. А., 1780; Ломоносов М. В., 1902), другие отрицают их прямое родство (Татищев В. Н., 1768; Болтин П. Н., 1788).

В начале XIX в. русская историография делает первые попытки обосновать географическое местоположение савроматов и сарматов (Карамзин П. М., 1818; Коппен П., 1828; Сенковский О. И., 1838; Эйхвальд Г., 1838). История и вопросы расселения скифов и их ближайших соседей, в частности савроматов и сарматов, становятся предметом исследования многих историков древности (Брун Ф., 1879—1880; Бурачков П., 1886; Лаппо-Данилевский А. С., 1887; Браун Ф. А., 1899). Бурному интересу к древностям скифов и савроматов способствуют и серьезные успехи в изучении индоевропейских и особенно индоиранских языков, а также в теории языкознания, где начинает применяться метод сравнительно-исторического анализа.

В середине XIX в. возникает гипотеза об ираноязычности скифов и родственных им савроматов (Müllenhoff K., 1866, 1867). В конце века В. Ф. Миллер (1886, 1887) превращает ее в стройную теорию. С этого времени и по настоящий день в языкознании и исторической науке господствует точка зрения об ираноязычности как скифов, так и сарматов (Абаев В. И., 1949; Zgusta L., 1955).

Исследованиями в области письменных источников и лингвистики со второй половины XIX в. сопутствовали археологические открытия — главным образом случайные находки (Новочеркасский клад, 1864 г., Мигулинская чаша) и редкие раскопки (Наза-

ров Н. С., 1890; Спицын А. А., 1896; Нефедов Ф. Д., 1899). Однако до начала XX в., с одной стороны, существовало мнение о племенном тождестве скифов и сарматов и принадлежности последним даже некоторых скифских царских курганов, с другой — находки раннего железного века в поволжских и приуральских степях не идентифицировались с савроматскими и сарматскими племенами. Впервые сарматские рядовые курганные захоронения первых веков нашей эры были выделены В. А. Городцовым (1905, 1907) после его раскопок в Изюмском и Бахмутинском уездах (Городцов В. А., 1905, 1907). С этого времени начинается первый этап в развитии собственно сарматской археологии, связанный с первоначальным накоплением археологического материала. Значительную роль в этом процессе сыграли Саратовская, Оренбургская и Воронежская ученые архивные комиссии, деятельность которых в исследованиях древних памятников была весьма плодотворна. Большое значение для изучения сарматов имели также раскопки на Северном Кавказе, проведенные в начале века Н. И. Веселовским. Накопленный материал лег в основу первого обобщающего труда по истории сарматов, принадлежащего перу М. И. Ростовцева, выдающегося исследователя скифских и сарматских древностей. Его книга «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», вышедшая в 1918 г., явилась заключительным аккордом первого этапа исследований сарматских памятников. Впервые все известные к тому времени археологические материалы с территории Поволжья и южного Приуралья были сопоставлены с историческими свидетельствами и отождествлены с сарматскими племенами иранского происхождения. Необычайная интуиция ученого позволила ему на очень малом тогда материале заложить основы хронологии и периодизации сарматских памятников. Однако М. И. Ростовцев категорически отрицал генетическую связь геродотовских савроматов и сарматов позднего эллинизма и римского времени. Все исследованные им памятники он приписал сарматам преимущественно ранним, подчеркивая при этом пришлый «иранский» характер их культуры. Разновременность выделенных им групп он объяснял последовательными сарматскими волнами.

После революции начинается следующий этап в истории изучения сарматов. В 1921 г. впервые в истории археологической практики разрабатывается многолетняя перспективная программа систематического исследования древностей нижнего Поволжья. Под руководством П. С. Рыкова на базе Нижневолжского института краеведения им. М. Горького, Саратовского университета, музеев Саратова и Энгельса создается коллектив молодых увлеченных археологов (П. Д. Рау, И. В. Сидицын, Н. Н. Арзютов, П. Д. Степанов и др.), успешно работавших в 20-е и 30-е годы на территории Заволжья до излучины Урала, на правобережье Волги и в Калмыкии. С 1925 г. к этим работам присоединяется экспедиция Государственного Исторического музея, возглавляемая Б. Н. Граковым и П. С. Рыковым. В 1925 г. Б. Н. Граков исследует знаменитый Блюменфельдский курган А-12, давший название всей ранней группе памятников, выделенной им впослед-

ствии. Значительное число археологических памятников, изученных на территории первоначального обитания савроматских и сарматских племен, позволило ученым перейти к анализу источников и обобщающим работам. Первоочередной задачей становится создание периодизации полученного материала, которая хотя бы в общих чертах отражала определенные вехи и поворотные моменты в истории развития огромной этнокультурной общности, существовавшей в степях Евразии в течение целого тысячелетия. И вот уже в 1927 г. выходит книга П. Рау «Курганы римского времени на Нижней Волге», где была сделана одна из первых попыток такой периодизации. Для наиболее поздних сарматских памятников П. Рау намечает две ступени: (Stufe A) — I—II вв. н. э. и (Stufe B) — III—IV вв. н. э. Однако, находясь под влиянием идей М. Эберта и считая Поволжье очень далекой периферией античного мира, он омолаживает все сарматские материалы нижнего Поволжья на столетие по сравнению с кубанскими древностями, послужившими основой для этой периодизации. В 1929 г. П. Рау выделяет группу наиболее ранних памятников нижнего Поволжья, датирует их VI—IV вв. до н. э. и идентифицирует с геродотовскими савроматами.

В южном Приуралье, не считая случайных находок и раскопок отдельных погребений (Грязнов М. П., 1927; Гольмстен В. В., 1928; Рау Р., 1929), целенаправленные систематические исследования с 1927 г. начинает Б. Н. Граков. Как и П. Рау, он работает над вопросами периодизации и хронологии изучаемых памятников. Опираясь на всю сумму известного к тому времени материала с территории от правобережья Волги до южного Приуралья, Граков уже в статьях конца 20-х годов (Граков Б. Н., 1928а; Граков В., 1928, 1929) объединяет все ранние памятники в две группы и очень точно датирует каждую: первую — VI — первой половиной IV в. до н. э. и вторую — концом IV—II в. до н. э. Однако, разделяя точку зрения М. И. Ростовцева об отсутствии генетического родства между савроматскими и сарматскими племенами, Б. Н. Граков отождествляет раннюю хронологическую группу, т. е. памятники блюменфельдского типа, не с савроматами Геродота, как предложил П. Рау, а с историческими скифами, считая, что «жители (оставившие эту культуру) были остатками скифских миграций» (Граков В., 1928, р. 154). Но уже в IV в. до н. э. их вытеснили носители новой культуры (вторая хронологическая группа IV—II вв. до н. э., названная впоследствии прохоровской), которых он вслед за М. И. Ростовцевым считает каким-то ответвлением сарматской народности, но не господствующим классом сарматов-наездников, как писал М. И. Ростовцев, а сплошным сарматским населением.

30-е предвоенные годы в истории сарматской археологии посвящены, с одной стороны, дальнейшему накоплению материала, с другой — решению двух основных проблем — периодизации изучаемых памятников и выяснению характера связей между савроматами Геродота и сарматами раннего и позднего эллинизма.

В связи с этими вопросами особое место занимает статья Б. Н. Гракова, вышедшая в 1930 г., «О ближайших задачах археологического изучения Казах-

стана». В ней в очень сжатом виде даны по существу все те отличительные признаки, которые легли затем в основу характеристики двух первых хронологических групп — блюменфельдской и прохоровской. Сказано несколько слов и о памятниках римского времени, которые хронологически и генетически, по мнению Б. Н. Гракова, примыкают к прохоровской группе, отождествляемой с сарматами. Отечественная война задержала, но не прервала исследование в области истории сарматов. Уже в 1945 г. в письменных материалах, подготовленных Б. Н. Граковым к Всесоюзному археологическому совещанию, в тезисной форме были изложены основы сарматской периодизации.

В 1947 г. выходит статья Б. Н. Гракова ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ или «Пережитки матриархата у сарматов», которую следует рассматривать как серьезную веху в истории изучения сарматов. Она могла появиться на свет только в результате многолетних работ таких крупных исследователей, как М. И. Ростовцев, П. С. Рыков, П. Д. Рау и сам Б. Н. Граков.

Проведенные за это время раскопки в нижнем Поволжье и южном Приуралье позволили Б. Н. Гракову выделить обширную территорию от Аткарска до Степного и Яшкулья между Волгой и Доном — на западе, до Эмбы и Орска — на востоке и до Бузулука и Магнитогорска — на севере, на которой, по его мнению, была распространена одна археологическая культура, тождественная на всем ее протяжении. Культура эта покрывала все области, населенные савроматами (по Милзу и Рау) и сарматами (по Ростовцеву). Значит, следовало либо отказаться от отрицания тождества обоих понятий, либо, пишет Б. Н. Граков, «искать исход позднейших сарматов далее на восток» (1947в, с. 103). Ученый останавливается на первом варианте и впервые представляет развернутую систему доказательств этногенетической связи савроматов Геродота и сарматов позднего эллинизма и римского времени.

Традиция особого положения женщины в савроматском обществе нашла свое продолжение в обществе раннесарматских кочевников, что проявилось особенно ярко в южноуральских памятниках (центральное место женской могилы в кургане, вооружение и предметы культа в женских могилах).

В этой же статье для всего савромато-сарматского материала, охватывающего целое тысячелетие, была предложена четкая хронологическая периодизация. Все памятники оказались представлены в виде четырех последовательных периодов, отличных в целом друг от друга и по погребальному ритуалу, и по инвентарю. Каждый из периодов Б. Н. Граков называл ступенью или культурой, подчеркивая тем самым очень большое своеобразие их и всю сложность и неравнозначность процесса перехода от одной культуры к другой. Периодам было дано название: I ступень — савроматская или блюменфельдская культура — VI—IV вв. до н. э.; II — савромато-сарматская или прохоровская культура — IV—II вв. до н. э.; III — сарматская или сусловская культура — с конца II в. до II в. н. э.; IV — алашская или пиповская культура — II—IV вв. н. э. В то же время все четыре отдельные культуры Б. Н. Граков объединил общим понятием «сарматская культура», ука-

зывая тем самым на существование этнических связей на протяжении всей тысячелетней истории сарматов.

Удревняя на целое столетие (по сравнению с периодизацией П. Д. Рау) датировку двух последних культур, Б. Н. Граков опирался на только что законченное исследование К. Ф. Смирнова (1947). Хотя сам Б. Н. Граков квалифицирует свою периодизацию как хронологическую схему, нам представляется, что она отражает изменения не только в материальной и духовной культуре населения этого огромного региона, но и в его этнополитической истории. В последующие годы были сделаны некоторые уточнения терминологического порядка. Савромато-сарматская культура обычно называется теперь раннесарматской (Мошкова М. Г., 1963, 1974; Смирнов К. Ф., 1964а), а аланская или шиповская — позднесарматской. Последнее уточнение связано с тем, что сами Шиповские курганы относятся уже к гунискому времени (Засецкая И. П., 1968) и, кроме того, далеко не все исследователи идентифицируют позднесарматскую культуру с аланским этносом (Мачинский Д. А., 1971; Скрипкин А. С., 1973).

Периодизация, построенная на материалах сарматских памятников, располагавшихся к востоку от Дона, в общих чертах находит полное соответствие в сарматских комплексах Северного Причерноморья. Однако, во-первых, она не исключает возможных уточнений границ того или иного периода для различных районов расселения огромного кочевого массива племен, особенно после завоевания сарматами северопричерноморских степей, и, во-вторых, эта периодизация не может отражать изменения всех сторон жизни сарматских кочевников — в экономической, социальной и политической областях, так как далеко не всегда эти процессы бывают синхронны. Поэтому и появилась несколько отличная от общепринятой периодизация северопричерноморских памятников (от Дона до Днепра), разработанная В. И. Костенко. Его уточнения касаются времени верхней границы раннесарматских памятников, которую он относит к рубежу II—I вв. до н. э. или просто к началу I в. до н. э. (Костенко В. И., 1981, с. 8, 11, 17). У Б. Н. Гракова конец II в. до н. э. относится уже к среднесарматскому периоду (1947 в, с. 105). Вероятно, для степей Северного Причерноморья уточнения В. И. Костенко справедливы, тем более что им учтена и политическая ситуация в этих районах расселения сарматов. Что касается территории к востоку от Дона, то только время покажет, следует ли распространять предложенную им поправку и на эти области. Но тем не менее в настоящее время четырехступенчатая «хронологическая схема», как назвал ее Б. Н. Граков, с самыми незначительными модификациями признается и используется всеми исследователями.

Абсолютная хронология для савромато-сарматских памятников разрабатывалась параллельно с их периодизацией. Первые абсолютные даты были предложены М. И. Ростовцевым (1918а) и строились на основе аналогий с хорошо датированными скифскими приднепровскими и кубанскими древностями. Для Покровских курганов он предложил V—IV вв. до н. э., для Прохоровских — III—II вв. до н. э.

После открытия знаменитого Блюменфельдского

кургана Б. Н. Граков (Grakov B., 1928) изучил его в тесной связи с другими однотипными памятниками и, сопоставив с инвентарем скифского времени Северного Причерноморья и Кубани, датировал всю группу этих погребений VI — началом IV в. до н. э.

В 1929 г. такая же работа была проделана П. Рау, который выделил группу ранних погребений нижнего Поволжья и южного Приуралья, а затем на основании детального изучения скифских наконечников стрел Северного Причерноморья разработал датировку каждого отдельного памятника. Вся группа этих погребений по времени была определена им с конца VII по IV в. до н. э. (Rau P., 1929).

Абсолютная датировка более поздних сарматских материалов (I в. до н. э.— I в. н. э.) была предложена К. Ф. Смирновым (1947) после анализа кубанских материалов римского времени.

Таким образом, построена савромато-сарматская хронология на сопоставлении со скифскими, северопричерноморскими и кубанскими памятниками, датированными в свою очередь по античным материалам. Для южноуральского региона определенными реперами служили вещи восточного происхождения — ахеменидские печати, серебряные блюда, ритоны и др.

Новый этап в изучении сарматов связан с массовыми археологическими исследованиями сарматских памятников, развернувшимися в послевоенные годы, особенно с начала 50-х годов, в связи со строительством крупных гидроэлектростанций. В нижнем Поволжье и Заволжье работают И. В. Синецких, К. Ф. Смирнов, В. П. Шилов. С 60-х годов начинается массовое обследование междуречья Волги—Дона (В. П. Шилов, Г. А. Федоров-Давыдов) и степей верхнего Маныча (И. В. Синецких, У. Э. Эрдишев). Вскоре разворачиваются большие работы по изучению памятников нижнего Дона (Б. И. Брагинский, В. С. Ефанов, Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий, С. И. Капошина, В. Е. Максименко, М. Г. Мошкова, К. Ф. Смирнов, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов и др.), которые продолжают по сей день молодыми исследователями (С. И. Безуглов, Е. И. Беспалый, Ю. А. Гугуев, В. А. Гугуев, Л. С. Ильюков, В. В. Чалый и др.).

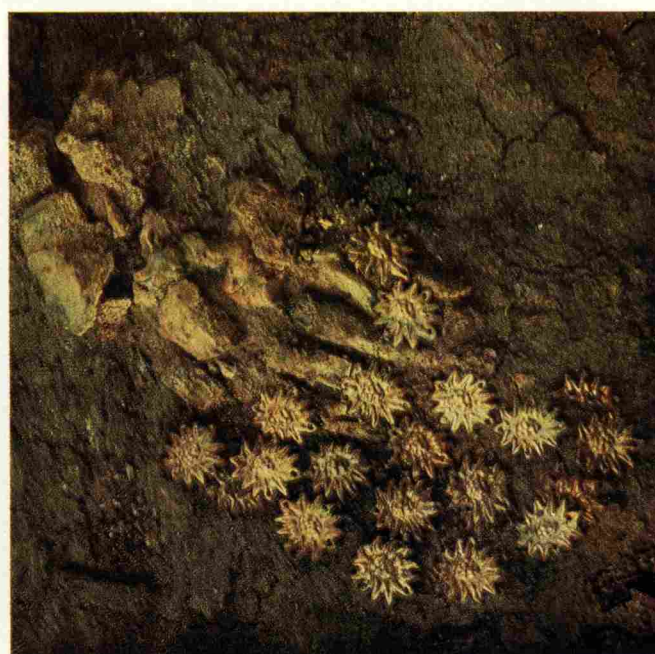
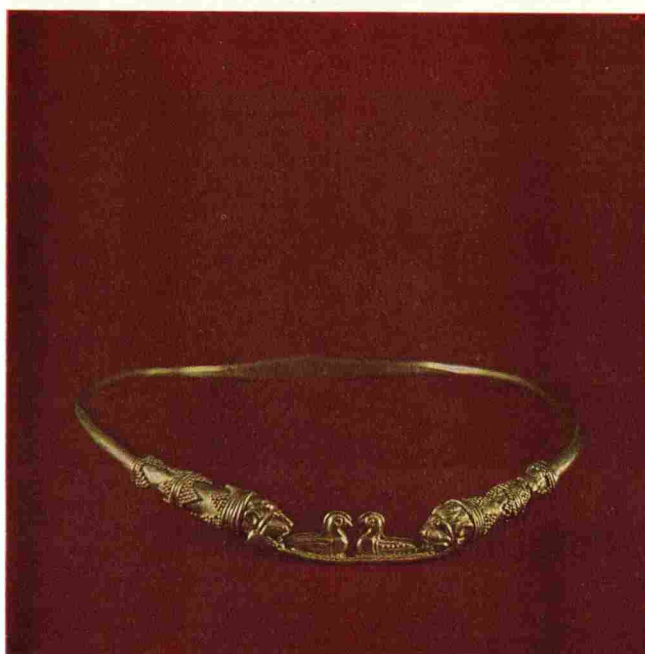
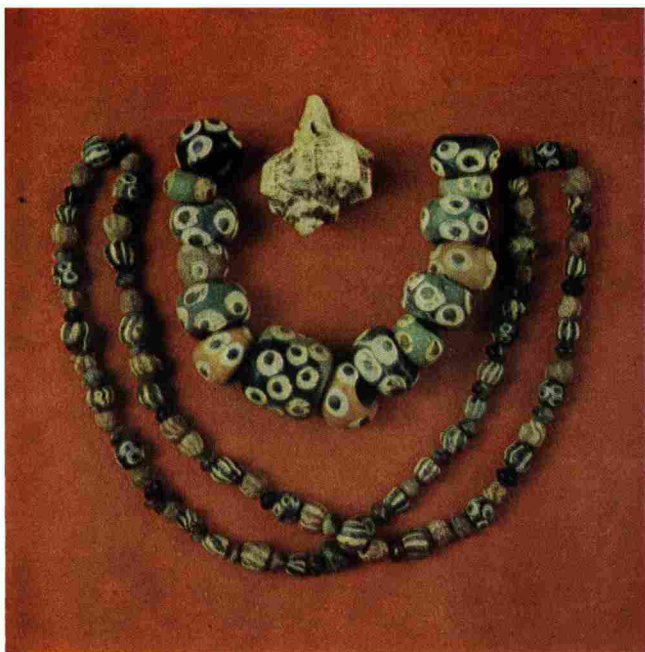
Еще в конце 50-х годов археологи приступили к изучению степей южного Приуралья (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова), где после разведок и раскопок М. П. Грязнова (1926 г.) и Б. Н. Гракова (1927—1928, 1930 и 1932 гг.) не проводилось практически никаких исследований, за исключением работ К. В. Сальникова (1936 г.). В орбиту интересов археологов включаются все новые регионы — южная и юго-восточная Башкирия (М. Х. Садыкова, Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк), левобережье Урала (Г. В. Кушаев, М. Т. Мошкова, Б. Ф. Железчиков), лесостепное Подонье (В. П. Левенко, Р. Ф. Воронина, А. П. Медведев).

Так же интенсивно начинается изучение западных районов. Широким фронтом идут раскопки в Приазовье, на р. Молочной (М. И. Вязьмитина), в степи и лесостепи правобережного Днепра (Е. В. Махно, Е. Ф. Покровская, Г. Т. Ковпаненко). Не менее энергично обследуется территория Молдавии (Г. Б. Федоров, Э. А. Рикман, И. А. Рафалович).

Вещи из скифских курганов

- 1 — золотая пластина от конского убора из кургана у с. Гюновка Запорожской обл.;
- 2 — бронзовое навершие с изображением Паная. Случайная находка в урочище Лысая Гора в Днепропетровской обл.

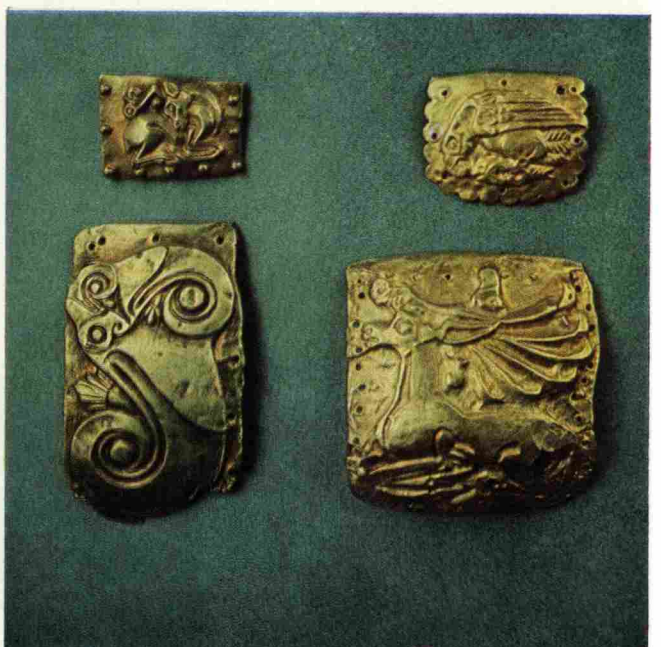
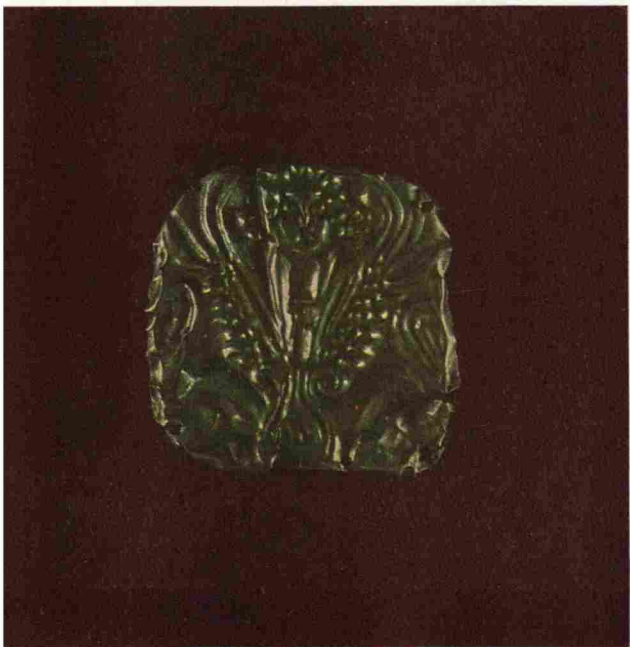
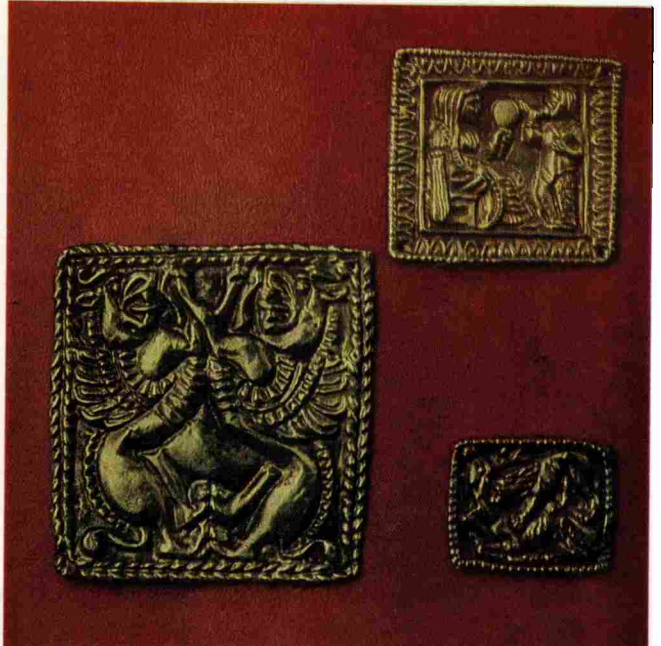
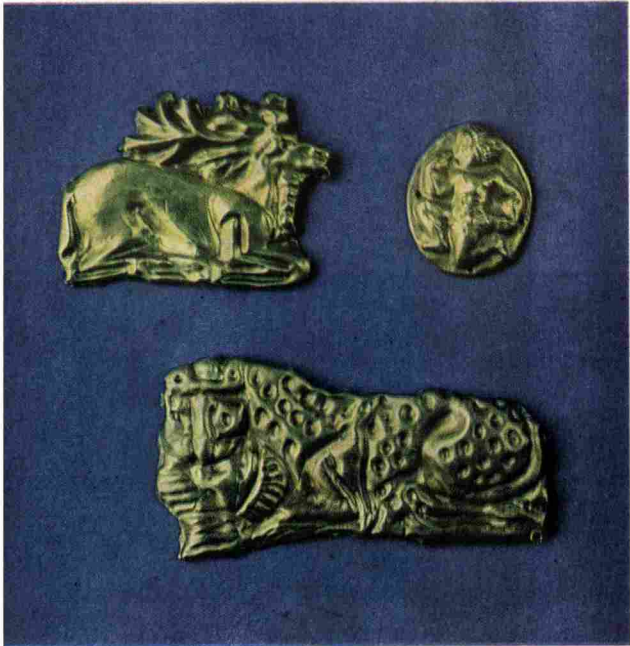
Украшения из скифских курганов

1 — ожерелье из бус из кургана «Три Брата» близ Керчи;
 2 — золотая гривна из кургана близ г. Григориополя
 Молдавской ССР (раскопки Н. А. Кетрару);

3, 4 — остатки обуви с золотыми бляшками из женского погребения в Мелитопольском кургане

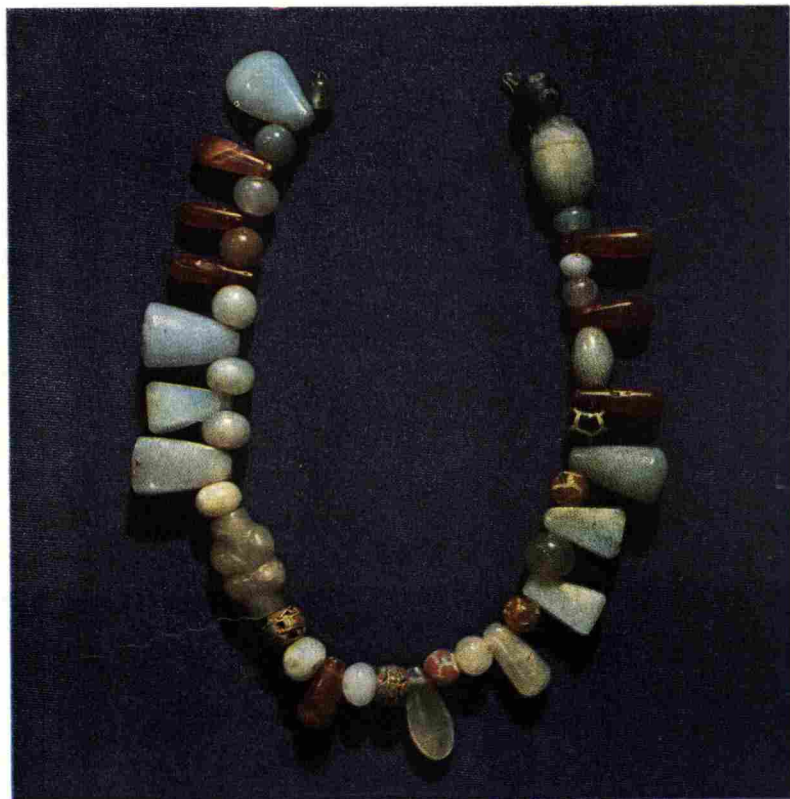
Украшения из скифских курганов

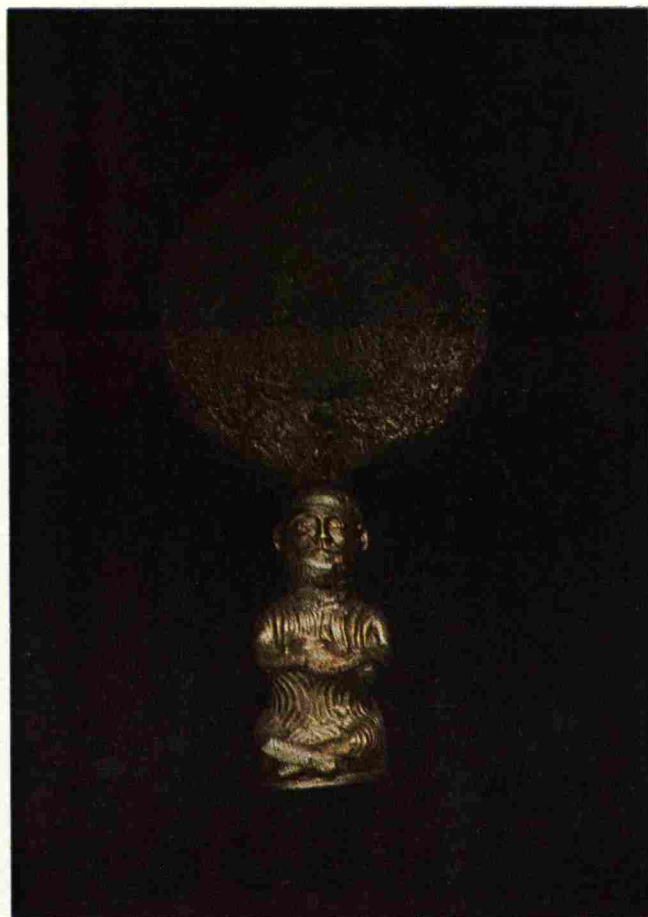
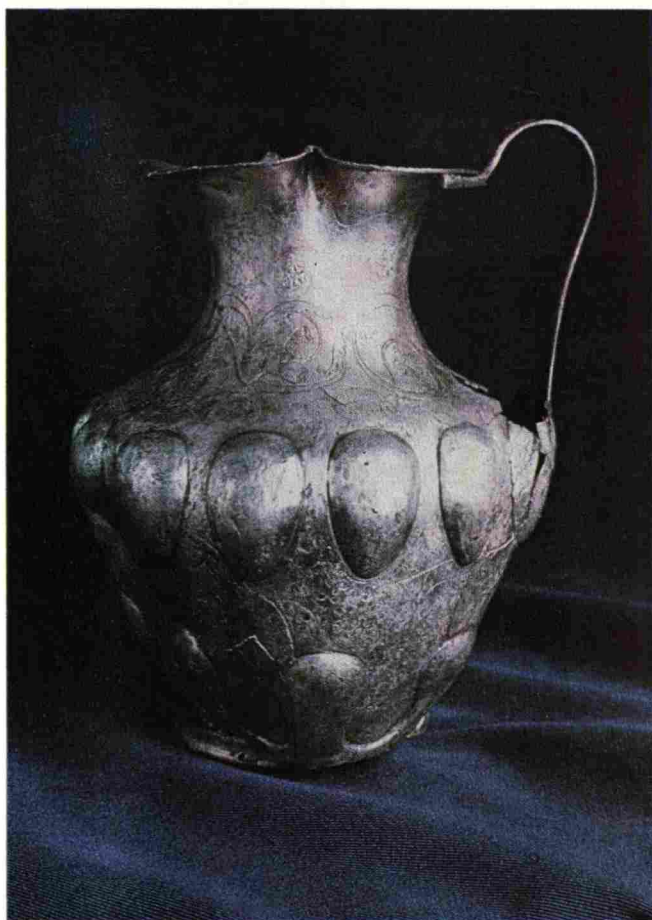
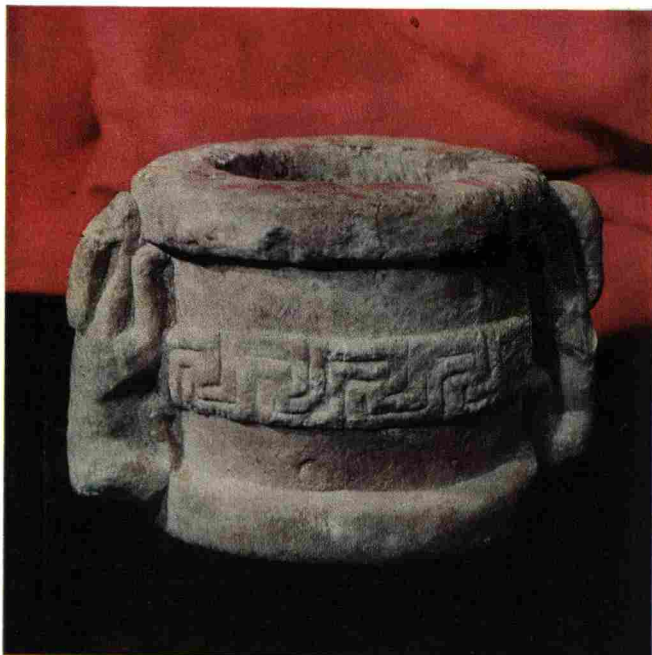
1 — 2 — золотые серьги:
 1 — из кургана у с. Балабаны;
 2 — из кургана близ г. Григориополя;
 3 — 5 — золотые бляшки:
 3 — из кургана Красный Перекоп;
 4 — из кургана Гайманова Могила;
 5 — из кургана близ г. Григориополя;
 6 — золотые обивки деревянных сосудов из кургана Завадская Могила

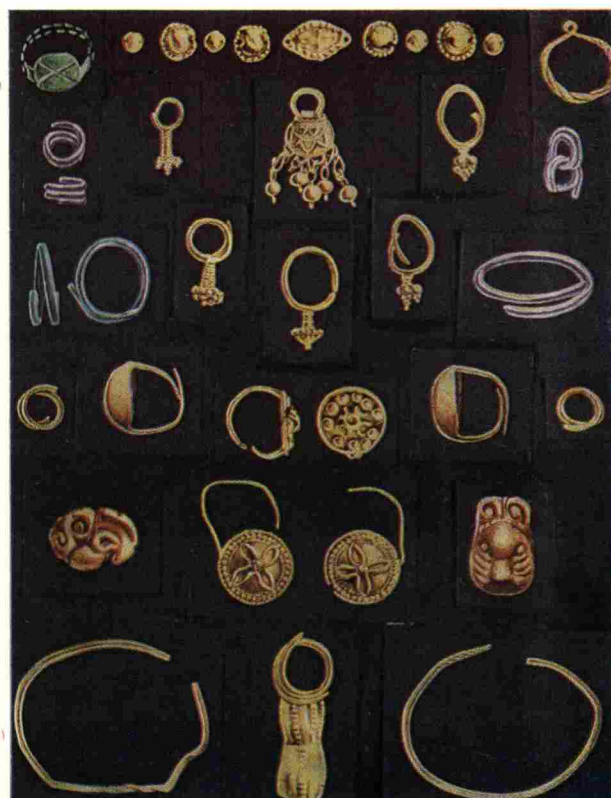
Реконструкция одежды и ожерелье женщины, погребенной в кургане Соколова Могила

Ювелирные изделия и предметы культа из сарматского кургана Соколова Могила

- 1 — алебастровая курильница;
- 2 — золотые браслеты со вставками;
- 3 — серебряный кувшин;
- 4 — бронзовое зеркало

Ювелирные изделия из сарматских погребений

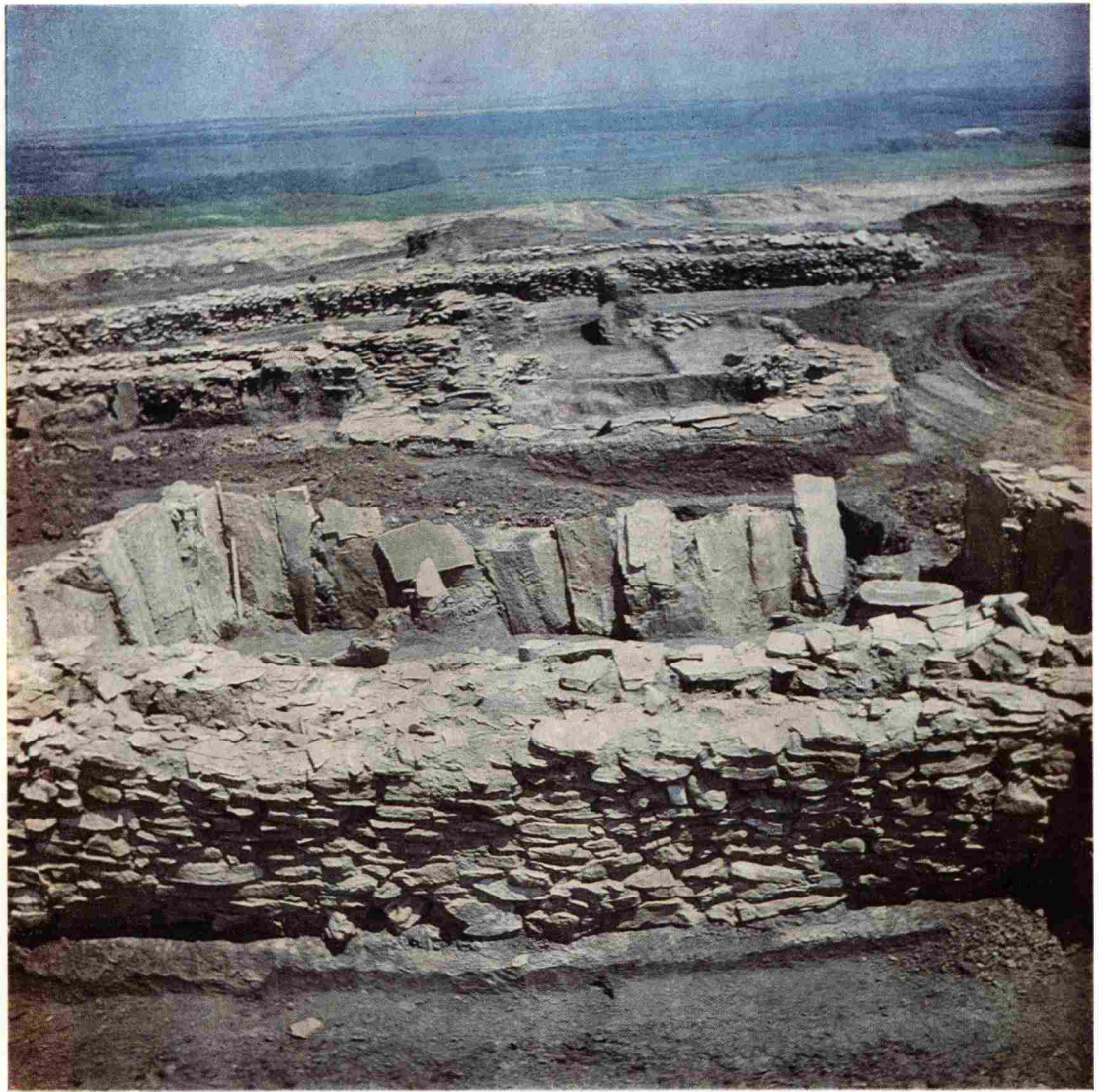
1 — золотые ювелирные изделия и украшения из могильника Лебедевка;

2 — золотые, серебряные и бронзовые украшения и ювелирные изделия из савромато-сарматских погребений шикшего Новолесья и южного Предуралья

Общий вид стены храма в кургане 1 у хут. Красное Знамя

ище виды кургана 1
хут. Красное Знамя

Серебряные с позолотой
ритон и навершие в виде
фигурки кабана из кургана
у хут. Уляп (раскопки
А. М. Лескова)

С 70-х годов появляется новый район изучения сарматских памятников — левобережье Днепра, бассейны рек Орели и Самары (В. И. Костенко). В этом кратком перечне упомянуты лишь места сплошного обследования и наиболее полных раскопок открытых там памятников. Одиночные курганы и небольшие группы, разбросанные по всей территории евразийских степей, также являлись объектом постоянного исследования археологов. Возросшая во много раз источниковедческая база позволила ученым подойти к решению ряда культурно-исторических проблем. Основное внимание уделяется изучению древней истории савроматов и сарматов на территории их первоначального расселения, т. е. к востоку от Дона. Особенно плодотворно исследуется К. Ф. Смирновым савроматская культура в двух ее локальных вариантах — Волго-Донском и Самаро-Уральском. В его работах (1957, 1964а), особенно в монографии «Савроматы» (1964а), были затронуты все вопросы ее развития: происхождение, дробная хронология, производство и характер хозяйства, общественный строй, искусство, религиозные представления, торговые связи и взаимоотношения с соседями. Большинство из этих проблем были поставлены впервые, другие, уже рассматривавшиеся, решены по-новому. Так, К. Ф. Смирнов выдвинул гипотезу об автохтонном происхождении савроматов, в этногенезе которых основное место заняли потомки срубных и андроновских племен. Вместе с тем он не исключал значения миграционных процессов. В этом плане недавно высказана мысль, что формирование савроматской культуры кочевых племен южного Приуралья происходило в степях Приуралья и лишь в VI—V вв. до н. э. «начинается освоение южноуральских степей» (Пшеничнюк А. Х., 1982, с. 76).

По данным антропологии сарматы нижнего Поволжья и южного Приуралья при небольшой вариативности отдельных признаков весьма близки между собой. Сходны с ними и сарматы Подонья и Поднепровья. Все они относятся к большой европеоидной расе, в основном к мезо-брахикранным европеоидным типам — андроновскому, переднеазиатскому и среднеазиатскому междуручья. Меньшее количество черепов относится к долихокранно-мезокранным типам (северному и средиземноморскому). Очень небольшая часть черепов сарматов характеризуется чертами монголоидной расы (2%) или смешанными монголоидно-европеоидными (10%). Монголоидная примесь чаще отмечается для II—IV вв. н. э. В это же время широко распространяется искусственная деформация головы. Ее применяло больше 80% сарматского населения Поволжско-Донского и Приуральского регионов (Тот Т. А., Фирштейн Б. В., 1970, с. 146, 147). Западнее Дона, в приазовских и северопричерноморских степях, процент населения с деформированными черепами невелик.

На современном этапе наших знаний представляется, что процесс формирования савроматской культуры, несомненно, носил двойкий характер — автохтонный и миграционный. Однако количественное соотношение этих двух начал, как и саму механику процесса, еще нужно изучать и уточнять.

Непосредственно к этой проблеме примыкают вопросы, связанные с этнической идентификацией памятников, принадлежащих двум локальным вариан-

там савроматской культуры. Западный, Волго-Донской, вариант все склонны связывать с геродотовскими савроматами, в отношении Самаро-Уральских материалов согласия нет.

Первоначальная, очень осторожно высказанная концепция К. Ф. Смирнова сводилась к тому, что большая неоднородность южноуральских памятников (по сравнению с волго-донскими. — М. М.) позволяет говорить о вхождении в этот союз «части загадочных исседонов», протоорсов и, возможно, роксоланов (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 197). Основную массу исседонов Аристеем и Геродотом он поселил, как и другие исследователи (Сальников К. В., 1966, с. 118—124), в лесостепном Зауралье (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 274, 275). Д. А. Мачинский, исходя из анализа письменных источников, пришел к выводу о заселении южноуральских степей исседонами (1971, с. 30—37). В. П. Шилов (1975, с. 139) придерживается того же мнения. Ю. М. Десятчиков (1974, с. 9, 10) идентифицирует кочевников южного Приуралья с дахами. В 1977 г. К. Ф. Смирнов выступил с новой гипотезой, где по сути совместил позиции Д. А. Мачинского — В. П. Шилова и Ю. М. Десятчикова. Согласно ей, весь южноуральский массив племен разделяется на две группы, из которых западная, по его мнению, связана с дахомассagetскими племенами, а восточная — с исседонами (Смирнов К. Ф., 1977б, с. 135). Существующий археологический материал не соответствует выдвинутой гипотезе, и наиболее реальной представляется позиция В. П. Шилова — Д. А. Мачинского.

Не менее дискуссионной оказалась и тема, связанная с особым положением женщины в савроматском обществе и вопросом квалификации этого явления.

Поставленная еще в трудах М. И. Ростовцева на основании лишь письменных источников эта проблема с привлечением археологических данных была разработана Б. Н. Граковым (1947 в). Исследователь пришел к выводу о существовании ярко выраженных следов матриархата у савроматов (с. 100—119). Предложенная концепция нашла сторонников (Голстов С. П., 1948, с. 325—331; Сяницын И. В., 1960, с. 198; Виноградов В. Б., 1963, с. 96; Смирнов К. Ф., 1964а, с. 200—206) и противников (Шилов В. П., 1960; Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая И. Я., 1965, с. 143, 153; Смирнов А. П., 1966, с. 85; 1971, с. 188—191).

В начале 70-х годов появляется статья А. М. Хазанова, выводы которой прекратили бурную полемику по этому вопросу. Опираясь на анализ не только письменных и археологических источников, но и на имевшиеся в этнографической науке представления о том, что позднематеринский род и патриархальный род являются параллельно существовавшими формами распада первобытнообщинных отношений, А. М. Хазанов пришел к выводу о бытовании у савроматов именно материнского рода на поздней ступени его развития (1970, с. 138—148).

Немало проблем связано с изучением следующего периода в истории сарматов — раннесарматской, или прохоровской, культуры, хронологически непосредственно примыкающей к савроматской. Генетическая связь обеих культур была доказана еще Б. Н. Граковым (1947 в). Однако новый устойчивый комплекс погребального обряда и инвентаря, отлич-

ный от предыдущего, выдвинул вопрос о происхождении этой культуры. Как всегда, мнения разделились, и сейчас существуют две основные точки зрения. Согласно одной из них формирование прохоровской культуры происходило в недрах кочевого населения южноуральских степей при участии индоевропейских элементов (Смирнов К. Ф., 1960, с. 257; Мошкова М. Г., 1963, с. 6). Со временем были уточнены районы, откуда могли двигаться в степи Приуралья отдельные группы пришлых племен. Это главным образом лесостепное Зауралье (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 286), территория, занятая племенами иткульской и гороховской культур (Мошкова М. Г., 1974, с. 36, 47), степи Казахстана и, возможно, степные районы Приаралья. Формирование прохоровской культуры, отдельные элементы которой фиксируются уже с V в. до н. э. (круглодонная керамика, южная ориентировка погребенных), заканчивается в южном Приуралье в IV в. до н. э. Для рубежа IV—III вв. до н. э. можно уже говорить о массовом передвижении южноуральских кочевников в нижнее Поволжье и смешении их с потомками геродотовских савроматов. С этого времени прохоровская культура становится характерной и для нижнего Поволжья. Однако местная савроматская основа придает Волго-Донскому локальному варианту прохоровской культуры особую окраску, что и отличает его от Южноуральского варианта (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 286 сл.; Мошкова М. Г., 1963, с. 4, 5; 1974). В. П. Шилов отстаивает другую позицию. По его мнению, раннесарматская культура нижнего Поволжья сложилась самостоятельно на базе савроматской культуры, одновременно с формированием прохоровской культуры Приуралья и независимо от нее (Шилов В. П., 1975, с. 133).

Вопросами расселения савроматских и сарматских племен с территории их первоначального обитания занимались очень многие исследователи. Проблема эта безбрежна и включает множество тем. Споры идут о начале и интенсивности передвижения сарматов из-за Дона, о времени самой мощной волны переселения, сломившей господство скифов в Северном Причерноморье, наконец, о направлениях сарматской экспансии и последствиях ее для тех или иных территорий. Для V в. до н. э. все без исключения признают мирный характер взаимоотношений скифов и савроматов. Существует и функционирует торговый путь из Ольвии к кочевникам Поволжья и южного Приуралья (Граков Б. М., 1947а), савроматы в качестве союзников скифов выступают против войск Дария (Геродот, IV, 120). В оценке же событий IV в. до н. э. в истории сарматов и той политической ситуации, которая существовала в западных пограничных зонах начиная с конца V в. до н. э., позиции ученых расходятся. Основные разногласия касаются определения времени массовой экспансии сарматов на запад, утверждения их политического господства в степях Северного Причерноморья и характера этого процесса.

Большинство исследователей сообщение Диодора о превращении большей части Скифии в пустыню и поголовном истреблении побежденных скифов сарматами относит ко второй половине III в. до н. э., рубежу III—II или началу II в. до н. э. (Vernadsky G., 1944, p. 74; Граков Б. Н., 1954, с. 28; Абра-

мова М. П., 1961, с. 92; Смирнов К. Ф., 1964а, с. 290; Harmatta J., 1970, p. 19, 30—31; Шелов Д. Б., 1970, с. 62—65; Хазанов А. М., 1971, с. 65; Максименко В. Е., 1983, с. 128, 129). Примерно так же, концом III в. до н. э., датировал завоевание сарматами Северного Причерноморья и М. И. Ростовцев (1925, с. 111).

Однако в последние годы появились ученые, склонные относить сообщение Диодора к более раннему времени — к концу IV, рубежу IV—III вв. до н. э., началу III или III в. до н. э. (Виноградов В. Б., 1963, с. 38; Мачинский Д. А., 1971, с. 44—54; Щеглов А. Н., 1978, с. 119; 1985; Костенко В. И., 1981, с. 16, 23).

Д. А. Мачинский, опираясь на анализ только письменных источников, настаивает на конце IV—III вв. до н. э. Его концепция требует особого, специального рассмотрения (что пока еще не сделано. — М. М.), поскольку основана на далеко не бесспорном толковании письменных источников и совсем не учитывает археологических данных (Шелов Д. Б., 1974а, с. 48).

Несколько особую позицию в этом споре занял А. Н. Щеглов. На основании археологических свидетельств он пришел к выводу, что сарматское опустошение Скифии произошло в пределах первой четверти или первой трети III в. до н. э. и лишь спустя какое-то время сарматы заселили степи Северного Причерноморья (Щеглов А. Н., 1985). Однако при всей стройности теории А. Н. Щеглова она все еще не устраняет и не объясняет ряд противоречащих ей фактов, таких, например, как не катастрофическую гибель Каменского, Елизаветинского и других крупных скифских городищ (что можно было бы ожидать), а постепенное угасание их в течение III в. до н. э., и, напротив, гибель, вероятнее всего, именно на рубеже III—II вв. до н. э. всех нижнедонских и приазовских поселений, существовавших там в скифское время (V—III вв. до н. э.). Наконец, очень существенным является и факт появления укрепленных нижнеднепровских скифских городищ именно на рубеже III—II вв. до н. э.

Как видим, вопрос о времени тотального опустошения и разгрома Скифии сарматами еще далек от окончательного решения. Но наиболее убедительным представляется пока отнесение этого события к концу III — рубежу III—II вв. до н. э., что было подтверждено и в последней работе К. Ф. Смирнова (1984), где он говорит о нескольких этапах сарматских миграций в степи Северного Причерноморья. Первый этап — конец V—III в. до н. э. — автор связывает с мирным переходом части савроматов (сарматов) через Дон, занятием ими некоторых районов Приазовья и очень незначительной инфильтрацией отдельных савроматских отрядов в глубь скифской территории вплоть до Днепра (Ушкалка, Грушевка). Второй, наиболее крупный этап миграций К. Ф. Смирнов датирует концом III—I в. до н. э. и соотносит с наивысшей активностью политических союзов во главе с языгами, роксоланами и аорсами — носителями прохоровской культуры. Начало этого этапа, как он считает, отражено в сообщении Диодора, когда и произошло утверждение политического господства сарматов на территории бывшей Скифии (Смирнов К. Ф., 1984, с. 115—123).

Совсем недавно появилась еще одна точка зрения на эту проблему, в основе которой лежит посылка об ухудшении климатических условий в степях Северного Причерноморья начиная с середины III в. до н. э. Следствием явились упадок Скифии, резкое сокращение численности ее населения, остатки которого концентрировались в наиболее благоприятных районах низовьев Днестра и долинах рек предгорий Крыма. Сарматские племена, спорадически проникавшие в Днепро-Донское междуречье в III—II вв. до н. э., переселяются сюда лишь в конце II—I в. до н. э., когда началось улучшение климатических условий. Сарматы, по мнению автора концепции С. В. Полина, не сменили и не вытеснили скифское население, а заполнили пустовавшие степные пространства (Полін С. В., 1984, с. 33, 34). Пока что эта позиция не получила поддержки других исследователей.

С изучением истории сарматов после расселения их на запад, юго-запад и юго-восток с территории первоначального обитания связан ряд очень важных проблем, работа над большинством из которых еще впереди. Практически во всех случаях не изучены как формы взаимоотношений появившихся сарматских племен и местных аборигенных, так и механизмы аккультурации и их результаты. Особенно своеобразны эти процессы, например, на территории лесостепной зоны Украины и Молдавии, где культура и образ жизни кочевников подверглись наибольшему изменению (Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961; Рикман Э. А., 1975а). Почти не разработана проблема трансформации археологического комплекса сарматской культуры по мере удаления ее носителей от территории их первоначального обитания. Эта тема касается не только областей Северного Причерноморья и среднего Дона, где сарматы столкнулись со скифами, племенами лесостепной зоны, населением греческих городов, но и районов восточных римских провинций, т. е. территорий Румынии и Венгрии. Так же актуальны эти вопросы для Прикубанья, Предкавказья и особенно для областей Казахстана и Средней Азии, куда в III—II вв. до н. э. устремилась часть сарматов южного Приуралья. Вероятно, в одних районах (бассейн Зеравшана) какое-то время они существовали монолитно, в других (восточное Приаралье), по-видимому, сразу же влились в местные кочевые орды и во многом утратили первоначальный облик своей культуры и свою этническую целостность.

Одной из самых серьезных, трудных и методически елабо разработанных считается проблема выделения отдельных этнических групп из общей многочисленной массы сарматских кочевых объединений. Связано это с отсутствием необходимых для данной процедуры критериев как для признаков погребального обряда, так и набора инвентаря, а также с ограниченными интерпретационными возможностями археологии.

Однако попытки анализа археологического материала именно в этом направлении предпринимались очень давно. Еще П. С. Рыков при обработке раскопанного им Суловского могильника обратил особое внимание на разнообразие форм погребальных сооружений памятника и скоррелировал различные формы могил с некоторыми признаками погребаль-

ного обряда и отдельными категориями и типами вещей. Одну из выделенных им групп он отождествил с аланами, другую — с аорсами (Рыков П. С., 1925, с. 25).

В конце 40-х годов такую же попытку предпринял К. Ф. Смирнов. Все сарматские захоронения конца II в. до н. э.—I в. н. э., открытые в Поволжье и междуречье Дона—Днестра, совершенные в больших квадратных или прямоугольных ямах с деревянной рамой на дне или облицовкой деревом стен могилы, в которых погребенные лежали по диагонали ямы головами на юго-запад, реже — юго-восток, юги или восток, были оставлены, по его мнению, представителями роксоланов (Смирнов К. Ф., 1948).

Предложенная концепция прочно вошла в археологическую литературу и нашла широкую поддержку у многих исследователей (И. В. Сеницын, М. И. Вязьмитина, В. Б. Виноградов, М. П. Абрамова, С. П. Толстов). Не поддержали ее лишь Б. Н. Граков и В. П. Шилов.

Однако в конце 60-х — начале 70-х годов по этому вопросу развернулась бурная дискуссия. И. П. Засецкая вновь подняла все материалы по диагональным погребениям, количество которых во много раз увеличилось, и выступила главным образом против категорических высказываний Е. К. Максимова (1966), полностью поддерживавшего первоначальную концепцию К. Ф. Смирнова, к тому времени уже несколько видоизмененную автором. Хотя К. Ф. Смирнов по-прежнему связывал диагональные погребения с роксоланами, он допускал теперь, что данная форма погребений не была единственной для роксоланского племенного союза. К тому же, по мнению ученого, эти погребения могли принадлежать также отдельным родам других сарматских племен, в частности аланам и аорсам. Оставлены они, как думал К. Ф. Смирнов, представителями господствующей аристократии, выделившейся из среды роксоланских и алано-аорских племен в первые века нашей эры (Смирнов К. Ф., 1959, с. 319). Проведенный И. П. Засецкой анализ всего имеющегося археологического материала позволил ей, как представляется вполне справедливо, утверждать очень малую вероятность отождествления роксоланов с диагональными погребениями (1974, с. 121).

Раскопки 60-х годов в южном Приуралье и увеличение числа ранних диагональных погребений, бесспорно, связанных с могилами женщин-жриц, позволили М. Г. Мошковой говорить об отражении, очевидно, социальных явлений и каких-то религиозных представлений в диагональном обряде захоронения (1972а, с. 71). Отказался от отождествления диагональных погребений с роксоланами и К. Ф. Смирнов, подчеркивавший именно «различное социальное положение отдельных представителей родовых групп кочевников, что, вероятно, часто определяло и разные формы захоронений, особенно формы могил, как это известно по этнографическим данным» (1974, с. 34).

Дискуссия, происходящая по поводу диагональных захоронений, является частью очень сложной теоретической проблемы — можно ли рассматривать форму погребального сооружения как один из основных этнических признаков для выделения отдельных племен из многоплеменной сарматской общ-

ности. Высказывалось, например, предположение, что подобные погребения Нижнего Поволжья и Северного Кавказа II—IV вв. н. э. принадлежат гуннам (Нечаева Л. Г., 1961). Не менее жаркие споры идут и по поводу соотношения катакомбных погребальных сооружений с ранними аланами (Мошкова М. Г., 1983, библиография).

Множество самых разноплановых вопросов связано с последним периодом в истории сарматов, когда почти синхронно (вторая половина I в. н. э. и первая половина II в. н. э.) происходят два события: в письменных источниках появляется название нового мощного кочевого объединения алан, а на просторах Азиатской Сарматии формируется позднесарматская археологическая культура.

Неминуемо возникла проблема — являются ли аланы создателями и носителями позднесарматского археологического комплекса, а если нет, то когда, откуда они появились и как соотносятся с сарматским этносом? Все эти вопросы дискутируются очень давно, но однозначного решения пока не имеют.

Впервые П. Рау в конце 20-х годов в одном из своих первых исследований отождествил археологические памятники стадии В (III—IV вв. н. э.) нижнего Поволжья с историческими аланами. Он представлял себе, что мелкие разрозненные сарматские племенные объединения раннеримской стадии к III в. н. э. сливаются в единую народность, известную древним авторам под именем аланов (Рау Р., 1927, S. 79, 111, 112). Б. Н. Граков (1947в, с. 120, 121) и К. Ф. Смирнов (1947, с. 82) придерживались этой же позиции. В одной из своих работ К. Ф. Смирнов достаточно определенно заявил, что аланы «вызрели как самостоятельная политическая и военная сила внутри сарматской конфедерации III—II вв. до н. э., возглавленной аорсами. Первые исторические известия об аланах застают их на тех же местах, где до того времени жили аорсы» (1950а, с. 108). Вообще появление нового мощного объединения кочевых племен следует объяснять, скорее, какими-то политическими перегруппировками внутри сарматской этнокультурной общности, чем миграционными процессами.

К мнению К. Ф. Смирнова безоговорочно присоединился В. Б. Виноградов (1963). В своих более поздних работах К. Ф. Смирнов, опираясь главным образом на сведения Аммиана Марцеллина («аланы — бывшие массагеты»), немного изменил свою позицию. Он считал, что формирование позднесарматской культуры и соответственно появление аланских племен связаны с передвижениями каких-то восточных ираноязычных кочевых группировок, родственных сарматам, которые были включены затем в сарматскую этнокультурную общность. О несомненной принадлежности аланов к группе сарматских племен писал и Ю. С. Гаглойти (1966), считая аланов бывшими аорсами. Анализируя сведения тех же письменных источников, что и Ю. С. Гаглов, Д. А. Мачинский пришел к совершенно противоположным выводам. Он вообще не включает аланов, как, впрочем, и роксоланов, в состав сарматских племен и считает тех и других последовательными волнами переселений далеких восточных кочевников, массагетское происхождение которых представ-

ляется ему несомненным (Мачинский Д. А., 1971).

Изучение и анализ всего объема археологического материала позднесарматской культуры, известного в настоящее время, позволили А. С. Скрипкину выступить с новой гипотезой. По его мнению, эта культура сформировалась в степях Заволжья на основе местного сарматского субстрата с включением какой-то части среднеазиатских кочевников, носителей подобно-катакомбного обряда захоронения, которые в значительной своей части представляли население сако-массагетского и сарматского происхождения. Кроме того, в нижнее Поволжье могла продвигаться и часть племен Западной Сибири и степей Казахстана, представителей таких культур, как гороховская, саргатская и тасмолинская (Скрипкин А. С., 1973, с. 18, 19). В то же время в других своих работах А. С. Скрипкин подчеркивал, что процесс «вызревания» алан из аорской конфедерации племен не идентичен процессу формирования позднесарматской культуры. Появившись на исторической арене, аланы первоначально должны были являться носителями среднесарматской археологической культуры (Скрипкин А. С., 1982, с. 52). Пока эти высказывания являются только рабочей гипотезой, все положения которой требуют проверки и серьезной аргументации.

Особую позицию в отношении позднесарматских подобно-катакомбных погребений с деформированными черепами заняла в 20-х годах В. В. Гольмстен (1928), которая не считала возможным отождествлять их ни с аланами, ни с сарматами. В 60-х годах очень близкую точку зрения отстаивала Л. Н. Нечаева, считавшая, что подобные погребения нижнего Поволжья принадлежат гуннам (1961, с. 157).

Изучение савромато-сарматских памятников, которое продолжается более полувека и особенно интенсивно в послевоенное время, чрезвычайно расширило диапазон проблем и вопросов, поднятых исследователями. Сюда следует отнести изучение торгово-экономических отношений савроматов и сарматов как с внешним миром, так и внутри своих племенных объединений, направленность этих связей для различных регионов сарматского мира и для различных периодов тысячелетней истории савромато-сарматских кочевников.

Характеру общественных отношений евразийских кочевников — носителей савромато-сарматской археологической культуры, как и вопросам производства и торгово-экономическим связям этих племен, посвящены немногочисленные специальные статьи исследователей. Наиболее полно изучены ранние эпохи их развития — савроматская и раннесарматская. В монографии К. Ф. Смирнова «Савроматы» в той или иной степени затронуты все вопросы, связанные с историей нижневолжских и приуральских кочевников савроматского времени.

Однако спектр проблем, имеющих отношение к истории кочевых племен этих регионов, не только не сужается, но, напротив, растет по мере накопления археологического материала и расширения территории исследования. Поэтому охватить все сферы изучения савромато-сарматских памятников не представляется возможным и мы ограничились упоминанием лишь наиболее важных.

Савроматская и раннесарматская культуры

Савроматская культура

Савроматская археологическая культура в VII—IV вв. до н. э. занимала среди прочих культур скифского типа обширный регион евразийских степей: левобережье Дона, междуречье Дона и Волги, Заволжье, северный Прикаспий и значительную часть южного Приуралья, включая все Оренбуржье, западный Казахстан, южную часть Челябинской и всю Актюбинскую обл. (карта 12). В ней выделяются два основных локальных варианта — Волго-Донской и Самаро-Уральский, которые различаются деталями погребального обряда и набором вещей погребального инвентаря. Однако все эти памятники, оставленные родственными племенами, имеют между собой больше общего, чем различий. Их связывает прежде всего единый в целом погребальный обряд. Всюду распространены, кроме впускных, и основные могилы. Захоронения совершались в насыпях, грунтовых прямоугольных ямах (табл. 63, 3, 8, 9, 11), обширных могилах (табл. 63, 1, 2, 4, 7, 13), очень редко — в ямах округлой формы. В восточном ареале культуры изредка встречаются большие подбои и катакомбы, особенно на Илеке (табл. 63, 12; Смирнов К. Ф., 1975а) и под Орском, в Новокумакском могильнике (Смирнов К. Ф., 1977а). Везде господствует западная, реже встречается восточная ориентировка погребенных, на востоке ареала в VI—V вв. до н. э. появляется южная (табл. 63, 9, 12). Над могилами в большинстве случаев делали плоские деревянные перекрытия (табл. 63, 5, 6) из плах, бревен и травы (куги). Над обширными могилами, особенно в Самаро-Уральском регионе, часто встречаются и более сложные деревянные сооружения, иногда в виде шатров (табл. 63, 7). Изредка, главным образом в восточных районах, в погребальных сооружениях применялся камень (табл. 63, 10, 12) — насыпи из щебня и камня, кромлехи, заклады из камней. Нередко могилы заваливали хворостом и кугой, из которых, как и из коры, делали подстилки. Значительную роль в погребальном обряде играл культ огня в виде сожжения надмогильных сооружений, разведения кострищ над могилами и засыпки их горящим костром, углями, золой. При этом иногда сильно обгорали погребенные. Полных группосожжений на месте очень немного (табл. 63, 10). Довольно часто огонь заменялся положением в могилы отдельных угольков и золы, а еще чаще — белого вещества в виде мела (куски и посыпка меловым порошком dna могилы, погребенных и инвентаря), белых раковин, иногда кусочков реалгара, охры и серы. Не исключено, что в идеологических представлениях этих кочевых племен, объединенных савроматской культурой, центральное место занимал комплекс «солнце—свет—огонь». Огненный ритуал был более распространен в Самаро-Уральском регионе.

Преобладают индивидуальные захоронения в могилах, но изредка встречаются коллективные (от 2 до 10 погребенных детей, мужчин и женщин) в одной могиле. Они были одновременными или последова-

тельными. Таковы, например, могилы в Новокумакском могильнике (Мошкова М. Г., 1962, 1972; Смирнов К. Ф., 1977а). Они составляли целые склепы, вероятно, семейные, имевшие иногда два яруса погребенных.

Савроматские могилы содержат много оружия: особенно многочисленны колчаны с бронзовыми, очень редко — с железными наконечниками стрел (табл. 64, 1—5). Часто в могилах находят железные мечи и кинжалы (табл. 65, 1—15), довольно редко — копыя (табл. 65, 21) и совсем редко — предметы оборонительного вооружения — чешуйчатые или пластинчатые панцири (табл. 65, 22) и шлемы.

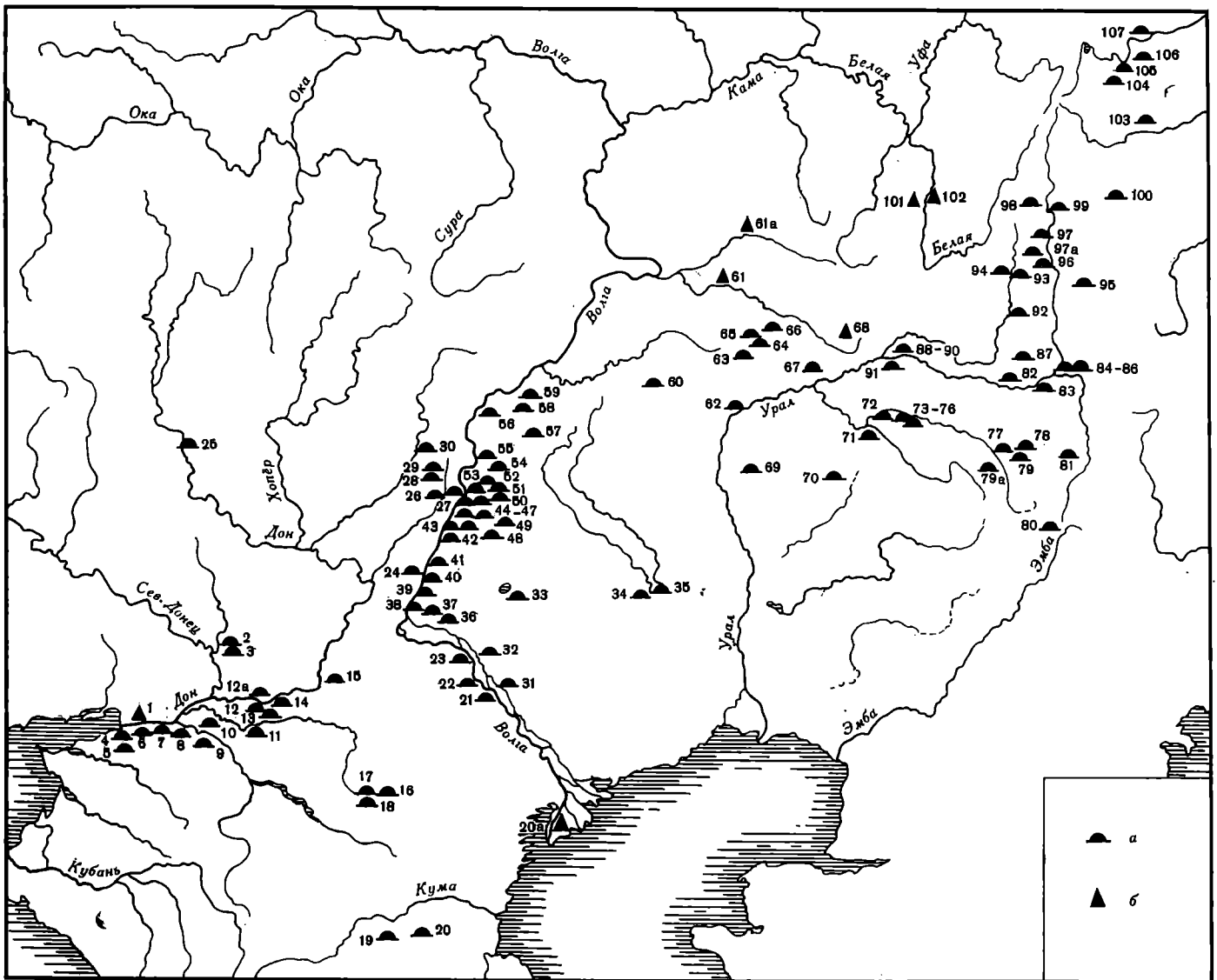
Самое распространенное оружие в савроматских могилах, особенно в мужских, — бронзовые литые наконечники стрел. В VII—VI вв. до н. э. у савроматов были в ходу двулопастные, трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники, обычные для скифов и близких им племен евразийских степей (табл. 64, 1—3). Редко употреблялись черешковые бронзовые стрелы восточного происхождения (табл. 64, 3а, 5б). С VI в. на савроматской территории появляются типы, характерные именно для савроматской культуры. Особенно велик и разнообразен их набор в южном Приуралье и западном Казахстане (табл. 64, 3, 5; Смирнов К. Ф., 1959). Там известны не только трехгранные, но и четырехгранные наконечники, встречающиеся у саков Казахстана, Средней Азии и далее вплоть до Ирана (табл. 64, 5а). От поволжских они отличаются не только формой, но и своей массивностью. В основном с V в. до н. э. распространяются трехлопастные и трехгранные черешковые наконечники, характерные для восточных областей Евразии (табл. 64, 4, 5).

Савроматские колчаны, особенно в южном Приуралье, часто снабжены железными и бронзовыми крючками, нередко украшенными изображениями в зверином стиле (табл. 65, 23—26; 66, 15), различными бляшками и колокольчиками, в том числе и золотыми, ворворками для кистей и амулетами из кабаньих клыков, также в зверином стиле (табл. 66, 24—27).

В савроматских могилах очень часты находки железных мечей и кинжалов скифских типов. По форме и украшениям рукояток в зверином стиле особенно разнообразны мечи в южном Приуралье (табл. 65, 5—7, 10, 13—15). Они различны и по длине — от 25—30 см до 1 м и даже более. В Поволжье известно несколько мечей с почковидными перекрестьями без металлического навершия (табл. 65, 2). Как и колчаны, мечи часто снабжались зооморфными кабаньими клыками-амулетами или апотропеями (табл. 66, 23—26).

Копья, редко помещавшиеся в могилы, имели железные втульчатые наконечники с довольно массивным листовидным пером (табл. 65, 18—21). Предметы оборонительного вооружения встречаются еще реже. Это бронзовые шлемы и железные пластины — чешуйки от панцирей. Иногда в довольно богатых савроматских могилах нижнего Поволжья IV в. до н. э. находили пластинчатые панцири (табл. 65, 22).

Предметы конского снаряжения обнаруживают в савроматских могилах довольно часто, хотя конские захоронения встречаются очень редко. Обычно это

Карта 12. Памятники савроматской культуры

а — курганы; б — случайные находки
 1 — Краснодарский; 2 — Шолоховский; 3 — Сладковский;
 4 — Азов; 5 — Высочино; 6 — Койсуг; 7 — Алитуб; 8 —
 Арпачин; 9 — Веселый; 10 — Спорный; 11 — Криволиман-
 ский; 12 — Ясырев; 12а — Карнауховский; 13 — Соленый;
 14 — Попов; 15 — Аксеновский; 16 — «Три брата»; 17 — Эли-
 стинский; 18 — Бичкин-Булук; 19 — Ачикулак; 20 — Ба-
 жиган; 20а — Семирублево; 21 — Никольское; 22 — Кри-
 вая Лука; 23 — Старица; 24 — Горная Пролейка; 25 — Вла-
 димировская; 26 — Лебязья; 27 — Даниловка; 28 — Норка;
 29 — Гуселки; 30 — Меркель (Макаровка); 31 — Золоту-
 шинское; 32 — Батаевка; 33 — Сайхин; 34 — Джагала;
 35 — Кара-Оба; 36 — Ленинск; 37 — Заплавное; 38 — 15-й
 поселок; 39 — Верхне-Погромное; 40 — Калиновка; 41 —
 Ново-Никольское; 42 — Быково I, II; 43 — Политотдельское
 I, II; 44—47 — Молчановка, Потемкино, Бережновка I,
 II; 48 — Шульц; 49 — Альт-Ваймар; 50 — Блюменфельд;
 51 — Харьковка; 52 — Фриденберг; 53 — Иловатка; 54 —
 Визенмиллер; 55 — Ровное; 56 — Энгельс; 57 — Усатово;
 58 — Суслы; 59 — Боаро (Бородавка); 60 — Максютково;
 61 — Марьчевка; 61а — Соловка; 62 — Уральск, Чеган;
 63 — Соболевская волость; 64 — Крыловский; 65 — Лю-
 бимовка; 66 — Преображенка; 67 — Барышников; 68 — Аб-
 рамовка; 69 — Челкар; 70 — Лебедевка; 71 — Покровка;
 72 — Тамар-Уткуль; 73 — Тара-Бутак; 74 — Мечет-Сай;
 75 — Увак; 76 — Пятимары I—II; 77 — Ак-Жар; 78 — Кар-
 гала; 79 — Таксы-Карг; 79а — Сынтас, Бес-Оба; 80 — Кум-
 Сай; 81 — Матвеевский; 82 — Сара; 83 — Урал-Сай; 84 —
 Новый Кумак; 85 — Старый Кумак; 86 — «Три Мара»; 87 —

Биш-Оба; 88 — Моячная гора; 89 — Бердинская гора; 90 —
 гора Сулак; 91 — Бис-Оба; 92 — Ивановка I, II; 93 — Ком-
 сомол IV—VI; 94 — Тавлыкаево; 95 — Алаидское; 96 —
 Сибай I, II; 97 — Целинный; 97а — Альмухаметово; 98 —
 Малокизыльский; 99 — Черниговский; 100 — Варна; 101 —
 Куганак; 102 — Берлачева; 103 — Клястидко; 104 — Чер-
 нияки; 105 — Сосновский; 106 — Сухомесово; 107 — Чуря-
 лово

захоронения боевых коней во всем снаряжении, на-
 пример в Пятимарах I на Илеке (курган 8) — около
 могилы людей было обнаружено 5 скелетов коней,
 соответствующих 5 человеческим захоронениям; или
 в Старом Кумаке восточнее г. Орска (Смирнов К. Ф.,
 1981, с. 74, 75, рис. 4), где близ могилы воина находи-
 лось захоронение коня. Среди конского снаряжения
 много железных удиц, чаще всего с железными,
 реже — с бронзовыми и костяными псалями, иног-
 да в зверином стиле. Встречаются также разнообраз-
 ные предметы от уздечных наборов и сбруи: это брон-
 зовые бляшки, подвески и амулеты в зверином
 стиле, чумбуры, пряжки, подпружные бляшки и кольца,
 тоже часто в зверином стиле (табл. 67, 1—51).

Из орудий труда чаще всего находят железные
 ножи, пряслица, костяные проколки (табл. 68, 9, 10,

35), бронзовые и железные иглы (табл. 68, 34) и каменные оселки. Ножи обыкновенных форм — с коротким черенком и горбатой или прямой спинкой (табл. 68, 5, 6, 8, 11, 36, 37). Изредка встречаются длинные ножи с цельной плоской железной рукояткой и прямым лезвием (табл. 68, 22) или с костяными ручками, сделанными из трубчатых костей животных или из двух плоских накладок (табл. 68, 5, 7, 23). Среди встречаемых очень редко металлических орудий труда следует указать на уникальные железные коновальские щипцы из савроматской могилы VI в. до н. э. группы Лапасина у с. Любимовки на Бузулуке (табл. 68, 21). Пряслица, обычно глиняные, реже — каменные, бывают дисковидной, круглой, конической или биконической формы (табл. 68, 12—15, 38—41). Оселки, как правило, прямоугольные или круглые в сечении, часто сигаровидной формы (табл. 68, 16, 17, 19, 20, 32, 33). Реже встречаются другие абразивные инструменты — преимущественно плоские точильные плиты и плиточки различной формы (табл. 68, 18, 28—30).

Хозяйственная утварь состоит из бронзовой, медной и серебряной посуды, редко — каменной, деревянной и костяной (табл. 68, 1, 3, 26). Встречаются также так называемые жаровни (табл. 68, 4, 27). Самый массовый погребальный инвентарь составляет разнообразная глиняная посуда — горшки и кувшины (узкогорлые сосуды).

Типичными для савроматов являются рюмкообразные медные котлы с ножками на коническом поддоне и парой ручек, найденные в западной части Оренбургской обл. (табл. 68, 2, 24, 25). Дважды в Оренбуржье обнаружены лотки-блюда из лопаток лося. Одно из них (Пятимары I) богато украшено сюжетами в зверином стиле. Еще одно блюдо, обнаруженное под Орском, сделано из рога лося (табл. 69, 25). Известны каменные ступки и пестики (табл. 68, 31), деревянные лотки и кубки, но очень плохой сохранности.

Среди глиняной посуды преобладают грубые лепные плоскодонные горшки баночной, шаровидной и яйцевидной форм, похожие по форме и довольно бедному орнаменту на лепную посуду степной Скифии. В волго-донском районе сравнительно часто встречаются узкогорлые лощеные сосуды аккуратной лепки из хорошо отмученной глины с песком (табл. 70, 1, 3, 7, 8). Самая восточная находка сосуда подобного типа известна в кургане у хут. Барышников на р. Кинделе в западной части Оренбуржья (Смирнов К. Ф., 1966; табл. 70, 42). Обычно они не орнаментированы, но иногда на тулове бывают налпы или резной орнамент (табл. 70, 1, 8). Эта керамика — кавказского и северопричерноморского происхождения VIII—VII вв. до н. э. На простых лепных горшках чаще всего наносился орнамент из ямок или горошин, расположенных под венчиком или нерегулярно по всему тулову (табл. 70, 4—6, 9, 10, 14, 16, 17, 19, 25, 26, 28, 48, 55). Такой орнамент встречается довольно часто на посуде в западной части савроматского мира — на Дону и в Поволжье V—IV вв. до н. э. Для всего савроматского мира типичен нарезной орнамент. Чаще всего это криволинейные композиции, возможно, сюжетного или символического характера (табл. 70, 33—35, 44, 49, 52, 54, 58—60, 63). Среди лепных сосудов Поволжья

и Оренбуржья нередко попадаются большие горшки с трубчатым носиком-сливом (табл. 70, 5, 9, 14, 15, 28, 47, 72). Они очень характерны для савроматской керамики и связаны, вероятно, с производством молочных продуктов. В восточных районах «савроматского» мира южного Приуралья уже с конца VI века до н. э. появляется круглодонная посуда (табл. 70, 64—67), которая становится типичной для следующего, раннесарматского периода (прохоровская культура).

Среди предметов туалета особенно часто встречаются костяные и роговые ложечки (табл. 69, 10, 11, 26—29) и бронзовые зеркала (табл. 69, 4—9, 19—23). Ложечки обычны для женских захоронений. Их ручки часто тракуются в зверином стиле.

Среди зеркал как в Поволжье, так и в Приуралье преобладают довольно большие, круглые или чуть овальные, без ручек или с плоскими обычно длинными ручками. Диски зеркал плоские или с загнутым под прямым или тупым углом краем. В Поволжье найдены довольно массивные литые круглые зеркала с вертикальным бортиком и петлевидной ручкой (табл. 69, 9, 19). Они похожи на архаические зеркала скифо-сибирского типа. Обнаруженные в южном Приуралье (Ново-Кумакский могильник) экземпляры аналогичны зеркалам VII—VI вв. до н. э. из Уйгарака (Приуралья). Зеркала «ольвийского» типа (табл. 69, 4, 8) встречались в междуречье Дона и Волги (Калмыкия), в куйбышевском Заволжье, на Бузулуке и под Орском, т. е. по трассе существовавшего при Геродоте торгового пути из Ольвии на Восток через савроматские земли (Геродот, История, IV, 24).

Очень часто в могилах савроматских жриц вместе с ложечками и зеркалами находили раковины *Grifea* с различными красками или реальгаром, которые служили для туалета, а возможно, и для нанесения татуировки женщинам-жрицам. Один раз в могиле V в. до н. э. на Илеке (Пятимары II) был обнаружен самшитовый гребень — предмет импорта из стран Переднего Востока (табл. 69, 33; Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф., 1972).

Украшения тела и костюма весьма разнообразны: браслеты и кольца, серьги или височные подвески, гривны, нашивные бляшки, головные булавки.

Браслеты, бронзовые, железные и золотые, чаще всего делали из круглого или овального в сечении прута обычно с несомкнутыми и часто с заостренными концами (табл. 71, 9, 10). Известны также же по форме, но редко встречающиеся кольца. Серьги были круглые или овальные (табл. 71, 14, 15). Среди них выделяются золотые с подвесками, иногда на длинных золотых цепочках (табл. 71, 3, 4, 17—20). Встречаются также каменные или костяные подвески, оправленные в золото (табл. 71, 5—7, 12).

Золотые или серебряные гривны обычно в виде круглого несомкнутого обруча (табл. 71, 1) носили не только как украшения, но, по-видимому, они служили символами власти для вождей или иных знатных лиц. Золотые нашивные бляшки (табл. 71, 26, 30) также нашивались на одежду знатных лиц, особенно женщин-жриц, которые имели иногда в костюме или на своих головных уборах тисненные золотые бляшки с зооморфными сюжетами. Очень редко для укрепления причесок употребляли голов-

ные булавки с округлым навершием на верхнем конце (табл. 71, 11). Для застегивания ремня использовались пряжки круглой или прямоугольной формы с подвижным язычком или прямоугольные в виде сплошной пластины с щелью для протаскивания ремня (табл. 71, 8; Новый Кумак, Старый Кумак). Вероятно, так называемые колчаные крючки использовались иногда и для застегивания ремня или борта одежды (табл. 65, 23—26).

Среди предметов ритуала следует обратить внимание на широкое распространение каменных переносных жертвенников или алтариков, которые являются обычной находкой в богатых могилах женщин-жриц Приуралья. Они составляют один из самых существенных признаков савроматской культуры южного Приуралья (табл. 66, 31; 69, 13—18, 24), хотя единицы их известны в Поволжье и даже западнее Дона (табл. 69, 1—3, 12). Каменные жертвенники, безусловно, служили для совершения каких-то обрядов, связанных с огнем. Их поверхность иногда носит следы огня, явно обожженных жирных пятен, сажи, угля или следы густой натертости красной краски — символа огня. Часто около них клали и многие «туалетные» предметы, связанные с отправлением религиозных церемоний женщинами-жрицами. Жертвенники бывают прямоугольной, круглой, овальной и ладьевидной форм, обычно на двух, трех и четырех ножках, иногда плоские. Их бортики и ножки часто украшены символическим криволинейным, зооморфным или рельефным орнаментом. Иногда жертвенники сопровождаются в погребениях глиняными курильницами со следами горения в них и с боковым отверстием для держания курильницы в горячем виде (табл. 69, 30—32).

На территории савроматской культуры Поволжья и южного Приуралья распространен особый вариант скифо-сибирского звериного стиля (табл. 66, 1—46), близкий и скифскому, и сибирскому, и среднеазиатскому (Смирнов К. Ф., 1976а). Как и на других территориях, им украшали главным образом оружие, зеркала, ручки ножей и костяные ложечек, ритуальные алтари-жертвенники, колчаные крючки, иногда золотые бляшки или предметы конской сбруи (псалии, подвески, пряжки, а также костяные подвески при оружии и конском уборе; табл. 67, 1—51). Савроматский звериный стиль использовался главным образом в качестве прикладного искусства, имел, как и везде, определенный магический смысл и отражал социальную дифференциацию в савроматском обществе, поскольку предметы, выполненные в зверином стиле, чаще всего встречались в особенно богатых захоронениях воинов и женщин-жриц. Происхождение савроматского звериного стиля так же неясно, как и в целом скифо-сибирского звериного стиля. Материальных следов его в конце эпохи бронзы на территории Поволжья и южного Приуралья нет. Наиболее ранние находки предметов звериного стиля на савроматской территории известны только с VI в. до н. э. Мотивы такого стиля у савроматов имеют много общего с мотивами его у скифов и других племен евразийских степей. Однако у савроматов преобладают изображения волка, медведя и полиморфных фантастических существ, великолепно представленные на зооморфных клыках из Блюменфельда и Привольного (нижнее Поволжье;

табл. 66, 24—27). Савроматский звериный стиль не тождествен на всей территории распространения савроматской культуры. Так, на землях Волго-Донского локального варианта предметы, выполненные в зверином стиле, близки скифским Северного Причерноморья, Прикубанья и всего Северного Кавказа, а в самаро-уральских степях — сибирским и сакским Приаралья (Тагискен, Уйгарак). Композиции из зооморфных образов не характерны для савроматского звериного стиля, хотя в Приуралье они известны, но выполнены беспомощно и статично, как, например, на роговой пластине из Пятимаров (табл. 66, 30) или на одном из каменных жертвенников хут. Краснодарского (табл. 69, 2). Правда, отдельные образы порою переданы очень экспрессивно.

Основу хозяйства савроматов и близких им по образу жизни самаро-уральских племен составляло кочевое скотоводство (Железчиков Б. Ф., 1980а). Обилие дерева в оборудовании савроматских могил, масса погребального инвентаря в могилах, где преобладают вещи местного производства, видимо, свидетельствуют о налаженном местном производстве — ткачестве, обработке дерева, камня и кости, а также о металлургии (обработке цветных металлов), литейном и кузнечном деле. Однако неясно, где это все производилось, поскольку до сих пор нам не известны постоянные поселения савроматов. Открыты лишь временные стойбища этих кочевников по Ахтубе, где собраны фрагменты савроматской керамики и некоторых других вещей.

Савроматские курганы разбросаны по всей степи, но все же наблюдается некоторое скопление малых и больших курганных групп, сосредоточение их на отдельных участках степи, например на левобережье Илека от Ак-Булака до Тамар-Уткуля, что отражает, по-видимому, существование определенных племенных центров. В социальном плане племена, оставившие памятники савроматской культуры, переживали эпоху классового образования с далеко зашедшим процессом имущественной и социальной дифференциации. Внутри племенного или даже ряда племенных союзов уже выделяются военные вожди, окруженные привилегированной военной дружиной, четко фиксируется слой богатых женщин-жриц. Об этом процессе свидетельствует ряд савроматских захоронений в южном Приуралье, где появляются сравнительно небольшие, но богатые курганные группы, такие, как Пятимары, Бис-Оба. Судя по составу оружия, золотым вещам и предметам звериного стиля, захоронениям боевых коней и металлическим остаткам сбруи в этих курганах была похоронена военная аристократия — военные вожди и их боевая дружина. Аристократия уже отделила себя от массы рядовых общинников, устраивая отдельно свои степные некрополи. Самым ярким примером такого явления служит группа курганов Пятимары I на Илеке, где сосредоточены наиболее богатые захоронения военной аристократии и, вероятно, вождей со своими боевыми конями. Так, в кургане 8 было устроено обширное деревянное срубобразное сооружение, под которым в отдельной могиле была захоронена, вероятно, семья вождя (могила ограблена, но сохранились отдельные кости мужчины, женщины и ребенка, остатки оружия, в том числе бронзовая булава как знак власти). Около могилы на древнем горизонте

погребены, очевидно, убитые боевые кони, сбруя которых богато украшена изображениями, выполненными в зверином стиле. Рядом были положены вооруженные «стражники» — представители военной дружины, хорошо вооруженные, в том числе длинным мечом с обложенной золотом рукояткой. Дата захоронений — рубеж VI и V вв. до н. э. (К. Ф. Смирнов, 1964а). Приблизительно такая же картина наблюдается в курганах «Три Мара» у с. Старый Кумак, где погребены воины V в. до н. э. с богатым инвентарем и захоронением боевого коня с богатой сбруей (К. Ф. Смирнов, 1981).

В могильнике Пятимары I некоторые богатые могилы принадлежали, вероятно, женщинам, которые занимали важное и почетное место в обществе приуральских кочевников. Особенно выделяются на Илеке захоронения женщин (определение антропологическое) в группе Тара-Бутак, где могилы богатых жриц и наездниц со сбруей и каменными алтариками-жертвенниками (К. Ф. Смирнов, 1964а, 1975б) сосредоточены в определенном месте могильника. Сведения письменных источников об особой роли женщин в савроматском обществе блестяще подтверждаются археологическими данными (Граков Б. Н., 1947в; Смирнов К. Ф., 1964а).

Для савроматов Поволжья и близких им по культуре кочевников (дахо-массагеты и исседоны?) оружие и предметы культа в женских могилах играли значительную роль. Около 20% женских савроматских могил VI—IV вв. до н. э. Поволжья и Приуралья содержали оружие (главным образом наконечники стрел, редко — мечи, копья) и предметы конской сбруи. Как уже говорилось, в богатых женских могилах нередко встречались каменные жертвенники и предметы культа (зеркала, костяные и роговые ложечки в зверином стиле, раковины с различными минеральными красками), что особенно свойственно памятникам Самаро-Уральского варианта. Однако в последние годы жертвенники стали известны и у савроматов междуречья Дона и Волги (ставропольские степи, Астраханщина — могильник Кривая Лука).

Значительная роль женщин в общественной жизни савроматов, массагетов и исседонов — особая социальная черта этих восточных кочевников. Правда, раскопки последних лет обнаружили большое количество скифских женских могил с оружием в Северном Причерноморье. Возможно, это произошло не без влияния их соседей-савроматов, которые могли проникать на территорию Скифии уже с V—IV вв. до н. э. По сведениям Геродота (История, IV, 24) известно, что существовал торговый путь из Ольвии на Восток через земли савроматов. Б. Н. Граков (1947а) считал, что греки узнали про этот путь от скифов. Скифские купцы из Приднепровья доходили до земли исседонов, которая до этих пор «хорошо известна». Судя по археологическим данным один из путей шел через среднее Поволжье вплоть до района Орска, где были найдены ольвийские бронзовые зеркала с зооморфными ручками (куйбышевское Заволжье, Преображенка на Бузулуке, курган Бис-Оба под Орском, Аксеновский могильник на р. Аксай; табл. 69, 4). Кроме этого, существовали и другие пути, в том числе в страны

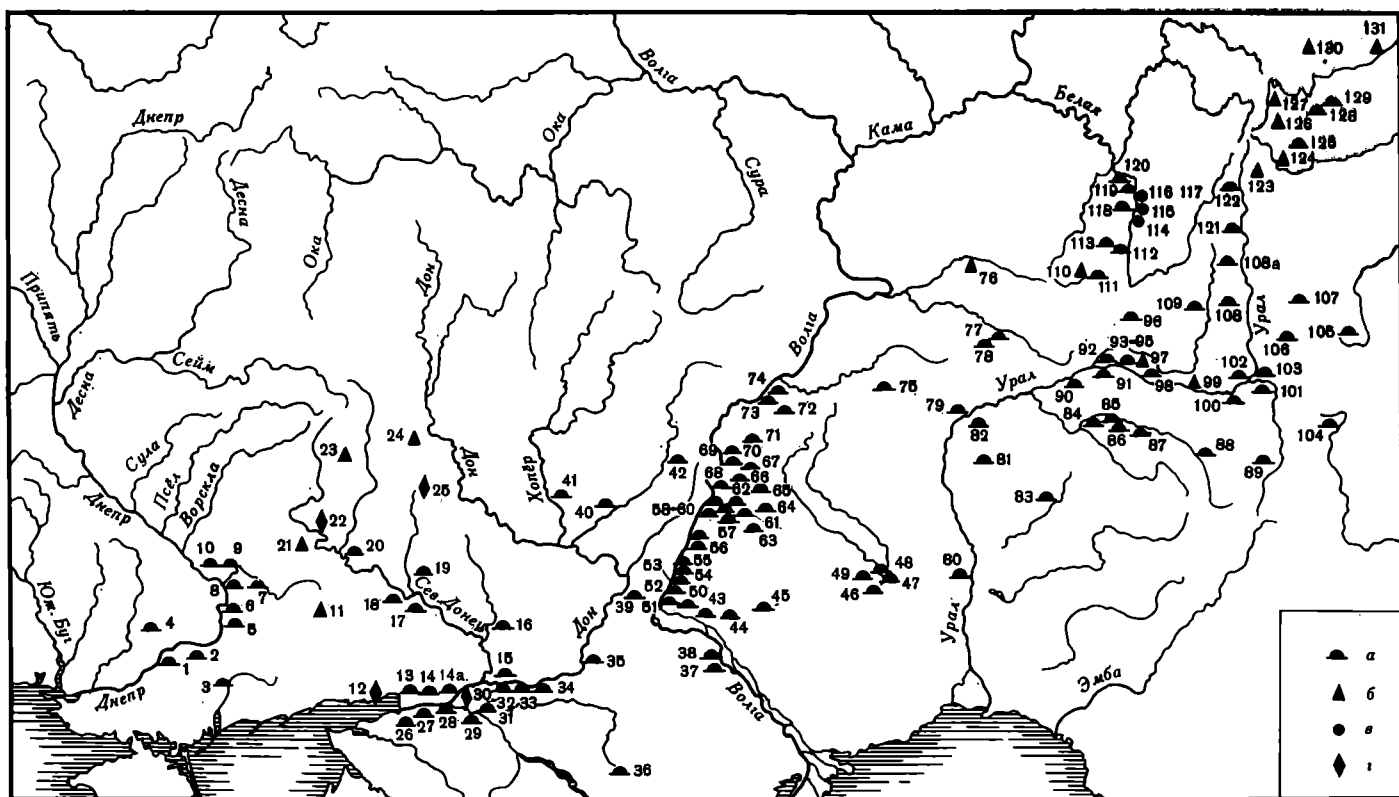
Средней Азии и даже, вероятно, в Ахеменидскую Персию.

По своим культурно-экономическим связям различные районы савроматского мира имели разные ориентиры. Если волго-донские племена были более тесно связаны с Северным Кавказом и Скифией, то самаро-уральские — с Сибирью, Средней Азией, особенно с сакским Приаральем и Ближним Востоком. Об этом ярко свидетельствуют многие факты: керамика северокавказского и причерноморского происхождения, оружие скифского типа, некоторые золотые украшения, многие вещи звериного стиля и другие предметы, обнаруженные в савроматских памятниках волго-донских степей. В южном Приуралье, напротив, встречаются предметы ближневосточного импорта (ахеменидская печать — табл. 70, 13; бусы, некоторые золотые украшения, египетский алебастровый флакон, сосудики «финикийского» стекла, самшитовый гребень — табл. 69, 33, и проч.; Иессен А. А., 1952; Смирнов К. Ф., 1964а; Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф., 1972). Это, вероятно, не только предметы торговли, но в некоторых случаях трофеи и дары военным вождям приуральских «савроматов», служивших в V в. до н. э. в Средней Азии и, может быть, в более отдаленных сатрапиях Ахеменидской державы вплоть до завоеванного ею Египта.

Собственно савроматы и родственные им племена южного Приуралья в VI—IV вв. до н. э. в основном еще сохранили территориальное status quo. Пока они не отваживались на большие и длительные завоевательные походы, но эпизодически расширяли свою территорию или мирно проникали за пределы своих земель. Судя по кургану савроматской культуры у с. Чукраклы западнее г. Уфы (Г. И. Матвеева) «савроматы» южного Приуралья проникали на земли современной Башкирии. На юге савроматские кочевья в V в. до н. э. доходили до степей между Терекком и Кумой (отдельные савроматские захоронения в Бажигане и Исти-Су — Крупнов Е. И. 1960), оказывая влияние на племена Северного Кавказа, в том числе и на меотское население Прикубанья (некоторые захоронения с западной ориентировкой в меотских грунтовых могильниках).

Прохоровская раннесарматская культура IV—II вв. до н. э.

Культура получила свое название от курганов у с. Прохоровка Шарлыкского р-на Оренбургской обл. (Ростовцев М. И., 1918а; карта 13). Она сформировалась в IV в. до н. э. в южном Приуралье на основе савроматской и каких-то пришлых компонентов, принесенных племенами, продвинувшимися сюда с востока — из Зауралья, Казахстана и, может быть, даже Приаралья. Предполагается (Смирнов К. Ф., 1964а; Мошкова М. Г., 1963, 1974), что прохоровскую культуру принесли в Поволжье путем полного или частичного завоевания или заселения этой области ранние сарматы — носители этой культуры из южного Приуралья. Уже в савроматское время в Приуралье сформировались основные характерные черты прохоровской культуры: подбойные погребальные сооружения, южная ориенти-

Карта 13. Памятники раннесарматской культуры

а — курганы; б — случайные находки; в — поселения; з — клады

1 — Ушкалка; 2 — Большая Белозерка; 3 — Троицкое; 4 — Грушевка; 5 — Днепрострой; 6 — Михайловка; 7 — Булаховка; 8 — Соколово; 9 — Перещепино; 10 — Верхняя Маевка; 11 — Гришино; 12 — Таганрогский клад; 13 — Грушевская; 14 — Новочеркасск; 14а — хут. Донской; 15 — Константиновск; 16 — Сладковский; 17 — Александровск; 18 — Фрунзе; 19 — Ново-Бараниково; 20 — Яремовка; 21 — Покровское; 22 — Балаклея; 23 — Веселое; 24 — Острогжский уезд; 25 — Клименковский; 26 — Высочино; 27 — Койсуг; 28 — Алитуб; 29 — Веселый; 30 — Федуловский клад; 31 — Балабинский; 32 — Дубенцовский; 33 — Ясырев; 34 — Попов; 35 — Аксеновский; 36 — Бичкин-Будук; 37 — Кривая Лука; 38 — Старица; 39 — хут. Вертячий; 40 — Сидоры; 41 — Короли; 42 — Меркель; 43 — Ленинск; 44 — Журов курган; 45 — Сайхин; 46 — Джангала, оз. Сарайдин; 47 — Бек-Бике; 48 — Курпе-Бай; 49 — Кара-Оба; 50 — Заплавное; 51 — 15-й поселок; 52 — Средняя Ахтуба; 53 — Верхне-Погромное; 54 — Калиновка; 55 — Ново-Никольское; 56 — Быково, группы I, II; 57 — Политотдельское; 58-60 — Бережновка, группы I, II, Южная; 61 — Молчановка; 62 — Новая Молчановка; 63 — Шульц; 64 — Альт-Ваймар; 65 — Харьковка; 66 — Фриденберг; 67 — Виземиллер; 68 — Иловатка; 69 — Ровное; 70 — Краснополье; 71 — Усатово; 72 — Тонкошуровка или Мариенталь; 73 — Суслы; 74 — Боаро (Бородаевка); 75 — Максотово; 76 — Бугуруслан; 77 — Преображенка; 78 — Любимовка; 79 — Уральск, р. Чеган; 80 — Калмыково; 81 — Челкар; 82 — Варбастау; 83 — Лебедевка; 84 — Тара-Бутак; 85 — Близнецы; 86 — Увак; 87 — Мечет-Сай; 88 — Ак-Жар; 89 — Матвеевский; 90 — Павловская; 91 — Благословенский; 92 — Бердинская гора; 93 — Алебастрова гора; 94 — Башкирское стойло; 95 — Горбатый мост; 96 — Ново-Мурапталово VI, VII; 97 — Воздвиженское; 98 — Красногорский; 99 — Ильинское; 100 — Урал-Сай; 101 — Джанатан; 102 — 14-й км ж/д Орск — Ново-Аккермановка; 103 — Новый Кумак; 104 — Буруктал; 105 — совхоз «Приречный»; 106 — Бай-Джигит; 107 — Аландское; 108 — Сибай I; 108а — Альмухаметово; 109 — Тавлыкаево IV; 110 — Путятино; 111 — Прохоровка; 112 — Кашкара; 113 — Веселый; 114 — Табынское; 115 — Михайловка; 116 — городище Курмантаевское; 117 — селище Курман-Тай; 118 — Леканды; 119 — Бишун-

гарово; 120 — Старые Кишки; 121 — Малокизыльское; 122 — Муракаево; 123 — Карагайская; 124 — Борисовский; 125 — Кочкар; 126 — Травниковская; 127 — Нижне-Карасинский; 128 — Синеглазово; 129 — Исаковский; 130 — Усть-Караболка; 131 — Воскресенское

ровка погребенных, определенный рацион заупокойной пищи (с обязательным присутствием передней ножки барана), появились мечи и кинжалы переходного типа, круглодонные сосуды с характерным орнаментом (Мошкова М. Г., 1974). Этих признаков совсем нет в Поволжье в савроматское время. Даже в начале раннесарматского периода памятники Поволжья еще несут значительные черты прежней савроматской культуры. Хотя существует и другая точка зрения: раннесарматская культура Поволжья сложилась самостоятельно на базе савроматской одновременно с прохоровской Приуралья и почти независимо от нее (Шилов В. П., 1975). Однако в Поволжье в то время (вторая половина IV в. до н. э.) еще много погребений с широтной, преимущественно западной ориентировкой, преобладают плоскодонные сосуды местного савроматского происхождения, а в начале IV в. до н. э. еще широко распространены мечи и кинжалы скифского типа часто кавказского происхождения (курганы у с. Аксеново в междуречье Дона и Волги).

Во всяком случае, новые круглодонные формы керамики, их орнаментация очень похожи на зауральскую круглодонную керамику с примесью талька в тесте, в частности на иткульскую на Исете и на гороховскую Челябинской и Курганской областей (Мошкова М. Г., 1974). Но проблема происхождения прохоровской культуры по-прежнему актуальна в сарматской археологии. Мало изучены еще

культуры северного Приуралья и районы верхнего Тобола, что не позволяет судить о том, какую именно роль сыграло кочевое население этих районов в сложении ранних сарматов Приуралья и прохоровской культуры.

Особенно наглядно фиксируется генетическая связь между савроматской и прохоровской культурами южного Приуралья на материалах Ново-Кумакского могильника под Орском (Мошкова М. Г., 1962, 1972), который является единственным в этом регионе полностью раскопанным памятником. В нем органически сочетаются «савроматские» и раннепрохоровские погребения. Такая картина наблюдается во всех исследованных курганных могильниках Оренбуржья, и всюду в них соседствуют «савроматские» и прохоровские погребения с преобладанием последних. Преимущество культур наблюдается на материалах из могильников юго-восточной горной Башкирии. Там в курганах V—VI вв. до н. э. сохраняются все ведущие черты савроматского обряда при вполне уже прохоровском инвентаре, особенно в керамике, так что часто бывает трудно определить культурную принадлежность этих курганов: относить ли их к «савроматам» или уже к «прохоровцам» (Пшеничнюк А. Х., 1983).

Основная ведущая черта погребального обряда прохоровской культуры — вытянутые труположения. Нередко погребенные лежат в довольно свободных позах: иногда ноги ромбом — «танцующая» поза (табл. 63, 23), или одна нога в колене подогнута — «атакующая» поза (табл. 63, 30), головой почти всегда на юг, с сезонными отклонениями к западу и востоку (табл. 63, 14—30). Отклонения от южной ориентации наблюдаются обычно и там, где курган прохоровской культуры составляет в целом кладбище одной родственной группы (табл. 63, 31). Захоронения располагаются вокруг могилы родоначальника, погребенного в центре кургана. Этот обряд можно наблюдать и на Волге — в Быково (Смирнов К. Ф., 1960), и в Башкирии — в могильнике Старые Кшишки (Садыкова М. Х., 1962а, б). В этих курганах ориентировка погребенных зависит от расположения впускных могил по кругу, но всегда с южной тенденцией. Северной ориентировки с отклонениями в них никогда не бывает, хотя изредка, особенно в Поволжье, в индивидуальных могилах она все же встречается. Иногда в Поволжье и на Дону попадаются захоронения, где покойники лежат и в других позах, например известны скорченные погребения в подбоях, очень редко — сидячие или лежащие на животе. Такие исключения могут объясняться влиянием соседних народов, социальными различиями, специфическими обстоятельствами смерти.

Для раннесарматского времени характерно многообразие погребальных сооружений различных типов и всегда в одних и тех же могильниках, что объясняется большой перемешанностью старых родов и племен, в том числе, очевидно, и пришлых. Преобладание какого-то одного типа погребального сооружения в одном из могильников не наблюдается. Поэтому в целом по типам погребальных сооружений, да и вообще по погребальному обряду, нельзя распределить обширный раннесарматский племенной массив на отдельные племена или локальные

группы. Ныне можно лишь наметить относительную культурную близость в рамках того или иного региона. Такая попытка сделана Б. Ф. Железничковым (1980б) для «савроматских» и сарматских памятников южного Приуралья.

Почти все типы погребальных сооружений прохоровской культуры были известны и в савроматское время, но теперь многие из них стали преобладающими. Как и у «савроматов», почти во всех могильниках часто встречаются впускные захоронения в насыпях, формы ям у которых не прослеживаются. Очевидно, это были простые продолговатые или узкие прямоугольные могилы с индивидуальными захоронениями, о чем можно судить по многочисленным фактам обнаружения в грунте могил такой формы (табл. 63, 17, 25, 28). Хорошо известны также обширные овалы или широкие прямоугольные, иногда почти квадратные грунтовые ямы (табл. 63, 16, 29, 30). Чаще всего они встречаются в ранний период прохоровской культуры в южном Приуралье. По всей вероятности, они представляют собой могилы богатых и знатных сарматов и поэтому чаще всего тщательно оборудованы. Если в небольших грунтовых могилах обычно встречаются простые плоские деревянные перекрытия из бревен, плах, досок, и коры, то в обширных могилах, особенно в раннепрохоровское время, преобладают более сложные надмогильные сооружения, выходящие, как правило, за пределы самой могилы, что характерно главным образом для захоронений савроматского времени. Здесь не исключены и шатровые перекрытия. В южном Приуралье — в Оренбуржье и Уральской обл. (Мечет-Сайский могильник на Илеке, могильник Новый Кумак под Орском, курганные группы у с. Лебедевка в восточных районах Уральской обл. и под г. Уральском) стали известны и обширные прямоугольные могилы с длинными дромосами, идущими наклонно к могиле. Они использовались для последовательных или одновременных захоронений в них родственников — членов одной семьи или лиц, социально зависимых от главного покойника. О том, что эти семейные склепы предназначались иногда и для последовательных захоронений, свидетельствуют наблюдения: кости некоторых ранее погребенных бывают сдвинуты, чтобы освободить место для последующих захоронений. В таких дромосных могилах фиксируется до 8 погребенных. Все они ранние — IV в. до н. э. В Поволжье их пока нет, так как здесь почти не встречаются курганы ранних сарматов. Однако они стали известны в степях нижнего Дона — на левом берегу у хут. Вертячий Городищенского р-на Волгоградской обл. и на правобережье — в пределах Калитвенского р-на в кургане IV в. до н. э. у пос. Шолоховский (Максименко В. Е. и др., 1984, с. 125, рис. 54) и у хуторов Сладковский (Смирнов К. Ф., 1984, с. 41, рис. 9) и Кашеевка (Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Косяненко В. М., 1984, с. 150, рис. 67) Тагинского р-на Ростовской обл. Последние захоронения датируются временем не позже конца IV в. до н. э. и связаны, вероятно, с сирматами, упомянутыми Евдоксом из Книда и Псевдо-Скилаком.

Среди типов могильных ям в прохоровское время распространяются могилы с уступами-заплечиками

(табл. 63, 14, 15, 26). Они встречаются повсюду, но ни в одном могильнике не являются ведущей формой. Обычно они бывают основными могилами и располагаются в центре курганов. Вокруг них группируются впускные захоронения. Основные могилы наиболее богатые, как правило, с оружием и оборудованы деревом — плоские перекрытия из плах, досок и коры. Их стенки и дно обложены корой, иногда образуют нечто вроде саркофага, изредка окрашенного, как, например, в могиле кургана 12 у с. Политотдельское в Заволжье (Смирнов К. Ф., 1959). Подобные могилы — тоже не родо-племенной признак, а, скорее, социальный.

Особенно типичны для прохоровской культуры могилы с подбоями (табл. 63, 18, 19, 22, 27), появившиеся в Приуралье еще в савроматское время. Они встречаются во всех более или менее обширных курганных группах Поволжья и Приуралья: их немного в Новокумакском могильнике, а в Мечет-Сайском они составляют до 60% всех могил прохоровской культуры (Смирнов К. Ф., 1975а, с. 158). Подбой, особенно в раннепрохоровское время, обширны, иногда в них хоронят до двух—трех покойников, очевидно, одновременно. Над подбойными могилами, иногда очень глубокими, сложных деревянных сооружений не устраивали, но входные колодцы их заваливали камнем, хворостом, ими же закладывали входы, которые загораживали досками, корой, колышками, иногда каменной плитой. Катакомбные могилы всех трех типов (Смирнов К. Ф., 1972) встречаются нечасто и в Поволжье, и в Приуралье (табл. 63, 23, 24). Сейчас их насчитывается более 30, и повсюду они располагаются среди подбойных, составляя особую разновидность камерных могил. Катакомбные могилы оборудованы так же, как и подбойные.

Особо надо сказать о диагональных погребениях. Случаи положения покойников по диагонали больших квадратных могил появляются в Оренбуржье и восточном Приуралье еще в V в. до н. э. Весьма возможно, что этот обычай следует рассматривать как определенный религиозно-социальный признак, которым отмечалось захороненное таким образом лицо. Во времена прохоровской культуры он, вероятно, сохраняя тот же смысл, распространился у «прохоровцев» Приуралья, но не достиг еще такого размаха, как в Поволжье в среднесарматском периоде (суловская культура), когда этот обычай становится одной из характерных черт сарматской культуры степей Восточной Европы.

Кроме различных органических подстилок, в прохоровское время в качестве ложа для погребенных использовались иногда деревянные носилки из планок, брусков и коры (луба). Некоторых покойников подвозили к могиле на особых легких погребальных колесницах типа пазырыкской, имевшей колеса со ступицами и большим числом спиц. Колесницы разбивались или разбирались у кургана, их ложа (основа) служили «носилками» под покойником, отдельные части колесницы клали в могилу, ими закладывали вход в камеру, колеса ставили на запячки и т. д. (табл. 63, 20). Погребенные иногда лежали в деревянных легких решетчатых гробах, сколоченных без применения каких-либо металлических скоб или скрепок, все детали скреплялись

только с помощью шипов (табл. 63, 18, 21). Ранее IV в. до н. э. эта черта погребального обряда у сарматов не наблюдалась.

Камень довольно широко использовался ранними сарматами южного Приуралья. Как и у «савроматов», он служил вместе с землей для сооружения насыпи, иногда сплошь образуя каменную насыпь, панцирь кургана, кромлехи вокруг главных могил и их заклады. В ряде случаев камни образовывали кучи или заклады в виде пирамид над отдельными могилами (Граков Б. Н., 1928).

В Поволжье, где камня почти нет, в савроматское время все же в отдельных местах сооружали каменные курганы («Царские могильницы» с. Пролейки; Сяницын И. В., 1956), а в IV—III вв. до н. э. насыпали каменные кучи в курганном могильнике у с. Аксенова в междуречье Волги и Дона (раскопки В. П. Шилова, не опубликованы), видно, следуя еще савроматской традиции.

Культ огня сохраняет по-прежнему свое ведущее значение у ранних сарматов южного Приуралья (особенно в IV—III вв. до н. э.). Правда, уже нет поожженных мощных надмогильных сооружений и полных стоганий погребенных, как в савроматское время, зато также часты разведения погребальных костров над могилами и положение угольков в могилы. Очень часто продукты горения заменяются интенсивными подсышками и засыпками вещей и самого покойника меловым порошком и иногда желтой охрой. В могилы кладутся куски мела или белые раковины, иногда гипс, реальный или красная охра. Здесь часто встречаются куски охры: возможно, она служила символом огня. Мел в могилах ранних сарматов играл даже более значительную роль, чем в савроматское время, и это повсюду, где распространились ранние сарматы. Может быть, исключения составляют лишь ранние сарматские могилы Северного Кавказа и Северного Причерноморья, где этот обряд чем западнее от Дона, тем все более затухает.

Всюду у ранних сарматов в могилах много оружия. Сарматы — поистине вооруженный народ. Оружие богато представлено во всех мужских могилах, довольно много его и в женских, особенно IV—III вв. до н. э. Наряду со скифскими акинаками в IV в. до н. э. у ранних сарматов Приуралья появляются мечи прохоровского типа, имеющие прямое перекрестье и серповидное, реже — прямое навершие (табл. 65, 34, 35, 37, 51—54). Но в это же время сохраняется еще много переходных форм, появившихся уже в V в. до н. э.: мечи с дуговидным или сломанным под тупым углом брусковидным перекрестьем и слабо изогнутым коротким навершием (табл. 65, 29, 30, 49). Правда, в Башкирии в IV—III вв. до н. э. бытуют еще поздние варианты скифо-савроматских мечей (табл. 65, 28, 50). Среди мечей прохоровской культуры много и длинных всаднических длиной до 1,30 м. Раннесарматские воины часто носили слева очень длинные мечи, а справа — короткие кинжалы типа скифского акинака, но уже прохоровской формы. У ранних сарматов Северного Кавказа, особенно на Ставрополье, с IV—III вв. до н. э. появляются мечи и кинжалы так называемого синдо-меотского типа (табл. 65, 27; Смирнов К. Ф., 1980). Они становятся известны почти по

всему степному сарматскому миру в IV—III вв. до н. э. — от правобережья Дона до Оренбуржья, включая район Орска (Ново-Кумакский могильник), и даже в Башкирии, где они явно местного производства, но сделаны по заимствованным синдо-меотским образцам.

Колчаны ранних сарматов, особенно в погребениях конца IV и IV—III вв. до н. э., полны стрел (табл. 64, 6, 7). Иногда в одном колчане их бывает более 300, иногда при погребенном положено даже 2 колчана. В погребениях IV—III вв. до н. э. преобладают бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники довольно небрежной отливки, свидетельствующие о массовом производстве для нужд войны. Довольно часто на их лопастях сохраняются сделанные при отливке поперечные или косые валики — знаки мастеров или подобные же процарапанные бороздки — знаки владельцев стрел. С III—II вв. до н. э. все более и более увеличивается количество железных трехлопастных черешковых стрел, особенно в Поволжье и Приуралье, а на Дону особенно широко распространяются начиная с IV в. до н. э. железные втульчатые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел. Обе формы стрел в раннесарматский период становятся характерными для всех народов Подонья и ранних сарматов междуречья Дона и Волги, населения Северного Кавказа, в том числе меоты Прикубанья. У ранних сарматов Поволжья и Приуралья изредка встречаются также железные наконечники с длинными черешками, которые, вероятно, использовались с тростниковыми древками.

При колчанах довольно часто встречаются колчаные крючки (табл. 65, 38, 42, 43, 46), различные пронизки и ворворки (табл. 67, 63, 73), связанные с системой прикрепления колчана к поясу или к воинской портуpee.

Прочее оружие, в том числе оборонительное, встречается довольно редко. Но в богатых могилах ранних сарматов, в частности в одном из Прохоровских курганов, найдена железная кираса (табл. 65, 45). А на Дону и в междуречье Дона и Волги за последние годы появились такие погребения ранних сарматов, где, кроме мечей, кинжалов и стрел, представлены также массивные копья, дротики, рюмкообразные втоки, шлемы и панцири — целые или пластины от них (табл. 65, 39—41, 44, 47, 48). Перед нами — полная паноплия тяжеловооруженных воинов типа скифских или меотских.

Среди конской сбруи ранних сарматов по-прежнему встречаются железные удила (табл. 67, 56, 65, 66, 71), костяные (табл. 67, 70) — только в IV в. до н. э. и железные псалии (табл. 67, 55, 58, 64, 67—69, 71), бронзовые бляшки, пронизки и ворворки от уздечки (табл. 67, 53, 57, 60—63, 72—77). Уздечные наборы находят обычно в захоронениях IV—III вв. до н. э. Железные псалии имели форму прямых стержней или были С-видные с двумя отверстиями. С конца III, но главным образом во II—I вв. до н. э. начинают распространяться в Поволжье, на Дону и на Украине в захоронениях богатых конных воинов наборы сбруи с серебряными фаларами или фаларами, сделанными на медной основе, обложенной позолоченным серебряным листом с растительными или мифологическими сюже-

тами. Они круглые, выпуклые, иногда полушарные (табл. 67, 52, 54).

Среди орудий труда, как и у сарматов, встречаются той же формы железные ножи с прямой и горбатой спинкой и узким черенком, обычно с деревянными, очень редко — с костяными ручками, точильные бруски и плитки, изредка бронзовые и железные иглы и шилья, железные топоры и кельты, много пряслиц, плоских, круглых, конических и биконических из глины и кости (табл. 68, 49—60, 62—83).

Плоские дисковидные пряслица, часто изготовленные из толстостенных черепков местной посуды с примесью талька, — особенность южно-уральского региона (табл. 68, 80—83). Среди металлической утвари (табл. 68, 42—44, 48, 61) известны бронзовые литые котлы — круглодонные, шаровидные или такие же на высоком коническом поддоне и с одним или тремя гвоздевидными выступами на ручках (табл. 68, 42, 43, 61). Все они очень похожи на скифские, встречающиеся в царских скифских курганах.

Раннесарматская глиняная посуда, с одной стороны, тесно связана с посудой савроматского времени, с другой — испытывает большое влияние извне. Последнее особенно касается керамики южноуральских районов. По составу керамических форм и орнаментов, особенно в IV в. до н. э., эти районы резко отличаются от сарматских Поволжья и Подонья. В Приуралье преобладают круглодонные формы с примесями талька (табл. 72, 1—9), которых почти нет в Заволжье и совсем нет в керамике из памятников междуречья Волги—Дона. Весьма разнообразен в Приуралье, особенно в Башкирии, орнамент. Он образует подчас сложный узор, особенно по плечикам сосудов, из сочетания бороздчатых, желобчатых, штампованных линий и фигур или наколов разных форм (табл. 72, 1—3, 8, 9, 11—18). Орнамент поволжской и донской посуды, часто дающий те же фигуры, значительно проще (табл. 72, 28, 33, 34, 37—46, 54, 55). Там главным образом в IV в. до н. э. преобладает посуда, генетически более тесно связанная с савроматскими формами. В могильнике Мечет-Сай круглодонная и плоскодонная посуда представлена приблизительно поровну. В III—II вв. до н. э. происходит значительная нивелировка в формах посуды. Всюду распространяются плоскодонные с уплощенным дном и круглодонные сосуды с относительно узким горлом, с ребром, отделяющим горло от тулова, с налетами на корпусе. Довольно часто сосуды имеют небольшие петлевидные ручки-ушки, поверхность их серовато-желтого, иногда красноватого цвета сглажена или даже прилощена.

Гончарные красноглиняные ангобированные сосуды среднеазиатского производства встречаются в могильниках Башкирии (Старые Кийшки, Бишунгарово) и на Илеке (Мечет-Сай). Среди них есть фляги и кувшины, которые в раннесарматское время особенно распространяются в южном Приуралье и изредка встречаются в Заволжье.

В нижнем Поволжье и на Дону появляется античная посуда, в том числе чернолаковая и ранняя краснолаковая. Развитие местной керамики там явно идет под влиянием посуды оседлого населения дельты Дона и Прикубанья. В раннесарматских

могилах глубинных степей изредка встречаемся с привозной сероглиняной посудой, изготовленной на гончарном круге на поселениях дельты Дона, в том числе и Танаиса, или на меотских поселениях Прикубанья. Среди нее попадаются серолощенные кувшины и миски, изготовленные на гончарном круге. Своего гончарного круга ранние сарматы глубинных степей Дона, Поволжья и Приуралья не знали. Очень редко в сарматских погребениях на Дону, в междуречье Дона и Волги находят и античные эллинистические амфоры.

Из предметов туалета в женских могилах встречаются туалетные костяные ложечки (табл. 66, 50, 57; 69, 60, 74, 75), гребни и навершия гребней (табл. 66, 51, 63—66; 69, 55—57, 71), бронзовые круглые зеркала (табл. 69, 34—40, 76—80), румяна в раковинах и маленьких глиняных сосудиках. В ранних погребениях туалетные ложечки очень похожи на савроматские. Концы их ручек бывают украшены сильно стилизованными зооморфными изображениями (табл. 66, 57). Позднее формы ложечек значительно упрощаются, головка плавно переходит в ручку, составляя с ней единое целое (табл. 69, 60, 74). Иногда овальные головки ложечек четко отделяются от ручки (табл. 69, 61, 75).

Ранние прохоровские зеркала — плоские с большими круглыми дисками и плоскими ручками (табл. 69, 76, 77). Некоторые из них уже в IV в. до н. э. снабжаются чуть заметным широким валиком по краю. Ведущим типом прохоровских зеркал являются зеркала с большими дисками диаметром 18—20 см и довольно массивным валиком, часто снабженные ручкой-птырем для деревянной или костяной рукоятки (табл. 69, 34—39, 79, 80). Вариантом этого типа были зеркала с умбоном в центре (табл. 69, 35), прототипом для которых послужили, видимо, малоазиатские экземпляры, такие, как, например, зеркало из богатой женской могилы IV в. до н. э. с религиозной сценой на тыльной стороне (Смирнов К. Ф., 1968, с. 116—122). Очень редко встречались тонкие плоские зеркала без ручки с вертикально приподнятым краем, в том числе прикубанского меотского происхождения, например, зеркало из кургана 3 у с. Политотдельское в Заволжье (Смирнов К. Ф., 1959, с. 236, рис. 13, 8).

Украшения ранних сарматов составляли браслеты, гривны, височные подвески и серьги, перстни и кольца (табл. 71, 37—76). Среди браслетов и гривен преобладали бронзовые или золотые и серебряные, сделанные из гладких или витых стержней (табл. 71, 37, 38, 41—45), часто бронзовая основа была обернута золотым листом. Нередко точно так же делали маленькие височные кольца или золотые кольца-серьги с подвесками.

Для застегивания и закрепления одежды пользовались железными и бронзовыми, иногда костяными круглыми, овальными и прямоугольными пряжками, часто с неподвижным язычком (табл. 71, 46—53, 55). Такие прямоугольные, а чаще круглые, овальные и восьмеркообразные бронзовые пряжки оставались ведущей формой на протяжении всей прохоровской культуры (Мошкова М. Г., 1960). Среди бронзовых прямоугольных пряжек встречаются ажурные с фигурой верблюда, хищника или всадника на коне (табл. 66, 48).

Предметы культа в могилах ранних сарматов, особенно женских, довольно часты. Вероятно, в религиозных представлениях «прохоровцев» существенных изменений не произошло: они оставались огнепоклонниками, как и савроматы. В начале прохоровской культуры южного Приуралья у женщин-жриц сохраняются каменные переносные жертвенники, но меняется их форма. Теперь это круглые или овальные песчаниковые блюда с высокими бортиками, покрытыми рельефным рисунком (табл. 69, 62, 63). Таких жертвенников очень немного, и находят их всегда в женских довольно богатых могилах Приуралья. На Волге и Дону их нет совсем. Как и у «савроматов», они сопровождаются прочими предметами культа: краской, раковинами, зеркалами и туалетными ложечками. Эти жертвенники полностью вытесняются к III—II вв. до н. э. глиняными курильницами, которые встречены в женских могилах повсюду — в Приуралье, на Волге, на Дону (табл. 69, 41—46, 48, 64—70). Их типология хорошо разработана — они характерны для прохоровской и сусловской культур, где существуют без заметных изменений (Смирнов К. Ф., 1974). Замечено, что приуральские курильницы, особенно илекские, проявляют большое сходство и по формам, и по орнаментации с курильницами нижнего Поволжья, особенно Астраханщины, где определенно жили аорсы Страбона. В раннесарматских могилах Поволжья и Приуралья встречаются сосуды обычных форм, в которых лежат по несколько штук глиняных, каменных или тальковых предметов — так называемых молоточков (табл. 69, 54). Их назначение неясно, но связь с каким-то обычаем или культом несомненна. Не играли ли эти «молоточки» роль, близкую к роли кучек необработанных галек часто со следами обожжения, которые встречаются во многих богатых «савроматских» могилах Приуралья?

У ранних сарматов основных больших регионов начинают встречаться в женских и детских могилах Заволжья и Приуралья меловые или алебастровые зооморфные статуэтки с весьма схематическими изображениями. Это вряд ли игрушки, скорее — символ семейных божеств или предков (табл. 69, 52, 53).

В течение раннесарматского периода почти совсем исчезает звериный стиль, богато представленный у скифов, савроматов и их восточных соседей. Правда, традиции этого стиля еще сохраняются на некоторых предметах в Поволжье и Приуралье, например на костяных ложечках и навершиях гребней. Но и там зооморфные образы становятся схематичными, вырождаясь в III—II вв. до н. э. в Заволжье в сухие схемы, как, например, на спинках костяных наверший гребней, где изображены не то птицы, не то звери. Нельзя назвать и прочие раннесарматские вещи предметами звериного стиля в его особом значении, так как зооморфные образы на них вовсе не стилизованы (табл. 66, 48—66).

Памятники прохоровской культуры, где хорошо известны погребения богато вооруженных воинов, например Прохоровский курган с железной кирасой (табл. 65, 45) или некоторые Донские курганы IV в. до н. э., позволяют говорить о глубокой имущественной и социальной дифференциации. Но еще

сохраняются, во всяком случае в IV в. до н. э., богатые погребения вооруженных женщин — «амазонок» (Сладковский курган, центральное погребение с двумя вооруженными жрицами в кургане 8 Мечет-Сая на Илеке — Смирнов К. Ф., 1975а, с. 136—143), что свидетельствует о продолжении традиции, существовавшей в савроматскую эпоху.

Изменений хозяйственного уклада у ранних сарматов по сравнению с савроматским периодом не наблюдается. Все «прохоровцы» — кочевники. Сохраняются в основном те же племенные центры, в могильниках, где встречаются «савроматские» погребения, продолжают хоронить ранних сарматов, хотя образуются новые могильники на более широкой территории, чем савроматская, например под Уфой (Бишунгарово, Старые Кишки; Садыкова М. Х., 1962а, б, 1965).

Территория кочевания ранних сарматов расширилась уже в IV—III вв. до н. э. В это время начинают создаваться крупные военные союзы сарматов, какими были аорсы, сираки и роксоланы, ставшие затем известными античным авторам.

Для конца раннесарматского времени (т. е. II в. до н. э.) мы уже имеем более конкретные данные письменных источников об этих крупных племенных объединениях — политических союзах родственных племен. Они начинают походы, завоевания и даже переселения по всем направлениям — на юг, север и еще более на юго-запад и запад. Среди них прежде всего выделяются аорсы, которые, по Страбону, уже в последние века до н. э. занимали степные просторы от Танаиса до Каспия и господствовали над большей частью побережья Каспия (Страбон. География, XI, V, 8). Надо полагать, что речь идет не только об этом побережье, но и обо всем или значительной части северного Прикаспия, включая южное Приуралье (Смирнов К. Ф., 1950а, 1974). Есть мнение, что в значительной части южного Приуралья кочевали верхние аорсы, чьи памятники тождественны или почти тождественны нижневолжским — астраханским (Смирнов К. Ф., 1974, с. 38, 39). Аорсы вели активную караванную торговлю со странами Переднего Востока, перевоза на верблюдах ценные импортные товары. Этот караванный торговый путь, вероятно, шел по западному побережью Каспия (Страбон, География, XI, V, 8). Судя по тому что в богатых курганах южного Приуралья довольно часто встречаются переднеазиатские вещи, в том числе ахеменидские серебряные блюда IV—III вв. до н. э. (Ростовцев М. И., 1918б, с. 79), надо полагать, что уже в IV—III вв. до н. э. торговый сухопутный путь аорсы осуществляли и по восточным областям своих кочевий, через страны Средней Азии. Недаром привозная среднеазиатская посуда — нередкая находка в могилах рядовых сарматов прохоровской культуры на Илеке и даже в далекой от Средней Азии Башкирии. В середине II века до н. э. под ударом северных кочевников погибает Греко-Бактрийское царство, на развалинах которого несколько позже, к рубежу н. э., возникает огромная Кушанская империя. Мнение о присутствии сарматов среди кочевников-завоевателей в Средней Азии не общепринятое, но довольно реальное, основывающееся не только и не столько на основе археологических данных, сколько на общей исто-

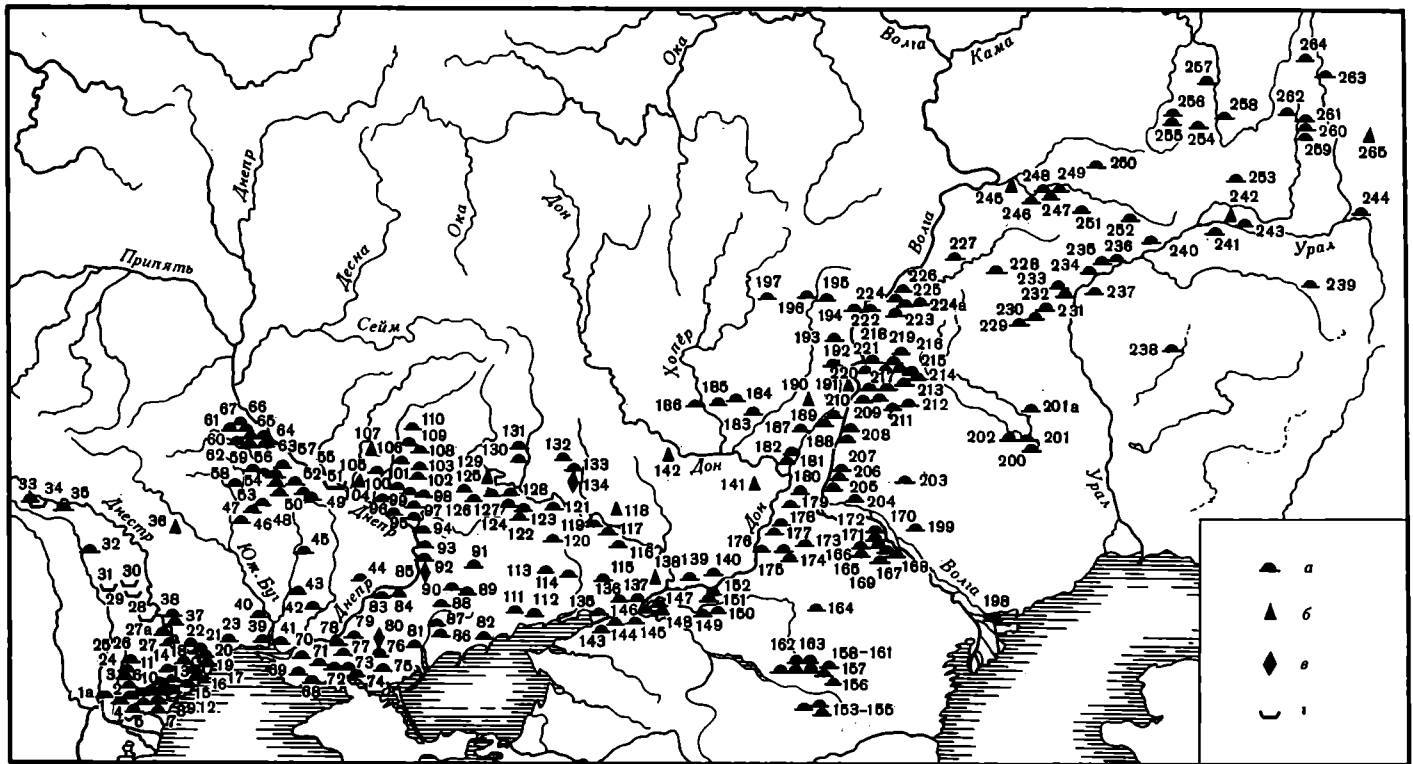
рической обстановке и социальном развитии ранних сарматов. Мощные военные союзы были уже способны на крупные завоевания, а богатая военная аристократия жаждала наживы, грабежей и дани от более цивилизованных стран юга, юго-запада (Кавказа) и запада (Скифия и города Северного Причерноморья).

Территория ранних сарматов расширяется и в северном направлении (имеются в виду области средней Башкирии). Значительное число погребений прохоровской культуры известно под Уфой. Это целые курганные могильники, в археологическом комплексе которых прослеживаются элементы местной караабзской культуры, выраженные главным образом в формах некоторых лепных круглодонных сосудов. Старокишкинские и бишунгаровские погребения дают полный и безусловный комплекс признаков прохоровской культуры, хотя в нашей археологической литературе высказано мнение, что погребения в Старокишкинских курганах — это не «прохоровцы», а какие-то пришлые племена (Генинг В. Ф., 1961). Поселившись среди местного оседлого населения, сарматы оказали большое воздействие на материальную культуру последних. Так, например, на Гафурийских городищах встречаются мечи, костяные ложечки и прочие вещи позднеавроматской и прохоровской культуры IV—II вв. до н. э., на основании которых в основном произведена датировка самой караабзской культуры. На некоторых Гафурийских городищах значительный процент составляет лепная керамика, аналогичная, а порой и тождественная по форме и орнаменту сарматским прохоровским сосудам, найденным в соседних сарматских курганах южной Башкирии и Оренбуржья. Существует мнение, что на Гафурийских городищах жили осевшие на землю «прохоровцы»-сарматы, возможно, господствовавшие над местным оседлым населением (Смирнов К. Ф., 1964а, 1975а; Садыкова М. Х., 1965). Вероятно, они снабжали некоторыми изделиями сарматов-кочевиков степей южного Приуралья.

Информаторы Страбона сообщают о размещении аорсов и сираков в степях Восточной Европы между Танаисом и Каспием, причем они спускались на юг вплоть до Кавказских гор. Судя по некоторым савроматским памятникам междуречья Кумы и Терекка еще савроматы достигали в своих кочевьях степей Предкавказья. В раннесарматский период степи Северного Кавказа были уже прочно освоены сарматами, вступившими в тесный контакт с местным населением. Именно в это время начался процесс смешения аорсов с аборигенами, определеннее проявившийся позже. Подробнее о сарматах на территории Кавказа будет сказано ниже.

Самое мощное движение савромато-сарматских племен было в Европу, т. е. к западу от Танаиса. Как уже говорилось ранее, оно началось в конце IV в. до н. э., когда Скифия после гибели царя Атея испытала политический упадок. Не позже начала II в. до н. э. сарматы подчинили себе значительную часть Скифии (Смирнов К. Ф., 1984).

Античные писатели, в первую очередь Страбон (География, VII, 3, 4), среди сарматских племен называют и размещают в Северном Причерноморье наиболее крупные объединения — языгов и роксола-

Карта 14. Памятники средне- и позднесарматской культуры
 а — курганы; б — случайные находки; в — клады; г — групповые могильники

1 — Криничное; 1а — Кагул; 2 — Каменка; 3 — Огородное; 4 — Кислицы; 5 — Червоный Яр; 6 — Холмское; 7 — Приморское; 8 — Нерушай; 9 — Глубокое; 10 — Баштановка; 11 — Борисовка; 12 — Травовка; 13 — Вишнево; 14 — Старая Сарата; 15 — Катаржа; 16 — Сергеевка; 17 — Шабалат; 18 — Семеновка; 19 — Овидиополь; 20 — Надлиманское; 21 — Маяки; 22 — Беляевка; 23 — Кошары; 24 — Бешалма; 25 — Комрат; 26 — Первомайск; 27 — Олонешты; 27а — Пуркары; 28 — Токмазая; 29 — Селиште; 30 — Негурены; 31 — Боканы; 32 — Карпач; 33 — Островец-Олечина; 34 — Кисилев; 35 — Ленковцы; 36 — Траяны; 37 — Чобручи; 38 — Слободзая; 39 — Парутино; 40 — Соколова Могила; 41 — Широкая Балка; 42 — Любимовка; 43 — Ново-Петровка; 44 — Усть-Каменка; 45 — Коротяк; 46 — Владимировка; 47 — Ярошевка; 48 — Журовка; 49 — Ружичевка; 50 — Цветна; 51 — Колонтаевка; 52 — Рай-город; 53 — Холодный Яр, Яблоновка; 54 — Смела; 55 — Николаевское; 56 — Константиновка; 57 — Залевки; 58 — Колодезское; 59 — Петрики, Орловец; 60 — Каращпыи; 61 — Кагарлык; 62 — Емчиха; 63 — Яблунов; 64 — Канев; 65 — Масловка, Шандря; 66 — Бурты; 67 — Краснополка; 68 — Красное, Широкое, Скадовск; 69 — Новочерноморье, Ново-Алексеевка; 70 — Новое Шабо; 71 — Малые Копаны; 72 — Привольное; 73 — Чаплинка; 74 — Первоконстантиновка; 75 — Громовка; 76 — Сергиевка; 77 — Черненькая; 78 — Архангельская слобода; 79 — Васильевка; Ольговка; 80 — Верхние Серогозы; 81 — Долина; 82 — Бердянк, Дмитровка; 83 — Водяное, Харчевик; 84 — Конские Раздоры; 85 — Янчокрак; 86 — Вознесенское; 87 — Ново-Филипповка, с/х Аккермень; 88 — Большой Токмак, хут. Шевченко; 89 — Пологи; 90 — Малая Токмачка; 91 — Богодар; 92 — Михайловка; 93 — Ворона; 94 — Соколово, Александровка; 95 — Подгородное; 96 — Верхняя Маевка, Маевка, Спасское; 97 — Николаевка; 98 — Афанасьевка; 99 — Бузовка; 100 — Ново-Подкраж; 101 — Котовка, Малая Котовка; 102 — Климовка; 103 — Контемировка; 104 — Мануйловка; 105 — Абазовка; 106 — Лихачевка; 107 — Шишаки; 108 — Воскресеновка; 109 — Кирилловка; 110 — Битица; 111 — Приморское; 112 — Гусельщики; 113 — Макевка; 114 — Ново; 115 — Астахово; 116 — Желобок; 117 — Николаевка; 118 — Луганская; 119 — Ворошиловград, Александровск; 120 — Новолуганское; 121 — Переозная; 122 — Радионовка, с. Ступки; 123 — Черевков; 124 — Славянск, Переметное; 125 — Раздольская,

с. Бунаково; 126 — Мечебилово; 127 — Грушевах; 128 — Селимовка; 129 — Петровское; 130 — Воронцовка; 131 — Куняновка; 132 — Сватова Лучка, Нижняя Дуванка; 133 — Нежеретово, хут. Старобельск; 134 — Старобельский клад; 135 — Ростов-на-Дону (Круглый курган, Аксайское, Мокрый Чалтыр); 136 — Новочеркасск (Садовый), Хохлач (Соколовский); 137 — Донской; 138 — Мелиховская; 139 — Богоявленская; 140 — Цимлянск; 141 — Голубинская; 142 — Мигулинская; 143 — Высочино; 144 — Койсуг; 145 — Крепинский; 146 — Алитуб; 147 — «Четыре брата»; 148 — Балабинский; 149 — Криволиманское; 150 — Новый; 151 — Центральный; 152 — Ясырев; 153—155 — Восточный Манчы, правый берег группы I, левый берег группы I, II; 156 — Кермен-Толта; 157 — Лола; 158—161 — Цыган-Эльсин, Бичкин-Булул, Архара, Элиста II; 162, 163 — «Три брата», Элистинский; 164 — Кегюльта; 165 — Балкин; 166 — Кузин; 167 — Ордынский бугор; 168 — Сазонкин бугор; 169 — Солонное Займище; 170 — Кривая Лука; 171 — Барановка; 172 — Старипа; 173 — Атаганерово; 174 — с/х Октябрьский; 175 — Жутово; 176 — Аксеновский; 177 — Первомайский; 178 — Колпачки; 179 — Жерноклеевский; 180 — Котлубань; 181 — Авиловский; 182 — Ютаевка; 183 — Сидоры; 184 — Ново-Анинск; 185 — Короли; 186 — Нехаевка; 187 — Мишкина Пристань; 188 — Соломатино; 189 — Барановка; 190 — Котовка; 191 — Щербаковка; 192 — Каменка; 193 — Норка; 194 — Саратов; 195 — Ершовка; 196 — Аткарк; 197 — Машевка; 198 — Бугор Билинга; 199 — Нижний Баскунчак; 200 — Кысык-Камыс, Кос-Оба; 201 — Курпе-Бай; 201а — Карасу; 202 — Кара-Оба; 203 — Сайхин; 204 — Ленинск; 205 — Верхне-Погромное; 206 — Калиновка; 207 — Ново-Никольское; 208 — Быково, группы I, II; 209 — Политотдельское, группы I, II; 210 — Бережновка I, II; 211 — Шульц; 212 — Альт-Ваймар; 213 — Кано; 214 — Блюменфельд; 215 — Харьковка; 216 — Старая Полтавка; 217 — Фриденберг; 218 — Визенмиллер; 219 — Усагово; 220 — Ровное; 221 — Краснополье; 222 — Покровск (Энгельс); 223 — Крутойровка; 224 — Тонкошуровка, или Мариенталь; 224а — Ново-Липовка; 225 — Суслы; 226 — Боаро (Бородаевка); 227 — Успенка; 228 — Максютново; 229 — Семиглавый Мар; 230 — Шипово; 231 — Зеленый; 232 — Уральск; 233 — Кордон Деркульский; 234 — Гниловский, Новенький; 235 — Рубежка; 236 — Спартак; 237 — Барбастау I—III; 238 — Лебедевка; 239 — Ульке; 240 — Герасимовка; 241 — Бис-Оба; 242 — Гирьял; 243 — Красногорский; 244 — Джанатан; 245 — окрестности г. Куйбышева; 246 — Утевка; 247 — Гвардейцы; 248 — Андреевка; 249 — Виловато-

нов. Правда, есть мнение, притом мало обоснованное, что роксоланы — вовсе не сарматы, а иное ираноязычное племя (Мачинский Д. А., 1974, с. 12). Допускается, что среди сарматских племен в Северном Причерноморье (Приазовье) жили и аорсы (Мачинский Д. А., 1971, с. 129—132; Шилов В. П., 1983а), проникнув туда довольно рано.

Археологические следы сарматской активности в Северном Причерноморье прослеживаются вплоть до самого нижнего Поднепровья. Однако по-прежнему раннесарматских памятников III — рубежа II—I вв. до н. э. на Украине известно пока немного — всего около 40 погребений (Костенко В. И., 1981, с. 8). И только с конца II—I в. до н. э. и позднее в Северном Причерноморье появляются массовые сарматские могильники (междуречье Орели—Самары, Ново-Филипповка, Аккермень, Усть-Каменка и т. д.; Костенко В. И., 1978, с. 112—113). В свое время была сделана попытка выделить локальные варианты в сарматской культуре указанного района и связать их с племенами, названными античными авторами (Абрамова М. П., 1961). Однако окончательно это возможно будет сделать только после более значительного накопления археологических материалов.

Среднесарматская культура

Массовая миграция задонских сарматов в европейские степи, происходившая, судя по письменным и археологическим источникам, не позднее конца III — начала II в. до н. э., окончательно перекроила этнополитическую карту Северного Причерноморья. Завершение ее и установление относительной стабильности в этих районах по времени (вторая половина II в. до н. э.) примерно совпадают с появлением нового археологического комплекса — среднесарматской, или сусловской, культуры (конец II в. до н. э. — начало II в. н. э.). Памятники ее охватили территорию, почти вдвое превосходящую области первоначального обитания сарматов в волго-донских и южноуральских степях (карта 14). Однако формирование среднесарматской культуры происходило в восточных, задонских, районах, и в создании ее принимало участие, по-видимому, лишь автохтонное население без включения пришлых иноэтничных племен. Это обусловило менее резкий переход (по сравнению с савроматской и прохоровской культурами) от прохоровской к сусловской культуре, который можно рассматривать как эволюционный процесс. Погребальный обряд претерпел очень небольшие изменения, инвентарь также сохранил ряд форм предшествующего времени. Сама же смена вещей происходила постепенно, поскольку основной комплекс инвентаря сложился в недрах прохоровской культуры.

во; 250 — Березняки; 251 — Липовка; 252 — Сорочинский могильник; 253 — Ново-Муратолово; 254 — Еметбаево (Уметбаево); 255 — Уязыбашево; 256 — Чумарово I; 257 — Леканды; 258 — Дербенево; 259 — Комсомольский; 260 — Кара-Тал; 261 — Бекешево; 262 — Темясово; 263 — Агаповский; 264 — Муракаево; 265 — Аландский

Время, когда всю территорию расселения сарматов охватывала среднесарматская культура (конец II в. до н. э. — начало II в. н. э.), было наиболее благоприятным для развития сарматского общества. Исключение составила лишь территория южного Приуралья, где в связи с ухудшением климатических условий, как считают одни исследователи, или в результате миграции большей части кочевников на запад и юго-восток, как думают другие, довольно резко уменьшилось количество населения. Жители остальных территорий переживали расцвет во всех сферах общественно-экономической жизни. Став полновластными хозяевами северопричерноморских степей, сарматы приблизились к античным производственным центрам, держали в страхе их население, и товары из этих городов хлынули к кочевникам.

Хотя среднесарматская культура была распространена на всем колоссальном пространстве от Урала до Дуная, где жили близкородственные ираноязычные кочевники, она не могла быть повсюду одинаковой, тем более что после завоевания Северного Причерноморья в состав сарматских орд были включены какие-то скифские группировки, появилось оседлое окружение на севере и на юге европейской степной зоны. Все это формировало определенные отличия в материальной культуре (включая и погребальный обряд) таких крупных регионов, как южное Приуралье, Заволжье с Волго-Донским междуречьем и Северное Причерноморье с его северо-западными районами. Наиболее явственно эти отличия проявились в местной лепной посуде. Исследование керамики всех областей расселения сарматов и выяснение локальных особенностей сосудов каждого из трех названных больших регионов демонстрируют, с одной стороны, единство среднесарматской археологической культуры, а с другой — своеобразие каждого из районов. Последнее отражает существование в евразийских степях больших племенных общностей или союзов племен. При всем сходстве их материальной культуры каждое из объединений имело свою историю развития, обусловленную как внутренними, так и внешними причинами: древние местные корни, связь с окружающим оседлым населением, направление торгово-культурных связей.

Археологические материалы среднесарматского периода, как и более раннего времени, представлены пока лишь погребальными памятниками. В Задонье, на территории первоначального обитания сарматов, это в большинстве случаев довольно крупные курганные могильники, где, как правило, сосредоточены сарматские захоронения широкого хронологического диапазона — от VI в. до н. э. до IV в. н. э. Нередко сарматы этих регионов использовали и более ранние курганы, в насыпях которых они хоронили своих покойников.

В степях Северного Причерноморья картина несколько иная. До рубежа II—I вв. до н. э. подавляющая масса сарматских захоронений представлена впускными погребениями в курганы уже существовавших некрополей. И лишь с I в. до н. э. — I в. н. э. можно говорить о появлении именно сарматских курганных могильников, где основные погребения составляли подавляющее большинство. Однако на всей территории Северного Причерноморья

общее количество впускных сарматских погребений превышает основные (Костенко В. И., 1981, с. 11).

Погребальные сооружения и обряд среднесарматской культуры с определенной долей модификации продолжают формы и традиции погребального культа предшествующей раннесарматской поры. Сарматы хоронили своих покойников под курганами среднего (12—20 м) и небольшого (8—12 м) диаметров высотой 0,2—1,0 м. Крупные насыпи высотой 1,5—2,5 м достаточно редки. Еще меньше курганов высотой более 3 м. Насыпи курганов земляные. Иногда они содержат следы огня в виде небольших угольно-волистых пятен или отдельных угольков. Чаще, чем в других регионах, следы огня зафиксированы в насыпях курганов южного Приуралья. В отдельных случаях в курганах среднесарматского времени устраивались большие кострища. Некоторые насыпи содержат кости животных (лошади и овцы) — остатки погребальной тризны. Как и следы огня, они более обычны в насыпях курганов южного Приуралья.

На территории правобережной днепровской лесостепи обнаружены единичные грунтовые сарматские могильники. Первым из них был исследован Калантаевский I в. н. э., расположенный на Тясминне в Черкасской обл. I в. н. э. датируется и могильник в Поднестровье, у с. Островец (Смійко М. Ю. 1962). Бескурганный обряд совершенно не характерен для сарматов, и появление его в сарматских памятниках этих районов отражает процесс проникновения отдельных незначительных групп сарматских племен в среду местного оседлого населения, где произошла, по-видимому, их ассимиляция. Так, Калантаевский могильник расположен на территории, на которой в это время были распространены памятники зарубинецко-корчеватовской культуры (Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961, с. 141, 142). Общей тенденцией для погребального обряда на всей территории расселения сарматов является постепенное увеличение количества курганов с индивидуальными захоронениями (табл. 73, 5). Однако процесс этот происходил чрезвычайно неравномерно не только в рамках различных регионов, но даже внутри каждого из них. Для южного Приуралья и нижнего Поволжья можно с уверенностью констатировать в общей массе материала преобладание основных погребений над впускными (Приуралье — 56,6 и 43,4%, Поволжье — примерно то же). Но если сравнивать отдельные нижеволжские могильники, они могут давать диаметрально противоположную картину. Так, в Бережновских курганах (бассейн Еруслана) основные захоронения составляют 74%, впускные — 26. А южнее (около 160 км), в Калиновском могильнике, основные погребения насчитывают лишь 11,6%, а впускные — 88,4. Та же картина наблюдается и в расположенном поблизости Быковском могильнике, где из 35 погребений лишь 1 основное. Одной из причин подобной ситуации могут быть некоторые хронологические различия памятников. Не исключено, что Калиновский и Быковский могильники чуть раньше Бережновского. Сарматские памятники нижнего Дона и верхнего Маныча, а также междуречья Дона—Днепра демонстрируют значительное преобладание впускных захоронений. Однако в Приазовских мо-

гильниках (Ново-Филипповка и Аккермень) доминирующее большинство составляют основные погребения. На правобережье Днепра для этого времени известен лишь один значительный могильник — Усть-Каменка. Почти все его сарматские захоронения центральные, основные (Вязьмитина М. I. и др., 1960; Махно Е. В., 1960).

Могильные сооружения, в которых сарматы хоронили своих покойников, имеют разнообразные формы и размеры. В состав их входят удлиненно-прямоугольные или овальные ямы, могилы с заплечиками, широкие, иногда почти квадратные ямы, подбойные могилы. О форме погребальных сооружений в насыпях курганов судить трудно, можно предполагать лишь, что в большинстве случаев это были узкие удлиненно-прямоугольные ямы (табл. 73, 7).

Удлиненно-прямоугольные грунтовые могилы, довольно сильно варьирующие по размерам, представлены двумя основными группами. Первую составляют узкие могилы, ширина которых — около $\frac{1}{3}$ их длины (табл. 73, 6, 8). Вторую — ямы средней ширины, где ширина равна половине или чуть более длины могилы (табл. 73, 2). Наиболее стандартные размеры для этих групп колеблются в пределах: длина — 1,80—2,50 м, ширина — 0,60—1,30 м, глубина обычно не превышает 2—2,5 м, но чаще всего — от 0,8 до 1,5 м. Могилы овальной формы имели примерно те же размеры, что и удлиненно-прямоугольные ямы.

Очень близки к описанному типу могилы с заплечиками. В удлиненно-прямоугольных ямах на высоте 0,6—0,8 м оставались уступы-заплечики шириной 0,2—0,4 м. Как правило, они имели конструктивное назначение в качестве опоры для деревянных перекрытий. Очень редко встречаются могилы с двумя парами заплечиков, устраиваемых на разной высоте. В погребении Аккермень I (курган 2, погребение 5) деревянное перекрытие лежало на нижних заплечиках (табл. 73, 9).

Одной из ведущих форм погребальных сооружений, характерных именно для среднесарматской культуры, были широкие (ширина — более $\frac{3}{4}$ длины ямы), часто почти квадратные грунтовые могилы. Размеры их достаточно стандартны: 2,00—2,40 м на 1,80—2,40 м, глубина — 1,10—1,70 м, очень редко — 2—2,5 м. В большинстве случаев форма могилы четкая, с хорошо выделенными углами (табл. 73, 10, 12), реже — углы скруглены (табл. 73, 4), но иногда настолько, что яма принимала почти округлые очертания (табл. 73, 3).

Во всех описанных типах могил, особенно в широких и квадратных ямах, достаточно часто применялось дерево. Обычно это были деревянные перекрытия из бревен, жердей, поверх которых нередко укладывали ветки, хворост. Перекрытия сооружались на уровне древнего горизонта, выходя за пределы стенок могилы, или лежали на заплечиках. Иногда легкое перекрытие из тонких досок или коры устраивалось непосредственно над погребенным. В широких и особенно квадратных могилах деревом облицовывались стенки ямы и дно. Очень редко на дне встречаются ямки от столбов, которые, очевидно, поддерживали перекрытие.

Подбойные могилы среднесарматского периода по

своей конструкции почти ничем не отличаются от раннепрохоровских подбоев. Иредка, как и раньше, устье подбоя отделялось от входной ямы вертикально поставленными жердями или досками. Так же редко встречаются перекрытия над входной ямой (табл. 73, 1).

Своим происхождением все описанные типы погребальных сооружений связаны с предшествующими сарматскими могилами. Однако по сравнению с ними изменяется процентное соотношение типов. Полностью исчезают катакомбные могилы, довольно резко уменьшается количество подбойных. Значительно меньше насчитывается и захоронений в насыпях курганов. Но так же резко возрастает количество широких или почти квадратных могил. В южном Приуралье в раннесарматское время их практически нет, а в среднесарматское — уже 17,7%. В нижнем Поволжье, где они существовали и раньше (15,5%), количество таких могил существенно возрастает, достигая в отдельных могильниках более 40% (Бережновка II), но при этом они почти отсутствуют в других (Калиновка — 3,3%). На правом берегу нижней Волги, на верхнем Маныче, на левобережной Украине широкие, почти квадратные могилы составляют не менее, а иногда и более 25% всех погребальных сооружений. Могилы с заплечиками, как и в раннесарматское время, насчитывают не более 4%. Господствующим типом могил, как и на предыдущем этапе, остаются удлиненно-прямоугольные ямы. Изменяется лишь соотношение могил узких и средней ширины. Если раньше доминировали узкие ямы, то в среднесарматское время преобладают могилы средней ширины. В общей сложности обе эти группы могил составляют почти во всех регионах более 50%.

Подавляющее большинство могил содержит индивидуальное захоронение, но встречаются также и коллективные — взрослых с детьми, очень редко — двух взрослых, обычно мужчины и женщины. В могилах покойники лежат на спине с вытянутыми ногами и руками, иногда одна из кистей рук, реже — обе покоятся на тазовых костях. Ноги бывают согнуты в коленях или раскинуты в виде ромба (табл. 73, 5, 7, 8, 10, 12). Очень редко погребенные лежат на боку вытянуто, еще реже — скорченно. Иногда покойников хоронили в дощатых гробах и чрезвычайно редко — в долбленых колодах.

В это время главным образом в нижнем Поволжье получил широкое распространение обряд диагональных захоронений, когда в квадратных или широких прямоугольных ямах погребенного укладывали по диагонали ямы (табл. 73, 3—5, 10—12). Именно с этим обрядом захоронения связан особый тип деревянных конструкций, основу которых составляли квадратные рамы из досок, поставленных на ребро. Это были своего рода гробовища с легким покрытием из веток и прутьев и дном из коры или тонких дощечек. Стены таких могил в большинстве случаев выложены деревом: нередко это жерди, тонкие бревнышки или плахи, вкопанные вертикально вдоль стен. В Бережновском II могильнике в большой квадратной яме (2,40×2,20 м) оказалось очень интересное погребение женщины с четырьмя детьми. Она лежала по диагонали ямы, один из детей был положен справа от нее, а для остальных

трех вырыты ниши-подбоя в трех стенах могилы (табл. 73, 11).

Ориентировка погребенных в среднесарматское время достаточно устойчива. Подавляющее большинство их лежит головами на юг с небольшим отклонением к востоку или западу. Столь же обычными для этого времени были юго-западная и юго-восточная ориентировки. В качестве исключения встречаются западная и восточная. На территории Северного Причерноморья довольно значительный процент составляют захоронения, ориентированные на север или север с отклонениями. Как пишет В. И. Костенко (1981, с. 12), количество погребений с подобной ориентацией возрастает по мере передвижения сарматов на запад. Вполне вероятно, что в районах, расположенных ближе к лесостепи, северная ориентация является наследием скифских традиций. Что касается степного правобережья, то здесь возможны западные гето-дакийские воздействия.

В погребальном обряде, как и раньше, фиксируются следы культа огня. Однако на территории южного Приуралья и южного Поволжья они минимальны. Кострища устраивались очень редко, хотя некоторые из них были огромны. В насыпи одного из калиновских погребений (курган 55, погребение 8) остатки сгоревших стволов деревьев и красная обожженная земля занимали площадь около 4 кв. м. Но обычно в могиле обнаруживают отдельные угольки или пятна золы. На территории Северного Причерноморья, особенно в Самарско-Орельском междуречье (Костенко В. И., 1980, с. 83—85), культ огня представлен достаточно широко. Возле могильных ям встречаются иногда кострища с остатками трисны обычно в виде обломков сосудов, костей и черепов животных. Практиковалось также обожжение перекрытий и даже погребенных (Костенко В. И., 1978, с. 127; 1980, с. 83, 84; 1981, с. 12; Вязьмитина М. И., 1954, с. 222).

Очижительная сила приписывалась не только огню. Мел и реальгар заменяли его. Однако и они встречаются в могилах гораздо реже, чем в раннесарматское время. Чаще, чем в других типах сооружений, их обнаруживают в широких и квадратных могилах. Иредка бывает посыпано меловым порошком дно могилы или сам покойник.

Погребенных нередко сопровождает жертвенная пища в виде кусков мяса овцы или лошади. Обычно это нога с лопаткой или грудина. Очень редко в могилах находят черепа животных. Так, в одном из диагональных захоронений Бережновского могильника под стопой человека лежал череп лошади (табл. 73, 10), а в разграбленной могиле одного из Калиновских курганов в центре ямы лежали два черепа и отдельные кости лошади (Шилов В. П., 1959, с. 406).

Расположение инвентаря в могилах не подвержено жестким канонам и представляет значительное разнообразие. Оружие находят обычно слева или справа от погребенного, иногда в головах, ногах или на покойнике. Сосуды, как правило, ставили в головах или ногах, но встречаются и по сторонам от погребенного. А в широких и квадратных могилах Украины, где почти всегда несколько сосудов, они стоят группами в углах ямы. Вещи личного оби-

хода — украшения, пряжки, фибулы, бусы — находят обычно там, где их носили при жизни, или в туалетных сумочках. Зеркала не имели определенного места, но чаще всего их клали у плеча или головы погребенного.

Состав инвентаря в могиле зависел от пола, возраста и социального положения погребенного. В рядовых захоронениях наборы вещей стандартны и сравнительно немногочисленны. У детей это обычно сосуды, бусы, украшения, редко — предметы туалета, оружие, иногда альчики. Мужчин очень часто, особенно в волго-донских и южноуральских погребениях, сопровождает оружие: мечи, кинжалы, иногда стрелы и совсем редко — копыя. Попадаются уздечные наборы, но, как правило, только удила. Украшения встречаются в единичных экземплярах, пряжки же поясные и портупейные находят сравнительно часто. Из предметов туалета в мужских могилах можно обнаружить только зеркала, да и то редко. Большую часть погребенных сопровождают сосуды, в большинстве случаев по одному, реже — два и более. Инвентарь женских могил разнообразнее. Почти всем женщинам ставили сосуды. Из украшений обычно встречаются всевозможные бусы, серьги, подвески, реже — браслеты, перстни и предметы туалета — зеркала, костяные ложечки, пиксиды. Именно женские захоронения сопровождают курильницы, очень редко находимые при мужчинах. Амулеты клали как в женские, так и в мужские погребения. В богатых могилах, и мужских, и женских, инвентарь многочисленнее и разнообразнее. Помимо предметов, сопровождавших рядовых погребенных, встречается много импортных вещей: гончарная керамика, металлические сосуды, ювелирные изделия из золота и серебра. Однако обособленных аристократических кладбищ почти не известно, хотя на самих могильниках наблюдается определенная система в размещении погребенных, причем в разных регионах она различна. Обычно могильники представляют собой скопление рядовых курганов, среди которых вышшеается одна или несколько крупных насыпей с богатыми захоронениями людей высокого социального статуса. Однако в южном Приуралье зафиксированы отдельно стоящие очень большие курганы савроматского времени — Пятимары, Три Мара, в которых были погребены военачальники и женщины-жрицы. Но не исключено, что и вокруг них концентрировались мелкие курганы, которые из-за распахки не сохранились до настоящего времени.

Среднесарматские памятники южного Приуралья представлены рядовыми погребениями. В нижнем Поволжье, на нижнем Дону и Южном Буге известны одиночные основные и впускные богатейшие могилы типа Соколовой Могилы, Новочеркасского и Садового курганов. В составе некоторых крупных могильников нижнего Поволжья (Бережновка II) фиксируются компактные группки курганов, отличающиеся от остальной массы рядовых захоронений некрополя более разнообразным и обильным инвентарем и диагональным обрядом погребения. Под насыпями этих курганов обнаружены как мужские, в основном воинские, захоронения, так и женские, нередко с детьми. Трудно сказать, какой признак лежит в основе выделения этих курганов — соци-

альный (погребения господствующего племени) или этнический, а может быть, тот и другой.

Позднесарматские курганы пристраивались обычно к уже существующим кладбищам, или для захоронения использовались более ранние насыпи. Только в Лебедевском могильнике южного Приуралья позднесарматские курганы образуют значительные самостоятельные группы, в составе которых выделяются участки, где концентрируются воинские всаднические погребения с длинными мечами и уздечными наборами. Около них находят нередко и культовые сооружения, связанные именно с позднесарматским периодом (Мошкова М. Г., 1984). По богатству и набору вещей, оружию эти воинские захоронения принадлежали, очевидно, аристократической дружинной верхушке поздних сарматов южного Приуралья.

Керамика. В большинстве сарматских погребений находят керамические сосуды, разнообразные по форме, размерам и технике изготовления. Как считает большинство исследователей (Мошкова М. Г., 1956; с. 6; Шилов В. П., 1959, с. 469), сарматы не знали гончарного круга и вся керамика местного производства изготовлялась от руки. Однако во многих сарматских могилах на территории от Приуралья до Днестра встречаются и гончарные сосуды, количество которых особенно возрастает в среднесарматское время. Характер этой керамики помогает разобраться в торгово-экономических связях сарматских племен. Каждый из четырех крупных регионов — южное Приуралье, нижнее Поволжье, Северное Причерноморье и Приднестровье — имел свои торговые контакты, которые отчетливо прослеживаются по типам гончарной керамики. Лепная керамика среднесарматского времени, за редким исключением, вся плоскодонна и представлена главным образом горшками самых разнообразных форм, небольшим количеством кувшинов, редкими мисками. Однако в противоположность типам оружия и конского снаряжения, которые одинаковы на всей территории, заселенной сарматами, а подчас и за ее пределами, местные сосуды в каждом регионе имеют свою специфику. Особенно отличается лепная керамика нижнего Поволжья и южного Приуралья от керамики Северного Причерноморья.

В южном Приуралье, где происходило формирование прохоровской культуры, дольше всего сохраняются свойственные ей формы сосудов или отдельные черты их. Именно отсюда известны круглодонные (табл. 74, 27, 32, 36, 40) среднесарматские горшки, грушевидные сосуды (табл. 74, 35) и, наконец, уплощенно-биконические с высоким горлом, покрытым желобками (табл. 74, 37). Все эти формы характерны для раннесарматской керамики (а грушевидные сосуды — даже для савроматского времени этой территории) и в среднесарматское время нигде, кроме южного Приуралья, почти не встречаются. Остальные типы среднесарматских горшков, особенно шаровидные со сравнительно высоким, чуть расширяющимся кверху горлом (табл. 74, 28, 33, 34, 38, 39), распространены и в нижнем Поволжье (табл. 74, 18—24), правда, в относительно меньшем количестве. Один раз подобный горшок найден в могильнике на р. Молочной (Ново-Филипповка, одно из наиболее ранних погребений могиль-

ника; табл. 75, 8). Яйцевидные и шаровидные горшки с невысоким горлом, чуть отогнутым венчиком или почти прямой горловиной (табл. 74, 29—31) являются нейтральными формами и характерны для всей территории распространения среднесарматской культуры (Поволжье — табл. 74, 12—17; Северное Причерноморье — табл. 75, 12—14, 18).

Лепных мисок в южном Приуралье, как и нижнем Поволжье, нет. Кувшины встречаются редко. Все они повторяют формы античных образцов (табл. 74, 25, 26).

Лепная керамика нижеволжских среднесарматских памятников по своему составу (подавляющая масса — горшки) и типам достаточно близка южноуральской. Но в целом и здесь фиксируется определенное своеобразие, а именно большое количество горшков нейтральных форм (табл. 74, 8—17), которые как незначительный компонент существуют на всей территории расселения сарматов и практически на протяжении всей их истории. Появляются горшки с узким чуть выделенным дном и высокими раздутыми плечами (табл. 74, 6, 7), отдаленно напоминающие некоторые типы савроматской посуды этой территории (Смирнов К. Ф., 1964а, рис. 61, 12, 13; 62, 5, 7). Явление это было замечено К. Ф. Смирновым еще в конце 40-х годов (1947, с. 80) и оценено как генетическая связь с древней местной нижеволжской керамикой. Наконец, по сравнению с Приуральем здесь значительно больше кувшинов или кружкообразных сосудов с петлевидными ручками (табл. 74, 1—5).

Очень своеобразен и резко отличен от поволжско-приуральского лепной керамический комплекс в западных районах расселения сарматов. Сюда относятся все Северное Причерноморье, включая бассейн Северского Донца, т. е. территория современной Украины и Молдавии. Набор керамики тот же, что и в других регионах: горшки, кувшины, но при этом появляются довольно большое количество лепных мисок (табл. 75, 9, 11), иногда на невысокой полой ножке (табл. 75, 5), и не встречающиеся в Поволжье и Приуралье корчагообразные сосуды (табл. 75, 3). И мисочки, и корчаги — наследие скифских традиций, проявившихся особенно ярко в среднесарматской лепной керамике. Значительное место среди лепной керамики этого региона занимают горшки, типы которых также можно связать только со скифской керамикой (Граков Б. Н., 1954, с. 71, табл. III, 3—5; IV, 1—4; Погребова Н. Н., 1958, с. 123, рис. 12, 1—4; с. 132, рис. 16, 5; с. 170, рис. 5—9; с. 184, рис. 32, 3, 6, 7), характерной как для степных, так и лесостепных памятников позднескифского времени. Они отличаются вытянутым или шарообразным туловом, узким дном и воронкообразным устьем (табл. 75, 1, 2, 6, 10, 15). Это явление находится в противоречии с известием Диодора о поголовном истреблении сарматами скифского населения Северного Причерноморья. Несомненно, что какая-то часть его, видимо немалая, сохранилась и влилась в сарматские племенные союзы.

Очень знаменательна и такая деталь, как присутствие в сарматских могилах горшков и корчаг (табл. 75, 3, 4), типы которых связаны с зарубинецкой керамикой (Вязьмитина М. И., 1954, с. 229; Макси-

мов Е. В., 1972, табл. II, 1, 3; III, 2; VI—VII). Черта эта характерна для нижеднепровских позднескифских городищ и долго сохраняется в западной сарматской керамике (I в. до н. э.— I в. н. э.). По-видимому, стойкому существованию скифских форм в сарматских памятниках северо-западного Приазовья, Приднепровья и Приднестровья способствовали соседство и близость их с нижеднепровскими позднескифскими городищами.

Но наряду с местными архаизмами и заимствованиями (зарубинецкие формы) мы видим здесь типично сарматские сосуды, распространенные на всей территории расселения сарматских племен (табл. 75, 7, 8, 12—14, 16, 18). Достаточно характерными для этого региона являются также небольшие лепные биконические кувшинчики с петлевидной ручкой или без нее (табл. 75, 17), представляющие абсолютную копию донских или кубанских серолощенных гончарных сосудов. Кувшины вообще были излюбленной формой посуды у сарматов, они широко представлены импортными гончарными изделиями в сарматских памятниках Заволжья, а особенно правобережья Волги и междуречья Волги—Дона (табл. 76, 1—10).

Своеобразие каждого из описанных регионов проявляется не только в наборе и формах лепной керамики, но и в ассортименте гончарной продукции. Достаточно крупные кубанские и донские керамические центры снабжали своими изделиями население всей сарматской территории, за исключением, видимо, самых западных ее рубежей (Поднестровье и Подунавье). Но основным рынком сбыта этих мастерских были все же Волго-Донская и Заволжско-Приуральская области. Сюда попадали во множестве серо- и чернолощенные кубки, горшки, миски, кувшины (табл. 76) иногда с очень характерным для Кубани штампованным орнаментом (табл. 76, 1, 15). Очень интересен, а главное, удивительно стандартен и другой орнамент — в виде рельефных веревочек с узелочками на концах, которые спускаются по тулову некоторых серолощенных кувшинов. Как правило, эти веревочки сочетаются с резными зигзагами и насечками (табл. 76, 10). Очень небольшая часть кувшинов восточных сарматских областей является импортом из северокавказских керамических мастерских (табл. 76, 7, 9). Возможно, некоторые встречающиеся в нижнем Поволжье красноглиняные кувшины и горшки на кольцевом поддоне (табл. 76, 11, 14, 18), а также часть сероглиняных сосудов привезены из боспорских керамических центров. Но говорить об этом с полной уверенностью трудно. Буквально единицами в волго-донских сарматских могилах попадаются краснолаковые изделия (табл. 76, 17), в Приуралье их просто нет. За исключением нижнего Подонья (табл. 76, 16), в этих районах практически нет и амфорной тары. Очень редко в приуральских погребениях встречается среднеазиатская красноглиняная керамика (табл. 76, 24).

Иную картину дают западные регионы. По сравнению с востоком гончарной керамики здесь значительно больше, а формы ее разнообразнее, довольно много краснолаковой керамики (табл. 77, 22, 29—34), есть амфоры (табл. 77, 2, 4). Основную часть этой керамики составляет боспорский импорт

(табл. 77, 1, 5, 9, 10, 14—20, 26, 28). Но с приходом сарматов в северопричерноморских степях появляется довольно много сосудов, характерных для кубанского и донского керамического производства (табл. 77, 3, 6, 8, 13, 23, 25). Особенно часто встречаются излюбленные сарматами биконические кувшинчики (табл. 77, 7, 11, 12). Однако кубанский и донской импорт не вытеснил, а лишь потеснил продукцию мастерских античных городов Северного Причерноморья, торговые связи с которыми имели очень древние корни. В Поднепровье изредка встречается гето-дакийская керамика (табл. 77, 21, 24).

Металлическая посуда. Помимо глиняных сосудов, сарматы употребляли бронзовые котлы и котелки (табл. 78, 1—5), а также разнообразные импортные металлические сосуды: бронзовые и серебряные кувшины, тазы, чаши, канфары, амфоры, палеры, ковши и цедилки (табл. 78, 6—12), изготовленные в мастерских южной и северной Италии, Галлии и Дунайских римских провинций.

Довольно интересна география распространения захоронений с металлической посудой. Наибольшее количество их обнаружено на нижнем Дону и в междуречье Дона—Волги, где сосредоточены очень богатые сарматские могилы (Садовый, Соколовский, Багаевский, Жутовские курганы), единицы найдены в Заволжье (Калиновка, Суслы, Харьковка) и в западном регионе между Днепром и Бугом (Соколова могила, Трояны, Цветна). В южном Приуралье в среднесарматское время ни котлов, ни других металлических сосудов пока не известно. Возможно, это объясняется и тем, что в Приуралье вообще очень мало среднесарматских захоронений, а среди них совсем нет богатых могил.

Бронзовые литые котлы, бывшие в то время в употреблении у сарматов, представлены двумя типами. Первый — котлы на невысоком поддоне с широким яйцевидным туловом, украшенным орнаментом в виде веревочки и снабженным двумя вертикальными ручками с тремя кнопками и ушками-петельками (высота 35—70 см; табл. 78, 1). Они были распространены главным образом на нижнем Дону, в степях Прикубанья и реже — в Поволжье (Боковенко Н. А., 1977, с. 232—233, рис. 4, 4). Второй тип появился в евразийских степях к концу II—I в. до н. э. и гораздо менее, чем первый, был связан с предшествующими формами котлов. Эти котлы имели шаровидное тулово с четко выраженным венчиком, высокий полый поддон, зооморфные ручки и ушки-петельки (высота 20—35 см; табл. 78, 2, 3). На некоторых из них был носик-слив. Котлы такого типа найдены в погребениях нижнего Дона, Поволжья, Северского Донца, Украины и Кубани. Большой интерес представляет котелок I в. н. э., случайно обнаруженный у хут. Кияковка (Заволжье, р. Ахтуба). Он имел две ручки в виде фигурок козлов и третью, изображающую лошадь с седлом, передний и задний края которого приподняты и имитируют луки (табл. 78, 3, 3а; Скрипкин А. С., 1970, с. 206, 207). Эта фигурка дала основание исследователям предположить возможность существования у сарматов жесткого седла уже в первых веках нашей эры (Хазанов А. М., 1973, с. 8). По всей вероятности, использовались котлы

главным образом при отправлении культовых церемоний (Скрипкин А. С., 1970, с. 208).

Известные в настоящее время бронзовые и серебряные сосуды из богатых сарматских могил разнообразны по форме и размерам. Иногда это были целые наборы-сервизы, как, например, в Садовом кургане на Дону или Жутовском (курган 28) в междуречье Дона—Волги. В первом, помимо бронзовой чаши, сковородки и кельтского котелка (табл. 78, 5), обнаружен уникальный набор из восьми серебряных золоченых чаш, украшенных чеканными рельефными медальонами. На медальонах были воспроизведены части композиций с памятников монументального искусства античного мира (Капошина С. И., 1973, с. 36). В состав жутовского сервиза входили серебряные кубки, скифосы, чаши и тарелки (Шилов В. П., 1975, с. 150). Не менее интересный набор бронзовых и серебряных сосудов найден в Заволжье в одном из курганов Калиновского могильника (табл. 78, 11; Шилов В. П., 1959, с. 86, рис. 56; 1975, с. 142—143).

Нельзя не вспомнить еще несколько удивительных произведений италийской торевтики, обнаруженных в погребениях сарматской знати. Это, к примеру, бронзовая амфора (Багаевский курган 14), нижние концы ручек которой украшены погрудными изображениями менад с глазами, инкрустированными серебром (Капошина С. И., 1967, с. 212, рис. 1, 2), и бронзовый таз (Соколовский курган 13), на дне которого помещен отдельно отлитый медальон с изображением пьяного Силена на муле. Очень интересны и ручки таза, выполненные в виде кистей рук человека. Запястья их обрамлены лентой, заканчивающейся сверху и внизу волтами с пальметками (Раев Б. А., 1974, с. 181—183). Обращает на себя внимание и кувшин из этого же кургана (табл. 78, 9; Раев В. А., 1976, с. 123, рис. 1, 2).

Маска Силена или Пана украшает атташ серебряного кувшина из очень богатого захоронения женщины-сарматки в Соколовой Могиле (Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 174, рис. 12, 13). Превосходный по исполнению, разнообразию и богатству набор металлических сосудов был обнаружен в 1982 г. (Беспалый Е. И., 1985, с. 163—172) в одном из курганов могильника Высочино VII (левобережье нижнего Дона). В состав его входили: два бронзовых котла, серебряный таз с литыми фигурными ручками и высоким кольцевым поддоном, серебряное ситечко, четыре почти идентичных канфара со сложнопрофилированными ручками (табл. 79, 15), золотая полусферическая чаша с горизонтальными рядами округлых вдавлений и пятилепестковой розеткой на дне и серебряный шаровидный кубок с вертикальным бортиком и ручкой в виде стоящей пантеры, плечо и круп которой были украшены вставками (табл. 79, 16). Очень близкий к высочинскому золотой кубок с ручкой в виде стоящей лосихи был найден еще в XIX в. недалеко от Новочеркасска в знаменитом кургане Хохлач (табл. 79, 17). В состав инвентаря Высочинского кургана входил также интереснейший серебряный кувшин, украшенный 12-лепестковой розеткой и ручкой в виде скульптурки сидящего хищника (гиена). Все тулово кувшина покрывают два пояса гравированного орнамента: на верхнем изображены животные и водоплавающие птицы, на нижнем — рыбы, дельфины и

сцены рыбной ловли (табл. 79, 6). Последний сосуд не имеет даже отдаленных аналогий в сарматских погребениях и памятниках Северного Причерноморья.

Чаще, чем эти уникальные изделия, и на более широкой территории (Поволжье, междуречье Дона—Волги, Украина) в сарматских могилах I в. до н. э.—начала II в. н. э. встречаются бронзовые ковши (табл. 78, 6), патеры (табл. 78, 10), тазы и чаши без медальонов (табл. 78, 7), цецилки или ситочки, чаще серебряные (табл. 78, 12), а также всевозможных форм небольшие бронзовые кованые котелочки, часть которых — с железными ободками и ручками в виде колец — была, несомненно, кельтского производства (табл. 78, 4, 5).

На одном из импортных бронзовых котелков в погребении у пос. Новолуганское Донецкой обл. (табл. 78, 4; Шаповалов Т. А., Байдебура Ю. П., 1968, с. 129, 130) была обнаружена греческая надпись. Из двух существующих прочтений ее (Михлин Б. Ю., 1974б; Виноградов Ю. Г., 1984) наиболее обоснованным представляется вариант, предложенный Ю. Г. Виноградовым, гласящий: «шей, жри Сморгдз (или Сморгдзий), сын Париадра». Анализ ономастики надписи выявил малоазийское происхождение владельца котла. Однако, пишет исследователь, это «безусловно не означает, что он совершил столь далекое путешествие и окончил свои дни в донецких степях. Он вполне мог быть жителем Боспора или расстаться где-то на севере Малой Азии со своей вещью, проделавшей затем — возможно, пройдя не через одни руки, — столь долгий путь» (Виноградов Ю. Г., 1984, с. 39, 40).

Крайне редко в сарматских могилах, особенно в восточных регионах, находят стеклянные сосуды. Ставили их обычно в очень богатые погребения (табл. 80, 13; Шилов В. П., 1960, с. 488; Беспалый Е. И., 1985, с. 170, рис. 7, 10).

Оружие и конское снаряжение. На протяжении всей истории сарматов и скифов в составе и вооружении их войск значение тяжеловооруженной конницы неуклонно увеличивается (Смирнов К. Ф., 1961; Черненко Е. В., 1971, с. 37 сл.). Уже в VI в. до н. э. у скифов (Скорый С. А., 1981, с. 19—26) и савроматов (Смирнов К. Ф., 1961) появляются длинные всаднические мечи, но особенно широкое распространение они получили у ранних сарматов в IV—II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963). И хотя легковооруженные всадники-лучники по-прежнему составляли костяк сарматской кавалерии, удельный вес тяжеловооруженной конницы — предшественницы более поздних катафрактариев — постепенно возрастал. Развитие военного искусства сарматов шло по линии усиления ближнего боя и приспособления к нему наступательного оборонительного оружия (Хазанов А. М., 1968, с. 185). Судя по письменным источникам, не позднее I в. н. э. в состав сарматского войска уже входили отряды катафрактариев. Их вооружение характеризовали три отличительные особенности: нали ге тяжелого оборонительного доспеха, употребление в качестве главного наступательного оружия пики (длина 3,5—4,5 м) и, наконец, укрытие доспехом нередко и лошади. Появление отрядов катафрактариев было результатом бессилия всякого варварского войска, как писал Страбон,

против сомкнутой римской фаланги. Новые контингенты в составе сарматских войск принесли с собой и новые тактические приемы ведения боя. Однако все эти изменения коснулись войска не только савроматов. Античным авторам были известны собственно катафрактарии также в Парфии и Армении (Хазанов А. М., 1968, с. 180—187). И так, вооружение и военное искусство сарматов в последних веках до нашей эры и первых веках нашей эры занимало передовые позиции. Этот фактор сыграл немаловажную роль в завоевании сарматами не позднее рубежа III—II вв. до н. э. степей Северного и северо-западного Причерноморья.

Что касается археологического материала, которым мы располагаем для среднесарматского периода, то в указанное время основным видом оружия становятся короткие мечи с кольцевым навершием и прямым перекрестием. Обычно длина их не превышает 50—60 см. Мечи размером более 70 см, составлявшие значительный процент в памятниках прохоровской культуры, насчитывают лишь 5% от всего количества мечей и кинжалов среднесарматского периода (Хазанов А. М., 1971, с. 5). Кинжалы повторяют форму мечей (табл. 81, 21—26). Рукояти мечей и кинжалов обкладывали деревом, которое окрашивалось обычно в красный цвет. Тип меча с кольцевым навершием появляется уже в III в. до н. э. Исследователи считают, что кольцевое навершие происходит от одной из форм савроматского акинака с антенным или зооморфным навершием (Ginters W., 1928; с. 56; Смирнов К. Ф., 1961б, с. 202), причем формирование этого типа идет параллельно с формированием мечей с серповидными навершиями и к III в. до н. э. практически заканчивается (Хазанов А. М., 1971, с. 8). Однако господство мечей и кинжалов с кольцевым навершием наступает только со II—I вв. до н. э. и продолжается до I—II вв. н. э. Обычно мечи и кинжалы носили в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Иногда дерево сверху было обтянуто кожей, также выкрашенной в красный цвет. Известно несколько случаев, когда внутренняя поверхность ножен обтягивалась тканью.

Короткие мечи и кинжалы, судя по расположению их при погребенных, носили, как правило, с правой стороны, у бедра. А. М. Хазанов реконструировал способы ношения сарматами коротких мечей и кинжалов, предложив два в одинаковой степени возможных варианта. Они могли прикрепляться к ноге с помощью охватывающих ее ремешков, которые закреплялись на выступах, имевшихся у рукояти и в нижней части ножен. Но годился этот способ только для кинжалов и коротких мечей, не доходивших до колен. Если же мечи были длиннее, то с помощью портупейного ремня их подвешивали к ремню пояса. На портупее они крепились свободно, что позволяло передвигать меч вдоль ремня. Такой способ ношения мог употребляться и для коротких мечей, и для кинжалов (Хазанов А. М., 1971, с. 13—14).

Находимые в районе мечей костяные ворворки помещались, видимо, на кистях, которыми могли украшать ножны или рукояти мечей, подобно темлякам на средневековом оружии. Изредка около мечей обнаруживают пряжки с подвижным язычком, которым и застегивали портупейный ремень.

Замена длинных прохоровских всаднических мечей короткими с кольцевым навершием (длинных мечей этого типа известны единицы), предназначённых для пешего рукопашного боя, объясняется значительными изменениями, происшедшими в способе ведения военных действий. По-видимому, главным оружием в конном бою становятся теперь не мечи, а длинные тяжёлые копья. Это тем более вероятно, что именно на среднесарматское время падает наибольшее количество сообщений древних авторов о сарматах, вооружённых длинными копьями и пиками, наводившими ужас на оседлое население (Овидий. Ибис, 135; Тацит. История, I, 79). Однако в противоположность скифским и меотским обычаям, как и в предшествующий период, копий в сарматских могилах почти не встречается. Длина копья с древком, достигавшая 4—4,5 м, не давала возможности класть это оружие в могилу. А ломать древко у сарматов, очевидно, не было принято. Но не исключены и другие причины. Возможно, отсутствие копий в могилах связано с существованием каких-то погребально-поминальных церемоний. Из этнографии известно, что у киргизов и казахов очень долго сохранялся обычай, по которому пика являлась временным заместителем умершего воина. В течение года она сохранялась в жилище умершего. Древко втыкалось в землю, а острие возвышалось над юртой сквозь прорезное отверстие свода. Только через год во время церемонии годовых поминок древко копья переламывалось и сломанные части втыкались в изголовье могилы или сжигались (Шишло Б. П., 1975, с. 249—250).

Очень немногочисленные дошедшие до нас среднесарматские наконечники копий представлены двумя типами: 1) с короткой втулкой и длинным массивным листовидным пером и 2) с длинной втулкой и коротким массивным также листовидным пером (табл. 81, 27—29). Иногда края втулки бывают несомкнутыми (табл. 81, 29).

Наряду с тяжёловооружённой конницей, являющейся мощной ударной силой, основную часть сарматского войска по-прежнему составляли легковооружённые всадники. Их оружием наряду с короткими мечами и кинжалами были лук и стрелы. Сарматы продолжают употреблять те же небольшие (длина 60—80 см) сложные луки так называемого скифского типа, которыми они пользовались в савроматское и раннесарматское время.

С конца среднесарматского периода, т. е. в I — начале II в. н. э., эти луки начинают вытесняться более мощными, снабжёнными на концах и рукояти костяными накладками, делавшими эти части абсолютно негнущимися. Одной из отличительных черт лука нового типа были размеры — длина в среднем достигала 120—160 см, что намного увеличивало его дальность и мощность. Деревянная основа такого лука, как и скифского, состояла из нескольких кусков дерева, иногда различных пород. На концах лука располагались по две парные накладки и обычно три срединные (табл. 81, 4, 5). Концевые накладки, имевшие вырезы для тетивы, были, как правило, неодинаковой длины — одна пара длиннее другой. Это делало гибкую поверхность каждого плеча различной, а само оружие асимметричным. Изготовление лука было доста-

точно трудоёмко и сложно. Поэтому сам лук очень ценился и чрезвычайно редко сопровождал погребенного. Обычно большие сложные луки с костяными накладками называют гуннскими, поскольку наиболее ранние (около рубежа нашей эры) костяные накладки от луков происходят из Забайкалья (Руденко С. И., 1952, с. 25; Давыдова А. В., 1956, с. 291). Примерно в это же время — в I в. до н. э. — они появляются и в Западной Сибири в памятниках саргатской культуры (Могильников В. А., 1972, с. 132). Деревянные моделики сложных луков гуннского типа известны в погребениях таштыкской культуры (Кызласов Л. Р., 1960, с. 110).

Однако название «гуннский» для больших луков евразийских степей вовсе не означает, что принесли их сюда непосредственно гунны. Сейчас, когда мы располагаем колоссальным археологическим материалом, стало ясно, что большой лук с костяными накладками распространён на территории, в основном совпадающей с той, на которой бытовал до этого скифский лук. Оба типа луков по внешнему виду и основным конструктивным принципам достаточно близки. Эти наблюдения дали основание предположить, что луки скифского типа явились исходными для создания больших луков с костяными накладками, которые не совсем точно называют гуннскими. Формирование их происходило на обширной территории, чем объясняется значительная варибельность этих луков, особенно в количестве и расположении срединных накладок. Вполне вероятно, что Сибирь, особенно Восточная, где луки с костяными накладками имели очень древнюю традицию, сыграла в этом процессе ведущую роль (Хазанов А. М., 1971, с. 32). Появление лука нового типа на столь обширной территории было вызвано сходными причинами — распространением тяжёлого оборонительного доспеха и резким увеличением значения тяжёловооружённой конницы. Для борьбы с ней стало необходимо более мощное дальнобойное оружие. Большой лук и крупные наконечники стрел позволяли вести не только массовую, но и прицельную стрельбу, что было очень важным при ведении военных действий.

Во II в. до н. э., в период формирования среднесарматской культуры, на всей сарматской территории от южного Приуралья до Днепра сосуществуют втульчатые и черешковые наконечники стрел с явным количественным перевесом черешковых. Но уже к I в. до н. э. железные черешковые трехлопастные наконечники полностью вытеснили втульчатые, как бронзовые, так и железные. Последние в конце прохоровского периода (конец III—II в. до н. э.) были характерны главным образом для поволжских сармат, особенно правобережных и северокавказских. На Северном Кавказе втульчатые железные наконечники продолжали существовать наряду с черешковыми почти до рубежа I—II вв. н. э.

Для железных наконечников появление черешка вместо втулки можно рассматривать как техническое усовершенствование, namного облегчившее их изготовление. Именно этим и объясняется стремительная и почти повсеместная замена втулки черешком. Распространённые повсюду трехлопастные черешковые наконечники, быстро сменившие трехгранные, имели, как правило, треугольную головку

и обычно короткий заостренный к концу черешок. Очень редко встречаются наконечники с трапециевидными или ромбическими головками и никогда со сводчатыми, столь характерными для предыдущих этапов. У подавляющего большинства наконечников лопасти срезаны под прямым углом к черешку, очень редко под острым или тупым (табл. 81, 10—20). Так же редко попадаются наконечники со сравнительно длинными черешками, составляющими две трети длины наконечника (табл. 81, 17а).

Размеры лука, которые почти до конца среднесарматского периода оставались прежними — 60—80 см, лимитировали и размеры наконечников. В большинстве случаев они невелики и достаточно стандартны. Самые мелкие наконечники не превышали 2,5—3,5 см при длине головки 1,5—2 см. Основную массу находок составляют наконечники величиной 4—5,5 см, головка 2—3 см (табл. 81, 10—12а, 13—17б, 18, 20).

Появление больших луков привело к увеличению длины стрел, и соответственно с этим увеличиваются размеры наконечников, которые достигают 5—7 см при длине головки 3,5—4 см (табл. 81, 12а, б, 19). Но находки подобных наконечников редки, и они не характерны для среднесарматского времени.

При пользовании небольшими скифским луком длина стрел не превышала 60 см при толщине древка 4—5 мм. С луками гуннского типа употребляли стрелы длиной до 80 см при толщине 5—6 мм. Способ крепления наконечников с древками был зафиксирован в одном из курганов Сусловского могильника. Черешок наконечника загонялся в расщепленное древко, и все это затем обматывалось древесным волокном или сухожилиями. Древки стрел делали обычно из березы, реже — тополя, клена и других пород дерева. На концах они имели небольшие грушевидные утолщения с вырезом для наложения тетивы (табл. 81, 13а). Стрелы были снабжены оперением. В одном из курганов (17) Бережновского II могильника сохранились многочисленные фрагменты древков с остатками оперения, сделанного из жестких перьев, вероятно, беркута. Оперение располагалось тремя вертикальными рядами, которые прикреплялись с помощью узкой кожаной ленточки, обматывавшей древко в несколько оборотов у самого его конца. Остальная часть оперения приклеивалась к древку (табл. 81, 13б). В Бережновском кургане древки были окрашены в ярко-зеленый, темно-зеленый и красный цвета. Чаще всего встречается именно красная окраска древков и оперения, особенно нижних концов.

Количество стрел, которые клали с погребенным, очень неравномерно — от одной-двух до 100 и более. Но в большинстве случаев их бывает от 10—20 до 50—60. Это несравненно меньше, чем было принято в савроматское и раннесарматское время, когда попадались колчаны, содержавшие 200—300 и более стрел.

Очень редко в погребениях сохраняются остатки колчанов, но судя по дошедшим до нас экземплярам изготавливались они из кожи, дерева или бересты. Дерево и береста могли служить и каркасом, который обтягивался кожей. По-видимому, они представляли собой суживающуюся книзу цилиндриче-

скую коробку длиной 75—80 см (Сусловский могильник — Рыков П. С., 1925, с. 10). Обычно колчаны окрашивали в красный цвет. Иногда около них находят костяные ворворки, украшавшие колчаны или игравшие какую-то роль в португее, может быть, наконечников ремней. Лежат колчаны, как правило, слева от погребенного, около бедра или ноги. Видимо, так они и носились при жизни. Иногда слева лежит меч или кинжал, тогда колчан помещается справа от покойника. Как считает А. М. Хазанов (1971, с. 43), обычай ношения колчанов на правом бедре мог возникнуть у сарматов под влиянием хорезмийцев.

Об оборонительных доспехах сарматов мы знаем чрезвычайно мало, хотя не приходится сомневаться в том, что сарматы пользовались ими. Живописно повествуя о неудачном походе роксолан в Мезию, Тацит говорит о тяжелых панцирях, которые у роксолан носят вожди и знать. Эти панцири, по его словам, «делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться сам он уже не может» (Тацит. История I, 79). Однако очень редко мы находим в погребениях чешуйки от этих панцирей. Видимо, из-за дороговизны доспеха его нечасто клали в могилу воина. Кроме того, именно богатые захоронения бывают обычно разграблены, а как раз в них-то и должны были находиться металлические доспехи. Видимо, к рубежу нашей эры чешуйчатые панцири в основном заменяются комбинированными доспехами, которые представляют собой сочетание различных типов панциря — чешуйчатого, пластинчатого, а также кольчуги (Хазанов А. М., 1971, с. 60, 61). Сказать определенно, какую роль в доспехе играл каждый из этих элементов, трудно.

По-видимому, еще более дорогим и редким доспехом были металлические шлемы. Из исследованных погребений известен лишь один бронзовый шлем латенского происхождения (табл. 81, 8; Rau P., 1927, с. 53—55). Еще один шлем того же типа случайно найден на юге Воронежской обл. у с. Антиповка в составе вещей «клада» или воинского захоронения (Гушина И. И., 1961, с. 241—246). Оба они относятся ко времени не ранее конца II—I в. до н. э. Вполне вероятно, что основную массу составляли шлемы, сделанные из кожи. Во всяком случае, по сообщению Страбона, у роксоланов в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи и они носят плетеные щиты в качестве защитного средства (География, VII, III, 17).

Конь в жизни кочевника, тем более воина-кочевника, играл очень важную роль. Однако конское снаряжение встречается в рядовых могилах сарматов сусловского времени чрезвычайно редко. Чаще всего в могилах находят удила — железные двусоставные (длина каждого звена 10—12 см), нередко снабженные дополнительными свободно вращающимися кольцами, к которым крепились зажимы для ремней или сами ремни оголовья и повода. Изредка удила находят с псалиями, обычно железными, реже — бронзовыми (табл. 81, 1—3). Наибольшее распространение получили железные гвоздевидные

псалии с двумя выступающими круглыми петлями, к которым и крепились ремни (табл. 81, 3).

Совершенно уникальный для сарматов уздечный набор обнаружен в Никольском могильнике. Железные удила были снабжены дополнительными бронзовыми кольцами с зажимами и бронзовыми псалиями необычной формы. Каждый псалий представляет собой короткий стержень в виде русской буквы В, к которому с двух сторон припаяно по овалному кольцу из круглого в сечении бронзового дрота (табл. 81, 1). Стержень и кольцо инкрустированы прямоугольными бронзовыми пластинками (Засецкая И. П., 1979, с. 104). Единственные псалии, подобные никольским, сделанные, правда, из железа и чуть меньшего размера, обнаружены в Андреевском кургане, расположенном на правом берегу Волги — в лесной зоне в 100 км севернее Саранска (Степанов П. Д., 1980, с. 3, табл. 43, 5, 6). Уздечные ремни украшали иногда бляшками, в большинстве случаев бронзовыми, иногда покрытыми золотой или серебряной фольгой.

В состав конского снаряжения богатых воинских погребений входили фалары. Обычно один или два из них были крупные (диаметр 15—24 см) и составляли нагрудное украшение коня. Остальные фалары — бляхи меньшего диаметра — могли крепиться в местах перекрестья уздечных ремней или украшать концы стержневидных псалиев. Хронологически и стилистически фалары I в. до н. э. — I в. н. э. составляют две группы. Первая из них, куда входят такие находки, как Янчокракский «клад» (левобережье Днепра, табл. 79, 5), датируемый I в. до н. э. (Гущина И. И., 1969, с. 50), примыкает к серии более ранних фаларов. Последние обнаружены в погребениях или «кладах» конца III—I в. до н. э. в степях между Уралом и Днепром (села Володарка, Антиповка, Клименковка, Балаклея, Булаховка, Старобельский и Таганрогский «клады»). Они украшены геометрическим орнаментом, изображениями отдельных мифологических персонажей или сюжетных сцен и выполнены в традициях греческой или греко-бактрийской торевтики.

Вторая группа объединяет фалары I — первой половины II в. н. э. (Жутово, курган 28, Запорожский, Садовый, Кирсановский курганы). Особенно парадные фалары были обнаружены в Жутовском и Садовом курганах (табл. 79, 1). Каждый набор состоял из 2 больших и 12 маленьких блях. Все фалары второй группы украшены изображениями свернувшегося животного или сценами терзания, выполненными в сарматском зверином стиле, образы которого и иконографически, и стилистически (своеобразие полихромии) резко отличаются от мотивов савроматского искусства. В то же время сарматский звериный стиль, который в I в. н. э. уже в готовом сформировавшемся виде появился в степях Поволжья и Северного Причерноморья, обнаруживает удивительную близость с изображениями переднеазиатского и сибирского происхождения (Засецкая И. П., 1980, с. 53—54). Все это, по мнению И. П. Засецкой, может свидетельствовать о новых волнах массового переселения родственных ираноязычных племен. Богатые захоронения конных воинов, шедших в авангарде любого передвижения, содержат самый разнообразный и многочисленный

инвентарь, включая предметы роскоши, и позволяют, на наш взгляд, уловить какие-то веки миграций.

Коня сарматы использовали не только для верховой езды. В целом ряде могил найдены обломки деревянных колес и кузова, судя по которым сарматам были известны легкие двух- и четырехколесные повозки. Колеса их имели большой диаметр (около 1,2 м) и более 20 спиц, но в отличие от гальштатских, фракийских, кельтских и скифских на них отсутствовали металлические шины. Более всего колеса сарматских повозок сходны с колесами пазырыкской колесницы (Кожин П. М., 1969, с. 92, 93). Не было у сарматских повозок и никаких металлических скреплений: все части соединялись с помощью шипов, пазов, а возможно, и кожаных ремней (Смирнов К. Ф., 1960, с. 261). Конструкция кузова точно не известна, но можно думать, что она примерно такая же, что и на пазырыкской колеснице.

В вопросе о сарматских повозках археологические материалы, как это часто бывает, дополняют сведения письменных источников. Ни Страбон, ни другие древние авторы ничего не сообщают о сарматских легких повозках — колесницах, остатки которых найдены неоднократно, но они пишут о тяжелых повозках, служивших сарматам жилищем или платформой для жилища. Правдивость этих сведений также подтверждается археологическими находками. Так, модель кибитки на колесах была найдена в одном из склепов Керчи I в. н. э. (табл. 79, 7). А обнаруженные в кургане у с. Макаровка массивные брус — «оси» — могли, как считают некоторые исследователи, принадлежать только тяжелым повозкам с грубыми массивными колесами, т. е. экипажам с бычьей запряжкой (Кожин П. М., 1969, с. 94).

Относительно формы запряжек повозок единого мнения нет. Долгое время считалось, что она была дышловой (Рыков П. С., 1925, с. 14, 15; Смирнов К. Ф., 1960, с. 261). Затем появилось мнение о возможности применения сарматами и оглоблевой запряжки, которую они могли заимствовать в Средней Азии (золотая модель колесницы с оглоблями из Аму-Дарьинского клада) и передать затем в Европу. Во всяком случае, к рубежу нашей эры оглоблевая запряжка известна уже в римских провинциях (Кожин П. М., 1969, с. 95).

Орудия труда, используемые сарматами, стандартны на всей территории их расселения. Наиболее частой находкой в погребениях как мужчин, так женщин и детей являются небольшие (длина 8—12 см) железные ножи с прямой или горбатой спинкой и коротким заостренным или округлым черешком (табл. 78, 27—29). Последний загонялся в деревянную рукоять, от которой на железе сохраняются лишь следы. Следует упомянуть о фрагменте необычного ножа из погребения на Еруслане (Старая Полтавка, курган Е25/19). Длинный черешок его заканчивается кольцом, а пространство между клинком и кольцом было заполнено хорошо сохранившейся деревянной рукояткой (табл. 78, 26). Как кинжалы и мечи, ножи также носили в деревянных ножнах. В погребениях ножи лежат обычно рядом с костями животных, реже — у пояса погребенного или поблизости от него. Иногда рядом с ножом находят

каменные оселки, употреблявшиеся для заточки ножей и оружия (табл. 78, 20).

Для продлевания отверстий в кожаных, а возможно, и в мелких деревянных изделиях сарматы использовали небольшие железные шилья с деревянными рукоятками и костяные проколки (табл. 78, 17—19). Последние являются принадлежностью обычно женских могил, как и бронзовые иглы, носившиеся в костяных или металлических игольниках. Только в женские могилы клали и глиняные, очень редко — каменные пряслица, надевавшиеся на конец веретена и помогавшие его вращению. Формы их довольно разнообразны, и иногда широкое основание или стенки пряслица украшены орнаментом (табл. 78, 21—25).

Чрезвычайно редко в сарматских могилах встречаются какие-либо землеройные орудия. Известны всего три находки втульчатых кельтов-тесел (табл. 78, 16), ширина рабочего края которых колеблется в пределах 4,5—6 см. На стенках могильных ям иногда остаются следы от работы этим орудием, что не исключает использования таких кельтов и как тесел.

Очень интересный набор орудий труда происходит из большого богатого кургана на нижнем Дону (Богаевский курган 13 — Капошина С. И., 1965, с. 50). Здесь на краю перекрытия лежали железная кирка, мотыжка и серповидные жатвенные ножи (табл. 78, 13—15). Исследовавшая этот курган С. И. Капошина писала, что на стенах могилы можно было видеть следы кирки и мотыги, а ножами был сжат камыш, покрывавший деревянный настил над могилой. Жатвенные ножи, нередко называемые в литературе серпами, были характерны для всей Восточной Европы второй половины I тысячелетия до н.э. — первой половины I тысячелетия н.э. (Минасян Р. С., 1978, с. 78, рис. 2, 11—15), включая Прикубанье (Анфимов Н. В., 1951б, с. 150, рис. 1, 1), а также лесостепную и лесную полосы (Краснов Ю. А., 1971, с. 66—68, рис. 49). Кочевники использовали эти ножи для жатвы трав, которыми они подкармливали скот, и камыша, широко применявшегося сарматами в погребальном обряде. Форма найденной в Богаевском кургане мотыги является обычной для мотыжек боспорских поселений, где они были достаточно широко распространены и применялись для обработки земли (Кругликова И. Т., 1975, с. 170—172, рис. 78). Так же редко и только в богатых могилах сарматов встречаются железные топоры. Но известны они пока только на территории междуречья Волги—Дона, в частности в одном из очень богатых погребений Жутовского могильника (Шилов В. П., 1975, с. 150).

Предметы туалета, употреблявшиеся сарматами, объединяют серию вещей, куда входят зеркала, костяные ложечки и пиксиды, стеклянные флакончики, алебастровые и металлические сосудики и другие находки.

Сарматские зеркала встречаются главным образом в женских погребениях, но изредка попадают и в мужских. Для этого времени характерно несколько типов зеркал. Наиболее распространенными, составляющими неотъемлемую часть среднесарматского археологического комплекса, были плоские, довольно тонкие литые диски без ручек, как

правило, прокованные по краям (табл. 80, 22). Диаметр их колеблется от 6 до 10 см, но чаще всего в пределах 6—8 см. Носили, их, по-видимому, в деревянных и кожаных футлярах, которые могли подвешивать к поясу. В погребениях нижневолжских сарматов иногда встречаются зеркала с большими массивными дисками диаметром до 18 см (Калиновка).

Изредка плоские зеркала имели небольшие выступы (табл. 80, 24) или выемки, с помощью которых обычно крепились деревянные или костяные рукояти. Генетически этот тип зеркал связан с савроматскими формами и с небольшими модификациями существовал у сарматов вплоть до II — начала III в. н.э. Но следует заметить, что плоские дисковидные зеркала диаметром 5—9 см во II в. до н.э. — II в. н.э. получили очень широкое распространение по всему Северному Причерноморью, включая позднескифское население нижнего Днепра (Золотая Балка — Вязьмитина М. И., 1972, рис. 6, 1, 8; 12, 1; 14, 1), Крыма (Неаполь скифский — Погребова Н. Н. 1961, с. 136, рис. 14, 2; с. 162, рис. 33, 13; могильник у дер. Ново-Отрадное — Арсеньева Т. М., 1970, с. 85, рис. 2, 13), а также жителей Прикубанья (Анфимов Н. В., 1951а, с. 184, рис. 13, 2). Не исключено, что в этих районах они могли восходить к предшествующим скифским и меотским формам. Однако повсеместное господство в данное время маленьких дисковидных зеркал не исключает возможности влияния сарматских традиций на культуру населения Северного Причерноморья.

Очень интересно плоское прямоугольное зеркало (табл. 80, 28; размер 7,5×9 см), найденное в одном из диагональных погребений II Бережновского могильника (Синицын И. В., 1960, с. 47, 48). Параллелей в сарматских памятниках оно не имеет. Однако на Боспоре — в Пантикапее и его округе — найдено более 10 прямоугольных зеркал. Одно обнаружено в Танаисе. Основная часть этих зеркал, особенно экземпляры небольшого размера, — продукция италийских мастерских I—II вв. н.э. Там же делались встречающиеся на Боспоре круглые зеркала с перфорацией (Сорокина Н. П., Трейстер М. Ю., 1983, с. 146—151). Одно такое зеркало найдено в сарматском погребении II в. н.э. у хут. Шульц (табл. 80, 52; Шилов В. П., 1972).

Пользовались сарматы и другими видами зеркал. Это были сравнительно небольшие экземпляры (диаметр 10—14 см) с утолщенным округлым валиком по краю диска и металлической ручкой-штырем, который загонялся в деревянную или костяную оправу. Изредка штыри отсутствовали, а рукоять из другого материала крепилась прямо к диску. Сама по себе эта форма господствовала в предшествующей прохоровской культуре, хотя продолжала существовать и далее, изредка встречаясь во II—I вв. до н.э. и даже в I в. н.э. Однако к концу прохоровского времени появилась разновидность описываемого типа, отличающаяся от основной формы наличием конического выступа в центре оборотной стороны диска (Мошкова М. Г., 1963, с. 42, 43). В среднесарматское время изменяется весь облик зеркал этой разновидности: уменьшается диаметр диска (обычно 9—11 см, изредка до 15 см), утолщается и делается шире валик по краю диска. Иногда он украшается

фасетками (табл. 60, 23, 26). На некоторых экземплярах между валиком и центральным выступом появляется орнамент (Битица, бассейн Псла). В таком виде зеркала с утолщенным валиком доживают до II в. н. э.

Связь с предшествующей раннесарматской формой очевидна. Однако споры о происхождении зеркал с утолщенным валиком и коническим выступом в центре продолжают долгое время (Rau P., 1927, S. 91; Хазанов А. М., 1963, с. 65; Заднепровский Ю. А., 1971, с. 137—139; Литвинский Б. А., 1978, с. 83—85), поскольку территория их распространения чрезвычайно широка — евразийские степи, включая Предкавказье, а также Прикубанье и Крым, Средняя Азия, северо-западная часть Индии, северный Афганистан, северные провинции Ирана. Даже сейчас, когда количество находок подобных зеркал значительно возросло, вряд ли можно окончательно решить вопрос об их генезисе. Следует, правда, учесть, что ни в одной культуре кочевых племен, тем более оседлых, зеркала не были столь популярны, как у сарматов. Вероятно, что именно в их среде или под влиянием их вкусов и потребностей появилась новая форма зеркал, быстро и широко распространившаяся на огромной территории. Культурные и производственные центры Средней Азии, тесно связанные с сарматами, могли усовершенствовать и всячески варьировать этот тип, а главное — быть передатчиком его далее на юг и восток. О существовании контактов с мастерскими Средней или Передней Азии свидетельствует интереснейшее зеркало из Соколовой Могилы (I в. н. э.). Серебряная ручка этого зеркала изображает сидящего мужчину со скрещенными ногами и ритонем в руках. Миндалевидный разрез глаз, очертания бровей, да и общий облик говорят о восточном типе лица (табл. 79, 8; Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 175, рис. 14).

По-видимому, именно эти небольшие сарматские зеркала с широким валиком и конической выпуклостью в центре, которые, несмотря на стандартность типа, имели широкий диапазон варибельности, послужили прототипом для создания маленьких зеркал-подвесок, распространившихся в позднесарматской культуре. Поэтапная схема этого развития, предложенная В. Б. Виноградовым и А. В. Петренко (1977, с. 45), в общих чертах справедлива. Правда, переходные варианты зеркал, подобные кубанскому экземпляру из Зубовского хутора, известны и в глубинных степных районах сарматских кочевий (Восточный Маныч, левый берег, группа II, курган 36), тесно связанных с Танаисом. Поэтому, говоря о месте происхождения зеркал-подвесок, нельзя исключить и металлургическое производство, существовавшее у оседлого населения нижнего Дона, бывшего одним из основных поставщиков всевозможных изделий сарматским племенам.

Сформировавшийся в I в. н. э. новый тип зеркал-подвесок (диаметр 3—5 см) с более или менее широким ободком по краю диска, небольшим коническим выступом в центре его и короткой прямоугольной ручкой с отверстием представлен уже в погребениях среднесарматской культуры (табл. 80, 25, 27). Знаменательно при этом, что найдены такие зеркала на Дону, в Приазовье и даже на правом берегу Днепра (Усть-Каменка). Последний экземпляр (табл. 80, 27)

лишь размерами и дырочкой в ручке отличается от своих прототипов.

В I в. до н. э. — I в. н. э. появляются у сарматов и привозные зеркала, относящиеся к разным вариантам ханьских зеркал с арочным орнаментом. Одно из них найдено на нижнем Дону, два других — в Заволжье, в бассейне Еруслана. Попадали они к сарматам, по-видимому, через Среднюю Азию, в частности Фергану, откуда происходит наибольшее количество ханьских зеркал (Литвинский Б. А., 1978, с. 98—105).

Не исключен и другой путь появления этих зеркал у сарматов — прямо по степям через южную Сибирь, где они также были известны и популярны.

Помимо утилитарного назначения, зеркала несли и определенную культовую нагрузку. Так, они служили одним из атрибутов при совершении религиозных церемоний савроматскими жрицами. Намеренно поврежденные экземпляры (Калиновка, курган 55, погребение 8), возможно, отражают анимистические представления сарматов. А маленькие зеркала-подвески (диаметр 3—5 см), находимые нередко на груди в составе ожерелья, могли играть роль амулетов-оберегов (Литвинский Б. А., 1964; Хазанов А. М., 1964).

В качестве предметов туалета следует рассматривать небольшие костяные ложечки (табл. 80, 19, 20), на которых сарматские женщины могли растирать свои румяна и белила, хотя для этой цели использовались иногда и небольшие каменные плиточки с каменными терочниками. Вообще же костяные ложечки характерны для более раннего, главным образом прохоровского, времени, в среднесарматских женских могилах встречаются нечасто и лишь на территории нижнего Поволжья, т. е. у населения, где они были распространены и раньше. Но в знаменитой Соколовой Могиле (правобережье Днепра) с похороненной женщиной была положена позолоченная серебряная ложечка, ручка которой заканчивалась головкой змеи. Очень близкие к ней экземпляры известны из богатых захоронений азиатского Боспора. Видимо, из массового употребления туалетные ложечки постепенно исчезали и сохранились лишь как предмет роскоши у богатых и знатных сарматских женщин.

Румяна, белила и какие-то ароматические вещества богатые сарматки хранили в прекрасно выточенных античных костяных пиксидах (табл. 80, 14, 21), деревянных коробочках и стеклянных флакончиках (табл. 80, 18), а также в маленьких туалетных сосудиках, подвешивавшихся на цепочке (табл. 80, 15). Эти сосудики делали из бронзы, гагата, но чаще — из серебра и золота и украшали иногда вставками из полудрагоценных камней (табл. 79, 12). Все они известны в захоронениях в западных областях расселения сарматов, на нижнем Дону, в Северном Причерноморье, имевших более тесные связи с городами Боспора. Лишь в одном погребении междуречья Волги—Урала найдена костяная пиксида (могильник Курпе-Бай — Сенигова Т. Н., 1956, с. 144, табл. IV, 1). По-видимому, основная масса сарматок для хранения румян, белил и других вещей женского туалета использовала небольшие кожаные или войлочные мешочки, остатки которых нередки в погребениях. В исключительных

случаях это были довольно большие сумочки, как, например, в Соколовой Могиле (20×25 см), где найдена сумочка из войлока малинового цвета, расшитая мелкими бусами. Она завязывалась кожаным шнурком с двумя большими глазчатыми бусинами на концах (Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 177, 178).

Видимо, как туалетные использовались и маленькие алебастровые сосудики (высота 2,8—6 см; табл. 80, 10, 12), где могли хранить благовония, масла и краски. Некоторые из них имели очень стилизованные зооморфные ручки, на которых невозможно разобрать вид животного. На других можно лишь предполагать его. Так, на ручках сосудика из с. Долина (табл. 80, 12) изображены, по-видимому, львы (Фурманська А. И., 1960, с. 138). Большой интерес представляет сдвоенный или биноклевидный сосудик из Бережновки (табл. 80, 11), на одной из боковых поверхностей которого еле заметен тамгообразный знак (Синицын И. В., 1960, с. 59). Подобная форма встречена у сарматов лишь в двух женских захоронениях Бережновского могильника (Заволжье) и не известна более нигде.

В Соколовой Могиле, необыкновенной по богатству и составу инвентаря, найдены уникальные вещи, интерпретированные автором раскопок как «опахала» (Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 175—179): одно круглое (диаметр 20 см), другое — трапециевидной формы (24×27 см), оба деревянные с серебряной и костяной ручками, каждая из которых была украшена изображением мужской головы. В центре круглого опахала находилось двустороннее небольшое бронзовое зеркальце, окантованное, как и все опахало, золотой лентой. На сарматской территории это единственные вещи такого рода. Несомненно, что импортированы они с Востока или из стран Средиземноморья.

Пряжки, пояса, фибулы. Одной из самых обычных находок в сарматских могилах были всевозможные пряжки из бронзы, железа, изредка — из серебра и даже золота. Они использовались для застегивания поясных, портупейных и уздечных ремней, крепления к поясу кинжалов, ножей, оселков и других предметов. Иногда это были нагрудные застегки. Круглые и восьмеркообразные пряжки с неподвижным крючком (табл. 82, 32, 33) и выступом-пуговкой на противоположной стороне являются наследием предшествующей культуры. В среднесарматский период они встречаются сравнительно редко и, как правило, в заволжских памятниках, т. е. на территории, где в III—II вв. до н. э. происходил расцвет прохоровской культуры. Примерно с рубежа нашей эры распространяются всевозможные пряжки с подвижным язычком. Среди них преобладают кругло-рамчатые, бронзовые, реже — железные (табл. 82, 30, 36, 38). Изредка попадаются и другие разновидности рамчатых пряжек — прямоугольные, в одном случае с перемычкой и шишечками по углам ее (табл. 82, 31, язычок обломан), лировидные (табл. 82, 35, 37) и известная пока в единственном экземпляре нарядная фигурная пряжка (табл. 82, 34). Очень редко в погребениях попадаются скульгамы (табл. 82, 39). Иногда роль поясных пряжек выполняли небольшие (диаметром 5 см) бронзовые кольца. Так, в одном из погребений Аккерменского могильника на тазовых костях лежали рядом два кольца: одно с

тремя рядами шишечек (табл. 82, 7), другое гладкое.

Археологические находки на Украине позволили выдвинуть предположение, что у сарматов существовали кожаные наборные пояса. В основе их конструкции лежала система скрепления бронзовой проволокой прямоугольных кожаных полосок размером примерно 3,5×1 см. Они стыковались длинными сторонами и прошивались крест-накрест плоской бронзовой проволокой. Сверху и снизу местá стыка были схвачены прямоугольными бронзовыми обоймами (табл. 82, 40; Симоненко А. В., 1979, с. 52—54). В противоположность скифским наборным поясам сарматские не являлись предметом вооружения, а представляли собой, по-видимому, определенную материальную ценность, поскольку найдены лишь в богатых захоронениях как мужчин, так и женщин. Пряжками таких поясов могли служить прямоугольные рамки или круглые кольца, бронзовые или железные, крепившиеся с ремнем обоймой и, очевидно, крючком, симметричным обойме (Симоненко А. В., 1979, с. 54, 55). Литые бронзовые кольца диаметром 3—4 см неоднократно находили в сарматских могилах, особенно в позднесарматское время.

Не позже I в. до н. э. у сарматов появляются единичные экземпляры фибул, которыми снабжали их главным образом северопричерноморские, а также римские провинциальные ремесленные центры. География этих центров обусловила и распространение самых ранних фибул I в. до н. э. — I в. н. э. в основном среди сарматского населения приазовских и северопричерноморских степей. Из Приазовья известны фибула среднелатенской схемы или так называемая скрепленная латенская фибула (табл. 82, 26; Амброс А. К., 1966, с. 12, 13), фибула-брошь со стеклянной вставкой в центре (табл. 82, 28), ромбическая шарнирная (табл. 82, 27), фибула типа Aucise, маленькая пружинная со спиральным завитком на конце приемника (табл. 82, 29) и ряд других. Очень необычна фибула с широкой листовидной пластинчатой спинкой и шестивитковой пружинкой (Донецкая обл.), датированная опубликовавшим ее Б. Ю. Михлиным концом II—I в. до н. э. (Михлин Б. Ю., 1975, с. 190, 191). На правом берегу Днепра (Усть-Каменка; табл. 82, 25) обнаружена одна из наиболее ранних (I в. н. э.) фибул с подвижным приемником, относящаяся к так называемой лебязьинской серии, которая очень четко демонстрирует происхождение этого местного северопричерноморского типа от латенских фибул со скрепой (Амброс А. К., 1966, с. 55, 56). Материалы раскопок последних лет на Беляусском могильнике (западный Крым, поздние скифы), давшего хорошо датированные комплексы с фибулами, не только полностью подтвердили предложенную А. К. Амбросом схему генезиса местной подвижной конструкции фибул, но и позволили уточнить время этого процесса, происходившего в течение конца II—I в. до н. э. и закончившегося около рубежа нашей эры (Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю., 1983, с. 132—135).

Уникальная золотая египетская фибула была обнаружена в Соколовой Могиле. Она сделана в виде жука (табл. 79, 9), широкая спинка которого украшена каменными вставками из оникса и граната.

Ей сопутствовала еще одна золотая фибула поздне-латенской схемы с треугольным приемником рамчатого типа (Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 169, 173, 183).

В Заволжье, где сосредоточена основная масса среднесарматских погребений, единственная фибула среднелатенской схемы со скрепой происходит из Калиновского могильника (табл. 82, 23). Все другие, очень немногочисленные (2—3 экз.), представляют собой ранние варианты местных северопричерноморских фибул с подвязным приемником. В дальнейшем, со II в. н. э., этот тип будет одним из наиболее распространенных среди фибул, употреблявшихся сарматским населением евразийских степей.

Украшения. Сарматские женщины носили браслеты из бронзы, железа, серебра, золота или крупных бус, серьги, перстни (табл. 82, 16), различные подвески (табл. 82, 21), кольца и ожерелья из стеклянных и каменных бус. Рукава, подол, а иногда и борта верхней одежды они расшивали мелкими бусами или нашивными бляшками. Типы этих вещей из рядовых сарматских погребений на всей огромной территории степей достаточно стандартны. Украшения, обнаруженные в богатых могилах, в большинстве случаев представляли собой произведения ювелирного искусства, каждое из которых было индивидуально (табл. 79, 2, 10, 11, 18). Менее нарядны, но также хороши золотой спиралевидный браслет, золотые сережки «амфоровидного» типа с ручками в виде дельфинчиков (Калиновка; табл. 82, 4, 14) и лунница (с. Васильевка; табл. 82, 15). В захоронении женщины из Калиновки вместе с золотыми браслетами обнаружена массивная золотая гривна (табл. 82, 1) — находка очень редкая в среднесарматских могилах. Надо думать, что, как и в более раннее время, положение с погребенным гривны свидетельствует об особой социальной значимости этого лица в сарматском обществе. Весь остальной очень богатый состав инвентаря, включавший северопричерноморские и италийские импортные изделия, не только не противоречит, но полностью подтверждает это предположение. Обычные бронзовые серьги, особенно в виде колец в полтора-два оборота или со связанными концами (табл. 82, 3, 11—13), одинаково характерны для всей сарматской территории, браслеты же и перстни чаще встречаются в западном регионе. Однако типы браслетов всюду одинаковы: с тупыми, заостренными, расширенными в виде шишечек или как бы перевитыми и завязанными концами (табл. 82, 5, 6, 8—10). Очень редко концы браслетов заканчивались изображениями головок змей (табл. 82, 2). Штампованные нашивные бляшки делали, как правило, из золота, они имели самые разнообразные формы, но чаще всего сферические (табл. 82, 41).

Наиболее распространенными украшениями рядовых сарматов были всевозможные бусы из стекла, одноцветного и многоцветного, а также полудрагоценных камней. Их носили в виде ожерелий, браслетов и расшивали ими не только одежду, но нередко и туалетные сумочки. К сарматам бусы поступали главным образом из северопричерноморских колоний, которые являлись как центрами их производства, так и местом транзита этих изделий из стран

Средиземноморья. Естественно поэтому, что набор бус у сарматов определялся составом этой продукции в городах Северного Причерноморья, хотя у кочевого населения излюбленными и наиболее многочисленными были лишь определенные типы и формы бус. Сюда входили стеклянные бусы с внутренней позолотой, всевозможные глазчатые и полихромные, а также бусы из полудрагоценных камней — сердолика, горного хрусталя, янтаря.

В составе ожерелий, которые находят не только в женских и детских могилах, но и в мужских, попадаются бусы и различные подвески из египетской пасты. Это скарабеи, плакетки с лежащим львом, грозди винограда, изображения частей тела человека — руки, фалла, фигурки Беса, гермы в виде задрапированной в плащ мужской бородатой фигуры (табл. 82, 17—20, 22). Можно думать, что изделия из египетской пасты, служившие религиозно-магическими символами, имевшими апотропеическое значение (как охранительные амулеты) для самих египтян, стали таковыми и для сарматов. Разумеется, сарматы не были знакомы с конкретным смыслом, который вкладывали в эти предметы египтяне. Но большинство названных магических символов — части человеческого тела или самого человека, лежащие львы, — по всей вероятности, соответствовали религиозным представлениям самих сарматов. Они оказались созвучны идеологии местной этнической среды, а потому стали необходимыми атрибутами их собственных культов, превратившись в местные магические символы, ношение которых защищало человека от несчастий, недугов и обесценивало ему благополучие, силу, храбрость, здоровье (Виноградов В. Б., 1968, с. 44, 52). Подобная интерпретация египетских изделий тем более вероятна, что известны, например, подвески в виде рук, сделанные из бронзы и кости. Они входили в состав множества амулетов (43 экз.), сопровождавших женщину из Соколовой Могилы. В числе их находился и собственно сарматский сугубо кочевнический амулет — бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с шипом на втулке (тип VI в. до н. э.), который редко встречается в среднесарматских погребениях. Несомненно, с культом плодородия, помимо фаллических подвесок, связана и костяная статуэтка женщины-роженицы из Соколовой Могилы.

Предметы культа. Как и у всех первобытных народов, культово-магические церемонии занимали в жизни сарматов значительное место. Судить об этом можно по многочисленным находкам глиняных курильниц, которые сопровождают главным образом женские захоронения. Среди среднесарматских курильниц нижнего Поволжья сохраняются еще старые формы в виде невысоких плошек на ножке или без нее (табл. 80, 4, 7), но появляются и новые. Это стакановидные курильницы с широким верхним бортиком, иногда богато орнаментированные, в которые ставили маленькие цилиндрические или баночковидные сосудики с отверстием на боковой стенке (табл. 80, 1—3, 5, 6, 8). В больших курильницах находят следы огня, нагара. Видимо, они выполняли роль жаровен для маленьких курильниц, куда и клали ароматические вещества. Но наиболее характерны для этого времени маленькие цилиндрические и баночковидные курильницы, которые в

большинстве случаев встречаются самостоятельно, без стакановидных сосудиков. Тогда на дне их сохраняются угольки, сажа, обгоревшие зерна злаков, зола от сгоревших трав, кусочки смолы или какие-то темные жирные пятна от ароматических веществ. Значит, огонь разводили прямо в них. Сочетание в одной могиле больших и малых курильниц свойственно только среднесарматскому времени. Формы этих курильниц незначительно варьируют на всей территории расселения сарматов, оставаясь повсюду в сущности одинаковыми. Но в западном регионе встречаются иногда курильницы в виде небольших горшочков с несколькими рядами отверстий (табл. 80, 9), которые по всем своим признакам связаны со скифскими курильницами. Какую-то роль в культовых церемониях могли играть и бронзовые колокольчики, гладкие или ажурные (табл. 80, 16, 17).

Краткий обзор археологического комплекса среднесарматского времени дает достаточное представление о тех серьезных изменениях, которые произошли в материальной культуре сарматов к концу II в. до н. э. Помимо закономерностей внутреннего развития, игравших основную роль в становлении новой среднесарматской культуры, большое значение имели и те передвижения сарматских племен, которые происходили начиная с III в. до н. э. на восточных и юго-западных рубежах их земель. Почти вдвое увеличилась территория расселения сарматов, и, что очень важно, — они вошли в непосредственное соприкосновение с населением городов-колоний Северного Причерноморья и восточных римских провинций. Все это не могло не отразиться на всех сторонах жизни сарматов и в первую очередь — на их материальной культуре, по остаткам которой мы и пытаемся судить об истории этих племен.

Позднесарматская культура

К середине II в. н. э. на смену среднесарматской приходит позднесарматская культура, которая сформировалась в среде кочевого населения Азиатской Сарматии. Одни исследователи называют при этом заволжские степи (А. С. Скрипкин), другие склоняются к более широкой территории, включающей и междуречье Волги—Дона. Нет единства мнений, как уже говорилось, и в вопросе соотношения позднесарматской культуры с аланским этносом.

Несмотря на интереснейшие новые археологические материалы, которые появились на нижнем Дону, в междуречье Волги—Дона, Заволжье и южном Приуралье, окончательное решение вопроса о генезисе позднесарматской культуры и ее этнической сущности еще впереди.

Однако сейчас мы достаточно четко представляем себе содержание археологического комплекса (погребальный обряд, инвентарь) уже сложившейся позднесарматской культуры, которая существенно отличается от среднесарматской. В общих чертах она была охарактеризована Б. Н. Граковым (1947) и очень подробно К. Ф. Смирновым (1947), а затем с учетом материалов из новых раскопок А. С. Скрипкиным (1973).

Как и на предыдущем этапе, сарматские племена,

заселявшие степные просторы от Урала до Дона во II—IV вв. н. э., составляли три крупных региона: Южноуральский, Волго-Донской и Северопричерноморский, включавший и северо-западные районы. Основная масса сарматов, как в савроматское и прохоровское времена, концентрировалась в волгодонских и приуральских степях, а на территории Северного Причерноморья с середины или конца II в. н. э. произошло довольно значительное уменьшение сарматского населения, за исключением, правда, северо-западных областей между Днестром и Дунаем (Дзиговский А. Н., 1982, с. 84). После готских походов середины III в. н. э. сарматские памятники в степях Северного Причерноморья почти исчезли, сохранившись в северо-западных районах до рубежа III—IV вв. н. э., а возможно, и в IV в. н. э. Походы готов положили конец господству сарматов в Северном Причерноморье и, видимо, способствовали уменьшению сарматского населения даже в степях между Доном и Уралом. Но, по всей вероятности, не только они явились причиной исчезновения северопричерноморских сарматских памятников, тем более что количество их значительно уменьшилось задолго до готских походов. Не согласуется также исчезновение сарматов в Северном Причерноморье со сведениями древних авторов, по которым сармато-аланы удерживались здесь вплоть до гуннского нашествия. Проблема, как видим, очень трудная, и неясных вопросов множество, но для решения их нужны новые раскопки и исследования.

Как и в более ранних сарматских культурах, мы располагаем лишь погребальными памятниками. Захоронения поздних сарматов Волго-Донской, Приуральской и Северопричерноморской групп были совершены под курганными насыпями. На западе, в междуречье Днестра—Дуная, известны грунтовые позднесарматские могильники (Криничное, Островец, Киселев).

В подавляющем большинстве насыпи были земляные, небольшого диаметра — в пределах 8—20 м, основная часть — 8—15 м. Изредка встречаются курганы диаметром до 30 м и более. Высота их также невелика — от 0,15 до 1,0 м, очень редко — 2—2,5 м и выше, но чаще всего — 0,25—0,65 м. Несколько раз в могильниках южного Приуралья (Бис-Оба, Лебедевка) встречены длинные насыпи, ориентированные с запада на восток, с курганообразными возвышениями на двух противоположных концах (табл. 73, 13). Исследовано лишь три таких памятника. Во всех случаях погребения находились только в одном из концевых возвышений.

В курганах Заволжья и южного Приуралья основные захоронения составляют абсолютное большинство (95%), в междуречье Волги—Дона — около 50%, а в Северном Причерноморье впускные погребения преобладают над основными. Почти все могилы содержат индивидуальные захоронения, очень небольшое количество парных (около 2%; табл. 73, 28) и всего несколько (три—четыре) коллективных, где количество погребенных достигало шести и семи человек (Темясово, Башкирия; табл. 73, 29). Как и в более раннее время, поздние сарматы хоронили своих покойников в различных по типу погребальных сооружениях. Состав их остался по существу неизменным. Это прямоугольные, удлинненные грун-

товые ямы (узкие, средние, широкие — табл. 73, 19—21, 23, 28, 29), квадратные могилы (табл. 73, 25—27), ямы с заплечиками (табл. 73, 24), захоронения в насыпях (табл. 73, 22), подбойные могилы (табл. 73, 15—17) и вновь появившиеся катакомбы (табл. 73, 18), которых не было в среднесарматский период. Но по сравнению с предшествующим временем изменяются пропорциональное соотношение типов могильных сооружений и некоторые детали конструкций. Если подбой и узкие могилы можно рассматривать как характерный признак позднесарматской культуры, то широкие и средней ширины могилы являются наследием предшествующей поры и в большинстве случаев относятся к группе наиболее ранних позднесарматских погребений. В двух восточных регионах первое место по количеству занимают подбойные захоронения, составляющие около 40% от общего числа могил, за ними следуют узкие грунтовые ямы — чуть более 25% и примерно столько же приходится вместе на могилы широкие и средней ширины. Все остальные типы могил насчитывают ничтожный процент. Памятники Северного Причерноморья в рамках левобережной Украины дают несколько иную картину: подбойные захоронения — всего 20%, основное количество — это грунтовые удлиненно-прямоугольные ямы — 42% (узкие, средней ширины и овальные), а также квадратные и широкие могилы — около 25%. Многие ямы имели заплечики — около 8%, в то время как на востоке они составляют лишь 1,2%. На правобережной Украине, включая междуречье Днестра—Дуная, представлены в основном узкие, прямоугольные или овальные грунтовые ямы, иногда с заплечиками. Подбойных захоронений немного. Однако степные памятники северо-западного Причерноморья по всем признакам погребального обряда стоят ближе к днепровским и волжским погребениям, чем к сарматским памятникам лесостепной Молдавии, где особое место занимают грунтовые сарматские могильники (Дзиговский А. Н., 1982).

Хочется обратить внимание еще на одну деталь: раннесарматские и позднесарматские подбой не идентичны. Раннесарматские, как и немногочисленные среднесарматские, имели широкие входные ямы (1 м и шире) и такие же широкие большие камеры; позднесарматские, напротив, сделаны чрезвычайно экономно. Как правило, очень узкая (0,45—0,50 м) входная яма ведет в столь же узкую (0,4—0,70 м) камеру, вырытую почти всегда под западной стенкой. Иногда подбойные ниши столь малы и невысоки, что погребенных буквально втискивали в них. Таким образом, позднесарматские подбойные погребения не являются простым продолжением давно известной формы. Если учесть, что в среднесарматское время количество их довольно резко падает, а в позднесарматское так же резко возрастает, особенно в восточных районах, то невольно напрашивается вывод о возможности каких-то внешних импульсов в период формирования позднесарматской культуры.

При сооружении могил по-прежнему использовалось дерево в большинстве случаев для устройства перекрытий на уровне древнего горизонта, которые делали из бревен, досок, жердей, нередко покрытых сверху ветками или камышом. Перекрытия были

обнаружены в могилах всех типов, включая и подбойные, в которых иногда прослеживается также заклад деревом входного отверстия (табл. 73, 16). Однако частота встречаемости перекрытий в могилах разных типов различна. В большинстве случаев они сооружались в квадратных и широких могильных ямах и гораздо реже — в узких и подбойных. Обкладка деревом стенок и дна могильной ямы встречается редко (только в широких и квадратных могилах) и может рассматриваться как пережиточный признак, характерный для предшествующей эпохи. Как и раньше погребенных нередко клали на различные органические подстилки из коры, камыша, травы. Появился обычай оборачивать покойников берестой, более характерный для погребенных в узких и подбойных могилах (58%), чем в широких (3%). Иногда покойники лежали в гробах, что тоже в основном свойственно погребенным в подбойных и узких могилах.

Для позднесарматского времени, как и для предшествующего, характерна меридиональная ориентировка ям, но погребенных клали в большинстве случаев головой на север, а не на юг, как в среднесарматский период. Северный сектор ориентировок составляет более 75% в восточных регионах и более 70% — в западных. Около 20% погребенных имели южную с отклонениями ориентировку и очень малый процент — западную и восточную. Ориентировки погребенных в какой-то степени коррелируются с типами погребальных сооружений. Наибольшее число могил с южной ориентировкой насчитывается среди широких и квадратных ям, и, напротив, среди узких и подбойных захоронений доминирует северная ориентировка.

Поза погребенных стандартна на всей территории распространения позднесарматской культуры. Обычно они лежат вытянуто на спине, руки вдоль тела, ноги параллельно или чуть сближены у коленей и пяток. Нередко кисти одной или обеих рук покоятся на бедрах или тазовых костях (примерно у 1/3 погребенных). Иногда одна или обе ноги согнуты в коленях (табл. 73, 16), образуя ромб. Погребенные с ногами, скрещенными в голених или коленях, составляют небольшое число (чуть больше 3%), которое несколько увеличивается лишь в памятниках южной части междуречья Волги—Дона. Не исключено, что этот признак действительно следует рассматривать как влияние меотского обряда, на чем настаивает И. С. Каменецкий (1965а, с. 13). Известны случаи, когда погребенные лежали в скорченном положении на боку или на спине (табл. 73, 17, 24, 27).

Одной из наиболее характерных черт позднесарматской культуры являлась искусственная деформация черепов. Хотя спорадически этот обычай встречается с рубежа нашей эры (Шиповские курганы V, 4; VI, 1), в качестве массового явления о нем можно говорить только со II в. н. э. и только для южного Приуралья, нижнего Поволжья и междуречья Волги—Дона. Западнее Дона, в Северном Причерноморье, включая и территорию Молдавии, погребенных с деформированными черепами мало.

Продолжают существовать такие традиции погребального обряда, как меловая посыпка дна могилы или погребенного, присутствие кусков мела, реаль-

гара, охры, но встречаются они все реже и реже, особенно с конца II в. н. э. Более распространен обычай положения в могилу кусков серы и отщепов кремня. Значительно сократилось по сравнению с предшествующим временем и число погребений, содержащих кости животных — остатки напутственной пищи. В общей сложности они составляют лишь треть всех захоронений, известных в настоящее время. Преимущественно это кости барана, реже — лошади и совсем редко — крупного рогатого скота. Единичны находки костей козы, зайца, осетровых рыб.

Интересны случаи обнаружения в позднесарматских подбойных погребениях костей ног лошади, обрубленных до колен и положенных на дно входной ямы. В одном из поволжских погребений найден череп козы, который лежал на обрубленных до колен ногах. Ранее этот обычай здесь не фиксировался. Нечто подобное известно в некрополе Кобякова городища, где встречаются черепа коров, помещенных вместе с костями ног. Захоронения лошадей, представленные костями ног и черепами, известны в курганном могильнике Танаиса. Особенно широко этот обычай распространился в раннем средневековье, но в другой этнической среде племен Евразии (Скрипкин А. С., 1973, с. 16). В качестве старой и не очень характерной для этой эпохи традиции существует культ огня. Выражение его традиционно — это зольные пятна и кострища на древнем горизонте, а также зола и угольки в засыпке и на дне могильной ямы.

Набор инвентаря в погребениях мужчин, женщин и детей остается практически неизменным, меняются лишь типы вещей. Как и раньше, керамика встречается во всех захоронениях независимо от пола погребенного, но в основном в женских и детских могилах. Мужчин сопровождают оружие, орудия труда, очень редко — предметы туалета, украшения, курительницы и амулеты. В женских могилах находят орудия труда, украшения, предметы туалета и гораздо чаще, чем у мужчин, курительницы и амулеты. Вооруженных женщин почти нет. В детских могилах обычны керамика и украшения. В богатых могилах независимо от пола погребенного ассортимент вещей разнообразен и многочислен. Размещение погребального инвентаря остается практически неизменным по сравнению с предшествующим временем: керамику ставили в головах, сбоку или чаще — в ногах покойника. Оружие в большинстве случаев лежит там, где его носили: длинные мечи, как правило, слева, кинжалы — справа от погребенного. Стрелы, встречающиеся в позднесарматских захоронениях в очень небольшом количестве, постоянного места не имели. Уздечные наборы лежат в ногах, реже — в головах покойника. В большинстве погребений, содержащих уздечные наборы, были найдены длинные мечи, в двух случаях им сопутствовали кинжалы. Иногда в могилы с уздечными наборами клали только кинжалы, а однажды обнаружено копьё. Но во всех случаях, когда погребения не были разграблены, вместе с уздечками имелось оружие. Значит, все они представляют собой захоронения конных воинов. Изредка в этих могилах встречаются кости лошади, обычно кости ног («Четыре брата» и др.). Но захоронения взнузданного верхового коня в могиле воина

или рядом, как это было в савроматское время, не найдено нигде.

Украшения почти всегда располагаются там, где их носили при жизни. Пряжки размещались обычно на поясе или около мечей и кинжалов, фибулы — на правом или левом плече. Сопровождавшие женщины предметы туалета клали нередко в специальные сумочки сбоку от тела. Зеркала-подвески находят часто на груди в составе ожерелий. При богатых многочисленных наборах инвентаря вещи иногда складывали вдоль одной из продольных стенок могилы или располагали кучками в головах, ногах и сбоку от погребенного.

Керамика, металлическая и деревянная посуда. Набор керамики позднесарматских погребений, которую находят почти в каждой могиле, не столь разнообразен, как в предшествующий период. Но при всей стандартности типов серии лепных сосудов больших регионов (нижнее Подонье, южное Приуралье, Северное и северо-западное Причерноморье) по-прежнему несут на себе печать локальности.

Что касается гончарной керамики, количество которой после середины III в. н. э. резко падает не только в восточных областях, но и в Северном Причерноморье, то ассортимент ее и формы всецело зависят от направления торговых связей населения тех или иных районов сарматского мира.

Лепная позднесарматская посуда, составляющая основу керамического комплекса, представлена плоскостонными горшками, кувшинами и очень небольшим количеством мисок. Почти все сосуды сероглиняные с примесями в тесте шамота, реже — дресвы. Поверхность их заглажена, изредка подложена. По сравнению со среднесарматской в позднесарматской лепной керамике чувствуется определенное огрубение как в технологии (плохо промешанное тесто, крупные примеси и т. д.), так и в формах сосудов (неустойчивые донья, частая асимметричность).

Наиболее характерным типом горшков этого времени являются экземпляры с яйцевидным туловом, высокими, как правило, резко выраженными плечиками и чуть отогнутым или вертикальным невысоким горлом. Среди лепных горшков южного Приуралья и нижнего Поволжья они составляют основную массу (табл. 83, 10, 16—19, 21, 23—25, 31—38), в Северном Причерноморье встречаются единицами (табл. 75, 26, 27). У горшков именно этого типа бывают округло-уплощенные, очень редко — округлые донья (табл. 83, 7, 20, 33, 34, 36, 37). Последние обнаружены только в южном Приуралье и представляют собой, по-видимому, продолжение древней традиции керамического производства у населения этого региона. К проявлениям таких же местных древних корней следует относить и горшки грушевидной формы, которые, подобно круглодонным, встречаются лишь в Приуралье (табл. 83, 40). Только здесь и один раз в Заволжье обнаружены небольшие котлообразные горшочки (табл. 83, 22, 39). Однако их появление — это новация, которая относится именно к позднесарматской культуре.

Набор лепных горшков нижнего Поволжья очень близок южноуральскому, но все-таки несколько отличается от него. Обычной формой для нижнего Поволжья являются горшки с относительно высоким горлом и шаровидным или биконическим туловом

(табл. 83, 8, 9, 11, 12), которые почти не встречаются в южном Приуралье (табл. 83, 29) и очень редки в Северном Причерноморье (табл. 75, 21, 23). Довольно часты в нижнем Поволжье горшки вытянутых пропорций с плавными переходами от горла к плечикам и тулову (табл. 83, 7, 13—15), найдены они и в Северном Причерноморье (табл. 75, 22, 24, 25). На территории этого региона продолжают существовать небольшие горшки и корчаги, форма которых генетически связана с сосудами предшествующего времени. Последние в свою очередь являлись отражением очень заметных влияний со стороны скифской и зарубинецкой керамики (табл. 75, 19, 20, ср. табл. 75, 1, 3, 4, 10).

Орнаментация позднесарматских горшков бедна. Самый распространенный узор — защипы и насечка по краю горла, изредка кольцевые резные линии и зигзаг (табл. 83, 13—15, 19—20, 23, 34, 38; 75, 25). Появляется новый специфический позднесарматский прием украшения — симметрично расположенные округлые или чуть вытянутые налепы-выступы (табл. 83, 16, 17, 21, 32; 75, 24, 26). Лишь один южноуральский горшочек выделяется своим орнаментом, как, впрочем, и формой (табл. 83, 40). Обычные кольцевые линии и зигзаг дополнены круглыми наколами, придающими сосуду нарядность. Этот способ орнаментации встречается главным образом на керамике южного Приуралья. Он отражает контакты сарматов с населением лесостепных культур и вообще характерен для более раннего времени начиная с VI—V вв. до н. э. Интересно, что горшок с наколами имеет не только архаичный орнамент, но и форму.

Серия позднесарматских кувшинов невелика, но достаточно разнообразна. В большинстве случаев кувшины сделаны по западным гончарным образцам (табл. 83, 1, 2, 4, 5, 27, 28, 30; 75, 28, 29) и лишь некоторые из них отличаются своеобразным орнаментом. Отдельные экземпляры очень далеки от своих прототипов: они исполнены грубо (табл. 83, 2). Изредка в могилах встречаются кринкообразные сосуды с высоким ровным горлом без ручки (табл. 83, 6). Обнаружена также высокая стаканообразная кружка с большой ручкой (табл. 83, 3). Очень редко, буквально в единичных экземплярах попадают среди лепной посуды миски (табл. 83, 26, 41; 75, 30).

Что касается гончарной керамики, то волго-донские и нижневолжские кочевники по-прежнему обслуживались главным образом донскими и кубанскими керамическими центрами (табл. 84, 1, 2, 4, 6, 8, 10, 11, 13, 15, 16). Ввоз керамики боспорского производства со II в. н. э. практически прекратился. Значительную роль в это время, особенно с III в. н. э., начали играть кавказские связи (табл. 84, 7, 12, 14; Мошкова М. Г., 1980). К кочевникам поступали кувшины, горшки, кружки, миски серо- и чернолощеные, реже — нелощеные, в большинстве случаев с желобчатым или вдавленным орнаментом. На сосудах кавказского производства встречается рельефный налепной орнамент. Нередко кувшины и кружки имели зооморфные ручки (табл. 84, 4, 7, 8, 11, 12). Очень редко и лишь в могилах междуречья Волги — Дона находят узкогорлые светлоглиняные амфоры, которые получили наибольшее распространение в Танаисе с I в. н. э. Из погребений этих же

районов происходят и краснолаковые мисочки или чашечки, как правило, малоазийского производства (табл. 84, 17). В задонские степи они попадали через Танаис или города Азиатского Боспора. Не ранее II в. н. э., но только в левобережных поволжских памятниках начинают встречаться красноглиняные ангобированные кувшины хорезмийского производства (табл. 84, 3, 5, 9).

Могилы южноуральских сарматов содержат гораздо меньше гончарной керамики. При этом главным поставщиком ее были хорезмийские гончарные мастерские. Сюда поступали кувшины с ручками и без них, небольшие сосудики с ручками-уступами и кружки (табл. 84, 18, 22—24, 26—28). Последний вид керамики (табл. 84, 27) пока не найден в Хорезме. Но, может быть, эти стандартные кружки производил какой-то еще не известный нам керамический центр Хорезма или его ближайшей округи.

Очень редко и только в погребениях на территории Башкирии и в Лебедевском могильнике, выделяющемся массовостью и богатством позднесарматских могил, обнаружены кувшины кавказского и кубанского или донского производства. Их всего 4 экз. (табл. 83, 19—21, 25) на 25 среднеазиатских сосудов. Также лишь в Лебедевском могильнике найдены узкогорлые светлоглиняные амфоры: одна целая в могиле военачальника и довольно много обломков в одном из культовых сооружений этого памятника. Как и в поволжско-донских погребениях, они относятся ко II — первой половине III в. н. э. Видимо, все они попали сюда также через Танаис.

Набор гончарной керамики в сарматских погребениях Северного Причерноморья существенно отличается от серий восточных регионов (табл. 75, 31—34, 37, 39—41, 43, 44, 46). Основную массу составляют сосуды боспорских керамических мастерских, хотя встречаются и серолощенные кувшины, возможно, кубанского или донского производства. Очень небольшую часть импорта занимает краснолаковая посуда, происходящая главным образом из малоазийских центров, которые сбывали свою продукцию на Боспор и в другие колонии Северного Причерноморья.

В сарматских погребениях Прутско-Днестровского междуречья ассортимент краснолаковой посуды значительно разнообразнее. Помимо обычных чашек, небольших кувшинчиков (табл. 75, 42, 45), здесь обнаружен краснолаковый фигурный сосуд в виде барана (табл. 75, 36). Особую группу керамики в этом районе составляют сероглиняные кувшины на кольцевом поддоне иногда с орнаментом в виде вертикальных пролощенных полос (табл. 75, 38, 47). Не исключено, что она производилась местным земледельческим населением специально по заказу и вкусу сарматов, поскольку появилась здесь только с первых веков нашей эры и была характерна именно для сарматских памятников (Рикман Э. А., 1975б, с. 56—59). Изредка в сарматских могилах Северного и северо-западного Причерноморья встречаются светлоглиняные узкогорлые амфоры (табл. 75, 35) того же типа, что был особенно характерен для Танаиса II—III вв. н. э. и других нижнедонских городищ. Область нижнего Дона, как считает Д. Б. Шелов (1972а, с. 117, 118), видимо, была преимущественным районом их распространения, хотя находки таких

амфор нередки и в других местах Северного Причерноморья (Илурат, юго-западный Крым, Ольвия). Поэтому трудно решить, из каких именно греческих колоний попадали такие амфоры к сарматам западных регионов. Это могли быть города Боспора, и Ольвия, и Тира.

Не выходят из употребления поздних сарматов бронзовые литые и кованные котлы и котелочки. Основная масса бронзовых котлов (более 20 находок) представлена одной формой. Это экземпляры с яйцевидным туловом и чуть уплощенным, а иногда почти округлым неустойчивым дном. Поддона они не имеют. Ручки котлов вертикальные, гладкие или с тремя кнопками (табл. 78, 31, 32), имеющие иногда на тулове «усообразное» продолжение. Обычно в верхней части тулова располагается орнамент в виде рельефной веревочки. В нескольких случаях эти котлы имели тамгообразные знаки. Высота котлов колеблется в пределах 12—40 см, но в основном они имеют высоту 15—20 и 30—40 см. Значительная часть их обнаружена в погребальных комплексах, поэтому датировка котлов II—III вв. н. э. достаточно обоснована. Находки их сосредоточены в южном Приуралье, на обоих берегах Волги и лишь считанное количество найдено в Подонье. В сарматских памятниках Северного Причерноморья и Молдавии их нет. Н. А. Боковенко, специально исследовавший эту категорию вещей, ссылается на аналогичные формы котлов из Тувы и Ордоса. По его мнению, некоторые конструктивные особенности котлов без поддона, такие, как «усовидное» окончание ручек, небольшое уплощенное дно и яйцевидность тулова, характерны не только для находок в Восточной Европе, но и для бронзовых котлов Южной Сибири и Центральной Азии, которые относятся к культуре хунну (Боковенко Н. А., 1977, с. 234). Интересно, что котлы этого типа изображены и на Боярской писанице (Боковенко Н. А., 1981, с. 47, рис. 3, 2).

Благодаря раскопкам последних лет в южном Приуралье появился еще один ранее неизвестный тип позднесарматских котлов. Это небольшой кованный котелок с бокалообразным туловом на невысоком поддоне. На вертикальных ручках его по одной кнопке (табл. 78, 30). В серии позднесарматских котлов он пока единственный.

Несравненно реже в погребениях этого времени находят бронзовые кованные котелки галло-римского типа (табл. 78, 33, 38). В одном из самых богатых захоронений Лебедевского могильника был обнаружен котелок из тонкой листовой бронзы, очень близкий по форме к так называемым кельтским котелкам (табл. 78, 33). После II в. н. э. количество кованных котелков резко сокращается, а с середины III в. они практически уже не поступают к сарматам, что связано, очевидно, с изменением политической ситуации в Северном Причерноморье и разгромом Танаиса.

По сравнению с предшествующей эпохой значительно сокращается и количество остальных импортных металлических сосудов. Становится менее разнообразным их ассортимент. Основную часть находок составляют ковши, цедилки, чаши и кувшины (табл. 78, 34—37, 39—41). Обращает на себя внимание очень интересная чаша из того же лебедевского погребения, что и котелок. Вместо обычного коль-

цевого поддона она имела довольно высокую полулю ножку. Под широким плоским краем находился атташ листовидной формы, который крепил высокую фигурную ручку (табл. 78, 39). Чаша эта уникальна для сарматских памятников и пока аналогий не имеет.

Металлические кувшины в позднесарматских могилах представлены практически одним типом (табл. 78, 35, 37, 41).

Изредка в позднесарматских погребениях встречаются стеклянные сосуды, представленные, как правило, чашами, кувшинами, флаконами (табл. 80, 55). Судя по находкам восточные области расселения сарматов снабжались продукцией главным образом танаисских и боспорских стеклоделательных мастерских (Сорокина Н. П., 1965; Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., 1966), хотя не исключены и поступления средиземноморских изделий, которые были достаточно широко распространены в Пантикапее и Танаисе. Видимо, к их числу принадлежит расписной стеклянный бокал из Лебедевского могильника.

В сарматских памятниках нижнего Дона и Северного Причерноморья ассортимент стеклянной посуды разнообразнее, чем в восточных районах. Так, в одной из сарматских могил Днестровско-Прутского междуречья (Рикман Э. А., 1975а, с. 21, рис. 8, 3, 4) вместе с бальзамарием оригинальной формы (табл. 80, 53) была обнаружена бутылка (табл. 80, 54), сделанная, скорее всего, в одной из западноримских провинций.

Широко употреблявшиеся в повседневной жизни сарматов деревянные сосуды сохраняются чрезвычайно плохо, и о формах их судить очень трудно. Обычно в могилы ставили чарки-кубки иногда с серебряными обкладками по краю и зооморфными ручками (Мелюкова А. И., 1962, рис. 5, 7). Деревянные сосуды, находимые в богатых погребениях, как правило, выточены на токарном станке, и формы их разнообразны: это блюда, всевозможные чаши, иногда рифленые, стаканообразные сосуды с чуть углощенным выступающим дном (табл. 78, 53—56). В рядовых могилах встречаются обычно чарки и кубки, вырезанные из дерева.

Оружие. Неотъемлемая часть археологического комплекса позднесарматской культуры — мечи и кинжалы без металлического навершия. Они распространяются со II в. н. э., хотя отдельные экземпляры этих мечей появляются уже в комплексах I в. н. э. Мечи и кинжалы без металлического навершия характерны для всей территории расселения сарматов и далеко за ее пределами, включая Боспор, Кавказ, Крым, Среднюю Азию и Казахстан, некоторые районы Западной Сибири, Монголию и другие области Восточной Азии, в частности Китай и Корею. Количественное распределение их в различных регионах, заселенных сарматами, очень неравномерно. Основная масса находок таких мечей и кинжалов происходит из нижнего Поволжья и южного Приуралья: в каждой третьей мужской могиле находился меч, кинжал или оба предмета. В Северном Причерноморье, особенно в его западных районах, мечи и кинжалы встречаются чрезвычайно редко. Судя по достоверным антропологическим данным, мечи и кинжалы сопровождают только мужские захоронения.

Почти все мечи без металлического навершия длинные — не менее 0,70 м, а значительная часть их достигает 1 м. Все они двулезвийные, конец клинка обычно заострен, иногда закруглен. Рукояти-штыри этих мечей и кинжалов прямые или слегка расширяющиеся к основанию клинка и откованы с ним из одного куска железа. Нередко в верхней или средней части штырей в отверстиях сохраняются железные или бронзовые штифты, с помощью которых к штырям крепились деревянные, а возможно, и костяные обкладки (табл. 81, 58—62). Вместо металлических наверший рукояти этих мечей и кинжалов заканчивались, очевидно, деревянными навершиями, о форме которых судить трудно, поскольку следы дерева обычно не фиксируются. В богатых сарматских могилах воинов-всадников встречаются халцедоновые дисковидные навершия (диаметр 7—5 см) с отверстием в центре. Сквозь это отверстие продевался бронзовый заостренный книзу штырь-гвоздь, загонявшийся в деревянную рукоять (табл. 81, 58, 62), которая охватывала штыри клинка и навершия. Обычно она имела катушкообразную форму и для прочного соединения закреплялась дополнительно одной-двумя бронзовыми обоймами. Верхняя часть штыря-гвоздя, лежащая на диске, заканчивалась круглой, ромбической или квадратной шляпкой. Иногда шляпка имела гнездо со стеклянной или каменной вставкой. Известны случаи, когда шляпка обтягивалась золотой фольгой, украшенной вставками и штампованным простым геометрическим орнаментом (табл. 81, 58). В Лебедевском могильнике (южное Приуралье) на шляпке штыря диаметром 5 см, обтянутого золотой фольгой, оказалось выполненное штампом интереснейшее изображение головы получеловека-полульва (табл. 79, 13). Щеки и лоб его, а также край бляхи украшены стеклянными вставками. Сюжет изображения говорит о восточном характере этого изделия, а стиль исполнения, в том числе многочисленные вставки, придают ему варварский облик.

Судя по сарматским, а также боспорским находкам халцедоновые навершия были принадлежностью только длинных мечей. Известен лишь один случай, когда небольшой халцедоновый диск (диаметр 4,5 см) обнаружен с коротким мечом или кинжалом (Комсомольские курганы, Башкирия). Что касается крупных стеклянных или чаще каменных шаровидных и кольцевидных бусообразных предметов, находимых нередко около рукояти или клинка мечей и кинжалов, то, видимо, прав А. М. Хазанов (1971, с. 25), считающий их не навершиями, а украшениями кистей, темляков и т. д.

Следует заметить, что мечи с халцедоновыми навершиями пока ни разу не встречены в Северном Причерноморье. Основная масса их концентрируется в южном Приуралье. В меньшем количестве они известны из памятников Заволжья и междуречья Волги—Дона, включая калмыцкие степи.

Мечи и кинжалы без металлического навершия представлены несколькими типами, различающимися хронологически (Смирнов К. Ф., 1945; Хазанов А. М., 1970). Первый тип — мечи и кинжалы с прямым перекрестьем. Перекрестья бывают железные, реже — бронзовые довольно короткие, очень тонкие и в плане дают овал или ромб. Тип этот

насчитывает небольшое количество экземпляров, в основном кинжалы, и главным образом в относительно наиболее ранних сарматских захоронениях Заволжья и междуречья Дона—Волги.

На протяжении всего периода существования позднесарматской культуры наиболее распространенным типом (вторым по А. М. Хазанову) оставались мечи без перекрестья с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь. Последний обычно расширяется книзу, переходя в клинок постепенно или более резко (табл. 81, 58—62). Появляются эти мечи и кинжалы уже в среднесарматское время, но ведущей формой становятся лишь со II в. н. э. У мечей и кинжалов третьего типа основание клинка образует прямой угол с рукоятью-штырем, который в большинстве случаев не расширяется в нижней части и обычно бывает длиной 15—17 см. Представлены эти мечи и кинжалы (последних очень мало) в наиболее поздних комплексах позднесарматской культуры.

Относительно происхождения позднесарматских длинных мечей существуют близкие, но не равнозначные точки зрения. Как считает А. М. Хазанов (1971, с. 18), генетически они восходят к длинным мечам с прямым перекрестьем без металлического навершия, прототипы которых появляются на территории Заволжья еще в савроматское время. Непрерывность традиции этой формы на территории расселения сарматов бесспорна. По мнению же А. С. Скрипкина, длинные сарматские мечи без металлического навершия и перекрестья в позднесарматское время появляются не в результате «автохтонного развития местных форм, а уже в сформировавшемся виде в основном из районов Прикубанья и Боспора, возможно, на базе более ранних длинных сарматских мечей». Не исключено, пишет А. С. Скрипкин (1982, с. 45, 46), влияние на этот процесс и кельтского вооружения. Первая точка зрения представляется более реальной, поскольку она согласуется с изменениями, происшедшими с первых веков нашей эры не только во внешнем виде сарматской конницы, но и в тактике ее боевых действий.

Раскопки последних лет дополнили наши представления о позднесарматском оружии. В трех могилах, бесспорно датированных II—III вв. (г. Ростов-на-Дону, меззапад — Казакова Л. М., 1972—1973, л. 112; Высочино — Лукьяшко С. И., 1976, с. 24, 25; Сидоры — Скрипкин А. С., Мамонтов В. И., 1977, с. 285—286), и четвертой, также, по видимому, позднесарматской (Федоров-Давыдов Г. А., 1980, с. 236—238), были обнаружены железные кинжалы (длина 27—35 см) с бронзовыми прямыми перекрестьями и бронзовыми навершиями. У трех из них навершия представляли собой разновидности волкотообразных форм (табл. 81, 56), у четвертого оно было кольцевое. Ножны, перекрестья и рукояти кинжалов из Барановки и Высочина были украшены золотой фольгой. Пластины фольги на ножнах оказались орнаментированными. Весь облик кинжалов говорит об их необычности. Скорее всего, это было какое-то специфическое парадное оружие с явственными архаическими чертами, выраженными в форме наверший и биметаллизме изделий.

Обычно длинные мечи лежат в могилах слева от погребенного, а кинжалы — справа у бедра или под

ним. По-видимому, кинжалы, как и раньше, носили преимущественно на бедре прикрепленными к ноге при помощи ремешков, которые ее охватывали. Длинные мечи, судя по боспорскому иконографическому материалу, носили на портупейных ремнях, крепившихся к поясу с помощью пряжек. Изредка в позднесарматских могилах вместе с длинными мечами находят специальные скобы из нефрита или халцедона (табл. 81, 57), которые наглухо прикреплялись к ножнам меча. Через отверстия этих скоб продевались ремешки, позволявшие свободно подвешивать меч к поясу. Способ ношения длинных мечей при помощи скоб на ножнах максимально приспособлен для всадников и значительно менее удобен для пехотинцев (Хазанов А. М., 1971, с. 27). Можно думать, что сарматские конные воины широко применяли подобные скобы, которые делали, очевидно, из дерева, а поэтому, как и ножны, они не сохранились в погребениях. Нефритовые и халцедоновые скобы импортировались, по-видимому, из Кореи или Китая, где они были широко распространены, особенно в ханьское время (Trousdale W., 1975). В кочевнических погребениях евразийских степей они появились позже — в конце II и главным образом в III в. н.э. — и известны только в Азиатской Сарматии. Правда, их неоднократно находили на территории Боспора, в основном в районе Керчи в памятниках III—IV вв. Это были скобы из нефрита, халцедона, жадеита и золота со вставками. Две случайные находки скоб известны также с берегов Камы (Кушева-Грозевская А. Н., 1929).

Копья очень редки в позднесарматских погребениях и насчитываются буквально единицами. Лишь несколько сохранившихся экземпляров дают представление об их формах. Одно из копий было найдено в очень богатом погребении Лебедевского могильника. Оно имело массивное довольно короткое перо и относительно длинную втулку (общая длина 27 см; табл. 81, 55). Копья этого типа сарматы знали и раньше, они были широко распространены в первых веках нашей эры на Кубани (Хазанов А. М., 1971, с. 47, 48). Длинное древко лебедевского копья лежало в специально сделанном углублении вдоль одной из стенок могилы и в трех местах было украшено серебряными орнаментированными обоймами. Между ними древко оказалось обвитым спиралью из тонкой серебряной полоски.

Второй тип копий, встречающийся у сарматов, имел наконечник с длинным пером ($\frac{2}{3}$ общей длины копья), резко переходившим под тупым углом во втулку (общая длина 35—40 см; табл. 81, 54). Исследователи относят эти наконечники к закавказскому типу (Хазанов А. М., 1971, с. 48—49). На Кавказе они существовали много столетий вплоть до раннего средневековья, у сарматов определенно засвидетельствованы во II в. н. э.

По сравнению с предшествующим временем роль лучников в войске поздних сарматов значительно снизилась. Процесс этот нашел отражение и в погребальном обряде. Резко уменьшилось количество мужских погребений, содержащих наконечники стрел, полностью исчезли колчаны с большими наборами стрел (до 100 штук), изредка встречавшиеся еще в предшествующую эпоху. В могилах поздних сарматов обычно лежат 3—7 наконечников, иногда

10—15. Все они черешковые железные (за очень редким исключением костяные), трехлопастные, с треугольными головками. Черешки, как правило, короткие, длиной 2—2,5 см, редко 3—4,5 см. В связи с распространением крупных луков так называемого гуннского типа наблюдается тенденция к укрупнению наконечников, но по-прежнему употреблялись и мелкие (длина головки 2,5 см). Однако больше всего наконечников с головкой средней величины (от 2,6 до 3,4 см; табл. 81, 36, 37, 40), поэтому говорить о количественном преобладании крупных наконечников (длина головки более 3,5 см; табл. 81, 33, 35, 39) не приходится. Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку, являются господствующей формой независимо от их размера (табл. 81, 33, 35, 39, 40a). Очень редко лопасти срезаны под острым или тупым углом к черешку (табл. 81, 36, 37, 40b).

Как исключительную форму следует рассматривать крупные ромбические наконечники, известные в единичных экземплярах в сарматских погребениях (табл. 81, 41) и характерные с первых веков нашей эры для вооружения гуннов. Не исключено, что появление их у сарматов связано с просачиванием отдельных отрядов гуннов на территорию евразийских степей начиная с конца I — начала II в. н. э. Именно этим временем датируется курган 51 Сусловского могильника, содержащий захоронение воина, для которого И. П. Засецкая допускает возможность несарматского происхождения (1982, с. 57—64).

Костяные черешковые наконечники стрел sporadически встречаются на протяжении всей сарматской истории. У поздних сарматов они обнаружены в очень немногих погребениях — только в Заволжье и Приуралье и главным образом в более северных районах (Успенка, Муракаево и др.), ближайших к лесостепным и лесным областям, где костяные наконечники имели широкое распространение. У сарматов они представлены двумя типами. Первый — крупные наконечники с листовидной широкой головкой, ромбической, редко — треугольной в сечении и широким плоским черешком, заостренным путем срезов с его плоских сторон (табл. 81, 32, 38). Территориально это самые южные находки сарматских костяных наконечников. Аналогии им хорошо известны в Средней Азии, в частности в Кенкольском могильнике (Бернштам А. Н., 1940, табл. XXIX). Второй тип объединяет наконечники с вытянутой удлинненной головкой, также ромбической или треугольной в сечении. Черешок, как правило, намного короче головки и заострен к концу (табл. 81, 34). Эти наконечники обнаружены в наиболее северных могильниках, а аналогии им находят в памятниках азелинской и мазунинской культур III—V вв. н. э. в низовьях Камы и Белой (Генинг В. Ф., 1963, табл. XXI, 9—13; 1967, с. 156).

Иногда в могилах вместе с наконечниками стрел встречаются и костяные накладки луков — концевые с вырезами для тетивы и срединные, узкие и широкие (табл. 81, 30, 31). В двух погребениях остатки луков обнаружены без наконечников стрел. Значительное увеличение по сравнению с предшествующим временем количества находок костяных накладок лука говорит о постепенном, но неуклонном

вытеснении небольшого скифского лука и замене его на большой тяжелый дальнобойный лук. К сожалению, мы не располагаем остатками оборонительных доспехов, которые судя по составу и типу вооружения, а также данным письменных источников, несомненно, были у поздних сарматов.

Конское снаряжение. В позднесарматский период резко увеличивается количество погребений, в которых находят конское снаряжение. Обычно это двусоставные удила, иногда с дополнительными железными или бронзовыми кольцами и крепившимися к ним зажимами (табл. 81, 49). Появляется также и значительная серия захоронений, содержащих не только удила, но и остатки уздечки с серебряными и бронзовыми пряжками и украшениями. Сейчас насчитывается более 20 могил, в которых обнаружены позднесарматские уздечные наборы. Территориально они сосредоточены в Азиатской Сарматии, а в степях Северного Причерноморья пока не известны.

Основная часть уздечных наборов состоит из традиционных предметов, скрепивших и украшавших ремни оголовья и повода. Это налобник, наносник, удила с псалиями или дополнительными кольцами и зажимами, пряжки, всевозможные бляхи, подвески, наконечники ремней и бусы. Удила всегда железные, все остальные части уздечки — бронзовые или серебряные. Иногда наружная часть подвески или наконечника серебряная, а подкладочная, закреплявшая ремень, — бронзовая. Псалии в наборах встречаются довольно редко и представлены двумя разновидностями — стержневыми и круглыми кольцевыми. Стержневые псалии бывают S-видные или прямые с секирообразным расширением на концах. Средняя часть стержней утолщена и имеет два отверстия (табл. 81, 52). Все известные из позднесарматских погребений кольцевые псалии украшены вихревым орнаментом и имеют в центре одно отверстие, куда продевали стержень звена удил (табл. 81, 42). В состав всех уздечек с псалиями входили также налобники и наносники — круглые или фигурные с выступами и завитками, иногда украшенные вставками (табл. 81, 46, 50). Известны также налобники и наносники ромбической формы (табл. 81, 51). В большинстве случаев псалии, налобники и наносники имели одинаковые орнаментальные украшения и составляли гарнитуры. Появляются интересные зажимы, надевавшиеся на кольца удил. Они парные — один длинный, другой короткий (табл. 81, 42), иногда фигурные с завитками и даже отверстиями для подвесок (Старица, курган 26). Помимо прямоугольно-удлиненных наконечников ремней и такой же формы подвесок, получают широкое распространение круглые и секировидные подвески, прямоугольные накладки (табл. 81, 47, 48), которые украшали, по-видимому, повод и оголовье. Все части уздечки скреплялись бронзовыми пряжками с подвижным язычком и в большинстве случаев с прямоугольным щитком. Налобные и наносные ремни украшали большими серебряными бусами (табл. 81, 42). Поскольку в могилах уздечки находят всегда сложными, точного расположения блях, подвесок и пряжек мы не знаем и можем реконструировать вид уздечки лишь предположительно (табл. 81, 42). Основная часть находок этих уздечек сосредоточена

в междуречье Волги—Дона, но близкие наборы встречаются также и в южном Приуралье (например, Старица, Котлубань, Лебедевка).

Вторая группа позднесарматских наборов конского снаряжения представляла собой украшения шейников и нагрудных ремней коня. Найдены они только в четырех погребениях Лебедевского могильника, расположенного на востоке Уральской области и отличающегося необычайно хронологически компактной и богатой серией позднесарматских погребений. Такие украшения обнаружены в сарматских могилах впервые. Состоят они из прямоугольных пряжек с подвижным язычком, такой же формы блях, разнообразных подвесок, накладок, наконечников ремней и небольших круглых бляшек. Три набора были серебряными, один бронзовым. К ремню все бляхи и пряжки крепились бронзовыми штифтами, спрятанными под сферическими серебряными шляпками. Выяснение назначения этих украшений конского снаряжения и реконструкция их расположения (табл. 81, 43) оказались возможны только по аналогии с ассирийскими уборами верховых коней и этнографическими материалами. Согласно последним туркмены издавна и по сей день именно так украшали ахалтекинцев*. Начало их разведению положено в IV—III вв. до н. э. Не исключено, что конные воины-аристократы (три из четырех погребений были самыми богатыми в группе) Лебедевского могильника обладали ахалтекинскими скакунами. Сама уздечка, т. е. ремни оголовья и повод, из этих четырех погребений не имела никаких украшений. Удила, найденные в могилах с шейниками и нагрудными уборами, были снабжены дополнительными бронзовыми кольцами, каждое из которых имело по два зажима. Крепились уздечные ремни между собой с помощью бронзовых или серебряных круглых пряжек с подвижным язычком и овально-округлыми обоймами. Все четыре описываемые погребения содержали кинжалы и длинные мечи, два из них — с халцедоновыми навершиями. В самом богатом находились также два копыя. Разнообразный набор инвентаря всех этих захоронений, в том числе и импортные изделия, надежно датируют интереснейшие наборы конского снаряжения III в. н. э., скорее всего его первой половиной.

С первых веков нашей эры, но особенно во II—III вв., в могилах конных воинов появляются нагайки. Сохраняются только отдельные куски деревянных ручек и металлические части нагаек. Это круглые, овальные или многогранные массивные шайбы, сделанные из свинца, бронзы, серебра, и обычно бронзовые обоймы, охватывающие деревянную рукоять (табл. 81, 44, 45).

Орудия труда. Ножи являются одной из наиболее характерных находок в сарматских погребениях всех периодов. В позднесарматской культуре они встречаются примерно в каждой четвертой могиле. Как и раньше, ножи представлены главным образом двумя типами с прямой или горбатой спинкой (табл. 78, 64, 65). Первый тип — с прямой спинкой и скошенным лезвием — составляет более 2/3 всех позднесарматских ножей, а в некоторых районах — до 80%

* Все эти сведения мне любезно сообщила В. Б. Ковалевская, которой приношу искреннюю благодарность.

(Волго-Донской регион). Ножи с горбатой спинкой, доминировавшие в прохоровской и сусловской культурах, насчитывают небольшое число экземпляров. Основная часть ножей имела деревянные рукоятки. Они могли быть плоские, состоящие из двух половинок, скрепленных с черенком при помощи штифтов, или круглые с высверленным отверстием, куда и загоняли черенок.

Отличительной чертой позднесарматской культуры являются довольно крупные ножи (длина 17—20 см) с костяными рукоятками и прямой или горбатой спинкой. Эти рукоятки имели ту же форму и то же крепление, что и деревянные, и делались из двух плоских пластин или трубчатой кости (табл. 78, 67). В двух наиболее северных могильниках Волго-Донского региона (Суслы, Аткарск) найдены ножи с фигурными орнаментированными костяными рукоятками, которые надевались поверх деревянных обкладок черенка. Знаменательно, что ножи с костяными рукоятками были свойственны только восточным регионам и практически не встречаются в Северном Причерноморье и Молдавии.

Не менее характерной особенностью позднесарматских памятников и опять-таки восточных районов (главным образом южное Приуралья) расселения сарматов являлись ножи с прямыми спинками, на деревянную рукоять которых надевались бронзовые фигурные обоймы или наконечники. Обоймы прикреплялись к рукоятки с помощью железных штифтов и располагались — одна у самого клинка, вторая на конце рукоятки. Нередко на конец рукоятки надевали бронзовый фигурный цилиндрический наконечник с плоской дисковидной шляпкой. Обычно этот наконечник состоял из двух половинок, что видно по шву на плоскости шляпки (табл. 78, 66). Иногда бронзовый наконечник надевали на всю рукоять. Он представлял собой цилиндр с овальной или круглой шляпкой на одном конце и округлым или прямоугольным вырезом на конце, примыкающем к клинку. На плоскости самого цилиндра с обеих сторон рукоятки делалось по два прямоугольных отверстия-окошечка, где было видно дерево (табл. 78, 66). Длина этих ножей варьирует в пределах 20—22 см. Наибольшее число экземпляров с бронзовыми рукоятками происходит из южного Приуралья. За пределами районов расселения сарматов известны только две подобные находки (Горбунова Н. Г., 1983, с. 32, 40, рис. 5, 14; Гущина И. И., 1974, с. 44, 45, 100, рис. IV, 2).

Следует упомянуть о нескольких экземплярах ножей (3 экз.), спинка которых слегка вогнута в сторону лезвия, а острие чуть оттянуто вверх. Все они большие (длина 18—27,5 см), два из них с костяными рукоятками найдены в женских могилах.

Небольшие ножи с деревянными рукоятками в большинстве случаев находят рядом с костями животных, что говорит в пользу их сугубо хозяйственного назначения. Вопрос о функциональной нагрузке длинных (более 20 см) ножей с костяными и бронзовыми обкладками трудно решить однозначно. Часть из них можно рассматривать как оружие, близкое кинжалам. Нередко они и лежат рядом с кинжалами (Старица, хут. Шульц) или между мечом и кинжалом (Высочино). Кроме того, часть ножей с костяными и бронзовыми рукоятками могла использоваться при

культовых церемониях, о чем говорит их расположение в могилах (Шилов В. П., 1960, с. 368).

Очень редко в позднесарматских могилах встречаются шилья. Большая часть их железные, изредка попадаются бронзовые. Некоторые железные экземпляры и все бронзовые четырехгранные в сечении, остальные круглые (табл. 78, 45, 46). Длина шильев вместе с черенком для насадки рукоятки 6—11 см. Клали шилья как в женские, так и в мужские захоронения.

В первых веках нашей эры на Кубани и в Танаисе довольно широко распространяются железные пружинные ножницы. Появляются они и в погребениях позднесарматской культуры на всей территории ее распространения. Однако находки их в сарматских могилах Поволжья, Приуралья и особенно Северного Причерноморья сравнительно редки. Типологически все ножницы едины (табл. 78, 62, 63).

Во II—IV вв. н. э. сарматы продолжают пользоваться железными кельтами-теслами, уже известными в предшествующий период. Судя по следам на стенках могильных ям эти орудия по-прежнему употребляются в качестве землеройных и так же, как и раньше, очень редко входят в состав погребального инвентаря (табл. 78, 43).

Довольно полное представление об орудиях труда, которыми в быту пользовались поздние сарматы, дает чрезвычайно интересное и богатое захоронение военачальника из Лебедевского могильника. В погребении были обнаружены два железных проушных топора — один с круглым, второй с прямоугольным обухом (табл. 78, 44, 47), серп с обломанным крючком, нож типа секача с чуть загнутым вверх острием (табл. 78, 48, 49) и еще одно орудие неясного назначения (табл. 78, 42). Серп с плоским черешком, к которому с помощью штифта крепилась деревянная рукоять, был найден в Калиновском могильнике (табл. 78, 50). Изредка и главным образом в мужских могилах попадаются железные черпаки (табл. 78, 68). Обычно они сопровождают сосуды или чаши для вина. Так, в одном из захоронений Лебедевского могильника черпак лежал под коленом покойника рядом с бронзовой патерой (Мошкова М. Г., 1982).

Одной из самых рядовых находок во всех сарматских погребениях, как мужских, так и женских, являлись точильные камни или оселки (табл. 78, 51, 52). На территории Поволжья и южного Приуралья они встречаются примерно в каждой десятой могиле, в западных районах — гораздо реже. В большинстве погребений оселки сопутствуют ножам и оружию, рядом с которыми они в большинстве случаев и лежали. В отличие от сравнительно небольших оселков предшествующего времени среди позднесарматских количественно доминируют длинные массивные оселки, нередко почти квадратные в поперечном сечении. Размеры их колеблются в пределах 22—35 см, хотя известны экземпляры 49,5 и 68 см. Очень небольшая часть крупных оселков имела отверстие на одном из концов, поскольку размеры точильных камней не позволяли носить их у пояса. Почти все захоронения, содержавшие уздечные наборы, сопровождалась и длинными оселками. Находились они в большинстве могил с оружием, особенно с длинными мечами. Особый интерес представляет уникальный точильный камень из богатого

Лебедевского кургана (южное Приуралье). Это был прямоугольный в сечении брусок (3,5×2,7 см, длина 49,5 см) из серого прекрасно заполированного песчаника. Один из концов его оформлен в виде стилизованного изображения морды животного. Находка эта является единственной на всей территории расселения сарматов.

Как и раньше, сарматские женщины для прядения употребляли глиняные, очень редко — каменные пряслица. В отверстиях немногих из них сохранились остатки деревянных веретен. По своей форме пряслица делятся на несколько типов, из которых биконические являются самыми многочисленными. Попадают экземпляры орнаментированных пряслиц (табл. 78, 57—60).

Очень редко в женских могилах встречаются бронзовые или железные иголки. Хранились они в специальных игольниках, которые представляли собой небольшие бронзовые, серебряные или костяные трубочки (табл. 78, 61).

Предметы туалета. Набор предметов туалета в позднесарматский период несколько сокращается по сравнению с предшествующим временем. Полностью исчезают костяные туалетные ложечки, употреблявшиеся рядовым сарматским населением. Однако в очень богатых женских погребениях продолжают встречаться серебряные импортные ложечки. Одна из них с концом ручки в виде копытца лани найдена в Лебедевке. Выходит из употребления костяные пиксиды и алебастровые сосудики, но появляются пинцеты-щипчики. Остальные предметы туалета остаются те же — зеркала, стеклянные и бронзовые флакончики, кожаные туалетные сумочки, изменяются лишь формы некоторых из них.

Основную массу позднесарматских зеркал составляют маленькие бронзовые (очень редко — из белого сплава) зеркальца-подвески (диаметр 4,5—5 см). Наиболее ранние из них снабжены круглым коническим выступом в центре оборотной стороны (табл. 80, 43). Остальные, за очень редким исключением, имеют на оборотной стороне рельефный орнамент в виде небольшого круглого выступа в центре, вокруг которого группируется рисунок — круг, квадрат, радиальные линии (табл. 80, 45, 47). Иногда орнамент более сложный, встречаются также тамгообразные сарматские знаки (табл. 80, 42, 44, 46). Эта разновидность зеркал, появившаяся еще в I в. н. э., особенно характерна для волго-донских и северопричерноморских памятников, включая Днестровско-Прутское междуречье II — начала III в. н. э., и практически совершенно не встречается в южноуральских могилах, откуда известны лишь две находки (Лебедевский могильник). С первых веков нашей эры зеркальца-подвески получили довольно широкое распространение у оседлого населения нижнего Дона, Северного Кавказа, Европейского и Азиатского Боспора и юго-западного Крыма. Видимо, мастерские любого из этих центров могли поставлять сарматам зеркальца-подвески. Направление связей определялось территорией и маршрутами кочевания племенных объединений. Ближе к концу II в. н. э. появляются небольшие (диаметр 5—7 см) дисковидные зеркала, обратная сторона которых снабжена петлей и в большинстве случаев орнаментирована. Рисунок очень напоминает узоры на зеркальцах-

подвесках. Обычно зеркала с петлей находят в сарматских могилах III в. н. э. Обнаружены они главным образом в погребениях Волго-Донского междуречья и Заволжья. Из Приуралья известны лишь два экземпляра (Лебедевка), мало их и в Северном Причерноморье, где вообще после II в. н. э. довольно резко сокращается количество сарматских памятников. В позднесарматских погребениях южного Приуралья обнаружено очень немного зеркал, но большую часть составляют привозные ханские зеркала с орнаментом различных вариантов арочного типа и очень редко — типа TLV (табл. 80, 48). Почти все они сделаны из блестящего серебристого сплава. Однако без специальных технологических исследований невозможно решить, являются ли продукцией далеких восточных центров или ферганских мастерских, где было налажено производство по ханским образцам.

Иногда в это время встречаются зеркала и других типов, представляющие собой как бы реликтовые формы зеркал среднесарматского периода. Одно из таких зеркал было обнаружено в Лебедевском могильнике (диаметр 13 см; табл. 80, 49). Оно лежало в кожаном футляре, искусно шитом и украшенном фигурным швом. Такой же узор, но еще более нарядный сделан на небольшой туалетной кожаной сумочке, найденной в том же погребении (табл. 80, 50). Вместе с футляром зеркала они составляли изящный гарнитур.

По-прежнему для сохранения благовоний и, может быть, каких-то красок употреблялись маленькие бронзовые, очень редко — серебряные сосудики-флакончики (табл. 80, 51, 56). Эти флакончики, изготовлявшиеся, по-видимому, в Танаисе и городах Боспора, использовались и греческим населением (Шелов Д. Б., 1961, табл. X, 5, 6; Блаватский В. Д., 1964а, рис. 57). Для таких же целей служили стеклянные сосудики (табл. 80, 53—55).

Только дважды в сарматских могилах были найдены бронзовые щипчики-пинцеты (табл. 80, 58, 59), достаточно широко употреблявшиеся в греческих городах-колониях Северного Причерноморья, в том числе и Танаисе.

Пряжки и фибулы. Как и в предшествующее время, бронзовые, серебряные и железные пряжки с подвижным язычком широко применялись кочевниками для поясных, портупейных и уздечных ремней. Кроме круглых, овальных и прямоугольных простых рамчатых пряжек (табл. 82, 79, 83—91), появились пряжки со щитками (табл. 82, 75—78, 80—82). Сначала щитки были преимущественно круглые, реже — овальные. Со II в. н. э. все чаще начали делать прямоугольные щитки. Нередко они имели и прямоугольные рамки. Если для поясных и особенно портупейных ремней в большинстве случаев употребляли рамчатые пряжки, а иногда и просто бронзовые кольца (диаметр 3—4 см), служившие разделителями, то в уздечных наборах, как правило, использовались пряжки со щитками. Очень редко одежду застегивали с помощью скользя (табл. 82, 92). Круглые и восьмеркообразные пряжки с неподвижным крючком в позднесарматских комплексах не встречаются.

Одним из наиболее характерных признаков позднесарматской археологической культуры является

массовое распространение бронзовых, реже — железных и серебряных фибул. Примерно в каждой третьей сарматской могиле находится фибула, которой скрепляли верхнюю одежду как мужчины, так и женщины. Самым распространенным типом среди них были лучковые одночленные фибулы с подвижным приемником, составляющие почти половину всех находок (примерно 90 из 180).

Согласно классификации А. К. Амброза, общепризнанной в настоящее время, основная масса лучковых сарматских фибул относится к 4-му и 5-му вариантам этой серии (табл. 82, 102, 107), датировым второй половиной II—III вв. н. э. (Амброз А. К., 1966, с. 50, 51). Со второй половины III в. н. э. (Скрипкин А. С., 1977, с. 108) начинают встречаться двучленные лучковые фибулы (табл. 82, 103), которых несравненно меньше, чем одночленных. Довольно большую часть сарматской коллекции составляют сильно профилированные фибулы обычно с верхней тетивой и крючком (табл. 82, 97, 98), хотя начиная с III в. н. э. встречаются небольшие фибулы с нижней тетивой и высоким узким приемником (табл. 82, 105). Лучковые и сильно профилированные фибулы употреблялись на всей территории расселения сарматов, в то время как пружинные с гладким корпусом и завитком на конце пластинчатого приемника (табл. 82, 96) характерны главным образом для Волго-Донского и Северопричерноморского регионов. По-видимому, именно эта форма послужила образцом для создания специфически сарматского типа пружинных фибул с высоким массивным приемником с завитком на конце и пластинчатой спинкой треугольной, ромбической или круглой формы (табл. 82, 101, 106). Фибулы указанного типа известны лишь в сарматских памятниках на территории междуречья Волги—Дона, Заволжья и Приуралья. В последнем регионе они доминируют над всеми остальными. Вероятно, поставляли сарматам эти фибулы оседлые племена лесостепных областей Прикамья и Зауралья, обладавшие высоким уровнем развития меднолитейного производства. Не исключено, что руками тех же мастеров сделаны и некоторые лучковые фибулы с раскованным прямоугольным окончанием спинки, украшенным специфическим резным орнаментом (табл. 82, 102). Однако основная масса лучковых фибул являлась импортом из мастерских северопричерноморских колоний, а сильно профилированные могли поступать и из Танаиса, где засвидетельствовано их производство (Шелов Д. Б., 1972а, с. 95, 98). Помимо массовых серий фибул, на территории расселения сарматов изредка попадаются шарнирные римские фибулы, ромбические и шестигранные, с эмалью или без нее (табл. 82, 95). Несколько раз найдены фибулы типа *Aucisa* (табл. 82, 94), а также единичные экземпляры, импортированные из неизвестных производственных центров (табл. 82, 93, 99, 100, 104).

Украшения. Из украшений сарматских женщины по-прежнему носили бронзовые, серебряные и золотые серьги, гораздо реже — перстни, браслеты и совсем редко — гривны (табл. 82, 42), которые находят лишь в достаточно богатых захоронениях. Только в последних встречена одежда, расшитая золотыми нашитыми бляшками, формы которых по сравнению со среднесарматским временем менее

разнообразны — в виде кругов, треугольников или других геометрических фигур (табл. 82, 69—72). Некоторые из них украшены рельефными рубчатymi полосками или выпуклыми полусферами (табл. 82, 69—71). Для прикрепления к одежде обычно пробивали два симметричных сквозных отверстия, и только круглые бляшечки имеют иногда вместо отверстий маленькую петельку на оборотной стороне (табл. 82, 72).

Перстни в сарматских могилах встречаются очень редко. В западных регионах они обычно пластинчатые шитковые с несомкнутыми концами (табл. 82, 58). Форма эта известна в северопричерноморских колониях, откуда они, видимо, и поступали к сарматам. В нижнем Поволжье перстней почти нет. В южном Приуралье они найдены на территории Башкирии в очень интересных курганах у с. Темясово. Один прямоугольный и все овальные шитки темясовских перстней украшены вдавленными трудно читаемыми изображениями каких-то птиц и животных (табл. 82, 59). Ближайшие аналогии темясовским перстням известны с территории Ферганы, где этот тип характерен для украшений III—V вв. н. э. (Заднепровский Б. А., 1960, рис. 59, 8; Литвинский Б. А., 1973, с. 15, 18, 26, табл. 3, 3—7). Не исключено, что именно оттуда могли поступать подобные перстни к кочевникам южного Приуралья. Темясовские курганы содержали очень богатый и разнообразный инвентарь, часть которого, несомненно, восточного и среднеазиатского происхождения (хорезмийская керамика, ханьские или сделанные по ханьским образцам зеркала, перстни — Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш., 1976, рис. 3, 4).

Типы серег и браслетов, находимые в рядовых погребениях и являющиеся массовой продукцией северопричерноморских и нижнедонских мастерских, остались почти без изменения по сравнению со среднесарматскими формами и практически едиными на всей территории расселения сарматов (табл. 82, 43—48, 51—53, 55). Что касается индивидуальных ювелирных изделий, то характер их в позднесарматский период несколько меняется. Господство в искусстве этого времени полихромного стиля отразилось в оформлении всех украшений, особенно серег и ожерелий-колье. Все плоскости серег начали заполнять стеклянными или каменными вставками, а к краям прикреплять множество подвесок (табл. 82, 54, 60, 61). Примерно с начала III в. н. э. появился новый тип серег или височных подвесок — так называемые калачиковидные, которые характерны только для сарматов Заволжья и южного Приуралья. Большинство из них украшены многоцветными, обычно стеклянными вставками. Этот тип серег, как, возможно, и некоторые витые гривны, изготовлялись, по всей вероятности, северными соседями сарматов (оседлое население бассейнов Белой и Камы — бахмутинская и аелинская культуры), которые делали их как для себя, так и на экспорт кочевникам (Мажитов Н. А., 1968, табл. 16; Генинг В. Ф., 1963, табл. III, 5, 6).

Мелкими бусами обшивали рукава, подол одежды и, видимо, края шаровар, ибо ряды мелких бусин находят иногда возле щиколоток ног в женских захоронениях. Однако основная масса бус использовалась для ожерелий. Как и раньше, больше всего

встречается стеклянных бусин. В массе своей они из непрозрачного стекла синего, красного, кирпичного, зеленого и других цветов. Заметно уменьшается количество бус с внутренней позолотой, а также с цветными глазками, только изредка встречаются гешировые. Намного больше становится бусин из полудрагоценных камней, особенно сердолика, янтара и горного хрусталя, увеличиваются их размеры. Обычно это круглые, овальные, прямоугольные плоские или уплощенные экземпляры, а из горного хрусталя и халцедона — шаровидные или чуть уплощенные. Примерно с середины I в., но особенно со II в. н. э. появляется новый тип бусин — так называемые 14-гранные. Они бывают квадратными или прямоугольными, стеклянными или каменными, однако в основном их делали из сердолика, начиная от почти буро-красного и кончая золотистым.

Очень часто 14-гранные бусины входят в состав специфического позднесарматского украшения. Тоненькая проволочка, бронзовая или серебряная, скручивалась на концах в спиральки. На среднюю ровную часть надевалась бусина (табл. 82, 73, 74). Это украшение входило обычно в состав ожерелья, занимая его центр. Нитка или ремешок продевались через концевые спиральки. Таким же цветовым или организующим центром ожерелья могли быть золотые или серебряные лунницы, подвески-медальоны: круглые, прямоугольные или боченовидные, гладкие или украшенные зернью, веревочкой, рубчиком и, как правило, вставками стекла или полудрагоценных камней (табл. 82, 49, 50, 57). Иногда не крупные медальоны со вставками составляли целое кольцо. Наконец, центром ожерелья могли быть бусы и подвески из египетской пасты. Эти подвески (скарабеи, плакетки с лежащим львом, изображения частей тела человека, фигурки Беса и др. — табл. 82, 62—68), как и в предшествующее время, могли служить религиозно-магическими символами и выполнять роль охранительных амулетов. В сарматских памятниках Северного и северозападного Причерноморья находят иногда специальные амулетницы в виде двояных ведерочек (табл. 82, 56), которые были характерны и для оседлого населения этих районов, и для жителей восточноримских провинций.

Для культово-магических церемоний сарматы по-прежнему использовали курильницы. По сравнению со среднесарматским временем несколько изменились их формы. Теперь преобладают небольшие усеченно-конические сосудики иногда на высоком массивном поддоне. Стенки их нередко украшены крестообразным или волнистым орнаментом (табл. 80, 29—39). Продолжают существовать, но в очень небольших количествах цилиндрические курильницы и рюмкообразные на невысокой полой ножке (табл. 80, 33, 38). Появляются также своеобразные курильницы с горизонтальными и вертикальными ребрами-выступами (табл. 80, 30, 31, 39), изредка встречаются плосочки (табл. 80, 35). Курильницы снабжены одним или двумя отверстиями, расположенными в верхней части стенок. Совершенно уникальный образец — курильница из старичьего погребения в виде аккуратной мисочки с широким краем на очень высокой полой ножке, имевшей два расположенных друг против друга прямоугольных отверстия (табл. 80, 29).

В позднесарматских погребениях встречаются и бронзовые колокольчики нередко с железными язычками, которые, по-видимому, как-то использовались в культовых церемониях. Обычно их находят около рук или голов. Но не исключено, что некоторые из них, особенно крупные, могли быть принадлежностью и конского убора. Среди колокольчиков попадаются экземпляры с ажурной поверхностью, абсолютно тождественные среднесарматским (табл. 80, 61). Но есть и совершенно новые формы, например крупные тюльпановидные или усеченно-конические колокольчики (табл. 80, 60). Уникальный экземпляр обнаружен в одном из темясовских курганов. Его верхняя часть моделирована в виде двуликой головы человека в головном уборе. Весь облик изображения человека говорит в пользу производства его где-то на юго-востоке — в Средней Азии, мастерских Ирана или даже Индии (табл. 80, 62).

Позднесарматские памятники являются заключительными в развитии сарматского этноса. После гуннского нашествия в конце IV в. н. э. часть сарматов-аланов была истреблена, часть влилась в гуннские орды и прошла далеко на запад, часть вошла в состав соседних оседлых народов. Сарматская археологическая культура как единый комплекс перестала существовать. Однако отдельные элементы ее продолжали жить в культурах евразийских кочевников V—VIII вв. н. э. и развиваться народами Северного Кавказа и Подонья. Недаром долгое время существовала точка зрения, согласно которой нижневолжские кочевнические погребения V—VIII вв. н. э. связывались с сармато-аланским этносом (Синицын И. В., 1936; Максимов Е. К., 1956). Однако оснований для такого предположения оказалось недостаточно, и, как считают исследователи, можно говорить лишь об отдельных элементах сарматской культуры и сарматского этноса, ассимилированного тюркоязычными племенами.

Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром

В археологической литературе термин «ранние кочевники» или «древние кочевники» (Хазанов А. М., 1973, с. 9), отражающий специфику хозяйственной деятельности этих племен, прочно связан со всем кочевым населением евразийских степей. В этнографической литературе кочевое скотоводство рассматривается как культурно-хозяйственный тип, одним из элементов которого является окружающая среда. Территория расселения кочевников, оставивших памятники савроматской и особенно сарматской археологических культур, очень велика (от Дуная до южного Приуралья), а потому различные районы этой зоны представлены далеко не равнозначными природно-климатическими условиями. Но именно они в первую очередь и определяли вид кочевого хозяйства живших здесь племен. Не менее серьезным фактором являлось оседлое и полuosедлое население, окружавшее кочевников и связанное с ними не только узами торгово-экономических, но нередко

и социально-политических отношений. Все эти причины определили специфичность кочевых обществ, понимание истории которых, особенно хозяйственной деятельности, невозможно без рассмотрения их в контексте внешних связей и экологии.

Определение «чистые» кочевники, как правило, прилагавшееся к способу ведения хозяйства савроматских и сарматских племен, было в начале 60-х годов оспорено К. Ф. Смирновым. Учитывая археологические данные, но основываясь главным образом на сведениях Страбона о характере хозяйства у роксоланов и сираков и перенося их ретроспективно на более ранние, а главное — более восточные племена, К. Ф. Смирнов утверждал, что радиус основных сарматских откочевок невелик (Поволжье — 200 км, Оренбургские степи — 250—400 км), что места зимников были строго постоянны и на них, помимо юрт, имелось стационарное жилье — землянки, камышовые, глинобитные и деревянные наземные постройки, включая прочные деревянные дома. О последнем, по мнению К. Ф. Смирнова, свидетельствовали формы могильных ям, их оборудование деревом и надмогильные сооружения в виде накатов, рам и даже срубов. Опираясь на эти заключения, он выдвинул новое положение о том, что савромато-сарматские скотоводы евразийских степей были полукочевниками, в составе стада которых имелся крупный рогатый скот и даже существовало, возможно, полустойловое содержание части скота с заготовкой кормов на зиму. Было ли земледелие у населения савроматского и раннесарматского времени, для автора оставалось неясным (Смирнов К. Ф., 1964б, с. 52, 55—57).

Для своего времени подобная постановка вопроса была необходима и весьма плодотворна, поскольку обращала внимание исследователей на ряд явлений, которые не учитывались ранее при изучении скотоводческого хозяйства савромато-сарматских племен (различия, наблюдаемые в остеологическом материале погребальных комплексов, свидетельствующие, очевидно, о нетождественности состава стада в различных районах расселения сарматов, остатки кратковременных стоянок в Прикаспии и южных районах Волго-Донского междуречья и т. д.).

Однако накопление археологического материала с савромато-сарматских и сопредельных территорий и строгое определение изучаемых памятников в пространстве и времени заставили пересмотреть некоторые положения К. Ф. Смирнова.

Территории первоначального обитания савромато-сарматских племен до их расселения в степях Предкавказья, Прикубанья и Северного Причерноморья, т. е. примерно до III в. до н. э., охватывали наиболее засушливые степные и полупустынные зоны южного Урала, Заволжья и Волго-Донского междуречья. Почти во всех этих районах неполивное земледелие практически невозможно и отсутствие его даже в качестве подсобного занятия разрешает говорить о савроматских и раннесарматских племенах этой ойкумены как о кочевниках, для которых характерно экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота. Формы и способы кочевания весьма разнообразны, но принято выделять и рассматривать лишь основные варианты этого типа хозяйства. Характерные особенности для каждого из них были сфор-

мулированы еще в начале 60-х годов С. И. Руденко (1961) и затем поддержаны С. А. Плетневой (1967). Чуть позже А. М. Хазанов (1973) дополнил некоторые определения и предложил систему, включающую пять основных вариантов кочевого хозяйства. Согласно выделенным признакам, племена савроматской и раннесарматской культур южного Приуралья и нижнего Поволжья ближе всего стоят к третьему типу ведения кочевого хозяйства, когда «все население кочует по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники. Хозяйство основано на круглогодичном содержании скота на подножном корму. Земледелие отсутствует» (Хазанов А. М., 1973, с. 2—3). Направления маршрутов кочевания древних племен, определение мест их постоянных зимников и летних пастбищ — задача очень сложная, требующая специальных комплексных исследований. Появились они лишь в последние годы и только для районов западного и центрального Казахстана, южного Приуралья и Заволжья (Акишев К. А., 1972; Железчиков Б. Ф., 1980а, б; Демкин В. А., Лукашев А. В., 1983).

Исследования К. А. Акишева касались территории Казахстана и, в частности, его западных и центральных областей. Растительный покров, характер почв и водные ресурсы этих районов, историческая топография археологических памятников, скудные сведения китайских династийных хроник и более пространственные описания средневековых путешественников и географов, наконец, данные по хозяйству и быту кочевавших здесь в XIX и даже в начале XX в. казахов позволили автору и для эпохи раннего железного века говорить об экстенсивном кочевом скотоводстве с круглогодичным содержанием скота на подножном корму. Маршруты кочевания были в этих районах меридиональными (с юга на север), постоянными, причем амплитуда кочевания охватывала огромные территории — многие сотни километров в длину (Акишев К. А., 1972, с. 35—45).

Изучение природно-климатических условий южноуральских степей и междуречья Волги—Урала (гидрография, почвы, осадки, растительность — Крашенинников И. М., 1927; Динесман Л. Г., 1960; Котин Н. И., 1967) дали возможность Б. Ф. Железчикову (1980а) разделить эти районы на две зоны — южную и северную, граница между которыми проходит по р. Урал в его широтном течении. Северную занимают степи Общего Сырта с небольшими возвышенностями и массой речных долин. В летнее время эта зона дает кочевникам-скотоводам богатое разнотравье и зеленые побеги деревьев в колках и поймах рек. Но значительный снежный покров затрудняет добывание корма зимой. Южная зона, представленная глинистой полупустыней с малым количеством осадков как летом, так и зимой, со скудной растительностью, напротив, пригодна для содержания скота в зимнее время. Северная зона (бассейны рек Общего Сырта — Белая, Дема, Самара, Сакмара, Чеган, верховья Урала с Суундуком), как считает автор, служила для древних скотоводов местом летних пастбищ, на южной — располагались зимники кочевников (Железчиков Б. Ф., 1980а, с. 9). Это тем более вероятно, что именно на левобережье Урала (Илек, район Орска, Актюбинска) обнаружены са-

мые большие и богатые могильники, насчитывающие сотни курганов (Новый Кумак, Лебедевка). Как известно, семейно-родовые кладбища кочевников создавались главным образом вблизи их зимних стоянок. Но не исключена возможность существования могильников и на полпути между зимними и летними пастбищами (Железчиков Б. Ф., 1980а). При этом они могли насчитывать большое количество курганов или, напротив, состоять из 2—3 насыпей. Разбросаны по степи и одиночные довольно крупные курганы. Правда, невысокие насыпи, которые могли окружать большой курган, со временем практически исчезают, а современные темпы работ и техника освоения целинных земель довершают их разрушение. Поэтому наши суждения о количественном составе могильников могут не всегда соответствовать первоначальной картине. По ряду причин трудно предполагать на зимниках скотоводов этих районов существование постоянных жилищ. Нигде в южном Приуралье и междуречье Волги—Дона (западный Казахстан, Узени, Камыш-Самарские озера и т. д.) не найдено никаких следов постоянных поселений или стоянок многообразного использования. И, наконец, юрта является универсальным жильем для этих мест — в ней прохладно летом и тепло зимой. По сей день в ряде районов Гурьевской обл. некоторые чабаны предпочитают жить не в домах, а в войлочных юртах (Железчиков Б. Ф., 1980а, с. 116). Не противоречит нашему заключению и сообщение Страбона о том, что сарматы живут в кибитках, укрепленных на повозках (Страбон, VII, 3, 17). Модель такой кибитки найдена в одном из керченских склепов (табл. 79, 8).

Вопрос о направлении и протяженности кочевок у скотоводов южного Приуралья по-прежнему достаточно спорен. Однако наиболее реальной представляется позиция Б. Ф. Железчикова. Основываясь на топографии археологических памятников и данных этнографии XVII в., он допускает очень протяженные меридиональные перекочевки и менее далекие широтные и радиально-круговые, но обязательно с зимовок, где нельзя было оставаться летом, на летовки, при этом как можно дальше от зимников, сохраняя тем самым травы от вытаптывания в летний период (Железчиков Б. Ф., 1980б, с. 118). Восстановление продуктивности пастбищ, как и воспроизводство поголовья скота, являются двумя основными требованиями во всем цикле производственной деятельности кочевника.

По мнению Б. Ф. Железчикова, племена, расселившиеся в глинистой полупустыне северного Прикаспия и степях Орского плато, кочевали с марта по ноябрь-декабрь, проходя за это время до 2 тыс. км и возвращаясь почти постоянно к стабильным зимовкам. Племена, жившие в бассейнах рек Самара, Чагана, Илека, Белой, двигались по более ограниченному маршрутам на 300—800 км. Часть населения указанных племен могла, как считает ученый, постоянно оставаться на зимниках, и, следовательно, именно эту часть савромато-сарматской общности можно считать полукочевниками (Железчиков Б. Ф., 1980а, с. 10).

Однако при определении формы кочевания даже к племенам, живущим в бассейнах перечисленных рек (Самара, Чаган, Илек, Белая), следует подходить

дифференцированно и утверждения о полукочевом образе жизни скотоводов подкреплять данными археологических источников. Последние обычно косвенно (мы располагаем лишь погребальными памятниками), но все же намечают определенные ориентиры. Так, например, могилы Аландских курганов — самых северо-восточных памятников савроматского времени — содержали относительно самое большое количество костей крупного рогатого скота. Этот факт в сочетании с природно-климатическими условиями района дает основание для предположения о меньшей подвижности населения северо-восточного Оренбуржья (Мошкова М. Г., 1972а, с. 78).

Комплексные почвенно-археологические исследования В. А. Демкина и А. В. Лукашова в Заволжье позволили им создать модель наиболее вероятного использования пастбищ, тем более что физико-географические особенности северного Прикаспия обуславливают резко выраженную сезонность этих пастбищ.

В савроматское время (VI—IV вв. до н. э.), как считают исследователи, маршруты перекочевок имели в основном меридиональное направление, что связано прежде всего с направлением течения рек Волги и Урала и сравнительно небольшим количеством населения, не испытывавшего необходимости в освоении глубинных степных районов.

В раннесарматское время (IV—II вв. до н. э.) резкий рост населения в результате миграции из южного Приуралья и соответственное увеличение поголовья скота потребовали оптимального использования возможностей региона. Статистика распределения археологических памятников этого периода указывает на изменение маршрутов перекочевок. Ранние сарматы интенсивно осваивают глубинные степные районы, которые используются в качестве весенних и осенних пастбищ. Маршруты перекочевок усложняются, приобретая сложный комбинированный характер — широтно-меридиональный. Концентрация памятников в районах, приуроченных к долинам рек Волги и Урала (80%), показывает, что появляются стабильные зимники, закрепленные за отдельными семейно-родственными группами. Возникновение стационарных кладбищ в глубинных степных районах позволяет говорить об установлении достаточно строго определенных маршрутов перекочевок на летние пастбища, что было необходимо в связи с дефицитом водных источников и нестабильностью кормовой базы в глубинных районах Прикаспийской полупустыни (Демкин В. А., 1983; Демкин В. А., Лукашов А. В., 1983; Демкин В. А., Лукашов А. В., Лукашов Ю. В., 1984).

По данным остеологического материала из савромато-сарматских погребений южного Приуралья и Заволжья состав стада у этих кочевников представляется следующим: основное место занимала овца, на втором месте — лошадь и минимальную роль играл крупный рогатый скот. Кости последнего в погребениях среднесарматского времени отсутствуют полностью. Подобный состав стада — еще одно свидетельство очень большой подвижности населения.

Способ ведения кочевого хозяйства при круглогодичном содержании скота на подножном корму был свойствен кочевым племенам южного Приуралья и междуречья Волги—Урала на протяжении всей

их истории — от VI в. до н. э. до IV в. н. э. Однако нестабильность численности поголовья скота при экстенсивном скотоводстве, всецело зависящем от климатических колебаний (периодические засухи, суровые или очень снежные зимы), постоянно создавала проблему баланса между основным средством существования (скот) и численностью населения. Этот процесс усугубляется и легкостью отчуждения скота в результате вражеских набегов. Все вместе определяло общую нестабильность кочевой экономики.

Периоды длительных оптимальных условий (увлажнение степей), способствовавших резкому увеличению кочевой населения южного Приуралья, как это случилось в раннесарматское время, создавали ситуацию, при которой массовая миграция, т. е. расширение производственной базы путем овладения новыми пастбищами, являлась почти единственной возможностью существования. Вероятно, именно этой причиной вместе с бурными политическими событиями конца IV в. до н. э. в Передней и Средней Азии было вызвано переселение раннесарматских племен южного Приуралья в Поволжье и дальнейшее передвижение поволжских, а возможно, и уральских номадов далее на запад и в предкавказские степи. Часть населения южного Приуралья могла откочевать на юг, в Среднюю Азию. Памятники кочевников, окружавших Бухарский оазис, начиная с конца IV — начала III в. до н. э. несут на себе печать очень глубокого сарматского влияния. Не исключено, что какие-то сарматские племена южного Приуралья, смешавшись с кочевниками Казахстана, осели на окраинах западной части Зеравшанской долины.

Период увлажнения сменился устойчивым засушливым временем, и памятников среднесарматского времени, особенно в восточных районах южноуральской территории, чрезвычайно мало. Миграции и засухи во много раз уменьшили кочевое население этого района.

На основании письменных и археологических источников можно утверждать, что скот у кочевников, в том числе и савромато-сарматов, являлся частной собственностью семей или глав семей (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 199, 200). Совершенно справедливым представляется также мнение некоторых исследователей, считающих, что становление частной собственности на скот не только предшествовало развитию кочевой скотоводства, но было одной из его предпосылок (Хазанов А. М., 1975, с. 93). В то же время у кочевых скотоводов, в том числе и у савромато-сарматов, никогда не фиксировали права собственности на такое важнейшее средство производства, как пастбищные земли (Першиц А. И., 1976, с. 287). Таким образом, собственность на скот и пользование определенными участками земли рода, общины и целого племени являлись основой, на которой зиждилось все хозяйство древних кочевников. Основными хозяйственными единицами в производственном процессе савромато-сарматских племен всегда оставались семья и род.

Отсутствие поселений на нижней Волге и в южном Приуралье заставляет нас судить о производственной деятельности савромато-сарматских племен только на основании погребального инвентаря. Как уже было сказано, гончарного круга это население не

имело. Производившаяся кочевниками лепная керамика судя по ее качеству являлась продукцией домашнего производства. Именно поэтому она несет на себе печать локальности не только в рамках больших регионов, но и более мелких областей, а иногда и отдельных могильников.

В качестве местных, домашних производств следует рассматривать также косторезное, кожевенное и камнерезное дело, обработку дерева и ткачество. Маловероятно, чтобы кочевники нижнего Поволжья и южного Приуралья занимались бронзолитейным или железнорудным промыслом, не говоря уже о добыче и выплавке металла. Речь может идти о производстве самых простых и мелких вещей из бронзы и железа (бляшки, колечки, ножи, шилья и т. д.), которые делали из привозного или вторично используемого сырья. Основная масса металлических предметов — оружие, конская сбруя, котлы, ювелирные изделия, бронзовые зеркала и т. д., по всей вероятности, производилась окружающим кочевников оседлым населением по заказу сарматов и образцам, которые они представляли.

Существует и иная точка зрения, согласно которой кочевники нижнего Поволжья и особенно южного Приуралья были не только искусными кузнецами и литейщиками, но, вероятно, занимались даже разработкой железных руд. В качестве доказательства выдвинутой гипотезы приводилось своеобразие металлического инвентаря каждого из этих двух регионов (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 60—62). Однако развернувшиеся в последние годы специальные исследования соседних с кочевниками металлоносных культур и металлургических очагов (зауральская лесостепь — иткульская культура, бассейн Камы — ананьинская культура и др.) заставили усомниться в последней концепции.

Дело в том, что, например, все иткульские бронзовые наконечники стрел найдены на поселениях, содержащих остатки металлургического производства (шлаки, литейные формы, бракованные отливки), и сомневаться в их местном изготовлении не приходится. Но при этом все типы иткульских наконечников повторяют формы, свойственные скифо-савроматским, казахстанским, среднеазиатским или аналогичным им наконечникам. Наибольшее совпадение с иткульскими стрелами обнаруживают наконечники, происходящие из кочевнических погребений савроматского времени южного Приуралья, в меньшей степени — нижнего Поволжья (Бельтикова Г. В., 1982). Очень важным оказался еще один результат изучения зауральской металлургии оседлых лесостепных племен VII—III вв. до н. э. Иткульская культура, по мнению ее исследователя, была основной металлоносной культурой Урала, ее металлургия являлась важным или даже основным источником металла для культур обширных территорий, прилегающих к ней с запада, востока и юга. Технология выплавки и обработки, конструкции печей-горнов характеризуются разнообразием черт и признаков широкого хронологического, территориального и качественного диапазонов (Бельтикова Г. В., 1981, с. 125). Не менее интересная картина наблюдается на ананьинских памятниках. Очень многие наборы бронзовых наконечников стрел аналогичны савроматским формам нижней Волги и южного При-

уралья, проявляя наибольшую близость с последним регионом (Кузьминых С. В., 1983, с. 119). Какая-то часть наконечников, например бронзовые черешковые, могла поступать и из других центров (степи Казахстана, Приуралья, Средняя Азия). У савроматских кочевников они, правда, не привились и изредка встречаются лишь на южноуральских памятниках. В то же время втульчатые железные наконечники стрел были свойственны в IV—III вв. до н. э. нижневожским кочевникам и почти не известны в южном Приуралье. Такая ситуация хорошо согласуется с широким распространением этих типов наконечников на Кавказе, являвшемся мощным металлургическим центром и у племен среднего Дона — ближайших соседей нижневожских савроматов.

Интересно также, что мечи переходных типов от савроматских к прохоровским формам, которые в IV в. до н. э. были характерны для кочевников южного Приуралья, за пределами этой территории известны лишь как случайные находки в лесостепном Зауралье и бассейне среднего течения Белой с ее притоками. Симптоматично также огромное количество случайных находок мечей и кинжалов савромато-сарматских форм, обнаруженных на той же Белой, особенно на ее правом берегу (Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976). Не исключено, что именно здесь или в районе так называемых гафурийских городищ располагался один из металлургических центров, снабжавших мечами и кинжалами кочевников нижнего Поволжья и южного Приуралья.

Очень интересная закономерность выявилась в результате исследования бронзовых савромато-сарматских зеркал, проведенного с помощью спектрального и металлографического анализов. Были установлены четыре металлургические группы, три из которых имеют своеобразную рецептуру сплавов, четвертая — чистая медь (Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1975, с. 120—130). Каждый из сплавов связан своим происхождением с определенным металлургическим центром, где он затем и доминировал. Так, высокооловянистые зеркальные бронзы очень широко распространялись на Ближнем Востоке. Из этого сплава отлиты два бесспорно импортных зеркала, а остальные экземпляры обнаружены в довольно богатых могилах, где находились и другие привозные вещи. При этом почти все зеркала этой металлургической группы относятся по своей форме к типам, характерным для областей Юго-Восточной Азии и территории Средней Азии.

Количественно самая большая группа сарматских зеркал, происходящая главным образом из памятников нижнего Поволжья, отлита из низкооловянистых бронз. Традиция изготовления зеркал из подобных сплавов восходит к античному Средиземноморью, откуда была воспринята литейщиками причерноморских греческих колоний и территорий, находившихся в орбите их экономического или политического влияния.

Все эти факты позволяют предположить, что основными производителями савромато-сарматских металлургических изделий были кузнецы и литейщики окружавшего кочевников оседлого населения близлежащих и более отдаленных районов*.

Разделение труда у савромато-сарматских скотоводов-кочевников с оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами складывалось, вероятно, в даннической форме. Получая от своих соседей (в основном северных) изделия из бронзы, железа и, возможно, какие-то продукты земледелия, савромато-сарматы давали взамен гарантии «покровительства» (Кобищанов Ю. М., 1982, с. 142). Недаром многие столетия оседлое население лесостепных районов достаточно мирно уживалось с евразийскими кочевниками, которые были заинтересованы в нормальном функционировании производственной базы этих племен и не тревожили их своими набегами. Во всяком случае археологических следов каких-либо внезапных разрушений поселений не наблюдается. Отдельные продвижения кочевников, например, в савроматское время на северо-восток в лесостепь (южный район Челябинской обл.) не меняли общей мирной направленности их взаимоотношений. Такая же ситуация была характерна и для европейских скифов, которые основную массу металлических изделий получали от северных лесостепных племен.

Подобное положение, присущее большинству кочевых обществ, — результат особых признаков, свойственных кочевому скотоводству как специфической производственной системе. Они заключаются в двух основных моментах — ограниченные экономические возможности экстенсивного скотоводства и военные преимущества кочевников над их оседлыми и полуседлыми соседями. Все это «способствует широкому развитию в кочевых племенах особой ситуации, которую можно назвать преобладанием или высоким удельным весом внешнеэксплуататорской деятельности. Под последней имеются в виду наиболее примитивные формы отчуждения прибавочного (а порой и необходимого) продукта: прямой военный грабёж, заменяющая его контрибуция и в особенности вырастающая отсюда данническая эксплуатация» (Першиц А. И., 1976, с. 290).

Об образе жизни и типе хозяйства сарматов, обитавших с III в. до н. э. к югу и западу от Дона в степях Предкавказья и Северного Причерноморья, можно судить не только по косвенным данным, но и по сообщениям древних авторов. О роксоланах, населявших северопричерноморские степи, Страбон пишет: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах» (Страбон, VII, III, 17). Сираки и аорсы, обитавшие, по словам Страбона, на равнинах, простирающихся до Кавказских гор, «частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (Страбон, XI, II, 1). Все эти представления согласуются с более мягкими и благоприятными природно-климатическими условиями в северопричерноморских и предкавказских степях по сравнению с волго-донскими и приуральскими степными и полупустынными районами.

(см.: Мошкова М. Г., 1956; Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1975), исследования последних лет заставили ее изменить прежнюю точку зрения.

* И хотя автор этих строк придерживалась иного мнения

Поэтому при определении хозяйства кочевников, обитавших к западу от Дона, мы склоняемся к четвертому и пятому типам кочевания (по типологии Хазанова А. М.: 1975, с. 10, 11), а не третьему, о котором шла речь для хозяйства скотоводов нижнего Поволжья и южного Приуралья. Признаки для выделения четвертого типа кочевания: «Все население кочует весной, летом и осенью в меридиональном или вертикальном направлениях, возвращаясь на зиму к постоянным жилищам. Наряду с кочевым скотоводством присутствует земледелие, но лишь как подсобный вид хозяйства» (Хазанов А. М., 1975, с. 14). При пятом типе «часть населения кочует большую или меньшую часть года в меридиональном или вертикальном направлениях, тогда как другая живет оседло и в основном занимается земледелием» (там же, с. 14). В сущности эти типы кочевания разновидности не кочевого, а полукочевого хозяйства.

Созданию полукочевого уклада у северопричерноморских сарматов способствовала и близость их владений к античным земледельческо-ремесленным центрам. Эта близость ускоряла процессы социальной стратификации и классового образования внутри сарматского общества, что приводило к выделению богатой верхушки, заинтересованной в продуктах земледелия и ремесла, и беднейших слоев кочевников, вынужденных оседать на землю. Они-то и составляли ту часть сарматов, которая занималась земледелием.

Характер сарматских поселений нам неизвестен, тем более что в большинстве случаев наиболее вероятным представляется расселение сарматов среди существовавшего уже оседлого населения.

В Прикубанье они селились вместе с меотами и синдами, в нижнем Подонье, особенно с первых веков нашей эры, входили в состав населения Танаиса и близлежащих поселений и городищ. На западных окраинах сарматы осваивали не только степные, но и лесостепные земли, однако выделить сарматские селища среди поселений первых веков нашей эры, а затем черняховских и черняховско-сарматских пока не удается (Рикман Э. А., 1975б, с. 40, 42; Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984, с. 86—93). Почти всюду, где сарматы осели на землю, создаются районы смешанных культур, в которых органически сочетаются признаки различных этнических групп.

В отношении нижнедонских городищ существует точка зрения С. И. Капошиной. Она связывает возникновение этих городищ в первые века нашей эры с расцветом экономики Танаиса, считает их главным образом сарматскими, но допускает присутствие и меотского населения. Правда, она пишет, что здесь оседали «потомки сарматов», которые, пережив бурные события I в. до н. э. (далекое переселения, участие в войнах Митридата, постоянные военные походы), представляли собой пестрые этнические объединения. Расцвет этих поселений падает на II в. н. э. Одним из наиболее крупных центров было Кобяковское городище, дожившее до III в. н. э. (Капошина С. И., 1968, с. 170, 171). Никаких следов металлургического производства, не говоря уже о горнодобывающем, на поселениях сарматов нигде пока не обнаружено. Даже в Прутско-Днестровском междуречье зеркальца-подвески отливали для сарматов мастера соседнего гето-дакийского

населения (Рикман Э. А., 1975б, с. 54). Видимо, как и на востоке, сарматы Северного и северо-западного Причерноморья получали готовые металлические изделия из ближайших и более отдаленных производственных центров, мастера которых обладали древними традициями и навыками металлообработки.

Постоянными предметами импорта в сарматском быту являлись также всевозможные бусы, гончарная керамика, изделия из стекла, большая часть украшений, предметы роскоши и другие вещи. При этом каждый из крупных сарматских регионов поддерживал постоянные торговые контакты с определенными партнерами. Южное Приуралье входило в сферу экономических и политических интересов ближневосточных и среднеазиатских государств. Нижневолжские кочевники, как и племена, жившие к западу от Дона, пользовались главным образом продукцией мастеров северопричерноморских колоний, городищ нижнего Дона, Прикубанья, Северного Кавказа и в гораздо меньшей степени — изделиями населения восточных областей.

Предметы роскоши попадали в руки сарматов разными путями. Это могли быть подарки (дань), которыми откупались от варваров государства и города-колонии Северного Причерноморья, постоянно жившие под военной угрозой сначала скифов, затем сарматов. Во II в. н. э. даже Рим был вынужден платить роксоланам дань под видом подарков за их лояльность на границах империи. Все эти подношения накапливались в руках военных предводителей отдельных племен или вождей крупных сарматских объединений. Возможно, именно так были получены сарматами великолепные южноиталийские серебряные и золотые кубки и вазы, составляющие целые сервизы для вина, которые были найдены в очень богатых сарматских курганах (Хохлач, Садовый, Жутово, Высочино). Обращает на себя внимание география этих находок, сосредоточенных пока только в низовьях Дона. Видимо, именно здесь в I—II вв. н. э. находился центр крупного и богатого сарматского объединения. Импортные предметы особого рода известны из богатых погребений савроматского времени (V—IV вв. до н. э.) южного Приуралья: ахеменидские ритоны, гривны, печати. Вряд ли эти вещи могли быть предметами торговых операций. Ритоны употреблялись как парадные сосуды на пиршествах и при совершении культовых обрядов (скифские бляшки со сценами побратимства и приобщения воина или царя к власти и покровительству богини), гривны являлись символом высокого социального статуса их обладателя. Поэтому весьма вероятно, что подобные вещи могли быть получены военачальниками южноуральских кочевников в качестве трофеев или подарков за службу их отрядов в ахеменидской армии (Савельева Т. В., Смирнов К. Ф., 1972; Мошкова М. Г., 1981, с. 184).

Но основная часть дорогих импортных вещей, в том числе ювелирных изделий и металлических сосудов, попадала к сарматам путем обычной торговли через два самых крупных города Азиатского Боспора — Танаис, «самый большой после Пантикапея эмпорий варваров» (Страбон, VII, IV, 5), и Фанагорию. Недаром в Фанагории существовала группа аланских переводчиков, во главе которой в 208 г. н. э. стоял Ирак (Шкорпил В., 1911, с. 113). Значение

Танаиса как торгового центра было чрезвычайно велико. Страбон неоднократно упоминает об этом, а в XI книге своей «Географии» дает подробное описание города. Танаис, по его словам, служил «общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для плывущих с Боспора по озеру (Азовскому морю); первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» (Страбон, XI, II, 3). Транзитной торговлей занимались и сами сарматы. Так, верхние аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев»; «вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения» (Страбон, XI, V, 8).

Какая-то часть импортных вещей могла попадать к сарматам и в качестве дани, налагаемой на торговые караваны, проходившие через их территорию. Подобную ситуацию можно предполагать для римского и восточного импорта, обнаруженного в позднесарматских погребениях Лебедевского могильника в западном Казахстане (Мошкова М. Г., 1982 с. 85, 86). С помощью сарматов римский и восточный импорт поступал к северным лесостепным и лесным племенам. Достаточно вспомнить бронзовые ковши из Ахтиала и Ныргынды (Прикамье) и чашу из знаменитого Андреевского кургана (район г. Саранска).

Говорить о существовании у сарматов денежного обращения не приходится. Однако на территории нижнего Поволжья известны случайные находки монет. Активным сбором их от населения и регистрацией занималась Саратовская архивная ученая комиссия. В середине 20-х годов одним из членов ее, Б. В. Зайковским, была опубликована монетная летопись Нижневолжской обл., включившая все монеты, известные комиссии от Дона до Урала (Зайковский Б. В., 1926). Тогда же А. Н. Зограф, используя эту летопись, составил список достоверных и определенных монет и передал его в секцию нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры. В этом списке значатся 14 определенных мест и 2 «случая с легким сомнением в достоверности места находок», в том числе 9 — на правом берегу Волги, примерно от широты Волгограда до Саратова, и 7 — на левом, главным образом на притоках Волги Торгун, Еруслан и Тарлык, а также в бассейне Ахтубы и на водоразделе Волги—Урала. Основная масса монет относится ко II—III вв. н. э., хотя на правом берегу найдены сицилийская монета V в. до н. э., сиракузская III в. до н. э. и ольвийский борисфен (330—240 гг. до н. э.), остальные — I—IV вв. н. э. греческого, римского и боспорского чеканов. С левого берега известны: борисфен, пантикопейская монета, денарий времени Республики и римские монеты I—IV вв. н. э. На левом же берегу, в верховьях Еруслана, обнаружен клад, состоявший из 8,5 фунтов серебра (около 850 монет) и 5 золотых монет. Экземпляры, определенные А. Н. Зографом, принадлежали римскому чекану, начиная с Гордиана III (238—244) и кончая Галерием (293—311 гг. н. э.). Юго-восточнее по Деркулу и Чегану в районе г. Уральска найдены 5 парфян-

ских монет I в. до н. э. — I в. н. э. Орода I, Готарза II и Фраата III.

Последние годы принесли две интереснейшие находки монет в погребениях. В богатой женской могиле среднесарматского времени у хут. Алитуб (левый берег нижнего Дона) найдены три медные боспорские монеты конца I в. до н. э. (Засецкая И. П., Лагодский К. С., Маловицкая Л. Я., 1972, с. 125). Еще две медные монеты оказались также в среднесарматском погребении в южной степной части Башкирии (с. Иштуганово). Одна из них понтийская (105—90 гг. до н. э.), вторая пантикапейская (73—63 гг. до н. э.). На основании инвентаря и монет погребение датировано второй половиной I в. до н. э. — I в. н. э. (Кропоткин В. В., Обыденков М. Ф., 1985, с. 242—246).

Как видим, наибольшее количество монет приходится на среднесарматский период, главным образом I в. н. э., и расцвет позднесарматского, II—III вв. н. э., т. е. время наиболее интенсивных связей сарматов с городами-колониями Северного Причерноморья и юго-восточными соседями (парфянские монеты).

Об общественных отношениях у савромато-сарматских племен письменные источники сообщают нам чрезвычайно мало сведений, и реконструкция их возможна только с привлечением косвенных данных, в том числе и археологических. Формы социальной организации у всех евразийских кочевников, в том числе и у савромато-сарматов, сходны: она покоится на родо-племенной основе. Племя, осознававшее себя этнической общностью (Хазанов А. М., 1975, с. 119, 120, 129), как и в Скифии, являлось основной общественной единицей, выполнявшей функции административно-политические и военные. Как и все древние кочевники, савромато-сарматские племена находились на стадии разложения первобытнообщинного строя и переживали эпоху классового образования. Однако в зависимости от времени и места степень и глубина происходивших в обществе социальных процессов были различны.

В савроматское время (VI—IV вв. до н. э.) как в Приуралье, так и в нижнем Поволжье происходит становление первых союзов племен, объединений непрочных, но достаточно мощных и воинственных. Во всяком случае в V в. до н. э. во время войны скифов с Дарием савроматы выступают как союзная скифам самостоятельная группировка. В основном это были, видимо, военные соединения нижневолжских племен, объединенных или подчиненных наиболее крупному и сильному племени савроматов, от имени которого получили название все кочевники, жившие между Доном и Волгой.

О существовании достаточно глубокой социальной и имущественной дифференциации уже в савроматское время свидетельствует появление больших курганов со сложными надмогильными сооружениями и богатыми погребениями воинов, сопровождавшихся нередко захоронениями коней и подчиненных лиц. Это были могилы военных вождей, погребенных не только с полным набором оружия, дорогими импортными вещами, но иногда даже с атрибутами власти, например, с бронзовым навершием-булавой (Пятимары I, курган 8; Смирнов К. Ф., 1964а, рис. 26, 1а). Письменные источники донесли до нас сведения

об очень интересной особенности савроматского общества, поражающей воображение греков, а потому неоднократно ими описанной. Она заключалась в особом положении женщины, которая принимала участие в общественной жизни, отправлении культов и даже войнах. В некоторых женских могилах действительно находят каменные жертвенники, оружие, вещи в зверином стиле и т. д. Намек на матрилокальность брака у савроматов содержится и в легенде об их происхождении, где сказано, что скифские юноши переселяются в стан амазонок. Все эти факты позволили исследователям говорить о пережитках матриархата у савроматов или, точнее, о сохранении у них материнского счета родства (Граков Б. Н., 1947в; Смирнов К. Ф., 1964а; Хазанов А. М., 1970), признаки которого полностью исчезают в раннесарматский период (IV—III вв. до н. э.). С этого времени сарматское общество становится патрилинейным, как и у всех окружающих его народов.

В IV в. до н. э. в южном Приуралье савроматскую культуру сменяет прохоровская, в формировании которой, помимо местного, «савроматского», населения, приняли участие пришлые племена из Зауралья, Казахстана и, возможно, Приаралья. В социальной и политической жизни сарматского общества происходят серьезные изменения. Возросшая плотность населения южноуральских кочевников привела к первой массовой миграции, которая стала возможной только благодаря более тесной консолидации племен, т. е. внутривополитической перегруппировке сил и созданию мощных племенных союзов. Переселение большей части южноуральских кочевников в нижнее Поволжье не было, разумеется, мирным и, несомненно, способствовало выделению и усилению слоя военной аристократии, для которой война становится профессиональным занятием. Так называемые сарматские клады III—I вв. до н. э., разбросанные по всей степи от Урала до Днепра, в большинстве случаев также являются захоронениями воинов-дружинников с богатым набором оружия и конского снаряжения. Топография их отражает пути и характер расселения сарматов в степях Северного Причерноморья. Кроме нижнего Поволжья, Предкавказья и Северного Причерноморья, отряды сарматов устремляются на юго-восток, где часть их вливается в кочевые орды, сокрушившие греко-бактрийское государство, а часть расселяется на окраинах цветущих оазисов.

Продвижение и соприкосновение сарматов с греко-римскими оседлыми земледельческо-торговыми и ремесленными центрами ускорило в среде этой части кочевников процессы классового формирования. Возможно, некоторые из сарматских племен, в частности населявшие Прикубанье, могли эпизодически входить в состав Боспорского или Синдского государств. И, напротив, отдельные земледельческие племена, например меоты, могли быть включены в качестве подчиненного населения в состав сиракского союза. Некоторые исследователи допускают даже возможность возникновения у сираков примитивного варварского государственного объединения, существовавшего короткое время (Хазанов А. М., 1971, с. 83; Десятчиков Ю. М., 1974). Однако все эти объединения и союзы были непрочно и нестабильны, поскольку создавались обычно в военно-политиче-

ских целях для ведения далеких и продолжительных походов, войн, совершения набегов, участия в распрях соседних государств, а потому рассыпались также быстро, как и возникали, не имея в своей основе почти никакой экономической базы.

Надо заметить также, что статус участников этих объединений или союзов племен, по-видимому, не был равноправным. Господствующее племя, которому подчинялись или от которого находились в какой-то зависимости остальные партнеры, давало название и всему объединению — так было с савроматами, языгами и роксоланами, сираками и аорсами, а впоследствии и с аланами. В отношении последних этот процесс очень подробно описал в «Истории» Аммиан Марцеллин: аланы «мало-помалу постоянными победами изнуряли соседние народы и распространяли на них название своей народности, подобно персам»; «с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение» (Ам. Марцеллин, XXXI, 13, 17). Собственно аланы «высоким ростом и красивы, светловолосы, быстры в движениях, внушают страх (сдержанно-грозным взглядом)» (там же, XXXI, 21). Подвижность, воинственность, частые перемещения кочевников способствовали созданию этнической неоднородности племенных объединений. Поэтому вряд ли общность интересов не только племенных, но даже родовых коллективов строилась на базе кровного родства, скорее, это были новые социальные организмы, облаченные в старые формы родовой структуры, которая подкреплялась и освещалась реальной или мнимой традицией происхождения от одного предка. Однако окружающим миром савромато-сарматы воспринимались как нечто единое, монолитное, под одним именем, принадлежавшим, как правило, наиболее многочисленному, богатому и господствующему племени.

Если уровень общественных отношений у отдельных сарматских племен, расселенных на бескрайних степных просторах Евразии, мог быть неодинаковым, то религиозные представления и культы у всего кочевого массива савромато-сарматов практически были едиными. Различались лишь формы, в которых нашли выражение эти представления.

Для суждения о них мы не располагаем письменными источниками, которые являются наиболее информативными по данным вопросам. Поэтому приходится довольствоваться анализом погребального обряда описываемых племен и сведениями о религии соседних народов.

Ираноязычие савромато-сарматов, а также культурно-исторические традиции, присущие всей индоевропейской общности, дают возможность сравнивать их религию с религией скифов, саков и других древнеиранских племен. Наиболее лаконичное определение скифской религии, которое можно применить и к савромато-сарматской, принадлежит В. И. Абаеву. Он рассматривает ее как типичный образец древних родо-племенных культов дозорострийского Ирана и относит к разряду «естественных», поскольку скифские боги олицетворяли силы природы (небо, земля) и социальные категории (очаг, война) в противоположность зороастризму, где божества отражали абстракции: «Добрая мысль»,

«Власть», «Бессмертие» и т. д. (Абаев В. И., 1962, с. 447).

Возможно, пантеон божеств восточного южно-уральского массива савромато-сарматских племен был ближе по своему составу и сущности сако-массагетскому, чем скифскому (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 251). Однако это предположение не отрицает возможности сравнения и частичной реконструкции религиозных представлений савромато-сарматских племен по аналогии со скифскими. По сведениям Геродота, в состав скифского пантеона входили семь божеств (что вообще характерно для религиозных систем индоиранских и других индоевропейских народов), во главе которых стояло женское божество Табити. Можно думать, что пантеон сарматов также насчитывал семь божеств, так как культ семи богов засвидетельствован и у аланов. По сведениям анонимного автора Перипла Понта Эвксинского (V в. н. э.), г. Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ардавада», что значит «Семибожий» (Абаев В. И., 1962, с. 446). Наименование города «Семибожий», по мнению В. И. Абаева, говорит о том, что культ семи богов занимал центральное место в религии алан. Он вообще был прочной религиозной традицией скифо-сарматских племен, прослеживаемой от геродотовских скифов через алан до современных осетин (Абаев В. И., 1962, с. 446, 450). Но если Геродот (IV, 59) перечислил все семь скифских божеств и в пяти случаях дал их греческие и местные имена, то в сарматском, вернее аланском, пантеоне нам известно имя лишь одного божества Марса, сопоставимого со скифским и греческим богом войны Ареем. Как и в отношении скифов, древние авторы описали культовые церемонии алан, связанные только с этим божеством, что свидетельствует об особом и очень важном месте культа оружия в религиозных представлениях сарматов. «У них (аланов. — М. М.) не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу — покровителю стран, по которым они кочуют» (Ам. Марцеллин, 31, 2, 23). Из приведенного отрывка явствует, что бог войны «бурный Арей номадов» (боспорская эпитафия II—I вв. до н. э. — КБН, № 120) * являлся также охранителем племенной территории, а символом или кумиром его, как и у скифов, выступал меч. Имеется еще одно свидетельство Климента Александрийского о почитании меча персами, мидийцами и савроматами (ВДИ, 1948, 2, с. 281). Однако в противоположность скифам (Бессонова, 1983, с. 48; 1984, с. 7, 8) в савромато-сарматских могилах практически не встречается оружия в «рабочем положении» (соответствующем его положению при культовых церемониях), т. е. воткнутым в землю или поставленным острием вниз, реже — вверх, которое можно рассматривать как подтверждение и проявление культа оружия. Большой интерес вызывает лишь одно погребение или кенотаф V—IV вв. до н. э., обнаруженное на правом берегу нижнего Дона. Вход из могильной ямы в одну из ниш, содержавших кости животных и инвентарь, был закрыт тремя вертикально воткнутыми копьями

(Максименко В. Е., 1984, с. 167). Никаких других божеств савромато-сарматского пантеона мы не знаем. Ничего не известно и о верховном божестве. Но роль скоро женщина в сарматском обществе занимала высокое положение, а общественный строй савроматов вообще характеризуется Псевдо-Скилаком как «гинекократия», т. е. власть женщин, есть все основания думать, что во главе савромато-сарматского пантеона, как и у скифов, стояло женское божество (Абаев В. И., 1962, с. 449).

Вероятно, функционально сарматское женское верховное божество было ближе всего к образу скифской Табити в толковании Д. С. Раевского. Он рассматривает ее как божество огня во всех его проявлениях, включающее, кроме домашнего очага, жертвенный огонь, огонь небесный, в том числе солярный (Раевский Д. С., 1977, с. 92). Поэтому с поклонением именно верховному божеству может быть связан и культ огня, оставивший в погребальном обряде савромато-сарматских племен наиболее явные следы. Но не исключена, правда, и возможность поклонения огню как одной из обожествленных стихий, что вообще характерно для индоевропейской и индоиранской традиций (Бессонова С. С., 1983, с. 29). В письменных источниках имеется лишь одно прямое указание в отрывках сочинений Нимфодора Сиракузского (III в. до н. э.) на поклонение огню сарматами, где сказано, что «савроматы» (сарматы) почитали огонь (Смирнов К. Ф., 1975а, с. 155). Судя по археологическим источникам культ огня у евразийских сарматов, особенно в савроматское время, имел самые разнообразные формы проявления. Особенно яркие следы его сохранились в южном Приуралье, где известны, правда, немногочисленные случаи трупосожжения, совершенные обычно на древнем горизонте (одно трупосожжение обнаружено в нижнем Поволжье — Синицын И. В., 1954, с. 85). Наибольший интерес представляют два кургана с трупосожжениями, исследованные на северо-востоке Оренбургской обл. (I и III Аландские группы — Мошкова М. Г., 1961, с. 119—122; 1972а, с. 62—67). В обоих случаях под насыпью курганов на древнем горизонте возводилось какое-то сооружение, скорее всего бревенчатый помост, на который укладывались погребенные и сопровождающий их инвентарь. В одном кургане было похоронено не менее двух человек, в другом — не менее пяти. Здесь же клали части труп жертвенных животных — лошади, барана, иногда в очень большом количестве. Так, в одном из Аландских курганов (№ 6) в самом центре кострища был обнаружен сплошной завал из сильно обожженных костей лошади, барана, коровы и человека. После окончания всех обрядов, связанных с погребальной церемонией, деревянный помост или какое-то другое сооружение обкладывалось огромным количеством веток, жердей, хвороста и поджигалось. Еще не полностью прогоревший костер засыпали земляной или каменной насыпью, которая также носит следы мощного огня (красная прокаленная земля, черные частью ошлакованные камнч).

Археологические материалы показывают, что очень немногие члены савроматского общества удаивались чести быть сожженными. Подобной форме перехода в «неживой» мир должен был соответствовать определенный социальный ранг погребенного:

* Цит. по: Бессонова С. С., 1984, с. 5.

это, в частности, хранительницы культа домашнего очага или огня, отправление которого сосредотачивалось в руках некоторых женщин, игравших роль семейно-родовых жриц. Б. Н. Граков (1947в) и К. Ф. Смирнов (1964а, с. 251) с культом огня связывали каменные жертвенники-алтарики, основная масса которых известна по находкам из женских погребений южного Приуралья. Правда, последние годы они все чаще встречаются в савроматских памятниках правобережья нижней Волги (Кривая Лука). В более позднее время жертвенники в какой-то степени заменили курительницы, получившие широкое распространение на всей территории расселения сарматов. Знаменательно, что в одном из курганов с трупосожжением (I Аландская группа), где сохранились остатки кальцинированных костей двух погребенных, в состав инвентаря входили обломки двух каменных жертвенников, три зеркала, наконечники стрел, сосуды, в том числе каменная чашечка, т. е. аксессуары, связанные с захоронениями «савроматских» жриц. Вероятно, одна или обе покойницы были служительницами культа огня и домашнего очага.

Не менее интересным, но, к сожалению, полностью ограбленным оказался большой курган этой же группы, вокруг насыпи которого была сооружена каменная стена (высотой до 0,6 м), служившая оградой для кольца огня, бушевавшего вокруг кургана. Следы этого мощного огненного кольца оказался слой красной прокаленной местами ошлакованной земли с сохранившимися кое-где остатками угольков. Толщина слоя в некоторых местах достигала 0,6—0,7 м (Мощкова М. Г., 1972б, с. 52—54).

В качестве «святилища» или «храма огня» рассматривал К. Ф. Смирнов сооружение (могильник Шиханы) в виде обнесенной невысоким земляным валом площадки. В центре ее находилась большая яма, заполненная остатками костра. Вокруг ямы располагалось мощное кольцо красной ошлакованной земли. Сооружение это находилось среди насыпей могильника, что говорит об особом месте огненного ритуала в погребальных церемониях савромато-сарматских племен (Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1969).

Но наиболее распространенной и обычной формой проявления культа огня в погребальном обряде являются кострища у краев могильной ямы, на древнем горизонте, иногда прямо на перекрытии могилы (в таких случаях погребенный имел иногда следы обожжения), или отдельные угольки, кучки золы в яме или насыпи кургана. Символами огня служили также кусочки реальгара, охры, серы, все белые вещества — мел, известь, белая глина. Со временем и по мере перемещения по савромато-сарматской территории с востока на запад культ огня в общей массе погребений оставляет все менее заметные следы. Но отдельные случаи достаточно значительного проявления его встречаются и после рубежа нашей эры и далеко на западе в северопричерноморских степях (курган у с. Желобок Ворошиловградской обл. — обожжены вся подкурганная площадь и скелет человека; села Александровка, Соколово — Самаро-Орельское междуречье — пережженная, ошлакованная земля в насыпи кургана — Костенко В. И., 1980, с. 83, 84). Значимость, яркость и разнообразие форм культа огня предполагают все-таки возможность существования этого культа как символа и верхов-

ного божества (отчасти солярного содержания) и обожествленной стихии — солнца. О возможности связи культа огня с поклонением солнцу неоднократно писал К. Ф. Смирнов (1964а, с. 250—255; 1975б, с. 155, 156), сравнивая религиозные представления восточной группы «савроматов» с религией сако-массагетских племен. Относительно же массагетов имеется прямое свидетельство Геродота: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» (I, 216). Почти те же слова можно прочесть и у Страбона, который при описании обычаев массагетов сообщает: «...богом они почитают одно только солнце, и ему приносят в жертву коней» (IX, VIII, 6). В качестве именно таких жертвоприношений следует рассматривать захоронения коней в курганах конца VI—V вв. до н. э. на могильнике Пятимары I (Смирнов К. Ф., 1964а, с. 50, 51, рис. 25). Целый скелет лошади был обнаружен и при погребении очень богатой сарматки (Соколова Могила — I в. н. э.), исследованном на правом берегу Южного Буга (Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 180). Но жертвоприношениями были и части туши коня, нередко находимые в савромато-сарматских могилах и, что особенно важно, в курганах с трупосожжениями. Названный обряд сохранялся на протяжении всей истории сарматов и на всей территории их расселения. В средне- и позднесарматских погребениях это были головы коней, положенные в специальном углублении прямо в могильной яме (могильник Бережновка II; Синицын И. В., 1960, с. 33, рис. 10), на древнем горизонте (села Соколово и Спасское — левобережье Днепра — Костенко, 1980, с. 84) или в ритуальной канавке, окружавшей могилу (с. Корпач — Молдавия, 4 черепа коня — Гроссу В. И., 1979, с. 250, 252, рис. 2).

Помимо культа огня, анализ погребального обряда дает возможность говорить о существовании других культов, совокупность которых и составляет собственно основу религиозных представлений савромато-сарматов.

Наиболее зримо проявляются и более всего связаны между собой погребальный культ и культ предков. Явственно выступающая по археологическим данным забота об умершем члене семейно-родового коллектива свидетельствует о бытовании у савромато-сарматских племен представления о посмертном существовании умершего. С этими представлениями связаны сооружение сложных погребальных камер, напоминающих иногда жилища кочевников (шатровые деревянные перекрытия над могилой), а также снабжение умершего инвентарем, немногочисленным или обильным (в зависимости от положения погребенного при жизни), самого разнообразного характера, отражающего иногда прижизненную деятельность покойника, в том числе общественную (инсигнии власти, жертвенники-алтарики и т. д.). Погребальный культ заключал в себе и представления о взаимоотношениях умершего с живыми. Поэтому наиболее «опасных» покойников надо было как-то нейтрализовать, связав, например, им ноги. Не исключено, что следы именно этого обряда можно видеть в захоронениях, где кости ног погребенного перекрещены в голених. Сооружение же каменных колец, специальных ровиков вокруг могильной ямы или насыпи

кургана и совершение каких-то магических действий во время погребальной церемонии могли ограждать умершего от злых сил (Бессонова С. С., 1983, с. 61). Этому же способствовали всевозможные амулеты, которые оберегали, помогали человеку при жизни и были нужны ему после смерти. В очень богатых могилах, особенно женских, амулеты составляли иногда многочисленные наборы, куда могли входить, например, символы плодородия в самом широком понимании этого слова. Так, в Соколовой Могиле среди 43 экз. амулетов находились статуэтка роженицы, фаллос, перстень с изображением рога изобилия с гроздьями винограда и др. (Ковпаненко Г. Т., 1980, с. 176, 183).

Культ предков, самым ближайшим образом связанный с погребальным культом, заключался в поклонении умершим прародителям и сородичам и совершении умиловительных обрядов, необходимых для обеспечения их покровительства (Токарев С. А., 1964, с. 266, 267). В савроматском и отчасти ранне-сарматском обществе культ предков сохранял некоторые матриархальные черты (центральной место в кургане женской могилы, вокруг которой располагаются остальные захоронения), со временем полностью вытесненные патриархальным культом.

С этим же культом предков-прародительниц связаны и очень условно исполненные меловые антропоморфные статуэтки, появляющиеся уже в ранне-сарматских погребениях Поволжья (Заплавное, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.) и существующие до конца сарматской истории (Городцов В. А., 1907, с. 253, с. 59; Смирнов К. Ф., 1960, рис. 6, 10). Со временем, очевидно, под влиянием традиций античного искусства антропоморфные статуэтки приобретают все более реалистический характер исполнения. Образцом именно таких изображений служат две статуэтки (меловая и костяная), обнаруженные на нижнем Дону в погребениях I Балабинского могильника (табл. 79, 14; Смирнов Ю. А., Узянов А. А., 1977, с. 121, 122). В одном из погребений Усть-Каменского могильника (правобережье Днепра) около черепа ребенка лежала бронзовая фигурка человека, также выполненная достаточно реалистично. Вокруг пояса фигурка была обмотана ремешком с петелькой для подвешивания (табл. 79, 19; Махно Е. В., 1960, с. 37).

Видимо, с почитанием умерших предков связаны и позднесарматские культовые сооружения, исследованные на Лебедевском могильнике. Это были небольшие площадки (диаметр 10—15 м), огражденные невысоким валом, имевшим обычно проход с северной или южной стороны (табл. 73, 14). Большое количество обломков самой разнообразной керамики (включая амфоры), найденной на площадках, говорит о совершении здесь скорее всего умиловительных обрядов. Судя по всему сосуды с дарами (еда, питье) оставляли на площадках открытыми, поскольку никаких следов насыпного грунта на них не обнаружено (Мошкова М. Г., 1984, с. 196—201).

Вещественные остатки погребального ритуала с целым рядом обрядово-магических действий, связанных с различными родо-племенными культами, составлявшими сущность сарматской религии, были обнаружены в очень интересном кургане II в. н. э. у с. Курпач, Молдавия (Гроссу В. И., 1979, с. 250—

255). Несомненно, перед нами захоронение не ординарного члена общества, поскольку ему оказаны многочисленные почести, отражающие связь не с одним, а с несколькими наиболее значимыми и распространёнными культами. Однако расчленить их очень трудно, так как некоторые обряды-церемонии могли составлять неразрывное единство нескольких культов.

Близкие церемонии были совершены при захоронении женщины с разнообразным инвентарем (табл. 75, 35, 39; 82, 58) в кургане у с. Бузовка (левобережье Днепра — Костенко В. И., 1980, с. 83, 84).

Одной из форм выражения идеологии и мировоззрения савромато-сарматских кочевников служил прикладное искусство этих народов, нашедшее выражение в так называемом зверином стиле. Произведения этого стиля, обнаруженные в «савроматских» могилах, — составная часть или локальный вариант чрезвычайно широкого явления, получившего название «скифо-сибирский звериный стиль», который был характерен для всех евразийских кочевников от Подунавья до Тувы и Забайкалья.

Но набор популярных видов животных, сюжетов и особенности стилистического исполнения изображений в зверином стиле на предметах из Северного Причерноморья и Тувы, Средней Азии и Минусинской котловины, бесспорно, отличаются друг от друга. Некоторые различия существуют даже в образцах савроматского звериного стиля, происходящих из южного Приуралья и нижнего Поволжья (см. табл. 66), что полностью соответствует наличию двух локальных вариантов единой савроматской археологической культуры. Подобно скифскому, савроматский звериный стиль представлял собой нерасчленённое единство эстетических, социальных и религиозных начал (Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1976, с. 40).

В савроматский период (VI—IV вв. до н. э.) во время расцвета этого стиля основная масса изображений зверей была связана с предметами воинского быта (уздечные наборы, оружие, нашивные бляшки), которые составляли инвентарь наиболее богатых захоронений. Обладатели таких предметов были, как правило, представителями военно-аристократического сословия, стремившимися всячески подчеркнуть свою обособленность от остальных членов общества. Старались выделить себя и женщины-жрицы, переносные жертвенники-алтари которых и золотые нашивные бляшки одежды украшены изображениями в зверином стиле.

Что касается религиозной сущности звериного стиля, то большинство исследователей считают, что в основе его лежат не тотемические, а магические представления и смысл этих изображений как оберегов-амулетов не вызывает сомнения (Граков Б. Н., 1971а, с. 36; Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1976, с. 45).

Относительно семантики скифского звериного стиля высказаны еще две точки зрения. Согласно первой — зооморфные образы суть изображения богов, составляющих описанный Геродотом пантеон и мыслившихся скифами в облике различных животных (Артамонов М. И., 1961а, с. 83; Членова Н. Л., 1967, с. 128, 129). Согласно второй — образы звериного стиля должны трактоваться не как изображения

скифских богов, а как их символы, за которыми скрываются антропоморфные персонажи скифского пантеона (Раевский Д. С., 1978, с. 69, 70). О семантике савроматского звериного стиля специальных исследований нет. Поэтому, если даже судить о его сущности по аналогии со скифским звериным стилем, трудно отдать предпочтение любой из приведенных точек зрения.

В конце IV—III вв. до н. э. у ранних сарматов нижнего Поволжья и южного Приуралья предметов, выполненных в зверином стиле, практически не встречается. Вновь они появляются в степях нижнего Поволжья и Северного Причерноморья лишь с I в. до н. э., но особенно ярко представлены в памятниках нижнего Дона I в. н. э. Однако мотивы зооморфной пластики и главное — стилистическое исполнение (своеобразная стилизация, широкое использование цветных вставок, яркость колорита и орнаментальность декора — табл. 79, 1—4, 10—12, 16, 17) отличают сарматский звериный полихромный стиль от савроматского. Существуют две точки зрения, объясняющие данное явление. К. Ф. Смирнов видит в этом лишь эволюционный процесс, при котором сарматский звериный стиль восходит к савроматской эпохе (1976а, с. 88). И. П. Засецкая отрицает существование корней сарматского звериного стиля в савроматском искусстве. Появление этого стиля в уже готовом сформировавшемся виде связано, по ее мнению, с новой волной переселения с востока на запад племен иранского происхождения. Основная масса золотых украшений, выполненных в сарматском зверином стиле, относится к I в. н. э., когда судя по письменным источникам в прикаспийских и причерноморских степях появляются аланы. Как считает И. П. Засецкая, они «вполне могли быть носителями этого своеобразного искусства, несущего в себе традиции культуры иранского мира» (1980, с. 54). Последняя точка зрения представляется наиболее реальной.

Одной из интереснейших особенностей исторического развития северопонтийских областей Восточной Европы является взаимодействие и взаимовлияние на протяжении всей эпохи раннего железного века двух миров — античных государств и варваро-кочевников — сначала скифов, а затем сарматов. Однако из двух варварских обществ, скифского и сарматского, воздействие античной культуры значительно сильнее испытало на себе скифское. Античное влияние на сарматов было весьма ограниченным. В VI—III вв. до н. э. в силу географического положения савромато-сарматских племен контакты с греками были опосредованы и осуществлялись в основном через скифов и страны восточного эллинизма (Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1978, с. 78). В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры положение изменилось. Но и тогда античное воздействие на сарматский мир прослеживается главным образом в области изобразительного искусства, в использовании импортированных из греко-римских центров античных изделий и в восприятии сарматами некоторых элементов материальной культуры. Слабость античного влияния объясняется двумя причинами: с одной стороны, падением экономического и политического потенциала античных городов, начавшимся процессом разложения античного рабовладельческого общества, перерождением его культуры,

а с другой — тем, что сами сарматы в силу особенностей своего социально-политического и культурного развития были менее, чем скифы, способны к восприятию этого воздействия (Шелов Д. Б., 1978, с. 84). Напротив, влияние сарматов на античное общество, особенно с первых веков нашей эры, неуклонно возрастало, охватывая все сферы жизни античных обществ — экономические, социальные и культурные. В археологической литературе это явление, замеченное уже очень давно и впервые достаточно четко охарактеризованное М. И. Ростовцевым (1914, 1925), получило название «сарматизации». Наиболее интенсивно данный процесс происходил в Боспорском царстве, особенно в его азиатской части, теснейшим образом связанной с сарматским окружением.

Расселившись между Доном и Днепром, вплотную приблизившись к античным городам, сарматы начинают играть очень большую роль в политической истории Северного Причерноморья и особенно Боспорского царства. Бурные события середины I в. до н. э., когда Митридат Евпатор и боспоряне в борьбе с Римом или в династийных междоусобицах использовали контингенты сарматских отрядов, были переломным моментом, после которого начинается интенсивная инфильтрация варваров, но более всего сарматов, в боспорские города, в частности Пантикапей (Блаватский В. Д., 1964а, с. 135 сл.; Масленников А. А., 1985, с. 73). Следствием этого процесса явились определенные изменения в этническом составе населения боспорских городов, особенно ощутимые в III в. н. э. (Ростовцев М. И., 1914) или во второй половине III—IV в. н. э. (Масленников А. А., 1985). Как считают исследователи, вторая волна переселения в основном представляла собой продвижение части аланских племен к берегам Боспора Киммерийского и далее в Крым (Масленников А. А., 1985, с. 73). Симптоматично, что римский писатель Евсевий (IV в. н. э.) называет жителей Боспора «греко-сарматами» (SC, I, 668). В результате под влиянием постоянных неослабевающих и непосредственных контактов с сарматами происходят значительные изменения в быту, costume, искусстве и религии греческого населения Северного Причерноморья, особенно боспорян, а также в военном, административном деле, социальном и экономическом строе Боспорского царства (Ростовцев М. И., 1914, с. 206; Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 320—384; Жебелев С. А., 1953, с. 202 и сл.; Блаватский В. Д., 1959, с. 30—39; 1964а, с. 135—146; Десятчиков Ю. М., 1974; Шелов Д. Б., 1978).

Инфильтрация сарматского населения в города и сельские поселения Боспора, особенно в его азиатской части, могла происходить отдельными семьями, небольшими группами, в некоторых случаях не исключено передвижение и оседание целых племен. Пример последней ситуации дает история Танаиса, когда судя по анализу ономастического материала в третьей четверти II в. н. э. в население города и окрестностей одновременно влилась значительная ираноязычная группа, по всей вероятности, аланская (Шелов Д. Б., 1974а, с. 90—92). В данном случае переселение, вероятно, носило мирный характер. Но бывало и прямое вторжение сарматов на территорию античных государств. Так, гибель ряда боспорских крепостей Таманского полуострова во II в. н. э.

связана, по-видимому, с сарматской военной экспансией (Шелов Д. Б., 1978, с. 84). Выходцы из местных варварских племен входили во все слои населения античных государств и занимали нередко весьма видное социальное положение.

Одним из наиболее глубоких проявлений сарматизации античного общества явилось утверждение на Боспоре царской династии Асандра-Аспурга иранского, скорее всего сарматского происхождения (Ростовцев М. И., 1914; Блаватский В. Д., 1964а, с. 143; Десятчиков Ю. М., 1974, и др.). В пользу данного предположения говорит и одно из имен боспорских царей — Савромат, являющееся сарматским племенным наименованием. В этой связи заслуживает внимания гипотеза Я. Харматты. Он предполагает, что в местной херсонесской хронике, возникшей не позже V в. н. э., имя Савромат было общим для боспорских царей (Харматта Я., 1967, с. 205, 206). Утверждение местной варварской династии на Боспоре явилось, несомненно, следствием сарматизации, но одновременно и катализатором, который активизировал и ускорил этот процесс.

Немаловажным доказательством сарматского происхождения боспорской династии первых веков нашей эры служит наличие у ее представителей именных тамгообразных знаков (известных в литературе как сарматские), равнозначных, видимо, имени царя вместе с его титулом. Такое истолкование, выдвинутое впервые В. В. Латышевым (1892) и поддержанное рядом исследователей, основывалось на встречаемости этих знаков совместно с греческой надписью не частного, а общественного характера или на знаках, нанесенных на специально для него сделанную плиту, вмонтированную, например, в крепостную стену Танаиса. Большинство таких плит найдено на Кубани и в Танаисе, т. е. на окраинах Боспорского царства, где процент местного населения, в том числе сарматского, был особенно велик и где боспорские цари всячески стремились подчеркнуть местный характер правящей династии (Соломоник Э. И., 1959; Блаватский В. Д., 1964а; Шелов Д. Б., 1966). Помимо специально изготовленных плит, сарматские тамгообразные знаки встречаются на грубо обработанных плитах, вторично использованных предметах (архитектурных деталях, скульптуре, греческих надгробиях), на стенах пещер и склепов. Они отличаются массовостью нанесенных на них разнообразных знаков, в том числе и царских, а также отсутствием греческих надписей. В противоположность первым, сосредоточенным преимущественно на Боспоре, они встречаются на территории всего Северного Причерноморья и, как считает Э. И. Соломоник, были распространены среди широких масс населения и носили коллективный характер (Соломоник Э. И., 1959, с. 28). Наиболее значительной группой памятников с сарматскими знаками являются также всевозможные бытовые вещи — зеркала (табл. 80, 42, 44—47), котлы, керамика, украшения, предметы уздечных наборов и т. д. Большинство знаков наносилось при изготовлении предметов, но изредка они процарапывались на готовом изделии, обычно на керамике.

Можно думать, что знаки, процарапанные на готовых предметах, могли быть знаками собственности или определяли общественное положение владельца вещи.

Восточное происхождение тамг Северного Причерноморья общепризнанно. Появление их должно восходить к племенам древних кочевых скотоводов, у которых клеймение скота практиковалось издавна. «Метки» служили знаком собственности, ограждая исключительное право владения на этот скот. В последние годы стали известны новые материалы и новые исследования, подтверждающие связь знаков с древними скотоводческими кочевыми племенами, оставившими наскальные изображения (множество знаков, подобных северопричерноморским, обнаружено в горах Монгольского Алтая — Гоби-алайский аймак) и давшими начало кочевым династиям Хорезма и Согда. На монетах этих династий не позднее II—I вв. до н. э. вместо монограммы, а иногда наряду с ней, возникает изображение тамг (Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А., 1976, с. 69 и сл.). Можно думать, что какая-то часть восточнотуркестанских и среднеазиатских кочевников волилась в сарматские орды и передала им традиции изображения некоторых знаков. Сарматы же донесли эти тамги-знаки до Северного Причерноморья, среди населения которого они получили широкое признание. Однако, несмотря на активно шедший процесс сарматизации, заметный во всех сферах жизни северопричерноморских колоний, государственным по-прежнему оставался греческий язык, заимствованный, по-видимому, и верхушкой местного населения. Об этом можно судить по надгробным стелам и эпиграфическим памятникам.

Краткий очерк эволюции сарматской археологической культуры и их более чем тысячелетней истории показал, сколь велика была роль этого кочевого массива ираноязычных племен в древней истории Евразии.

После гуньского нашествия какая-то часть сарматов волилась в состав раннесредневековых кочевников, занявших степи Евразии, часть ушла с ними далеко на Запад. Осколки южноуральских сарматских племен передвинулись на север в лесостепные, а возможно, и в южные лесные районы, занятые местным финно-угорским населением, и в качестве одного из этнических компонентов, вероятно, очень незначительного, приняли участие в формировании населения раннесредневековых культур этих районов (Матвеева Г. И., 1969).

Предкавказские аланские племена откочевали в предгорные и горные районы, создав там совместно с аборигенами знаменитую Аланию, просуществовавшую вплоть до XII в. Какая-то доля алан обосновалась в Подонье, где оставила так называемую салтово-маяцкую культуру. Некоторые уцелевшие европейские сарматы осели среди жителей северопричерноморских колоний, другие, видимо, были ассимилированы полиэтническими черняховскими племенами, вместе с которыми могли принять очень ограниченное участие в этногенезе древних славян.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Скифы, меоты, сарматы и другие племена на Северном и центральном Кавказе

Глава шестая
Скифы на Северном Кавказе

Глава седьмая
Меоты и другие племена
северо-западного Кавказа
в VII в. до н. э.— III в. н. э.

Глава восьмая
Кобанская культура Кавказа

Глава девятая
Центральный Кавказ в сарматскую эпоху

Глава десятая
Дагестан и юго-восточная Чечня
в скифо-сарматское время

Заключение

Глава шестая

Скифы на Северном Кавказе

Северный Кавказ вошел в историю скифов прежде всего как путь в Переднюю Азию (Геродот, IV, 12). Маршруты скифских походов через Кавказ в страны Переднего Востока, их направленность и характер взаимоотношений скифов с местными племенами наиболее полно отражены в исследованиях Е. И. Крупнова и В. Б. Виноградова (Крупнов Е. И., 1954б, с. 186—194; 1960, с. 54—75; Виноградов В. Б., 1964; 1972, с. 11—17). По мнению Е. И. Крупнова, скифы прошли четыре маршрута: по Меото-Колхидской дороге, через Мамисонский перевал, через Дарьяльский и Дербентский проходы, причем последний он считал основным. Археологическим подтверждением этих путей, по мнению исследователя, являются находки здесь вещей скифского типа. Пребывание скифов на Северном Кавказе, во всяком случае в период их походов, ученый считал вполне реальным фактом.

Поддержав полностью Е. И. Крупнова в вопросе о четырех путях скифского вторжения, В. Б. Виноградов обосновал целесообразность выбора Дербентского прохода в качестве пути для первого похода скифов, совершенного ими в VII в. до н. э., а также менее интенсивное и более позднее использование остальных перевалов. Развивая осторожное высказывание Е. И. Крупнова о возможном участии местных северокавказских племен в скифских походах, В. Б. Виноградов полагает, что это было многоплеменное движение, центром которого являлись скифы Причерноморья, а к ним по мере их продвижения присоединялись вооруженные отряды из жителей лесостепи, савроматов и кавказцев. Последнее положение об участии в походах скифов кобанского населения Северного Кавказа требует более основательной аргументации. В настоящее время оно выглядит малоубедительным и не подкрепленным археологическими источниками.

Что касается присутствия скифов в степном и равнинном Предкавказье, то В. Б. Виноградов допускает его наряду с присутствием здесь савроматов, которым он отдает явное предпочтение, считая, что савроматские кочевья в VII—V вв. до н. э. смыкались с владениями аборигенов Северного Кавказа, в то время как скифы только прошли через Кавказ в VI в. до н. э., а возвращаясь в начале VI в. до н. э., оставили лишь отдельные орды, вскоре ассимилированные местным населением (Виноградов В. Б., 1972, с. 10—80). Правда, в последней работе он присоединился к тем исследователям, которые считают, что скифское присутствие на Северном Кавказе в VII—VI вв. до н. э. было постоянным (Виноградов В. Б., Дударев С. Л., 1983, с. 49).

На Северном Кавказе имеются два основных района, археологические памятники которых могут быть связаны со скифами: среднее Прикубанье и степное

Ставрополье. В конце XIX — начале XX в. в Прикубанье были открыты памятники, содержавшие первоклассные предметы раннескифской культуры (Келермесские, Костромской и Ульские курганы). Единого мнения об этнокультурной принадлежности этих памятников пока нет. Одни ученые относят их к скифам (Н. И. Веселовский, М. И. Ростовцев, А. А. Иессен, К. Ф. Смирнов, Е. И. Крупнов, А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская и др.), другие к меотам (Н. В. Анфимов, Б. Н. Граков и др.) или к киммерийцам (М. И. Артамонов). В значительной мере такая разница мнений объясняется скудостью и разноречивостью сведений древних авторов о Северном Кавказе. Наиболее древнее историческое предание знало азиатскую часть Скифии (Ростовцев М. И., 1925, с. 17 сл.). Гекатей (отрывки), Гелланик (фр. 92), Эсхил (ст. 729—761) локализуют, хотя и недостаточно четко, часть скифских племен вблизи Кавказа. Однако авторы V—IV вв. до н. э., давшие наиболее полную картину жизни скифов и их расселения, ограничивают Скифию на востоке Доном, что послужило одним из наиболее веских аргументов для ряда ученых при локализации скифов в пределах только европейской части степей Причерноморья (Граков Б. Н., 1947г, с. 10; 1971а, с. 13—22; Граков Б. Н., Мелюкова А. И., 1954, с. 39 сл.; Яценко И. В., 1959, и др.). Однако еще М. И. Ростовцев пытался объяснить факт незнания авторами V в. до н. э. азиатской части Скифии, с одной стороны, большой близостью ионийцев к району Ольвии, с другой — перемещением главного фокуса скифской государственности и культуры в то время в степи между Днестром и Доном. Наиболее определенно размещают скифов в степях Предкавказья авторы первых веков нашей эры. Так, Страбон (VI, 2) пишет, что между Каспийским морем и Танаисом обитают скифы и сарматы, по большей части кочевники. Диодор Сицилийский (II, 43), сведения которого восходят к более ранним ионийским источникам (Ростовцев М. И., 1925, с. 115—116), расселяет скифов в начальный период их истории в горах до Кавказа и в низменности между Каспийским и Азовским морями. Близкую версию дал Плиний (VI, 22). Исследование перечисленных сведений позволило ученым (Хазанов А. М., 1975, с. 204 сл.) показать, что версии Геродота и Диодора не противоречат, а дополняют друг друга в схеме реконструкции начальной истории скифов. Этот период охарактеризован ими как период миграции, связанный со становлением кочевого скотоводства. Первый этап скифского продвижения в Европу датируется исследователями не позднее VII в. до н. э. и локализуется в районах нижнего Дона и Предкавказья. Завоевание Северного Причерноморья было следующим этапом этого движения (Мачинский Д. А., 1971, с. 30 сл.; Лесков А. М., 1975; Хазанов А. М.,

1975, с. 214 сл.). Иной точки зрения придерживается В. Ю. Мурзин, считающий продвижение скифов в степи Северного Кавказа вторым этапом раннего периода их истории, произошедшим после появления скифов в начале — середине VII в. до н. э. в причерноморских степях. Второй период, датируемый ученым серединой — концом VII в. до н. э., знаменуется установлением скифской гегемонии в Передней Азии и уходом значительной части скифского населения Северного Причерноморья в степи Северного Кавказа и на территорию Передней Азии (Мурзин В. Ю., 1984, с. 104).

Наиболее древние археологические памятники скифской культуры на Северном Кавказе впервые были выявлены А. А. Иессеном (1953). Он отнес к ним Ставропольский курган 1924 г. и находку у хут. Алексеевский, датировав их второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. Рассмотрев эти материалы на фоне памятников VIII—VII вв. до н. э. типа Новочеркасского клада и отметив их близость, А. А. Иессен высказал предположение, что уже в «создателях памятников VIII—VII вв. до н. э., которые известны в степном Предкавказье и в степных районах Северного Причерноморья, мы можем видеть как предков скифов VI в. до н. э., так и киммерийцев» (1953, с. 130). Впервые памятники VIII—VII вв. до н. э. в степном Предкавказье определенно были отнесены к скифам В. А. Ильинской (Ильинская В. А., 1966а, с. 61).

Следующий шаг в развитии этой гипотезы был сделан А. М. Лесковым, который отнес памятники типа Новочеркасского клада к древнейшим скифам, формирование культуры которых происходило, по его мнению, в Волго-Донском междуречье и Предкавказье (Лесков А. М., 1981, с. 100 сл.).

Ставрополье

На Ставрополье раскопки были начаты в 1910 г. на севере края (ОАК за 1909—1910 гг., с. 157—160). Но вплоть до 1973 г. они носили спорадический характер. Сведения об известных к началу 70-х годов курганных могильниках и отдельных курганах, расположенных как на Ставропольском плато, так и в равнинных районах Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, которые могут принадлежать степным кочевникам, собраны и проанализированы в работе В. Б. Виноградова (1972, с. 34—38). Позже им был раскопан еще ряд курганных погребений в равнинной части Чечено-Ингушетии, из которых для нашей темы наибольший интерес представляет курган VII—VI вв. до н. э. у хут. Степной Гудермесского р-на (Виноградов В. Б., 1974, с. 258 сл.).

Первые систематические раскопки памятников скифской культуры на Ставропольском плато были проведены в 1973—1980 гг. на могильнике VII—VI вв. до н. э. у хут. Красное Знамя в районе с. Александровское (Петренко В. Г., 1983). В 1975 и 1985—1986 гг. раскопаны четыре кургана у с. Новозаведенное Георгиевского р-на (Кореняко В. А., 1976; Петренко В. Г., 1986) и в 1984 г. Н. А. Охонько — курган на юго-западной окраине г. Ставрополя. Ряд предметов скифской культуры, найденных при случайных обстоятельствах, хранится в Ставро-

польском, Кисловодском и Пятигорском историко-краеведческих музеях (Минаева Т. М., 1956).

Скифские погребальные памятники VII—VI вв. до н. э. в равнинной части северо-восточного Кавказа и на Ставропольском плато представлены небольшими курганными могильниками и отдельными курганами с погребениями в основном представителей всадничества. Наиболее выразительным памятником является Краснознаменский курганный могильник из девяти насыпей с захоронениями воинской аристократии. Курган 1 этой группы может быть причислен к разряду царских. Его высота в древности достигала 14—15 м, диаметр 70 м. Он был окружен рвом 25-метровой ширины, глубиной 3,5 м. К разряду могил высшей аристократии следует относить курган 1984 г. на юго-западной окраине Ставрополя и курган 2 группы II у с. Новозаведенное.

Курганы насыпали обычно из земли, выбранной вокруг них, за счет чего образовались рвы, окружающие насыпь. В большинстве случаев насыпи имели на поверхности каменный панцирь, который покрывал и внутреннюю стенку рва вокруг кургана, что предотвращало осыпание земли и создавало видимость большей монументальности. Царский курган возводился в несколько приемов, при этом использовался как грунт из рва, так и камни, привозившиеся из каменоломен за 2—3 км, плетни, камыши и какие-то еще растительные материалы, не поддающиеся определению. В кургане 2 группы II у с. Новозаведенное хорошо прослежена тризна в виде остатков костров вокруг выкида и костей коз (преимущественно челюстей). В других случаях — это отдельные обожженные участки и небольшие скопления костей животных и керамики. Видимо, к тризне относится и череп оленя, найденный над могилой в кургане 7 у хут. Красное Знамя.

Обычно курган насыпали над одной могилой; в тех случаях, когда курганы использовались неоднократно, насыпь возводили после совершения последнего захоронения, а до этого могилы какое-то время стояли незасыпанные, окруженные оградами из камня или плетня или плетнем и каменной стеной — крепидой.

Погребальные сооружения возводили как на древнем горизонте, так и в ямах. В ямах площадью 25—80 кв. м устраивали и каменные гробницы (табл. 85, 5), и деревянные (табл. 85, 3), а иногда сочетали оба материала. Эту группу сооружений объединяют две детали устройства могил: 1) западная часть дна их выделялась с помощью ступеньки и на ней совершали захоронение коней, иногда погребение коня отгораживали деревом; 2) выкид из ямы укладывали вокруг нее кольцом, и яма с выкидом перекрывалась камышом, а затем уже насыпали курган.

На уровне погребенной почвы строили обычно обширные каменные гробницы, в конструкции которых входило и дерево, главным образом для перекрытия. Так, южная могила кургана 1 у хут. Красное Знамя представляла собой каменную гробницу площадью около 50 кв. м, стены которой составляли вкопанные вертикальные плиты высотой 2,5 м. Внутренняя поверхность стен и коридора была обмазана слоем светлой глины. Деревянная с каменным покрытием крыша гробницы опиралась на деревянные столбы, поставленные у стен, стенку внутренней перегородки

и каменную колонну в центре. Выход обрамляли две каменные колонны. Для повторных захоронений к основной гробнице пристраивали камеры или отдельные входы. Входы имели вид более или менее длинного коридора с каменными стенами, перекрытого деревом (табл. 85, 2).

Характерной чертой ритуала наземных погребений являлось очищение огнем путем обожжения погребальных сооружений. Кроме того, несколько раз на уровне погребенной почвы были зафиксированы следы костров — как у входов в погребальное помещение, так и на свободной площади. Под насыпью кургана 1 у хут. Красное Знамя открыт храмово-погребальный комплекс. Система концентрических кругов из плетней, заключающих внутри гробницы, которая замыкалась каменной стеной-крепидой, по-видимому, отражает солярную символику погребального культа. Она дополнялась астральными символами на предметах погребальной обстановки и уникальным культовым сооружением (цв. табл.). Последнее представляло собой храм огня, построенный согласно канонам иранской храмовой архитектуры. В плане это квадрат в квадрате. Внутреннее помещение имело у основания квадратную глинобитную платформу с северной стороны, а с южной большая часть стены его была выдвинута вперед. Между наружным и внутренним помещениями имелся узкий обводной коридор. Стены внутреннего помещения были сложены из каменных плит, а внутренняя часть его оказалась засыпанной землей. На ней в центре стоял каменный корытообразный жертвенник, на котором разводили огонь. От земли жертвенник отделяли две каменные плиты, положенные одна на другую. Стены наружного помещения были тщательно обмазаны глиной, а с севера и юга имели следы окрашенности красной краской.

Изучение данного сооружения, описанных выше элементов культа приводит к выводу, что религия людей, оставивших этот и близкие ему могильники, была религией огнепоклонников, в значительной степени адекватной религии иранских племен Переднего Востока, несшей в своей основе существенные элементы зороастризма.

К сожалению, почти все курганы столь основательно разграблены, что антропологические наблюдения и даже определение пола и возраста удалось произвести только в нескольких случаях. Не знаем мы обычно и позу погребенных. С уверенностью можно говорить лишь о преобладании обряда трупоположения и о том, что встречается вытянутое положение костяков, ориентированных головой на запад и юго-юго-восток. Судя по инвентарю большинство курганов было насыпано над захоронениями воинов-всадников, иногда они сопровождались женскими погребениями. Один раз отмечено основное и единственное погребение ребенка 10—12 лет (судя по остаткам инвентаря — мужского пола) и два раза — погребения женщин. Наличие нескольких погребальных камер под одной насыпью, дополнительных входов в могилу свидетельствует о том, что некоторые курганы были семейными усыпальницами.

Из-за ограблений полный набор предметов, сопровождавших погребенных, неизвестен: можно отметить только категории инвентаря, положенного в могилы. Из оружия — это мечи, копья, стрелы, пан-

цири и шлемы, из бытовых предметов — ножи, иглы, из украшений — бусы гешировые, янтарные и изредка стеклянные, нашивные золотые бляшки и пуговицы, из посуды — глиняные корчаги, кувшинчики, миски, горшки, бронзовые ситупообразные котлы с зооморфными ручками, чаши, деревянный сосуд с золотыми накладками. Заупокойную пищу составляли части туш крупного и мелкого рогатого скота и лошади.

Наиболее сохранившимися от разграбления оказались только участки могил с захоронениями коней (табл. 85, 3, 4). Судя по ним в могилу клали как верховых взызданных коней, так и упряжных вместе с повозкой или колесницей, в которую впрягали двух, трех или четырех коней. В одном случае были прослежены части плетеного кузова, окрашенные в красный и синий цвета, и украшавшие его наверхия (курган 3 у хут. Красное Знамя), в другом — остатки дышла с бронзовыми обоймами, на одной из которых оказалось изображение богини Иштар. Иногда захоронения коней дополнялись символическим положением в могилу до четырех—шести уздечек.

Только в двух курганах (1 и 8 у хут. Красное Знамя) отмечены антропоморфные каменные изваяния. Сопоставление фрагмента изваяния из кургана 1 и всех остальных находок такого рода с территории Предкавказья с кругом скифских каменных скульптур, известных из степной полосы Северного Причерноморья, позволяет считать, что Северный Кавказ входил в область распространения раннескифских каменных изваяний и был связан со скифами Северного Причерноморья единым ритуалом, отраженным в одинаковых иконографических образах.

Кроме погребений аристократической части общества, в курганах Ставрополя и северо-восточного Предкавказья было исследовано несколько вариантов менее богатых воинских захоронений VII—VI вв. до н. э. (Виноградов В. Б., 1972, с. 34). Они находились иногда под насыпями значительных размеров (4,5 м — высота кургана у хут. Степной), что говорит о довольно высоком положении погребенных в обществе, так как сооружение такой насыпи требовало затраты труда значительного числа людей. Между тем могильные ямы в этих курганах имели небольшие размеры и глубину. Стены их были обложены камнем или деревом. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на восток, юго-восток или запад и их сопровождали наступательное оружие (мечи, стрелы, копья), напутственная пища в глиняных сосудах, изредка — конская уздечка. В двух курганах при парных погребениях инвентарь находился только при одном покойнике, что предполагает зависимое положение второго.

Особое место среди памятников Кабардино-Балкарии занимает курганный могильник, открытый в 1979 г. у с. Нарган близ г. Нальчика. Раскопано 24 кургана, датирующихся со второй половины VII по конец V в. до н. э. Могильник принадлежал привилегированной прослойке общества — всадническому сословию, внутри которого также прослеживается имущественная дифференциация. Отдельные погребения по размерам погребальных сооружений и богатству инвентаря могут быть определены как захоронения племенных вождей (курганы 9, 16, 20).

Большинство могил содержали по два одновремен-

ных захоронения, одно из которых обычно находилось в скорченном положении и сопровождалось незначительным инвентарем кобанского облика, второе — в вытянутом положении, сопровождалось оно набором оружия скифского типа и других вещей. Такое сочетание погребенных в одной могиле, по-видимому, указывает на этнические различия между ними и зависимое положение человека, похороненного в скорченной позе.

Могилы с мужским составом инвентаря содержали захоронения взнузданных коней (от одного до пяти в курганах VII—VI вв. до н. э. и по одному в курганах V в. до н. э.). В состав заупокойной пищи входили части туш лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

Интересными особенностями ритуала являются установка стелообразных камней над могилами наиболее знатных покойников, присутствие каменных плит и жертвенников, а также кучек гальки в погребениях (Батчаев В. М., 1985).

Особое значение Нартанского могильника состоит в том, что, отражая длительный промежуток времени, он характеризует развитие взаимоотношений местного кобанского и пришлого степного населения. В. М. Батчаев, опубликовавший материалы из раскопок могильника, выделяет в нем две группы — раннюю, соответствующую времени возвращения скифов из Передней Азии и датированную им VI в. до н. э. «с возможным удревнением отдельных комплексов до конца VII или рубежа VII—VI вв. до н. э.», и позднюю — V в. до н. э., свидетельствующую о сохранении кочевниками в то время стратегически важных пунктов, дававших возможность совершать военные экспедиции в близлежащие районы Закавказья (Батчаев В. М., 1985, с. 53, 54). Однако представляется более целесообразным разделить время бытования могильника на три периода. Первый относится ко второй половине VII — рубежу VII—VI вв. до н. э., времени пребывания скифов в Передней Азии. Ему соответствуют захоронения в курганах 12—14, 16, 19—22, в которых найдены удлинено-ромбические и ромбические двухлопастные наконечники стрел (табл. 86, 35—39) определенно VII в. до н. э. наряду с трехлопастными и трехгранными (табл. 86, 42—48) и другие виды оружия VII—VI вв. до н. э. (табл. 86, 2, 3, 9), а также характерные для этого времени удила с псалями (табл. 86, 11—14, 27—29), детали уздечки и другие вещи с элементами как зооморфного (табл. 86, 4, 5, 24), так и геометрического орнамента (табл. 86, 15, 19—22, 25), известные среди киммерийских и наиболее ранних скифских памятников от днепровского Правобережья до Закавказья. Второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. датируются клепаный бронзовый котел с зооморфными ручками (табл. 86, 17), калачиковидная серьга с шаровидным подвесом (табл. 86, 18), близкая к позднеассирийским, зеркала с бортиком и петлей на обороте (табл. 86, 33).

Погребальные сооружения первого периода состояли из обширных грунтовых ям площадью до 52 кв. м, заключавших какие-то деревянные конструкции, закреплявшиеся в канавках по периметру стен. В шести из восьми курганов прослежено сожжение погребального сооружения, что приводило

к обожжению погребенных, коней и сопровождавшего их инвентаря. В двух курганах ямы окружал вал выкида, перекрытый хворостом.

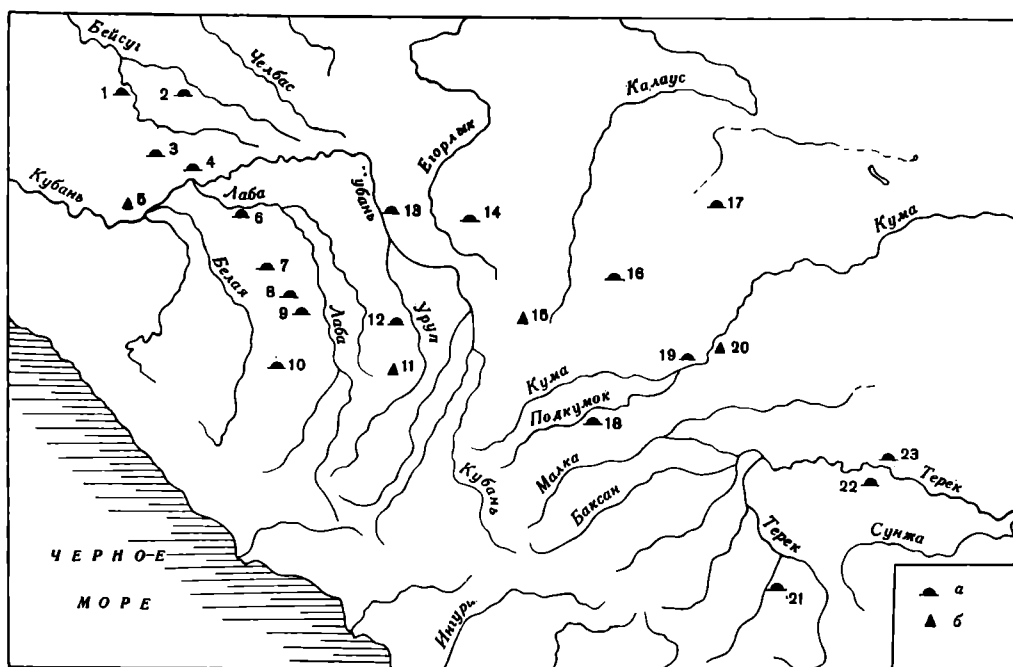
Человеческие кости в могилах или вовсе отсутствуют, или полностью разрушены. Фрагментарно сохранившиеся скорченные захоронения в курганах 16 и 20, положенные на правый в первом и левый — во втором бок, головой на юго-восток, не могут быть безоговорочно атрибутированы как основные и единственные.

Характерно, что курганы данной группы практически не содержат вещей кобанской культуры, за исключением глиняной и бронзовой посуды, и по составу инвентаря, как и по обряду, обнаруживают наибольшую близость таким кочевническим комплексам, как курганы у хут. Красное Знамя и у с. Ново-заведенное на Ставрополье и у станиц Келермесской и Костромской в Прикубанье.

Второй период, хронологически определяемый VI в. до н. э., представлен курганами 6, 7, 9—11, 15, 17, 18, 23. Комплексы их содержат бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел (табл. 86, 77a—a), железные наконечники копий и предметы конского убора скифских типов VI в. до н. э. (табл. 86, 50—55, 62—67), различные накладки, наконечники и ряд бытовых вещей, украшенных в зверином стиле (табл. 86, 56, 69, 76). Появляются бронзовые зеркала с бортиком и центральной ручкой на столбиках, перекрытых бляшкой с изображением в зверином стиле (табл. 86, 76), золотые серьги восточногреческого типа (табл. 86, 74—75). Геометрические мотивы, сохраняющиеся на золотых накладках, изменяются в сторону усиления орнаментальных элементов, трансформирующих первоначальные знаки-символы (табл. 86, 70, 71). Увеличивается количество вещей кобанской культуры, особенно в украшениях (табл. 86, 54, 57, 60). В обряде также происходят изменения. Могильные ямы уменьшаются и не превышают по площади 25 кв. м. Деревянные конструкции отмечены только в трех из девяти ям и в двух — канавки и уступ. Все центральные захоронения разрушены, за исключением одного, положенного на спине вытянуто головой на юго-юго-запад. Сопровождающие погребенные лежат скорченно на правом и левом боках, головой на юго-запад и реже — на юго-восток.

И, наконец, третий период датируется самым концом VI—V в. до н. э. Он представлен курганами 1—5, 8, 24. В них присутствуют предметы вооружения и конского снаряжения скифских типов, характерные именно для этого времени (табл. 86, 78—80, 88—95, 98). В керамике и украшениях господствуют свойственные кобанской культуре формы (табл. 86, 86, 96, 115). Встречаются привозные вещи (табл. 86, 113).

Размеры могильных ям уменьшаются. Самые большие из них имеют площадь 16 кв. м и уже никогда не содержат деревянных конструкций. В могилах, как правило, продолжают хоронить по два покойника. В двух случаях, когда удалось зафиксировать положение главных погребенных, они были погребены на спине, головой на юго-запад или юго-восток, с несколько подогнутыми ногами и согнутыми ромбом руками. Захоронения зависимых лиц, так же как и в предшествующие периоды, совершались в слабо скор-

Карта 15. Основные скифские памятники Северного Кавказа
 а — курганы; б — случайные находки
 1 — Новокорсунский; 2 — Батуриная; 3 — Раздольная; 4 — Усть-Лабинская; 5 — Старокорсунская; 6 — Уляп (Ульский аул); 7 — Келермеская; 8 — Мохожевская; 9 — Костромская; 10 — Новосободная; 11 — Подгорная; 12 — Бескоробная; 13 — Ковалевское; 14 — Ставропольские курганы; 15 — Алексеевский; 16 — Красное Знамя; 17 — Сотниковское; 18 — Лермонтовский разъезд; 19 — Новозаведенное; 20 — Отказное; 21 — Нартан; 22 — Гвардейское; 23 — Степное

ченной пове на правом и левом боках, головой на юго-восток.

Изучение могильника позволяет констатировать длительность обитания в данном месте скифской родо-племенной группы. Несмотря на определенную замкнутость группы, которая объясняет консерватизм в употреблении отдельных форм посуды, деталей упряжи, прослеживаются и контакты с другими народами, и усиливающееся со временем влияние кобанской культуры.

Прикубанье

После присоединения Северного Кавказа к России во второй половине XIX в. расселившееся здесь казачество первым начало «исследование» курганов вокруг вновь образовавшихся станиц.

Судя по донесениям казачьих атаманов в ответ на запросы Археологической комиссии, ежегодно уничтожались сотни курганов. Лишь единичные разрозненные вещи из них попали в музейные коллекции Краснодара, Майкопа, Гос. Эрмитажа и Гос. Исторического музея. Разграбление продолжалось и в последующие годы. В 1903 г. право на раскопки в станице Келермеской получил техник Д. Г. Шульц. Вскрытые им четыре кургана оказались неограбленными, и он продал часть золотых вещей. Уличенный в хищнических раскопках, переплавке и продаже золота из курганов, Шульц вынужден был прекратить свою деятельность.

Систематическое археологическое исследование курганов Прикубанья производил в 1897—1917 гг. профессор Петербургского университета Н. И. Веселовский. Им раскопаны курганы близ станицы Костромской, Ульского аула (совр. Уляп), станиц Ладожской, Усть-Лабинской, Келермеской, Марьинской, Елизаветинской (ОАК за 1897, 1898, 1902, 1903, 1908, 1909—1910, 1911, 1912, 1913—1915 гг.; ИАК, вып. 65, 67).

В советское время исследование курганных памятников скифского времени в Прикубанье проводилось нерегулярно. В 1972 г. Н. И. Навротский доследовал ряд курганов V—IV вв. до н. э. у с. Ковалевского (Навротский Н. И., 1972). В Армавирском музее, кроме того, хранятся вещи VI и IV вв. до н. э., происходящие из разрушенных погребений в районе этого же села (чернофигурные сосуды, золотые гривна и серьга, бронзовый браслет, бусы, каменное изваяние). В 1979 г. А. А. Нехаев раскопал два кургана у станицы Раздольной с рядовыми погребениями VI в. до н. э., впускными в насыпи курганов эпохи бронзы (Нехаев А. А., 1978). В 1980 г. А. Д. Резепкин в курганном могильнике в урочище Клады близ станицы Новосободной Майкопского р-на открыл несколько впускных и одно основное скифское захоронение (Резепкин А. Д., 1981, с. 115). В том же году В. С. Бочкарев при раскопках Новокорсунского курганного могильника обнаружил под насыпями двух курганов впускные погребения VII—VI вв. до н. э. (Бочкарев В. С., 1981, с. 6—7, 22—24).

С 1980 г. возобновились регулярные исследования курганов Келермеской группы (Галанина Л. К., 1983б, 1984а, б, 1985), где вскрыты рядовые воинские погребения VII—VI вв. до н. э. в могильнике между курганами эпохи бронзы. С 1981 г. производятся исследования Уляпских курганов (Лесков А. М., раскопки 1981—1984 гг.). Отдельные кочевнические комплексы раннескифского времени происходят из станиц Подгорной (Ложкин М. Н., Петренко В. Г., 1981, с. 70, 73) и Старокорсунской (Аптекарев А. В., 1986). Ряд вещей из разрушенных курганных погребений VI—IV вв. до н. э. хранятся в Гос. Эрмитаже, Краснодарском и Майкопском краеведческих музеях. Так как раскопки последнего десятилетия не все опубликованы, основным источником остаются материалы раскопок Н. И. Веселовского, которые ввиду разграбленности и плохой фиксации сохранившихся деталей обряда, к тому же прошедшие через субъективное истолкование автором, не дают возмож-

ности полного использования их как доброкачественного источника для общих характеристик.

В настоящее время известно более 20 погребений VII—VI вв. до н. э., которые можно отнести к скифским. Они находятся в бассейне среднего течения р. Кубань на право- и левобережье, распространяясь на юг до предгорий Кавказа. На востоке памятники, расположенные по р. Урупу и правобережью р. Кубани в районе г. Армавира, смыкаются со ставропольскими (карта 15).

В курганах отмечено два вида захоронений: основные и впускные. Основные погребения, как правило, принадлежали наиболее богатой и знатной прослойке общества, среди которой также намечается иерархия. Погребальные сооружения знати отличаются большими размерами насыпи (высота 5—7 м, диаметр 40—60 м), сложностью и размерами могильного сооружения, на возведение которых требовался труд значительного коллектива людей. В ряде случаев выделяются аристократические могильники, в которых производились захоронения, вероятно, определенного знатного рода. Так, все шесть курганов, раскопанные у станицы Келермесской, содержали по одной квадратной в плане обширной могильной яме площадью около 100 кв. м с деревянными конструкциями внутри. Погребения сопровождалось массовыми захоронениями коней. Наиболее полно описанный Н. И. Веселовским курган 1 (1904 г.) заключал яму размером 10,7 × 10,65 м, глубиной 2,2 м. Выкид из могилы был выложен кольцом вокруг нее и перекрыт деревом и камышом вместе с могильной ямой. Ко дну могила шла двумя уступами. В дне ее обнаружены ямки от 20 столбов, которые отделяли участок могилы с запада, где были погребены лошади, а остальную часть делили на три отсека, в среднем из которых находилось, по-видимому, человеческое захоронение, в северном же стояла глиняная и бронзовая посуда. По южному краю могилы также лежали взызданные лошади, и среди них найдены три железных и четыре бронзовых наконечника, возможно, от погребальной повозки или колесницы. Перекрытие могилы было дощатым (табл. 85, 7). Этого же типа погребальные сооружения, но более простые обнаружены в курганах с захоронениями воинов из средней прослойки общества (курган 2 у станицы Усть-Лабинской, курганы 1 (1908 г.), 1 (1910) у Ульского аула). Грунтовые могилы площадью 14—16 кв. м, глубиной около 1,5 м, перекрытые деревом, со следами деревянных склепов внутри ям, находились под насыпью двух-трехметровых курганов. Конские захоронения по южному краю могилы на материке зафиксированы только в Ульском кургане.

Погребение на насыпи двухметрового кургана эпохи средней бронзы, которое, вероятно, следует рассматривать как основное наряду с погребениями на уровне погребенной почвы, обнаружено в кургане 1 у станицы Костромской. Здесь был сооружен деревянный склеп площадью 10,25 кв. м на четырех угловых столбах. Изнутри стены его составляли по шесть вертикальных столбов, обмазанных глиной, а шатрообразную кровлю образовывали столбы, поставленные наклонно по пять в ряд с наружных сторон склепа: сверху все сооружение было перекрыто камышом (кугой). Со всех сторон склеп окру-

жали 22 захоронения взызданных лошадей (табл. 85, 1, 1а). Затем все это было предано сожжению. Курган дазыпал на 3 м, и общая высота его составила 5,4 м.

Помимо деревянных, изредка устраивали и каменные гробницы на древнем горизонте. Такая гробница общей площадью около 40 кв. м обнаружена в кургане у станицы Новосвободной (Резепкин А. Д., 1981, с. 116).

Погребальные сооружения знати второго хронологического этапа — конца VI в. до н. э. — первой половины V в. до н. э. — представлены как серией погребений в Ульской курганной группе (курганы 1, 2, 1898 г., 1—4, 1909 г.) раскопок Н. И. Веселовского, так и отдельными захоронениями в других группах. Все известные нам погребения этого периода были основными в курганах высотой от 3 до 6 м и являлись захоронениями представителей воинской аристократии.

В Ульской группе захоронения устраивались на уровне погребенной почвы, где строился деревянный склеп на четырех угловых столбах размером до 25 кв. м, с запада и востока от которого клали в ряд по три—шесть лошадей. Особо выделяется захоронение в Ульском кургане 1 (1886 г.), который может быть отнесен к разряду царских. Построенный в центре кургана деревянный склеп на четырех угловых столбах имел 7,45 м в длину (запад—восток) и 5,7 м в ширину. С востока и с запада от склепа лежали скелеты двух пар волов головами на юг и большое количество лошадиных скелетов головами к центру. Все это сооружение вместе с животными было перекрыто толстым слоем осоки (или камыша). Кроме того, склеп окружали захоронения 360 лошадей, уложенных в определенном порядке, вокруг четырех стоек (по 36 у каждой) и 12 столбов (по 18 у каждого), размещавшихся на площади 52,5 × 19 м (вместе со склепом) (табл. 85, 8). Над погребениями был насыпан 5-метровый курган, на вершине которого совершили грандиозную тризну. Остатки ее состояли из более чем 50 лошадиных (положенных рядами и группами, а некоторые как будто на привязи у столбов) и двух воловьих скелетов, костей двух волов и баранов, черепков грубой лепной посуды, фрагментов кратера, других расписных ваз и чернолаковой посуды. После совершения тризны курган был досыпан до высоты 15 м.

Факт массового захоронения коней в царских курганах уже не раз обсуждался исследователями. Одни видели в этом захоронение царского табуна, вторые — приношения от представителей подчиненных царю или вождю общественных подразделений (родов, племен) (Грязнов М. П., 1980, с. 70), третьи — ритуальный обряд, аналогичный известному по Авесте обряду Ашвамедхи (Лелеков Л. А., 1978).

В V и IV вв. до н. э. сохраняются те же типы погребальных сооружений, что и в более раннее время. Они сопровождалось массовыми захоронениями лошадей (курганы у станиц Воронежская, Марьевская, в группе Ульских 1982 г.). Появляются деревянные склепы с дромосом, сооруженные на уровне погребенной почвы (курган Курджиц — Галанина Л. К., 1980) и в ямах (курган 1912 г. у станицы Елизаветинской). Курганы у станицы Елизаветинской V—IV вв. до н. э. (раскопки 1913—1917 гг.) отличаются

как конструктивно, так и большей пышностью всей погребальной обстановки. Нововведением являются дромосы длиной до 25 м, в которых помещали колесницы, запряженные лошадьми (табл. 85, 9). Вероятно, греческим влиянием объясняется помещение главного погребенного в каменный склеп, сложенный из квадров внутри ямы. По-прежнему перекрытие состояло из деревянных плах, а в могилу и по верхнему краю ее погребали взнузданных коней, количество которых в некоторых случаях достигает 200. Появляются и захоронения зависимых лиц. Особой пышностью всей погребальной обстановки отличается курган Карагодеуашх, находившийся на границе с Синдикой и содержавший погребения кочевой знати царского ранга, подвергшейся сильному влиянию греческой культуры (Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В., 1894).

Погребения V и IV вв. до н. э. отражают уже новый этап в развитии социальных отношений у населения Прикубанья. Однако в настоящее время мы можем констатировать только резкую дифференциацию общества, усиливавшуюся на протяжении VII—IV вв. до н. э.

Данных о позе и ориентировке погребенных в могилах аристократии VII—IV вв. до н. э. у нас нет, если не считать сведений Д. Г. Шульца о том, что в курганах 1 и 3 у станицы Келермесской скелеты лежали в первом случае головой на юг, во втором — на север, вытянуто на спине. Особый элемент обряда погребения высших слоев общества, по-видимому, составляли кровавые возлияния или жертвоприношения, при которых употребляли как в VII—VI, так и в VI—V вв. до н. э. крупные жертвенники из известняка прямоугольной формы размерами 1,42 × 1,40, 1,42 × 0,98 м с отверстием в центре для стока крови. На курганах устанавливали антропоморфные изваяния, изображающие символическую фигуру воина, родоначальника, выполненную по общескифским канонам (табл. 40, 6). Развитие этих форм изваяний в Прикубанье идет от столпообразных стел с проработкой только отдельных деталей к круглой скульптуре (ср. стелу VII—VI вв. до н. э. на кургане в станице Бесскорбной — табл. 40, 6 и изваяния V в. до н. э. из Краснодарского музея — табл. 40, 9). Когда устанавливалась статуя и была ли она связана с захоронением определенного лица, пока остается не выясненным.

Так как жертвенники обнаружены в могилах, то из этого следует, что обряды, элементами которых они являлись, производились непосредственно при захоронении. Несколько позже, после возведения части насыпи, устраивалась тризна в виде погребального пира, зафиксированная в кургане 1 (1898 г.) близ Ульского аула. Кроме того, существовали и отдельные святилища. Впервые они были открыты Кавказской экспедицией под руководством А. М. Лескова (Лесков А., 1985), а затем исследовались А. А. Нехаевым. Святилища имели вид открытых площадок, устроенных на насыпях более древних курганов или на возвышениях. На них сосредотачивалось большое количество вещей, игравших определенную роль в отправлении культов. На культовой площадке VI в. до н. э. это были предметы конского убора, скульптурные навершия, бронзовый котел (Нехаев А. А., 1985). На святилище Уляпского кур-

гана 1 начала IV в. до н. э. на площади около 100 кв. м огромное количество вещей и кости животных располагались преимущественно по периметру прямоугольника. Находки составляли: орудия труда, предметы вооружения, детали конской узды, керамика, бронзовый котел, античные амфоры и бронзовые сосуды, иранский серебряный кубок с изображением зверей, многочисленные золотые бляшки, среди которых имеются с нестандартными изображениями в зверином стиле. Уникальными шедеврами древнего искусства являются два скульптурных навершия, одно — в виде лежащего кабана, второе — в виде оленя.

Не менее интересные находки дала ритуальная площадка Уляпского кургана 4, содержавшая три скопления вещей, в одном из которых обнаружили две панафинейские амфоры в обломках V в. до н. э., а в двух других — несколько античных бронзовых сосудов, десятки золотых бляшек, золотую гривну, серебряную фиалу. Но самыми замечательными находками являются два ритона — золотой и серебряный с позолотой. Последний с протомой Пегаса на конце выполнен выдающимся мастером-ювелиром не позднее середины V в. до н. э.

Третье святилище, открытое в Ульском кургане 5, имело вид круглого деревянного шатрового сооружения, опиравшегося на 10 столбов. По мнению А. М. Лескова, оно представляло собой святилище бога Ареса.

Набор инвентаря богатых мужских погребений VII—VI вв. до н. э. состоял из предметов наступательного (мечи, кинжалы, топоры, копьа, луки со стрелами) и защитного (щиты, панцири, шлемы, боевые пояса) вооружения, которое в наиболее богатых погребениях было украшено золотыми накладками в виде тисненых или литых изделий с изображениями в зверином стиле (табл. 87). Так, в Келермесском кургане 1, раскопанном Д. Г. Шульцем, при погребенном находились железные кинжал и меч, первый из которых — в оправе из гладкого золотого листа, а второй обложен золотом и в ножнах, покрытых золотыми накладками с тиснеными изображениями. Такими же накладками с тиснеными изображениями были покрыты топорик, колчан и оселок, а щит украшала золотая литая фигура пантеры с эмалевыми вставками длиной 32,6 см. Эти предметы дали лучшие образцы раннего скифского звериного стиля в сочетании с изображениями, выполненными в стиле урартского искусства. Вооружение воина дополняли два копьа с большими железными наконечниками, панцирь из железных и бронзовых пластинок и бронзовый шлем. Из этого же погребения происходят золотая диадема, две золотые чаши и несколько золотых блях, розеток, пуговиц и бус (табл. 88).

Как уже говорилось, погребения знати сопровождалось большим количеством взнузданных коней, вместе с которыми находились также бронзовые и железные навершия и крупные колокольчики (табл. 87, 20, 34, 35, 47—49, 68, 69). Отдельные детали уздечки выполнены из бронзы или кости и оформлены в зверином стиле (табл. 87, 40—42, 70—77, 82—84), часть их покрывалась золотым листом с символами солнца, бегущей волны и другими изображениями, выполненными тиснением. Такие украшения, как перстни, браслеты, серьги, в раннескифский

период, по-видимому, не были распространены, они появляются в курганах в основном с конца V в. до н. э. Гривны VI в. до н. э. имеют вид согнутого в кольцо золотого стержня, перекрученного в нагретом состоянии (Келермесский курган, курган у хут. Ковалевского).

Богатые погребения сопровождалась посудой как глиняной (табл. 89, 1—12), так и золотой, серебряной, бронзовой, большая часть которой в курганах первого хронологического периода представлена сосудами переднеазиатского производства или произведениями местных кавказских мастеров (табл. 89, 13), работавших по заказам скифов, а с конца VI и в последующие столетия — греческими изделиями.

Рядовые погребения раннего железного века открыты в междуречье Кубани и Бейсуга. Все они вписаны в курганы эпохи бронзы. Могильные ямы, как правило, не прослеживаются. Однако в двух случаях зафиксированы ямы с подбоем вдоль северной стенки, слабо углубленном по отношению к входной яме и в одном случае — отгороженным деревянными плахами. В обоих подбоях погребенные лежали вытянуто на правом или левом боку, ноги их были слабо подогнуты, а голова ориентирована на запад или восток. В остальных захоронениях погребенные лежали вытянуто на спине, чаще вытянуто на правом или левом боку со слабо подогнутыми ногами и были ориентированы на восток, запад или северо-восток и юго-запад. Такая поза и ориентировка погребенных указывает на связь их с погребениями предскифского периода степей Северного Причерноморья и Прикубанья. Формы могильных сооружений и обычай погребать в насыпях курганов эпохи бронзы также сближают обряды рядового населения степной зоны Причерноморья и Прикубанья как предскифского, так и раннескифского периодов. Близость погребального ритуала богатых захоронений Предкавказья и Причерноморья и связь его с предшествующей эпохой дополняют картину единой линии развития от предскифского периода к скифскому. Инвентарь рядовых погребений немногочислен: из наступательного оружия представлены только наконечники стрел, в одном случае дополненные защитным доспехом-панцирем из костяных пластинок, кроме того, встречаются напутственная пища в глиняной посуде и в виде кусков туш лошади и барана, а также отдельные украшения и предметы культа.

Сопоставляя погребальный ритуал курганных могильников раннескифского времени Прикубанья и Ставрополя, можно заметить в нем много общего.

1. Курганы насыпались почти исключительно над захоронениями воинов.

2. Основные погребения в курганах представлены

двумя видами погребальных сооружений: 1) склеп в яме, выкид из которой выкладывается кольцом и перекрывается вместе с ямой камышом; 2) склеп на уровне погребенной почвы или на насыпи, над которым в ряде случаев производится обряд очищения огнем, в результате чего частично сгорает погребальное сооружение.

3. Захоронения лошадей располагаются в определенной части могилы, чаще всего в западной, а также в западной и еще южной или восточной.

4. На курганах устанавливаются каменные изваяния общескифской формы с одинаковым набором аксессуаров и единой иконографией.

Если учесть что отмеченные черты погребальной обрядности не только роднят между собой Прикубанье и Ставрополье, но и имеют единые истоки для первого типа погребальных сооружений в VIII—VII вв. до н. э. на территории южнорусских степей, то связь их со скифским кочевническим элементом станет еще очевиднее. Принимая во внимание и большую близость погребального инвентаря этих территорий, представляется, что во всяком случае на раннем этапе все Предкавказье было занято скифами, подчинившими себе местное население. Вероятно, подкурганные погребения воинской верхушки VII—VI вв. до н. э. мы с полным основанием можем рассматривать как скифские. Памятники более позднего времени, отражающие период сосуществования и взаимовлияний местных и скифского этносов, сложнее и несут в себе несравненно больше смешанных черт, органически вошедших в культуру нового населения, в котором значительно труднее выделить собственно скифский элемент. Поэтому вопрос даже о курганных погребениях V в. до н. э., тем более V—IV вв. до н. э., остается пока открытым, хотя вероятнее всего, что верхушечный слой общества и тогда был преимущественно скифским по происхождению. Именно в связи с этим в V и даже в IV в. до н. э. имеется много общих черт в культуре скифов Северного Причерноморья и аристократической прослойки населения Предкавказья.

Как уже отмечалось, инвентарь большинства ранних кочевнических погребений представлен очень фрагментарно, тем не менее раннескифская культура особенно ярко выражена в памятниках Предкавказья. Здесь мы имеем не только наиболее ранние формы оружия и конской узда, но и ряд переходных форм в различных категориях предметов (табл. 87, 1, 3, 53), свидетельствующих о том, что именно на территории Предкавказья происходил процесс сложения форм скифского акинака (Лесков А. М., 1979; Черненко Е. В., 1979; Шрамко Б. А., 1984в), скифской узды, отдельных типов наконечников стрел и элементов скифского искусства.

Глава седьмая

Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э.—III в. н. э.

До недавнего времени, говоря об истории северо-западного Кавказа, имели в виду три основных составляющих: меотов Прикубанья, сарматов к северу от Кубани и Боспорское царство. В последнее время начинает выделяться еще одна группа племен — на территориях к югу от Кубани. Боспорское царство освещено в другом томе настоящего издания. Остальные группировки рассмотрим здесь.

Меоты

По данным античных письменных источников, меоты — это большой массив оседлых племен, занимавших обширную территорию в Приазовье и Прикубанье. На основании археологических материалов сейчас можно сказать, что в VII в. до н. э.—III в. н. э. они жили по нижнему и среднему течению Кубани*, от станиц Прочноокопской до устья, в большой дельте Кубани вплоть до р. Кирпили на севере. В I в. до н. э.—III в. н. э. часть меотов занимала также дельту Дона, где в настоящее время известна группа меотских городищ. Таманский полуостров и прилегающие к нему районы к югу от Кубани занимали синды, которых как письменные источники, так и современные исследователи то включают в состав меотов, то противопоставляют им. По Черноморскому побережью античные авторы указывают керкетов, торетов, зихов и другие племена, часть из которых причисляют к меотам.

Начало изучения меотских памятников связано с работами В. Г. Тизенгаузена в дельте Дона, который в 1865 г. произвел «20 пробных раскопок» на Кобяковском городище (Шелов Д. Б., 1972а, с. 177), а в 1866 г. раскопал Круглый курган около Нижне-Гниловского городища (ОАК за 1866 г., с. 15; Книпович Т. Н., 1949, с. 143—144). В 1875—1876 гг. он же, но уже на Кубани исследовал группу курганов «Семь братьев», а в 1878 г. — Семибратнее городище (ОАК за 1875, 1878 гг.). В 80-е годы XIX в. вели небольшие работы В. Л. Беренштам (1882), Д. Е. Фелицын (ОАК за 1882—1888 гг.) и В. М. Сысоев (ОАК за 1895, 1896 гг.). В 1895 г. начинаются раскопки Н. И. Веселовского (ОАК за 1895, 1905 гг.), сразу выдвинувшие памятники Прикубанья на одно из первых мест, несмотря на слабость методики и ошибки в интерпретации. Дореволюционный период характеризуется раскопками преимущественно крупных курганов, поисками эффектных вещей, кроме того, раскапываемые памятники не связывались с меотами. Эта увязка произошла в 20-е

годы XX в. В 1923—1928 гг. А. А. Миллер копает Кобяковское городище, Усть-Лабинский I могильник, Нижне-Гниловское городище (Миллер А. А., 1925а, 1926, 1929). Работы местных исследователей начинаются с новостроек. В 1927 г. Н. А. Захаров проводит в Краснодаре работы на городище при строительстве КРЭС (Захаров Н. А., 1928), а в 1929 г. М. В. Покровский в том же городе исследует могильник, обнаруженный при строительстве на Почтовой улице (Покровский М. В., 1937). В 30-е годы раскопки на ряде меотских городищ и могильников ведет преимущественно Н. В. Анфимов (1951а, 1960). Кроме Н. В. Анфимова, упомянем В. А. Городцова, раскопавшего в 1934—1935 гг. свыше 100 погребений на Елизаветинском I могильнике (Городцов В. А., 1935, 1936, 1941). На Дону в 30-е годы работали В. А. Городцов (1940), С. А. Вязигин (1940), М. А. Миллер (1940). Дальнейшие исследования на Дону война задержала до середины 50-х годов, а на Кубани Н. В. Анфимов возобновил работы уже в 1943 г., доследовав несколько погребений на Усть-Лабинском 4-м могильнике. С именем этого исследователя связаны и наиболее крупные раскопки, проводившиеся на меотских городищах и могильниках в 1944—1965 гг. (Анфимов Н. В., 1956, 1960, 1961б, 1984). Очень важны работы Н. В. Анфимова на протомеотских могильниках: в 1958, 1959 гг. на Николаевском (Анфимов Н. В., 1961а, 1971), в 1965 г. на Кубанском (Анфимов Н. В., 1971, 1975б). Работы других исследователей носят эпизодический характер, но роль их значительна. В 1947—1949 гг. К. Ф. Смирнов исследовал Пашковский 3-й могильник (Смирнов К. Ф., 1958), а в 1952 г. В. П. Шиллов — Елизаветинское I городище (Шиллов В. П., 1955).

На Дону в 50-х — начале 70-х годов И. С. Каменецкий произвел раскопки на Нижне-Гниловском и Подазовском городищах (Каменецкий И. С., 1957, 1963, 1974), С. И. Капошина — на Кобяковском (Капошина С. И., 1962, 1965), а И. Т. Кругликова — на Сухо-Чалтырском (Кругликова И. Т., 1974).

В 70-х годах начинается новый период, связанный с резким увеличением объема новостроечных работ. Н. В. Анфимов исследует памятники на правом берегу строящегося Краснодарского водохранилища. Одновременно приступают к работе молодые археологи: в 1974 г. Е. А. Ярковая копает Абинский могильник (Анфимов И. Н., 1981), в 1976—1977 и 1979 гг. А. М. Ждановский производит раскопки на могильниках Начерзий (Ждановский А. М., Дитлер П. А., 1977), у станицы Тбилисской (Ждановский А. М., Скрипкин В. П., 1978; Ждановский А. М., 1980). И. Н. Анфимов продолжает в 1978 г. раскопки Елизаветинского II могильника (Анфимов И. Н., 1984). Это были крупные работы, но в

* В литературе отмечается путаница в членении Кубани. В географии принято считать нижним течением отрезок от устья р. Лабы до моря. См.: БСЭ, 1953. 2-е изд. Т. 23. С. 588.

80-х годах объем их еще более возрастает. И. С. Каменецкий исследует городище Пашковское 6 и его могильник (Каменецкий И. С., Рябова В. Я., 1980; Каменецкий И. С., 1984а) и могильник Лебеди III (Каменецкий И. С., 1980, 1981); у хут. Ленина ведут очень крупные работы В. А. Тарабанов, И. И. Марченко, А. М. Ждановский (Ждановский А. М., 1981), О. П. Куликова (1981), А. З. Аптекарев (1981а, б) и Н. Ю. Лимберис (1984). Одновременно на Псекупских могильниках копает Н. Г. Ловпаче, а на Ново-Вочепшійском городище — Л. М. Носкова (1984). В Абинском р-не Северокавказская экспедиция Института археологии АН СССР в 1984 г. исследует керамический комплекс I в. до н. э., а в 1985 г. — могильник первых веков Мингрельский II. Этот последний период, кроме увеличения размаха работ, характеризуется также повышением их методического уровня.

К сожалению, весь огромный материал, накопленный за период полевых работ, не подвергнут еще серьезной обработке, опубликован только в очень незначительной части и потому лишь в небольшой степени может быть использован для общих исторических построений. Сказывается и отсутствие фундаментальных, обобщающих исследований.

Две диаметрально противоположные точки зрения на меотов должны быть отмечены. Первая сводится к тому, что меоты не этнос, а географическое понятие, — это все племена, жившие на берегах Меотиды (Азовское море). Некоторые письменные источники дают основание для такого понимания. Вторая точка зрения, явно господствующая, безоговорочно признает меотов этносом, группой родственных племен, единых по культуре и языку. Нет единства в определении языковой принадлежности, что тесно связано с вопросом о дальнейшей судьбе меотов и этногенезе адыгейцев. Наиболее распространено мнение, что меоты являются предками адыгейцев. Однако прав был Л. И. Лавров, когда писал, что вопреки общему убеждению эта точка зрения совсем не доказана (1978, с. 38 сл.). Что касается археологии, то не было даже попыток проследить эту преемственность. Вторая гипотеза считает возможным относить меотов к иранцам. Она основывается на том, что часть меотских этнонимов объясняется с иранского (Абаев В. И., 1949, с. 37, 162, 163; Лавров Л. И., 1978, с. 39). Только принимая последнюю гипотезу, можно было создать термин «меото-сарматы», хотя, как представляется, употребляющие его не всегда осознают эту связь (Гайдукевич В. Ф., 1963, с. 298). Наконец, сравнительно недавно появилась еще одна гипотеза, согласно которой меоты также являются индоевропейцами, но не иранцами, а индоиранцами (Трубачев О. Н., 1978; Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1983, с. 67 сл.).

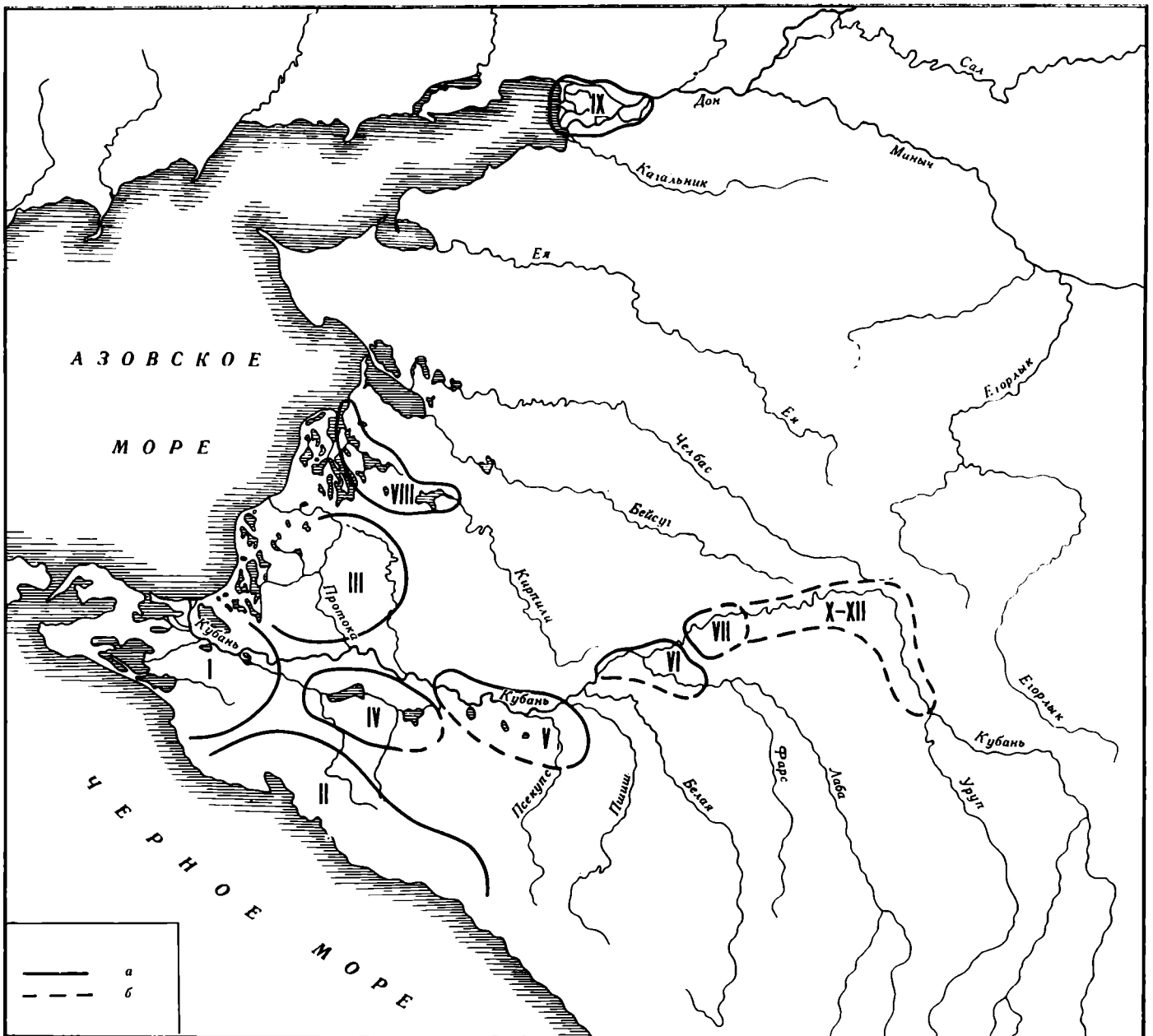
Культура меотов прослеживается на протяжении тысячелетия и, естественно, делится на ряд этапов. Периодизация создана Н. В. Анфимовым (1954). Выделяются периоды: раннемеотский — конец VII — начало IV в. до н. э., среднемеотский — IV — первая половина I в. до н. э. (различаются две группы: первая — IV—III вв. до н. э. и вторая — III—I вв. до н. э.), позднемеото-сарматский — вторая половина I в. до н. э. — III в. н. э. После раскопок Николаевского могильника Н. В. Анфимов добавил

протомеотский период, который датировал VIII — первой половиной VII в. до н. э. (Анфимов Н. В., 1961а, с. 119).

Границы протомеотского периода достаточно условны и зависят от датировки разными исследователями некоторых категорий инвентаря, главным образом удил, мечей и наконечников стрел. В связи с этим начало его помещают в промежутке от начала VIII в. до н. э. (Анфимов Н. В., 1961а, с. 119; Тереножкин А. И., 1976, с. 198) до начала VII в. до н. э. (Членова Н. Л., 1984, с. 31 сл.). Окончание достаточно единодушно относится к концу VII в. до н. э. Между протомеотским и раннемеотским периодами нет принципиальной границы. Развитие идет эволюционно. Происходит важное событие — вытеснение бронзы железом, но этот процесс не носит скачкообразного характера и не приводит к резкому переформлению культуры.

Решительные изменения заметны на рубеже раннемеотского и среднемеотского периодов, когда распространяется гончарная сероглиняная керамика. Она явно находится под влиянием греческой керамики, но удивительно, что и лепная керамика также меняет формы. Смена форм сосудов должна означать смену бытовых, а может быть, и хозяйственных навыков. Одновременно кое-что меняется и в погребальной обрядности. Одним словом, в культуре происходят принципиальные изменения, суть которых пока не ясна. Н. В. Анфимов, а затем К. Ф. Смирнов относят появление сероглиняной керамики к середине IV в. до н. э., связывая с этой датой и появление относительно обильного античного импорта. Сейчас эта дата должна быть пересмотрена. На ряде памятников, где IV в. до н. э. уверенно засвидетельствован обильным импортом, преобладает гончарная сероглиняная и красноглиняная керамика. Греческий импорт в небольших размерах фиксируется в Краснодарской и Усть-Лабинской группах с VI в. до н. э., а в заметных размерах — с начала V в. до н. э. И на всех известных нам памятниках импорт V в. до н. э. сочетается уже с гончарной керамикой и новыми формами лепной. Следовательно, конец раннемеотского периода следует удревнить на полтора века, до начала V в. до н. э. Дальнейшее развитие идет без заметных скачков, эволюционно. По мнению Н. В. Анфимова (1954), позднемеото-сарматский период отличается «общей сарматизацией», что выражается главным образом в распространении черепковых стрел и зеркал-подвесок. Однако вопрос о сарматизации меотской культуры еще не очень ясен, во всяком случае не столь глобален, чтобы чуждый этнический термин вводить в название периода развития меотской культуры, тем более что в последнее время подвергнута сомнению сарматская принадлежность ряда признаков (Абрамова М. П., 1969, 1971).

Н. В. Анфимов делил культуру меотов на два варианта — восточный и западный, при этом Усть-Лабинский 2-й могильник он считал пограничным памятником. Сейчас стало ясно, что число локальных вариантов гораздо больше (карта 16). Свообразны памятники Черноморского побережья. Издавна выделяли культуру синдвов, даже противопоставляя ее меотской. Отдельные группы являют собой городища на р. Кирпили и городища I—III вв. н. э. в дель-

Карта 16. Локальные группы меотских памятников

I — Таманская (синдская); II — Причерноморская (торьты-керкеты); III — Приазовская (дандарий); IV — Абинская; V — Краснодарская; VI — Усть-Лабинская; VII — Ладожская; VIII — Кирпильская; IX — Донская; X—XII — Восточные группы; а — границы групп; б — предположительные границы групп

те Дона. По Кубани выделяются Краснодарская, Усть-Лабинская и Ладожская. Между Краснодарской группой и памятниками синдов, преимущественно на левом берегу Кубани, по-видимому, существует отдельная группа, которую мы условно именуем Абинской. Выше по течению Кубани (восточная граница Ладожской группы еще не выяснена), до станицы Прочноокопской, возможно, существовали еще две-три группы. Таким образом, можно говорить о 10—12 локальных группах меотской культуры (Каменецкий И. С., 1985), в которых, вероят-

но, следует видеть памятники отдельных племен. Эти группы выделяются на основе территориальной обособленности, различий в технологии керамического производства, в типах инвентаря, особенностях погребального обряда и специфике исторических судеб. В разных группах, в разное время соотношение этих факторов различно. Число меотских племен, называемых письменными источниками, близко к числу локальных групп.

В. В. Латышев в начале века опубликовал карту Черного моря и Кавказа времен Римской империи (карта 17 — Латышев В. В., 1900—1906, вклейка). Совместив данные разных античных авторов, он расположил меотские племена следующим образом: между р. Ей и р. Челбасы предположительно помещены фатеи и псессы, что мы можем сразу отвергнуть, так как меотских памятников в этом районе нет. Южнее, в районе р. Кирпили, В. В. Латышев указал, также предположительно, терпетов и

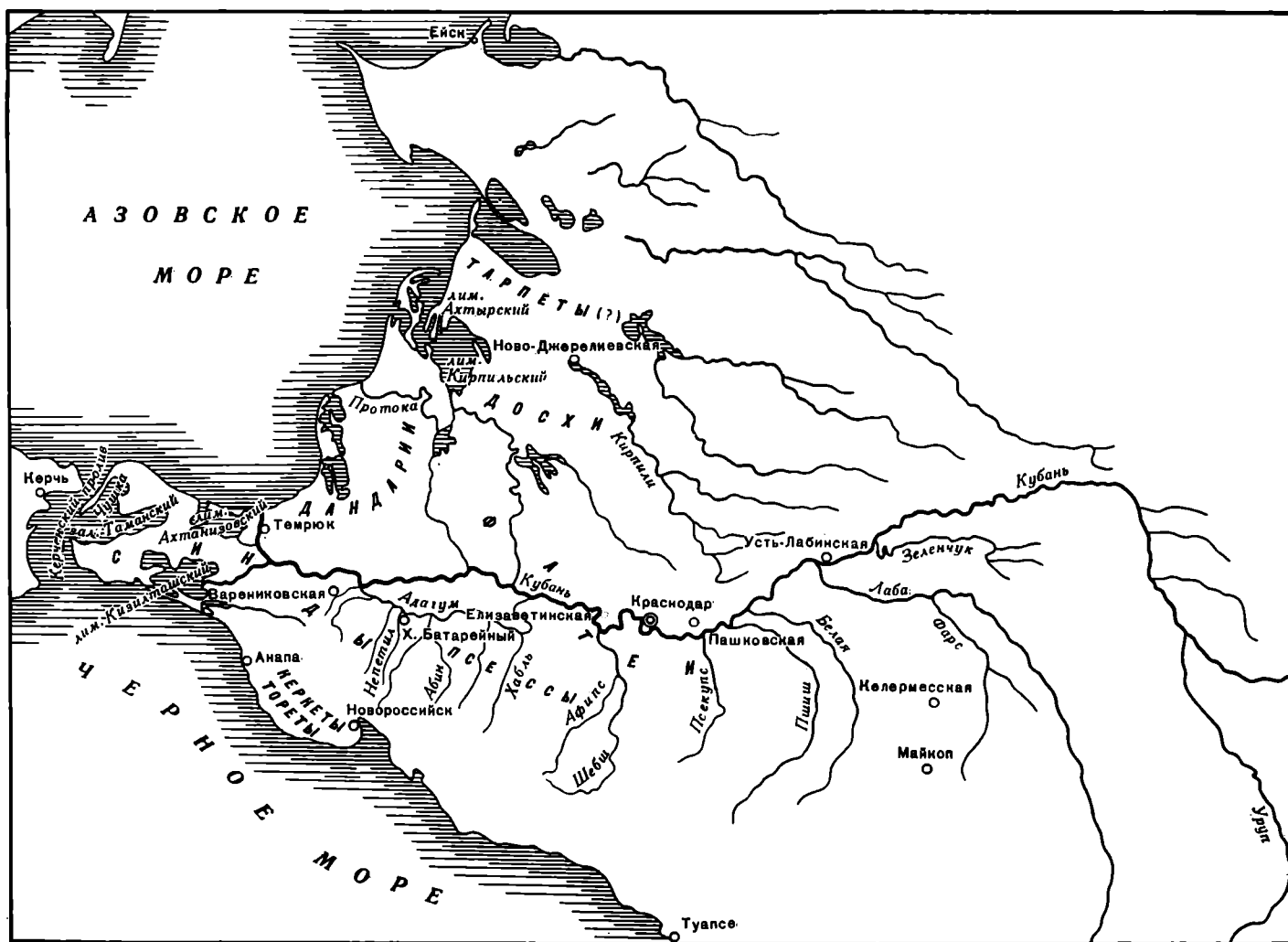

Карта 17. Размещение меотских племен по В. В. Латышеву (1904—1906)

досхов. Между Кубанью и Горгиппией (Анапой) помещены аспургиане и синды, между Анапой и Новоросийском — тореты, в районе Геленджика — керкеты. Далее на побережье — ахаи и за ними в горах — зихи, а уже на северном склоне Кавказа, к западу от р. Белой, — кораксы и фтейрофаги (вшеды). В районе станиц Ольгинской и Мингрельской, на левом берегу Кубани, указаны аррехи, а между ними и горами, т. е. в районе станиц Абинской, Ильской, Северной, — конапсены. К сожалению, В. В. Латышев не дал обоснования предложенной локализации. Практически единственная попытка обосновать на археологических материалах карту расселения меотов была предпринята В. П. Шиловым (карта 18 — Шилов В. П., 1950). На его карте помещено племен меньше, чем описывается в тексте. Тарпеты расположены предположительно в том же месте, где у В. В. Латышева. Мы уже знаем, что на этой территории меотских памятников нет. В дельтах рек Кирпили и Протоки В. П. Шилов помещает досхов. Речь может идти о городищах на р. Кирпили. Что же касается Протоки (рукав Кубани), то на ней известно пока только одно поселение у хут. Беликова (Анфимов Н. В., 1981б), но и оно расположено

выше по течению, чем указано у В. П. Шилова. Между досхами и Кубанью указаны дандарии. Они же занимают и северную часть Таманского полуострова. Синды у В. П. Шилова находятся в южной части Таманского полуострова и на юге распространяются до Анапы (Горгиппия), а на востоке — до Краснобатарейного городища. Тореты и керкеты занимают так же, как у В. В. Латышева, участок побережья между Анапой и Новоросийском. Наиболее существенно, пожалуй, то, что В. П. Шилов убрал псессов и фатеев с побережья и поместил их на Кубани — псессов по левому берегу реки вниз от синдов до р. Афи́пса, которая служит границей с фатеями. Отметим, что эта локализация псессов приблизительно соответствует нашей Абинской группе памятников. Фатеи же, по В. П. Шилову, занимали правый берег Кубани от дандариев до г. Усть-Лабинска с возможным заходом на левый берег в районе г. Краснодара.

После В. П. Шилова общий пересмотр карты расселения меотских племен не предпринимался, но частные попытки делались. Так, граница расселения меотов была отодвинута дальше на восток (Анфимов Н. В., 1981б); было высказано предположение, что городища по Кирпилям принадлежали язаматам (Каменецкий И. С., 1971а), предпринята попытка уточнить границы керкетов и торетов (Онай-

Карта 18. Размещение меотских племен по В. П. Шилову (1950)

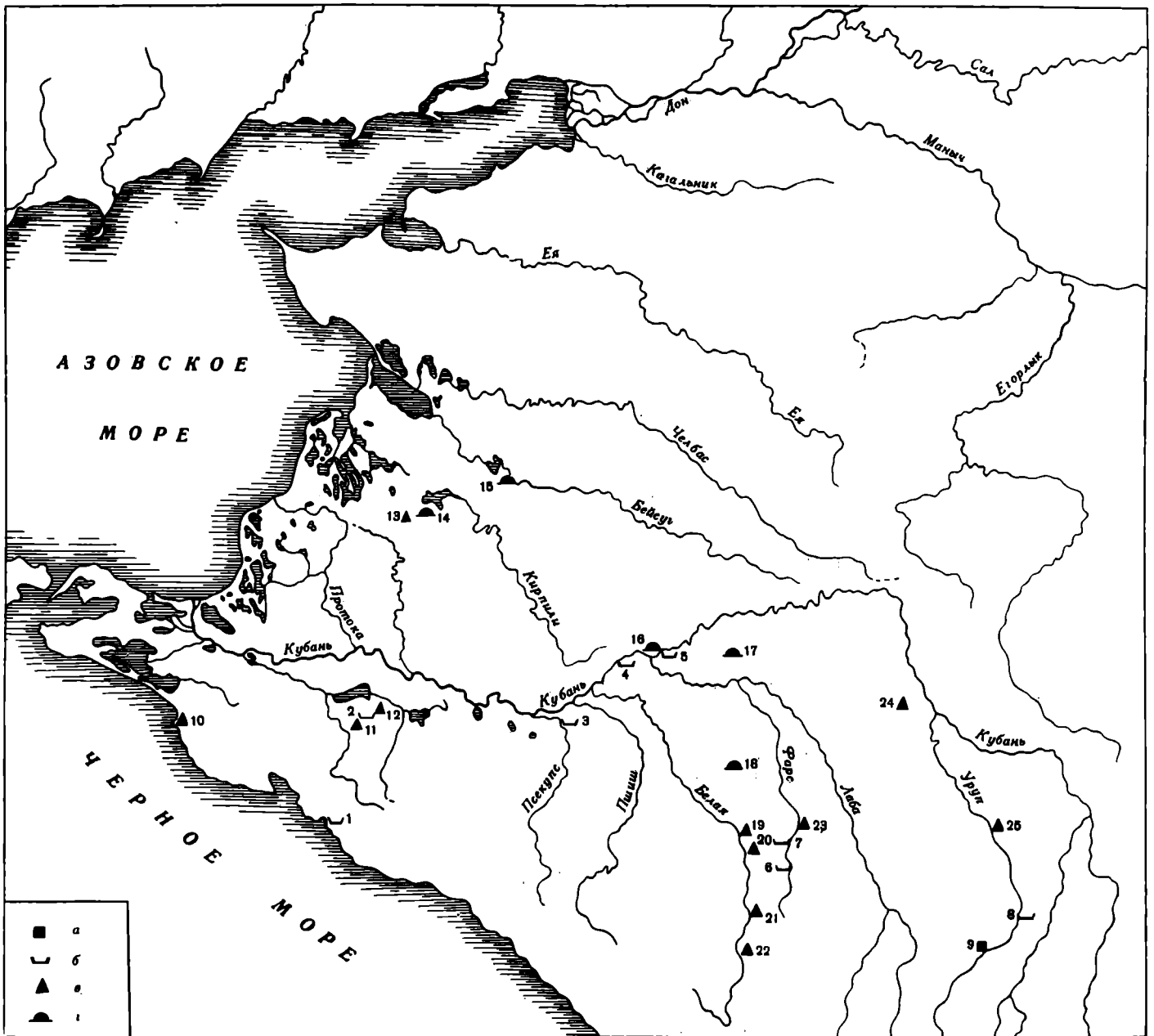
ко Н. А., 1980) и местоположение ряда других племен (Каменецкий И. С., 1965а). Если В. В. Латышев и В. П. Шилов рассматривали реки как границы между племенами, то сейчас можно утверждать, что даже Кубань не была границей. Племена «сидят» на реках, а не разделяются ими.

Протомеотский период

На вышеочерченной меотской территории известны сейчас пять протомеотских могильников: Николаевский (Анфимов Н. В., 1961а, 1971; Ловпаче Н. Г., 1981, табл. I—II), где раскопано 157 погребений; Кубанский, давший 56 протомеотских погребений (Анфимов Н. В., 1971, 1975б); Псекупский (Ловпаче Н. Г., 1984); Абинский (Анфимов И. Н., 1981б); Толстый Мыс (Аханов И. И., 1961). К этому же периоду относятся оленные камни из Усть-Лабинска, хут. Зубова и окрестностей Армавира (Членова Н. Л., 1984), комплекс из Ястребовских курганов, состоящий из бронзовых удил, псалиев и наконечников дротиков (работы А. Н. Гея 1984 г.). Вне очерченной территории меотов, в Закубанье прежде всего, следует назвать могильники Фарс (Резепкин А. Д., 1981; Лесков А. М., 1984; Сокро-

вица..., 1985) и Ясеновая Поляна (Дитлер П. А., 1961). К ним можно добавить находки биметаллических кинжалов из станиц Абадзехской и Благодарной (Анфимов Н. В., 1965; Тереножкин А. И., 1976, рис. 70, 5, 7) двукольчатых удил из станиц Мохошевской, Тульской, Даховской, в Хамышках (Иессен А. А., 1953). Все указанные памятники, кроме находки близ Благодарной, расположены к югу от Кубани, на ее левых притоках, реках Белой и Фарс, образуя довольно компактную группу. Насколько можно судить, на этой стадии нет существенных различий между памятниками Прикубанья и Закубанья (карта 19).

Об особенностях протомеотской культуры мы можем судить прежде всего по материалам из Николаевского и Кубанского могильников. Могильные ямы здесь не прослеживаются. Можно думать, что это были простые грунтовые ямы, так как глубина могил очень мала (1—1,4 м). Примерно половина погребенных положена вытянуто на спине (58%), часть — на спине с подогнутыми ногами (первоначально коленями вверх), остальные лежали скорченно на боку: на левом (21%) или правом (13%). У всех преобладала южная, преимущественно с восточным отклонением ориентировка. Из других черт обряда отметим наличие в части погребений костей лошади — черепа и ног, вероятно, шкуры; положение в могилы галек, «коленных чашечек» лошадей

Карта 19. Памятники протомеотского периода и синхронные им

a — поселения; *b* — грунтовые могильники; *c* — комплексы и отдельные находки; *d* — погребения в курганах
 1 — Толстый Мыс; 2 — Абинский; 2 — Псекупские могильники; 4 — Николаевский; 5 — Кубанский; 6 — Фарс; 7 — Ясеновая Поляна; 8 — Мокрянка; 9 — Заслонка; 10 — бляшка из Анапы; 11 — комплекс Ястребовских курганов; 12 — комплекс около станции Мингрельская; 13 — кинжал из Ново-Николаевского I могильника; 14 — Греки I; 15 — погребение в кургане 12 Брюховецкого I могильника; 16 — олений камень из Усть-Лабинска; 17 — олений камень из хут. Зубова; 18 — Келермесский; 19 — удила из станции Тульской; 20 — кинжал из станции Абадзехской; 21 — удила из станции Даховской; 22 — удила из Камышков; 23 — удила из Мохошевской; 24 — олений камень из окрестностей Армавира; 25 — кинжал из станции Благодарной

или коров; регулярную постановку черпаков в головах, а наконечника копья — с левой стороны от черепа. Причем копья найдены только в погребе-

ниях с вытянутыми костяками, так же как и остатки коней и предметы конской сбруи. Вытянутые погребения вообще богаче скорченных. У последних находят преимущественно черпаки и изредка гальки. Именно эти находки и ориентировка позволяют объединить те и другие в единую группу. Н. Л. Членова (1984) особое внимание уделила оселкам, полагая, что они имели магическое, ритуальное значение. Для закубанской группы этот обряд выдерживается не полностью. Так, в могильнике Ясеновая Поляна преобладает восточная ориентировка (Дитлер П. А., 1961, с. 141), а в Фарсе — западная (Лесков А. М., 1984; Сокровища..., 1985, с. 58). К тому же в последнем широко использованы каменные конструкции могильных сооружений кобанского типа (Сокровища..., с. 24), что сближает Фарс с погребениями Толстого Мыса. Абинский могильник, большинство погребений которого, несомненно, относится к протомеотской стадии (Анфи-

мов И. Н., 1981), стоит несколько особняком. Во-первых, все погребения здесь совершены в курганных насыпях. И. Н. Анфимов, по-видимому, прав, объясняя это близостью грунтовых вод. Кроме того, в могильнике отсутствуют скорченные погребения и он отличается особенностями в ориентировке погребенных. Погребения, впущенные в курган I, имеют преимущественно юго-восточную ориентировку (11 погребений, т. е. 64%) и реже — южную и юго-западную (по 18%). Ориентировка погребений кургана II имеет двухвершинное распределение: преобладает северо-восточная (9 погребений, т. е. 60%), затем идут юго-восточная (27%) и восточная (13%). Из приведенных цифр видно, что если погребения кургана I вполне сопоставимы в отношении ориентировки с Николаевским и Кубанским могильниками, то курган II заметно от них отличается. Присутствие большой группы ориентировок северо-восточного сектора выделяет и могильник в целом. Особенностью Абинского могильника является также значительное количество парных (30%) и даже тройных (9%) погребений. Любопытно, что и в этом отношении курган I не аналогичен кургану II: в последнем совсем нет тройных, а двойные составляют только 20% против 39 в I кургане. Одиночные погребения, соответственно, составляют 80 и 44%.

Однако с остальными протомеотскими могильниками имеются общие черты: небольшая глубина ям, присутствие предметов конской сбруи, определенный порядок расположения инвентаря. Что касается самого инвентаря, то он не отличается от других протомеотских могильников. Можно отметить лишь ограниченность набора керамики — здесь встречаются только ковши и небольшие горшочки, тогда как в могильниках Прикубанья наряду с ними найдены корчаги (табл. 90, 6, 9), разнообразные горшки (табл. 90, 18, 22, 23, 27, 55), кувшинчики (табл. 90, 17), миски (табл. 90, 29, 38) и миски с высокими ручками (табл. 90, 39). Инвентарь из бронзы — двуколычатые (табл. 90, 7, 14), одноколычатые (табл. 90, 8, 16) и стремечковидные (табл. 90, 15) удила, ложковидные псалии (табл. 90, 12, 32, 33), бляхи конского убора (табл. 90, 34, 35, 46, 47), кольца с муфтообразной подвеской (табл. 90, 21), наконечники стрел (табл. 90, 20, 31) и копий (табл. 90, 1, 2, 11, 45), а также биметаллические кинжалы (табл. 90, 19, 30, 44) — сходен с изделиями так называемого киммерийского типа, известными на широкой территории Северного Кавказа, Подонья, Украины и Поволжья (Тереножкин А. И., 1976, рис. 1).

Один из самых интересных вопросов — связаны ли «протомеоты» с меотами? По-видимому, на него надо ответить утвердительно. Процент скорченных погребений убывает постепенно, однако они встречаются и в более поздних, несомненно, меотских памятниках. До самого конца меотской культуры найдено незначительное число погребений с южной ориентировкой, а в раннемеотский период их довольно много. «Переходят» к меотам и такие черты, как сопровождающие погребения коней (чаще целых), положение копья с левой стороны черепа, гальки. В раннемеотский период мы находим те же, хотя и несколько изменившиеся, формы керамики: черпаки, у которых петельчатая ручка перешла в руч-

ку с выступами, а резервуар расширился (табл. 91, 2, 3), кувшинчики (табл. 91, 15, 17), глубокие миски с налепами или выступами (табл. 91, 13).

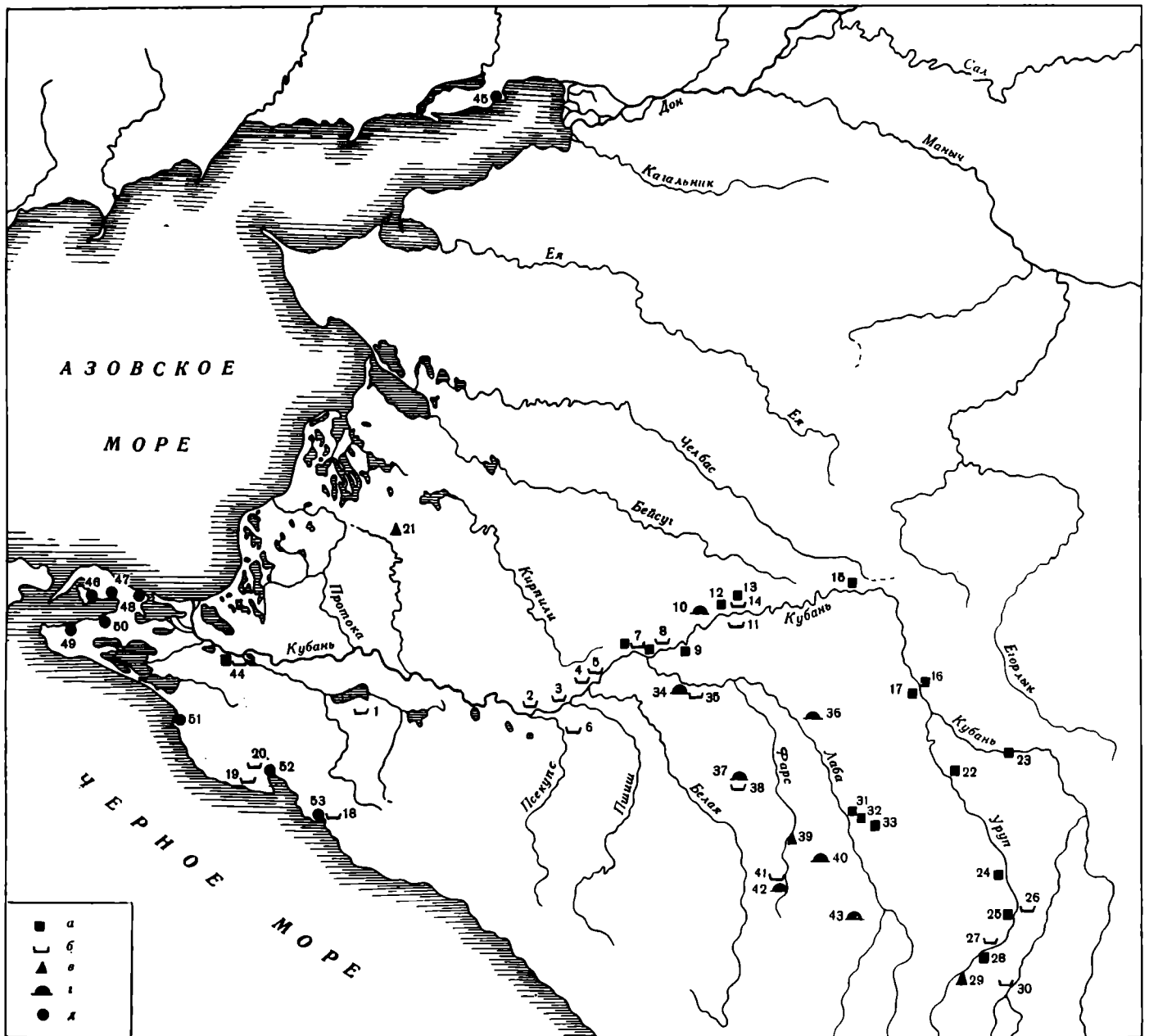
Раннемеотский период. Как сказано выше, раннемеотский период следует датировать концом VII—VI в. до н. э. Отметим, что именно к этому времени относятся и первые дошедшие до нас письменные сведения о меотах, хотя данные о них должны были поступать к грекам, по-видимому, уже с IX в. до н. э. Регулярные контакты греков с меотами возникают не позднее VII в. до н. э. Со времени организации колоний, т. е. с VI в. до н. э., эти связи должны были стать постоянными. Они документированы и археологическими находками привозной керамики: фрагмента ионийского сосуда VI в. до н. э., найденного на городище Пашковское 6 (сообщение А. А. Нехаева), двух аналогичных фрагментов обнаруженных В. Н. Каминским в районе городища Старокорсунское 5 (средневековое), киллика середины VI в. до н. э. из низовий Лабы (Сокровища..., 1985, рис. IV).

Именно к этому времени относятся сведения Гекатея о дандариях и синдах, а также о плохо известных типаниссах, причем два первых племени оказываются на тех местах, где их знают и более поздние авторы. Наши данные об этом периоде, как и о предыдущем, еще далеки от полноты и носят отрывочный характер.

В 1952 г. К. Ф. Смирнов указывал, что памятники VI в. до н. э. размещаются между Краснодаром и Усть-Лабинском (Смирнов К. Ф., 1952б). В настоящее время территория стала шире, но основные памятники, городища и могильники находятся в тех же пределах (карта 20).

Для характеристики культуры первостепенное значение имеют материалы поселений. К сожалению, из известных ныне более 30 городищ опубликованы материалы только небольших раскопок на городище Кавказское 6 (Анфимов Н. В., 1981б), расположенном значительно восточнее основных памятников в слабо изученном районе. Здесь оказался выразительный слой раннемеотского времени. Никаких строительных остатков не обнаружено, и мы можем говорить только о керамике. Чернолощенные сосуды представлены «большими грушевидными сосудами типа корчаг, небольшими одноручными кувшинчиками и мисками со слегка загнутым внутрь краем», а также «чашами» (Анфимов Н. В., 1981б, с. 63, 66, 69). Сосуды со сглаженной поверхностью — это в основном «большие горшки, некоторые с отогнутым краем», а также «небольшие одноручные кувшинчики, миски» (Анфимов Н. В., 1981б, с. 63, 66, 69). В общем обе группы дают приблизительно одинаковый (судя по описанию) набор форм. Обращает внимание отсутствие такой характерной формы, как ковши.

Материалы из могильников более обильны. Локальные различия, намечившиеся в протомеотское время, сказываются и на раннемеотском этапе. Еще К. Ф. Смирнов (1952б, 1958) отметил, что могильники Усть-Лабинский 2 и Пашковский 3 принадлежат двум различным племенам. Это подтверждено и нашими работами — речь идет об Усть-Лабинской и Краснодарской группах, к которым теперь можно добавить еще и Абинскую. Есть и об-

Карта 20. Памятники раннемеотского периода и синхронные им

a — поселения; *b* — грунтовые могильники; *v* — отдельные комплексы и находки; *g* — курганные могильники; *d* — греческие поселения

1 — Абинский; 2 — Пашковский 3; 3 — городище 2 хут. Ленина; 4 — Старокорсунское 3; 5 — Старокорсунское 2; 6 — Псекупские могильники; 7 — Усть-Лабинское 4 и Усть-Лабинский 4; 8 — Усть-Лабинское 3 и Усть-Лабинский 2; 9 — Мухинское поселение; 10 — курган 22 у станции Ладожская; 11 — Ново-Пеховский; 12 — Тбилиское 1; 13 — Тбилиское 6; 14 — Тбилиский 2; 15 — Кавказское 6; 16 — Прочноокопское 3; 17 — Армавирское; 18 — Толстый Мыс; 19 — Шесхарис; 20 — могильник в верховьях р. Дюрсо; 21 — налобник из могильника Ново-Николаевский 1; 22 — Заурупское; 23 — Маламино III; 24 — поселение у станции Отрадная; 25 — Романчук; 26 — Мокрянка; 27 — Байбарис; 28 — Заслонка; 29 — фибулы из урочища Редкодубье; 30 — Исправненский могильник; 31—33 — поселения у станции Владимирской; 34 — Ульский; 35 — Уляпский II; 36 — Большой Петропавловский; 37, 38 — Келермесский; 39 — находки у станции Мохашевская; 40 — Костромской курган; 41 — Фарс; 42 — Клады; 43 — Бесленевские курганы; 44 — Семибратнее городище и его могильник; 45 —

эмпорий Каменная лестница; 46 — Патрей; 47 — Кешы; 48 — Тирамба; 49 — Гермонасса; 50 — Фанагория; 51 — Горгишия; 52 — Баты; 53 — Торик

щие черты. Так, продолжает сохраняться малая глубина могил: в могильнике Усть-Лабинский 2 — 1—1,35 м, Пашковском 3 — 1,6 м. В значительном количестве встречаются скорченные погребения (табл. 92, 11): в могильнике Усть-Лабинский 2 они составляют 32%, в Пашковском 3 — даже 45%, но в Абинском их нет совсем. Число погребенных на левом и правом боках для первых двух могильников одинаково. В могильнике Усть-Лабинский 2 встречено одно погребение на спине коленями вверх. Напомним, что в Абинском могильнике скорченность не была характерна и для более ранних погребений.

Ориентировка погребенных не очень устойчива. В могильнике Усть-Лабинский 2 распространена южная, в Абинском — юго-восточная и юго-юго-вос-

точная. Южную ориентировку имеет погребение, раскопанное В. К. Гугуевым в 1980 г. в могильнике Усть-Лабинский 4. В могильнике Пашковский 3 такого единства нет, причем соотношение ориентировок здесь различно для синхронных скорченных и вытянутых погребений: для скорченных — южная (38%), восточная (12%), северо-восточная (25%) и северная (25%); для вытянутых — южная, юго-восточная (73%) и западная (27%). В ряде могил присутствуют кости животных. В могильнике Усть-Лабинский 2 встречены кости свиньи и лошади, в одном случае — череп собаки. В одном погребении могильника Пашковский 3 найдены кости коровы, а еще в двух — трубчатые кости животного неопределенного вида, т. е. непутственная пища присутствует в 15% погребений. В Абинском могильнике кости животных не встречены. В ряде погребений были положены гальки. Доля таких погребений в могильнике Усть-Лабинский 2 составляет 29%, а Пашковском 3 — 15%. В последнем галька помещена в могилу со скорченным костяком, а при одном из вытянутых костяков 19 галек были положены в горшок. Только в могильнике Пашковский 3 и только у вытянутых погребений наблюдаются случаи положения миски под голову покойного. Из других черт отмечены случаи (50%) двойных погребений в Абинском могильнике и там же связь погребений с курганной насыпью. Кроме Абинского могильника, где все погребения, в том числе и раннемеотские, были впущены в насыпь более ранних курганов, можно указать еще курган 22 у станицы Ладожской.

Среди описываемых погребений нет богатых, инвентарь, как правило, не очень обильный. Прежде всего это лепная керамика, лощеная и со сглаженной поверхностью (табл. 91, 1—17). Набор форм в обеих группах приблизительно одинаков. Деление на локальные варианты сказывается уже в технологии: в Краснодарской группе (могильник 3 Пашковский) в качестве примеси используются шамот и изредка песок, а в Усть-Лабинской — мелкая дресва и песок (могильник Усть-Лабинский 2).

Керамика в раннемеотский период украшена иногда геометрическим орнаментом (табл. 91, 1—4). Н. В. Анфимов пишет, что на посуде из могильника Усть-Лабинский 2 он был резным. На керамике с Мухинского поселения и городища Пашковское 6 зафиксирован только процарапанный, выполненный уже по обожженной поверхности. В отношении форм можно говорить о большем их разнообразии по сравнению с протомеотским этапом. Наиболее яркой и известной формой являются ковши с высокими ручками. Они представлены двумя вариантами. В могильниках Усть-Лабинский 2 и 4, в кургане 22 у станицы Ладожской, в Ново-Пеховском и Псекупском могильниках, а также на городище Пашковское 6 ручки ковшей украшены двумя выступами (табл. 91, 2, 3), что некоторые исследователи склонны рассматривать как зооморфный элемент. Аналогичный ковш встречен и в Абинском могильнике, но там же обнаружены и ковши с цилиндрическим выступом на ручке. В порядке выявления локальных вариантов отметим, что на городище Кавказское 6 и в могильнике Пашковский 3 ковши не найдены — они, по-видимому, не характерны для этих районов. Как бы в порядке компенсации в могильнике Паш-

ковский 3 присутствуют «бокаловидные кубки» с ручкой, высокие, стройные пропорций (табл. 91, 16). Характерны они и для соседнего могильника городища 2 у хут. Ленина. Насколько можно судить, позднее эти кубки теряют стройность и получают более широкое горло, сближаясь с кувшинчиками.

Вероятно, на всей территории распространены различные варианты глубоких мисок: с наклоненными внутрь бортиками или с плавно закругленными стенками (табл. 91, 13). К ним примыкает «плошка» с налетами из могильника Тбилисский 2. В могильниках Усть-Лабинский 2 и Старокорсунский 2 встречены полшаровидные или сегментовидные чаши (табл. 91, 10). Из других форм в погребениях и на городищах отмечены горшочки, вазочки (табл. 91, 6), вазы (табл. 91, 7), горшковидные сосуды с ручками (табл. 91, 5, 17), корчаги (табл. 91, 1).

Остальной материал представлен менее полно. Из вооружения известны наконечники копий, железные трехперые втульчатые наконечники стрел (табл. 93, 31) и длинный меч с брусковидным навершием без перекрестья (табл. 93, 10). Если вооружение меоты изготавливали только из железа, то аналогичный переход в производстве конской сбруи еще не завершился. Наряду с железными удилами мы встречаем бронзовые со стремечковидными окончаниями (Абинский могильник). Из других предметов «мужского» снаряжения в погребениях найдены железные ножи, оселки, бронзовое шило. Из украшений — серьги в виде конусовидных подвесок (табл. 93, 55) и в виде стержней с нанизанными на них бусами (табл. 93, 56); браслеты с несомкнутыми утолщенными концами и спиральные, а также бусы. Последние снова опровергают тезис о позднем появлении античного импорта у меотов. Наконец, в нескольких могилах Усть-Лабинского могильника 2 найдены каменные плиты, которые, по-видимому, являлись алтарями.

По письменным источникам меоты жили и вдоль побережья Азовского и Черного морей. Об отсутствии выразительных находок VI в. до н. э. в приазовских плавнях уже говорилось. Интереснее обстоит дело на Черноморском побережье, где нам известен ряд памятников раннемеотского периода. Это прежде всего геленджикские подкурганые дольмены на Толстом Мысу (Аханов И. И., 1961), резко отличающиеся по обряду от всего, что ранее рассматривалось нами. Здесь мы имеем каменные ящики, ведущие свое происхождение от кавказских дольменов и демонстрирующие, следовательно, древнюю местную традицию. На связь с дольменами указывает не только общая схема, но и пазы для сборки ящика, и главным образом отверстие в передней стенке. Об обряде судить трудно — все захоронения ограблены. Можно указать только, что ящики отверстием ориентированы на юго-юго-запад (14 штук) и юго-запад (11 штук), остальные ориентировки (юг, запад и восток-юго-восток) единичны. Отмечены как одиночные, так и групповые захоронения, что сближает их с Абинской группой. И. И. Аханов пишет: «...погребенных помещали в первую очередь в передних, а затем в задних углах и вдоль стен, по-видимому, в сидячем или скорченном положении» (1961, с. 143

сл.). Это сообщение, вероятно, следует рассматривать как гипотезу.

В ящиках, кроме общестадиального инвентаря — бронзовых наконечников копий, двухлопастных стрел, иголок, типичных блях от конской сбруи, спиральных пронизей, железных наконечников копий, ножей и боевых топоров, имеются вещи, не представленные в рассмотренных выше группах, — это два типа булавок (Аханов И. И., 1961, рис. 6). Очень любопытна керамика: ковши с цилиндрическими или, скорее, грибовидными выступами наверху ручек, очень близкие ручкам ковшей Абинской группы. Напомню, что Абинск и Геленджик находятся по прямой на расстоянии примерно 35 км. Правда, их разделяет Большой Кавказский хребет, но он здесь невысок и не мог служить препятствием для сообщения. Наблюдаются некоторые отличия и в других типах сосудов. И. И. Аханов полагает, что могильник принадлежит торетам и датируется VII в. до н. э., однако пятая и шестая группы дольменов датируются уже IV в. до н. э., так как содержат фрагменты амфор и чернолаковых сосудов (Аханов И. И., 1961, с. 147).

На Черноморском побережье известен еще ряд погребений этого времени в каменных ящиках, к сожалению, они не опубликованы. О некоторых из них сообщает А. В. Дмитриев (1974). Обычай сооружения каменных ящиков или гробниц надежно связывает указанные памятники с местной кавказской традицией и отличает их от могильников кубанских меотов.

И в последующее время на указанной территории продолжают сооружаться каменные ящики и кромлехи (Крушкол Ю. С., Карасев В. Н., 1971, 1972, 1973). Распространяются они до Анапы. Памятники на Черноморском побережье находят на местах расселения торетов и керкетов, ахаев и зихов.

Синдам принято приписывать сырцовые гробницы. Допустима связь между каменными и сырцовыми гробницами. Народ, имевший традицию сооружения каменных гробниц, выйдя на равнину (в дельту Кубани), где нет камня, мог заменить его сырцовым кирпичом. Вероятно, тем же обстоятельством — отсутствием камня — можно объяснить и другой тип погребальных сооружений у меотов Прикубанья, но это объяснение не всегда выглядит естественно. Скажем, в том же Абинске до гор очень близко. На современной стадии изучения приходится констатировать различие обряда и подозревать Страбона в ошибке, когда он отнес торетов и их соседей в состав меотских племен. С другой стороны, лепная керамика из Торика вопреки Н. А. Онайко не может быть объяснена греческими традициями — она типично меотская. В дальнейшем мы не будем касаться этого района, так как с момента возникновения греческих колоний он оказывается тесно связанным с ними и описывается как их хора.

Среднемеотский I период (V—III вв. до н. э.). Указанный период уже повсеместно (кроме, пожалуй, восточных районов) представлен достаточно обильным материалом. Рассмотрение начнем с северо-запада (карта 21). Но прежде всего нужно сказать о серолощенной керамике — одной из характернейших черт меотской культуры. Это сосуды из

хорошо отмученной глины серого цвета, позднее появляются желтоглиняные и красноглиняные сосуды. В ряде групп, преимущественно западных, керамика изготовлялась без искусственных примесей. В Усть-Лабинской и более восточных группах отмечается примесь мелкой дресвы. Поверхность может быть лощеной (от руки или на круге) или без лощения. Вот ее-то и называют обычно сероглиняной или серолощенной. Эти термины при определении вида являются синонимами и только при характеристике отдельных сосудов приобретают конкретный смысл.

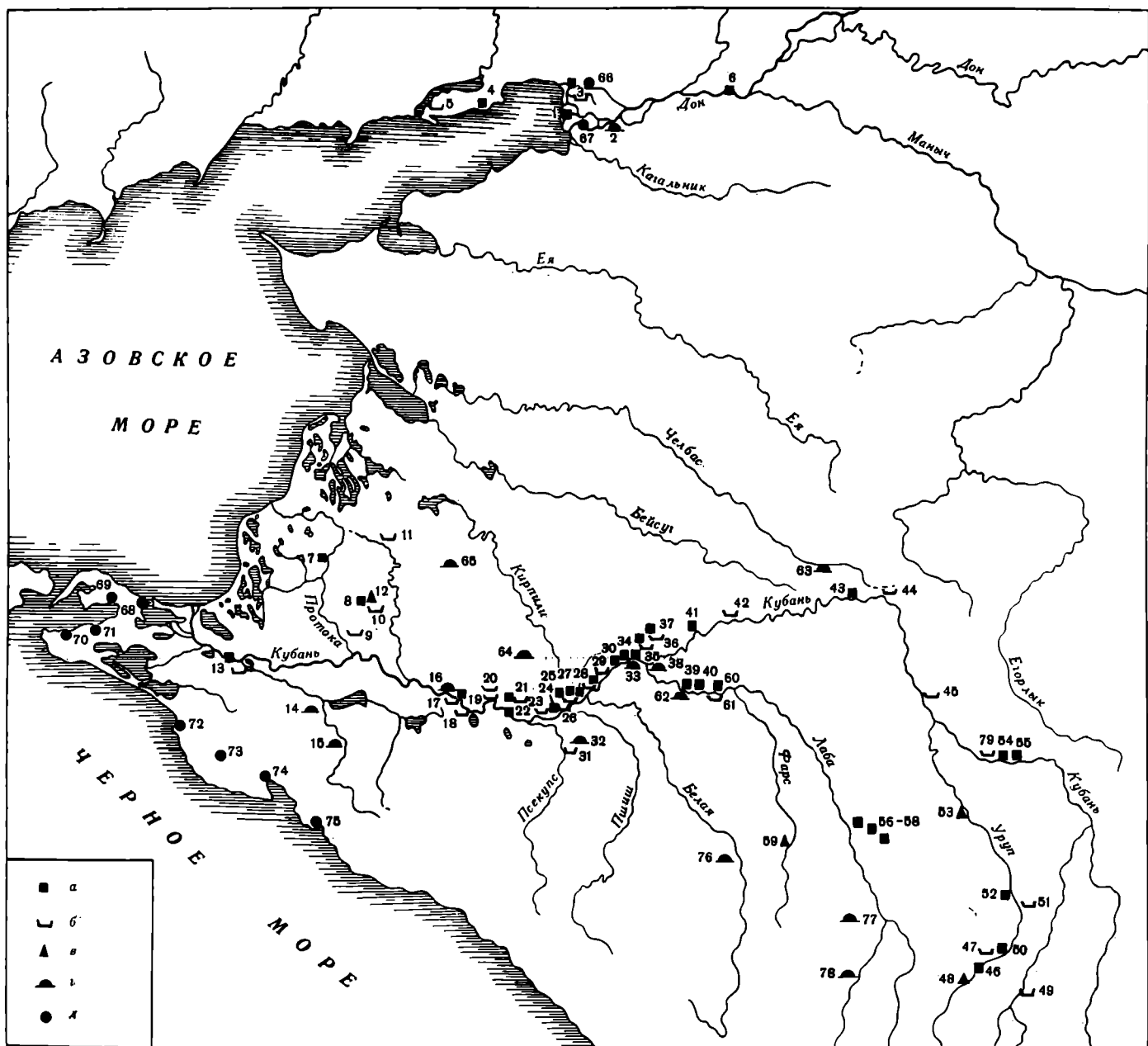
По р. Кирпили, впадающей в Азовское море у Приморско-Ахтарска, известна серия городищ, которые датируются эллинистическим временем. Следовательно, история данного района начинается только в самом конце рассматриваемого периода.

Территория между реками Кирпили и Кубань определяется обычно как земля дандариев. Практически все обнаруженные здесь памятники относятся к рассматриваемому периоду. В настоящее время на этой территории известны Беликовское и Красноармейское (Анфимов Н. В., 1981б, 1985) поселения. С последним, возможно, связана находка монетного клада III в. до н. э. (Анфимов Н. В., 1949, 1952). Сейчас открыты могильники дандариев, два из которых — у хут. Зеленского и в станице Красноармейской — пока не подвергались раскопкам. Поступившие оттуда вещи Н. В. Анфимов (1952) датирует IV — началом III в. до н. э. Третий могильник — Лебеди III — исследовался Северокавказской экспедицией в 1979—1981 гг. На нем раскопано более 400 погребений (Каменецкий И. С., 1980, 1981).

Группа между синдами и краснодарскими городищами, которую мы называем Абинской, совсем не ясна. Здесь известны лишь несколько курганов, раскопанных в конце XIX в. Это остатки инвентаря богатого погребения в кургане около с. Мерджаны, раскопанного местными жителями в 1876 г. (ОАК за 1877 г., с XXV), и курган у Крымска. В последнем Филицыным в 1888 г. открыта четырехкамерная гробница, где в сопровождении очень обильного инвентаря были похоронены мужчина и женщина, оба головой на восток (ОАК за 1882—1888 гг., с ССХVI—ССХХ).

Краснодарская группа наряду с Усть-Лабинской относится к наиболее исследованным. Из городищ более всех раскопано Елизаветинское (Городцов В. А., 1935, 1936, 1941; Шилов В. П., 1955), где есть хорошо выраженный слой IV—III вв. до н. э. Этому городищу принадлежит грунтовой могильник, который исследовался в 1934—1935 гг. В. А. Городцовым (свыше 100 погребений), в 1928 г. — М. В. Покровским (15 погребений) и Н. В. Анфимовым. Значительная часть погребений относится к IV—III вв. до н. э., но, возможно, есть и V в. до н. э. В некрополь Елизаветинского городища входит курганная группа V—IV вв. до н. э., где производил раскопки Н. И. Веселовский.

Из других памятников на правобережье Кубани следует упомянуть могильники Елизаветинского городища 2, где вскрыто более 200 погребений IV—I вв. до н. э. (Анфимов Н. В., 1954; Анфимов И. Н., 1984), Папковский 3 (Смирнов К. Ф., 1958) и Паш-

Карта 21. Памятники среднемеотского I периода и синхронные им

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — комплексы и отдельные находки; г — курганные могильники; д — греческие поселения

1 — Елизаветовское (Дон); 2 — Елизаветовские; 3 — Лагутник, Бугры I; 4 — Золотовское; 5 — Беглицкая Коса; 6 — Арпачинское поселение; 7 — Беликовское поселение; 8 — Красноармейское поселение; 9 — Зеленский; 16 — Красноармейский; 11 — Лебеди III; 12 — монетный клад из станции Старошижнестеблиевской; 13 — Семibrатнее городище и его могильники; 14 — курган у г. Крымска; 15 — курган у с. Мерджаши; 16 — курганы у станции Елизаветинской (Кубань); 17 — Елизаветинское I и его грунтовый могильник; 18 — могильник Елизаветинского II; 19 — Краснодарский на территории учхоза; 20 — Краснодарский за кожзаводами; 21 — Краснодарский на Почтовой улице и Краснодарское в горнярке; 22 — Краснодарское КРЭС; 23 — Пашковский 3; 24 — Пашковское 6 и его могильник; 25 — городище 2 у хут. Ленина; 26 — могильник городищ 2 и 3 у хут. Ленина; 27 — городище 3 у хут. Ленина; 28 — могильник городища Старокорсунское 3; 29 — могильник городища Старокорсунское 2; 30 — Лесной кордон III; 31 — Псекупские

могильники; 32 — Начерзий; 33 — курганы городища Воронежское 1; 34 — Воронежское 2; 35 — Воронежское 3; 36 — Усть-Лабинское 4 и Усть-Лабинский 4; 37 — Усть-Лабинское 3 и Усть-Лабинский 2; 38 — курганы у станции Некрасовской; 39 — поселение Ново-Лабинское 1; 40 — Ново-Лабинское II; 41 — Ладожское 8; 42 — могильник городища Тбилиское 1; 43 — Кавказское 6; 44 — Темижбекский 1; 45 — Прочноокопский; 46 — Заслонка; 47 — Байбарис; 48 — фибулы из Редкодубья; 49 — Исправненский; 50 — Романчук; 51 — Мостовой; 52 — поселение у станции Отрадной; 53 — каменная баба из станции Бесскорбной; 54 — Маламино II; 55 — Маламино III; 56—58 — поселения у станции Владимирской; 59 — находки у станции Мохашевской; 60 — Тенгинское II; 61 — Уляпский II; 62 — Уляпские курганы; 63 — могила скифского времени на Краснодарской ОС; 64 — погребение кургана 2 у станции Пластуновской; 65 — «скифские погребения с настилами» на Понуро-Калининской ОС; 66 — Танаис; 67 — греческий эмпорий на Елизаветовском (Дон) городище; 68 — Тирамба; 69 — Кепы; 70 — Гермонасса; 71 — Фанагория; 72 — Горгишния; 73 — Раевское городище; 74 — Баты; 75 — Торик; 76 — Курджипский; 77 — Бесленевские; 78 — Псебайские; 79 — Кургаковский

ковского городища 6, давший 110 погребений, большая часть которых IV—III вв. до н. э. (Анфимов Н. В., 1973).

На левом берегу Кубани к среднемеотскому I периоду уверенно могут относиться лишь грунтовой могильник Псекупс (Ловпаче Н. Г., 1984) и курганный могильник у аула Начерзий (Ждановский А. И., Дитлер П. А., 1977). В Усть-Лабинской груше по-прежнему основным памятником является могильник Усть-Лабинский 2. Имеются и другие памятники V—III вв. до н. э., однако они пока слабо исследованы.

Существует мнение, что в описываемое время поселения не имели укреплений. Действительно, на Беликовском и Красноармейском поселениях, функционировавших в этот период, отсутствуют следы укреплений. Можно, конечно, предположить, что многочисленные лиманы и протоки страны дагдариев служили им достаточно надежной защитой. Но надо принимать во внимание и то, что поселения еще не подвергались раскопкам, а распушка могла снивелировать следы рвов, которые здесь, учитывая высокий уровень грунтовых вод, не могли быть особо мощными. Не имеет видимых следов укреплений и поселение Ново-Лабинское 1, расположенное в Закубанье, на нижнем течении р. Лабь. Это подтверждает указанную гипотезу. Но есть факты и противоположного рода. Елизаветинское городище прекратило функционировать не позднее I в. до н. э., однако имеет развитую систему укреплений: две «цитадели» и внешний ров. Сомнительно, чтобы все они возникли уже после III в. до н. э. На городище 2 у хут. Ленина раскопками был исследован «внутренний» ров. На дне его оказалась керамика IV в. до н. э., что надежно датирует время сооружения рва (Лимберис Н. Ю., 1984). По-видимому, для разных районов ситуация была различной и гипотеза о позднем возникновении укреплений не может относиться ко всем меотским поселениям.

О планировке городищ этого времени пока судить трудно. Можно только предполагать, что они строились по тому же принципу, что и в последующий период. Конкретные данные мы имеем только по городищу 2 у хут. Ленина. Там находилась небольшая «цитадель», уничтоженная размывом берега зимой 1979/80 г. Вокруг нее располагалось поселение, защищенное упомянутым выше рвом. Конструкция рва достаточно оригинальная — он слагался из трех небольших рвов глубиной 3,5—4,5 м. Таким образом, общий ров имел сложный рельеф дна. Вал находился с внешней, напольной стороны. Двойной или тройной ров виден в обнажении Старокорсунского городища 4, а на городище Лесной Кордон III на внешней линии укреплений с напольной стороны расположен вал. К этому еще можно добавить, что на поселениях Красноармейском и Ново-Лабинском 1 имеются всхолмления, которые в археологии получили название «жилые холмы». До раскопок трудно судить об их природе. Название предполагает, что территория поселений не была застроена, а имелись отдельные усадьбы. Существовавшее длительное время на одном месте, они дали холмы культурного слоя. Иными словами, жилые холмы рассматриваются как тели. На Ново-Лабинском городище 2 один жилой холм был разрезан ороситель-

ным каналом. Оказалось, что всю толщу холма составляет зола с редкими прослойками глины. Такая структура говорит в пользу второго объяснения происхождения холмов — это зольники, т. е. культовые места, связанные с культом очага, который делал священной и золу из очагов. Отметим также, что Красноармейское поселение не связано с рекой или лиманом. По-видимому, это объясняется высоким уровнем грунтовых вод в дельте, который облегчал рытье колодцев и делал связь с рекой необязательной. Наконец, на поселениях Красноармейское и Ново-Лабинское 1 отсутствуют «цитадели», столь характерные для меотов в более позднее время. До раскопок мы не можем решить — является ли это общей особенностью всего периода или свойственно только неукрепленным поселениям.

К сожалению, никаких сооружений V—III вв. до н. э. пока не найдено и о строительстве свидетельствуют только многочисленные «обломки каменных обожженных и необожженных полов жилищ, обожженного светлого кирпича, найденных на Елизаветинском городище» (Шилов В. П., 1955, с. 235). Материал с городищ трудно сопоставим. Полную характеристику мы имеем только для Елизаветинского городища на основании раскопок В. П. Шилова 1952 г. (Шилов В. П., 1955). Нижний (второй) слой городища надежно датируется по амфорам и чернолаковой керамике IV—III вв. до н. э. Лепная керамика здесь сделана «из грубого теста с включениями зереп кварца и шамота» (там же, с. 239). О раннемеотской чернолощеной керамике нет и упоминания, но хорошо представлена серолощено-ная, изготовленная на круге (канфары, миски, кувшины, рыбные блюда), и красноглиняная гончарная местная керамика (миски, кувшинчики, рыбные блюда, кастрюли, шифсы). Такая ситуация еще раз подтверждает, что смена лепной чернолощеной керамики произошла до IV в. до н. э.

О хозяйстве этого времени могут свидетельствовать находки трапециевидных рыболовных грузил (табл. 93, 6), грузиков от вертикальных ткацких станков, обломков зернотерок, а также кости животных, среди которых преобладают кости коровы и примерно в равных долях представлены овца, свинья и лошадь. Имеются также кости собаки и единичные кости диких животных — лисицы и оленя (Шилов В. П., 1955, с. 247).

Число исследованных погребений V—III вв. до н. э. приближается сейчас к тысяче, но опубликовано, конечно, гораздо меньше. Локальные варианты сохраняются, но происходит известная нивелировка погребального обряда. Прежде всего отметим, что наряду с грунтовыми могильниками имеются и курганные. Чисто курганным является, вероятно, только один могильник — у аула Начерзий. В отдельных случаях курганы включены в грунтовые могильники, располагаясь чаще на их окраине. С курганами обычно связаны наиболее богатые погребения. Несколькими такими курганами исследовано на могильнике Лебеди III; широко известны раскопанные Н. И. Веселовским курганы у станции Марьянской (с шатровым перекрытием), Елизаветинской, Воронежской и т. д. Самое богатое погребение на могильнике Лебеди III дает некоторый материал для понимания структуры общества: в нем погре-

бение война сопровождали погребения женщины, лежавшей рядом, и мужчины, положенного в ногах, а также семь лошадей. Весьма богат и разнообразен инвентарь. Наличие таких погребений указывает на далеко зашедшее имущественное и социальное расслоение внутри меотских племен.

Погребальный обряд частично сохраняет старые черты, наряду с которыми появляются и новые. Отмечается увеличение глубины могил по сравнению с предшествующими эпохами. Так, в могильнике Усть-Лабинский 2 глубина варьирует от 1,05 до 1,9 м (Анфимов Н. В., 1951а, с. 162), а в могильнике городища 2 у хут. Ленина — от 0,8 до 2,8 м (Аптекарев А. З., 1981б). У дандариев могилы остаются мелкими, но это вызвано высоким уровнем грунтовых вод: глубина погребения у хут. Зеленского — 0,9 м, на могильнике Лебеди III она не превышала 1 м.

В нескольких случаях прослежена форма могильных ям (Аптекарев А. З., 1981б; Куликова О. П., 1981): они прямоугольные, иногда со скругленными углами. Есть основание предполагать, что некоторые погребения совершались на дневной поверхности с последующей засыпкой. Это относится к погребению 1 могильника Лебеди III (Каменецкий И. С., 1981) и, вероятно, к наиболее богатому погребению могильника Начерзий (Ждановский А. М., Дитлер П. А., 1977). В последнем случае можно предполагать сооружение под погребальной площадкой шатрового перекрытия.

В среднемеотский I период абсолютно преобладает вытянутое положение покойных. Встречаются и скорченные, но их мало: на более чем 400 погребений могильника Лебеди III имеется только одно скорченное; в могильнике Усть-Лабинский 2 также одно скорченное на правом боку погребения на 15 исследованных; 5 скорченных погребений из 95 — в могильнике Елизаветинский 1. Встречено некоторое число погребений с согнутыми в коленях ногами: по два в могильниках Усть-Лабинский 2 и Елизаветинский 1. Для последнего В. А. Городцов отмечает один случай сидячего погребения. Более детально о позах погребенных говорится редко; для могильника городища 2 хут. Ленина отмечены случаи перекрещенных ног (Лимберис Н. Ю., 1984).

Ориентировка погребенных во многих случаях сохраняется южная: она господствует в могильниках Усть-Лабинский 2, городища Пашковское 6, Пашковский 3, где сопровождается юго-восточной; в Краснодарском могильнике за кожзаводами; в могильнике городища 2 у хут. Ленина сопровождается юго-восточной и юго-западной; погребения южной ориентировки имеются в Елизаветинском 2 могильнике. В могильниках Начерзий и городища 3 у хут. Ленина преобладает юго-восточная, ту же ориентировку имеют одиночные погребения Темижбекского и Прочноокского, а также Зеленского могильников. В могильнике же Лебеди III безраздельно господствует широтное направление, причем восточная и западная ориентировки представлены приблизительно равным числом; восточная ориентировка является главной в могильнике Елизаветинский 1. Но следует иметь в виду, что для этого могильника не отделены погребения II в. до н. э.

Только в Краснодарской и более западных груп-

пах наблюдается обычай положения миски под голову погребенного. Он зафиксирован в могильнике Пашковский 3, городища 2 хут. Ленина, Зеленском, Красноармейском, Лебеди III. Видимо, близок этому обряд положения миски вверх дном рядом с черепом, что отмечено для могильника городища 3 хут. Ленина, для могильников Пашковского городища 6 и Лебеди III. В могильнике Усть-Лабинский 2 такой обряд не прослежен. Продолжается положение в могилу боевых коней в сбруе (табл. 92, 5): могильники Лебеди III, городища 2 и 3 у хут. Ленина, Пашковского городища 6. Количество захороненных лошадей, вероятно, свидетельствовало о богатстве и социальной значимости погребенного. Наиболее богатое погребение в могильнике Лебеди III сопровождалось семью конями. Более 20 лошадей находилось в главном погребении могильника Начерзий. Отметим еще продолжающий бытовать обычай положения в могилу галек или мелких камней, причем иногда их клали в сосуд. Во многих могилах обнаруживаются остатки заупокойной пищи. Мы ее фиксируем только тогда, когда встречаем кости животных. В действительности этот обычай был распространен, по-видимому, значительно шире. Не исключено, что сосуды ставили в могилу не пустыми, а наполненными какой-нибудь пищей или напитками. Можно предположить и положение пищи без сосудов, например хлеба или мяса, но без костей. По костям же мы фиксируем мясо коров, овец и свиней. Можно отметить по материалам могильников Лебеди III и у хут. Зеленского, что предпочтение отдавалось либо целым тушам, либо передней части, либо голове животного.

Погребальный инвентарь весьма разнообразен. Конечно, главное (количественно) место занимает керамика. Считается, что в этот период гончарная керамика начинает вытеснять лепную и обе группы представлены примерно в одинаковых долях. Мнение это сложилось на основе изучения могильников Усть-Лабинский 2 и Пашковский 3, подтверждено позднейшими раскопками в могильнике у аула Начерзий. Н. В. Анфимов указывал, что гончарная сероглиняная керамика в могильнике Усть-Лабинский 2 количественно равна лепной (Анфимов Н. В., 1951а, с. 166). Примерно ту же картину мы имеем и для могильника Пашковский 3, но в отличие от могильника Усть-Лабинский 2 здесь сохраняется еще ранняя лепная чернолощенная керамика. Этот архаизм вызывает удивление особенно потому, что не только ниже по течению Кубани (Елизаветинский могильник), т. е. ближе к Боспору, но и выше (городище Пашковское 6) чернолощенной керамики уже нет, а в ряде могильников, например Елизаветинском и Лебеди III, городища 2 хут. Ленина, сероглиняная гончарная керамика уже решительно преобладает. Это обстоятельство, вызывавшее недоумение основного исследователя Пашковского могильника (Смирнов К. Ф., 1958, с. 302), не нашла объяснения до сих пор. В чернолощеную керамику из могильника Пашковский 3 входят биконические и грушевидные корчаги, горшки, миски с наклоненным внутрь бортиком, бокаловидные кубки, кувшинчики, вазочки, сосуды с каннелюрами. Отметим, что некоторые следы традиции чернолощенной лепной керамики имеются и на других памятниках. Так,

А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский видели такие следы в двух сероглинящих сосудах Марьянского кургана (Иессен А. А., Пиотровский Б. Б., 1940). Среди простой лепной керамики на всех памятниках начинают преобладать горшки без выделенного горла (табл. 91, 50, 57), но встречаются горшки с низким и с расширяющимся кверху горлом (табл. 92, 52, 54). Более редки миски (табл. 91, 28, 46, 58). В могильнике Усть-Лабинский 2 встречены крупные корчагообразные горшки, возможно, продолжающие традицию предшествующего периода (табл. 91, 48). В могильнике Пашковский 3, кроме того, найдены двучленные сосуды с ручками-упорами (табл. 91, 53), шаровидные горшочки и кувшинчики (табл. 91, 49, 51, 55, 56).

Что касается серолощеной гончарной керамики, то практически вся она имеет в это время кольцевые поддоны. Судя по рисункам посуды из могильника Усть-Лабинский 2 появляется и скрытый поддон. Повсеместно встречаются кушины (табл. 91, 18—25), преимущественно с овальным туловом, плавно переходящим в горло, и разнообразие миски (табл. 91, 31—37). Более редки кувшинообразные сосуды без ручек (табл. 91, 26), двуручные кувшины-амфоры (табл. 91, 29, 30), широко распространяются вазочки (табл. 91, 40, 41), круглодонные горшочки с ручками-упорами (табл. 91, 44, 45), кружки (табл. 91, 38, 39), рыбные блюда и др.

Не только в мужских, но и в женских погребениях довольно часто встречается оружие. По-прежнему излюбленным его видом остается копьё (табл. 93, 11, 30, 48). Чаще всего это легкие копьё с ланцетовидными наконечниками, которые клали в могилу по нескольку штук, преимущественно с правой стороны от покойного. Употреблялись они, вероятно, для метания. Распространены повсеместно. Только в могильниках Начерзий и хут. Зеленского отмечена находка втоков. Наряду с легкими встречаются тяжелые наконечники с относительно широким пером (Лебедеи III). Они уже явно не могли быть использованы для метания.

В начале периода мы встречаем скифские акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, иногда с когтевидным навершием. Позднее основной формой становится рукоять с брусковидным навершием без перекрестья (табл. 93, 1, 9). Встречаются два типа мечей: одни — с длинными узкими клинками, другие — с широкими треугольными (на Лебедах III найдены клинки, имеющие у основания ширину 11—12 см). Кинжалы довольно редки. Наконечники стрел, трехперые втульчатые, делали из железа (табл. 93, 49, 51). Бронзовые составляют редкое исключение. Защитное вооружение встречается редко, почти исключительно в богатых курганных погребениях. Можно указать на остатки бронзового шлема в погребении 1 могильника Лебедеи III, на два пластинчатых железных панциря в погребениях могильника городища 3 хут. Ленина, два бронзовых шлема в кургане у Мерджан близ Абинска.

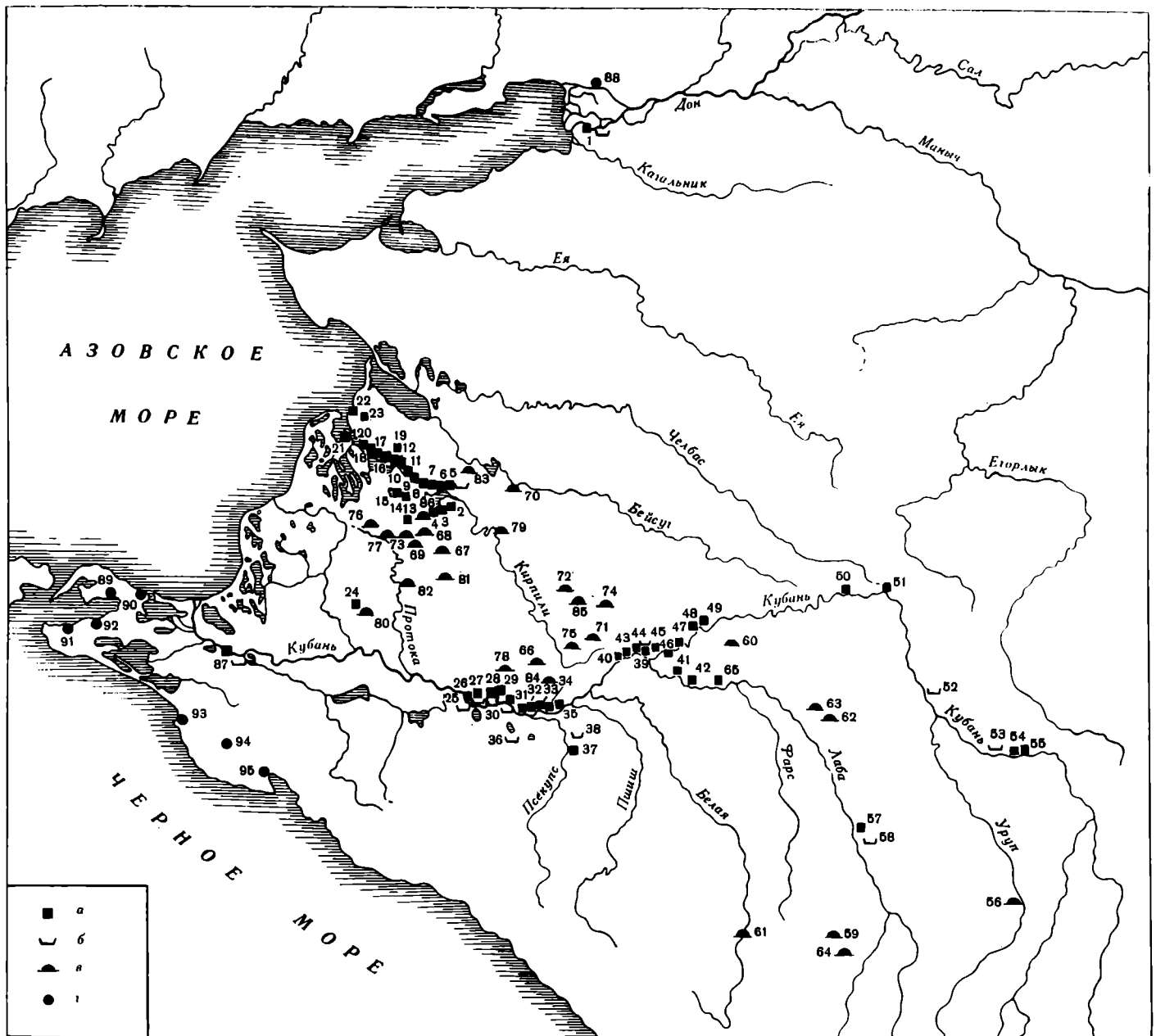
Конская сбруя представлена обычно железными двучленными удилами с крестовидным насадом (табл. 93, 29), имеющим иногда обращенные внутрь шипы, что делает удила строгими. Иногда удила сочетаются с двухдырчатыми псалиями. Железные

псалии обычно прямые, бронзовые, могут быть S-видными (табл. 93, 25, 28) или оформленными в зверином стиле. Из последних наиболее характерны согнутые под прямым углом и образующие ажурную пластину, дополненную гравировкой (табл. 93, 26, 27), противоположный конец часто оформляется в виде конской ноги (Артамонов М. И., 1966, рис. 75, табл. 142, 143). В состав сбруи входят различные бляхи, чаще всего круглые гладкие (табл. 93, 57, 61, 63), но иногда оформленные в зверином стиле, а также налобники (табл. 93, 38, 59), из которых наиболее известны скульптурные головки грифонов (например, из Лебедей III — табл. 93, 39). В кургане у станции Елизаветинской встречены остатки колесницы.

Широко распространены украшения, причем по наблюдениям над инвентарем в погребениях из могильника Лебедеи III они встречаются и в мужских могилах. Наиболее типичны литые серьги в 1,5 оборота с пирамидками на концах (табл. 93, 41) и серьги в виде колечек (табл. 93, 44, 45). Браслеты представлены двумя основными типами: спиральными (табл. 93, 43) и массивными литыми с насечками на несомкнутых концах (табл. 93, 66, 71). Реже встречаются гривны — золотые или бронзовые, диадемы. Широко распространены бронзовые перстни с резными щитками (табл. 93, 60, 62) и, конечно, разнообразные бусы. Золотые нашивные бляшки сопровождают наиболее богатые погребения. Изредка попадаются раковины типа каури (могильник городища Пашковское 6). Из других находок отметим разного типа зеркала (табл. 93, 42), железные ножи (табл. 93, 35), пряслица, серпы (табл. 93, 36), каменные плиты. В могильнике Лебедеи III найдены каменные двухдырчатые сетевые грузила того типа, который широко известен на памятниках нижнего Дона в первые века нашей эры (табл. 93, 5), но совсем не характерен для меотских Прикубанья.

И, наконец, импортные изделия. Кроме предметов редких и ценных, таких, как бронзовые сосуды, ювелирные изделия, встреченных в богатых погребениях, в массовом количестве найдены амфоры, чернолаковая посуда, бусы и, вероятно, еще ряд категорий предметов, импорт которых не столь очевиден. Например, определенные типы зеркал. Вопрос об импорте важен и для выяснения торговых связей, и для датировки. Надо отметить, что именно в описываемый период число импортных изделий в могилах особенно велико. Ни до этого, ни в более позднее время мы такого изобилия не обнаруживаем. Особенно это касается IV в. до н. э. — времени присоединения меотских племен к Боспору, из чего можно заключить, что присоединение носило не только политический и военный характер, но и экономический. Меотские племена оказываются втянутыми в интенсивную торговлю с греческими колониями. Амфоры найдены повсеместно — как на городищах, так и в погребениях.

Реже, но тоже достаточно обычно находки чернолаковых сосудов. Так, в погребениях на могильнике Лебедеи III найдены несколько чернолаковых скифосов, канфаров, киликов, солонок и донышек от чернолаковых тарелок, а также краснофигурные рыбное блюдо и два скифоса. Все они датируются тремя последними четвертями IV в. до н. э.

Карта 22. Памятники среднемеотского II периода и синхронные им

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — курганные могильники; г — греческие поселения
 1 — Азовское (Крепостное) и его могильник; 2 — Роговское 1; 3 — Роговское 2; 4 — Роговское 3; 5 — Ново-Джерелиевское 1 и его могильник; 6 — Ново-Джерелиевское 2; 7 — Ново-Джерелиевское 3; 8 — Ново-Джерелиевское 4; 9 — Ново-Джерелиевское 5; 10 — Степное 2; 11 — Степное 3; 12 — Степное 1; 13 — Большой Редант; 14 — Могукоровское 2; 15 — Могукоровское 1; 16 — Черняевский Редант; 17 — Черный Редант; 18 — Чумяной Редант; 19 — Черепяной Редант; 20 — Ново-Покровское; 21 — Терноватый Редант; 22 — Приморско-Ахтарское 1; 23 — Приморско-Ахтарское 2; 24 — Красноармейское поселение; 25 — Елизаветинское I и его могильник; 26 — Елизаветинское II и его могильник; 27 — Краснодарский на Почтовой улице и Краснодарское в горпарке; 28 — Краснодарское КРЭС; 29 — Краснодарское на Дубинке; 30 — Пашковский 3; 31 — Пашковское 6 и его могильник; 32 — городище 2 у хут. Ленина и его могильник; 33 — городище 3 у хут. Ленина и его могильник; 34 — Старокорсунское 1; 35 — Старокорсунское 2; 36 — Шенджий; 37 — Ново-Вочешийское; 38 — Псекупский 3; 39 — Усть-Лабинское 3 и Усть-Лабинский 2; 40 — Лесной Кордон III; 41 —

селище Ново-Лабинское 1; 42 — Ново-Лабинское 2; 43 — Воронежское 1; 44 — Воронежское 3; 45 — Усть-Лабинское 1; 46 — Коллектив I; 47 — Коллектив II; 48 — Ладожское 3; 49 — Конусное; 50 — Кавказское 6; 51 — Темижбекское 1; 52 — Прочноокопский; 53 — Кургаковский; 54 — Маламино 2; 55 — Маламино 3; 56 — Большетигинский; 57 — Владимирское 6; 58 — Владимирский; 59 — Бесленевские; 60 — Гаймановские; 61 — курганы станции Даховской; 62 — Михайловский; 63 — Большой Петропавловский; 64 — Псебайские; 65 — Тенгинское II; 66 — курганы у станции Пластуновской; 67 — курганы на Понуро-Калининской ОС, раскопанные экспедицией В. А. Сафонова; 68 — Греки IV и Греки V; 69 — Малаи I—III; 70 — курганы в районе станции Брюховецкая; 71 — курганы станции Раздольная; 72 — курган хут. Пролетарский; 73 — Греки II; 74 — курганы хут. Бураковского; 75 — курганы хут. Верхний; 76 — Лебеди I; 77 — Ново-Николаевский I; 78 — Новотиторский; 79 — курган в г. Тимашевске; 80 — курганы у хут. Элитный; 81 — курганы у хут. Войко-Понура; 82 — курганы станции Старонижнестеблиевской; 83 — курганы у ст. Ново-Джерелиевской; 84 — курган у станции Динской; 85 — курганы г. Кореновска; 86 — курганы у станции Роговская; 87 — Семибратнее; 88 — Танаис; 89 — Кепы; 90 — Тирамба; 91 — Гермонасса; 92 — Фанагория; 93 — Горгишия; 94 — Раевское городище; 95 — Баты

Среднемеотский II период (III — первая половина I в. до н. э.). В III в. до н. э. Боспор переживает экономический и политический кризис (Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 77), продолжавшийся и во II в. до н. э., в конце которого (в 109 г. до н. э.) власть была передана понтийскому царю Митридату Евпатору. Характерно, что во II в. до н. э. Боспор перестал уже быть экспортером хлеба в Грецию. По свидетельству Полибия (Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 300), хлеб с Боспора иногда вывозят, а иногда ввозят. В связи с этим происходит, по-видимому, уменьшение ввоза античной керамики на меотские территории. Реже встречаются амфоры в могилах, почти нет мегарских чаш. Можно думать, что с несомненным ростом меотского населения уменьшается количество товарного хлеба, который меоты могли произвести. С падением значения меотов как поставщиков хлеба, по-видимому, снижается и заинтересованность Боспора в политическом подчинении этих племен. Период III—II вв. до н. э. в истории Боспора туманен, не известна полностью даже последовательность правителей. Плохо мы осведомлены и о взаимоотношениях с меотами.

В материальной культуре можно отметить углубление процесса нивелировки локальных групп. Это понятно: начавшийся в предшествующий период переход на ремесленное производство керамики создавал условия для гораздо большей стандартизации посуды, чем в условиях домашнего или полудомашнего производства. Наблюдается некоторая нивелировка и в области погребального обряда. Если раньше были заметны отличия между почти всеми группами памятников, то теперь более или менее отчетливо выступает разница лишь между восточным и западным районами, а граница проходит между Усть-Лабинской и Ладожской группами.

Что происходит на разных участках меотской территории? В начале III в. до н. э. в устье Танаиса (Дона) возникает греко-варварский г. Танаис. Туземная часть его населения называлась танаитами, и, вероятнее всего, это было меотское племя (Каменецкий И. С., 1965). Во II в. до н. э. возникает Азовское городище — типично меотское поселение.

На р. Кирпили именно в этот период отмечается густая сеть меотских городищ — более 20 на участке от станции Роговской до устья (г. Приморско-Ахтарск; карта 22).

На территории дандариев памятников описываемого времени почти нет. Только недавно открытое Красноармейское поселение дает материал III—II вв. до н. э. (Анфимов Н. В., 1985). Это вызывает удивление, так как в событиях I в. до н. э. на Боспоре дандарии играли заметную роль. Нет у нас пока данных и о памятниках Абинской группы. В Краснодарской группе дело обстоит лучше, поскольку в ней известны не менее 10 городищ и столько же могильников среднемеотского II периода.

При характеристике поселений мы можем опереться, как и для предыдущего периода, только на раскопки В. П. Шилова на Елизаветинском городище, где к интересующему нас времени относится верхний слой. Могильник этого городища будет основным и при характеристике погребального обряда.

В Усть-Лабинской группе исследовались только городище Усть-Лабинское 3, на котором есть слой

III—II вв. до н. э., и относящийся к нему могильник Усть-Лабинский 2 с погребениями не только более раннего, но и рассматриваемого периода. По сборам во время разведок известно, что материал III—II вв. до н. э. встречен еще на целом ряде городищ.

В Ладожской группе мы можем предполагать слой III—II вв. до н. э. на наиболее крупных городищах — Ладожском 3, Конусном и др. Достоверных сведений пока нет. Еще восточнее мы имеем слой III—II вв. до н. э. на городище Кавказское 6 (Анфимов Н. В., 1981б). Несколько погребений раскопано на могильнике Темижбекский 1 (там же). По-видимому, к тому же периоду можно отнести одно погребение из Прочноокопского могильника.

В III в. до н. э. возникают городища на р. Кирпили. Основывались они на мысах коренного берега, на их вершинах или боковой стороне, реже — на прямом участке берега. Все они имеют возвышенную центральную часть — «цитадель», отделенную от остальной территории глубоким рвом. Насколько можно судить, возвышение образовывалось за счет нарастания культурного слоя, следовательно, оно свидетельствует об относительной древности «цитадели». Расширение городищ происходило двояко: либо поселение разрасталось во все стороны и тогда рылись концентрические рвы (табл. 94, 4), либо рвы окружали отдельные участки, примыкавшие к центральной части (Каменецкий И. С., 1971а). Слой городищ состоял в основном из золы и остатков жилищного строительства. Указанная планировка характерна и для остальных меотских городищ в других локальных группах (табл. 94), хотя есть некоторые отличия. Так, мы можем предполагать, что на Кирпилях рвы заполнялись водой, по крайней мере у некоторых городищ. Это определяется и малой высотой берега, на котором возникают некоторые городища, и близким уровнем грунтовых вод. Такого, конечно, не могло быть на правобережных городищах Кубани, которые расположены на многометровой (до 30—40 м) круче коренного берега. Верхний слой Елизаветинского городища в раскопках 1952 г. — «мусорный с большим включением пепла, саманной обожженной крошки и фрагментов керамики» (Шилов В. П., 1955, с. 235). Преобладает серолощенная керамика: канфары, разнообразие миски, тарелки, кувшины. Местными являются и красноглиняные миски, кувшины, пифосы, корчаги. Лепная керамика представлена горшками без выделенного горла и горшками с небольшим отогнутым наружу краем. Интерес вызывает комплекс небольших гончарных печей, датированных второй половиной II—I в. до н. э. (Шилов В. П., с. 235). В комплексе расчищено четыре печи. Стенки топок сложены из поставленных на торец саманных кирпичей. Топка разделена на две части небольшой стенкой, на которую одним концом опираются удлиненно-овальные «лепешки», перекрывающие топку и образующие под камеры (табл. 95, 4).

Из отчета Н. В. Анфимова о раскопках Краснодарского городища на Дубинке известно, что эллинистический слой содержал многочисленные остатки «турлучных» построек. К нему же относились две хозяйственные конические ямы. Сообщая о раскопках городища Пашковское 6, Н. В. Анфимов

пишет, что «в центральной части городища открыто более 20 подов от печей производственного назначения. Одна печь сохранилась почти полностью. Она имела невысокие глинобитные стенки (20 см) с отверстиями в основании, около которых найдены глиняные сопла. На западной и восточной окраинах городища раскопаны три гончарные печи типичной для меотской культуры конструкции» (Анфимов Н. В., 1973, с. 109). К сожалению, мы не можем уточнить даты перечисленных объектов и понять, какую конструкцию гончарных печей Н. В. Анфимов считает типичной.

На городище Кавказское 6 к III в. до н. э. отнесены остатки крупной печи неясного назначения. Сохранились под, положенный на слой гальки, и развал свода «из больших кусков пещины саманного типа» (Анфимов Н. В., 1981б). Это, пожалуй, все, что мы сейчас знаем о структуре поселений и строительных остатках на них.

Что можно сказать об обряде погребений этого периода? Ориентировка погребенных в могильниках разных локальных групп примерно одинакова — при известном разбросе преобладают восточная и примыкающие к ней. На территории больше всего вытянутых на спине погребений. Скорченные встречаются единицами. Это три погребения в могильнике Усть-Лабинский 2 (два на левом и одно на правом боку). В том же могильнике, а также в Ладожском (при городище 5) встречены семь погребенных с подогнутыми ногами, поставленными коленями вверх. Остальные 56 вытянуты, причем у 5 ноги перекрещены в лодыжках. Обычно это рассматривается как результат влияния сарматской культуры. Однако в III—I вв. до н. э. перекрещенные ноги у сарматов встречаются очень редко, достигая заметного количества лишь во II—III вв. н. э. Что касается положения рук — на таз или под таз, то процент таких погребений 14,3. Заупокойная пища (мясо) присутствует примерно в половине могил (46,6%; около 76% для могильника Пашковский). Используется мясо овцы (52%), коровы (13%), свиньи (30,4%), изредка — лошади, рыбы, птиц. Характерно присутствие сопровождающих животных — верховых лошадей (в семи погребениях) и собак (в трех погребениях). Можно отметить, что, по-видимому, в западных районах мясо коровы в качестве жертвенной пищи пользовалось большей популярностью, чем в восточных. При выборе части туши предпочтение отдавалось целым тушам (от 42 до 62% в зависимости от способа подсчета). Затем идет череп (от 17 до 25%) и уже затем — задняя часть туши (от 8 до 12,5%). Приведенные цифры касаются мяса овцы, но близкую картину мы наблюдаем и для других сортов мяса. Следует только отметить, что при положении мяса свиньи число случаев использования передней части туши или черепа несколько превышает число целых туш (42,8 и 35,7% соответственно).

Обряд положения черепа погребенного в миску или на нее по-прежнему имеет место, но, насколько можно судить, идет на убыль, чтобы совсем исчезнуть на Кубани к рубежу нашей эры, сохранившись только на Дону. Этот обычай бытует преимущественно в западных группах, и граница в данном случае проходит к востоку от Краснодарской группы.

В Усть-Лабинском могильнике 2 нам известен только один подобный случай.

Инвентарь погребений характеризовать в нескольких словах трудно — он более разнообразен, чем на городищах, и, естественно, более богат целыми формами. В керамике решительно преобладает серолощенная: разнообразные кувшины (табл. 96, 1—6) и миски (табл. 96, 7—12), вазочки (табл. 96, 14—16), кружки (табл. 96, 17), кувшинообразные сосуды без ручек (табл. 96, 18, 19) и с двумя ручками (табл. 96, 20), кувшинообразные сосуды с горизонтальной ручкой, горшки (табл. 96, 21—25), открытые сосуды с горизонтальными ручками-ушками и крышками (табл. 96, 26), разнообразные канфары (табл. 96, 27—29). Лепная керамика — это в основном разнообразные горшки. Можно отметить, что в Краснодарской группе больше горшков без выделенного горла (табл. 96, 37); уже в Усть-Лабинской группе они уступают место горшкам с невысоким горлом, образованным отгибом края (табл. 96, 35, 36). Сохраняется и различие в примесях: в Краснодарской группе шамот, а в более восточных — преимущественно мелкая дресва. Остальные формы — миски (табл. 96, 40), чашечки, миниатюрные сосудики — в лепной керамике довольно редки. В вооружении, как и раньше, преобладают копья, часть которых, вероятно, служила для метания, ибо в погребениях они встречаются по нескольку штук. Продолжают бытовать железные втульчатые трехгранные наконечники стрел. Из конской сбруи встречены двучленные железные удила, преимущественно с крестовидными или колесовидными псалиями (табл. 93, 24, 29), из бытовых предметов и украшений — разные типы зеркал (табл. 93, 53, 65), часто орнаментированных гравировкой, ножи и оселки (табл. 93, 15), иглы и пряслица, браслеты с заходящими концами и спиральные (иногда с утолщениями) проволочные серьги и кольца, разнообразные бусы.

Позднемеотский период

(вторая половина I в. до н. э.—III в. н. э.)

В политическом отношении этот период характеризуется активным участием меотских племен в делах Боспора. Начинается с событий, связанных с борьбой Митридата Евпатора против Рима. Широко известно участие меотских племен в династической междоусобице 40-х годов I в. н. э. Происходят перемещения отдельных племен: на рубеже нашей эры возникает ряд поселений в дельте Дона, в начале I в. н. э. исчезают поселения на р. Кирпили. В начале периода прекращается жизнь на Елизаветинском городище, а на рубеже II и III вв. н. э. исчезает население Краснодарской и Усть-Лабинской групп, достигшее к этому времени значительной численности. В середине III в. н. э. кончается жизнь на поселениях Ладожской группы, что по времени совпадает с готским нашествием. Гибель же более западных групп, вероятно, предшествует этому событию.

В экономическом отношении мы можем отметить развитие местных ремесел, в частности меотские гончары от небольших печей переходят к крупным. Именно с этого времени начинается широкое рас-

пространение в сарматской среде — до Поволжья и даже дальше — серолощенной керамики меотского производства. Вероятно, тем же путем идет и ряд других категорий меотской продукции — зеркала, фибулы и т. п. Что касается связей с Боспором, то они существенно не изменились. По-прежнему мы находим очень мало обломков амфор, почти нет краснолаковой посуды. Эти наблюдения не распространяются на Донскую группу, тесно связанную с античным миром через Танаис (Каменецкий И. С., 1974). Правда, в богатых погребениях Прикубанья встречается греческий и римский импорт: стеклянные и металлические сосуды, ювелирные изделия и т. п. Но массовый импорт по существу отсутствует, если не считать бус. Такая картина свидетельствует о слабых экономических связях и слабой экономической зависимости от Боспора. Вероятно, это отражалось и на политической ситуации.

К указанному периоду в Прикубанье относится огромное число памятников — около 150 городищ и их могильники (карта 23). Раскопано тоже довольно много, но, к сожалению, как и по предыдущему периоду, опубликовано мало. В дельте Дона в конце I в. до н. э. к Азовскому городищу прибавляется Подазовское, а на рубеже нашей эры — Кобяковское, Темерницкое, Нижне-Гниловское и, возможно, некоторые другие (Каменецкий И. С., 1965а, 1974). Донская группа развивается несколько иначе, чем меоты на Кубани. Десяток городищ на Дону образуют классический изолят; как многие изоляты, он консервирует культуру времени отделения от основной массы.

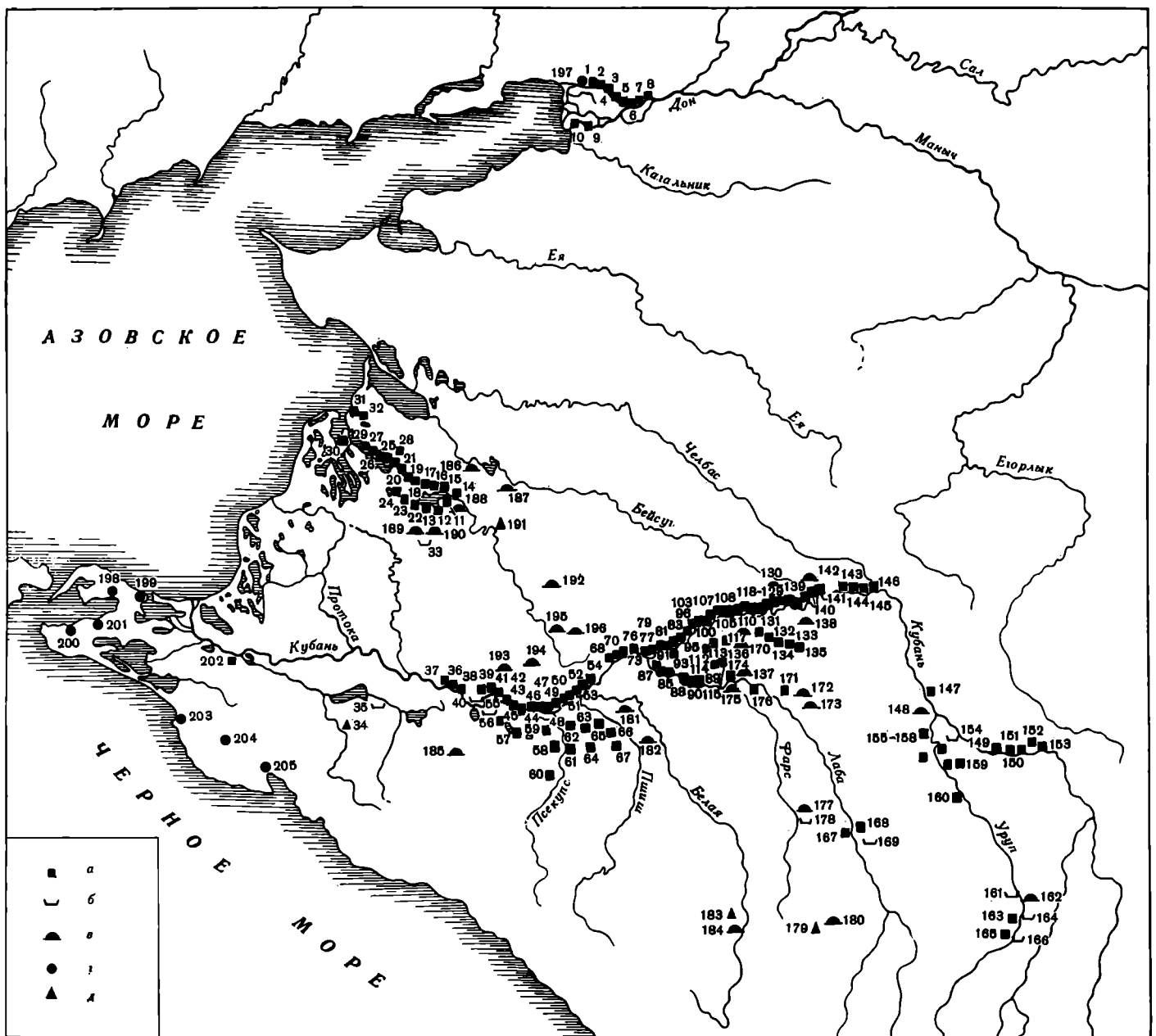
Надо упомянуть и о Танаисе (Шелов Д. Б., 1970, 1972а). Значительную часть его населения в позднемеотский период составляли меоты-танаиты, имевшие все права гражданства, что создавало уникальную для Причерноморья ситуацию (Каменецкий И. С., 1965а). Внутри города, в прибрежной части, имелся «квартал», представлявший собой типичное меотское городище. По-видимому, на этом участке меоты сохраняли своеобразие своей культуры, включая саманно-камышовую архитектуру. Любопытно, что именно здесь найдено большинство надписей. Вероятно, меоты жили не только в этом «квартале»: до II в. н. э. они составляли значительную часть населения других частей города (во II в. н. э. в городе поселилась значительная группа сарматов). Танаис был экономическим и административным центром для перечисленных выше поселений, составлявших его хору. Жили в этих поселениях меоты, переселившиеся на Дон около рубежа нашей эры, как можно предполагать, с р. Кирпили. Возможно, они назывались язаматами (Каменецкий И. С., 1971а) и отличались от танаитов — более ранних переселенцев. Это фиксируется главным образом в погребальном обряде и в меньшей степени — в материальной культуре ввиду значительной эллинизации танаитов. Что-то более определенное мы сможем сказать о переселившихся меотах после исследований на туземном «квартале» Танаиса. Сравнивая могильники Танаиса и Кобяковского городища, мы обнаруживаем разницу в ориентировке: на Кобяковском преобладает северо-западное направление, а в Танаисе I в. до н. э. — I в. н. э. — восточное, наиболее распространенное и на Кубани в III—

II вв. до н. э. Это положение сохраняется во II—III вв. н. э., но в Танаисе появляется за счет сарматов большая группа погребений с северной ориентировкой. Кобяковский могильник позволяет получить представление о форме могильных ям, которые на Кубани прослеживаются только в очень редких случаях. В раскопках В. К. Гугуева 1984—1985 гг. выяснилось, что одной из наиболее распространенных форм была катакомба с прямоугольной камерой, расположенной перпендикулярно оси входа. На Кубани эта форма могилы зафиксирована со II в. до н. э. (Анфимов Н. В., 1947). Из других наблюдений отметим случаи положения миски под голову — обычай, который в первые века нашей эры уже не наблюдается на Кубани, но сохраняется в донском изоляте.

Только на донских городищах пока удалось получить достаточно полные данные о меотских жилищах (Каменецкий И. С., 1957, 1974). Они были подквадратными в плане, со скругленными углами (табл. 95, 2, 3, 7—9). Пол глинобитный, стены камышовые. Концы камыша помещали в канавку, снаружи он крепился горизонтальными пучками камыша, а затем обмазывался глиной. Высота стен достигала 2,5 м. Крышу делали из камыша и куги, и она выступала над несколько наклоненной внутрь стеной. В центре устраивался открытый очаг — углубление, ограниченное глинобитным бортиком. К очагу относились разнообразные подставки, экраны и противни из глины. У задней стенки жилищ иногда устраивали большую хлебопекарную печь, сложенную из сырцовых кирпичей: высокий под, боковая топка, свод с отверстием сверху (табл. 95, 5, 6). Около очага находилась неглубокая (до 1 м) яма для золы. Вдоль стен располагались глинобитные лежанки.

Только по раскопкам Подазовского городища мы можем судить о планировке поселения. Вдоль вала, вплотную к нему, располагался ряд жилищ описанного типа (табл. 95, 13). Между жилищами находились узкие метровые проходы. Перед домами проходила «улица» шириной 5 м, на которую выходила тыльная сторона следующего ряда домов и на которой перед жилищами рыли ямы различного назначения — зерновые, рыбозасолочные, погреба и просто мусорные (табл. 95, 10).

На материале, полученном с городищ, отражается та значительная роль, которую играла для них связь с античным миром. Около половины находок керамики составляют обломки амфор (52%), античные краснолаковые (4,8%) и простые кружальные (5,5%) сосуды. Следует отметить, что донские меоты не производили на гончарном круге красноглиняной керамики, которая на Кубани была довольно обычной еще в последние века до нашей эры. На донских поселениях керамика изготовлялась либо домашним способом (лепная), либо ремесленным (на гончарном кругу, серолощенная). Первая составляет 35%, вторая — около 10. Лепная посуда представлена преимущественно горшками и крышками-чашами (в глине имеется примесь шамота), украшена налепами, реже — рядами вдавлений и совсем редко — линейно-волнистым орнаментом. Серолощеную гончарную керамику составляют миски, кувшины, горшки, вазочки, горшочки, корчаги и т. д. На рубеже нашей эры наблюдается значительное влияние античной

Карта 23. Позднемеотские памятники и синхронные им

a — поселения; *b* — грунтовые могильники; *c* — курганные могильники; *г* — греческие поселения; *д* — комплексы и отдельные находки

1 — Мокро-Чалтырское; 2 — Хапрское; 3 — Сухо-Чалтырское; 4 — Нижне-Гниловское; 5 — Темерницкое; 6 — Ростовское; 7 — Кизитириновское; 8 — Кобяковское; 9 — Азовское; 10 — Подазовское; 11 — Роговское 1; 12 — Роговское 2; 13 — Роговское 3; 14 — Ново-Джерелиевское 1; 15 — Ново-Джерелиевское 2; 16 — Ново-Джерелиевское 3; 17 — Ново-Джерелиевское 4; 18 — Ново-Джерелиевское 5; 19 — Степное 2; 20 — Степное 3; 21 — Степное 1; 22 — Большой Редант; 23 — Могуковское II; 24 — Могуковское I; 25 — Черниевский Редант; 26 — Черный Редант; 27 — Чумяной Редант; 28 — Черешняной Редант; 29 — Ново-Покровское; 30 — Терноватый Редант; 31 — Приморско-Ахтарское 1; 32 — Приморско-Ахтарское 2; 33 — Бельчанский; 34 — комплекс керамики Ястребовских курганов; 35 — Мингрельский II; 36 — Елизаветинско-Марьинское 2; 37 — Елизаветинско-Марьинское 1; 38 — Елизаветинское I и его могильник; 39 — Елизаветинское II и его могильник; 40 — Краснодарский за кожзаводом; 41 — Краснодарское в горпарке и Краснодарский на Почтовой улице; 42 — Краснодарское КРЭС; 43 — Краснодарское на Дубинке; 44 — Пашков-

ское 1; 45 — Пашковское 3; 46 — Пашковское 4; 47 — Пашковское 5; 48 — Пашковское 6 и его могильник; 49 — городище 1 у хут. Ленина и его могильник; 50 — городище 2 у хут. Ленина и его могильник; 51 — городище 3 у хут. Ленина и его могильник; 52 — Старокорсунское 1; 53 — Старокорсунское 2; 54 — Старокорсунское 4; 55 — Энемский; 56 — Тахтамукаевское 1 и его могильник; 57 — городище и могильник у аула Шенджий; 58 — Гатлукаевское 1; 59 — Гатлукаевское 2; 60 — поселение Маяк I; 61 — Ново-Вочепшийское; 62 — Пшекуйхабльское; 63 — Ново-Пчасовское; 64 — городище в хут. Слепом; 65 — Барсучье; 66 — городище у с. Красное; 67 — Асоколайское; 68 — Васюринско-Воронежское I; 69 — Васюринско-Воронежское II; 70 — Лесной Кордон I; 71 — Лесной Кордон II; 72 — Лесной Кордон III; 73 — Воронежское 2; 74 — Воронежское поселение; 75 — Воронежское 1; 76 — Карпенковское; 77 — Воронежское 3; 78 — Воронежское 4 и его могильник; 79 — Усть-Лабинское 4 и Усть-Лабинский 4; 80 — Усть-Лабинское 3 и Усть-Лабинский 2; 81 — Усть-Лабинское 2 и Усть-Лабинский 1; 82 — Усть-Лабинское 1 и Усть-Лабинский 3; 83 — Усть-Лабинское 5; 84 — Усть-Лабинское 6; 85 — Некрасовское I; 86 — Некрасовское II; 87 — Некрасовское III; 88 — Ново-Лабинское I; 89 — Ново-Лабинское II; 90 — Ново-Лабинское III; 91 — Заречное и Кубанский могильник; 92 — Кубанское;

керамики (заимствование некоторых форм, слабое лощение), но потом оно изживается. Прекращается производство «греческих» форм, лощение на круге вытесняется ручным. Производство серолощеной керамики достигло вершины ко второй половине I в. н. э., когда было освоено чернолаковое покрытие для небольшой части посуды.

Другие группы меотов изучены хуже, хотя размах раскопок в Прикубанье иногда превосходил донские масштабы. Но там наблюдается явный крен в сторону исследования могильников, которые не могут дать полной картины жизни. На Кирпилах в I в. до н. э. продолжали существовать более 20 поселений, расположенных довольно тесно, на расстоянии зрительной связи. Мы уже говорили о них, характеризуя среднемеотский период.

На территории дандариев нам известны случайные находки в хут. Бельчанском (Каменецкий И. С., 1968). Почти не представлена и Абинская группа. Только в 1984 г. при раскопках Ястребовского могильника (работы А. Н. Гея) в засыпи рва кургана 2

обнаружено значительное количество керамики, которая по обломкам амфор должна быть датирована I в. до н. э. Происхождение этого комплекса не очень ясно, скорее всего, он связан с разрушенным поселением. Комплекс дает представление о керамике, бытовавшей здесь в то время.

В Краснодарскую группу на правом берегу Кубани в позднемеотский период входит более 20 городищ и их могильники. Большое число памятников находится и на левом берегу.

В Усть-Лабинской группе раскопано значительно меньше памятников, но благодаря публикациям материалов могильников Усть-Лабинский 1 и 2 эта группа известна гораздо лучше других. В настоящее время в ней 30 городищ и одно поселение позднемеотского времени. Правда, датировка некоторых из них, в частности Некрасовского I и Коллектива II, не очень ясна. Отметим также, что Ново-Лабинское поселение к началу позднемеотского периода уже прекращает существование. Большинство городищ, притом наиболее крупных, расположено по краю правого коренного берега Кубани, что объясняется, вероятно, наличием свободных земель под запашку. От Краснодарской группы Усть-Лабинскую отделяет незаселенный участок протяженностью 13 км. На востоке промежуток, существовавший ранее между Усть-Лабинской и Ладожской группами, в позднемеотский период занимают небольшие поселения, вероятно, Ладожской группы. На юге, на р. Лаббе, имеется 9-километровая «нейтральная полоса», отделяющая Усть-Лабинскую группу от тенгинских городищ. На городищах раскопки почти не велись.

По сравнению с Краснодарской группой в Усть-Лабинской произведено меньше раскопок. Известно всего 57 погребений на семи могильниках. К сожалению, часть из них разрушена, а о других нет сведений для характеристики обряда.

Следующая группа — Ладожская — исследована еще хуже. Здесь проводились ограниченные раскопки, и основные сведения получены благодаря разведкам 1981—1984 гг. (работы И. С. Каменецкого 1982 г., Е. И. Савченко 1983 г., С. А. Науменко 1981 и 1984 гг.). Обследовалась только западная часть группы в пределах Усть-Лабинского р-на. Восточная ее граница пока не известна. Выявлены 17 городищ на правом берегу Кубани и 7 — на левом, часть которых расположена уже на притоках Кубани. Из могильников исследовался только некрополь Ладожского городища 5. К позднемеотскому периоду там относится лишь одно погребение, но и оно раскопано местными жителями.

Памятники, расположенные выше по течению Кубани, на территории Тбилисского р-на, во всяком случае частично, могут относиться к Ладожской группе, но сколько-нибудь надежных сведений о них мы не имеем. На правом берегу располагается серия городищ, но точное число их неизвестно: есть только сообщение, что их «более десяти» (Анфимов Н. В., 1958б, с. 27). При городище Тбилисском 1 выявлен могильник, содержащий несколько погребений I в. н. э. Имеются также сведения о раскопанных около станицы Тбилисской 57 погребениях грунтового могильника II—III вв. н. э. (Ждановский А. М., Скрипкин В. П., 1978). Здесь же около меотских городищ расположены курганы так называемого зо-

93 — Коллектив I; 94 — Коллектив II; 95 — Дружба V; 96 — Дружба I; 97 — Дружба II; 98 — Дружба III; 99 — Дружба IV; 100 — Ладожское 4; 101 — Тополиное; 102 — Ладожское 3; 103 — Газопроводное; 104 — Ладожское 2; 105 — Ладожское 1; 106 — Ладожское 5; 107 — Конусное; 108 — Круглое; 109 — Помидорное; 110 — Мирзап; 111 — Мирвос; 112 — Новоселовское; 113 — Неелинское 1; 114 — Семеновское; 115 — Калининское I; 116 — Калининское II; 117 — Новониколаевское; 118 — Тбилисское I и его могильник; 119 — Тбилисское II; 120 — Тбилисское III; 121 — Тбилисское IV; 122 — Тбилисское V; 123 — Тбилисское VI; 124 — Тбилисское VII; 125 — Тбилисское VIII; 126 — Тбилисское IX; 127 — Тбилисское X; 128 — Тбилисское XI; 129 — грунтовый могильник у станицы Тбилисской; 130 — курганы «золотого кладбища» у станицы Тбилисской; 131 — Старокубанское I; 132 — Старокубанское II; 133 — Шапка; 134 — Советское; 135 — Батарей; 136 — Зубовский курган; 137 — Воздвиженский курган; 138 — курган у хут. Веревкина; 139 — Казанское 1; 140 — Казанское 3; 141 — Казанское 4 и его могильник; 142 — курганы у станицы Казанская; 143 — Кавказское 6; 144 — Темижбекское 1 и его могильник; 145 — Темижбекское 2; 146 — Темижбекское 3; 147 — могильник Прочноокопского 3 городища; 148 — курганы у Армавира; 149 — Успенское I; 150 — Успенское II; 151 — Маламино I; 152 — Маламино II; 153 — Маламино III; 154 — Советский могильник; 155 — Успенское I; 156 — Успенское II; 157 — Успенское III; 158 — Успенское IV; 159 — Заурупское; 160 — Бессорбное; 161 — Мостовой; 162 — Большетегинский; 163 — Романчук; 164 — Мокрянка; 165 — Лазарчук; 166 — Саньков; 167 — Владимирское II; 168 — Владимирское VI; 169 — Владимирский; 170 — Гаймановские курганы; 171 — Усть-Синюха II; 172 — Большой Петропавловский; 173 — Михайловский; 174 — Тенгинское I; 175 — курганы аула Хатажукаевский; 176 — поселения Мамхег Левобережный и Правобережный; 177 — курганы станицы Ярославская; 178 — могильник Ярославского городища; 179 — поселение на р. Губс; 180 — курганы станицы Губская; 181 — курганы у аула Кунчукохабль; 182 — Бжедужские курганы; 183 — поселение на р. Руфабо; 184 — курганы станицы Даховская; 185 — Северский; 186 — курган 1928 г. у станицы Ново-Джерелиевской; 187 — курганы в районе станицы Брюховецкой; 188 — курганы станицы Роговская; 189 — Греки IV и V, Малаи I—III; 190 — курганы Понуро-Калининской ОС, раскопанные экспедицией В. А. Сафронова; 191 — случайная находка у станицы Тимашевской 1894 г.; 192 — курганы хут. Пролетарский; 193 — Ново-Титоровский; 194 — курганы станицы Пластуновская; 195 — курганы хут. Верхний; 196 — курганы станицы Раздольная; 197 — Танаис; 198 — Кепи; 199 — Тирамба; 200 — Гермонасса; 201 — Фанагория; 202 — Семибратнее городище; 203 — Горгишия; 204 — Раевское городище; 205 — Баты

лотого кладбища, раскопки которых в 1900-х годах производил Н. И. Веселовский (ОАК за 1901 г.; ОАК за 1902 г.; Веселовский Н. И., 1905), а в наше время — А. М. Ждановский (1979). Большинство обнаруженных погребений совершено в катакомбах и датируется II в. н. э., т. е. временем существования городищ, что и решает, как представляется, вопрос в пользу гипотезы о меотской принадлежности памятника (Анфимов Н. В., 1958б, с. 67; Шилов В. Н., 1959, с. 523; Абрамова М. П., 1982). Наличие определенных сарматских черт в обряде и инвентаре этих погребений не может служить твердым основанием для предположения об их аланской принадлежности (Смирнов К. Ф., 1952, с. 16; 1972; Виноградов В. Б., 1963; Ждановский А. М., 1979).

Сложная ситуация и на левобережье. В настоящее время здесь также известно не менее 10 городищ. Но все они выявлены случайно, в связи с раскопками курганов. Просмотр карт убеждает, что число меотских поселений здесь должно быть значительно больше. На этой же территории расположена и известная Zubовско-Воздвиженская группа курганов, которую исследователи довольно дружно приписывают сарматам-сиракам. То обстоятельство, что район, как выясняется, был плотно заселен оседлым меотским населением, заставляет вновь поставить вопрос о принадлежности Zubовско-Воздвиженской группы погребений. Для этого прежде всего надо уточнить хронологию как погребений, так и поселений. Известно, что погребения Zubовского кургана датируются I в. до н. э. (Думберг К. Е., 1901; Смирнов К. Ф., 1952), так же датируются Воздвиженский курган (ОАК за 1899 г.) и погребения у хут. Веревкина (Ждановский А. М., 1980). Это означает, что они предшествуют существовавшему в I—II вв. н. э. городищу «Батарей», но неопределенно их отношение к городищу Советскому, а также ко всем остальным, на которых не производилось даже сбора материала, включая и три городища у станицы Воздвиженской, где сборы произведены в 1982 и 1984 гг., но результаты еще не получены.

Сведения о памятниках более восточных носят отрывочный характер. Известно, что городища по правобережью идут сплошной цепью до станицы Темижбекской, а затем начиная от станицы Прочноокопской. Однако представляется, что в промежутке между указанными станицами городища отсутствуют только из-за того, что здесь не проводилось разведок, как не было их и по левому берегу района. На некоторых городищах Н. В. Анфимов (1981б) произвел шурфовку, но большинство памятников известно лишь по сборам на поверхности. Могильник интересующего нас времени исследовался около городища Казанское 4 (Анфимов Н. В., 1952). Погребения первых веков содержали и курганы около станицы Казанской (ОАК за 1901 г.). Около городища Темижбекского 1 тоже исследовано несколько погребений I—II вв. н. э. (работы Н. В. Анфимова 1946 г.). В районе станицы Прочноокопской, у городища 3, раскопаны два погребения I в. н. э. (работы Н. В. Анфимова 1946 г.).

Из сказанного следует, что в принципе мы располагаем огромным материалом, но, как и в предшествующих случаях, ввиду отсутствия документации или публикаций можем использовать сравнитель-

но мало. Конечно, для этого периода более ясна структура городищ, так как она не стерта поздними наслоениями. Обильнее сведения о строительстве, хотя и для данного периода ни одно жилище не прослежено на Кубани полностью.

Практически все городища рассматриваемого времени имеют «цитадели» — небольшой, хорошо укрепленный участок, обычно возвышающийся над остальными частями поселения. Предполагается, что здесь находился наиболее древний участок поселения, обладающий поэтому наиболее мощным культурным слоем, что и определяет его высоту. На некоторых городищах, например на Степном 1, это явление четко прослеживается: центральный участок наиболее высокий, с трех сторон его окружает менее высокий участок, с напольной стороны рва которого находится поселение, почти не возвышающееся над окружающей местностью. Городища имели разную продолжительность существования и разную степень развития. Например, городище Могуковское II прекратило функционировать вскоре после возникновения, на нем есть лишь небольшая площадка, окруженная рвом, и минимальный культурный слой. Городища Дружба II, IV демонстрируют следующую стадию: кроме центральной укрепленной части, они имеют внешнее, еще не укрепленное поселение (табл. 94, 1, 2). У городища Терноватый Редант это внешнее поселение уже обнесено рвом. При таком увеличении площади городищ укрепления более древних участков оказывались внутри поселений и теряли свое оборонное значение. Часть из них засыпается или даже застраивается, как это видно в обнажениях Воронежского городища 3 или выявлено при раскопках на городище 2 хут. Ленина. Но ров, окружающий «цитадель», никогда не засыпался. Наоборот, создается впечатление, что он углублялся. Вероятно, это связано с его особым значением в жизни поселений.

Наиболее систематические разведки проведены на территории Усть-Лабинской группы. Первое, что бросается здесь в глаза, — удивительная плотность застройки на правобережье Кубани. Городища идут одно за другим, отделенные небольшими промежутками. Это касается не только старых городищ, которые могли сблизиться в результате роста, особенно интенсивного в рассматриваемый период, но и вновь возникающих городищ. Например, расстояние между внешними рвами Васюринско-Воронежских городищ I и II равно 30 м. Некоторые ранее отдельные городища, по-видимому, именно в это время сливаются, образуя огромные поселения с двумя «цитаделями», как мы видим на городище Воронежское 2 (табл. 94, б), которое почти соединяется с городищем Воронежское 1. Практически непрерывную цепь образуют городища Воронежские 3 и 4 и Усть-Лабинские 3 и 4. Все городища правобережья прекращают существование судя по подъемному материалу на рубеже II и III вв. н. э. К этому времени их общая площадь достигает огромной цифры — 1 237 797 кв. м (без учета происшедших разрушений). Если исходить из плотности застройки, описанной выше для Подазовского городища, и взять за средний размер семьи пять человек, то получим число одновременно проживавших — около 62 тыс. человек. На левобережье, в треугольнике между Кубанью и

Лабой, территория была ограничена и это ска залось на размерах городищ: их сохранившаяся площадь 181 726 кв. м, что дает население около 10 тыс. человек. Приведенные данные минимальны, так как не учитывают не только разрушений, но и поселений по левому берегу Лабы, которые, возможно, входили в то же объединение, но пока о них нет точных данных.

Для Усть-Лабинской группы, как и для других групп, известна концентрическая структура городищ, но более характерен второй тип прироста — прирезка участков, которые расширяют поселение и в сторону степи, но в основном все же вытягивают его вдоль берега (табл. 94, 5, 6). Не типичны для этой группы и жилые холмы — зольники, но все же они встречаются (участок Ж на Воронежском 3, серия холмов на Ново-Лабинском 4).

В Ладожской группе среди городищ правого берега имеется ряд очень крупных: Ладожское 3, 5 и особенно Конусное, которое вытянулось вдоль берега на 1800 м. На левобережье все городища небольшие, что напоминает ситуацию Усть-Лабинской группы. Планировка также не отличается от более западных: основу составляет «цитадель», к которой примыкают укрепленные или неукрепленные участки. Имеются и холмообразные зольники (городища Мирзап, Ладожское 3), расположенные иногда за пределами поселения (Мирзап). Единственная особенность, не встречаемая на ранее рассмотренных памятниках, — кольцевые рвы «цитаделей» (городища Дружба III и IV, Круглое, Помидорное, Мирзап). Сооружение рва на многометровом крутом склоне коренного берега не могло диктоваться соображениями обороны, но могло быть проявлением традиции, зародившейся в какой-то равнинной местности, где действительно требовалась круговая оборонительная линия.

В материале, собранном нами на городищах Ладожской группы, нет предметов старше III в. н. э. Дату прекращения жизни можно определить серединой века. Часть городищ возникла, по-видимому, только в позднемеотский период (Дружба I—V, Ладожское 4, Круглое, Помидорное), заполняя промежутки как внутри группы, так и нейтральную территорию между Усть-Лабинской и Ладожской группами (городища Дружба I—V, Ладожское 4). Как и в Усть-Лабинской группе, рост городищ приводит к их слиянию, в результате чего образуются большие поселения с несколькими «цитаделями» (Ладожские 3 и 5, Мирвос, Конусное).

При раскопках на поселениях позднемеотского периода выявлен ряд строительных объектов. На городище Старокорсунское 1 прослежены угол жилища с глинобитным полом и «под домашней печи, сложенной на обломках сосудов» (Анфимов Н. В., 1972а). Здесь же зафиксированы остатки других «турлучных» домов. Полностью «домашняя печь» была расчищена на Старокорсунском городище 2 (Анфимов Н. В., 1972а). На городище Пашковское 6 в раскопках 1979 г. в значительном количестве встречалась обломка стен с отпечатками камыша. Об аналогичных находках сообщается и в отношении Пашковского городища 3 и Краснодарского городища на Дубинке (Покровский М. В., 1937). В 1936 г. на последнем городище были зафиксированы «в нижней части римского слоя» остатки сгоревшего жилища.

Там же засвидетельствованы остатки глинобитного пола, сложенного на фрагментах сосудов. Судя по приведенным скудным сведениям тип жилища не очень отличается от того, который описан выше по материалам донских городищ. Единственное отличие — использование керамики при сооружении пола. На Дону этот прием засвидетельствован только для подов печей. Не очень ясно сообщение о том, что на городище Кавказское 6 в слое I в. до н. э. — II в. н. э. обнаружены развал саманной стены дома и печи, а в другом месте — остатки «турлучной» постройки (Анфимов Н. В., 1981б). Вероятно, «турлучная» постройка — это описанная нами выше камышовая хижина. Что касается саманной стены, то кладка такого типа встречена и на Подазовском городище, но там она выступала как вспомогательная деталь, не определяющая основную конструкцию жилища.

Остаткам жилищ на всех городищах сопутствуют хозяйственные ямы, обычно расширяющиеся книзу. По сравнению с количеством жилищ зафиксировано непропорционально много гончарных печей. Небольшие печи, аналогичные характерным для предшествующего периода, найдены на Елизаветинском городище (Шилов В. П., 1955). Фрагмент, по-видимому, такой же печи расчищен в 1979 г. на городище Пашковское 6 (Каменецкий И. С., Рябова В. Я., 1980). Большие гончарные печи исследованы на городище Старокорсунское 2 (Анфимов Н. В., 1975а), аналогичная печь засвидетельствована в 1979 г. в обнажении городища Елизавето-Марьинское 2. Вероятно, такой же печи принадлежали кирпичи, найденные Н. В. Анфимовым в 1929 г. на Краснодарском городище на Дубинке. Имеются сведения еще о трех гончарных печах с городища Пашковское 6 и «аналогичной» печи с городища Пашковское 4, но тип их неизвестен (Анфимов Н. В., 1973). На городище Пашковское 4 рядом с печью находилась яма для выброса брака, в ней были обнаружены бракованные сероглиняные сосуды и их обломки. В печах обжигали кувшины, миски, корчаги и т. п., а также грузила для сетей. На городище Пашковское 6, где в 1972 г. Н. В. Анфимов обследовал около 1 га площади, были выявлены «20 подов от печей производственного назначения» (Анфимов Н. В., 1973).

О массовом материале с городищ мы знаем мало. Подсчеты производились только для двух: Краснодарского на Дубинке и Пашковского 6 (Каменецкий И. С., раскопки 1979 г.). Для первого дано только одно соотношение для слоя римского времени: лепная керамика — 46%, сероглиняная и красноглиняная, т. е. гончарная, — 54%. На городище Пашковское 6 то же соотношение для I—II вв. н. э. выглядит несколько иначе: 30 и 70% соответственно. В общем же виде цифры таковы: сероглиняная — 60,6%, остальная кружальная — 8,3, лепная — 30,0, амфоры — 0,9, краснолаковая — 0,2%. Соотношение типов мы можем сравнить только для лепной керамики, и оно, по-видимому, приблизительно одинаково (точных данных по Краснодарскому городищу на Дубинке нет). Для Пашковского 6 оно следующее: горшки без выделенного горла (табл. 97, 48) — 45,9%, крышки (чаши на ножке) — 17,6, горшки с расширяющимся горлом (табл. 97, 47) — 15,3, ми-

ски с округленными стенками — 7,1, горшки с цилиндрическим горлом — 3,5, горшки с низким горлом и миски с бортиком — по 1,2, неопределенных — 8,2%. В глине лепной керамики примесь шамота. Среди сероглиняной керамики известны миски (табл. 97, 2, 3, 14, 16, 20, 25, 26), кувшины (табл. 97, 1, 5, 10, 13, 29, 30, 33, 35, 37—39, 44, 46), горшки (табл. 97, 7, 50), кувшинообразные сосуды (табл. 97, 32), кружки (табл. 97, 12, 15), корчаги (табл. 97, 6, 45), но соотношения форм и типов этой керамики мы пока не знаем. Отмечается изменение пропорций кувшинов — тулово у них становится яйцевидным с расширением в верхней части или приземистым биконическим. Появляется плоское дно, но кольцевой поддон не исчезает полностью, как это иногда представляют. Глина без видимых примесей (мельчайшие кварцевые блестки естественного происхождения). На городищах Усть-Лабинской группы судя по сборам в лепной керамике преобладают горшки с низким и более высоким расширяющимся горлом, содержащие в глине примесь мелкой дресвы или шамота. По городищам Ладожской группы Дружба I—V соотношение типов керамики из сборов выглядит так: сероглиняная — 72%, лепная — 19, амфоры — 5, кружальная — 4%. Среди сероглиняной преобладает керамика из тонкой глины без видимых примесей (80%), остальная имеет в глине мелкие белые частицы. Формы разнообразны: миски, кувшины, горшки, корчаги, пифосы, вазочки и «плошки». Преобладают плоские и вогнутые донья (68%), но есть сосуды и на кольцевом (20%), скрытом (9%) и ложном (3%) поддонах. В глине лепной керамики — примесь шамота (74%), дресвы (10%), смесь шамота и дресвы (10%), шамота и песка (6%). Имеется лепная керамика с лощением (5%). Представлены горшки без выделенного горла (33%), с расширяющимся горлом (22%), с низким горлом (11%), чаши-крышки (22%) и миски (12%).

Отдельно следует рассматривать комплекс керамики из Ястребовского могильника Абинской группы. Лепная керамика представлена здесь горшками без выделенного горла, имевшими в глине примесь гипсовой дресвы. Встречается обычная сероглиняная керамика с той же примесью, но гораздо в меньшей концентрации и в значительно более тонкой фракции. Основную же массу, что необычно, составляет кружальная красноглиняная керамика без видимых примесей в тесте — корчаги с пифосообразными венчиками и кувшинами, украшенными многорядной волной на плечиках.

Из других массовых категорий находок на городищах отметим сетевые грузила. В западных районах они трапециевидные (табл. 93, 6). В Ладожской группе и на более восточных памятниках вместо таких грузил употреблялись более легкие прямоугольные с двумя отверстиями. Повсеместно встречаются грузики для вертикальных ткацких станков в форме конусов или чаши — четырехгранных усеченных пирамидок (табл. 93, 3), а также пряслица — биконические, конические, колесовидные (табл. 93, 17, 18). К массовым материалам относятся таблетки (табл. 93, 22) и стоячие плитки (табл. 93, 4, 21). Эти непонятные предметы особенно характерны для Краснодарской группы (Соломонок Э. И., 1979). В небольшом количестве присутствуют они и на за-

падных городищах Усть-Лабинской группы. Часть их украшена орнаментом геометрического характера, прочерченным, вдавленным, промазанным или рельефным. Стоячие плитки имеют орнамент по верхней грани и довольно большое отверстие в верхней части (табл. 93, 4). Назначение тех и других неясно, поэтому их относят к предметам культового характера.

Из индивидуальных находок отметим терракотовые статуэтки (табл. 93, 19, 20), не встречающиеся в погребениях и изображающие, по-видимому, местные божества (Покровский М. В., 1937; Каменецкий И. С., 1974, с. 220; Каменецкий И. С., Рябова В. Я., 1980). Встречены также квадратные зернотерки античного типа (табл. 93, 8), которые сосуществуют с круглыми жерновами (табл. 93, 7), и два железных лемехообразных орудия с городища Пашковское 3 (Покровский М. В., 1937, рис. 4).

Число раскопанных к настоящему времени погребений очень велико. Правда, расположены они неравномерно. Основная масса (свыше 700) приходится на Краснодарскую группу. Однако использовать мы можем, например для той же Краснодарской группы, не более 150 погребений, а для остальных групп еще меньше.

О форме могил известно мало. Выше уже говорилось о широком распространении катакомб у донских меотв (Кобяковский могильник). В могильнике Усть-Лабинский 2 отмечено несколько несомненных случаев погребения в подбоях или катакомбах, хотя они сами и не были прослежены. Как двухкамерный склеп (табл. 92, 6) интерпретировано одно из погребений могильника Тбилисского городища 1 (Анфимов Н. В., 1947). Напомним, что катакомбы часты в курганных погребениях «золотого кладбища», датируемого первыми веками нашей эры. На могильнике городища Казанское 4 из трех опубликованных погребений одно (двойное) совершено в катакомбе, а второе, возможно, в подбое (Анфимов Н. В., 1952). Как видим, указаний на существование катакомбных погребений (в меньшей степени подбойных) довольно много. Мы не можем дать точной статистики, но несомненно, что основной на бескурганных могильниках все же была простая грунтовая яма.

Для западных групп характерна для этого времени западная ориентировка с преимущественным отклонением к юго-западу. Представлены и другие направления, например южное (до 22% в Краснодарском могильнике на Почтовой улице) и северное (до 13% в Краснодарском могильнике за кожзаводом и Пашковском 2). В Усть-Лабинской группе ориентировки известны для 28 погребений. Преобладают западная и юго-западная, т. е. в этом отношении Усть-Лабинская группа не отличается от Краснодарской. Надо иметь в виду, что все указанные погребения Усть-Лабинской группы относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. Ко II—III вв. отнесено только одно погребение из Воронежского могильника, имеющее северо-восточную — восточную ориентировку. Понятно, что на одном погребении строить какие-то выводы нельзя, но, учитывая господство ориентировок восточного сектора на могильниках восточнее Усть-Лабинска, можно допустить, что и в Усть-Лабинской группе во II—III вв. вернулись к ориентировкам предшествующего периода. Из более во-

сточных могильников укажем на могильник городища Тбилиское 1, где погребения имеют восточную ориентировку (Анфимов Н. В., 1947). Преобладает восточное направление и на другом могильнике — у станицы Тбилисской (Ждановский А. М., Скрипкин В. П., 1978). На северо-восток ориентированы три погребения могильника городища Казанское 4 (Анфимов Н. В., 1952). Пять погребений городища Кавказское 6 имеют восточную и юго-восточную ориентации.

Некоторые отличия наблюдаются и в позах погребенных. Для Краснодарской группы характерно вытянутое на спине положение, скорченные погребения редки (5%). Положение рук и ног довольно разнообразно: руки могут быть вытянуты вдоль тела (65%), кисти могут находиться на тазу (18%), на плечах (13%), причем необязательно обе руки лежат одинаково. Ноги чаще всего вытянуты (71%), но встречаются и перекрещенные в щиколотках (41%) или одна нога согнута в колене и опять же перекрещивается с другой (4%). Особо отметим погребения с ногами, поставленными коленями вверх (9%). Положение рук на плечи, по-видимому, возрастает к концу периода, так же как и число погребений с положением рук на таз. Доля погребений с перекрещенными (связанными) ногами, достигнув максимума (до 11%) на рубеже нашей эры, к концу периода начинает понижаться (до 9,7%).

В Усть-Лабинской группе в отношении позы погребенных существенных изменений по сравнению с III—II вв. до н. э. не происходит. Все известные погребения совершены вытянуто на спине. Преобладают погребения с вытянутыми руками и ногами (85%). Имеются случаи, когда левая рука лежит на тазу (7%) или правая на тазу, а левая — под бедренной костью (4%), правая рука лежит под бедром (4%). Ноги могут быть перекрещены (15%). Сравнимая Усть-Лабинскую группу с Краснодарской, можно отметить большее единообразие и отсутствие положения рук на плечи.

О более восточных могильниках сведения отрывочны. На могильнике городища Тбилиское 1 два костяка оказались вытянутыми, а один скорчен. Единичные скорченные погребения встречены и на другом могильнике станицы Тбилисской (Ждановский А. М., Скрипкин В. П., 1978), хотя преобладают вытянутые на спине. Отмечены там и случаи положения рук на таз и перекрещивания ног. Три погребения могильника городища Казанское 4 были вытянуты, как и пять погребений городища Кавказское 6. Для последних отмечен один случай положения правой руки на кости таза (Анфимов Н. В., 1981б). Данных, конечно, мало, но следует обратить внимание на повышенный процент скорченных костяков в могильниках района станицы Тбилисской.

Процессом, общим для всего Прикубанья, является снижение случаев положения в могилу жертвенной пищи (находки костей животных). Что касается видового состава и выбора части туши, то сведения очень отрывочны: думается, в Краснодарской группе чаще, чем в более восточных районах, использовали мясо коровы. К концу периода, по-видимому, по всей Кубани уменьшается значение свиньи и возрастает значение овцы и лошади в погребальном ритуале. Довольно уверенно можно утверж-

дать, что в Краснодарской группе обряд предписывал положение в могилу целой туши животного или его черепа (возможно, вместе со шкурой). В могильнике Усть-Лабинский 2 кости животных встречены примерно в половине погребений I в. до н. э. — I в. н. э. (53%) и чуть в меньшем количестве — в могильнике Усть-Лабинский 1 (44%).

В могильнике Усть-Лабинский 2 в большинстве могил мясо положено в миску. Использовалось здесь мясо овцы, в меньшей степени — коровы и свиньи. Н. В. Анфимов указывает на резкое уменьшение костей свиньи по сравнению с предшествующим периодом и замечает, что «черепа и ребра в могилах не встречены» (1951а, с. 202). В двух погребениях могильника Усть-Лабинский 1 найдены кости овцы, причем в одном случае указано, что это были кости ноги. Еще в двух погребениях указаны кости животных, но без определения вида: в одном случае кости лежали в миске, в другом — в горшке (Миллер А. А., 1926). Кости животного в миске найдены и в могильнике городища Кавказское 6.

Продолжается старая традиция — положение в могилу верховых лошадей. Это отмечено и для Краснодарской группы, и для более восточных районов. В частности, лошади найдены в могильнике у станицы Тбилисской (Ждановский А. М., Скрипкин В. П., 1978).

Обычай положения миски под голову к рубежу нашей эры перестает встречаться. Но зато появляется обычай ставить в миску сосуд, чаще всего горшок, который отмечен в могильниках Елизаветинский 2 (Анфимов И. Н., 1984, с. 85), в Краснодарских за коззаводами и на Почтовой улице, в Тахтамукаевском и др. По нашему мнению, указанный обычай составляет специфику именно Краснодарской группы. В могильнике Усть-Лабинский 2 такая ситуация прослежена только в одном погребении. Для этого могильника Н. В. Анфимов (1951а) отмечает появление в могилах кусков мела и в качестве陪ritика — гальки.

Инвентарь богат и разнообразен. Керамика преобладает сероглиняная, аналогичная найденной на поселениях: разнообразные миски (табл. 97, 2, 3, 14, 16, 17, 20, 24—26, 31, 36, 49, 51), кувшины (табл. 97, 1, 5, 10, 13, 29, 30, 33, 35, 37—39, 40, 41, 44, 46), вазочки (табл. 97, 21, 23), кружки (табл. 97, 12, 15), кувшинообразные сосуды (табл. 97, 32), мисочки на трех ножках (табл. 97, 27) и т. д. Отмечены появление кувшинов с зооморфными ручками (табл. 97, 35, 37, 38, 40, 41) и кувшинов, орнаментированных по плечикам многорядными полосами, нанесенными гребенчатым штампом, и циркульными кружками (табл. 97, 5, 33, 39).

Оружие одинаково для всей территории. Оно претерпевает заметные изменения по сравнению с предыдущим периодом и теряет свои особенности. Меоты в это время переходят на типы вооружения, общие для всего Северного Причерноморья. Меняется оформление рукоятей мечей — появляются мечи с прямым перекрестьем и кольцевым навершием (табл. 93, 46) и мечи с черенком (табл. 93, 47). И те, и другие формы представлены как собственно мечами, так и кинжалами. По-прежнему популярны копья. Местные втульчатые наконечники стрел заменяются на черешковые сарматского типа. Встре-

чаются кольчатые панцири (Анфимов Н. В., 1954). В конской упряжи преобладают двучленные железные удила с колесовидными и стержневидными псалиями. Из орудий встречены серпы и «серпы-крюки» (возможно, боевые серпы), мотыгообразные орудия, оселки, ножи (табл. 93, 2), кресала, пряслица, иглы, ножницы. Необычны находки обломков жерновов в Краснодарском могильнике на Почтовой улице. Из предметов туалета и украшений типичны разнообразные фибулы (табл. 93, 72, 74, 75), зеркала-подвески (табл. 93, 54, 64), браслеты с шпешечками на концах (табл. 93, 68), спиральные и проволочные, перстни со спиральными щитками и разнообразные бусы и подвески, среди которых выделяются изделия из египетского фаянса.

Хозяйство и общественный строй меотов

Основой хозяйства меотов являлось земледелие (Анфимов Н. В., 1951а). Нужды отрасли определяли плотность заселения и размеры поселений. Правобережье Кубани в этом отношении было наиболее благоприятным, так как простирающаяся к северу степь давала почти неограниченную возможность увеличения размеров пашни. Земледелие оказывало, по-видимому, прямое влияние на взаимоотношения с Боспором, на экономические связи с ним. В IV—III вв. до н. э., особенно в IV в. до н. э., меоты, вероятно, производили наибольшее количество товарного хлеба, что обусловило интенсивный импорт греческих товаров именно в IV в. до н. э. Позднее в связи со стремительным ростом населения количество товарного хлеба сокращается, что ведет к сокращению импорта. Только на поселениях дельты Дона продолжается активное участие меотов в экономической жизни Боспора (Каменецкий И. С., 1974). Материальными свидетельствами занятия земледелием являются находки серпов в могилах и на поселениях, квадратных зернотерок и круглых жерновов на поселениях, а также зерен. Судя по последним возделывались мягкая пшеница, ячмень (Якубцинер М. М., 1956), рожь, полба, просо, чечевица мелкосеменная, из технических культур — лен (Каменецкий И. С., 1974).

Второе место в хозяйстве меотов принадлежало скотоводству, без которого земледелие было бы невозможно: оно давало тягловую силу и удобрения, кроме того, мясо, молоко, шкуры и шерсть. Наконец, коневодство поставляло боевых коней и коней для передвижения. Судя по находкам костей на городищах и частично в могилах в пищу шло мясо коров, свиней, овец, коз, лошадей и, возможно, собак. Отмечается, что с течением времени доля свиноводства падает, а овцеводства возрастает. Положение в могилах на всем протяжении истории меотов верховых коней со сбруей указывает не только на их важную роль в жизни населения, но и на то, что они в известной мере являлись мериллом богатства. Именно этим обстоятельством объясняется положение в могилах по несколько коней (например, семь коней в погребении 1 могильника Лебеди III и десятки коней в богатых курганных погребениях). Роль охоты как источника мяса была минимальной. Вероятно,

она могла служить источником получения пушнины и имела в основном спортивное значение.

Рыболовство было распространено широко. Повсеместно на городищах мы встречаем грузила для сетей. На донских городищах, кроме сетевых грузил, находят грузила для неводов, сделанные из ручек амфор. Рыболовный крючок для меотских памятников — явление редкое. О рыболовстве свидетельствуют также находки костей и чешуи рыб. Пока не очень ясны причины, но на кубанских городищах они встречаются в небольших количествах, в то время как на Дону составляют целые прослойки в культурном слое. На Подазовском городище найдена рыбозасолочная яма. Дон изобилует рыбой: ловили сома, стерлядь, севрюгу, белугу, осетра, сазана и судака. Кубань была менее благоприятна для рыболовства ввиду сильного течения, но в дельте, в приазовских плавнях, не удобных для земледелия, рыболовство играло, вероятно, большую роль.

Существенное значение имело ремесло, обеспечивавшее не только внутренние потребности, но и экспорт. Наиболее известно производство сероглиняной керамики, проникавшей в предгорья и далеко в степь вплоть до Поволжья и даже Казахстана. Керамика, думается, не была единственной статьей вывоза. Для позднего периода можно предполагать на Кубани изготовление зеркал-подвесок и фибул.

Торговля металлом представляла сложную картину. По данным спектрального анализа, в скифское время (VI—IV вв. до н. э.) на Кубани северокавказское сырье составляло 60%, импорт с востока — 34, импорт с запада — 6% (Барцева Т. Б., 1981, с. 93). В рассмотренных нами районах расселения меотов месторождений меди нет (есть болотное железо). Значит, меоты должны были работать полностью на привозном сырье. Основную долю они могли получать либо от южных соседей, либо от племен кобанской культуры. Восточный металл шел, вероятно, через сарматов.

Существенную роль в жизни меотского общества играла торговля. Следует различать два направления связей — с Боспором и степью. В торговле с Боспором меоты выступали как менее развитый партнер, вывозя преимущественно сырье — хлеб, продукты животноводства. Не исключено, что статьей вывоза были и рабы, даже свои соплеменники (Блаватский В. Д., 1969б). Как своеобразный вывоз можно рассматривать использование воинов-меотов в качестве наемников в боспорском войске. Греки же ввозили: тонкую лаковую посуду, стекло, ювелирные изделия, в массовом масштабе — украшения (бусы, перстни-печатки, зеркала, вино), вероятно, также ткани, благовония и т. п., т. е. предметы роскоши. Существовали и более рядовые статьи ввоза — продукты производства боспорских мастеров. Не исключено, что поставлялись обыкновенные украшения из бронзы, но выделить их обычными методами трудно. Из орудий труда мы можем говорить только о ввозе квадратных зернотерок, но и они впоследствии могли производиться на месте.

В торговле со степью, с сираками и другими сарматскими племенами меоты уже выступали в роли старших партнеров, ибо уровень их ремесла был значительно выше. Мы не имеем никаких материальных свидетельств собственно сарматского импорта

(торговля медью для сарматов была, вероятно, транзитной). Меоты заимствовали типы сарматского оружия, но вряд ли сарматы были в состоянии сколько-нибудь широко снабжать им многочисленные меотские племена. Более вероятно обратное. Кочевники могли поставлять скорее всего продукты скотоводства — собственно скот, кожи, сыры, масло, шерсть, шерстяные ткани.

Наконец, нельзя исключить транзитную торговлю и для меотов. Они могли вместе со своей керамикой распространять и греческую продукцию.

О социальном устройстве по археологическим материалам всегда судить трудно. Мы можем, очевидно, принять за исходное, что в начале своей истории меоты находились на стадии родо-племенного строя. Об этом свидетельствует, в частности, деление на локальные группы, проявляющееся и в материальной культуре. Вероятно, намеченные группы соответствуют племенам. Первоначально они были не очень велики, но потом, в результате естественного прироста, достигли значительных размеров. Приблизженные расчеты для Усть-Лабинской группы показывают, что племя во II—III вв. н. э. могло насчитывать уже десятки тысяч человек и внутренняя структура такого племени, естественно, должна была претерпеть значительные изменения. Первоначально поселения представляли, очевидно, родовые поселки. В них должны были жить группы от нескольких десятков до сотни человек, что вполне согласуется с нашими представлениями о численности рода. А племя в момент появления на Кубани могло насчитывать от нескольких сотен до тысячи человек. К концу меотской истории мы застаем большие меотские поселения. В некоторых из них должно было проживать по несколько тысяч человек. Род мог сохраняться и в этих условиях, но такое поселение уже явно не было родовым. Соответственно и управление им уже не могло осуществляться родовыми институтами — должна была возникнуть какая-то надродовая или внеродовая администрация. Она могла как угодно маскироваться под старые родовые институты, но она была уже качественно иной, по существу не родовой, а территориальной, как и сама община. То же касается и племенной организации. Во главе многотысячного «племени» должно было стоять уже качественно иное «правительство», чем прежде. Этот процесс ускорялся, вероятно, тем обстоятельством, что с VI в. до н. э. меотские племена вступили в тесный контакт с греческими колониями, а с IV в. до н. э. были включены в состав Боспорского рабовладельческого государства. Надо учитывать, что еще до появления греков местное меотское население проделало большой путь в сторону разложения родового строя, ибо в Прикубанье уже в эпоху бронзы наблюдается значительное имущественное расслоение. В протомеотских памятниках, как мы их сейчас знаем, нет существенной дифференциации, но, думаю, это объясняется в основном уровнем наших знаний. В VI—IV вв. до н. э. развитие зашло уже так далеко, что единство вождей и рядовых членов племени не должно было восприниматься как обязательное условие. Это положение было вскоре поддержано всей мощью Боспора. Выделяются знать младших рангов, помогавшая вождю в управлении или управлявшая бывшими родовыми поселками,

дружинники, профессиональные воины-всадники. Таким образом, меоты в силу внутреннего развития в IV в. до н. э. были готовы к переходу на государственную (не племенную) структуру. Этим, видимо, и объясняется относительная легкость подчинения их Боспору. Если говорить коротко, то для Прикубанья положение представляется следующим образом: сохранив остатки родо-племенной организации, меоты оказались включенными в состав рабовладельческого государства. Конечно, надо учитывать, что по мере удаления от границ Боспора ситуация изменялась.

И еще одно обстоятельство. Мы старались показать, что локальные группы обладают устойчивостью, что возникшее вначале деление сохраняется в течение многих веков. Это справедливо для Краснодарской и более восточных групп, для оседлого земледельческого населения. Но у границ Боспора происходят все время какие-то передвижения. Мы знаем из письменных источников о двойном переселении язаматов (Каменецкий И. С., 1971а), что как будто подтверждается возникновением и исчезновением поселений на р. Кирпили и возникновением их на Дону. Из тех же источников мы знаем о неких аспургианах, появившихся и исчезнувших. Памятники на предполагаемой земле дандариев совсем не подтверждают непрерывность развития. Причины, заставлявшие земледельческое население менять место обитания, должны были быть очень значительны. Соседство этих «движущихся» племен именно у границ Боспора говорит, по-видимому, о значительной роли верховной власти — племенной или государственной, настолько сильной, что она могла преодолеть инерцию оседлости. Сказанное нами говорит и в пользу того, что родо-племенной строй у меотов уже клонился к закату.

Сираки *

В степях к северу от Кубани раскопки начались только в последние десятилетия, но уже давно известно, что там обитало сарматское племя сираков.

Относительно границ расселения сираков существуют разные точки зрения. Так, В. Б. Виноградов считает, что они распространялись далеко на юго-восток, до Терско-Суэженского междуречья (1963, 1965, 1966). Его точка зрения другими исследователями не признается (Гаглоев Ю. С., 1964а; Каменецкий И. С., 1965а; Гаглойти Ю. С., 1966). Некоторые ученые считают сиракскими памятники Зубовско-Воздвиженской группы (Смирнов К. Ф., 1952б; Виноградов В. Б., 1965; Каменецкий И. С., 1965а), помещая сираков в междуречье Лабы и Кубани. Напомним, что Ю. М. Десятчиков (1980) тоже локализует замок сиракского царя Арифарна на левобережье Кубани, отождествляя его с Краснобатареиным городищем, но уже не в среднем, а в нижнем течении Кубани. При всех указанных разногласиях никогда не подвергался сомнению тот факт, что степи между

* При написании данного раздела использованы материалы дипломной работы Е. А. Бегловой «Впускные погребения правобережья Кубани IV в. до н. э. — I в. н. э. (о культурной и этнической принадлежности)», защищенной в МГУ в 1982 г.

Азовским морем, Доном, Манычем и Кубанью длительное время были населены сираками.

По-видимому, сейчас никто не поддерживает гипотезу о формировании савроматов в восточном Приазовье и, следовательно, об автохтонном развитии сираков (Мацулевич Л. А., 1947). Появление савроматов на северо-западном Кавказе исследователи относят к разному времени. Н. В. Анфимов считал возможным их пребывание в Приазовье в конце VII в. до н. э. (1951б, с. 204 сл.). К. Ф. Смирнов (1952б) предполагал присутствие в этих районах савроматов в V—IV вв. до н. э., а появление собственно сираков относил ко второй половине IV в. до н. э. Аналогичной точки зрения придерживается и Ю. М. Десятчиков (1973б). Прямых подтверждений последней даты археологи не имели и основывались на косвенных соображениях, среди которых главным, пожалуй, являлось то, что сираки должны были отделиться от основной массы савроматов до замены у них западной ориентировки погребенных на южную.

В последнее время в связи со строительством оросительных систем на территории обитания сираков развернулись широкие археологические работы, которые сосредоточились преимущественно вдоль Кубани и около Азовского побережья, минуя пока основную степную территорию. Это создает затруднения для определения сиракской принадлежности памятников, так как в Приазовье предполагаемые сиракские погребения оказываются в ближайшем соседстве с меотскими часто синхронными памятниками, а в Прикубанье они так близко подходят к Кубани, что оказываются на сельскохозяйственной территории меотов. Несомненно сиракскими (уже только в силу их местоположения) мы можем считать памятники Брюховецкого р-на, курганы около городов Тимашевска и Кореновска. Остальные погребения относятся к сиракам по признаку захоронения в кургане, не связанном непосредственно с каким-либо меотским поселением.

В настоящее время раскопано приблизительно от 200 до 300 сиракских погребений, но опубликовано только 11 погребений Ново-Титоровского могильника (Козенкова В. И., 1980) и одно разрушенное строителями погребение из г. Кореновска (Анфимов Н. В., 1955а). Об остальных в лучшем случае имеются упоминания или краткие сведения в «Археологических открытиях». Наиболее многочисленные погребения исследованы экспедициями В. С. Бочкарева в Брюховецком р-не (Бочкарев В. С. и др., 1979; Бочкарев В. С., Резепкин А. Д., 1980) и В. А. Сафронова на Понуро-Калининской и Краснодарской оросительных системах, около станицы Роговской (Сафронов В. А., Марченко И. И., Николаева Н. А., 1980; Сафронов В. А., 1983).

Почти все известные ныне погребения укладываются в IV в. до н. э.— I в. н. э., и этим как будто подтверждается предположение о времени появления сираков в IV в. до н. э. Вместе с тем следует иметь в виду, что основная масса погребений приходится на III—II вв. до н. э. и сравнительно немного — на предшествующий (IV—III вв. до н. э.) и последующий (I в. до н. э.— I в. н. э.) периоды. На этой же территории известны и отдельные более ранние находки (табл. 99, 1, 2, 5, 7, 8), но связь их именно

с сираками пока не может быть доказана (Нехаев А. А., 1978; Бочкарев В. С., Резепкин А. Д., 1980; Гей А. Н., 1983).

В подавляющем большинстве погребения сираков являются впускными в курганы эпохи бронзы, хотя есть и основные, ради которых насыпан курган (Козенкова В. И., 1980). В насыпях курганов встречаются тризны или приношения, состоящие из оружия, сбруи и т. п. Наиболее типичны могильные ямы вытянутых пропорций со скругленными углами или овальные (табл. 98, 5, 8). Реже встречаются прямоугольные ямы, совсем редко — ямы с заплечиками и подбой (табл. 98, 12, 15), единицами представлены катакомбы, получившие название «носковидные» (табл. 98, 11, 12). Под последними имеется в виду подбой под узкую сторону входной ямы, пол его значительно понижается и череп костяка оказывается ниже ног. Такой тип погребений существовал короткий отрезок времени — III—II вв. до н. э. Он отличался относительным богатством и специфическим набором керамики, что позволяет поставить вопрос об иной этнической, точнее племенной, его принадлежности. В. А. Сафронов сообщает, что им обнаружены могилы скифского времени (вероятно, IV—III вв. до н. э.), «окаймленные настилами на большой площади» (Сафронов В. А., Марченко И. И., Николаева Н. А., 1980). Наконец, из публикации В. И. Козенковой следует, что основные погребения иногда совершались на дневной поверхности, т. е. без ямы.

В ряде случаев зафиксированы остатки деревянных гробов (табл. 98, 8), «деревянных настилов» или «подстилок». Подавляющее большинство погребений одиночные, но есть случаи парных захоронений, например в Ново-Николаевском I могильнике (курган 1, погребение 1), где были похоронены мужчина с ребенком. Западная ориентировка погребенных преобладала на протяжении IV в. до н. э.— I в. н. э. По данным Е. А. Бегловой, на ее долю приходится 30%, а на ориентировки западного сектора (от северо-запада до юго-запада включительно), дающие почти нормальное распределение, — 81%. Как всегда в подобных случаях, в небольших количествах представлены почти все ориентировки, кроме северной и северо-северо-восточной. Позы погребенных тоже довольно стандартны: преобладает положение на спине (99%), единицами представлены положения на левом или правом боку, а также на животе. В большинстве случаев руки вытянуты вдоль тела (53%), реже — согнуты и положены на таз или бедро (12%), но чаще согнута только одна рука — правая (16%) или левая (19%). Положение ног обычно параллельное (72%), но встречаются и случаи сближения в коленях (7%) или стопах (15%) — тогда можно предположить связывание ног. Среди собранного Е. А. Бегловой материала нет ни одного случая перекрещенных в голенях ног, что считается чрезвычайно характерным для сарматов. Напомню — поза эта свойственна меотам. Наконец, имеется несколько случаев (6%), когда ноги покойника, по-видимому, были поставлены вверх коленями. Впоследствии они упали на одну из сторон или ромбовидно (табл. 98, 3, 7). Этим, собственно, исчерпываются обязательные признаки.

Из необязательных наибольший интерес представ-

ляет напутственная пища (кости животных). Встречена она далеко не во всех могилах (23%), что ближе, скорее, обычаю меотов, чем сарматов. В видовом отношении преобладает овца (76%), затем идут лошадь и поровну корова и свинья (по 6%). Что касается выбора части туши, то здесь мало данных, но во многих случаях встречены ребра и чуть в меньшем количестве — кости ног. Те и другие могут сопровождаться, например, лопаткой. Другие признаки представлены единичными случаями — не более 5% от общего количества исследованных погребений: положение в могилу галек (от одной до пяти), причем более чем в половине случаев они находились в лепном сосуде, меловая подсыпка, реальгар, раковины, астрагалы и клыки.

Ни у кого не вызывает сомнения, что «сарматизация» меотов осуществлялась главным образом через сираков, во всяком случае до рубежа нашей эры. Однако сираки, как следует из приведенной характеристики, не обладали никакими специфическими чертами погребального обряда, по которым можно было бы установить это влияние или даже проникновение сираков в меотскую среду. Часто говорят, что сарматы (савроматы) принесли меотам западную ориентировку, но уже в IV в. до н. э. в некоторых могильниках (Лебеди III) она представлена в большом количестве, хотя никаких других сарматских признаков не наблюдается. Более того, часть перечисленных черт мы, пожалуй, должны рассматривать как результат «меотизации» сираков: использование свиньи в качестве жертвенного животного, помещение напутственной пищи в миску с ножом, гальки в лепных сосудах. Еще определеннее это влияние сказывается в инвентаре (табл. 99). Сираки в значительной степени использовали вещи меотского производства, поскольку меотское ремесло стояло на высоком уровне развития. Особенно ярко это проявилось в керамике. Известно, что сарматы не освоили гончарного круга. Лепная керамика, найденная в погребениях сираков, содержит лишь два оригинальных типа горшков: слабо профилированные с широким горлом и дном (табл. 99, 65) и горшки с яйцевидным туловом (табл. 99, 7). Остальная лепная посуда — несколько мисок и кувшины — явное подражание меотским гончарным формам. Особенно интересны кувшины, часто имеющие лощеную поверхность и орнамент в виде вертикальных полос, состоящих из одной-двух линий (табл. 99, 12, 21, 23, 25). Любопытно, что, несмотря на заметное влияние меотских образцов, в данной группе выработались и свои устойчивые признаки, и это позволит в будущем надежно обособить данную группу. Отметим, что керамика такого стиля встречена и в Закубанье, например в Большом Петропавловском могильнике, и на центральном Кавказе. Гончарная керамика сплошь меотская, не считая, разумеется, греческих образцов (табл. 99, 11, 22, 35). Встречаются лощеные и нелощеные сосуды серого, коричневого, желтого и красного цветов. При характеристике меотов указы-

валось, что это варианты одной технологической группы. Наиболее многочисленны кувшины (табл. 99, 24, 60) и миски (табл. 99, 63, 66, 67). Очень любопытны небольшие грушевидные сосуды с горизонтальной ручкой. Похоже, они играли какую-то особую роль в погребальных ритуалах. Несколько меньше сосудов со сходной формой тулова, но вертикальной ручкой. Известны небольшие шаровидные горшочки (табл. 99, 61), кувшиновидные двуручные сосуды (столовые амфоры), кружки (табл. 99, 37, 62), приземистые горшки с ручками-упорами, вазы и двуручные кубки.

Вооружение представлено стрелами. В подавляющем большинстве случаев это железные трехгранные или трехперые втульчатые наконечники (табл. 99, 40, 43, 44, 45, 47, 48). Собственно сарматских, т. е. черешковых, не очень много. В единичных экземплярах известны пулевидные и четырехгранные костяные наконечники (табл. 99, 41, 46), а также бронзовые (табл. 99, 42, 68—70). Мечей не очень много, и тип их неустойчив. В большинстве это короткие мечи — кинжалы. Многочисленны группы мечей с серповидным навершием, меньше — с кольцевидным. Встречаются мечи меотского образца, т. е. с брусковидным навершием без перекрестья, наконечники копий (табл. 99, 13, 26), железные секиры (табл. 99, 14, 27). Снаряжение коней пока не очень ясно, известны двучленные удила (табл. 99, 71) с крестовидными насадками меотского типа, в ряде погребений найдены фалары. Среди зеркал имеются зеркала прохоровского типа, но преобладают разнообразные тонкие пластинчатые (табл. 99, 4—6), бывавшие у меотов. Из украшений использовались серьги в виде колечек — иногда витые, иногда с напаянными снизу «гроздьями», гривны и браслеты, фибулы (табл. 99, 30). Ножи с горбатой спинкой, как и положено сарматским ножам (табл. 99, 16, 72). Из других находок отметим еще пряслица, оселки (табл. 99, 29, 52). Этим, пожалуй, и кончается список рядового инвентаря. Как мы видели, только некоторые категории могут быть признаны сарматскими, т. е. и по инвентарю трудно отличить меотское погребение от сираковского.

Заканчивая характеристику сираков, необходимо указать, что у них существовала четко выраженная имущественная дифференциация. Выделяется группа погребений (Волков И. Г., 1978), содержащих золотые и серебряные украшения, бронзовые и стеклянные импортные сосуды и т. д. Вероятно, это имущественное превосходство отражает и социальную значимость погребенных, их особую роль в обществе.

К сказанному выше о меото-сарматских торговых и экономических связях следует добавить, что для сираков бесспорны прямые торговые связи с греческими колониями. Напомним об их участии в политических и военных событиях на Боспоре, где они выступали то как враги, то как союзники. Вероятно, было возможно и наемничество.

Глава восьмая

Кобанская культура Кавказа

Судьбы населения равнин Восточной Европы во все эпохи были тесно связаны с судьбами древних племен Северного Кавказа. В эпоху раннего железа заметное место занимали в этих связях племена — носители так называемой кобанской культуры.

Первые находки предметов кобанского типа относятся к 40—50-м годам XIX в. (крепость Воздвиженская, Каменноостское укрепление на Малке, Каменноостское на Куме). Однако свое наименование культура получила значительно позднее по названию аула Верхний Кобан в Тагаурском ущелье северной Осетии, где в 1869 г. был случайно обнаружен могильник из каменных ящиков. Обилие, исключительное своеобразие бронзовых украшений и оружия поразили воображение русских и иностранных любителей древности и заставили более пристально взглянуть в культуру этого «дикого» края. Уже в 1878 г. Г. Д. Филимонов предполагал в Осетии существование «самостоятельной и обширной культуры... если не чисто бронзового, то по крайней мере несомненно переходной эпохи от бронзового века к железному» (1878, с. 282). А. С. Уваров на V Археологическом съезде в Тифлисе в своем докладе справедливо сопоставил Кобанский могильник с Гальштатом и подчеркнул местный характер вновь выявленной кавказской культуры начала железного века.

Первоначально специфика кобанской культуры вырисовывалась преимущественно по металлическим изделиям и лепной керамике, которая также отличала пласт кобанских древностей от остальных культур Кавказа и Европы (Уварова П. С., 1900).

За прошедшее столетие источниковедческая база для изучения кобанской культуры возросла неизмеримо по сравнению с первыми пунктами находок. Открыты десятки новых могильников, отдельных комплексов, кладов и случайных находок. Выявлены места поселений.

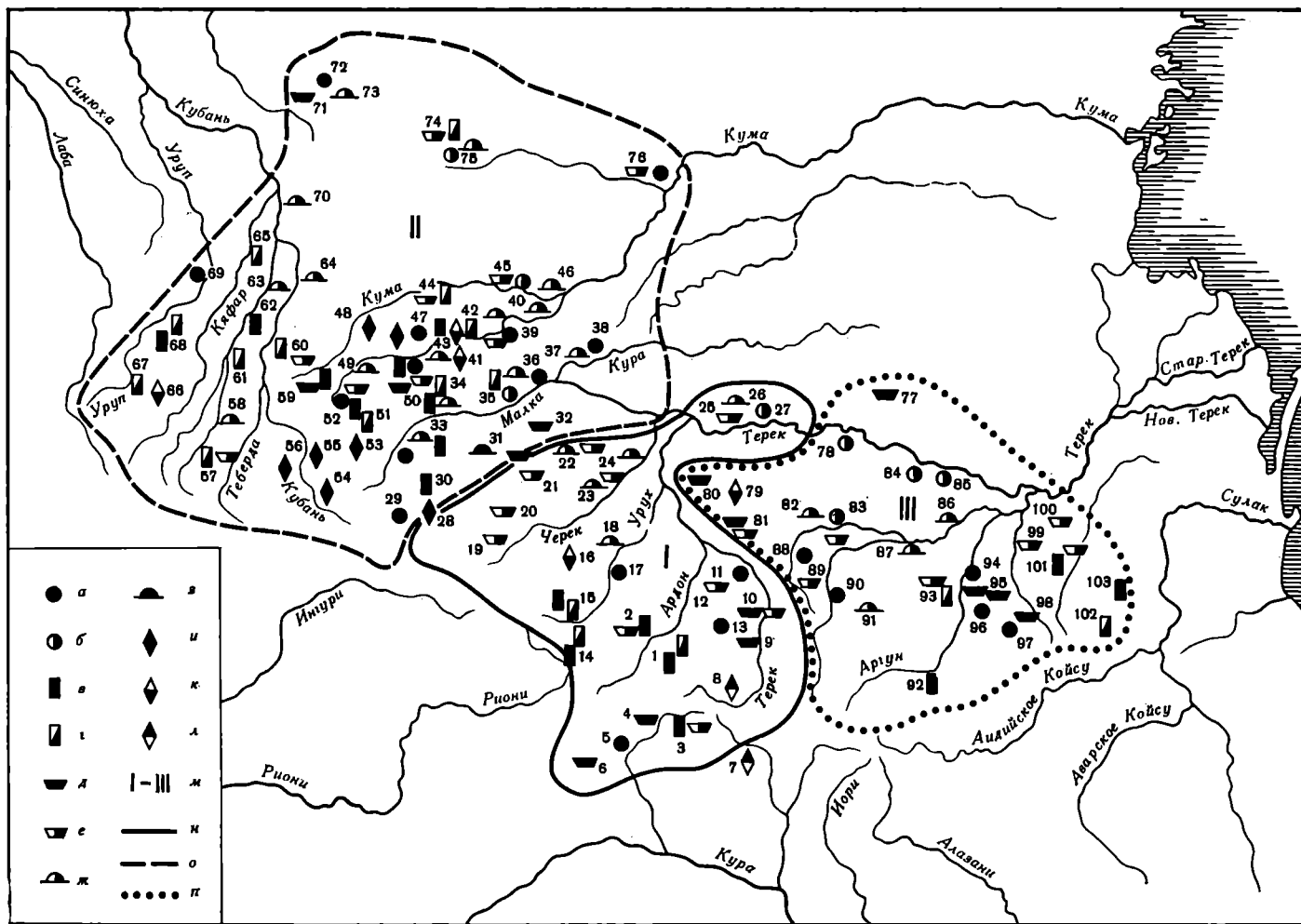
Отдавая должное плеяде русских и европейских ученых (Г. Д. Филимонову, А. С. Уварову, П. С. Уваровой, В. И. Долбежеву, В. Ф. Миллеру, Э. Шантру, Р. В. Вирхову, Ф. Гончару, С. Пршеворскому и многим другим), внесшим большой вклад в изучение памятников кобанской культуры, необходимо подчеркнуть, что систематизация этих древностей, исторический подход к ним, классификация их на более высоком уровне — несомненная заслуга советских археологов, в первую очередь А. А. Иссеева, Б. Б. Пиотровского, Е. И. Крупнова, Б. А. Куфтина, А. П. Круглова, О. А. Артамоновой-Полтавцевой. Предпринятые ими в свое время разработки классификации и хронологической периодизации памятников эпохи бронзы — раннего железа Кавказа, в том числе кобанской культуры, во многом остаются верными и по сей день. Основные положения этих разработок развивались и во многом уточня-

лись современными исследователями на основе новейших данных (подробную библиографию: см.: Козенкова В. И., 1977, 1982а).

В настоящее время известно около 400 памятников кобанской культуры в более чем 100 пунктах Кавказа (карта 24). На основе этих данных наметились границы расселения носителей культуры, уточнились в общих чертах особенности локальных групп на разных хронологических этапах.

Сейчас не подлежит сомнению, что кобанская культура занимала горные области центрального Кавказа по обе стороны Большого Кавказского хребта, но преимущественно северные склоны, включая предгорья и высокие плато в пределах современной Ставропольской возвышенности. На западе памятники кобанского типа фиксируются до междуречья Большого Зеленчука и Урупа (Алексеева Е. П., 1971, с. 57—74; Козенкова В. И., 1981а, с. 29—43), а на востоке — до левобережья р. Аксай (Дударев С. Л., 1976, с. 257—261; Козенкова В. К., 1977).

Вопросам хронологии кобанской культуры уделено большое внимание со стороны как отечественных, так и зарубежных ученых. Диапазон ее датировки разными исследователями колеблется в пределах более полутора тысяч лет. Но наиболее обоснованными датами бытования кобанских древностей остаются даты, предложенные Е. И. Крупновым, т. е. XII—IV вв. до н. э. (Крупнов Е. И., 1969, с. 16), причем ее классический период определен им XI—VIII вв. до н. э. (Крупнов Е. И., 1960, с. 108). Крупнову принадлежит и наиболее обоснованное представление о хронологической периодизации культуры. По его мнению, она прошла три хронологических этапа: I — формирование и становление основных признаков культуры (середина XII — середина IX в. до н. э.); II — расцвет культуры (вторая половина IX — середина VII в. до н. э.); III — переформление культуры под влиянием культур скифо-савроматского круга (вторая половина VII—V, а, может быть, начало IV в. до н. э.). Хронологическая периодизация культуры центрального Кавказа на основе новейших материалов Тлийского могильника разработана В. Б. Теховым (1972, с. 18—37). Кобанская культура, по его мнению, соответствует в системе этой периодизации II этапу позднебронзового века (XII—X вв. до н. э.) и раннему железному веку, охватывавшему три этапа (I—X—IX вв.; II—VIII — середина VII в.; III — середина VII—IV в. до н. э.). Для позднекобанских древностей горной части центрального Кавказа, частично соответствующих III этапу по Е. И. Крупнову, периодизация создана Е. П. Алексеевой (1949, с. 191). В этой периодизации выделены позднекобанский 1-й период (VI—III вв. до н. э.) и позднекобанский 2-й период (II в. до н. э. — III в.

Карта 24. Кобанская культура Кавказа (ареал, локальные варианты, основные пункты находок)

а — поселения XII — середины VII в. до н. э.; б — поселения VII—V вв. до н. э.; в — каменные ящики I—II этапов; г — каменные ящики скифского периода; д — грунтовые могильники I—II этапов; е — грунтовые могильники скифского периода; ж — курганы II этапа; з — курганы скифского периода; и — клады металлургов; к — клады X—VII вв. до н. э.; л — клады VI—V вв. до н. э.; м — локальные варианты культуры (условный контур): н — центральный, о — западный, п — восточный

I — центральный вариант: 1 — Кобан; 2 — Карца; 3 — Тли; 4 — Стырфаз; 5 — поселение Нацар-гора; 6 — Ожора; 7 — клад у с. Душети; 8 — Казбег; 9 — Беахне-куп; 10 — Николаевское; 11 — Змейское; 12 — Архонская; 13 — Гизельдонское поселение; 14 — Донифарс; 15 — Голдиат (Верхняя Рутха); 16 — Жемтала; 17—18 — Чикола; 19 — Булунгу; 20 — Верхний Чегем; 21 — Нижний Чегем; 22 — Шалушка; 23 — Нальчик; 24 — Нартан; 25 — Комарово; 26, 27 — Моздок

II — западный вариант: 28 — Былым; 29 — Верхний Баксан; 30 — Гижгид; 31 — Заково; 32 — Баксан; 33 — Хабаз; 34 — Каменноостское; 35 — Этока; 36 — Зольское; 37 — станция Марьянская; 38 — поселение Зольский карьер; 39 — близ Пятигорска; 40 — Георгиевск; 41 — Ессентуки; 42 — Бештаугорский клад; 43 — Быкогорский могильник; 44 — Минеральные Воды; 45 — Обильное; 46 — Ново-

заведенное; 47 — Боргустанский клад и поселение; 48 — Бекшевская; 49 — Учккен; 50 — памятники г. Кисловодска (могильники Мебельная фабрика, Белореченский 1 и 2, Сосновогорские и др.); 51 — Березовский могильник; 52 — комплекс Уллубаганалы 2; 53 — клад на р. Мушт; 54 — Хураук; 55 — Худесс; 56 — Индышский клад; 57 — могильники бассейна р. Теберды; 58 — Карабашево; 59 — Терезе; 60 — Кызыл-кала; 61 — Тамгацик; 62 — Инжичукун; 63 — Дружба; 64 — Таллык; 65 — Вако-жиле; 66 — Кяфарский клад; 67 — Пантелеймоновский; 68 — Исправная; 69 — поселение Заслонка; 70 — предметы кобанского типа из кургана у хут. Алексеевский; 71 — Ставропольское погребение (раскопки Т. Н. Минаевой); 72 — Грушевское поселение и могильник; 73 — предметы кобанского типа из курганов у Ставрополя; 74 — могильник на горе Голубинка у с. Дубовая Роша; 75 — предметы кобанского типа из курганов у хут. Красное Знамя; 76 — Буденновск (Прикумск) III — восточный вариант: 77 — Алпатово; 78 — Верхний Наур; 79 — Советское (Кескем); 80 — Ахолово (Нижний Кур); 81 — Пседахе; 82 — Троицкая; 83 — Нестеровская; 84 — Шеды-юрт; 85 — Правобережное (Аду-юрт); 86 — Алды; 87 — Кулары; 88 — Алхасте; 89 — Мужичи (Луговой); 90 — Бамут; 91 — Урус-Мартан; 92 — Шарой; 93 — крепость Воздвиженская; 94 — Сержень-юрт; 95 — Майртуп; 96 — Курчалой; 97 — Таузен; 98 — Ахкинчу-барзой; 99 — Новогрозненский; 100 — Исти-су; 101 — Аллерой; 102 — Курен-беной; 103 — предметы кобанского типа из могильника у с. Зандак

н. э.). Конец первого и второй позднекобанский период, по Е. П. Алексеевой, представляют столь очевидное качественное изменение автохтонной культуры, что специально рассмотрены в следующей главе настоящего издания (см. ниже). Широкий ареал кобанской культуры при общем сходстве ее основных элементов (погребальный обряд, керамика, украшения, некоторые типы оружия) обусловил наличие локальных особенностей в памятниках, удаленных друг от друга в широтном и меридиональном направлениях. Попытки локального членения кобанских древностей предпринимались неоднократно. Так, А. А. Иессен (1956) видел в них две локальные группы — западную и восточную. Е. И. Крупнов (1960) выделял три группы — осетинскую, кабардино-пятигорскую и вайнахскую, или грозненскую. Три варианта (горнокавказский, пятигорский и плоскостной) усматривали в кобанских древностях скифского периода VII—IV вв. до н. э. В. Б. Виноградов (1972) и И. М. Чеченов (1974, с. 14). Особую верхнекобанскую группу скифского периода в ареале западного (по Е. И. Крупнову) варианта выделила Е. П. Алексеева (1971).

По мнению большинства исследователей, локальные варианты рассматриваются как культуры отдельных племенных образований.

Выявление особенностей этнографического порядка в кобанской культуре затруднительно, поскольку природные условия вертикальной зональности накладывают отпечаток своеобразия на отдельные районы, но эти своеобразные черты обусловлены совершенно другим фактором — разными хозяйственно-культурными типами. Наиболее вероятно проявление этнических особенностей в украшениях и керамике (Козенкова В. И., 1981а, с. 45). Именно эти категории материальной культуры в комплексе с типами погребальных сооружений и чертами погребального обряда зримо демонстрируют выделение в древностях кобанской культуры в целом трех больших локальных групп: центральной, западной и восточной. Ареалы вариантов еще уточняются. Но уже теперь, констатируя некоторую подвижность границ на разных хронологических этапах, можно предполагать относительное постоянство территории всех трех локальных групп — крайней мере до VII—VI вв. до н. э. (см. карту 24).

В настоящее время самые ранние памятники кобанской культуры зафиксированы в центре ареала. Отсюда они, как полагают исследователи, распространились позднее в западном и восточном направлениях. В связи с этим абсолютная хронология локальных вариантов в части, касающейся нижнего рубежа, не совпадает. Если для центральной группы он может быть углублен до начала XII в. до н. э., то для западного условно определяется концом XII—XI в. до н. э. Ранний предел восточно-кобанских памятников твердо ограничивается рубежом II—I тысячелетия до н. э. Однако не исключено, что новые находки могут внести коррективы в эту схему.

Центральный вариант кобанской культуры занимал срединную часть центрального Кавказа, в основном горно-предгорную, и водную систему Казбека по обе стороны Большого Кавказского хребта. Южная граница улавливается по памятникам кобанско-

го типа предгорной зоны южной Осетии, в бассейне Большой Лиахвы по линии Стырфаз — Душети (Техов Б. В., 1977, с. 189; Сланов А. Х., 1978а, с. 4—7); северная — в пределах северной Осетии, по среднему течению р. Терек, севернее Моздока; западная — в Закавказье, по Рачинскому и Сурамскому хребтам, а на северном склоне — по территории Кабардино-Балкарии в междуречье Баксана и Чегема; восточная граница намечается в Закавказье по верховьям р. Арагва, а на северном склоне — в междуречье Ассы и среднего течения Терека (Чечено-Ингушетия). Несмотря на ряд специфических особенностей юго-осетинской группы и группы северного склона, культура их обнаруживает бесспорное единство (Техов Б. В., 1969, с. 47).

Материальная культура центрального варианта середины XII — середины VII в. до н. э. (т. е. I и II этапы) на южном и северном склонах Кавказа представлена поселениями, могильниками и могилами. Наиболее известны памятники: Кобанский, Тлийский, Верхнерутхинский (Голиатский), Кардинский, Стырфазский могильники; Змейское (табл. 100, А, 1), Цхинвальское (Нацаргора) поселения и Жемталинский клад.

Поселения расположены на предгорных естественно укрепленных возвышенностях. Наиболее изученными являются Цхинвальское (Г. Ф. Гобеджишвили, 1951, с. 275) и Змейское (Крупнов Е. И., Деопик Д. В., 1961, с. 11—36). Характерным типом жилища в предгорьях были наземные глинобитные дома, укрепленные в нижней части стен рядами булыжников. Стены и пол тщательно обмазывались глиной. Внутри домов сооружали глинобитные очаги типа тандыра. На Змейском поселении X—VIII вв. до н. э. были исследованы два таких дома, раскопан культовый комплекс и примитивный гончарный горн для обжига посуды.

Могильники содержат захоронения по обряду ингумации или частичного кремирования на месте или в специальных сооружениях (Верхняя Рутха). Преобладали индивидуальные, но отмечены парные и коллективные захоронения (Тлийский, Верхнерутхинский могильники). Основной тип погребального сооружения — каменные массивные ящики прямоугольной формы, сложенные из крупных плит или небольших плиток (средний размер 0,8×1,5 м) и перекрытые большими плитами (табл. 100, А, 2). Для Тлийского могильника обычны грунтовые ямы с обкладкой по краям каменными плитами (табл. 100, А, 3). В могильнике Беахне-куп (Чми) отмечены грунтовые ямы с бревенчатыми накатами (ОАК за 1882—1888 гг.). Грунтовые могилы без каменного оформления характерны для VIII—VII вв. до н. э. в предгорной зоне (Николаевский могильник в северной Осетии). Поза погребенных — скорченная на боку с руками перед грудью или лицом. Особенности погребального ритуала всех кобанских могильников — преобладание только в пределах одного памятника тех или иных черт. Так, в Стырфазском и Кобанском могильниках отмечено погребение мужчин на правом, а женщин на левом боку; в Тлийском укладывали независимо от пола, но преобладали на правом. То же самое и с ориентировкой. Она была произвольной в пределах могильника. Например, в Кобанском — восточная, южная, западная, в Тлий-

ском — северная или северо-западная; в Верхней Рутхе — западная, восточная и юго-восточная и т. д. В могилах часто встречалась заупокойная пища. Большая роль отводилась огню. Это подтверждается не только существованием ритуала трупосожжения, но и обычаем в погребениях с труположениями разводить небольшие костры или осыпать покойников, видимо, горячими углями (Тли).

Памятники центрального варианта I и II этапов (по Е. И. Крупнову) называют в специальной литературе классическими, как наиболее полно выражающие характерные признаки кобанской культуры в обряде и особенно в вещевом комплексе.

Орудия труда представлены бронзовыми иглами, долотовидными орудиями (табл. 100, А, 4), бронзовыми серпами (табл. 101, А, 13), тесловидными плоскими топорами (табл. 101, А, 11), литейными формами (Назар-гора, Зилга) и глиняными пряслицами с вогнутым основанием (табл. 100, А, 6; 101, А, 14). Интересны ланцетовидные предметы и пинцеты (табл. 101, А, 8), имевшие отношение к врачеванию (Техов Б. В., 1977, с. 118—122).

Неповторимость и оригинальность придают кобанской культуре массовые и разнообразные украшения костюма. Они состояли из бронзовых фибул (табл. 100, А, 12—14; 102, А, 34—35, 37), височных подвесок (табл. 100, А, 11; 102, А, 33), бронзовых гривен (типа табл. 102, А, 41), спиралей-накольников (типа табл. 102, А, 9), разнотипных бронзовых булавок (табл. 100, А, 20; 102, А, 1, 5, 10, 12, 29), браслетов ручных (табл. 100, А, 9; 102, А, 52—53) и ножных (табл. 102, А, 60), поясных пряжек (табл. 100, А, 17—19, 21—23; 102, А, 61, 63) и бронзовых орнаментированных поясов (табл. 102, А, 64), всевозможных бронзовых бляшек и пуговиц (табл. 102, А, 27, 48, 59), великолепных зооморфных и антропоморфных привесок (табл. 100, А, 7, 10—15; 102, А, 13, 16, 24, 28, 43, 45, 55—56), спиральных биконических провизей (табл. 102, А, 40) и ожерелий из десятков и сотен сердоликовых шаровидных бусин.

Представление о типах конского снаряжения дают костяные псалии рубежа II—I тысячелетий до н. э. из Змейского поселения (табл. 103, А, 28), десятки наборов бронзовых удиц, одноколычатых и двуколычатых, и бронзовых псалиев из Кобанского могильника (табл. 103, А, 16, 30). Особенно важна находка двуколычатых удиц (с шипами) из погребения 12 (раскопки Э. Шантра) с типично кобанским инвентарем начала I тысячелетия до н. э.

Предметы вооружения — неременный компонент мужских могил центрального варианта. Они имели место не только в погребениях, но и в слоях поселений. О знакомстве с луком свидетельствуют костяные и бронзовые наконечники стрел кавказских форм (типа табл. 101, А, 31—35, 38) и костяные, близкие степным киммерийским (табл. 101, А, 36). Известны также бронзовые наконечники копий с раскрытой втулкой (табл. 101, А, 27), роговые (типа табл. 100, В, 20) и бронзовые навершия булав (табл. 100, А, 16; 101, А, 19—21). Самой выдающейся категорией являлись, несомненно, бронзовые орнаментированные топоры (табл. 100, А, 24). На втором месте стояли бронзовые (табл. 100, А, 26; 101, А, 46—49), а позднее — биметаллические кинжалы (типа табл. 101, А, 53).

Специфически центральнокобанский металличе-

ский комплекс, не повторяющийся в других районах целиком, составляли дважды изогнутые орнаментированные бронзовые топоры, дуговидная фибула, спиральные многовитковые браслеты, прямоугольная бронзовая поясная пряжка с железной инкрустацией, пинцеты, культовые грибовидные глиняные предметы (табл. 100, А, 4—26).

Глиняная посуда центрального варианта I и II этапов лепная, изготовлена без круга, но, видимо, на вращающейся подставке, так как формы сосудов пропорциональны, с ровно выделанными стенками. Поверхность хорошо заглажена и покрыта тщательным лощением. Большинство сосудов украшены прочерченным и нарезным геометрическим орнаментом или косыми каннелюрами иногда в сочетании с выпуклыми налезными шпешечками. Цвет сосудов темно-серый, черный или красновато-коричневый. Довольно часто орнамент затерт белой пастой, но это не повсеместно, а лишь в отдельных памятниках (Кобанский и Верхнерутхинский могильники, частью Змейское поселение). Основные категории: высокие корчаги с расширенным туловом, узким горлом и плавно отогнутым венчиком (табл. 104, А-II, 19, 22); средних размеров кувшины с петлевидной ручкой на тулове (табл. 104, А-II, 18); миски (табл. 104, А-II, 14—15); кружки (табл. 104, А-II, 11, 13, 21); круглодонные кубки разных типов (табл. 104, А-II, 12, 20); сдвоенные сосудики (табл. 104, А-II, 17) и пиксиды (табл. 104, А-II, 16).

Могильники на южном склоне Кавказского хребта отличались скудностью глиняной посуды, а также наличием форм, близких в деталях к сосудам более южных синхронных культур Закавказья (табл. 104, А-II, 21). Мелкие кружки-черпаки с высокими петлевидными ручками и каннелированной поверхностью, уникальные, нарядно орнаментированные пиксиды напоминают такие же сосуды культуры полей погребальных урн и памятников фракийского гальштата Центральной и Юго-Восточной Европы.

Богато орнаментированные кружки-кенусовидной формы иногда с зооморфными ручками (Ожори, Кобань) составляли специфику памятников центральной группы (табл. 104, А-II, 13). Большинство типов глиняных сосудов пока невозможно четко разграничить хронологически. Многие из них бытовали на протяжении всего периода расцвета кобанской культуры, и только в раннескифский период началось заметное морфологическое изменение традиционных форм.

Характерной особенностью культуры центрального варианта является металлическая посуда, обнаруженная в основном в комплексах X—VIII вв. до н. э. горной и реже — предгорной зон (Тли, Кобань, Кумбулта, Верхняя Рутха, Жемтала). Особенно типична она для Тлийского могильника, где почти полностью заменяет глиняные сосуды. Вазы с зверовидными ручками (табл. 105, А-II, 13), иногда украшенные чеканным ромбовидным орнаментом (табл. 105, А-II, 10, 12), ведро (табл. 105, А-II, 9), миски или чаши (табл. 105, А-II, 3—5, 11) и кружки с зверовидными ручками (табл. 105, А-II, 6—8) восхищают соразмерностью пропорций и тонкостью чувства линии и формы у древних мастеров.

Для I и начала II этапов центрального варианта не характерно железоделательное производство: же-

лезо употреблялось для инкрустации по бронзе и для изготовления небольших ножей, но к началу I тысячелетия до н. э. у кобанцев появилось железное оружие (Вознесенская Г. А., 1975, с. 76—116).

Материалы кобанской культуры эпохи расцвета свидетельствуют о массовости и традиционной повторяемости многих ее комплексов. Такая повторяемость и преемственность прослеживаются почти во всех категориях предметов, особенно в украшениях, что пока не позволяет создать бесспорную детальную хронологическую периодизацию памятников центрального варианта.

Выделение древностей I (середина XII—IX в. до н. э.) и II (вторая половина IX — середина VII в. до н. э.) этапов, предложенное Е. И. Крупновым, условно, но имеет определенные основания, поскольку базируется на датирующих предметах этого пласта. Таковыми, например, являются фибулы трех разновидностей. Первая — с тонкой полуовальной дуговидной спинкой, узким приемником, покрытая поперечными насечками (табл. 102, А, 34), типологически близко соответствует средиземноморским образцам (Bogenfibel) середины XII—XI в. до н. э. (по Г. Мюллер-Карпе), вторая — коленчатая (табл. 100, А, 13) из слоя Змейского поселения (Козенкова В. И., 1975а, с. 53—54), аналогичная итальянским (Kniefibel) XI—X вв. до н. э., типа Панталлача II (Müller-Karpe H., 1959, Tabl. I, 32; Kosack G., 1980, S. 139). Наконец, третья — щитковая (Schildfibel) из старых раскопок В. И. Долбежева на Кобанском могильнике (северное кладбище), чрезвычайно близкая типам, встреченным в памятниках ВД-НаА, Центральной Европы (Veličić L., 1983, S. 56, 57, Taf. VIII, 14). Среди раннекобанских материалов есть также костяные псалми (табл. 103, А, 28) с отверстиями в разных плоскостях (Змейское поселение), датирующиеся по аналогии с северопричерноморскими XII—XI вв. до н. э. (Лесков А. М., 1981, с. 62). К датирующим предметам относятся также бронзовые серпы, кинжалы переднеазиатского типа (табл. 100, А, 25), не встреченные на Северном Кавказе позднее X в. до н. э. Значительная группа датирующих предметов VIII — середины VII в. до н. э.: бронзовые двукольчатые удила, биметаллический кинжал с однокольчатым орнаментом на рукоятке (Козенкова В. И., 1975а, с. 93—98), втульчатые костяные наконечники стрел, ромбические в сечении.

По Е. И. Крупнову, кобанская культура горных районов северо-осетинской подгруппы вступила в фазу расцвета на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Примерно с IX в. до н. э. она начала распространяться в предгорные районы, а также на запад и восток. Новые данные внесли поправку в эту точку зрения.

Западный вариант. Раскопки 70-х годов в долинах Баксана (И. М. Мизиев, В. М. Батчаев) и Подкумка (В. М. Козенкова) выявили памятники бесспорно кобанского типа, относящиеся ко времени не позднее рубежа II—I тысячелетий до н. э. Этот факт свидетельствует о том, что миграция носителей кобанской культуры на запад (а значит, и формирование западной группы) началась в горах и предгорьях значительно раньше, чем предполагал Е. И. Крупнов, т. е. может быть, еще в конце XII в. до н. э. Керами-

ка кобанского типа начала I тысячелетия до н. э. засвидетельствована на севере в погребениях (грунтовый могильник Грушевка в Ставрополье) и в слоях поселений Ставропольского плато (А. В. Найденко, А. В. Гадло). Таким образом, западная группа кобанской культуры на современном этапе ее изучения представлена памятниками трех периодов. Абсолютная хронология их такова: I — конец XII—XI — IX вв. до н. э.; II—VIII — середина VII в. до н. э.; III — вторая половина VII—V, может быть, IV в. до н. э. Памятники IV в. изучены неудовлетворительно.

Западный вариант кобанской культуры двух ранних периодов (конец XII — середина VII в. до н. э.) занимал западную часть центрального Кавказа, в основном горно-предгорную, и водную систему Эльбруса. Южная граница проходила по Главному Кавказскому хребту; западная — по верховьям левого берега р. Уруп, притока Кубани, и по западной части Ставропольского плато (самые верховья рек Егорлык и Калаус); северная — по Ставропольской возвышенности, по линии Ставрополь — Буденновск; восточная — по правобережью р. Кумы и между речью Баксана и Чегема (см. карту 24).

В обозначенном ареале сейчас известно около 200 памятников, поселений, могильников и кладов, на основе которых вырисовываются главные черты западной группы. Наиболее известные памятники: Заюковский, Каменноостровский на Малке, Кисловодский, Березовский могильники, могильник на Кисловодской мебельной фабрике, Сосновогорский, Султангорский, Белореченские 1 и 2, Терезинский, Инжич-чукунский, Исправненский могильники; Верхнебаксанское, Зольское, Перкальское, Кисловодское, Султангорское, Эшкаконское, Заслонкинское, Грушевское и Прикумское поселения. Многочисленные клады металлургов (Былымский, Боргустанский, Бекешевский, клад на реке Мушт, Хураукский, Худесский, Индышский, Кяфарский) и клады всаднического снаряжения VIII—VII вв. до н. э. (Ессентуки, гора Бештау).

Поселения расположены по долинам рек на высоких плато (Баксан, Кисловодская котловина) или на отдельно стоящих возвышенностях (Пятигорск). Изредка встречены открытые поселения с находящимся рядом естественно укрепленным убежищем. Таково, например, Яснополянское поселение близ Ессентуков (табл. 100, Б, 1). В большинстве своем поселения изучены слабо. Полностью исследовано лишь поселение Уллубаганалы 2 на Эшкаконе (Ковалевская В. Б., Козенкова В. И., 1979, с. 128). На нем в слое X—VIII вв. до н. э. открыты остатки больших (до 80—90 кв. м) прямоугольных наземных или слегка углубленных в землю домов, стены которых были сложены из булыжника в сочетании с глинобитной массой. Полы вдоль стен грубо вымощены плоскими плитами. Внутри помещений выявлена система столбов, что предполагает наличие двускатной крыши и отдельных отсеков-комнат, разделенных более легкими внутренними стенками. В жилищах прослежены остатки примитивных очагов хозяйственного назначения и один овальный глинобитный очаг в виде плоской гладкой площадки, весьма близко напоминающий культовые очаги на синхронном Сержень-юртовском поселении восточного ва-

рианта кобанской культуры (см. ниже). Непосредственно к стенам жилых помещений примыкали хозяйственные пристройки (Ковалевская В. Б., 1984, с. 59—69). Важные материалы по стратиграфии и хронологии поселений западной группы получены при раскопках Грушевского городища VIII—IV вв. до н. э. (Найденко А. В., 1982, с. 36—38).

Могильники рубежа II—I тысячелетий и начала I тысячелетия до н. э. западного варианта отличается большое разнообразие погребальных сооружений. Отмечены очень редкие подкурганые каменные ящики (Заюково). Типичны небольшие каменные выкладки над каменными ящиками из больших плит (табл. 100, Б, 2—3) или бескурганые каменные ящики с комбинированной кладкой стенок из мелких плиток, уложенных плашмя, и из больших плит; каменные ящики с одной земляной стенкой (Березовский); грунтовые ямы, перекрытые плитами. Нередко на одном и том же могильном поле сочетались самые разные типы погребальных сооружений. Но количественно в данной группе памятников преобладали все же каменные ящики из составных больших плит, дополненных кладкой из мелких плашмя уложенных плиток и перекрытых плитами. В плане они близки к квадрату (размеры 1,06 × 1,08; 0,95 × 1,3 м). Основной обряд — труположение на боку, скорчено, с руками перед грудью.

Известны также гробницы из булыжника с последовательно совершавшимися разновременными кремациями (Эшкакон, верховья Подкумка). Они очень сходны с могилами с трупосожжениями из района Кумбулты (Верхняя Рутха) центрального варианта. В могилах с ингумациями преобладали индивидуальные захоронения. Лишь изредка встречались парные и эпизодически, в горной зоне, коллективные (Кичмалка, Гижгид). Мужчины погребались на правом, а женщины на левом боку. Ориентировка покойников в каждом могильнике произвольная, с преобладанием того или иного направления, например в могильнике на территории Кисловодской мебельной фабрики — северо-западная, в Березовском — северо-восточная, в Белореченском 2 — северо-западная и т. д. Довольно часто в могилах встречались кости животных (в основном барана) — остатки заупокойной пищи. Отличительной особенностью ритуала Белореченского могильника 2 являлось захоронение между могилами сосудов с остатками тризны. В целом для западной группы особенно заметны узколокальные черты в каждом памятнике, а также смешанный характер культуры в памятниках контактной зоны на границе ареала. На западе и севере в погребальном ритуале иногда прослеживаются элементы степной срубной культуры (в позе, инвентаре). На юго-востоке, особенно в бассейне Баксана, ощутима более тесная связь с культурой центральной группы (Заюково, Былым). В верховьях Подкумка и по Урупу отмечено проникновение предметов колхидской культуры (могильник у Исправной, поселение Уллубаганалы). К ним относятся прямообушные бронзовые топоры с гравированным орнаментом, бронзовые мотыжки, бронзовый двузубец. Вещевой комплекс западного варианта при общем сходстве с комплексом центральной группы все же отличается самобытностью (табл. 100, Б, 4—26). Специфика культуры западнокобанской группы обусловлена

рядом причин — периферийностью, соседством с инокультурными группами, но главным образом тем, что она формировалась при участии местного более раннего культурного субстрата. В данном случае — элементов поздней северокавказской культуры, участвовавших в формировании основных признаков варианта наряду с ведущими центральнокобанскими. Субстратные признаки просматриваются не только в традиционности форм отдельных предметов, например кинжалов или булавок, но и в элементах местного гончарства, и в приемах сооружения погребальных камер (комбинированная кладка стенок, блоки-подпорки с внешней стороны стенок каменных ящиков и т. п.).

Предметы, связанные с домашними ремеслами и местной металлообработкой, многочисленны. Это глиняные лощеные конусовидные пряслица с вогнутым основанием (табл. 100, Б, 4), бронзовые и железные черешковые ножи серповидной формы (табл. 101, А, 5—6), крупные точильные бруски (табл. 101, А, 12), бронзовые иглы (табл. 101, А, 3), льячки (табл. 101, А, 17), литейные формы (табл. 101, А, 15, 16) и каменные песты. Многочисленны бронзовые теловидные топоры (табл. 100, Б, 6; типа табл. 101, А, 9—11), назначение которых, скорее всего, было различным. Они найдены или в кладах, или в мужских могилах (Эшкакон, Каменноостское, Березовка, Терезе). Для бассейна верховьев Малки, Подкумка и Кубани характерны бронзовые литые серпы (табл. 100, Б, 5). Кроме кладов, они встречены и в могилах (Эшкакон, гора Бык).

Исключительно разнообразны предметы вооружения. О владении луком свидетельствуют бронзовые наконечники стрел кавказского типа «площички» (табл. 101, А, 32, 34), а для VIII—VII вв. до н. э. — бронзовые втульчатые степных форм (табл. 101, А, 39—40). Наиболее типичны кинжалы и мечи. На раннем этапе характерны черешковые бронзовые кинжалы с пламевидными клинками, такие же, как и в ареале центральной группы (табл. 100, Б, 26). В VIII в. до н. э. их сменили бронзовые и бронзово-железные кинжалы с грибовидными навершиями различных вариантов (табл. 101, А, 50—57). Обычны бронзовые и железные наконечники копий с конусовидными втулками и листовидным пером (табл. 101, А, 26). Для западного варианта совершенно не характерны классические кобанские бронзовые дважды изогнутые топоры с гравированным орнаментом, но хорошо известны варианты топора типа Б (по П. С. Уваровой) с прямым обухом без каких-либо узоров (табл. 100, Б, 25; 101, А, 29). Все топоры западного варианта отличались большими размерами и массивностью. Они найдены главным образом в кладах, но встречались и в могильных комплексах (Заюково, Индустрия, Терезе). На раннем этапе бытовали каменные и бронзовые навершия булав с округлыми выступами (табл. 101, А, 22—23); для VIII—VII вв. до н. э. большим количеством представлены разнообразные варианты каменных и бронзовых цилиндрических молотов (табл. 100, Б, 20, 23). К предскифскому периоду относятся также секиры (табл. 100, Б, 22) и скипетры (табл. 100, Б, 21) редких оригинальных форм. В Каменноостском могильнике Е. И. Крупновым обнаружены оригинальные предметы вооружения в виде остроконечника

двузубца (табл. 101, А, 28) и крюка со втулкой, изготовленные из бронзы.

О наличии защитного вооружения в VIII—VII вв. до н. э. свидетельствуют бронзовые пластины от панциря (табл. 101, А, 42) и обивка щита. Не исключено, что частью защитного вооружения являлись и большие нагрудные пластины (Бештау, Султан-гора) из тонкого бронзового листа (табл. 100, Б, 19), определяемые отдельными исследователями (В. Б. Виноградов, 1972, с. 128; Погребова М. Н., 1984, с. 103) как пекторали. Однако большие размеры этих предметов (24×38 см) заставляют усомниться в том, что они были знаками воинского достоинства. Более реально точка зрения А. А. Иессена (1954, с. 126), считавшего их «украшением или усилением боевой одежды мужчины-воина, может быть, кожаного панциря». Действительно, вдоль края, например, пластины из Султангорского могильника нанесены мелкие отверстия для прикрепления к мягкой основе.

Подлинно массовыми являются в западнокобанских памятниках начала I тысячелетия до н. э. находки конской сбруи, близкой к киммерийской. Особенно многочисленны они в могильниках Кисловодской котловины (Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П., 1980, с. 184). Для VIII—VII вв. до н. э. типичны бронзовые однокольчатые и двукольчатые удила (табл. 103, А, 7, 9, 35), двукольчатые удила с подвесками на внешних кольцах (типа табл. 103, А, 16), трубчатые и трехпетельчатые псалии с изогнутой лопастью (табл. 103, А, 2—3, 10—13, 36—37). Необычны бронзовые однокольчатые удила, отлитые вместе с псалиями (табл. 103, А, 7), найденные в погребении конца VIII в. до н. э. могильника Терезе, а также удила из Эчкивашского могильника, один конец которых оформлен в виде кольца, а второй — в виде стремечка (табл. 103, А, 1—4). Из Баксанского и Ессентукского могильников происходят комплексы конского снаряжения, в которых вместо псалиев находились большие литые кольца (табл. 103, А, 18). В наборы входили также многочисленные бронзовые бляшки (табл. 103, А, 19) и лунницы (табл. 103, А, 5—6, 15), бронзовые ворворки (типа табл. 103, А, 20), костяные и бронзовые обоймы для поводка (табл. 103, А, 4, 8), бронзовые шлемовидные бляхи (табл. 103, А, 14, 38).

Предметы украшения, более чем другие категории, наглядно свидетельствуют об этногенетическом родстве населения центрального и западного вариантов. Таковы бронзовые массивные булавки с навершиями в виде пяти шишечек (типа табл. 102, А, 1), с дисковидными, волнитообразными, закрученными в трубочку зооморфными навершиями (табл. 102, А, 3, 25, типа 10, 12). Близки бронзовые гривны из круглого и витого прута (табл. 102, А, 41—42), бронзовые височные подвески (табл. 100, Б, 14—15; типа табл. 102, А, 32—33), пуговицы (табл. 102, А, 18), разнотипные бляхи и бляшки (табл. 102, А, 22—24, 26), колокольчики (табл. 102, А, 47), зооморфные и антропоморфные подвески (табл. 100, Б, 5, 7, 16, 28—29; 102, А, 13, 38, 45, 46, 57), кияжаловидные привески (табл. 102, А, 30) и пронизи (табл. 100, Б, 12; 102, А, 40).

Постоянной находкой являлись в памятниках западного варианта разнообразные по форме браслеты (табл. 100, Б, 8; 102, А, 49—51, 54). Их носили

мужчины и женщины, причем по два—четыре браслета на каждой руке. В то же время для западной группы памятников совершенно не характерны прямоугольные пластинчатые поясные пряжки, типичные для центрального варианта, очень редки бронзовые фибулы (табл. 100, Б, 17). К специфически западным, не встречавшимся в других районах, относятся бронзовые булавки шиловидной формы (табл. 100, Б, 10) и булавки с навершием в виде одной плоско закрученной спирали (табл. 100, Б, 11), а также бронзовые тонкие выпуклые бляхи с петлей-трубочкой (табл. 100, Б, 18), массивные бронзовые браслеты, сделанные из спирально свернутого прута (табл. 100, Б, 8), и трубчатые пронизи с грибовидным отростком и птичкой (табл. 100, Б, 28).

Для бассейна Баксана характерны бронзовые булавки с навершием в виде розетки и зооморфной фигурки на петле (табл. 100, Б, 9), а также особой формы бронзовые крупные фибулы с широким приемником и утолщениями на дуге (табл. 100, Б, 17).

Орнамент на предметах по сравнению с центральнокобанскими беден. Лишь изредка украшения покрывали гравированными насечками, елочкой, изображениями птиц и рыб (табл. 100, Б, 24). Более распространены объемные бронзовые изображения рогатых птиц, оленя, барана, головок хищников и даже черепахи (табл. 100, Б, 29). О контактах с населением срубной культуры белозерского этапа и киммерийцами свидетельствуют находки костяных пуговиц (табл. 102, А, 18) и подвесок колесовидной формы с крестом в центре (табл. 102, А, 24).

Посуда ранних этапов западного варианта кобанской культуры лепная. В ней отчетливо выделяются две группы. К первой относятся грубо вылепленные корчаги и баночные сосуды, покрытые сплошь по всему тулову семечковидными или ногтевыми вдавлениями. На некоторых имеется многоваликовое рифление с ногтевыми насечками (табл. 104, Б-II, 25). Происхождение этой группы не совсем ясно, но некоторые ее признаки, такие, как шаровидность тулова больших сосудов, сплошное покрытие их поверхности ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, имеют корни в более ранней керамике конца эпохи средней бронзы на территории Кабардино-Пятигорья (Деген Б. Е., 1941, с. 287). Именно с носителями этой керамической традиции смешались пришедшие сюда племена кобанской культуры и сохранили этот компонент как локальную особенность.

Вторая группа керамики близка по технологии, формам и орнаментации керамике центрального варианта. Основные ее категории — лощеные, богато украшенные нарезным орнаментом корчаги с шаровидным туловом, короткой шейкой и плавно отогнутым венчиком (табл. 104, Б-II, 18, 20); лощеные горшковидные сосуды (табл. 104, Б-II, 21), высокие миски (табл. 104, Б-II, 16, 19, 24) и круглодонные кубки (табл. 104, Б-II, 15, 17) иногда с петлевидной ручкой (табл. 104, Б-II, 23). Выделяются уникальные сосуды, такие, как изящных очертаний высокогорлая корчага с двумя ручками из Каменноостовского могильника. Сосуд украшен тонким нарезным орнаментом в виде свисающих фестонов из заштрихованных ромбов и треугольников (табл. 104, Б-II, 22).

Специальный анализ декора некоторых из этих

сосудов свидетельствует, что нанесенные на них узоры отражают представления древних кавказцев об астрономических явлениях и наполнены магическим смыслом (Рыбаков Б. А., 1973, с. 158—162). Имеются и предельно реалистически выполненные сюжетные изображения. Такова, например, глиняная миска с процарапанным рисунком лошади из Кисловодского могильника (Крупнов Е. И., 1960, с. 194, рис. 30). На одном из кубков, найденных в могильнике Терезе, тонко и точно изображена вереница козлов (Козенкова В. И., Мишина Т. Н., 1984, с. 248, рис. 1, 1).

Как и центральнокобанская, керамика западного варианта кобанской культуры пока не поддается дробной хронологической классификации. Лишь для первой группы сосудов имеются некоторые основания для датировки ее не позднее VIII в. до н. э. (Крупнов Е. И., 1960, с. 196; Виноградов В. Б., 1972, с. 203).

В ареале западного варианта была распространена и металлическая посуда. В основном она происходит из могил VIII—VII вв. до н. э. (Березовка, Султангора, Эпшакон, Терезе). Во всаднической гробнице из Терезе (раскопки В. И. Козенковой) находился полный «сервис» из бронзы: котел с зверовидными ручками, ведро, несколько мисок-чаш и изящная кружка с рифленой поверхностью и зооморфной ручкой (табл. 105, В-II, 3—6).

Восточный вариант. Как отмечалось выше, на восток население кобанской культуры начало проникать позднее, чем на запад, — около рубежа II—I тысячелетий до н. э. Видимо, к этому времени следует отнести завершение формирования основных черт культуры восточного варианта. На современном этапе изучения в его ареале выделяются памятники двух периодов. Первоначально абсолютная хронология раннего периода определялась IX — серединой VII в. до н. э. (Крупнов Е. И., 1961а, с. 30, 31), но в дальнейшем появились основания отнести его нижнюю границу к X в. до н. э. (Козенкова В. И., Крупнов Е. И., 1966, с. 86; Козенкова В. И., 1977). Памятники более поздние датируются второй половиной VII—IV в. до н. э., т. е. соответствуют скифской эпохе.

Восточный вариант кобанской культуры занимал главным образом северо-восточную часть Кавказа: бассейн р. Сунжи и среднее течение Терека (см. карту 24). На юге граница ареала проходила по верховьям рек Шаро-Аргун и Чанты-Аргун и по северным отрогам Пастбищного и Андийского хребтов. На севере она очерчивается в основном по правобережью Терека. Западная граница расплывчато фиксируется в междуречье Ассы и Терека, а восточная — по бассейну р. Аксай, захватывая частично ее правый берег.

В настоящее время лучше и полнее изучены предгорные памятники, однако отрывочные данные показывают, что близкородственные группы населения занимали и горные районы северо-восточного Кавказа.

Особенности культуры восточного варианта выявлены благодаря более чем 90 памятникам: разновременным поселениям, могильникам, отдельным вещевым комплексам икладам воинского снаряжения VIII—VII вв. до н. э. Наиболее известные из

них: Сержень-юртовское, Алхастинское, Бамутское, Нестеровское, Курчалоевское поселения; Пседахский, Ахловский, Нестеровский, Луговой, Урус-Мартановский, Сержень-юртовский, Ахкинчу-барзойский, Майртупский, Аллеровский, Исти-суйский и частично Зандакский могильники, клад у селения Кескем (Советское).

Поселения восточного варианта изучены лучше, чем в других районах распространения кобанской культуры. Широко раскопаны Бамутское (Р. М. Мунчаев), Алхастинское и Сержень-юртовское поселения (Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт, В. И. Козенкова). Для предгорий характерен открытый тип поселений с естественно укрепленными отдельно стоящими холмами-убежищами (табл. 100, В, 1). В ущельях поселения располагались на уплощенных отрогах гор. В верховьях р. Ассы отмечены циклопические крепости (Е. И. Крупнов, М. Б. Мужухоев) конца II — начала I тысячелетия до н. э. (Допшакле, Эгикал).

О планировке древних поселков восточного варианта дают представления материалы Сержень-юртовского поселения. На нем четко выявлено квартальное размещение бытовых комплексов (жилищ, производственных и культовых сооружений). Кварталы были разделены узкими улицами, вымощенными булыжником (Козенкова В. И., 1977, с. 12, 13).

Дома наземные, сооружались из камня и плетня, обмазанного глиной (турлука). Форма домов близка прямоугольной. Только культовое помещение имело пятиугольную форму. На поселениях многочисленны хозяйственные ямы цилиндрической и грушевидноколоколовидной формы.

В отличие от центрального и западного вариантов погребальные сооружения восточной группы более однообразны. Для первого этапа (X — середина VII в. до н. э.) характерны грунтовые могильники с рядным расположением ям-могил без какого-либо оформления, но с подстилкой на дне из прутьев или войлока (табл. 100, В, 3). Только на восточной окраине в контактной зоне с каякентско-хорочоевской культурой отмечены каменные ящики из больших плит или сложенные из коротких каменных блоков (Зандак, Аллерой). Захоронения совершены исключительно по обряду ингумации, индивидуальные, изредка парные, в скорченной позе на левом или правом боку безразлично к полу погребенного, с прижатыми к груди руками. Ориентировка в каждом могильнике своя. Весьма незначительное количество детских погребений, возможно, объясняется тем, что иногда детей хоронили на поселениях (Сержень-юрт).

Постоянным признаком погребального обряда ранней группы являлось наличие углей в могиле. Ими осыпали тело покойника, а иногда угли помещали в специальную площадку-курильницу и ставили около головы покойника (Сержень-юрт). Особенностью ритуала было также помещение в могилу каменных плоских плиток-жертвенников (Сержень-юрт, Аллерой). Часто погребения сопровождалась заупокойной пищей. В могилах постоянно присутствовали глиняные сосуды (от 2 до 30 экз.) и кости домашних животных (коров, овец, свиней).

Отличительная черта некоторых могильников ранней группы восточного варианта — погребения всад-

ников VIII в. до н. э. с взнузданным верховым конем (Сержень-юрт, Зандак). Чаще в могиле находилась целый остов (табл. 100, В, 2), но иногда лишь отдельные кости.

Своеобразие памятников восточного варианта на первом этапе нагляднее всего проявляется в многочисленных предметах быта из поселений и могил. Среди орудий труда — это глиняные конусовидные пряслица (табл. 100, В, 8), бронзовые, реже — железные черешковые ножи серповидной формы (табл. 101, А, 5, 7), разных размеров каменные прямоугольные точильные бруски с отверстием на одном конце (табл. 101, А, 12), бронзовые и костяные иглы (табл. 101, А, 2), бронзовые и костяные шилья, бронзовые рыболовные крючки (табл. 101, А, 1), каменные песты, каменные и глиняные литейные формы (табл. 101, А, 16), бронзовые тесловидные топоры (табл. 101, А, 9—11), бронзовые втульчатые долота (табл. 100, В, 9). Особенность культуры восточного варианта начала I тысячелетия до н. э. — длительное использование в быту различных каменных орудий труда, преимущественно кремневых вкладышей для серпа (табл. 100, В, 4).

Вооружение восточных кобанцев в главных чертах повторяет вооружение, характерное для населения центрального варианта кобанской культуры. В начале I тысячелетия до н. э. были распространены бронзовые литые и костяные длинночерешковые накопечники стрел (табл. 101, А, 31—34, 37—38). Менее заметное место занимали бронзовые орнаментированные дважды изогнутые топоры (табл. 100, В, 25; 101, А, 30); более обычны прямообушные топоры типа В (по П. С. Уваровой), иногда украшенные изображением зверя (Сержень-юрт). Характерным оружием и, видимо, символом социального отличия была булава с каменным (табл. 101, А, 18), роговым (табл. 100, В, 20) или бронзовым навершием (табл. 101, А, 24). Многочисленны наконечники копий со втулкой (табл. 101, А, 25), иногда покрытой гравировкой. Заметное место занимали наконечники копий так называемого кахетинского типа (табл. 100, В, 26). Уникальны для Кавказа бронзовые наконечники копий трансильванского типа (табл. 100, В, 27), обнаруженные в воинских погребениях Сержень-юртовского могильника. В середине VIII — середине VII в. до н. э., т. е. к концу первого этапа, бронзовые наконечники копий сменились железными длинновтульчатыми (табл. 101, А, 26). Но самым излюбленным видом вооружения был кинжал. Кинжалы в ареале восточной группы самые разнообразные — от простых бронзовых плоских клинков подтреугольной формы до бронзово-железных кинжалов с грибовидными навершиями (табл. 100, В, 29—30; 101, А, 48, 51).

Предметы конского снаряжения в памятниках первого этапа восточного варианта свидетельствуют о раннем знакомстве населения этой группы с верховой лошастью. В X—IX вв. до н. э. употреблялись роговые псалии с двумя малыми отверстиями на концах и большим в центре (табл. 103, А, 26—27), в IX—VIII вв. до н. э. — металлическая узда двух типов: бронзовые стремечковидные удила с трубчатыми псалиями с большими шляпками на концах (табл. 103, А, 31—34) и бронзовые двукольчатые удила с трехпетельчатыми псалиями с лопастью на

одном конце (табл. 103, А, 22—24). В наборы входили, как правило, бронзовые ворворки (табл. 103, А, 20—21), бронзовые столбики-распределители (табл. 103, А, 33), костяные и бронзовые бляшки (табл. 103, А, 25, 29, 32).

В украшениях восточного варианта начала I тысячелетия до н. э. много близких соответствий с украшениями центральной группы, но представлены они не столь массово.

Особо выделяется группа украшений, составлявших локальную специфику восточного варианта. Это в первую очередь бронзовые пластинчатые браслеты с «рогатыми» стилизованными зооморфными концами (табл. 100, В, 5), бронзовые ажурные браслеты (табл. 100, В, 6), бронзовые круглые лопастные височные кольца (табл. 100, В, 16), а также височные подвески в виде трехвитковой спирали из массивного бронзового прута (табл. 100, В, 28). Только в Сержень-юртовском поселении и могильнике имели место пластинчатые подтреугольной формы привески (табл. 100, В, 12) и фигурные бронзовые застёжки (табл. 100, В, 23). Своеобразны овальные прорезные подвески, составлявшие особенность Сержень-юртовского и Зандакского могильников (табл. 100, В, 24). Характерными только для носителей восточного варианта на первом этапе развития (Сержень-юрт, Зандак) были тонкие пояса из спирально скрученной проволоки с продернутым сквозь нее кожаным шнурком. Пояса украшались 13—17 привесками ножницевидной формы (табл. 100, В, 18) и колесовидными привесками (типа табл. 102, А, 24).

Только для восточного варианта кобанской культуры были характерны находки предметов бытовой и производственной магии на поселениях. На Сержень-юртовском поселении около жертвенников обнаружены многочисленные глиняные модели колес (табл. 100, В, 7), миниатюрные модели льячек, глиняные фигурки людей и животных (табл. 100, В, 13—15). Обычны также находки глиняных штампов-пintenадер (табл. 100, В, 10—11).

Локальная специфика восточного варианта особенно ярко и полно проявляется в керамике. Керамические пряслица восточного варианта всегда только конусовидной формы (табл. 100, В, 8). Посуда, так же как в ареалах центрального и западного вариантов, лепная, но визуально более грубая. Для первого этапа характерны большие лощеные корчаги (табл. 104, В-II, 21). В памятниках междуречья Хулхулау—Аксая (Сержень-юрт, Ахкичук-барзой, Зандак) особо заметное место занимали горшки биконической формы (табл. 104, В-II, 18). Обычны небольшие кувшины без ручек (табл. 104, В-II, 15), сосуды с ручками (табл. 104, В-II, 13, 16), напоминающие большие кружки, высокие и открытые миски с прямыми и вогнутыми внутрь краями (табл. 104, В-II, 17), разнотипные кружки с шаровидным туловом и петлевидными ручками (табл. 104, В-II, 20), плошки-курильницы усеченноконической формы (табл. 104, В-II, 14). Отличительную особенность восточнокобанской керамики составлял налепной орнамент, украшавший почти все категории посуды. Наряду с простыми значками, кругами, крестами, свастиками, тамгообразными фигурами на корчагах встречались целые композиции, на-

пример олень с сидящим на нем человеком. Сюжет этот раскрывают строки знаменитого кавказского Нартского эпоса:

А сын Афсати из лесных владений
Сюда примчался на рогах оленя
(Нарты, 1957, с. 12)

Нарезные и штампованные узоры, характерные для более западных областей, на посуде восточного варианта очень редки и встречались эпизодически в контактной зоне с центральной группой, причем в сочетании с налечами (табл. 104, В-II, 19). Специфика восточного варианта на первом этапе его существования состояла, так же как и для западного, в смешанности традиционных элементов более ранней местной культуры (субстрат) с пришлым на этой территории центральнокобанским культурным компонентом, оказавшимся здесь преобладающим.

Совершенно не характерна для территории восточного варианта металлическая посуда. Известна всего одна находка бронзового ведра, чрезвычайно близкого по форме и технологии подобным сосудам из Тлийского и Терезинского могильников. Сосуд находился в составе клада VIII—VII вв. до н. э., обнаруженного близ селения Кескем (Советское). Кроме ведра (табл. 105, В-II, 1), в него входили массивные прямообушнные бронзовые топоры кобанского типа (Виноградов В. Б., Дударев С. Л., 1977, с. 276—279). По химическому составу металл клада близок сплавам центрального Кавказа.

Абсолютная хронология раннего периода существования восточного варианта кобанской культуры в пределах X — середины VII в. до н. э. устанавливается на основании многочисленной в настоящее время группы датирующих предметов из поселений и могил (Козенкова В. И., 1982а). Она подтверждается серией образцов радиоуглеродного анализа C_{14} (670 ± 75 г. до н. э.; 910 ± 60 г. до н. э.; 940 ± 75 г. до н. э.; 1190 ± 75 г. до н. э.).

С середины VII в. до н. э. в культуре центрального Кавказа произошли значительные перемены. Они были обусловлены рядом причин как экономического, так и политического характера. Среди первых самой главной является прочное освоение кавказскими племенами железодельного производства. Железо перестало быть драгоценностью. Началось массовое изготовление не только железного оружия, но и орудий труда. Последним определяется и качественно новый этап в развитии кобанской культуры на всей территории ее распространения. Хронологически он соответствует периоду с середины VII по IV в. до н. э.

Из причин политического характера, активно стимулировавших переобразование кобанской культуры именно со второй половины VII в. до н. э., на первое место выступают события, связанные с переднеазиатскими походами и возвращением из них северопричерноморских скифов и их военных союзников. Потому этот период в развитии материальной культуры северокавказских племен довольно часто именуется в специальной литературе «скифский». С мощным скифо-савроматским импульсом связывают исследователи появление в кобанской культуре таких признаков, как увеличение числа курганных погребений, вытянутые захоронения с западной ориенти-

ровкой, скифскую «триаду» в погребальном инвентаре.

В вопросе о характере и степени воздействия собственно скифской культуры на местную культуру древних кавказцев нет единого мнения. Так, Е. И. Крупнов всегда подчеркивал последовательность, непрерывность развития кобанской культуры от этапа к этапу. Даже появление в Предкавказье ираноязычных элементов хотя и внесло изменения, но не нарушило, с его точки зрения, структуру древнекобанского общества. Того же взгляда придерживаются Е. П. Алексеева, Б. В. Техов, В. И. Козенкова, А. Р. Магомедов. По мнению В. Б. Виноградова, в VII в. до н. э. под влиянием политических событий происходит изменение не только некоторых существенных признаков кобанской культуры, но и границ локальных вариантов в результате «перегруппировки племен» (Виноградов В. Б., 1971, с. 180).

Сходные черты в погребальных сооружениях, близость в типах оружия и конского снаряжения, во многом общий стиль украшений костюма, заметное число предметов малоазийского и греческого импорта, синкретизм звериного орнамента сивелировали культуру локальных групп (табл. 106, А, 2). Но за этой единой модой отчетливо проступают черты преемственности, а за модификацией типов вещей — глубокая традиционность.

Центральный вариант кобанской культуры представлен памятниками середины VII—IV в. до н. э. в горах и предгорьях Большого Кавказа примерно в том же ареале, что и в более раннее время. На Северном Кавказе слои с керамикой середины I тысячелетия до н. э. отмечены на Гизельдонском, Чиколинском и Моздокском поселениях. Наиболее известные могильники центрального Кавказа — Кобанский, Верхнерутхинский, Тлийский и др. (см. карту 24). На прилегающей к предгорьям равнине в курганных могильниках у г. Нальчик, Нартан и Моздок, наряду с местными чертами заметно проступают черты кочевнической культуры. Этнокультурная принадлежность всей этой группы пока не ясна.

В погребальном обряде центрального варианта позднего этапа отмечена чрезвычайная пестрота (табл. 106, А, 1—3). Наряду с традиционными каменными ящиками, сложенными из небольших плиток (Верхняя Рутха), преобладающее число принадлежит простым грунтовым ямам, обложенным булыжником (ямы-«колодцы»), и ямам с булыжной выкладкой сверху (Кобань, Тли, Булунгу, Верхний Чегем, Нижний Чегем). В предгорьях — простые грунтовые ямы без всякого оформления (Николаевский, Комаровский и Моздокский могильники). Поза погребенных скорченная, на правом или на левом боку; если вытянутая — на спине. Ориентировка для каждого могильника своя. Но в целом наблюдается увеличение могил с западной ориентировкой. Основной обряд — труположение, но изредка как узкокальная особенность продолжала встречаться кремация (Булунгу, Нартан). В большинстве могил зафиксированы индивидуальные захоронения, но встречены могильники с коллективными захоронениями, в основном в горной зоне (Кобань).

Вооружение представлено железными наконечниками копий (табл. 101, Б, 6—7), железными бое-

выми ножами (табл. 101, Б, 16, 17), костяными и бронзовыми наконечниками стрел скифского типа (табл. 101, Б, 25—32). Но в целом лук и стрелы не характерны для вооружения аборигенов. Самым типичным оружием оставались топоры. Как пережиточная форма продолжали бытовать бронзовые прямообушные топоры кобанского типа с орнаментацией (табл. 106, А, 16). Но подлинно массовыми находками представлены железные топоры (табл. 101, Б, 12—13). Происхождение некоторых типов топоров исследователи связывают с более ранними бронзовыми кобанскими топорами (Г. Ф. Гобеджишвили, М. Н. Погребова, Б. В. Техов). В середине VI в. до н. э. на вооружение были приняты железные клевцы (табл. 101, Б, 9). Основной тип кинжала в описываемый период — короткий железный акинак с почковидным или бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием (табл. 101, Б, 34). Концы ножен таких кинжалов имели бронзовые наконечники, оформленные в скифском зверином стиле (табл. 101, Б, 18, 34). Изредка продолжали пользоваться бронзовыми кинжалами кобанского типа (табл. 106, А, 17—18).

В конском снаряжении отчетливо проступает тенденция к унификации. Оно менее разнообразно, чем в раннекобанский период. По-прежнему бытовали бронзовые стремечковидные удила с роговыми псалями (табл. 103, Б, 11—13). В начале скифского периода еще применялись двукольчатые, но уже железные удила (табл. 103, Б, 18—20) наряду с однокольчатыми. К середине VI в. до н. э. прочно вошли в обиход железные петельчатые удила с железными двудырчатыми стержневидными псалями (типа табл. 103, Б, 5—7). К конскому снаряжению относились также бронзовые колокольчики (табл. 103, Б, 15—16), бронзовые и костяные столбики-распределители, иногда украшенные звериными головками (табл. 103, Б, 4, 9). К началу скифского периода, видимо, относились и сложные бронзовые удила, отлитые вместе с псалями (Кобань), представлявшие позднее развитие удила VIII—VII вв. до н. э. (табл. 103, Б, 21).

Больше всего традиционных черт сохранили украшения. В бронзовых спиральных-накосниках, височных кольцах (табл. 102, Б, 29—30), бронзовых и железных фибулах (табл. 102, Б, 40—41), бронзовых поясах (табл. 102, Б, 50) и поясных пряжках (табл. 102, Б, 43, 45), гривнах (табл. 102, Б, 10), булавах (табл. 102, Б, 1—3), бронзовых пронизях с зооморфными головками (табл. 102, Б, 26), ножных браслетах (табл. 102, Б, 20) еще хорошо различимы раннекобанские черты. Много традиционного и в сакральных бронзовых украшениях Казбегского клада VI—V вв. до н. э. (табл. 106, А, 11, 13, 15). Оригинальны оселки с бронзовыми щечками (табл. 106, А, 6).

Но с VI в. до н. э. в материальной культуре центрального варианта отмечен ряд совершенно новых типов украшений. Это бронзовые булавы с фигурными гвоздевидными навершиями (табл. 106, А, 7), серьги биконической формы и кольцевидные с подвеской (табл. 106, А, 8; 102, Б, 35), бронзовые выгуклые круглые бляхи с петлей на обратной стороне, украшенные спиралью (табл. 102, Б, 6), или ажурные прорезные (табл. 102, Б, 7); оригинальные поя-

ные пряжки (табл. 102, Б, 42, 46). Примечательны бронзовые зооморфные пряжки и бляхи, в которых отчетливо видно слияние черт кавказского и степного звериного стиля (табл. 106, А, 10, 19).

Со второй половины VII в. до н. э. заметные перемены происходят и в керамике центрального варианта, особенно на северном склоне Кавказа. Лепные сосуды приобрели жесткие геометризированные очертания (Абрамова М. П., 1974, с. 199). Этот стиль (так называемый кавказский гальштат — по Ф. Гончару) особенно пышно расцвел на рубеже VII—VI вв. до н. э. и в начале VI в. до н. э. Корчаги, мелкие кувшины, миски подвергались тщательному лощению и сплошь покрывались сложным геометрическим орнаментом (табл. 104, А-I, 1—3, 7, 9—10). На некоторых сосудах нанесены нарядные зооморфные и антропоморфные изображения (табл. 104, А-I, 7). Истоки этого стиля не ясны, но интерпретация, несомненно, местная. Локальную разновидность представляли грубые сосуды цилиндрической формы с выступающей закраиной дна (табл. 104, А-I, 5), обнаруженные в Кобанском могильнике. В контактной зоне с восточной группой имели место сосуды, близкие восточнокобанским (табл. 104, А-I, 4).

Примерно с V в. до н. э. началось огрубление керамики, с которым связано появление к концу периода больших грушевидной формы корчаг вытянутых пропорций без орнамента (табл. 104, А-I, 8) и небрежно сформованных кувшинов без ручек (табл. 104, А-I, 6). В южнокавказских позднекобанских памятниках (Тли, Стырфаз) весьма ощутимо сказалось влияние закавказских керамических производственных центров раннеантичного времени (Техов Б. В., 1980а, с. 46; Сланов А. Х., 1978б, с. 12).

Менее заметное место принадлежит металлической посуде. Как пережиток встречались еще бронзовые кружки. В погребениях Кобанского и Тлийского могильников изредка встречены бронзовые чаши. В орнаменте этих чаш прослеживается явное влияние ахеменидского искусства (табл. 105, А-I, 1—2).

Памятники западного варианта кобанской культуры второй половины VII—IV в. до н. э. обнаружены в основном в прежних границах. Лишь северная граница варианта в отличие от первого этапа менее определена. Сплошное распространение могильников кобанского типа середины I тысячелетия до н. э. четко фиксируется по правобережью среднего течения р. Кумы, слегка захватывая левый берег в районе г. Минеральные Воды и селения Новозаведенного. Севернее, на территории Ставропольской возвышенности, имелись отдельные памятники несомненно кобанской культуры (грунтовые могильники на горе Голубинка, близ селения Пелагиада, а у г. Буденовска — могильник и поселение оседлого типа). Но в целом картина заметно осложнена наличием здесь же (г. Ставрополь, хут. Красное Знамя, Обильное, Новозаведенное) курганных групп и культовых сооружений, которые интерпретируются как принадлежащие кочевнической культуре скифов VII и начала VI в. до н. э. (Иссен А. А., 1954, с. 119; Виноградов В. Б., 1972; Петренко В. Г., 1983, с. 44). Следует подчеркнуть тем не менее, что в материальной культуре вышеуказанных памятников выступают и некоторые черты местной позднекобанской культуры

(Иессен А. А., 1940, с. 49; Козенкова В. И., 1981б, с. 31—32).

Наиболее известные памятники западного варианта конца VII—V в. до н. э. следующие: Заюковский, Гижгидский, Хабазский, Каменноостский на Малке, Этокский, Кисловодский, Белореченский 1, Султангорский 3, Клинярский, Березовский, Каррасский, Минераловодский, Кызылкалинский, Тамгацикский, Исправненский, Уллубаганалы 2 на р. Эшкакон, могильники бассейна р. Теберды и курганные группы близ селений Учкёкен, Дружба, Таллык и Карабашево. Из поселений следует упомянуть Хабазское, Этокское, Перкальское, Провальское, Тамгацикское, Кисловодское и Зольский карьер. Керамика кобанского типа происходит из разрушенных курганов у г. Георгиевска и станицы Марьинской.

Погребальные сооружения западного варианта скифского периода еще более разнообразны, чем в ареале центральной группы. Наряду с традиционными каменными ящиками (табл. 106, Б, 2, 4) значительно возросло число простых грунтовых могил без каменного или какого-либо другого оформления (табл. 106, Б, 1), а также ям с булыжной обкладкой и каменной наброской сверху (табл. 106, Б, 3). Впервые зафиксированы сложные конструкции типа каменных оградок с несколькими погребальными камерами внутри и отмычками из плоских плит вокруг них (табл. 106, Б, 5). Сложные каменные гробницы под курганной насыпью отмечены как в предгорных (селение Учкёкен), так и в высокогорных районах (селение Карабашево). В отдельных могильниках зафиксировано сочетание разнотипных сооружений.

В погребальном обычае по-прежнему оставались характерными индивидуальные, реже — парные труположения. Как исключение представлены погребения с трупосожжениями (Карабашево). Покойники погребались в скорченной позе, в большинстве могильников на левом (для женщин) или на правом (для мужчин) боку. Изредка в могильниках встречались не типичные для региона вытянутые погребения, ориентированные головой на запад. Как и на раннем этапе, ориентировка в каждом могильнике своя, но в целом наметилась тенденция к увеличению погребений с западной ориентировкой покойников. Локальную особенность ритуала представлял обычай помещения в могилу строго стандартного набора посуды: корчаги, миски, кружки, иногда вместо последней ставился круглодонный кубок.

Сохранился обычай положения в могилу заупокойной пицци и осыпания погребенного горячими углями. В ряде случаев имели место захоронения вместе с погребенным верхового коня (Каменноостское, Зольская, Учкёкен, Султан-гора 3, Уллубаганалы 2).

В материальной культуре западного варианта позднего периода наряду с общими для всей этой эпохи чертами в конском снаряжении (табл. 103, Б, 5, 10), оружии (табл. 101, Б, 3, 11, 33), доспехе (табл. 101, Б, 22—24) имелись локальные особенности. В области вооружения это выразилось в длительном бытовании таких исконных форм, как бронзовые наконечники стрел — площадки (табл. 101, Б, 19), кинжалы кавказских типов, но уже выполненные в железе (табл. 106, Б, 24—25), бронзово-желез-

ных клевцов, близких уральским (табл. 106, Б, 26) и железных втульчатых трехгранных наконечников стрел раннеэотского типа (табл. 106, Б, 22—23). В конском снаряжении — в бытовании особых форм зооморфных подвесок в виде конских головок (табл. 106, Б, 20) и конусовидных гладких колокольчиков (табл. 103, Б, 17). Уникальна находка бронзового навершия булавы из Подкумского могильника, повторявшего форму более ранних наверший из оленьего рога (табл. 106, Б, 28).

Украшения представлены бронзовыми булавками со стержневидными навершиями и цепочками (табл. 106, Б, 8), с навершиями в виде двух птиц и петли (табл. 102, Б, 3), бронзовыми и сурьмяными височными подвесками (табл. 106, Б, 15—16), бронзовыми узкими и спиральными браслетами (табл. 102, Б, 17—18), бляшками, бронзовыми перстнями со спиральными щитками (табл. 102, Б, 27). Близки центральнокобанским бронзовые цилиндрические ажурные подвески с петелькой (табл. 102, Б, 24) и привески в виде головок животных (табл. 102, Б, 13). Много мелких бронзовых цепочек, бляшек, привесок и пронизей ожерелья (табл. 106, Б, 13, 14, 17—19; 102, Б, 5, 12, 21—22, 39). Уникальна бронзовая копоушка с изображением двух птичек (табл. 102, Б, 4).

Фибулы не характерны для западного варианта. Они изредка встречались в бассейне Баксана (табл. 106, Б, 10) и Кисловодской котловине. Особо следует выделить комплекс узколокальных украшений V—IV вв. до н. э., специфичных только для памятников верховьев Кубани (Теберда и Уруп). Это бронзовые проволочные гривны (табл. 102, Б, 9), массивные пояса-цепи с привесками-пинцетами (табл. 106, Б, 12) и бронзовые фибулы крупных размеров оригинальной разновидности (табл. 106, Б, 9). Особенность последних состоит в том, что они близки фракийским образцам V—IV вв. до н. э. (Козенкова В. И., Ложкин М. Н., 1981, с. 199).

О контактах со степным миром в этот период свидетельствуют образцы вооружения, конского снаряжения и некоторые предметы, выполненные в художественном стиле, близком степнякам (табл. 106, Б, 21, 27; Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н., 1976, с. 49).

Керамический стиль «кавказского гальштата» затронул и посуду западного варианта VII—VI вв. до н. э. Но вместе с тем в сосудах отчетливо прослеживаются и традиционные черты, свойственные более ранней керамике этого района. Особенно показательны в этом плане чернолощенные корчаги Каменноостского могильника (табл. 104, Б-1, 14). Типичны для всей группы небольшие орнаментированные кувшины, очень близкие центральнокобанским (табл. 104, Б-1, 3, 5), горшки открытых форм (табл. 104, Б-1, 9), миски (табл. 104, Б-1, 1, 6, 8), кружки (табл. 104, Б-1, 2, 10, 13), круглодонные кубки, в отличие от раннего времени почти без орнамента (табл. 104, Б-1, 4). В Минераловодском могильнике встречались сосуды редких форм, например вазы на поддоне (табл. 104, Б-1, 12). В Каменноостском могильнике зафиксирована смена корчаг с нарезным орнаментом большими грушевидными корчагами без орнамента (табл. 104, Б-1, 7). Последнее произошло примерно во второй половине VI в.

до н. э. В одном из погребений вместе с такой корчагой найдено бронзовое зеркало ольвийского типа (табл. 102, *Б-1*, 15). В начале VI в. до н. э. наряду с геометрическим орнаментом на посуде был распространен орнамент в виде вдавлений и углубленных полосок и крестов. Ими украшали, как правило, небольшие, приземистые очень изящные кувшинчики (табл. 104, *Б-1*, 11). Эта форма доживает до рубежа V—IV вв. до н. э.

Эпизодически продолжали встречаться металлические чаши (табл. 105, *Б-1*, 1—2), близкие синхронным чашам из Тлийского могильника (Ковалевская В. Б., 1983, с. 24).

Восточный вариант позднекобанской культуры скифского периода представлен памятниками в основном в предгорной зоне северо-восточного Кавказа. На юге граница оставалась прежней. На севере она шла по правобережью Терека, на западе — по бассейну р. Ассы. Восточная граница в отличие от раннего периода скорее всего может быть обозначена по левобережью р. Аксай.

В пределах восточной группы памятники между речья Хулхулау—Аксаия выделяются определенным локальным своеобразием, что послужило поводом для отдельных исследователей (Марковин В. И., 1969; Виноградов В. Б., 1972) относить эти памятники к позднему этапу каякентско-хорочоевской культуры. Но имеются аргументы в пользу их восточнокобанской принадлежности (В. И. Козенкова, 1978, с. 154 и сл.).

К раннескифскому времени относятся отдельные погребения Сержень-юртовского, Аллероевского, Нестеровского, Пседахского могильников и ряд материалов из слоев поселений (Верхненаурского, Правобережного, Нестеровского, Сержень-юртовского и др.). Но большинство известных памятников, в основном могильников, датируется серединой VI — рубежом V—IV вв. до н. э. (Нестеровский, Луговой, Урус-Мартановский, Новогрозненский, Исти-суйский, Аллероевский 1, Курен-беновский, у крепости Воздвиженской). К этому же времени относятся и курганные могильники со смешанной культурой близ селений Алды, Кулары и Гойты. Их этнокультурная принадлежность неясна. Имеются высказывания в пользу скифской (Марковин В. И., 1965, с. 171 и сл.) и савроматской принадлежности (Виноградов В. Б., 1972). Местонахождение этих памятников таково, что они могли принадлежать как собственно кочевникам, так и кавказцам, подвергшимся влиянию степной скифской или савроматской культуры.

Могильные сооружения восточного варианта середины VII—IV в. до н. э. менее разнообразны, чем в других вариантах. Преобладают простые грунтовые ямы (табл. 106, *В*, 1), лишь изредка обложенные булыжником (Нестеровский, Луговой) или деревом (Луговой) и заложённые сверху выкладками из двух—шести рядов булыжника (Пседахский, Луговой, Аллероевский 1). Каменные ящики из крупных камней (табл. 106, *В*, 3) имели место только в контактной зоне с культурами Дагестана (Курен-беной, Аллерой).

Заметное место занимают курганы с захоронениями на древнем горизонте (Нестеровский, Урус-Мартановский). Изредка отмечены грунтовые могилы и

подкурганые захоронения с каменными кругами-кромлехами (Нестеровский, Луговой, Старые Атаги).

Погребальный ритуал сохраняет много традиционного (Козенкова В. И., 1977). Как и раньше, основным обрядом было трупоположение в скорченной позе на боку (табл. 106, *В*, 2). Наряду с сильно скорченными скелетами зафиксированы слабо скорченные и вытянутые (табл. 106, *В*, 4), иногда со скрещенными ногами. Преобладали погребения на правом боку независимо от пола погребенного. Ориентировка покойников, как и в ранней группе, самая разнообразная, но с преобладанием одного направления в пределах могильника. В целом для середины VII—IV в. до н. э. заметно увеличение южной ориентировки. Вытянутые погребения в разных могильниках не имели устойчивого направления, но только среди них отмечены захоронения головой на запад. Большинство погребений этого периода индивидуальные, лишь изредка встречены парные и совсем редко — коллективные (Аллероевский 1, Курен-беной). В погребальном ритуале отмечены черты ранее не известные: засыпка дна могилы галькой или мелом, кучки мелких камней около покойника. По-прежнему довольно часты находки углей в засыпи могилы и около костей погребенного. Изредка в могилу положены кусочки охры — имитация священного огня, каменные плитки-жертвенники, напутственная мясная пища. В одной из могил Урус-мартановского могильника вместе с покойником была захоронена собака.

О сохранении обычая погребения коней напоминают находки в могилах предметов конского снаряжения: железные удила и псалии, бронзовые бляхи и колокольчики.

Комплекс предметов восточной позднекобанской группы, так же как и в других районах, состоит из традиционных типов и из новых вещей, составлявших локальную специфику варианта на позднем этапе (табл. 106, *В*, 1—20).

Теперь большинство предметов вооружения железные. Из местных типов дальнейшее развитие получили наконечники стрел — площадки (табл. 101, *Б*, 20—21), топоры (табл. 101, *Б*, 14), наконечники копий (табл. 101, *Б*, 5) и кинжалы (табл. 106, *В*, 20). Вместе с ними употреблялось оружие, изготовленное местными мастерами по степным образцам: кинжалы-акинаки (табл. 101, *Б*, 36—37), боевые ножи. Уникальна бронзовая секира рубежа VI—V вв. до н. э. (табл. 106, *В*, 19) с изображением головы барса в скифо-сибирском зверином стиле, найденная в одном из погребений Новогрозненского могильника (Виноградов В. Б., 1974, с. 258 и сл.).

Орудия труда представлены железными малого размера ножами (табл. 101, *Б*, 1—2), железными серпами, точильными брусками (табл. 101, *Б*, 4) и разнообразными пряслицами (табл. 106, *В*, 5—6). Последние встречаются в могилах по 2—4 экз.

Замечательны украшения восточных кобанцев. Многие из них представляют подлинно художественные шедевры своеобразного искусства древних мастеров — бронзолитейщиков и ювелиров. Из традиционных типов продолжали изготавливать бронзовые височные подвески, близкие центральнокобанским (табл. 102, *Б*, 32—33), бронзовые перстни (табл. 102, *Б*, 27, 28), витые гривны с уплощенными орнамен-

тированными концами, иногда с очковидной привеской (табл. 102, *Б*, 8), бронзовые и железные булавы с треугольными навершиями (табл. 106, *В*, 10), выпуклые бляхи со спиральным орнаментом (табл. 102, *Б*, 6), бронзовые поясные пряжки (табл. 102, *Б*, 44) и пластинчатые орнаментированные пояса (табл. 102, *Б*, 49), бронзовые многовитковые и массивные браслеты (табл. 102, *Б*, 18—19), колокольчики-подвески и привески ожерелья (табл. 102, *Б*, 11). В большинстве украшения представляли собой дальнейшее развитие древних образцов. Но некоторые изделия оригинальны и не имели прототипов среди более ранних местных форм. Таковы биконические (табл. 102, *Б*, 34, 36; 106, *В*, 11) и конусовидные (табл. 106, *В*, 12) серьги, двувальные бронзовые бляхи (табл. 106, *В*, 7), железные ромбической формы обоймицы (табл. 106, *В*, 9), бронзовые поясные пряжки со спиралью и такие же бляшки (табл. 106, *В*, 13), бронзовые пластинчатые поясные пряжки с кругами (табл. 102, *Б*, 47), пояса-цепи с подвесными колокольчиками (табл. 102, *Б*, 48), массивные бронзовые птицеобразные бляхи с изображением хищников (табл. 106, *В*, 14), огромные бронзовые фибулы с подвесками (табл. 106, *В*, 15), бронзовые крючки в зверином стиле (табл. 106, *В*, 8), крупные стеклянные глазчатые (табл. 102, *Б*, 37) и антропоморфные бусы, булавовидные пронизи (табл. 102, *Б*, 23). Многие из перечисленных украшений встречены только в ареале восточного варианта (табл. 102, *В*, 7—15).

Так же как и в других районах, в изобразительном искусстве восточного варианта середины I тысячелетия до н. э. ощутимо влияние культуры кочевников (табл. 106, *В*, 16—18), причем более савроматской, чем скифской (Виноградов В. Б., 1976, с. 147 сл.).

В погребениях конца VII—IV в. до н. э. заметно сократилось по сравнению с ранним временем число сосудов в могилах. Для погребального комплекса теперь обычен постоянный керамический набор: корчага, кувшин с ручкой, миска и кружка. Многие признаки связывают посуду середины I тысячелетия до н. э. с более ранней (приземистые формы, грубое тесто, налепной орнамент), но в целом формы видоизменяются. Характерны большие корчаги (табл. 104, *В-1*, 11), средних размеров кувшины с ручками и без ручек (табл. 104, *В-1*, 2), горшки баночной формы (табл. 104, *В-1*, 1, 10), сосуды с шаровидным туловом и узким устьем (табл. 104, *В-1*, 12), ребристые открытые миски (табл. 104, *В-1*, 6—7), кружки (табл. 104, *В-1*, 3, 4). В некоторых восточнокобанских памятниках отмечено существование специфических форм посуды, характерных лишь для узкой территории в пределах ареала. Таковыми, например, в междуречье Акса—Хулхулау были усеченноконические плошки (табл. 104, *В-1*, 8), а в западных памятниках ареала — двойные сосудики (табл. 104, *В-1*, 9) и миски с нарезным орнаментом (табл. 104, *В-1*, 5), аналогичные бытовавшим на территории центрального и западного вариантов.

Металлическая посуда в памятниках середины I тысячелетия до н. э. на территории восточной группы неизвестна.

Таким образом, кобанская археологическая культура предстает на всех этапах развития как куль-

тура автохтонного прочно оседлого населения горных ущелий, долин и предгорий центрального Кавказа, в основном северного склона Большого Кавказского хребта. Автохтонность кобанской культуры выступает не как механическое повторение застывших форм и явлений, а как диалектический процесс смешения и контактов, поглощения и органического включения родственных и чужеродных элементов при сохранении комплекса компонентов, подтверждающих наличие древнего не только хозяйственно-культурного, но и этнического ядра (Козенкова В. И., 1981а, с. 48 и сл.).

Механизм сложения кобанской культуры — одна из сложнейших и неразработанных сторон проблематики. Высказаны самые различные точки зрения. Ж. де Морган, М. Гёрнес считали, что кобанская культура была в готовом виде принесена народом-металлургом из среднего Подунавья. Русские исследователи (А. С. Уваров, П. С. Уварова, В. И. Долбежев и др.) отстаивали местное ее происхождение. Эта точка зрения поддержана археологами советского периода. Во многом она получила подтверждение новыми данными. Некоторые исследователи, в основном грузинские, считают, что она произошла от колхидской культуры западной Грузии. А. А. Иессен и Е. И. Крупнов видели в ней северокавказские корни. В настоящее время наука располагает данными, свидетельствующими о многокомпонентности и двуцентричности (южно- и северокавказской) сложения культуры, но многое в ее облике остается неясным. Одна из загадок, не получивших удовлетворительного разрешения — близость и безусловное родство ряда категорий кобанских бронзовых предметов с однородными предметами Средней Европы эпохи поздней бронзы, главным образом бассейна Дуная. Типолого-хронологические сопоставления кавказских и среднедунайских археологических материалов предпринимались неоднократно (Ф. Байерн, Р. Вирхов, Е. Шантр, П. С. Уварова, Ф. Ганчар, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, А. И. Тереножкин, Ш. Галлус, Т. Хорват, М. Пардуц, Д. Газдапуштаи, В. Подборский, Г. Коссак и др.). Следует, однако, признать, что в настоящее время почти не осталось сторонников прямых сопоставлений древних культур обеих областей.

Благодаря новым данным из Сержень-юртовского могильника и поселения, Бамутского поселения, могильника у селения Терезе оказалось возможным более прочно и доказательно включить кобанскую культуру в систему общеевропейской хронологической периодизации. Выявляется роль центральноевропейских материалов в сложении некоторых компонентов кобанской культуры на ранних стадиях ее формирования. Проясняется активное посредничество очагов металлообработки срубной культуры позднесабатиновского и раннебелозерского времени в поддержании связей между двумя областями (Козенкова В. И., 1982а, с. 28—31).

Господствующим типом хозяйства в ареале кобанской культуры было скотоводство специфической формы, обусловленной вертикальной зональностью Кавказского региона, в сочетании с земледелием разной формы в горах и предгорьях. Для горных районов характерен отгонный тип животноводства с постоянно действующим циклом сезонного перегона

скота из высокогорий в предгорные равнины и обратно. Стадо состояло преимущественно из овец, мелкого рогатого скота и лошадей. В предгорьях сформировался так называемый придомный тип скотоводства с преобладанием домашних свиней и крупного рогатого скота. Преобладание в стаде крупного рогатого скота — источника тягловой силы — свидетельствует о пашенном земледелии в предгорной зоне (Крупнов Е. И., 1960, с. 314; Дударев С. Л., 1979, с. 8). Глубокая по сравнению с мотыжным рыхлением вспашка земли создавала условия для дальнейшей культивации и направленного отбора в более значительном объеме хорошо известных с глубокой древности видов злаков — мягкой и твердой пшеницы, проса-магары, нескольких сортов ячменя. Зерна таких злаков обнаружены в слое начала I тысячелетия до н. э. Сержень-юртовского поселения и в погребениях первой половины I тысячелетия до н. э. Исправненского могильника. Открытие вместе с культурными сортами некоторых видов сорняков свидетельствует, по мнению палеоботаников, о длительности использования пашни, что также подтверждает наличие именно пашенного земледелия. Увеличение объема урожая, обусловленное более прогрессивной формой землепользования в предгорьях, требовало усовершенствования и количественного роста орудий жатвы. Потому не случайны многочисленные находки металлических серпов, бронзовых и железных, как в слоях раннекобанских поселений, так и в одновременных имкладах западного варианта.

Предполагаются зачатки пашенного земледелия и в нагорных районах Северного Кавказа (Крупнов Е. И., 1960, с. 313).

Развитие скотоводства и, в частности, увеличение в нем доли коневодства, трудоемкость горного земледелия, но вместе с тем прогресс в накоплении прибавочного продукта, а также демографическая нестабильность явились действенными стимуляторами дальнейшего освоения наиболее благоприятных для обитания высокогорных долин и плоскогорий.

Общее развитие и рост производительных сил в конце II — начале I тысячелетия до н. э. проявились также в расцвете металлообработки. Археологические источники говорят о высоком уровне технологии и техники обработки бронзы, сурьмы, серебра.

Изящные и причудливые формы украшений и оружия демонстрируют не только высокоразвитый эстетический вкус древних кобанских мастеров, но и глубокое знание ими многих разнообразных приемовковки, литья, обработки и орнаментации поверхности изделий. Спектральный анализ бронз показывает виртуозное владение всей гаммой металлургической рецептуры. Господствующими уже на ранних ступенях развития культуры были высокооловянистые бронзы, хотя продолжали в отдельных мастерских использовать традиционные мышьяковистые сплавы (Сержень-юрт). Для этого периода предполагается использование полиметаллических руд местных месторождений (Черных Е. Н., 1966, с. 80—82). Богатые технологические навыки в свою очередь явились одной из предпосылок раннего знакомства северокавказских металлургов с железом (инкрустация по бронзе, изготовление миниатюрных ножей).

Развитие металлургии железа происходило в раз-

ных районах Кавказа неравномерно. Широкое освоение его племенами кобанской культуры началось первоначально, видимо, на южном склоне под влиянием закавказских металлургических центров примерно в конце X — начале IX в. до н. э. и несколько позднее — на северном склоне, в ареале центрального и западного вариантов (Вознесенская Г. А., 1975, с. 91). С VIII в. до н. э. можно бесспорно предполагать овладение мастерством изготовления широкого ассортимента железных предметов, а с конца VII — массовый переход к использованию железа (Дударев С. Л., 1983). На северо-востоке, в ареале восточной группы, местное массовое производство железных изделий документируется в первой половине VI в. до н. э. Металлографические исследования показали, что кобанские кузнецы использовали разные сорта черного металла — от чистого железа до высокоуглеродистой стали. Они были знакомы с несколькими способами получения стали, самым древним из которых была цементация поверхности готового изделия. Успешно применялись такие передовые и прогрессивные для столь древнего периода приемы, как кузнечная сварка, разнообразная термообработка железных изделий (Терехова Н. Н., 1983, с. 110 сл.). Особенно заметный прогресс железной металлургии в районах центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. связан не только с общим развитием производственной базы местных племен, но и со скифскими походами в страны Переднего Востока. Они явились своего рода стимулятором, способствующим более быстрому становлению местной металлургии железа и ускоренному освоению производства особо необходимых предметов, в первую очередь железного оружия новейших образцов.

Активные передвижения в Предкавказье кочевых племен (киммерийцев, скифов, савроматов) создавали постоянно конфликтные ситуации в местах соприкосновения двух хозяйственных укладов: горного, преимущественного оседлого, и степного — кочевого. Стремление степняков расширить к югу пределы перекочевок и попытки захватить равнинные участки в предгорьях и на высоких предгорных плато приводили к деформации режима скотоводческого цикла альпийского хозяйства, что вынуждало горцев военным путем отстаивать традиционно очерченные границы жизненно важных зимних пастбищ. Выразительное свидетельство этому — массовые находки и исключительное разнообразие оружия в слоях поселений и особенно в могильниках на территории распространения кобанской культуры.

Жизнь местного населения протекала в поселках открытого типа, иногда расположенных на естественно укрепленных возвышенностях (Сержень-юртовское поселение в Чечено-Ингушетии, поселение на Крестовой горе в Кисловодске, Яснополянское поселение близ Ессентуков) и даже на отвесных скалах (Верхнебаксанское поселение в Кабардино-Балкарии).

Жилища сооружались наземные с использованием камня и плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой стен. Поселок застраивался группами домов овальной и прямоугольной формы. Строения размещались компактно, примыкая стенами друг к другу (Змейское поселение в Северной Осетии, Сержень-юртовское и Бамутское в Чечено-Ингушетии, Уллу-

баганалы 2 в Карачаево-Черкесии). На отдельных поселениях прослежены следы планировки в виде кварталов, разделенных узкими улочками, изредка вымощенными булыжниками (Сержень-юрт). Определенное место занимал культовый дом-святилище (Сержень-юрт, Змейское). Строения, как правило, состояли из двух отделений: жилого и хозяйственного. В жилом размещались очаг, место для растирания зерна, домашний жертвенник (Бамут, Сержень-юрт, Змейское, Уллубаганалы 2). В хозяйственной половине, например в Сержень-юртовском поселении, занимались домашними производствами: косторезным, камнеделательным, гончарным.

Особо выделены на поселениях строения, связанные с занятиями металлообработкой (Сержень-юрт). В них обнаружены остатки печей для плавки бронзы, орудия труда бронзолитейного и ювелирного дела и бронзовые предметы-полуфабрикаты. Выделение металлообрабатывающего комплекса указывает на определенную специализацию домашнего ремесла. Но труд металлурга-литейщика еще не отделился от труда кузнеца-ювелира.

Племена кобанской культуры к первым векам I тысячелетия до н. э. в социальном отношении находились на стадии разложения первобытнообщинного строя и формирования военной демократии.

Особо следует подчеркнуть посредническую роль населения западного варианта в развитии натурального обмена и в укреплении регулярных торговых связей Северного Кавказа с Восточной Европой, обусловленную географическим положением этой группы. Общепринято мнение А. А. Исесена, что именно племена северо-западного Кавказа (как кобанцы, так и их соседи среднего Прикубанья) способствовали проникновению в горные районы и дальше на северо-восточный Кавказ выразительных предметов из Восточной и Центральной Европы (наконечников копий и конской узды так называемого трансильванского типа, ножей, кельтов, кинжалов срубного типа). В свою очередь благодаря носителям кобанской культуры далеко на западе, в средней и Юго-Восточной Европе, в Северном Причерноморье, в нижнем Подонье и в Поволжье, находят в памятниках совершенно других культур предметы конца II — начала I тысячелетия до н. э. несомненно северокавказского происхождения (боевые топоры кобанского типа, бронзовые сосуды с зооморфными ручками, биметаллические кинжалы, двуколычатые удила, украшения и даже глиняные сосуды).

В ареале западного варианта кобанской культуры (особенно в пределах Кисловодско-Пятигорского региона) в могильниках обнаружено подавляющее большинство предметов конского снаряжения и оружия таких форм, которые были характерны и для культуры степных кочевых племен VIII—VII вв. до н. э. Последнее обстоятельство позволило некоторым исследователям (А. И. Тереножкин, В. Б. Виноградов) говорить о степном происхождении этих предметов и о принадлежности их культуре древних всадников степей — киммерийцев. Не исключено и другое решение проблемы, высказанное ранее А. А. Исесеном и поддержанное Е. И. Крупновым, Н. В. Анфимовым, В. Г. Котовичем, В. И. Козенковой и другими историками: основным центром их производства и, возможно, происхождения был Северный Кавказ.

Не отрицая близких контактов киммерийцев и скифов с населением Северного Кавказа, большинство кавказоведов тем не менее не переоценивали глупину и значение этих контактов.

Втягивание племен Северного Кавказа в орбиту интенсивных межплеменных связей явилось одной из причин заметных изменений внутри родо-племенного общества. Наряду с имущественной дифференциацией и накоплением частной собственности шло оформление социальных групп и закрепление их иерархической соподчиненности друг другу. Имущественно обособляется патриархальная семья.

Участие дружин северокавказцев в военных союзах привело к большей связанности населения по обе стороны Большого Кавказского хребта между собой и с более южными соседями вплоть до Передней Азии. В памятниках горного Кавказа неоднократно встречены ассирийские, урартские и греческие шлемы (Дигория, Карачай), бронзовые кинжалы луристанского типа (Южная и Северная Осетия), кинжалы кахетинского типа (Чечено-Ингушетия), топоры западнокавказского типа (Северная Осетия, Кабардино-Балкария), конская узда средиземноморского типа, пиксиды, близкие малоазийским и балканским (Северная Осетия). В свою очередь характерные кобанские изделия известны в закавказских культурах конца II — начала I тысячелетия до н. э. (Самтавро, Лечхум, Банискеви, Хртноц, Астхиблур, Мусиери, Варташен и др.).

Бурная эпоха военной демократии — это период не только грабительских походов, но и проявление личного героизма северокавказских воинов. Именно к этому времени относится зарождение общекавказских циклов народных сказаний об особой мужской доблести, положивших начало оформлению знаменитого нартского эпоса (Кузнецов В. А., 1980). Не позднее скифского периода определяется обогащение этих сказаний иранским компонентом (Абаев В. И., 1949).

Вера и духовный мир носителей кобанской культуры соответствовали общему уровню развития патриархально-родового строя. Различные культы, связанные с одухотворением сил природы, — культ плодородия, поклонение предкам и духам — покровителям земледелия, скотоводства, ремесел и охоты — отчетливо угадываются в остатках древних святилищ (Змейское и Сержень-юртовское поселения), в домашних жертвенниках с остатками костей жертвенных животных, в предметах со следами имитационной магии, в заупокойных тризнах и в огневом ритуале при погребениях.

Подавляющее большинство кавказоведов (археологов, антропологов, языковедов, этнографов) считают, что древняя кавказская этническая общность — носитель кобанской археологической культуры — являлась мощным субстратом в последующем формировании почти всех современных народов Северного Кавказа от Кубани на западе до Дагестана на востоке (кавказионский антропологический тип) (Алексеев В. П., 1974, с. 193—203) с картвело-нахскими диалектами языка. Кобанская культура (при всех разночтениях ее признаков) рассматривается в качестве значительного «целостного комплекса» (Батчаев В. М., 1973), составляющего древнейший пласт национальной культуры современных карачаевцев, балкарцев, осетин и вайнахов.

Глава девятая

Центральный Кавказ в сарматскую эпоху

Сарматский период в истории племен центральных районов Северного Кавказа наименее изучен. Еще сравнительно недавно на этой территории, за исключением горных районов, не было известно ни одного могильника, относящегося к сарматской эпохе (III в. до н. э.— III в. н. э.). Такая же картина наблюдается и в отношении поселений сарматского времени, которые в центральном Предкавказье фактически не исследованы.

Планомерное изучение бытовых памятников центральных районов Северного Кавказа было начато Е. И. Крупновым, который, исследуя слои скифского времени, пришел к выводу о неправомерности, вернее, условности термина «городище» применительно к скифской эпохе, поскольку ни на одном городище нет связи культурного слоя скифского времени с городищенскими валами и рвами (Крупнов Е. И., 1949, с. 27, 38). Установив, что в скифскую эпоху население обитало здесь на поселениях открытого типа, Е. И. Крупнов считал укрепления на этих городищах воздвигнутыми в более позднее, сарматское время (1949, с. 38). Однако этот вывод правилен только в отношении Прикубанья, где действительно в сарматскую эпоху возникает ряд укрепленных городищ (территория Дагестана в этой связи не рассматривалась Е. И. Крупновым). Что касается центральных районов Северного Кавказа, то здесь, по-видимому, как и в предшествующий период, население обитало на неукрепленных поселениях.

Поселения сарматского времени не подвергались планомерным раскопкам, однако в результате многочисленных разведочных работ выявлено значительное их число. Отнесение их к сарматской эпохе подтверждается анализом собранных на них керамических материалов. В этом отношении лучше исследованы восточные (Чечено-Ингушетия) и западные (Карачаево-Черкесия) районы центрального Предкавказья. В Чечено-Ингушетии работами А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, Т. М. Минаевой, Е. И. Крупнова, М. П. Севостьянова, Н. И. Штанько, В. И. Марковина, В. Б. Виноградова, В. А. Петренко и др. открыт целый ряд поселений сарматского времени и выявлены слои сарматской эпохи на ряде многослойных городищ (Горячейстэченское, Петропавловское, Ильинское, Наурские, Алхан-калинское и др.) (карта 25).

Поселения, селища и укрепленные городища сарматского времени выявлены экспедициями Н. В. Анфимова, П. Н. Шишкина, Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой на территории Карачаево-Черкесии. Е. П. Алексеева проводила раскопки Дружбинского городища, расположенного на левом берегу р. Кубани, к югу от Черкесска. Городище имело трапециевидную форму и было защищено рвами. Оно возникло в V—IV вв. до н. э., но наибольшего расцвета

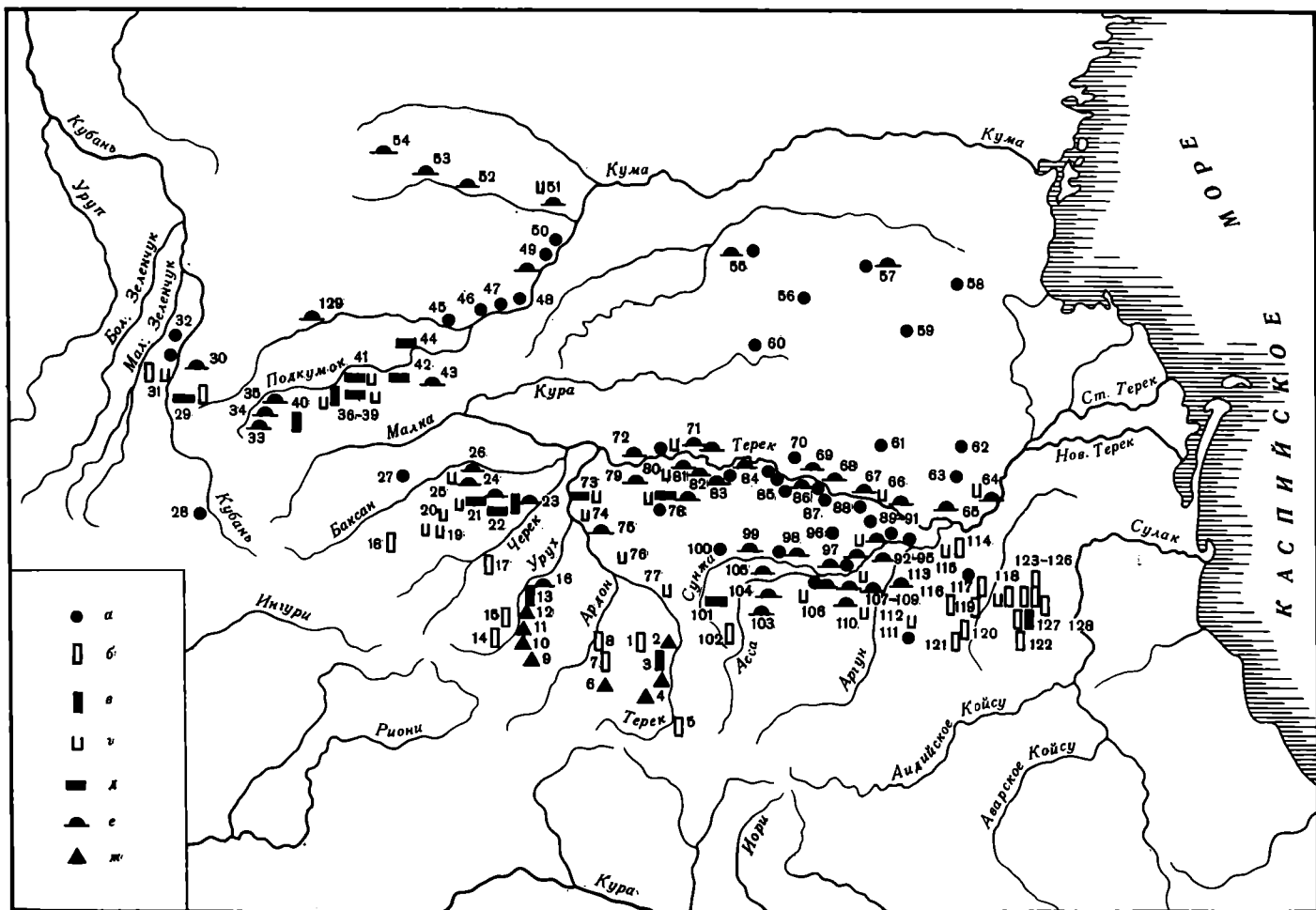
достигло в сарматскую эпоху — с III в. до н. э. по IV в. н. э. (Алексеева Е. П., 1976, с. 90—105). Характер городища (земляные укрепления, турлучные постройки) и найденных на нем материалов позволил Е. П. Алексеевой, сопоставив этот памятник с меотскими поселениями Прикубанья, обследованными Н. В. Анфимовым, установить меотскую его принадлежность (Алексеева Е. П., 1976, с. 106).

Что касается городищ центральных районов Северного Кавказа, то лишь немногие из них подвергались раскопкам. Это, в частности, наиболее крупные из городищ Северного Кавказа — Алхан-калинское в Чечено-Ингушетии (раскопки А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, В. Б. Виноградова и др.) и Нижне-Джулатское в Кабардино-Балкарии (раскопки Г. И. Ионе и И. М. Чеченова). Оба городища содержат материалы первых веков нашей эры, однако слои этого периода выделяются плохо, так как перекрыты сверху мощными напластованиями раннесредневекового времени они почти полностью перекопаны многочисленными хозяйственными ямами. Поэтому мы не имеем достаточных представлений о характере поселений, типах жилищ, особенностях хозяйственного уклада, ремесел и т. д.

По-видимому, население сарматского времени обитало на поселениях, расположенных на возвышенных местах, не имевших искусственных укреплений. Исследования показали, что возведение оборонительных валов и рвов относится к раннесредневековому времени, в то время как в западных (Прикубанье) и восточных (Дагестан) районах Северного Кавказа укрепленные поселения были хорошо известны и в сарматскую эпоху. Такое отставание центрального Предкавказья отмечал еще А. А. Иессен. Он писал, что наличие в Прикубанье в сарматскую эпоху укрепленных поселений, которые возникают в центральном Предкавказье лишь во второй половине I тысячелетия н. э., объясняется, по-видимому, соседством с Боспором, мирные и военные отношения с которым «ускорили процесс исторического развития в Прикубанье по сравнению с центральным Предкавказьем» (Иессен А. А., 1941, с. 22).

Таким образом, характеристика культуры населения центральных районов Северного Кавказа дается только по материалам могильников.

Раскопки северокавказских могильников начались в конце XIX в. в горных районах Северной Осетии, что объяснялось открытием здесь первоклассных древностей кобанской культуры. Раскопки Г. Д. Филимонова, А. А. Бобринского, В. Л. Тимофеева, В. И. Долбежева, П. С. Уваровой выявили обширный археологический материал, в том числе сарматской эпохи. Памятники этого периода были открыты и в горных районах Кабардино-Балкарии (Миллер В. Ф., 1888).

Карта 25. Памятники центральных районов Северного Кавказа сарматской эпохи (III в. до н. э. — IV в. н. э.)

а — поселения; б — каменные ящики и могилы, обложенные камнем; в — склепы; г — грунтовые ямы; д — катакомбы; е — курганные погребения; ж — случайные находки
 1 — Кобань; 2 — Балта; 3 — Чми; 4 — Саниба; 5 — Казбек; 6 — Далагкау; 7 — Дзивгис; 8 — Карца; 9 — Камунта; 10 — Голиат; 11 — Нар; 12 — Задалиск; 13 — Лизгор; 14 — Кумбулта; 15 — Донифарс; 16 — Чикола; 17 — Закуты; 18 — Верхний Чегем; 19 — Нижний Чегем; 20 — Шалушка; 21 — Чегем I; 22 — Нальчик; 23 — Вольный аул; 24 — Чегем II; 25 — Кызбурун; 26 — Кишпек; 27 — Гунделен; 28 — Учкулан; 29 — Хумара; 30 — Усть-Джегута; 31 — Дружба; 32 — Псыж; 33 — Терезе; 34 — Учкеек-Терезе; 35 — Учкеек; 36 — Рим-гора; 37 — Кабан-гора; 38 — Клин-Яр; 39 — Аликоновка; 40 — Хасаут; 41 — Подкумок; 42 — Юца; 43 — Этоко; 44 — Железноводск; 45 — Подгорная; 46 — Обильное; 47 — Новозаведенное; 48 — Солдато-Александровское; 49 — Зеленокумск; 50 — Нины; 51 — Преображенское; 52 — Новоселицкое; 53 — Китаевка; 54 — Грушевское; 55 — Ачикулак; 56 — Махмуд-Мектеб; 57 — Бажиган; 58 — Терекли-Мектеб; 59 — Нариман; 60 — Агабатыр; 61 — Дур-Дур; 62 — Кумлы; 63 — Баказан; 64 — Шелковская; 65 — Старо-Шедринская; 66 — Червленная; 67 — Николаевский; 68 — Савельевская; 69 — Мекенская; 70 — Капустин; 71 — Моздок; 72 — Павлодольская; 73 — Нижний Джулат; 74 — Терек; 75 — Верхний Акбаш; 76 — Брут; 77 — Орджоникидзе; 78 — Пседах; 79 — Виноградное; 80 — Кизляр; 81 — Терская; 82 — Октябрьский; 83 — Братское; 84 — Гвардейская; 85 — Верхний Наур; 86 — Надтеречная; 87 — Мундар-юрт; 88 — Али-юрт; 89 — Горяче-Источенская; 90 — Петропавловская; 91 — Ильинское; 92 — Грозный; 93 — Ханкальский; 94 — Хаян-Корт; 95 — Пригородное; 96 — Первомайская; 97 — Алхан-кала; 98 — Серноводская; 99 — Орджоникидзевская; 100 — Троицкая; 101 — Алхасте; 102 — Первомайское; 103 — Новые Аршти; 104 — Бамут; 105 — Ассинская; 106 — Куларь; 107 — Ал-

хан-юрт; 108 — Алды; 109 — Старая Сунжа; 110 — Старые Атаги; 111 — Сержень-юрт; 112 — Джалка; 113 — Мескер-юрт; 114 — Гудермес; 115 — Исти-су; 116 — Корчалой; 117 — Центорой; 118 — Галайты; 119 — Ялхой-Мохк; 120 — Гуни; 121 — Эрсеной; 122 — Гендерген; 123 — Яман-су; 124 — Лехкч-Корт; 125 — Ножай-юрт; 126 — Бети-Мохк; 127 — Балан-су; 128 — Байтарки; 129 — Суворовская

Памятники сарматского времени предгорной и равнинной зон были представлены лишь отдельными случайно открытыми комплексами. Лишь в 30-х годах здесь начались планомерные раскопки и были найдены первые могильники (курганные и грунтовые) в степной зоне (Моздокские могильники, раскопки Б. Б. Пиотровского 1933 и 1936 гг. и М. А. Миллера 1935 г.). Однако материалы сарматского времени опубликованы лишь частично (Пиотровский Б. Б., Иессен А. А., 1940; Арх. исслед. в РСФСР..., с. 238—248).

Исследование археологических памятников особенно широко развернулось в послевоенный период, в первую очередь благодаря деятельности Е. И. Крупнова, возглавившего впоследствии Северо-Кавказскую экспедицию Института археологии АН СССР. В течение многих лет отряды этой экспедиции обследовали огромное количество памятников на обширной территории Северного Кавказа, открыв ряд поселений и могильников сарматского времени. Комплексы сарматского времени исследовали и экспедиции местных северокавказских уч-

реждений (Минаева Т. М., 1954, 1955, 1960; Алексеева Е. П., 1966).

Первая обобщающая работа была посвящена обзору памятников горных районов и их хронологии. Она принадлежит Е. П. Алексеевой, которая, рассмотрев материалы скифского и сарматского времени, убедительно доказала принадлежность их кобанской культуре (Алексеева Е. П., 1949, с. 191—243). Из этого следовал вывод, что кобанская культура доживает в горных районах вплоть до эпохи раннего средневековья.

Иная картина наблюдается в предгорной и равнинной зонах. Отсутствие достаточного количества материалов не позволяло дать подробную характеристику культуры этих зон. Однако среди немногочисленных погребений сарматской эпохи здесь открыты не только грунтовые ямы, характерные для погребального обряда местного населения и в предшествующее время, но и катакомбы, неизвестные ранее на Кавказе. Это были единичные разрозненные погребения, датируемые I—III вв. н. э.

Поскольку катакомбный обряд погребения приобшел на этой территории особенно широкое распространение в эпоху раннего средневековья, когда здесь, судя по письменным источникам, обитали аланские племена (а первое упоминание алан на Кавказе относится к I в. н. э.), вопрос о связи вновь появившегося катакомбного обряда погребения с приходом на Северный Кавказ сармато-аланских племен возник закономерно, тем более что катакомбные могилы в некоторой степени знали и кочевые сарматские племена. Поэтому точка зрения о том, что катакомбный обряд погребения принесен на Северный Кавказ сарматскими по происхождению аланскими племенами в I в. н. э., до недавних пор была общепризнанной (Смирнов К. Ф., 1952а, с. 15; 1954, с. 209; Кузнецов В. А., 1962, с. 13; Виноградов В. Б., 1963; Алексеева Е. П., 1966, с. 200 сл.). В ряде работ, вышедших в начале и середине 60-х годов, содержится первое обобщение накопленных материалов (Виноградов В. Б., 1963; Алексеева Е. П., 1966). Их авторы пришли к заключению, что предгорные и равнинные районы центрального Предкавказья были заселены в сарматское время сначала сиракскими, а с I в. н. э. — аланскими племенами, вторжение которых привело к отливу местного населения к горам (Виноградов В. Б., 1963, с. 105—107).

Раннее появление алан на Кавказе доказывалось и на основании данных письменных источников (Гаглойти Ю. С., 1966).

Последующие раскопки в предгорных и плоскостных районах, широко развернувшиеся в 60-х и 70-х годах, выявили массу новых памятников сарматского времени. Было исследовано несколько обширных могильников: Нижне-Джунатский в Кабардино-Балкарии и Подкумский близ г. Кисловодска (раскопки М. П. Абрамовой), Чегемский могильник в Кабардино-Балкарии (раскопки Б. М. Кереева и А. Х. Нагоева), Ханкальский могильник в Чечено-Ингушетии (раскопки В. Б. Виноградова и В. А. Петренко). Кроме того, в результате археологических работ, проводимых в эти годы различными исследователями (Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой, Н. Н. Михайловым, А. П. Руничем, В. И. Го-

ремыкиной, П. Г. Акритасом, И. М. Чеченовым, И. М. Мизиевым, Р. М. Мунчаевым, В. Б. Виноградовым и др.), на территории предгорной и равнинной части центральных районов Северного Кавказа было открыто значительное количество комплексов сарматского времени — как подкурганых захоронений, так и разрозненных грунтовых могил.

Новые материалы выявили существенные различия как в погребальном обряде, так и в характере инвентаря между памятниками предгорной и равнинной зон, с одной стороны, и горной — с другой. Различия, по-видимому, обусловлены тем, что равнинные и предгорные районы были открыты для проникновения кочевавших в степях Предкавказья ираноязычных кочевников, процесс оседания которых на территории Северного Кавказа начался, очевидно, еще в скифское время. В сарматскую эпоху этот процесс усилился, что привело к еще большим различиям между памятниками указанных зон (горной и предгорно-равнинной). Поэтому характеристика памятников сарматского времени будет дана отдельно для каждой зоны.

В горной зоне, как отмечалось, большая часть материалов открыта в дореволюционное время. К сожалению, в основном эти материалы происходят из различных коллекций и собраний и фактически беспаспортны. Мы имеем лишь незначительное количество комплексов сарматского времени. По-видимому, в силу изолированности различных районов горной зоны можно предполагать наличие локальных особенностей в материальной культуре их населения. Однако в настоящее время мы не обладаем достаточными данными для установления этого. В лучшей степени изучены горные районы юго-восточной Чечни (Ичкерия), однако они тяготеют к Дагестану и не входят в исследуемую территорию (о них будет сказано в главе десятой).

Характеристика культуры населения горных районов дается на основании погребальных комплексов Северной Осетии, открытых еще в конце XIX в. в могильниках Кобани и Карцы. Небольшие раскопки в Карце были проведены в 70-х годах XX в. М. П. Абрамовой и В. И. Козенковой (Абрамова М. П., 1980, с. 65—70; Козенкова В. И., 1984, с. 113—119).

Исследование материалов открытых комплексов свидетельствует о том, что в сарматское время в горных районах сохраняются те же типы могильных сооружений, которые характерны для памятников предшествующего времени, за исключением каменных ящиков. Последние кобанские племена в сарматское время почти не сооружали, они встречаются главным образом в Дигории. Наиболее распространенными в то время являлись грунтовые ямы. Стенки их у дна обкладывали каменными плитами или плоскими булыжниками (табл. 107, 1, 2). Засыпка ям также часто состояла из камней. Возможно, к первым векам нашей эры относится появление в горных районах подземных каменных склепов (Лезгур, Балта), получивших здесь довольно широкое распространение в эпоху раннего средневековья. Характерное для памятников скифского времени скорченное положение костяков сохраняется здесь вплоть до рубежа нашей эры. В погребениях рубежа нашей эры и первых веков нашей эры преобладало

вытянутое положение покойных (табл. 107, 21) при наличии небольшого процента скорченных. На рубеже нашей эры намечается тенденция и к изменению ориентировки погребенных. Широкая ориентировка, характерная для скифского времени, наблюдается здесь до рубежа нашей эры: в могильниках Кобани преобладала западная, в могильниках Карцы — восточная. С рубежа нашей эры распространяется меридиональная ориентировка могильных ям, а покойных — головами как на север, так и на юг.

Изучение имеющихся комплексов сарматского времени показывает, что в целом для памятников горных районов центрального Кавказа характерно сохранение древних форм инвентаря. Особенно четко это прослеживается при рассмотрении предметов одежды и украшений. Некоторые типы фигурных пряжек (с крюком на обратной стороне — табл. 107, 7) находят прямые аналогии в материалах горных районов скифского времени. Появляются новые типы пряжек — в виде одинарных или двойных колец (восьмеркообразные пряжки) с коническими выступами на раме и неподвижным язычком (табл. 107, 8, 9, 34). В ряде погребений найдены массивные пряжки типа скульгам, а также обычные круглорамчатые пряжки с подвижным язычком. Среди фибул значительно преобладают миниатюрные дуговидные (табл. 107, 36—38), несомненно, происходящие от массивных раннекобанских фибул той же схемы. Реже встречаются так называемые змеевидные фибулы (табл. 107, 35). Фибулы общеевропейских типов получают довольно широкое распространение лишь с первых веков нашей эры (табл. 107, 39—40).

Характерной принадлежностью погребального инвентаря являются бронзовые, железные и биметаллические булавки (табл. 107, 14—16, 42—44), которые в большинстве аналогичны по форме булавам, встречающимся на этой территории и в скифское время. Местный кавказский характер инвентаря выявляется и при рассмотрении других категорий украшений — браслетов, гривен, перстней, различных привесок, среди которых особенно широко были распространены миниатюрные колокольчики, а также спиральные височные привески (табл. 107, 10—12, 45—50).

Рассмотрение металлических украшений сарматского времени показывает, что очень многие их типы зародились в кобанской культуре раннего времени. Для них характерна лишь более небрежная обработка, чем в ранний период. Существенно изменяется орнамент. Если для украшений предшествующего времени особенно характерен рельефный (в виде спиралей) или ребристый орнамент (на фибулах, браслетах и пр.), то в сарматское время преобладает орнамент, сделанный неглубокими насечками (елочный узор, пояски с косой штриховкой), точечными наколами. Изделия из листовой бронзы, как и в предыдущую эпоху, украшали точечными наколами с обратной стороны.

В погребениях I — начала II вв. н. э. очень часто встречаются бронзовые зеркала-привески с боковой петлей, валиком по краю и высоким коническим выступом в центре (табл. 107, 51). Такие зеркала известны и у сарматов, однако на Северном Кавказе они распространены значительно шире и были, несомненно, изделием местного кавказского производ-

ства (Абрамова М. П., 1971, с. 121—132; Барцева Т. Б., 1971, с. 133—138). Во II—III вв. н. э. зеркала данного типа покрываются рельефным орнаментом (табл. 107, 52), тогда же распространяется новый тип зеркал — с центральной петлей (табл. 107, 53).

Бусы, за исключением могильников Карцы, где найдено большое количество бус из одноцветного стекла, которыми была расшита одежда погребенных, встречаются в погребениях относительно редко.

Наиболее характерным оружием в погребениях сарматской эпохи были железные мечи и кинжалы, двулезвийные и однолезвийные. Они, как правило, не имеют перекрестья, навершие — прямое брусковидное, серповидное или кольцевое (табл. 107, 3, 4, 22—24). Найденные в горных районах мечи и кинжалы с серповидным навершием (табл. 107, 3, 4, 23, 24) близки по форме мечам раннесарматской (прохоровской) культуры. Однако они имеют и некоторые отличия — отсутствие перекрестья и наличие в ряде случаев на концах навершия конических утолщений. Серповидное навершие характерно для некоторых мечей Северного Кавказа в раннекобанское и скифское время, поэтому можно говорить о местном происхождении мечей этого типа на Северном Кавказе.

Отличительной особенностью погребений горных районов является почти полное отсутствие в составе их инвентаря наконечников стрел. Лишь в исключительных случаях погребения содержат один-два наконечника. Все они железные втульчатые, различные по форме: трехгранные, трехлопастные и пулевидные (табл. 107, 6, 25, 26). В таких же незначительных количествах встречались наконечники стрел и в погребениях Кобани скифского времени. В погребениях первых веков нашей эры найдены железные удила с подвижными кольцами (табл. 107, 27), а также с двухдырчатыми и колесовидными псалиями (табл. 107, 28, 29).

Керамика горных районов известна очень плохо. Поскольку могилы обкладывали и заваливали камнями, сосуды в большинстве случаев разбивались, а разбитые сосуды дореволюционные исследователи не изучали. При недавних раскопках в Карце были открыты погребения III—I вв. до н. э., содержавшие в среднем по два-три сосуда: безручный (корчагообразный) сосуд, миску и в ряде случаев — миниатюрную плоскую мисочку (табл. 107, 17—19). Керамика сделана с использованием гончарного круга, обжиг плохой. Большие сосуды орнаментированы горизонтальными каннелюрами либо волнистыми линиями, нанесенными палочкой. Некоторые миски имеют у края плоскую ручку. Поверхность многих сосудов слабо залощена. Для могильников Кобани характерны сосуды с выступающим дном (табл. 107, 20, 56), известные здесь и в скифское время.

Таким образом в сарматское время в горных районах сохраняются старые типы погребальных сооружений и инвентаря. Изменения, имеющиеся в них, являются хронологическим показателем, а не свидетельством проникновения сюда новых этнических группировок. Наиболее значительные изменения в составе инвентаря наблюдаются с I в. н. э., когда здесь распространяются бусы, фибулы общеевропейских типов, новые формы привесок, что

свидетельствует об укреплении и расширении связей местных племен с Северным Причерноморьем и Прикубаньем. Продолжают сохраняться связи и с Закавказьем, однако значительно менее ощутимые, чем в раннекобанское время.

В целом рассмотренные материалы позволяют говорить о том, что в горных районах в сарматскую эпоху продолжали обитать местные племена — прямые потомки древних кобанцев.

Иная картина наблюдается в предгорных и равнинных районах центрального Кавказа. Здесь открыто более 500 погребений сарматского времени, обнаруженных как в грунтовых могильниках, так и в курганах (см. карту 25). Оба типа могильников распространены по всей исследуемой территории.

Грунтовые могильники сарматского времени были открыты здесь сравнительно недавно — планомерные раскопки их начались лишь в середине 60-х годов. В настоящее время в центральных районах Северного Кавказа известно несколько таких могильников: Нижне-Джулатский (Абрамова М. П., 1972) и Чегемский (Керефов Б. М., Нагоев А. Х., 1976, с. 123—124) в Кабардино-Балкарии, три могильника в районе Кавминвод — Подкумский и Клин-Ярский у г. Кисловодска (Абрамова М. П., 1983, с. 60—69; Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969, с. 118—120) и полностью разрушенный могильник у г. Железноводска (Рунич А. П., 1983, с. 218—222), а также обнаруженный Х. Х. Биджиевым могильник около Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии (Биджиев Х. Х., 1983, с. 12, 55, 56).

Вызывает большой интерес открытый Ставропольской экспедицией грунтовой могильник IV—II вв. до н. э. в районе с. Преображенского Прикумского р-на Ставропольского края. Это самый северный из известных грунтовых могильников сарматского времени центрального Предкавказья. По характеру инвентаря он близок могильникам Кабардино-Балкарии (Нижне-Джулатскому и Чегемскому), однако, к сожалению, данных о погребальном обряде, в первую очередь о характере погребальных сооружений, нет, так как могильник полностью разрушен (Петренко В. Г. и др., 1976, с. 143).

В Чечено-Ингушетии к сарматскому времени относится поздняя группа погребений Ханкальского могильника (Петренко В. А., 1980, с. 11—15), в Северной Осетии — почти полностью разрушенный Моздокский могильник (Пиотровский Б. Б., Иессен А. А., 1940, с. 17, 18; Арх. исслед. в РСФСР..., с. 238—242).

Грунтовые могильники сарматского времени устраивались обычно на возвышенных местах — преимущественно на естественных холмах. Лишь Чегемский могильник размещался в насыпи более древнего кургана. Однако большое количество погребений (135) и наличие коллективных захоронений свидетельствуют об оседлом характере населения. Здесь мы имеем дело с использованием насыпи кургана в качестве могильного холма, в связи с чем рассматривать эти погребения как впускные подкурганые (Керефов Б. М., 1985, с. 220), по-видимому, неправильно.

В отличие от подкурганых погребений, не имеющих каких-либо специфических локальных особенностей на всей исследуемой территории, грунтовые

могильники довольно четко разделяются на две группы — восточную (Чечено-Ингушетия и Северная Осетия) и западную (Кабардино-Пятигорье и Карачаево-Черкесия). Различия между ними прослеживаются главным образом при рассмотрении погребального обряда и в значительно меньшей степени, как мы увидим ниже, инвентаря. В восточной группе (Ханкальский и Моздокский могильники) основным типом погребального сооружения являлась обычная грунтовая яма, т. е. тот же тип, который был характерен и для местного населения скифского времени. В могильниках западной группы (Нижне-Джулатский, Чегемский, Подкумский) грунтовые ямы сосуществуют с катакомбами, причем последние значительно преобладают.

Все открытые погребения хронологически можно разбить на три больших периода: 1) III—I вв. до н. э., 2) I — начало II в. н. э., 3) II — первая половина III в. Наибольший интерес представляет ранняя группа погребений, датируемая III—I вв. до н. э. Рассмотрение материалов этого периода позволяет поставить вопрос о возможных компонентах, участвовавших в сложении культуры обеих локальных групп.

Погребения раннего периода составляют более 50% (около 300) от общего числа открытых погребений. Большая их часть (около 170) — грунтовые погребения, остальные подкурганые.

Основная доля грунтовых погребений раннего периода происходит с территории Кабардино-Балкарии (западная группа), где этот период представлен двумя крупными памятниками — Нижне-Джулатским и Чегемским могильниками. Восточная группа памятников характеризуется главным образом материалами Ханкальского могильника (Чечено-Ингушетия).

Как отмечалось, для могильников восточной группы характерны только погребения в грунтовых ямах. Такой обряд мы находим на Ханкальском могильнике, расположенном у г. Грозного. Ранние погребения этого могильника датируются скифским временем — VI—V вв. до н. э. (Виноградов В. Б., 1972, с. 64; Козенкова В. И., 1977, с. 51), поздние — II—I вв. до н. э. (до начала I в. н. э. — Петренко В. А., 1980, с. 12). Могильные ямы прослеживаются плохо, в ряде случаев стены ям у дна обложены деревом. Погребения индивидуальные, реже — парные (табл. 108, 5, 6). В могилах II—I вв. до н. э. костяки лежат в вытянутом положении на спине, руки часто согнуты в локтях, так что кисти покоятся на тазовых костях. Наблюдается преобладание широтной ориентировки костяков (восток и запад) над меридиональной (Петренко В. А., 1980, с. 11—13). Среди особенностей погребального обряда необходимо отметить обычай положения в могилы ритуальных сосудов с гальками, а также наличие меловой подсыпки, кусочков угля, жертвенной пищи (Петренко В. А., 1980, с. 13).

Сходные черты погребального обряда имеют и другие найденные на этой территории грунтовые могилы.

Все бескурганые могильники западной группы локализируются на границе предгорной зоны и равнины. В этих могильниках в III—I вв. до н. э. пре-

обладали катакомбные могилы (около 70%), второе место занимали погребения в грунтовых ямах.

Почти все катакомбы указанного времени открыты на территории Кабардино-Балкарии. Лишь одна катакомба, датируемая, по-видимому, тем же периодом, была случайно открыта в районе Кавминвод (Рунич А. П., 1961, с. 268, 269).

На территории западной группы известны и другие близкие катакомбам сооружения — каменные подземные склепы (Кабан-гора — Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969, с. 114—116).

Рассмотрение погребений в грунтовых ямах, найденных в могильниках западной группы, выявляет сходство их с аналогичными погребениями восточной группы: они также содержали индивидуальные, реже — парные захоронения, имеющие преимущественно широтную ориентировку (табл. 108, 4), отличались небольшой глубиной залегания. По сравнению с катакомбами в этих же могильниках они содержали невыразительный инвентарь.

Катакомбы, напротив, часто содержали коллективные погребения (от 3—5 до 10—13) и служили, по-видимому, семейными усыпальницами. При каждом последующем захоронении кости погребенных ранее сдвигались к противоположной от входа стене камеры. В камерах иногда наблюдается ярусное расположение костяков, разделенных прослойкой чистой земли.

Все открытые катакомбы делятся по форме на несколько типов: 1) камера расположена под углом к длинной оси входной ямы либо перпендикулярно к ней (табл. 108, 2); 2) камера расположена на одной оси со входной ямой, являясь ее продолжением (табл. 108, 1); 3) входная яма и камера расположены параллельно друг другу (табл. 108, 3).

В ранний период наиболее распространенными были катакомбы 1-го и 2-го типов. Какой из этих типов преобладал, сказать трудно, так как конструкция их на обоих могильниках (Нижне-Джуглатском и Чегемском) из-за условий раскопок не была полностью выявлена. Катакомбы 3-го типа по своему устройству напоминают подбой, особенно в тех случаях, когда отсутствует узкое входное отверстие, ведущее в камеру. Среди погребений раннего периода есть лишь единичные экземпляры катакомб этого типа (Чегем). Особенность кавказских катакомб — наличие узкого и часто очень короткого (10 см) входного отверстия, которое закрывалось в большинстве случаев, по-видимому, деревом, реже — камнями (табл. 108, 1).

Ориентировка костяков в камерах катакомб менее устойчива, чем в грунтовых ямах: преобладает юго-западная и юго-восточная (с отклонением к югу и востоку) и северо-западная (с отклонением к западу). Такое разнообразие ориентировок объясняется, возможно, и тем обстоятельством, что в камерах с повторными захоронениями погребенные часто имели отличную друг от друга ориентировку; кроме того, первоначальное их положение нарушалось при последующих захоронениях.

Господствует вытянутое положение покойных, редко встречаются скорченные погребения. У вытянутых костяков руки часто согнуты в локтях, при этом одна или обе кисти были положены на таз. Вытянутые ноги в отдельных случаях скрещены в голених.

Для многих катакомбных погребений характерно наличие на дне камер глея от подстилки, а также следов подмазки дна зеленой глиной. В катакомбах часто встречаются кусочки угля, изредка куски мела. В ряде случаев найдены гальки, которые чаще всего положены в сосуды специфических форм (табл. 109, 1—3). Внутри сосудов с гальками часто находят и угли. В некоторых катакомбах обнаружены миниатюрные сосуды (табл. 109, 13, 14), внутри которых находились довольно крупные звенья железных цепей. Сосуды с гальками и сосуды с цепью характеризуют, несомненно, местные кавказские культы. Хотя в катакомбных погребениях западной группы найдены оба типа этих сосудов (с гальками и с цепью), в целом можно сказать, что в распространении этих культов имеются некоторые локальные различия.

Сосуды с гальками, известные и на территории Прикубанья в меотских погребениях IV—III вв. до н. э., на территории центрального Предкавказья наиболее характерны для памятников восточной группы (Чечено-Ингушетия), где они появляются, по-видимому, в тот же период (Петренко В. А., 1980, с. 12; табл. 109, 16—18). Сосуды с цепью на Северном Кавказе встречаются только в центральных его районах, главным образом на территории западной группы. Все они датируются II—I вв. до н. э. Данный ритуал можно связать с культом надочажной цепи, издревле существовавшим на Кавказе (Керефов Б. М., 1984, с. 145—152). В скифское время находки цепей были особенно характерны для территории Кабардино-Балкарии (Виноградов В. Б., 1972, с. 252), где найдено и наибольшее количество сосудов с цепью сарматского времени.

Таким образом, ритуальные сосуды катакомбных погребений говорят о том, что население, оставившее эти могильники, придерживалось местных кавказских культов.

В катакомбных погребениях часто находят остатки напутственной пищи. Эта деталь обряда была характерна и для грунтовых, и для курганных могильников на всей исследуемой территории. В большинстве случаев это были кости барана часто вместе с ножом, иногда помещенные в миску. Такой состав напутственной пищи находит ближайшие аналогии у сарматов. Однако нельзя не учитывать тот факт, что обычай предпочтения в качестве напутственной пищи мяса барана был распространен на территории центральных районов и в предшествующее время, особенно в скифскую эпоху. Поэтому в памятниках сарматского времени этот обряд должен рассматриваться не только как свидетельство сарматизации населения, но и как пережиток более раннего времени.

Подкурганые погребения раннего периода распространены равномерно почти по всей исследуемой территории (их нет только в районе Кавминвод), локализуясь преимущественно в равнинной зоне либо в начале предгорий. За последнее время (начиная с 70-х годов) большая группа (более 70) впускных сарматских погребений открыта работами новостроечных экспедиций в курганных могильниках Ставрополя. Исследованные здесь могильники составляют две территориальные группы. Одна из них находится примерно в центре Ставропольского

края, тяготея к бассейну р. Томузловки в нижнем течении (могильники Грушевое и Веселая Роща Александровского р-на, Жуковское, Новоселицкий и Китаевка Новоселицкого р-на и Преображенское Прикумского р-на). Другая группа расположена в северо-восточной части Ставропольского края, на границе с Калмыкией (Чограй Арзгирского р-на).

Большинство открытых погребений датируется III—I вв. до н. э. Материалы этих погребений, за небольшим исключением (Коренько В. А., Найдено А. В., 1977, с. 230—247; Коренько В. А., 1980, с. 96 сл.), не опубликованы. Имеется лишь сводка подкурганых погребений сарматского времени, открытых в Ставрополье за последние годы, с некоторыми сведениями о погребальном обряде (Мирошина Т. В., 1986, с. 170—179). Наиболее распространенным типом погребального сооружения были узкие прямоугольные грунтовые ямы, реже встречались катакомбы и подбой (12 могил — 20%). У катакомб камеры были расположены по одной оси со входной ямой, являясь ее продолжением. Могилы содержали индивидуальные захоронения в вытянутом положении. Ориентировка погребенных была преимущественно широтной, чаще западная (с отклонениями).

Что касается более южных районов (территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии), то здесь подкурганые погребения III—I вв. до н. э. распространены достаточно широко, хотя и в меньшей степени, чем на Ставрополье. Количественно (более чем в 3 раза) они преобладают на территории восточной группы, тяготея к низменным ее районам (бассейны Терека и Сунижи). Это преимущественно впускные разрозненные погребения, встречающиеся по одному—три в кургане. Курганые группы описываемого времени неизвестны. Есть и основные подкурганые захоронения сарматской эпохи, совершенные на уровне древнего горизонта. Они встречаются только на территории западной группы (Чегем, Этоко). Впускные погребения совершены в узких прямоугольных грунтовых ямах. Все известные впускные катакомбы III—I вв. до н. э. происходят из более северных районов (Ставропольская возвышенность и левый берег р. Терек в районе г. Моздока), чем территория распространения грунтовых катакомбных могильников.

Открытые подкурганые погребения имели преимущественно широтную ориентировку (с преобладающим положением костяка головой на запад, реже — восток), лишь в отдельных случаях меридиональную (север и юг).

По составу инвентаря подкурганые погребения (в том числе и погребения Ставрополья) похожи на погребения в грунтовых могильниках. Вместе с тем следует отметить, что в раннем периоде наблюдаются некоторые особенности, отличающие западную группу от восточной. Эти особенности проявляются в первую очередь при рассмотрении керамики. Металлический инвентарь более однороден, хотя и здесь, в частности среди украшений, изредка прослеживаются специфические черты, обусловленные влиянием предшествующих традиций (браслеты с насечками и пряжки-сюльгамы в Ханкальском могильнике). Некоторые локальные различия отмечаются, как будет показано ниже, и при определении степени

распространенности тех или иных категорий инвентаря на территориях обеих групп.

В целом же инвентарь по своему характеру типичен для всех видов погребальных сооружений — грунтовых ям, катакомб, впускных подкурганых могил. Единственное видимое отличие — большее разнообразие инвентаря в камерах катакомб с коллективными захоронениями, чем в грунтовых ямах этих же могильников. Однако камеры, содержавшие индивидуальные погребения, также имели маловыразительный инвентарь.

Как и в предшествующее (скифское) время, в погребениях довольно часто встречается оружие. Однако состав его несколько меняется: значительно уменьшается количество мечей, кинжалов и копий и значительно возрастает численность погребений со стрелами и наконечников стрел в могиле.

Определяющим признаком для мечей и кинжалов сарматского времени является прямое перекрестье, не характерное для оружия более раннего времени. Появление его на Кавказе можно, по-видимому, связать с сарматским влиянием. Навершия этих мечей — серповидные и кольцевые (табл. 110, 1, 4), последние получают здесь широкое распространение лишь с I в. до н. э. Как исключение в погребениях сарматского времени встречаются мечи без навершия. Особую группу составляют мечи и кинжалы без металлического перекрестья. Навершия их различны: брусковидные (на раннем этапе), серповидные, антенные и кольцевые (табл. 110, 2, 5—7). Отсутствие перекрестья — характерная особенность кавказских мечей. Все подобные мечи с различными навершиями К. Ф. Смирнов рассматривает в качестве поздних дериватов мечей так называемого синдо-меотского типа, для которых он отмечает общее северокавказское происхождение и распространение (Смирнов К. Ф., 1980, с. 38—44). Таким образом, в оружии наблюдается переплетение местных кавказских и сарматских черт.

Большая часть мечей и кинжалов, происходящих из комплексов III—I вв. до н. э., найдена в грунтовых могильниках и лишь несколько экземпляров — в курганах. Что касается территориального их распределения, то почти все они обнаружены в памятниках западной группы и лишь единичные экземпляры — на территории восточной группы.

То же самое можно сказать и о наконечниках стрел. В III—I вв. до н. э. они сосредоточены главным образом в погребениях западной группы. В Нижне-Джулатском и Чегемском могильниках стрелы содержатся в 45—50% всех погребений раннего периода. В синхронных погребениях Ханкальского могильника их значительно меньше. Причем в отличие от скифского времени, для которого отмечается преобладание наконечников стрел в подкурганых погребениях по сравнению с грунтовыми (Виноградов В. Б., 1972, с. 94, 95), в сарматское время наконечники стрел были распространены в грунтовых и курганых могильниках сравнительно равномерно. Увеличение количества наконечников стрел наблюдается в северных районах (курганы Ставропольской возвышенности, погребения Нижне-Джулатского могильника, расположенного на севере Кабардино-Балкарии). Таким образом, восточные районы дают меньшее количество стрел по сравнению с западны-

ми; в западных районах чем ближе к горам, тем меньше в погребениях наконечников стрел. В погребениях горных районов, как говорилось выше, наконечники стрел встречаются очень редко.

Все найденные наконечники стрел железные втульчатые. Среди них преобладают трехлопастные, реже встречаются трехгранные, в единичных экземплярах — пулевидные (табл. 110, 11—13). Все они широко распространяются по территории Северного Кавказа с VI—V вв. до н. э. У сарматов волжско-донских степей в указанное время господствовали бронзовые втульчатые наконечники стрел, которые во II в. до н. э. заменяются железными черешковыми. Можно говорить о местном характере этого вида оружия у населения центральных районов Северного Кавказа. Причем железные втульчатые наконечники найдены в погребениях III—I вв. до н. э. не только грунтовых могильников, но и в курганах, расположенных севернее рассматриваемой территории (Ставропольская возвышенность), где можно предполагать наличие кочевого сарматского населения. Этот факт свидетельствует о длительном периоде обитания кочевых племен в Предкавказье, что придавало кавказский облик их материальной культуре.

Стрелы в могилах находят обычно пачками — до нескольких десятков. Так, в катакомбах Нижне-Джулатского могильника в некоторых погребениях было по 50—80 наконечников стрел, что предполагает наличие колчанов. Часто у пояса погребенных (слева, реже — справа) находят железные (табл. 110, 14, 15), иногда бронзовые (табл. 110, 16) колчаные крючки, характерные для погребений этого времени как курганных, так и грунтовых могильников.

В ряде погребений, в том числе и в катакомбах, обнаружены наконечники копий (табл. 110, 9—10), совершенно не характерные для сарматских могил Поволжья и степей Предкавказья.

Помимо оружия, для погребений этого времени характерны кольчатые удила с крестовидными либо двудырчатыми псалиями (табл. 110, 18, 19), железные и бронзовые пряжки с неподвижным язычком (табл. 111, 1—3), бронзовые и железные булавки, фибулы среднелатенского типа, браслеты, гривны, золотые, серебряные и бронзовые височные привески в виде спиральных колец в 1,5—2 оборота (табл. 111, 4—14, 20—23), большое количество бус позднелленистического типа. Среди бус значительно преобладают мелкие стеклянные, которыми обшивали края одежды. Бусы из сердолика, гешира, янтаря, горного хрусталя и халцедона, а также крупные бусы из полихромного стекла использовались для ожерелий. Среди туалетных принадлежностей на первом месте стоят бронзовые зеркала. Наиболее распространены были довольно большие зеркала (диаметр от 12—15 до 20 см) с невысоким валиком по краю. Некоторые из них имели ручку-штырь, отлитую вместе с зеркалом (табл. 111, 15, 16). Подавляющее большинство таких зеркал (76%) найдено на территории западной группы, где они происходят главным образом из погребений в грунтовых могильниках, лишь два зеркала (из 23) — в курганах. И, напротив, немногочисленные экземпляры подобных изделий, обнаруженные на территории восточной группы, происходят из курганных погребений.

Сарматское происхождение зеркал этого типа признается всеми исследователями. Исходя из распределения их на территории центральных районов Северного Кавказа можно говорить о большей сарматизации местного населения западных районов предгорной зоны, чем восточной.

Кроме того, в погребениях III—I вв. до н. э. найдены зеркала в виде дисков — гладких (табл. 111, 24) либо с вергикально отогнутым бортиком. Они в большинстве своем происходят также с территории западной группы, где встречаются главным образом в грунтовых могильниках.

Различия между погребениями западной и восточной группы довольно убедительно прослеживаются и на керамическом материале. Керамика — наиболее массовый материал в погребениях этого времени. Могилы, особенно катакомбы, содержат по три—пять—семь сосудов. По два-три сосуда содержат и индивидуальные погребения Ханкальского могильника (парные по три—пять).

Преобладала керамика с лощеной поверхностью. Глина с большой примесью песка (в восточных районах шамота, реже — песка), обжиг неравномерный. Поверхность сосудов покрыта серыми и черными пятнами. Многие сосуды сделаны на гончарном круге (в виде поворотного столика), но есть и лепные горшки. Формы тех и других довольно разнообразны и в каждой из групп имеют свои особенности. В западной группе это высокие одноручные кувшины (табл. 109, 4, 5), кружки (табл. 109, 6, 7), большое количество мисок (табл. 109, 8—11), среди которых преобладают миски с загнутым внутрь краем (Нижне-Джулатский могильник), а также с прямым часто орнаментированным бортиком (Чегемский могильник). В керамике восточной группы наиболее распространены сосуды типа корчаг, характерных для скифского времени, но несколько иных пропорций (табл. 109, 20, 21), и миски разных форм (табл. 109, 19), преимущественно с орнаментированным бортиком.

В наборе керамики обеих групп раннего периода есть большое количество ритуальных сосудов. Среди них сосуды с гальками имеют специфичные формы в каждом из районов: для территории восточной группы наиболее характерны своеобразные двуручные сосуды (табл. 109, 16, 17), а для западной — конические сосуды небольших размеров (табл. 109, 2, 3).

Кроме того, на каждой из территорий прослеживаются связи с керамикой предшествующего — скифского времени, что особенно хорошо видно при рассмотрении приемов орнаментации сосудов. На керамике восточной группы часто встречается налепной орнамент, широко распространенный здесь в киммерийский и скифский периоды. Керамика западной группы III—I вв. до н. э. орнаментирована беднее, чем в скифское время. Излюбленный орнамент ее — вертикальные полосы, резные, чаще пролощенные, проходящие либо по всему тулову, либо сгруппированные по две—три—четыре линии (табл. 109, 2, 4—7). Существует мнение о сарматских истоках такого орнамента на сосудах Северного Кавказа. Однако он встречается на сосудах Закавказья VIII—IV вв. до н. э. и на некоторых сосудах Северного Кавказа скифского времени, что говорит о местном

происхождении этого орнамента на сосудах сарматской эпохи. Связь с Закавказьем прослеживается и в керамике восточной группы. В частности, наличие здесь своеобразных ритуальных сосудов (двуручных сосудов, мисок на поддонах, чаш) можно объяснить влиянием керамических традиций Кавказской Албании (Виноградов В. Б., 1963, с. 90—91; Абрамова М. П., 1979, с. 36).

Таким образом, рассмотрение материалов III—I вв. до н. э. выявляет некоторые различия в памятниках восточной и западной групп как в погребальном обряде, так и инвентаре. Причем в памятниках восточной группы прослеживается большее сходство с памятниками этой территории предшествующего — скифского времени, что подтверждается данными как погребального обряда (сохранение старых форм могильных сооружений), так и инвентаря (некоторые формы сосудов, наличие налепного орнамента, украшения — браслеты с насечками и т. д.). Поэтому местный характер населения, оставившего грунтовые могильники восточной группы, бесспорен и признается всеми.

Более сложным является решение вопроса об этнической принадлежности населения, оставившего памятники западной группы и в первую очередь грунтовые могильники с катакомбными погребениями. Попытка связать появление катакомб на Кавказе с приходом сюда сарматских племен не представляется убедительной, поскольку у сарматских кочевых племен Поволжья катакомбные погребальные сооружения не имели широкого распространения.

Но нельзя не учитывать и того факта, что близкие по форме погребальные сооружения (так называемые земляные склепы грунтовых могильников) распространяются в III—II вв. до н. э. в Прикубанье, на Тамани и в Крыму, в некрополях боспорских городов (Абрамова М. П., 1982, с. 9—19). Принимая во внимание, что на территории Северного Кавказа катакомбный обряд погребения был характерен в это время лишь для памятников западной группы центрального Предкавказья, можно, по-видимому, рассматривать его как характерную особенность погребального обряда населения, жившего на широкой территории Крыма и Северного Кавказа (от Прикубанья до Терека).

Западная группа отличается от восточной не только типами погребальных сооружений, но и особенностями инвентаря. На самом деле, характер оружия (железные втульчатые наконечники стрел), своеобразии ритуалов (сосуды с гальками и сосуды с цепью) говорят о местной основе населения, оставившего катакомбные могильники. Влиянием местных традиций объясняются и отмеченные различия в керамике восточной и западной групп.

Однако рассмотренные материалы говорят о большей сарматизации культуры населения западной группы, чем восточной (например, большее распространение здесь зеркал сарматского типа). По-видимому, территория западной группы в III—I вв. до н. э. была более подвержена оседанию ираноязычных кочевников, чем территория восточной. Поэтому если правомерно связывать грунтовые могильники восточной группы с автохтонным населением, то на территории западной группы возможно еще со скифского

периода предполагать наличие смешанной группы населения. Оседание кочевников, так же как и дальнейшая иранизация местного населения предгорной зоны, несомненно, имели место и в сарматскую эпоху. Полагаем, что грунтовые катакомбные могильники западной группы были оставлены именно этой смешанной группой населения. О том, что пришлые ираноязычные племена не жили изолированно среди местного населения, а смешивались с ним, свидетельствуют и данные лингвистики. В. И. Абаев писал: «Пришельцы аланы нашли, конечно, на занятых ими землях Кавказа не безлюдную пустыню, а какое-то старое население, по языку ... родственное другим коренным народам Кавказа ... Нет никаких оснований думать, чтобы это коренное доиранское население Алании-Осетии было истреблено или вымерло. Гораздо вероятнее, что оно смешалось с пришельцами иранцами и этим смешением и было положено начало современному осетинскому этническому типу» (1949, с. 78, 79).

Необходимо, однако, отметить, что существуют и другие точки зрения. Многие археологи придерживаются мнения о принадлежности ранних северокавказских катакомбных погребений ираноязычным сарматам. Большая часть рассматривает их как памятники сармато-алан (Кузнецов В. А., 1973, с. 60—73; Виноградов В. Б., 1975, с. 304—308; Алексеева Е. П., 1976). Другие (Керефов Б. М., 1985, с. 224, 225) полагают, что эти катакомбные могильники были оставлены вторгшимися на Кавказ сарматскими племенами аорсов. Таким образом, вопрос о принадлежности носителей катакомбного обряда погребения остается пока дискуссионным.

Что касается подкурганых захоронений III—I вв. до н. э., то многие исследователи связывают распространение на Северном Кавказе курганов с влиянием степных традиций, что закономерно, однако для сарматской эпохи необходимо учитывать наличие на этой территории курганных захоронений и в предшествующее — скифское время. Поскольку подавляющее большинство погребений впускные и как исключение встречаются основные погребения в курганах, можно говорить о кочевом характере населения, оставившего подкурганые погребения. Поэтому сарматская их принадлежность вполне допустима. Однако для утверждения того, что упомянутая группа памятников оставлена именно сираками (Виноградов В. Б., 1963, с. 68—70), по-видимому, нет оснований, поскольку критерии для выделения сиракских (или аорских) племен на Кавказе пока не установлены.

Что касается территории восточной группы, то о значительном проникновении сюда в III—I вв. до н. э. сарматских племен говорит наличие значительного числа впускных подкурганых погребений. Однако местное оседлое население подверглось сарматизации в меньшей степени, чем в западной группе. По-видимому, переход кочевников к оседлости проходил здесь в ранний период менее интенсивно, чем на территории западной группы.

Памятников первых веков нашей эры (их насчитывается примерно 200) несколько меньше, чем для предшествующего периода.

Все погребения поздней группы (I—III вв.) можно разделить на два периода: 1) I — начало II в.;

2) II — первая половина III в. Такое деление обусловлено не только хронологическим изменением инвентаря, но и другими особенностями, среди которых можно выделить две. Во-первых, резкое сокращение количества погребений в грунтовых могильниках в поздний период (II—III вв.) на территории западной группы. Во-вторых, в I в. н. э. уменьшается число подкурганых погребений на территории обеих групп, причем в основном они сосредотачиваются на территории восточной группы. В поздний период (II—III вв.) подкурганых погребений нет на территориях обеих групп. Открытые в западных районах (Карачаево-Черкесия) подкурганые погребения около Усть-Джегуты и Учкена являются основными, совершенными в катакомбах. Они датируются I—II вв. н. э. и совершенно справедливо связываются исследователями с аналогичными сооружениями Золотого кладбища, раскопанного Н. И. Веселовским (Минаева Т. М., 1971, с. 115—124, 131, 132; Алексеева Е. П., 1976, с. 60—64).

Что касается грунтовых могильников первых веков нашей эры, то подавляющее большинство известных нам материалов этого времени происходит с территории западной группы. Поэтому характеристика культуры указанного периода на территории восточной группы затруднена. Фактически здесь не известно ни одного могильника первых веков нашей эры, имеются лишь разрозненные, часто разрушенные погребения. По-видимому, большой грунтовой могильник сарматского времени находился в районе г. Моздока. Почти весь могильник разрушен карьером, но, по мнению М. А. Миллера, он занимал первоначально всю возвышенность (Арх. исслед. в РСФСР..., с. 240). Сохранившиеся погребения представляли собой грунтовые ямы, костяки лежали в вытянутом положении на спине (табл. 108, 11) с неустойчивой ориентировкой. Некоторые черепа деформированы. Среди открытых здесь погребений есть и могилы первых веков нашей эры, что позволяет говорить о сохранении в то время у населения восточной группы прежней формы могильных сооружений — грунтовых ям.

Отдельные грунтовые погребения первых веков нашей эры, найденные и в Чечено-Ингушетии (разрушенные погребения в окрестностях г. Грозного, единичные погребения начала I в. н. э. Ханкальского могильника), также подтверждают сохранение прежних типов могильных сооружений (грунтовая яма).

На территории западной группы погребения I — начала II в. есть в Нижне-Джугатском и Чегемском могильниках в Кабардино-Балкарии. Первыми веками нашей эры датируются два грунтовых могильника, расположенных в районе Кавминвод (Подкумский и Железноводский), погребения этого времени известны и в Клинь-Ярском могильнике (Кисловодск; Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969, с. 118—120). Все указанные могильники содержат преимущественно катакомбные погребения I — начала II в. при незначительном количестве грунтовых могил (табл. 108, 9), причем в Подкумском могильнике в грунтовых ямах были захоронения детей и подростков с неустойчивой ориентировкой почти без сопровождения инвентаря. Среди найденных на территории западной группы разрозненных погребений

есть погребения в грунтовых ямах (Чегем, Кызбурун) и в катакомбах (р. Юца).

Основная характеристика позднего периода западной группы дается по материалам могильников.

Из числа открытых в могильниках погребений большая часть относится к I — началу II в. Погребения указанного времени из Нижне-Джугатского и Чегемского могильников по своему обряду близки к погребениям II—I вв. до н. э. этих же могильников. Сохраняются те же типы катакомб, те же особенности погребального ритуала, поз и ориентировки погребенных (табл. 108, 7—10).

Некоторые особенности катакомбных могильников Ставрополя (Подкумский и Хумаринский могильники), очевидно, можно считать локальными. Среди катакомбных погребений здесь господствует третий тип катакомб — с входной ямой, параллельной камере (табл. 108, 7). Катакомбы других типов распространены значительно меньше.

Особенностью этих могильников является и наличие двухкамерных катакомб (табл. 108, 10), которые пока не найдены на территории Кабардино-Балкарии. Наиболее ранние из открытых в центральных районах Северного Кавказа двухкамерных катакомб датируются I в. н. э. Аналогии им мы находим в могильниках более западных районов — Прикубанья, Тамани и Крыма, которые датируются со II в. до н. э. по II в. н. э. На Кавказе они также локализируются в западных районах исследуемой территории, составляя, очевидно, единую группу с подобными сооружениями Прикубанья и Крыма.

Характерной особенностью Подкумского могильника является использование камня в оформлении могил. Им закладывали входные отверстия в камеры, каменные выкладки над камерами обозначали наличие здесь погребений — черта, мало характерная для могильников Кабардино-Балкарии (каменные заклады камер найдены в ряде катакомб Чегемского могильника, на Нижнем Джугате для этой цели использовалось только дерево). Для погребального обряда Подкумского могильника характерно не только наличие катакомб с ярусным расположением костяков в камерах, что встречается во всех могильниках, но и ярусное расположение камер, известны случаи, когда две-три камеры располагались друг над другом, имея общую входную яму.

Так же как и в предшествующее время, для катакомбных погребений характерны наличие коллективных захоронений (до девяти костяков), неустойчивая ориентировка погребенных, тяготеющая к широтной. Положение — преимущественно вытянутое на спине (с единичными случаями скорчепных костяков), руки часто согнуты в локтях, так что кисти лежат на тазовых костях. Есть единичные костяки с перекрещенными голенями.

В катакомбах этого периода сохраняются и такие детали обряда, как наличие тлена от подстилки и подмазки дна зеленой глиной, наличие в погребениях угля, изредка мела, краски и серы.

Особенностью погребального обряда является значительное сокращение числа погребений с напутственной пищей, что очень характерно для более раннего времени. Кости животных найдены лишь в восьми погребениях этого периода Чегемского могильника, и их совсем нет в синхронных могилах Нижне-

Джулатского и Подкумского могильников. Отсутствуют и ритуальные сосуды (с гальками и цепью). Изредка в слое рядом с могилами находились отдельные сосуды, которые, очевидно, можно связать с тризной.

Что касается подкурганых погребений первых веков нашей эры, то в основном это единичные разрушенные погребения, происходящие с территории восточной группы. Все они впускные, совершены в грунтовых ямах, ориентированы головой преимущественно на север и северо-запад.

На всей исследуемой территории погребения содержат многочисленный инвентарь. По своему характеру он довольно стандартен и находит аналогии в памятниках первых веков нашей эры других областей, вошедших в обширную территорию, которая подверглась процессу сарматизации, приведшему к нивелировке культуры разных районов. Лишь отдельные виды инвентаря рассматриваемых погребений (наконечники стрел, булавки, привески и т. д.) сохраняют местный кавказский облик.

Из оружия в погребениях описываемого времени найдены железные мечи и кинжалы, а также наконечники стрел. Большая часть мечей и кинжалов имеет прямое перекрестье и кольцевое навершие (табл. 110, 25, 26, 28). Реже встречаются кинжалы без металлического навершия и перекрестья (табл. 110, 27). Наконечников стрел меньше, чем в предшествующую эпоху. Колчаны содержали в среднем до 10—20 стрел. Наибольшее количество стрел найдено в Подкумском могильнике (50% погребений); в могильниках Кабардино-Балкарии встречены лишь отдельные погребения со стрелами. Для I в. н. э. характерны колчаны либо с втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел, либо только с черешковыми. Таким образом, в I в. н. э. происходит замена втульчатых наконечников черешковыми. Погребения начала II в. содержат только черешковые наконечники стрел. Среди втульчатых наконечников есть трехлопастные, четырехгранные с длинной вытянутой головкой и пулевидные (табл. 109, 29—31). Черешковые наконечники все трехлопастные.

В погребениях I — начала II в. н. э. найдены кольчатые железные удила (табл. 110, 35), бронзовые бляшки и привески от копской узды (табл. 110, 36—41), из орудий труда — ножницы, большое количество железных пожей, точильные камни (табл. 110, 43—48). Из атрибутов одежды и украшений встречено большое количество железных и бронзовых пряжек (табл. 111, 25—31, 37), среди которых в конце I в. появляются пряжки со щитком, фибулы общеевропейских типов (табл. 111, 32—36, 42), бронзовые браслеты (табл. 111, 38—41), золотые, серебряные и бронзовые височные привески в виде спиральных колец в 1,5 или 2 оборота (табл. 111, 50, 51), железные и бронзовые булавки (обычно по две у костяка табл. 111, 58—60), большое количество зеркал. Это так называемые зеркала-привески с боковой петлей (табл. 111, 54—57), распространенные и в горных районах.

Уже в конце I в. появляются некоторые материалы, характерные в дальнейшем для раннесредневековой аланской культуры Северного Кавказа: туалетные наборы, поясные наконечники и др. (табл. 111, 52, 53). Как и в предшествующее время, сохраняется

обычай обшивки краев одежды бусами: среди многочисленных бус, найденных в погребениях этого времени, преобладают, как и прежде, одноцветные стеклянные бусы мелких размеров. Ими расширялась, возможно, и обувь: в погребении Подкумского могильника на костях стоп трех скелетов, лежавших друг на друге, найдено около 4,5 тыс. мелких бусин. Полихромных бусин, характерных для ожерелий, довольно мало. Сокращается количество сердоликовых и гешировых бусин. Большой процент в погребениях этого времени составляют бусы из египетского фаянса, среди которых особенно широко был распространен бисер, но хорошо представлены и бусы других форм, а также различные привески — в виде скарабеев, плакеток с фигурой лежащего льва и др.

Так же как и в предшествующий период, в погребениях I — начала II в. н. э., не только в катакомбах, но и грунтовых могилах, найдено большое количество керамики. В отдельных грунтовых ямах Подкумского могильника с захоронениями младенцев находились по два-три сосуда, в катакомбах в среднем — по одному-два.

Вся керамика довольно грубая. Глина содержит примесь песка, обжиг неравномерный. На поверхности многих сосудов следы лощения, иногда довольно слабого, в виде вертикальных полос. Но есть и отдельные, хорошо залощенные сосуды. Большая часть их сделана с использованием гончарного круга в виде поворотного столика, лишь единичные экземпляры можно отнести к настоящей круговой керамике. Особую группу составляют сосуды, сделанные от руки.

Наиболее распространенными формами являются кувшины, кружки и миски (табл. 109, 23—35), причем для каждого могильника характерен свой набор посуды. В погребениях Нижне-Джулатского могильника преобладают одноручные кувшины и миски. В Подкумском могильнике почти нет мисок, зато широкое распространение наряду с кувшинами получают кружки разнообразных форм. В Чегемском могильнике хорошо представлены сосуды всех форм — кувшины, кружки и миски. Характерны миниатюрные сосудики в форме горшочков, кружек и др.

Лишь отдельные сосуды I — начала II в. н. э. имеют прежний орнамент из резных, чаще пролощенных вертикальных, наклонных и зигзагообразных линий. Изредка встречается налепной орнамент. Наиболее характерен для изделий этого времени орнамент из горизонтальных желобков, расположенных обычно на горле либо в верхней части тулова.

Таким образом, с I в. н. э. намечается сокращение количества орнаментированных сосудов. По-видимому, широкое применение орнамента в предшествующем времени (III—I вв. до н. э.) связано с влиянием традиций скифской эпохи, для которой характерны богато орнаментированные сосуды.

В целом наблюдающиеся изменения в составе и характере инвентаря можно рассматривать как хронологические, поскольку развитие культуры не нарушается какими-либо внешними факторами.

Значительные перемены происходят во II в. н. э. Прекращает функционировать Чегемский могильник, и резко сокращается (почти в 3 раза) количество

погребений Нижне-Джулатского и Подкумского могильников. Причем большая часть погребений позднего периода (II — начало III в.) датируется II в., и лишь единичные могилы относятся к началу III в.

На территории восточной группы сохраняется обряд погребения в обычных ямах, однако вместе с тем появляются впервые грунтовые катакомбные могилы (Алхасте, Пседах; табл. 108, 14).

Материалы II — начала III в. грунтовых катакомбных могильников западной группы свидетельствуют о дальнейшем развитии культуры. Сохраняется прежний обряд погребения в катакомбах, содержащих коллективные захоронения, однако число погребенных в камере не превышает четырех. В Подкумском могильнике наряду с однокамерными продолжают сооружаться двухкамерные катакомбы (табл. 108, 13). Однако в целом можно говорить, что наибольшее распространение получают катакомбы с камерой, расположенной перпендикулярно входной яме (табл. 108, 12), — тип, который в дальнейшем станет характерным для раннесредневековых аланских могильников.

По-прежнему преобладает вытянутое положение костяков (при единичных случаях скорченных) с сохранением в каждом из могильников старых ориентировок. В Подкумском могильнике наряду с широтной ориентировкой увеличивается доля меридиональной, что, однако, связано с рельефом холма. Сохраняются и другие детали погребального обряда: тлен от подстилки и подмазка дна глиной, наличие угля, мела и краски. Особенность погребений описываемого периода — полное отсутствие в могилах напущенной пищи.

Погребения II—III вв. до н. э. содержат довольно однотипный инвентарь. Из оружия найдены кинжалы без наверший (в большинстве случаев без перекрестья, иногда прямое перекрестье — табл. 110, 49—51). Наконечники стрел, железные трехлопастные (табл. 110, 52—54), найдены лишь в нескольких погребениях (до 10 у каждого костяка). В погребениях II—III вв. Подкумского могильника их нет совсем. К принадлежностям конского убора относятся железные удила с подвижными кольцами (табл. 110, 57), бляшки от ремней уздечки. В Подкумском могильнике найдена серебряная пластинчатая привеска, крепившаяся, по-видимому, к ремню уздечки (табл. 110, 58). Это наиболее поздняя вещь среди материалов могильника, датируемая не ранее первой половины III в. н. э., что позволяет установить верхнюю дату могильника. Среди орудий труда известны ножи, ножницы, каменные оселки и пряслица (табл. 110, 59—67).

В погребениях найдено большое количество пряжек и фибул. Пряжки в большинстве случаев железные (круглорамчатые, реже — прямоугольнорамчатые) с прямоугольным или овальным щитком (табл. 111, 61—64). Среди украшений необходимо отметить бронзовые серьги — петлевидные с перевитыми концами (табл. 111, 72—74), характерные только для этого времени, и спиральные в виде кольца в 1,5—2 оборота, встречающиеся в погребениях всех периодов (табл. 111, 68—71). По-прежнему сохраняется обычай обшивки краев одежды мелкими стеклянными бусинами и бисером. Для ожерелий, как и прежде, использовались полихромные стек-

лянные бусины, а также из гешира, янтаря, сердолика и халцедона.

Для погребений описываемого периода характерны зеркала двух типов: 1) зеркала-привески с боковой петлей, менее профилированные, чем подобные зеркала I в., и имеющие на обратной стороне рельефный орнамент (табл. 111, 75—77). Эти зеркала не получили широкого распространения в центральных районах Северного Кавказа. Они более характерны для западных областей — Прикубанья и Крыма; 2) небольшие зеркала, имеющие на обратной стороне широкий валик по краю, центральную петлю и рельефный орнамент (табл. 111, 78, 79). Зеркала второго типа разных размеров и более уплощенного вида типичны для раннесредневековой аланской культуры Северного Кавказа.

Керамика найдена в большинстве погребений II—III вв. н. э. в среднем по одному-два сосуда в могиле. Увеличивается доля круговой керамики, и уменьшается количество лепных сосудов. В каждом из могильников сохраняется набор сосудов, свойственный и для предшествующего времени. Наблюдается дальнейшее сокращение численности орнаментированных сосудов. Основной орнамент — горизонтальные каннелюры на горле или в верхней части тулова (табл. 109, 41, 43, 44, 50). Изредка встречается на лепной орнамент.

Таковы материалы грунтовых катакомбных могильников.

Как уже отмечалось, самые поздние погребения этих могильников датируются первой половиной III в. н. э. Большая часть погребений поздней группы датируется II в., однако погребений II в. значительно меньше, чем погребений I в. в этих же могильниках. Абсолютно такую же картину мы наблюдаем и на территории Прикубанья, где для II в. отмечается резкое сокращение количества погребений, а верхней датой городищ и могильников (грунтовых и курганных с катакомбными погребениями) правобережья Кубани (к востоку от Лобы) также является начало III в.

Вместе с тем во II в. н. э. на нижнем Дону и на территории северо-западного Кавказа фиксируется большой приток сармато-аланского населения. По данным ономастики это явление в Танаисе датируется не позднее третьей четверти II в. н. э. (Шелов Д. Б., 1972а, с. 249). Значительный приток аланского населения на территорию Северо-Западного Кавказа подтверждается фактом возникновения на Боспоре группы аланских переводчиков, о чем свидетельствует найденная в станице Таманской плита Херака — «главного аланского переводчика», датируемая 208 г. н. э.

Сопоставление данных ономастики и эпиграфики с археологическими данными показывает, что приток аланского населения совпадает по времени со значительным сокращением количества погребений (в том числе и в катакомбах) на могильниках западных и центральных районов Северного Кавказа. Это не позволяет приписывать рассмотренные нами ранние катакомбные могильники на Кавказе аланам. Более логично связывать с нашествием сармато-алан резкое сокращение во II в. количества погребений в северокавказских могильниках. По-видимому, сложная обстановка, возникшая во II в. на Север-

пом Кавказе, привела к нарушению связей сарматов более северных областей (Поволжья и междуречья Дона и Волги) с северокавказскими племенами. Археологические материалы показывают, что во II—III вв. у сарматов Поволжья отмечались более устойчивые связи с нижним Доном, чем с Северным Кавказом (Скрипкин А. С., 1977, с. 113).

Таким образом, можно рассматривать население предгорной зоны (западной группы), оставившее катакомбные могильники, не как сарматское племя алан, а как смешанную группу, включившую в свой состав как автохтонные племена, так и оседавших здесь ираноязычных кочевников.

Наличие в катакомбах коллективных захоронений свидетельствует об использовании их в качестве семейных склепов, что в свою очередь говорит об оседлом образе жизни населения, оставившего эти памятники.

Уже в первых веках нашей эры в культуре племен предгорной зоны, обитавших на территории западной группы, начинают складываться те элементы, которые в эпоху раннего средневековья стали характерными для аланской культуры Северного Кавказа: тип катакомбы с камерой, расположенной перпендикулярно к длинной оси входной ямы, отдельные детали инвентаря (зеркала с центральной петлей, туалетные наборы, поясные накладные просты форм). Таким образом, культуру первых веков нашей эры можно рассматривать как предаланскую, или раннеаланскую, а собственно аланская культура сложилась в эпоху раннего средневековья, после гуннского нашествия.

Именно для посетителей раннеаланской культуры, очевидно, и было характерно двуязычие, о котором писал В. И. Абаев, т. е. параллельное употребление местных кавказских языков и иранского, выступавшего в роли связующего языка в межплеменных сношениях (Абаев В. И., 1949, с. 79, 121—122). Эта смешанная группа населения и получила, по-видимому, в раннесредневековых источниках наименование «аланы». Представляется, что этноним «аланы» у античных и раннесредневековых авторов имел разное содержание. Античные авторы подразумевали сарматские по происхождению кочевые ираноязычные племена, жившие в I—IV вв. н. э. у «Танаиса и Меотиды» (а также в Северном Причерноморье) и совершавшие оттуда походы в Закавказье (И. Флавий, Ам. Иероним, Ам. Марцеллин). Этноним «аланы» раннесредневековых источников (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менаандр Византиец и др.) имел в некотором смысле собирательное значение, поскольку им обозначались все племена центральных районов Северного Кавказа, обитавшие на территории современной Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и, по-видимому, части Карачаево-Черкесии. Ни один из раннесредневековых авторов не приводит каких-либо иных племенных наименований для обозначения населения этих районов. Таким образом, местное население, т. е. потомки автохтонных племен, всегда включалось в понятие «аланы», употребляемое применительно к центральным районам Северного Кавказа.

Сложная внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в конце II — первой половине III в., по-видимому, привела к отливу населения из пред-

горных районов центрального Кавказа, о чем свидетельствует прекращение существования грунтовых катакомбных могильников западной группы. Мы имеем очень незначительное число погребений III—IV вв. с территории предгорной зоны. Вероятно, оседлое население оставило эти земли. Подтверждением может служить Нижне-Джуглатский могильник, где отсутствуют погребения второй половины III—V вв. (они вновь появляются лишь в VI—VII вв.), а также материалы Хумаринского могильника в Карачаево-Черкесии (Биджиев Х. Х., 1983, с. 55, 56; Абрамова М. П., 1985, с. 35, 36).

В III—IV вв. на территории восточной группы центральных районов Кавказа (Северная Осетия, Чечено-Ингушетия) появляются огромные курганные могильники, тянувшиеся на многие километры и насчитывающие сотни курганных насыпей. В настоящее время известны две обширные группы таких могильников: на р. Сунже, в окрестностях г. Грозного (Алхан-кала, Алхан-юрт, Алды), и на правом берегу р. Терека, в среднем его течении (Моздокский район — Братское, Октябрьский, Виноградное).

В отличие от грунтовых катакомбных могильников западной группы, которые были характерны для предгорных районов, курганные могильники III—IV вв. восточной группы локализовались в основном на равнине.

Несмотря на то что в этих обширных курганных группах раскопаны лишь единичные насыпи, характер памятников и их датировка не вызывают особых сомнений. Все курганы содержали по одной катакомбной могиле. Катакомбы имели большие размеры, длинную и глубокую входную яму с узким входным отверстием в одной из поперечных стен и камеру прямоугольной формы, расположенную под прямым углом к длинной оси входной ямы. Многие из катакомб в больших курганах были тщательно отделаны (заглажена поверхность стен, аккуратно сделаны ступени и т. д.). Камеры содержали индивидуальные, реже — парные захоронения. Все катакомбы ограблены, однако сохранившийся инвентарь (серебряные и золотые изделия) позволяет говорить о богатстве похороненных в них людей. Основное время распространения курганных катакомбных могильников — вторая половина III—IV в. н. э. (в Чечено-Ингушетии они задерживаются значительно дольше). Материалы этих памятников рассмотрены в томе «Степи Евразии в эпоху средневековья» настоящего издания (Ковалевская В. Б., 1981, с. 83 сл.).

Курганные могильники этого времени не сочетались с грунтовыми. Социальные различия отражались, по-видимому, в величине насыпи курганов, среди которых встречаются большие, высотой в несколько метров, и маленькие едва заметные насыпи.

Курганные могильники не заходят в глубь предгорий. Однако отдельные курганные насыпи с основными катакомбными погребениями встречаются и в более северных районах, т. е. в местах обитания кочевых сарматских племен. За последние годы в результате систематических раскопок курганных могильников новостроечными экспедициями в Ставропольском крае и Ростовской обл. было открыто несколько десятков курганов с основными катакомбными погребениями второй половины III—IV в. н. э.

Эти курганы не составляют компактных групп, а встречаются довольно разрозненно среди насыпей эпохи бронзы. Лишь на юге Ставропольского края (могильник Веселая роща Александровского р-на) в двух курганных группах обнаружено 10 курганов с подобными катакомбами (раскопки М. А. Романовской). В более северных районах распространения сарматской культуры (Поволжье и Приуралье) подобные памятники III—IV вв. не встречены.

Таким образом, в III—IV вв. в степных районах Предкавказья распространяется новый тип погребальных сооружений — подкурганные катакомбы. По-видимому, можно говорить о появлении таких погребений после нашествия готов в 40-х годах III в. Курганы содержали богатые захоронения, почти полностью разграбленные. Наибольшее количество их сосредоточено на Северном Кавказе. Однако такие же погребения характерны для сарматов, кочевавших в предкавказских степях, включая юг Ростовской и Астраханской областей. Сарматская их принадлежность подтверждается по крайней мере двумя обстоятельствами: локализацией на этой территории аланских племен по данным письменных источников (Аммиан Марцеллин) и нахождением в ряде таких погребений типичных позднесарматских прямоугольных курильниц. Отсутствие подкурганных катакомб на других территориях распространения сарматских племен подтверждает высказанное ранее мнение о кавказском влиянии на появление таких сооружений у сарматов в прилегающих к Кавказу областях в III—IV вв.

Более сложен вопрос об определении этнической принадлежности населения, оставившего обширные курганные могильники с катакомбными погребениями на Северном Кавказе. Можно предположительно говорить об ираноязычности этой группы населения. Тем не менее наблюдается несомненная связь, про-

слеживаемая в особенностях погребального обряда, с северокавказской традицией: здесь преобладает тот же тип погребальных сооружений (катакомба с перпендикулярным к камере дромосом), что и в грунтовых могильниках сарматского времени на позднем этапе (II—III вв.). Хронологическая близость этих двух групп памятников (грунтовых и подкурганных катакомб) и отмеченная близость погребального обряда позволяют предполагать определенную близость двух групп населения, оставившего те и другие памятники.

Можно предполагать и наличие сарматских этнических элементов в составе населения Предкавказья III—IV вв. Дело в том, что начиная с середины III в. зафиксирован отлив сарматского населения с территории Волго-Донского междуречья в Заволжье. В погребальном обряде и материальной культуре сарматских племен, продолжающих обитать в междуречье Волги и Дона, прослеживаются северокавказские традиции (Скрипкин А. С., 1982, с. 54). Возможно, отлив сарматского населения происходил не только на восток (в Заволжье), но и в восточные районы центрального Предкавказья, где в III—IV вв. сосредоточивается большое количество курганных насыпей с погребениями, имеющими северокавказский облик. Однако решение вопроса об этнической принадлежности людей, похороненных в курганах, — дело будущего. Раскопки памятников этого времени продолжаются, и материалы их требуют осмысления.

По имеющимся на сегодняшний день данным, большая часть курганных катакомбных могильников центрального Предкавказья прекратила свое существование во время гуннского нашествия, ознаменовавшего начало нового этапа в истории северокавказских племен — периода длительного господства на Северном Кавказе тюркоязычных народов.

Глава десятая

Дагестан и юго-восточная Чечня в скифо-сарматское время

Культура населения Дагестана и юго-восточной Чечни в эпоху раннего железа только в самое последнее время стала изучаться довольно интенсивно. И все же наиболее слабо исследованным оказался тот отрезок времени, который принято называть скифским периодом (VI—IV вв. до н. э.). Это создало в истории региона лагуну, слабо заполненную конкретным содержанием. Данное обстоятельство вызвано также спорностью отнесения отдельных очень своеобразных археологических находок к строго определенному времени.

Памятники последующего, сарматского, времени для предгорных районов изучены лучше, хотя материалы III—II вв. до н. э. пока немногочисленны. Все это не дает возможности достаточно полно охарактеризовать культуру местных жителей северо-восточного Кавказа в скифо-сарматское время, т. е. в период крупных передвижений древних племен и ясно ощутимой борьбы между пришлым и местным населением. Именно в это время в культуре местных горцев происходило становление отдельных черт, которые сохранялись в бытовом обиходе до недавнего этнографического прошлого (орнаментика, форма посуды, некоторые украшения и проч.).

В XIX в. археологи, работая в Дагестане и юго-восточной Чечне, специально соответствующие комплексы не искали. Это было делом случая. Часто только интуитивно определялось время того или иного памятника, порождая самые различные теории об его происхождении (Русов А. А., 1882, с. 613; Уваров А. С., 1887а, с. 61—75). В 1867 г. на границе Чечни и Дагестана впервые были обнаружены бронзовые статуэтки, изображающие людей и животных (Ипполитов А. П., 1868, с. 49—52). Их находки в дальнейшем стали особенно часты в высокогорьях Дагестана (Аргутинский-Долгоруков Н. В., 1875, с. 184; Комаров А. В., 1882а, с. 436—437, 1882б, с. 41; Пантюхов Н. Н., 1896, с. 142, 148). Датировали их тогда VII—VI вв. до н. э. (Уваров А. С., 1887б, с. 2—9). Первые научные раскопки памятников Дагестана, в том числе и святилищ с подобной пластикой, были проведены лишь в конце XIX в. у г. Темир-Хан-Шура (Буйнакск), селений Гергебиль и Ретло (Анучин Д. Н., 1884, с. 444—445; Barst G., 1885, р. 8, 34—41; Козубский Е. И., 1902; Zakharov A. A., 1930, 1931).

После Октябрьской революции возникла серьезная необходимость изучать древности Дагестана и Чечено-Ингушетии в связи с историей их народов. Из археологических работ тех лет следует отметить исследование А. А. Иессена. Они проводились в 1932 г. в бассейне р. Сулак. В итоге была создана первая сводная работа, открывшая перспективу в изучении древних культур и сопредельных регионов (Иессен А. А., 1935, с. 29—39).

С 1936 г. в горных районах ведет работы А. П. Круглов. Большой интерес представляет исследованное им святилище V в. до н. э. у селения Согратль (Круглов А. П., 1946, с. 32—35). Несколько позже подобные святилища обследовал И. В. Мегрелидзе (1951, с. 281—291).

Итоги изучения Дагестана и Чечни в предвоенные годы нашли отражение в монографии А. П. Круглова (1958). Однако для скифского времени (VI—V вв. до н. э.) особенно важны работы А. П. Круглова на могильнике Исти-су у г. Гудермес. Собранные им материалы были изданы, проанализированы детально только в 1950 г. О. А. Артамоновой-Полтавцевой (1950, с. 25—98).

После окончания Великой Отечественной войны в Дагестане развернулись большие археологические работы: раскопки могильников у селений Тарки (Крупнов Е. И., 1951; Смирнов К. Ф., 1950б; 1951; Исаков М. И., 1948; Твердохлебов А. М., 1949) и Карабудахкент (Смирнов К. Ф., 1952а, 1961в), которые очень важны для выяснения вопросов сарматизации аборигенов. Эти работы создали основу для изучения культуры Дагестана в скифо-сарматское время. В последующие годы были опубликованы обобщающие труды, посвященные истории Дагестана. В первом из них (Очерки истории Дагестана, 1957, I, с. 19) лишь намечены основные вехи развития дагестанских племен в эпоху раннего железа и в период вхождения их в состав Кавказской Албании. Во втором (Магомедов Р. М., 1961, с. 17—28; 1968, с. 15 сл.) сделана попытка рассмотреть местные племена на фоне культуры рабовладельческих государств Закавказья. Описание интересующего нас периода с привлечением новых археологических памятников можно найти в многотомной «Истории Дагестана» (1967, I, с. 94 сл.).

Довольно широкий размах разведочных и раскопочных работ в Дагестане и Чечено-Ингушетии в последние годы нашел отражение в ряде крупных монографических работ (Виноградов В. Б., 1963; Исаков М. И., 1966; Пикуль М. И., 1967; Давудов О. М., 1974; Петренко В. А., 1980).

Почти все местные археологи внесли свой вклад в изучение культур рубежа старой и новой эры. Это касается как горных, так и степных районов региона, где исследовались самые разнообразные памятники: городища Таргу и Аркас, святилище Хосрех, могильники Бети-Мохк, Яман-су, Бежта, Галайты и многие другие. Такова в самом сжатом виде история изучения древностей скифо-сарматского времени в северо-восточной части Кавказа.

Следует отметить, что рассмотрение культуры древних племен Дагестана и юго-восточной Чечни в одной общей главе вполне закономерно. Близость культуры населения этих регионов отмечалась уже

для II тысячелетия до н. э. (материалы могильников Гатын-кале, Бельты, Гинчи и др.). В период бытования каякентско-хорочоевской культуры в юго-восточной части Чечни существовала ее особая локальная группа (Круглов А. П., 1958, с. 51, 52; Марковин В. И., 1968, с. 85—87). Объяснение такой близости видят в том, что развитие местных племен определялось одними и теми же закономерностями, обусловленными достаточно тесными культурными и, вероятно, этническими связями. Поэтому специалисты говорят о них как о носителях восточнокавказской (дагестано-нахской) языковой общности (Хайдаков С. М., 1973; Котович В. Г., 1982, с. 119).

В «Географии» Страбона, завершенной в 7 г. н. э., сказано, что «если войти в Каспийское море, то справа живут скифы или сарматы», которые занимают пространство «между Танаисом и этим морем» (Страбон, XI, VI, 1). В пределах Дагестана такими районами, где можно было бы ожидать следы пребывания древних ираноязычных племен, являются ногайско-кумыкские степи и та часть Прикаспия, которая известна как Дербентский проход. Именно здесь приморская равнина приобретает характер узкого коридора, упираясь в отроги передовых хребтов. К. Ф. Смирнов считал, что эти районы «могут дать ценнейшие материалы» для изучения скифо-сарматских племен и их связей с Передней Азией (1951, с. 272). Такими находками прежде всего являются скифские наконечники стрел, периодизация которых хорошо разработана (табл. 112, 1—7, 9—13, 17—20, 25; Марковин В. И., 1957, 1984; Исаков М. И., 1966; Давудов О. М., 1974). Они датируются VII—V вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961а, с. 41 сл., табл. I—IV; Мелюкова А. И., 1964, с. 19 сл., табл. 6—8) и дают право говорить о наличии в приморской части Дагестана следов инородной для этого региона культуры. Интересно, что севернее, в пределах степных пространств Ставропольского края и Чечено-Ингушетии (Ачикулах, Бажиган и другие пункты), также известны подобные находки (Крупнов Е. И., 1954б, с. 102—104, рис. 42; 1961а, с. 7—9, рис. 4). И все же этих материалов исключительно мало, чтобы утверждать продвижение скифских орд и их сателлитов в Переднюю Азию через Дербентский проход (Крупнов Е. И., 1954б, с. 186—194; Виноградов В. Б., 1972, с. 11—16). Мы не знаем в северо-восточной части Кавказа, особенно в пределах приморской части Дагестана, чисто скифских комплексов — курганов, становищ и других памятников. Речь может идти только об отдельных находках, так или иначе связанных со скифами или, что вернее, со скифским влиянием. В этой связи стоит вспомнить курган 1, находившийся у селения Каякент и раскопанный А. А. Русовым. Относительно небольшая круглая, несколько расширяющаяся камера в нем (диаметр более 3,50 м) была побелена. В ней лежали три гроба из «не очень толстых дубовых досок» величиной в рост человека. К сожалению, в могильном помещении побывали грабители и кости оказались потревоженными. Снаружи курган был укреплен крепидой из хорошо обработанных каменных плит. С юга в ней устроен вход в гробницу, также обложенный камнями. Неподалеку от входа найдены два удлиненных камня (1,42×0,40×0,40 м и 1,86×0,35×0,40 м). На одном из них замечены выби-

тые параллельные косо расположенные полосы, на другом «видно начертание, которое можно было принять за несовершенное изображение верблюда» (Русов А. А., 1882, с. 612—615, табл. XLVI, 20—22). Наличие крепиды у этого кургана и орнаментированных камней позволяет сближать его с довольно ранними памятниками скифского облика.

Следы одного из поселений скифского времени были выявлены А. А. Кудрявцевым уже в наше время при шурфовке южной части возвышенности, которую занимает цитадель г. Дербента. К скифскому времени им отнесены два нижних слоя. Самый древний из них содержал угли, фрагменты костей животных и керамику. Керамика представлена обломками посуды из темного теста, иногда сохраняющей отпечатки ткани и покрытой грубой наружной обмазкой, а также посудой, облицованной тонким слоем глины молочного цвета. В разных изданиях автор датирует этот слой по-разному: «скифским временем», без уточнения и даже IX—VII вв. до н. э., считая, что тогда уже могли возникнуть первые укрепления. Второй слой лежал на глинобитном полу и содержал меньше керамики с обмазкой за счет увеличения чернолощеной посуды. Дата слоя VI—IV вв. до н. э. (Кудрявцев А. А., 1976, 1982).

В обоих упомянутых слоях А. А. Кудрявцев не указывает каких-либо предметов чисто скифского облика; можно думать, что лишь чернолощеное керамика близка скифоидным формам, тем более что посуда с грубой обмазкой представляется чисто местной, исполненной в традициях эпохи бронзы.

В 1958 г. близ г. Дагестанские Огни возле курганов была найдена каменная антропоморфная стела с приостренным основанием (размеры 0,97×0,33×0,15 м; табл. 113, 15; Исаков М. И., 1966, с. 19, табл. 21, 3). Она высечена из плиты серого известняка. У нее овальной формы голова с едва намеченными глазами, хорошо выделены руки, согнутые в локтях под прямым углом, ниже них намечен широкий пояс — эти черты сближают ее со скифскими изваяниями. Однако отсутствие характерных для них изображений — меча, ритона и других аксессуаров — позволяет усомниться в чисто скифском происхождении стелы (Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1964, с. 164; Петренко В. Г., 1986, с. 173).

В 1967 г. у селения Галайты (бассейн р. Аксай, Чечня) был исследован каменный склеп с материалом V в. до н. э. Стены его облицованы плитами. Одна из них оказалась грубым изваянием усамого воина со сложенными на животе руками и со скифским мечом-акинаком на поясе (табл. 114, 3; Марковин В. И., 1964, с. 87, 88, рис. 25, 8). Несколько позже у того же селения был обнаружен второй могильник, в захоронениях которого найдены еще четыре стелы с изображениями (табл. 114, 2, 6). Они также вторично использовались, будучи облицовкой могил (Багаев М. Х., 1981, с. 128—136, рис. 1—3). Вне комплексов известны еще три находки, близких по манере исполнения. Они происходят из селений Бети-Мохк, Замни-юрт и Мескеты (табл. 114, 1, 4, 5), как и галайтинские, найдены в бассейне р. Аксай, имеющей выход к Прикаспийской низменности (Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1964, с. 158—164, рис. 1, 2). Упомянутые стелы могут быть отнесены к VI в. до н. э. и скорее всего были созданы не непо-

средственно скифами, а местным населением, но, несомненно, знакомым со скифским искусством (Петренко В. Г., 1986, с. 173—175).

Следует остановиться еще на одном памятнике. В западной части хребта Нарра-тубе близ селения Ленинкент (район г. Махачкала) на желтый загар скалы острым орудием нанесены фигуры оленей. Верхние рисунки схематичны, нижние — тонкие, реалистические (табл. 113, 16). Именно нижняя группа оленей по манере исполнения не находит аналогий в чисто местных петроглифах, их абрис близок рисункам VI—V вв. до н. э., возникшим под влиянием скифского искусства (Марковин В. И., 1958, с. 158, 159, рис. 10; Häusler A., 1963).

Таковы основные материалы из степной и приморской частей Дагестана, которые можно связать со скифским временем и возможным влиянием скифов. Очевидно, малое количество бесспорных находок на данном участке Кавказа и дало повод Е. И. Крупнову писать в 1961 г. «не столько о крупных миграционных волнах степняков на Кавказ, сколько о диффузии не только культурных, но и этнических элементов степного населения» (1961а, с. 7). М. Н. Погребова, рассматривая вопрос о путях движения скифов в Переднюю Азию, писала, что «для скифов VII—VI вв. путь из Приднепровья через Прикубанье и даже через Осетию оказывался, несомненно, более предпочтительным, чем предполагаемое ранее чрезвычайно тяжелое и длительное движение через Дагестан» (1981, с. 54). Очевидно, это мнение в определенной степени касается и предгорно-равнинной части Чечни, примыкающей к Дагестану. Здесь материалы данного времени, имея прямое отношение к кобанской культуре, сохраняют лишь слабый налет скифского влияния (см. выше).

В предгорной и горной частях Дагестана мы не знаем пока памятников скифского времени, которые отражали бы скифское влияние. Исключение составляют лишь наскальные изображения, обнаруженные В. М. Котович близ селения Верхнее Лабко-Махи. Здесь среди разновременных рисунков ею выделен «пласт» графики, выполненной в зверином стиле (табл. 113, 17). Это изображения «стремительно движущихся оленей и ланей» (Котович В. М., 1969, с. 93—95). Можно надеяться, что подобные древности еще будут обнаружены. Все же известные сейчас памятники горной зоны показывают в основном вполне самостоятельный, чисто местный путь возникновения и развития культуры. Остановимся на некоторых наиболее показательных памятниках.

Среди бытовых объектов скифского времени в Прикаспии наиболее полно изучено городище Таргу, расположенное в долине р. Гамри-озень, между селениями Алхаджикент и Мамма-аул. Городище занимало отрог предгорного хребта. Основное ядро поселка возникло в VII—IV вв. до н. э. Оно располагалось на верхней наиболее возвышенной части горы, ограниченной в виде трех ступеней выходами известковых скал. Верхняя площадка сохранила развалы построек и «небольшие прямоугольные люки и лазы, ведущие в подземные камеры-хранилища типа погребов». Несмотря на хорошую естественную защищенность, здесь были обнаружены остатки каменных оборонительных стен толщиной до 1,5 м, сохранивших довольно регулярную кладку. Некото-

рые части их могут быть отнесены к VII—IV вв. до н. э. Археологический материал, относящийся к этому времени, не очень выразителен — это обломки сосудов корчагообразной и баночной форм. Авторы пишут еще о фрагментах «чернолакошечных сосудов (V—IV вв. до н. э.), возможно, греческого импорта» (Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М., 1983, с. 57—60, 64—66, 77). Вероятно, здесь говорится о чернолаковой посуде, но и тогда речь может идти не о непосредственных связях с черноморскими греческими факториями или с материковой Грецией, а о связях с переднеазиатским миром или, что еще вернее, с отдельными скифскими племенами, которые могли занести в Дагестан предметы греческого происхождения. Однако вопрос еще требует изучения.

Большой интерес представляет поселение в горной части Дагестана у аула Аркас. Оно занимает труднодоступное плато, находящееся на высоте 1650 м. Наиболее уязвимое место его — узкий проход между хребтом — было укреплено двумя земляными валами. Одна из хорошо сохранившихся жилых построек поселения сложена на каменном фундаменте, хотя стены ее, как предполагает М. И. Пикуль, «были сооружены в виде плетня и обмазаны с внешней и внутренней сторон глиной». Площадь пола (25 кв. м) вымощена валунами в два ряда и покрыта сверху желтоватым суглинком. К стене, вероятно, напротив входа пристроен очаг с краями, обмазанными глиной. Возле него и по всему помещению, как и на других участках поселения, обнаружен интересный инвентарь. Прежде всего следует подчеркнуть архаичность определенной его части, относящейся к эпохе бронзы. Таковы кремневые наконечники стрел с выемкой в основании, которые для VII в. до н. э. представляются уже раритетом, бусины рубленого типа (цилиндрики сердолика сургучного цвета с грубо сколотыми плоскостями) — ожерелья из них были особенно модными в предыдущие эпохи. Но наряду с упомянутыми предметами здесь же найдены железные наконечники стрел треугольной формы с небольшим черешком, ножи с горбатой спинкой (заклепками они крепились к рукояти), обломок железного серпа и другие вещи. Среди украшений надо отметить стеклянные бусы, выполненные в сложной многоцветной узорчатой технике (с глазками, полосами, простеньким орнаментом). Такие бусы будут делать и позже, вплоть до средневековья, лишь усложняя их декоративную красочность. Чисто кавказскими формами предметов являются бронзовые и железные булавки, которыми скреплялась одежда или прическа. Таковы удлиненные стрижни с отверстием в навершиях и одна булавка, верхняя часть которой представляет собой головки двух животных, смотрящих в разные стороны. Эта булавка находит аналогий среди близких бронзовых предметов кобанской культуры (селения Кобань, Сержень-юрт и др.). Интересен также бронзовый четырехспиральный крюк от пояса. Он находит параллели в древностях Кавказа. Наконец, можно назвать глиняные скульптурки животных (табл. 112, 34). Несколько позже, чем на Аркасе, такие фигурки были найдены на поселении кобанской культуры Сержень-юрт в Чечне. Можно, пожалуй, назвать только один предмет скифского облика — бронзовую бляшку в виде ощерившейся

головки животного (табл. 112, 27). Она явно не местного происхождения. Имея отношение к уздечному набору, такие предметы находят некоторые аналогии среди скифских древностей VI—IV вв. до н. э. (Пикуль М. И., 1967, с. 57—70).

Керамика из Аркаса сильно фрагментирована. Она лепная, красновато-серых тонов. Поверхность ее сглажена, но осталась неровной, лощению подверглись только венчики и незначительная часть у дна. Все типы сосудов, выделенные М. И. Пикуль (горшки грушевидной формы, баночные сосуды и сосуды с широким устьем), орнаментированы налепным валиком, который располагается «вдоль края венчика или по низу шейки». По валику идут углубления, вмятины, защиты, иногда «семечковидные» насечки (табл. 112, 21, 22). Реже встречается декор в виде косых параллельных линий и «вписанных» углов (табл. 112, 16; Пикуль М. И., 1967, с. 73—75). В этой керамике заметны черты, свойственные каякентско-хорочевской культуре эпохи бронзы, а также некоторые особенности посуды скифского времени (валики у устья посуды, угловой узор и проч.), которые мы бы назвали эпохальными, характерными для VII—IV вв. до н. э. на широкой территории Евразии. Вместе с тем находка на Аркасе фибулы, изготовленной, по К. А. Амброзу, по «раннелатенской схеме» (табл. 112, 26), указывает, что данное поселение может содержать и трудно выделяемые материалы сарматского времени (III в. до н. э. и позже).

Из других менее значительных бытовых памятников остановимся на поселении, расположенном у селения Мака в южной части Дагестана. Занимая небольшую покатость у долины р. Самур, оно не было укреплено. На его территории М. И. Пикуль вскрыла остатки жилого дома, длина одной из стен которого превышала 2,5 м. Фундамент был «сложен насухо из плоских, грубо обработанных плит», положенных в три—пять ярусов, а стены воздвигнуты на глиняном растворе из более мелких камней и валунов. Автор раскопок полагает, что перекрытие дома могло быть деревянным («полукруглые плахи»), покрытым сверху соломой (Пикуль М. И., 1967, с. 79—81, рис. 20, 21). Такая реконструкция кровли постройки несколько удивляет, так как дагестанцы никогда не пользовались соломой для покрытия крыши. Одно из помещений судя по находкам костей, керамики и каменных орудий могло иметь хозяйственное назначение. Пол его был обмазан глиной. В доме имелась печь с двумя отделениями — топочным и специально предназначенным для приготовления пищи. В печь вдавалась небольшая ниша, которая могла служить духовкой. В дальнейшем все здание было перестроено, на месте печи возник очаг открытого типа и т. д. В жилище обнаружены кости коров, овец, осла, крупной собаки и некоторых диких животных (олень, кабан, дикая коза, заяц, барсук). Орудия труда представлены каменными зернотерками и пестами.

Дату этого поселения — VI—V вв. до н. э. М. И. Пикуль определяет на основе керамических находок: обломков крупных толстостенных сосудов и более мелкой посуды разных форм — баночных, с отогнутыми венчиком и проч. Для нее характерны жгутовые налепы по краю с косыми насечками или вмятинами в виде лунок и т. д. Особую группу

керамики составляют обломки ангобированной и лощеной посуды, некоторые из них имеют водосливный носик. Ее декор аналогичен предыдущим группам (табл. 112, 15, 23, 24). Интересно, что среди макинских фрагментов, как и в Аркасе, встречаются образцы керамики, покрытые грубой обмазкой (Пикуль М. И., 1967, с. 83—88, рис. 22, 23).

Помимо описанных памятников, можно упомянуть серию поселений, бытовавших в скифское время. Они расположены в разных частях Дагестана: у селения Бавтугай, Уллубий-аул (Урцекское и Шам-Шахарское городища), Цыйша, Ашага-стал и др. (Давудов О. М., 1974, с. 41—44). Поселения скифского периода можно рассматривать, как считает В. Г. Котович, в качестве «формирующихся городских центров». Основанием для такого вывода служит «активное развитие» в них отдельных отраслей ремесленного производства: металлообработки, гончарства и проч. (Котович В. Г., 1980, с. 85). Этот вывод сейчас поддерживает А. А. Кудрявцев, изучающий историю г. Дербента (1983, с. 83—86).

Материалы, полученные при исследовании поселения, могут быть дополнены данными могильников, обнаруженных возле Урцекского городища, селений Карабудахкент, Цыйша, Ругуджа (Хабдинский могильник), Берикей, Мака, Карата, Мугерган, у совхоза Герейханова (Шаракунский могильник) и в других местах. Все они представляют собой грунтовые некрополи, которые ныне почти не имеют внешних признаков. В Карабудахкентском могильнике 2 (у горы Гумбет-тау) скорченные костяки, лежащие на боку, головой на восток и запад, ничем не были отмечены. Бедный инвентарь могильника состоит из биконических сосудов, каменного пряслица и сердоликовых бусин и находит аналогии в известных могильниках Северной Осетии (Моздок) и Чечено-Ингушетии (Исти-су, Урус-Мартан и др.), что позволяет датировать его скифским временем (Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1958, с. 170—173, рис. 9, 10). Еще более архаичен, пожалуй, инвентарь Мугерганского могильника. В нем наряду с посудой баночных форм, покрытой грубой обмазкой (она близка каякентско-хорочевской керамике), найдены сосуды с узкими горловинами, которые имеют носики для слива (Пикуль М. И., 1967, с. 31; Давудов О. М., 1974, с. 59 сл., табл. X, 15—26). Один из таких кувшинов декорирован тонкими змейками, ползущими вверх, к горлу (табл. 112, 8) — мотив, излюбленный в эпоху бронзы и раннего железа. Среди металлических изделий этого же могильника встречаются прорезные бляшки и булабочки с раскованными и свернутыми в трубочку навершиями (табл. 112, 29, 30), несколько напоминающие кобанские украшения (я бы назвал их общекавказскими).

Погребения в ряде дагестанских памятников были совершены в скорченном положении, но в селении Берикей находились в каменных ящиках (Давудов О. М., 1978, с. 128, 129; Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В., 1978, с. 136—138), а в Мугергане, как и в Карабудахкенте, — в ямах, заваленных камнями. Некоторые могилы окружены кромлехами овальной и круглой форм — черта, опять-таки очень характерная для Кавказа. Мугерганский могильник М. И. Пикуль относил к IX—VIII вв. до н. э. (1967, с. 31). Представляется более верной датировка

его наиболее поздних комплексов серединой VII в. до н. э., предложенная О. М. Давудовым (1974, с. 101). В еще одном, Макинском, могильнике при скорченных костях были найдены кувшинообразные сосуды и горшки, керамические пряслица и глазчатые бусы. Среди металлических изделий следует отметить бронзовые литые ножны с остатками кинжала. Они украшены вытянутыми треугольниками и пояском спиралей (табл. 115, 12) — орнаментом, характерным для бронзовых изделий VII—IV вв. до н. э. (Котович В. Г., 1959, с. 139—145, табл. VII, VIII).

Еще более чистые материалы интересующего нас времени дал Хабдинский могильник. Обнаруженные в нем грунтовые погребения располагались рядами, лишь отдельные из них были отмечены каменной глыбой или валунами. Умершие лежали на спине, ноги были согнуты в коленях. Особенностью могильника является наличие отдельных конских захоронений, которые сопровождают мужское и даже, как считает М. И. Пикуль, одно женское захоронение. Инвентарь этого могильника содержал железные втульчатые наконечники стрел, которые можно отнести по классификации К. Ф. Смирнова к IV в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961б, с. 131, рис. 29). Однако в целом Хабдинский могильник содержит материалы как более ранние, так и более поздние (VI—III вв. до н. э.), показывая определенную эволюцию местной материальной культуры (табл. 112, 28, 37, 40). Он, как и другие могильники (Шаракунский, Акярский у селения Башликент, Яман-су у селения Шушия), характеризует самостоятельное развитие местных племен почти вне скифо-сарматского влияния (Пикуль М. И., 1961, с. 135—166; 1967, с. 34—46; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 153—173, 181, 182; Давудов О. М., 1974, с. 54—58, 146—166).

Влияние пришлых кочевников скорее всего можно увидеть в одном факте — появлении особых конских захоронений рядом с людскими могилами. Нет оснований утверждать, что это местная черта, которая сложилась «довольно рано» и «к VI в. до н. э. погребение лошади на территории Дагестана стало уже традицией» (Пикуль М. И., 1961, с. 160; 1967, с. 104). Это неверно. Таких традиций не было ни в скифо-сарматское время, ни позже. Конские захоронения никогда в пределах Дагестана широкого распространения не получали. Данный факт не исключает того, что предки дагестанцев издавна пользовались конем для верховой езды. Кстати, можно заметить, что для еды конское мясо почти не употребляли (Золотов К. Н., 1961, с. 290).

Мы не будем детально останавливаться на описании археологического материала поселений и могильников изучаемого времени. Это сделано О. М. Давудовым для комплекса памятников предшествующего времени (I этап — «переходный от эпохи бронзы к эпохе раннего железа») и описываемого нами (II этап — «широкого распространения железа»). Им же предложено название «мугерганская культура». Суммарно она датируется IX—IV вв. до н. э. (Давудов О. М., 1974, с. 105—110). Однако еще не все сделано для полного ее обоснования: детально не описаны чисто местные черты в проявлении данной культуры, не отделены те закавказские мате-

риалы (с территории Грузии и Азербайджана), которые в порядке межплеменных контактов попали в среду древнего дагестанского населения. Но сам факт, что скифское влияние не играло «существенной роли в культуре и жизни местных племен», доказан О. М. Давудовым достаточно обоснованно (1974, с. 95—109).

Для горной части Дагестана и юго-восточной Чечни характерны находки бронзовых статуэток (табл. 114, 7, 12; 115, 1—3, 5). Это реалистические и стилизованные фигурки людей и животных (козлов, быков, коней). Пластику, изображающую людей, трудно как-либо сгруппировать. Здесь и серия несколько утрированных по пропорциям фигур в позе моления (адорации), более реалистические — с распростертыми руками, статуэтки в «позе объятия» и с руками на поясе («фертообразные фигуры» — в виде буквы Ф.). Среди них выделяются изображения воинов и всадниц — обнаженных «амазонок». Подобная скульптура найдена у селений Карата, Кидеро, Асахо, Инхо, Ретло, Хупро, Гагатль, Гидатли, Анди, Кубачи, Арчо, Согратль, Зибир-кала, Хосрех, Урада и в других местах Дагестана. Истинным шедевром является женское изображение, происходящее с вершины горы Хурцы-Гааль близ селения Согратль. Несмотря на грубость литья, мастер, не впадая в утрировку, сумел передать пропорции и формы молодого обнаженного тела. В ушах статуэтки сделаны дырочки, сквозь которые некогда были продеты сережки, возможно, из благородного металла (табл. 115, 1). Известны фигуры с поясами, ножными и ручными браслетами. Статуэтка воина, обнаруженная в Дагестане, изображает бородатого человека в одежде в виде балахона, он вооружен акинаком, к поясу привязан трофей — отрубленная голова врага (табл. 115, 5). Не менее интересны образцы пластики из юго-восточной Чечни. Таковы «побратимы» — парная статуэтка, найденная у селения Шали (табл. 114, 7), мужская фигура в шлеме, завершенном «петушиным гребнем» (из Аргунского ущелья), и фигура воина или охотника, облаченного в приталенную одежду, с головой тура за плечами из Ичкерии (табл. 114, 12; Виноградов В. Б., 1972, с. 214, 281, 282, рис. 37, 48, 67). Подобной миниатюрной скульптуре часто сопутствуют изображения животных — козлов, коней (жеребят), туров и др.

Вполне возможно, что вся пластика происходит из святилищ. Так, А. П. Круглов на вершине горы Берак у селения Арчо обнаружил культовое место. Оно занимало наибольшую площадку с каким-то каменным сооружением и было насыщено углем. Здесь находились три бронзовые человеческие фигуры, статуэтка козла, железные склепанные навершия в виде трезубцев, точильный камень и железный черешковый наконечник стрелы (табл. 113, 5, 13, 14). Второе святилище он обнаружил у селения Согратль, откуда происходит описанная выше женская фигура. У селения Гергебиль на горе Зуберха Д. Н. Анучин нашел много бронзовой пластики в сопровождении остатков принесенных в жертву домашних животных (Круглов А. П., 1946, с. 32—35). Подобное святилище на горе Кадилашан (между селениями Ретло и Чаляхо) изучал И. В. Мегрелидзе. Совсем недавно у селения Хосрех обнаружил интересное святилище О. М. Давудов: квадратное в плане каменное соору-

жение (8×8 м), внутри которого выложен круг с алтарем из каменного блока. Это был своеобразный храм, в котором приносили в жертву домашних животных. В святилище найдены бронзовые статуэтки двух мужчин, стоящих рядом, быка, оленя и масса других изделий (Давудов О. М., 1983, с. 43 сл.).

Пластика из святилищ Дагестана довольно единодушно датируется учеными VII—V вв. до н. э. с некоторыми колебаниями в древность. Она служила предметом поклонения и была связана с культами плодородия и изобилия. Все стороны таких верований нам еще неясны. И не следует думать, что они характерны только для Дагестана. Подобная скульптура найдена во многих районах Кавказа, а за его пределами — в странах Передней Азии и Средиземноморья. Население этого обширного региона, по видимому, обладало едиными или близкими верованиями. Некоторые чисто художественные черты пластики в каждой отдельной области (Дагестан, Грузия, Армянское нагорье и т. д.) свидетельствуют об особенностях местного мастерства (Марковин В. И., 1986, с. 110—117).

В связи с пластикой здесь следует вспомнить отдельные находки из могильника у селения Бежта (Дагестан), который принято датировать VIII—X вв. н. э. Однако это не однослойный памятник, а по крайней мере двуслойный, причем благодаря сползанию слоев инвентарь скифского времени перемешался со средневековым (Атаев Д. М., 1963, с. 111). Действительно, среди явно средневековых предметов оказались трехгранные черешковые наконечники стрел, и стрелы с сильно опущенными шипами — «урартского» типа, и литые прорезные бронзовые бляхи. На них изображены в зооморфном стиле умирающие кони (они падают на колени), медвежьи головы и проч. (табл. 115, 6, 13). Помимо того, здесь найдены скульптурные головки быков, овец и медведей в виде подвесок и фигуры козла и лани (?) (Атаев Д. М., 1962, с. 148—156; 1963, с. 124—168, рис. 15, 21, 26). Упомянутые пряжки стали называть бежтинскими. Неожиданность их облика для средневековья привела к возникновению теории о том, что «влияние кобанского, ближневосточного и скифо-сибирского в широком смысле слова культурных очагов» в дагестанском искусстве (в том числе в пряжках бежтинского типа) «доживает до X—XII, а порою даже до XV в.». Этот факт объясняется «консервативностью быта и религиозных воззрений племен отдельных районов Дагестана» (Давудов О. М., 1972, с. 24).

Столь длительное — на протяжении столетий — сохранение стиля в довольно чистом виде вряд ли можно объяснить бытовыми условиями. Почему тогда на тех же пряжках нет геометрического узора, концентрических кругов и прочих элементов декора, очень характерного для браслетов, перстней и других изделий из того же могильника, средневековый возраст которых не вызывает сомнений? Все это, как и сравнение с материалами кобанской культуры, предметами скифского звериного стиля, сибирскими ажурными пряжками и другими изделиями, позволяет и ряд бежтинских находок считать относящимися к скифо-сарматскому времени. Скорее всего, эти предметы синхронны упоминавшимся статуэткам.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что

в северо-восточной части Кавказа у местных поселян в скифское время бытовало свое художественное мировосприятие. Памятники искусства, оставленные ими, отмечены лишь незначительным налетом внешних влияний. Мир образов горских мастеров VII—V вв. был весьма своеобразным: он конкретен и не завуалирован орнаментом. Художники прекрасно ощущали боль и радость, их зоркий глаз умело подмечал в живой природе наиболее характерные черты. В искусстве древних племен превалирует реалистический подход к изображаемым объектам. Здесь нет заполнения тела крупного зверя фигурами других животных или их частями, иначе говоря, отсутствуют черты, которые К. Ф. Смирнов (1972а, с. 11) считал характерными для савроматского мастерства и которые хорошо известны в скифском искусстве.

Савроматы судя по известным сейчас памятникам не заходили в пределы Дагестана. Археологические материалы, найденные здесь, свидетельствуют о продвижении лишь более поздних сарматских племен по Прикаспийской низменности (находки в Южносухокумске, Карагасе, Темиргое, Алмало и других пунктах). С их перемещениями в Дагестан могли попасть и обломки античной керамики (найденны у горы Сары-кум близ станции Кумторкала) (Марковин В. И., 1984, с. 181, 182). Эти единичные находки, датируемые не ранее I в. до н. э., являются неоспоримыми документами широкого движения сарматских племен в глубины Северного Кавказа и, в частности, Дагестана. Недаром К. Ф. Смирнов I в. до н. э. назвал «веком сарматского триумфа» (1950а, с. 106). В последующие два-три века их распространение по Кавказу еще более усилилось (Виноградов В. Б., 1963, с. 71—87).

В Дагестане большие и интересные комплексы I в. до н. э. — III в. н. э. были обнаружены близ селения Тарки, в предгорной части Прикаспия, где низменность близко подступает к передовым хребтам Дагестана (Крупнов Е. И., 1951, с. 223—225; Смирнов К. Ф., 1951, с. 268). Близость ритуала исследованных здесь погребений и инвентаря к материалам, связанным с аорсами — одним из мощных сарматских объединений, которое, по Страбону, занимало «обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (XI, V, 8, с. 480), позволила К. Ф. Смирнову считать, что Таркинский могильник оставило «смешанное население», т. е. осарматизированные аборигены (1950б, с. 118). Конфедерация аорсов с юга граничила с Кавказской Албанией, занимавшей территорию Азербайджана и южную часть Дагестана. В более западных районах жили местные горцы, которые, по Страбону, назывались «витиями» (XI, VI, 1, с. 481), по Плинию Старшему (I в. н. э.) — «удинами», «удами» (VI, 38). Это обстоятельство позволило К. Ф. Смирнову считать, что смешение удинов и аорсов привело к появлению утидорсов, упоминаемых опять-таки Плинием. «В самом названии этого племени, очевидно, отразилось слияние двух живущих в непосредственном соседстве удинов — витиев и аорсов» (Смирнов К. Ф., 1951, с. 271). Однако удины, населяющие и сейчас отдельные районы Азербайджана и Грузии, в культурном отношении близки не дагестанцам, а азербайджанцам (Народы Кавказа, II, с. 195—198). Аорсам, вероятно, менее всего приходилось иметь

дело с удилами, которые жили в рассматриваемое время в основном на территории Кавказской Албании, а больше с каспиями — жителями приморья и предгорий. Страбон пишет, что при его жизни о каспиях уже говорили, как об исчезнувшем племени (XI, II, 15; IV, 5, с. 472, 476). Может быть, данный факт как раз и следует связывать с проникновением каспиев, которые в понимании древних авторов ассоциировались с удилами.

Однако вернемся к материалам Таркинского могильника. Здесь были обнаружены вытянутые костяки, лежавшие на спине в грунтовых ямах, которые расширялись к голове. Руки умерших находились на тазовых костях или на бедрах. В могилах отмечены посылки мелом и угольки (табл. 113, 3, 4). Сопровождавший могилы инвентарь еще более подчеркивает даже в деталях сарматский характер культуры. Так, в могиле 27 лежал обломок меча (табл. 113, 4). Замена оружия его «символом» присуща погребальному обряду сарматов. Весь найденный инвентарь можно разделить на две группы: характерный для сарматской культуры и кавказского облика. Предметы первой группы преобладают. Это железные трехлопастные наконечники стрел (древки их были окрашены красной краской), ножи серповидной формы, бронзовые зеркала с ушком, фибулы, арбалетные и с подвезным приемником, удлиненные подвесные каменные оселки, алебастровые пряслица, шаровидной и дисковидной форм (табл. 116, 17, 25—28). К данной группе можно отнести миски с лощеной поверхностью и с загнутым внутрь краем (диаметр их до 33 см), кувшины с шаровидным туловом и небольшой стилизованной зооморфной ручкой, кувшин со сливом, округлой формы кубки с ленточной ручкой и др. Вторая группа находок содержит мелкие костяные наконечники стрел с внутренней втулкой трехгранных и четырехгранных в сечении форм (табл. 113, 11, 12), височные подвески в полтора оборота общекавказского типа (табл. 116, 30), глиняные чаши округлых форм с сильно отвернутым краем и выпуклостью в центре корпуса (табл. 116, 18). Одна из них имела полый поддон и служила погремушкой. Чаши напоминают чеканные металлические, очень характерные для Ирана ахеменидского времени, и те, что еще недавно в Дагестане использовали для гаданий. В Таркинском могильнике была найдена также керамика, близкая по форме посуде ялойлу-тепинской культуры. Это крутобокий сосуд с косо срезанным устьем (типа аска), кубок с эллипсоидным туловом и поперечной ручкой, шаровидные сосуды с коническим поддоном и устьем в виде приостренного раструба (табл. 116, 19) и др. (Крупнов Е. И., 1951, с. 222—225, рис. 8, 9, 11; Смирнов К. Ф., 1951, с. 257—271, рис. 17—23). Такая керамика по сути дела характерна для мастерства Кавказской Албании, соседствующей с аорским объединением (Рзаев Н. И., 1976, с. 54—60, рис. 43 сл.). Однако упомянутые здесь сосуды декорированы широким сарматским угловатым узором, а не налезным витиеватым албанским орнаментом. Таким образом, уже Таркинский могильник позволяет проследить довольно сложные пути взаимодействия местного и пришлого населения.

Еще более смешанный материал получен из двух могильников у селения Карабудахкент. Расположе-

ны они в предгорьях, за передовыми хребтами, отделяющими эту территорию от приморской низменности. Здесь одновременно сочеталось несколько заупокойных обрядов: в вытянутом, скорченном и сидячем положении погребенных, а также вторичные захоронения и захоронения отдельных черепов. Группы могил с разным ритуалом могли иметь, по К. Ф. Смирнову, семейно-родовой характер. Однако главными среди всех этих типов погребений являлись могилы с вторичными захоронениями отдельных костей после разложения тела на открытом воздухе. Такой обряд очень характерен для дагестанских памятников и прослеживается с эпохи бронзы (Гоно, Гинчи и др.). Кости ранее умерших отодвигались в сторону для последующих захоронений. Похороны отдельных черепов — это своеобразный, чисто местный вариант вторичных захоронений. Обряд «сидячих костяков» также связан с предшествующим временем — каякентско-хорочоевской культурой. Интересно, что отдельные могилы были отмечены скелетами жертвенных лошадей или их черепов. Многие могилы Карабудахкента 1 и 3 представляют собой грунтовые ямы, но наряду с ними встречены каменный ящик и своеобразные каменные ограды, отделявшие отдельные захоронения. Умершие лежали не только на спине вытянуто (сарматская черта), но и скорченно, на боку (местная традиция). Могилы в виде ям с округлыми углами и с вытянутыми костяками К. Ф. Смирнов отождествляет с таркинскими. В них он усматривает более всего сарматских черт. В целом оба могильника (Карабудахкент 1 и 3) датируются им II—I вв. до н. э.—I—III вв. н. э. Найденные предметы, как и в первом случае, можно разделить на две группы: сарматского характера и местного облика. Первая группа вещей мало чем отличается от упомянутых для Тарков (табл. 116, 6, 11, 20, 23). Вторая группа представлена разнообразнее: костяные стрелы, бронзовые булавки в виде ложечки, подвески в виде дуги с разомкнутыми концами, височные подвески в полтора оборота, подвески-бубенчики (табл. 116, 1, 5, 14, 15, 21, 22), но главное — керамика. Здесь найдены не только чаши, изготовленные в подражание металлическим, но и кувшины с особыми носиками для слива («кумганы»), миски с отогнутым и орнаментально обрезанным краем и проч. (табл. 116, 2, 7, 16). Некоторые из сосудов имеют даже средневековые формы. Весь материал К. Ф. Смирнов называет албано-сарматским, подчеркивая его смешанный характер (1961в, с. 195—210, 217—219). К этой группе могильников можно отнести Новолакский склеп, некрополи у речки Кол-чай и селения Ленинкент и др. (Пикуль М. И., 1967, с. 133—147). Влияние сарматской культуры на дагестанские племена М. И. Пикуль объясняла союзническими албано-сарматскими отношениями, которые помогали сохранению «самостоятельности горных племен Дагестана», а также некоторой подчиненностью «сарматской конфедерации племен» (1967, с. 117). Однако не все археологи одинаково оценивают находки вещей сарматского облика. Так, Д. М. Атаев пишет, что сарматское влияние «совершенно отсутствует в памятниках первых веков нашей эры», примером чего, по его мнению, являются Карабудахкентские могильники и др. (История Дагестана, 1967, I, с. 108). Это

совершенно неверно. Важно отметить находку типично сарматской тамги первых веков нашей эры на скале у селения Уйташ (немного юго-восточнее селения Тарки; табл. 113, 2). Под этой скалой была найдена керамика сарматоидного облика (Марковин В. И., 1970, с. 95—98; 1984, с. 182, рис. 2). Редким предметом, происходящим скорее всего из предгорно-степной части Дагестана, является стеклянный кубок, датируемый I в. до н. э. (табл. 116, 3). Будучи ритуальным сосудом — принадлежностью жреца, он украшался золотыми подвесками и поясками. В Дагестан этот предмет мог попасть вместе с потоком аорсов. К. Ф. Смирнов происхождение подобных кубков связывает с синдо-меотским миром Прикубанья (Смирнов К. Ф., 1953, с. 17—26, 40—42).

Памятники сарматского времени юго-восточной Чечни по особенностям погребального обряда близки дагестанским. В этом их отличие от древностей того же времени, но более западных предгорно-степных районов Чечено-Ингушетии. На территории юго-востока, особенно в раннесарматский период (III—I вв. до н. э.), наблюдается характерная для дагестанских памятников пестрота погребального обряда. Помимо скорченных, вытянутых на спине и лежавших на спине с подогнутыми ногами костяков, здесь найдены расчлененные и вторичные погребения, а также погребения отдельных черепов. Таковы, к примеру, отдельные захоронения, обнаруженные на могильнике Галайты 2 (Багаев М. Х., 1979, с. 29).

Ряд местных могильников (Яман-су, Балан-су, Ножай-юрт, Лехкч-Корт, Аллерой и др.) возникли еще в скифский период. Однако они использовались и в более позднее время, что позволило полнее изучить погребальный ритуал. В III—I вв. до н. э., сохраняя определенную, очевидно, традиционную преемственность с предыдущим временем (в этом смысле характерен факт устройства некрополей на одном и том же месте в течение многих столетий), изменяется обряд захоронений. Наряду с каменными ящиками начинают появляться могильные сооружения в виде удлиненных ям, умерших часто укладывают в вытянутом положении (кисти рук иногда покоятся на тазовых костях), преобладают южные ориентировки, сменяясь на более вольные (Виноградов В. Б., 1963, с. 61; Петренко В. А., 1979, с. 28, 29). В первых веках нашей эры все эти особенности ритуала лишь усиливаются: преобладают вытянутые труположения, реже можно видеть коллективные могилы. Умершему клали напутственную пищу. Она встречается в виде костей от тушки животного, положенной в миску (Петренко В. А., 1979, с. 29, 30). Среди погребальных сооружений этого времени (каменных ящиков, грунтовых ям и ям, обложенных камнями) выделяется склеп, обнаруженный у чеченского селения Байтарки. Он был сложен насухо из плит желтого песчаника. Их четыре ряда перекрыты массивными плитами. Это сооружение длиной 1,65 м, шириной 0,90 м, высотой 0,65 м было углублено в почву на 0,35—0,40 м. По сохранившемуся инвентарю (керамика, железная пряжка с подвижным язычком, железные шило, нож и кинжал) данное сооружение можно датировать временем не ранее III в. н. э. (Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1969, с. 53—55). Интересно, что в этой могиле, со-

храняющей черты эпохи бронзы, находились два погребенных, лежавших в скорченном положении. Это тоже дань старым традициям, идущим еще от времени бытования каякентско-хорочоевской культуры.

Наиболее близки склепу из селения Байтарки орудия, обнаруженные М. И. Пикуль в упоминавшемся уже могильнике у селения Новолакское. Один из местных хорошо сохранившихся склепов имел даже входное отверстие и обмазанное глиной дно. В нем было погребено пять человек. Инвентарь его датируется I—II вв. н. э. (Пикуль М. И., 1967, с. 133—142). Вполне возможно, что район Байтарки—Новолакское, охватывающий среднее течение р. Ярык-су, был населен племенами, наиболее стойко удерживавшими традиционную горскую культуру.

Инвентарь памятников сарматского времени юго-восточной Чечни близок предметам, происходящим из Дагестана. Так, в керамике первых веков нашей эры еще сохраняются отголоски старых традиций, идущих от времени бытования каякентско-хорочоевской культуры. Это круглобокие сосуды с широко раскрытым устьем-раструбом, мелкие чашки, украшенные налепным валиком и массивными кольцевидными ручками или ручками в виде выступов (табл. 114, 8, 15). Рядом с подобной посудой можно видеть керамику новых форм — миски с загнутым внутрь краем и чашки на высоких полых ножках. Поверхность у них черного, серого или серо-коричневого цветов, глина содержит примеси толченых раковин, песка и шамота. Встречаются и сероглиняные кувшины с орнаментом из парных или тройных горизонтальных каннелюр. Такой декор располагается на горле сосудов или по верхней части тулова (табл. 114, 14, 17—19). Именно эту керамику закономерно связывать с процессом сарматизации местного населения.

Иногда встречаются кувшины с носиком для слива (табл. 114, 10). Такие кумганы находят близкие аналогии в Дагестане, и возникли они под культурным влиянием Кавказской Албании. С первых веков нашей эры получают распространение зооморфные ручки (табл. 114, 9), которые затем широко расходятся по всему северо-восточному Кавказу и бытуют вплоть до позднего средневековья. Остальной инвентарь — изделия из цветного металла, железа, кости и проч. — мало чем отличается от описанного для памятников Дагестана (Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 176; 1969, с. 50—52; Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1974, с. 171 сл.).

Движение сарматских племен от равнинных степей к горам, как видим, хорошо устанавливается по археологическим материалам. И если для районов, омываемых средним течением Терека, это, как считают некоторые археологи, были сираки — наследники савроматской культуры, то с I в. н. э. их, по видимому, сменяют аорсы, движение которых по Терско-Сунженскому междуречью (Виноградов В. Б., 1963, с. 148—151, 161, 175; Петренко В. А., 1980, с. 18) и вдоль Каспийского побережья хорошо документируют, как уже говорилось, древности Дагестана. Здесь вполне уместно снова вспомнить уникальное городище Таргу — памятник широкой связи населения предгорий Дагестана с внешним миром.

На всхолмлении цитадели Таргу были обнаружены остатки каменной постройки начала I тысячелетия н. э. «В интерьере этой постройки ... по длинной оси попарно располагались несколькими рядами барабанообразные каменные базы колонн». Четыре из них каннелированные и одна «подквадратная со стесанными углами» (Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М., 1983, с. 78—80, рис. 14). По-видимому, из горизонта, синхронного данным уникальным находкам, происходят сосуды тюльпанообразной и полукруглой форм на трех ножках — они близки албанской (ялойлу-тепинской) керамике. Авторы раскопок вполне законно говорят «о контактах между населением Кавказской Албании и Северного Причерноморья».

Возникает естественный вопрос: каким путем они осуществлялись? С севера через посредство сарматского населения или с юга через территорию Азербайджана? В любом случае эти колонны явно привнесены в культуру Дагестана, что полностью опровергает тезис об изолированном от внешних влияний развитии местных племен. Об этом же свидетельствуют и раскопки городища Урцеки с развитой планировкой и сложной системой фортификации. Находки селевкидских монет у совхоза им. Герейханова (Касумкентский р-н) подтверждают возможность раннего проникновения элементов античности на территорию Дагестана. Однако об античном периоде в истории края пока говорить не приходится. Непосредственных контактов с миром античности у местного населения не было. Новейшие раскопки лишь все более и более подтверждают контакты как с миром сарматских племен, так и с албанским населением приморских земель. Приведем несколько примеров. Городище, исследованное у селения Нижнее Чугли (Левашинский р-н), расположенное на скальных выходах, было огорожено с наиболее уязвимой стороны двумя параллельно идущими массивными стенами. Небольшие раскопки, проведенные на нем, позволили вскрыть остатки стены. Нижний слой, датируемый последними веками I тысячелетия до н. э.—IV в. н. э., дал солидную коллекцию керамики, в том числе покрытую красным и белым ангобом и лощеную. Вариации ее форм и декора находят аналогии среди посуды Таркинского и Карабудахкентских могильников. Особенно характерны миски с загнутым внутрь краем, хорошо известные по сарматским памятникам (Абакаров А. И., Гаджиев М. Г., 1980, с. 94—98).

Другое более позднее городище у селения Охли (того же района) также занимает гребень горы, ограниченный глубоким оврагом и отвесными скалами. С более доступных сторон оно было ограждено не только тремя валами и рвами, но и стеной с башней. Одно из раскопанных помещений, вероятно, принадлежало бане с тремя ваннами, «стенки которых образованы вертикально поставленными плитами» и кладкой из мелких камней. Пол помещения выстлан плитами. В нем найдены «каменные базы от подпорных столбов».

На городище обнаружены костяные и железные наконечники стрел, ангобированная керамика и проч. Датируется оно начиная с III—IV вв. н. э. (Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., 1973, с. 116, 117). Эти городища расположены в труднодоступной на-

горной части Дагестана. Но и здесь местное население пользовалось, как видно, всеми достижениями эпохи, о чем свидетельствуют могильники. Так, у селения Сумбатль (Кулинский р-н) были обнаружены грунтовые могилы и каменная гробница с вытянутыми костяками. Возле умерших лежали обломки железных мечей с кольцевидным навершием, железные ножи, бронзовая фибула с полусферическим щитком и другие материалы, которые указывают на сарматское влияние, проникавшее даже в такие очень далекие от Приморья регионы Дагестана (Давудов О. М., 1971, с. 126, 127).

Больше всего мы говорили о сарматском влиянии. Однако к III в. н. э. внутри сарматской конфедерации уже созрело и стало выделяться аланское объединение племен. Это не была «решительная смена» одного населения другим в прикаспийских степях, ибо культура алан генетически связана с предыдущей. Иногда для указанного времени даже говорят об «аланорсах» (аланы + аорсы) как о населении первых двух-трех веков нашей эры (Смирнов К. Ф., 1950а, с. 106—113). Передвижению алан на Кавказ способствовала и битва с кочевниками-гуннами в 372 г. Спасаясь от полного разгрома, некоторые аланские племена стали искать убежища в горах Кавказа. Показателем их пребывания в местных ущельях служат ювелирные изделия «полихромного стиля» с обилием цветных камней и стекла, покрытые яркой позолотой. Погребальными памятниками, содержащими такие предметы, являются захоронения в катакомбах, возникающие в горах с этого периода. Они хорошо известны для Чечено-Ингушетии.

Однако не только аланы оставляли подобные некрополи, хотя одно время все катакомбы готовы были связывать с ними (Кузнецов В. А., 1964). Сейчас некоторые специалисты считают, что катакомбы несколько вытянутой формы, напоминающие кибитку, оставлены хазарами. Они заполнены своеобразным инвентарем (Магомедов М. Г., 1983, с. 61 сл.). В связи с этим можно было бы сделать вывод: аланы не заходили в Дагестан и их культура не оказала какого-либо влияния на быт местных народов. Но не все так просто. Южнее г. Дербента на возвышенности Паласа-сырт у селения Рубас В. Г. Котович раскопал пять курганов с катакомбами. Они содержали достаточно богатые захоронения IV—VII вв. н. э. Их инвентарь аналогичен памятникам аланской культуры, хотя он численно невелик и относительно беден (зеркала с срединным ушком, бронзовая пряжка, фибулы с подвешенным приемником, пастовые бусы, сосуд с ручкой и проч.; табл. 116, 8—10, 12, 13). Могильник, по мнению исследователя, оставлен маскутами — племенем, близким аланам (Котович В. Г., 1959, с. 148—156; Очерки истории Дагестана, 1957, I, с. 32, 33). О них упоминает армянский историк V в. н. э. Фавстос Бузанд как о народе, имевшем «царей» (Фавстос Бузанд, 1953, с. 11, 12). Сейчас здесь исследуется поселение, дающее право говорить о переходе его обитателей к оседлой жизни (Гмыря Л. Б., 1986, с. 11, 12).

Данный факт, указывающий на столь глубокое проникновение в южную часть Дагестана инородного населения, требует дальнейшего изучения. Это тем

более важно, что в промежуточных местах страны аланские древности не найдены.

В конце IV в. н. э. в северную, приморскую, часть Дагестана проникают орды гуннов. Иногда даже говорят о «гуннских» городах, но, вероятно, заблуждаются, так как пребывание под кровлей считалось у гуннов небезопасным (Аммиан Марцеллин, XXXI, 4). Видимо, речь идет о городах (городищах), созданных местным населением — дагестанцами. Оседлые «белые гунны», о которых иногда упоминают источники (Пигулевская Н. В., 1941, с. 37, 38), могли быть опять-таки местными племенами. Так

вполне обоснованно предполагают В. Г. Котович и А. В. Гадло, давшие интересные очерки этого периода (Очерки истории Дагестана, 1957, I, с. 30, 31; Гадло А. В., 1979, с. 9—48, 126 сл.). Однако описание эпохи, связанной уже с ранним средневековьем, выходит за рамки скифо-сарматского времени.

Мы меньше всего говорили о социальном строе и хозяйстве местных народов в изучаемый период. Они не были стабильны, ибо зависели от близости к городам и торговым путям, к местам наиболее интенсивной жизни (История Дагестана, 1967, I, с. 94—104).

Заключение

В данном томе сведены воедино известные сейчас археологические материалы, служащие одним из источников для изучения истории, материальной и духовной культуры кочевых и оседлых племен, живших на протяжении более тысячелетия (с VIII в. до н. э. по III в. н. э.) на степных просторах юга Европы и в прилегающих к ним районах. Источник имеет очень большое значение. Дошедшие до нас письменные свидетельства об этих народах весьма отрывочны, нередко противоречивы. Археологический материал позволяет существенно дополнить письменные данные и проверить если не все, то многие из них. Однако накопленная археологами в течение длительного времени источниковедческая база, как мы видели, все еще недостаточна для решения ряда встающих перед исследователями проблем. Остаются дискуссионными такие важные вопросы, как происхождение скифов, расселение и границы племен, составлявших Скифию в эпоху Геродота, этническая принадлежность земледельческого оседлого населения лесостепи Восточной Европы, тесно связанного со скифами. Не решены проблемы происхождения савроматов и формирования сарматских племен, а также границ племенных территорий савромато-сарматов и ряд других. И все же за советский период и особенно за последние 30 лет советскими исследователями сделан громадный шаг вперед в изучении истории населения юга Европы в киммерийскую и скифо-сарматскую эпохи. Пожалуй, наиболее важным результатом работ советских археологов является то, что выяснены динамика и периоды исторического развития, а также характерные особенности кочевых и связанных с ними оседлых народов в каждом из выделенных периодов. Именно археологические источники позволяют утверждать, что в степной зоне Северного Причерноморья, как и в других степных областях Евразии, в IX — начале VIII в. до н. э. происходит окончательный переход населения к кочевому хозяйству и образу жизни. До конца VIII или начала VII в. до н. э. здесь господствовали кочевые племена, известные в письменных источниках под именем «киммерийцы». В волго-донских степях и в Заволжье в то же время, что и в Северном Причерноморье, возможно, даже несколько раньше, появляются первые кочевники — потомки племен срубной и андроновской культур эпохи бронзы. Их имя осталось неизвестным, но они и кочевники Северного Причерноморья имеют много общего в погребальном обряде и вещевом комплексе.

Уже в предскифский период кочевники проникают в среду соседних оседлых племен, оказывая влияние на их культуру и используя существовавшие у них производственные центры. Это особенно наглядно прослеживается по материалам богатой металлом кобанской культуры на Северном Кавказе, где в на-

стоящее время найдено значительное количество кинжалов, конских удиц, псалиев и других металлических вещей, характерных для ранних кочевников Северного Причерноморья и Волго-Донского междуречья. От оседлого населения в лесостепи Восточной Европы и на Северном Кавказе жители степей восприняли некоторые формы лепной лощеной посуды, часто богато орнаментированной резным, штампованным или рельефным узором. Однако, несмотря на фиксируемые археологией взаимодействия между кочевыми и земледельческими племенами в киммерийскую эпоху, еще не было сколько-нибудь тесного объединения между ними, подчинения земледельцев кочевникам, как это наблюдается в следующем — скифском периоде.

Скифская эпоха, которую принято начинать с появления скифов на исторической арене в 70-х годах VII в. до н. э., оказалась новым этапом в развитии ранних кочевых племен. Археологический материал, позволяющий сделать такой вывод, со всей очевидностью показывает, как совершенствуются в связи с окончательным внедрением железа все виды вооружения и конского снаряжения, имевшие первостепенное значение в быту кочевого населения.

Важным в изучении археологических источников раннескифского времени является заключение, что ряд вещей раннескифской культуры — наконечники копий, мечи и кинжалы, удила, трехпетельчатые и трехдырчатые псалии, бляхи-столбики для перекрещивающихся ремней узды и бляхи-пуговицы — непосредственно восходят к изделиям предшествующей эпохи. Впервые они появились на Северном Кавказе, как и наиболее ранние для скифов изделия, выполненные в зверином стиле. В первой половине VII в. до н. э. или несколько позднее эти новые формы используются вместе с бытовавшими в киммерийский период и лишь к концу VII — началу VI в. до н. э., т. е. после возвращения скифов из Азии, они становятся господствующими у скифов и соседних с ними оседлых племен, с которыми кочевники вступали в более или менее тесные контакты. К этому следует добавить преемственность, наблюдаемую археологами в ряде черт скифского погребального обряда и в местной лепной керамике. Эти наблюдения, безусловно, должны учитываться при решении вопроса о происхождении скифов и их первоначальном расселении.

Находки предметов вооружения, главным образом наконечников стрел, подтверждают свидетельства клинописных и античных источников о военных действиях киммерийцев и скифов в странах Древнего Востока и определяют пути следования скифов в Переднюю Азию. Реальность скифских военных походов в страны Передней Азии подтверждают и находки вещей переднеазиатского, урартского произ-

водства в Келермесском и Мельгуновском курганах и в кургане на р. Калитве. Среди них известны изделия, специально сделанные по скифским заказам.

До сих пор остается загадкой малое число памятников раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) и большая разбросанность их на всей степной территории Северного Причерноморья. Скифские материалы этой эпохи в гораздо большем количестве представлены в курганах местного оседлого населения днепровской лесостепи. Однако археологам удалось доказать, что по крайней мере большая часть оседлых земледельцев лесостепи по своему происхождению и этнической принадлежности отличалась от кочевых скифов — иранцев по языку. Вместе с тем совершенно очевидно, что их культура второй половины VII — начала VI в. до н. э. формировалась под сильным воздействием кочевников, хотя и сохраняла свои особенности. Это позволяет отрицать предположения некоторых исследователей о малочисленности и слабости скифских кочевников в степях Северного Причерноморья после возвращения из Азии и искать объяснение приведенному факту в этнографии. По-видимому, та часть скифов, которая вернулась из далеких переднеазиатских походов и заново осваивала степи Северного Причерноморья, занималась круглогодичным кочеванием, не имея постоянных зимников и летников и, соответственно, постоянных кладбищ, как и в период первого появления скифов в этих местах и их борьбы с киммерийцами. Более стабильными в VII—VI вв. до н. э. были перекочевки в степном Предкавказье, где обнаружены группы скифских курганов времени походов в страны Передней Азии и после возвращения из них.

Археологические источники позволяют проследить, что вскоре после возникновения на северном берегу Понта греческих городов-колоний устанавливаются постоянные торговые контакты греческих купцов со скифскими племенами, а мастерские этих городов начинают работать по скифским заказам. Археологические находки античной керамики и вещей в курганах и на поселениях земледельцев помогают определить время и преобладающие направления связей в разные периоды скифской истории. Так, совершенно очевидно, что вплоть до конца V в. до н. э. основной импорт шел к земледельческим племенам среднего Приднепровья, а позднее — в степь, где находились транзитные пункты под контролем скифской кочевой аристократии.

Очень много дала археология для восстановления хозяйственной деятельности скифов — как кочевников, так и земледельцев. На основании археологических материалов хорошо прослеживается непрерывный прогресс всех отраслей местного производства.

Именно археологические источники позволяют проследить, как скифы из кочевников превращаются в IV в. до н. э. в полуседлое население, а в III в. до н. э. окончательно переходят к оседлости. Для выявления особенностей социального строя Скифии археология дает меньше. И все же именно археология фиксирует накопление богатств в руках знати и рост имущественной, а следовательно, и социальной стратификации в скифском обществе, особенно заметный в IV в. до н. э. В результате сейчас ни у кого не

вызывает сомнения, что в IV в. до н. э. скифы уже находились на таком уровне социально-экономического развития, который позволяет говорить о глубоком разложении первобытнообщинного строя и формировании раннеклассового общества.

Значительно дополняют археологические материалы письменные свидетельства о позднейшем периоде Скифского царства, центр которого с конца III в. до н. э. переместился с нижнего Приднепровья в Крым, а на большей части степей Северного Причерноморья господствовали сарматские племена. Именно археологические исследования позволили проследить перерождение скифской материальной и, вероятно, духовной культуры, с одной стороны, под влиянием античной цивилизации, а с другой — под сарматским воздействием в позднейший период скифской истории, в конце III в. до н. э. — III в. н. э.

Сравнение известных ныне данных, характеризующих скифские и савромато-сарматские племена, приводит к следующим результатам: близкие по происхождению и этнической принадлежности кочевые народы отличались друг от друга по ряду признаков, связанных с условиями их жизни, окружающей средой и историческими событиями. Археологические материалы показывают, что с самого начала возникновения савромато-сарматской этнической общности существовали два родственных, но не тождественных друг другу племенных объединения кочевников — Волго-Донское и Южноуральское. Первое определенно можно идентифицировать с савроматами Геродота, идентификация второго спорна (исседоны, дахи, массагеты). Начало различий было заложено еще в период формирования этого восточного массива кочевых племен и затем все более оформлялось благодаря неодинаковой культурно-экономической ориентации племенных объединений, обитавших на территории двух районов. В археологии это явление выразилось в существовании двух локальных вариантов савромато-сарматской археологической культуры.

По сравнению со скифами оба племенных объединения до расселения их на запад, в Северное Причерноморье, выглядят более отсталыми по уровню экономического и социального развития. Условия обитания обеих групп, в первую очередь большая протяженность территории, более продолжительные маршруты кочевий, особенно в южном Приуралье, способствовали тому, что хозяйственная база савромато-сарматов была значительно менее стабильной и более зависимой от природно-климатических условий, чем в Скифии: частые засухи, глубина и плотность снежного покрова, гололедаца приводили к частой гибели скота. Кроме того, большей отсталости по сравнению со скифами способствовали удаленность от государственных цивилизаций и низкий уровень развития оседлых земледельческих племен в Заволжье и Зауралье, с которыми савромато-сарматы были связаны тесными экономическими узами, получая от них необходимые продукты земледелия и домашних промыслов. Следов собственного производства у савромато-сарматов до сих пор не обнаружено. Речь может идти лишь о самых зачатках железодельного и бронзолитейного производств, основанных на привозном сырье. Делали мелкие вещи, не требовавшие существования постоянных стацио-

нарных мест производства. Изучение металлических предметов из савромато-сарматских погребений VI—IV вв. до н. э. позволило прийти к заключению, что практически все оружие было импортным, но изготовлялось оно по заказам сарматов в различных металлургических центрах. Для восточного объединения кочевников основными поставщиками являлись племена иткульской, ананьинской и пьяноборской культур. Все бронзовые наконечники стрел, фрагменты и целые литейные формы, обнаруженные на иткульских памятниках в лесостепном Зауралье, принадлежат к типам, характерным для савроматских и раннесарматских племен южного Приуралья и меньше — нижнего Поволжья. То же самое наблюдается в ананьинской бронзолитейной металлургии, где наконечники стрел представлены главным образом типами, распространенными у кочевников евразийских степей.

В лесостепном Зауралье делали железные мечи и кинжалы, так как только там обнаружены, например, мечи переходных типов от савроматских к раннесарматским. Не исключено производство железного оружия оседлым населением Башкирии, поскольку в среднем течении р. Белой найдены десятки мечей и кинжалов савромато-сарматских и даже скифских типов.

Савромато-сарматы Волго-Донского междуречья снабжались продукцией нижнедонских, кавказских (включая Прикубанье), северопричерноморских и даже, может быть, скифских металлургических мастерских.

Имущественная и социальная дифференциация проявляется в археологических материалах достаточно четко уже в савроматский период, особенно в южном Приуралье, где выделяется слой военной аристократии. Однако в силу суровых природно-климатических условий родо-племенные связи, обеспечивавшие взаимопомощь, были достаточно сильны, а это тормозило процессы классообразования.

Ситуация резко изменилась с момента расселения сарматов в Предкавказье, Прикубанье и особенно в Северном Причерноморье, когда сарматы приблизились к античным городам и оседло-земледельческому относительно высоко развитому населению и частично обосновались там. Начинается бурный процесс социальной стратификации, оседание беднейших слоев сарматов на землю, выделение очень богатой кочевой верхушки, военной, а возможно, и жреческой. Однако письменные источники и археологические материалы показывают, что сарматы даже в период своего расцвета не догнали скифов в социальном развитии. Это объясняется непрочностью и нестабильностью племенных объединений сарматов, которые возникали, как правило, лишь в силу определенной политической ситуации и так же быстро распадались, т. е. консолидация сарматских племен никогда не была прочной, а создавалась на время набега, похода или войны. Лишь те из них, которые жили ближе к Боспору, Прикубанью или на самом западе, т. е. там, где шло оседание сарматов на землю, могли входить как составная часть в другие государственные образования, в частности в состав Боспорского царства. Присутствие сарматского контингента ощущается в Танаисе после разгрома города Полемоном в конце I в. до н. э. Пребывание

сарматов в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа, отразившееся на археологических материалах главным образом I—III вв. н. э., привело к сарматизации культуры античных городов, проникновению многих элементов сарматской культуры в позднескифскую культуру Крыма и нижнего Днепра.

Изучение большого археологического материала, существенно дополняющего письменные источники, позволяет осветить историю и этапы развития народов Северного Кавказа на протяжении скифской и сарматской эпох. Это касается прежде всего большого массива меотских племен, упоминаемых в античных литературных и эпиграфических источниках. Археологам удалось выяснить местное происхождение меотской культуры, связанной своими корнями с аборигенным оседлым населением переходной эпохи от конца бронзы до начала железного века. В течение более чем тысячелетия прослеживается развитие этой культуры, а следовательно, и народа, осложненное сначала воздействием киммерийцев, скифов, а затем сарматов.

Изучение меотских городищ и поселений позволило сделать важные и интересные выводы относительно хозяйственной деятельности меотов в разные периоды их существования. Установлено, что меотские племена в течение всей своей истории были оседлыми и основным их занятием являлось земледелие. Городища, особенно такие, как Елизаветинское или Семибратнее, были центрами ремесла и торговли. Как и в Скифии, у меотов наблюдается развитое металлообрабатывающее производство, при этом здесь вырабатываются некоторые специфические формы наступательного вооружения, например мечи без металлического перекрестья, широко распространенные по всему Северному Кавказу не только у меотов, но и у ранних сарматов Кавказа и Подонья. Меотские массивные наконечники копий отличаются по форме пера от скифских. Специфически меотскими исследователи называют некоторые формы бронзовых зеркал и украшений.

Уже с V в. до н. э. у меотов распространяется гончарный круг, что позволяет говорить о выделении гончарства в особое ремесло. Это существенно отличает меотов от скифов и сарматов, у которых даже на позднем этапе их развития гончарный круг не был известен. Серая гончарная керамика меотского производства разнообразна по формам. Одни из них местного происхождения, другие подражали боспорским. Помимо меотских памятников, меотская гончарная керамика достаточно часто встречается в сарматских погребениях, что говорит о ее производстве не только для собственных нужд, но и на продажу.

Близость боспорских городов способствовала интенсивной торговле меотов с античным миром. Предполагают даже, что на Елизаветинском городище существовала боспорская торговая фактория. Тесные контакты с греками привели к значительной эллинизации местного населения. Особенно это коснулось синдов — меотского племени, территориально примыкавшего к Азиатскому Боспору, а при Спартокидах включенного в состав Боспорского царства.

Достаточно высокому уровню экономического развития соответствовал и уровень развития социальных

отношений. У синдов уже в V в. до н. э. наблюдается значительная имущественная и социальная дифференциация, у других меотских племен она заметна главным образом с IV в. до н. э. Именно в IV—III вв. до н. э. идет активный процесс классообразования, происходит создание союза или союзов меотских племен, активно воевавших с Боспорским царством.

Археологические источники позволяют проследить постепенное проникновение в меотскую среду начиная с III в. до н. э. ираноязычных сарматских племен, процесс их ассимиляции местным населением и вместе с тем все возрастающую сарматизацию меотской культуры. Во II—I вв. до н. э. археологами наблюдается интенсивное оседание сарматов среди меотского населения, что привело к выделению богатой полукочевой сарматской или смешанной сарматско-меотской верхушки общества, господствовавшей над рядовым меотским населением, подвергшимся сильной сарматизации.

Только благодаря изучению археологических источников (письменные источники отсутствуют) исследователям удается раскрыть историю и культуру древнего автохтонного населения центрального Кавказа. Это носители кобанской археологической культуры, постепенное развитие которых прослеживается с эпохи поздней бронзы до сарматского времени, а в горных районах — до раннего средневековья. Происхождение кобанской культуры и ее носителей пока окончательно не восстановлено. Что касается их судеб, то большинство кавказоведов придерживаются мнения, что эта древняя кавказская этническая общность являлась мощным субстратом в последующем формировании почти всех современных народов Северного Кавказа.

Господствующими типами хозяйства в ареале кобанской культуры были земледелие и скотоводство особой формы, обусловленное вертикальной зональностью Кавказского региона. Население вело оседлый образ жизни. Лишь для горных районов был характерен отгонный тип животноводства с постоянно действующим циклом сезонного перегона стада из высокогорной в предгорные равнины и обратно.

Богатство металлом горных районов Кавказа способствовало развитию бронзолитейного производства. Расцвет металлообработки бронзы приходится на конец II — начало I тысячелетия до н. э. Археологические источники говорят о высоком уровне технологии и техники обработки бронзы, сурьмы, серебра в это время. Продукция кобанских бронзолитейщиков расходилась далеко за пределы Кавказа. Она известна на западе, в средней и Юго-Восточной Европе, в Северном Причерноморье, нижнем Подонье и Поволжье. С другой стороны, устанавливаются и обратные связи, которые фиксируются по находкам выразительных металлических предметов из Восточной и Средней Европы. Но наиболее тесными были контакты со степными кочевниками Северного Причерноморья, для которых, как уже было сказано выше, кобанцы изготавливали бронзовые предметы конского снаряжения и некоторые формы оружия. Этому во многом способствовали походы киммерийцев, а затем и скифов через Кавказ в страны Переднего Востока. Со скифами исследователи связывают особенно бурный прогресс в развитии

железной металлургии у племен кобанской культуры в VII — начале VI в. до н. э. Именно скифские походы способствовали ускоренному освоению производства из железа особенно необходимых предметов и в первую очередь — железного оружия новейших образцов.

В результате тесных контактов, военных и мирных, между носителями кобанской культуры, с одной стороны, и скифами — с другой, в VII—VI вв. до н. э. происходил процесс «скифизации» кобанской материальной культуры. Однако это был лишь внешний налет, тогда как в основных чертах она сохранила свой местный облик.

Довольно сложная картина наблюдается в территории центрального Кавказа в сарматский период (III в. до н. э. — III в. н. э.). Археологические материалы, накопленные за два последних десятилетия, позволяют выявить существенные различия между памятниками предгорной и равнинной зон, с одной стороны, и горной — с другой. Стало достаточно очевидным, что в предгорной равнинной зоне происходил процесс проникновения ираноязычных кочевников и оседания их там на землю. В горной же зоне сохраняются старые традиции в погребальных сооружениях, обряде и инвентаре, т. е. в сарматскую эпоху в горных районах центрального Кавказа продолжали обитать местные племена — прямые потомки древних кобанцев.

В предгорной и равнинной частях Кавказа для III—I вв. до н. э. отмечаются две группы памятников — восточная и западная. В восточной группе влияние сарматов гораздо менее заметно, чем в западной. Предполагается, что территория именно западной группы была более подвержена в это время оседанию ираноязычных кочевников. Пришлые ираноязычные племена не жили изолированно среди местного населения, а смешивались с ним.

Не менее интересные выводы позволяют сделать археологические источники, относящиеся к поздне-сарматскому периоду. В частности, можно предположить, что аланы, которые фигурируют в письменных источниках средневековья, — это смешанная группа населения центральных районов Кавказа, в которую входили потомки автохтонных племен и пришлое сарматское население.

Итак, мы стремились показать становление, развитие и закат археологических культур скифской и сарматской эпох на юге Восточной Европы, отражающих быт, экономику, духовный мир, социальный строй и историю их носителей. Приблизительно с середины III в. н. э. начинается период упадка у всех народов, о которых шла речь в настоящем томе. Это было время, когда на исторической арене появились готы, вернее, мощный племенной союз во главе с продвинувшимися в Северное Причерноморье готами. Пришельцы положили конец сарматскому владычеству, захватив главенствующую роль в варварском мире Северного Причерноморья и неся гибель античным городам побережий Понта, а также скифским поселениям в Крыму и на нижнем Днепре. Вторжение в северопричерноморские степи гуннов в IV в. н. э. привело к окончательному уничтожению сарматских союзов племен. Часть населения погибла, другая была увлечена гуннами в их движении на запад, на разгром Римской империи.

Подписи к таблицам

Таблица 1. Погребальные сооружения и каменные изваяния предскифского времени в степи Северного Причерноморья

1, 1а, 10 — Суворово; 2, 4 — Высокая Могила; 3, 3а — Софиевка; 5, 5а — Кремневка; 6 — Аккермень; 7 — Зольный курган; 8 — Львово; 9 — Золотая Балка; 11 — Александровка; 12 — Ольвия; 13 — Джанкой

Таблица 2. Вещи из погребений предскифского времени в степи Северного Причерноморья

1, 25, 26, 28, 31, 33—36, 51—53 — Зольный курган; 2, 12, 14, 21—24, 29, 32, 43—50, 66—70, 74—77, 80 — Высокая Могила; 3, 4, 59—61 — хут. Обрывский; 5, 10 — Черногоровский курган; 6 — Камышеваха; 7—9, 73 — Пуркары; 11, 30, 54—57, 62—65 — Малая Цимбалка; 13, 18, 27, 79, 83—86 — Суворово; 15 — изображение оселка на стеле из Ольвии; 16 — Петровское; 17 — Целинное; 19 — Великая Александровка; 20 — Березки; 37, 38, 40, 42 — Веселая долина; 39, 41 — Луганское; 58 — Учхоз «Самарский»; 71 — изображение горита на стеле из Ольвии; 72 — Зиморье; 78 — Александровка; 81, 82 — Аккермень; 87 — Суклея; 89 — Золотая Балка
1—6, 10, 11, 18, 22, 24, 27, 28, 30, 33, 54—70, 78, 79, 81—89 — бронза; 7—9, 17, 19—21, 52, 53, 73 — железо; 12—16, 71 — камень; 23, 25, 26, 31, 34—51, 74, 75 — кость; 29, 32, 76, 77, 80 — золото; 72 — луб, дерево

Таблица 3. Керамика и деревянный сосуд из погребений предскифского времени в степи Северного Причерноморья

1, 12, 13 — Великая Александровка; 2, 7, 11, 19, 20 — Суворово; 3 — Высокая Могила; 4 — Любимовка; 5 — Софиевка; 6 — Суклея; 8 — Днепрорудный; 9 — Джанкой; 10 — Кангаз; 14 — Чернобаевка; 15 — Великодолинское; 16 — Александровка; 17 — Малая Цимбалка; 18 — Аккермень; 21 — Маяки; 22 — Львово
13 — дерево; остальные — глина

Таблица 4. Планы городищ, жилищ, керамика и вещи из памятников культуры Гава—Голиграда

1, 10, 16, 17 — Острица, могильник; 2—4, 7, 9, 11—15, 20, 21 — Магала IV, поселение; 5, 6, 8 — Ужгород, Замковая гора; 18, 19, 23 — Шелестовское городище; 22 — Нижне Кривиче, городище; 24 — Бовщив, поселение; 25—31 — Голиград, клад; 32—44 — Михалковский клад
1—21 — глина; 25—31 — бронза; 32—44 — золото; 22—24 — планы

Таблица 5. Планы погребений, керамика и вещи из памятников Шолданештской группы

1, 3, 4, 8, 12, 19, 24, 25, 27—30, 33 — Шолданешты, могильник; 2, 5—7, 9—11, 13, 14—17, 20—23, 26, 31, 32, 34, 35 — Селиште, могильник; 18 — Шолданешты, поселение
1—11, 13, 15—22 — керамика; 12, 24, 28, 29, 33 — бронза; 14, 23, 25, 26, 30—32 — железо; 27 — камень; 34, 35 — планы

Таблица 6. Планы погребений, керамика и вещи из памятников типа Сахарна—Солончны

1, 2, 19—34, 38, 39, 41, 42, 50 — Сахарна, поселение; 3, 4, 7, 9, 10—12, 16—18 — Солончны, поселение; 5, 6, 8, 13, 14, 35—37, 40, 43 — Сахарна, могильник Гура-Гульбока; 15, 44—49 — Цахнауцы, поселение; 51, 52, 52а, 52б, 53, 54 — Сахарна, могильник II Гура-Гульбока
1—34, 47—50 — глина; 35, 36, 38, 41, 42 — бронза; 37 — железо; 43 — камень; 39, 40, 44—46 — кость; 51—54 — планы

Таблица 7. Планы городищ, погребений и вещи чернолесской культуры

1, 2, 8, 11, 14, 19—22, 33—37, 42—46, 50 — Субботовское городище; 3, 6, 7, 31, 32 — среднее Приднепровье; 4, 5, 23, 24, 29, 39, 40, 41 — Бутенки; 9, 48 — Чернолесское городище; 10, 38 — Адамовское городище; 12, 13 — Тясминское го-

родище; 15 — бывший Каневский уезд; 16 — Гриценцы; 17 — Ржыщев; 18 — Калантаевское городище; 25 — Московское городище; 26 — Зарубинцы; 27, 27а, 28, 55 — Константиновка; 30 — Рыжановка; 47 — Носачевский курган; 49 — Лубенецкое городище; 51 — Григоровское городище; 52 — Тенетинка; 53 — Медвин; 54 — Лука-Врублевская; 56 — Тютюки

1, 2, 4, 5, 10—13, 26 — железо; 3, 6, 7, 14—18, 23, 24, 27 — 33, 39—45, 47 — бронза; 8, 19—22, 25, 34—38, 46 — кость; 9 — бронза, железо; 48—56 — планы

Таблица 8. Керамика, бронзовый сосуд второй ступени чернолесской культуры и раннего жаботинского этапа

1 — Тясминское городище; 2, 10, 14, 22, 32 — городище Московская гора; 3 — Гуляй-город; 4, 11, 13, 18—20 — Жаботин, Тарасова гора; 5 — Оситняжка; 6, 8, 9, 23, 30, 40, 41 — Субботовское городище; 7 — Крещатик; 12, 36 — из собрания Ф. Ф. Кундеревича; 15 — Рыжановка; 16, 17 — Секирное; 21 — Кайлов; 24, 25, 33, 38 — Константиновка; 26—29, 31, 39 — Тенетинка; 34, 35 — Медвин; 37 — Жаботин, случайная находка из кургана
13 — бронза; остальные — глина

Таблица 9. Планы поселений, жилищ, керамика и вещи бондарихинской культуры

1, 13, 16, 17, 19, 20 — Бузовка; 2—4, 6, 11, 12, 15, 18 — Родной край; 5, 7, 23 — Ницаха; 8 — Фески III; 9, 10 — Шилово; 14 — Травянское I; 21, 22 — Веселое; 24 — Хухра
1—10, 13, 14, 16, 17 — глина; 11, 18 — кость; 12 — железо; 19, 20 — бронза; 21—24 — планы

Таблица 10. Находки из поселений, могильников, святилищ кизил-кобинской культуры

1, 2, 4, 12, 14 — Ашлама-Дере; 3, 5, 6, 8—11, 13, 15—17, 22, 25—28, 34—37, 40 — Уч-Баш; 7, 21, 29—33 — Кизил-Коба; 18, 24 — Сахарная Головка; 19 — Ени-Сала II; 20, 38 — Симферопольское; 23 — Инкерманское; 39, 41, 42, 44 — Карлы-Кая; 43 — Черкес-Кермен, гряда Е
1—24 — глина; 25—27 — кремль; 34—37 — кость; 28—33, 39, 41—44 — бронза; 38, 40 — рог

Таблица 11. Планы городищ, жилищ, планы и профили хозяйственных ям степной Скифии

1—6а — Надлиманское городище; 6—9 — Николаевка, поселение; 10—17 — Елизаветовское городище; 18, 19 — Каменское городище
1—11, 13—19 — планы; 12 — реконструкция

Таблица 12. Планы погребальных сооружений из курганов рядового населения степной Скифии

1 — Огородное; 2, 17 — Верхнетарасовка; 3 — Александровка; 4 — Новорозановка; 5—7, 12, 15 — Николаевка; 8 — Ковалевка II; 9 — Подгородное VIII; 10 — Никополь; 11, 12, 18 — Львово; 13 — группа Сторожевой Могилы; 14, 14а — Ковалевка V; 16 — группа Лисей Могилы

Таблица 13. Планы погребальных сооружений из царских курганов Скифии

1 — Верхний Рогачик; 2, 8 — Александрополь; 3 — Мелитопольский курган; 4, 11 — Солоха; 5 — Огуз; 6 — Краснокутский курган; 7 — Хомина Могила; 9 — Толстая Могила; 10, 13, 14 — Малая Лепетиха; 12 — Лемешев курган; 15 — Чертомлык

Таблица 14. Планы погребальных сооружений из курганов рядового населения нижнего Дона и степного Крыма

1, 1а — погребение на Константиновском поселении; 2 — Ростов-на-Дону; 3—7 — Елизаветовский могильник; 8, 15 — Зеленый Яр; 9 — Фронтово I; 10 — Бережное; 11, 16, 17 — Астанино; 12, 13 — Ленино; 14 — Ильичево; 18 — Бранное поле

Таблица 15. Планы погребальных сооружений из богатых курганов нижнего Дона и степного Крыма

1, 2 — Елизаветовский могильник, группа «Пять братьев»; 3 — Талаевский курган; 4 — Золотой курган; 5, 5а, 5б, 6, 6а — группа «Три брата»; 7, 7а — Куль-Оба

Таблица 16. Скифская керамика из погребений и поселений междуречья Дона—Дуна

1 — Ковалевка; 2 — Вильнянка; 3 — Нижний Рогачик; 4, 6, 11, 13, 14 — Каменское городище; 5 — Каховский район; 7, 8 — Широко II; 9, 10 — Лупарево; 12 — Балки; 15 — Кут; 16, 17 — Златополь; 18 — Михайловка; 19 — Широко III; 20 — Любимовка; 21 — Шевченково

Таблица 17. Керамика из памятников нижнего Дона и степного Крыма

1, 8, 11 — Бахчи-Эли; 2 — Фронтное; 3, 9 — Кирово; 4, 6, 12 — Марьино-Лозовое; 5 — Белоглинка; 7 — курган на земле Бобовича; 10 — Ленино; 13 — Колоски; 14, 15, 18—30 — Елизаветовское городище; 16, 17 — погребение на Константиновском поселении

Таблица 18. Планы городищ, реконструкции оборонительных сооружений, планы и разрезы жилищ и печей на поселениях в лесостепной зоне Восточной Европы

1, 14, 17 — Пастырское; 2 — Мостище; 3, 10, 16, 18, 18а, 20, 20а — Бельское; 4 — Немировское; 5, 9, 12, 19 — Басовское; 6 — у с. Городище; 7 — Матронинское; 8, 11 — Марицкое; 13 — Волошинское I; 15 — Долиняны; 21, 21а — Люботинское

Таблица 19. Планы погребальных сооружений из курганов правобережной лесостепи

1—VII в. до н. э.; 2—4, 7, 14, 15 — VI в. до н. э.; 5, 6, 8—V в. до н. э.; 9—13, 16, 16а — IV в. до н. э.
1, 11 — Медвин; 2 — Матусов, Репяховатая Могила; 3, 5 — Журовка; 4 — Гуляй-город; 6 — Макеевка; 7 — Флярковка; 8 — Яблоновка; 9 — Смела, Холодный Яр; 10 — Капитановка; 12 — Бурты; 13 — Рыжановка; 14 — Перебыковцы; 15 — Долиняны; 16, 16а — Мзяков

Таблица 20. Керамика правобережной Среднеднепровской группы

1, 8, 17, 30 — Макеевка; 2, 6, 7, 9 — Снявка; 3, 10, 23 — Медвин; 4 — Зеленки; 5, 25 — Матусов, Репяховатая Могила; 11 — Пирогово; 12, 14 — Берестяги; 13, 24, 38, 41, 42, 44 — окрестности Смелы; 15 — Оситняжка; 16, 21 — Глеваха; 18 — Малая Офиря; 19 — Хотов; 20, 22, 29 — Журовка; 26, 32 — Грушевка; 27, 28, 31, 34 — Грищенцы; 33 — Черкасский уезд; 35 — Турья; 36, 40 — Куриловка; 37 — Тулинцы; 39 — Малый Ржавец; 43 — Шандеровка

Таблица 21. Керамика лесостепных групп: Западноподольской (I), конец VII—VI в. до н. э.; Побужской (II), конец VII — начало V в. до н. э.; Западноподольской (III), IV—III вв. до н. э.

1, 3, 4, 7, 8 — Долиняны; 2, 11 — Ивахновцы; 5 — Новоселка-Гримайловская; 6 — Перебыковцы; 9, 14, 15, 17 — Залесье; 10, 13, 16 — Серватинцы; 12 — Казановка; 18 — Братышов; 19—27 — Немировское; 28—36 — Севериновское городище; 37—43 — селище Сорока

Таблица 22. Керамика Ворсклянской (I, II) и Северодонецкой (III) групп

1, 4, 8, 10, 12, 14, 17, 19—22 — Мачухи; 2, 3, 18, 26 — Пожарная балка; 5—7, 9, 11, 13, 23—25 — Западное Бельское городище; 15 — Бельск, Осняги; 16 — Лихачевка; 27—54 — Восточное Бельское городище; 55—57, 60—63, 65, 67, 68 — Островецкая; 58, 64 — Люботин; 59, 66 — Черемухны

Таблица 23. Планы и разрезы погребальных сооружений Ворсклянской, Посульской, Северодонецкой и Среднедонской групп и план могильника

1, 1а — Коломак; 2, 2а — Бельск, Осняги; 3—5, 5а — Аксютинцы, Стайкин Верх; 6 — Старинская птицефабрика; 7, 7а, 11 — Мاستюгино; 8, 8а — Дуровка; 9, 10, 13 — Русская Тростянка; 12, 12а, 14, 16, 16а — Большая Гомольша; 15, 15а — Люботин

Таблица 24. Керамика Посульской (I), Среднедонской (II) и Сейминской (III) групп

1, 5, 9, 11—14, 21, 35 — Поповка; 2 — Герасимовка; 3 — Лубны; 4, 7, 17, 28, 32 — Аксютинцы; 6 — Шумейко; 8 —

Дудчанцы; 10 — Лука; 15, 30, 31, 34, 37 — Волковцы; 16 — Поставмуки; 18, 22 — Басовка; 19, 29 — Броварки; 20 — Книшевское городище; 23, 25, 27 — Роменский уезд; 24 — Коровинцы; 26, 33, 35, 36 — Будки; 38 — Круглое городище; 39, 40, 49, 53 — Частые курганы; 41 — Частые курганы, поселение; 42, 54, 55 — Мاستюгино; 43, 44, 46, 50 — Сторожевое городище; 45, 48, 57 — Русская Тростянка; 47 — Кировское городище; 51, 52, 56 — Волошинское городище; 58—60, 62, 64—69 — Марицкое городище; 61, 63 — Нартовское городище

Таблица 25. Планы каменных ящиков и находки из могильников тавров

1, 3, 15—30, 32—38, 40—42, 45, 46, 48—57 — Южнобайдарская группа; 2, 4—6, 8, 31, 39, 43, 44, 47 — Южнобережная группа; 7, 9—14, 58—61 — Северобайдарская группа; 62 — Скеля; 63 — Гаспра; 64 — Мал-Муз; 65 — Уркуста
1—6 — железо; 7—17, 21—49 — бронза; 18—20 — глина; 50—61 — стекло; 62—65 — камень

Таблица 26. Планы городищ и погребений Днестровско-Прутского междуречья

1 — Пыржолтены; 2—4, 6, 7 — Данчены; 5 — Косоуцы; 8 — Матеуцы; 9 — Бутучены

Таблица 27. Керамика и инвентарь из фракийских погребений Днестровско-Прутского междуречья

1—20 — Пыржолтены; 21—30, 34, 43 — Данчены; 31, 32, 40 — Ханска-Лутария; 33 — Сурученцы; 35 — Суворовский р-н МССР; 36—39 — Ханска, поселение; 41, 42 — Лэргуца; 44 — Матеуцы
1, 2, 12—14, 33—35, 38, 39 — железо; 3—10, 24—29, 31, 32 — бронза; 15—23, 30, 36, 37, 43 — глина; 40—42, 42а — золото; 44 — серебро

Таблица 28. Планы погребений и вещи из памятников Трансильванской группы

1—9, 12, 15, 18, 20, 27—29, 31—33, 38, 39 — бронза; 10, 11, 26 — кость; 13, 14, 16, 17, 19, 21—25, 30, 34 — железо; 35—37 — планы погребений

Таблица 29. Керамика и вещи из погребений Трансильванской группы

1—17 — глина; 18, 19, 21, 22, 25, 26—31 — бронза; 20, 23, 24 — серебро

Таблица 30. Планы погребений и находки из памятников Потисской группы

1, 2, 4, 5, 15, 20—24, 36 — железо; 3, 13, 16—19, 25—31, 33 — бронза; 6—12 — глина; 14, 37 — кость; 32, 34, 35 — золото; 38—42 — планы погребений

Таблица 31. Скифские луки, наконечники стрел и копий, колчаные застегки

1 — реконструкция горита по Черненко Е. В. (1981); 2, 3 — модели скифских луков; 4—9 — наконечники стрел VII—V вв. до н. э.; 10—19 — колчаные застегки; 20—26 — наконечники стрел IV—III вв. до н. э.; 27—31 — изображения луков и горитов; 32—35 — железные наконечники копий
1 — Архангельская слобода; 2 — Дербент (раскопки А. В. Гудковой, 1984 г.); 3, 17 — Ольвия; 4а, б — Жаботин; 5а — э — Осняги; 6а — к — Ленковцы; 7а — е, 35 — Горячево; 8а, д — курган близ Херсона; 9а — л — Золотой курган; 10, 13, 15 — Журовка; 12 — Прусы; 14, 33 — Старшая Могила; 16, 32 — Матусов, Репяховатая Могила; 18, 34 — Макеевка; 19 — Обиточная; 20а — е — Солоха; 21а — д — Огуз; 22а — к — Козел; 23а — к — курган Кекуватского; 24а — к — Николаевка; 25а — ж, 26а — е — Частые курганы; 27 — на чаше из Гаймановой Могилы; 28 — на пластине из Сахновки; 29, 31 — на пекторали из Толстой Могилы; 30 — на сосуде из Куль-Обы; 36 — Аксютинцы; 37, 38 — Чертомлык

1 — рисунок; 2—7а — д, 8, 9, 17, 18, 20—24, 26а — бронза; 7е, 10—16 — кость; 25а — ж; 26а, б, 32—38 — железо; 27 — серебро; 28, 29, 31 — золото; 30 — электр

Таблица 32. Скифские мечи, ножны к ним, боевые топоры

1 — Матусов, Репяховатая Могила; 2 — Приднепровка; 3 — Александровка; 4 — Куриловка; 5 — Сухино; 6 — Шумейко; 7 — Новокиевка; 8 — из собрания Бобринского; 9 — Грищенцы; 10 — Верхнетарасовка; 11, 17 — Солоха; 12 — Дубебский уезд; 13, 13а — Толстая Могила; 14 — Макеевка; 15, 20 — Волковцы; 16 — Златополь; 18 — Гайманова Могила

ла, изображение на сосуде; 19 — Талаевский курган; 21 — Старшая Могила; 22 — Журовка
1 — железо, бронза; 2 — бронза; 3, 6, 16, 17 — железо с золотыми обкладками; 11, 13а — золото; остальные — железо

Таблица 33. Скифское защитное вооружение

1—3 — поножи; 3а, 24—28 — реконструкции, выполненные М. В. Гореликом; 4—11 — детали поясов; 12 — свернутый пояс; 13—15 — детали панцирей; 16 — нагрудник; 17—20 — детали щитов; 21—23 — шлемы
1 — Кринички; 2 — Олонешты; 3, 3а — Нимфей, некрополь; 4, 7, 8 — Журовка; 5, 22 — урочище Галушино; 6 — Берестяги; 9, 11 — Мاستюгино; 10 — Частые курганы; 12 — Шучинка; 13—15, 28 — Толстая Могила; 16 — Ильинцы; 17—20, 26, 27 — группа курганов у шахты 22 г. Орджоникидзе; 21 — Солоха; 23 — Ромейковка
1—12, 16, 21—23 — бронза; 13—15, 17—19 — железо; 20 — золото; 24, 26—28 — рисунки

Таблица 34. Изображения скифов, скифских божеств, культовые предметы

1, 2 — на фризе чертомлыцкой амфоры; 3 — на обивке горита из Солохи; 4, 5 — на бляшках из Куль-Обы; 6 — на гробне из Солохи; 7 — змееногая богиня из кургана Большая Близица; 8 — владычица зверей из Александрополя; 9—12 — Бельское городище, ритуальные предметы; 13 — Лихачевка
1, 2, 3 — серебро; 4—8 — золото; 9—13 — глина

Таблица 35. Ковское снаряжение VII—V вв. до н. э.

1 — Берестяги; 2, 9, 17 — Старшая Могила; 3 — Герасимовка; 4 — Макеевка; 5а — д — Шумейко; 6, 16, 24, 25 — хут. Поповка; 7 — Будки; 8 — Жаботин; 10, 12, 15, 20 — Журовка; 11 — Волковцы; 13 — Частые курганы; 14 — урочище Галушино; 18, 19, 23 — Завадская Могила; 21, 22 — Кулешовка
1, 2, 4, 5б — д, 8, 10, 12—18, 20—22, 24, 25 — бронза; 3, 5а, 6 — железо; 7, 9 — кость; 11 — золото; 19, 23 — графические реконструкции Б. Н. Мозолевого

Таблица 36. Ковское снаряжение IV—III вв. до н. э.

1—4 — Хомин Могила; 5, 12 — Мелитопольский курган; 6, 7, 9, 11 — Страшная Могила; 8, 13 — Краснокутский курган; 10, 16—35 — Толстая Могила; 14, 15 — Солоха
1—4, 14, 15, 20—23, 25—28, 30 — золото; 6, 9, 11, 16, 17, 35 — бронза; 7, 8, 10, 12, 33, 34 — железо; 13, 24, 29 — серебро; 18, 19 — свинец, серебро, золото; 5 — графическая реконструкция В. А. Ильинской; 31, 32 — графическая реконструкция Б. Н. Мозолевого

Таблица 37. Навершие, рельеф с изображением скифской повозки, реконструкция колеса

1 — Слоновская близица; 2 — Старшая Могила; 3 — Ульский аул; 4, 11 — хут. Поповка; 5 — Келермес; 6 — Защита; 7 — Будки; 8 — Аксютинцы; 9 — из курганов Роменщины; 10 — Толстая Могила; 12, 13а — в, 17, 18 — Александрополь; 14, 16 — Чертомлык; 15, 19 — Краснокутский курган; 20 — Трехбратный курган
1—3, 5—7, 10—18 — бронза; 4 — железо; 8, 9 — бронза с железом; 20 — камень; 19 — графическая реконструкция А. И. Мелюковой

Таблица 38. Образцы звериного стиля на предметах из курганов степной Скифии

1 — Мельгуновский курган; 2 — Семеновка; 3 — Нижние Сергозы; 4 — Константиновка; 5, 6 — Темир-Гора; 7 — погребение на Константиновском поселении; 8 — Ильичево; 9, 13, 16, 19 — I Завадская Могила; 10 — IV Испанова Могила; 11 — Новорозановка; 12, 14, 20 — Острая Могила; 15 — Архангельская слобода; 17, 22 — Красноперкопский курган; 18, 31 — Ковалевка; 21 — Бабы; 23, 26, 35, 38 — Чертомлык; 24, 25, 32, 37 — Толстая Могила; 27 — Мордвиновский курган; 28 — Краснокутский курган; 29 — Верхний Рогачик; 30, 33, 36, 41 — Желтокаменка; 34 — Куль-Оба; 39 — Чмырева Могила; 40 — Солоха; 42 — группа Гаймановой Могилы
1, 8—10, 13, 15—17, 21—26, 29, 30, 32—34, 36, 37, 39, 41 — золото; 2, 3, 5—7 — кость; 4, 11, 12, 14, 18—20, 27, 35, 42 — бронза; 28, 31, 38, 40 — серебро

Таблица 39. Звериный стиль на предметах из памятников лесостепи

1, 2, 4, 10 — Жаботин; 3 — Перепахта; 5 — Снявка; 6 — Хотовское городище; 7 — Бобрица; 8, 14 — Дарьевка близ

Школы; 9, 12, 35, 40—42, 44, 49 — Журовка; 11 — Немировское городище; 13, 36 — Берестяги; 15 — Киевская губ.; 16, 18, 25 — Поповка; 17, 52, 54, 56, 57, 60, 62 — Аксютинцы; 19, 22, 24, 50 — Волоковцы; 20 — Будки; 21, 63 — Роменский уезд; 23 — Бельское городище; 26—33, 66, 68—71 — Частые курганы; 34 — Защита; 37, 38 — Турья; 39, 47 — Омельник; 43 — Макеевка; 45, 46, 48 — Смела; 51 — Лихачевка, Опишлянка; 53, 61, 64 — Басовка; 55, 59 — Борана; 58 — Плавинищи; 65, 72 — Мاستюгино; 67 — Русская Тростянка

1, 2, 4, 6—9, 11, 14, 19, 20, 22, 24 — кость; 3, 5, 10, 12, 21, 36, 39, 41, 46, 51 — золото; остальные — бронза

Таблица 40. Скифские каменные изваяния

1 — Ставропольский музей; 2 — Сибора; 3 — Воровсколеская; 4 — Киевский исторический музей; 5 — Александровская; 6 — Бесскорбная; 7 — Ольховчик; 8 — Медеро; 9 — Краснодар; 10 — Васильевка; 11 — Калиновка; 12 — Семеновка; 13 — Терновка; 14, 16 — Днепропетровск; 15 — Буторы; 17 — Ждавы; 18 — Черноморское

Таблица 41. Украшения и булавки из памятников лесостепи Восточной Европы

1 — Герасимовка; 2 — Постырское городище; 3, 16, 21 — Раковат; 4 — Черемушны; 5 — городище Пожарная балка; 6 — Леплявское городище; 7 — Жаботин, поселение; 8, 9, 11, 20, 64 — Тенетинковский могильник; 10 — Ивань-Пусть, поселение; 12 — Оселивка, поселение; 13, 13а — Снявка; 14 — Иваховцы; 15 — Макеевка; 17 — Триполье; 18 — Глянище; 19 — Емчиха; 22 — Гуляй-город; 23, 55, 62 — Лихачевка, поселение; 24, 52 — Журовка; 25, 26, 67, 76 — Люботинское городище; 27 — Трахтемировское городище; 28 — Сапогов; 29, 44, 47 — Грищенцы; 30, 36, 38, 40, 49, 66, 83, 83а — Волковцы; 31 — Каневский уезд; 32 — Поповка; 33 — Басовское городище; 34, 42, 71, 74 — Аксютинцы; 35 — из собрания Львовского исторического музея; 37 — происхождение неизвестно; 39, 68 — Великие Будки; 41, 50, 54 — Сеньковка; 43 — Таганча; 45 — Лауцы; 46 — Яблоница; 48 — Роменский уезд; 51 — Большая Яблоница; 53 — Грушевка; 56 — Макеевка; 57 — Мизяков; 58 — Осняги; 59, 63, 70, 75 — Смела, Холодный Яр; 60, 77, 78, 81, 82 — Мاستюгино; 61, 73 — Частые курганы; 65 — Черкасский уезд; 69 — Мачеха; 72 — Пастырское Галушино; 79 — Рьжановка; 80 — Русская Тростянка; 84 — Золотоношский уезд
1—3, 5—11, 15, 16, 21—37, 39—41, 44, 47, 50, 51, 54, 57, 64, 69, 70, 73, 75, 76, 81 — бронза; 4, 55, 56, 80 — железо; 12 — кость; 13 — золото, хрусталь, янтарь; 13а, 14, 18—20, 42—46; 48, 49, 52, 53, 58, 60—62, 66, 68, 71, 74, 77, 78, 82—84 — золото; 17 — электр; 38 — железо, золото; 59, 63, 79 — серебро; 65 — бронза, стекло; 67 — бронза, клык; 72 — серебро, камень

Таблица 42. Украшения из погребений степной Скифии

1—3 — около г. Херсона; 4, 10, 12, 58 — Елизаветовский могильник; 5 — Фроятовое; 6—8 — Днепрорудный; 9, 11 — Нимфей; 13 — Острая Томаковская Могила; 14 — Золотой курган; 15 — Ильичево; 16, 47, 52, 54, 55 — Толстая Могила; 17 — Баратовка; 18, 29 — Любимовка; 19, 56 — Чертомлык; 20 — Архангельская слобода; 21 — Ковалевка; 22, 36 — Куль-Оба; 23, 35 — Буторы; 24 — Чмырева Могила; 25 — Софиевка; 26, 53 — совхоз «Красный Перекоп»; 27 — Каховка; 28 — Мелитопольщина; 30 — Верхний Рогачик; 31, 32 — Николаевка; 33 — Мордвиновский курган; 34 — Астанино; 37, 59 — Гайманова Могила; 38, 40, 43, 44 — Каменское городище; 39 — Кирово; 41 — Орджоникидзе, группа БОФ; 42 — группа «Три брата»; 45 — Мелитопольский курган; 46 — Никопольстрой; 48 — Матеуцы; 49 — Огуз; 50 — Калос-Лимен; 51 — Кут; 57 — Малый курган близ Огуза
1—3, 6—9, 11, 13—16, 18—24, 26, 29, 30, 32, 33, 36, 42, 47, 54—56, 59 — золото; 4, 5, 10, 12, 25, 28, 34, 37, 40, 44—46, 49—51, 57, 58 — бронза; 17, 31, 41, 48 — серебро; 27 — серебро с позолотой; 35 — бронза, стекло; 38, 39, 43 — железо; 52 — золото, стекло; 53 — электр

Таблица 43. Скифские головные уборы

1 — золотая диадема; 2, 3, 10 — золотые пластины; 4—9 — реконструкции женских головных уборов (по Т. В. Мирошиной)
1 — Мельгуновский курган; 2 — Кут; 3, 10 — Чертомлык; 4 — башлык из кургана 100 в Снявке; 5 — калаф из Толстой Могилы; 6 — тиара из кургана 22 совхоза «Красный

Перекоп»; 7 — башлык из кургана 17 в Златополе; 8 — конусовидный убор «царицы» из Чертомлыка; 9 — конусовидный убор «царя» из Куль-Обы

Таблица 44. Скифские головные уборы

1 — Мельгуцовский курган; 2 — на рельефе из Неаполя Скифского; 3 — на пекторали из Толстой Могила; 4 — на сосуде из Куль-Обы; 5 — Келермес
1, 3, 5 — золото; 2 — камень; 4 — электр

Таблица 45. Скифские зеркала, головные уборы

1 — хут. Герасимовка; 2 — Бобрица; 3 — Роменские курганы; 4 — Братышев; 5, 6 — Матусов, Репаховата Могила; 7 — Аксютинцы; 8 — Волковцы; 9 — Гуляй-город; 10 — Аджигол; 11 — Дарьевка; 12 — Басовка; 13 — Нагорное; 14 — Холодный Яр; 15 — Лупарево; 16 — Баратовка; 17 — Трелстая Могила (реконструкция Б. Н. Мозолевского); 18 — Карагодеуашх; 19 — Куль-Оба; 20, 21 — Чертомлык; 22 — Мерджаны; 23 — Ак-Бурун; 24 — Орджоникидзе, группа БОФ

1—16 — бронза; 17—21 — реконструкция головных уборов; 18—20, 22, 23 — золото; 24 — деревянная основа головного убора на черепе

Таблица 46. Деревянная и металлическая посуда

1, 3, 5, 7, 24 — Толстая Могила; 2 — Келермес; 4 — Раскопана Могила; 6, 8 — Русская Тростянка; 9 — Чмырева Могила; 10 — Пески; 11 — группа Страшной Могила; 12 — Воронежский курган; 13 — Яблоновка; 14, 16, 18, 22, 23 — Солоха; 15 — Александропольский курган; 17 — Мастюгино; 19, 20 — Волковцы; 21 — Куль-Оба; 25 — Мордвиновский курган

1—5, 8, 9 — бронза; 6, 7, 19—24 — серебро; 10, 17, 18, 25 — дерево; 12—16 — дерево с золотыми обкладками; 11 — железо

Таблица 47. Орудия труда

1 — льячка; 2, 4 — обломки литейных форм; 3 — нижняя часть штампа для тиснения бляшек; 5, 6, 15 — орудия земледелия; 7 — обломок зернотерки; 8 — терочник; 9 — модель ступки; 10 — тесло; 11—14 — серпы; 16, 17 — тесловидные орудия; 18 — топор; 19 — кузнечное зубило; 20, 21 — пробойники; 22, 23 — зубила; 24 — щипцы; 25 — лучковое сверло; 26 — напильник; 27—29 — оселки; 30, 31, 33 — иглы для плетения; 32 — шило; 34—36 — иглы; 37 — ткацкий гребень; 38, 39 — веретена; 40—45 — ножи; 46—48 — остатки косяных веретен; 49—54 — пряслица

1—4, 9, 12, 13, 25, 26, 33, 37 — Бельское городище; 5, 30 — городище Сторожевое; 6 — Воронежская обл.; 7 — городище Круглое; 8 — городище Волошино; 10, 16—18, 27—29, 31 — Частые курганы; 11, 19 — городище у с. Городное; 14, 20—23, 34—36 — Каменское городище; 15, 40 — Мастюгино; 24 — Желтокаменка; 32, 41 — Русская Тростянка; 38 — Куль-Оба; 39 — Александрополь; 42, 55 — Макеевка; 43, 45 — Журовка; 44, 49 — Николаевка; 46—48 — окрестность г. Орджоникидзе; 50, 51, 53 — Холодный Яр; 52 — Шандеровка; 54 — Большая Яблоновка

1—4, 7, 8, 27—29 — камень; 5, 6, 30, 31, 33, 37, 46—48 — кость; 9, 49—54 — глина; 10—26, 35, 36, 45 — железо; 32, 40, 41, 43, 44 — железо, кость; 34, 42 — бронза; 38, 39 — серебро

Таблица 48. Реконструкция М. М. Герасимовым облика скифов (1—2) и сарматки (3)

1 — Никопольский могильник; 2 — Неаполь Скифский; 3 — Садовый курган

Таблица 49. Позднескифские городища и жилые комплексы

1, 2 — планы городищ центрального Крыма: 1 — Красное (Кермен-Кыр), 2 — Неаполь; 3—6 — планы и реконструкции (по С. Д. Крыжицкому) зданий на городищах нижнего Приднепровья; 3, 4 — Золотая Балка, 5 — Гавриловское, 6 — Николаевка

Таблица 50. Неаполь скифский

1 — реконструкция (по Т. Н. Высотской) общественного здания с портками; 2, 7—14 — жилые здания; 3—6 — общественные, культовые здания В, З, Е, А; 15 — склеп 9 с живописью

Таблица 51. Предметы культа поздних скифов Крыма (1—31) и нижнего Приднепровья (32—50)

1, 30, 31 — Неаполь (зольник, детское погребение на горо-

диче и здание А); 2, 9, 12, 15, 18—21, 25, 28 — Неапольский могильник; 3, 10, 27 — Усть-Альминский могильник; 4, 6—8 — Неаполь, мавзолей; 5, 11, 13, 14, 22, 23 — Беляуский могильник; 16 — Заветнинский могильник; 17 — Севастопольский курган; 24 — Тавельский курган; 26 — могильник Скалистое III; 29 — Чернореченский могильник; 32, 39, 50 — Золотая Балка, городище; 33, 40—47 — Золотобалковский могильник; 34—36 — Знаменское, погребение на валу; 37 — Николаевский могильник; 38 — Одесский музей (место находки неизвестно); 48, 49 — могильник Красный Маяк;

1, 11—17, 32, 38—43, 50 — глина; 2—5, 10, 20—22, 26—29, 33, 37, 45—48 — бронза; 6—9, 34—36 — золото; 18, 19 — египетский фаянс; 23 — раковина; 24 — клык; 25, 49 — кость; 30 — золото со стеклом; 31 — штукатурка; 44 — камень

Таблица 52. Погребальные сооружения поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

1 — мавзолей Неаполя; 2, 4, 5 — Неапольский могильник; 3 — Беляуский могильник, 6, 8, 9 — Заветнинский могильник; 7 — Усть-Альминский могильник; 10—13 — Золотобалковский могильник.

Таблица 53. Надгробные изваяния и рельефы поздних скифов Крыма

1, 2 — Заветнинский могильник; 3 — Кульчукский могильник; 4, 11 — Красное (Кермен-Кыр); 5, 10 — Рамазан-Сала; 6 — Чайка; 7 — Южно-Донузлавское городище; 8 — Арабатская стрелка; 9 — Неаполь; 12 — Марьино

Таблица 54. Оружие и конская узда поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

1, 7—11, 13, 15—19 — Неаполь, мавзолей; 2, 3 — Южно-Донузлавское городище; 4, 5 — Беляуский могильник; 6, 12 — Неапольский могильник; 14 — Инкерманский могильник; 20—25 — Золотобалковский могильник

1, 3—6, 10—25 — железо; 2 — кость; 7 — бронза; 8 — кожа с позолоченным железом (реконструкция Е. В. Черненко); 9 — железо с бронзовым орнаментом (реконструкция О. И. Домбровского)

Таблица 55. Украшения, застежки и предметы туалета из памятников поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

1—3, 8, 10—12, 30 — Неаполь, мавзолей; 4, 22, 34 — Усть-Альминский могильник; 5, 7, 16, 18, 26, 36, 38 — Беляуский могильник; 6, 9, 13, 17, 19—21, 23, 27, 31, 33, 37 — Неапольский могильник; 14, 28, 29, 35, 41 — Чернореченский могильник; 15, 24 — курган Кермен-Кыр; 25, 32 — Тавельский курган; 39, 40 — Заветнинский могильник; 42—44, 47, 53, 55—57, 59, 60 — могильник Красный Маяк; 45, 46, 48, 50—52, 58, 61—63 — Золотобалковский могильник; 49, 54 — Николаевский могильник

1, 2, 4—12, 15—17, 19—28, 30, 32, 34, 35, 38, 42—44, 46, 49—51, 53—58, 60, 61 — бронза; 3 — кость; 13, 14, 45, 47, 48, 52 — железо; 18 — серебро с бронзой; 29, 41 — серебро с сердоликом; 31, 40, 62, 63 — золото; 33, 59 — бронза с сердоликом; 36 — серебро позолоченное со стеклянной бусиной; 37, 39 — серебро

Таблица 56. Лепная керамика из памятников поздних скифов Крыма

1, 2, 11 — Красное (Кермен-Кыр); 3—5, 7—9, 35, 36, 39, 41, 42, 45, 49—51 — Неаполь, городище; 6, 10 — Чайка; 12, 34, 38, 40, 44, 46—48 — Неапольский могильник; 13—15, 17, 19—22, 24, 25 — Южно-Донузлавское; 16, 29 — Калос-Лимен; 18, 23, 26, 28, 30, 31 — Беляуский могильник; 27 — Беляус, городище; 32 — могильник Бельбек I; 33 — Чернореченский могильник; 37 — Заветнинский могильник; 43 — Нейзацкий (Красногорский) могильник

Таблица 57. Орудия труда из памятников поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

1, 3, 6, 12, 13 — Южно-Донузлавское городище; 2 — Неаполь; 4, 10 — Инкерманский могильник; 5 — Неапольский могильник; 7, 8 — Альма-Кермен; 9, 15, 16 — Беляуский могильник; 11, 14 — Усть-Альминский могильник; 17, 20, 22, 23 — Знаменское городище; 18, 27, 29 — Золотобалковский могильник; 19 — Гавриловское городище; 21, 26, 28 — Золотая Балка; 24, 25 — могильник Красный Маяк

1, 2, 4, 9, 10, 12, 20, 27 — железо; 3, 6, 26 — кость; 5, 11, 21 — бронза; 7, 8, 14, 18, 19, 22 — камень; 13, 15—17, 23—25, 28, 29 — глина

Таблица 58. Античные сосуды из памятников поздних скифов Крыма

1, 5—9, 12, 13, 20, 21, 23 — Беляусский могильник; 2, 17—19, 25, 26, 31, 33, 36 — Неапольский могильник; 3, 10, 11 — Неаполь, мавзолей; 4 — курган Кермен-Кыр; 14, 22, 24 — Южно-Донузлавское городище; 15, 16, 27, 28, 34, 35, 37—40, 42 — Усть-Альминский могильник; 29, 30, 43 — Чернореченский могильник; 32 — могильник Бельбек I; 41 — Неаполь, городище; 44—46 — Инкерманский могильник
1, 13 — красноглиняные с красной росписью; 2, 4, 10, 11, 25, 26, 29, 30, 32 — красноглиняные; 3 — буролокавый; 5 — чернолаковый с белой росписью; 6 — с черным ангобом и резным орнаментом; 7, 8 — чернолаковые; 9, 12, 14—22, 24, 31, 33—42 — краснолаковые; 23, 27, 28, 43—46 — стеклянные

Таблица 59. Лепная и античная керамика из памятников поздних скифов нижнего Приднепровья

1, 2, 8, 11 — Знаменское городище; 3, 4, 31, 32 — Знаменское городище, погребение на валу; 5—7, 19, 25—28, 30, 33 — Гавриловское городище; 9, 12, 13, 15, 16, 22, 23, 29, 34—37, 39, 40 — Золотобалковский могильник; 10, 14, 17, 18, 20, 21, 24, 38 — городище Золотая Балка; 41—44 — могильник Красный Маяк;
1—27 — лепная; 28 — чернолаковый; 29 — сероглиняный; 30, 32, 34—44 — краснолаковые; 31 — красноглиняный; 33 — буролокавый с белой росписью

Таблица 60. Погребальный обряд предсавроматского времени

1—4, 7, 8, 11 — Кривая Лука; 5 — Центральный VI; 6 — Быково I; 9 — Ильевка; 10, 12 — Бережновка II; 13 — Новая Молчановка; 14 — Верхнеподпольный; 15 — Койсуг; 16 — Лебяжья; 17 — Алитуб; 18 — Красная Поляна, Баранчук
Таблица 61. Керамика из погребений предсавроматского времени Волго-Донского междуречья
1, 20 — Соленый; 2 — Ильевка; 3 — Погайный I; 4 — Красная Поляна, Баранчук; 5 — Маркель; 6 — Алитуб; 7 — Грушевка; 8 — Норка; 9 — Чограй III; 10 — Максютово; 11, 15—17 — Кривая Лука; 12 — Лебяжья; 13 — Бережновка II; 14 — Элиста; 18, 24 — Веселый; 19 — Жутово I; 21 — Крепинский; 22 — Центральный VI; 23 — Попов; 25 — Политотдальское

Таблица 62. Вещи из погребальных комплексов и случайные находки предсавроматского времени

1, 21 — Химкомбинат А; 2, 25 — Верхнеподпольный; 3, 9 — Веселый; 4, 31—35 — Лебяжья; 5, 12, 50—57 — Красная Деревня; 6 — Северный II; 7 — Попов; 8 — Уральск; 10 — Чахоткин; 11 — Божиган; 13 — Ильевка; 14 — Арпачин; 15, 16 — Ясырев I; 17, 40, 41 — Мариновка; 18, 19, 37, 42, 45 — Кривая Лука; 20, 23, 44, 46, 47 — Балабино I; 22 — Могута; 24 — Пичуга; 26—30 — Крепинский I; 36 — Шахаевский I; 38, 43 — Чограй III; 39 — Шахаевский II; 43, 49 — Нижнекурморская; 58 — Койсуг; 59 — Крепинский II
1—3, 5 — камень; 4, 26—35, 50—56 — кость; 6—23, 25, 36, 37, 39—43, 45—49, 57—59 — бронза; 24 — железо; 38 — глина; 44 — золото

Таблица 63. Погребальный обряд савроматов и ранних сарматов

1 — Сазонкин бугор; 2 — Суслы; 3 — хут. Шульц; 4 — Блюменфельд; 5 — Ленинск; 6, 12, 13 — Пятимары; 7 — Тара-Бутак; 8 — пос. Целинный; 9, 30 — Новый Кумак; 10 — Аландское; 11 — Увак; 14, 15 — Политотдальское; 16 — Бережновка II; 17 — Бережновка I; 18, 21, 22 — Усатово; 19 — Альф-Ваймар; 20 — Макаровка; 23 — Ново-Никольское; 24, 31 — Мечет-Сай; 25, 26, 28 — Бишунгарово; 27 — Любимовка, группа Лапасина; 29 — Леканды
1—13—VI—V вв. до н. э.; 14—31 — IV—II вв. до н. э.

Таблица 64. Наконечники стрел из савроматских и раннесарматских погребений

1, 2, 6, 7 — типы, общие для всей территории; 3а — в, 5а — д — южное Приуралье; 4, 4а — Волго-Донской регион
3б, в, 4а, 5в — д, 6а, 7а — л — железо; 7д, ж — кость; остальные — бронза

Таблица 65. Мечи, наконечники копий и дротиков, защитное вооружение, колчаные крючки савроматов и ранних сарматов

1 — Ишасово; 2 — Саратовский музей, случайная находка;

3 — Октябрьский могильник; 4, 23, 24, 26, 38 — Новый Кумак; 5, 9, 21 — Аксеновский могильник; 6 — хут. Черниговский; 7 — Осьмушкино; 8 — бугор Стеньки Разина близ Камышина; 10 — Талачево; 11 — Бухмутино; 12 — Енактаево; 13 — Ильинское; 14 — Новая Богдановка; 15 — Белебей; 16 — Красный Яр; 17, 22 — Шолоховский курган; 18 — Пятимары I; 19 — Джангала; 20 — Озерки; 25 — Урал-Сай; 27, 40 — Сладковский курган; 28 — Озерки близ Аткарска; 29 — Буруктал; 30 — Огневское; 31, 51 — Мечет-Сай; 32, 33, 42, 46 — Старые Кишки; 34 — Джанатан; 35 — Калмыково; 36 — Политотдальское; 37 — Увакский могильник; 39 — Старица; 40 — Сладковский; 41 — Квашино; 43 — Кара-Оба; 44—15-й поселок; 45 — Прохоровка; 47 — Ново-Прохоровка; 48 — Веселый; 49 — Сайхин; 50 — совхоз «Дема»; 52 — Калиновка; 53 — Красногорский; 54 — Курмантау

1—15, 18—23, 26—30, 32, 34, 36—46, 49—54 — железо; 16, 17, 24, 25, 47, 48 — бронза; 35 — железо, камень; 31, 33 — железо, бронза

Таблица 66. Звериный стиль савроматов и ранних сарматов

1 — Андреевка; 2 — Суслы; 3 — группа «Три брата»; 4 — Ивановка; 5 — Золотушинское; 6 — Клеменковский; 7 — Пьяновка; 8, 10, 32, 33, 39—41, 43 — Новый Кумак; 9, 31 — Биш-Оба; 11 — Абрамовка; 12, 22, 23, 25 — Блюменфельд; 13 — Тамар-Уткуль; 14 — Сазонкин бугор; 15 — Старица; 16 — Шолоховский курган; 17, 19, 24, 26 — Ново-Привольное; 18 — Селитренное городище; 20, 30, 37, 45, 47 — Пятимары I; 21 — Кривая Лука; 27, 51 — Калиновка; 28 — Аксеновский; 29 — Сладковский; 34, 36 — Покровка; 35 — Сара; 38 — Филипповка, с/х им. Димитрова; 42 — Крыловский; 44 — Соболевская волость; 46 — Варна; 48 — Веселый; 49 — Джангала; 50 — Алитуб; 52, 54 — Новочеркасск; 53 — Старица; 55 — 15-й поселок; 56 — Прохоровка; 57 — Любимовка; 58 — Мечет-Сай; 59, 62 — Матвеевский; 60 — Новый Орск; 61 — Елембетово; 63 — Бишунгарово; 64—66 — Старые Кишки

1, 2, 4, 5, 14, 16, 29, 34, 35, 40, 47, 52, 54 — золото; 3, 7, 8, 13, 15, 17—21, 23, 32, 36—39, 41, 43, 49, 53, 62, 65 — бронза; 6, 9—12, 22—27, 43—46, 50, 51, 55—61, 63, 64, 66 — кость; 30 — рог лося; 31 — камень; 33 — изображение на керамике; 42 — изображение на камне

Таблица 67. Конское снаряжение савроматов и ранних сарматов

1 — Ртищево; 2 — Рысайкино; 3 — Старая Толучеевка; 4 — Кижэ (Красное); 5 — Благодаровка; 6 — Марьчовка; 7 — Нижняя Добрица; 8—12 — Черниговский; 13 — Фриденберг (Мирное); 14, 16, 18, 20, 23, 25, 27, 30 — Блюменфельд; 15, 17 — Ново-Привольное; 19, 24, 26 — Молчановка; 21, 22, 28 — Старица; 29 — Суслы; 31, 53 — Старый Кумак; 32, 37, 41, 43, 45 — Мечет-Сай; 33, 46, 48 — Аландское III; 34 — Сары; 35 — Сынтас I; 36 — Тара-Бутак; 38 — Благословенский, урочище Бис-Оба; 39 — Абрамовка; 40 — Покровка; 42, 49 — Старый Кумак, «Три Мара»; 44 — Пятимары I; 47, 50 — Матвеевский; 51 — реконструкция уздечки из кургана 2 урочища Мечет-Сай; 52, 54 — Старобельск; 53, 60 — Федуловский клад; 55 — Грушевский могильник; 56, 58 — Квашино; 57, 59, 61, 63—66 — Клеменковский; 62 — Балыкля; 67, 72, 73 — Ак-Булак; 68 — Кочкарь; 69 — Новый Кумак; 70, 71, 75—77 — Алебастрова гора (Нежинский); 74 — Ново-Орск

1, 13, 16, 17, 39, 50, 70 — рог, кость; 2—12, 15, 19, 20, 22—31, 33, 40, 42—44, 46—49, 59, 63, 73—77 — бронза; 14, 21, 34—36, 38, 41, 55, 56, 64—69 — железо; 18, 32, 37, 45, 72 — бронза, кожа; 52, 54, 57, 62 — серебро позолоченное; 53, 61 — серебро; 58, 71 — железо, бронза; 60 — золото
51 — реконструкция уздечки (по К. Ф. Смирнову)

Таблица 68. Орудия труда и металлическая утварь савроматов и ранних сарматов

1, 56, 57 — Заплавное; 2 — Золотая коса; 3, 3а — Рахинка; 4 — Алешино; 5 — Суслы; 6, 15 — Элиста; «Три брата»; 7 — Дорофеево; 8 — Ленинск; 9 — Быково I; 10, 13, 50, 51, 55 — Калиновка; 11 — хут. Шульц; 12 — Политотдальское; 14 — Горная Пролейка; 16, 53, 60 — Бережновка I; 17 — Энгельс; 18, 29 — Блюменфельд; 19—15-й поселок; 20 — Новая Ивановка; 21, 36 — Любимовка, группа Лапасина; 22, 28 — Сара; 23, 31, 71, 76, 80, 81 — Новый Кумак; 24, 25, 27 — Соболевская волость; 26, 61 — Пятимары I; 30 — Увакский могильник; 32 — Аландское; 33, 40, 41, 83 — Тара-Бутак;

34 — Горбатый мост (Нежинский); 35, 38 — Бердинская гора; 37 — Альмухаметово; 39 — Тамар-Уткуль; 42 — Азов; 43, 48 — Алитуб; 44 — Жутово; 45, 58 — Верхне-Погромное; 46 — Кара-Оба; 47 — Харьковка III; 49 — Койсуг; 52, 54 — хут. Попов; 59 — Бек-Бике; 62, 63, 72 — Мечет-Сай; 64, 65, 67—70 — Старые Книшки; 66 — Молчановка II; 73, 78 — Прохоровка; 74 — Близнецы; 75 — Увак; 77 — Башкирское стойло; 79, 82 — Алабастрова гора (Нежинский) 1—4, 22, 24—27, 42—44, 48, 54, 61 — бронза; 5, 6, 8, 11, 21, 34—36, 37, 49, 50, 62—65, 67, 69, 70 — железо; 7, 9, 10, 23, 35, 46, 47, 55, 66, 71 — кость; 12—15, 38—41, 56—60, 77—83 — глина; 16—20, 28—33, 45, 52, 72—76 — камень; 51, 68 — железо, кость; 53 — камень, бронза

Таблица 69. Предметы культа и туалета савроматов и ранних сарматов

1, 3 — Кривая Лука; 2 — хут. Краснодарский; 4, 5 — Аксеновский могильник; 6 — Элиста, «Три брата»; 7 — Сазонкин бугор; 8 — Андреевка; 9 — Суслы; 10 — Покровск (Энгельс); 11 — Фриденберг (Мирное); 12 — район г. Куйбышева; 13 — Преображенское; 14 — Тара-Бутак; 15, 33 — Пятимары II; 16, 23, 25 — Мечет-Сай; 17, 19, 28, 30, 63 — Новый Кумак; 18 — Уш-Кюн; 20, 26 — Пятимары I; 21, 32 — Аладское I; 22 — Сара; 24 — Любимовка, урочище Лапасина; 27 — Сынтас; 29 — Липовка; 31 — хут. Барышников; 34, 37, 65, 67, 72, 73, 80 — Старые Книшки; 35, 53, 57, 61 — Заплавное; 36, 42, 54 — Верхне-Погромное; 38 — Мариенталь; 39 — Молчановка II; 40, 41 — Политотдельское; 43, 44, 48 — Бережновка; 45 — Быково; 46 — Кара-Оба; 47, 50, 51, 60 — Калиновка; 49 — 15-й поселок; 52 — Александровск; 55, 56, 58 — Усатово; 59 — Попов; 62 — Оренбург; 64, 70, 71, 74 — Бишунгарово; 66, 69 — Алабастрова гора (Нежинский); 68 — Акжар; 75, 77, 78 — Башкирское стойло; 76 — Малокизыльский могильник; 79 — Боголюбовка

1—3, 12—18, 24, 47, 50, 51, 54, 62, 63 — камень; 4—9, 19—23, 34—38, 59, 73, 76—80 — бронза; 10, 11, 26—29, 55—58, 60, 61, 71, 74, 75 — кость; 25 — рог лося; 30—32, 41—46, 48, 49, 64—70, 72 — глина; 33 — самшит; 39 — бронза, кость; 40 — бронза, дерево; 52, 53 — мел

Таблица 70. Савроматская керамика

1 — Верхне-Подпольный; 2 — Бережновка, «Лесной Кордон»; 3, 27, 38 — Элиста, «Три брата»; 4, 26 — Боаро (Бородаевка); 5 — Максютово; 6, 39 — Политотдельское; 7 — Элиста II; 8 — Меркель; 9, 11, 13, 15, 17, 22 — Бережновка II; 10 — Царевский могильник; 12 — Улан-Эрге; 14, 37 — Энгельс (Покровск); 16 — хут. Степана Раина; 18 — Калиновка; 19 — Комаровка; 20 — Веселый; 21, 28, 31 — Бережновка I; 23 — хут. Сладковский; 24 — Суслы; 25 — Визенмиллер; 29, 30 — Кривая Лука; 32 — Фриденберг (Мирное); 33, 35 — Верхне-Погромное; 36 — Ленинск; 40 — Шолоховский курган; 41 — Никифорово; 42 — хут. Барышников; 43, 46, 48, 49, 57, 60, 61, 66, 69 — Новый Кумак; 44, 52, 71 — Липовка; 45 — Увак; 47 — Каргала; 50, 51, 53 — Тара-Бутак; 54, 67 — Клястицкое; 55 — Близнецы; 56 — Благословенский; 58 — Любимовка; 59 — Пятимары I; 62 — Аблязовка; 63 — Бердинская гора; 64 — Старый Кумак, «Три Мара»; 65, 68 — Варна; 70 — Аладское I; 72 — Мечет-Сай

Таблица 71. Украшения савроматов и ранних сарматов

1, 22 — Сазонкин бугор; 2, 15 — Орск; 3 — Пятимары I; 4 — Любимовка, группа Лапасина; 5, 7, 13, 17, 30, 38 — Покровка; 6, 18 — Старый Кумак, «Три Мара»; 8 — Труевская маза; 9 — Камышинский уезд; 10 — Аксеновский; 11 — Сара; 12, 19 — Новый Кумак; 14 — Матвеевский; 16 — Аладское II; 20, 26, 28, 29 — Биш-Оба; 21, 23, 24, 42, 54 — Пятимары I; 25 — Политотдельское; 27 — Суслы; 31 — Тамар-Уткуль (Золотой); 32, 39 — Золотушинское; 33, 34 — Аладское I; 35, 38 — Тара-Бутак; 36 — Увакский могильник; 37, 50, 62 — Мечет-Сай; 40, 53, 69 — Старые Книшки; 41 — Алабастрова гора; 43, 57 — I Малокизыльский могильник; 44 — Альмухаметово; 45, 58, 67, 75, 76 — 15-й поселок; 46, 52 — Ленинск; 47 — Харьковка; 48 — Кара-Оба; 49 — Калиновка; 51 — Усатово; 55 — Попов; 56, 64 — хут. Донской; 59 — Прохоровка; 60 — Альг-Ваймар; 61 — Бережновка; 63, 70, 72, 73 — Верхне-Погромное; 65, 66, 74 — Усатово; 68 — Заплавное; 71 — Кулешовка 1—4, 15, 17—23, 26—30, 37, 38, 58—62, 66—70, 74—76 — золото; 5, 6 — клык с золотом; 7 — коралл с золотом; 8—12, 14, 33, 34, 40—47, 50, 52—57, 63—65, 72, 73 — бронза;

36, 51, 71 — кость; 13, 31, 32, 35, 39 — камень; 16 — раковина; 24, 25 — клыки; 48, 49 — железо

Таблица 72. Раннесарматская керамика

1 — Малокизыльский могильник; 2, 5, 21, 25—27 — Новый Кумак; 3, 15 — Ак-Жар; 4, 8, 13, 14, 22 — Близнецы; 6 — Аладское; 7, 19 — Новоорск; 9 — Прохоровка; 10 — Любимовка; 11 — Буруктал; 12 — 14-й километр ж/д Орск-Аккермановка; 16 — Алабастрова гора; 17, 20 — Мечет-Сай; 18 — Старые Книшки; 23 — Увак; 24 — Калмыково; 28, 48 — Ленинск; 29, 39 — Краснополье; 30, 33, 47, 50, 52, 55 — Верхне-Погромное; 31 — Бережновка I; 32, 56 — Кара-Оба; 34, 40, 41, 44 — Бережновка II; 35 — Заплавное; 36, 37 — Усатово; 38 — Бережновка, юго-западная группа; 42, 43 — Ново-Никольское; 45 — 15-й поселок; 46 — Быково II; 49, 57, 59 — Политотдельское; 51 — Бережновка, южная группа; 53 — хут. Шульц; 54 — Бячкин-Булак; 58 — Фриденберг; 60 — Алитуб; 61, 64, 65 — Койсуг; 62, 63, 66 — Ясырево; 67, 68, 71, 75 — хут. Попов; 69 — Сладковский; 70 — Грушевская; 72 — Спорный; 73 — Константиновка; 74 — хут. Соленый; 76, 77 — Ушкалка; 78 — Грушевка; 79 — Верхние Сергозы; 80 — Верхняя Маевка; 81 — Спасское; 82 — Перещипно; 83 — Днепрорудный; 84 — Еремовка

Таблица 73. Погребальный обряд среднесарматской и позднесарматской культур

1 — Ютаевка; 2 — Аккермень II, восточная группа; 3, 4 — Ново-Филипповка; 5, 12 — Сорочинский I; 6 — Бурякивка; 7 — Орлянка; 8 — Аккермень II, западная группа; 9 — Аккермень I; 10, 11, 17, 26 — Бережновка II; 13, 19—21 — Лебедевка VI; 14 — Лебедевка V, культовое сооружение; 15 — Калиновка; 16 — Олонешты; 18 — Барановка; 22 — Украина; 23 — Блюменфельд; 24 — «Три брата»; 25 — Усатово; 27 — Старица; 28, 29 — Темясово 1—12 — I в. до н. э. — II в. н. э.; 13—29 — II — IV вв. н. э.

Таблица 74. Лепная керамика среднесарматской культуры нижнего Поволжья и южного Приуралья

1, 2, 5—10, 12—16, 19—24 — Калиновка; 3, 4, 17, 18 — Бережновка II; 11 — Политотдельское; 25 — Сорочинский I; 26, 40 — Малокизыльский II; 27 — Уметбаево; 28, 29 — Кос-Оба; 30 — Лебедевка V; 31, 33, 38 — Гвардейцы; 32, 34, 39 — Барбастай III; 35, 37 — Герасимовка I; 36 — Карасу

Таблица 75. Лепная и гончарная керамика из сарматских погребений Северного Причерноморья

1, 3, 17 — Аккермень II, восточная группа; 2, 4 — Украина; 5, 13, 19, 20, 25, 26, 28, 29, 31, 34, 40, 46 — Аккермень II, западная группа; 6 — Украина; 7, 10 — Усть-Каменка; 8 — Ново-Филипповка; 9, 16 — Орлянка; 11, 18 — Бурякивка; 12, 14 — Златополь; 15 — Негурены; 21 — Спасское; 22, 45 — Боканы, грунтовый могильник; 23 — Верхняя Маевка XII; 24, 35, 39 — Бузовка; 27 — Вишорэ, грунтовый могильник; 30 — Комрат; 32 — Ново-Подкряж; 33, 41 — Богодар; 36 — Олонешты; 37 — Огородное; 38 — Працила, грунтовый могильник; 42, 43, 47 — Рисилены; 44 — Рени-Олтенница 1—18 — I в. до н. э. — II в. н. э., лепная керамика; 19—30 — II—IV вв. н. э., лепная керамика; 31—47 — II—IV вв. н. э., гончарная керамика

Таблица 76. Гончарная керамика среднесарматской культуры междуручья Волги — Дона, Заволжья, южного Приуралья

1, 2, 12, 15, 17, 18 — Калиновка; 3, 5, 7—9, 13, 14, 19 — Бережновка II; 4 — Бережновка I; 6, 10, 11, 20 — Политотдельское; 16 — Багаевский; 21 — Гвардейцы; 22, 23, 27 — Кос-Оба; 24 — Карасу; 25, 26 — Сорочинский I; 28 — кордон Деркульский

Таблица 77. Гончарная керамика среднесарматской культуры Северного Причерноморья

1, 2, 12, 17, 26 — Аккермень II, западная группа; 3, 5, 7—9, 13, 18—20, 22, 23, 27, 29, 32, 34 — Аккермень II, восточная группа; 4 — Великие Проходы; 6, 25 — Ново-Подкряж; 10, 30 — Ново-Филипповка; 11, 21, 33 — Аккермень I; 14 — Орлянка; 15 — Долина; 16 — Усть-Каменка; 24 — Негурены; 28 — Бурякивка; 31 — Верхняя Маевка XIII

Таблица 78. Котлы, металлическая посуда, орудия труда среднесарматской и позднесарматской культур

1, 2, 13—15 — Багаевский; 3, 3а — хут. Кияковка; 4 — Новолуганское; 5 — Садовый; 6, 12 — Большая Дмитриевка; 7 — Кирсановка; 8 — Цветна; 9 — Соколовский; 10 — Сладковский; 11, 16—18, 20, 21, 23, 28, 50, 51 — Калиновка; 19,

24, 25 — Усть-Каменка; 22, 27 — Ново-Филипповка, восточная группа; 26 — Старая Полтавка; 29 — Сорочинский; 30 — Лебедевка VI; 31 — Альт-Веймар; 32 — Октябрьское; 33, 35, 39, 42, 44, 47—49, 53—56, 68 — Лебедевка 1967; 34 — Восточный Маныч 1967; 36, 40, 41 — Олонешты; 37 — хут. Крепинский; 38, 52, 60, 63 — Бережновка II; 43 — «Четыре брата»; 45 — Недвиговка; 46 — Суслы; 57, 58 — Темясово; 59 — Липовка; 61 — Восточный Маныч I; 62 — Комсомольское IV; 64 — Ленинск; 65 — Аккермень II, западная группа; 66 — Старица; 67 — Жутово
1—11, 30—41 — бронза; 12, 61 — серебро; 13—16, 28, 29, 42—50, 62—65, 68 — железо; 17, 18 — кость; 19, 26, 27 — железо, дерево; 20, 51, 52 — камень; 21—25, 57—60 — глина; 53—56 — дерево; 66 — железо, бронза; 67 — железо, кость
1—29 — I в. до н. э.— II в. н. э.; 30—68 — II—IV вв. н. э.

Таблица 79. Предметы искусства среднесарматской и позднесарматской культуры

1 — Садовый курган; 2, 4 — Верхне-Погромное; 3 — Запорожский курган; 5 — Янчокрак; 6, 15, 16 — Высочино VII; 7, 9, 18 — Соколова Могила; 8 — Керчь; 10, 12, 17 — курган Хохляк; 11 — Саламатина; 13 — Лебедевка VI; 14 — Балабинский; 19 — Усть-Каменка
1, 3, 9, 12, 17, 18 — золото и полудрагоценные камни; 2, 4, 10, 11 — золото; 5 — серебро с позолотой; 6, 15, 16 — серебро; 7 — бронза, серебро с позолотой; 8 — глина; 13 — халцедон, золото, стекло; 14 — мел, кость; 19 — бронза

Таблица 80. Предметы туалета и культа среднесарматской и позднесарматской культуры

1—3, 8, 10, 11, 23, 24, 28, 45, 51 — Бережновка II; 4, 7, 13, 19, 38, 57 — Калиновка; 5, 6, 21, 25 — Аккермень II, восточная группа; 9 — Скаяны; 12 — Долина; 14, 16 — Ново-Подкряж; 15, 17, 26 — Алитуб; 18, 44 — Аккермень II, западная группа; 20 — Политотдальское; 22, 27, 61 — Усть-Каменка; 29 — Старица; 30, 35 — хут. Зеленый; 31 — Комсомольское IV; 32, 40, 56 — Котово; 33 — Жутово; 34, 37 — Суслы; 36, 58 — хут. Шульц; 39, 62 — Темясово; 41 — Барановка; 42 — Блюменфельд; 43 — Терновский; 46 — Маркауцы; 47 — хут. Кузин; 48—50 — Лебедевка V; 52 — Альт-Веймар; 53 — Негурены, грунтовой могильник; 54, 55 — Первомайск; 59 — Леканды; 60 — Лебедевка VI
1—9, 29—39 — керамика; 10—12 — камень; 13, 18, 53—55 — стекло; 14, 19—21 — кость; 15 — серебро; 16, 17, 22—28, 40—48, 51, 52, 57—62 — бронза; 49 — бронза, кожа; 50 — кожа; 56 — серебро, золото, стекло
1—28 — I в. до н. э.— II в. н. э.; 29—62 — II—IV вв. н. э.

Таблица 81. Оружие и конское снаряжение среднесарматской и позднесарматской культуры

1, 4—7, 10, 21, 23 — Никольский; 2 — Ютаевка; 3, 9, 11, 15, 17а, 6, 20, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 35, 38, 40а, 6, 60, 61 — Калиновка; 8 — Мариенталь; 12а, 18 — Ново-Филипповка, восточная группа; 12б, 13, 13а — Герасимовка; 13б — Бережновка II; 14, 19 — Аккермень II, восточная группа; 16 — Усть-Каменка; 24 — Ново-Филипповка, северная группа; 26 — Бугульчан, случайная находка; 28 — Спасское; 30 — Нижний Баскунчак; 33 — Боаро; 34 — Успенка; 36, 41 — Блюменфельд; 37, 56 — Сидоры; 39, 52 — Старица; 42—45, 57, 58, 62 — Лебедевка VI; 46 — Красногорский; 47—50 — Березняки; 51 — Высочино VII; 53 — Агаповский; 54, 56 — Лебедевка 1967; 59 — «Четыре брата»
1, 49, 52, 56 — железо, бронза; 2, 3, 5, 7, 9—12, 14—29, 35—37, 39—41, 54, 59—61 — железо; 4, 5, 30—34, 38 — кость; 8, 47, 48, 50 — бронза; 13 — железо; 13а, б — железо, дерево; 44, 45 — бронза, дерево; 46, 51 — серебро; 53 — железо, бронза, кожа; 55 — железо, дерево, серебро; 57 — халцедон; 58 — железо, халцедон, золото, бронза, дерево; 62 — железо, бронза, халцедон, дерево; 42, 43 — графическая реконструкция
1—29 — I в. до н. э.— II в. н. э.; 30—62 — II—IV вв. н. э.

Таблица 82. Пряжки, фибулы, украшения среднесарматской и позднесарматской культуры

1, 4, 14, 23, 51, 52, 88, 92 — Калиновка; 2 — Калантаево; 3, 8, 47, 48 — Аккермень II, западная группа; 5 — Широкая балка; 6 — Новокиевка; 7, 17, 28, 29, 34, 36 — Аккермень II, восточная группа; 9 — Владимирова; 10, 20 — Златополь; 11, 12 — Политотдальское; 13 — Орлянка; 15 — Васильевка; 16, 18, 22, 25, 38, 44—46, 56 — Усть-Каменка; 19 — Соро-

чинский I; 21, 41м—р — Кос-Оба; 24 — Сидоры; 26 — Аккермень I; 27, 35 — Ново-Филипповка; 30, 32 — Быково; 31 — Сайхин, северо-восточная группа; 33, 39 — Бережновка I; 37 — Старая Полтавка; 40 — реконструкция пояса по А. В. Симоненко; 41а — Я — Соколова Могила; 42, 43, 103 — Балки; 49, 63, 68 — Котово; 50, 69 — 71 — Лебедевка VI; 53 — Бережновка II; 54 — Гусевка; 55, 77 — Кричиное, грунтовой могильник; 57, 62, 66, 67, 84, 89, 91 — «Три брата» II; 58 — Бузовка; 59, 101 — Темясово; 60 — Богодар; 61 — Норка; 64, 87 — Восточный Маныч II; 65 — Колпачки; 72, 107 — Лебедевка V; 73, 74, 96 — Блюменфельд; 75, 82, 86, 88, 97 — Старица; 76 — Бис-Оба; 78, 95 — Суслы; 79, 98 — Жутово; 80 — Мишкина пристань; 81 — Ново-Подкряж; 83 — Кривая Лука; 85 — Нещеретово; 87 — Шипово; 90 — Ленинск; 93 — Липовка; 94 — Архара; 99, 106 — Боаро; 100 — Виземиллер; 102 — Усатово; 104 — Олонешты; 105 — Барановка

1, 4, 14, 15, 41 м—р, 69—72 — золото; 6, 30, 37, 79, 85, 88, 90, 91 — железо; 16, 28, 60, 73 — бронза, стекло; 17—20, 22, 62—68 — египетский фаянс; 38—40 — бронза; кожа; 49 — золото, сердолик; 50 — золото, стекло; 54 — золото, полудрагоценный камень; 61 — золото, стекло, гранат; 95 — бронза, эмаль; 105 — серебро; остальные — бронза
1—41 — I в. до н. э.— II в. н. э.; 42—107 — II—IV вв. н. э.

Таблица 83. Лепная керамика позднесарматской культуры междуречья Волги — Дона, Заволжья и южного Приуралья

1, 2, 6—12, 15, 16, 20, 24 — Калиновка; 3 — Сидоры; 4, 13, 18, 26 — Койсуг; 5, 17, 23 — Кривая Лука VI; 14 — Харьковка I; 19 — Верхне-Погромное; 21 — Нехаевский; 22 — Боаро; 25 — Бережновка II; 27, 30, 39—41 — Лебедевка V; 28, 29, 31, 32 — Лебедевка VI; 33, 37 — Кара-тал; 34 — Березняки; 35 — Темясово; 36 — Уязыбашево; 38 — Бекешево III

Таблица 84. Гончарная керамика позднесарматской культуры междуречья Волги — Дона, Заволжья и южного Приуралья

1 — Харьковка; 2 — Нехаевский; 3 — Ленинск; 4, 8 — Бичкин-Булак; 5, 6 — Калиновка; 7 — «Три брата» II; 9 — Бережновка; 10 — Машевка; 11 — Аксеновский; 12, 16 — Барановка; 13 — Сидоры; 14 — Быково II; 15 — хут. Ясырев; 17 — Койсуг; 18, 24 — Лебедевка VI; 19, 21 — Лебедевка V; 20, 27 — Лебедевка 1967; 22 — Гумарово I; 23 — Комсомольское IV; 25 — Уязыбашево; 26 — Темясово; 28 — Лебедевка II

Таблица 85. Планы погребальных сооружений из курганов Предкавказья скифского времени

1, 1а — Костромской; 2—5 — Красное Знамя; 6 — Воронежская; 7 — Кермес; 8 — Ульский аул; 9, 10 — Елизаветинская; 11 — Гойты

Таблица 86. Хронологическое соотношение инвентаря могильника Нартан (по материалам В. Батчаева)

1, 31, 47 — курган 19; 2, 3, 3а, 6, 12, 19, 26, 33 — курган 16; 4, 8, 24, 35, 40, 44 — курган 21; 5, 11, 23 — курган 13; 7, 9, 10, 13, 15—17, 20, 22, 25, 28—30, 32, 34, 36, 38, 39, 41—43, 45, 46, 48, 49 — курган 20; 14, 21 — курган 14; 18, 27 — курган 12; 50, 56, 61, 71—73, 75, 77а, б — курган 9; 51, 54, 77а, в — курган 17; 52, 63, 67 — курган 23; 53, 60, 62, 66, 68, 70, 77ж, з — курган 15; 55, 57—59, 69 — курган 6; 64, 65, 76 — курган 18; 74 — курган 7; 77а, е — курган 11; 78, 97, 105, 115 — курган 2; 79, 82, 83, 85—88, 96, 104, 112, 113 — курган 4; 80, 103, 108—110 — курган 1; 81, 90, 92, 98, 102, 111 — курган 8; 84, 89, 94, 99, 100, 101, 106, 107 — курган 5; 91, 114 — курган 3; 93, 95 — курган 24
1—3, 6, 13, 27, 29, 50, 52, 62—65, 78—81, 88, 91, 92, 94, 106, 107 — железо; 4, 7, 8, 12, 14, 23, 30, 55, 59, 66—69, 84, 113 — кость; 5, 9—11, 15—17, 24—26, 28, 31—33, 35—49, 51, 54, 57, 58, 60, 61, 72, 73, 76, 77, 85, 89, 90, 93, 95, 96, 98—105, 108—112, 114 — бронза; 18—22, 56, 70, 71, 74, 75, 87, 97, 115 — золото; 34, 53, 82 — бронза, железо; 83 — камень; 86 — керамика

Таблица 87. Оружие и конский убор из курганов Предкавказья VII — первой половины VI в. до н. э.

1, 39 — Псекупс; 2 — Степной; 3 — Нестеровская; 4, 16, 31б, в, 46 — Каррас; 5 — Лермонтовский разъезд; 6, 10 — Кисловодск, мебельная фабрика; 7, 17, 19, 21, 23—26, 47, 49, 51, 52, 55, 57, 60—64, 66, 68, 70—73, 77—81, 83, 84 — Кермес; 8 — Нижний Чегем; 9 — Краснодарский музей; 11, 18, 30а—в, 86 — Ставрополь (1953 г.); 12—15, 20, 27—29,

306, е-к, 34, 35, 37, 43, 45, 50, 56, 58, 65, 75, 82, 87 — Красное Знамя; 22, 31а, 76, 85 — Комарово; 31а — а, 32 — Усть-Лабинская; 30а, 41, 54, 59 — Алексеевский; 33 — Костромская; 36 — Гвардейское; 38, 40 — Кубанский; 42 — Прикубанье; 44, 67 — Подгорная; 48, 69 — Мохошевская; 53 — Северная Осетия; 74 — Ульский

1, 2, 37, 48 — железо, бронза; 3-6, 14, 16-20, 32, 39, 45, 46, 51, 52 — железо; 7 — железо, золото; 8-10, 13, 15, 30 а-к, 31а — а, 34-36, 38, 40, 41, 44, 47, 49, 50, 53-59, 64-69, 71, 74, 75, 79-82, 86, 87 — бронза; 11, 27-29 — камень; 12, 22-26, 42, 63, 70, 72, 73, 76-78, 83-85 — кость; 21, 33, 60-62, 66 — золото; 43 — клык, золото

Таблица 88. Вещи из курганов у станицы Келермесская из раскопок Д. Г. Шульца

1, 4, 8, 9-14, 17, 18 — золото; 2, 5, 6, 15, 16 — бронза; 3, 7 — железо, золото

Таблица 89. Керамика и бронзовый сосуд из Краснознаменных курганов

1-12 — глина; 13 — бронза

Таблица 90. Инвентарь протомеотского периода

1, 11, 16, 17, 19, 25, 37, 40, 42, 49, 56 — Николаевский; 2, 45 — Ястребовский; 3-5, 12-15, 20-22, 30, 31, 34, 35, 41, 46, 47, 55 — Кубанский; 6, 24, 28, 50, 51, 53 — Ясеновая Поляна; 7, 8, 32, 33 — Фарс; 9, 10, 38, 48 — Клады; 18, 23, 26, 27, 29, 36, 39, 43, 52, 54 — Псекупс; 44 — с. Благодарное 1-3, 7, 8, 11-16, 20, 21, 31-35, 45-47 — бронза; 4, 5 — камень; 6, 24, 27, 28, 43, 48, 54, 56 — керамика серого обжига; 9, 10, 17, 18, 22, 23, 25, 26, 29, 36-42, 49-53, 55 — керамика черного и темно-серого обжига; 19, 30, 44 — бронза, железо

Составитель Н. Г. Ловпаче

Таблица 91. Керамика раннемеотского и среднемеотского I периода

1 — Карагодеуашк; 2, 3, 5, 7, 9, 10, 13, 15, 17, 28, 29, 35, 42, 43, 48, 52, 54, 55, 58 — Усть-Лабинск; 4, 6, 8, 11, 12, 14, 18, 24, 25, 27, 32, 33, 36-41, 44-46, 50, 51, 53, 57 — Псекупс; 16, 22 — Пашковский; 19, 20, 31, 34 — Келермеская; 21 — Повежукай; 23, 47, 49 — Шутук; 26 — Еременская; 30 — Лебеди; 56 — Майкоп 1-7, 9-11, 13-17, 26-28, 36, 43, 46, 47, 50-57 — сосуды черного и темно-серого обжига; 8, 20 — сосуды красного и желтого обжига; 12, 18, 19, 21-25, 29-35, 37-42, 44, 45, 48, 49, 58 — сосуды серого обжига

Составитель Н. Г. Ловпаче

Таблица 92. Меотские погребения и могильники

1, 4, 5 — Лебеди III; 2, 3 — Общественный II, курган 2; 3, 7, 10 — могильник городища Пашковское 6; 6 — могильник городища Тбилиское 1; 8, 9 — могильник Усть-Лабинский 1; 11 — могильник Усть-Лабинский 2; 12 — план могильника Лебеди III, съемка О. Н. Якубовской; 13 — план части раскопа на могильнике Лебеди III, 1980 г.

Таблица 93. Вещи из меотских памятников

1, 24, 29, 40, 47, 53-56, 65 — могильник Усть-Лабинский 2 (по Н. В. Анфимову); 2, 3, 5, 16 — Нижне-Гниловское городище; 4, 6-8, 15, 19-22, 52 — городище Пашковское 6; 9 — случайная находка у хут. Ленина; 10 — могильник Пашковский 3; 11-13, 17, 25, 30-32, 34-36, 44, 45, 48-51, 60, 62, 67, 69, 73 — могильник Елизаветинский 1; 14, 18, 75 — Подазовское городище; 23 — Острый курган у станицы Ярославской; 26-28, 33, 38, 39, 41-43, 57, 59, 61, 63, 66, 68, 70, 71 — могильник Лебеди III; 37, 72, 74 — могильник Подазовского городища; 46 — Воздвиженский курган; 58 — могильник городища Пашковское 6; 64 — могильник Пашковский 2 1, 2, 9-11, 24, 25, 29-31, 34-36, 46-52 — железо; 3, 4, 6, 17-22, 40 — керамика; 5, 7, 8, 15 — камень; 12-14, 16, 32 — кость; 23 — стекло; 26-28, 33, 38, 39, 41-45, 53-75 — бронза; 37 — серебро

Таблица 94. Планы меотских городищ

1 — Дружба II, инструментальная съемка О. Н. Якубовской 1982 г.; 2 — Дружба IV, съемка та же; 3 — Дружба III, съемка та же; 4 — Ново-Покровское, глазомерная съемка И. С. Каменецкого 1970 г.; 5 — Васюринско-Воронежское I, инструментальная съемка А. Е. Якира 1982 г.; 6 — Воронежское 2, инструментальная съемка В. К. Гугуева 1980 г. с уточнениями И. С. Каменецкого 1982 г.

Таблица 95. Жилища и хозяйственные сооружения меотов 1 — очаг в жилище на Нижне-Гниловском городище; 2, 3 — участки раскопов на Подазовском городище; 4 — реконструкция гончарного горна Елизаветинского городища (по В. П. Шилу); 5 — разрез хлебопекарной печи Нижне-Гниловского городища, 1963 г.; 6 — план основания хлебопекарной печи Нижне-Гниловского городища, 1964 г.; 7 — Подазовское городище, жилище 17; 8 — Подазовское городище, жилище 31; 9 — Подазовское городище, жилище 21; 10 — участок раскопа Подазовского городища с хозяйственными ямами, 1970 г.; 11 — Нижне-Гниловское городище, 1954 г., жилище 2; 12 — Подазовское городище, жилище 29; 13 — планировка раскопанного участка Подазовского городища

Таблица 96. Керамика среднемеотского II периода

1, 3, 5, 6, 10, 12, 26, 29, 31, 39 — Ладожская; 2, 7-9, 13, 16, 19-22, 28, 32-38 — Усть-Лабинск; 4, 11, 14, 30, 40 — Псекупс; 15, 24 — Красногвардейское; 17, 18, 23, 25 — хут. Ленина; 27 — Натухай 1, 4, 9, 40 — сосуды красного и желтого обжига; 2, 3, 5-8, 10-16, 18-33, 39 — сосуды серого обжига; 17, 34-38 — сосуды черного и темно-серого обжига

Составитель Н. Г. Ловпаче

Таблица 97. Керамика позднемеотского периода

1, 4, 7, 15, 21, 23, 29, 42, 49 — Тахтамукай; 2, 3, 6, 10-12, 16, 20, 22, 24-26, 45, 50, 51 — Ладожская; 5, 35, 39 — Воронежская; 8, 14, 19 — Ясеновая Поляна; 9, 30, 37, 40, 41, 46 — Красногвардейское; 13, 17, 27, 47, 48 — Усть-Лабинск; 18 — Краснодар; 28, 36, 43 — Псекупс; 31 — Крыловская; 32 — хут. Ленина; 33 — Краснодарский музей; 34 — Сергиевское; 38 — Воздвиженская; 44 — Дондуковская 1, 4, 5, 7-10, 12, 13, 15, 17-21, 23, 27, 28, 30, 32, 34-41, 43, 44, 46-48, 51 — сосуды серого обжига; 2, 3, 6, 11, 22, 25, 29, 33, 50 — сосуды черного и темно-серого обжига; 14, 16, 24, 26, 31, 42, 45, 49 — сосуды красного и желтого обжига

Составитель Н. Г. Ловпаче

Таблица 98. Сарматские погребения северо-западного Кавказа

1, 2, 10 — могильник Греки I; 3, 12, 15 — могильник Греки II; 4, 7, 8, 9 — могильник Малаи I; 5 — Ново-Николаевский II могильник; 6, 14 — могильник Лебеди I; 11, 13, 16 — могильник Малаи III

Таблица 99. Инвентарь сарматских погребений северо-западного Кавказа

1, 8, 65, 70 — Ново-Николаевский II могильник; 2, 27, 68 — могильник Лебеди II; 3 — Ново-Николаевский I могильник; 4, 12, 16, 56, 60 — могильник Греки V; 5, 13, 19, 21, 23, 25, 31, 32, 39, 40, 42, 71, 72 — могильник Греки II; 6, 18, 24, 26, 29, 41, 49, 57, 62 — могильник Малаи III; 7, 22 — могильник Греки I; 9, 14, 30, 34, 36, 38, 46, 50, 51, 58, 69, 73 — могильник Лебеди I; 10, 11, 17, 28, 35, 43-45, 48, 52, 54, 63 — могильник Малаи I; 15, 53, 64 — могильник Малаи II; 20, 59, 61 — Пилицевский I могильник; 33, 37, 47, 55 — могильник Греки III; 66, 67 — могильник Греки IV 1 — бронза и железо; 2, 13-16, 18, 19, 26, 27, 33, 38, 40, 43-45, 47, 48, 51, 71, 72 — железо; 3, 5, 6, 30, 32, 34, 42, 49, 50, 53, 55, 56, 68-70 — бронза; 4 — бронза и кость; 7-12, 20-25, 35-37, 52, 57-67 — керамика; 17, 54 — золото; 28, 39, 41, 46 — кость; 29, 73 — камень; 31 — железо и кость

Таблица 100. Особенности локальных вариантов кобанской культуры (середина XII-VII в. до н. э.)

A — центральный вариант: 1, 4, 6, 8, 13 — поселение Змейское; 2, 9, 10, 12, 14, 17, 19 — Кубань; 3, 5, 15, 16, 20, 22-24 — Тля; 7, 18, 21 — Верхняя Рутха; 11 — Донифарс; 25 — Юго-Осетия

1-3 — планы погребений; 6, 8 — глина; 19 — бронза и железо; остальные — бронза

B — западный вариант: 1 — Ясная поляна (г. Ессентуки); 2-3 — Кисловодская котловина; 4, 21, 23 — мебельная фабрика I (г. Кисловодск); 5, 26 — Бык-гора; 6, 10, 12, 13, 24, 28, 29 — Терезе; 7, 27 — Ивжич-чукур; 8, 17, 18 — Заюково I; 9 — Кичмалка; 11 — Каменноостское; 14 — Березовка I; 15 — Сосновая горка; 16 — Былым; клад; 19 — гора Бештау, клад; 20, 22 — Султан-гора; 25 — Боргустав, клад

1-3 — планы и разрезы погребальных сооружений; 4 —

глина; 10 — бронза и серебро; 13 — кость; 14 — сурьма; 20 — камень; остальные — бронза
 В — восточный вариант; 1, 7, 8, 10—15, 17, 19, 20, 28 — Сержень-юрт, поселение; 2—3, 5, 9, 16, 18, 21—25, 27, 29, 30 — Сержень-юрт, могильник; 4, 26 — Зандакский могильник; 6 — Майргуп
 1—3 — планы погребений; 4 — кремь; 7, 8, 10, 11, 13—15 — глина; 19, 20 — кость; 30 — бронза и железо; остальные — бронза

Таблица 101. Орудия труда и оружие кобанской культуры

А — середина XII — середина VII в. до н. э.: 1—2, 5, 31, 33, 37, 38 — Сержень-юрт, поселение; 3 — Инжич-чукун; 4, 7, 24, 48 — Зандак; 6, 32, 34, 40 — Терезе; 8, 11, 19, 20, 27, 46 — Тли; 10, 28, 56 — Березовка; 9, 18, 25, 26, 29, 30, 41 — Сержень-юрт, могильник; 12, 51 — Каменноостское; 13, 14, 36 — поселение Змейское; 15 — Кавказский заповедник; 16 — Бамут; поселение; 17 — Нестеровская, поселение, 21, 47, 49 — Кобань; 22, 43, 50, 53, 54, 57 — мебельная фабрика I (г. Кисловодск); 23 — Белая речка 2; 35, 39 — Кисловодск; 42, 44 — Индустрия I; 45, 52, 55 — Эчкивап
 12, 15, 16, 18, 23 — камень; 14, 17 — глина; 26 — железо; 36—38 — кость; 51, 54—57 — бронза и железо; остальные — бронза

Б — середина VII—IV в. до н. э.: 1, 6, 7, 12, 13, 16, 18, 34 — Тли; 2 — Карабашево; 3, 19, 35 — Минеральные Воды; 4, 10, 15 — Луговой; 5, 17, 36 — Аллерой I; 8 — Урусмарган; 9 — Нижний Чегем; 11 — Учкёкен; 14, 20, 21, 37 — Сержень-юрт; 22 — 24 — хут. Дружба; 25—27 — Комарово; 28 — Крестовая горка, Кисловодск; 29 — 32 — Шалущка; 33 — Клиняры 2

4 — камень; 8, 19, 22—24 — бронза; 17—18 — железо и кость; 31—32 — кость; 35 — бронза и железо; остальные — железо

Таблица 102. Булавки и украшения кобанской культуры

А — середина XII — середина VII в. до н. э.: 1, 34, 35, 43, 56, 60, 64 — Тли; 2, 7, 14, 17, 44, 53 — Сержень-юрт; 3, 9, 18, 23, 32, 38—40, 49, 57 — Терезе; 4, 6, 12, 19, 62 — Шарой; 5, 10, 13, 15, 16, 27—29, 33, 37, 46, 48, 55, 59, 61, 63 — Кобань; 8, 54 — Инжич-чукун; 11, 31 — Верхняя Рутха; 20, 36, 52 — Сержень-юрт, поселение; 21 — Бамут, поселение; 22 — Эчкивап; 24 — мебельная фабрика I (г. Кисловодск); 25, 30 — Заюковский I; 26 — Каменноостское; 41 — Березовка I; 42 — Зандак; 45 — погребение близ г. Нальчика; 47 — Индустрия I; 50 — Быльм, клад; 51 — Кыфар, клад; 58 — Крестовая горка, Кисловодск

18 — кость; 21 — отгиск; остальное — бронза
 Б — середина VII—IV в. до н. э.: 1 — Этока; 2, 25, 26 — Верхний Чегем; 3, 5, 15 — Каменноостское; 4 — Улубаганалы 2; 6 — Исти-су; 6а, 34 — Новогрозненская; 7, 12, 28, 45, 46 — Кобань; 8, 11, 17, 32, 38 — Сержень-юрт; 9, 37 — Домбай-Ульген; 10 — крепость Воздвиженская (Чечено-Ингушетия); 13, 22 — Кызылкала; 14 — Николаевское (Северная Осетия); 16 — Чегемское ущелье; 20, 41—43, 50 — Тли; 18, 19, 23, 36, 40, 47—49 — Луговой; 21, 24 — Карабашево; 27, 33 — Нестеровская; 29, 30 — Верхняя Рутха; 31 — Казбеги, клад; 35 — Шалущка; 39 — мебельная фабрика I (г. Кисловодск); 44 — Шарой
 37 — стекло; 41 — железо; остальные — бронза

Таблица 103. Конское снаряжение кобанской культуры

А — середина XII — середина VII в. до н. э.: 1—4 — Эчкивап; 5, 6, 9—11, 13, 14, 19 — мебельная фабрика I (г. Кисловодск); 7, 8, 38 — Терезе; 12 — Каменноостское; 15, 17, 18 — Ессентуки; 16, 30 — Кобань; 20—25, 27, 29 — Зандак; 26 — Бамут, поселение; 28 — поселение Змейское; 31—34 — Сержень-юрт; 35, 36 — Березовка I; 37 — Кисловодск

8, 26—28 — кость; остальные — бронза
 Б — середина VII—IV в. до н. э.: 1 — Северная Осетия; 2 — Султан-гора I; 3 — Кызылкала; 4 — Верхний Чегем; 5—8 — Луговой; 9 — Чегемское ущелье; 10 — Березовка I; 11—13 — Тли; 14 — Казбеги, клад; 15, 21 — Кобань; 16 — Верхняя Рутха; 17 — Баксанское ущелье; 18—20 — Комарово; 5—7, 18—20 — железо; 10, 12, 13 — кость; остальные — бронза

Таблица 104. Глиняная посуда кобанской культуры

А — центральный вариант. I — середина VII—IV в. до н. э.: 1, 3, 9, 10 — Комарово; 2, 8 — Моздок; 4 — Кобань;

5 — Кобань, северное кладбище; 6 — Верхний Акбаш, курган; 7 — с. Урванское; II — середина XII — середина VII в. до н. э.: 11, 20 — Верхняя Рутха; 12, 16—18 — Кобань; 15, 19, 22 — поселение Змейское; 14, 21 — Тли

Б — западный вариант. I — середина VII—IV в. до н. э.: 1 — Кызылкала; 2 — Тамгадик; 3 — близ г. Георгиевска; 4, 8, 9 — Исправная; 5, 6, 12 — Минеральные Воды; 7, 14 — Каменноостское; 10, 11, 13 — Улубаганалы 2; II — конец XII—XI — середина VII в. до н. э.: 15, 16, 18, 19, 22 — Каменноостское; 17, 23 — пещера Шисса, станица Зеленчукская; 20 — Исправная; 21, 24, 25 — Березовка I

В — восточный вариант. I — середина VII—IV в. до н. э.: 1, 2, 9 — Нестеровская; 3, 4 — Сержень-юрт, поселение; 5 — селение Верхний Наур; 6 — Луговой; 7, 11, 12 — Исти-су; 8, 10 — Шали; II—X — середина VII в. до н. э.: 14, 17 — Сержень-юрт, поселение; 16, 19, 20 — Пседахе; 13, 15, 21 — Бамут, поселение; 18 — Зандак

Таблица 105. Бронзовые сосуды кобанской культуры

А — центральный вариант. I — середина VII—VI в. до н. э., 1—2 — Тли; II — середина XII — середина VII в. до н. э.: 3—7, 9—12 — Тли; 8, 13 — Жемтала, клад

Б — западный вариант. I — середина VII—IV в. до н. э.: 1—2 — Улубаганалы 2; II—XI — середина VII в. до н. э.: 3, 4, 6 — Терезе; 5 — мебельная фабрика I (г. Кисловодск)

В — восточный вариант. II — X — середина VII в. до н. э.: 1 — Кеском, клад

Таблица 106. Особенности локальных вариантов кобанской культуры (середина VII—IV в. до н. э.)

А — центральный вариант: 1, 3 — Верхняя Рутха; 2 — Комарово; 4—6, 16—18 — Тли; 7—9, 19 — Кобань (северное кладбище); 10 — Фаскау; 11—15 — Казбеги, клад

1—5 — планы погребений; 6 — камень и бронза; 17 — бронза и железо; остальные — бронза

Б — западный вариант: 1 — Минеральные Воды; 2 — Учкулан; 3, 22, 23 — Кызылкала; 4, 16 — Березовка I; 5 — Султан-гора 3; 6, 13, 15, 19 — Этока; 7, 27 — Белореченский I; 8, 17 — Тамгадик; 9, 11, 12, 14 — Домбай-Ульген; 10 — Баксанское ущелье; 13, 21, 24 — комплекс Улубаганалы 2; 20 — Султан-гора I; 25 — погребение в каменном ящике у санатория «Туркменистан» (г. Кисловодск); 26 — Перкальский; 28 — Подкумский

1—5 — планы погребений; 6 — глина; 11, 22—25 — железо; 16 — сурьма; 21 — кость; 26 — бронза и железо; остальные — бронза

В — восточный вариант: 1, 4 — Исти-су; 2, 3 — Аллерой I; 5, 6, 12 — Нестеровская; 7—9, 13—15 — Луговой; 10, 19 — Новогрозненский; 11 — Пседахе; 16 — Ялхой-мох; 17 — Урусмарган; 18 — г. Малгобек; 20 — Сержень-юрт

1—4 — планы погребений; 5, 6 — глина; 9 — железо; 17 — бронза и железо; 18 — кость; 20 — железо и кость; остальные — бронза

Таблица 107. Планы погребений и инвентарь из могильников горных районов центрального Кавказа III в. до н. э. — III в. н. э. (по материалам Северной Осетии)

1, 2, 5—10, 12, 14—19, 21, 22, 24—26, 30, 32—34, 40, 42—46, 48—52, 54, 55 — Карца; 3, 4, 35, 39 — Чми; 11, 13, 20, 23, 27—29, 31, 36—38, 41, 47, 53, 56—58 — Кобань
 1, 2, 21 — планы погребений; 3—7, 22—30 — железо; 8—13, 16, 34—41, 43, 45—53 — бронза; 14, 42, 44 — железо и свинец; 15 — железо и бронза; 17—20, 31, 54—58 — глина; 32, 33 — камень

Таблица 108. Планы погребальных сооружений из грунтовых могильников предгорной и равнинной зоны центрального Предкавказья

1, 3, 8 — Чегем; 2, 4, 9, 12 — Нижний Джулат; 5, 6 — Ханкальские могильники; 7, 10, 13 — Подкумский могильник; 11 — Моздок; 14 — Алхасте

Таблица 109. Керамика из памятников предгорной зоны центрального Предкавказья (III в. до н. э. — III в. н. э.)

1, 2, 4—7, 9—13, 24, 29—31, 35, 43, 46, 47 — Нижний Джулат; 3, 8, 14, 15 — Чегем; 16 — Чечено-Ингушетия; 17—19, 21 — Ханкальские могильники; 20, 36, 38—40 — Моздок; 22 — Пседах; 23, 25—28, 32—34, 41, 42, 44, 45 — Подкумок; 37 — Кзыляр; 48—50 — Алхасте; 51, 52 — Гудермес, раскопки В. А. Петренко

Таблица 110. Оружие, копский убор и орудия труда из памятников предгорной зоны центрального Предкавказья (III в. до н. э.— III в. н. э.)

1, 5—7 — Чегем; 2—4, 8—24, 45, 48, 50—57, 59, 60, 64—67 — Нижний Джулат; 25—44, 46, 47, 49, 58, 61—63 — Подкумок
16, 17, 36—41, 58 — бронза; 22, 45, 46, 61 — камень; 23, 24, 48, 64—67 — глина; остальные — железо

Таблица 111. Предметы туалета и украшения из памятников предгорной зоны центрального Предкавказья (III в. до н. э.— III в. н. э.)

1, 3—5, 7—9, 11—13, 15—24, 29, 46, 54, 56, 59, 67, 72, 73, 75 — Нижний Джулат; 2, 6, 10, 14, 38, 41, 76 — Чегем; 25—28, 30—37, 39, 40, 42—45, 47—53, 55, 57, 58, 60—66, 68—71, 74, 77—79 — Подкумок
3, 5, 19, 25—27, 29—31, 58—61, 64 — железо; 4, 9 — золото; 7, 50, 51, 71 — серебро; 20, 21 — кость; остальные — бронза

Таблица 112. Наконечники стрел и другие предметы скифского времени из Дагестана

1, 5, 7, 18, 38 — Тарнаир (северо-восточная окраина Махачкалы); 2 — Карабудахкент; 3, 25 — дюна Сары-куль; 4, 6, 12, 17 — Алмало; 8, 29, 30 — Мугерган, могильник; 9—11, 13, 19 — Карагас; 14, 16, 21, 22, 26, 27, 31, 32, 34—36, 39 — Аркас, поселение; 15, 23, 24, 33 — Мака, поселение; 20 — Паласа-сырт; 28, 37, 40 — Хабада, могильник
1—7, 9—13, 17—20, 25—32, 37—40 — бронза; 8, 14—16, 21—24, 33, 34 — керамика; 35, 36 — железо

Таблица 113. Наскальные изображения, предметы и отдельные погребения скифо-сарматского времени из Дагестана

1, 5, 13, 14 — Арчо, культовое место; 2 — Уйташ, тамга;

3, 4, 10—12 — Тарки, могильник 1; 6—9 — Карабудахкент, могильник 1; 15 — Дагестанские Огни; 16 — Ленинкент; 17 — Лабко-Махи
1 — бронза; 2, 16, 17 — наскальные изображения; 3, 4 — планы погребений; 5, 6, 10, 13, 14 — железо; 7—9, 11, 12 — кость; 15 — камень

Таблица 114. Предметы скифо-сарматского времени из юго-восточной Чечни

1 — Мескеты; 2, 3, 6 — Галайты; 4 — Замни-юрт; 5 — Бети-Мохк; 7 — Шали; 8, 15 — могильник Яман-су; 9 — склеп у селения Байтарки; 10, 14 — могильник на горе Лехкч-Корт; 11, 13, 16 — Ножай-юрт, могильник I; 12 — Ичкерия; 18 — Орехово; 14, 17, 19 — Балан-су
1—6 — камень; 7, 11—13, 16 — бронза; 8—10, 14, 15, 17—19 — керамика

Таблица 115. Предметы искусства скифского времени из Дагестана

1 — Согратль, гора Хурцы-Гааль, культовое место; 2 — Зибир-кала; 3 — из «Дидо»; 4, 5, 15 — точное местонахождение неизвестно (краеведческий музей в Махачкале); 6—8, 13 — Бежта, могильник; 9 — Согратль, гора Росдан-Меэр, культовое место; 10 — Хупро; 11 — Карата; 12 — Мака, могильник; 14 — Гагатль, перевал Речол, культовое место. Все — бронза

Таблица 116. Предметы сарматского времени из Дагестана

1, 2, 5—7, 11, 14—16, 20—24 — Карабудахкент, могильник 1; 3 — территория Дагестана; 4, 8—10, 12, 13 — Паласа-сырт, могильник; 17—19, 25—31 — Тарки, могильник I
1, 4, 5, 8—10, 12—15, 20—28, 30 — бронза; 2, 7, 11, 16, 18, 19, 29, 31 — керамика; 3 — стекло; 6, 17 — камень

Таблица 1. Погребальные сооружения и каменные изваяния предскифского времени в степи Северного Причерноморья

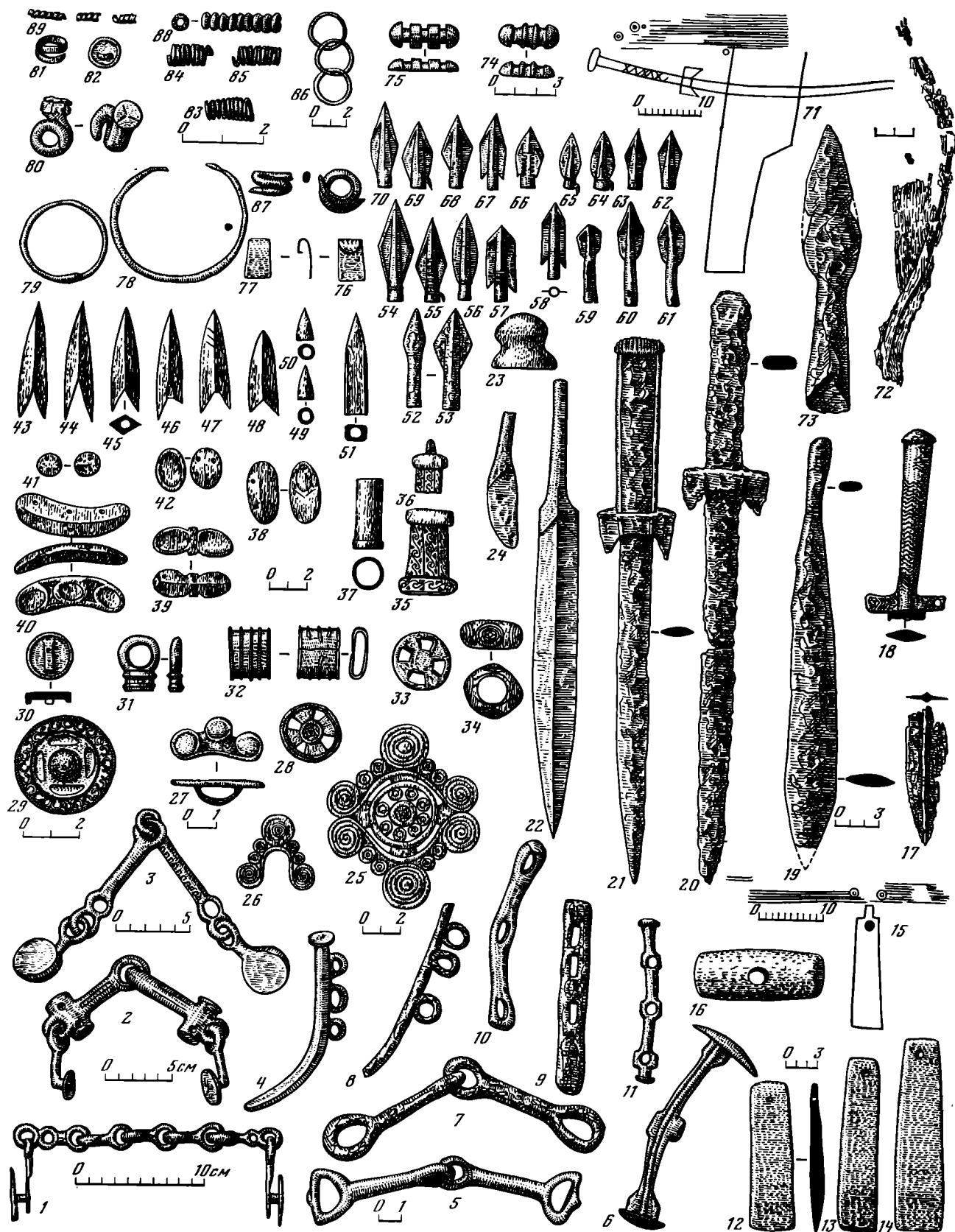

Таблица 2. Вещи из погребений предскифского времени в степи Северного Причерноморья

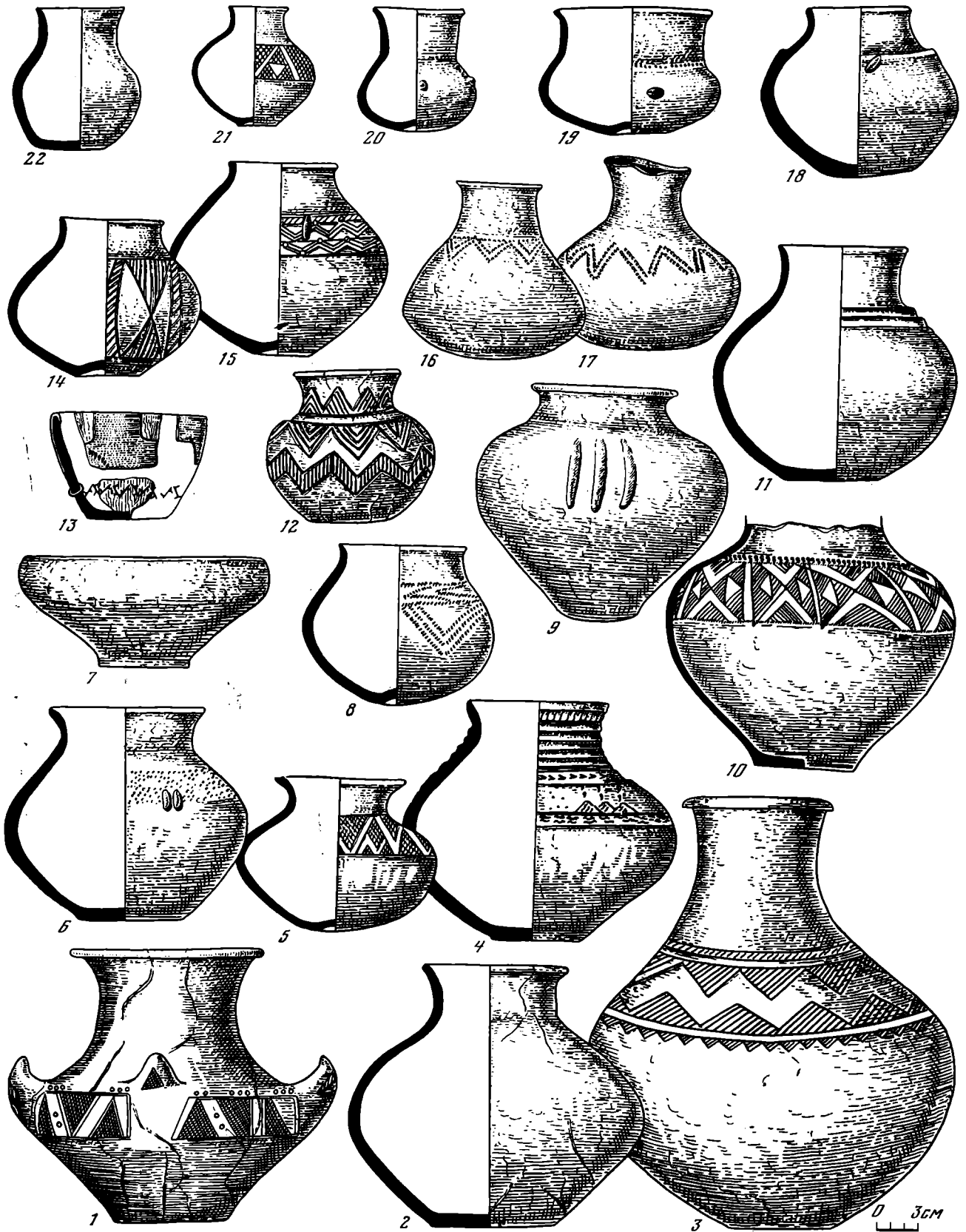

Таблица 3. Керамика и деревянный сосуд из погребений предскифского времени в степи Северного Причерноморья

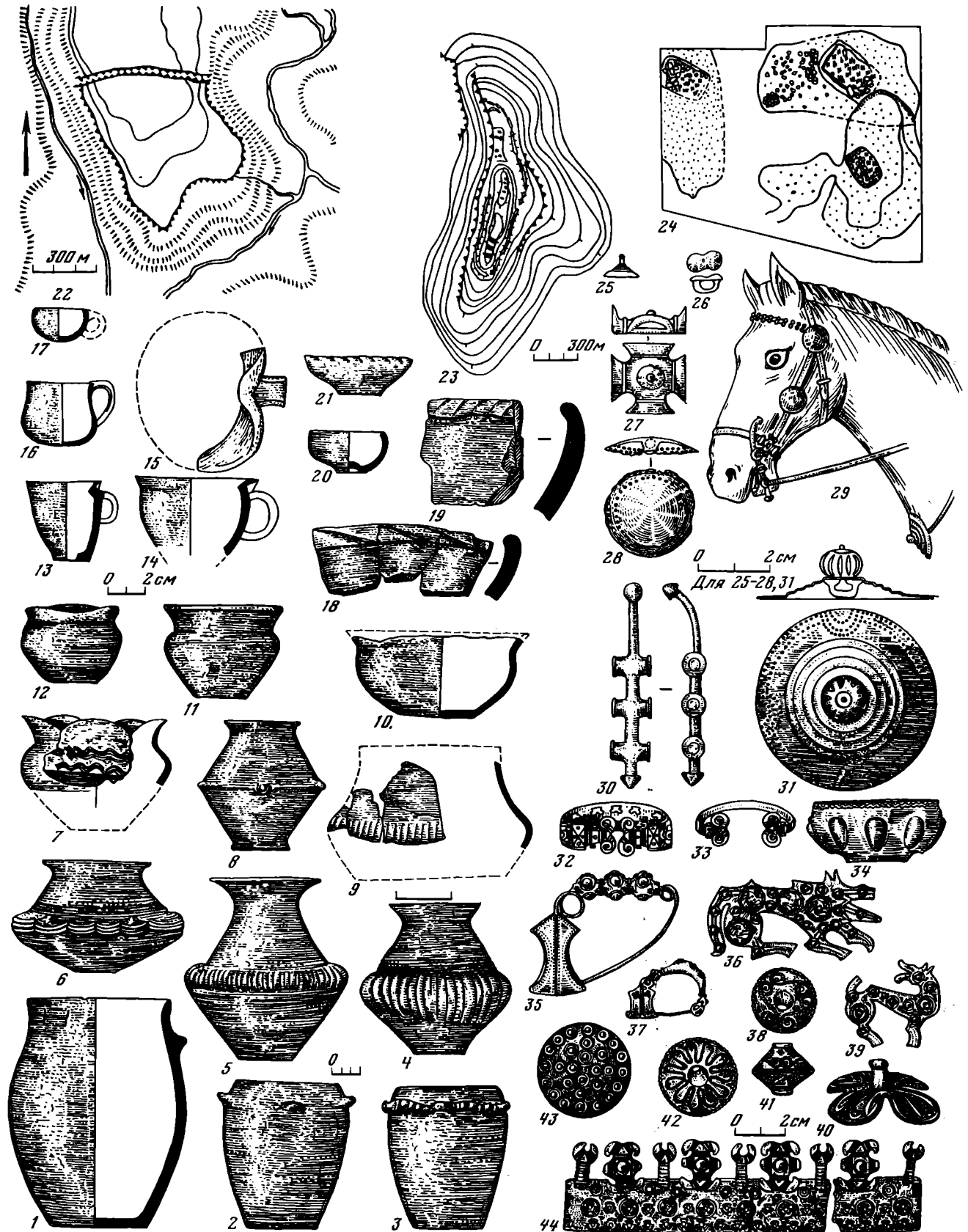

Таблица 4. Планы городищ, жилищ, керамика и вещи из памятников культуры Гава—Голиграды

Таблица 5. Планы погребений, керамика и вещи из памятников Шолданештской группы

Таблица 6. Планы погребений, керамика и вещи из памятников типа Сахарна—Солончены

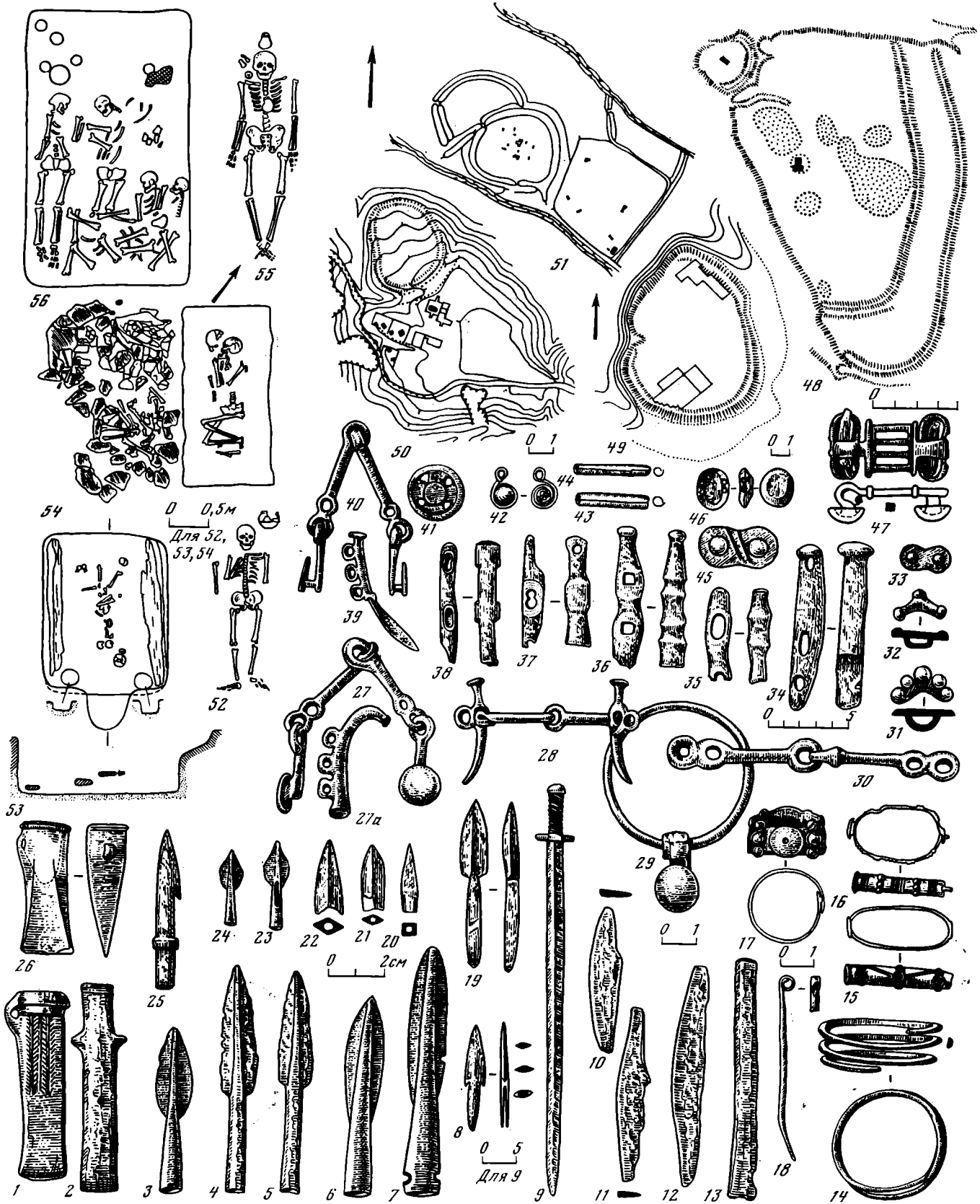

Таблица 7. Планы городищ, погребений и вещи чернолесской культуры

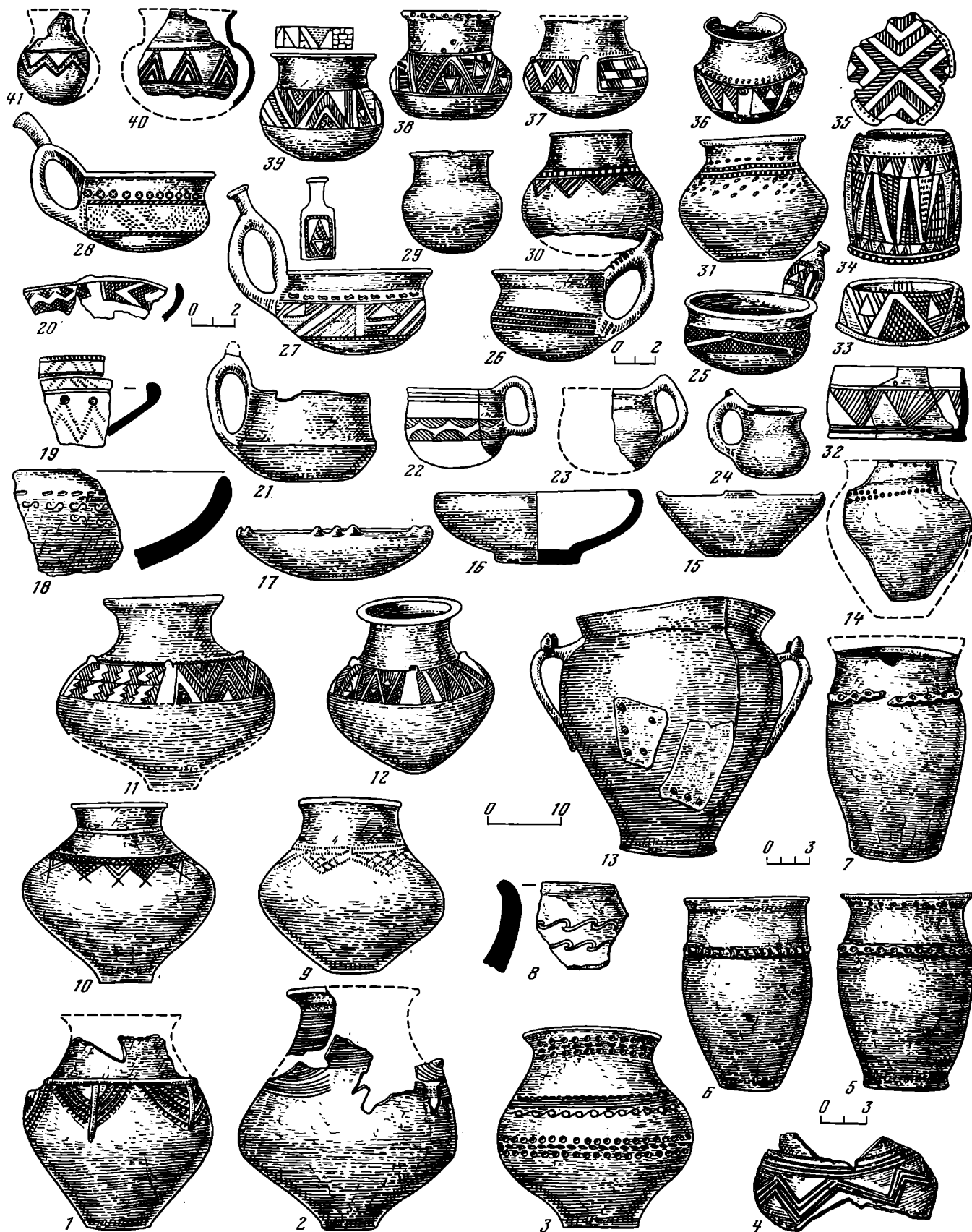

Таблица 8. Керамика, бронзовый сосуд второй ступени чернолесской культуры и раннего жаботинского этапа

Таблица 9. Планы поселений, жилищ, керамика и вещи бондарихинской культуры

Таблица 10. Находки из поселений, могильников, святилищ кизил-кобинской культуры

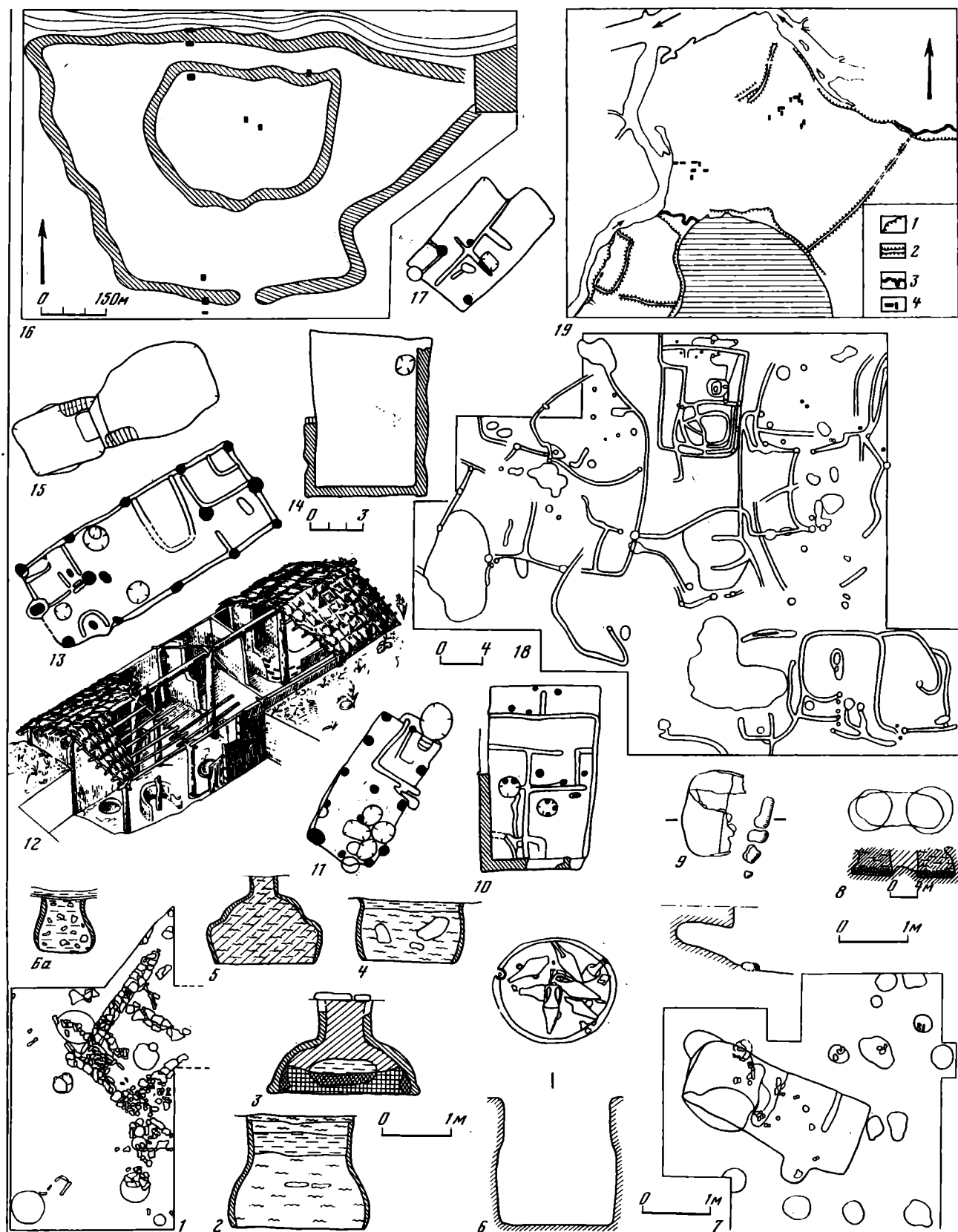

Таблица 11. Планы городищ, жилищ, планы и профили хозяйственных ям степной Скифии

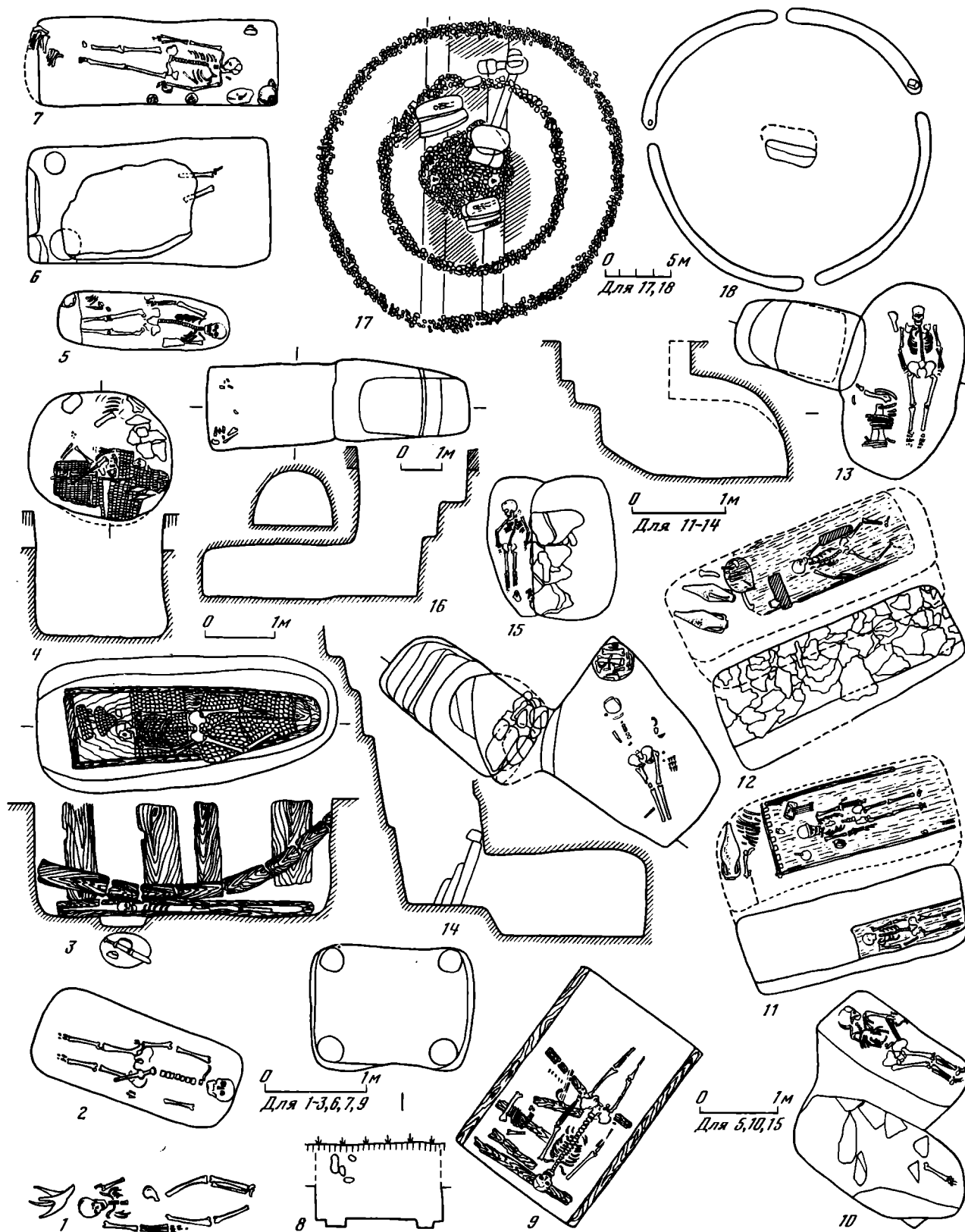

Таблица 12. Планы погребальных сооружений из курганов рядового населения степной Скифии

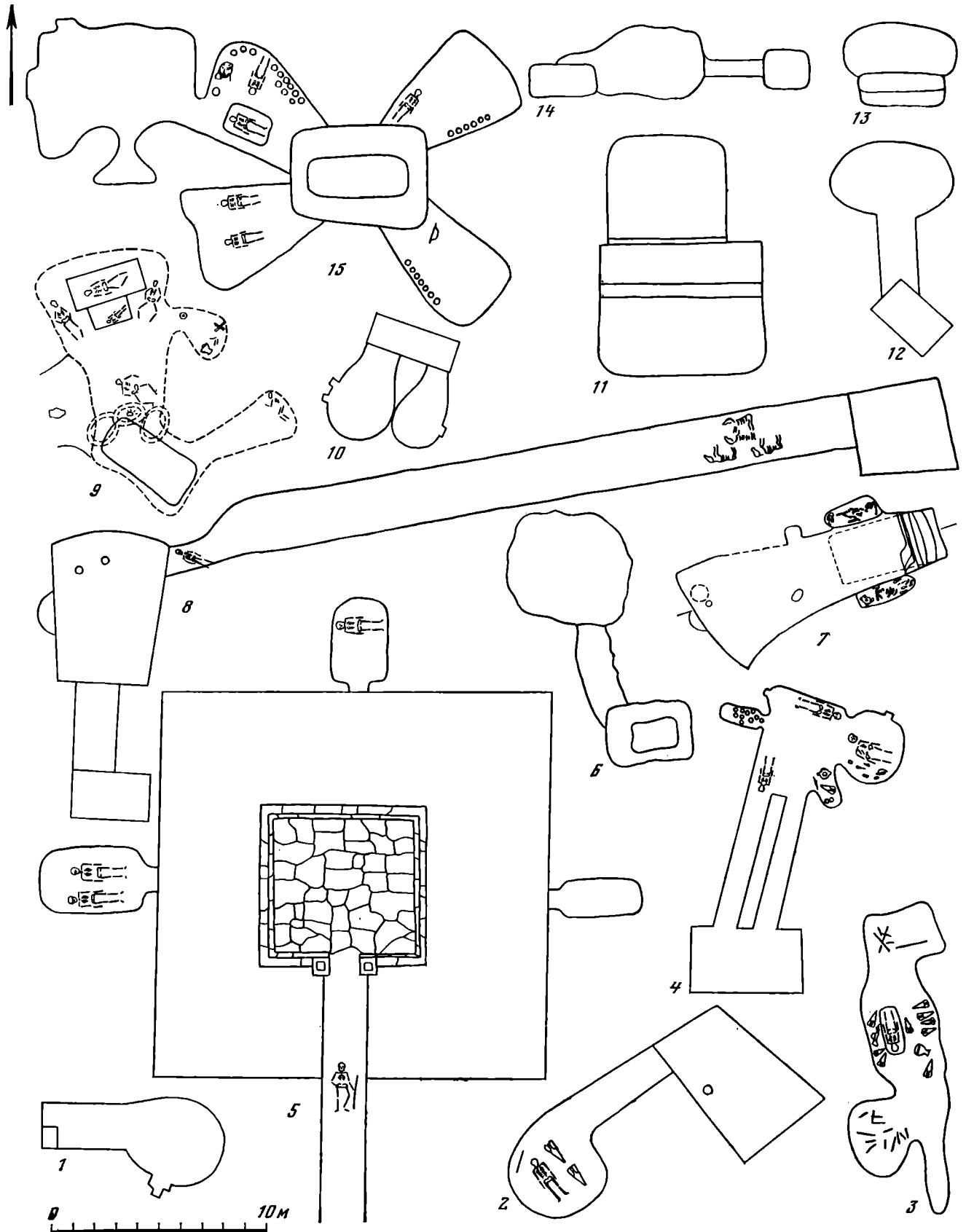

Таблица 13. Планы погребальных сооружений из царских курганов Скифии

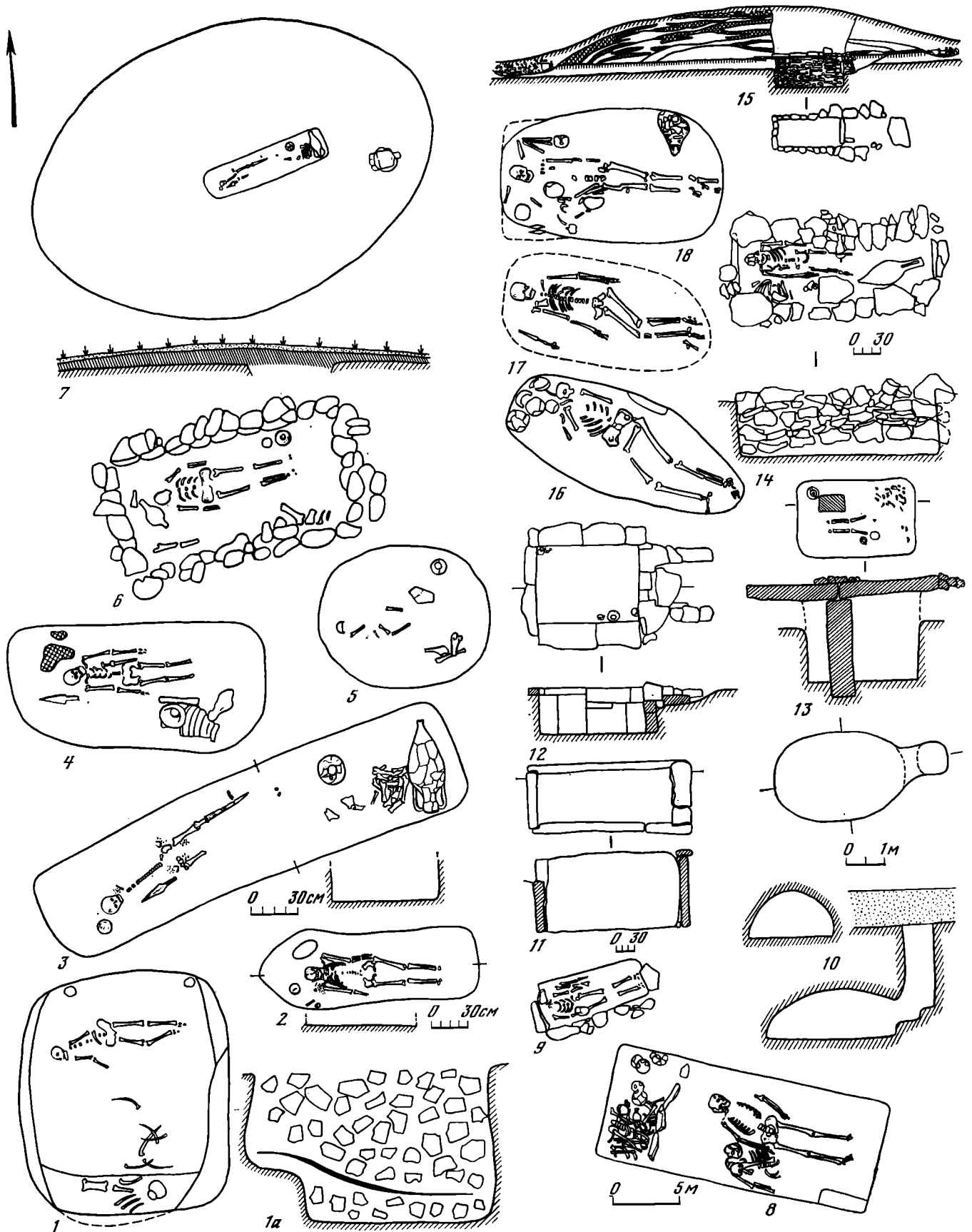

Таблица 14. Планы погребальных сооружений из курганов рядового населения нижнего Дона и степного Крыма

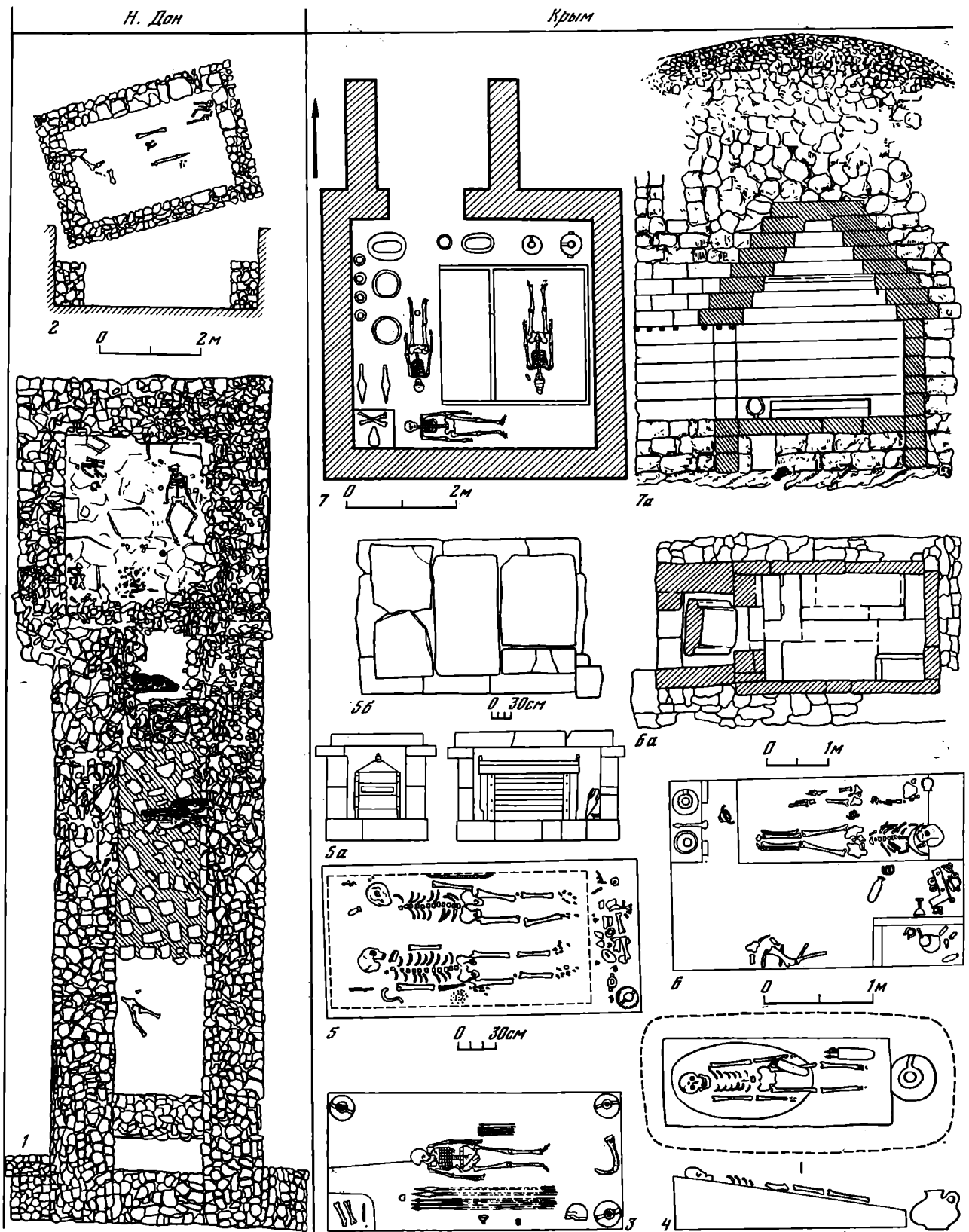

Таблица 15. Планы погребальных сооружений из богатых курганов пизжего Дона и степного Крыма

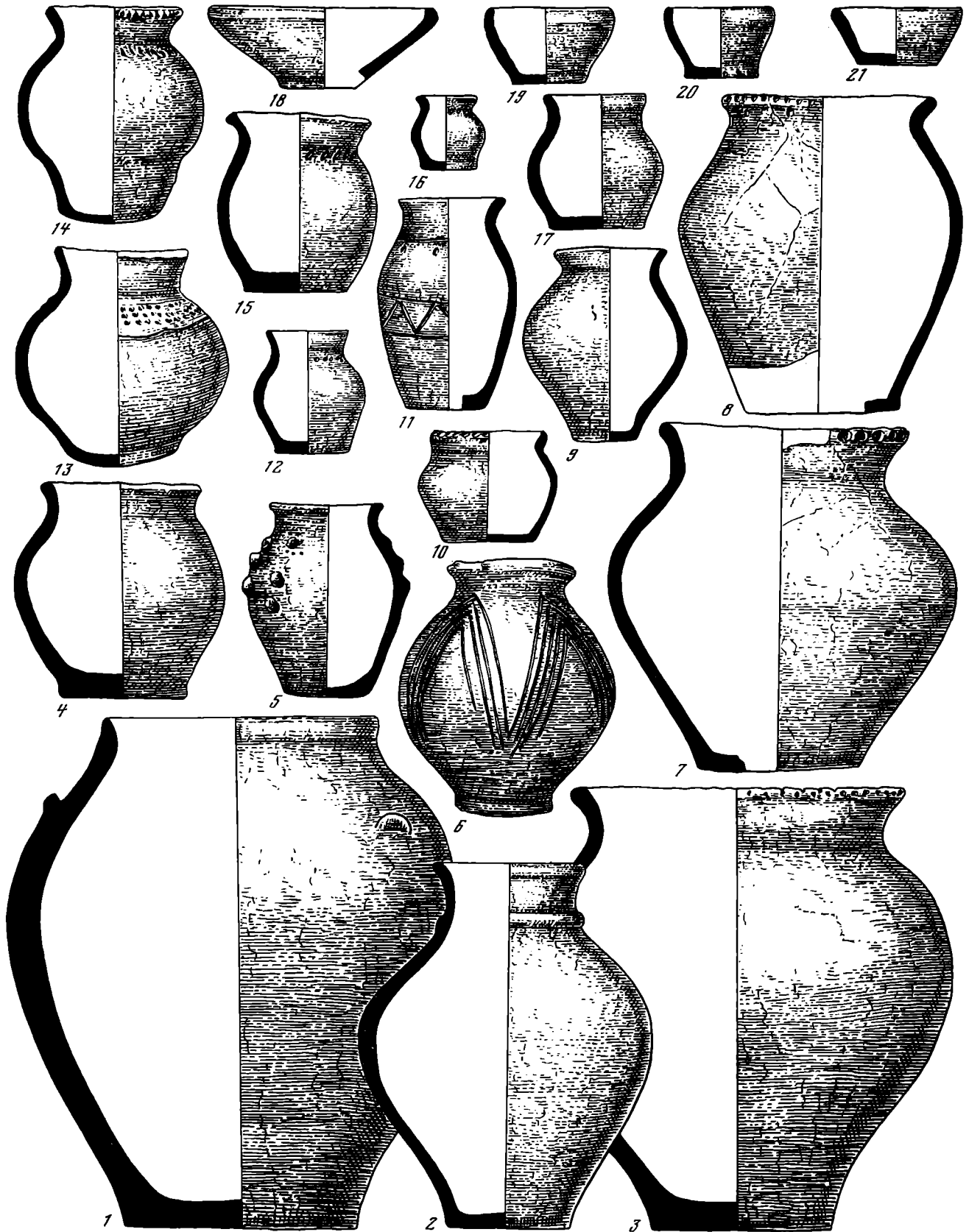

Таблица 16. Скифская керамика из погребений и поселений междуречья Дона—Дуная

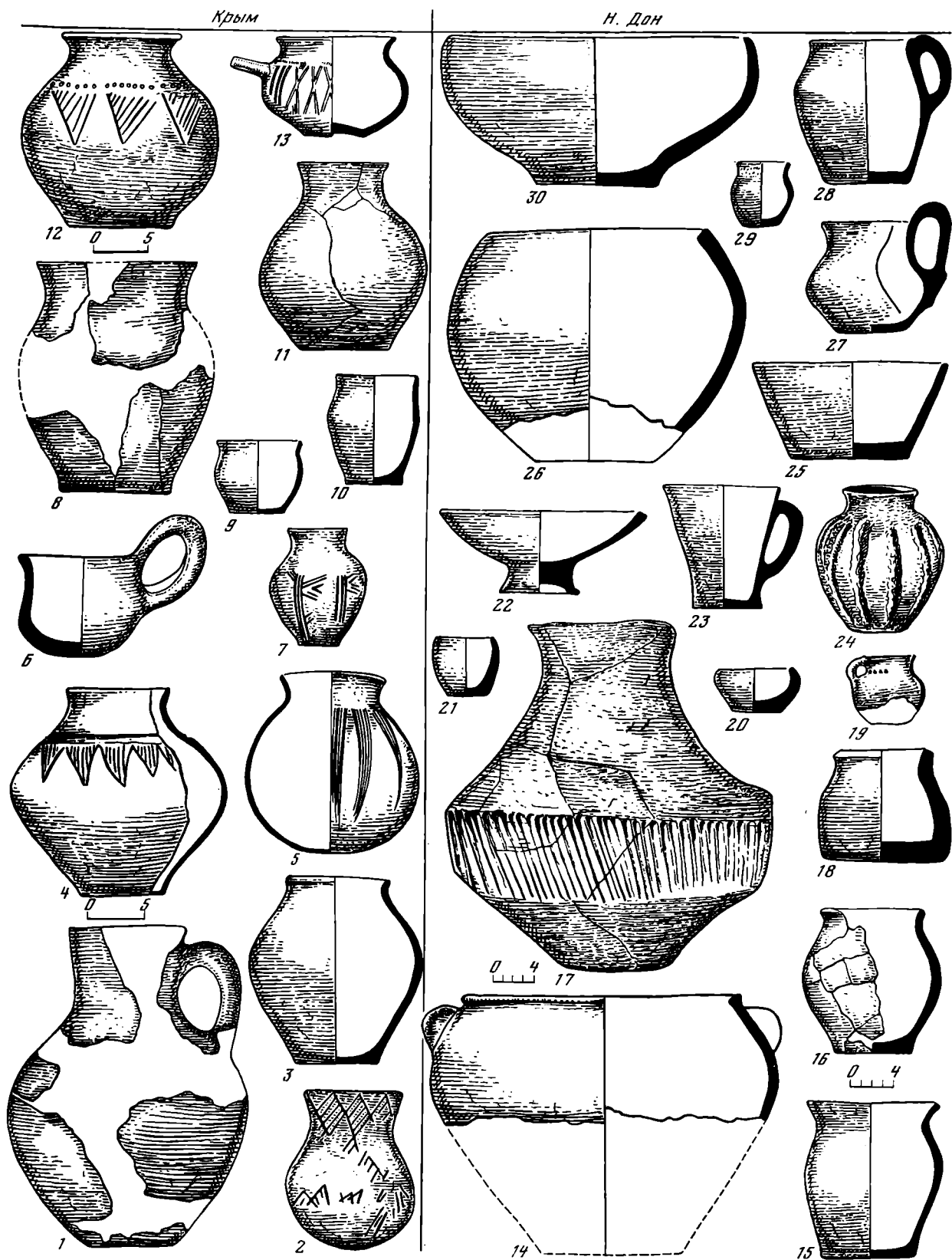

Таблица 17. Керамика из памятников нижнего Дона и степного Крыма

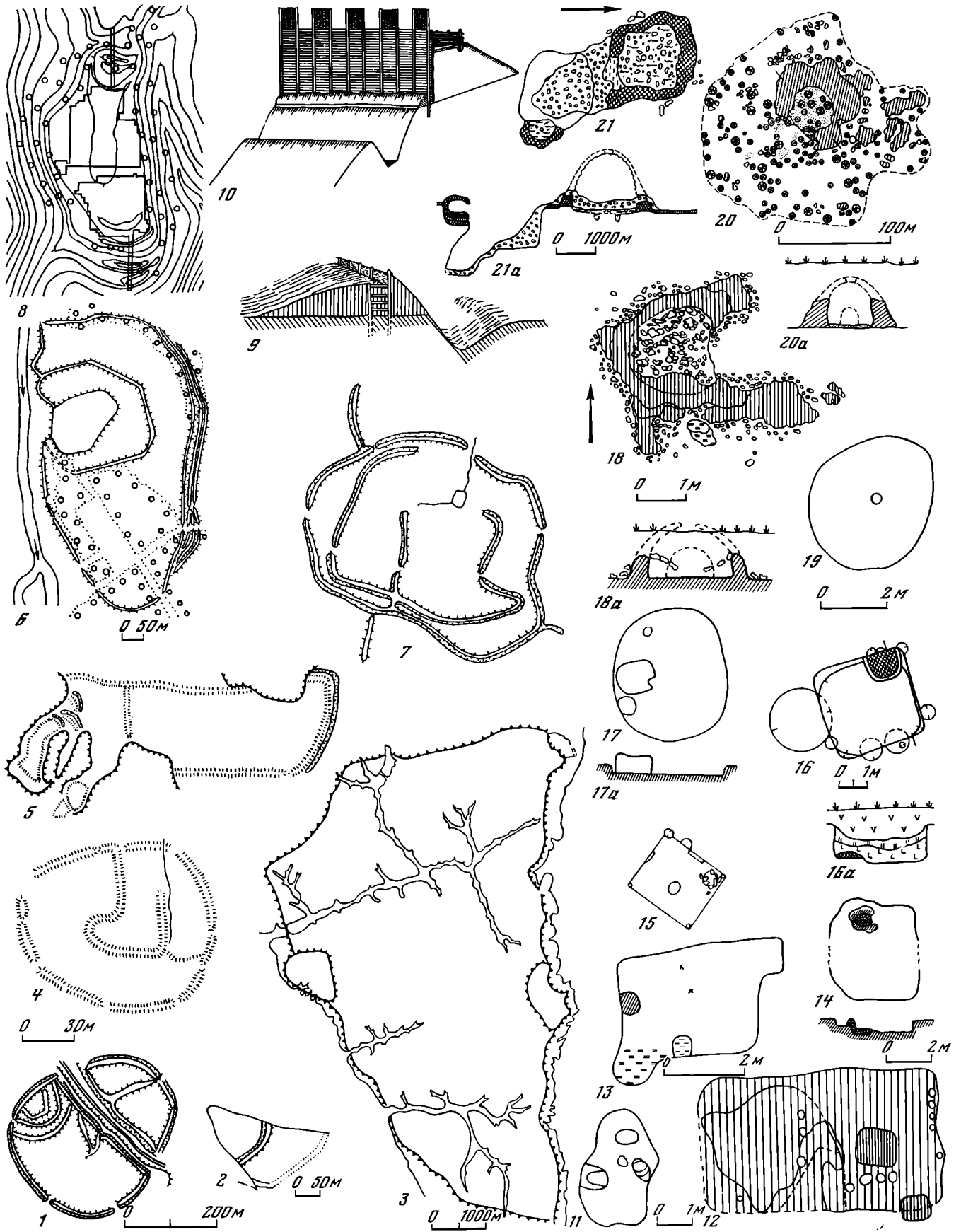

Таблица 18. Планы городищ, реконструкции оборонительных сооружений, планы и разрезы жилищ и печей на поселениях в лесостепной зоне Восточной Европы

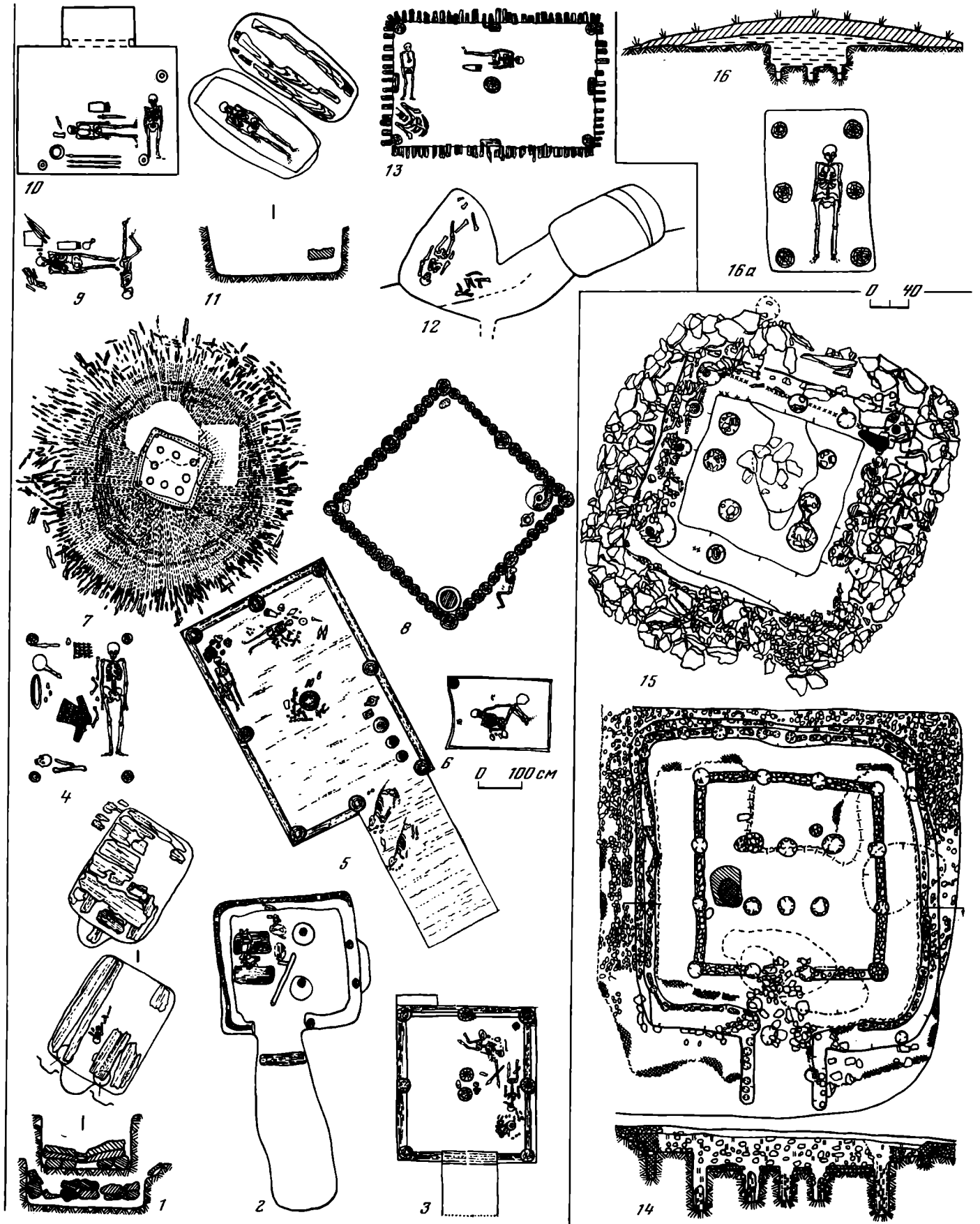

Таблица 19. Планы погребальных сооружений из курганов правобережной лесостепи

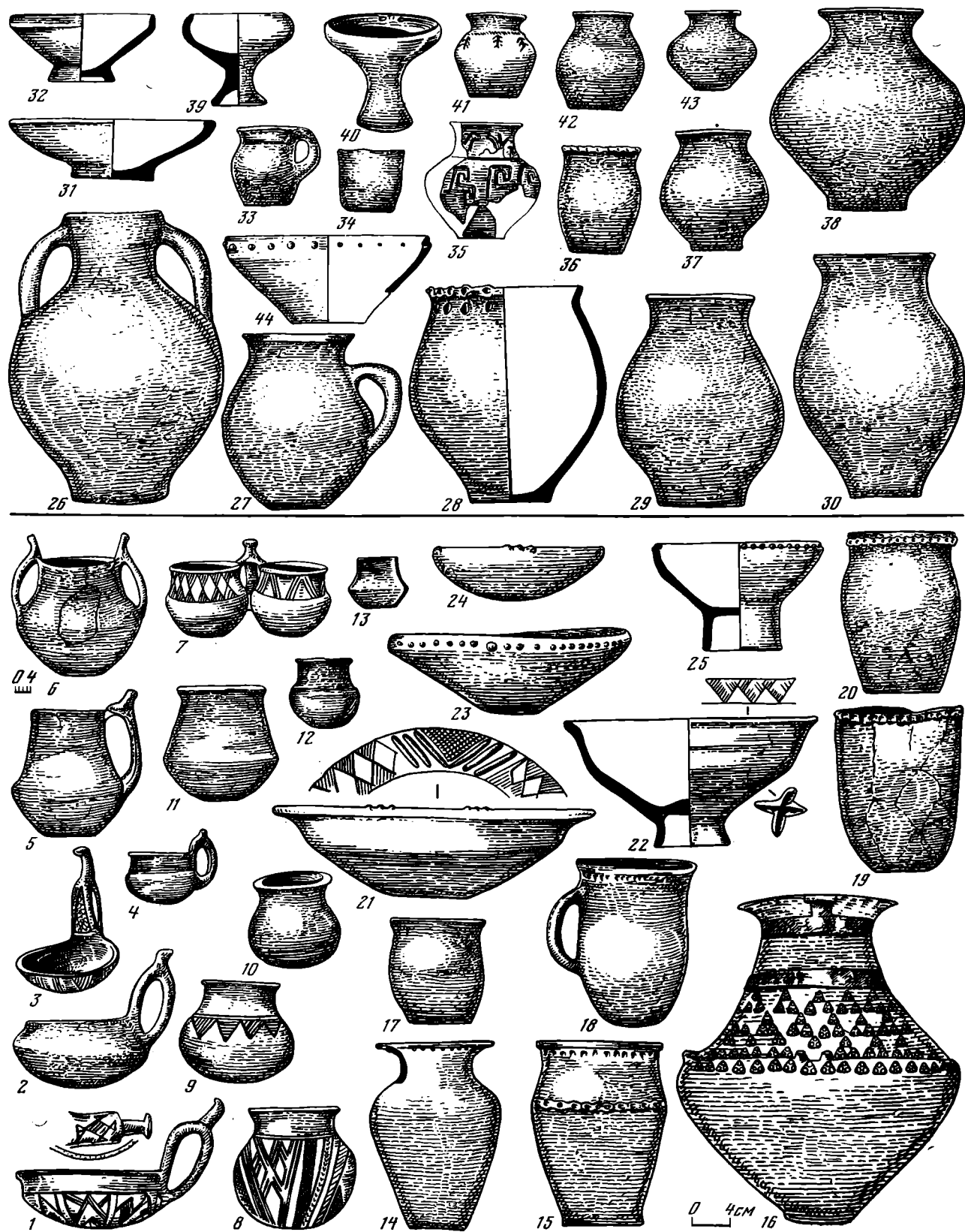

Таблица 20. Керамика правобережной Среднеднепровской группы

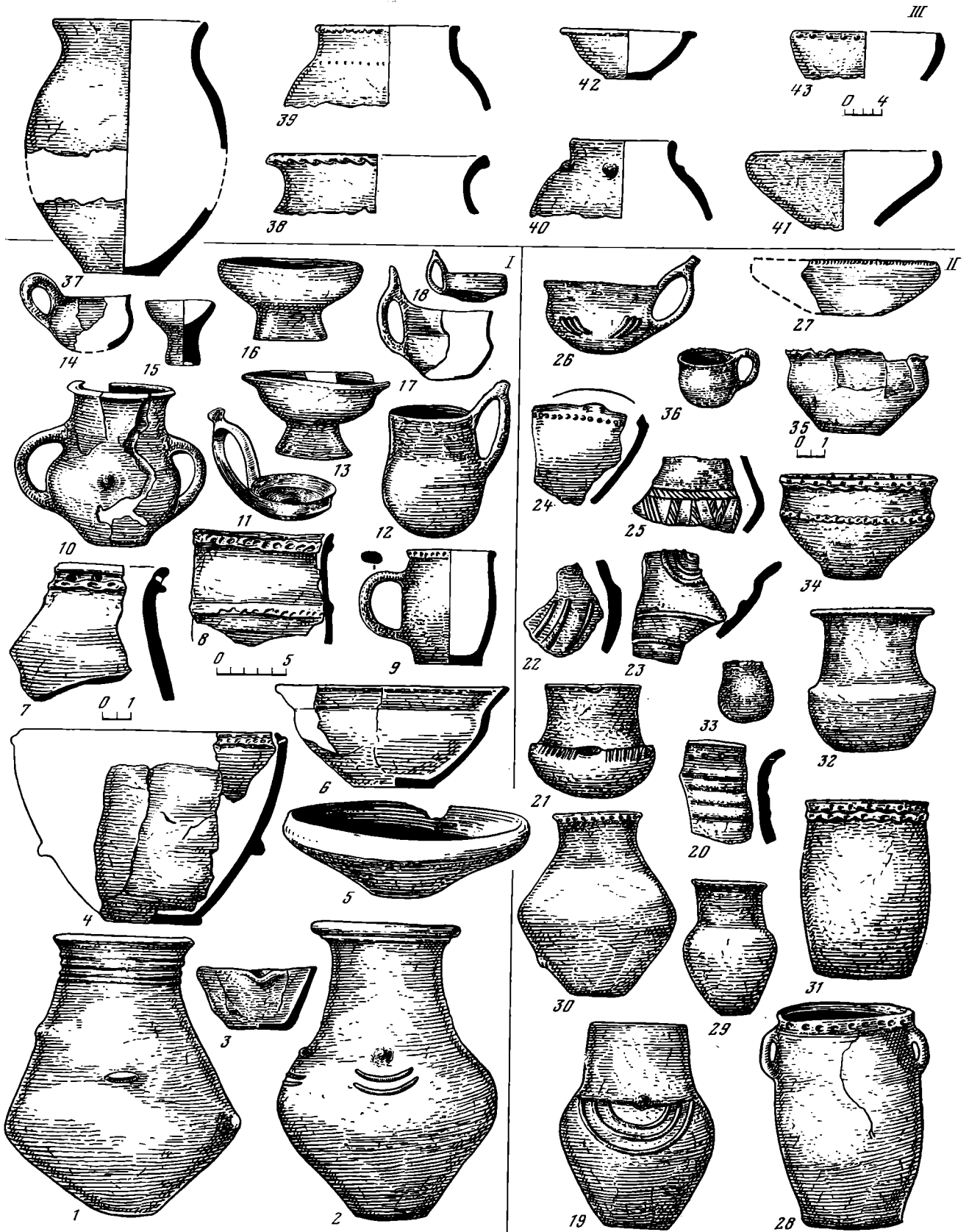

Таблица 21. Керамика лесостепных групп: Западноподольской (I), конец VII—VI в. до н. э.; Побужской (II), конец VII — начало V в. до н. э.; Западноподольской (III), IV—III вв. до н. э.

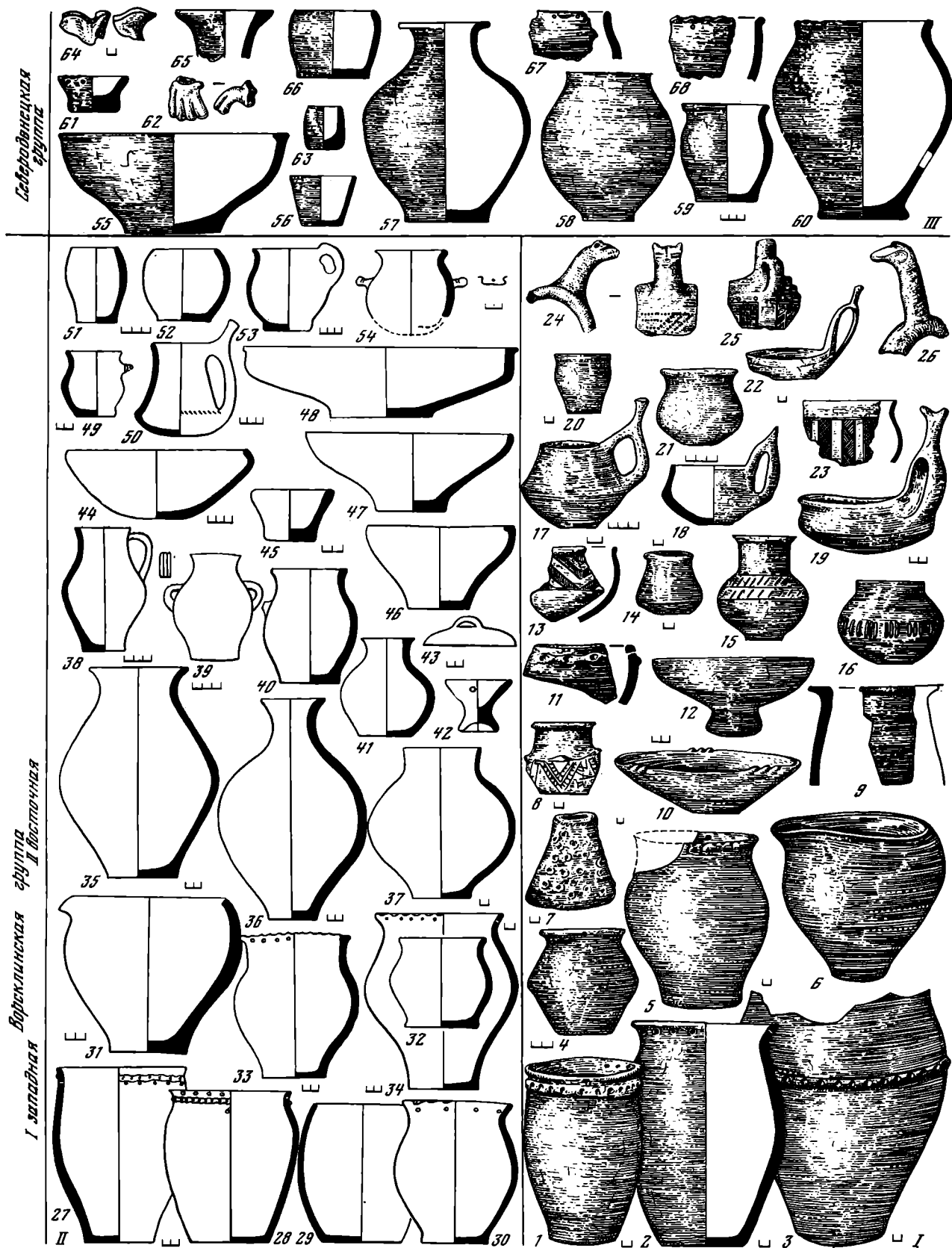

Таблица 22. Керамика Ворсклинской (I, II) и Северодонецкой (III) групп

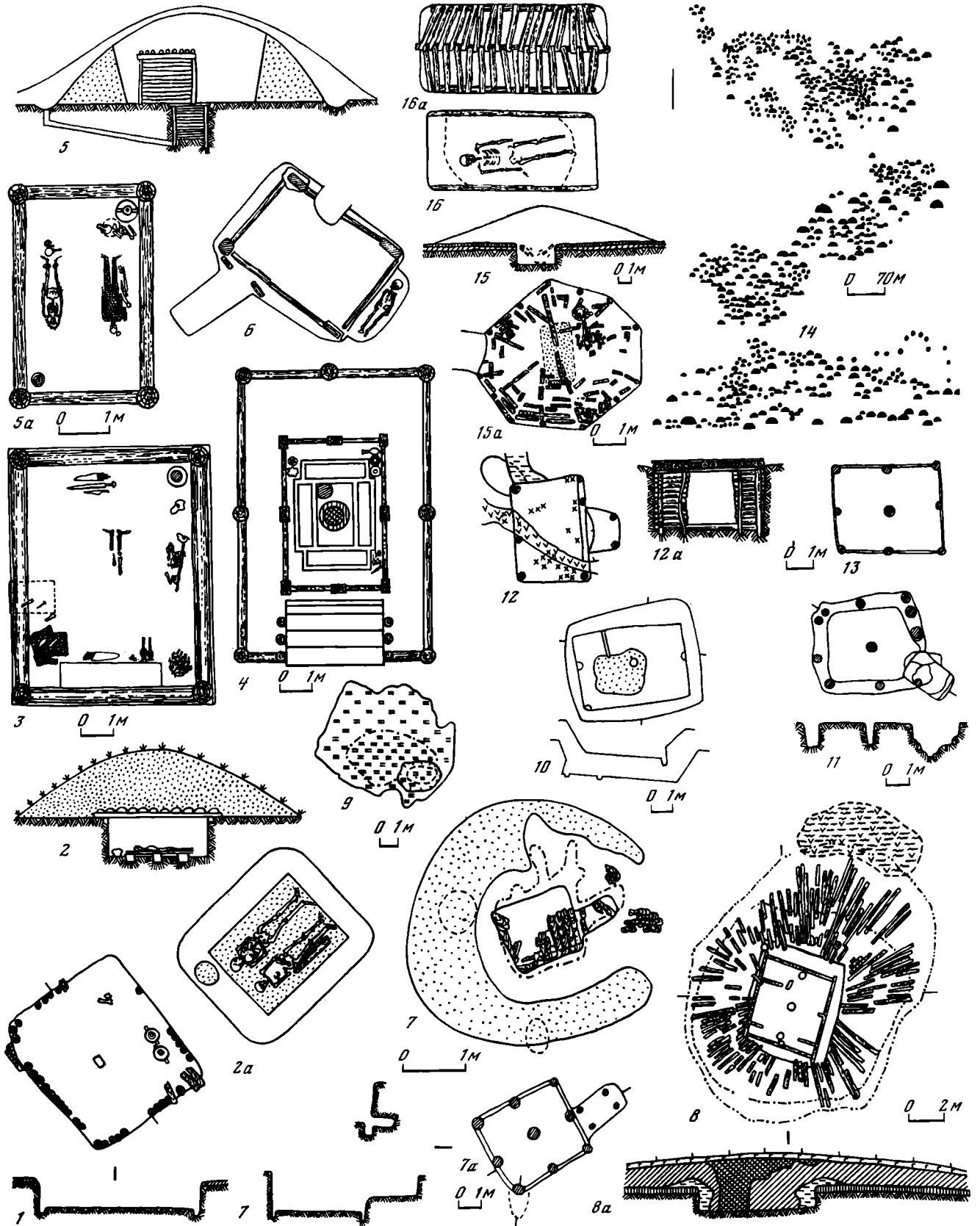

Таблица 23. Планы и разрезы погребальных сооружений Ворсклинской, Посульской, Северодонецкой и Среднедонской группы и план могильника

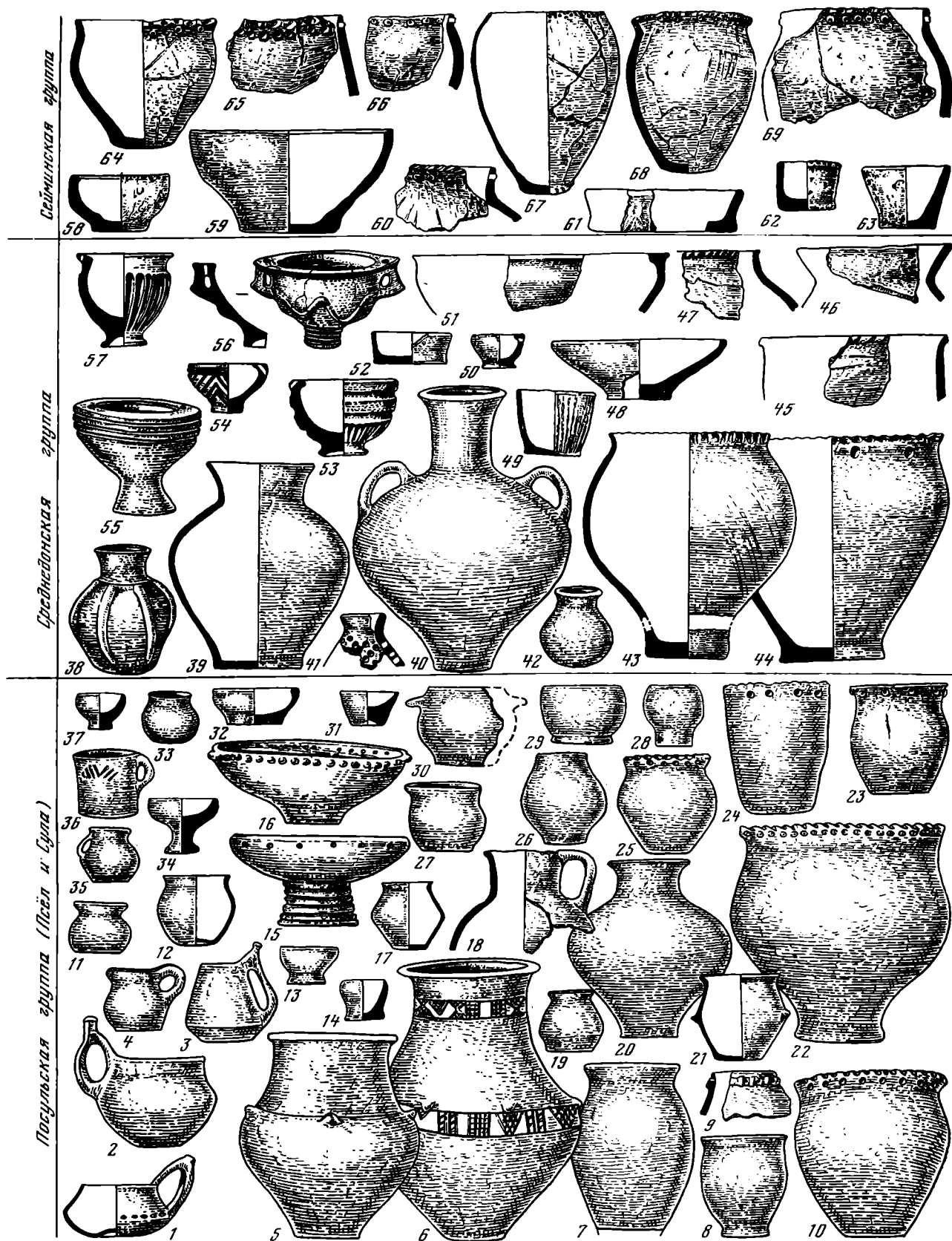

Таблица 24. Керамика Посульской (I), Среднедонской (II) и Сейминской (III) групп

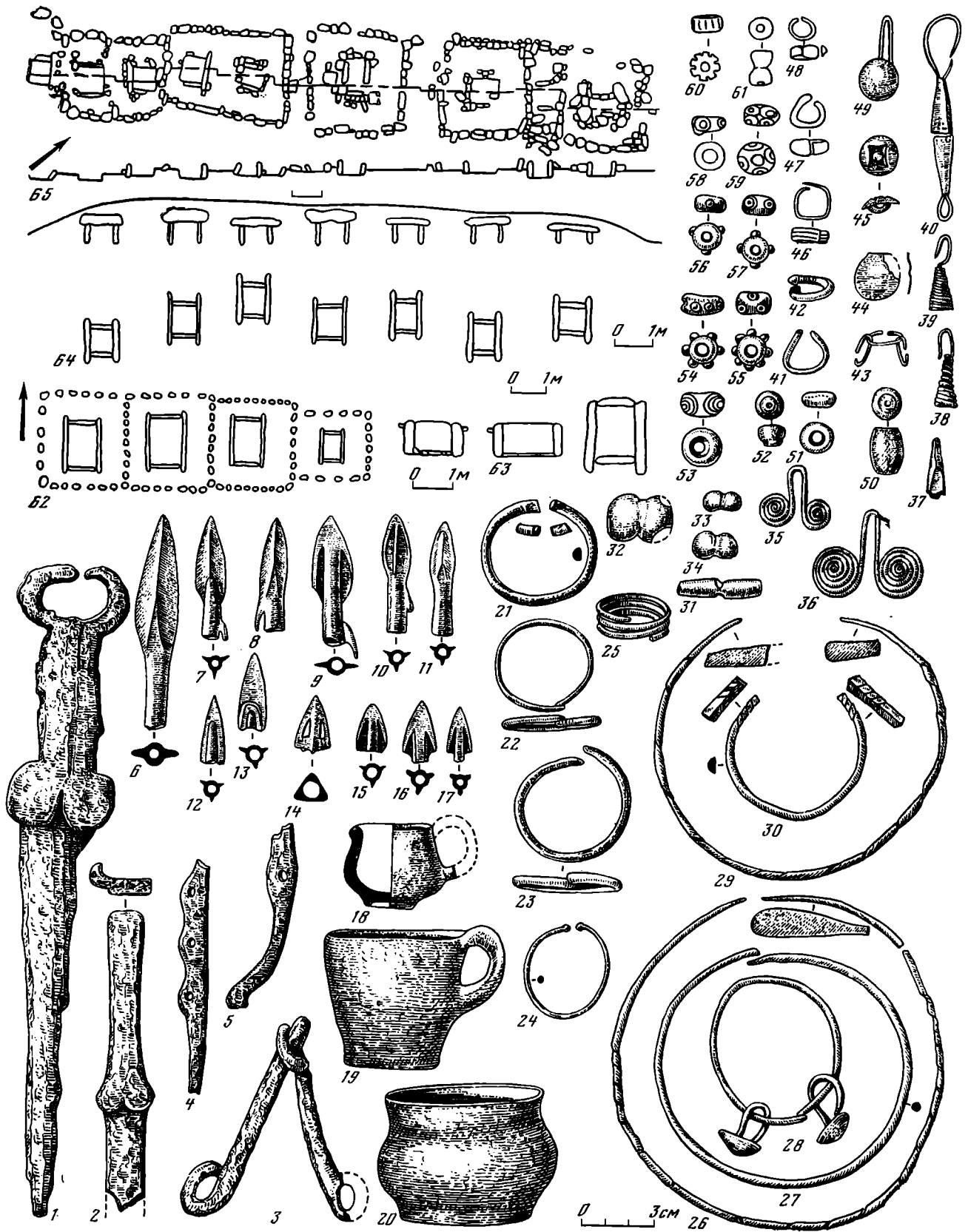

Таблица 25. Планы каменных ящиков и находки из могильников тавров

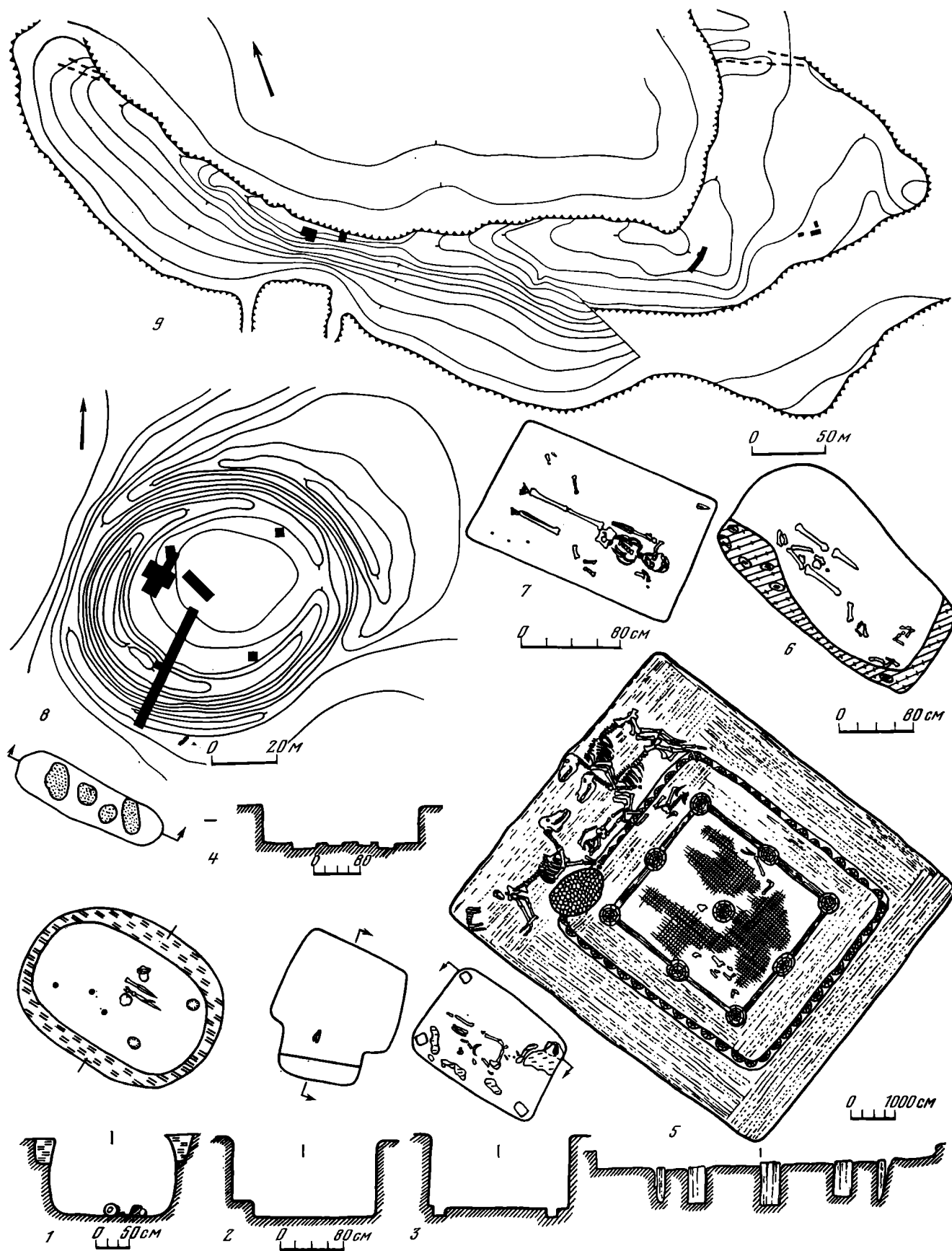

Таблица 26. Планы городищ и погребений Днестровско-Прутского междуречья

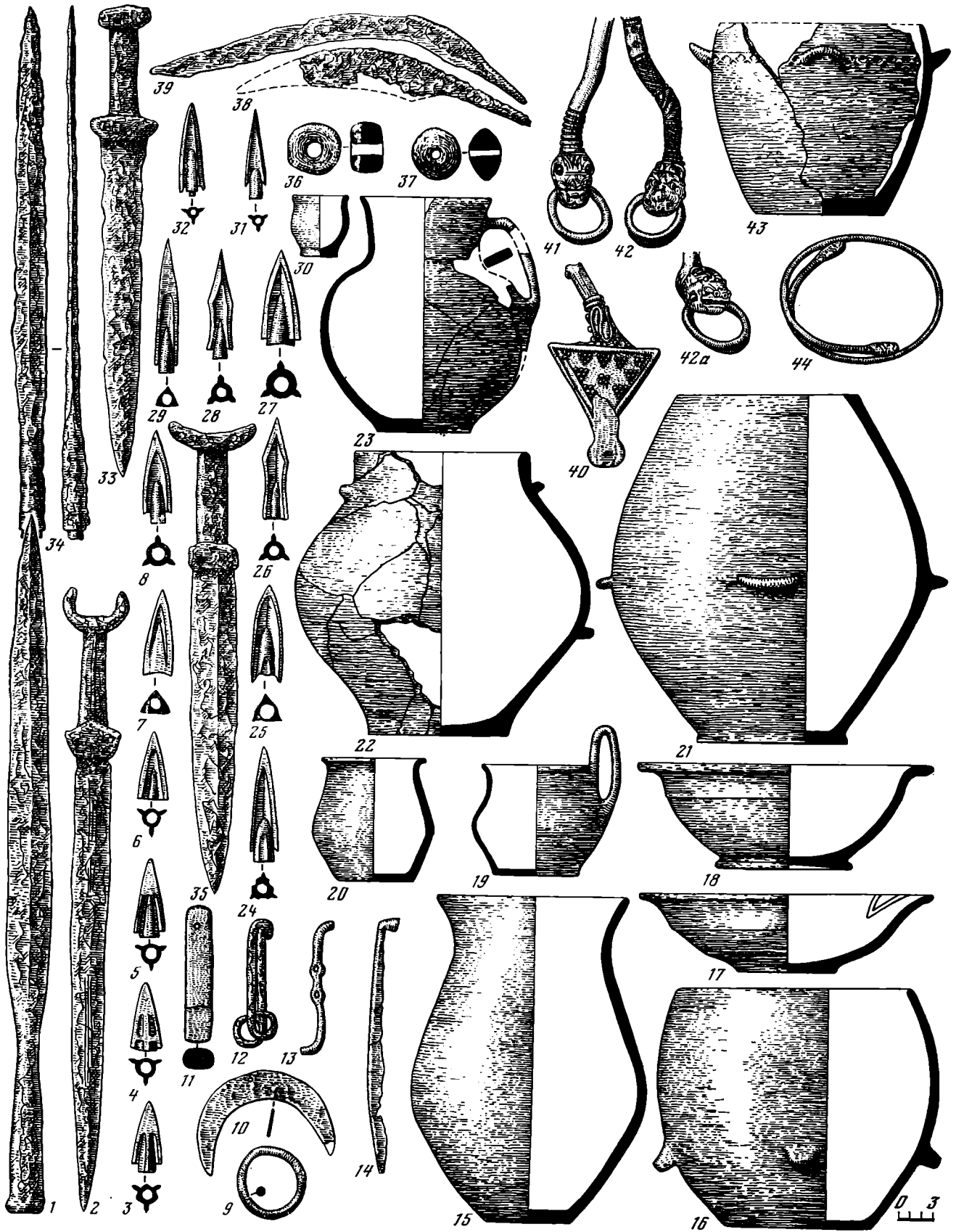

Таблица 27. Керамика и инвентарь из фракийских погребений Днестровско-Прутского междуречья

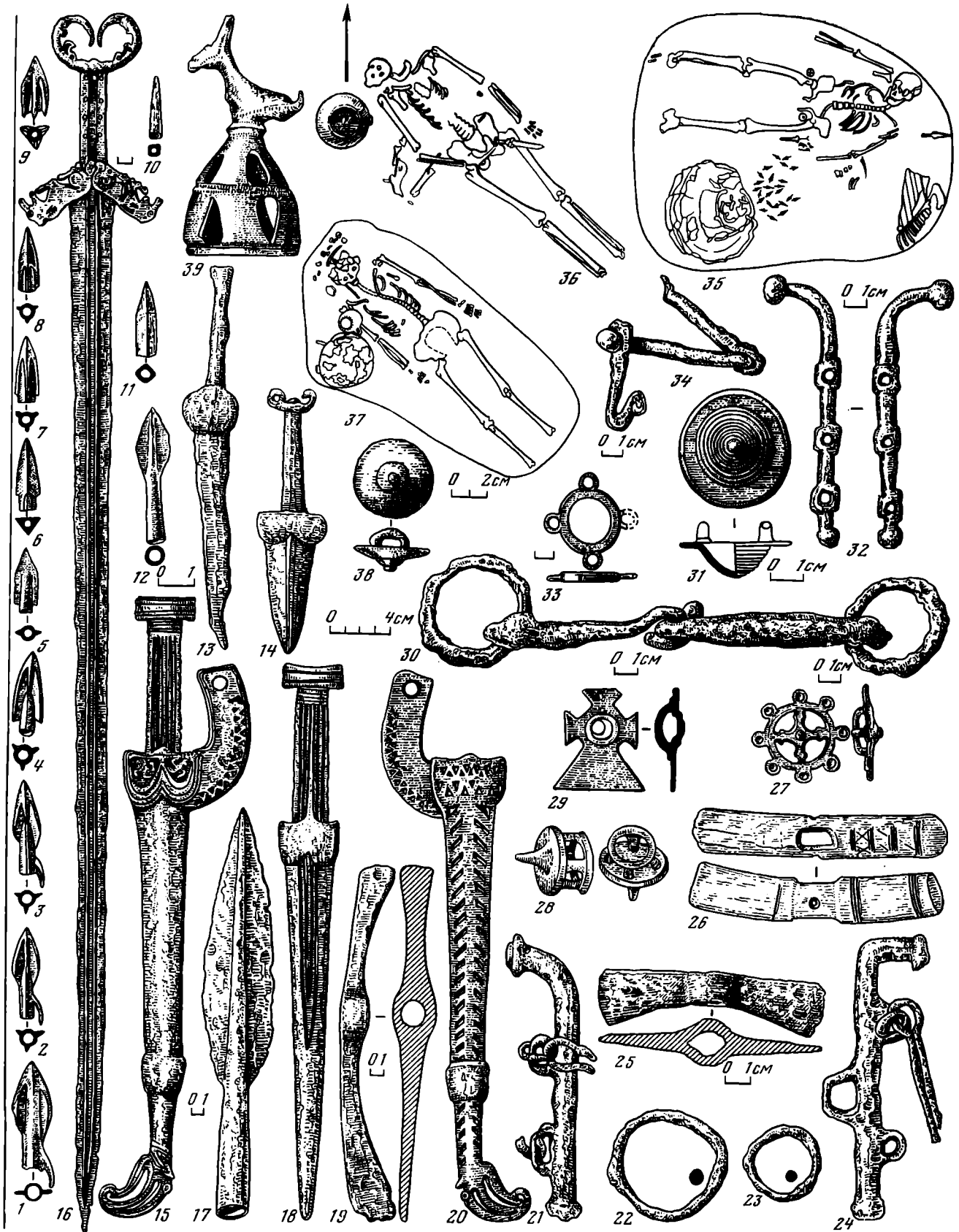

Таблица 28. Планы погребений и вещи из памятников Трансильванской группы

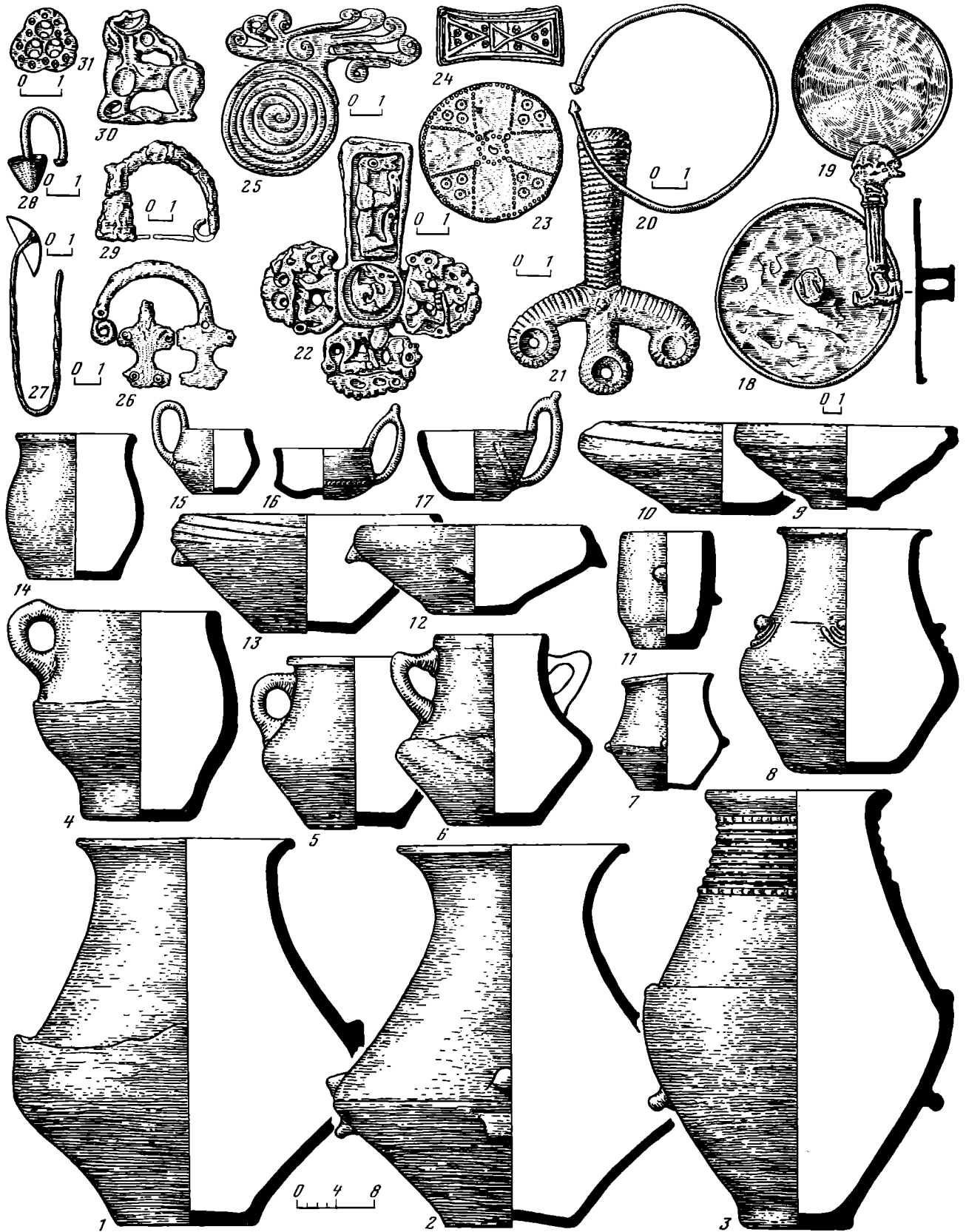

Таблица 29. Керамика и вещи из погребений Трансильванской группы

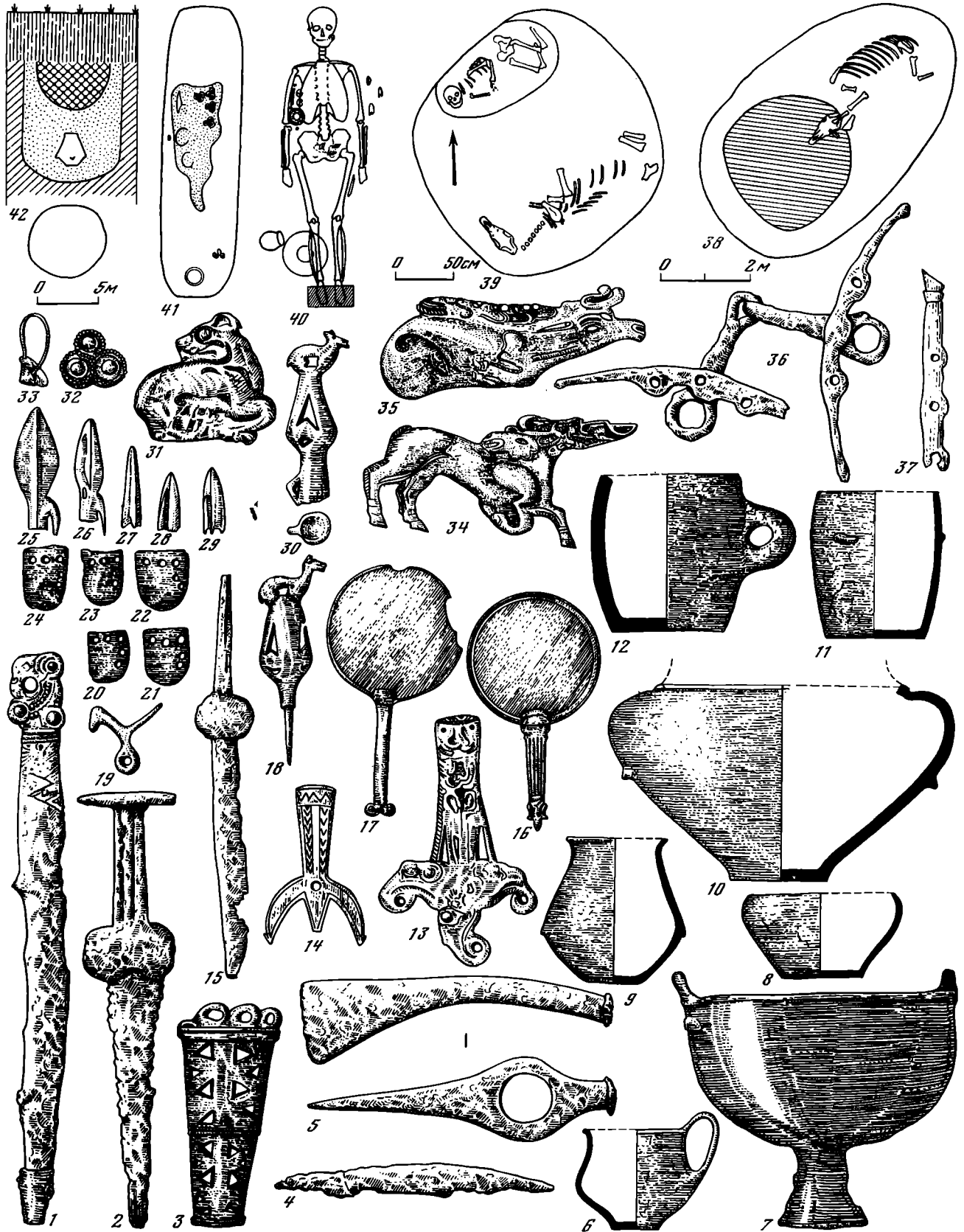

Таблица 30. Планы погребений и находки из памятников Потисской группы

IV-III вв. до н.э.

VII-V вв. до н.э.

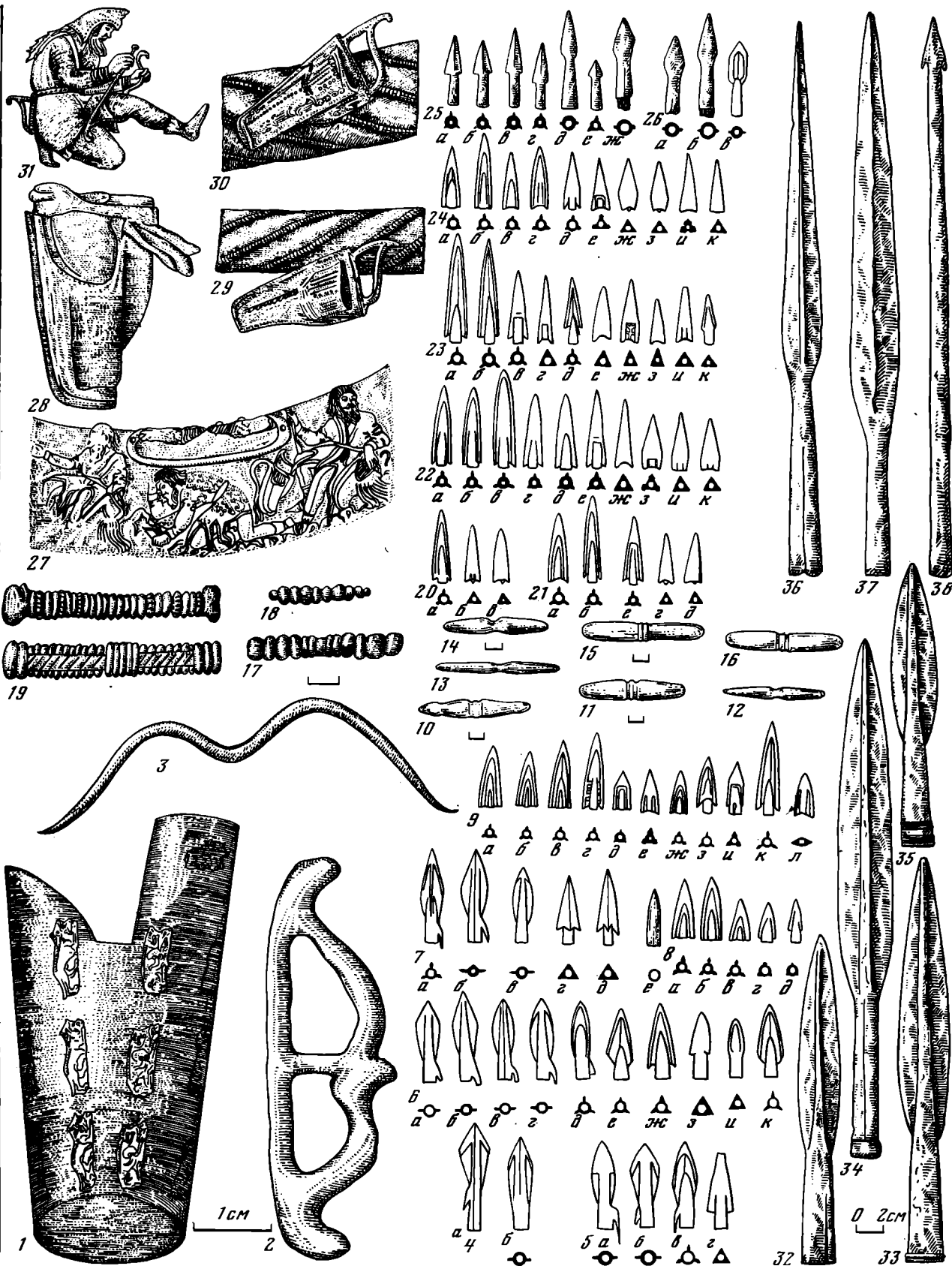

Таблица 31. Скифские луки, наконечники стрел и копий, колчаные застёжки

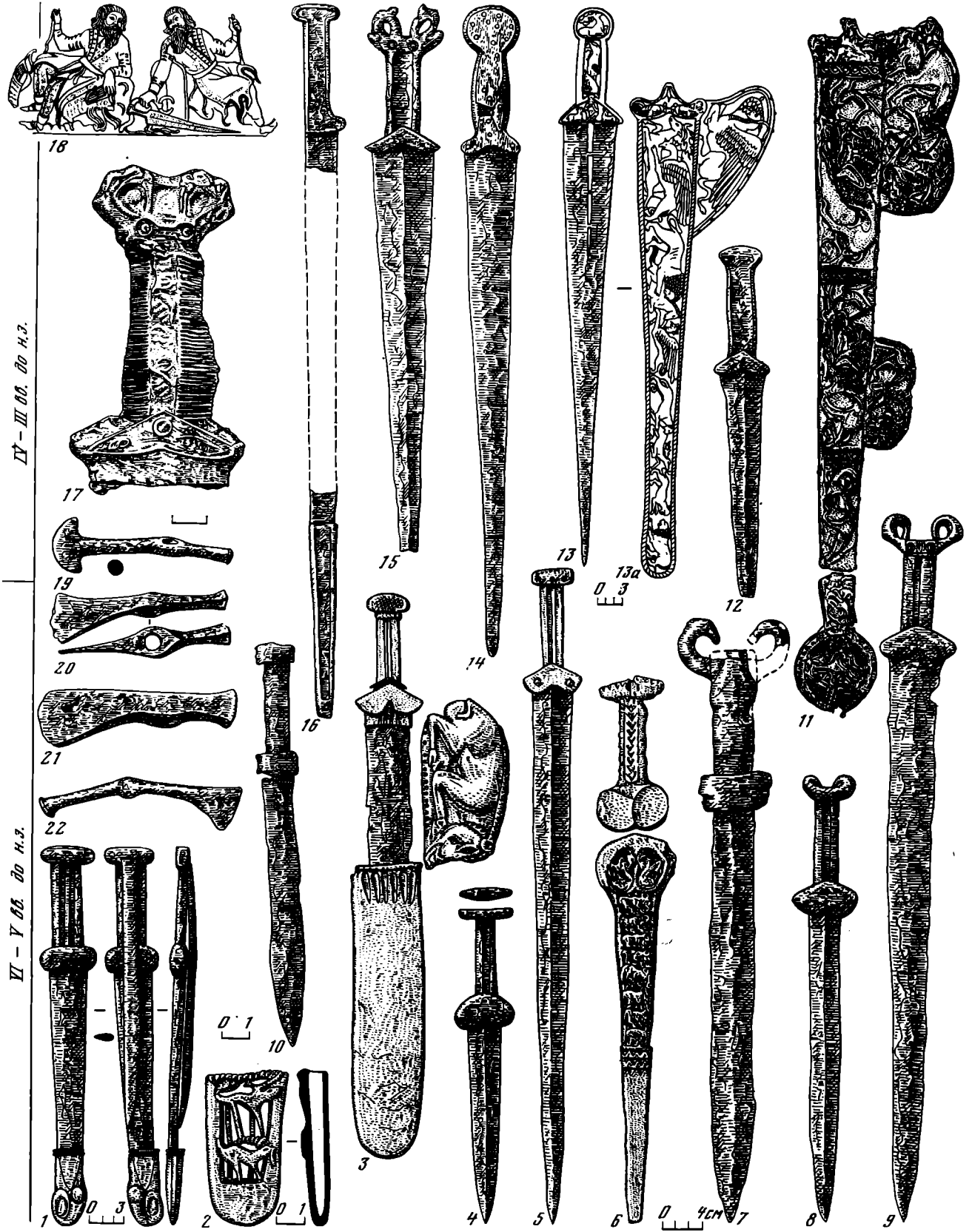

Таблица 32. Скифские мечи, ножны к ним, боевые топоры

Таблица 33. Скифское защитное вооружение

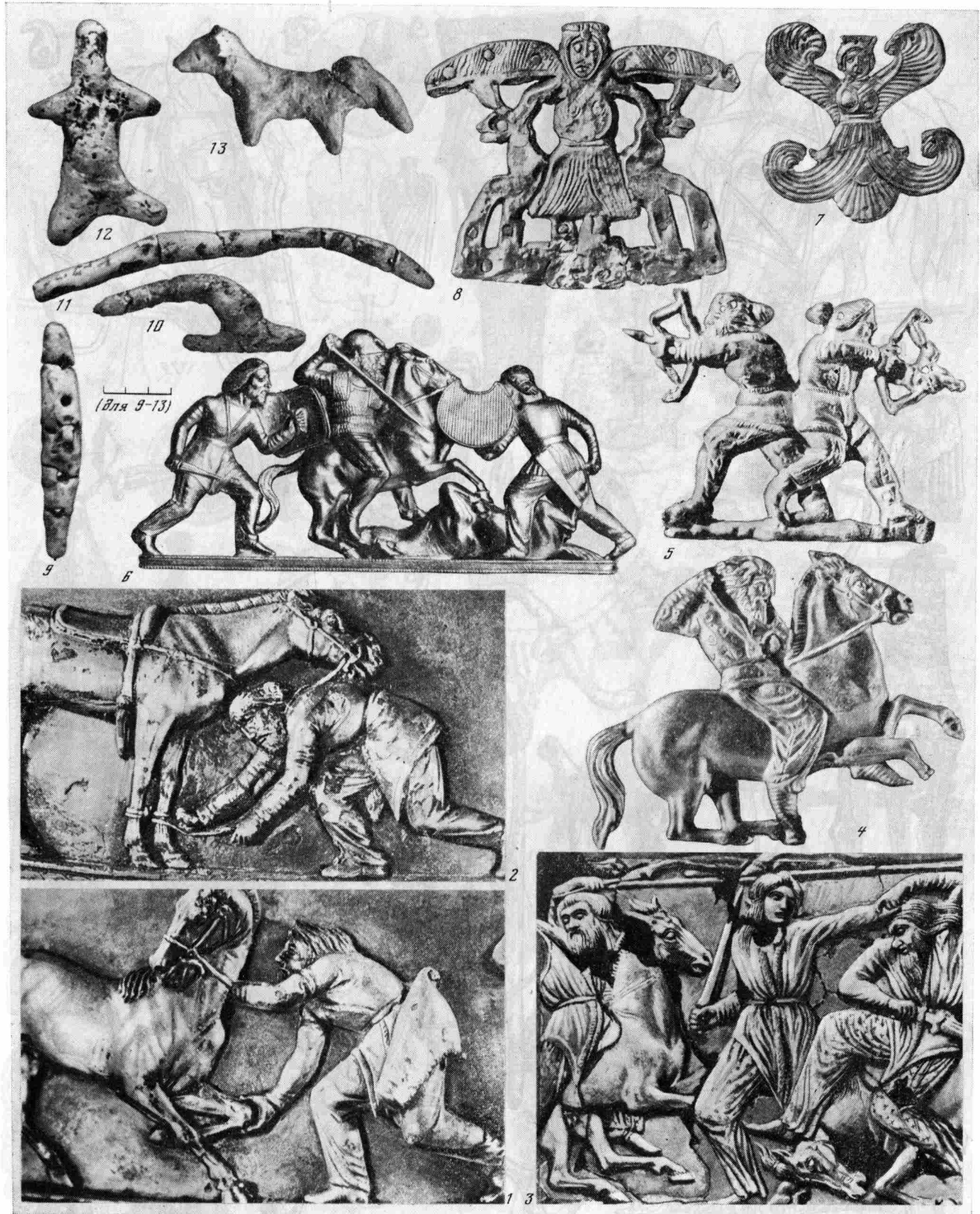

Таблица 34. Изображения скифов, скифских божеств, культовые предметы

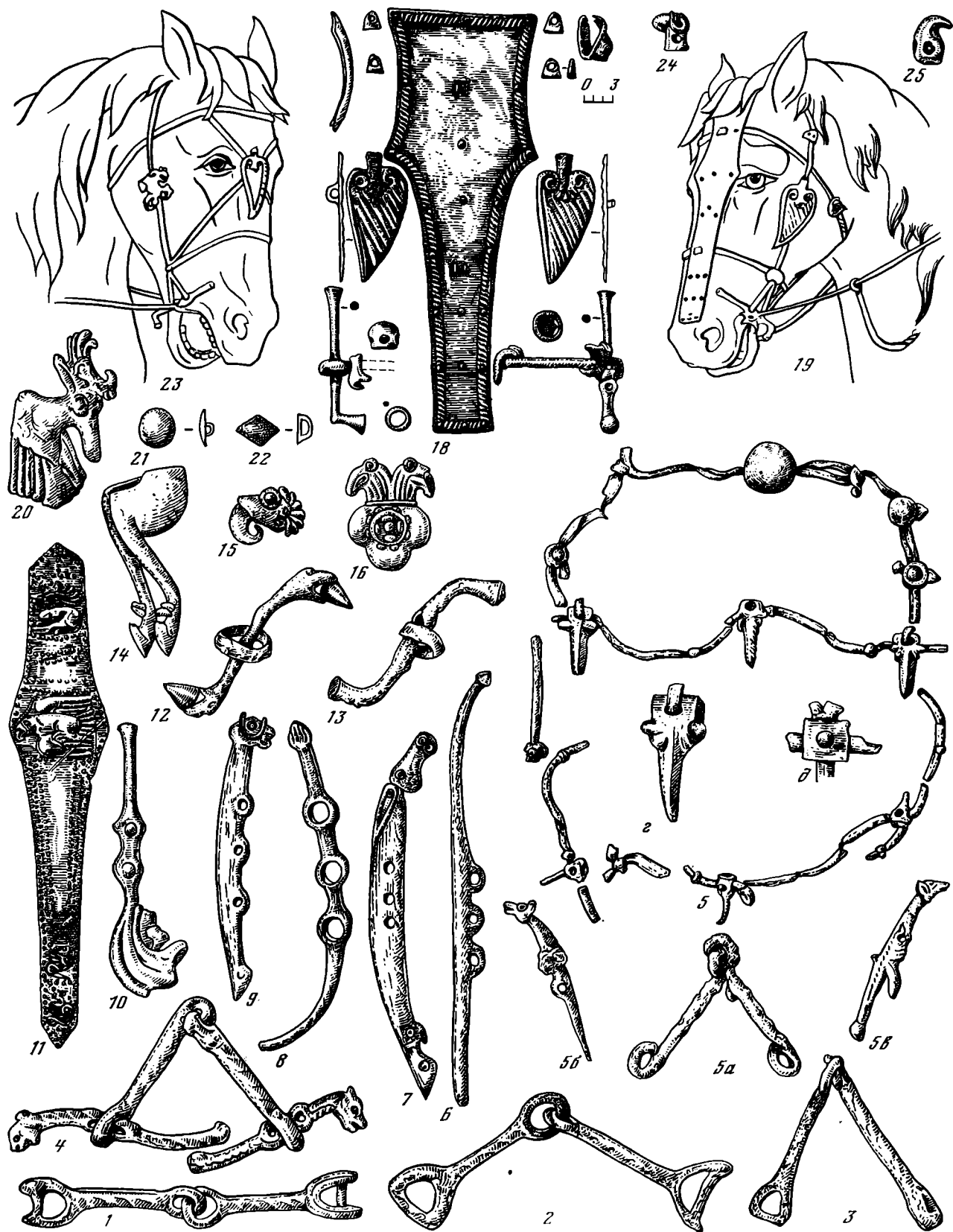

Таблица 35. Конское снаряжение VII—V вв. до н. э.

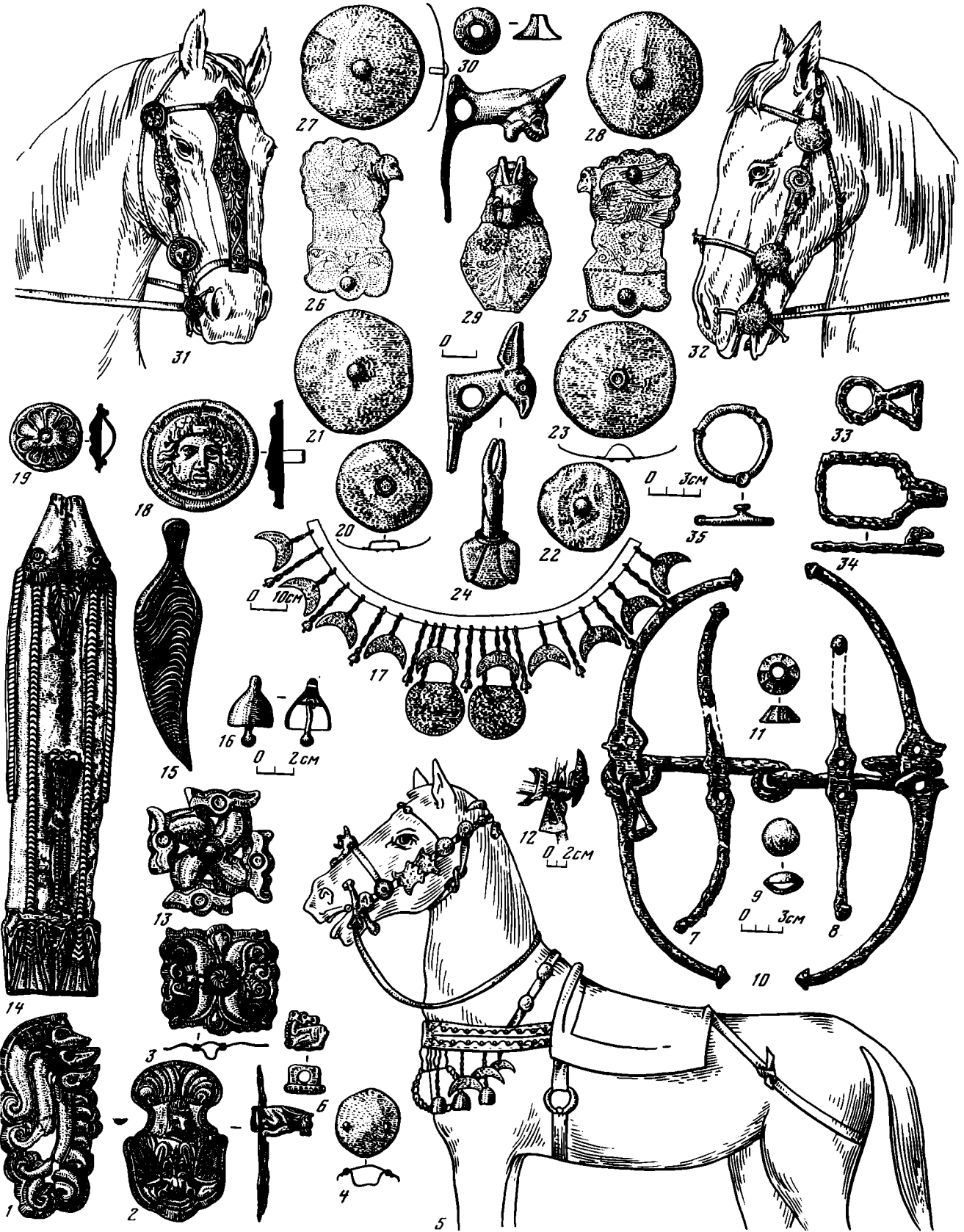

Таблица 36. Конское снаряжение IV—III вв. до н. э.

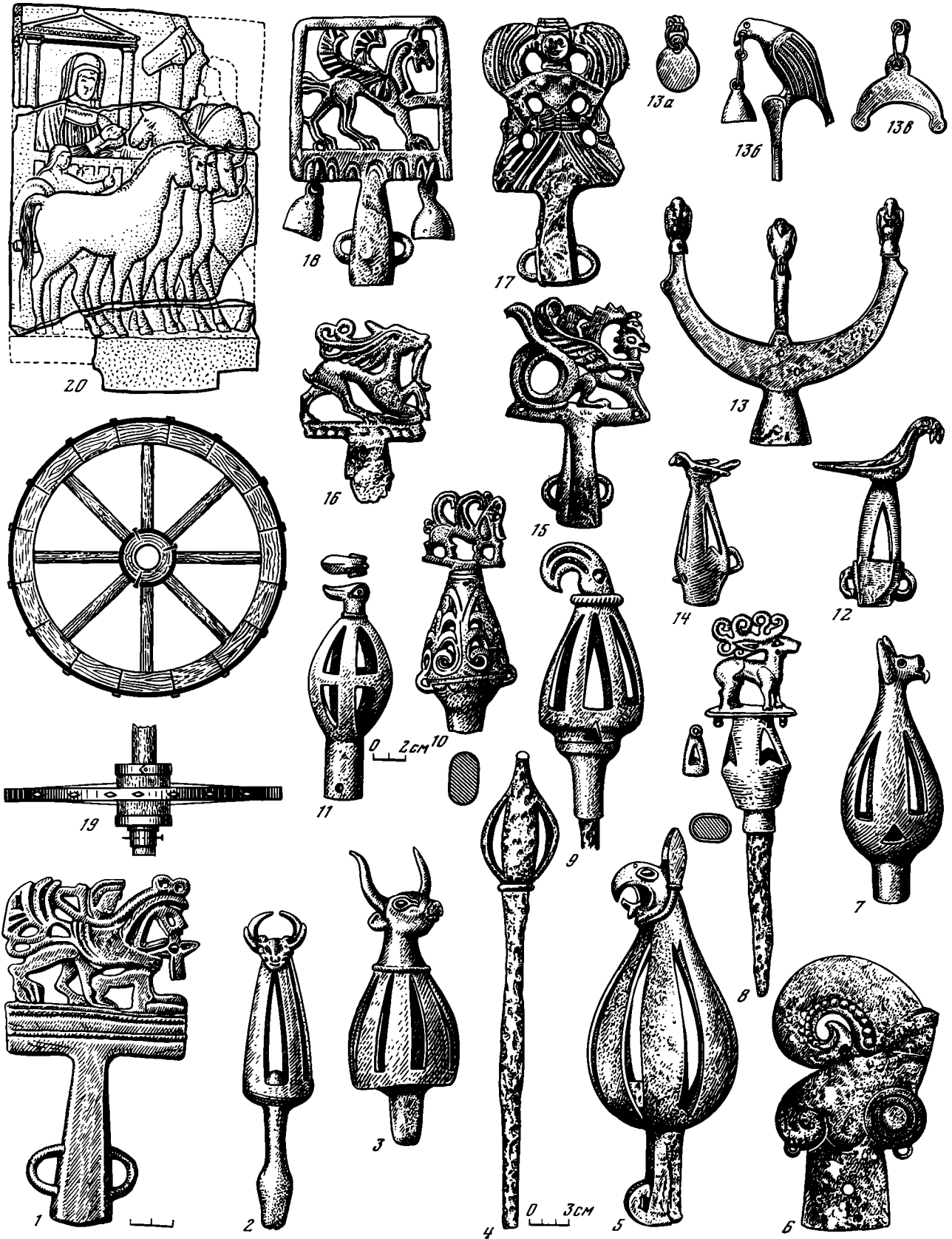

Таблица 37. Навершия, рельеф с изображением скифской повозки, реконструкция колеса

Таблица 38. Образцы звериного стиля на предметах из курганов степной Скифии

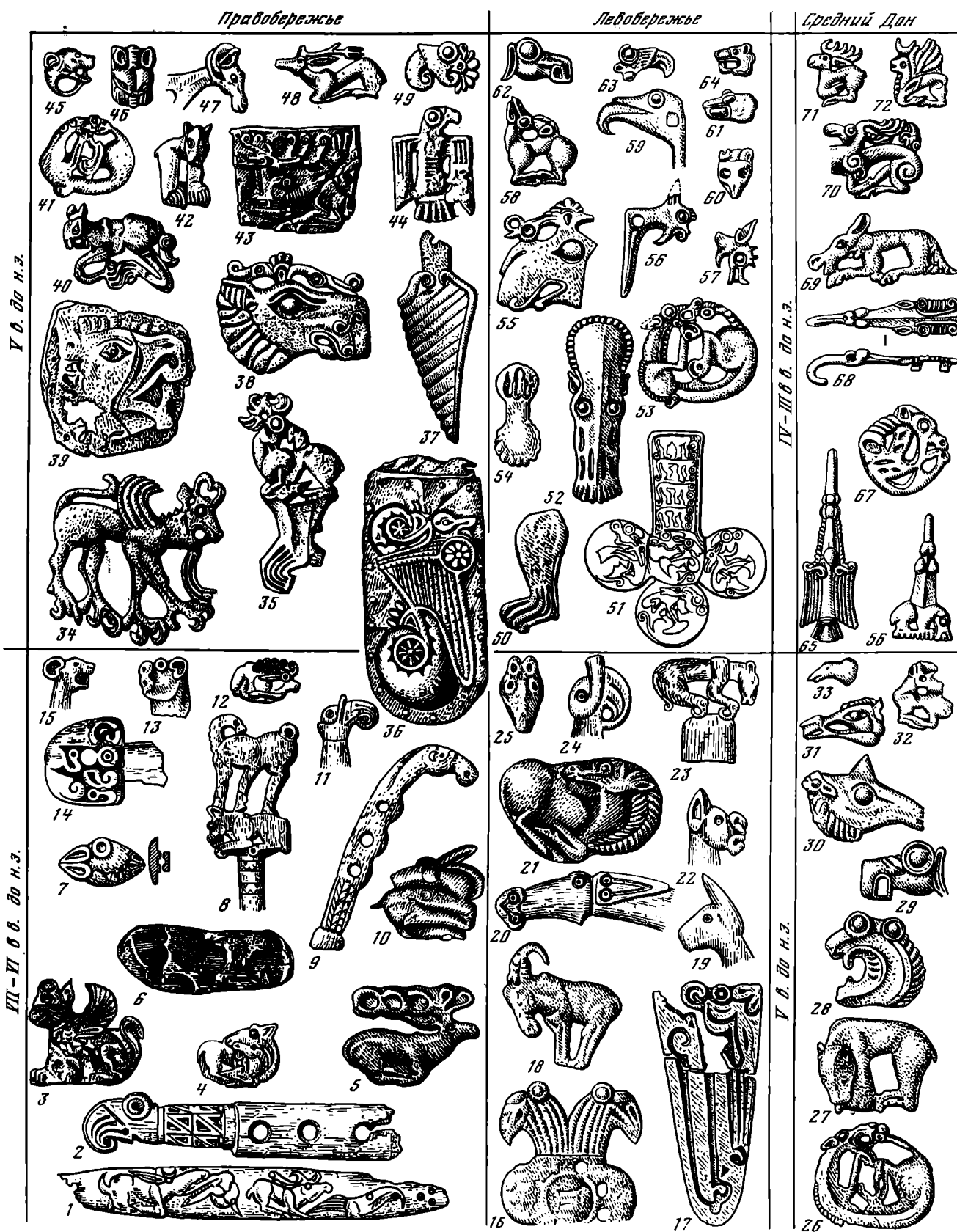

Таблица 39. Звериный стиль на предметах из памятников лесостепи

Таблица 40. Скифские каменные изваяния

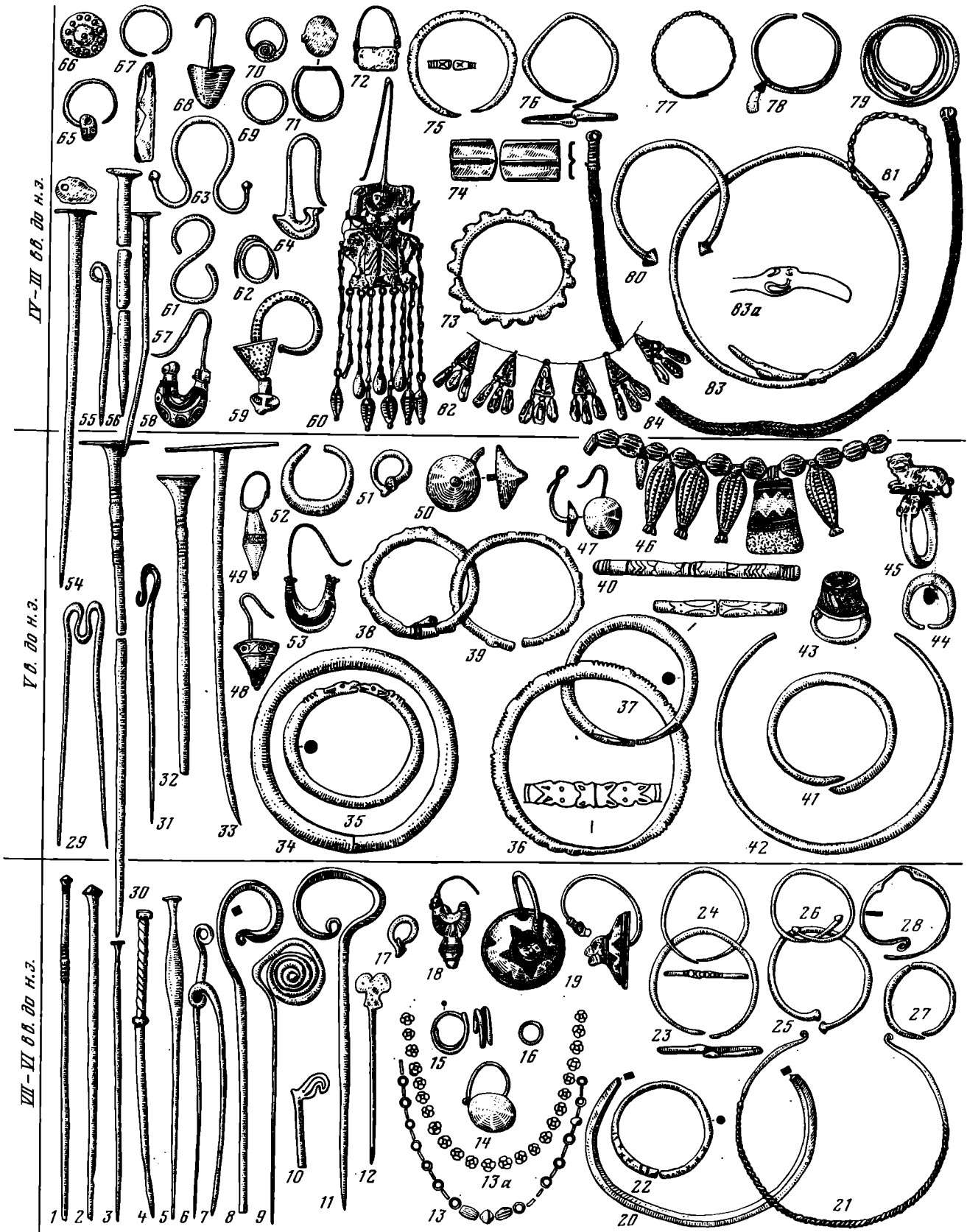

Таблица 41. Украшения и булавки из памятников лесостепи Восточной Европы

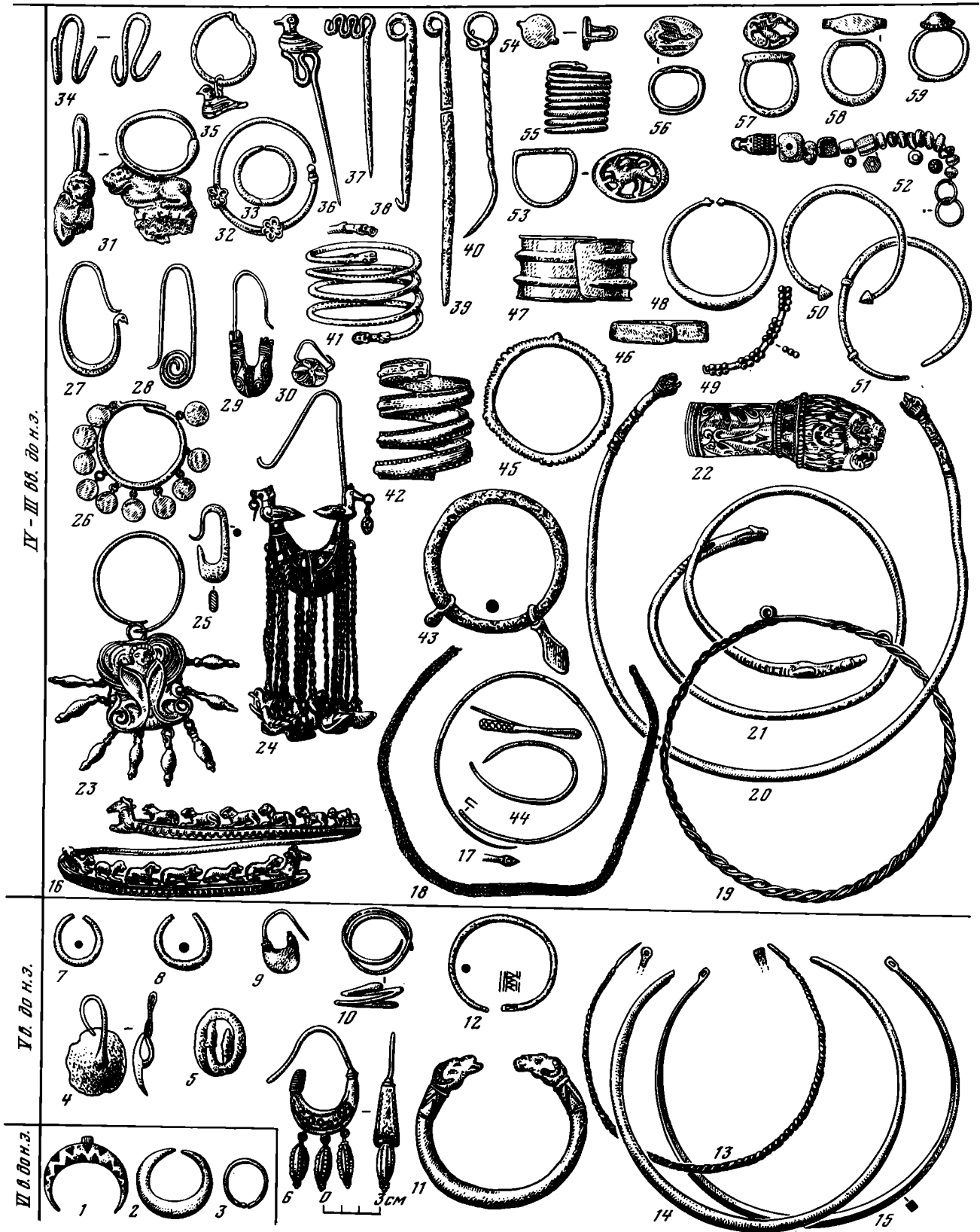

Таблица 42. Украшения из погребений степной Скифии

Таблица 43. Скифские головные уборы

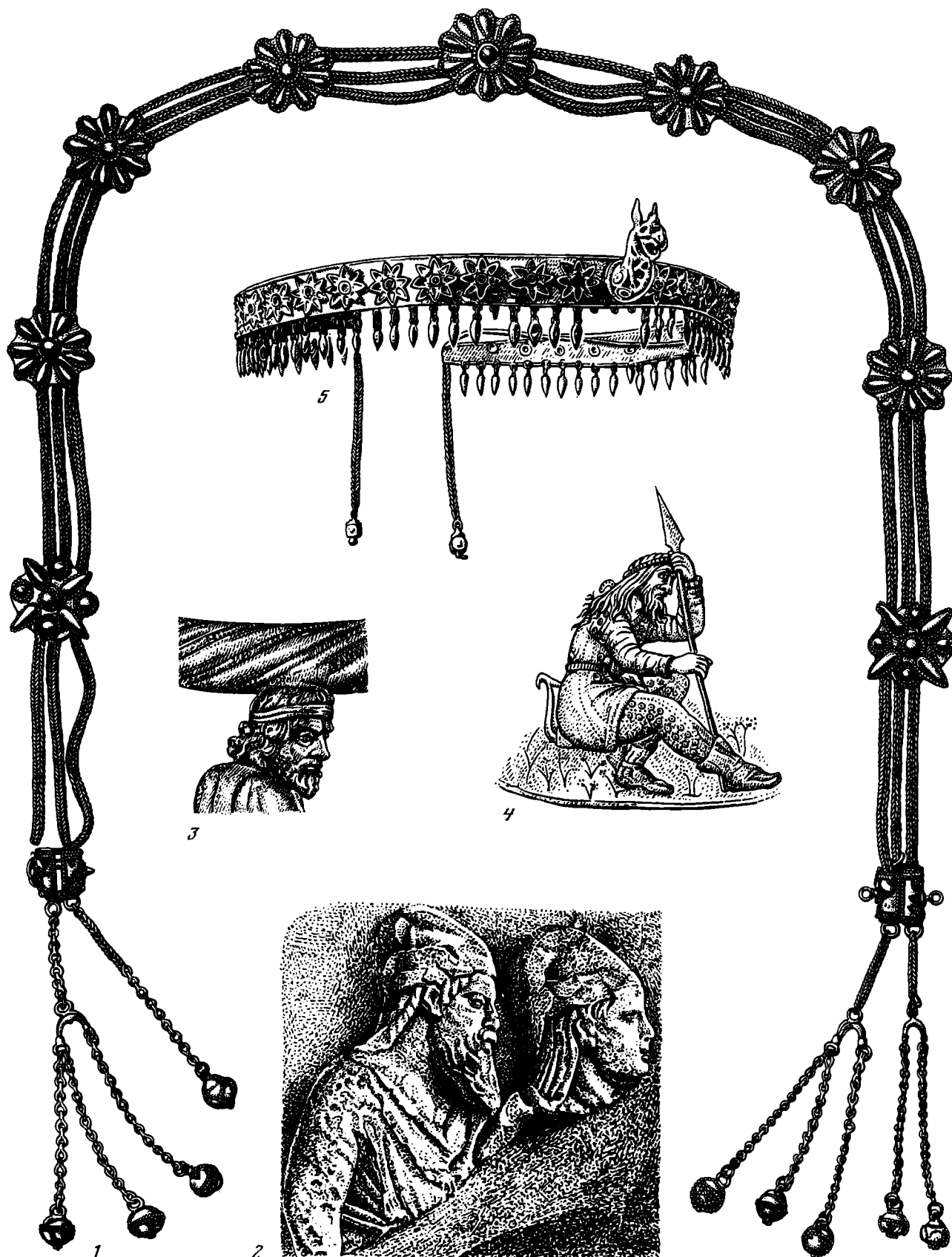

Таблица 44. Скифские головные уборы

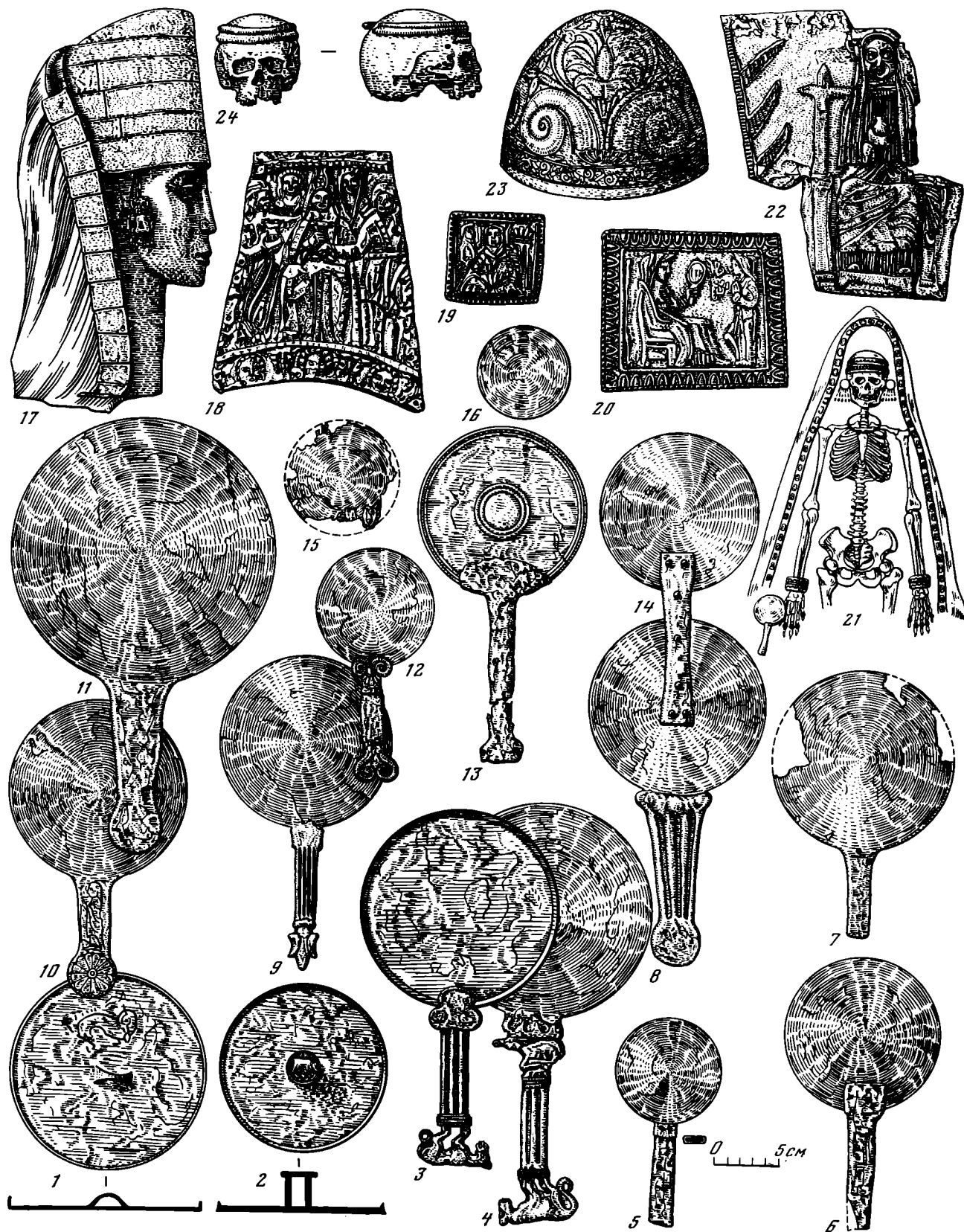

Таблица 45. Скифские зеркала, головные уборы

Таблица 46. Деревянная и металлическая посуда

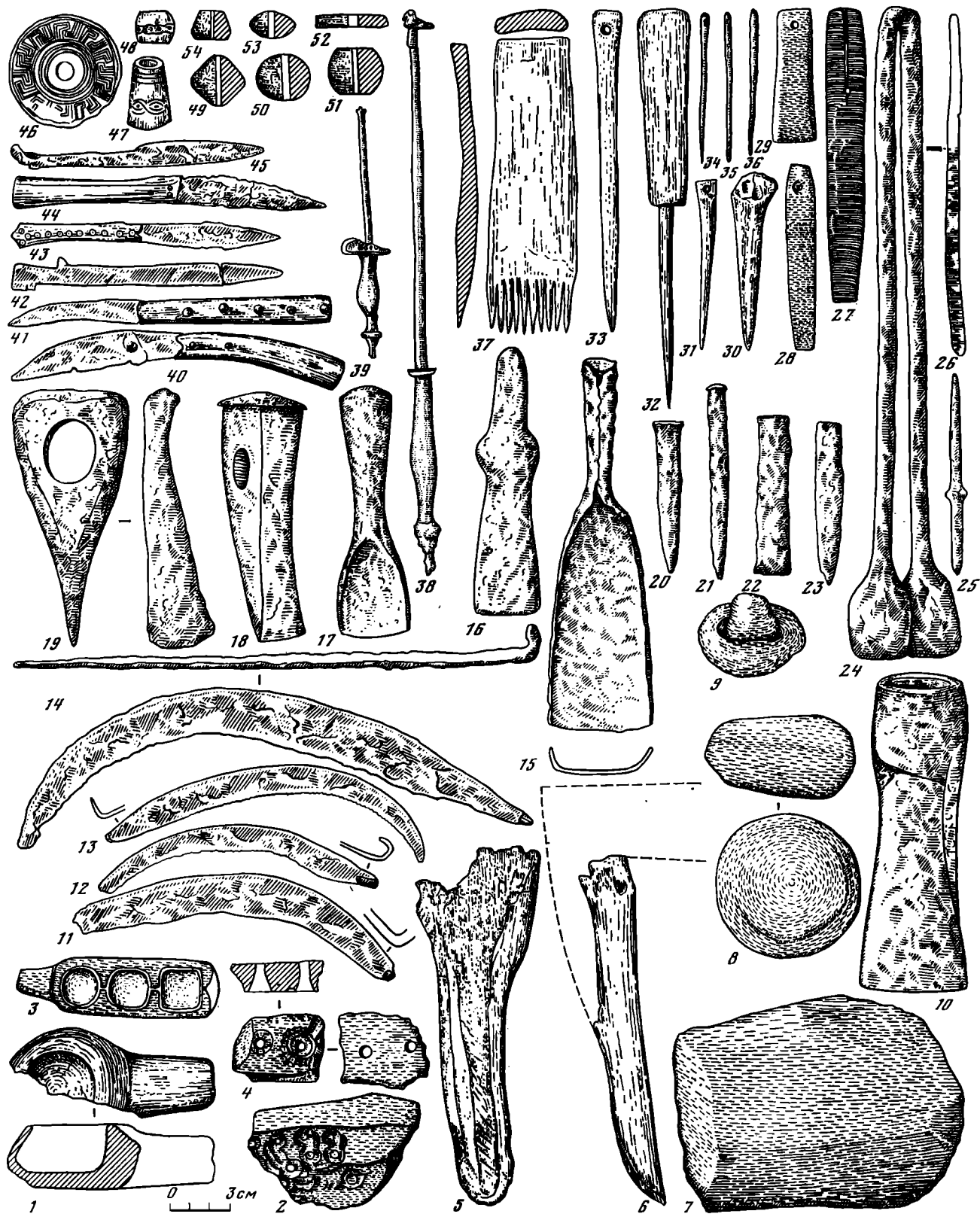

Таблица 47. Орудия труда

Таблица 48. Реконструкция М. М. Герасимовым облика скифов (1—2) и сарматки (3)

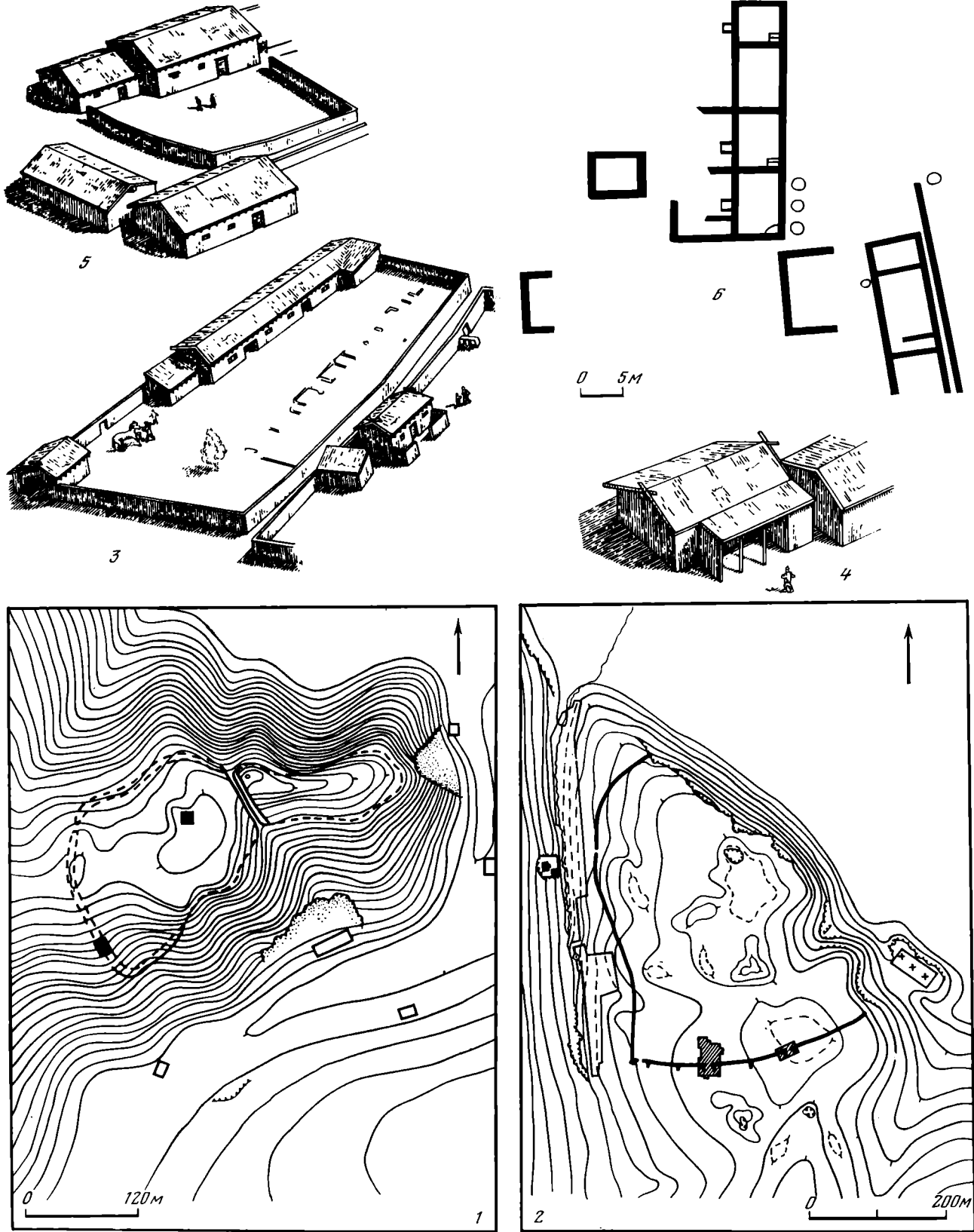

Таблица 49. Позднескифские городища и жилые комплексы

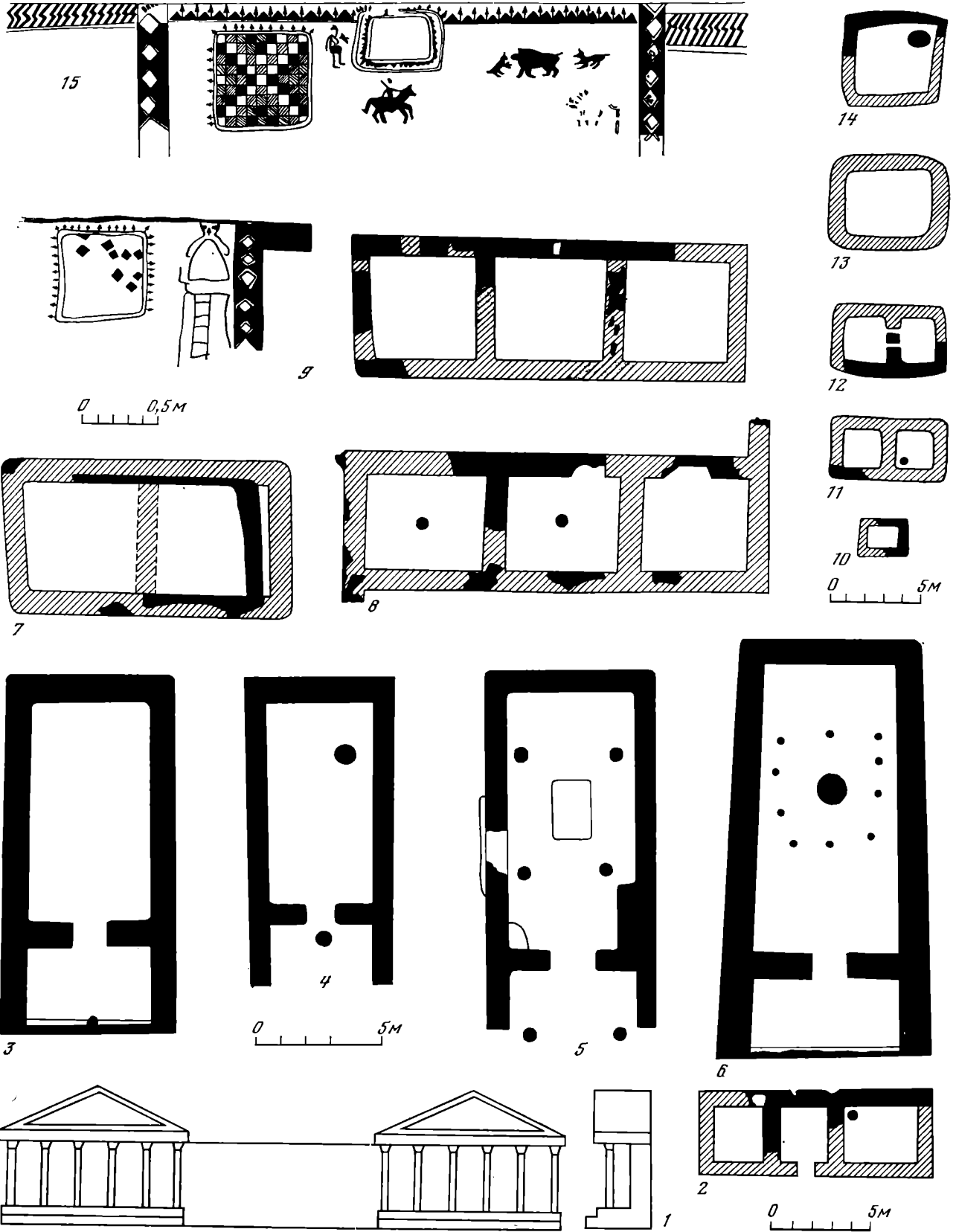

Таблица 50. Неаполь скифский

Таблица 51. Предметы культа поздних скифов Крыма (1—31) и нижнего Приднепровья (32—50)

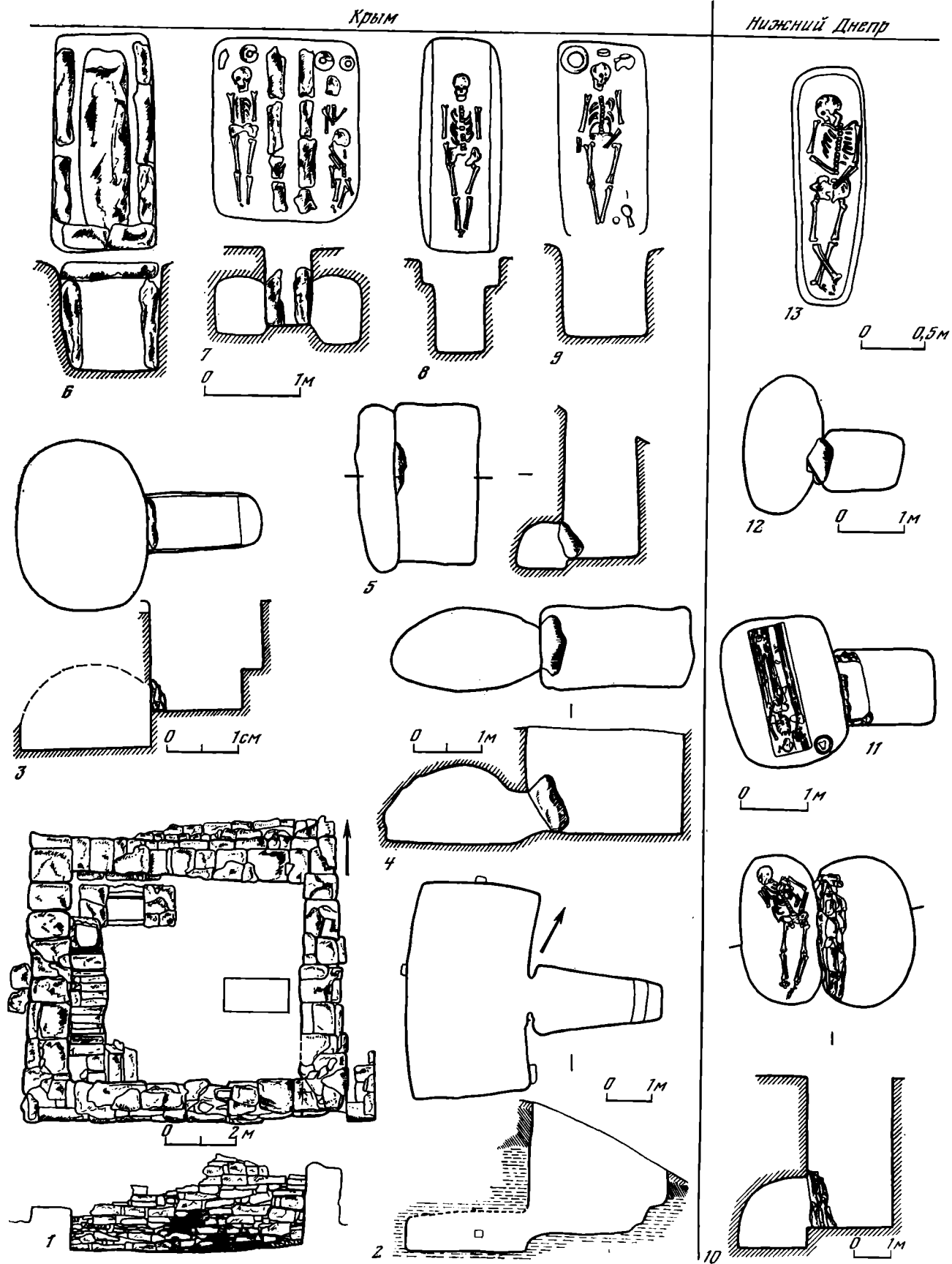

Таблица 52. Погребальные сооружения поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

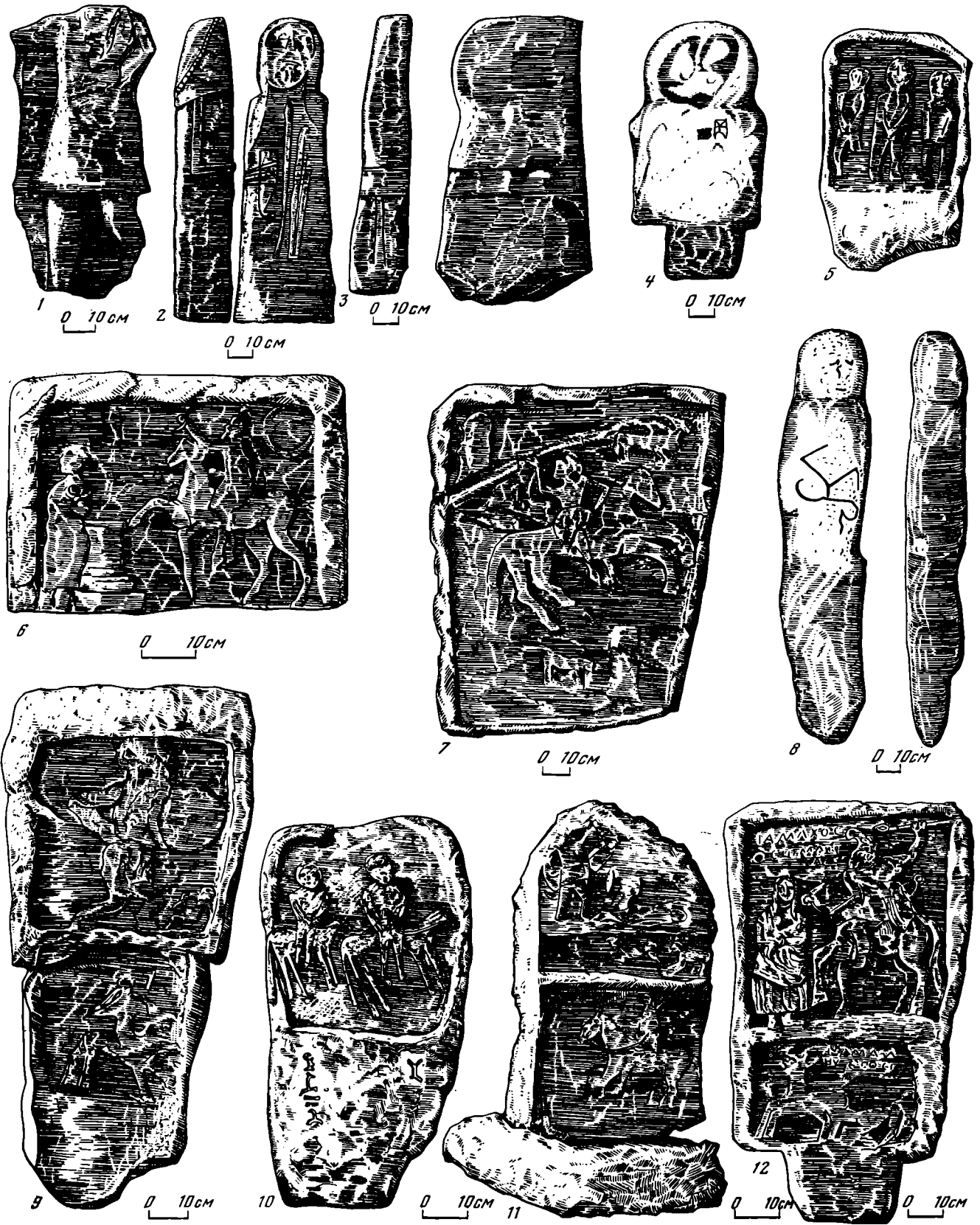

Таблица 53. Надгробные изваяния и рельефы поздних скифов Крыма

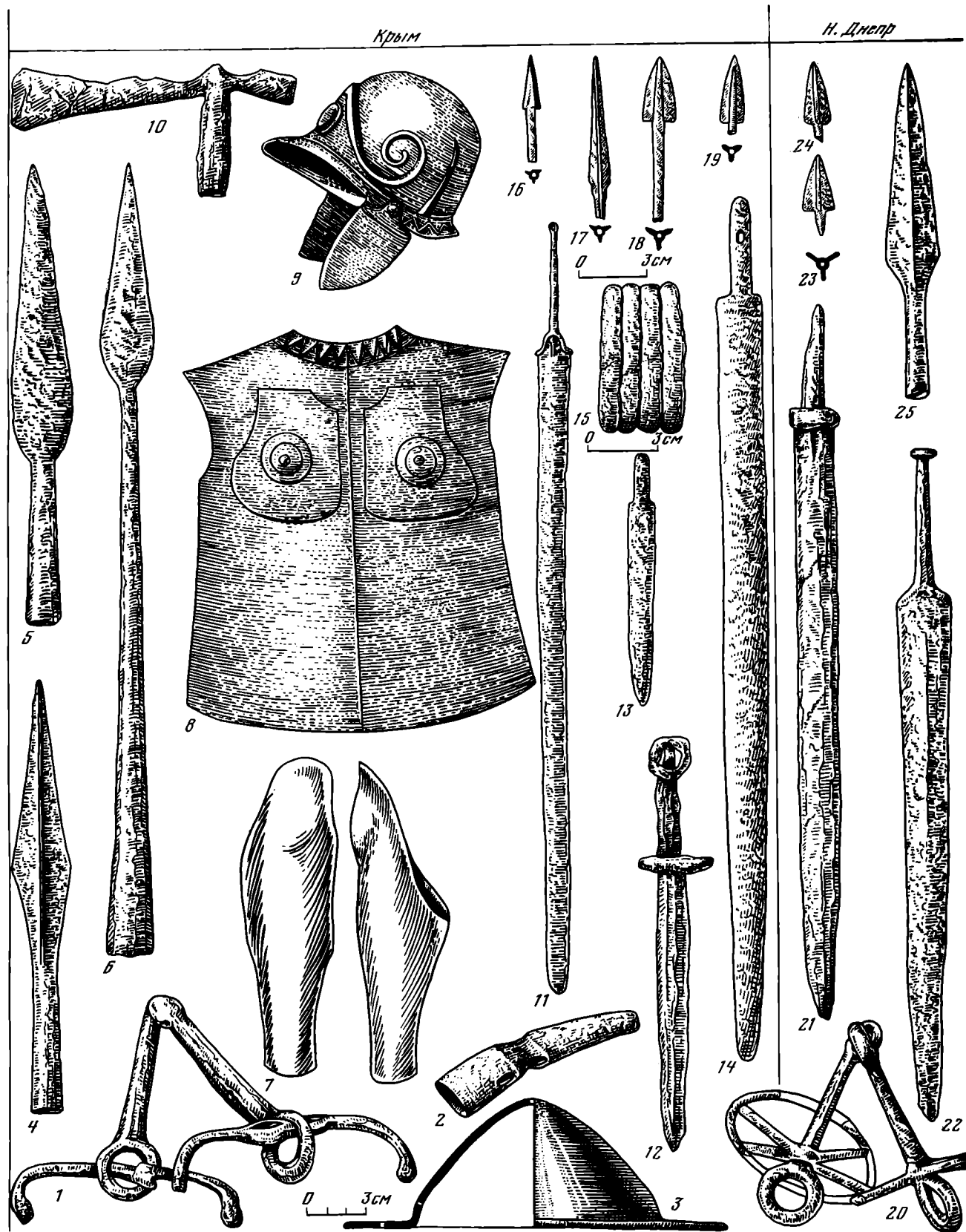

Таблица 54. Оружие и конская узда поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

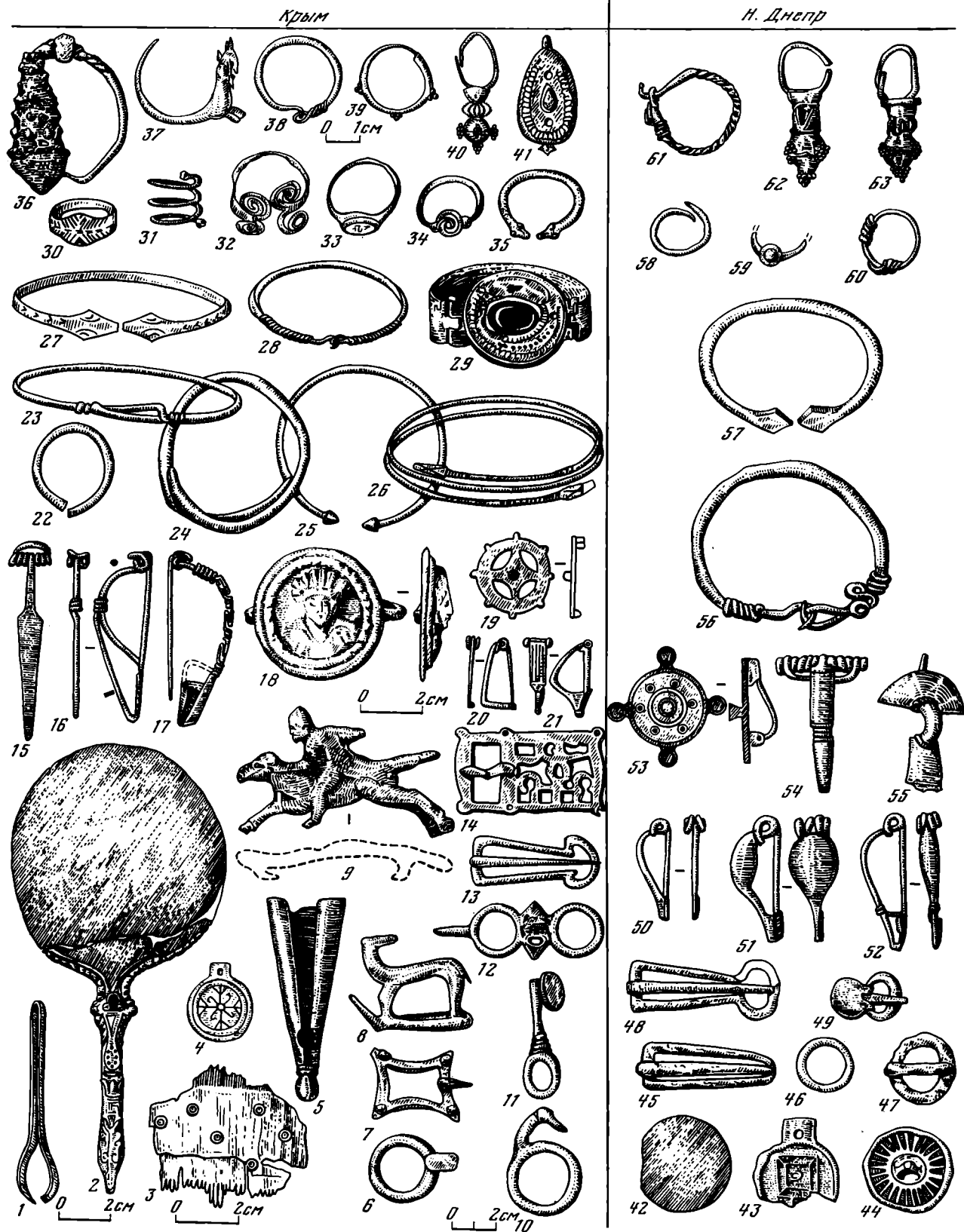

Таблица 55. Украшения, застежки и предметы туалета из памятников поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

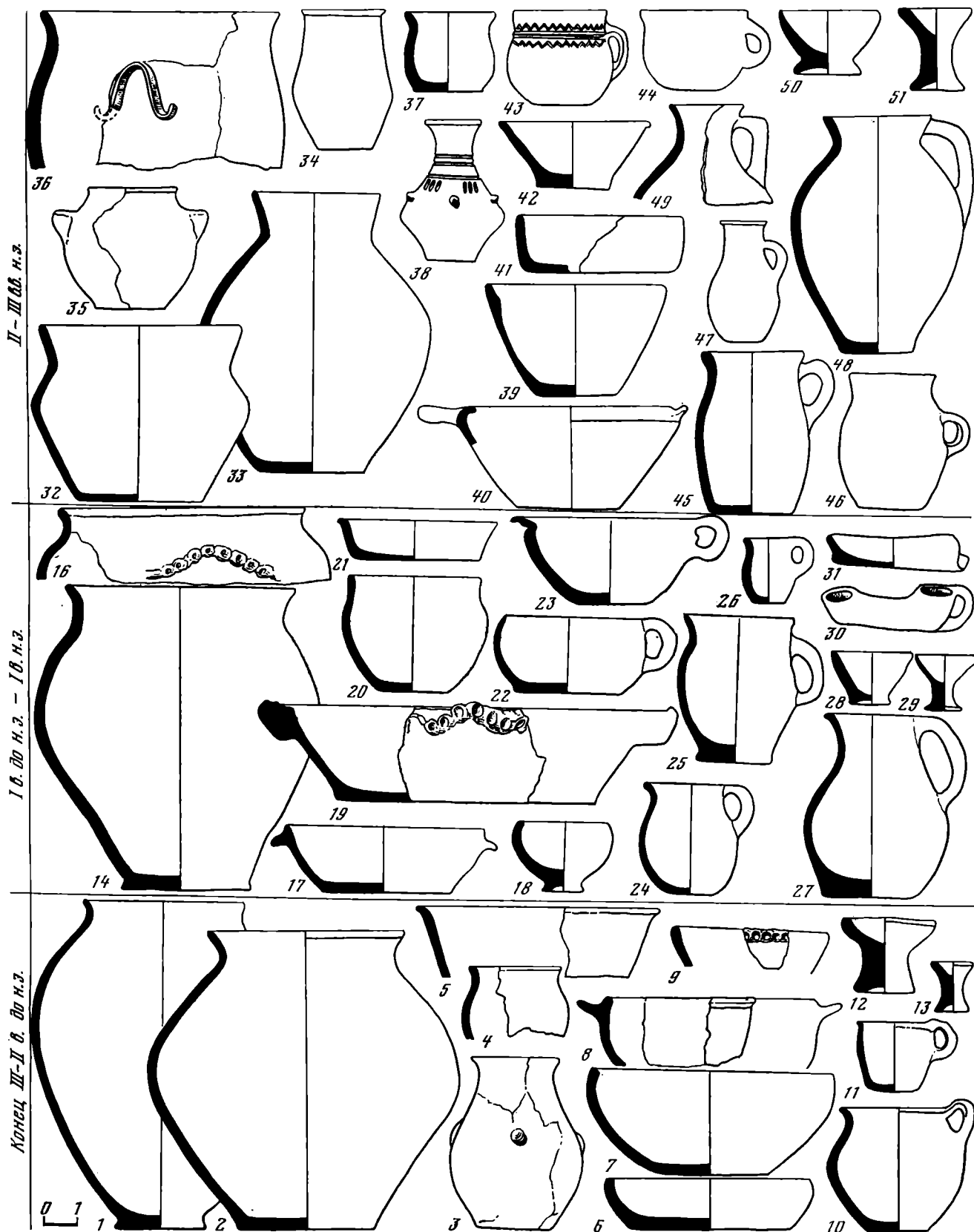

Таблица 56. Лепная керамика из памятников поздних скифов Крыма

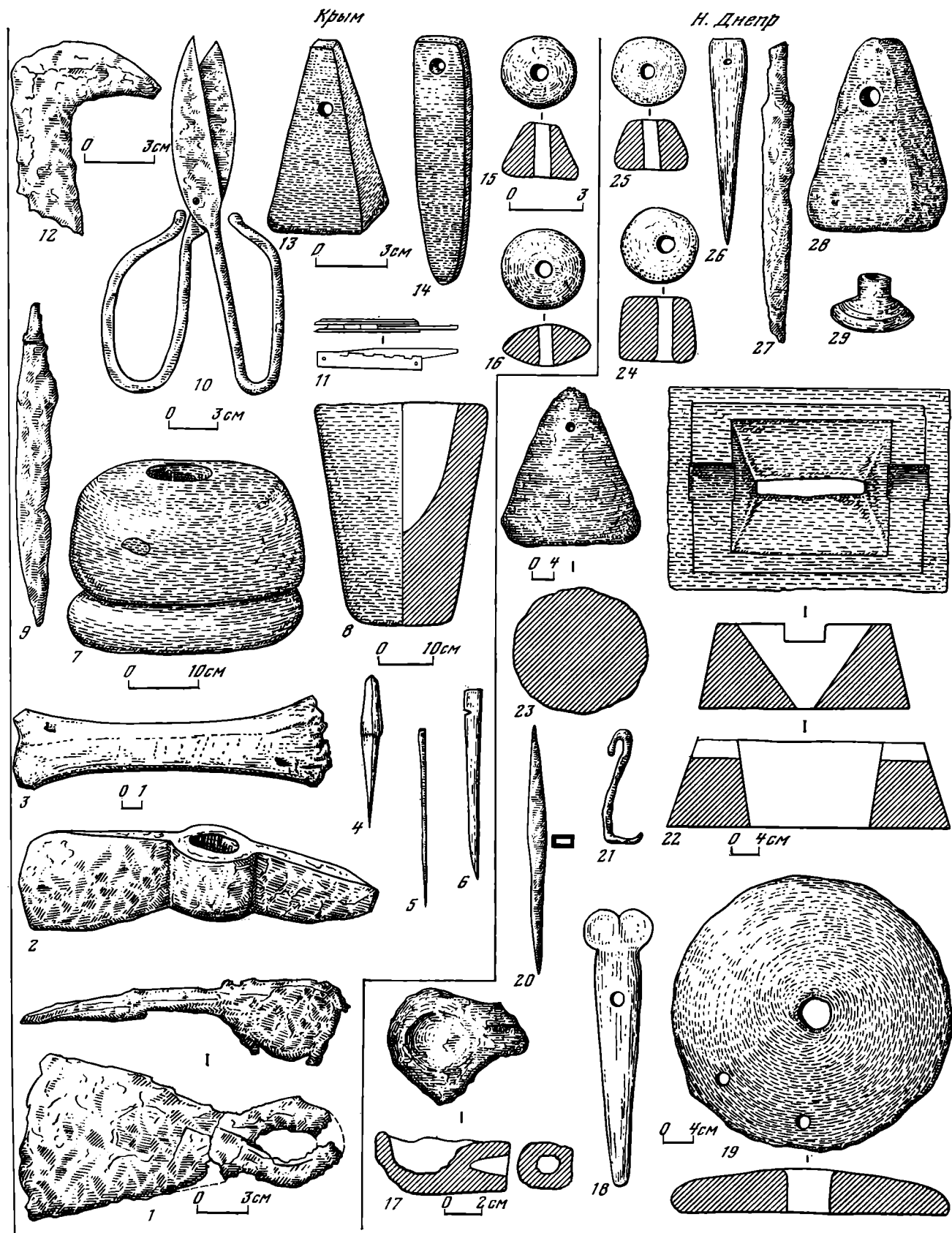

Таблица 57. Орудия труда из памятников поздних скифов Крыма и нижнего Приднепровья

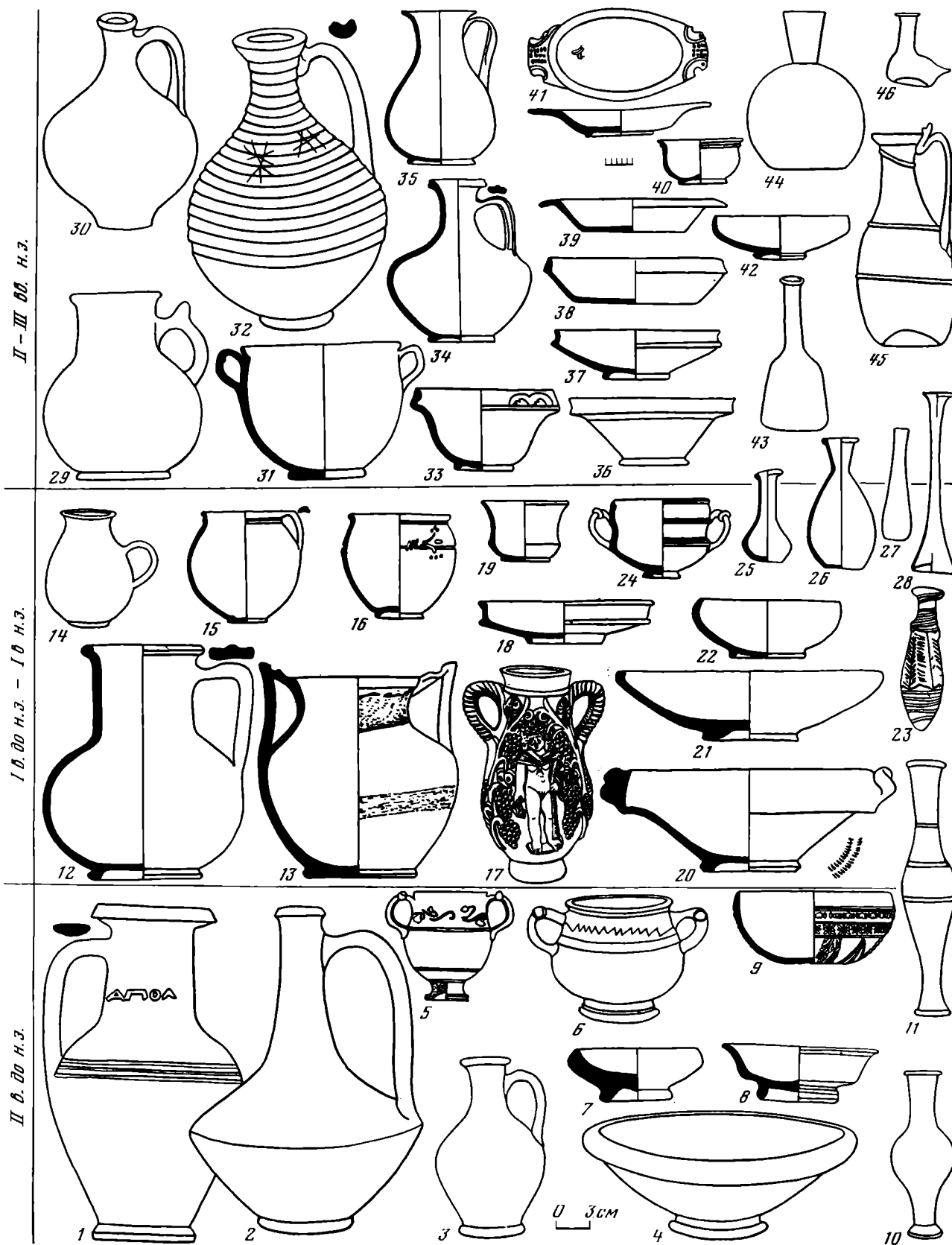

Таблица 58. Античные сосуды из памятников поздних скифов Крыма

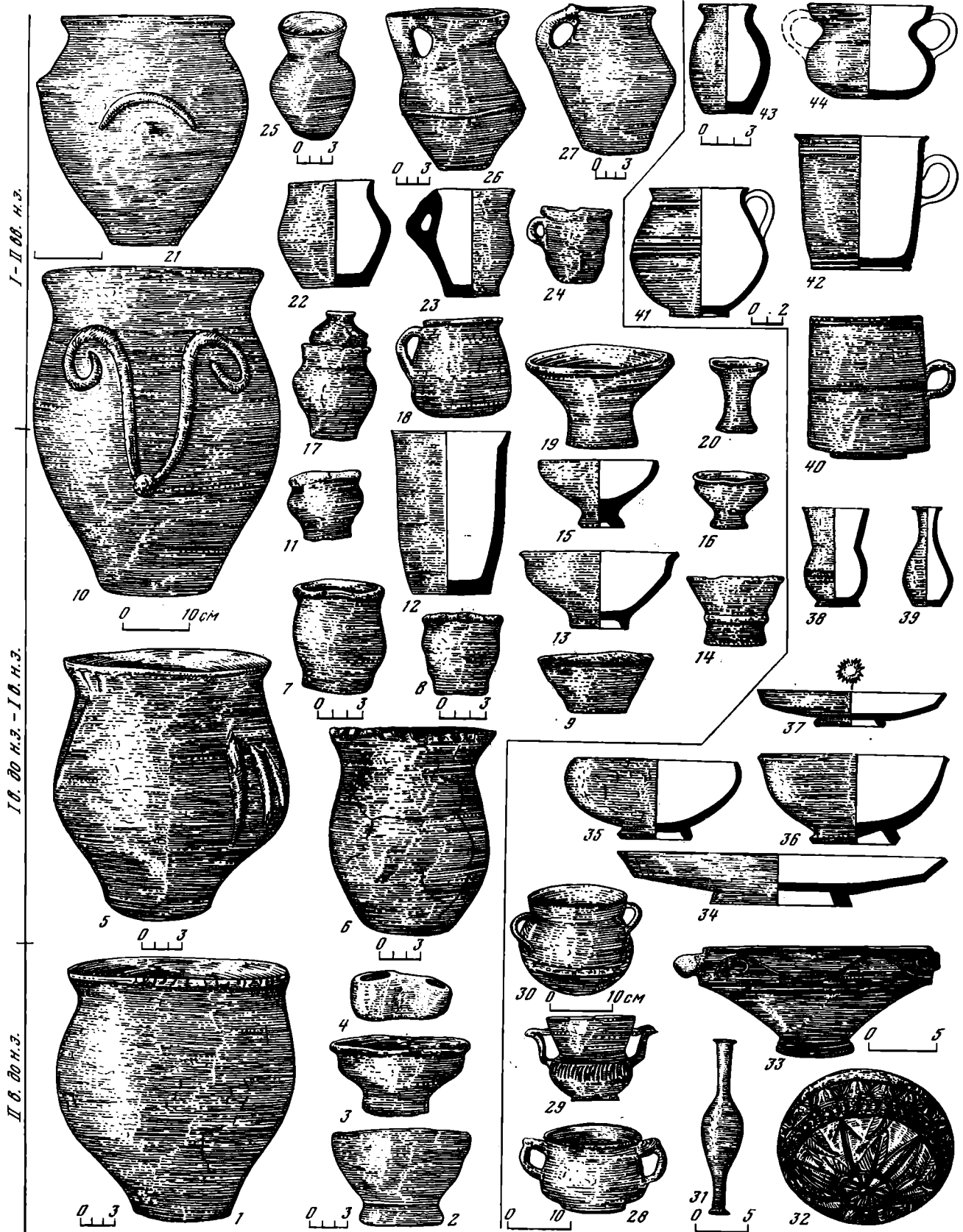

Таблица 59. Лепная и античная керамика из памятников поздних скифов нижнего Приднепровья

Таблица 60. Погребальный обряд предсарматского времени

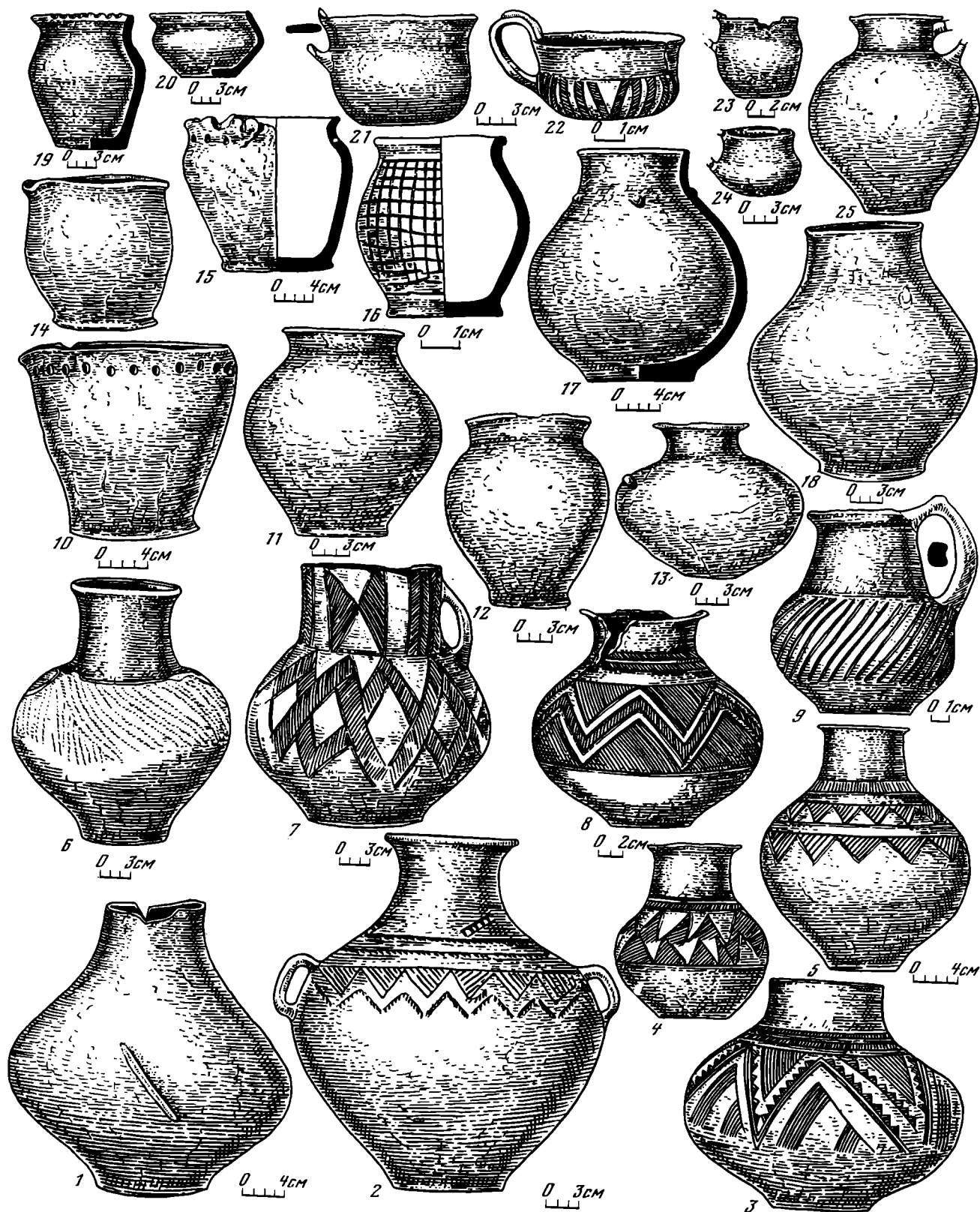

Таблица 61. Керамика из погребений предсавроматского времени Волго-Донского междуречья

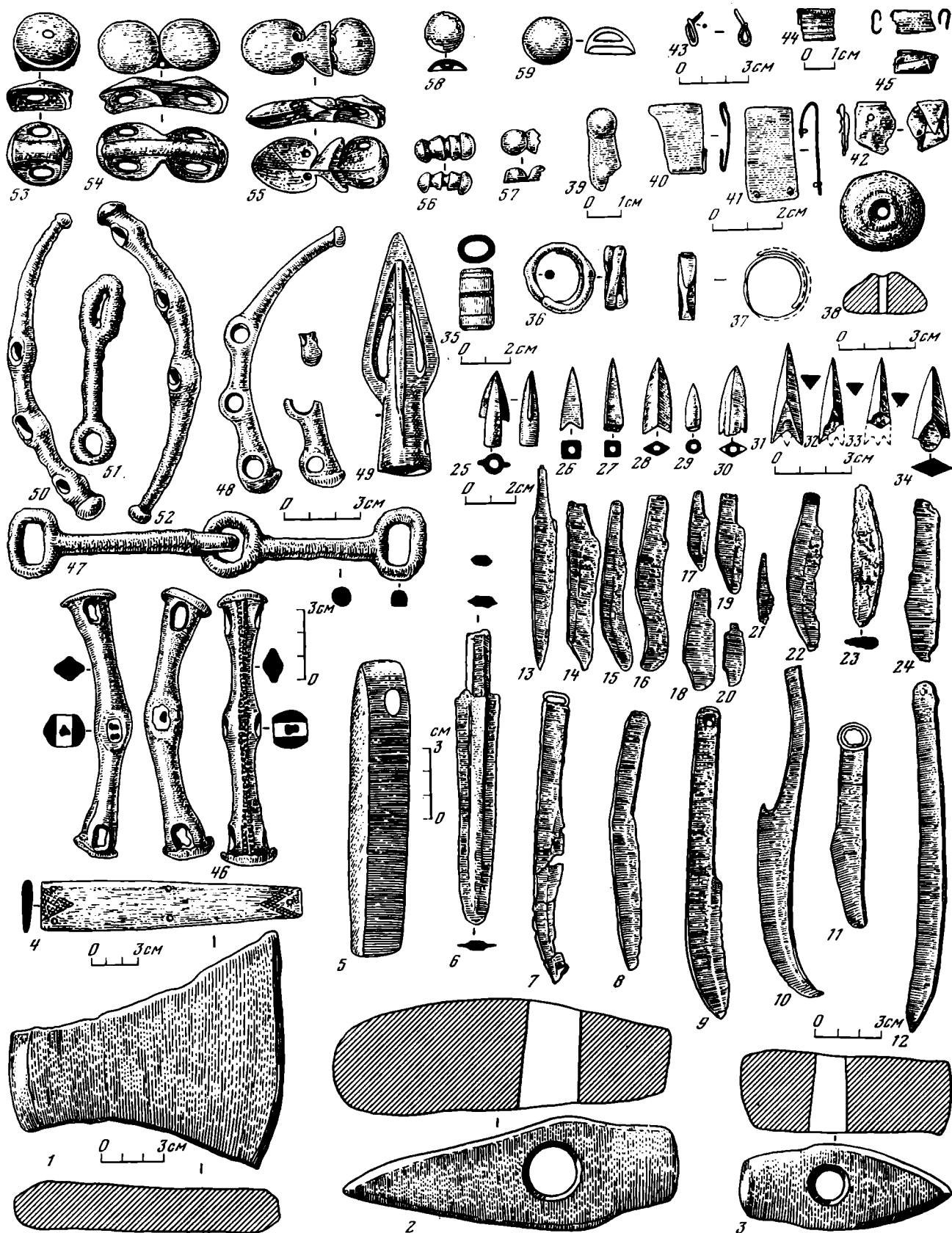

Таблица 62. Вещи из погребальных комплексов и случайные находки предсавроматского времени

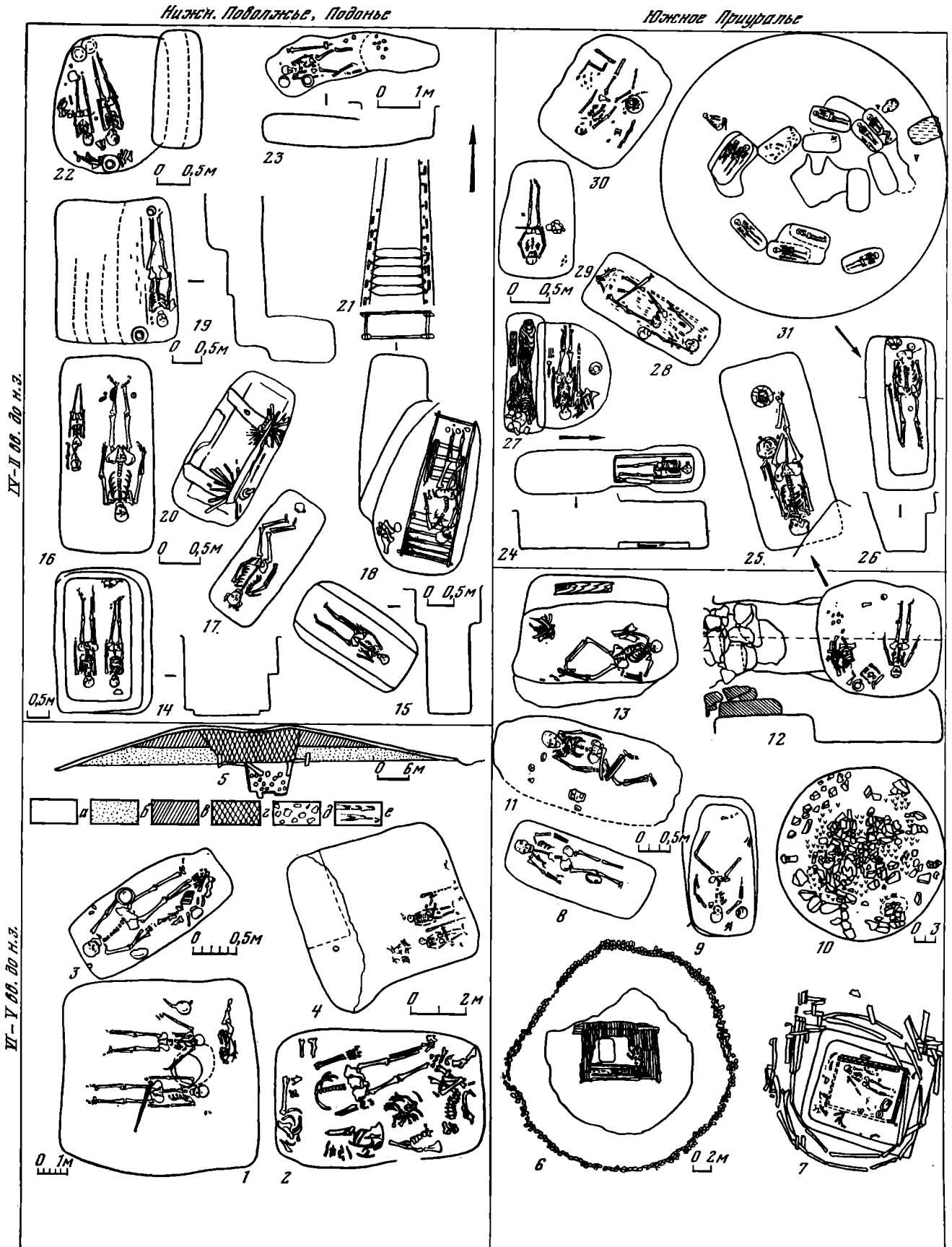

Таблица 63. Погребальный обряд савроматов и ранних сарматов

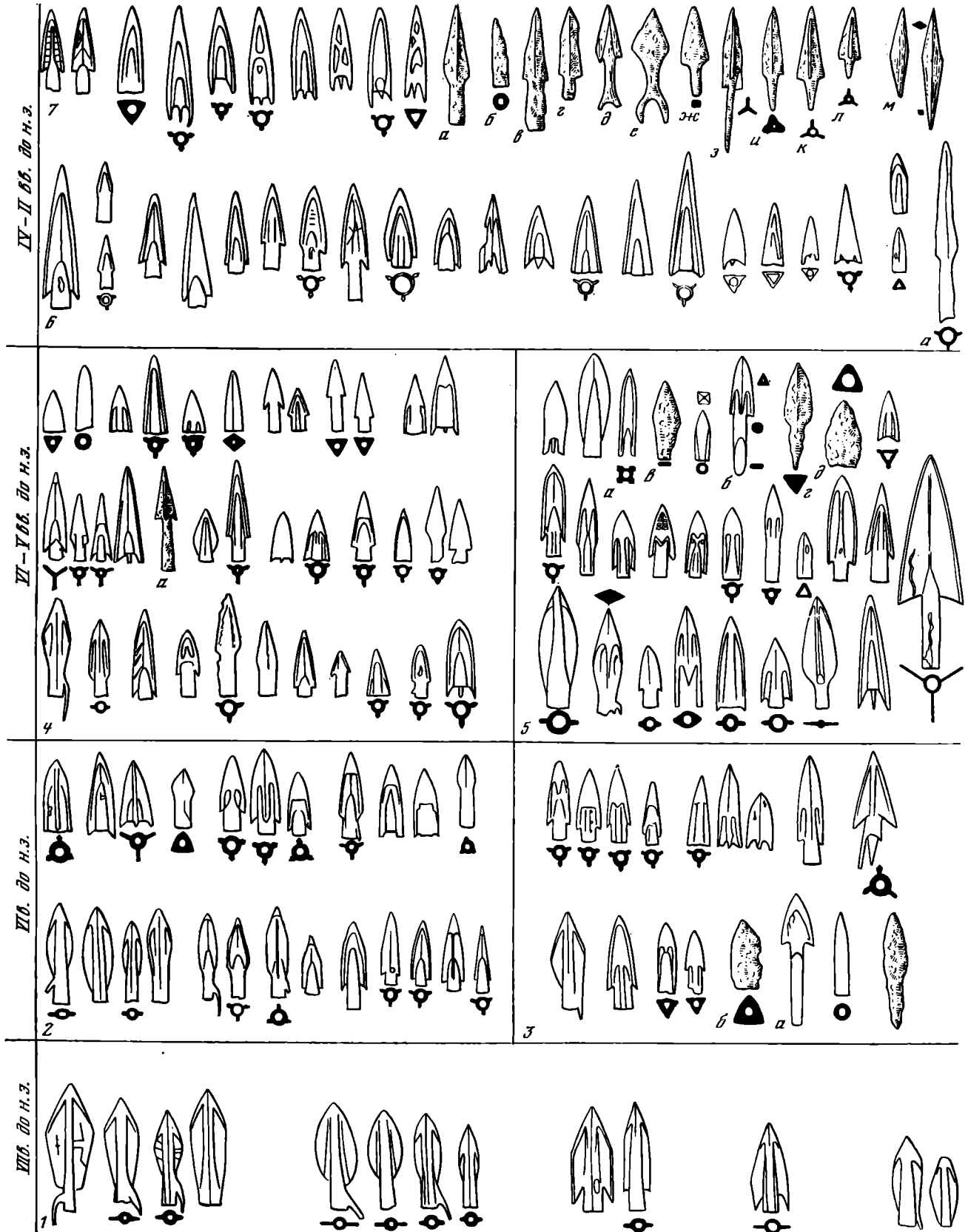
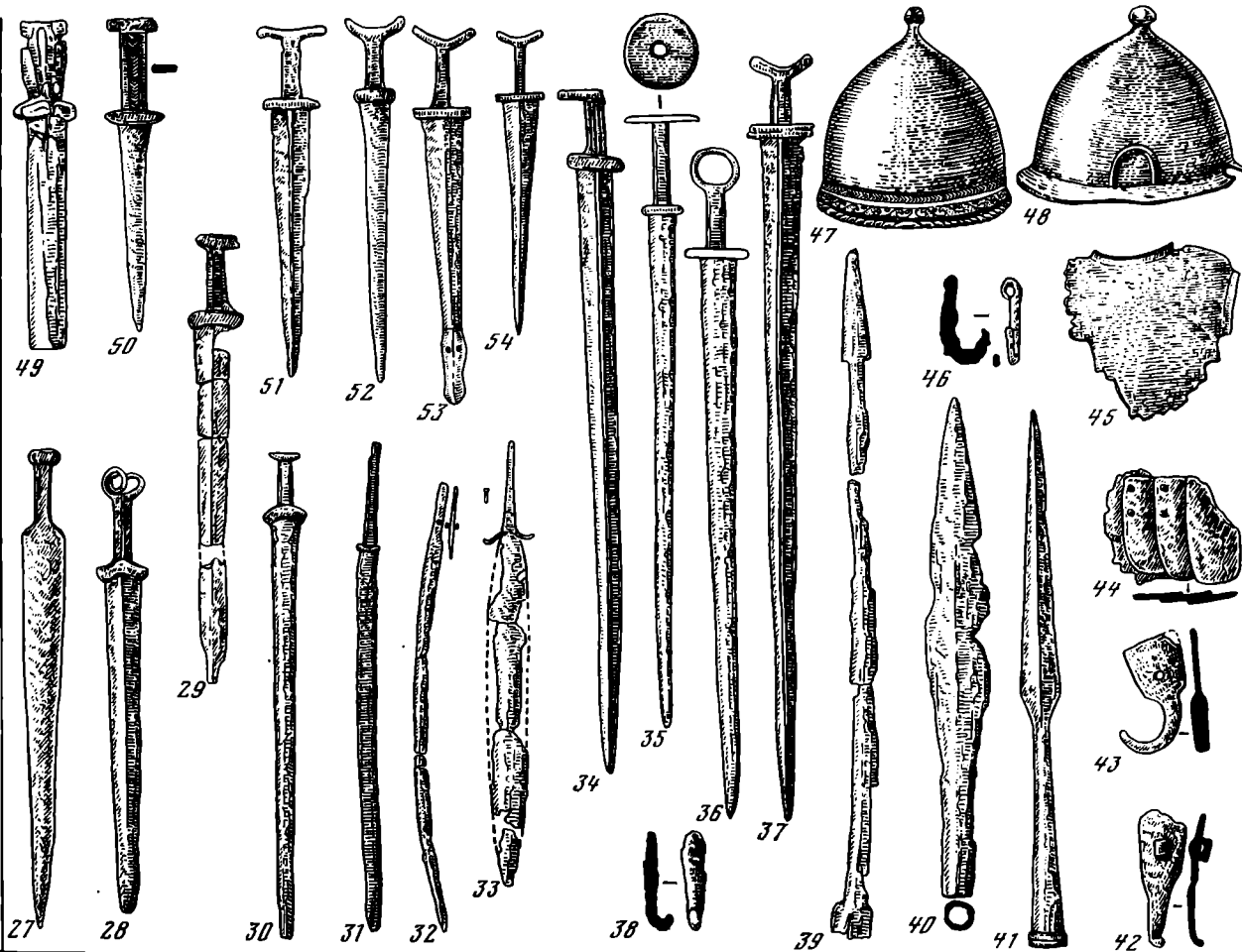

Таблица 64. Наконечники стрел из савроматских и раписарматских погребений

IV - II вв. до н.э.

VII - IV вв. до н.э.

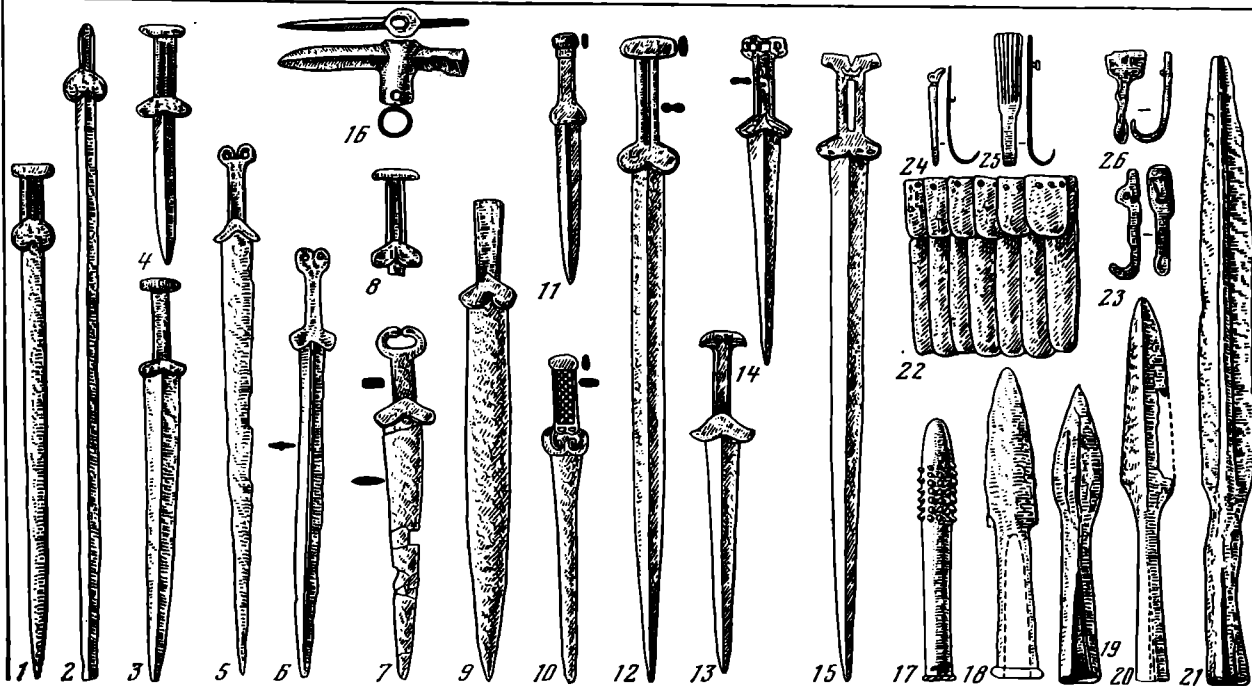

Таблица 65. Мечи, наконечники копий и дротиков, защитное вооружение, колчаные крючки савроматов и ранних сарматов

Таблица 66. Звериный стиль савроматов и ранних сарматов

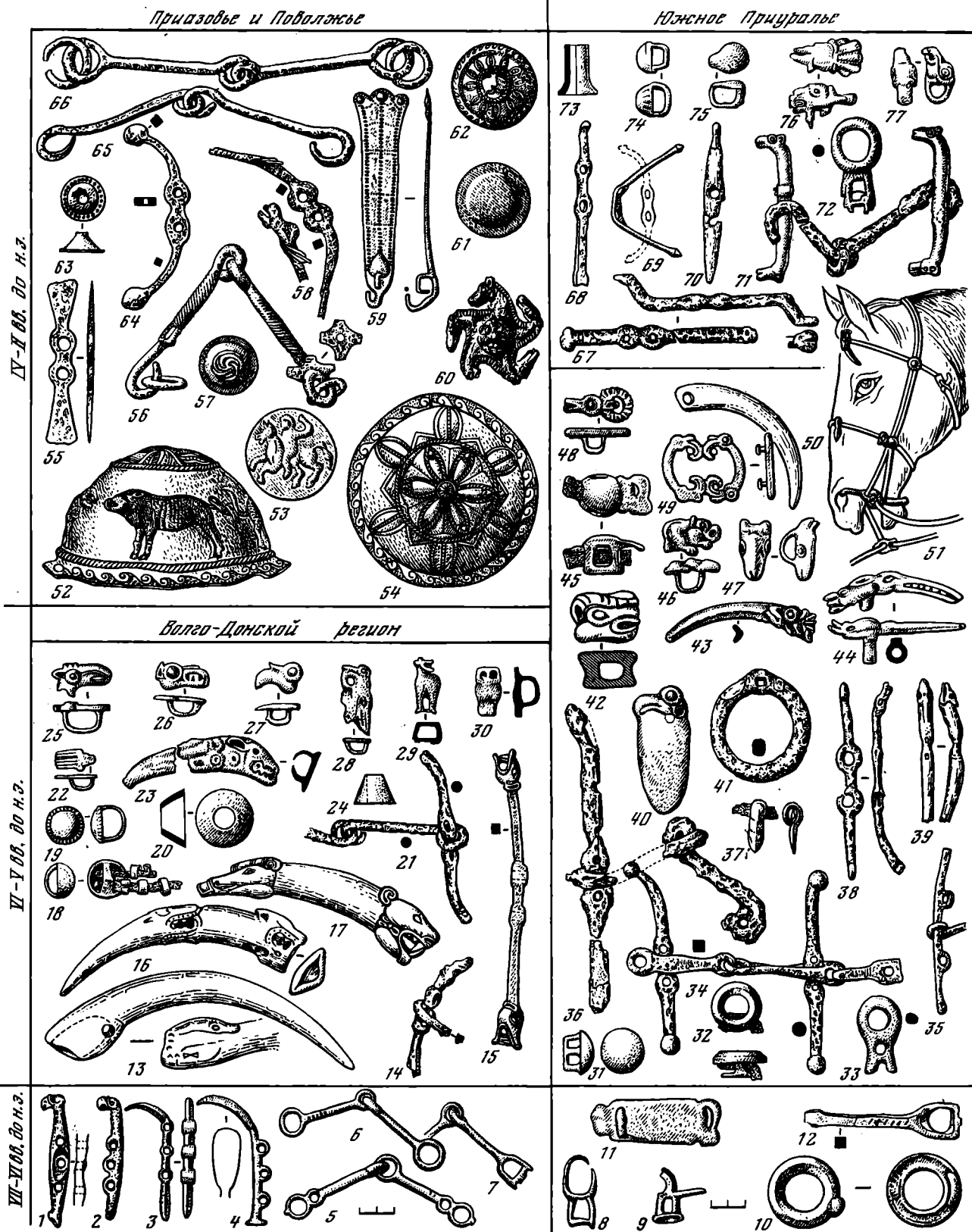

Таблица 67. Конское снаряжение савроматов и ранних сарматов

Таблица 68. Орудия труда и металлическая утварь савроматов и ранних сарматов

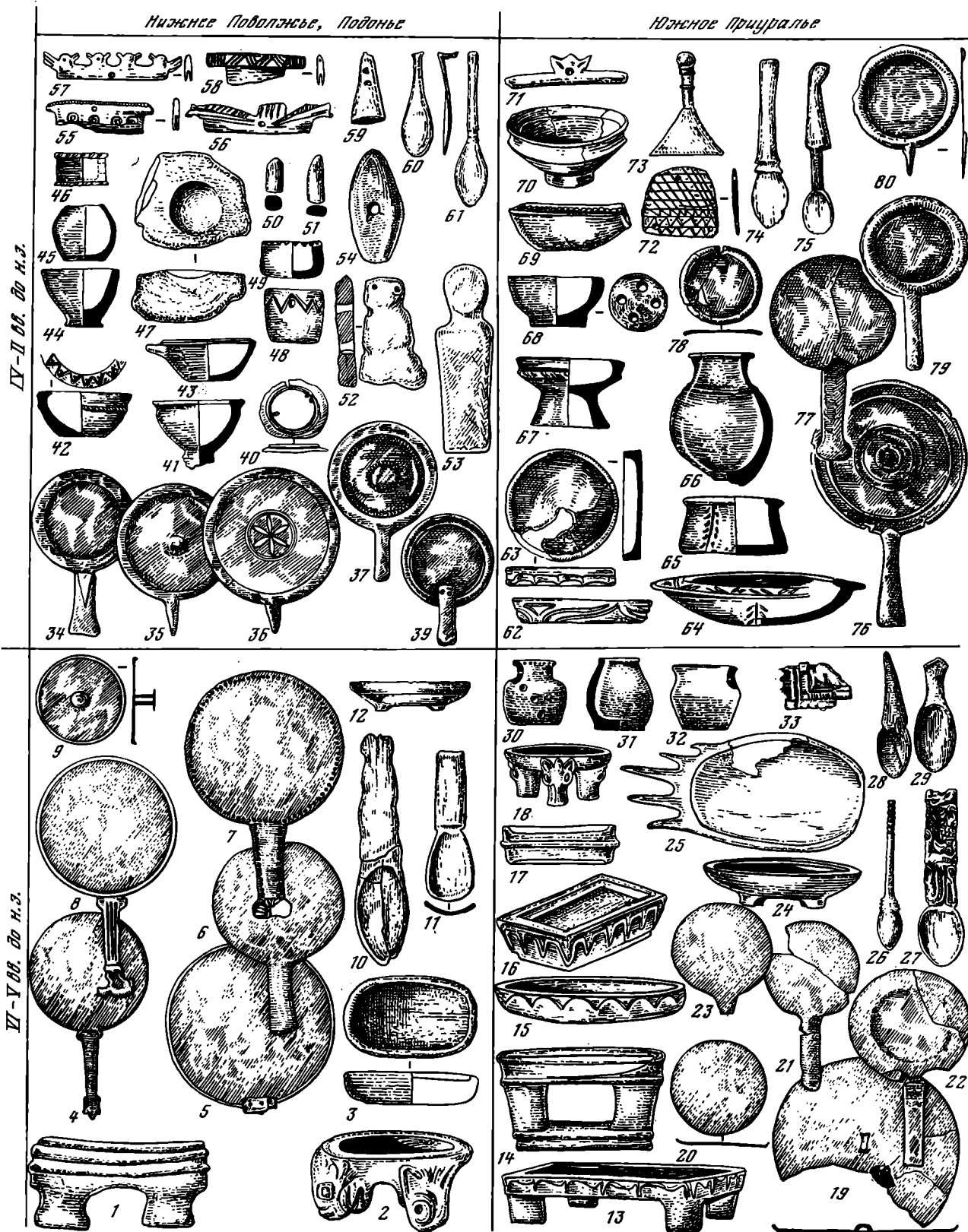

Таблица 69. Предметы культа и туалета савроматов и ранних сарматов

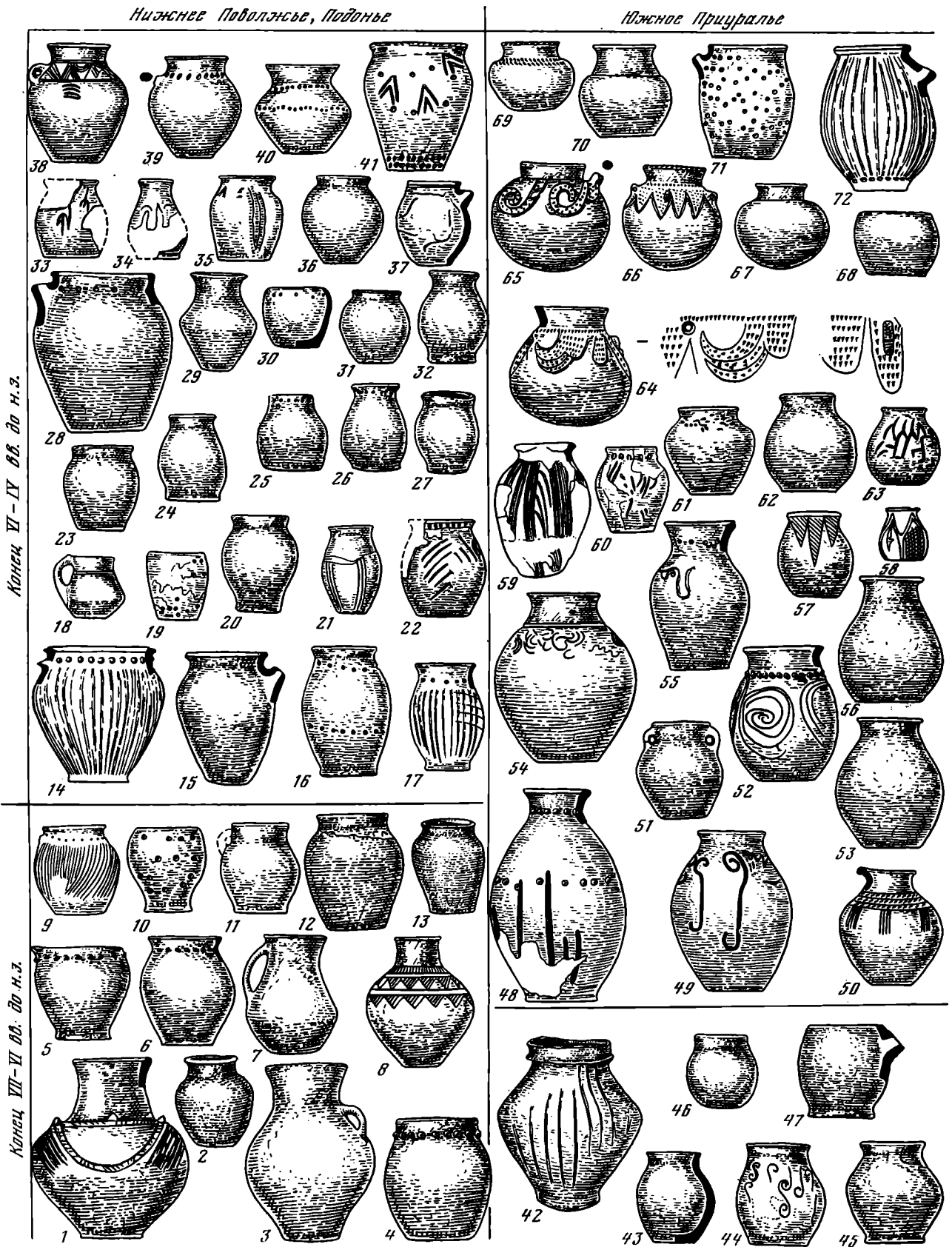

Таблица 70. Савроматская керамика

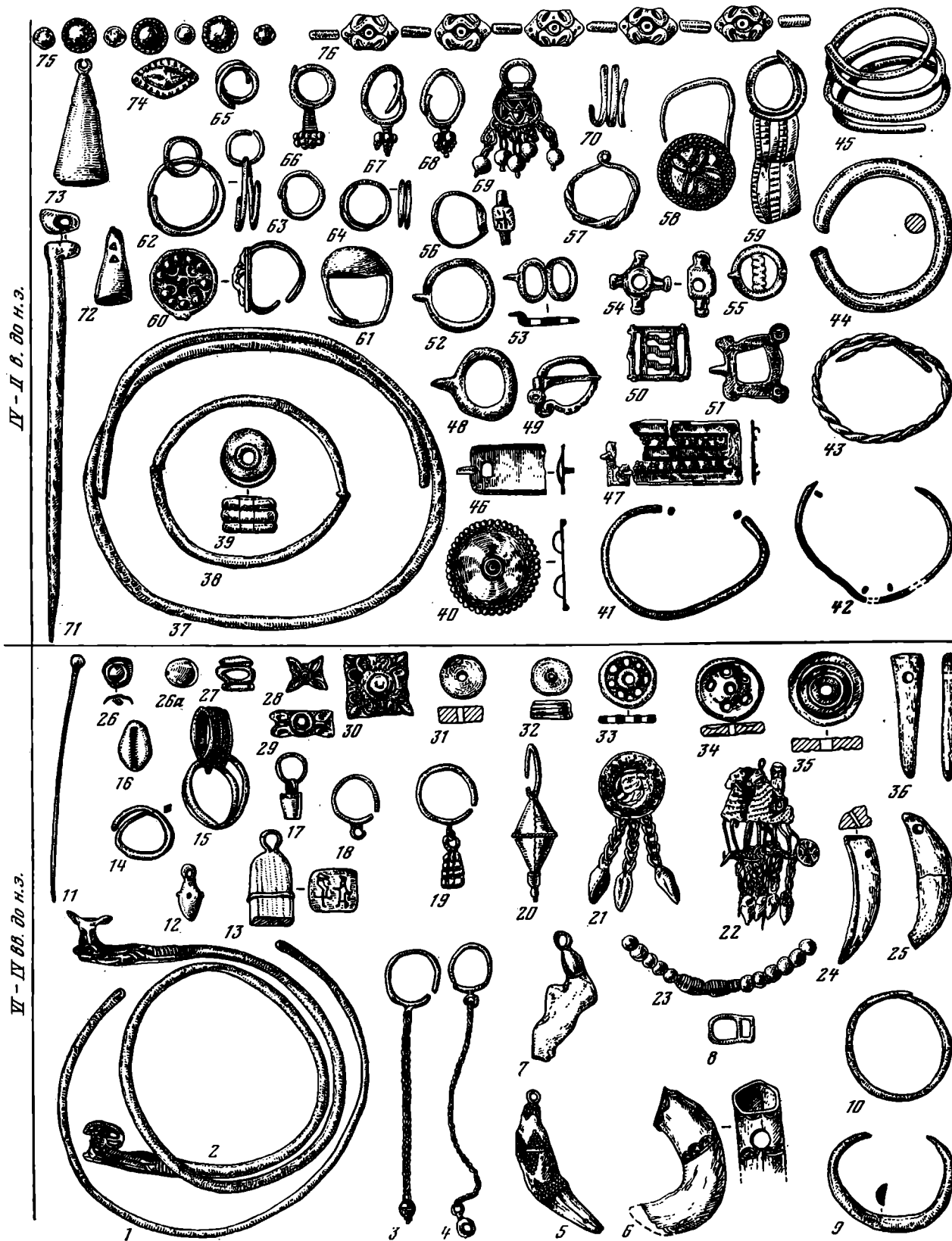

Таблица 71. Украшения савроматов и ранних сарматов

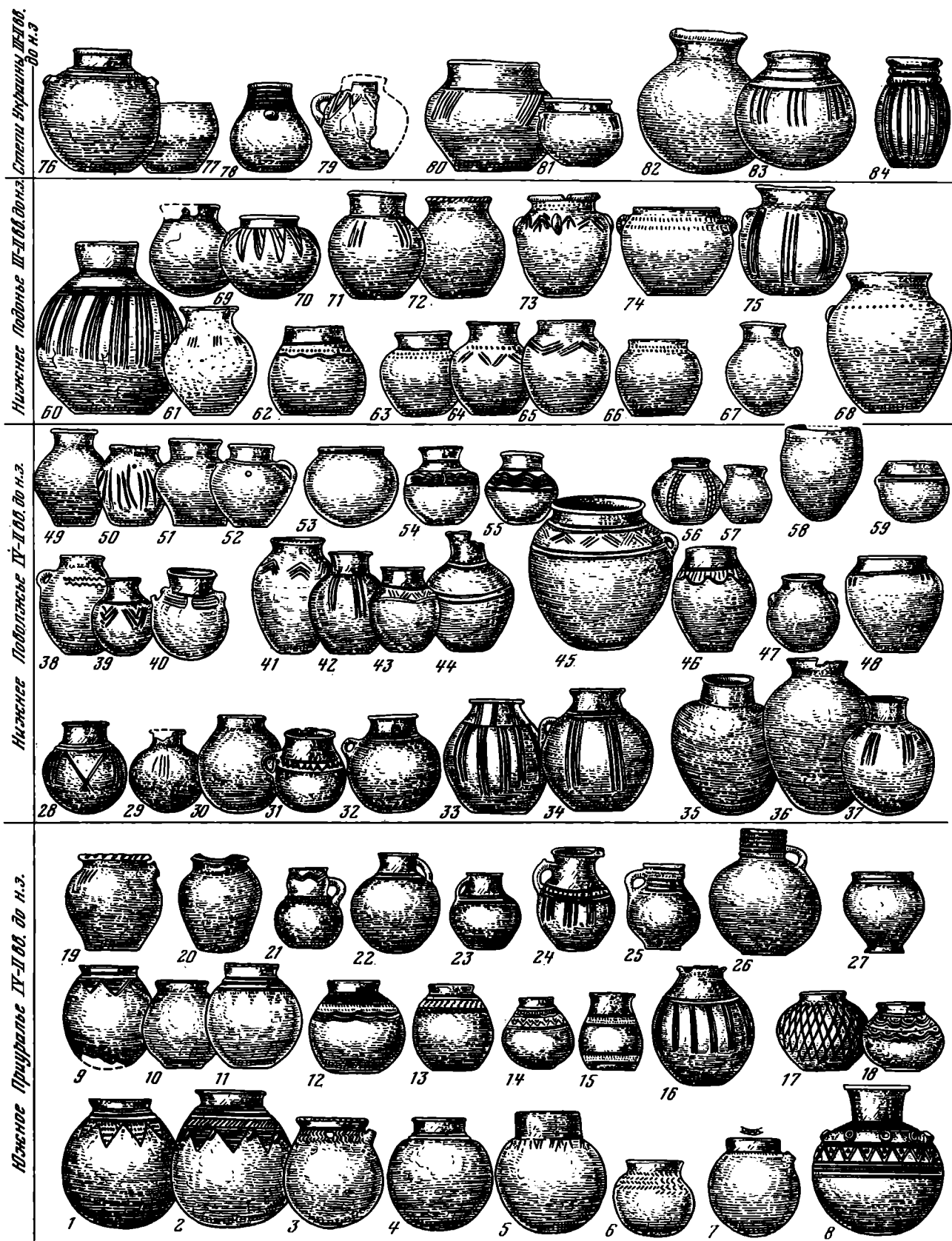

Таблица 72. Раннесарматская керамика

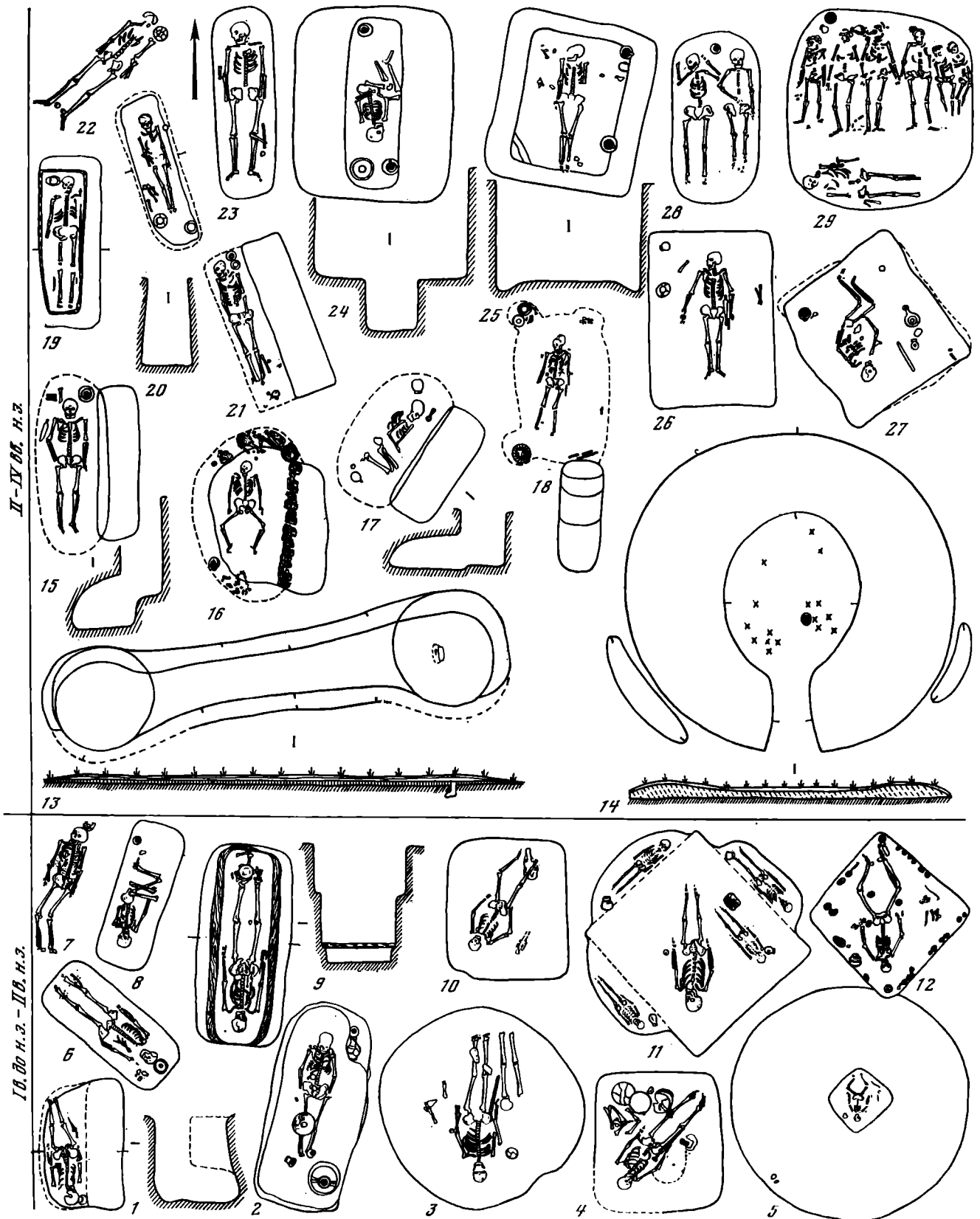

Таблица 73. Погребальный обряд среднесарматской и позднесарматской культур

Нижнее Поволжье, Подонье

Южное Приуралье

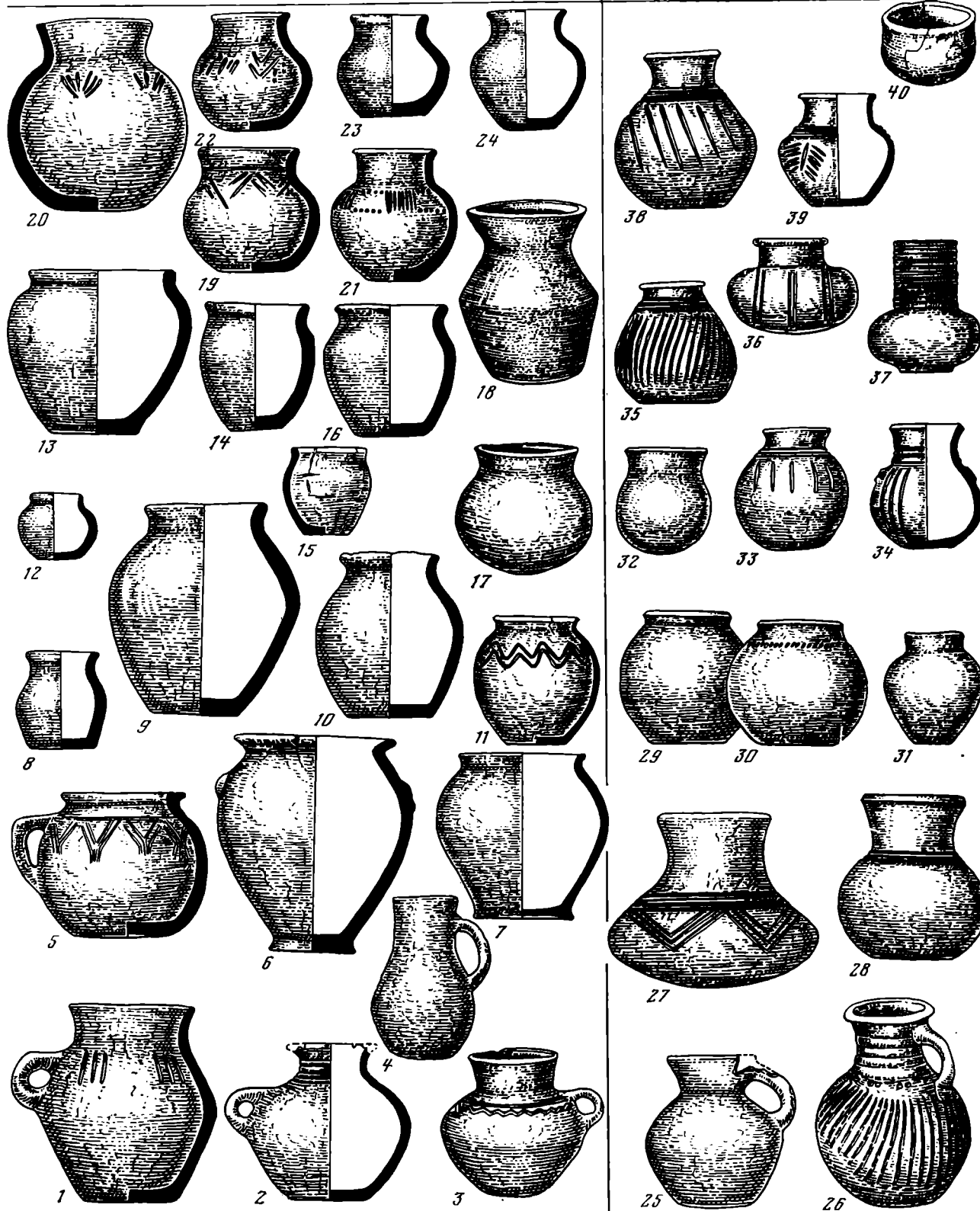

Таблица 74. Лепная керамика среднесарматской культуры нижнего Поволжья и южного Приуралья

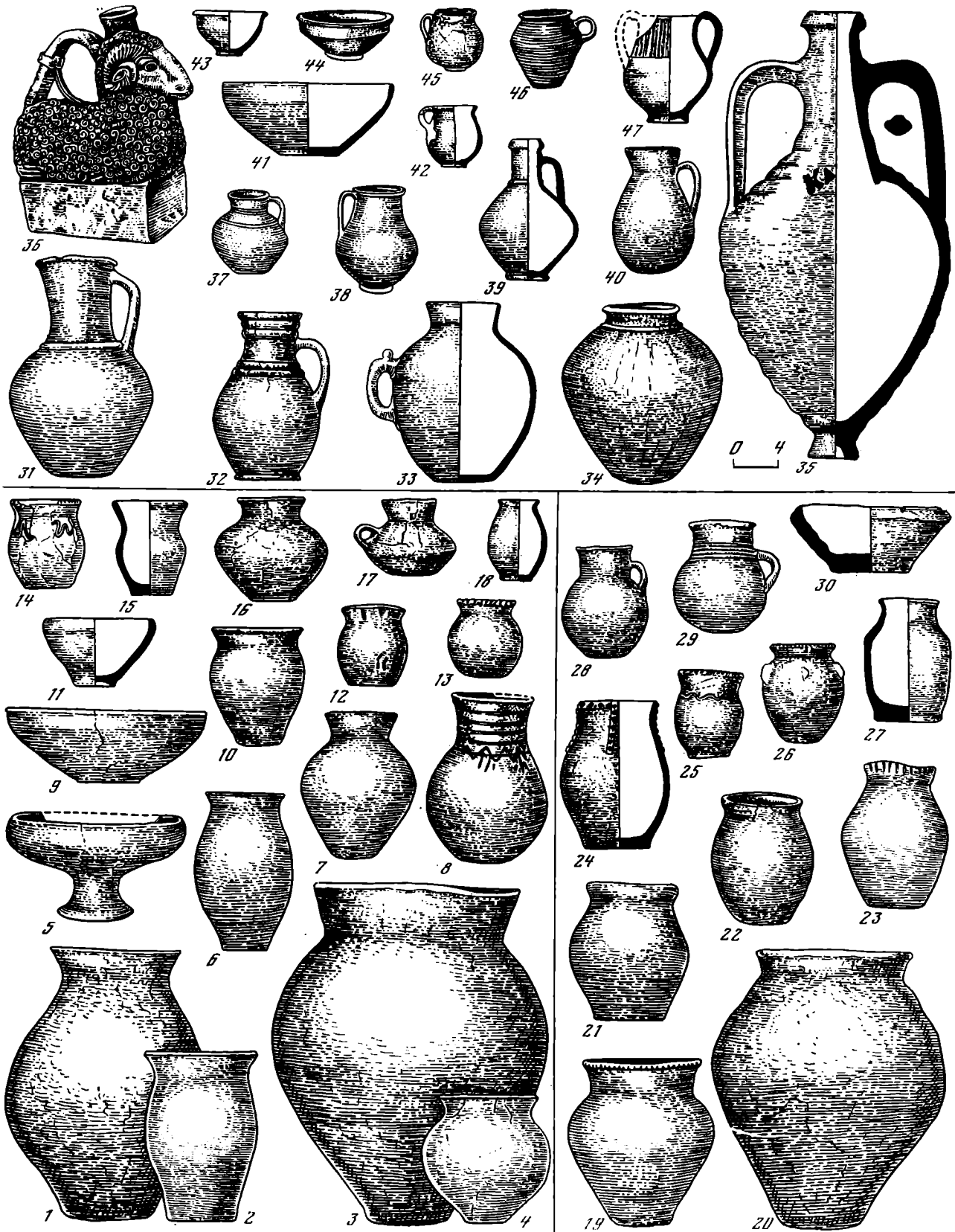

Таблица 75. Лепная и гончарная керамика из сарматских погребений Северного Причерноморья

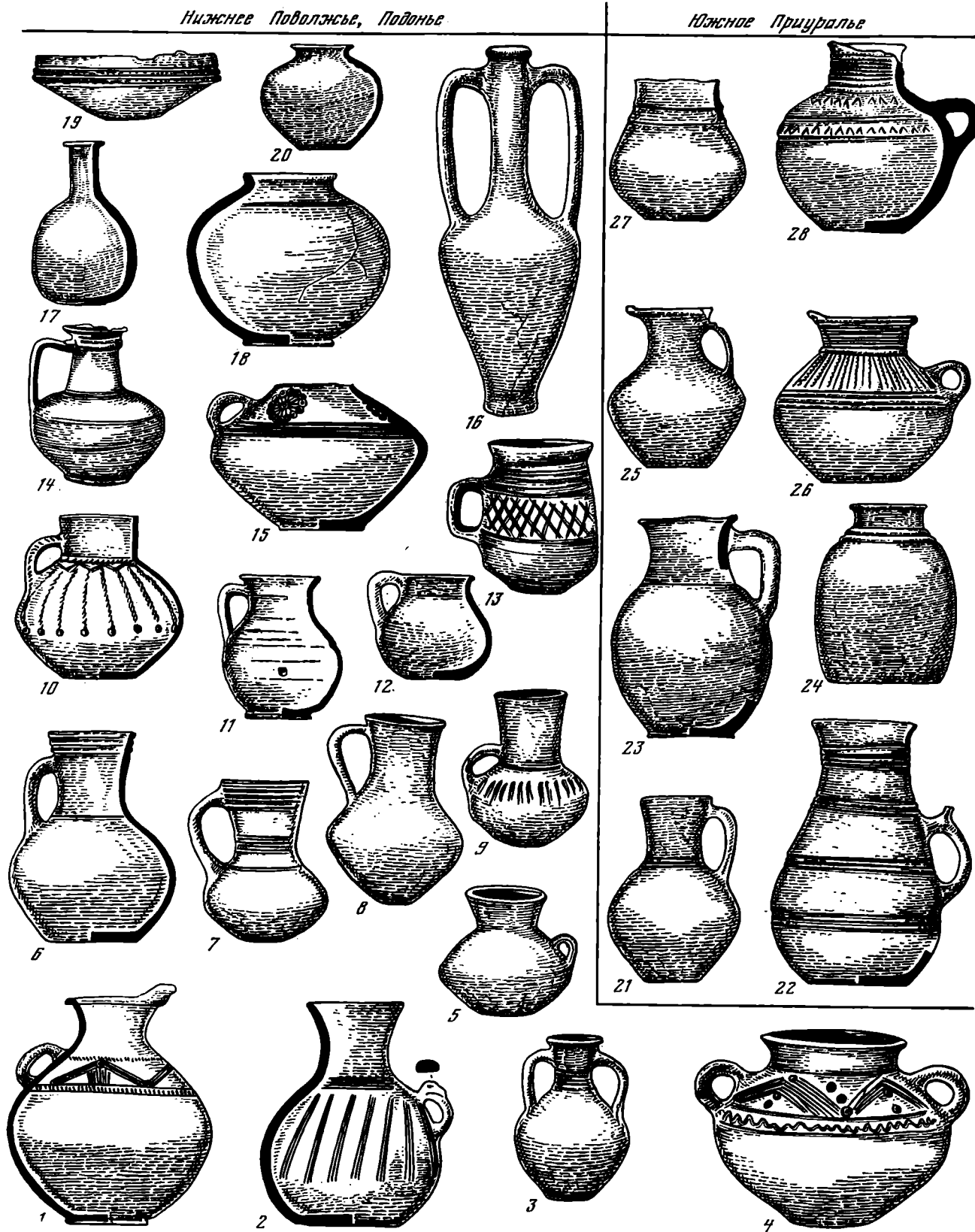

Таблица 76. Гончарная керамика среднесарматской культуры междуречья Волги—Дона, Заволжья, южного Приуралья

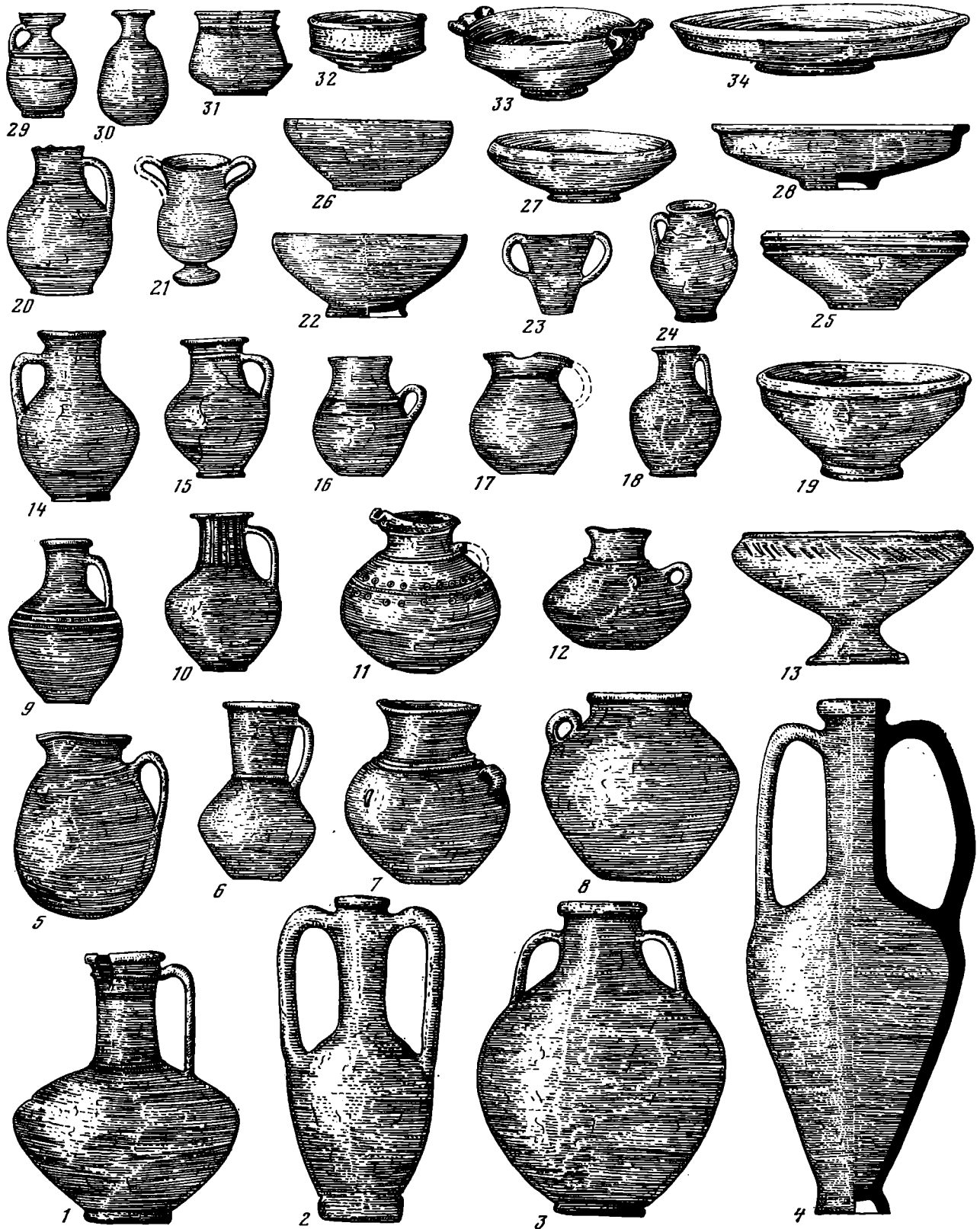

Таблица 77. Гончарная керамика среднесарматской культуры Северного Причерноморья

Таблица 78. Котлы, металлическая посуда, орудия труда среднесарматской и позднесарматской культур

Таблица 79. Предметы искусства среднесарматской и позднесарматской культур

Таблица 80. Предметы туалета и культа среднесарматской и позднесарматской культур

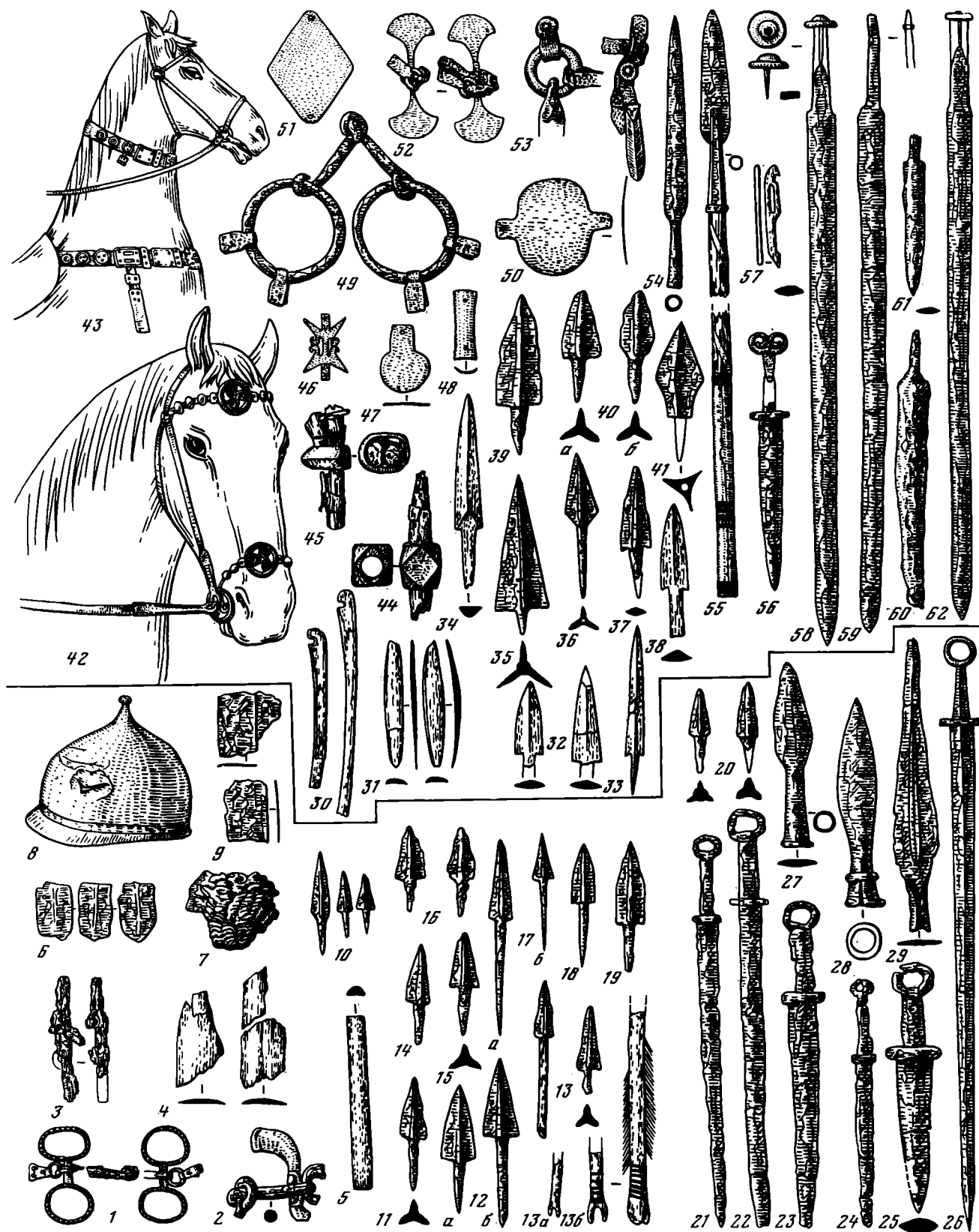

Таблица 81. Оружие и конское снаряжение среднесарматской и позднесарматской культур

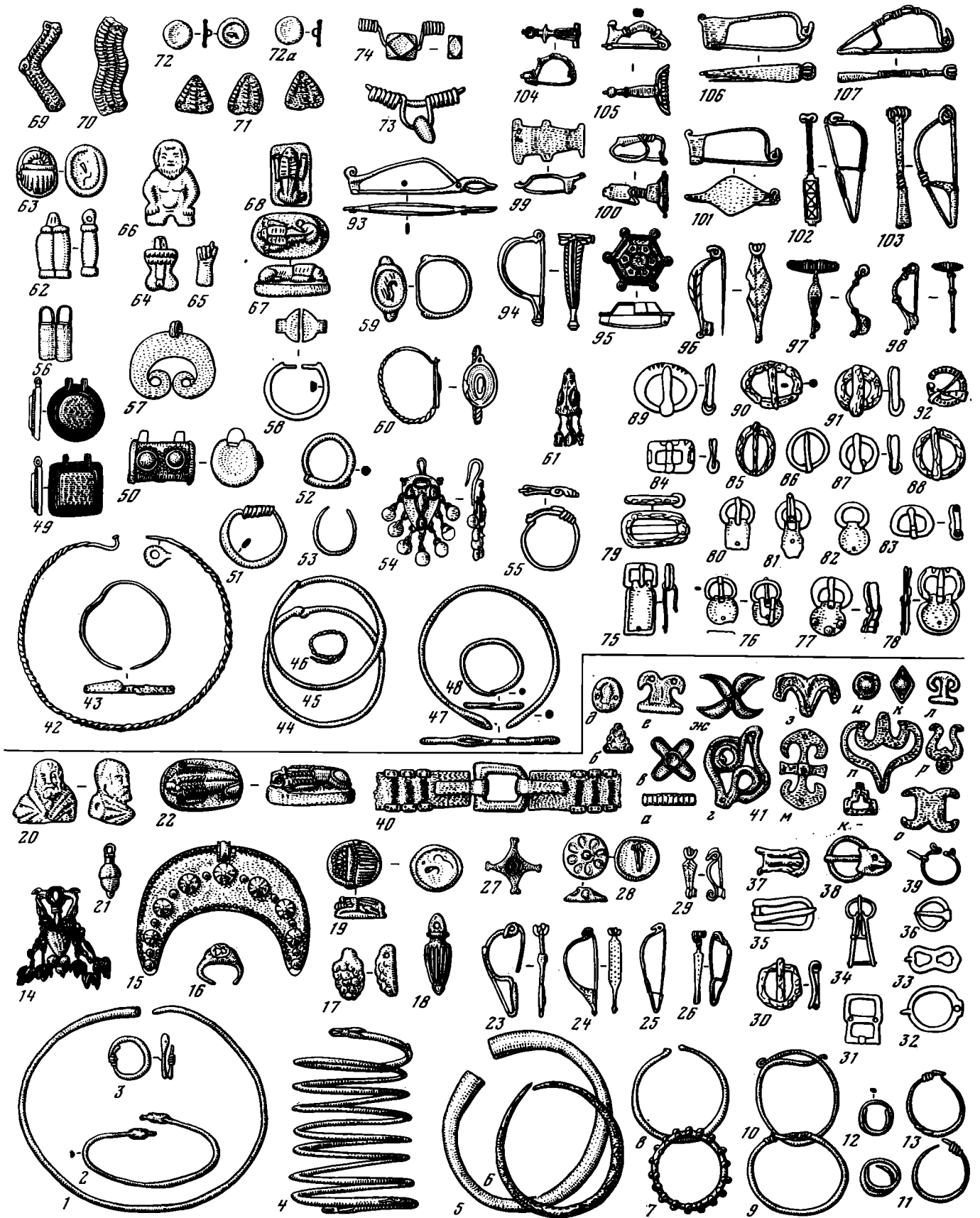

Таблица 82. Пряжки, фибулы, украшения среднесарматской и позднесарматской культуры

Нижнее Поволжье, Понья

Южное Приуралье

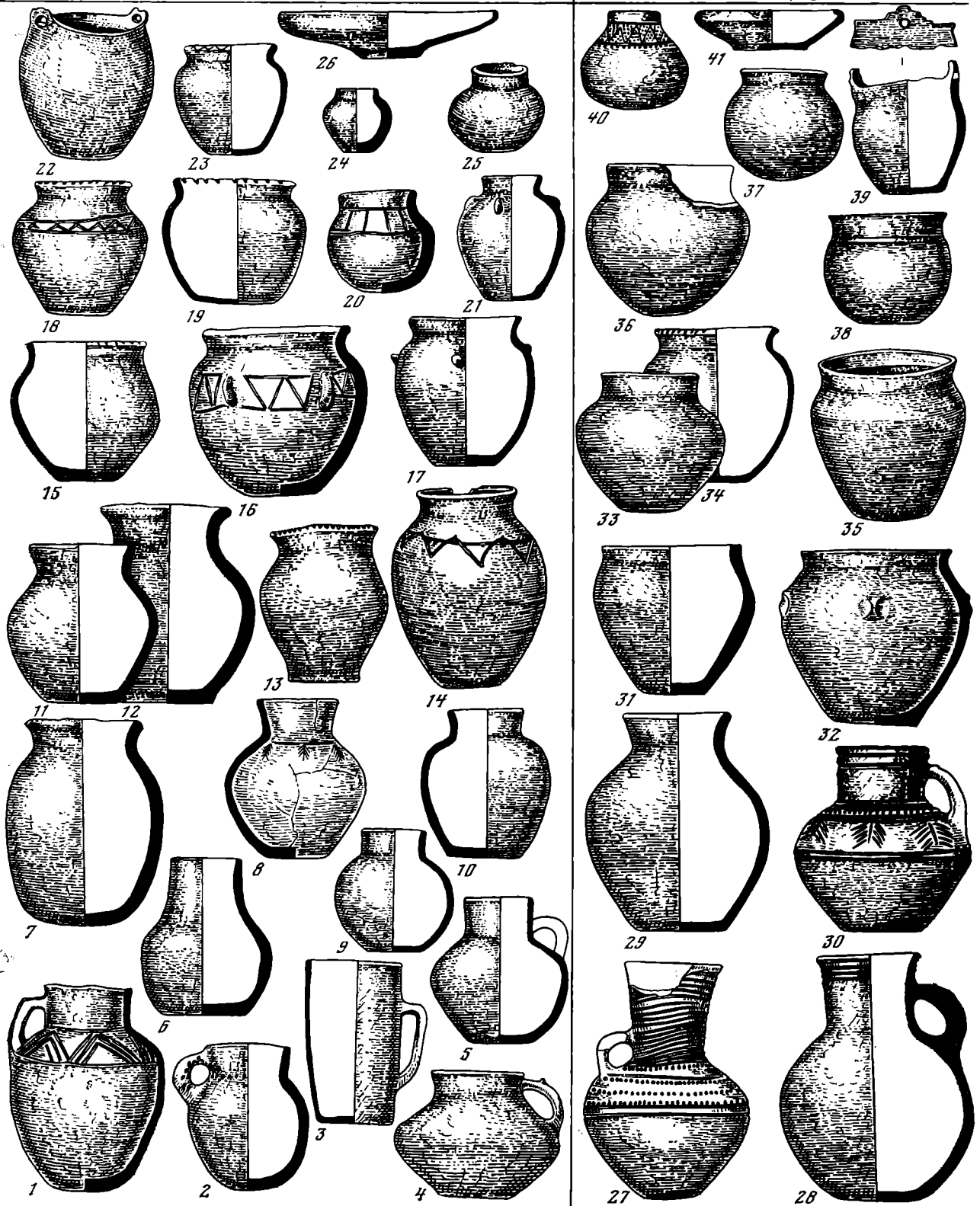

Таблица 83. Лепная керамика позднесарматской культуры междуречья Волги — Дона, Заволжья и южного Приуралья

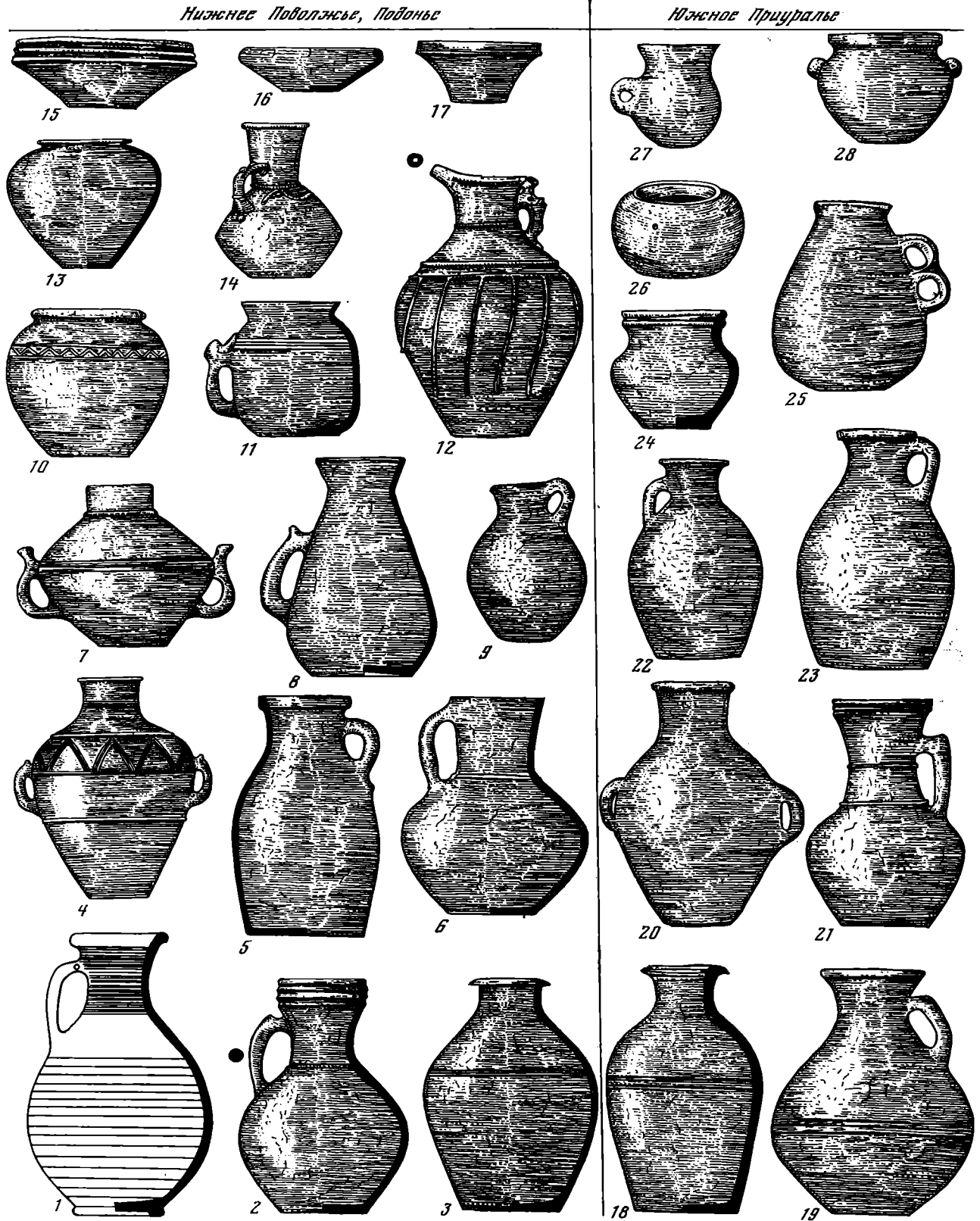

Таблица 84. Гончарная керамика позднесарматской культуры междуречья Волги — Дона, Заволжья и южного Приуралья

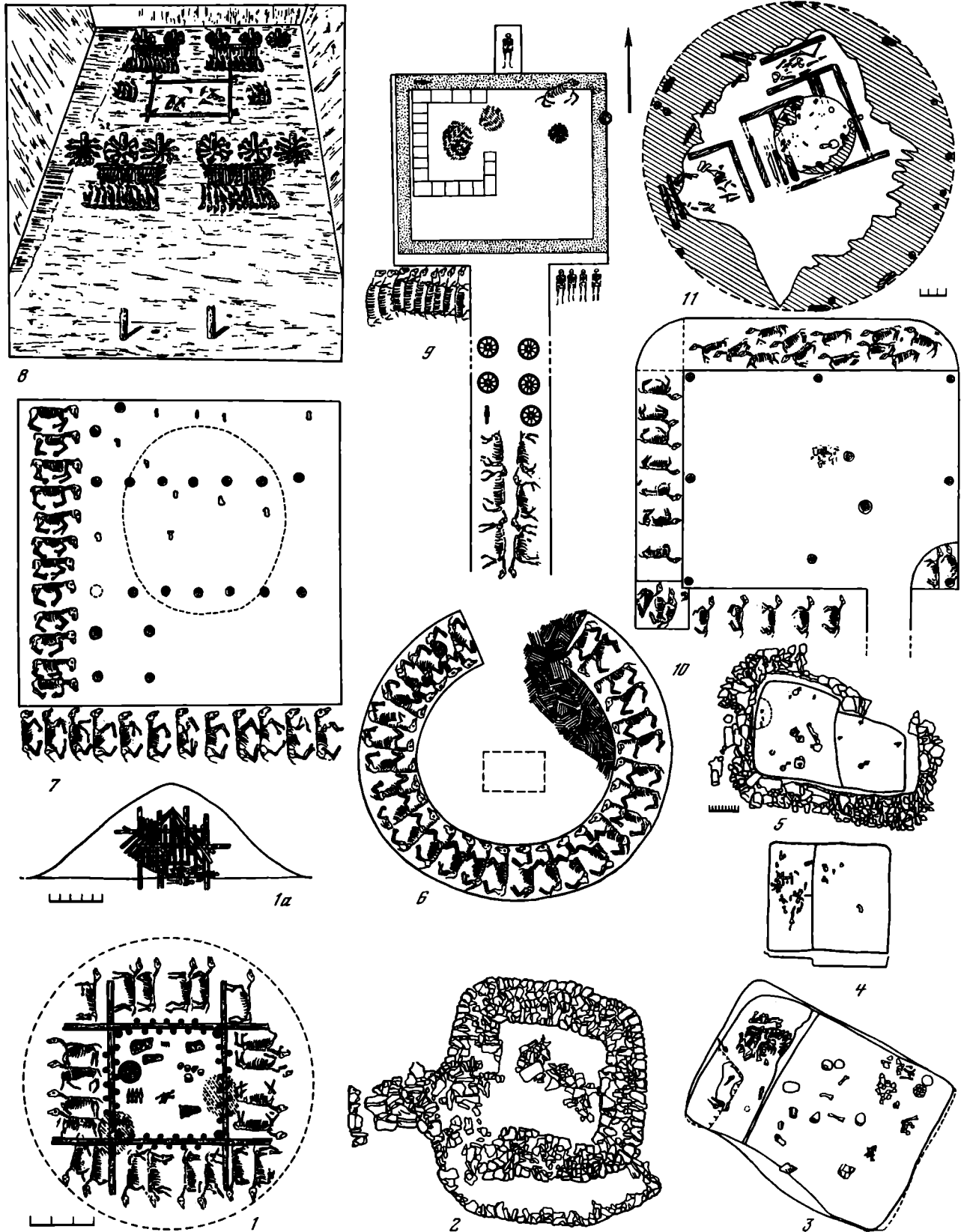

Таблица 85. Планы погребальных сооружений из курганов Предкавказья скифского времени

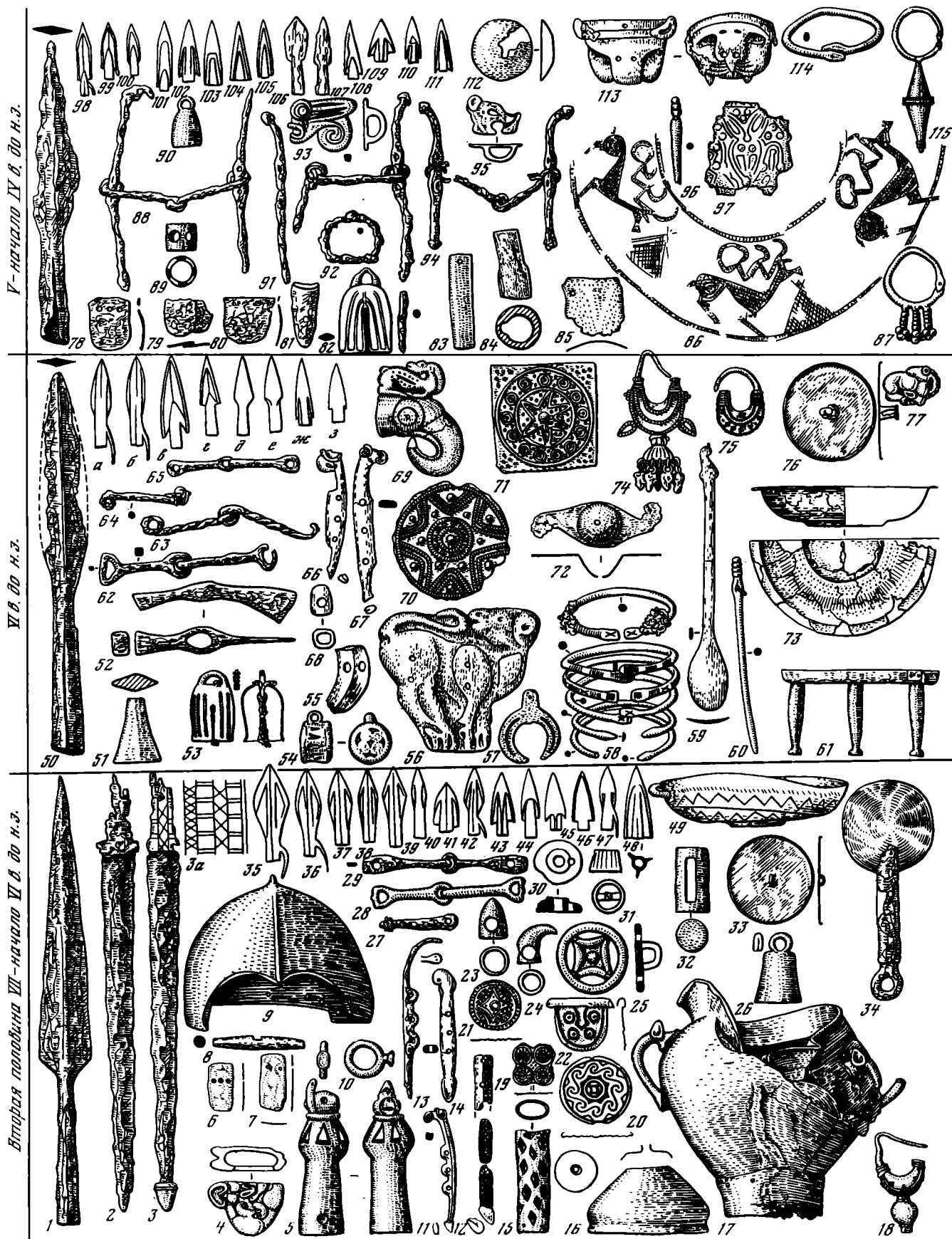

Таблица 86. Хронологическое соотношение инвентаря могильника Нарган (по материалам В. Батчаева)

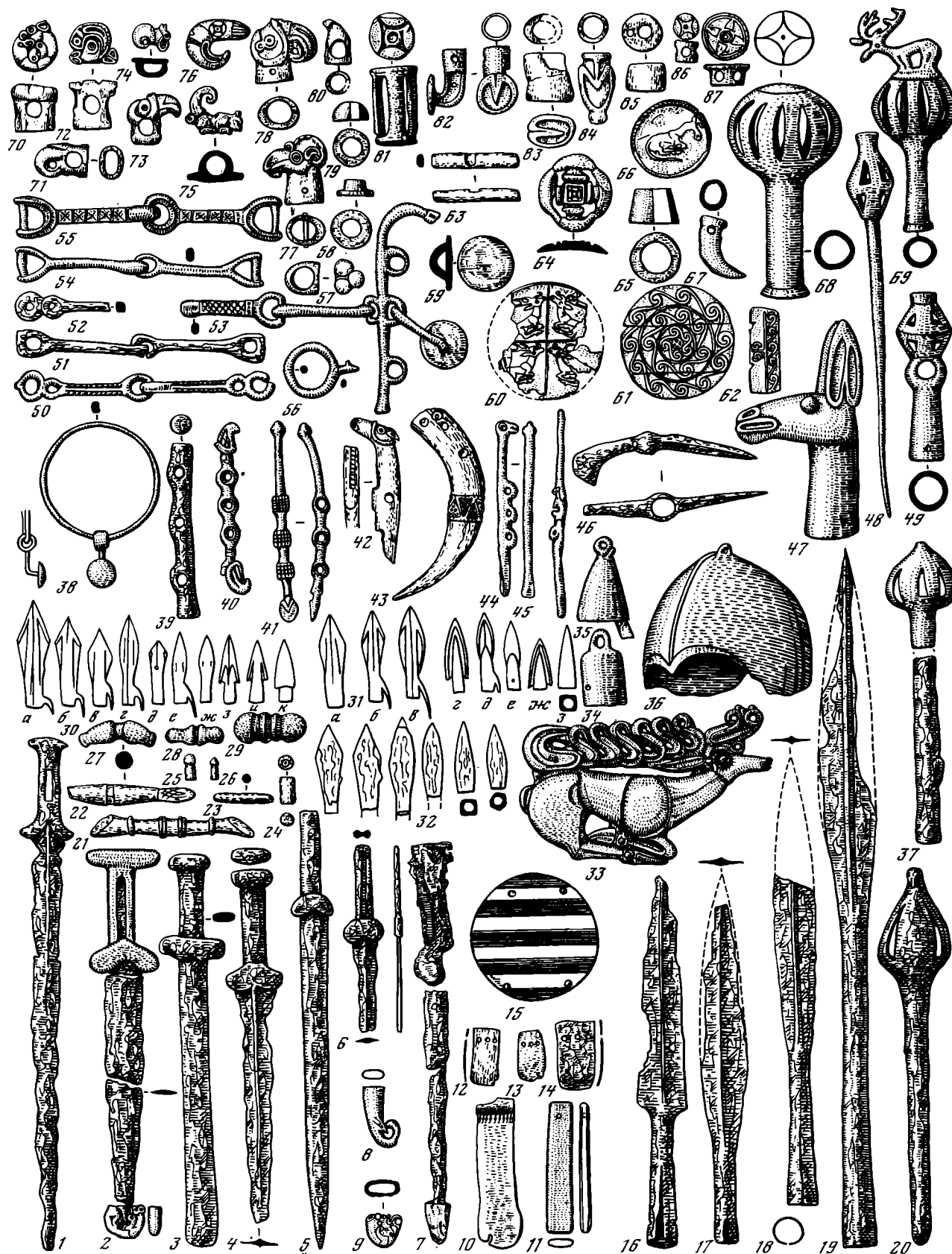

Таблица 87. Оружие и конский убор из курганов Предкавказья VII — первой половины VI в. до н. э.

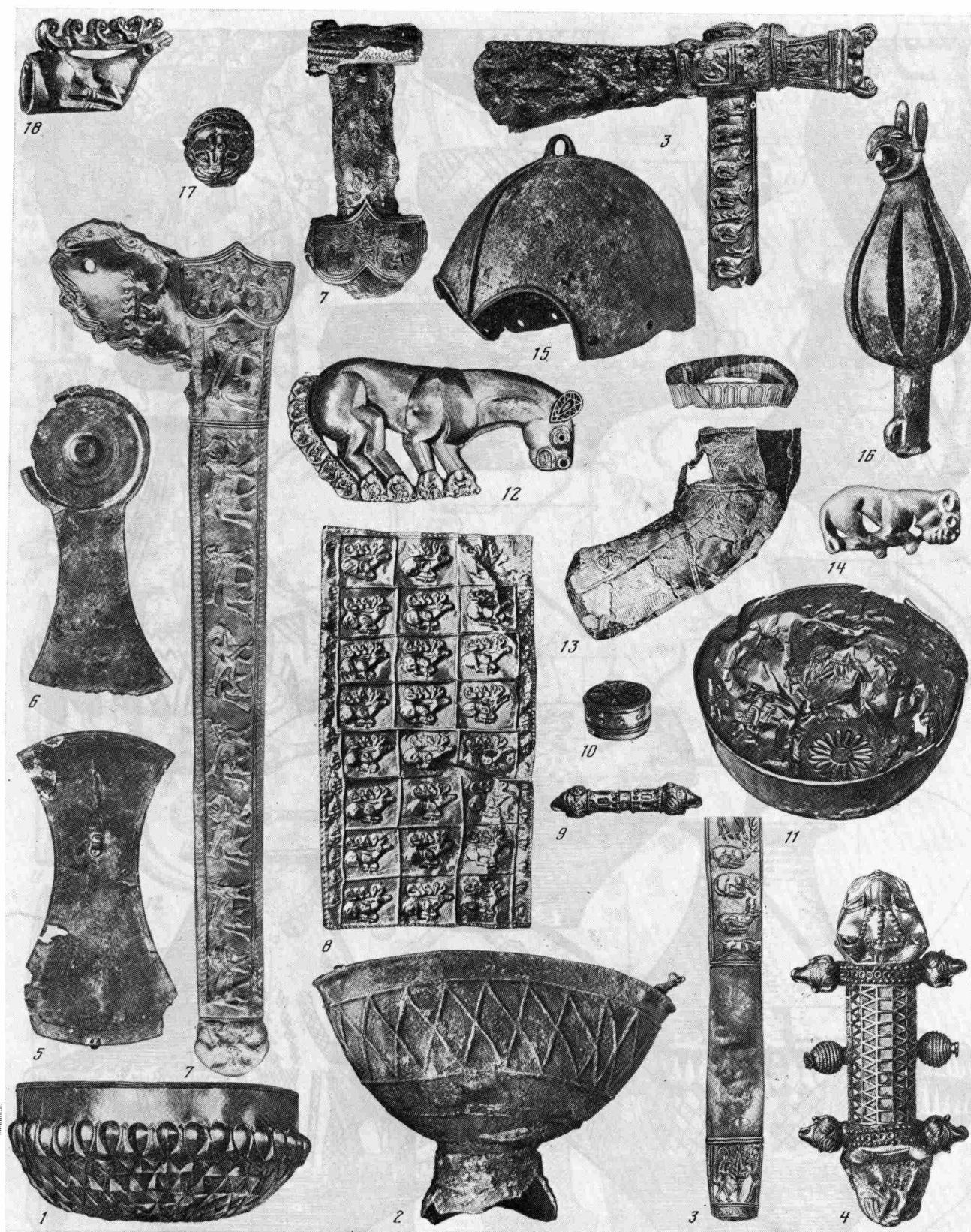

Таблица 88. Вещи из курганов у станицы Келермеская из раскопок Д. Г. Шульца

Таблица 89. Керамика и бронзовый сосуд из Краснознаменских курганов

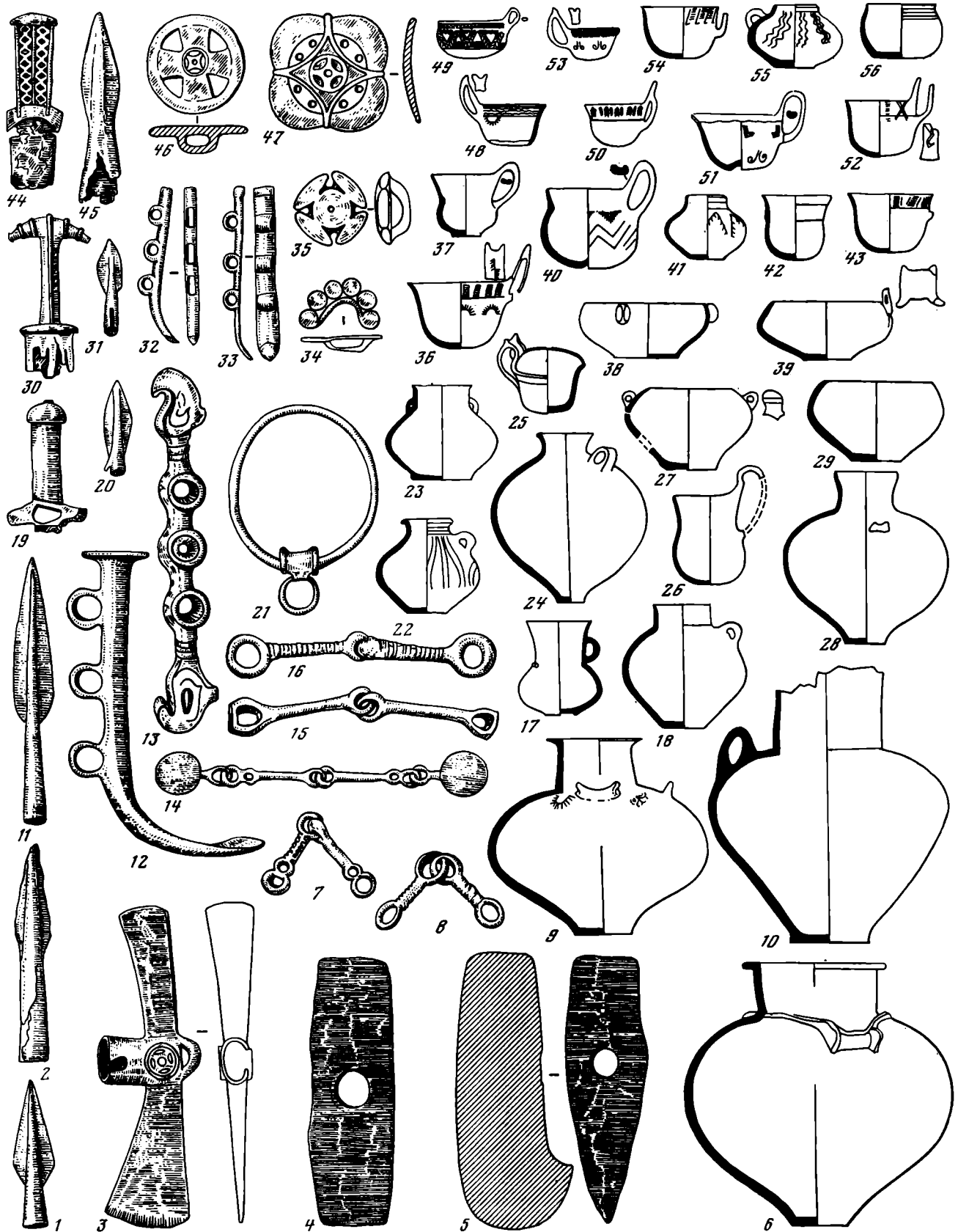

Таблица 90. Инвентарь протомеотского периода

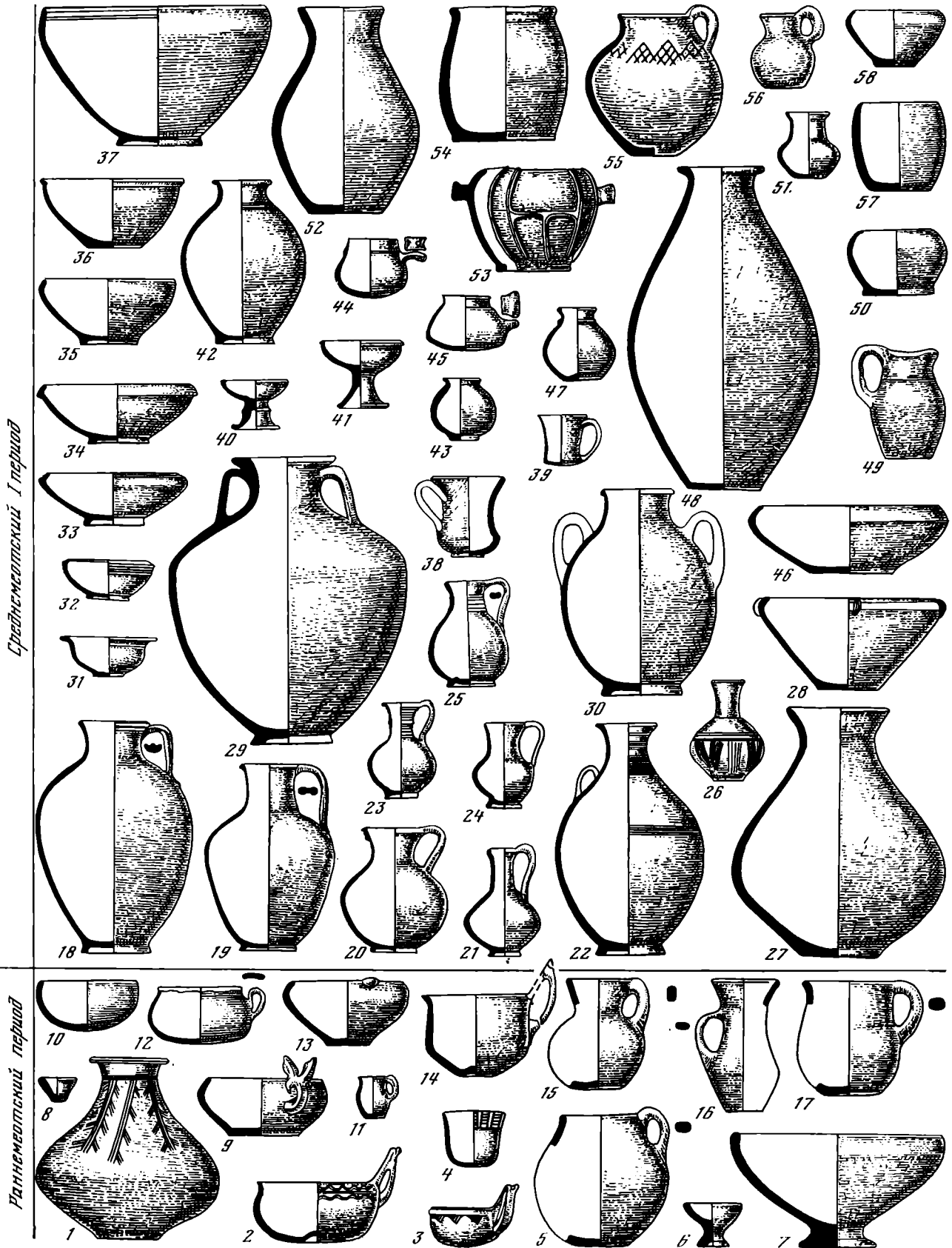

Таблица 91. Керамика раннемеотского и среднемеотского I периода

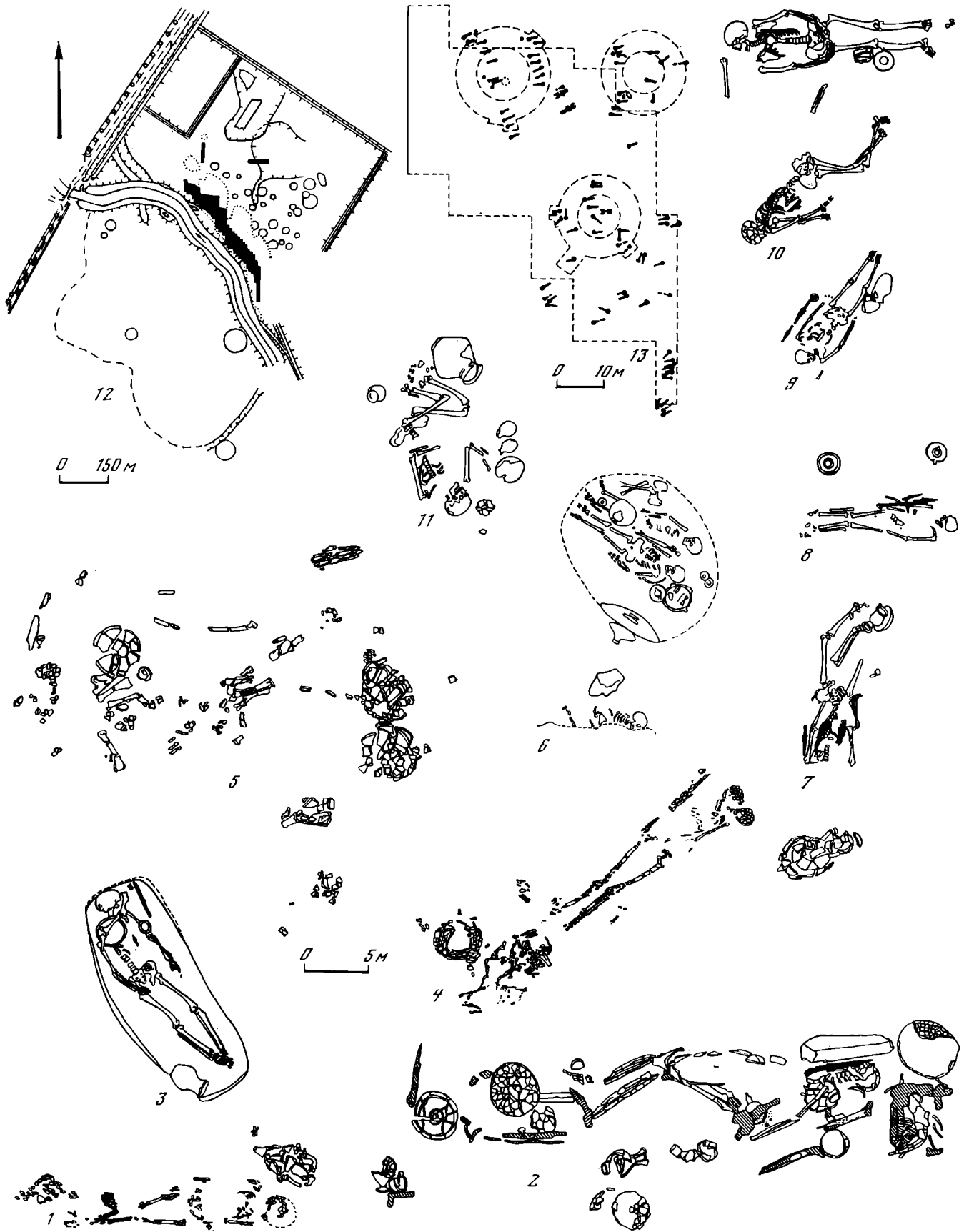

Таблица 92. Меотские погребения и могильники

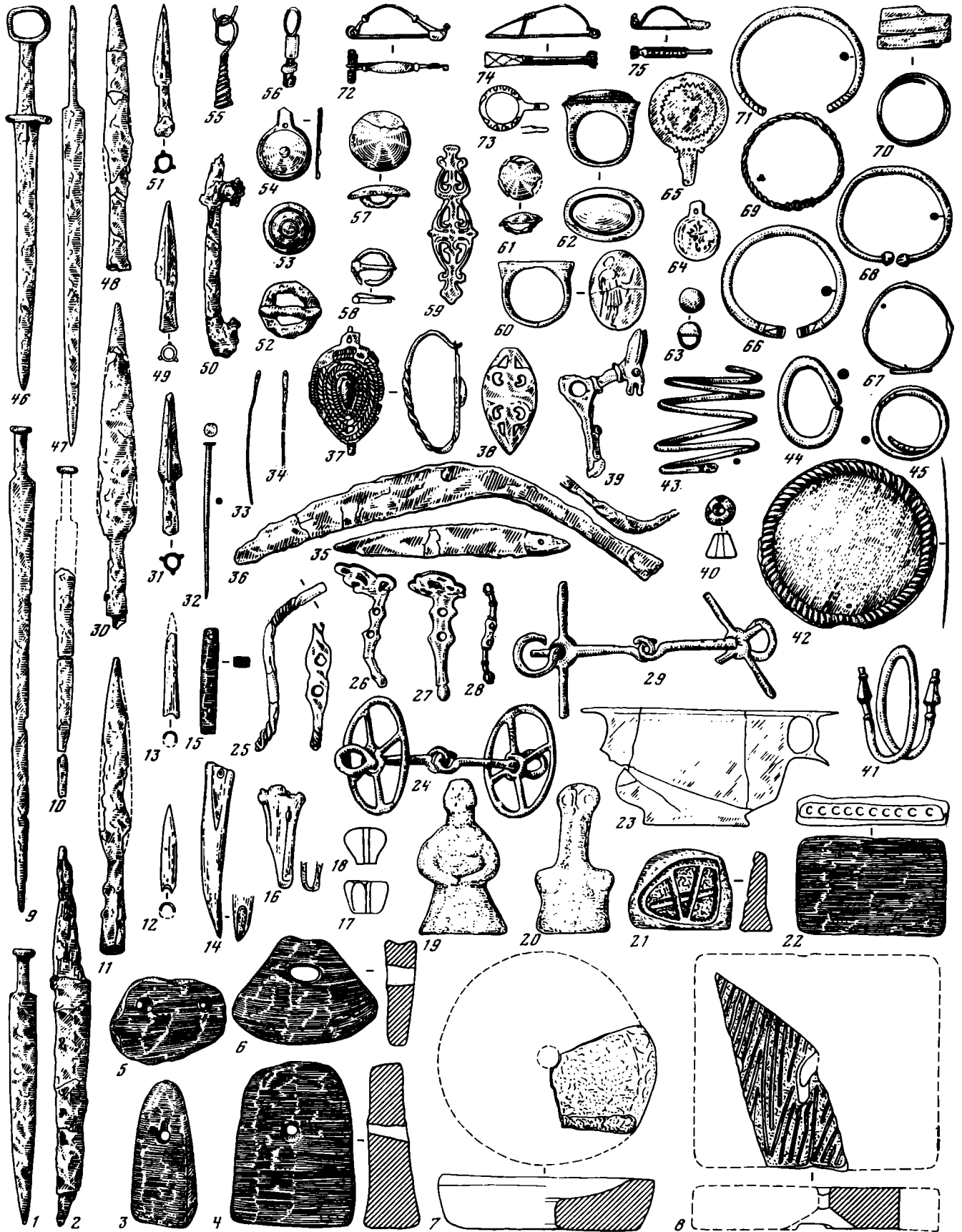

Таблица 93. Вещи из меотских памятников

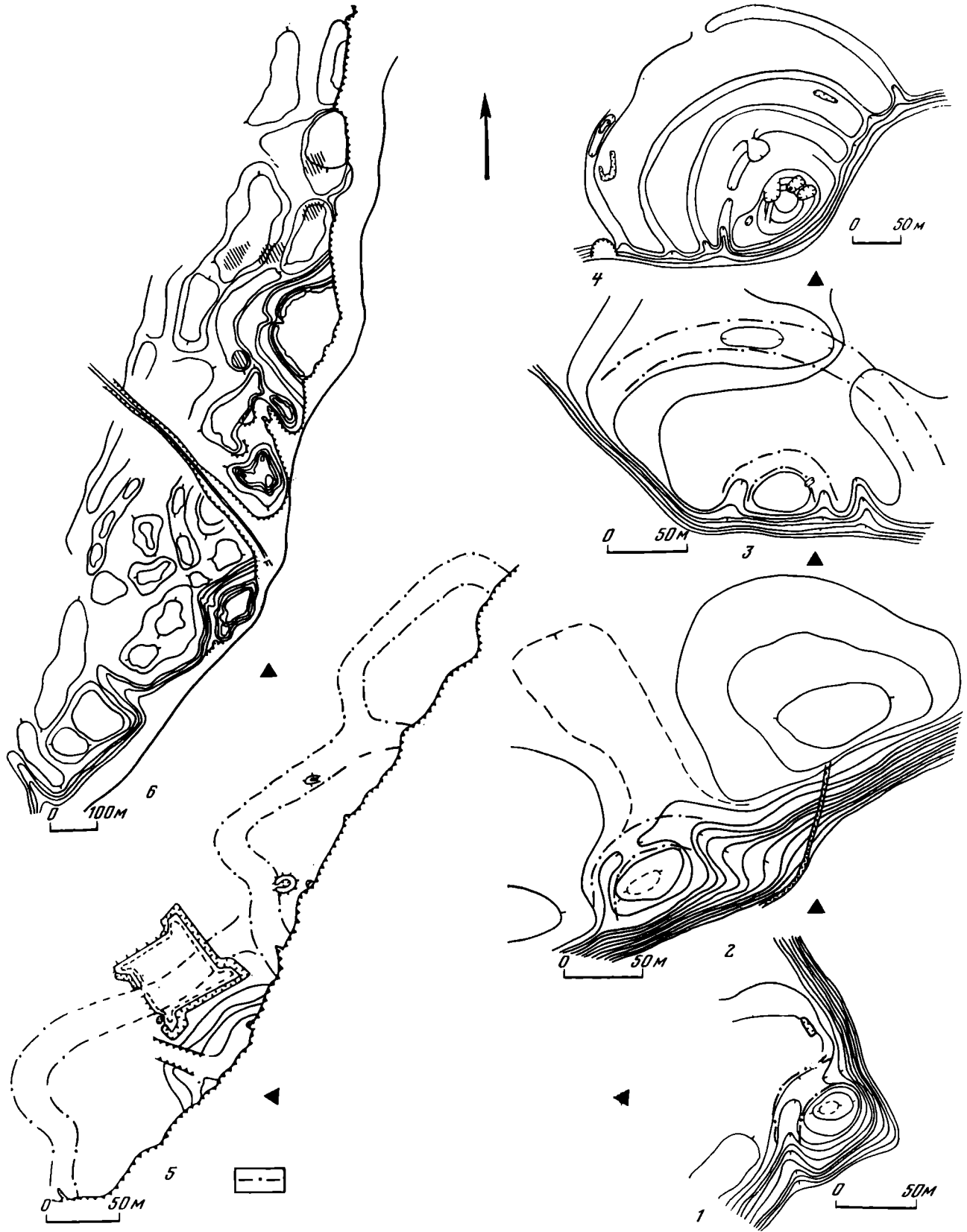

Таблица 94. Планы меотских городищ

Таблица 95. Жилища и хозяйственные сооружения меотов

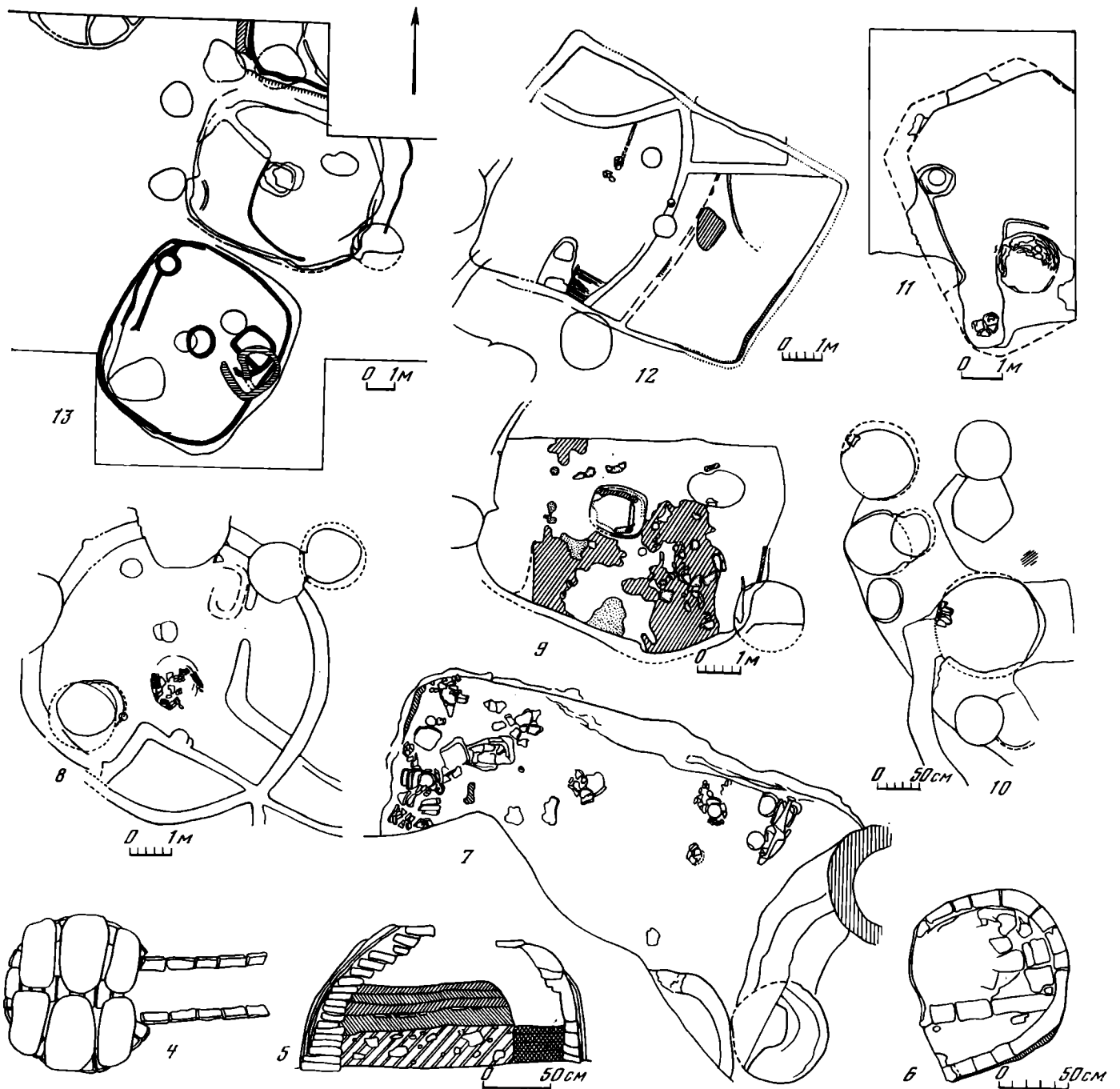

Таблица 95 (окончание)

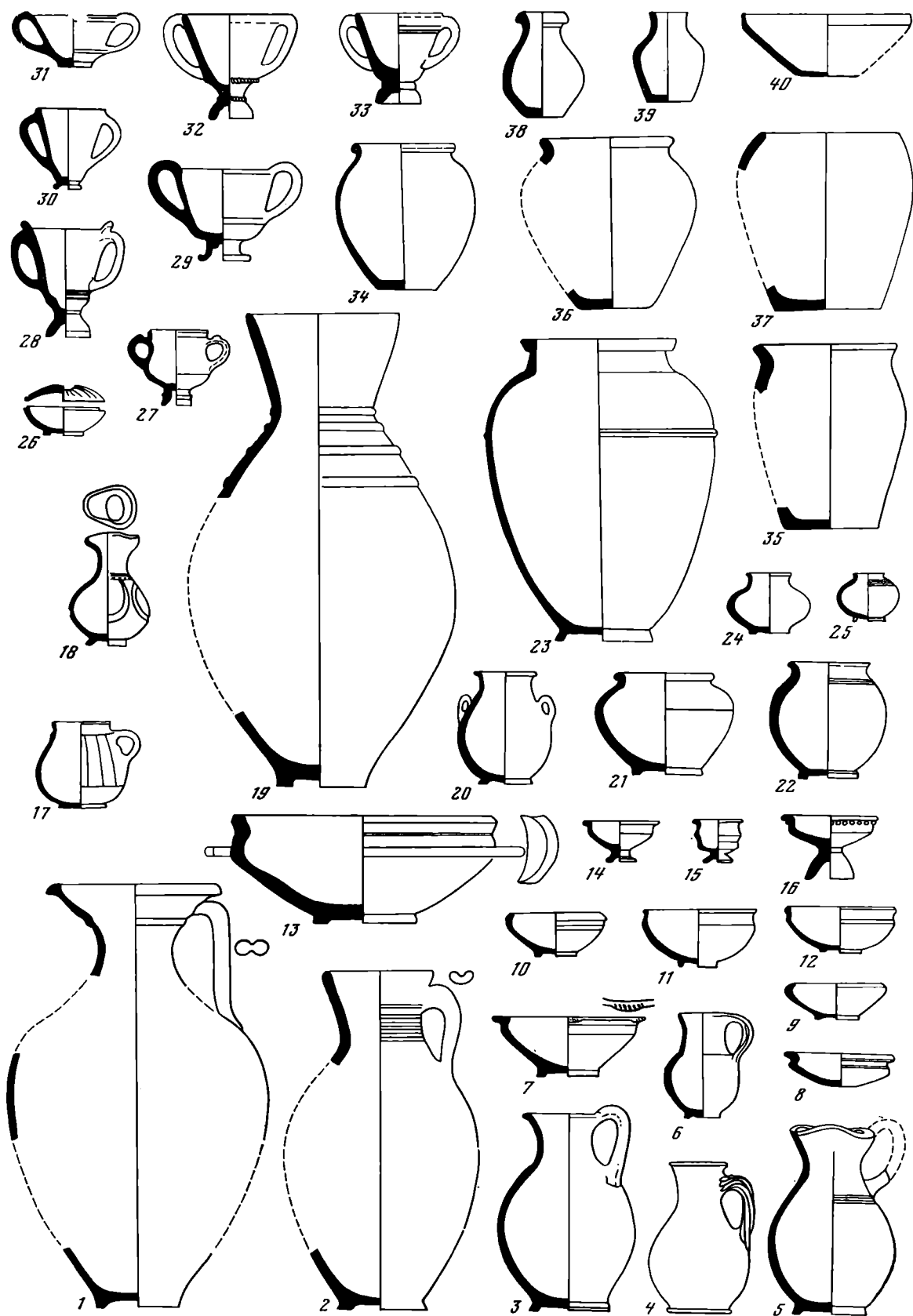

Таблица 96. Керамика среднеэотского II периода

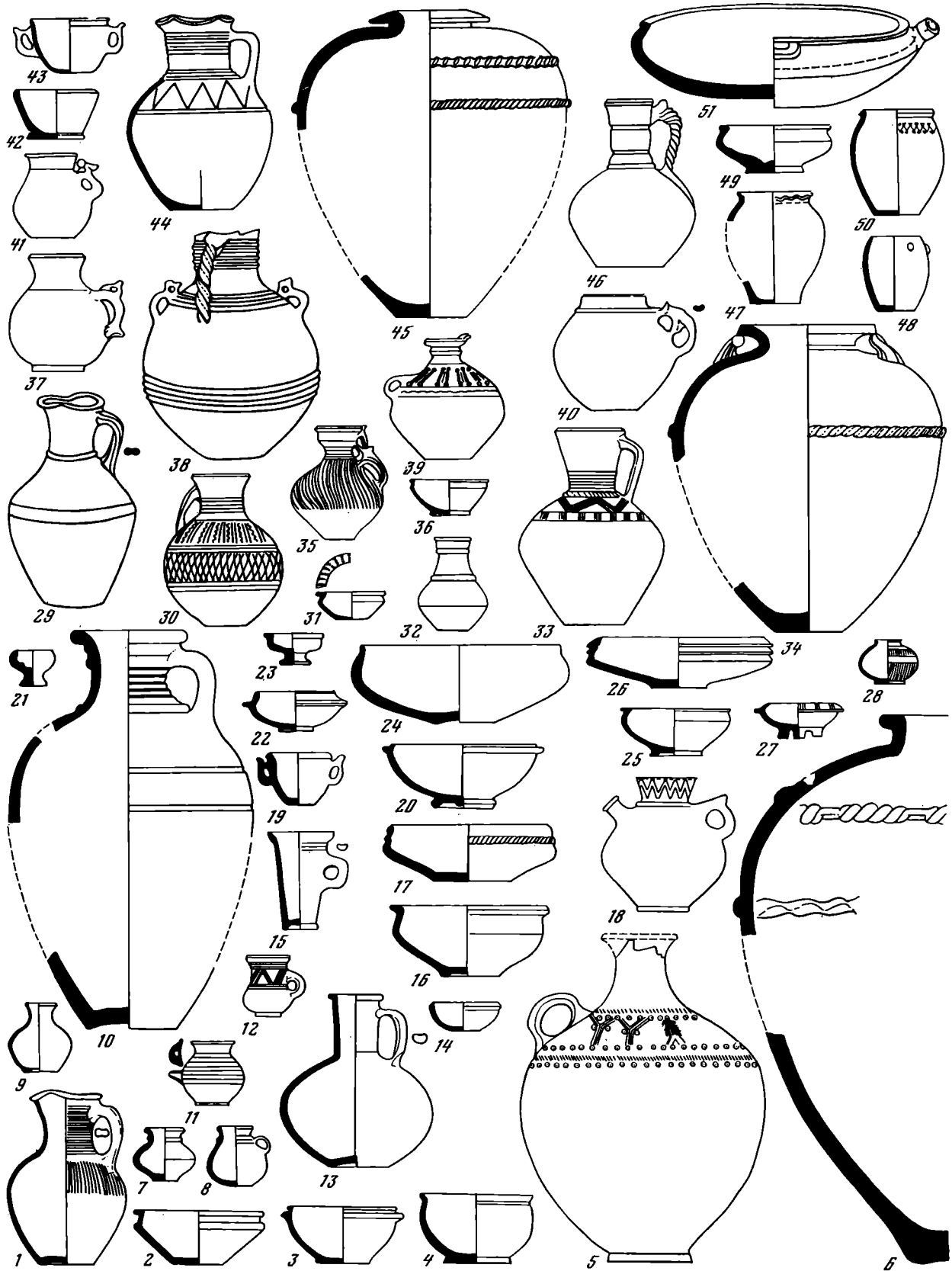

Таблица 97. Керамика позднемеотского периода

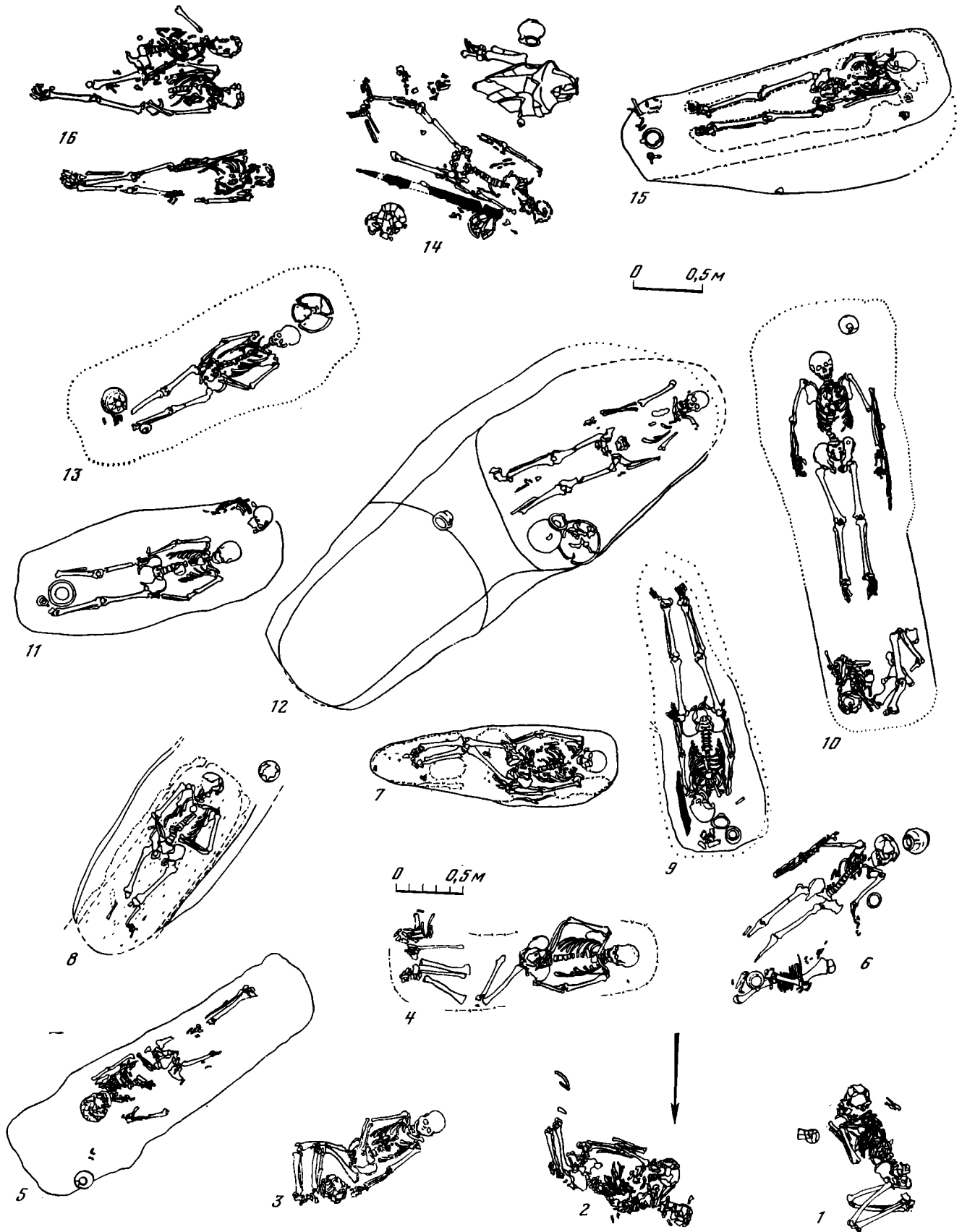

Таблица 98. Сарматские погребения северо-западного Кавказа

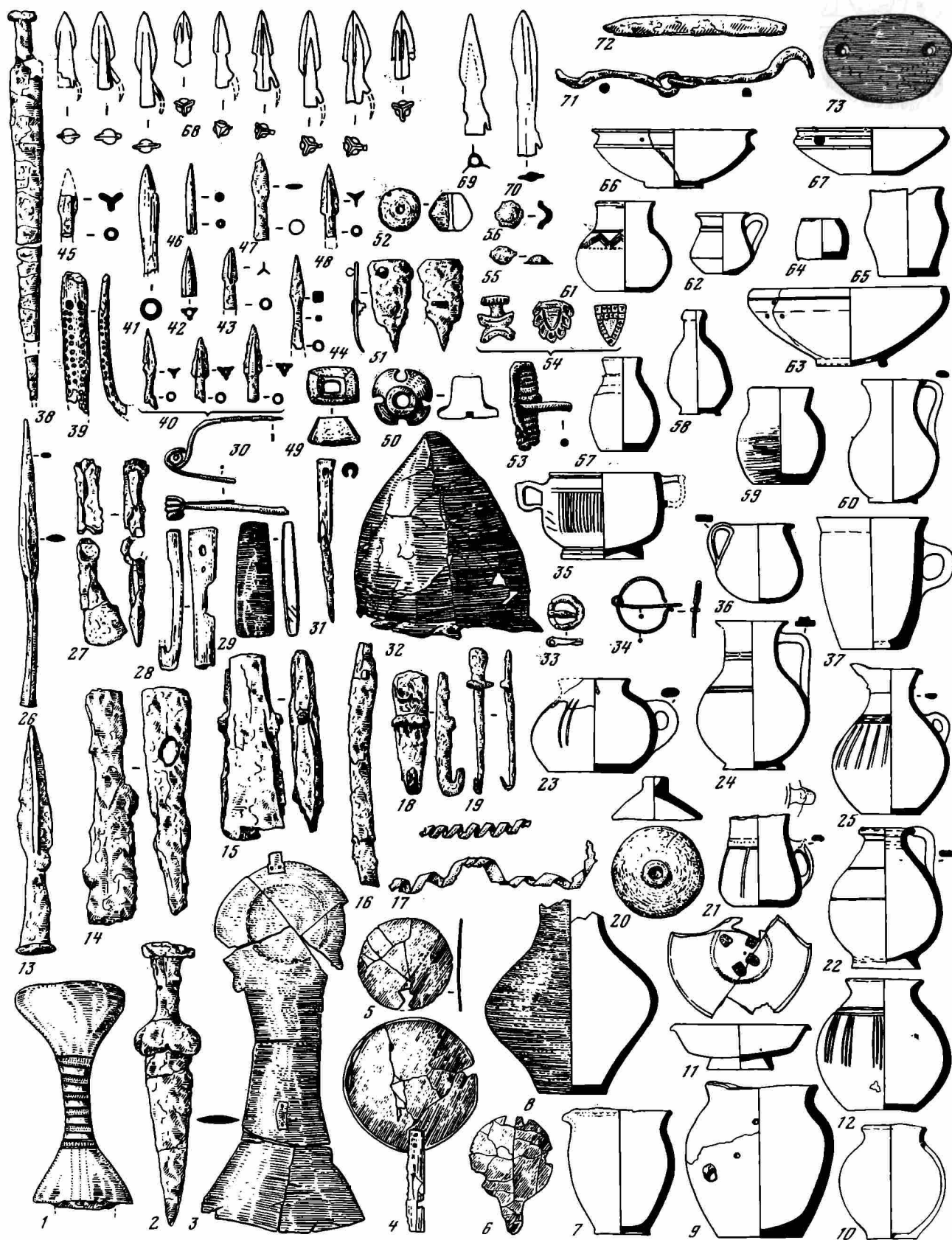

Таблица 99. Инвентарь сарматских погребений северо-западного Кавказа

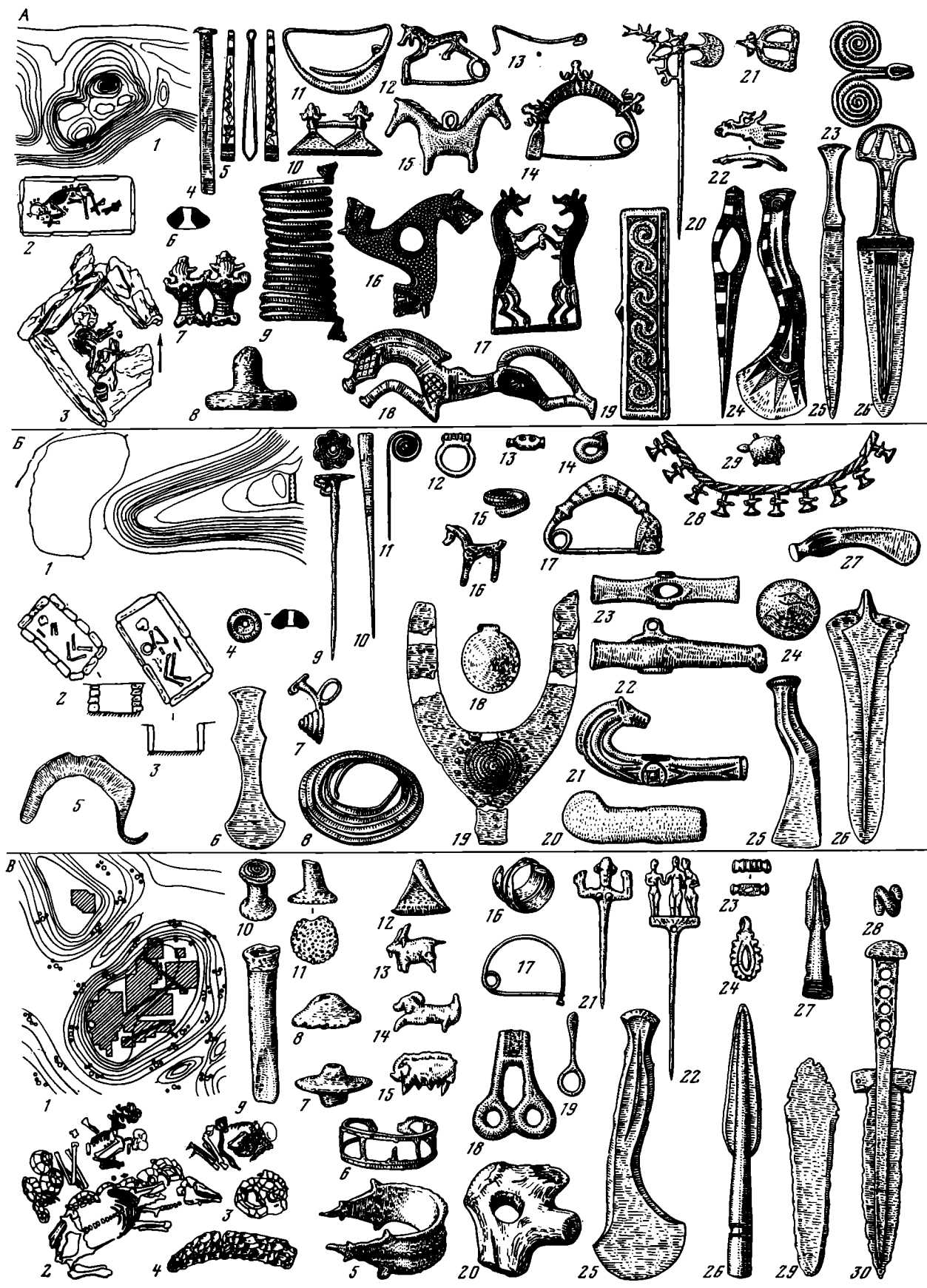

Таблица 100. Особенности локальных вариантов кобанской культуры (середина XII—VII в. до н. э.)

Таблица 101. Орудия труда и оружие кобанской культуры

Таблица 102. Булавки и украшения кобанской культуры

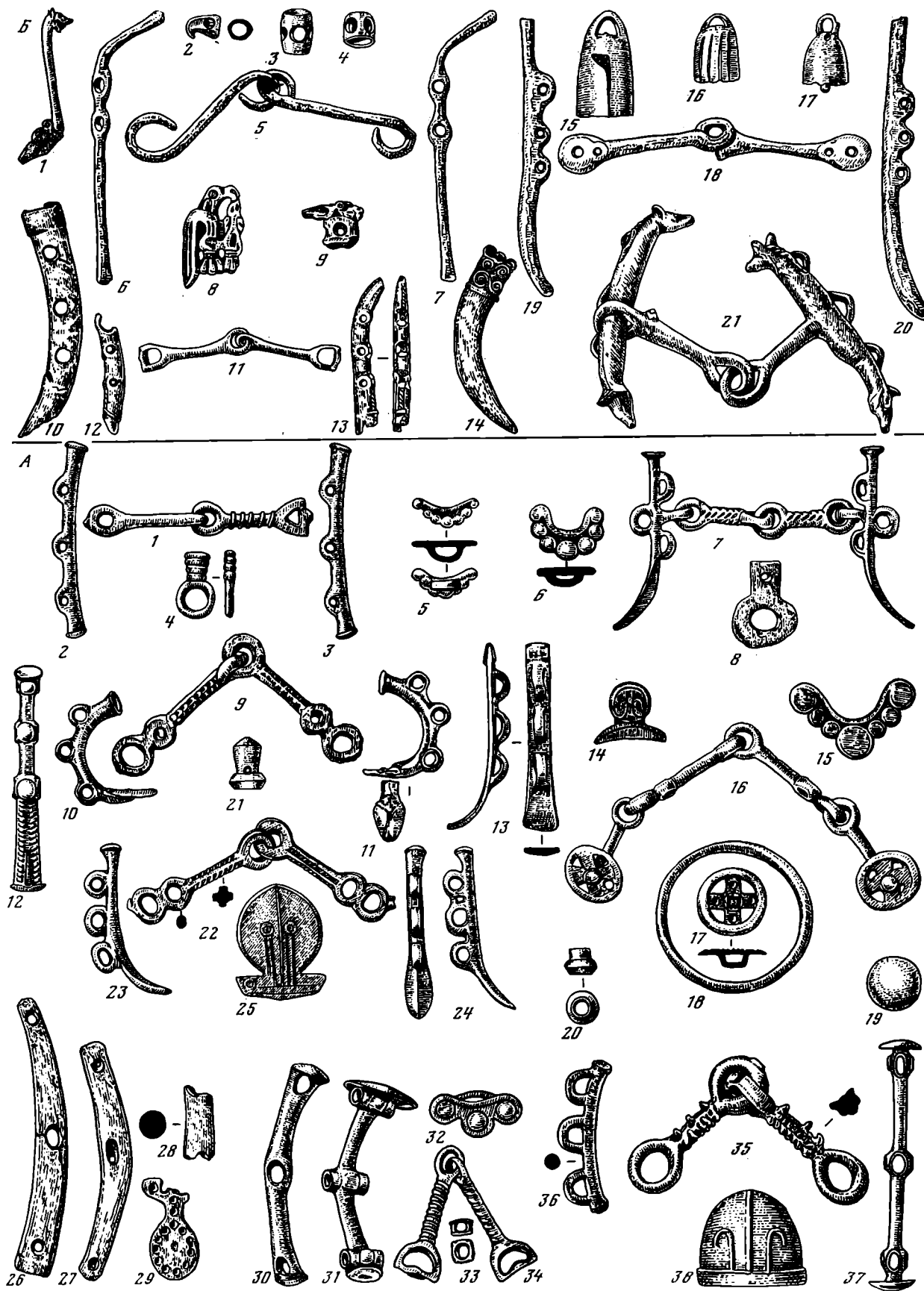

Таблица 103. Конское снаряжение кобанской культуры

Таблица 104. Глиняная посуда кобанской культуры

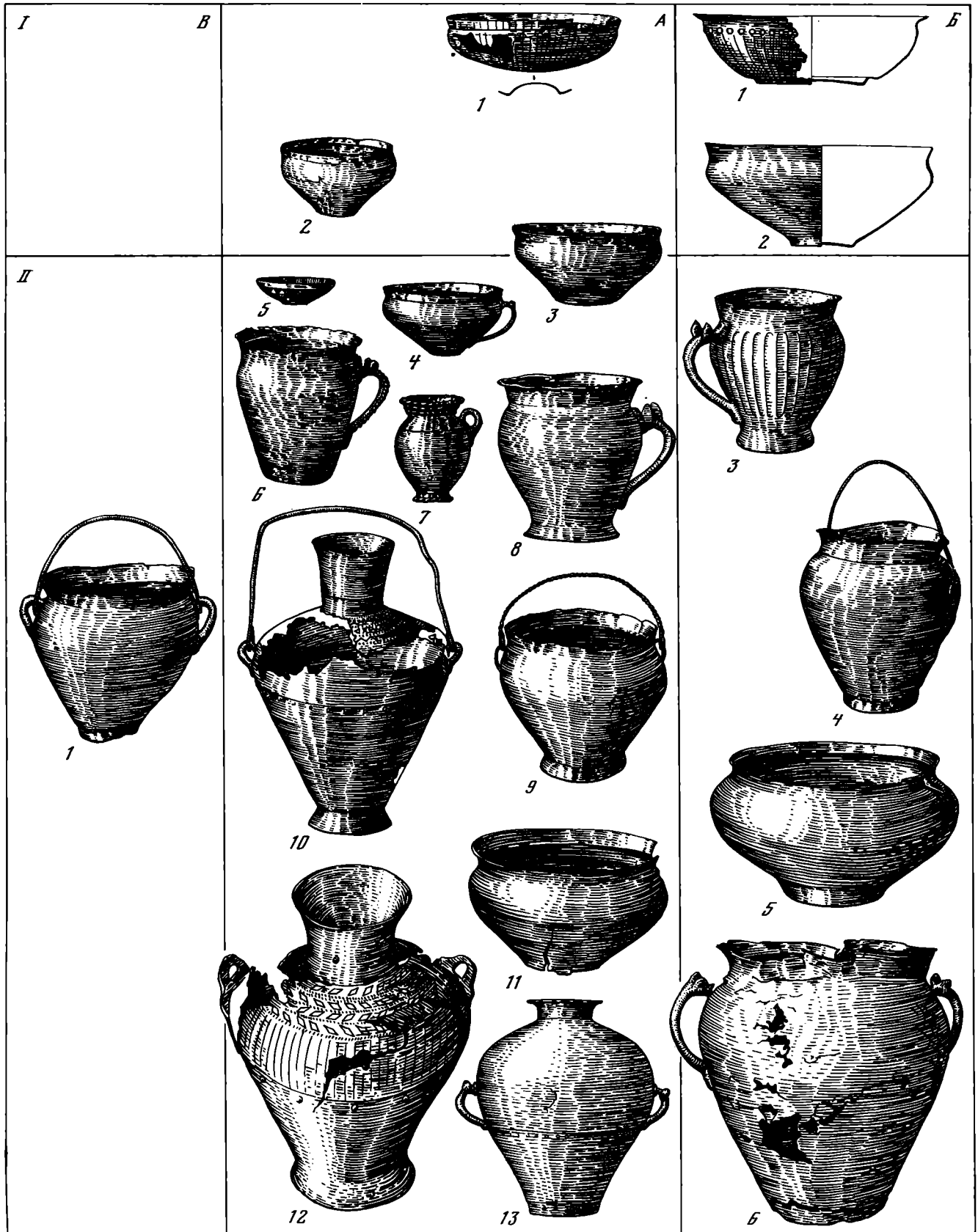

Таблица 105. Бронзовые сосуды кобанской культуры

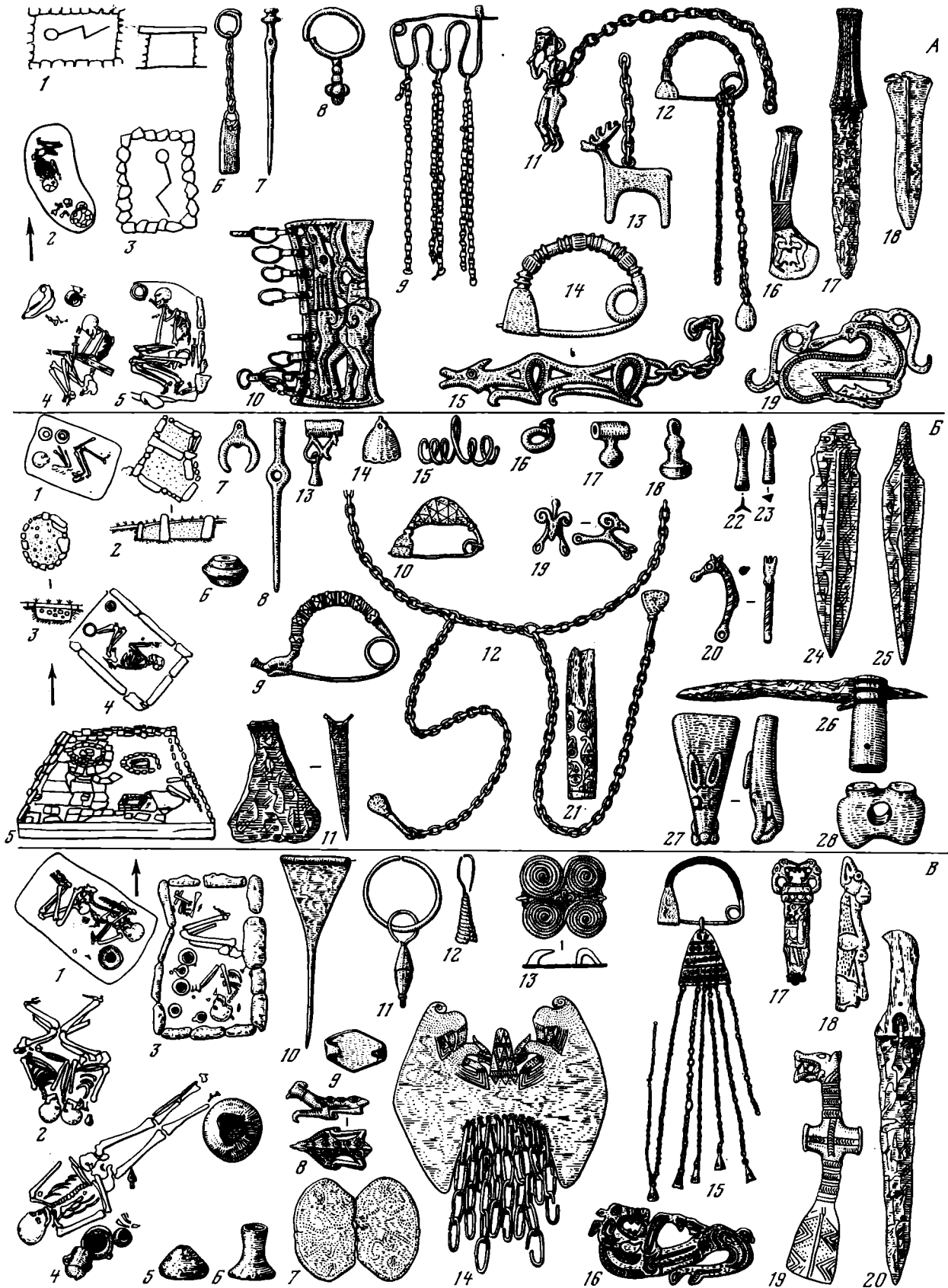

Таблица 106. Особенности локальных вариантов кобанской культуры (середина VII—IV в. до н. э.)

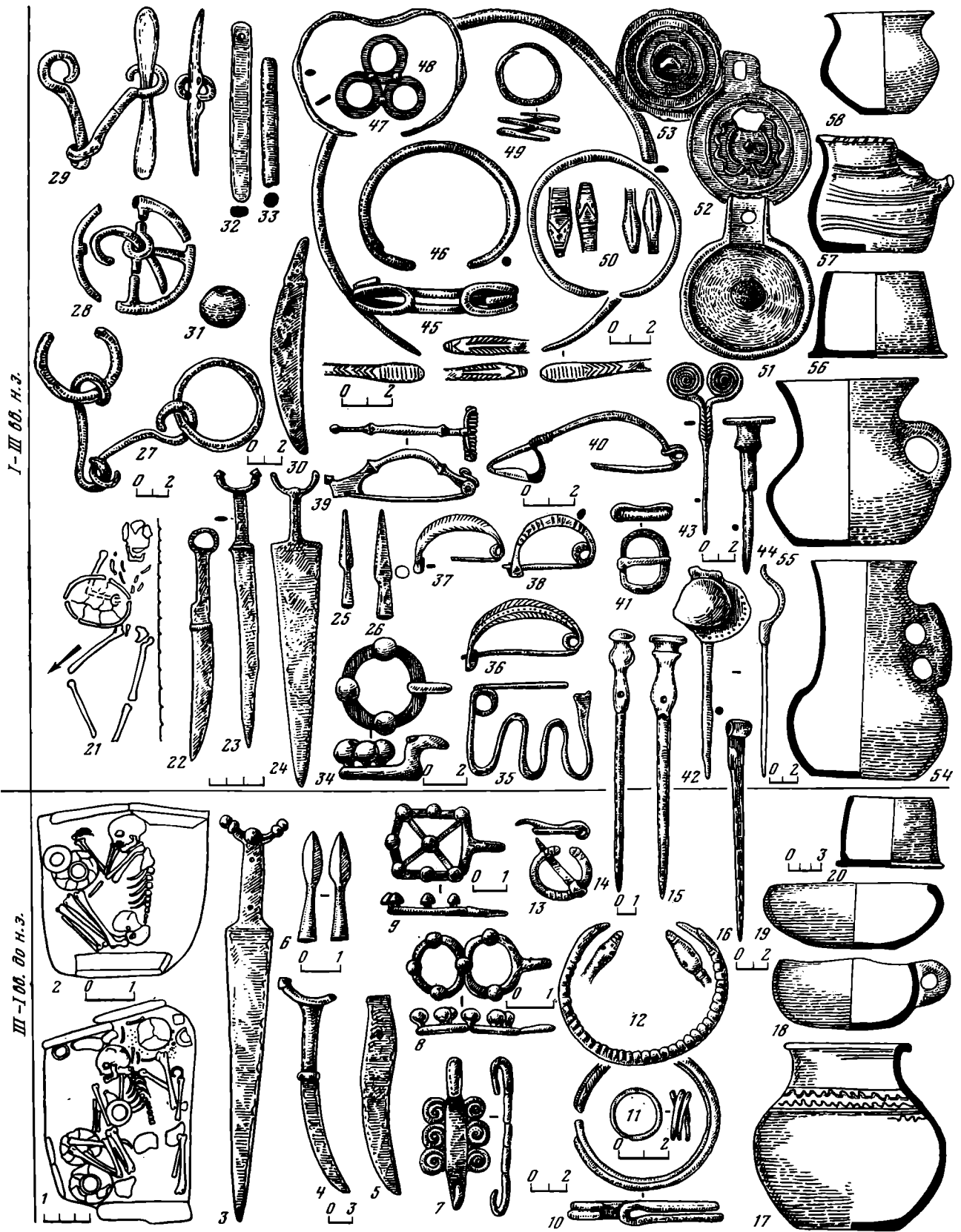

Таблица 107. Планы погребений и инвентарь из могильников горных районов центрального Кавказа III в. до н. э.— III в. н. э. (по материалам Северной Осетии)

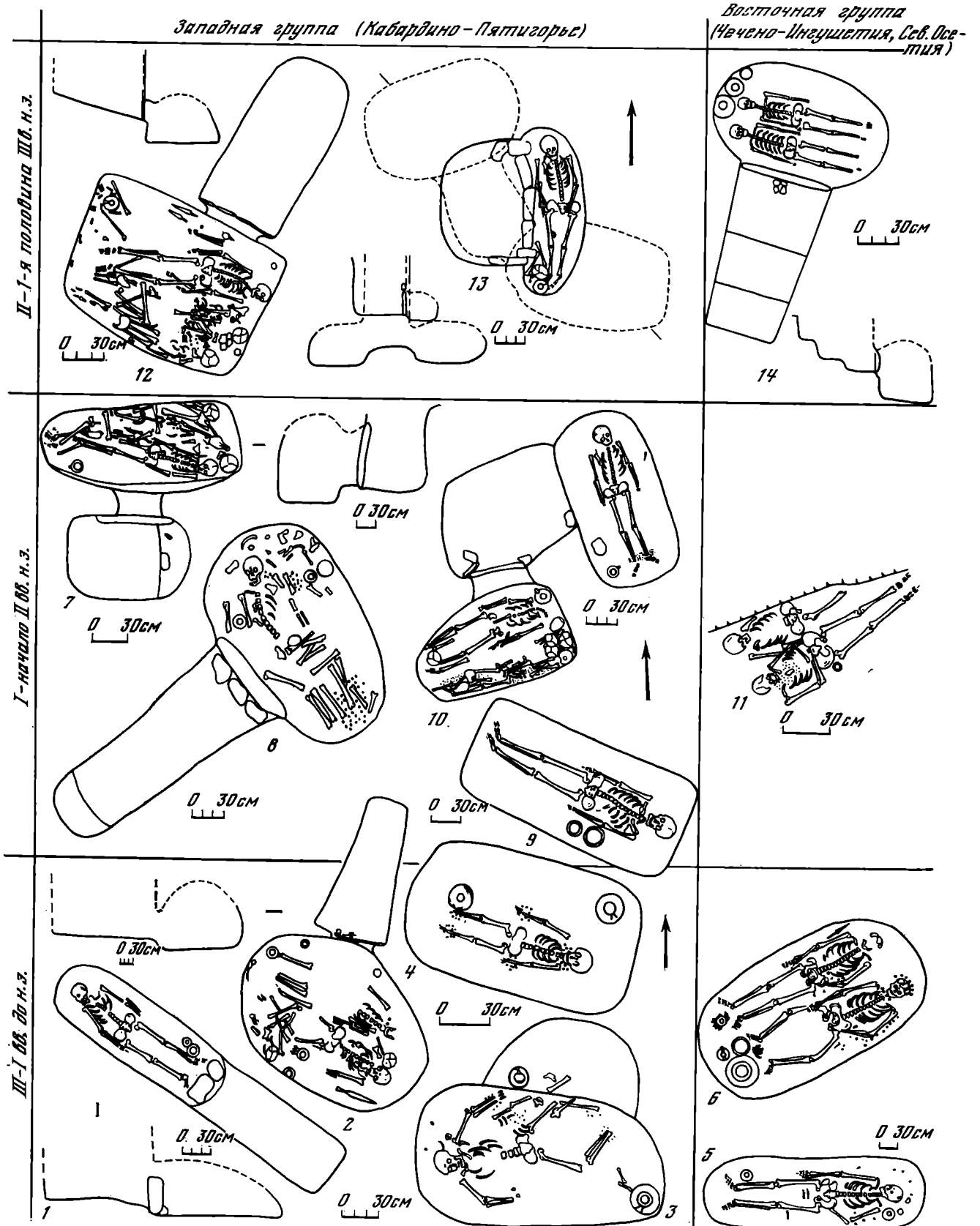

Таблица 108. Планы погребальных сооружений из грунтовых могильников предгорной и равнинной зоны центрального Предкавказья

Таблица 109. Керамика из памятников предгорной зоны центрального Предкавказья (III в. до н. э. — III в. н. э.)

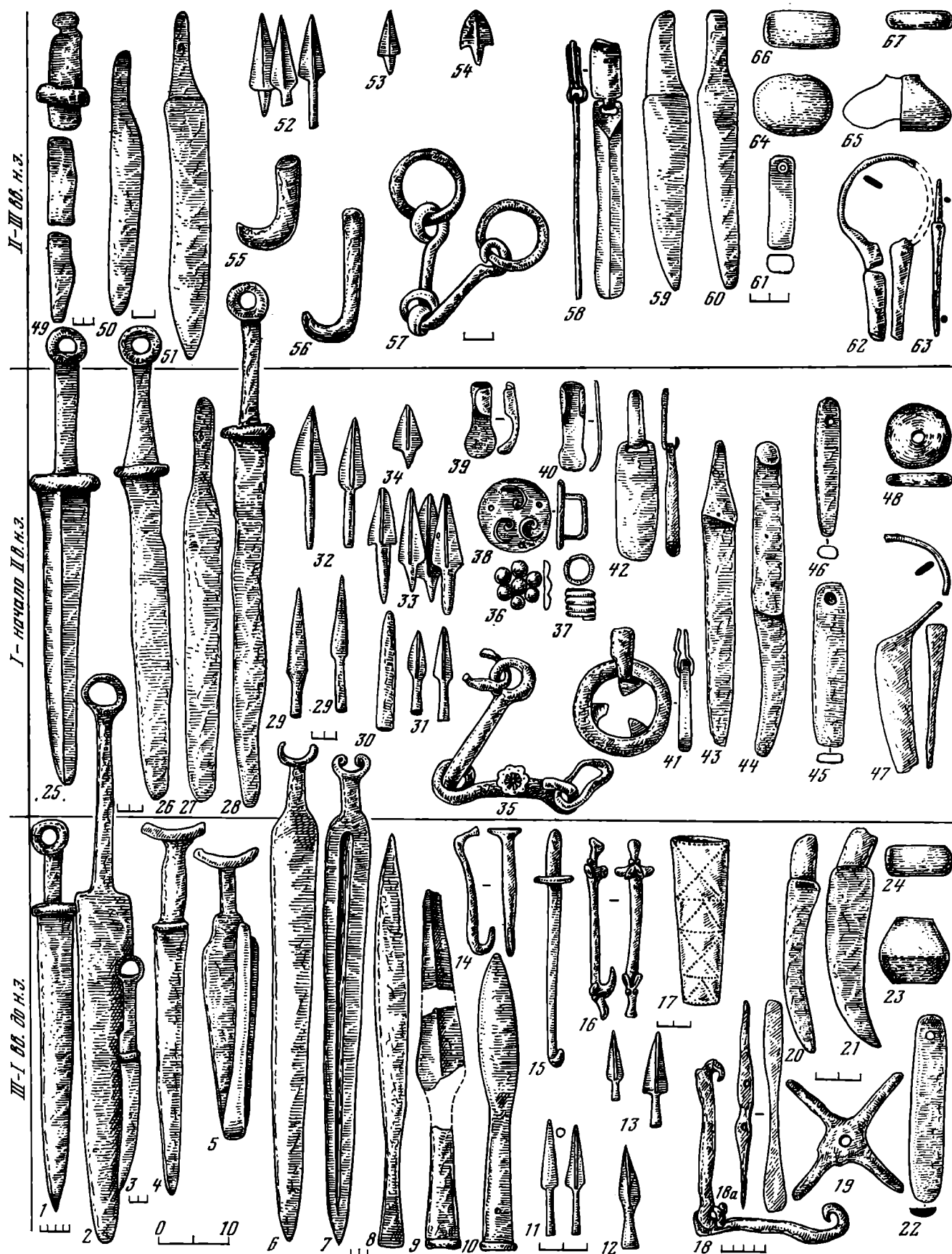

Таблица 110. Оружие, конский убор и орудия труда из памятников предгорной зоны центрального Предкавказья (III в. до н. э.— III в. н. э.)

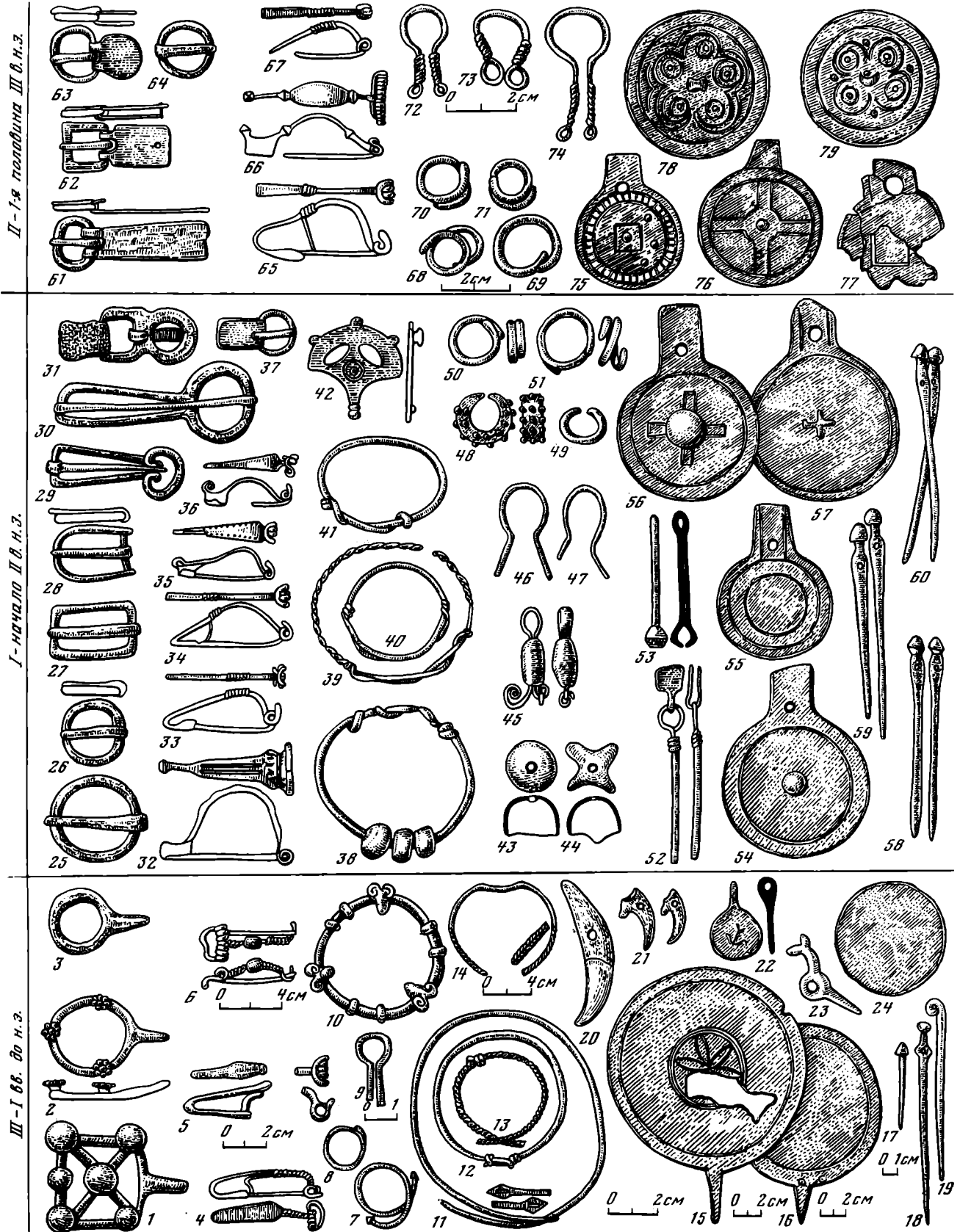

Таблица 111. Предметы туалета и украшения из памятников предгорной зоны центрального Предкавказья (III в. до н. э.— III в. н. э.)

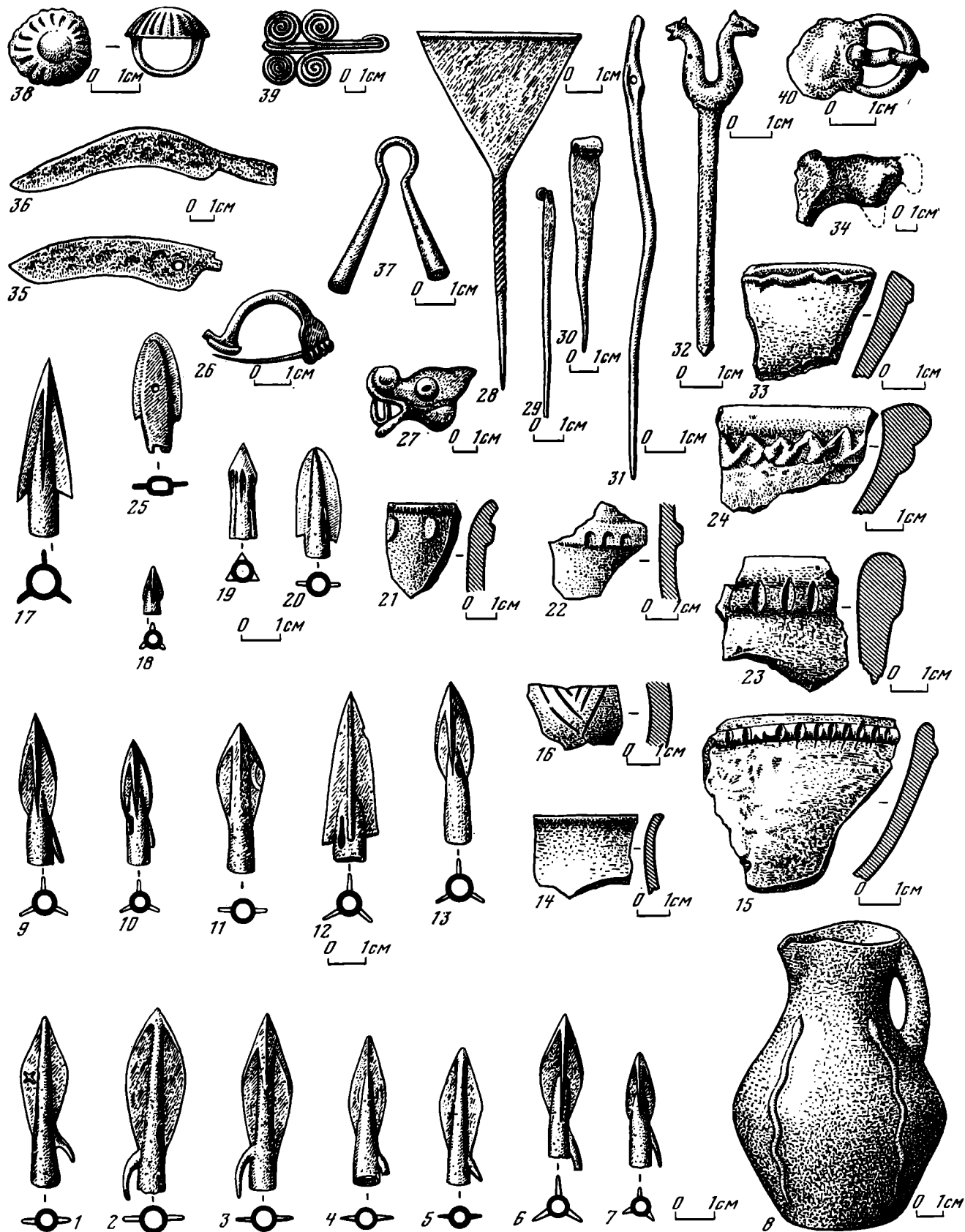

Таблица 112. Наконечники стрел и другие предметы скифского времени из Дагестана

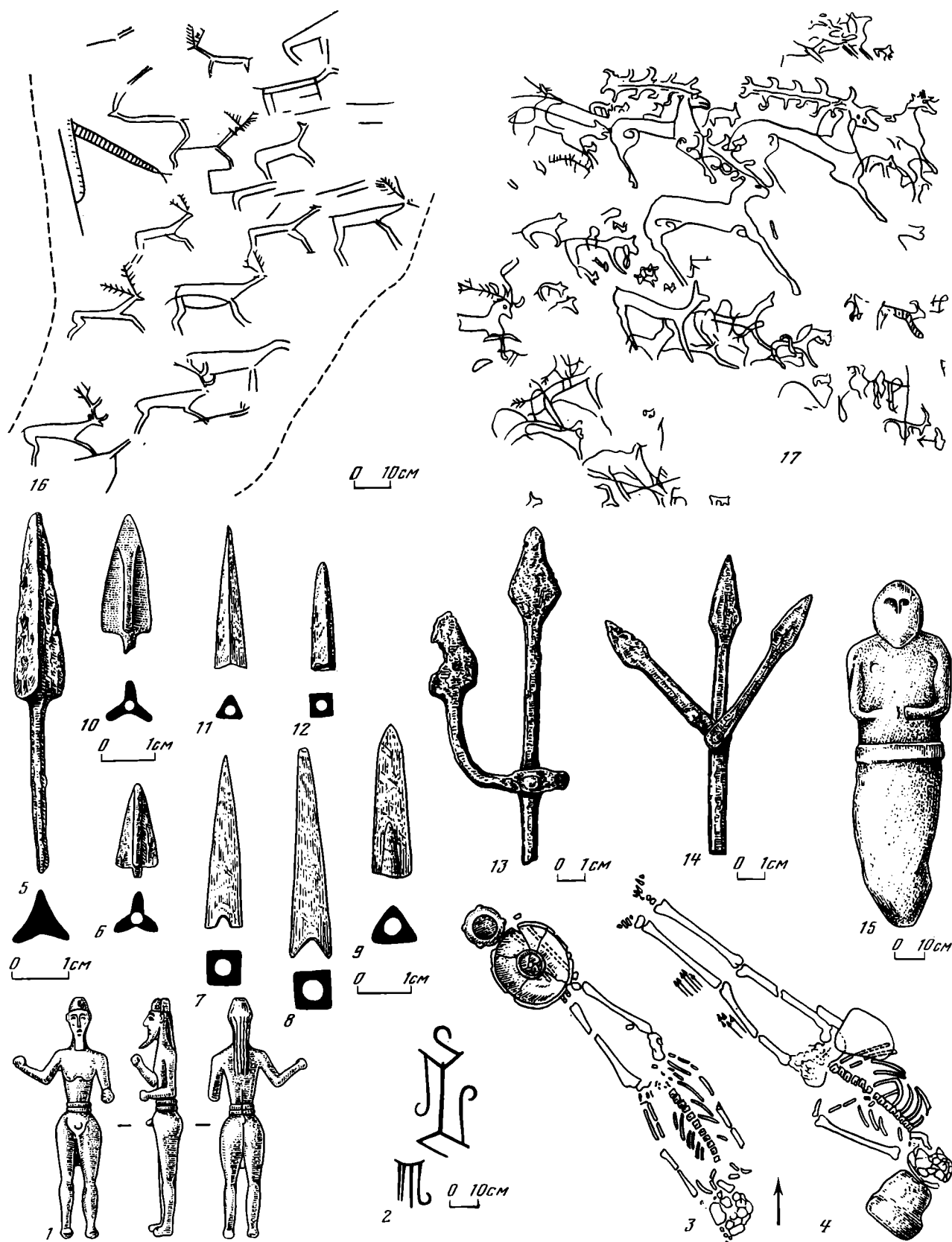

Таблица 113. Наскальные изображения, предметы и отдельные погребения скифо-сарматского времени из Дагестана

Таблица 114. Предметы скифо-сарматского времени из юго-восточной Чечни

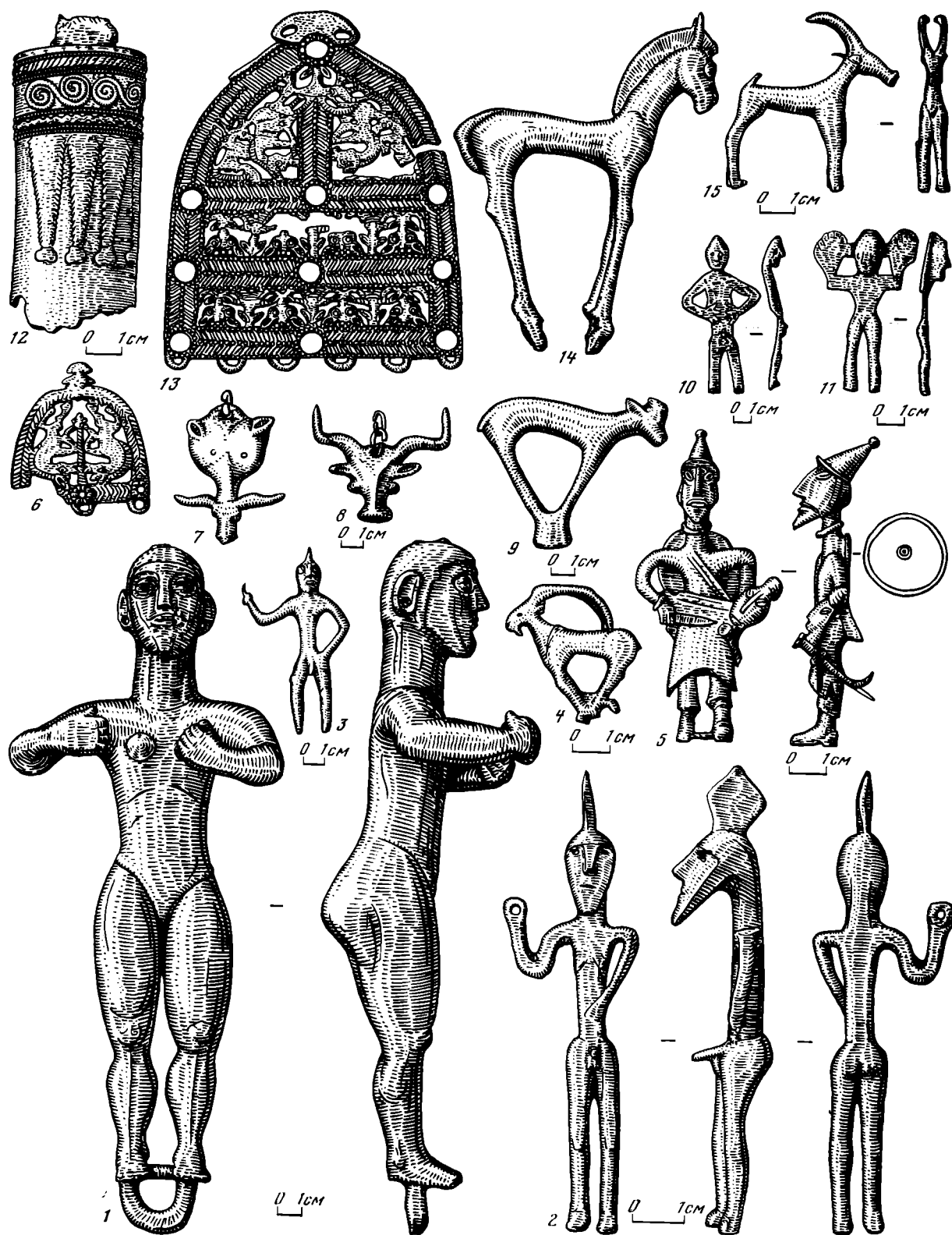

Таблица 115. Предметы искусства скифского времени из Дагестана

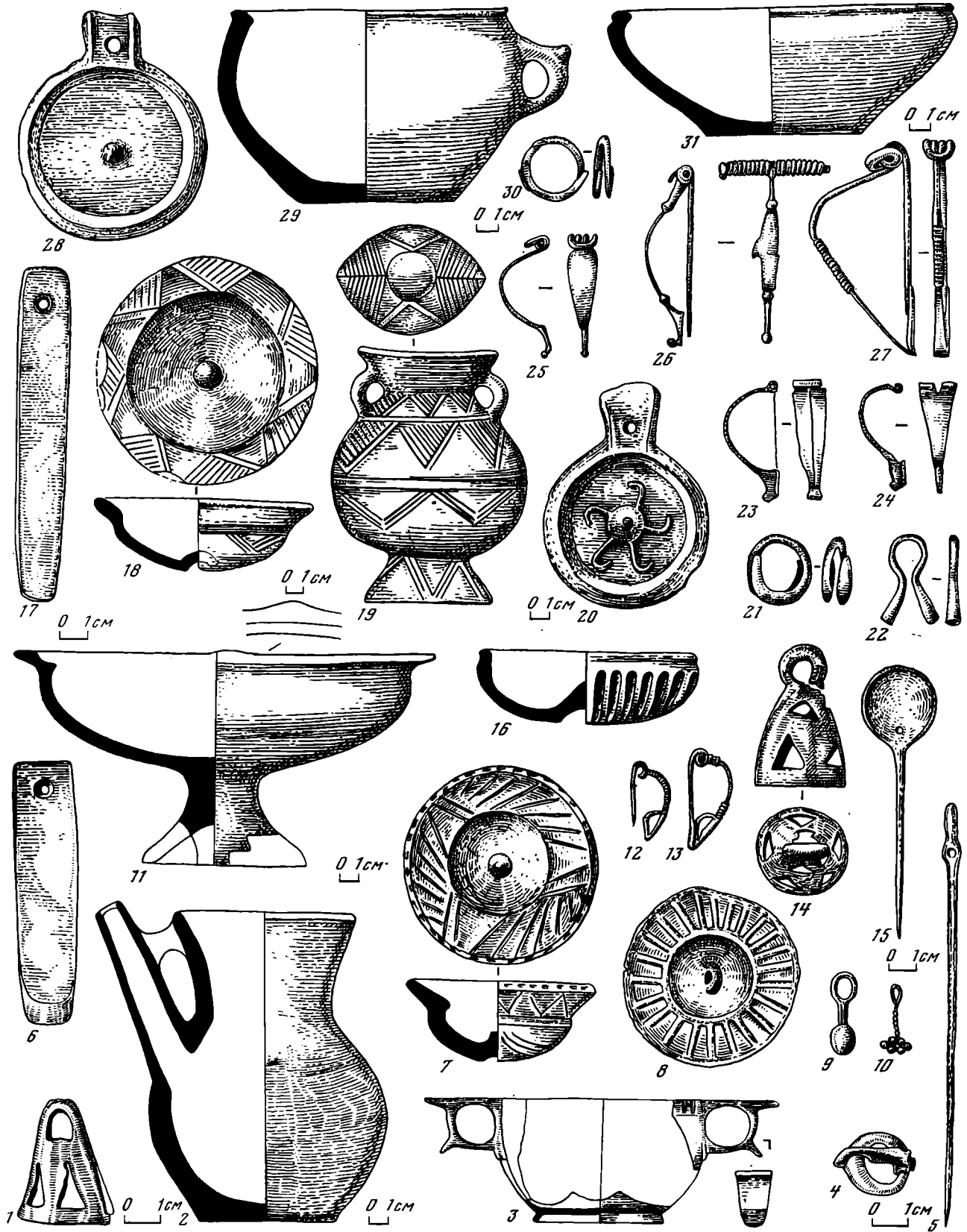

Таблица 116. Предметы сарматского времени из Дагестана

Литература

- Аврелий Виктор Сест. Сокращение // SC. II, 2. С. 317—318.
 Америкосий. О разрушении города Иерусалима // Там же. С. 348—354.
 Аммиан Марцеллин. Сохранившиеся книги истории // Там же. С. 323—345.
 Аристофан. Схолья к птицам // Там же. I, 1. С. 353.
 Гекатей Милетский. Землеописание // Там же. С. 1—3.
 Гелланик. Фрагменты // Там же. С. 348—349.
 Геродот. История: В 9 кн. // Там же. С. 4—54.
 Демосфен. Речь против Формиона о займе // Там же. 2. С. 367.
 Диодор Сицилийский. Библиотека // Там же. С. 457—479.
 Дион Хризостом. Борисфенитская речь // Там же. С. 171—178.
 Климент Александрийский. Ковры // Там же. С. 597—598.
 Ктесий Книдский. История Персии // Там же. 1. С. 354.
 Лукиан из Самосат. Долговечные. Токсарид или дружба // Там же. 2. С. 546—563.
 Мела Помпоний. Землеописание // Там же. II, 1. С. 115—126.
 Пиндар. Отрывки // Там же. I, 1. С. 323/326.
 Плиний Секунд. Естественная история // Там же. II, 1. С. 167—200.
 Плутарх. О названиях рек и гор и об их произведениях // Там же. I, 2. С. 500—504.
 Полибий. История // Там же. С. 440—444.
 Полиен. Военные хитрости // Там же. С. 563—568.
 Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Там же. 1. С. 57—64.
 Псевдо-Скилак. Перипл // Там же. С. 84—86.
 Псевдо-Скимн. Землеописание // Там же. С. 87—91.
 Руф Курций. История Александра Великого // Там же. II, 1. С. 126—132.
 Страбон. География: В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л.; М., 1964.
 Тацит. Анналы // SC. II, 1. С. 231—246.
 Трог Помпей. История // Там же. С. 51—64.
 Флавий Иосиф // Там же. I, 2. С. 482—485.
 Фронтий Юлий. Военные хитрости // Там же. 1. С. 229—230.
 Эсхил. Прикованный Прометей // Там же. I, 2. С. 333—336.
 Юлиан Юстин. Введение к филипповским историям // Там же. II, 1. С. 51—64.
 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
 Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л. I
 Абаев В. И., 1962. Культ семи богов у скифов // Древний мир. М.
 Абаев В. И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
 Абаев В. И., 1971. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // ПСА.
 Абаев В. И., 1981. Геродотовские Skythai gaθgoi // ВЯ. 2
 Абакаров А. И., Гаджиев М. Г., 1980. Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
 Абрамова М. П., 1961. Сарматские погребения Допа и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. // СА. 1.
 Абрамова М. П., 1969. О керамике с зооморфными ручками // Там же. 2.
 Абрамова М. П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
 Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик.
 Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 2.
 Абрамова М. П., 1979. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // Там же.
 Абрамова М. П., 1980. Раскопки могильника у с. Карца в Северной Осетии // История и культура Евразии по археологическим данным. М.
 Абрамова М. П., 1982. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
 Абрамова М. П., 1983. Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. Волгоград.
 Абрамова М. П., 1985. Новые материалы по раннеаланской культуре Северного Кавказа // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку.
 Акишев К. А., 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
 Алексеев А. Ю., 1980. О скифском Аресе // АСГЭ. / 21.
 Алексеев А. Ю., 1982. Курган Цимбалка и дата его сооружения // СГЭ. XL VII.
 Алексеев А. Ю., 1985. Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. L.
 Алексеев А. Ю., 1984. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э. // АСГЭ. 25.
 Алексеев В. П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
 Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12.
 Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., 1966. Стеклоделие Танаиса // СА. 2.
 Алексеева Е. П., 1949. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. № 85. Сер. ист. наук. 13.
 Алексеева Е. П., 1966. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ. V. (Сер. ист.).
 Алексеева Е. П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.
 Алексеева Е. П., 1976. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск.
 Алиев И., 1960. История Мидии. Баку.
 Алтшова А. Е., 1962. Древние городища курского Посеймья // МИА. 113.
 Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. // САИ. Д1-30.
 Андриенко В. П., 1974. Основні культурні обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII—V ст. до н. э.) // Вісн. Харків. ун-ту. № 104. Історія. 8.
 Андриенко В. П., 1975. Земледельческие культуры племен лесостепной Скифии VII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков.
 Андриенко В. П., 1981. Раскопки поселения и курганов у с. Пожарная Балка // АО 1980 г.
 Анохин В. А., 1965. Монеты скифского царя Атея // НИС. 2.
 Анохин В. А., 1973. Монеты Атея // Скифские древности. Киев.
 Анучин Д. Н., 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Изв. РГО. СПб., XX. 4.
 Анфимов И. Н., 1981. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
 Анфимов И. Н., 1984. Меотский могильник I—II вв. н. э. близ станции Елизаветинской // Там же.
 Анфимов Н. В., 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. XVI.
 Анфимов Н. В., 1949. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской // Там же. XXIV.
 Анфимов Н. В., 1951а. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 23.
 Анфимов Н. В., 1951б. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // Там же.
 Анфимов Н. В., 1952. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. XLVI.
 Анфимов Н. В., 1954. Основные этапы развития меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Анфимов Н. В., 1955а. Археологические разведки по среднему Прикубанью // КСИИМК. 60.
- Анфимов Н. В., 1955б. Глиняные курительницы сарматского времени с Северного Кавказа // Там же. 58.
- Анфимов Н. В., 1956. Могильники сарматского времени в долине реки Урупа (по материалам экспедиции 1954 г.) // Там же. 65.
- Анфимов Н. В., 1958а. Из прошлого Кубани. Краснодар.
- Анфимов Н. В., 1958б. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. XVIII.
- Анфимов Н. В., 1960. Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край: Материалы по изуч. Краснодар. края. Краснодар. I.
- Анфимов Н. В., 1961а. Протомеотский могильник с Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. II.
- Анфимов Н. В., 1961б. Тахтамукаевский могильник (аул Октябрьский) // Там же.
- Анфимов Н. В., 1967. Исследование памятников раннежелезного века на Кубани // АО 1966 г.
- Анфимов Н. В., 1971. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // ПСА.
- Анфимов Н. В., 1972а. Раскопки на Кубани // АО 1971 г.
- Анфимов Н. В., 1972б. Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекупса // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. III.
- Анфимов Н. В., 1973. Раскопки на правом берегу р. Кубани // АО 1972.
- Анфимов Н. В., 1975а. Гончарные печи Старокорсунского второго городища // АО 1974 г.
- Анфимов Н. В., 1975б. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев.
- Анфимов Н. В., 1979. К вопросу о восточной границе меотских племен и центре сиракского союза в Прикубанье // IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста.
- Анфимов Н. В., 1981а. Экспансия Боспора в Западном Прикубанье // Конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа в древности и средневековье»: Тез. докл. М.
- Анфимов Н. В., 1981б. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Анфимов Н. В., 1984. Меотские городища аулов Октябрьский и Шенджия // Там же.
- Анфимов Н. В., 1985. Керамические клейма из поселения станции Красноармейской (Краснодарский край) // Все-союз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку.
- Аптекарев А. З., 1981а. Античный керамический импорт IV—III вв. до н. э. из среднего Прикубанья // Конференция «Культурные взаимодействия народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»: Тез. докл. М.
- Аптекарев А. З., 1981б. Раскопки могильника городища II у хутора им. Ленина // АО 1980 г.
- Аптекарев А. З., 1986. Комплекс вещей V в. до н. э. из станции Старокорсунской // СА. 4.
- Аргутинский-Долгоруков Н. В., 1875. Годовой отчет исправляющего должность секретаря Общества любителей кавказской археологии с 9 декабря 1873 по 1 января 1875 г. // Зап. ОЛКА. Тифлис.
- Арсеньева Т. М., 1970. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры. М.
- Артамонов М. И., 1947. Общественный строй скифов // ВЛГУ. 10.
- Артамонов М. И., 1948. Скифское царство в Крыму // Там же. 8.
- Артамонов М. И., 1949а. Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. № 85. Сер. ист. наук.
- Артамонов М. И., 1949б. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1.
- Артамонов М. И., 1949в. Археологические исследования в Подолии // ВЛГУ. 12.
- Артамонов М. И., 1950. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 2.
- Артамонов М. И., 1952. Археологічні дослідження на південному Поділлі в 1948 р. // АП. IV.
- Артамонов М. И., 1953. Этнический состав населения Скифии // Докл. VI Науч. конф. ИА АН УССР. М.
- Артамонов М. И., 1955. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. // КСИИМК. 59.
- Артамонов М. И., 1961а. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 2.
- Артамонов М. И., 1961б. К вопросу о происхождении скифского искусства // Omagiu lui George Oprescu. Buc.
- Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.; Прага.
- Артамонов М. И., 1968. Происхождение скифского искусства // СА. 4.
- Артамонов М. И., 1971а. Скифо-сибирское искусство звериного стиля // ПСА.
- Артамонов М. И., 1971б. Роль климатических изменений VIII—VII вв. в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. // Этнография народов СССР. Л.
- Артамонов М. И., 1972. Скифское царство // СА. 3.
- Артамонов М. И., 1973. Киммерийская проблема // Археология. 9.
- Артамонов М. И., 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
- Артамонова-Полтавцева О. А., 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. XIV.
- Археология УРСР, 1971. Київ. 2.
- Археология УССР, 1986. Киев. 2.
- Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., 1941. М.; Л.
- Атаев Д. М., 1962. Поясные пряжки из нагорного Дагестана // СА. 2.
- Атаев Д. М., 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.
- Аханов И. И., 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. 1.
- Бабенчиков В. П., 1949. Новый участок некрополя Неаполя Скифского // ВДИ. 1.
- Бабенчиков В. П., 1957. Некрополь Неаполя Скифского // ИАДК.
- Бабенчиков В. П., 1963. Черноріченський могильник // АП. XII.
- Багаев М. Х., 1979. Новые раскопки в Ичкерии // IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста, 1979.
- Багаев М. Х., 1981. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Базалей Д. И., 1905. Предисловие к археологической карте Харьковской губернии: Объясн. текст // Тр. XII АС в Харькове, 1902 г. I.
- Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимунова Т. М., Маммедов И. Д., 1969. Заметки о древней культурной керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // АЭС. III.
- Барцева Т. Б., 1971. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Барцева Т. Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.
- Батчаев В. М., 1973. Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Батчаев В. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1979. Курганы скифского времени у с. Нартан // IX Крупновские чтения: Тез. докл. Элиста.
- Батчаев В. М., Кереев Б. М., 1980. Олений камень из Кабардино-Балкарии // СА. 3.
- Башилов В. А., 1963. Курганы с трупосожжениями у с. Мастогино // Там же. 2.
- Бельтикова Г. В., 1981. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. 15.
- Бельтикова Г. В., 1982. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.
- Беляевский В. А., 1964. Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии // Исследования по истории стран Востока. Л.
- Беляев О. С., 1977. Раскопки поселения доби бронзы поблизу с. Йосипівка // Археологія. 22.
- Беляев О. С., 1981. Поховання зрубної культури і раннього залізного віку Йосипівського могильника // Там же. 36.

- Белыев О. С.*, 1984. Нові дані про бандарихінську культуру // Там же. 46.
- Березанская С. С.*, 1985. Об этнической принадлежности племен черноморской культуры // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. слав. археологии. Киев.
- Березовець Д. Т.*, 1960. Разкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифського часу в с. Кут // АП. IX.
- Березовець Д. Т.*, 1961. Курганный могильник в с. Грушівка // Там же. X.
- Березовець Д. Т., Березанська С. С.*, 1961. Поселення і могильник эпохи бронзы біля с. Нижній Рогачик // Там же.
- Беренштам В. Л.*, 1882. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. В. Л. Беренштамом // Тр. подгот. ком. V Археол. съезда. М. I.
- Берестнев С. И.*, 1981. Раскопки курганов в Харьковской области // АО 1980 г.
- Бернштам А. Н.*, 1940. Кенкольский могильник. Л.
- Берзин-Засецкая И. П., Малолицкая Л. Я.*, 1965. Богатое сарматское погребение в Астраханской области // СА. 3.
- Беспалый Е. И.*, 1985. Курган I в. н. э. у г. Азова // Там же. 4.
- Бессонова С. С.*, 1971. Реконструкция деревянного саркофага из Трехбратних курганов // Там же.
- Бессонова С. С.*, 1973. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев.
- Бессонова С. С.*, 1977. Образ собако-птаха у місцевті Північного Причорномор'я скіфської епохи // Археологія. 23.
- Бессонова С. С.*, 1983. Религиозные представления скифов. Киев.
- Бессонова С. С.*, 1984. О культуре оружия у скифов // Вооруженные скифы и сарматов. Киев.
- Бессонова С. С., Кирилин Д. С.*, 1977. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы. Киев.
- Бибикова В. И.*, 1973. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. 4.
- Биджиев Х. Х.*, 1983. Хумаринское городище. Черкесск.
- Бідзіля В. І.*, 1971. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1.
- Бідзіля В. И., Яковенко Э. В.*, 1974. Киммерийские погребения Высокой Могили // СА. 1.
- Билимович З. А.*, 1973. Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства. Л.
- Билимович З. А.*, 1976. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // ТГЭ. 17.
- Блаватский В. Д.*, 1947. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.
- Блаватский В. Д.*, 1948. Киммерийский вопрос и Пантикапей // Вестн. МГУ. 8.
- Блаватский В. Д.*, 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д.*, 1959. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП.
- Блаватский В. Д.*, 1964а. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. 4.
- Блаватский В. Д.*, 1964б. Пантикапей. М.
- Блаватский В. Д.*, 1969а. О северной окраине Скифии Геродота // МИА. 169.
- Блаватский В. Д.*, 1969б. О рабах-меотах // КСИА. 116.
- Блаватский В. Д.*, 1975. О скифской и сарматской этнонимике // Там же. 143.
- Бларамбера И. П.*, 1889. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ИТУАК. 7.
- Бобринский А. А.*, 1887—1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887. I; 1894. II; 1901. III.
- Бобринский А. А.*, 1891. Доклад о действиях Императорской археологической комиссии за 1888 г./ОАК за 1882—1888 гг.
- Бобринский А. А.*, 1905а. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. // ИАК. 14.
- Бобринский А. А.*, 1905б. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. // Там же. 17.
- Богданова Н. А.*, 1961. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. 2.
- Богданова Н. О.*, 1963. Могильник I ст. до н. э. — III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. XV.
- Богданова Н. А.*, 1965. Скифские и сарматские стелы Заветинского могильника // СА. 3.
- Богданова Н. А., Гущина И. И.*, 1967. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалисто в Крыму // КСИА. 112.
- Богусевич В. А.*, 1952. Раскопки скифского и древнеславянского поселений на территории Каневского биогеографического заповедника Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко // Наук. зап. Київ держ. ун-т. XI.
- Бокий Н. М.*, 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. // АИУ. III.
- Бокий Н. М.*, 1974. Скифский Курган у с. Медероно // СА. 4.
- Бокий Н. М.*, 1977. Розкопки курганів у верхів'ях басейну Тясмина // Археологія. 22.
- Бокий Н. М.*, 1980. Скифский период на пограничье степи и лесостепи в днепровском Правобережье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Боковенко Н. А.*, 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. 4.
- Боковенко Н. А.*, 1981. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.
- Болтин И. Н.*, 1788. Примечания по истории древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб. I.
- Болтрик Ю. В.*, 1981. Исследование кургана Огуз // АО 1980 г.
- Болтрик Ю. В.*, 1982. Завершение исследования кургана Огуз // АО 1981 г.
- Бонч-Осмоловский Г. А.*, 1926. Доисторические культуры Крыма // Крым. Симферополь. 2.
- Бочкарьов В. С.*, 1972. Кімерійські казани // Археологія. 5.
- Бочкарев В. С.*, 1981. Отчет о работах Ново-Корсунского и второго Батуриного отрядов Кубанской экспедиции // Арх. ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. 8243.
- Бочкарев В. С., Резвский А. Д.*, 1980. Работы Кубанской экспедиции // АО 1979 г.
- Бочкарев В. С., Трифонов В. А., Шарифутдинова Э. С., Бианки А. В., Дубовская О. Р., Бестужев Г. П.*, 1979. Работы Прикубанской экспедиции // АО 1978.
- Бранденбург Н. Е.*, 1908. Журнал раскопок П. Е. Бранденбурга (1888—1902). СПб.
- Браун Ф. А.*, 1899. Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб.
- Брашинский И. Б.*, 1965. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene. 4.
- Брашинский И. Б.*, 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. 133.
- Брашинский И. Б.*, 1976. Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античном Северном Причерноморье // Там же. 148.
- Брашинский И. Б.*, 1980. Греческий керамический импорт на нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.
- Брашинский И. Б., Демченко А. И.*, 1969. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г. // КСИА. 116.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.*, 1978. Строительные комплексы Елизаветовского городища // СА. 2.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.*, 1980. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // Там же. 1.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.*, 1984. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Брун Ф.*, 1868. О киммерянах Геродота и переселениях кимрского племени // ЗООИД. VII.
- Брун Ф.*, 1880. Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России (1852—1877 гг.). Одесса. I, II.
- Буйнов Ю. В.*, 1977. О погребальном обряде племен бандарихинской культуры // СА. 4.
- Буйнов Ю. В.*, 1981. Бандарихинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Бунятян Е. П.*, 1977. Курганная группа Шевченко II // Курганы южной Херсонщины. Киев.
- Бунятян Е. П.*, 1981. Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Бунятян Е. П., Чередишченко Н. Н., Мураин В. Ю.*, 1977. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка // Курганы юга Днепропетровщины. Киев.
- Бурачков П.*, 1886. Заметки по исторической географии южнорусских степей // Киевская старина. 4.
- Ванчугов В. П., Субботин Л. В.*, 1980. Могильник белозерского времени в северо-западном Причерноморье // АИУ в 1978—1979 гг. Днепропетровск.
- Ванчугов В. П., Черняков И. Т.*, 1984. Северо-западное При-

- черноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век северо-западного Причерноморья. Киев.
- Ваулина М. П.*, 1959. К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом // СА. 1.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.*, 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.
- Веймарн Е. В.*, 1963. Инкерманский могильник // АП. XII.
- Великанова М. С.*, 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.
- Венедиков И., Герасимов Т.*, 1973. Тракийское искусство. С. Велесовский Н. И., 1891. Скифский всадник (поясная пряжка) // ИТУАК. 14.
- Велесовский Н. И.*, 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Тр. XII СА в Харькове. М. 1.
- Виноградов В. Б.*, 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. ЧИНИИ. VI.
- Виноградов В. Б.*, 1964. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам): Сб. ст. Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1965. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1.
- Виноградов В. Б.*, 1966. Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) // Там же. 4.
- Виноградов В. Б.*, 1968. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. II.
- Виноградов В. Б.*, 1971. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // ПСА.
- Виноградов В. Б.*, 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1974. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. 4.
- Виноградов В. Б.*, 1975. [Рецензия] // СА. 1.— Ред. на кн.: Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник.
- Виноградов В. Б.*, 1976. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Виноградов В. Б.*, 1979а. Зооморфные «превращения» в искусстве древних горцев // Природа. 2.
- Виноградов В. Б.*, 1979б. Новогрозненский кобанский могильник VI—V вв. до н. э. // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Виноградов В. Б., Дударев Л. П.*, 1983. К хронологии раннего этапа скифо-северокавказских взаимоотношений // ИЮОНИИ. XXVI.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*, 1977. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия) // СА. 1.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*, 1983. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья // АСГЭ. 23.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.*, 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1968. Могильник Яман-Су на границе Чечни и Дагестана // АЭС. II.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1969. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня) // АЭС. III.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А.*, 1974. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (юго-восточная Чечня) // СА. 1.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А.*, 1977. К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА. 148.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П.*, 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. III.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.*, 1976. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // Там же. IV.
- Виноградов Ю. Г.*, 1980. Перстень царя Скила: Политическая и дипастическая история скифов первой половины V в. до н. э. // СА. 3.
- Виноградов Ю. Г.*, 1984. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Вознесенская Г. А.*, 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М.
- Волков И. Г.*, 1978. Об этнической принадлежности впускных погребений в курганах бронзового века правобережья р. Кубани // VIII Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик.
- Высотская Т. Н.*, 1961. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Альма-Кермен // КСИА АН УССР. 11.
- Высотская Т. Н.*, 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Высотская Т. Н.*, 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.
- Высоцька Т. М., Лобода І. І.*, 1984. Могильник I ст. до н. э.—III ст. н. э. неподалік від с. Пищане в Криму // Археологія. 48.
- Высотская Т. Н., Мазнева О. А.*, 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев.
- Вязигин С. А.*, 1940. Древнее поселение у хут. Подазовского // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д. I.
- Вязьмитина М. И.*, 1954. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА.
- Вязьмитина М. И.*, 1962. Золота Балка. Київ.
- Вязьмитина М. И.*, 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 2.
- Вязьмитина М. И.*, 1971. Пам'ятки і культура сарматів // Археологія Української РСР. Київ.
- Вязьмитина М. И.*, 1972. Золото-Балковский могильник. Киев.
- Вязьмитина М. И., Галінська В. А., Покровська Е. Ф., Терноожкін О. І., Ковпаненко Г. Т.*, 1960. Курганы біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу Аккермен // АП. VIII.
- Вязьмитина М. И., Покровська Е. Ф.*, 1956. Поселения VII—VI ст. до н. э. в окрестностях с. Жаботина // АП. VIII.
- Газарилук Н. Л.*, 1980. Кераміка степових скіфських поховань IV—III ст. до н. э. // Археологія. 34.
- Газлов Ю. С.*, 1964а. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // ИЮОНИИ. XII.
- Газлов (Газлойти) Ю. С.*, 1964б. Аланы и вопросы этногенеза осетин: Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Газлойти Ю. С.*, 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.
- Газлойти Ю. С.*, 1968. К истории северокавказских аорсов и сираков // ИЮОНИИ. XV.
- Гаджиев М. Г., Абакаров А. И.*, 1973. Раскопки Охлинского городища // АО 1972 г.
- Гадо А. В.*, 1979. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1949. Боспорское царство. М.; Л.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1959. Боспор и скифы: Тез. докл. // ПИСП.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1963. Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб. памяти акад. Александра Ильича Тюменева. М.; Л.
- Галанина Л. К.*, 1965. О греческих пожогах Северного Причерноморья // АСГЭ. 7.
- Галанина Л. К.*, 1973. Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана // СА. 2.
- Галанина Л. К.*, 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // САИ. Д1-33.
- Галанина Л. К.*, 1980. Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л.
- Галанина Л. К.*, 1983а. Раннескифские уздечные наборы // АСГЭ. 24.
- Галанина Л. К.*, 1983б. Раскопки Келермесских курганов // АО 1981 г.
- Галанина Л. К.*, 1984а. Раскопки Келермесских курганов // АО 1982 г.
- Галанина Л. К.*, 1984б. Раннемеотские погребения Келермесского могильника // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп.
- Галанина Л. К.*, 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 3.
- Ганина О. Д.*, 1965. Поселения скифского часу у селі Іване-Пусте // Археологія. XIX.
- Ганина О. Д.*, 1970. Античні бронзи з Пищаного. Київ.
- Ганина О. Д.*, 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся // Археологія. 47.
- Гей А. Н.*, 1983. Раскопки курганов на р. Понуре // АО 1982 г.
- Гей О. А.*, 1984. Раскопки поселения Усть-Синюха II // Там же.
- Генина В. Ф.*, 1961. Проблемы изучения железного века Урала // ВЛУ, 1.

- Генинг В. Ф., 1963. Азелинская культура III—V вв. н. э. // Там же. 5.
- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу. М.
- Геродот, 1972. История: В 9 кн. / Пер. Г. А. Стратоновского. Л.
- Гжыра Л. Б., 1986. Раскопки Паласа-сыртского поселения и могильника // Тез. докл. Науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. ИИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала.
- Гобеджишвили Г. Ф., 1951. Холм Нацар-гора близ гор. Сталинири // Мимомхилвели. Тбилиси. II. На груз. яз.
- Голенцов А. С., 1971. Античный поливной сосуд из Северо-Западного Крыма // КСИА. 128.
- Гольмстен В. В., 1928. Археологические памятники Самарской губ. // Тр. секции археологии РАНИОН. М. IV.
- Горбунов В. С., Исмаилов Р. Б., 1976. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 3.
- Горбунова Н. Г., 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // Там же.
- Горелик М. В., 1977. Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе // Скифы и сарматы. Киев.
- Горizontов И. П., 1908. Раскопки кургана близ г. Саратова // Тр. СУАК. 24.
- Городцов В. А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. // Тр. XII АС. I.
- Городцов В. А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутинском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. // Тр. XIII АС. I.
- Городцов В. А., 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии // Тр. XIV. АС. III.
- Городцов В. А., 1926. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. I.
- Городцов В. А., 1928. К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археологии РАНИОН. М. II.
- Городцов В. А., 1935. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. // СЭ. III.
- Городцов В. А., 1936. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. I.
- Городцов В. А., 1940. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д. I.
- Городцов В. А., 1941. Станица Елизаветинская // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л.
- Городцов В. А., 1947. Раскопки Частых курганов близ Воронежа в 1927 г. // СА. IX.
- Гошкевич В. И., 1913. Древние городища по берегам пивового Днепра // ИАК. 47.
- Граков Б. Н., 1928а. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Тр. секции археологии РАНИОН. М. IV.
- Граков Б. Н., 1928б. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова // Там же. II.
- Граков Б. Н., 1930. О ближайших задачах археологического изучения Казахстана // Вестн. центр. музея Казахстана. Кызыл-Орда. I.
- Граков Б. М., 1947а. Чи мала Ольвія торговеллі зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи // Археологія. I.
- Граков Б. Н., 1947б. Термин *Σκιφαι* и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. XVI.
- Граков Б. Н., 1947в. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 3.
- Граков Б. М., 1947 г. Скифы. Київ.
- Граков Б. Н., 1950. Скифский Геракл // КСИИМК. XXXIV.
- Граков Б. Н., 1953. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне // Докл. VI Науч. конф. ИА АН УССР. Киев.
- Граков Б. Н., 1954. Каменское городище на Нижнем Днепре // МИА. 36.
- Граков Б. Н., 1959. Греческое граффито из Немировского городища // СА. 1.
- Граков Б. Н., 1962. Скифские погребения Пиконольского курганного поля // МИА. 115.
- Граков Б. Н., 1964. Погребальные сооружения и ритуал обитателей степной Скифии // АСГЭ. 6.
- Граков Б. Н., 1968. Легенда о скифском царе Арпанте // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Граков Б. Н., 1971а. Скифы. М.
- Граков Б. Н., 1971б. Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ. 3.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА.
- Граков Б. Н., Тереножкин А. И., 1958. Субботовское городище // СА. 2.
- Грантовский Э. А., 1960. Индоиранские касты у скифов // XXV МКВ: Докл. делегации СССР. М.
- Грантовский Э. А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н., 1984. Погребения предскифского периода в южном Побужье // Ранний железный век северо-западного Причерноморья. Киев.
- Гроссу В. И., 1979. Сарматский курган у с. Корпач // СА. 2.
- Грязнов М. П., 1927. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане // Казаки. Л. 2.
- Грязнов М. П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.
- Грязнов М. П., 1955. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КИСЭ. 24.
- Грязнов М. П., 1980. Аржан-царский курган раннескифского времени. Л.
- Гуляев В. И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М.
- Гуцал А. Ф., 1979. Нові пам'ятки раннього залізного віку в Східному Подністріві (розвідки 1968—1969 рр.) // Археологія. 31.
- Гущина И. И., 1961. Случайная находка в Воронежской области // СА. 2.
- Гущина И. И., 1962. Находки из Краснодарского края // Там же.
- Гущина И. И., 1969. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М.
- Гущина И. И., 1974. Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
- Гущина И. И., Попова Т. Б., 1970. Воздвиженский курган — памятник III тысячелетия — I в. до н. э. // Ежегодник Государственного Исторического музея 1965—1966 г. М.
- Давудов О. М., 1971. Раскопки Сумбатлинского могильника // АО 1970 г.
- Давудов О. М., 1972. «Звериный» стиль в искусстве Дагестана эпохи раннего железа и роль скифов в его формировании // Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопрс. скифо-сарматской археологии. М.
- Давудов О. М., 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Давудов О. М., 1978. Берикейский могильник скифского времени // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Давудов О. М., 1983. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Давыдова А. В., 1956. Иволгинское городище // СА. XXV.
- Дашевская О. Д., 1951. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского // ВДИ. 2.
- Дашевская О. Д., 1954. Скифские городища Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Дашевская О. Д., 1957. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. 70.
- Дашевская О. Д., 1958а. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбонам // ВДИ. 2.
- Дашевская О. Д., 1958б. Симферопольское раннетаврское поселение // СА. 3.
- Дашевская О. Д., 1958в. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. 64.
- Дашевская О. Д., 1960. Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. 1.
- Дашевская О. Д., 1962. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1.
- Дашевская О. Д., 1967. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. // КСИА. 109.
- Дашевская О. Д., 1971. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // ПСА.
- Дашевская О. Д., 1972. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг. // КСИА. 130.

- Дашевская О. Д., 1976. Каменные склепы Беляусского могильника // Там же. 145.
- Дашевская О. Д., 1978. Первые исследования Кульчужского некрополя // СА. 3.
- Дашевская О. Д., 1980. О скифских курганах // Там же. 1.
- Дашевская О. Д., 1984. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Дашевская О. Д., Голенцов А. С., 1982. Кульчужский курган-кенотаф // КСИА. 170.
- Дашевская О. Д., Мизлин Б. Ю., 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 3.
- Дворниченко В. В., 1978. Некоторые вопросы развития культуры предскифского периода // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Дворниченко В. В., 1982. Погребение предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. 170.
- Дворниченко В. В., 1984. Погребение с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука ХХХIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.
- Дебец Г. Ф., 1971. О физических типах людей скифского времени // ПСА.
- Девен Б. Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. 3.
- Демкин В. А., 1983. История формирования почв западной части Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Демкин В. А., Лукашов А. В., 1983. Вопросы голоценовой истории почв Прикаспийской низменности // Биологический круговорот веществ и энергии в системе «почва — растение». Пушкино.
- Демкин В. А., Лукашов А. В., Лукашов Ю. В., 1984. Комплексные почвенно-археологические исследования исторических памятников Северного Прикаспия // Всесоюз. конф. «История развития почв СССР в голоцене»: Тез. докл. Пушкино.
- Деопик Д. В., Крупная Е. И., 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Дергачев В. А., 1979. Раннескифское погребение на среднем Пруте // СА. 3.
- Десятчиков Ю. М., 1973а. Сатархи // ВДИ. 1.
- Десятчиков Ю. М., 1973б. Сарматы на Танаисском полуострове // СА. 4.
- Десятчиков Ю. М., 1974. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Десятчиков Ю. М., 1980. К вопросу о локализации замка сиракского царя Арифарна // Х Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. и сообщ. М.
- Дзизговский А. Н., 1982. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Дзис-Райко Г. А., 1953. Лепная керамика с о. Березани VII—VI вв. до н. э. // МАСП. II.
- Дзис-Райко Г. А., 1966. Археологические исследования городища у с. Надлиманское // Там же. 5.
- Динесман Л. Г., 1960. Изменение природы северо-запада Прикаспийской низменности. М.
- Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // По материалам обсуждения за «круглым столом», организованного редакцией журнала «Народы Азии и Африки». 1980. 5, 6.
- Дитлер П. А., 1961. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгее. Майкоп. II.
- Дмитриев А. В., 1974. Памятники эпохи раннего железа в районе Новороссийска // АО 1973 г.
- Дмитров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. Б., 1961. Любимивское городище рубежу нашей эры // АП. X.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И., 1982. Народы нашей страны в истории Геродота. М.
- Доманский Я. В., 1979. О характере греческой колонизации и послекolonизационном периоде в Северном Причерноморье // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Доманский Я. В., Марченко К. К., 1975. Некоторые вопросы античной истории нижнего Побужья // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев.
- Домбровский О. И., 1957. Керамическая печь на скифском городище Красное // ИАДК.
- Домбровский О. И., 1961. О технике декоративной живописи Неаполя скифского // СА. 4.
- Домбровский О. И., Щетинский А. А., 1962. Археологические загадки Красных пещер // Как раскрываются тайны (очерки о Красных пещерах). Симферополь.
- Драчук В. С., 1975. Система знаков Северного Причерноморья. Киев.
- Древности Геродотовой Скифии. 1866. СПб. I.
- Дубовская О. Р., 1985. Погребение лучника раннего железного века у г. Зиморья // СА. 2.
- Дударев С. Л., 1976. Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-барзой (Чечено-Ингушетия) // Там же. 1.
- Дударев С. Л., 1979. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н. э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Дударев С. Л., 1983. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Думберг К. Е., 1901. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской обл. // ИАК. 1.
- Дьяконов И. М., 1956. История Мидии. М.; Л.
- Дьяконов И. М., 1968. Предыстория армянского народа. Ереван.
- Дьяконов И. М., 1980. Круглый стол: Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Обсуждение // НАА. 6.
- Дьяконов И. М., 1981. К методике исследования по этнической истории (киммерийцы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
- Дьяконова В. П., 1975. Погребальный обряд тувинов как историко-этнографический источник. Л.
- Евдокимов Г. Г., Мурзин В. Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской обл. // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Елазина Н. Г., 1953. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э.—IV в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Елазина Н. Г., 1958. Нижнее Поднепровье в эпоху позднего Скифского царства // Вести. МГУ. 4.
- Елазина Н. Г., 1959. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. 2.
- Елазина Н. Г., 1963. О родо-племенной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // Там же. 3.
- Ельницкий Л. А., 1961. Знания древних о северных странах. М.
- Ельницкий Л. А., 1963. По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака // СА. 3.
- Ждановский А. М., 1979. Новые данные об этнической принадлежности курганов Золотого кладбища // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Ждановский А. М., 1980. Исследования в Тбилисском р-не Краснодарского края // АО 1979 г.
- Ждановский А. М., 1981. Работы на городище II у хутора им. Ленина // АО 1980 г.
- Ждановский А. М., Дитлер П. А., 1977. Курганный могильник близ аула Начерзий // АО 1976 г.
- Ждановский А. М., Скрипкин В. П., 1978. Новые данные о Золотом кладбище // АО 1977 г.
- Жебелев С. А., 1953. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.; Л.
- Железчиков Б. Ф., 1980а. Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Железчиков Б. Ф., 1980б. Ранние кочевники Южного Приуралья: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Забелин И. Е., 1908. История русской жизни с древнейших времен. М. I.
- Завьялов В. В., Захаренкова И. А., Лагоцкий К. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. А., Шарфутдинова Э. А., 1973. Раскопки курганов на Нижнем Маныче // АО 1972 г.
- Заднепровский Ю. А., 1960. Археологические памятники южных районов Опской области. Фрунзе.
- Заднепровский Ю. А., 1971. Находки зеркала сарматского типа в Северном Иране // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конф., 1969: Доклады. М.
- Заец И. И., 1979. Курганный могильник раннескифского времени у с. Тютки Винницкой обл. // СА. 1.
- Зайковский Б. В., 1926. Из монетной летописи Нижневолж-

- ской области // Тр. Нижневолж. обл. науч. о-ва краеведения. Саратов. 35, 1.
- Замятнин С. П.*, 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом // СА. VIII.
- Зарайская Н. П.*, 1973. Пізньоскіфська кухонна кераміка з городища Чайка в Криму // Археологія. 8.
- Засецкая И. П.*, 1968. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» нижнего Поволжья // СА. 2.
- Засецкая И. П.*, 1974. Диагональные погребения нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 16.
- Засецкая И. П.*, 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. XX.
- Засецкая И. П.*, 1980. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1.
- Засецкая И. П.*, 1982. Погребение у села Кызыл-Адар Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники культуры. Л.
- Засецкая И. П., Лавочкин К. С., Маловицкая Л. Я.*, 1972. Исследования Мангычского отряда // АО 1971 г.
- Затаров Н. А.*, 1928. Общий обзор обследования и работ на городище в г. Краснодаре // Зап. СКЖОИЭ. I(III), 3/4.
- Зеест И. Б.*, 1954. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора (по данным изучения керамической тары из раскопок Неаполя 1945—1950 гг.) // МИА. 33.
- Зеест И. Б.*, 1960. Керамическая тара Боспора // Там же. 83.
- Златковская Т. Д., Шелов Д. Б.*, 1971. Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э. // СА. 4.
- Зозраф А. Н.*, 1951. Античные монеты // МИА. 16.
- Золотов К. Н.*, 1961. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности // МАД. II.
- Иванова А. П.*, 1953. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.
- Игнатов В. Н., Колесник В. П., Мамонтов В. И.*, 1979. Раскопки курганов в Волгоградском междуречье // АО 1978 г.
- Иессен А. А.*, 1935. Работы на Сулаке // ИГАИМК. 110.
- Иессен А. А.*, 1940. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Моздокский могильник: Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа. Л. 1.
- Иессен А. А.*, 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 3.
- Иессен А. А.*, 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Иессен А. А.*, 1952. Ранние связи Приуралья // СА. XVI.
- Иессен А. А.*, 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // Там же. XVIII.
- Иессен А. А.*, 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА.
- Иессен А. А.*, 1956. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа: Тез. докл. на пленар. заседаниях конф. по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М.
- Иессен А. А., Пиотровский Б. Б.*, 1940. Моздокский могильник. Л.
- Іллінська В. А.*, 1952. Верхньосульська експедиція 1947 р. // АП. IV.
- Іллінська В. А.*, 1953. Городище скіфського часу на р. Сеймі // Археологія. VIII.
- Іллінська В. А.*, 1957а. Нові дані про пам'ятки епохи бронзи в лівобережному лісостепу // Там же. X.
- Ільинская В. А.*, 1957б. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. XXVII.
- Ільинская В. А.*, 1957в. О происхождении культур раннежелезного века на левобережье среднего Днепра // КСИИМК. 70.
- Ільинская В. А.*, 1959. Раскопки поселения бондарихинской культуры у м. Оскол // КСИА АН УССР. 8.
- Ільинская В. А.*, 1961а. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1.
- Іллінська В. А.*, 1961б. Скіфська вузда VI ст. до н. е. // Археологія. XIII.
- Іллінська В. А.*, 1961 в. Скіфські сокири // Там же. XII.
- Ільинская В. А.*, 1962. Скифское навершие из окрестностей Чернигова // КСИА АН УССР. 12.
- Іллінська В. А.*, 1963. Про скіфські навершники // Археологія. XV.
- Іллінська В. А.*, 1965а. Басівське городище // Там же. XVIII.
- Ільинская В. А.*, 1965б. Культовые жезлы скифского и предскифского времени // МИА. 130.
- Іллінська В. А.*, 1966а. Про походження і етнічні зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького лісостепу // Археологія. XX.
- Ільинская В. А.*, 1966б. Скифские курганы у г. Борисполя // СА. 3.
- Ільинская В. А.*, 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Ільинская В. А.*, 1969. Некоторые вопросы генезиса южновосточной культуры // СА. 2.
- Іллінська В. А.*, 1970. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. XXIII.
- Іллінська В. А.*, 1971а. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. 4.
- Ільинская В. А.*, 1971б. Скифский период в днепровском лесостепном Левобережье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Іллінська В. А.*, 1973а. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 12.
- Ільинская В. А.*, 1973б. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев.
- Ільинская В. А.*, 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев.
- Ільинская В. А.*, 1977. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном? // Скифы и сарматы. Киев.
- Ільинская В. А.*, 1983. Скифы и Кавказ: Тез. докл. // АСГЭ. 23.
- Ільинская В. А., Мозолевский Б. П., Тереножкин А. И.*, 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев.
- Ільинская В. А., Тереножкин А. И.*, 1983. Скифия VII—III вв. до н. э. Киев.
- Ипполитов А. П.*, 1868. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. 1.
- Исаков М. И.*, 1948. Археологическая раскопка Таркинского могильника // Тр. I науч. сес. Даг. базы АН СССР. Махачкала.
- Исаков М. И.*, 1966. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала. История Дагестана. М., 1967. I.
- Кайев В. И.*, 1970. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Харьков.
- Казакова Л. М.*, 1972—1973. Отчет о раскопках в Ростовской области в 1972—1973 гг. // Арх. ИА АН СССР. Ф. Р-1. М.
- Каллистов Д. П.*, 1969. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. 1.
- Каменецкий И. С.*, 1957. Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954—1955 гг.) // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Таганрог. I.
- Каменецкий И. С.*, 1963. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 94.
- Каменецкий И. С.*, 1965а. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Каменецкий И. С.*, 1965б. Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. Баку.
- Каменецкий И. С.*, 1968. Новый меотский могильник в Приазовье // СА. 2.
- Каменецкий И. С.*, 1971а. О язаматах // ПСА.
- Каменецкий И. С.*, 1971б. Разведки в Приазовье // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР (археол. секция). Тбилиси.
- Каменецкий И. С.*, 1974. Итоги исследования Подазовского городища // СА. 4.
- Каменецкий И. С.*, 1980. Работы в Краснодарском крае // АО 1979 г.
- Каменецкий И. С.*, 1981. Могильник Лебеди III // АО 1980 г.
- Каменецкий И. С.*, 1984а. Датировка Пашковского городища 6 на Кубани // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Каменецкий И. С.*, 1984б. Разведки и раскопки в бассейне Кубани // АО 1982 г.
- Каменецкий И. С.*, 1985. Локальные варианты меотской культуры // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку.
- Каменецкий И. С., Рябова В. Я.*, 1980. Пашковское 6 городище // АО 1979 г.
- Каминская И. В.*, 1984. Раскопки курганов эпохи бронзы близ ст. Отрадной на Урупе // XIII Крушиновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп.
- Каминский В. П.*, 1983. Работы Краснодарского музея-заповедника // АО 1981.

- Капошина С. И.*, 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 50.
- Капошина С. И.*, 1962. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д.
- Капошина С. И.*, 1965. Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. 103.
- Капошина С. И.*, 1967. Итальянский импорт на Нижнем Дону // ЗОАО. II(35).
- Капошина С. И.*, 1968. Сарматы на Нижнем Дону // АИКСП.
- Капошина С. И.*, 1973. Научное значение находок из Садового кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д.
- Карамзин Н. М.*, 1818. История государства Российского. СПб.
- Карасев А. Н.*, 1950. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. // ВДИ. 4.
- Карасев А. Н.*, 1951. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. XXXVII.
- Карасев А. Н.*, 1953. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г. // Там же. XLIX.
- Карасев А. Н.*, 1963. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА. 95.
- Карасев А. Н.*, 1965. Раскопки городища у санатория Чайка в 1963 г. // Там же. 103.
- Каршиковский П. И.*, 1962. З історії греко-скифських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // АП. XI.
- Каршиковский П. О.*, 1971. Истрия и ее соседи // ВДИ. 2.
- Каршиковский П. И.*, 1973а. Про так звані портретні монети скифського царя Скілура // Археологія. 9.
- Каршиковский П. И.*, 1973б. Царські сарматы у Страбона // Іноземна філологія. 32. Питання класичної філології. Львів. II.
- Керешов Б. М.*, 1984. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени // Этнография и современность. Нальчик.
- Керешов Б. М.*, 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Керешов Б. М., Навоев А. Х.*, 1976. Раскопки в зоне Чегемской оросительной системы // АО 1975 г.
- Киевский музей исторических драгоценностей, 1974. Киев.
- Кирилин Д. С.*, 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // АИКСП.
- Кияшко В. Я., Коренько В. А.*, 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска на Дону // СА. 1.
- Кияшко В. Я., Максименко В. Е.*, 1968. Погребение ранне-железного века у хут. Верхне-Подпольный // АО 1967 г.
- Ключко В. И.*, 1979. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
- Ключко Л. С.*, 1979. Реконструкція скифських головних жіночих уборів // Археологія. 31.
- Ключко Л. С.*, 1982а. Новые материалы по реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев.
- Ключко Л. С.*, 1982б. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.
- Ключко Л. С., Гребенников Ю. С.*, 1982. Скифский калаф IV в. до н. э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Книпович Т. Н.*, 1949. Танаис: Историко-археологическое исследование. М.; Л.
- Кобищанов Ю. М.*, 1982. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.
- Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.*, 1978. Археологические исследования в зоне строительства учхоза «Самарский» // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск.
- Ковалевская В. Б.*, 1981. Северокавказские древности // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Ковалевская В. Б.*, 1983. Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Удлубагалды в Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Ковалевская В. Б.*, 1984. Кавказ и аланы. М.
- Ковалевская В. Б., Козенкова В. И.*, 1979. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1962. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. 12.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1966. Носачівський курган VIII—VII вв. до н. е. // Археологія. XX.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1967а. Племена скифського часу на Ворсклі. Київ.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1967б. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ. I.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1970. Курганы поблизу с. Махучи на Полтавщині // Археологія. XXIV.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1971. Памятники раннескифского времени Каневщины // ПСА.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1977. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1980. Сарматское погребение в Соколовой Могиле // Скифия и Кавказ. Киев.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев.
- Ковпаненко Г. Т.*, 1984. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П.*, 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев.
- Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д.*, 1984. Погребение воина у с. Квитки на Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Кожин П. М.*, 1969. О сарматских поездах // Древности Восточной Европы. М.
- Козенкова В. И.*, 1975а. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев.
- Козенкова В. И.*, 1975б. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. София. 1.
- Козенкова В. И.*, 1977. Кобанская культура: Восточный вариант // САИ. В2-5.
- Козенкова В. И.*, 1978. О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА. 3.
- Козенкова В. И.*, 1980. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Козенкова В. И.*, 1981а. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 3.
- Козенкова В. И.*, 1981б. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Козенкова В. И.*, 1982а. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // САИ. В2-5.
- Козенкова В. И.*, 1982б. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 3.
- Козенкова В. И.*, 1984. Погребение сарматского времени в ущелье р. Карца в Северной Осетии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И.*, 1966. Древний Сержень-юртовский поселок в Чечено-Ингушской АССР (по раскопкам 1964 г.) // КСИА. 106.
- Козенкова В. И., Ложкин М. Н.*, 1981. Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА. 4.
- Козенкова В. И., Мишина Т. Н.*, 1984. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры // Там же. 1.
- Козубский Е. И.*, 1902. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, I.
- Колотузин В. А.*, 1985. О таврах и кизил-кобинской культуре // СА. 2.
- Колтузов С. Г.*, 1980. Раскопки у с. Доброе // АО 1979 г.
- Колтузов С. Г.*, 1981. Охранные раскопки поселения Доброе // АО 1980 г.
- Комаров А. В.*, 1882а. Пещеры и древние могилы в Дагестане // V AC: Тр. предвар. ком. М.
- Комаров А. В.*, 1882б. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г. // Изв. КОИА. Тифлис. I. 1.
- Кондукторова Т. С.*, 1964. Населения Неаполя Скифского за антропологическими данными: Материалы из антропологии Украины. Київ.
- Кондукторова Т. С.*, 1972. Антропология древнего населения Украины. М.
- Копейкина Л. В.*, 1972. Расписная родосско-ионийская ойнохия из кургана на Темир-горе // ВДИ. 1.

- Коппен П.*, 1828. Древности северного берега Понта. М.
- Копылов В. П.*, 1980. Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО 1979 г.
- Копылов В. П.*, 1981. Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО 1980 г.
- Копылов В. П., Марченко К. К.*, 1980. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. 2.
- Коренько В. А.*, 1976. Исследование курганов в Ставропольском крае // АО 1975 г.
- Коренько В. А.*, 1979. Степное население Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Коренько В. А.*, 1980. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИИМК. 162.
- Коренько В. А.*, 1982а. Погребения предскифского времени на Восточном Мангыче // Там же. 170.
- Коренько В. А.*, 1982б. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в Приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа.
- Коренько В. А.*, 1985. Погребение эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблемы отбора фактов) // СА. 4.
- Коренько В. А., Лукьяшко С. И.*, 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье нижнего Дона // Там же. 3.
- Коренько В. А., Максименко В. Е.*, 1978. Погребения раннего железного века в бассейне нижнего Дона // Там же. 3.
- Коренько В. А., Найдено А. В.*, 1977. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // Там же. 3.
- Корпус боспорских надписей, 1965. М.
- Корпусова В. Н.*, 1967. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное // АИУ. 1.
- Корпусова В. М.*, 1972. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 6.
- Корпусова В. Н.*, 1980. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. 2.
- Корпусова В. Н., Белоаер В. П.*, 1980. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. 3.
- Корпусова В. М., Орлов Р. С.*, 1978. Могильник VI—V вв. до н. э. на Керченском полуострове // Археологія. 25.
- Костенко В. И.*, 1978. К вопросу о времени проникновения сарматов в Скифию // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск.
- Костенко В. И.*, 1980. Культ огня и коня в погребениях сарматского времени междуречья Орели — Самары // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Костенко В. И.*, 1981. Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра III в. до н. э. — середины III в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Котин Н. И.*, 1967. Почвы Казахской ССР. Алма-Ата.
- Котович В. Г.*, 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. 1.
- Котович В. Г.*, 1980. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые памятники Дагестана. Махачкала.
- Котович В. Г.*, 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
- Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М.*, 1983. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Котович В. М.*, 1969. Новые наскальные изображения горного Дагестана // АО 1968.
- Краснов Ю. А.*, 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Крашенинников И. М.*, 1927. Характеристика растительного покрова Центрального Казахстана // Казах. Л., 3.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1953. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46.
- Крис Х. И.*, 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Д4-7.
- Кропоткин В. В.*, 1961. Клады римских монет на территории СССР // Там же. Д4-4.
- Кропоткин В. В.*, 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М.
- Кропоткин В. В., Обиденов М. Ф.*, 1985. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 2.
- Круаликова И. Т.*, 1952. Памятники эпохи бронзы из Киммерика // КСИИМК. XLIII.
- Круаликова И. Т.*, 1963. Исследование сельских поселений Боспора // ВДИ. 2.
- Круаликова И. Т.*, 1969. Некрополь поселения у дер. Семенивки // СА. 1.
- Круаликова И. Т.*, 1974. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижнедонской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., II.
- Круаликова И. Т.*, 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Круалов А. П.*, 1946. Культные места горного Дагестана // КСИИМК. XII.
- Круалов А. П.*, 1958. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. // МИА. 68.
- Крупнов Е. И.*, 1949. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // КСИИМК. XXIV.
- Крупнов Е. И.*, 1951. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. 23.
- Крупнов Е. И.*, 1954а. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. 55.
- Крупнов Е. И.*, 1954б. О походах скифов через Кавказ // ВССА.
- Крупнов Е. И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крупнов Е. И.*, 1961а. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный.
- Крупнов Е. И.*, 1961б. За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности // СА. 3.
- Крупнов Е. И.*, 1969. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // Там же. 1.
- Крупнов Е. И., Деоник Д. В.*, 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Крушельницкая Л. Г.*, 1974. Племена культуры фракийского гальштату // Стародавнє населення Прикарпаття і Волини. Київ.
- Крушельницкая Л. И.*, 1975. Памятники раннего железного века на Среднем Днестре // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Киев. II.
- Крушельницкая Л. Г.*, 1976. Північніє Прикарпаття і західна Волинь за доби раннього заліза. Київ.
- Крушельницкая Л. И.*, 1979. Могильник конца бронзового века в Сопоте // СА. 2.
- Крушельницкая Л. Г.*, 1985. Взаимозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ.
- Крушкова Ю. С., Карасев В. Н.*, 1971. Раскопки на хуторе Рассвет // АО 1970 г.
- Крушкова Ю. С., Карасев В. Н.*, 1972. Раскопки на хуторе Рассвет // АО 1971 г.
- Крушкова Ю. С., Карасев В. Н.*, 1973. Раскопки на хуторе Рассвет // АО 1972 г.
- Круц С. И.*, 1979. Коротка характеристика палеоантропологических материалов в Товстої Могили // Моголевський Б. М. Товста Могила. Київ.
- Круц С. И.*, 1982. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев.
- Кубышева А. И., Полин С. В., Черняков И. Т.*, 1985. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. 4.
- Кудрявцев А. А.*, 1976. Город, не подвластный векам. Махачкала.
- Кудрявцев А. А.*, 1982. Древний Дербент. М.
- Кудрявцев А. А.*, 1983. Древние поселения на Дербентском холме // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Кузнецов В. А.*, 1961. Аланы и раннесредневековый Дагестан // МАД. II.
- Кузнецов В. А.*, 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 106.
- Кузнецов В. А.*, 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // СА. 2.
- Кузнецов В. А.*, 1980. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецова Т. М.*, 1982. Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников // КСИИМК. 170.
- Кузьмина Е. Е.*, 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.
- Кузьминь С. В.*, 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.
- Кулаковский Ю.*, 1899. Карта Европейской Сарматии по Птолемаю: Приветствие XI Археол. съезду. Киев.
- Кулаковский Ю. А.*, 1899. Новые данные по истории Старого Крыма // ЗРАО. Н. С. X, 3/4.

- Куликова О. П., 1981. Исследование меотского могильника у хутора им. Ленина // АО 1980 г.
- Кушева-Грозенская А. И., 1929. Один из типов сарматского меча // Изв. Цикле-Волжского ин-та краеведения. Саратов. 3.
- Кыласов Л. Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Лавров Л. И., 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.
- Лагодовская Е. Ф., Сыманович Э. А., 1973. Скифский могильник у с. Михайловка на нижнем Днепре // Скифские древности. Киев.
- Лаппо-Данилевский А. С., 1887. Скифские древности // ЗОРСА. IV.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В., 1894. Курган Карагодшах // МАР. 13.
- Лапушняк В. Л., 1978. Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев.
- Лапушняк В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А., 1974. Памятники раннего железного века // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев. 4.
- Латышев В. В., 1892. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. // МАР. 9.
- Латышев В. В., 1893—1906. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб. I, II.
- Латышев В. В., 1916. IOSPE. 1².
- Лелеков Л. А., 1978. Ритуал Большого Ульского кургана в свете письменных источников: Докл. на секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 15 марта. М.
- Лесков А. М., 1965. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев.
- Лесков А. М., 1968. Богатое скифское погребение из восточного Крыма // СА. 1.
- Лесков А. М., 1971. Каховская экспедиция // АИУ. III.
- Лесков О., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.
- Лесков А. М., 1975. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Лесков А. М., 1979а. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // ПСА.
- Лесков А. М., 1979б. Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: Тез. докл. М.
- Лесков А. М., 1981. Курганы, находки, проблемы. Л.
- Лесков А. М., 1984. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Лесков А. М., 1985. Сокровища курганов Адыгеи. М.
- Либеров П. Д., 1948. Скифские курганы Киевщины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Либеров П. Д., 1951. К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. 4.
- Либеров П. Д., 1954. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // ВССА.
- Либеров П. Д., 1960а. Мастюгинские курганы и Волошинское городище // СА. 3.
- Либеров П. Д., 1960б. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 53.
- Либеров П. Д., 1961. Мастюгинские курганы // СА. 3.
- Либеров П. Д., 1962. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 113.
- Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. Д1-31.
- Либеров П. Д., 1969. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 151.
- Лимберис Н. Ю., 1984. Охранные раскопки на берегу Краснодарского водохранилища // АО 1982 г.
- Литвинский Б. А., 1964. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. 3.
- Литвинский Б. А., 1973. Украшения из могильников западной Ферганы. М.
- Литвинский Б. А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М.
- Лобай Б. I., 1977. Кургани скифського часу на Вінниччині // Археологія. 21.
- Ловпаче Н. Г., 1981. Разведки в Закубанье // АО 1980 г.
- Ловпаче Н. Г., 1984. Раскопки Псекунского могильника // АО 1982 г.
- Ложкин М. Н., Петренко В. Г., 1981. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА. 167.
- Ломоносов М. В., 1766. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава или до 1054 г. СПб.
- Луговой Л. Н., 1981. Работы Полтавского краеведческого музея // АО 1980 г.
- Лукашов А. В., 1984. Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Лукьяшко С. И., 1976. Отчет о работе Приморского отряда Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1976 г. // Арх. ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. 6108.
- Лукин Б. В., 1939. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 8.
- Лукин Б. В., 1940. Серебряная чаша и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской // ИРОМК. 1(2).
- Ляпушкин И. И., 1950. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного Левобережья // СА. XII.
- Ляпушкин И. И., 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 104.
- Магомедов М. Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Магомедов Р. М., 1961. История Дагестана. Махачкала.
- Магомедов Р. М., 1968. История Дагестана. Махачкала.
- Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.
- Макаренко П. Е., 1907. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии // ИАК. 22.
- Макаренко П. Е., 1911. Археологические исследования 1907—1908 гг. // Там же. 43.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов н/Д.
- Максименко В. Е., 1984. Савроматские кенотафы Сладковского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Горбенко А. А., Лукьяшко С. И., 1984. Курган у пос. Шолоховский // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Косяненко В. М., 1984. Курган у хут. Кашеевка // Там же.
- Максимов Е. К., 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // ТСМК. 1.
- Максимов Е. К., 1960. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья // Тр. СОМК. III.
- Максимов Е. К., 1962. Материалы из Хвалынского музея // СА. 3.
- Максимов Е. К., 1966. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археол. сб. Саратов. ун-та.
- Максимов Е. В., 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.
- Максимова М. И., 1954. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. XXI.
- Максимова М. И., 1956. Ритон из Келермеса // Там же. XXV.
- Малеев Ю. Н., 1978. Гальштатські городища північно-східного Прикарпаття // Вісн. Київ. держ. ун-ту. Іст. науки. 20.
- Маликов В. М., 1961. Жертвенники из пригородного здания Неаполя Скифского // КСИА АН УССР. 11.
- Мамонтов В. И., 1971. Раскопки Ильевского могильника // АО 1970 г.
- Мамонтов В. И., 1980. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // СА. 1.
- Манзура И. В., 1982. Раскопки курганов у с. Косоуцы // АИМ (1977—1978).
- Манцевич А. П., 1941. О скифских поясах // СА. VII.
- Манцевич А. П., 1949. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. 2.
- Манцевич А. П., 1957. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев.
- Манцевич А. П., 1958. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитва // СА. 2.
- Манцевич А. П., 1959. Бронзовые пластины из Прикубанья // Исследования в честь на академ. Д. Дечев. С.
- Манцевич А. П., 1961. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа // Исследования по археологии СССР. Л.
- Манцевич А. П., 1962а. Горит из кургана Солоха // ТГЭ. 3.
- Манцевич А. П., 1962б. Золотой гребень из кургана Солоха. Л.
- Манцевич А. П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 8.

- Манцевич А. П., 1969. О шитах скифской эпохи // СА. 1.
- Манцевич А. П., 1973. Мастогиинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 15.
- Манцевич А. П., 1980. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // Actes II Congr. intern. de thrcologie. Bucures-ti.
- Маразов И., 1978. Ритоните в древна Тракия. С.
- Маркевич А. И., 1889. Кермеп-Кыр, древнее укрепление вблизи Симферополя // ИТУАК. 8.
- Маркевич Л. И., 1928. К столетию исследования на городище Неаполя у Симферополя // ИТОИАЭ. III.
- Марков Г. Е., 1976. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.
- Марковиц В. И., 1957. Археологические находки с территории Тарпаира (Дагестан) // КСИИМК. 67.
- Марковиц В. И., 1958. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // СА. 1.
- Марковиц В. И., 1964. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // КСИА. 98.
- Марковиц В. И., 1965. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечня) // СА. 2.
- Марковиц В. И., 1968. Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хороовенская культура // МИА. 122.
- Марковиц В. И., 1970. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА. 124.
- Марковиц В. И., 1984. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Марковиц В. И., 1986. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1964. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1.
- Марченко К. К., 1972. Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону // Там же.
- Марченко К. К., 1973. Новые типы лепной керамики V—III вв. до н. э. из Елизаветовского городища на Дону // КСИА. 133.
- Марченко К. К., 1974а. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. // ВДИ. 2.
- Марченко К. К., 1974б. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону // СА. 2.
- Марченко К. К., 1979. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Марченко К. К., 1983. Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1.
- Масленников А. А., 1978. Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотов // КСИА. 156.
- Масленников А. А., 1981. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.
- Масленников А. А., 1985. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века нашей эры / СА. 1.
- Матвеева Г. И., 1969. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Мазнева О. А., 1967. Расписной эллинистический сосуд из Неаполя Скифского // СА. 1.
- Мазнева О. А., 1981. Раскопки на пригородной территории Неаполя Скифского // АО 1980 г.
- Мазно Е. В., 1953. Курганы скифского часу біля с. Малі Будки // Археологія. VIII.
- Мазно Е. В., 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Устг-Кам'янци // АП. IX.
- Мацулевич Л. А., 1947. Алапские проблемы и этногенез Средней Азии // СА. VI/VII.
- Мачинский Д. А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 13.
- Мачинский Д. А., 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. // Там же. 16.
- Меерелидзе И. В., 1951. Археологические находки в Дидо // СА. XV.
- Мельничев А. Н., 1975. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия // КСИА. 142.
- Мельниковская О. Н., 1954. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы // КСИИМК. 56.
- Мельниковская О. Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Мелюкова А. И., 1952. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. XLVIII.
- Мелюкова А. И., 1953. Памятники скифского времени на среднем Днестре // Там же. 51.
- Мелюкова А. И., 1954. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии // Там же. 56.
- Мелюкова А. И., 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 64.
- Мелюкова А. И., 1861. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // Там же. 96.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1-4.
- Мелюкова А. И., 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.
- Мелюкова А. И., 1972. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1.
- Мелюкова А. И., 1975. Поселение и могильник у с. Николаевка. М.
- Мелюкова А. И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Мелюкова А. И., 1981. Краснокутский курган. М.
- Мерперт Н. Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. 42.
- Миллер А. А., 1925а. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // ИРАИМК. IV.
- Миллер А. А., 1925б. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // Там же.
- Миллер А. А., 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. // СГАИМК. I.
- Миллер А. А., 1929. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. // Там же. II.
- Миллер В. Ф., 1886. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. X.
- Миллер В. Ф., 1887. Осетипские этюды. М. III.
- Миллер В. Ф., 1888. Археологические экскурсии // МАК. I.
- Миллер М. А., 1940. Остатки сарматского поселения у станицы Нижне-Гниловской // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д. I.
- Минаева Т. М., 1951. Археологические памятники на р. Гяляч в верховьях Кубани // МИА. 23.
- Минаева Т. М., 1955. Городище Адихо в Черкесии // КСИИМК. 60.
- Минаева Т. М., 1956. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // МИСКМ. 8.
- Минаева Т. М., 1960. Поселение в устье р. Узун-Кол // СА. 2.
- Минаева Т. М., 1971. К истории алап Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.
- Минасян Р. С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. 19.
- Мирошина Т. В., 1977. Об одном типе скифских головных уборов // СА. 3.
- Мирошина Т. В., 1980. Скифские калафы // Там же. 1.
- Мирошина Т. В., 1981. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // Там же. 4.
- Мирошина Т. В., 1986. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // Там же. 2.
- Михлин Б. Ю., 1974а. Амфоры «коричневой» глины из северо-западного Крыма // Там же. 2.
- Михлин Б. Ю., 1974б. Граффити на копье из Донецкой обл. // ИЭ. XI.
- Михлин Б. Ю., 1975. Сарматское погребение в Южном Донбассе // СА. 4.
- Михлин Б. Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // Там же. 3.
- Мищенко Ф. Г., 1882. К вопросу об этнографии и географии Геродотовой Скифии. Киев.
- Мищенко Ф. Г., 1884. К вопросу о геродотовых скифах // ЖМНП. Июль.
- Мищенко Ф. Г., 1886. Не в меру строгий суд над Геродотом // Геродот. История: В 9 кн. / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. М. II.
- Мищенко Ф. Г., 1896. Этнография России у Геродота // ЖМНП. Май.
- Мозильников В. А., 1972. Коконские и саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа в западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
- Мозолевский Б. Н., 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев.
- Мозолевский Б. Н., 1975. Фракийская узда из Хоминой Мо-

- гилы // *Studia Thracica*: Фрако-скифские культурные связи. София. I.
- Мозолеуский Б. М., 1979. Товста Могила. Київ.
- Мозолеуский Б. П., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. Киев.
- Мозолеуский Б. Н., 1982. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев.
- Мозолеуский Б. М., 1983. Скифский степ. Київ.
- Мозолеуский Б. Н., 1986. К вопросу о скифском Герросе // СА. 2.
- Моруженко А. А., 1969. Городища лесостепной Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков.
- Моруженко А. А., 1975. Оборонительные сооружения городищ Поворосльа в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев.
- Моруженко А. А., 1984. Раскопки поселения у с. Лихачевка // АО 1982 г.
- Моруженко А. А., Янушевич З. В., 1984. Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII—III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья. Киев.
- Москаленко А. Н., Прыгин А. Д., 1969. Поселение раннего железного века у хутора Титчиха // Население среднего Дона в скифское время. М.
- Мошкова М. Г., 1956. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Мошкова М. Г., 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 78.
- Мошкова М. Г., 1961. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. 83.
- Мошкова М. Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // МИА. 115.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1-10.
- Мошкова М. Г., 1972а. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника // Памятники южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.
- Мошкова М. Г., 1972б. Сарматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Там же.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мошкова М. Г., 1980. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. 162.
- Мошкова М. Г., 1981. Комплекс находок с ритонном из Уральской области // СА. 4.
- Мошкова М. Г., 1982. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 170.
- Мошкова М. Г., 1983. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфически этническом определителе: История и культура сарматов. Саратов.
- Мошкова М. Г., 1984. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Мошкова М. Г., Максименко В. Е., 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Подонья. М. II.
- Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // Очерки технологии древнейших производств. М.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1974. Работы Цимлянской экспедиции в 1970 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. М. I.
- Мунчаев Р. М., 1959. К истории археологического изучения Дагестана // МАД. I.
- Мунчаев Р. М., 1961. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА. 84.
- Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1958. Археологические памятники близ села Карабудахкент // МИА. 68.
- Мурзин В. Ю., 1977. Похоронения VIII — початку VII ст. до н. э. на Херсонщині // Археологія. 22.
- Мурзин В. Ю., 1978. Скифи на Північному Кавказі (VII—V ст. до н. э.) // Археологія. 27.
- Мурзин В. Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.
- Мурзин В. Ю., Черненко Е. В., 1970. Средства защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев.
- Навротский Н. И., 1972. Отчет об охранных раскопках кургана на сев.-зап. окраине с. Ковалевского Новокубанского р-на Краснодарского края // Арх. ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. 6034.
- Надеждин Н. И., 1844. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. I.
- Назаров Н. С., 1890. Погребение скифской эпохи под Орском // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. XVIII.
- Найденко А. В., 1972. Раскопки в окрестностях ст. Исправной // АО 1971 г.
- Найденко А. В., 1982. Грушевское городище — памятник позднекабанской культуры и греческого влияния в степном Предкавказье // Конф. по археологии Сев. Кавказа: XII Крупновские чтения: Тез. докл. М.
- Народы Кавказа. М., 1962. II.
- Нарты: Эпос осетинского народа. М., 1957.
- Нейзарт А. А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Нефедов Ф. Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в южном Приуралье, произведенных летом 1887—1888 гг. // МАВГР. III.
- Нехаев А. А., 1978. Раскопки курганов в Кориновском и Дипском районах Краснодарского края // АО 1977 г.
- Нехаев А. А., 1985. Отчет о раскопках кургана у хут. Говардовского // Арх. ИА АН СССР. Ф. Р-1.
- Нечаева Л. Г., 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в пинжнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.
- Нечаева Л. Г., Кривошуй В. В., 1978. Погребение скифского времени у с. Берикей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Нечитайло А. Л., 1968. Из глубины веков // Ставропольская правда. 24 авг.
- Никитин А. Л., Левин В. И., 1965. Раскопки погребений в каменных ящиках у с. Алчедар в 1963 г. // КСИА. 103.
- Никитина Г. Ф., 1979. Землянка скифского времени у с. Оселья Черновицкой области // СА. 3.
- Николаева Н. А., Сафронов, В. А., 1983. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение днепро-кубанской культуры — культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе.
- Никулицы И. Т., 1977. Геты IV—III вв. до н. э. в днестровско-карпатских землях. Кишинев.
- Носкова Л. М., 1984. Раскопки на Ново-Вочепшииском городище // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп.
- Ольговский С. Я., Полин С. В., 1983. Скифские похоронения VI ст. до н. э. на Херсонщині // Археологія. 44.
- Ольговский В. С., 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 4.
- Ольговский В. С., 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // Там же.
- Ольговский В. С., 1982. О населении Крыма в скифское время // Там же. 1.
- Ольговский В. С., 1984. Исследования в Сакском районе Крыма // АО 1982 г.
- Ольговский В. С., 1985. Раскопки курганов в степном Крыму // АО 1983 г.
- Ольговский В. С., 1986. Раскопки в Сакском районе Крыма // АО 1984 г.
- Онайко Н. А., 1966а. О центрах производства золотых обкладок ножей и рукояток ранних скифских мечей, пайданных в Приднепровье // КАМ.
- Онайко Н. А., 1966б. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. Д1-27.
- Онайко Н. А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // Там же.
- Онайко Н. А., 1980. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М.
- Островерзов А. С., 1975. Ягорлыцкое поселение ремесленников // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. Киев.
- Островерзов А. С., 1978а. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V в. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Островерзов А. С., 1978б. Античная склоробна мастеряна на Ягорлыцьком поселенні // Археологія. 25.
- Островерзов А. С., 1981а. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье // СА. 4.
- Островерзов А. С., 1981б. Обработка кольчужных металлов на античных поселениях // Археологія. 36.

- Острровертов А. С.*, 1984. Образ птицы в искусстве одвийской школы «звериного» стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Отрешко В. М.*, 1981. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1.
- Отрощенко В. В.*, 1976. Отчет Запорожской археологической экспедиции за 1976 г. // Арх. ИА АН УССР. 6.
- Отрощенко В. В.*, 1986. Белозерская культура // Березанская С. С. Отрошенко В. В., Чередищенко Н. Н., Шарфутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Охотников С. Б.*, 1980. Поселения VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье // Исследования по античной археологии юго-запада Украины. Киев.
- Очерки истории Дагестана. Махачкала, I. 1957.
- Пантюхов И. И.*, 1896. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис.
- Пеняк С. И., Шабалин А. Д.*, 1964. Олешниковские клады бронзовых изделий // СА. 2.
- Переводчикова Е. В.*, 1980. Типология и эволюция скифских наверхий // Там же.
- Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.*, 1981. Еще раз о назначении скифских наверхий // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.
- Першиц А. И.*, 1976. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М.
- Петренко В. А.*, 1979. Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н. э. — IV в. п. э. как этнический показатель // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Петренко В. А.*, 1980. Культура населения среднего Причеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Петренко В. Г.*, 1962. Могильник скифского времени у с. Грищенцы // МИА. 113.
- Петренко В. Г.*, 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. Д1-4.
- Петренко В. Г.*, 1971. Задачи и тематика конференции // ПСА.
- Петренко В. Г.*, 1975. К вопросу об употреблении булавок скифами в VI—IV вв. до н. э. // КСИА. 142.
- Петренко В. Г.*, 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. Д4-5.
- Петренко В. Г.*, 1980. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополе // КСИА. 162.
- Петренко В. Г.*, 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 23.
- Петренко В. Г.*, 1986. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Петренко В. Г., Корнеевский С. Н., Коренько В. А., Мизальченко С. Е.*, 1976. Работы Ставропольской экспедиции // АО 1975 г.
- Петриченко О. М., Шрамко Б. А., Солнцев Л. О., Фомин Л. Д.*, 1970. Походження і техніка лиття бронзових казанів раннього залізного віку // Нариси з історії природознавства і техніки. Київ. XII.
- Петровська Е. О.*, 1968. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. XXI.
- Петровська Е. О.*, 1970. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Там же. XXIV.
- Пигулевская Н. В.*, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР // Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л. ХLI.
- Пиккуль М. И.*, 1961. Хабадинский могильник // МАД. II.
- Пиккуль М. И.*, 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Пиотровский Б. Б.*, 1959. Ванское царство. М.
- Пиотровский Б. Б.*, 1970. Кармир-Блур. Л.
- Пиотровский Б. Б., Иессен А. А.*, 1940. Моздокский могильник: Археологические экспедиции Эрмитажа. Л. I.
- Плетнева С. А.*, 1967. От кочевий к городам. М.
- Плетнева С. А.*, 1982. Кочевники средневековья. М.
- Погребова М. Н.*, 1981. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Погребова М. Н.*, 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией. М.
- Погребова Н. Н.*, 1954. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. // ВССА.
- Погребова Н. Н.*, 1956. Погребение на валу Знаменского городища // КСИИМК. 63.
- Погребова Н. Н.*, 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днестре // МИА. 64.
- Погребова Н. Н.*, 1961. Погребения в мавзолее Неаполя с ф-ского // МИА. 96.
- Покровская Е. Ф.*, 1952а. Поселения VIII—VI ст. до н. е. на Тясмині // Археологія. VII.
- Покровская Е. Ф.*, 1952б. Хотівське городище // АП. IV.
- Покровская Е. Ф.*, 1953а. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен правобережного Приднепровья (бассейн р. Тясмин) в VIII—VI вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Покровская Е. Ф.*, 1953б. Курганы предскифского часу в бассейне р. Тясмин // Археологія. VIII.
- Покровская Е. Ф.*, 1955. Мелитопольский скифский курган // СА. 2.
- Покровская Е. Ф.*, 1957. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи // Археологія. XI.
- Покровская Е. Ф.*, 1962. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. 12.
- Покровская Е. Ф.*, 1965. Курганы біля с. Сеньківки // Археологія. XVIII.
- Покровская Е. Ф.*, 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 4.
- Покровская Е. Ф.*, 1975. Похоронения VII—VI ст. до н. е. на р. Тенетинці // Археологія. 17.
- Покровская Е. Ф., Ковпаненко Г. Т.*, 1959. Раскопки около сел Калантаево и Стецовки на Тясмине в 1956 г. // КСИА АН УССР. 8.
- Покровская Е. Ф., Ковпаненко Г. Т.*, 1961. Могильник біля с. Калантаево // Археологія. XII.
- Покровский М. В.*, 1937. Городища и могильники среднего Прикубанья // Тр. Краснодар. гос. пед. ин-та. VI, 1.
- Полли С. В.*, 1980. Скифский курган у с. Красный Подол на Херсонщине // Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск.
- Полли С. В.*, 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 45.
- Полов С. А.*, 1964. Археологические находки на территории Оренбургской области // Археология и этнография Башкир. Уфа. 2.
- Полова Е. А.*, 1974. Рельеф с городища Чайка // СА. 4.
- Полова Е. А.*, 1976. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // Там же. 1.
- Полова Е. А.*, 1984а. О декоративном оформлении склопа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ. 1.
- Полова Е. А.*, 1984б. Монументальное изобразительное искусство в истории и культуре Малой Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Попова Т. Б.*, 1955. Племена катакомбной культуры // Тр. ГИМ. 24.
- Придик Е. М.*, 1911. Мельгуновский клад // МАР. 31.
- Прозрителев Г. П.*, 1924. Краеведение на Кавказе. Владикавказ. I.
- Прушевская Е.*, 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 63.
- Пузикова А. И.*, 1962. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка // СА. 4.
- Пузикова А. И.*, 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. 107.
- Пузикова А. И.*, 1969а. Поселения Среднего Дона // Население среднего Дона в скифское время. М.
- Пузикова А. И.*, 1969б. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. // Там же.
- Пузикова А. И.*, 1971. Культура оседлых племен правобережья Среднего Дона в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Пузикова А. И.*, 1975. Работы Курского отряда в 1972 г. // КСИА. 142.
- Пузикова А. И.*, 1978. Городище у дер. Нартово под Курском // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Пузикова А. И.*, 1981. Марицкое городище в Посеймье. М.
- Пшеничнюк А. Х.*, 1982. Археологические поиски // В научном поиске. Уфа.
- Пшеничнюк А. Х.*, 1983. Культура ранних кочевников Южного Приуралья. М.
- Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш.*, 1976. Темясовские курганы

- ны позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.
- Рабинович Б. З.*, 1936. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья // СА. 1.
- Рабинович Б. З.*, 1941. Шлемы скифского периода // ТОИПК. 1.
- Радоникас В. С.*, 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадияльным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. XII.
- Радаевская В. Е.*, 1982. Обработка кистки та рогу в лесостеповой Скифии // Археологія. 41.
- Радаевская В. Е.*, 1984. Работы на Коломакском городище // АО 1982 г.
- Раев Б. А.*, 1974. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана // СА. 3.
- Раев Б. А.*, 1976. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона // Там же. 1.
- Раевский Д. С.*, 1971а. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // ПСА.
- Раевский Д. С.*, 1971б. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского (по материалам некрополя): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Раевский Д. С.*, 1973. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э.—II в. н. э.) // ВДИ 2.
- Раевский Д. С.*, 1976. Неаполь или Палакий? // Там же. 1.
- Раевский Д. С.*, 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Раевский Д. С.*, 1978. «Скифское и греческое» в сюжетных изображениях на скифских древностях // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Раевский Д. С.*, 1979. О причинах преобладания в скифском искусстве зооморфных мотивов // Искусство и археология Ирана и их связь с искусством народов СССР с древнейших времен: Тез. докл. М.
- Раевский Д. С.*, 1983. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.
- Раевский Д. С.*, 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Ревенкин А. Д.*, 1981. Работы близ станции Новосободной // АО 1980 г.
- Репников Н. И.*, 1909. Каменные ящики Байдарской долины // ИАК. 30.
- Репников Н. И.*, 1910. О так называемых дольменах Крыма // ИТУАК. 44.
- Репников Н. И.*, 1927. Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ. I.
- Репников Н. И.*, 1935. О новейших раскопках крымских дольменов // ИГАИМК. 117.
- Раев Н. И.*, 1976. Искусство Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. Баку.
- Рикман Э. А.*, 1975а. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.
- Рикман Э. А.*, 1975б. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1955. Алчедарские курганы // ИМФ АН СССР. 5(25).
- Ромашко В. А.*, 1978. Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск.
- Ромашко В. А.*, 1980. К вопросу о генезисе киммерийских памятников днепровского левобережья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Ромашко В. А.*, 1981. Памятники финальной бронзы — раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.
- Ромашко В. А.*, 1982. Поселение финальной бронзы — раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской обл. // Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск.
- Ростовцев М. И.*, 1913—1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Ростовцев М. И.*, 1914. Научный интерес к истории Боспорского царства: К 40-летию профессорской деятельности Н. И. Кареева. М.
- Ростовцев М. И.*, 1918а. Эллицизм и иранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М. И.*, 1918б. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллицизма. Пг.
- Ростовцев М. И.*, 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Руденко С. И.*, 1952. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.
- Руденко С. И.*, 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С. И.*, 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С. И.*, 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии: Геогр. о-во СССР. Л. 1.
- Рудинский М. Я.*, 1928. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячений 35-річчю музею. Полтава. I.
- Рудинский М. Я.*, 1949. Мачухська експедиція Інституту археології (1949 р.) // АП. II.
- Рунич А. П.*, 1961. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы // СА. 1.
- Рунич А. П.*, 1983. Железноводский могильник I (I—IV вв.) // Там же. 4.
- Русов А. А.*, 1882. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // V AC: Тр. предвар. ком. М.
- Руслева А. С., Скржинская М. В.*, 1979. Ольвийский полис и каллипады // ВДИ. 4.
- Рыбаков Б. А.*, 1973. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1979. Геродотова Скифия. М.
- Рыков П. С.*, 1925. Суловский курганный могильник. Саратов.
- Рыков П. С.*, 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Саратов.
- Рябова В. О.*, 1984. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скифського часу // Археологія. 46.
- Рябова В. А.*, 1986. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Савельева Т. В., Смирнов К. Ф.*, 1972. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 3.
- Савоский И. П.*, 1977. Раннесарматское погребение в Запорожской области // СА. 3.
- Савченко Е. И., Прохорова Т. А.*, 1980. Грушевский курганный могильник // АО 1972 г.
- Садькова М. Х.*, 1962а. Сарматские памятники Башкирии // МИА. 115.
- Садькова М. Х.*, 1962б. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. 1.
- Садькова М. Х.*, 1965. Сарматы на территории Башкирии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Самытников А. Г.*, 1960. Монеты скифских царей, чекапенные в Ольвии // ЗОАО. I(34).
- Самытников А. Г.*, 1966. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962) // МАСП.
- Самытников К. В.*, 1966. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. 5.
- Самюквасов Д. Я.*, 1884. История русского права. Варшава. II.
- Самюквасов Д. Я.*, 1908. Могилы русской земли. М.
- Сафронов В. А.*, 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщ. Науч.-метод. совета по охране памятников культуры М-ва культуры СССР. М. VII.
- Сафронов В. А.*, 1983. Исследование курганов в Среднем Прикубанье // АО 1981 г.
- Сафронов В. А., Марченко И. И., Николаева Н. А.*, 1980. Исследования курганов в зоне Понуро-Калининской рисовой системы // АО 1979 г.
- Свешников И. К.*, 1964. Памятники голиградского типа на Західному Поділлі // МДАПВ. 5.
- Свешников И. К.*, 1968. О символике вещей Михайловского кладя // СА. 1.
- Семенов-Зусер С. А.*, 1931а. Родовая организация у скифов Геродота // ИГАИМК. XI, 1.
- Семенов-Зусер С. А.*, 1931б. Раскопки крымских дольменов // СГАИМК. VII.
- Семенов-Зусер С. А.*, 1940. Таврские мегалиты // Наук. зап. ХДПИ. V.
- Семигова Т. Н.*, 1956. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. I.

- Сенковский О. И., 1838. Два примечания к Геродотову описанию Скифии // БЧ. XXVII, III. СПб.
- Сергеев Г. П., 1961. Погребение скифского воина // ТГИКМ.
- Симошенко А. В., 1979. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
- Синицын И. В., 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // ИНВИК. VII.
- Синицын И. В., 1951. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. XXXVII.
- Синицын И. В., 1954. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // Там же. 55.
- Синицын И. В., 1956. Археологические памятники у с. Пролойка // УЗСГУ (Вып. ист.). XLVII.
- Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953) // МИА. 60.
- Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана // Там же. 78.
- Синицын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов. I.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э., 1979. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.
- Стадовский Г. А., 1897. Белозерское городище Херсонского уезда и его могильник // Тр. VIII АС. III.
- Скорый С. А., 1981. Скифські довгі мечі // Археологія. 36.
- Скорый С. А., 1983. Валентин Васильев. Скифа-агафирси на території Румунії. Клуж; Напока // Там же. 43.
- Скрипкин А. С., 1970. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. 4.
- Скрипкин А. С., 1973. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 2.
- Скрипкин А. С., 1982. Азиатская Сарматия во II—IV вв. (некоторые проблемы исследования) // Там же. 2.
- Скрипкин А. С., Мамонтов В. И., 1977. Об одном новом типе позднесарматских курганов // Там же. 4.
- Скудная В. М., 1962. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Тр. ГЭ. VII.
- Сланов А. Х., 1978а. Археологические находки из с. Кливана // ИЮНИИ. XXIII.
- Сланов А. Х., 1978б. Памятники скифо-сарматского периода на территории Южной Осетии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Смирнов А. П., 1934. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М.
- Смирнов А. П., 1966. Скифы. М.
- Смирнов А. П., 1971. К вопросу о матриархате у сарматов // ПСА.
- Смирнов Г. Д., 1946. Скифское городище и селище Большая Сахарна // КСИИМК. XXVI.
- Смирнов Г. Д., 1955. Сахарнянский могильник II (Гура-Гульбока) // ИМФ АН СССР. 5(25).
- Смирнов К. Ф., 1945. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Смирнов К. Ф., 1947. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. V.
- Смирнов К. Ф., 1948. О погребениях роксолан // ВДИ. 1.
- Смирнов К. Ф., 1950а. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. XXXIV.
- Смирнов К. Ф., 1950б. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // Там же. XXXII.
- Смирнов К. Ф., 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки // МИА. 23.
- Смирнов К. Ф., 1952а. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. // КСИИМК. XLV.
- Смирнов К. Ф., 1952б. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья // Там же. XLVI.
- Смирнов К. Ф., 1953. Северский курган. М.
- Смирнов К. Ф., 1954. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // ВССА.
- Смирнов К. Ф., 1957. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 3.
- Смирнов К. Ф., 1958. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 64.
- Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 60.
- Смирнов К. Ф., 1960. Быковские курганы // Там же. 78.
- Смирнов К. Ф., 1961а. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА. 1.
- Смирнов К. Ф., 1961б. Вооружение савроматов // МИА. 101.
- Смирнов К. Ф., 1961в. Грунтовые могильники алао-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. II.
- Смирнов К. Ф., 1962. Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИА. 89.
- Смирнов К. Ф., 1964а. Савроматы. М.
- Смирнов К. Ф., 1964б. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 3.
- Смирнов К. Ф., 1966. Новые погребения в бассейне р. Кишдела Оренбургской области // КСИА. 107.
- Смирнов К. Ф., 1968. Бронзовое зеркало из Мечет-Сая // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Смирнов К. Ф., 1971. О начале проникновения сарматов в Скифию // ПСА.
- Смирнов К. Ф., 1972а. Савромато-сарматский звериный стиль // Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопр. скифо-сарматской археологии. М.
- Смирнов К. Ф., 1972б. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1.
- Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Смирнов К. Ф., 1974. Сарматы Нижнего Поволжья и междуручья Дона и Волги в IV в. до н. э.— II в. н. э.: Ист.-археол. очерк // СА. 3.
- Смирнов К. Ф., 1975а. Сарматы на Илеке. М.
- Смирнов К. Ф., 1975б. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Смирнов К. Ф., 1976а. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Смирнов К. Ф., 1976б. Декрет в честь Протогона и раннее поселение сарматов под Ольвией // Тез. докл. XIV Междунар. конф. античников соц. стран. Ереван.
- Смирнов К. Ф., 1977а. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Смирнов К. Ф., 1977б. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Смирнов К. Ф., 1979. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Смирнов К. Ф., 1980. О мечах и кинжалах скифо-меотского типа // КСИА. 162.
- Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Смирнов К. Ф., 1982. «Амазонка» IV в. до н. э. на Дону // СА. 1.
- Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д1-9.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1969. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.
- Смирнов Ю. А., Узянов А. А., 1977. Нижнесальские курганы // АО 1976 г.
- Смирнова Г. И., 1961. Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.) // АСГЭ. 2.
- Смирнова Г. И., 1966. Гальштатские городища в Закарпатье // SA. XIV, 2.
- Смирнова Г. И., 1969. Поселение Магала — памятник раннефракийской культуры в Прикарпатье // ДФСН.
- Смирнова Г. И., 1973. Позднеголиградский могильник у с. Острия на Буковине // АСГЭ. 15.
- Смирнова Г. И., 1976. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-карпатского бассейна // Там же. 17.
- Смирнова Г. И., 1977а. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна—Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) // СА. 4.
- Смирнова Г. И., 1977б. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долявля // АСГЭ. 18.
- Смирнова Г. И., 1978а. Культурно-историческая стратиграфия поселения Магала // Проблемы археологии. II.
- Смирнова Г. И., 1978б. Поселение скифского времени у села Доляняны // АСГЭ. 19.
- Смирнова Г. И., 1978в. Новое в изучении археологических

- памятников северо-западной Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. II.
- Смирнова Г. И.*, 1979. Курганъ Перобыковцы — новый могильник скифской архаики на среднем Днестре // ТГЭ. 20.
- Смирнова Г. И.*, 1980. Население Среднего Поднестровья в VI—V вв. до н. э. и его западные соседи // Actes II Congr. intern. de thracologie. București.
- Смирнова Г. И.*, 1981. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.) // АСГЭ. 22.
- Смирнова Г. И.*, 1982. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. II.
- Смирнова Г. И.*, 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. 23.
- Смирнова Г. И.*, 1985. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. 4.
- Смирнова Г. И.*, *Берлякович К. В.*, 1965. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья // АСГЭ. 7.
- Смишко М. Ю.*, 1962. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області // МДАПВ. 4.
- Сокровища...* 1985. С кровища курганов Адыгея: Каталог выставки. М.
- Соловьев А. Н.*, 1927. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Изв. Курского губ. об-ва краеведения. Курск. 4.
- Соломоник Э. И.*, 1958. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. XXVIII.
- Соломоник Э. И.*, 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Соломоник Э. И.*, 1962. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 3.
- Соломоник Э. И.*, 1963. Надписи на стеле из с. Марьино // СХМ. III.
- Соломоник Э. И.*, 1964. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Соломоник Э. И.*, 1976. Таври і Тавріка // Археологія. 20.
- Соломоник Э. И.*, 1977. Сравнительный анализ свидетельств Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 3.
- Соломоник Э. И.*, 1979. Кубанские керамические плитки // СА. 4.
- Сорокина Н. П.*, 1965. Стеклопосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М.
- Сорокина Н. П.*, *Трейстер М. Ю.*, 1983. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея // СА. 4.
- Спицын А. А.*, 1896. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Н. С. VIII, 1—2.
- Спицын А. А.*, 1905 // ОАК за 1905 г.
- Спицын А. А.*, 1906 // ОАК за 1906 г.
- Спицын А. А.*, 1911. Скифы и Гальштат: Сб. археол. ст., под редакцией А. А. Бобринскому. СПб.
- Спицын А. А.*, 1918. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 65.
- Степанов П. Д.*, 1980. Андреевский курган. Саранск.
- Стржелецкий С. Ф.*, 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. IX.
- Стржелецкий С. Ф.*, 1962. Таврские памятники эпохи бронзы и раннего железа: Докл., прочитан. на конф. ИИМК АН СССР 1962 г. по пробл. скифо-сарматской археологии. М.
- Субботин Л. В.*, *Охотников С. Б.*, 1981. Скифские погребения нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Суничук Е. Ф.*, 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // ПДИСЭП.
- Суничук Е. Ф.*, *Фокеев А. М.*, 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Симонович Э. А.*, 1963. Фибулы Неаполя Скифского // СА. 4.
- Симонович Э. А.*, 1969. Раскопки Николаевского могильника на нижнем Днестре // КСИА. 119.
- Симонович Э. А.*, 1971. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Приднепровье // ПСА.
- Симонович Э. А.*, 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев.
- Симонович Э. А.*, *Гей О. А.*, 1978. Черняховская экспедиция на Украине // АО 1977 г.
- Симонович Э. А.*, *Голенко К. В.*, 1960. Монеты из некрополя Неаполя скифского // СА. 1.
- Татаринова С. И.*, 1982. Раннескифское погребение из Приазовья // СА. 1.
- Татищев В. Н.*, 1768. История российская с самых древнейших времен. СПб. I, 1.
- Тазтай А. К.*, 1947. Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг. // КСИИМК. XIV.
- Твердохлебов А. М.*, 1949. Об археологических работах в Дагестане в 1947—1948 гг. // Тр. II Науч. сес. Дагестанской б-зы АН СССР. Махачкала.
- Телегин Д. Я.*, 1956. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці (1950—1951 рр.) // АП. VI.
- Тереножкин А. И.*, 1952а. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина // КСИИМК. XLIII.
- Тереножкин О. I.*, 1952б. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. VII.
- Тереножкин О. I.*, 1954. Курган біля с. Глеваха / Там же. IX.
- Тереножкин А. И.*, 1955. Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. 5.
- Тереножкин А. И.*, 1959. Комплексная экспедиция по Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 г. // Там же. 8.
- Тереножкин О. I.*, 1960. Кургани в долині р. Молочної // АП. VIII.
- Тереножкин А. И.*, 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев.
- Тереножкин А. И.*, 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. 2.
- Тереножкин А. И.*, 1966. Об общественном строе скифов // Там же.
- Тереножкин А. И.*, 1971. Скифская культура // ПСА.
- Тереножкин А. И.*, 1973. Бронзовые кинжалы предскифского времени // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Тереножкин А. И.*, 1976. Киммерийцы. Киев.
- Тереножкин А. И.*, 1977. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. Киев.
- Тереножкин О. I.*, 1978. Киммерійські стели // Археологія. 27.
- Тереножкин О. I.*, *Іллінська В. А.*, 1971. Скифський період // Археологія Української РСР. Київ.
- Тереножкин А. И.*, *Ильинская В. А.*, *Мозолевский Б. Н.*, 1977. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев.
- Терехова Н. Н.*, 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 3.
- Техов Б. В.*, 1969. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. // МАДИСО. II.
- Техов Б. В.*, 1972. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа // СА. 3.
- Техов Б. В.*, 1974. Стырфаазские кромлехи. Цхинвали.
- Техов Б. В.*, 1977. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.
- Техов Б. В.*, 1980а. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.
- Техов Б. В.*, 1980б. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Титенко Г. Т.*, 1956. Розкопки пам'яток скифського часу на Пастирському городищі // АП. VI.
- Токарев С. А.*, 1964. Ранние формы религии. М.
- Толстов С. П.*, 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстой И. И.*, *Кондаков Н. П.*, 1889. Русские древности в памятниках искусства // СПб. 2.
- Троицкая Т. Н.*, 1951. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. I.
- Троицкая Т. Н.*, 1954. Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Трубачев О. И.*, 1976. О синдах и их языке // ВЯ. 4.
- Трубачев О. И.*, 1978. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа // ВДИ. 4.
- Труды VIII АС. М., 1890. IV.
- Тюменев А. И.*, 1955. Херсонесские этюды // ВДИ. 2.
- Уваров А. С.*, 1854. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Прошлеп. М. IV.
- Уваров А. С.*, 1887а. Курганы с расчленением близ г. Дербента // Тр. V АС в Тифлисе 1881 г. М.
- Уваров А. С.*, 1887б. К какому заключению об бронзовом це-

- рпюде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Там же.
- Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. VIII.
- Уянов А. А., 1976. Нижнесальские курганы // АО 1975 г.
- Фабрициус И. В., 1929. Об изучении южноукраинских городищ // II Всеукр. востоковед. съезд: Тез. докл. Харьков.
- Фабрициус И. В., 1949. Тясминська експедиція // АП. II.
- Фабрициус И. В., 1952. Тясминська експедиція // Там же. IV.
- Фавстос Бузанд, 1953. История Армении. Ереван.
- Фазрутдинов Р. Г., 1980. Исследования в Старой Казани // АО 1979 г.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1980. Позднесарматский биметаллический кинжал из Бараповского могильника // СА. 2.
- Фиалко Е. Е., 1981. Об античном саркофаге из кургана Огуз // Актуальные проблемы археологических исследований в СССР: Тез. докл. Киев.
- Филимонов Г. Д., 1978. О доисторической культуре Осетии // Изв. ИОЛЕАЭ. XXXI: Тр. антропол. отд. 4. М.
- Филиппченко В. А., 1962. Бронзовые котлы Астраханского музея // СА. 1.
- Фол А., 1975. Проблема письменных источников с V в. до н. э. // Studia thracica: Фрако-скифские культурные связи. София. 1.
- Фролова Н. А., 1964. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1.
- Фундуклей И. И., 1848. Обзорение валов, городищ и курганов Киевской губ. Киев.
- Фурманська А. І., 1960. Курган біля с. Долини // АП. VIII.
- Хавлюк П. І., 1979. Пізньоскіфське селище Сорока // Археологія. 29.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 4.
- Хазанов А. М., 1964. Религиозно-магическое понимание зеркала у сарматов // СЭ. 3.
- Хазанов А. М., 1968. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1.
- Хазанов А. М., 1970. Материнский род у сарматов // Там же, 2.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хазанов А. М., 1973. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М.
- Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1978. Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Хайдаков С. М., 1973. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.
- Халиков А. Х., 1962. Очерки истории Марийского края в эпоху железа // Тр. Марийской археол. экспедиции. Йошкар-Ола. II.
- Халилов Д., 1971. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана. М.
- Харко Л. П., 1961. Монетные находки Тавро-скифской экспедиции 1946—1950 и 1957 гг. // МИА. 96.
- Харматта Я., 1967. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М.
- Хвойко В. В., 1905. Городища среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Тр. XII АС. I.
- Храбан Г. Ю., 1971. Памятники черноліської культури на Уманщині // Археологія. 2.
- Храпунов И. Н., 1987. Раскопки Булганакского городища // КСИА. 191.
- Цалкин В. И., 1954. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя (по материалам раскопок Тавро-скифской экспедиции) // СА. XX.
- Цалкин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 53.
- Цвек О. В., 1968. Могильник скифского и сарматского часу на Керченському півострові // Археологія. XXI.
- Чеботаренко Г. Ф., 1973. Скифские курганы у с. Балабаны // АИМ (1970—1971).
- Чеботаренко Г. Ф., Щербаклова Т. А., 1974. Раскопки поселения у с. Этулия // АИМ (1972).
- Чередишченко Н. Н., 1979. О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Чередишченко Н. Н., Болдин Я. И., 1977. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. Киев.
- Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев.
- Черненко Е. В., 1971. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // ПСА.
- Черненко Е. В., 1977. Курганный комплекс Шевченко II // Курганы южной Херсонщины. Киев.
- Черненко Е. В., 1979. Персидские акинаки и скифские мечи // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: Тез. докл. М.
- Черненко Е. В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Черненко Е. В., 1981. Скифские лучники. Киев.
- Черненко Е. В., 1984а. Скифо-персидская война. Киев.
- Черненко Е. В., 1984б. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Черненко Е. В., Бунятян Е. П., 1977. Курганный комплекс Широкое II // Курганы южной Херсонщины. Киев.
- Черников С. С., 1965. Загадка Золотого кургана. М.
- Черныш Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черныш Е. Н., 1980. Клад из Констанцы (Румыния) и вопросы нижней даты бронзы прикубанского очага // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М.
- Черныш Е. Н., 1975. Племена северо-западного Причерноморья в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Черныш Е. Н., 1977. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. Киев.
- Чеченов И. М., 1967. О социально-экономических предпосылках формирования осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
- Чеченов И. М., 1974. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. Нальчик. 1.
- Чирков А. П., 1867. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману // ЗООИД. VI.
- Членова Н. Л., 1962. Скифский олень // МИА. 115.
- Членова Н. Л., 1967. Памятники и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н. Л., 1971. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // ПСА.
- Членова Н. Л., 1972. Хронология памятников карасукской культуры. М.
- Членова Н. Л., 1973. Карасукские находки на Урмле и в Восточной Европе // СА. 2.
- Членова Н. Л., 1975. О связях северо-западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia thracica: Фрако-скифские культурные связи. С. 1.
- Членова Н. Л., 1976. Карасукские кивжалы. М.
- Членова Н. Л., 1983. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. 1.
- Членова Н. Л., 1984. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск.
- Чорейф М. Я., Шульц П. Н., 1972. Новый рельеф сарматского круга // СА. 1.
- Шаповалов Т. А., Байдебура Ю. П., 1968. Раскопки кургана у поселка Новолуганское Донецкой области // АИУ. II.
- Шапошников О. Г., 1970. Погребение скифского воина на Ингуле // СА. 3.
- Шарафутдинова И. Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.
- Шарафутдинова Э. С., 1973. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры) // СА. 2.
- Шарафутдинов Э. С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. В1-11.
- Шафарик П. И., 1948. Славянские древности. М.
- Шелов Д. Б., 1961. Некрополь Танаиса. М.
- Шелов Д. Б., 1965. Царь Атей // НИС. 2.
- Шелов Д. Б., 1966. Тамга Римиталка // Культура античного мира. М.
- Шелов Д. Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в II—I вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б., 1971. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // ПСА.
- Шелов Д. Б., 1972а. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

- Шелов Д. Б.*, 1972б. Социальное развитие скифского общества // ВД. 3.
- Шелов Д. Б.*, 1974а. К этнической истории Нижнего Подонья // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 3.
- Шелов Д. Б.*, 1974б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономатики // ВДИ. 1.
- Шелов Д. Б.*, 1978. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века нашей эры // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Шилик К. К.*, 1979. Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике // ПАИИК. II.
- Шилов В. П.*, 1950. О расселении меотских племен // СА. XIV.
- Шилов В. П.*, 1955. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // Там же. XXIII.
- Шилов В. П.*, 1956. Погребения сарматской знати I в. до н. э.—I в. н. э. // СГЭ. IX.
- Шилов В. П.*, 1959. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. // ИРОМК. 1(3).
- Шилов В. П.*, 1960. Калиновский курганный могильник // МИА. 60.
- Шилов В. П.*, 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1.
- Шилов В. П.*, 1964. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. 6.
- Шилов В. П.*, 1966. Ушаковский курган // СА. 1.
- Шилов В. П.*, 1968. Позднесарматское погребение у с. Старика // АИКСИ.
- Шилов В. П.*, 1970. Походження кочового скотарства у східній Європі // УІж. 7.
- Шилов В. П.*, 1972. Южноталийские зеркала в волго-донских степях // СА. 1.
- Шилов В. П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.
- Шилов В. П.*, 1982. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста.
- Шилов В. П.*, 1983а. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов.
- Шилов В. П.*, 1983б. Запорожский курган: (К вопросу о погребениях аорской знати) // СА. 1.
- Шишло Б. П.*, 1975. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.
- Шилова И. А.*, 1981. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники 1980 г. М.
- Шкорпил В.*, 1911. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 40.
- Шкурко А. И.*, 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1.
- Шкурко А. И.*, 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Шкурко А. И.*, 1977. Скифское искусство звериного стиля (по материалам лесостепной Скифии) // Музейное дело в СССР: Труды. М.
- Шкурко А. И.*, 1980. Образ лося в искусстве лесостепной Скифии // История и культура Евразии по археологическим данным. М.
- Шлаев В. В.*, 1950. К вопросу о скифских намерениях // КСИИМК. XXXIV.
- Шовкопляс Г. Г., Максимов Е. В.*, 1952. Дослідження курганного могильника передскифського часу на Середньому Дністрі // Археологія. VII.
- Шрамко Б. А.*, 1957а. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1.
- Шрамко Б. А.*, 1957б. Новые памятники предскифского времени на Северском Донце // КСИИМК. 67.
- Шрамко Б. А.*, 1961. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА. 1.
- Шрамко Б. А.*, 1962а. Древности Северского Донца. Харьков.
- Шрамко Б. А.*, 1962б. Новые данные о добыче железа в Скифии // КСИИМК. 91.
- Шрамко Б. А.*, 1965. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев.
- Шрамко Б. А.*, 1966. Нові дані про господарство скифської епохи // Вестн. ХГУ. Сер. ист. 17.
- Шрамко Б. А.*, 1969. Орудия скифской эпохи для обработки железа // СА. 3.
- Шрамко Б. А.*, 1970. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии // Там же. 2.
- Шрамко Б. А.*, 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // ПСА.
- Шрамко Б. А.*, 1972. Походження племен раннього залізного віку на території лісостепоного лівобережжя України // Питання історії народів УРСР. Харків.
- Шрамко Б. А.*, 1973. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. Киев.
- Шрамко Б. А.*, 1975а. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев.
- Шрамко Б. А.*, 1975б. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонно-будинская проблема // СА. 1.
- Шрамко Б. А.*, 1976. Раскопки Бельского городища и могильника «Скоробор» // АО 1975 г.
- Шрамко Б. А.*, 1983. Археология раннего железного века. Харьков.
- Шрамко Б. А.*, 1984а. Обработка кожи в Скифии // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск.
- Шрамко Б. А.*, 1984б. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии / Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.
- Шрамко Б. А.*, 1984в. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Шрамко Б. А.*, 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
- Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.*, 1963. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. 4.
- Шрамко Б. А., Солнцев Л. О., Фомин Л. Д.*, 1970. Техника изготовления скифской наступальной зброї із заліза і сталі // Археологія. 23.
- Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.*, 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. 1.
- Шрамко Б. А., Янушевич З. В.*, 1985. Культурные растения Скифии // Там же. 2.
- Штительман Ф. М.*, 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. 50.
- Шульц П. Н.*, 1941. Евпаторийский р-т // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.; Л.
- Шульц П. Н.*, 1946. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. XII.
- Шульц П. Н.*, 1947. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.) // Памятники искусства. 2.
- Шульц П. Н.*, 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.
- Шульц П. Н.*, 1957. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.) // ИАДК.
- Шульц П. Н.*, 1959. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСП.
- Шульц П. Н.*, 1963. Надгробный рельеф из с. Марьино // СХМ. III.
- Шульц П. Н.*, 1966. Надгробный рельеф сарматского круга // Культура античного мира. М.
- Шульц П. Н.*, 1967. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М.
- Шульц П. Н.*, 1968. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского // СА. 1.
- Шульц П. Н.*, 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму // ПСА.
- Шульц П. Н.*, 1976. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Щегленко А. В.*, 1981. Раскопки курганов в Полтавской области // АО 1980 г.
- Щегленко А. В.*, 1983. Обряд погребения лесостепных племен междуречья Днестра и Дона в VII—III вв. до н. э. // Вестн. ХГУ. 238.
- Щеглов А. Н.*, 1963. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // СХМ. III.
- Щеглов А. Н.*, 1966. О населении северо-западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 4.
- Щеглов А. Н.*, 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Щеглов А. Н.*, 1985. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Эллинизм и Причер-

- номорье: Материалы III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси.
- Щепинский А. А., 1954. Археологические разведки в долине реки Салгир // ИКОГО. 3.
- Щепинский А. А., 1957а. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир // КСИА ИА АН УССР. 7.
- Щепинский А. А., 1957б. Новые памятники кизил-кобинской культуры // КСИИМК. 67.
- Щепинский А. А., 1962. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 12.
- Щепинский А. А., 1963. Пещерные святилища времени раннего железного века в горном Крыму // ТРКЭ АН УССР.
- Щепинский А. А., 1966. Во тьме веков. Симферополь.
- Щепинский А. А., 1977. Населения южного берега Крыма в эпоху раннего железа // Археология. 21.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1967. Исследования в северном Крыму // АО 1966 г.
- Щербатов М. А., 1780. История российская от древнейших времен. СПб. I.
- Щукин М. Б., 1970. К истории нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. 12.
- Эйхвальд Г., 1838. Страбоновы известия о Кавказе и Южной России // БЧ. ХХХ, 3.
- Эрнст Н. Л., 1927. Неаполь Скифский (к столетию со времени первых раскопок) // Вторая конф. археологов СССР в Херсонесе, 10—13 сент. 1927 г. (по случаю столетия херсонесских раскопок). Севастополь.
- Яйленко В. П., 1983. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1.
- Яковенко Е. В., 1966. Новое про разкопки В. В. Хвойки біля с. Пастирського // Археология. XX.
- Яковенко Е. В., 1968. Пастирське городище скифського часу // Там же. ХХІ.
- Яковенко Э. В., 1970. Рядовые скифские погребения в курганах восточного Крыма // Древности восточного Крыма. Киев.
- Яковенко Э. В., 1972. Курганы на Темир-горе // СА. 3.
- Яковенко Э. В., 1973. «Скипетр царицы» из Куль-Обы // Археология. 11.
- Яковенко Е. В., 1974. Скифы восточного Крыма в V—III ст. до н. э. Киев.
- Яковенко Э. В., 1976а. Предметы звериного стиля в ранних памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Яковенко Э. В., 1976б. Древнейший памятник искусства скифов // СА. 2.
- Яковенко Э. В., 1977. Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев.
- Яковенко Э. В., 1978. Женские погребения Елизаветовского могильника // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород.
- Яковенко Э. В., 1981. Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора Европейского // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Яковенко Э. В., 1982. Раннескифские погребения восточного Крыма // Древности степной Скифии. Киев.
- Яковенко Э. В., 1985. Скифы на Боспоре: Дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Яковенко Э. В., Ялушевич З. В., 1969. Определение остатков растений на лепной керамике из Восточного Крыма // АИУ. III.
- Якубцигер М. М., 1956. К истории культуры ишеницы в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. М.; Л. II.
- Ястребов В. Н., 1886. Каменная баба // Тр. МАО. XI, 2.
- Яценко И. В., 1959. Скифия VII—V вв. до н. э. // Тр. ГИМ. 36.
- Яценко И. В., 1960. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе Скифском // СА. 4.
- Яценко И. В., 1962. Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя скифского // Историко-археологический сборник. М.
- Яценко И. В., 1968. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории // АО 1967 г.
- Яценко И. В., 1970. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка и Евпатории (1964—1967 гг.) // КСИА. 124.
- Яценко И. В., 1983. Раскопки в окрестностях Евпатории // АО 1981.
- Ящуржинский Х. П., 1889. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАР. 7.
- Abramichvili R., 1971. Le nécropole de Samthavro et Chronologie des civilisations archéologiques du Bronze récent et du début du fer au Caucase // VIII Congr. intern. de sci. préhistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Moscou.
- Bakay K., 1971. Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest.
- Bapst G., 1885. Souvenirs de deux mission an Caucase // Fouilles sur la grande chaîne. III ser. P. V.
- Benveniste E., 1938. Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales // JA.
- Bočkarov B. S., Leskov A. M., 1980. Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Prähistorische Bronzefunde Abteil. München. XIX, 1.
- Bollon J. D. P., 1962. Aristes of Proconnesus. Oxford.
- Borovka G., 1928. Scythian Art. L.
- Bottyán A., 1955. Szták a magyar Alföldön Régészati Füzetek. Bp. 1.
- Bukowski Z., 1977. The Scythian influence in the area of Lusati-an Culture. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk.
- Buzdugan C., 1968. Necropola gotică de la Slobozia // Carpica. I.
- Bydłowski A., 1904. Mogily v Nowosiolce // Swiatowit. W-wa. V.
- Christensen A., 1918. Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. Upsala.
- Dubois de Montperéux F., 1843. Voyage autour du Caucase et en Crimée. P. 5.
- Dumézil G., 1930. La préhistoire indo-iranienne de castes // JA. 216.
- Dumézil G., 1958. L'idéologie tripartite des Indo-Européens. Bruxelles.
- Dumézil G., 1962. La société scythique avant-elle des classes fonctionnelles? // III. V. 3.
- Dušek M., 1955. Skýtsko-halštatské birituále pohrebište Chotin I // AR. 7.
- Dušek M., 1964. Waren die Skythen in Mitteleuropa und Deutschland? // PZ. 42.
- Dušek M., 1971. Slovensko v mladšej dobe halštatskej // SA. 19.
- Ebert M., 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin // PZ. BV, 1/2.
- Ebert M., 1921. Südrussland im Altertum. Bonn; Leipzig.
- Erckert, 1883. Ein kurgan bei Stawropol // ZfE. 15.
- Fettich N., 1928. La trouvaille Scythe de Zöldhalompuzta prés Miskolc // AH. III.
- Fettich N., 1931. Bestand der skythischen Altertümer in Ungarn // Rostovzev M. Die Skythen und der Bosphorus. B.
- Furtwangler A., 1883. Goldfund von Vetersfelde: 93. Bericht Winkelmann Progr.
- Gallus S., Horváth T., 1939. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie // Dissertationes Pannonice. Ser. II. Budapest. 9.
- Ginters H., 1928. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. B.
- Ghirshman R., 1964. Perse, Proto-iraniens, Medes, Achéménides. L.
- Grakov B., 1928. Monuments de la culture la Volga et les monts Oural // ESA. III.
- Grakov B., 1929. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg // Ibid. IV.
- Hadacek K., 1904. Zlote skarby Michalkovskie. Lwow.
- Harmatta J., 1941. Quellenstudien zu der Skythika des Herodot. Budapest.
- Harmatta J., 1970. Studies in the history and language of the Sarmatians. Szeged.
- Häusler A., 1963. Südrussische und nordkaukasische Petroglyphen // Wiss. Ztschr. Martin-Luther Univ. Halle; Wittenberg. XII/11.
- Hennig R., 1929. Der Araxes des Herodot-Wolga // PM. II, 7/8.
- Hennig R., 1935. Herodots Handelweg zu den Sibirischen Isedonen // Klio. 28.
- Hennig R., 1944. Terra incognitae. Leiden. I.
- Kossack G., 1980. «Kimmerische» Bronzen: Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa // Situla. Ljubljana.
- Kothe H., 1968. Die Königlichen Skythen und ihre blinden Knechte // Veröff. Inst. Orientforsch. 69.
- Kothe H., 1969. Der Skythenbegriff bei Herodot // Klio. 51.
- László A., 1972. O asezare hallstattiana la Cozia (jud. Jasi) // AM. 7.
- László A., 1976. Über den Ursprung und die Entwicklung der

- frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // Thracodacica. București.
- Minns E. H.*, 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Mozsolics A.*, 1967. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest.
- Müllenhoff K.*, 1866(1867). Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten // MBWA.
- Müller-Karpe H.*, 1959. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. B.
- Neumann K.*, 1855. Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig.
- Niebuhr B. G.*, 1928. Kleine historische und philologische Schriften. Bonn.
- Parducz M.*, 1940. Ein Gräberfeld in Hodmezövásarhely-kishomok aus der Bronze-Skythen, La Tène und Germanenzeit // Dolgozatok. 16.
- Parducz M.*, 1943. A cemetery of the Scythian Period at Békéscsaba-Fényes // AE.
- Parducz M.*, 1948. A cemetery of the Scythian Period in Békéscsaba-Fényes // Ibid.
- Parducz M.*, 1952. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug I // A. Arch. ASH. 2.
- Parducz M.*, 1954. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug II // Ibid. 5.
- Parducz M.*, 1955. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III // Ibid. 6.
- Parducz M.*, 1965a. Western relations of the Scythian Age culture of the great hungarian plain // A. Ant. ASH. 13.
- Parducz M.*, 1965b. Graves from the Scythian Age et Artánd // A. Arch. ASH. 17.
- Parducz M.*, 1973. Probleme der skythenzeit im Karpatenbecken // Ibid. 25.
- Párvan V.*, 1926. Getica: O protoistorie a Daciei. București.
- Patek E.*, 1974. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn // Symp. Probl. der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava.
- Phillips E. D.*, 1955. The Legend of Aristeas // Art. A. XVIII, 2.
- Phillips E. D.*, 1957. A Further Note on Aristeas // Ibid. XX, 2/3.
- Potratz J. A. H.*, 1963. Die Skythen in Südrubland. Basel.
- Rau P.*, 1927. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.
- Rau P.*, 1929. Die Cräber der frühen Eisenzeit im unterem Wolgagebiet. Pokrowsk.
- Reichl J.*, 1936. Zwierciadla scytyjskie // Sulimirski T. Scytowie na Zachodnim Podolu. Lwow.
- Rolle R.*, 1980. Die Welt der Skythen. Luzern; Frankfurt a. M.
- Rostovtzeff M.*, 1922. Iranians and Greek in South Russia. Oxford.
- Rostovtzeff M.*, 1929. The animal style in South Russia and China. Princeton; N. Y.
- Scerbakivsky V.*, 1930. La situation géographique de la ville de Gelone d'Hérodote // Odb. z Ksiegi Pamiatkowej ku czci Prof. Dr. Włodzimirza Demetrykiewicza. Poznan.
- Smirnova G.*, 1965. K otazce tracke na kruhu robene keramike ve Střednim Podnestří // AR. XVII, 1.
- Sulimirski T.*, 1936. Scytowie na zachodnim Podolu. Lwow.
- Sulimirski T.*, 1938. Brazowy skarb z Niedzelisk pow Przemyslany // Swiatowit. XVIII.
- Tallgren A. M.*, 1926. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux // ESA. II.
- Tomaschek W.*, 1888, 1889. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden // SBWA I, II.
- Trousdale W.*, 1975. The long sword and scabbard slide in Asia. Wash. (D. C.).
- Vasiliev V.*, 1980. Sciți agatîrși pe teritoriul României. Cluj; Napoca.
- Veliažik L.*, 1983. Die Lausitzer kultur in der Slowakei. Nitra.
- Vernadsky G.*, 1944. Ancient Russia. L.
- Vulpe A.*, 1965. Zur mittlere Hallstattzeit in Rumänien // Dacia. N. S. IX.
- Vulpe A.*, 1967. Nekropola hallstattiana de la Ferigele. București.
- Vulpe A.*, 1980. Problèmes actuels de la protohistoire Thrace // Actes II Congr. intern. de thracologie. București.
- Zakharov A. A.*, 1930. Contributions to Caucasian archaeology: A large barrow in Daghestan // ESA. V.
- Zakharov A. A.*, 1931. Contributions to the archaeology of Daghestan. II (Kozubi's excavations in Northern Daghestan) // Ibid. VI.
- Zgusta L.*, 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.
- Zeuss K.*, 1837. Die Deutschen und ihre Nachbarstämme. München.

Список сокращений

- АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ.
- АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.
- АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
- АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев.
- АО — Археологические открытия. М.
- АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
- Арх. исслед. в РСФСР... в 1934—1936 гг. М.; Л.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- АС — Археологический съезд.
- АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа.
- АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный.
- БЧ — Библиотека для чтения. СПб.
- ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета. Л.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- ГКИМ — Государственный Киевский исторический музей.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж.
- ДГУ — Днепропетровский государственный университет.
- ДГС — Древности Геродотовой Скифии. СПб.
- ДФСП — Древности фракийцев Северного Причерноморья. М.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей.
- ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб.
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
- ИАДК — История и археология древнего Крыма. Киев.
- ИАК — Известия археологической комиссии. СПб.
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- Изв. — Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Ростов-на-Дону.
- ИИАЭ — Институт истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР.
- АН КазССР — Институт истории языка и литературы АН СССР.
- ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества. Симферополь.
- ИМФ — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев.
- ИНВИК — Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов.
- ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Симферополь.
- ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры. М.
- ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии. Симферополь.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Цхинвали.
- КАМ — Культура античного мира. М.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л.
- КДУ — Київський державний університет.
- КОИА — Кавказское общество истории и археологии.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
- КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт.
- МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России. СПб.
- МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
- МАДИСО — Материалы по археологии Дагестана и Северной Осетии. Орджоникидзе.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа. СПб.
- МАО — Московское археологическое общество.
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- МГУ — Московский государственный университет.
- МДАІВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МИСКМ — Материалы и исследования Ставропольского краевого музея. Ставрополь.
- МКВ — Московский конгресс востоковедов.
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- НИС — Нумизматика и сфрагистика. М.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
 ОЛКА — Общество любителей кавказской археологии.
 ПАИИК — Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван.
 ПДИСЭП — Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев.
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
 ПСА — Проблемы скифской археологии. М.
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников. М.
 СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СККОАИЭ — Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону.
 СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр Высшей школы. Ростов-на-Дону.
 СОМК — Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
 ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
- АН — Archaeologica Hungaricae. Budapest.
 A. Ant. — Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
 A. Arch. — Acta Archeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
 AE — Archaeologia Ertesitő. Budapest.
 AM — Arheologia moldovei. Iași.
 AR — Archeologické rozhledy. Praha.
 Art. A — Artibus Asiae.
 ESA — Eurasia septentrionalis antiquae. Helsinki.
 IJ — Indo-Iranian Journal. Gravenhage.
 IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. СПб.
 JA — Journal Asiatique. Paris.
 MBWA — Monatsberichte des Königlischen-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
- СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия. Саратов.
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь.
 СЭ — Советская этнография. М.
 ТГКИМ — Труды Государственного кишиневского историко-краеведческого музея. Кишинев.
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
 ТККЭ — Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. Киев.
 ТОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
 Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
 Тр. МАО — Труды Московского археологического общества.
 ТСМК — Труды Саратовского музея краеведения. Саратов.
 УЗСГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов.
 УИЖ — Український історичний журнал. Київ.
 ХГУ — Харьковский государственный университет.
 ХДПИ — Харківський державний педагогічний інститут.
 ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.
- PM — Pettermann's Mitteilungen. B.
 PZ — Prähistorische Zeitschrift. B.
 RA — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
 SA — Slovenská archeológia. Br.
 SC — Латышев В. В. Scythika et Caucasia // Изв. древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / Собр и изд. с рус. пер. В. В. Латышев. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893—1900; Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.
 SBWA — Sitzungsberichte der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften. B.
 ZfE — Zeitschrift für Ethnologie. B.

Указатели

Указатель имён

- Абаев В. И. 16, 37, 41, 46, 120, 121, 157, 158, 209, 210, 225, 267, 276, 280
Абакаров А. И. 290
Абеак 157
Абрамова М. П. 162, 163, 177, 225, 244, 262, 270—272, 276, 280
Август 155
Аврелий Виктор 157
Агар 35
Агаф 134, 280
Агриппа 155
Акишев К. А. 203
Акритас П. Г. 270
Александр Македонский 35, 154
Алексеев А. Ю. 50, 121
Алексеев В. П. 267
Алексеева Е. М. 117, 195
Алексеева Е. П. 252, 254, 261, 268, 270, 276, 277
Алиев И. 34
Алихова А. Е. 38, 75
Амага 125, 154, 155
Амброс А. К. 136, 189, 201, 285
Амвросий 157
Аммиан Марцеллин 83, 92, 157, 158, 164, 209, 210, 280, 281, 291
Анахарсис 35
Андреенко В. И. 68, 74, 122
Анохин В. А. 35, 124
Анучин Д. Н. 286
Анфестерий 130
Анфимов И. Н. 224, 228—230, 233
Анфимов Н. В. 38, 101, 187, 216, 224, 225, 227, 228, 230, 232, 233, 235, 236, 239—241, 243—248, 250, 267, 268
Апи (Гея) 120
Аптекарев А. З. 220, 225, 236
Аргимпаса (Афродита Урания) 99, 121
Аргуинский-Долгоруков Н. В. 282
Арес 105, 121, 210, 222
Арзютов Н. Н. 158
Аристей 161
Аристофан 123
Арсеньева Т. М. 127, 187, 195
Артамонов М. И. 10, 27, 29, 33, 37—40, 43—48, 71, 72, 83, 84, 100, 102, 105, 120, 121, 127, 140, 212, 237
Артамонова-Полтавцева О. А. 252, 282
Артемидор Эфесский 156
Асандр 213
Асархаддон 33
Аспург 125, 213
Атаев Д. М. 287, 288
Атей 35, 124, 154, 175
Афродита 136
Аханов И. И. 228, 232, 233
Ашурбанипал 25
Бабенчиков В. П. 127, 131—133, 137
Багаев М. Х. 283, 289
Байдебур Ю. П. 183
Байерн Ф. 265
Бакав К. 99, 100
Барцева Т. Б. 110, 116, 271
Батчаев В. М. 219, 256, 267
Башилов В. А. 80
Беглова Е. А. 249, 250
Безуглов С. И. 160
Бельтикова Г. В. 205
Белявский В. А. 33
Беляев О. С. 23, 24
Бенвенист Э. 39
Березанская С. С. 27, 29, 38
Березовец Д. Т. 53, 54
Беренштам В. Л. 224
Бернякович К. В. 18
Бес 190, 202
Беспалый Е. И. 160, 182, 183
Бессонова С. С. (Безсонова С. С.) 39, 63—65, 92, 97, 98, 121, 210, 212
Бибилова В. И. 55
Биджиев Х. Х. 272, 280
Бідзіля В. І. 38, 113
Билимович З. А. 110
Блаватский В. Д. 16, 121, 127, 137, 155, 213, 214, 248
Бларамберг И. П. 127, 137
Бобринский А. А. 23, 25, 36, 69, 268
Богданова Н. А. 127, 134, 136
Богусевич В. А. 68
Бокий Н. М. 69
Боковенко Н. А. 182, 195
Болдин Я. И. 54
Болтин П. Н. 158
Болтрик Ю. В. 38
Бонч-Осмоловский Г. А. 29, 31
Боронка Г. И. 100
Боттиан А. 88, 90
Бочкарев В. С. 220, 250
Бранденбург Н. Е. 36, 72
Браун Ф. А. 158
Брашинский И. Б. 38, 46, 50, 60—62, 117, 119, 138, 160
Брун Ф. 40, 83, 158
Буйнов Ю. В. 12, 24, 27—29
Бунятян Е. П. 45, 54, 57, 58, 61
Бурачков П. 158
Вайнберг Б. И. 214
Валерий Флакк 157
Ванчугов В. П. 13
Васильев В. 87, 88
Ваулина М. П. 139
Веймарн Е. В. 127, 133
Великанова М. С. 39
Венедиков И. 104
Веселовский Н. И. 36, 127, 134, 158, 216, 220, 221, 224, 233, 235, 244, 277
Виноградов В. Б. 33, 34, 101, 109, 156, 161—164, 188, 190, 216—218, 244, 249, 258, 259, 261, 263—265, 267, 268, 270, 272—274, 276, 277, 282, 286, 287, 289
Виноградов Ю. Г. 34, 183
Вирхов Р. В. 252, 265
Владычица зверей 121
Влас Н. 87
Вознесенская Г. А. 255, 266
Волков И. Г. 251
Воронина Р. Ф. 152, 160
Восточная Артемида 121
Вульпе А. 19, 20, 88

- Высотская Т. Н. (Высоцька Т. М.) 125, 127, 130, 132, 136—138
 Вяизгин С. А. 224
 Вязьмитина М. И. (Вязьмитина М. I.) 140, 144, 160, 163, 178, 179, 181, 187
- Гаврилюк Н. О. 49, 66
 Гаглойти Ю. С. 156, 164, 249, 270
 Гаджиев М. Г. 290
 Гадло А. В. 256, 291
 Газдапустан Д. 265
 Гайдукевич В. Ф. 46, 127, 213, 225, 239
 Галаняна Л. К. 36, 95, 220, 221
 Галерий 208
 Галлус Ш. 265
 Гамченко С. С. 71
 Гавина О. Д. 38, 73, 118
 Ганчар Ф. 252, 265
 Гатал 125, 155
 Гей А. Н. 228, 243, 250
 Гей О. А. 141
 Гекатей 156, 216, 230
 Гелланик 216
 Генинг В. Ф. 175, 201
 Геракл 107, 144
 Геракл — Таргитай 99, 105, 112, 121
 Гераклид Понтийский 154
 Герасимов М. М. 39, 127
 Герасимов Т. 104
 Гермес 136, 139
 Гернес М. 265
 Геродот 10, 32—36, 39—41, 43—48, 50, 59, 62, 75, 77, 80, 81, 83, 88, 91, 114, 115, 120—122, 153, 154, 159, 161, 162, 167, 169, 210—212, 216, 292, 293
 Гипепирия 138, 139
 Гмыря Л. Б. 290
 Гобеджишвили Г. Ф. 254, 262
 Гойтосир (Аполлон) 121
 Голенко К. В. 158
 Голенцов А. С. 127, 132
 Гольмстен В. В. 159, 164
 Гомер 10
 Горбунов В. С. 206
 Горгона 134
 Гордиан III 208
 Горемыкина В. И. 270
 Горизонтов И. П. 149
 Городцов В. А. 36, 38, 74, 120, 158, 212, 224, 233, 236
 Готара II 208
 Гошкевич В. И. 140
 Граков Б. Н. (Граков Б. М.) 10, 23, 33—35, 37—41, 43—47, 50, 52—54, 56, 62, 65, 66, 71, 72, 100, 105, 108, 115, 117, 120, 123—125, 127, 135, 140, 141, 145, 153, 155, 158, 160—164, 169, 172, 181, 191, 209, 211, 212, 216
 Грантовский Э. А. 16, 39, 123
 Гребенников Ю. С. 12, 14, 15, 109
 Гроссу В. И. 211, 212
 Грязнов М. П. 96, 100, 152, 159, 160, 221
 Гугуев В. К. 160, 241
 Гугуев Ю. А. 160
 Гудкова А. В. 207
 Гуляев В. И. 80
 Гупало Н. Д. 25
 Гуцал А. Ф. 73
 Гущина И. И. 127, 132, 185, 186
- Давудов О. М. 282, 283, 285, 286, 287, 290
 Давыдова А. В. 184
 Дайкович К. 87
 Дарий Гистасп 34, 83, 84, 114, 123, 162, 208
 Дашевская О. Д. 29, 62, 125, 127, 129, 130, 132, 134—137, 139, 142, 144, 189
 Дворниченко В. В. 150
 Дебец Г. Ф. 37
 Деген Б. Е. 258
 Деметра 136
 Деметрий 156
 Демкин В. А. 203, 204
 Демосфен 35
 Демченко А. И. 38, 61
 Деоник Д. В. 254
 Дергачев В. А. 84
 Десятчиков Ю. М. 138, 161, 209, 213, 214, 249, 250
 Дзиговский А. Н. 191, 192
 Дзис-Райко Г. А. 50, 53
 Динесман Л. Г. 203
 Диодор Сицилийский 35, 125, 154, 155, 162, 181, 216
 Диоскуры 136
 Дион Христомом 125, 145
 Диофант 125
 Дитлер П. А. 224, 228, 229, 235, 236
 Дмитриев А. В. 233
 Дмитров Л. Д. 140
 Доватур А. И. 40
 Долбежев В. И. 252, 256, 265, 268
 Доманский Я. В. 45
 Домбровский О. И. 127, 130, 137
 Драчук В. С. 129, 134
 Дубовская О. Р. 13
 Дударев С. Л. 101, 216, 252, 258, 261, 266
 Думберг К. Е. 244
 Душек М. 89
 Дьяконов И. М. 16, 33, 34
- Дьяконова В. П. 121
 Дюбрюкс Г. 36
 Дюбуа де Монпере 81, 127
 Дюмезиль Ж. 39
- Евдокс из Книды 154, 177
 Евмел 35, 83
 Евсевий 213
 Елагина Н. Г. 105, 135, 140, 145
 Елисеев В. Ф. 12, 14, 15
 Ельницкий Л. А. 137
 Ефанов В. С. 160
- Ждановский А. М. 224, 225, 235, 236, 243, 244, 247
 Жобелов С. А. 10, 83, 121, 213
 Железчиков Б. Ф. 160, 168, 171, 203, 204
- Забелия И. Е. 36
 Забнин С. И. 29
 Заднепровский Ю. А. 188, 201
 Заец И. И. 25
 Зайковский Б. В. 208
 Замятнин С. Н. 38
 Зарайська Н. П. 135
 Засецкая И. П. 160, 161, 163, 186, 208, 213
 Захаров Н. А. 224
 Зеест И. Б. 127
 Златковская Т. Д. 20
 Зноско-Боровский Е. 36
 Зограф А. Н. 125, 137, 208
 Золотов К. Н. 286
 Зоппирион 35
- Иамах сын Сомаха 134
 Иванова А. П. 137
 Игнатов П. Н. 150
 Иданфирс 123
 Иероним 280
 Иессен А. А. 10, 101, 148, 169, 216, 217, 228, 237, 252, 254, 258, 262, 263, 265, 267—269, 272—282
 Ильинская В. А. (Иллінська В. А.) 13, 23—25, 27—29, 31, 37, 38, 40, 43—49, 54, 55, 68—71, 75, 77—80, 94, 96, 98, 99, 106, 108—110, 112, 121, 216, 217
 Ильюков Л. С. 160
 Ионе Г. И. 268
 Иосиф Флавий 157, 280
 Ипполитов А. П. 282
 Исаков М. И. 282, 283
 Исмагилов Р. Б. 206
 Ишпакай 33
 Иштар 98, 121, 218
- Кадеев В. И. 139
 Казакова Л. М. 160, 196

- Каллистов Д. П. 40, 124
 Каменецкий И. С. 46, 62, 156, 160, 192, 224—226, 228, 233, 236, 239, 241, 243, 245, 246, 249
 Каминский В. Н. 230
 Капошина С. И. 102, 106, 118, 119, 160, 182, 187, 207, 224
 Карамзин П. М. 158
 Карасев А. Н. 127—130, 133, 134
 Карасев В. Н. 233
 Карышковский П. О. (Карышковский П. И.) 125, 137, 155
 Керэфов Б. М. 270, 272, 273, 276
 Киансар 33
 Кирилин Д. С. 63, 65
 Кияшко В. Я. 62, 66, 151
 Клеарх Солийский 124
 Климент Александрийский 35, 210
 Ключко Л. С. 109
 Ключинцев В. Н. 12, 14, 15
 Книпович Т. Н. 224
 Кобищанов Ю. М. 206
 Ковалева И. Ф. 58
 Ковалевская В. Б. 256, 257, 264, 280
 Ковпаненко Г. Т. 14, 23, 25, 28, 38, 45, 48, 68—70, 71, 74, 75, 160, 163, 178, 188—190, 211, 212
 Кожин П. М. 186
 Козенкова В. И. 250, 252, 254, 256, 259, 261, 263—265, 267, 270, 272
 Козубский Е. И. 282
 Колесников В. П. 150
 Колотухин В. А. 32
 Комаров А. В. 282
 Кондаков Н. П. 120
 Кондукторова Т. С. 37, 39, 127, 142
 Кошеч П. 81, 158
 Кошолов В. П. 150
 Кореняко В. А. 62, 66, 148—152, 274
 Корпусова В. М. 62, 63
 Коссак Г. 256, 265
 Костенко В. И. 154, 160—162, 177—179, 211, 212
 Косяненко В. М. 171
 Коте Г. 39
 Котин Н. И. 203
 Котис 125, 157
 Котович В. Г. 267, 283, 286, 290, 291
 Котович В. М. 284, 290
 Краснов Ю. А. 187
 Крашенинников И. М. 203
 Кривидский В. В. 285
 Крис Х. И. 29, 81—83
 Кришан И. Г. 87
 Кропоткин В. В. 145, 208
 Кругликова И. Т. 10, 62, 127, 187, 224
 Круглов А. П. 252, 268, 282, 283, 286
 Крупнов Е. И. 216, 252, 254—257, 259, 265—269, 282—284, 288
 Круц С. И. 39
 Крушельницкая Л. И. (Крушельницкая Л. I.) 17, 18, 23, 24
 Крушкол Ю. С. 233
 Ктесий 34
 Кудрявцев А. А. 283, 285
 Кузнецов В. А. 267, 270, 276, 290
 Кузнецова Т. М. 110
 Кузьмина Е. Е. 121
 Кузьминых С. В. 206
 Кулаковский Ю. А. 127, 158
 Куликова О. П. 225
 Куфтин Б. А. 252
 Кушаев Г. В. 160
 Кызласов Л. Р. 184
 Лавров Л. И. 225
 Лагодовская Е. Ф. 53
 Лагоцкий К. С. 208
 Лайош М. 88
 Лаппо-Данилевский А. С. 37, 158, 222
 Лацуньян В. Л. 14, 18, 19, 20, 84
 Латышев В. В. 125, 137, 138, 214, 226—228
 Левенок В. П. 160
 Левин В. И. 20, 21
 Лелеков Л. А. 221
 Леонтьев П. М. 59, 61
 Лесков А. М. (Лесков О.) 10, 11, 22, 29, 31, 32, 38, 48, 57, 64, 65, 82, 93, 109, 149, 216, 217, 220, 222, 223, 228, 229, 256
 Либеров П. Д. 37, 38, 44, 45, 47, 48, 76, 79, 80
 Лимберис Н. Ю. 225, 236
 Литвинский Б. А. 188, 201
 Лобай Б. I. 72
 Лобода I. I. 138
 Ловпаче Н. Г. 225, 228, 235
 Ложкин М. Н. 220, 263
 Ломоносов М. В. 158
 Лукаш 157
 Лукашов А. В. 151, 152, 203, 204
 Лукриан Самосатский 35, 154
 Лукьяшко С. И. 62, 196
 Ляпушкин И. И. 38
 Магомедов А. Р. 261
 Магомедов М. Г. 290
 Магомедов Р. М. 282
 Мадий 33
 Мажитов Н. А. 160, 201
 Макаренко Н. Е. 77
 Максименко В. Е. 46, 62, 151—153, 156, 160, 162, 171, 210
 Максимов Е. В. 25, 181
 Максимов Е. К. 151, 163, 202
 Максимова М. И. 112, 113, 117
 Малеев Ю. М. 17
 Маликов В. М. 129
 Маловицкая Л. Я. 161, 208
 Мальмберг В. 222
 Мамонтов В. И. 148, 149, 152, 196
 Манцевич А. П. 49, 54, 65, 94, 95, 104, 111—113, 119, 120
 Маразов И. 112, 113
 Маркевич А. И. 127
 Марков Г. Е. 113, 114
 Марковин В. И. 264, 268, 283, 284, 286, 287, 289
 Маркс К. 5
 Марр Н. Я. 37
 Марс 210
 Марченко И. И. 225, 250
 Марченко К. К. 38, 45, 46, 60—62, 66
 Масленников А. А. 62, 213
 Матвеева Г. И. 169, 214
 Махнева О. А. 127, 132, 139
 Махно Е. В. 78, 160, 178, 212
 Мацулевич Л. А. 250
 Мачинский Д. А. 154, 155, 156, 157, 160—162, 164, 177, 216
 Мегрелидзе И. В. 282, 286
 Медведев П. 160
 Мельгунов А. П. 36
 Мельниковская О. Н. 20, 46
 Мелюкова А. И. 16—23, 26, 35, 37, 38, 44, 46, 49, 50, 53, 56, 66, 71, 73, 83, 91, 92, 98, 104, 105, 110—112, 145, 195, 216, 283
 Менаура И. В. 86
 Мерперт Н. Я. 152, 259
 Мязиев И. И. 256, 270
 Миллер А. А. 61, 104, 224
 Миллер В. Ф. 158, 252, 268, 269, 277
 Миллер М. А. 224
 Мипасва Т. М. 217, 268, 270, 277
 Минасян Р. С. 187
 Миня Е. 36, 156, 159
 Мирошина Т. В. 108, 109, 274
 Митра 121
 Митридат Евпатор 157, 207, 239, 240
 Михайлов Н. Н. 263, 270
 Михлин Б. Ю. 127, 132, 136, 139, 183, 189
 Мяшина Т. Н. 259
 Мищенко Ф. Г. 153
 Могильников В. А. 184

- Мозолевский Б. Н. (Мозолевский Б. М.) 38, 54, 55, 58, 97, 104—114, 114, 120
 Морган де Ж. 265
 Моруженко А. А. 68, 71, 74
 Москаленко А. Н. 79
 Мошкова М. Г. 150, 151, 160, 162—169, 170, 171, 174, 180, 183, 187, 194, 204, 206, 207, 208, 211, 212
 Мужухоев М. Б. 259
 Мунчаев Р. М. 259, 270, 283, 285
 Мураин В. Ю. 13, 54, 55, 62, 65, 114, 217
 Мюллерхоф К. 37, 156—158
 Мюллер-Карпе Г. 256
- Навротский Н. И. 220
 Нагоев А. Х. 270, 272
 Надь Г. 88
 Назаров Н. С. 158
 Найденко А. В. 256, 257
 Науменко С. А. 243
 Нейхарт А. А. 40, 41
 Нефедов Ф. Д. 158
 Нехаев А. А. 220, 222, 230
 Нечаева Л. Г. 164, 285
 Нидерле Л. 45
 Никитин А. Л. 20, 21
 Никитина Г. Ф. 73
 Николаева Н. А. 225, 250
 Никулицэ И. Т. 18, 20, 38, 84—86
 Нимфодор Сиракузский 210
 Новгородова Э. А. 214
 Носкова Л. М. 225
- Обыденов М. Ф. 208
 Овидий 184
 Октамасад 123
 Ольховский В. С. 38, 50, 52, 54—57, 63, 65
 Онайко Н. А. 49, 50, 71, 72, 94, 107, 112—119, 227, 233
 Орлов Р. С. 62
 Ород I 208
 Островерхов А. С. 106, 118, 119
 Отрешко В. М. 45
 Отрошенко В. В. 10, 108
 Охонько Н. А. 217
 Охотников С. Б. 56
- Палак 108, 125, 130, 134, 137
 Паллас П. С. 81
 Пан 182
 Пантюхов Н. Н. 282
 Папай (Зевс) 99, 120, 123
 Пардуц М. 88—91, 265
 Партауга (Прототий) 33
 Пегас 222
 Пеняк С. И. 18
- Переводчикова Е. В. 100, 121
 Перисад 35
 Першиц А. Х. 205, 206
 Петренко В. А. 268, 270, 272, 273, 282, 289
 Петренко В. Г. 37—39, 49, 68, 69, 71, 96, 98, 101, 106, 107, 110, 112, 116, 121, 188, 217, 220, 262, 272, 283, 284
 Петриченко О. М. 111
 Петровська Е. О. 38, 69
 Пигулевская Н. В. 291
 Пикуль М. И. 282, 284—286, 288, 289
 Пиндар 123
 Пиотровский Б. Б. 33, 34, 237, 252, 269, 272
 Плавтий Сильван 125, 155
 Плетнева С. А. 113, 114, 148, 203
 Плиний 46, 81, 83, 156, 157, 216, 287
 Плутарх 125
 Погребова М. Н. 33, 34, 122, 140, 258, 262, 284
 Погребова Н. Н. 37, 125, 127, 130, 134, 135, 137, 140, 141, 143, 144, 145, 181, 187
 Подборский В. 265
 Подгаецкий Г. В. 268
 Покровская Е. Ф. (Покровская Е. Ф.) 23, 24, 25, 38—44, 68, 122, 160, 163, 178
 Покровский М. В. 224, 233, 246
 Полибий 119, 125, 155, 239
 Полиен 35, 124, 125, 154, 155, 156
 Полин С. В. (Полін С. В.) 58, 163
 Помпей Трог 35
 Помпоний Мела 45, 46, 156
 Попеску Д. 87
 Попов С. А. 152, 211
 Попова Е. А. 137
 Попова Т. Б. 10, 104, 105, 112, 134
 Посидей 138
 Посидоний 155
 Потрац И. 39
 Придик Е. М. 54
 Прокопий Кесарийский 83, 280
 Протоген 155
 Прохорова Т. А. 151
 Прушевская Е. 94
 Прякин А. Д. 79
 Псамметих I 33
 Псевдо-Гиппократ 40, 98, 113, 121, 122, 154
 Псевдо-Скилак 35, 40, 154, 171, 210
 Псевдо-Скимн 156
 Птоломей 46, 125, 156, 157
 Пузыкова А. И. 38, 75, 79
- Пшеворский С. 252
 Пшеничнюк А. Х. 160, 161, 171, 201
 Пырван В. 87, 88
- Рабинович Б. З. 49, 95
 Равдоникас В. И. 37
 Радзиевська В. Е. 74
 Раев Б. А. 182
 Раевский Д. С. 39, 100, 104, 105, 112, 120—122, 124, 125, 127, 131, 132, 137, 210, 213
 Рау П. Д. 148, 158, 159, 160, 164
 Рафалович И. А. 160
 Рейнеке П. 87, 88
 Резепкин А. Д. 220, 221, 228, 250
 Решников Н. И. 81
 Рзаев Н. И. 288
 Рикман Э. А. 160, 163, 194, 207
 Розенфельдт Р. Л. 20, 21
 Ролле Р. 39
 Романовская М. А. 19, 20, 281
 Ромашко В. А. 11, 12, 23, 24
 Ростовцев М. И. 16, 36, 37, 39, 44, 46, 49, 80, 87, 90, 100, 112, 119, 121, 127, 130, 134, 137, 140, 153, 154, 155, 156, 158—162, 169, 175, 213, 216
 Рошка М. 87
 Руденко С. И. 96, 98, 184, 203
 Рудинский М. Я. (Рудинский М. Я.) 38, 44
 Рунич А. П. 258, 263, 270, 272, 273, 277
 Русов А. А. 282, 283
 Русяева А. С. 45
 Рыбаков Б. А. 29, 34, 40, 41, 43, 45—48, 153, 259
 Рыков П. С. 158, 159, 163, 185
 Рындина Н. В. 206
 Рябова В. А. (Рябова В. О.) 71, 111, 112, 225, 245, 246
 Рязанов М. Ш. 201
- Савельева Т. Н. 167, 169, 207
 Савромат I, II 125, 134, 214
 Савченко Е. И. 151, 243
 Садыкова М. Х. 160, 171, 175
 Сайтафарн 155
 Салихов М. Б. 284, 290
 Сальвий Отон 156
 Сальников А. Г. 85, 137, 160, 161
 Самоквасов Д. Я. 36, 77
 Саргон II 25
 Сатир 35
 Сафронов В. А. 225, 250
 Свешников И. К. (Свешников И. К.) 17, 18
 Савостьянов М. П. 268
 Семенов-Зусер С. А. 37, 81
 Сенека 157

- Сенигова Т. Н. 188
 Сенковский О. И. 158
 Сергеев Г. П. 38, 84
 Силен 182
 Симоненко А. В. 189
 Силицын И. В. 148, 150, 158, 160, 161, 163, 172, 187, 189, 202, 210, 211
 Скадовский Г. Л. 140
 Скил 35, 123
 Скилур 108, 125, 127, 129, 130, 137
 Скорый С. А. (Скорый С. А.) 88, 93
 Скржинская М. В. 45
 Скрипкин А. С. 160, 164, 182, 191, 193, 196, 201
 Скрипкин В. П. 224, 243, 247, 280, 281
 Скуднова В. М. 110
 Сланов А. Х. 254, 262
 Смирнов А. П. 10, 37, 153, 161
 Смирнов Г. Д. 20, 21, 38
 Смирнов К. Ф. 35, 46, 47, 62, 103, 109, 148—156, 160—164, 166—169, 171, 172, 174, 175, 181, 183, 186, 191, 196, 203, 205, 207—213, 216, 224, 225, 230, 233, 236, 244, 250, 270, 274, 282, 283, 285—290
 Смирнов Ю. А. 212
 Смирнова Г. И. 17, 18, 20—26, 38, 71—73, 86, 90
 Смишко М. Ю. 178
 Сморда (Смордий) сын Париадра 183
 Солнцев Л. А. 115
 Соломоник Э. И. (Соломоник Е. И.) 37, 80, 125, 129, 134, 137, 138, 214, 246
 Сорокина Н. П. 187, 195
 Спадин 157
 Спицын А. А. 36, 44, 49, 71, 111, 148, 149, 158
 Степанов П. Д. 158, 186
 Страбон 10, 16, 34, 35, 83, 119, 124, 125, 155—157, 174, 175, 183, 185, 186, 203, 204, 206—208, 211, 216, 233, 283, 287, 288
 Стржелецкий С. Ф. 83
 Субботин Л. В. 13, 56
 Сулимирский Т. 18, 73, 74, 87, 90, 91
 Сунчук Е. Ф. 35, 56
 Симонович Э. А. 53, 127, 131, 136, 137, 140, 141, 143, 145
 Сысоев В. М. 224
- Табити (Гестия) 120, 210
 Тагимасад (Посейдон) 121
 Тальгрэн А. М. 37
 Тарабанов В. А. 225
 Таргитай 105, 106
- Тасий 125
 Татаринов С. И. 28
 Татищев В. Н. 158
 Тахтай А. К. 29
 Тацит 155—157, 185, 185
 Твердохлебов А. М. 282
 Телегия Д. Я. (Телегин Д. Я.) 23, 27
 Теофраст 154
 Тереножкин А. И. (Тереножкин А. И.) 10, 11, 13, 16, 22—27, 31, 37, 38, 40, 43—49, 54, 55, 69—71, 108—110, 121, 122, 124, 149, 151, 152, 216, 225, 236, 238, 265, 267
 Терехова Н. Н. 266
 Техов Б. В. 252, 254, 255, 261, 262
 Тизенгаузен В. Г. 224
 Тимофеев В. Л. 268
 Титенко Г. Т. см. Ковпаненко Г. Т.
 Токарев С. А. 212
 Токсарис 154
 Толстов С. П. 161, 163
 Толстой И. И. 121
 Тот Т. А. 161
 Трейстер М. Ю. 187
 Троицкая Т. Н. 62, 64, 127, 135
 Трубачев О. Н. 16, 225
- Уваров А. С. 81, 127, 252, 265, 282
 Уварова П. С. 252, 257, 260, 265, 268
 Узянов А. А. 151, 152, 212
 Ушаков И. И. 61
- Фабрициус И. В. (Фабрициус I. В.) 44, 74, 140
 Факеев М. М. 56
 Фарзой 125, 137
 Фарнак 157
 Фахрутдинов Р. Г. 110
 Федоров Г. Б. 160
 Федоров-Давыдов Г. А. 160, 196
 Федорова-Давыдова Э. А. 150, 152
 Фелицын Д. Е. 224
 Ференци И. 87
 Феттих Н. 87, 88, 90
 Филимонов Г. Д. 81, 252, 268
 Филипп II Македонский 35, 124
 Филипченко В. А. 152
 Филицын Д. Е. 233
 Фирштейн Б. В. 161
 Фокеев М. М. 35, 207
 Фол А. 34
 Фомян Л. Д. 115
 Формион 35
- Фраат III 208
 Фролова Н. А. 125, 137
 Фронтин 35, 124
 Фурманська А. I. 189
- Хавлюк П. I. 72
 Хаванов А. М. 34, 37, 39, 44, 100, 101, 122—124, 134, 161, 162, 182—187, 188, 196, 202, 203, 205, 206, 208, 209, 212, 213
 Хайдаков С. М. 283
 Халиков А. Х. 16
 Халилов Дж. 34, 122
 Хампель Я. 88
 Харко Л. П. 158
 Харматта Я. 39, 162, 214
 Хвойко В. В. 68
 Химера 107
 Ходара 137
 Хорват Т. 265
 Храбан Г. Ю. 23
 Храпунов И. Н. 127
- Цалкин В. И. 114, 138
- Чайлд Г. 87
 Чалый В. В. 160
 Чеботаренко Г. Ф. 53
 Чередниченко Н. Н. 10, 54
 Черепанова Е. Н. 63
 Черненко Е. В. 34, 49, 54, 92—95, 97, 134, 135, 183, 223
 Черников С. С. 100
 Черных Е. Н. 266
 Черняков И. Т. 10, 15
 Чеченов И. М. 252, 268, 270
 Членова Н. Л. 11, 14, 16, 100, 110, 151, 212, 225, 228, 229
 Чорэф М. Я. 134
- Шабалин А. Д. 18
 Шаповалов Т. А. 183
 Шапошникова О. Г. 58
 Шарафутдинова И. Н. 10
 Шарафутдинова Э. С. 151
 Шелов Д. Б. 20, 35, 46, 59, 123, 124, 153, 160, 162, 194, 201, 213, 214, 224, 241, 279
 Шилик К. К. 41, 45
 Шилов В. П. 38, 46, 61, 148, 156, 157, 160—163, 170, 172, 177, 179, 180, 182, 183, 187, 212, 224, 227, 228, 235, 239, 244, 245
 Шишкин П. Н. 268
 Шипло Б. П. 184
 Шилова И. А. 40, 41
 Шкорпил В. 207
 Шкурко А. И. 39, 79, 100, 101, 212, 213
 Шовкопляс I. Г. 25
 Шрамко Б. А. 28, 29, 38, 39,

УКАЗАТЕЛИ

44, 47—49, 74—77, 93, 115—
117, 122, 124, 223
Штанько Н. И. 268
Штительман Ф. М. 45
Шульц Д. Г. 220, 222
Шульц П. Н. 29, 31, 32, 83,
104, 105, 109, 127, 128, 129,
130, 133—137, 140

Щегленко А. В. 68, 74
Щеглов А. Н. 127, 130, 138,
162
Щепинский А. А. 13, 29, 31,
32, 63, 83, 127
Щербакова Т. А. 53
Щербаковский В. 47
Щербатов М. А. 158
Щукин М. Б. 141, 145

Эберт М. 39, 83, 140, 159
Эйхвальд Г. 158

Энгельс Ф. 5
Эрдниев У. Э. 150, 160
Эрист Н. Л. 127, 133
Эрот 139, 144
Эсхил 216
Эфор 156
Юстин 35

Яковенко Э. В. 38, 61—64, 92,
101, 102, 116, 122
Якубцинер М. М. 248
Янушевич З. В. 116
Ярковая Е. А. 224
Яровой Е. В. 14, 15
Ястребов В. Н. 104
Яценко И. В. 10, 34, 121, 127,
129, 138, 216
Ящуржинский Х. П. 127

Yapst G. 282
Buzdugan C. 84
Bydlowsky A. 72

Gallus S. 22
Ghirshman R. 109
Ginters W. 183

Hadaczek K. 17
Häusler A. 284
Horváth T. 22

László A. 22, 23

Patek E. 22

Rau P. 49, 185, 188

Vernadsky G. 162

Zakharov A. A. 282
Zgusta L. 158

Указатель географических и этнических наименований

- Абадзехская 228
 Абиянск 233, 237
 Абинская группа 226, 227, 230, 232, 233, 239, 243, 246
 Абинский могильник 224, 225, 228—232
 агафирсы 44, 45, 87, 88
 Аджигол (Солончаки) 50, 52
 Аджимушкой 50
 адыгейцы 225
 Азербайджан 34, 286, 287, 290
 азербайджанцы 287
 Азиатская Сарматия 155, 156, 164, 191
 Азиатский Босфор 194, 207
 Азия 33, 37, 48, 154
 Азовский р-н 60
 Азовское городище 239, 241
 Азовское море 35, 41, 44, 156, 157, 208, 216, 225, 232, 233
 Ак-Булак 168
 Ак-Бурун, курган 50, 64, 109
 Аккермень 177, 178, 189
 Аксай, р. 169, 252, 259, 260, 263, 265, 283
 Аксеновский могильник 169, 170, 172
 Аксютинцы 77, 78, 109
 Акташский могильник (Семеновка) 52
 Актюбинск 204
 Актюбинская обл. 165
 Акярский могильник 286
 Аландские курганы 210, 211
 Алания 214
 аланы 157, 158, 163, 164, 209, 210, 214, 270, 280, 290
 Аланья 157
 Александровка 11, 12, 50, 52, 58, 211
 Александровская 105
 Александровский р-н 274, 281
 Александровское 217
 Александропольский курган 36, 52, 54, 58, 98, 99, 121, 124
 Алексеевский 101, 217
 ализоны (алазоны) 41, 45
 Алитуб 151, 208
 Аллерой 259, 264, 289
 Алмало 287
 Алтай 98, 100
 Алута (Олт) р. 40, 46
 Алхаджикент 284
 Алхан-кала, могильник 280
 Алхан-Калипское городище 268
 Алхан-юрт, могильник 280
 Алхасте 259, 279
 Алчедар 12, 21, 22
 Альма, р. 12, 128
 Альма-Кача, см. Долинное
 Альма-Кермен 125, 127, 128, 130, 133, 138
 Альма-Тамак, см. Песчаное
 Амадока 125
 амазонки 153, 175
 Аму-Дарьинский «клад» 186
 Анапа (Горгиппия) 226, 227, 238
 Анди 286
 Андреевский курган 186, 207
 андрофаги 44, 46, 47
 Андрусовское поселение 24
 Анновка 50, 118
 Антиповка 185, 186
 аорсы 155, 157, 162—164, 174, 175, 177, 206, 287, 289, 290
 Арагва, р. 254
 Арар 40
 Аргяньское 128
 Аргунское ущелье 286
 Ардава 210
 Ардановское городище 17
 Арджеш, р. 40
 Аржан, курган 152
 Аркадьева (Такиль) 50, 64
 Аркас 282, 284, 285
 Армавир 221, 228
 Армения 112, 183
 Армянское нагорье 287
 аррехи 227
 Артавд 90
 Архангельская Слобода 52
 Архангельское городище 79
 Архаринский могильник 151
 Арцыз 50
 Арчо 288
 Аршынцево (Камыш-Бурун) 50
 Асахо 286
 Асиак 45, 46
 асиаки 46
 аспургиняне 227
 Асса, р. 254, 259, 264
 Ассирия 33
 ассирийцы 95
 Астанино 50, 52, 63
 Астраханская обл. (Астраханщина) 169, 174
 Астхиблур 267
 Аткарск 159
 Атлантика 91
 Афганистан 188
 ахаи 227, 233
 Ахардей 156
 Ахеменидская Персия 169
 Ахиллов Бег 41
 Ахтиал 208
 Ахтуба, р. 168, 182, 208
 Ачикулах 283
 Аханкалинское городище 268
 Ахкинчу-барзыйский могильник 259
 Ахловский могильник 259
 Ашага-стал 285
 ашкуза 33
 Ашлама-Дере 12, 29, 31
 Аюд 87
 Бабадаг 22
 Бабенково 52
 Бабь, курган 50, 54—56, 102, 103
 Бавтугай 285
 Багаевский курган 182
 Бажиган 169, 283
 Базалеевка 12
 Байтархи 283
 Баксан, р. 254, 256, 257, 258, 263
 Баксинский курган, могильники 62—64, 258
 Балабаны 52
 Балабин 152
 Балабинский могильник 262
 Балаклава 82
 Балаклавское 12, 29, 31
 Балаклея 186
 Балан-су, могильник 289
 Балкано-Дунайский р-н 83, 91, 95, 110
 Балкано-Карпатский регион 11
 Балканы (Балканский полуостров) 35, 86, 103, 111, 124
 балкарцы 267
 Балки (Гайманова Могилá, Гайманово поле) 11, 12, 38, 52, 54, 56—59, 94, 98, 112, 113, 119
 Балта 45, 270

- Балта-Чокрак 12, 21
 Балтазаровка 52
 Балым, могильник 257
 Бамут 259, 265, 267
 Банисхеви 267
 Барановка 196
 Баратовка 52
 Барышникова хут. 167
 Басовское городище 29, 77
 бастарны 155, 156
 «Батарей», городище 244
 Бахчи-Эли см. Симферополь
 Бахчисарай 134
 Башкирия 151, 160, 169, 171—173, 175, 191, 194, 196, 201, 208
 Башликент 286
 Башмачка 50, 52
 Беахне-кун (Чми) могильник 254
 Беглицкая коса 62
 Бежта, могильник 282
 Безлюдовка 12
 Бейсуг 223
 Бекешевский клад 256
 Бекешчаба-Фениеш 89
 Белая, р. 201, 203, 204, 206, 227, 228
 Белгородское 12
 Бельское 52
 Беликова хут. 227
 Беликовское поселение 233, 235
 Белоглинка 50
 Белозерский лиман 50
 Белозерское городище, могильник 52, 140, 141
 Белореченский I 263
 Бельбекский могильник 127, 132, 133, 139
 Бельское городище 29, 47, 48, 74, 75, 115—117, 122, 124
 Бельты, могильник 283
 Бельчанские могильники 243, 256, 257
 Беяус, поселение и могильник 127, 128, 130, 132—135, 137, 189
 Бердянск 54
 Бердянский курган (Ново-Васильевка) 38, 52
 Бережновские курганы 180, 185, 187, 189, 211
 Березань 50
 Березина, р. 47
 Березки 12, 14
 Березовка (Тавкель-Найман) 50, 63, 64
 Березовский могильник 256, 257, 263
 Берестовая 76
 Берестяги (Берестяговский могильник) 12, 69, 95
 Берикой 285
 Берислав 140
 Бесскорбная 105, 222
 Бети-Мохк, могильник 282, 283
 Бештау 256, 258
 Бизюков монастырь (см. Красный Маяк)
 Бильче-Золотое 73
 Бис-Оба, курган 168, 191
 Бицица 188
 Батюг, р. 47, 79
 Бишунгарово 173, 175
 Благодарная 228
 Блаж 87
 Благодарное 12
 Ближний Восток 14, 100, 167, 206
 Блюменфельдский курган 158, 160, 168
 Бобовича имение бывш. 50, 63
 Бобрица (Бобрицкий могильник) 12, 69, 93, 112
 Бовщив 17
 Богаевский курган 187
 Богдановка см. Хировка
 Болгария 16
 Болтышка 117
 Большая Белозерка (Большая Цимбалка, Сахнова Могила) 52, 54
 Большая Венгерская низменность 88, 90, 91
 Большая Гомольша 76
 Большая Горodka 85
 Большая Ляхва, р. 254
 Большое Каневское городище 68
 Большое Сахарянское городище 84—86
 Большое Сторожевое городище 79
 Большой Зеленчук, р. 252
 Большой Кавказский хребет 233, 252, 254, 255, 261, 265, 267
 Большой Молокиш 12
 Большой Петропавловский могильник 251
 Бондариха 27
 Боргустанский клад 256
 Борана 76
 Борисовка 52
 Борисполь 124
 Борисфен, р. 40, 41, 44, 125, 155
 борисфениты 41
 Боромля 74
 Боршод, комитат (ВНР) 90
 Босния 90
 Боспор (Боспорское царство) 52, 62, 94, 107, 112, 118, 119, 120, 125, 127, 137, 139, 144, 156, 157, 183, 187, 188, 194, 208, 209, 213, 214, 224, 236, 239, 240, 241, 248, 249, 268, 279, 294
 Боспор Киммерийский 213
 боспорцы (боспоряне) 35, 138, 157, 213
 БОФ группа 52, 98
 Боярская писаница 195
 Бранное поле 52
 Братское 280
 Братышов 73
 Бретань 81
 Бруслово 128
 Брюховецкий 250
 Буг, р. 35, 38, 41, 44, 111, 145, 155, 182
 Буго-Днестровское междуречье 45
 Буда 17
 Буденновск 256, 262
 будины 44, 46, 48, 75
 Будки 77
 Будяское городище 68
 Бузовка 12, 212
 Бузулук 159
 Буковина 18
 Букрин 112
 Булаховка 186
 Булахово 12
 Булунгу, 261
 Буманак 127, 128
 Бутенки 11, 25
 Буторы 52, 56, 105
 Бутучены 84, 85
 Бухарский оазис 205
 Бык, гора 257
 Быково 171
 Быковский могильник 178
 Былымский клад 256
 Бырсешты 88
 Быстрицкое 53
 Бэца 87, 88
 вавилоняне 33
 вайнахи 267
 Варташен 267
 Васильевка 105, 190
 Васюринский курган 98
 Васюринско-Воронежские I, II городища 244
 Веке-раугская группа 91
 Великая Александровка 14
 Великая Знаменка 50
 Великий Бурлук 28
 Великий Токмак 52
 Великодолинское 12
 Вережкина 244
 Вертячий 171
 Верхнебаксанское поселение 256, 266
 Верхнее Лабко-Махи 284
 Верхне-Подпольный 151
 Верхне-Покровское 50
 Верхнерутхинский (Голнатский) могильник 254, 255, 257, 261
 Верхнетарасовка 50, 52, 54
 верхние аорсы 156, 157, 208

- Верхний Кобан 252
 Верхний Кульчук см. Чистополье
 Верхний Рогачик 56, 107
 Верхний Чегем 261
 Верхняя Маевка 50
 Верхняя Рутха 261
 Веселая Долина 12, 15
 Веселая Роща, могильник 274, 281
 Веселое 12, 28
 Венгерская (Потисская) группа 88
 Венгрия 17, 19, 22, 87, 89, 99, 110, 163
 Византий 35
 Винница 25
 Виноградное, могильник 280
 Висла, р. 91
 Висунок 12
 Виташково (Феттерсфельде) 91
 витиги 287
 Витова Могила, курган 75
 Вишневая Могила, курган 108
 Владимировка 50, 52, 54, 57
 Владиславовка 50
 Водяное 53, 76
 Воздвиженская 244, 249, 252, 264
 Волга, р. 10, 47, 148, 152, 153, 154, 157, 158, 159, 160, 164, 167, 169, 170, 171, 173, 174, 179, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 191, 192, 194, 195, 196, 201, 203, 204, 205, 206, 208, 211, 280, 281
 Волго-Донское междуречье 7, 11, 148, 149, 177, 191, 201, 203, 217, 292, 294
 Волго-Камье 16
 Волковцы 66, 77, 96, 97
 Володарка 186
 Волошино 47, 79
 Волошское 50, 52, 54
 Вольная Украина 52, 59
 Вольногрушевка 12, 52
 Вольнянск 52
 Воровсколеская 105
 Воронеж 47, 79, 112
 Воронежская 221, 235
 Воронежские могильники 47, 48, 244, 245, 246
 Ворскла, р. 16, 23—25, 28, 38, 41, 45, 47—49, 74, 76, 116, 118
 Ворсклинская группа 74, 75
 Ворсклица, р. 74
 Восток 113, 137, 167, 169, 189
 Восточная Азия 195
 Восточная Европа 5, 7, 16, 20, 23—25, 27, 28, 32, 36, 44, 48, 49, 66, 74, 95, 109, 113, 117, 148, 172, 175, 187, 195, 213, 252, 267, 292, 295
 Восточная Сибирь 184
 Восточный Маныч, р. 149, 188
 Выводово 52
 Высокая Могила, курган 11, 13, 16
 Высоцкая группа 91
 Высочино 62, 182, 196, 207
 Выхватинцы 84, 85
 Гава 73
 Гавриловское городище 125, 140, 145
 Гайманова Могила см. Балки
 Гайманово поле см. Балки
 Галайты 282, 283, 289
 галаты 155
 Галац 40
 Галица 12
 Галлия 182
 Гамри-озень, р. 284
 Гатын-кале, могильник 283
 Гафурийское городище 175
 Геленджик 227, 233
 Гелон 44, 47, 48, 75
 гелоно-будины 47
 гелоны 44, 46, 48, 75, 80
 Георгиевск 263
 Гераклея 118
 Герасимовка 77, 79
 Гергебиль 282, 286
 Герейханова совхоз 285, 290
 Гермесова Главная Близница, курган 52
 Германия 156
 германцы 140, 156
 Геродотова Скифия 40, 46
 Геррос 40, 41, 44, 46, 77
 геты 35, 44, 46, 86, 145
 Гибралтар 158
 Гидатли 286
 Гижгидский могильник 257, 263
 Гизельдонское поселение 261
 Гилея 41, 46
 Гинчи, могильник 283, 288
 Гипакирис, р. 40, 41, 46
 Гипанис, р. 40, 41
 Глеваха, курган 26, 69
 Глинжены 12
 Глиннице 106
 Глинное 52
 Гнилой Еланец, р. 41, 45
 Гнилой Тикич, р. 41
 Гоби-алайский аймак 214
 Гойты, могильник 264
 Голиградский могильник 18
 Голиграды 12, 17, 18, 73
 Голубинка (Фоти-Сала) 134, 138
 Голубинка, гора 262
 Гомольша 76
 Гоно 288
 Гора Кошка 12
 Горгиппия см. Анапа
 Горностаевка 140
 Городище 76
 Городница 12, 73
 Горячеисточненское городище 268
 готы 125, 145, 157, 191
 гревтуни 158
 греки 40, 45, 62, 104, 109, 120, 133, 137, 155, 169, 230, 293
 Греко-Бактрийское царство 175
 Греция 108, 110, 112, 117, 118, 239
 Григориопольский р-н 56
 Григоровка 12, 24, 68
 Грищенецкий могильник 69
 Грозный 272, 277, 280
 Громоклея 45
 Грузия 286, 287
 Грушевка 50, 97, 256, 257, 274
 Грушка 12
 Гудермес 217, 282
 Гуляй-город 12, 25, 69
 Гумбет-тау, гора 285
 гунны 125, 157, 158, 184, 195, 291, 295
 Гурбанешты 111
 Гусарка 50
 Гуселки 149
 Гыртоп-Маре 84, 85
 Гюновка 52
 Дагестан 264, 268, 270, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291
 Дагестанские Огни 283
 дагестанцы 287
 даки 156
 Дальняя Чижовка 79
 дандари 227, 230, 233, 236, 239
 Данчены 84
 Дарьяльский проход 216
 дахи 161, 293
 Даховская 228
 дахо-массагеты 169
 Двугорбая Могила, курган, см. Приморское
 Деболия-де-Жос 87
 Деев курган 36, 52, 107
 Дема 203
 Дербент 283, 285, 290
 Дербентский проход 216, 283
 Деркул 208
 Десна, р. 29, 47, 48
 Джалман 128
 Джапалах 12
 Дигория 267, 270
 Дмитрово 132
 Диошдьер 89
 Дмухайловка 52
 Днепр, р. 7, 11, 13, 16, 18, 32, 35, 36, 38, 41, 44—47, 50, 53, 54, 59, 61, 65, 67, 68, 102—104, 112, 114, 115, 118, 125, 140, 141, 145, 154—157, 160—163, 178, 182, 184, 186—188, 209, 211—213, 295

- Днепро-Днестровское между-
речье 32
Днепро-Донское междуречье
163
Днепропетровск 29
Днепропетровская обл. (Дне-
пропетровщина) 11, 54, 57, 58,
120
Днепрорудный 12, 50, 52, 65
Днепряны 50
Днестр, р. 16, 20, 23—25, 27,
34, 35, 38, 41, 44, 47, 73, 83,
84, 86, 180, 191, 192, 216
Днестровка 12
Днестровка-Лука 24, 25
Днестровский лиман 45, 50,
53, 56, 83, 84, 86, 115
Днестрово-Дунайское меж-
дуречье 38, 46, 54, 56, 124, 195
Днестрово-Прутское меж-
дуречье 11, 32, 35, 50, 83, 84, 86
Доброе 127, 128
Добруджа 22, 35, 86, 104, 124
Долгоруковская яйла 29
Долина 189
Долинное 50, 52
Долинское 52, 76
Долиняны 73
Дов, р. 7, 10, 11, 16, 27, 35,
38, 40, 41, 44, 46—50, 54,
59—62, 66, 79, 80, 92, 93,
104, 103, 109, 112, 118—120,
124, 148—157, 159—161, 163,
165, 167—174, 178, 180—183,
187, 188, 191, 192, 194, 196,
201, 204, 206—208, 210, 212,
213, 216, 224, 226, 237, 239,
241, 245, 248—250, 279—281
Донец, р. 105, 153
Донецкая обл. 183, 189
Донская группа 241
досхи 227
Дошхакле 259
Драва, р. 91
Древний Восток 33, 292
Дружба, могильник городища
244, 245, 246, 263
Дружное 132
Дубинка, р. 239, 245
Дубовый 50, 53
Дудчаны 140
Дунай, р. 5, 7, 10, 22, 34, 35,
40, 44, 46, 50, 54, 86, 88, 100,
105, 124, 149, 156, 157, 177,
191, 192, 202, 265
Дуровка 79, 80, 113
Душети 254
Дьём 90
Египет 33, 136, 169
Егорулык, р. 156, 256
Елизаветинские курганы, го-
родище, могильник 98, 162,
221, 224, 233, 235—237, 239,
240, 247, 294
Елизаветовский могильник 38,
50, 52, 61, 66, 117, 119
Елизаветовское городище 38,
46, 59, 60, 61, 66, 115, 117,
119, 120
Емчиха 106
Енджа 16
Ени-Сала 12, 30
Ереван 33
Еруслан, р. 178, 186, 188, 208
Ессенуки 256, 258, 266
Ея, р. 226
Жаботин 94, 96, 102, 122
Жаботинское поселение 24,
117, 122
Жданов 50
Железноводский могильник
272, 277
Железные Ворота 22
Желобок 211
Желтокаменка 52, 97
Жемталинский клад 254, 255
Жирноклеевский 152
Жуковское 274
Журовка (Униатово, Криво-
руково) 69, 70, 95, 97, 102,
103, 110
Жутовские курганы 182, 186,
187, 207
Забайкалье 184, 212
Завадская Могила, курган 50,
54, 55, 58, 97, 111
Заветное (Заветинский мо-
гильник) 12, 132, 134, 143
Заволжье 110, 148—154, 158,
160, 164, 165, 167, 171, 173,
174, 177, 181, 182, 188, 190,
191, 193, 196, 201, 203, 204
Задонье 177
Закавказье 33, 34, 120, 122,
151, 157, 219, 254, 255, 271,
275, 276, 280, 282
Закарпатская обл. 17
Закарпатье 17, 18
Закубанье 228, 235
Залевкинское городище 23
Залесье 73, 128
Залецки 12, 17
Залиски 12
Замни-юрт 283
Зандак 259, 260
Западная Грузия 265
Западная Европа 7, 14, 20
Западная Сибирь 100, 164, 184,
195
Западная Украина 16
Западное Причерноморье 135
Западноподольская группа 71,
73, 74, 88, 106
Заплавное 212
Запорожская обл. 50, 54, 57
Запорожский курган 186
Зарубинцы 27
Заслонкинское поселение 256
Зауралье 161, 162, 169, 201,
206, 209, 293, 294
Захарейкова Могила 109
Защита 102
Зажоково 256, 257, 263
Збруч, р. 23, 47
Зеленского хут. 233, 236, 237
Зеленской могильник 236
Зеленый Яр 12, 63
Зеравшан, р. 163
Зеравшанская долина 205
Зибир-кала 286
Зивие 33, 100
Зилга 255
Зиморье 13
зихи 224, 225, 233
Змеиное 128
Змейское поселение 30, 151,
254—256, 266, 267
Знаменка 50, 140
Знаменское городище 140, 141,
144, 145
Золотая Балка 12, 140, 144, 187
Золотое 50, 52, 62
Золотое кладбище 277
Золотой курган 50, 64, 65, 95
Зольское поселение 256, 263
Зольдхаломпушта 90
Зольное 12—15
Зубовка 12
Зубовский хут. 188, 228
Зубовский курган 244
Зубовско-Воздвиженская груп-
па курганов 244
Зуберха, гора 286
Зуйское 128
Зуя, р. 132
Ивановка 12
Иванэ-Пустэ 73, 117
Иерусалим 157
Ияхом 27
Изюмовка 50
иирки 47, 120
Илек, р. 165—169, 171, 173,
175, 203, 204
иллирийцы 7, 90, 91
Илурад 195
Ильевский могильник 150
Ильинское городище 268
Ильинцы 72, 95
Ильичево 50, 52, 63, 64, 103
Ильская 227
Ингул, р. 45, 71
Ингулец, р. 14, 23, 41, 45, 71,
145

- Индия 188, 202
 индоевропейцы 225
 индоиранцы 225
 Индустрия 257
 Индышский клад 256
 Инжич-чукунский могильник 256
 Инкерман 12
 Инкерманский могильник 127, 132, 133, 136
 Инкерманское поселение и могильник 31, 32, 132
 Инсула-Банулуй 22
 Инхо 286
 Иония 117
 ионийцы 216
 Ирак 207
 Иран 100, 112, 113, 165, 188, 202, 209, 288
 Иранский Курдистан 33
 иранцы 16, 88, 225
 Ирпень 68
 Исеть, р. 170
 исседоны 161, 169, 293
 Испанова Могила, курган 50
 Исправненский могильник 256, 257, 263, 266
 Исти-су, могильник 169, 259, 264, 282, 285
 Истр, р. 35, 40, 80
 Италия 182
 ишкруза 33
 Ишгуганово 208
- Кабан-гора 273
 Кабардино-Балкария 217, 218, 254, 266, 267, 270, 272, 273, 274, 277, 278, 280
 Кабардино-Пятигорье 258, 272
 Кавказ 7, 34, 40, 49, 80, 81, 99, 100, 110, 156, 157, 175, 195, 206, 216, 217, 221, 224, 227, 251, 252, 254, 259, 260, 261, 266, 267, 270, 274, 276, 277, 279, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 290, 294, 295
 Кавказская Албания 276, 282, 287, 288, 289, 290
 Кавказское городище 230, 232, 239, 240, 245, 247
 кавказцы 216
 Кагул, р. 53
 Кадилашан, гора 286
 Казанское 4 городище 244, 246, 247
 казахи 184, 203
 Казахстан 39, 47, 100, 116, 149, 159, 162—165, 169, 195, 203—206, 208, 209
 Кавбегский клад 262
 Казенная Могила, курган см. Шмальки
 Кайлов 25
 Калантаевское городище и могильник 23, 24, 178
- Каланчак, р. 41
 Калаус, р. 256
 Калитва, р. 293
 Калинина совхоз им. 50
 Калиновка 12, 14, 15, 52
 Калиновский могильник 178, 179, 182, 187, 189
 Калитвенский р-н 171
 каллипиды 41, 44
 Калмыкия 158, 167, 274
 Калос-Лимен см. Черноморское
 Кама, р. 201, 205
 Каменка 50, 53
 Каменноостское укрепление, могильник 30, 252, 256, 257, 258, 263
 Каменско-Никопольская переправа 114
 Каменское городище 38, 50, 52, 53, 114, 115, 119, 120, 124, 125, 135, 140, 162
 Камыш Бурун см. Аршынцево
 Камыш-Самарские озера 204
 Камышеваха 12, 16
 Кангаз 12
 Канев 12, 118
 Каневщина 25
 Капитановка 70
 Каппадокия 153
 Капуловка 52, 53
 Караван 76, 122
 Карабашево, могильник 263
 Карабудахкентский могильник 285, 288, 290
 Карагас 287
 Карагодеуашх, курган 98, 109, 112, 121, 222
 Карагольский залив 53
 Кара-Меркит, см. Каштановка
 Карата 285, 286
 Кара-Тобе 130
 карачаевцы 267
 Карачай 267
 Карачаево-Черкесия 267, 268, 270, 272, 277, 280
 Каркинитский залив 41
 Карлы-Кая 12, 30
 Карпатская котловина 17
 Карпаты 16, 18, 88, 90
 Карповка 152
 Каррасский могильник 263
 Карцинские могильники 254, 270, 271
 Каспаровка 12
 каспи 288
 Каспийское море 156, 175, 216, 283, 287
 Каховка 38
 Каховское море 50
 Качановка 73
 Каштановка (Кара-Меркит) 50, 64
 Кащеевка 171
- Каякент 283
 квады 156
 Квитки 11, 12, 25
 Кды 76
 Кекуватского курган 52
 Келеберда 66
 Келермес (Келермесский курган) 101, 102, 109, 111—113, 117, 121, 216, 219—223, 293
 кельты 35
 керкеты 224, 227, 233
 Керкинитида 80, 127, 128
 Кермен-Кыр см. Красное
 Керменчик 127, 128
 Керченский п-в 62—65, 114, 116
 Керченский пролив 35
 Керчь 36, 62, 63, 92, 101, 186
 Кескем (Советское) клад 259, 261
 Кидеро 286
 Киев 23, 25, 91, 124
 Кизил-Коба 12, 29, 31, 127, 128
 Киляковка 182
 киммерийцы 7, 10, 11, 16, 24, 25, 32, 33, 39, 83, 122, 152, 216, 217, 266, 292, 294
 Кинделе 167
 киргизы 184
 Кирово (Крымская обл.) 50, 52
 Кирово (Никопольский р-н) 52
 Кировоград 36, 54, 105
 Кирпили, р. 224, 227, 233, 239, 240, 241, 243
 Кирсановский курган 186
 Киселев 191
 Кисловодские могильники, поселение 256, 257, 259, 263, 266, 267, 270, 272, 277
 Китаевка, могильник 274
 Китай 100, 195
 Кичкас 50, 52, 54
 Кичкасский могильник 47, 55
 Кичмалка, могильник 257
 Кишинев 18, 84
 Кицевка 12
 Клименковка 186
 Клин-Ярский, могильник 272, 277
 Книд 138
 Кнышевское городище 77
 Кобань, могильники 252, 254—256, 261, 262, 270, 271, 284
 Кобяково городище 193, 207, 224
 Кобяковский могильник 241, 246
 Ковалевка 12, 50, 52
 Ковалевский 220, 223
 Ковацкое городище см. Николаевское городище
 Козел, курган 52, 56

- Койсуг 62
 Коллектив II, городище 243
 Коломак 74
 Коломыйщина 25
 Колоски 50, 52, 64
 Кол-чай, р. 288
 Комаров 12
 Комсомольские курганы 195
 конапены 227
 Конка, р. 41, 50
 Константиновка 12, 50
 Константиновск-на-Дону 50, 62, 66
 Консуловское городище 140
 Конусное городище 239, 245
 кораксы 227
 Кореновск 250
 Корея 195
 Коротич 76
 Корпач 211, 212
 Корсак 41
 Кос 138, 144, 145
 Косоуцы 86
 Костромская (Костромской курган) 36, 94, 216, 219—221
 Костычи 12
 котины 156
 Кош-Коба 12
 Красная Деревня 150, 152
 Красная Поляна 151
 Красноармейское поселение, могильник 233, 235, 236, 239
 Краснобатареинное городище 227, 249
 Красногорский могильник см. Нейзац
 Краснодар 220, 224, 227
 Краснодарская группа 225, 226, 230, 232, 233, 236, 239, 240
 Краснодарский могильник, городище 153, 236, 239, 243, 245, 246, 247, 248
 Красное 52
 Красное (Кермен-Кыр) 127, 128, 130, 131, 134
 Красное Знамя 94, 98, 116, 121, 217, 219, 262
 Красное Подолье 52
 Краснознаменная оросительная система 57
 Краснозоринское городище 128
 Краснокутский курган 36, 52, 98, 103, 104, 124
 Красномаяцкое городище 145
 Красноперекопский курган 107
 Красный Маныч 105
 Красный Маяк (Бизюков монастырь) 140, 141
 Красный Подол 58
 Кремневка 50
 Кремны 153
 Крестовая гора, поселение 266
 Крещатики 12
 Кривая Лука 169, 211
 Криворожье 50
 Криворожский курган 54
 Криворуково см. Журовка
 Криничное 191
 Кристешты 87
 Круглое городище 245
 Круглый курган 224
 Крым 7, 10, 13, 16, 29, 30—35, 38, 44, 46, 50, 62—66, 80—83, 101, 102, 105, 112, 113, 115—118, 125, 127, 128, 130—135, 138, 139, 142, 143, 145, 151, 163, 187—189, 195, 210, 213, 276, 277, 279, 293, 295
 Крыма имение бывш. 131
 Крымск 233
 Крымская группа 107
 Кубань р. 36, 101—103, 156, 160, 181, 182, 214, 221, 222, 224, 226—228, 233, 236, 239, 240, 241, 243, 244, 247—250, 256, 263, 267, 268, 279
 Кубанский хут. 14, 101
 Кубанский могильник 224, 228, 230
 Кубачи 286
 Кузина гора 75
 Кулаковского курган 102
 Кулары могильник 264
 Куль-Оба 36, 52, 62—65, 97, 103, 109, 112, 113, 119
 Кульчукское городище и некрополь 127, 132
 Кума, р. 157, 169, 175, 252, 262
 Кумбулта 255, 257
 Курджиц, курган 109, 221
 Курен-беновский могильник 264
 Куриловский могильник 69
 Курпе-Бай 188
 Курчалоевское поселение 259
 Куряж 12
 Кут 52, 54, 57
 Кушанская империя 175
 Куштановицкая группа 88, 91
 Кызбурун 277
 Кызылкалинский 263
 Кяфарский клад 256
 Лаба, р. 224, 230, 243, 245, 249, 279
 Ладожская 220, 232
 Ладожская группа 226, 239, 240, 243, 245, 246
 Ладожское городище и могильник 239, 240
 Ладычин 73
 Лапас 152
 Лапасина группа см. Любимовка
 Лебедевка 171, 191, 204
 Лебедевский могильник 180, 194—196, 208, 212
 Лебеди III могильник 225, 233, 235—237, 248, 251
 Лебяжья 149, 151
 Левобережье Днепра 24, 27, 29, 116—118
 Левобережье Дона 151
 Левгур 270
 Ленина хут., городище 225, 232, 235—237, 244
 Ленино 50, 52, 63, 116
 Ленковцы 12, 73, 109
 Лепетиха 140
 Лесной Кордон 235
 Лехкч-Корт, могильник 289
 Лечхум 267
 Лидия 33
 Лик, р. 41
 Лиманское озеро 28
 Лиманцы см. Тимофеевка
 Лисичники 12, 17
 Лисьей Могилы группа 52
 Лихачевка 74, 75
 Лубенцовское городище 23, 24, 27
 Лубенцы 12
 Лубны 77
 Луганское 15
 Луговое 12, 13
 Луговой могильник 259, 264
 Лука Врублевская 12, 25
 Лукашовка 18
 Лупарево 50, 52
 Луристан 100
 Львово 12, 15, 52, 140, 141
 Львовская обл. 18
 Лысая Гора 99, 120
 Лэргуцы 86
 Любавка 28
 Любимовка 12, 50, 52, 109, 121
 Любимовка (группа Лапасина) 167
 Любимовское городище 140, 144, 145
 Любовка 12
 Люботин 76, 77
 Люботинское городище 29, 76, 111, 115—117
 Магала 12, 17, 18, 21
 Магдалиновка 28
 Магнитогорск 159
 Майкоп 220
 Майртупский могильник 259
 Макаровка 186
 Македония 35, 111
 Макеевские городище, могильник 68
 Макинский могильник 285, 286
 Мал-Муз 82
 Малая Азия 32, 33, 99, 139, 145, 183
 Малая Городка 85
 Малая Даниловка 12
 Малая Копаня 17

- Малая Лепетиха 52
 Малая Маньковка 12
 Малая Офирня 69
 Малая Скифия 125, 140
 Малая Цимбалка 12, 31, 50, 54
 Малка, р. 252, 256, 257, 260
 Малое Сахарнянское городище 84, 85
 Малые Гирлы 53
 Мамисонский перевал 216
 Манна 33
 Маньч, р. 250
 Мареш, р. 45
 Мариновка 150
 Марица 75
 Марицыно — см. Петуховка
 Маркель 150
 Мартоноша 117
 Мартыновка 50
 Марфовка 62
 Марычевка 151
 Марьевка 62
 Марьевская 221
 Марьевский курган 98
 Марьино 134, 138
 Марьинская 220, 263
 Марьино-Лозовое (Симферопольское водохранилище) 50
 Марьянская 120, 235
 Марьянский курган 236
 Масловский могильник 69
 массагеты 158, 164, 211, 293
 Мастюгино 79, 80, 107, 113, 121
 Мастюгинский могильник 79
 Матеуцы 12, 84, 86
 Матраселе 90
 Матрониновское городище 68, 122
 Матусов 69
 Махачкала 284
 Мачухинский могильник 74, 75
 Маяки 12
 Медведица 47
 Медвин 25
 Медерово 50
 Медиах 17
 Меэбньек 89
 Мезия 156, 185
 Мезочат, могильник 22
 меланхлены 44, 46, 47
 Мелитопольский курган 52, 54, 56, 57, 59, 97, 103
 Мельгуновский (Литой) курган 50, 54, 55, 95, 101, 293
 Меотиада 35, 41, 44, 47, 62, 153—157, 225, 280
 Меото-Колхидская дорога 216
 меото-сарматы 225
 меоты 44, 46, 62, 95, 101, 113, 153, 156, 173, 209, 216, 224, 225, 230, 233, 237, 239, 241, 243, 244, 247, 248, 251, 273, 294
 меоты-танаиты 241
 Мервинцы 12, 22
 Мерджаны 109, 121, 233, 237
 Мерефа 76
 Мерла 74
 Мертвовод, р. 45
 Мескеты 283
 Месопотамия 33, 100
 Мефодиевка 12
 Мечет-Сайский могильник 171—173, 175
 Мжа 76
 Мигулены 12
 Мидия 33
 мидяне (мидийцы) 33, 91, 95, 210
 Мизарп, поселение 245
 Мизяков 72
 Мингрельский могильник 225, 227
 Минераловодский могильник 262, 263
 Миновка 50
 Минусинская котловина 212
 Мирка 71
 Мирмекий 66
 Мирное (бывш. имение Пастака) 50, 52, 63, 65, 131
 Митанни 100
 Михайловка 52, 53
 Михалково 12, 17
 Михалковский клад 18
 Могукоровское II городище 244
 Мордок, поселение, могильники 30, 151, 254, 261, 269, 272, 274, 277, 285
 Могилев-Подольский 25
 Мугерган 285
 Мокша 27
 Молдавская ССР (Молдавия) 14, 15, 18—20, 22, 23, 25, 26, 38, 83, 84, 86, 88, 91, 160, 163, 181, 192, 195, 211, 212
 Молочная, р. 41, 160, 180
 Монай 90
 Монастырище 12
 Монголия 5, 195
 Монгольский Алтай 214
 Мордвиновский курган 38, 52, 55, 56, 107, 109
 Морская кошара, урочище 52
 Московское городище 12, 23, 27
 Мотовиловка 25
 Мохошевская 228
 Мошны 96
 Муреш, р. 88
 Муслиери 287
 Мутерган 285
 Мухинское поселение 232
 Мушт, р. 25
 Нагорное 52
 Надежда 50
 Надлиманское 50, 52, 53
 Надпорожье 44, 46
 Нальчик 218, 261
 Намам 134
 Напарис, р. 40
 Напит 125
 Нарра-гюбе, хребет 284
 Нартан, могильник 218, 261
 Нартово 75
 Настельный 75
 Наурские городища 268
 Начерай 224, 235, 236, 237
 Неаполь скифский 30, 108, 109, 125, 127—139, 187
 невраы 41, 44, 46, 47
 Нейзац 12, 132
 Некрасовское I городище 243
 Немировское городище 26, 71, 72, 111, 117, 124
 Непоротово 12, 24
 Нестеровский могильник, поселение 259, 264
 Ниделиск 18
 Нижне-Гниловское городище 224, 241
 Нижне-Джулатское городище и могильник 268, 270, 272—275, 277—280
 Нижне-Покровское 53
 Нижневолжская обл. 208
 Нижнее Кривые 17
 Нижнее Побужье 12
 Нижнее Поволжье 164
 Нижнее Чугли 290
 Нижнекурморская 151
 Нижние Серогозы 50, 55
 Нижний Днепр 105
 Нижний Рогачик 53
 Нижний Чегем 261
 Никифорово 154
 Николаев 15, 45
 Николаевка 14, 52, 53
 Николаевская обл. 11, 58
 Николаевский могильник 224, 225, 228, 230, 254, 261
 Николаевское городище и могильник 56, 57
 Николаевское (Козацкое) городище и могильник 140—145, 151
 Никольский могильник 186
 Никополь (Никопольщина) 50, 54, 56, 111, 154
 Никопольское курганное поле 52
 Нимфей 30, 50, 63, 64, 66, 95, 109, 118
 Ниневия 33
 Ницаха 12, 28
 Новая Белогорка 151
 Новая Жучка 12
 Новая Одесса 12, 45
 Новоалександровка 62
 Новоалексеевка 50
 Нововасильевка 50

- Ново-Вочепшийское городище 225
 Новогеоргиевск 23
 Новогригорьевка 50
 Новогрозненский могильник 264
 Новозаведенное 217, 219, 262
 Новокиевка 50
 Новокленово 128
 Новокумакский могильник 165, 167, 171, 173
 Ново-Лабинское поселение 243, 245
 Новолапский склеп 288, 289
 Новолуганское 183
 Новомосковский р-н 58
 Новониколаевка см. Шульговка
 Ново-Николаевский I могильник 250
 Ново-Отрадное 187
 Ново-Пеховский могильник 232
 Новоподкряж 52
 Новорозановка 50, 58
 Новороссийск 227
 Новосвободная 221
 Новоселицы 72
 Новоселицкий могильник 274
 Новоселка-Гримайловская 73
 Ново-Титаровский могильник 250
 Новотроицкое 50, 56
 Ново-Филишповка 50, 177, 178, 180
 Новочеркасск 182
 Новочеркасский клад 10, 16, 25, 148, 158, 180, 217
 Новый Кумак 168, 171, 204
 Ножай-Юрт, могильник 289
 Носаки, урочище 52
 Носачево 11, 12, 25
 Ноцар-гора 255
 Ныргынды 208
- Оар, р. 41
 Обиточное (Ногайск) 41, 50, 54, 55, 62
 Обмачев 76
 Общий Сырт 203
 Огоньки (группа «Три брата») 52, 62—65, 92, 98
 Огородное 12, 50
 Огуз, курган 36, 38, 52, 54, 56, 57, 61, 97, 103, 104
 Ожори 255
 Октябрьский, могильник 280
 Олешковские пески 41
 Олешниковский клад 18
 Олт см. Алута, р.
 ольвинополиты 41
 Ольвия 34, 35, 40, 44, 50, 52, 95, 102, 106, 110, 117—120, 125, 137, 138, 145, 155, 162, 167, 169, 195, 216
 Ольгинская 227
- Ольховчик 105
 Ольшанка 50, 52
 Опишлянка 75, 93
 Ордесс, р. 40
 Орджоникидзе 54, 58, 94, 111
 Ордос 195
 Орел, курган 52
 Орель, р. 23, 24, 27, 28, 32, 161, 177
 Оренбург 152
 Оренбургская обл. (Оренбургье) 47, 158, 165, 167, 171—173, 175, 204, 210
 Орск 120, 159, 165—167, 169, 171, 173, 203
 Орское плато 204
 Оселивка 73
 осетины 267
 Осетия 284
 Оситняжский могильник 69, 109
 Оскол, р. 28, 47
 Осняги 74, 75
 Острая, или Томаковская, могила и группа Острой могилы 50, 52, 54, 106, 118
 Острица 12, 17, 18, 20
 Островерховка 76
 Островец 178, 191
 Островное 52
 осы 156
 Отрадное 12, 52
- Пазырыкский курган 96
 Палакий 125
 Паласа-сырт, возвышенность 290
 Палестина 33
 Пантикап, р. 40, 41, 46
 Пантикапей 95, 117, 187, 195, 207, 213
 Парата, р. 40
 Париевка 72
 Парканы 12, 52
 Парутино см. Ольвия
 Парфия 183
 Пастака, имение бывш. см. Мирное
 Пастбищный Хребет 259
 Пастырское городище 68, 117, 122
 Патиниотти, курган 52, 62, 63, 65, 109
 Пашковское городище и могильник 225, 230—233, 236, 237, 239, 240, 245, 246
 Пелагиада 262
 Пелопоннес 110
 Первоконстантиновка 50, 65
 Первомаевка 12
 Первомайск 41, 45
 Перебыковцы 73, 86
 Переверзево 75
 Передний Восток 95, 167, 175, 216, 218, 266, 295
- Передняя Азия 33, 34, 48, 54, 83, 99, 100, 113, 120—122, 187, 205, 216, 217, 219, 267, 284, 287, 292, 293
 Перекопский перешеек 62
 Перещепино 50
 Переяславский уезд 27
 Периорки 72
 Перкальское поселение 256, 263
 Персеполь 109
 Персия 34
 персы 83, 210
 Пески 52
 Песчаное 118
 Песчаное (Альма-Тамак) 128
 Петрово-Свистуново 12
 Петровская балка 131
 Петродолинское 12
 Петропавловское городище 268
 Петуховка (Марицыно) 50, 52
 Печенеги 76
 Пивденное 12, 84, 85, 86
 Пиренеи 80
 Пироговский могильник 69
 Плавни 52
 Плискачевское городище 68
 Плоское 52
 Побужская группа 71
 Побужье 13, 14, 38, 45, 49, 50, 54, 71—74, 95, 114, 117, 118
 Поволжско-Донской регион 161
 Поволжье 7, 13, 47, 148, 149, 152, 157—164, 167—174, 178—183, 186, 188, 190, 192—195, 201, 203, 205—210, 212, 213, 230, 275, 276, 280, 281, 294, 295
 Поворсклье 32, 74, 75, 78
 Подазовское городище 241, 244, 245, 248
 Подгорная 220
 Подгородное 50
 Подкумок, р. 257
 Подкумский могильник 263, 270, 272, 277—279
 Поднепровье (Приднестровье) 17, 20, 22, 30, 31, 39, 54, 56, 84, 114, 117, 178, 180, 181, 182
 Подолия 22, 23, 38, 73, 74, 86
 Подонье 27, 48, 61, 79, 80, 158, 160, 161, 173, 181, 193, 195, 202, 207, 214, 230, 267, 294, 295
 Подунавье 13, 22, 56, 105, 124, 156, 181, 212, 265
 Пожарная Балка 74
 Показовое 50, 55
 Покровские курганы 52, 160
 Полесье 48, 91
 Полятотдельское 172, 174
 Полтавская губ. 27, 36
 Полтавская обл. 25

- Полудневка 12
 Полудневское городище 25
 Польша 91
 Помидорное городище 245
 Понт 80, 83, 118, 120, 155, 293
 Поповка 78
 Поросская группа 71
 Посеймье 32, 38, 49, 68, 75, 76, 106
 Посулье 49, 77—79, 94, 96, 97, 99, 106, 116
 Посульско-Донецкая группа 68
 Потисская группа 89, 91
 Потисье 17, 18, 87, 90, 91
 Правобережное поселение 264
 Правобережье Днестра 28, 48, 49, 116—118, 219
 Предкавказье 34, 40, 66, 101, 105, 110, 113, 115, 149, 156, 157, 163, 175, 187, 203, 206, 209, 217—218, 223, 266, 268, 270, 272, 275, 281
 Преображенское, могильник 272, 274
 Приазовье 46, 50, 53, 54, 60—62, 113, 154, 160, 162, 177, 181, 188, 189, 224
 Приаралье 161, 162, 163, 167—169, 171, 206, 209
 Приветное 50, 52
 Привольное 168
 Приднепровка 50
 Приднепровье (Поднепровье) 24, 25—27, 30, 31, 36, 37, 38, 41, 46, 47, 50, 54, 56, 65, 66, 91, 93, 99, 103, 104, 105, 111, 112, 117, 118, 119, 125, 127, 139, 140, 141, 143, 145, 161, 169, 177, 181, 284, 293
 Прикамье 201, 208
 Прикарпатье 17, 18
 Прикаспий 154, 157, 165, 175, 203, 204, 283, 284, 287
 Прикаспийская низменность 283, 287
 Прикубанье 14, 37, 38, 95, 98, 99, 105, 121, 163, 169, 173, 174, 182, 187, 190, 203, 207, 209, 216, 219, 220, 222—224, 228, 230, 233, 237, 241, 247, 249, 250, 267, 268, 272, 273, 276, 277, 279, 284, 294
 Прикумское поселение 256
 Приморско-Ахтарское 233, 239
 Приморское (Двугорбая Могила) 52
 Приморье 290
 Припорожье 53
 Припять, р. 47
 Приуралье 7, 13, 100, 110, 120, 148, 149, 151, 152, 154, 158—163, 165, 167—175, 177—182, 184, 191—196, 201—213, 281, 293, 294
 Причерноморье 37, 38, 48, 49, 63, 65, 105, 148, 149, 151, 192—194, 202, 207—216, 223
 Провальское поселение 263
 Пролейки 172
 Пролетарский 50
 протоаорсы 161
 Протока, р. 227
 протомеоты 230
 протосавроматы 152
 Прохоровка 169
 Прохоровские курганы 160, 173, 174
 Прочноокопская 224, 226
 Прочноокопский могильник 236, 239, 244
 Прут, р. 23, 34, 35, 40, 41, 44—46
 Прутско-Днестровское между-речье 194, 207
 Прутско-Сиретское между-речье 23, 84
 Пседахский могильник 259, 264, 279
 Псекупский могильник 225, 228, 232, 235
 Псел, р. 38, 47, 68, 77, 188
 псессы 226, 227
 Пуркары 14, 15
 Пыржолтены 84
 Пятигорск 256, 267
 Пятимары, курганы 166—169, 180, 208, 211
 «Пять братьев» группа 38, 61, 109
 Раздольная 220
 Райское 50
 Раковкат 73
 Рамазан-Сала 134
 Раскопана Могила, курган 50, 54, 56, 111
 Рахмановка 50
 Рачинский хребет 254
 Резинский р-н 18, 20, 21
 Репяховатая Могила, курган 70
 Ретло 282, 286
 Рим 125—155, 157, 207, 213, 240, 295
 римляне 139, 155, 157
 Ров 72
 Роговская 239, 250
 «Родничок», курган 149
 Родной Край 12, 28
 Родос 138, 144, 145
 родосцы 127, 138
 Рожновский (Херсонский) курган 50
 роксоланы (ревксиналы) 125, 155—157, 161—164, 175, 177, 185, 206, 207
 Ромашкино 64
 Ромейковка 95
 Ромны 77, 78
 Россия 36, 220
 Ростов-на-Дону 12, 38, 50, 62, 196
 Ростовская обл. 60, 171, 280, 281
 Рось, р. 25, 26, 47, 68, 71
 Рубас 290
 Ругуджа 285
 Рудковецкое городище 24
 Рудковцы 12
 Рудь 86
 Румыния 17, 19, 23, 44, 45, 84, 87—99, 111, 163
 Румынская Молдова 88, 91
 Русская Тростянка 79, 80
 Рыбницкий р-н 20
 Рыбное 50
 Рыжановка 70, 107
 Саблуковское городище 140
 Сава, р. 91
 савдараты 155
 савромато-сарматы 62, 205, 208, 209
 савроматы 5, 7, 35, 44, 46, 47, 62, 80, 148, 152—154, 156—159, 161, 162, 164, 168, 169, 171, 174, 206, 208, 209, 210, 211, 216, 266, 293, 294,
 Садовый курган 180, 182, 186, 207
 Сазоновка 62
 сак 155
 саки 37, 38, 100, 109, 165, 209
 Саккыз 100
 Сакмара, р. 203
 Сал, р. 152
 Салгир, р. 127, 128, 131
 Самара, р. 23, 27, 161, 177, 203, 204
 Самаро-Уральский регион 165, 169
 Самаро-Уральское междуручье 179
 Самбросопка 52
 Самоторская гора 17
 Самтаврс 267
 Саранск 186, 207
 Саратов 149, 158, 208
 Сарматия 154, 155
 сармато-аланы 202, 270
 сарматы 5, 7, 35, 46, 62, 98, 104, 125, 128, 133, 139, 153, 155—159, 161—164, 169, 171—175, 177, 178, 180—182, 184—188, 190, 191, 194—196, 201, 204, 207—210, 213, 214, 216, 224, 241, 249, 251, 271, 273, 275, 281, 283, 289, 290, 293, 294, 295
 сарматы-сираки 244
 Сарон 125
 Сары-кум, гора 287
 Сахарна 12, 21

- Сахарна-Солончены 19—22, 23, 25, 26
 Сахарная Головка 12
 Сахарнянский могильник 22
 Сахнова Могила см. Большая Белоазерка
 Севериновское городище 72
 Северная Осетия 252, 254, 266, 267, 270, 272, 274, 280, 285
 Северное Причерноморье 5, 7, 10, 11, 13, 14, 16, 22, 25, 26, 29—33, 35—40, 44, 46, 49, 50, 53, 56, 57, 64, 66, 70, 72, 78, 83, 84, 86, 88, 91, 92, 95—98, 100—104, 106—108, 110, 112, 113, 117—120, 122, 124, 129—131, 133, 135, 148, 149, 151, 154, 155, 157, 158, 160, 162—164, 168, 169, 172, 175, 177, 179—183, 186—188, 190—196, 202, 203, 206—209, 212—214, 216—218, 223, 247, 267, 272, 280, 290, 292—295
 Северо-Восточный Кавказ 264, 267
 Северо-Донецкая группа 75, 76, 79, 106
 Северо-Западный Кавказ 267, 279
 Северская 227
 Северский Донец, р. 27, 32, 38, 41, 46, 47, 49, 68, 75—77, 111, 112, 118, 119, 153, 154, 181, 182
 Сейм, р. 27, 29, 47, 48, 75, 79
 Сейминская группа 75
 Селиште 12, 18, 19, 20
 Селище 73
 Семеновка 12, 50, 52, 54, 105
 Семеновка (Акташский могильник) 50, 52
 Семибратние курганы и городища 113, 224, 294
 Сена 91
 Сентеш-Векерзуг 89
 Сербская Земля 52
 Серватинцы 73
 «Серко» группа 56
 Сержень-юрт, поселение, могильник 259, 260, 264, 265, 266, 267, 284
 Сибюара 105
 Сибирь 7, 16, 39, 97, 102, 169, 184, 188
 сигинны 91
 Сидоры 196
 Симферополь 63, 95, 131
 Симферополь (Бахчи-Эли) 50
 Симферопольское поселение 12, 29, 30, 31
 Синдика (Синдское государство) 156, 209, 222
 синдо-меоты 289
 синды 35, 225, 227, 230, 295
 Синопа 118, 138, 144
 Синюха, р. 41, 45
 Синявка 12
 сираки 155, 157, 175, 206, 209, 249, 251, 270, 289
 Сиргис, р. 41
 Сирет, р. 40, 41
 Сирия 33, 136
 сирматы 35, 154, 171
 Скадовский р-н 54
 Скалистое 127, 132, 133
 Скель 82
 Скифия 34—40, 44—48, 50, 54, 56, 57, 61, 62, 66, 70, 80, 88, 91, 95, 104, 105, 107, 110—116, 118—120, 122—124, 145, 153—155, 162, 163, 167, 169, 175, 208, 216, 292—294
 скифотавры 83
 скифы 5, 7, 10, 11, 16, 24, 32—37, 39, 40, 44, 46—50, 58, 62—65, 71, 73, 83, 84, 88, 90—92, 94, 95, 100, 101, 105, 108, 111—115, 119—125, 127—130, 134—139, 142, 145, 149, 153, 155, 158, 159, 162, 163, 168, 207, 209, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 223, 262, 266, 283, 284, 292—295
 Скоробор, урочище 75
 славяне 214
 Сладковские курганы 154, 171, 175
 Слободзая 84
 Словакия 17, 87, 89
 Слоновская Главная Близица, 52, 99
 Случь, р. 47
 Слюсареве 62
 Смела 23
 Смелянский р-н 25
 Снегиревский р-н 11
 Соб 72
 Советское городище 244
 Согд 214
 Согратль 282, 286
 Сож, р. 47
 Соколова Могила, курган 180, 182, 188—190, 211, 212
 Соколово 12, 211
 Соколовский курган 182
 Солеповская 152
 Солёный 150
 Соловьевка 128, 132
 Солопец 54
 Солончаки см. Аджигол
 Солончены 12
 Солоха (и группа Солохи) 36, 52, 56, 58, 59, 94, 95, 97, 103, 112, 118, 119
 Сопот 18
 Сорока 72
 Сорокский р-н 86
 Сосна 47
 Сосновогорский могильник 256
 Софиевка 12, 13
 Спарта 124
 Спасское 12, 211
 Средиземноморье 14, 83, 145, 189, 206, 287
 Среднедонская группа 79, 80
 Среднее Приднепровье 73, 101
 Средняя Азия 7, 40, 97, 100, 102, 112, 154, 163, 165, 167, 175, 186—188, 195, 202, 205, 206, 212
 Средняя Европа 7, 14, 32, 265
 Ставрополь 217, 218, 256, 262
 Ставрополье 38, 98, 99, 105, 116, 172, 216, 217, 219, 223, 256, 273, 274, 277
 Ставропольская возвышенность 252, 256, 262, 274, 275
 Ставропольский курган 217
 Ставропольское плато 217
 Стайкины Верх 78
 Станицыно 105
 Старая Полтавка 186
 Старобельский «клад» 186
 Старокорсунское городище и могильник 220, 230, 232, 235, 245
 Старосельецкий могильник 69
 Старшая Могила 99
 Старые Атаги, могильник 264
 Старые Кишки 171, 173, 175
 Старые Куконешты 84
 Старый Кумак 166, 168, 169
 Степное городище 244
 Степной 12, 159, 217, 218
 Стойканы-Козия 22
 Стохвая 12
 Страшная Могила, группа
 Страшной Могилы 52, 55, 58, 111
 Стрелецкое 79
 Ступина хут. 105
 Стырфаз, могильник 254, 262
 Субботовское городище 23, 24, 26, 27, 31
 Суворово 11—15
 Судак 82
 Сукля 12, 52
 Сула, р. 27, 38, 47, 68, 75, 77, 118
 Сулак, р. 282
 Султан-гора 256, 258, 259, 263
 Сумбатль 290
 Сунджа, р. 259, 274, 280, 289
 Супой 118
 Сурамский хребет 254
 Сурмачевка 79
 Суручены 84
 Сусловский могильник 163, 182, 185
 Сууддук, р. 203
 Сухая Грунь, р. 74
 Сухо-Чалтырское городище 224
 Тавельские курганы 131
 Тавр 80

- Таврика 35, 44, 80
тавроскифы 83
тавры 7, 32, 44, 80, 81, 83
Таганрог 62
Таганровский «клад» 186
Тагаурское ущелье 252
Тагискен 168
Талаевский курган 65, 95
Талдык, могильник 263
Тамань 276, 277, 279
Таманский п-ов (Тамань) 94, 112, 117, 213, 224, 227
Тамар Уткуль 168
Тамгацкое поселение 263
Танаис 174, 187, 188, 193—195, 201, 207, 208, 213, 214, 239, 279, 280, 294
Танаис (Дон) 40, 41, 44, 46, 62, 153—157, 175, 216, 239, 241, 283
танаиты 158, 239
Танковое 50
Тапиосело 89
Тапиосентмаргон 90
Тара-Бутак, группа 169
Таргу, городище 270, 282, 284, 289
Таркинский могильник 282, 288, 289, 290
Тарлык 208
Тарнобжегская группа 91
Тарпанчи 127, 128, 130, 138
Тарханкут 128
Татарка 105
Тау-Кипчак 12
Тахтамукаевское городище 247
Тацинский р-н 171
Таш-Джарган 12, 30, 128
Тбилисское городище, могильник 224, 232, 243, 246, 247
Тейшебаини 33
Темерницкое городище 241
Темижбекский могильник 236, 239, 244
Темиргой 287
Темир-гора, курган 50, 62—64, 101, 117
Темир-Хан-Шура (Буйнакск) 282
Темясово 191, 201
Тенетинка, р. 12, 25
Тенетинковский могильник 69
Терезинский могильник 256—259, 261, 265
Терек, р. 169, 175, 254, 259, 264, 274, 276, 280, 289
Терновка 12, 52
Терноватый Редант, городище 244
Теюш 87
Тирант, р. 40
Тикич, р. 41
Тилигул, р. 45, 46
Тилигульский лиман 45
Тимофеевка (Лиманцы) 50
Тимченки 28
- Тимашевск 250
Тира 45, 84—86, 195
Тирас, р. 40, 45, 46
Тирасполь 12
Тираспольщина 52, 56
Тиритака 66
тириты 45
Тиса, р. 88, 156
Титчиха 79
Тихая Сосна, р. 47, 79
Тлийский могильник 254, 255, 261, 262
Тобол, р. 171
Толстая Могила, курган 38, 52, 54—59, 97, 99, 103, 107, 108, 111, 121
Толстый Мыс 228, 229, 232
Томаковская Близница, курган 52
Томузловка, р. 274
Торгун 208
тореты 224, 227, 233
Торик 233
Травянское 12, 28
Трансильванская группа 87, 88, 90
Трансильванское плато 17
Трахтемировское городище 26, 68, 117, 122
Требужены 12
треры 16, 33
«Три брата» группа см. Огоньки
«Три Мара», курган 169, 180
трибаллы 35
Трояны 182
Тува 39, 195, 212
Тульская 228
Турья 103
Тютки 12, 25
Тясмин, р. 23—25, 27, 68, 71, 118, 178
Тясминская группа 71
Тясминское городище 23, 24
- Узени 204
удины 287, 288
Узунларский вал 62
Уйгарак 167, 168
Уйташ 289
Украина 10, 13, 21—23, 26, 40, 44, 46, 54, 86, 88, 100, 101, 163, 173, 177, 179, 181, 182, 183, 189, 192, 230
Уллубаганалы 256, 257, 263, 267
Уллубий-аул 285
Ульский аул (Ульские курганы) 36, 102, 103, 216, 220—222
Уляпские курганы (Уляп) 113, 220, 222
Умань (Уманьщина) 12, 23
Униатово — см. Журовка
Урада 286
Урал 110, 158, 160, 177, 186, 188, 191, 203—205, 208, 209
- Уральск 151, 171, 208
Уральская обл. 171
Уральские горы 47
Урарту 33
урарты 95
урги 155
Урун 221, 252, 256, 257, 263
Урус-Мартановский могильник 259, 264, 285
Урцеки, городище 285
Усна 157
Усть-Альминское 127, 128, 132—134, 136, 138
Усть-Джегута 277
Усть-Каменка 177, 178, 188, 212
Усть-Лабинск 220, 221, 227, 228
Усть-Лабинская группа 225, 226, 230, 233, 235, 239, 240, 243, 247, 249
Усть-Лабинское поселение и могильник 224, 231, 232, 235—237, 239, 240
Уфа 169, 175
Уч-Баш 12, 29, 31
Учкөкөн, могильник 263, 277
Ушкалка 154
- Фанагория 134, 207
Фарс, р. 228
Фарс, могильник 228, 229
Фасос 118
фатей 226, 227
Феодосия 210
Фергана 188, 201
Фериджеле 20, 88
Фермодонт (Терме), р. 153
Фессалия 124
Фетерсфельде см. Виташково
Филатовка 50, 63, 117
Фирминий 87
фиссагеты 120
фиссаматы 155
Фоски 12
Фоти-Сала см. Голубинка
фракийцы 7, 16, 18, 26, 32, 35, 84, 90, 91
Фракия 34, 35, 71, 104, 111, 112, 120
Фронтное 50, 52, 62—64, 66
Фруктовое (бывш. имение Талаевой) 50, 52, 63, 113
фтейрофаги (вшееды) 227
- Хаб (Хабей) 125
Хабдинский могильник 285, 286
Хабазское поселение 263
Хамышки 228
Ханкальский могильник 270, 272, 274, 277
Ханска 85, 86
Харьковка 182
Харьковская обл. (Харьковщина) 47, 93
Херсон 45, 50, 54, 118

- Херсонес 83, 125, 128, 138, 139, 144, 155
Херсонес Скалистый 80
Херсонес Фракийский 34
Херсонская обл. (Херсонщина) 53, 54, 57, 58, 65, 66
Херсонский курган см. Рожновский курган
хетты 109
Хиос 118
Хировка (Богдановка) 52
Холмское 50
Хомина Могила, курган 58, 104
Хопер, р. 47
Хорезм 38, 194, 214
хорезмийцы 185
Хосрех 282, 286
Хотинская группа 87, 89, 91
Хотинский могильник 89
Хотовское городище 68
Хохлач, курган 182, 207
Хртноц 267
Худесский клад 256
Хулхулау, р. 260, 263, 265
Хумаринские могильник, городище 272, 277, 280
Хупро 286
Хурцы-Гааль 286
Хураудский клад 256
Хухра 12, 24, 28
- Царевка 12
«Царские могильницы» см. Пролейки
Цахнауцы 12
Цветна 182
Целинное 12, 15
Центральная Азия 14, 16, 34, 37, 49, 195
Центральная Европа 7, 32, 149, 151, 255, 256, 267
Центральный Кавказ 254, 256, 261, 265, 266, 271, 272, 280
Циркуны 76
Цна, р. 27
Цукур-лиман, курган 117
Цхинвальское (Нацаргора) поселение 254
- Чабанцова Могила, курган 50, 54
Чаляхо 286
Чавты-Аргун, р. 259
Чаган 204
Чайна, городище 127, 128, 129
Чаньтелек 89
Частые курганы 79
Чеган 203, 208
Чегем, р. 254
Чегемский могильник 270, 272, 273, 274, 277, 278
Челбасы 226
Челябинская обл. 165, 170, 206
Червоный Яр 50
Черкасский Башкин 12
Черкеса имене бывш. 131
- Черкес-Кермен 12
Черкес-Керменский могильник 82
Черна, р. 12
Черногоровка 12, 13, 15
Черное море 40, 71, 117, 122, 153, 232
Чернолесское городище 24, 69
Черноморское 128
Черноморское побережье 225, 232, 233
Чернореченский могильник 127, 132, 133, 139
Черный Лес 12, 23
Черный Ташлык 41, 45
Чертомлык, курган 36, 38, 52, 54—59, 95, 97, 103, 111, 112, 124
«Четыре брата», курган 193
Чечено-Ингушетия 217, 266, 267, 268, 270, 272, 273, 274, 277, 280, 282, 283, 289, 290
Чиколинское поселение 261
Чинишеуцы 12
Чир, р. 41
Чистополье (Верхний Кульчук) 64
Чкалово 52
Чмырева Могила, курган 52, 59, 103, 112, 119
Чобручи 52
Чограй, могильник 274
Чотты 131
Чукраклы 169
Чумруд 87
Чуюнча 12, 31
- Шали 286
Шам-Шахарское городище 285
Шаплы-Дере 98
Шаракупский могильник 285, 286
Шаро-Аргун, р. 259
Шарповское городище 68
Шахты 22 группа 50, 52
Шевченко группа 52, 54
Шевченково 50
Шейка-Мика 88
Шелаево 12
Шелестовское городище 17
Шелковая 76
Шидловцы 73
Шилово 28
Шиповка 12
Шиповские курганы 160, 192
Шированка 11, 12
Широкая Балка 141
Широкая и группы Широкое I—III 50, 52, 54
Шмальки (Казенная Могила) 52, 98
Шмаровка 12, 28, 76
Шолданешты 12, 17—20
Шолданештская группа 84
Шолохово 50, 52
Шолоховские курганы 154
- Шолоховский 171
Шпола 70
Штормовое 64
Шульговка (Новониколаевка) 52
Шульц, хут. 187
Шумейко, хут. 96, 118
Шушия 286
- Эгикал 259
Эксампей 41, 45
эллино-скифы 41, 45
эллины 44
Эльбрус 256
Эльтон 150, 152
Эмба, р. 159
энареи (анарев) 121
Энгельс 158
Эрделевка 105
Этокский могильник, поселение 263, 274
Этулия 53
Эчкивашский могильник 258
Эшкаков 256, 257, 259, 263
- Юго-Восточная Азия 206
Юго-Восточная Европа 106, 255, 267, 295
Юго-Восточная Чечня (Ичкерия) 270, 282, 283, 284, 286, 289
Югославия 19
Южная Европа 74
Южная Осетия 254, 267
Южная Сибирь 14, 195
Южно-Довуалавское городище 127, 128, 130, 133, 135, 138, 139
Южносухумский 287
Южноуральский регион 191
Южный Буг, р. 7, 25, 41, 45, 54, 71, 72, 180, 211
Южный Урал 116, 120
Ютландия 91
Юца, р. 277
- Ябловка 69
Яблоня 12
Ягодное 152
Ягорлыцкое поселение 106, 118
язаматы (иксибаты, яксаматы) 156
языги 155—157, 162, 175
Яковлевское 76
Якушинцы 72
Яломица 40
Яман-су могильник 282, 286, 289
Янцай 157
Янчокракский «клад» 186
Ярмоливцы 78
Ярык-су, р. 289
Ясеновая Поляна 228, 229
Яснополянское поселение 256, 266
Ястребовский могильник 228, 243, 246
Яшкуль 159

Оглавление

Введение

(Мелюкова А. И., Мошкова М. Г.)

Часть первая

Киммерийцы, скифы и их соседи в степи и лесостепи Восточной Европы

Глава первая

Предскифский (киммерийский) период в степи и лесостепи Восточной Европы

Предскифский период в степях Северного Причерноморья (Мелюкова А. И.)

Культуры предскифского периода в лесостепной зоне (Мелюкова А. И.)

Кизил-кобинская культура предгорного Крыма (Крис Х. И.)

Глава вторая

Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII—III вв. до н. э.

Краткие сведения об истории скифов (Мелюкова А. И.)

Краткий очерк истории изучения скифов (Мелюкова А. И.)

География и этногеография Скифии в трудах советских ученых (Мелюкова А. И.)

Локальные группы скифской и скифообразной культур Восточной Европы

Скифские памятники степи Северного Причерноморья (Мелюкова А. И.)

Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы (Петренко В. Г.)

Культура тавров (Крис Х. И.)

Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI—III вв. до н. э. (Мелюкова А. И.)

Скифообразные памятники в средней Европе (Мелюкова А. И.)

Скифская материальная культура

Оружие, конское снаряжение, повозки, наваршия (Мелюкова А. И.)

Скифское искусство звериного стиля (Мелюкова А. И.)

5	Скифская каменная скульптура (Петренко В. Г.)	104
	Украшения и булавки (Петренко В. Г.)	106
	Головные уборы (Мирошина Т. В.)	108
9	Зеркала (Кузнецова Т. М.)	109
	Деревянная и металлическая посуда (Мелюкова А. И.)	110
	Хозяйство, быт, торговля (Мелюкова А. И.)	113
10	Религиозные представления (Бессонова С. С.)	120
10	Общественный строй (Мелюкова А. И.)	122
16	Глава третья	
	Поздние скифы (III в. до н. э. — III в. н. э.)	125
29	(Дашевская О. Д.)	
33	Часть вторая	
	Предшественники савроматов, савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Заволжье, южном Приуралье и Северном Причерноморье	147
33		
36	Глава четвертая	
	Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье	148
40		
48	(Дворниченко В. В., Коренько В. А.)	
51	Глава пятая	
	Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье	153
67		
80	Краткий очерк истории савромато-сарматских племен (Мошкова М. Г.)	153
83		
	История изучения савромато-сарматских племен (Мошкова М. Г.)	158
87	Савроматская и раннесарматская культуры (Смирнов К. Ф.)	165
91		
92	Среднесарматская культура (Мошкова М. Г.)	177
	Позднесарматская культура (Мошкова М. Г.)	191
100	Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром (Мошкова М. Г.)	202

Часть третья		Глава девятая	
Скифы, меоты, сарматы и другие племена на Северном и центральном Кавказе	215	Центральный Кавказ в сарматскую эпоху	268
		(Абрамова М. П.)	
Глава шестая		Глава десятая	
Скифы на Северном Кавказе	216	Дагестан и юго-восточная Чечня в скифо-сарматское время	282
(Петренко В. Г.)		(Марковин В. И.)	
Глава седьмая		Заключение	292
Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э.	224	(Мелюкова А. И.)	
(Каменецкий И. С.)		Подписи к таблицам	296
Глава восьмая		Литература	423
Кобанская культура Кавказа	252	Список сокращений	443
(Козенкова В. И.)		Указатели	445

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

**Степи европейской части СССР
в скифо-сарматское время**

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
АН СССР

Редактор издательства Н. Г. Ларгина
Художник Б. И. Астафьев
Художественно-технический редактор Л. В. Каскова
Корректоры Е. Н. Белоусова, Н. А. Несмеева

ИБ № 32165

Сдано в набор 08.02.88. Подписано к печати 02.06.88.
Формат 60×90^{1/8}. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 59. Уч.-изд. л. 70.
Усл. кр.-отт. 64. Тираж 22 900 экз.
Тип. зак. 2371.
Цена 5 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
117864 ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90. 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6. Заказ 2668

А-87 Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.— М.: Наука, 1989.—с. 464.
ISBN 5-02-009947-3

В томе собраны археологические материалы, освещающие жизнь ранних кочевников и их ближайших соседей, населявших степи и лесостепи Восточной Европы в VIII в. до н. э.—III в. н. э. На основании археологических и античных письменных источников дана характеристика быта, хозяйственной деятельности, общественного строя различных групп племен.

0507000000—171
С 042(02)—89 Подписное

ББК 63.4(2)